Ф. М. Достоевский

I

Детская

К 150-летию литературного дебюта

и

к 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

Изданіе
въ авторской орфографіи и пунктуаціи
подъ редакціей профессора В. Н. Захарова

Томъ I

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КАНОНИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ

Том I

Петрозаводск
Издательство Петрозаводского университета
1995

ББК 8Р1 "18"
Д 706

Текстологическая группа:

О. И. Гурина, В. Н. Захаров, А. А. Кемппи,
И. И. Куроптева, О. Б. Решетникова

© Захаров В. Н. Составление. Установление канонического текста. Статьи. Комментарии, 1995
© Мальчукова Т. Г. Комментарии, 1995
© Бирон В. С. Комментарии, 1995
© Издательство Петрозаводского университета, 1995

$Д\frac{4702010100}{Д26(03)-95}124-95$

ISBN 5-230-09042-1

Подлинный Достоевский

Каждое произведение существует на том языке, на котором оно написано. Это справедливо не только, скажем, для Шекспира или Сервантеса, Гете или Шиллера, которые творили на английском, испанском или немецком языках, но и в рамках русской культуры — как для древнерусской литературы, так и для Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Лескова и многих других, кто не только писал на русском языке, отличном от современного, но и наделял утраченные в современной орфографии особенности русского языка поэтическими значениями.

Прав был выдающийся русский философ XX века И. Ильин, когда писал: «Правописание имеет свои *исторические, конкретные* и в то же время *философические и национальные* основы. Поэтому оно не подлежит произвольному слому, но лишь *осторожному, обоснованному преобразованию,* совершенствованию, а не разрушению»[1]. Но именно слому и разрушению подвергся русский язык в XX веке: произошла *катастрофа,* масштабы которой мы пока плохо сознаем.

До 1917 года русская орфография хранила православный дух русского языка. Да, собственно, русский литературный язык и был православным. Таков его исторический облик.

Крещение явило Руси письменность — церковнославянский язык. На его основе образовался древнерусский язык, со временем ставший русским литературным языком. О чем после «Предисловия о пользе книг церьковных в российском языке» М. Ломоносова писали многие выдающиеся лингвисты: И. Бодуэн де Куртенэ, С. Булич, Л. Булаховский, Н. Дурново, В. Истрин, Е. Карский, Б. Ляпунов, А. Соболевский, Л. Щерба, Б. Унбегаун и другие.

Замечательно сказал об этом осенью 1918 года поэт Вяч. Иванов в сборнике статей о русской революции «Из глубины»:

---

[1] *Ильин И. А.* Как же это случилось? (Заключительное слово о русском национальном правописании) // Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2. Кн. II. С. 150.

«Язык, по Гумбольдту, — дар, доставшийся народу, как жребий, как некое предназначение его грядущего духовного бытия.

Велик и прекрасен дар, уготованный Провидением народу нашему в его языке. Достойны удивления богатство этого языка, его гибкость, величавость, благозвучие, его звуковая и ритмическая пластика, его прямая, многовместительная, меткая, мощная краткость и художественная выразительность, его свобода в сочетании и расположении слов, его многострунность в ладе и строе речи, отражающей неуловимые оттенки душевности. Не менее, чем формы целостного организма, достойны удивления ткани, его образующие, – присущие самому словесному составу свойства и особенности, каковы: стройность и выпуклость морфологического сложения, прозрачность первозданных корней, обилие и тонкость суффиксов и приставок, древнее роскошество флексий, различие видов глагола, неведомая другим живым языкам энергия глагольного аориста.

Но всего этого мало! Язык, стяжавший столь благодатный удел при самом рождении, был вторично облагодатствован в своем младенчестве таинственным крещением в животворящих струях языка церковно-славянского. Они частично претворили его плоть и духотворно преобразили его душу, его «внутреннюю форму». И вот, он уже не просто дар Божий нам, но как бы дар Божий сугубо и вдвойне, – преисполненный и приумноженный. Церковно-славянская речь стала под перстами боговдохновенных ваятелей души славянской, свв. Кирилла и Мефодия, живым слепком «божественной эллинской речи», образ и подобие которой внедрили в свое изваяние приснопамятные Просветители.

Воистину теургическим представляется их непостижимое дело...»[2]

О том же столь определенно в своем студенческом докладе о преимуществе старой орфографии перед новой писал Д. Лихачев: «В старину весь цѣликомъ укладъ русской жизни былъ проникнутъ православіем: странно, если бы русская графика и русская орѳографія — основы этого православного уклада — не соотвѣтствовали бы имъ вполнѣ»[3].

За свой вещий доклад Д. Лихачев был осужден и отправлен в концлагерь на Соловки и лишь случайно уцелел в годы сталинских чисток. И было за что — тогда, в 1928 году, юный Д. Лихачев свидетельствовал: «Новая орѳографія явилась дѣломъ антихристовой

[2] *Иванов В. И.* Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 675–676.

[3] *Лихачев Д. С.* Статьи ранних лет. Тверь, 1993. С. 8.

власти», «всегда была мыслію бѣсовщины (60–е годы XIX в.)», «посягнула на самое православное въ алфавитѣ» и т. д.[4]

Новое правописание И. Ильин назвал «кривописанием»: оно «не соблюдает ни фонему, ни морфему, ни семему», «устраняет целые буквы, искажает этим смысл и запутывает читателей; оно устраняет в местоимениях и прилагательных (множественного числа) различия между мужским и женским родом и затрудняет этим верное понимание текста; оно обессмысливает сравнительную степень у прилагательных и тем вызывает сущие недоумения и т. д. и т. д.»[5] Он обращал внимание на то, что А. Шахматов, один из тех, кого принудили поставить подпись под документом Академии Наук о реформе орфографии, «дал им свою подпись, а потом при большевиках продолжал печатать *свое* сочинение по старому правописанию»[6].

Вяч. Иванов нарек «бесивом» то новое, что появилось в русской речи за время революции: «Язык наш свят: его кощунственно оскверняют богомерзким бесивом — неимоверными, бессмысленными, безликими словообразованиями, почти лишь звучащими на границе членораздельной речи, понятными только как перекличка сообщников, как разинское «сарынь на кичку»[7]. Из этого послереволюционного, а теперь и постперестроечного состояния *бесива* русский язык не может выйти до сих пор.

В страшные годы фашистского нашествия Анна Ахматова писала в стихотворении «Мужество»:

Мы знаем, что́ ныне лежит на весах
И что́ совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

И в пору нам вспомнить и исполнить эту клятву великого русского поэта. Но столь же определенно и истинно то, что русский язык и сам себя воскресит, и исцелит Россию, и восстановит и образует русского человека. И на этом пути мы, в свою очередь, должны осознать свою ответственность перед русским языком.

---

[4] Там же. С. 13.

[5] *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. II. С. 115–116. Ср.: с. 113–125; 144–150.

[6] Там же. С. 146.

[7] *Иванов В. И.* Собр. соч. Т. 4. С. 677.

Советское литературоведение гордилось Полными собраниями сочинений Пушкина, Гоголя, Достоевского. Сегодня они не авторитетны. По обычной практике этих академических собраний сочинений в авторскую орфографию была внесена политическая конъюнктурная правка, которая искажает смысл и дух творчества не только этих, но и всех русских писателей.

Казалось бы, какая разница в том, как читать гениальное пушкинское стихотворение «Я вас любил...» —

по–современному:

Как дай вам бог любимой быть другим;

или по–пушкински:

Как дай вам Бог любимой быть другим.

При декламации нужно очень постараться, чтобы свести *Как дай вам Бог* до фразеологизма, но советская орфография без труда этого достигает умалением заглавной буквы.

В мировой поэзии написано много стихотворений о неразделенной любви. Среди них немало и таких, в которых обиженные поэты обличали своих возлюбленных за их оплошный выбор. У Пушкина пресловутый «любовный треугольник» размыкается обращением к Богу и торжеством христианских отношений в любви — *и происходит чудо преображения эротической любви в любовь христианскую.*

Одна буква — но она меняет смысл всего стихотворения.

А сколько таких извращенных «темных мест» в творениях русских классиков!

Или, казалось бы, почему бы А. Блоку не напечатать свою революционную поэму «Двенадцать» в революционной орфографии? А поэт упрашивал и упросил А. Луначарского нарушить декрет и разрешить ему в виде исключения напечатать текст в старой орфографии.

Кто из критиков поэмы учитывал этот подспудный идейный антагонизм А. Блока? И так ли неуместен финал поэмы?

В бѣломъ вѣнчикѣ из розъ —
Впереди — Исусъ Христосъ!

18 января 1918 года, в дни работы над поэмой, А. Блок записал по памяти свое выступление, которое было «вчера» на заседании правительственной Комиссии по изданию классиков литературы под председательством "тов. Полянского":

> «Я поднимаю вопрос об орфографии. Главное мое возражение — что она относится к технике творчества, в которую государство не должно вмешиваться. Старых писателей, которые пользовались ятями как одним из средств для выражения своего творчества, надо издавать со старой орфографией. Новые, которые будут писать по–новому, перенесут свою творческую

энергию (élan) в другие приемы (тороплюсь записывать, поэтому нескладно).

Меня поддерживают Л. Рейснер и Альтман. Остальные — за новую орфографию, хотя понимают меня.

С Бенуа мы все наоборот. Он *лично* ненавидит «Известия» и любит мольеровскую орфографию изданий XVII века. Я лично не привязан к старому и, может быть, могу переучиться даже сам, но опасаюсь за объективную потерю кое-чего для художника, а *следовательно,* и для народа»[8].

Кого беспокоят эти сомнения и забота А. Блока?

У новой орфографии были свои принципиальные и глубокие критики, но реформа – исторически свершившийся акт, и наш долг — по возможности исправить содеянное, а еще лучше — воскресить язык русской классики — язык Пушкина, Гоголя, Достоевского.

Править Достоевского стали сразу после его смерти. При жизни это было почти невозможно. Когда Достоевский обнаруживал чужое вмешательство в свой текст, происходили объяснения, которые на всю жизнь запомнили корректор В. В. Тимофеева и метранпаж М. А. Александров. В. В. Тимофеева вспоминала, что ее сотрудничество с Достоевским началось с недоразумений «по поводу той или другой корректурной правки». Она ссылалась на грамматику — Достоевский резко возражал: «У каждого автора свой собственный слог, и потому своя грамматика... Мне нет никакого дела до чужих правил! Я ставлю запятую перед *что,* где она мне нужна; а где я чувствую, что не надо перед *что* ставить запятую, там я не хочу, чтобы мне ее ставили!»[9] А метранпажа М. А. Александрова он предупредил: «Вы имейте в виду, что у меня ни одной лишней запятой нет, все необходимые только; прошу не прибавлять и не убавлять их у меня»[10].

Первая правка пришлась на реформу Я. Грота, который сделал русскую орфографию и пунктуацию грамматической. До этой реформы русская пунктуация была интонационной. Такой она была от Ломоносова до Гоголя и Достоевского, от Державина до Толстого и Лескова. Когда классиков стали править по гимназическим правилам, это обезличило авторский ритм повествования, что неизбежно привело к утрате нюансов авторского смысла.

Для Достоевского пунктуация была интонационной и интуитивной. Его знаки препинания являются знаками авторской интонации, авторского ритма. Читать тексты Достоевского по знакам его пунктуации – все равно что по нотам читать партитуру композитора. У Достоевского

---

[8] *Блок А.* Собр. соч.: В 9 т. М., Л.: ГИХЛ, 1963. Т. 7. С. 319–320.

[9] Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М.: Художественная литература 1964. Т. 2. С. 128.

[10] Там же. С. 215.

есть произведения, которые просто нельзя читать иначе, — например, «Записки из подполья».

Но наиболее пагубной по последствиям оказалась реформа, начатая в 1917 году Временным правительством и завершенная большевиками, которые внесли в грамматическую реформу политическую цель: уничтожение того, что составляло животворящую основу русского языка, — его православный дух.

Укажу всего на один пример. В современных изданиях поэма «Великий инквизитор» выглядит бесспорной атеистической декларацией. Оригинальный текст Достоевского уже самой орфографией опровергает слова Великого инквизитора. Делается это просто: все местоименные обращения Великого инквизитора к Пленнику в авторской орфографии выделены заглавной буквой: Ты, Тобой, Твои, Твоему, Сам, Тебя, Твое и далее. Великий инквизитор лжет, когда обращается к Христу со своим риторическим вопросом: «Это Ты?» Авторитет Бога и Христа незыблем. Достоевский дал свою оценку словам Великого инквизитора орфографией. Это та авторская оценка текста, которую в своих работах о Достоевском отрицал М. Бахтин[11].

Не каждый писатель стремится к использованию художественных возможностей курсива и заглавной буквы. Достоевскому они были необходимы. Они создали авторскую систему понятий в текстах Достоевского, причем с разными художественными значениями. Курсив экспрессивен — он интонирует текст, создает своеобразный эстетический камертон, по которому должен настроить свое восприятие читатель Достоевского. В отличие от курсива, заглавная буква рационалистична: она выявляет иерархические отношения в тексте — создает иерархию понятий. Курсив — «эстетика», заглавная буква — «метафизика» текста.

Заглавная буква — знак не только истории языка, но и знак культуры. Даже если бы Достоевский (и другие писатели) лишь подчинялись орфографическим правилам своего времени, то и в этом случае заглавную букву следовало бы сохранить. Но у Достоевского заглавная буква была не обязательным, а факультативным признаком текста, ее употребление не ограничивалось действовавшими в то время орфографическими и редакционными нормами. Особенно наглядно эта особенность поэтики Достоевского проявилась в поздних романах и в «Дневнике писателя» — издании, которое Достоевский вел сам от рукописи до брошюры.

Игра значениями слов с заглавной или строчной буквы имела у Достоевского художественный смысл. Нередки случаи, когда в одном предложении или в рамках одной главы Достоевский дает и строчное,

---

[11] *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. Л.: Прибой, 1929; *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963; *Бахтин М. М.* К переработке книги о Достоевском // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 308–327.

и прописное начертание одних и тех же слов, отмечая заглавной буквой, когда слову придается метафизический смысл: с большой буквы писали Бог для означения Высшего Существа, давшего начало и смысл миру. Языческое многобожие и еретическое мудрствование отмечались малой буквой. Упразднение заглавного написания слова Бог вело к потере значений, а эти нюансы смысла принципиально важны в богоискательских беседах героев Достоевского, где четко разграничивалась сакральная и еретическая мудрость.

Из всех графических средств авторской интерпретации текста (курсив, заглавная буква, пунктуация, ударения) в посмертных изданиях сохранился в неполном объеме только курсив.

Язык Достоевского несет на себе печать времени. Это особенно очевидно при сопоставлении произведений, существующих в разновременных редакциях — в редакциях сороковых и шестидесятых годов. Некоторые орфографические нормы во времена Достоевского были неустойчивы: в первую очередь, это слитное и раздельное написание слов, употребление дефиса. Орфографическая вариантность сознавалась самим писателем, являясь подчас нарочитой очевидностью, когда в одном предложении или абзаце Достоевский давал или оставлял разные орфограммы.

Язык Достоевского хранит в себе следы борьбы писателя с корректорами и редакторами. Так, Достоевский предпочитал говорить и писать *цаловать*. Нередко эта авторская орфограмма исправлялась на *цьловать*. Там, где мог, Достоевский восстанавливал *цаловать*, но не всегда: немало его произведений существуют в одной редакции.

Мы не снимаем этих противоречий.

Прижизненные издания появлялись в разных обстоятельствах: есть произведения, корректуру которых Достоевский вообще не держал, иным не мог посвятить достаточно времени для вычитки. Давно известно, что автор, как правило, не видит многих опечаток наборщика: он читает не то, что набрано, а то, что написано, — во всех прижизненных изданиях много опечаток. Почти все они исправлены нашими предшественниками, но не все. В нашем издании больше исправленных опечаток. Я не хочу сказать ничего плохого о титаническом труде тех, кто готовил предыдущие издания. Мы не обнаружили ни одного неизвестного им типа опечаток и ошибок наборщиков или корректоров. Все они с исчерпывающей полнотой описаны Б. Томашевским[12]. Можно лишь гадать, почему этот бесценный текстологический опыт Б. Томашевского не в полной мере учтен при редакционной подготовке последнего Полного собрания сочинений Достоевского в 30-ти томах (Л.: Наука, 1972—1990). Могу предположить, что у на-

[12] *Томашевский Б. В.* Писатель и книга: Очерк текстологии. М.: Искусство, 1959.

ших предшественников не было достаточно эффективной методики подготовки текстов писателя.

Мы работаем со всеми редакциями: набираем все тексты, на основе последней редакции сводим все варианты в общую редакцию, делаем анализ разночтений и устанавливаем канонический текст. Наша методика анализа разночтений со всей наглядностью позволяет выявить типичные опечатки и ошибки. При выборе вариантов орфограмм отдается предпочтение современной норме, если таковая имела место в прижизненных изданиях. Перед нами была сложная и противоречивая задача: с одной стороны, устранить как можно больше искажающих авторскую волю ошибок и опечаток и, с другой стороны, избежать произвольного вторжения в авторский текст.

Прижизненные издания Достоевского обладают различной степенью авторитетности. Самое неавторитетное — «Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. Вновь просмотрѣнное и дополненное самимъ авторомъ изданіе. Изданіе и собственность Ѳ. Стелловскаго» (1865—1866)[13].

Очевидно, что за полтора года работы над «Преступлением и наказанием» Достоевский просто физически не мог прочитать и отредактировать свыше 200 печатных листов своих произведений. Достаточно напомнить, как долго в 1865—1866 годах Достоевский не мог переделать «Двойника» и сдал его через дежурного офицера Казанской части лишь 1 октября 1866 года, в один из последних сроков кабального договора со Стелловским[14]. Позже, через месяц, аналогичным образом был сдан и роман «Игрок».

Издание Стелловского содержит много неисправленных опечаток и ошибок наборщика. К ним следует прибавить и неавторитетные варианты: тексты Достоевского подверглись корректорской правке, которая имела целью привести к единообразию разновременные, за двадцать лет творческого пути, орфографические нормы (1845—1866), подчинить их своим эдиционным требованиям. Так, из издания Стелловского почти совсем исчезли ударения.

И все-таки на титульных листах томов и отдельных произведений, выпущенных Стелловским, стоит: «Вновь просмотренное и дополненное самим автором издание»; «Новое, дополненное издание», «Новое просмотренное издание». И действительно, для этого собрания сочинений Достоевский готовил, вновь просматривал, сокращал некоторые свои произведения, а к «Запискам из Мертвого Дома» добавил главу, пропущенную в предыдущих публикациях. Свои сомнения мы решали в

[13] Пиратское издание «Преступления и наказания» в качестве IV-го тома этого Полного собрания сочинений (1870) нами не учитывается, так как Достоевский не имел к нему никакого отношения.

[14] Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1865–1874. СПб.: Академический проспект, 1994. Т. 2. С. 77.

пользу последней прижизненной редакции — при критическом анализе последней авторской воли.

Все исправленные опечатки и ошибки приведены в текстологических справках к каждому произведению. Варианты прижизненных изданий дают только текстовые разночтения. Более полный список исправленных опечаток и установленных вариантов (включая ударения, знаки препинания, слитное и раздельное написание слов и др.) будет дан в компакт–диске «Весь Достоевский», в котором будут представлены *все* редакции *всех* произведений Достоевского в том виде, *как они есть*. В состав компакт-диска войдет и Евангелие Достоевского — «Новый Завет», подаренный ему женами декабристов в январе 1850 года. Он до сих пор таит на своих страницах огромное количество незамеченных исследователями маргиналий писателя — видимыми они становятся только при изменении угла освещения, при игре дневного и искусственного света. Это бесценный, почти неучтенный источник вдохновения и творчества русского гения.

Наше издание адресовано вдумчивому читателю, для которого важны все нюансы смысла, кто хочет слышать подлинный голос Достоевского. Оно приурочено к 175–летию со дня рождения и к 150–летию со дня литературного дебюта великого русского писателя.

Читайте Достоевскаго на языкѣ Достоевскаго!

Владиміръ Захаровъ

Графический портрет Ф. Достоевского
с рисунка К. Трутовского (1847)

БѢДНЫЕ ЛЮДИ.

Романъ.

ДВОЙНИКЪ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГОСПОДИНА ГОЛЯДКИНА.

ГОСПОДИНЪ ПРОХАРЧИНЪ.

Разсказъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ

СБОРНИКЪ,

изданный

Н. НЕКРАСОВЫМЪ.

нѣкоторыя статьи иллюстрированы.

В. Г. БѢЛИНСКІЙ.
Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ.
ИСКАНДЕРЪ.
А. Н. КРОНЕБЕРГЪ.
А. Н. МАЙКОВЪ.
Н. А. НЕКРАСОВЪ.
А. В. НИКИТЕНКО.
КН. В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ.
Н. И. ПАНАЕВЪ.
ГР. В. А. СОЛЛОГУБЪ.
И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1846.

Титульный лист альманаха «Петербургский Сборник», в котором был опубликован роман «Бедные люди».

БѢДНЫЕ ЛЮДИ.

РОМАНЪ.

Охъ, ужь эти мнѣ сказочники! Нѣтъ чтобы написать что-нибудь полезное, пріятное, усладительное, а то всю подноготную въ землѣ вырываютъ!... Вотъ ужь запретилъ бы имъ писать! Ну, на что это похоже; читаешь... невольно задумаешься, — а тамъ всякая дребедень и пойдетъ въ голову; право бы запретилъ имъ писать; такъ-таки просто вовсе бы запретилъ.

Ки. В. Ѳ. Одоевскій.

Апрѣля 8.

Безцѣнная моя Варвара Алексѣевна!

Вчера я былъ счастливъ, чрезмѣрно счастливъ, до нельзя счастливъ! Вы хоть разъ въ жизни, упрямица, меня послушались. Вечеромъ, часовъ въ восемь, просыпаюсь (вы знаете, маточка, что я часочикъ-другой люблю поспать послѣ должности), свѣчку досталъ, приготовляю бумаги, чиню перо, вдругъ, невзначай, подымаю глаза, — право, у меня сердце вотъ такъ и запрыгало! Такъ вы таки-поняли чего мнѣ хотѣлось, чего сердчишку моему хотѣлось! Вижу уголочекъ занавѣски у окна вашего загнутъ и прицѣпленъ къ горшку съ бальзаминомъ, точне-

хонько такъ, какъ я вамъ тогда намекалъ; тутъ же показалось мнѣ, что и личико ваше мелькнуло у окна, что и вы ко мнѣ изъ комнатки вашей смотрѣли, что и вы обо мнѣ думали. И какъ же мнѣ досадно было, голубчикъ мой, что миловиднаго личика-то вашего я не могъ разглядѣть хорошенько! Было время когда и мы свѣтло видѣли, маточка. Не радость старость, родная моя! Вотъ и теперь все какъ-то рябитъ въ глазахъ; чуть поработаешь вечеромъ, попишешь что-нибудь, на утро и глаза раскраснѣются, и слезы текутъ, такъ что даже совѣстно передъ чужими бываетъ. Однакоже, въ воображеніи моемъ такъ и засвѣтлѣла ваша улыбочка, ангельчикъ, ваша добренькая, привѣтливая улыбочка; и на сердцѣ моемъ было точно такое ощущеніе, какъ тогда, какъ я поцаловалъ васъ, Варинька, — помните ли, ангельчикъ? Знаете ли, голубчикъ мой, мнѣ даже показалось, что вы тамъ мнѣ пальчикомъ погрозили? Такъ ли, шалунья? Непремѣнно вы это все опишите подробнѣе въ вашемъ письмѣ.

Ну, а какова наша придумочка на счетъ занавѣски вашей, Варинька? Премило, не правда ли? Сижу ли за работой, ложусь ли спать, просыпаюсь ли ужь знаю, что и вы тамъ обо мнѣ думаете, меня помните, да и сами-то здоровы и веселы. Опу́стите занавѣску — значитъ прощайте, Макаръ Алексѣевичъ, спать пора! Подымите — значитъ съ добрымъ утромъ, Макаръ Алексѣевичъ, каково-то вы спали, или: каково-то вы въ вашемъ здоровьи, Макаръ Алексѣевичъ? Что же до меня касается, то я, слава Творцу, здорова и благополучна! Видите ли, душечка моя, какъ это ловко придумано; и писемъ не нужно! Хитро, не правда ли? А вѣдь придумочка-то моя! А что́, каковъ я на эти дѣла, Варвара Алексѣевна?

Доложу я вамъ, маточка моя, Варвара Алексѣевна, что спалъ я сію ночь добрымъ порядкомъ, вопреки ожиданій, чѣмъ и весьма доволенъ; хотя на новыхъ квартирахъ, съ новоселья, и всегда какъ-то не спится; все что-то такъ, да не такъ! Всталъ я сегодня такимъ яснымъ соколомъ — любо-весело! Что это какое утро сего-дня хорошее, маточка! У насъ растворили окошко; солнышко свѣтитъ, птички чирикаютъ, воздухъ дышетъ весенними ароматами, и вся природа оживляется — ну, и остальное тамъ все было тоже соотвѣтственное; все въ порядкѣ, по весеннему. Я даже и помечталъ сегодня довольно пріятно, и все объ васъ были мечтанія мои, Варинька. Сравнилъ я васъ съ птичкой небесной, на утѣху людямъ и для украшенія природы

созданной. Тутъ же подумалъ я, Варинька, что и мы, люди, живущіе въ заботѣ и треволненіи, должны тоже завидовать беззаботному и невинному счастію небесныхъ птицъ, — ну и остальное все такое же, сему же подобное; т. е. я все такія сравненія отдаленныя дѣлалъ. У меня тамъ книжка есть одна, Варинька, такъ въ ней то же самое, все такое же весьма подробно описано. Я къ тому пишу, что вѣдь разныя бываютъ мечтанія, маточка. А вотъ теперь весна, такъ и мысли все такія пріятныя, острыя, затѣйливыя, и мечтанія приходятъ нѣжныя; все въ розовомъ цвѣтѣ. Я къ тому и написалъ это все; а впрочемъ я это все взялъ изъ книжки. Тамъ сочинитель обнаруживаетъ такое же желаніе въ стишкахъ и пишетъ –

Зачѣмъ я не птица, не хищная птица!

Ну и т. д. Тамъ и еще есть разныя мысли, да Богъ съ ними! А вотъ, куда это вы утромъ ходили сегодня, Варвара Алексѣевна? Я еще и въ должность не сбирался, а вы, ужь подлинно какъ пташка весенняя, порхнули изъ комнаты и по двору прошли такая веселенькая. Какъ мнѣ–то было весело на васъ глядя! Ахъ, Варинька, Варинька! — вы не грустите; слезами горю помочь нельзя; это я знаю, маточка моя, это я на опытѣ знаю. Теперь же вамъ такъ покойно, да и здоровьемъ вы немного поправились. — Ну, что̀ ваша Ѳедора? Ахъ, какая же она добрая женщина! Вы мнѣ, Варинька, напишите, какъ вы съ нею тамъ живете теперь, и всѣмъ ли вы довольны? Ѳедора–то немного ворчлива; да вы на это не смотрите, Варинька. Богъ съ нею! она такая добрая.

Я уже вамъ писалъ о здѣшней Терезѣ, — тоже и добрая и вѣрная женщина. А ужь какъ я безпокоился объ нашихъ письмахъ! Какъ они передаваться–то будутъ? А вотъ какъ–тутъ послалъ Господь на наше счастіе Терезу. Она женщина добрая, кроткая, безсловесная. Но наша хозяйка просто безжалостная. Затираетъ ее въ работу словно ветошку какую–нибудь.

Ну, въ какую же я трущобу попалъ, Варвара Алексѣевна! Ну, ужь квартира! Прежде вѣдь я жилъ такимъ глухаремъ, сами знаете: — смирно, тихо; у меня, бывало, муха летитъ, такъ и муху слышно. А здѣсь шумъ, крикъ, гвалтъ! Да вѣдь вы еще и не знаете, какъ это все здѣсь устроено. Вообразите, примѣрно, длинный корридоръ, совершенно темный и нечистый. По правую его руку будетъ глухая стѣна, а по лѣвую все двери, да двери, точно нумера, все такъ въ рядъ простираются. Ну вотъ и

нанимаютъ эти нумера, а въ нихъ по одной комнаткѣ въ каждомъ; живутъ въ одной и по двое, и по трое. Порядку не спрашивайте — Ноевъ ковчегъ! Впрочемъ, кажется, люди хорошіе, все такіе образованные, ученые. Чиновникъ одинъ есть (онъ гдѣ-то по литературной части), человѣкъ начитанный: и о Гомерѣ, и о Брамбеусѣ, и о разныхъ у нихъ тамъ сочинителяхъ говоритъ, обо всемъ говоритъ; — умный человѣкъ! Два офицера живутъ и все въ карты играютъ. Мичманъ живетъ; Англичанинъ учитель живетъ. — Постойте, я васъ потѣшу, маточка; опишу ихъ въ будущемъ письмѣ сатирически, т. е. какъ они тамъ сами по себѣ, со всею подробностію. Хозяйка наша, — очень маленькая и нечистая старушонка, цѣлый день въ туфляхъ да въ шлафрокѣ ходитъ, и цѣлый день все кричитъ на Терезу. Я живу въ кухнѣ, или гораздо правильнѣе будетъ сказать вотъ какъ: тутъ подлѣ кухни есть одна комната (а у насъ, нужно вамъ замѣтить, кухня чистая, свѣтлая, очень хорошая), комнатка небольшая, уголокъ такой скромный... т. е. или еще лучше сказать, кухня большая въ три окна, такъ у меня вдоль поперечной стѣны перегородка, такъ что и выходитъ какъ бы еще комната, нумеръ сверхштатный; все просторное, удобное, и окно есть, и все, — однимъ словомъ, все удобное. Ну, вотъ это мой уголочекъ. Ну, такъ вы и не думайте, маточка, чтобы тутъ что-нибудь такое иное и таинственный смыслъ какой былъ; что вотъ дескать кухня! — т. е. я, пожалуй, и въ самой этой комнатѣ за перегородкой живу, но это ничего; я себѣ ото всѣхъ особнякомъ, помаленьку живу, въ тихомолочку живу. Поставилъ я у себя кровать, столъ, комодъ, стульевъ парочку, образъ повѣсилъ. Правда, есть квартиры и лучше, — можетъ-быть, есть и гораздо лучшія, да удобство-то главное; вѣдь это я все для удобства, и вы не думайте, что для другаго чего-нибудь. Ваше окошко напротивъ, черезъ дворъ; и дворъ-то узенькій, васъ мимоходомъ увидишь — все веселѣе мнѣ горемычному, да и дешевле. У насъ здѣсь самая послѣдняя комната, со столомъ, 35 руб. ассигн. сто́итъ. Не по карману! А моя квартира сто́итъ мнѣ семь руб. ассигн., да столъ пять цѣлковыхъ: вотъ 24 съ полтиною, а прежде ровно 30 платилъ, во многомъ себѣ отказывалъ; чай пивалъ не всегда, а теперь вотъ и на чай, и на сахаръ выгадалъ. Оно знаете ли, родная моя, чаю не пить какъ-то стыдно; здѣсь все народъ достаточный, такъ и стыдно. Ради чужихъ и пьешь его, Варинька, для вида, для тона; а по мнѣ все равно, я не прихотливъ. Положите такъ, для кар-

манныхъ денегъ — все сколько-нибудь требуется — ну сапожишки какіе-нибудь, платьишко — много ль останется? Вотъ и все мое жалованье. Я-то не ропщу и доволенъ. Оно достаточно. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ достаточно; награжденія тоже бываютъ. — Ну, прощайте, мой ангельчикъ. Я вамъ тамъ купилъ парочку горшковъ съ бальзаминчикомъ, и гераньку — не дорого. А вы, можетъ-быть, и резеду любите? Такъ и резеда есть, вы напишите; да знаете ли, все какъ-можно-подробнѣе напишите. Вы, впрочемъ, не думайте чего-нибудь и не сомнѣвайтесь, маточка, обо мнѣ, что я такую комнату нанялъ. Нѣтъ, это удобство заставило, и одно удобство соблазнило меня. Я вѣдь, маточка, деньги коплю, откладываю; у меня денежка водится. Вы не смотрите на то, что я такой тихонькой, что, кажется, муха меня крыломъ перешибетъ. Нѣтъ, маточка, я про себя не промахъ, и характера совершенно такого, какъ прилично твердой и безмятежной души человѣку. Прощайте, мой ангельчикъ! Расписался я вамъ чуть не на двухъ листахъ, а на службу давно пора. Цалую ваши пальчики, маточка, и пребываю

Вашимъ нижайшимъ слугою и вѣрнѣйшимъ другомъ,
Макаромъ Дѣвушкинымъ.

P. S. Объ одномъ прошу: отвѣчайте мнѣ, ангельчикъ мой, какъ можно подробнѣе. Я вамъ при семъ посылаю, Варинька, фунтикъ конфектъ; такъ вы ихъ скушайте на здоровье, да ради Бога обо мнѣ не заботьтесь и не будьте въ претензіи. Ну, такъ прощайте же, маточка.

Апрѣля 8.

М. Г. Макаръ Алексѣевичъ!

Знаете ли, что мнѣ придется наконецъ совсѣмъ поссориться съ вами? Клянусь вамъ, добрый Макаръ Алексѣевичъ, что мнѣ даже тяжело принимать ваши подарки. Я знаю, чего они вамъ сто́ятъ, какихъ лишеній и отказовъ въ необходимѣйшемъ себѣ самому. Сколько разъ я вамъ говорила, что мнѣ не нужно ничего, совершенно ничего; что я не въ силахъ вамъ воздать и за тѣ благодѣянія, которыми вы доселѣ осыпали меня. И зачѣмъ мнѣ эти горшки? Ну, бальзаминчики еще ничего, а геранька зачѣмъ? Одно словечко сто́итъ неосторожно сказать, какъ напр.

объ этой герани, ужь вы тотчасъ и купите; вѣдь вѣрно дорого? Что за прелесть на ней цвѣты! Пунсовые крестиками. Гдѣ это вы достали такую хорошенькую гераньку? Я ее посреди̇нѣ окна поставила, на самомъ видномъ мѣстѣ; на полу же поставлю скамейку, а на скамейку еще цвѣтовъ поставлю; вотъ только дайте мнѣ самой разбогатѣть! Ѳедора не нарадуется; у насъ теперь словно рай въ комнаткѣ, — чисто, свѣтло! Ну, а конфекты зачѣмъ? И право, я сейчасъ же по письму угадала, что у васъ что-нибудь да не такъ — и рай, и весна, и благоуханія летаютъ, и птички чирикаютъ. Что это, думаю, ужь нѣтъ ли тутъ и стиховъ? Вѣдь, право, однихъ стиховъ и не достаетъ въ письмѣ вашемъ, Макаръ Алексѣевичъ! И ощущенія нѣжныя и мечтанія въ розовомъ цвѣтѣ — все здѣсь есть! Про занавѣску и не думала; она вѣрно сама зацѣпилась, когда я горшки переставляла; вотъ вамъ!

Ахъ, Макаръ Алексѣевичъ! Что вы тамъ ни говорите, какъ ни разсчитывайте свои доходы, чтобъ обмануть меня, чтобы показать, что они всѣ сплошь идутъ на васъ одного, но отъ меня не утаите и не скроете ничего. Ясно, что вы необходимаго лишаетесь изъ-за меня. Что это вамъ вздумалось, напр., такую квартиру нанять? Вѣдь васъ безпокоятъ, тревожатъ; вамъ тѣсно, неудобно. Вы любите уединеніе, а тутъ и чего-чего нѣтъ около васъ! А вы бы могли гораздо лучше жить, судя по жалованью вашему. Ѳедора говоритъ, что вы прежде и не въ-примѣръ лучше теперешняго жили. Неужели жь вы такъ всю свою жизнь прожили, въ одиночествѣ, въ лишеніяхъ, безъ радости, безъ дружескаго привѣтливаго слова, у чужихъ людей углы нанимая? Ахъ, добрый другъ, какъ мнѣ жаль васъ! Щадите хоть здоровье свое, Макаръ Алексѣевичъ! Вы говорите, что у васъ глаза слабѣютъ, такъ не пишите при свѣчахъ; зачѣмъ писать? Ваша ревность къ службѣ и безъ того, вѣроятно, извѣстна начальникамъ вашимъ.

Еще разъ умоляю васъ, не тратьте на меня столько денегъ. Знаю, что вы меня любите, да сами-то вы не богаты... Сегодня я тоже весело встала. Мнѣ было такъ хорошо; Ѳедора давно уже работала, да и мнѣ работу достала. Я такъ обрадовалась; сходила только шелку купить, да и принялась за работу. Цѣлое утро мнѣ было такъ легко на душѣ, я такъ была весела! А теперь опять все черныя мысли, грустно; все сердце изныло.

Ахъ, что-то будетъ со мною, какова-то будетъ моя судьба! Тяжело то, что я въ такой неизвѣстности, что я не имѣю бу-

дущности, что я и предугадывать не могу о томъ, что̀ со мной станется. Назадъ и посмотрѣть страшно. Тамъ все такое горе, что сердце пополамъ рвется при одномъ воспоминаніи. Вѣкъ буду я плакаться на злыхъ людей, меня погубившихъ!

Смеркается. Пора за работу. Я вамъ о многомъ хотѣла бы написать, да некогда, къ сроку работа. Нужно спѣшить. Конечно, письма хорошее дѣло; все не такъ скучно. А зачѣмъ вы сами къ намъ никогда не зайдете? Отъ-чего это, Макаръ Алексѣевичъ? Вѣдь теперь вамъ близко, да и время иногда у васъ выгадывается свободное. Зайдите, пожалуйста! Я видѣла вашу Терезу. Она, кажется, такая больная; жалко было ее; я ей дала 20 копѣекъ. Да! чуть-было не забыла: непремѣнно напишите все, какъ можно подробнѣе, о вашемъ житьѣ-бытьѣ. Что за люди такіе кругомъ васъ, и ладно ли вы съ ними живете? Мнѣ очень хочется все это знать. Смотрите-же, непремѣнно напишите! Сегодня ужь я нарочно уголъ загну. Ложитесь пораньше; вчера я до полночи у васъ огонь видѣла. Ну, прощайте. Сегодня и тоска, и скучно, и грустно! Знать ужь день такой! Прощайте,

Ваша
Варвара Доброселова.

Апрѣля 8.

Милостивая государыня,
Варвара Алексѣевна!

Да, маточка, да, родная моя, знать ужь денекъ такой на мою долю горемычную выдался! Да; подшутили вы надо мной, старикомъ, Варвара Алексѣевна! Впрочемъ, самъ виноватъ, кругомъ виноватъ! Не пускаться бы на старости лѣтъ съ клочкомъ волосъ въ амуры да въ экивоки... И еще скажу, маточка: чуденъ иногда человѣкъ, очень чуденъ. И, святые вы мои! о чемъ заговоритъ, занесетъ подъ-часъ! А что выходитъ-то, что̀ слѣдуетъ-то изъ этого? Да ровно ничего не слѣдуетъ, а выходитъ такая дрянь, что убереги меня, Господи! Я, маточка, я не сержусь, а такъ досадно только очень вспоминать обо всемъ, досадно, что я вамъ написалъ такъ фигурно и глупо. И въ должность-то я пошелъ сегодня такимъ гоголемъ-щоголемъ; сіяніе такое было на сердцѣ. На душѣ ни съ того, ни съ сего такой праздникъ

былъ; весело было! За бумаги принялся рачительно — да что́ вышло–то потомъ изъ этого! Ужь потомъ только какъ осмотрѣлся, такъ все стало по прежнему — и сѣренько и темненько. Все тѣ же чернильныя пятна, все тѣ же столы и бумаги, да и я все такой же; такъ какимъ былъ, совершенно такимъ же и остался, — такъ чего же тутъ было на Пегасѣ–то ѣздить? Да изъ чего это вышло–то все? Что солнышко проглянуло, да небо полазоревѣло! отъ этого что–ли? Да и что за ароматы такіе, когда на нашемъ дворѣ подъ окнами и чему–чему не случается быть! Знать, это мнѣ все съ–дуру такъ показалось. А вѣдь случается же иногда заблудиться такъ человѣку въ собственныхъ чувствахъ своихъ, да занести околесную. Это ни отъ чего инаго происходитъ, какъ отъ излишней, глупой горячности сердца. Домой–то я не пришелъ, а приплелся; ни съ того–ни съ сего голова у меня разболѣлась; ужь это знать все одно къ одному. (Въ спину что ли надуло мнѣ.) Я веснѣ–то обрадовался дуракъ–дуракомъ, да въ холодной шинели пошелъ. И въ чувствахъ–то вы моихъ ошиблись, родная моя! Изліяніе–то ихъ совершенно въ другую сторону приняли. Отеческая пріязнь одушевляла меня, единственно чистая отеческая пріязнь, Варвара Алексѣевна; ибо я занимаю у васъ мѣсто отца роднаго, по горькому сиротству вашему; говорю это отъ души, отъ чистаго сердца, по родственному. Ужь какъ бы тамъ ни было, а я вамъ хоть дальній родной, хоть по пословицѣ и седьмая вода на киселѣ, а все–таки родственникъ, и теперь ближайшій родственникъ и покровитель; ибо тамъ, гдѣ вы ближе всего имѣли право искать покровительства и защиты, нашли вы предательство и обиду. А насчетъ стишковъ скажу я вамъ, маточка, что неприлично мнѣ на старости лѣтъ въ составленіи стиховъ упражняться. Стихи вздоръ! За стишки и въ школахъ теперь ребятишекъ сѣкутъ... вотъ оно что, родная моя.

Что это вы пишете мнѣ, Варвара Алексѣевна, про удобства, про покой и про разныя разности? Маточка моя, я не брюзгливъ и не требователенъ, никогда лучше теперешняго не жилъ; такъ чего же на старости–то лѣтъ привередничать? Я сытъ, одѣтъ, обутъ; да и куда намъ затѣи затѣвать! — Не графскаго рода! — Родитель мой былъ не изъ дворянскаго званія, и со всей–то семьей своей былъ бѣднѣе меня по доходу. Я не пѣженка! Впрочемъ, если на правду пошло, то на старой квартирѣ моей все было не въ–примѣръ лучше; попривольнѣе было, маточка. Конечно, и теперешняя моя квартира хороша, даже въ

нѣкоторомъ отношеніи веселѣе, и если хотите разнообразнѣе; я противъ этого ничего не говорю, да все старой жаль. Мы, старые, т. е. пожилые люди, къ старымъ вещамъ какъ къ родному чему, привыкаемъ. Квартирка-то была, знаете, маленькая такая; стѣны были... ну, да что говорить! — стѣны были какъ и всѣ стѣны, не въ нихъ и дѣло, а вотъ воспоминанія-то обо всемъ моемъ прежнемъ на меня тоску нагоняютъ... Странное дѣло — тяжело, а воспоминанія какъ будто пріятныя. Даже что дурно было, на что подъ часъ и досадовалъ, и то въ воспоминаніяхъ какъ-то очищается отъ дурнаго и предстаетъ воображенію моему въ привлекательномъ видѣ. Тихо жили мы, Варинька; я да хозяйка моя, старушка, покойница. Вотъ и старушку-то мою съ грустнымъ чувствомъ припоминаю теперь! Хорошая была она женщина и не дорого брала за квартиру. Она, бывало, все вязала изъ лоскутковъ разныхъ одѣяла на аршинныхъ спицахъ; только этимъ и занималась. Огонь-то мы съ нею вмѣстѣ держали, такъ за однимъ столомъ и работали. Внучка у ней Маша была — ребенкомъ еще помню ее — лѣтъ тринадцати теперь будетъ дѣвочка. Такая шалунья была, веселенькая, все насъ смѣшила; вотъ мы втроемъ такъ и жили. Бывало, въ длинный зимній вечеръ присядемъ къ круглому столу, выпьемъ чайку, а потомъ и за дѣло примемся. А старушка, чтобъ Машѣ не скучно было, да чтобъ не шалила шалунья, сказки, бывало, начнетъ сказывать. И какія сказки-то были! Не то что дитя, и толковый и умный человѣкъ заслушается. Чего! самъ я, бывало, закурю себѣ трубочку, да такъ заслушаюсь, что и про дѣло забуду. А дитя-то, шалунья-то наша, призадумается; подопретъ рученкой розовую щечку, ротикъ свой раскроетъ хорошенькій, и чуть страшная сказка, такъ жмется, жмется къ старушкѣ-бабушкѣ. А намъ-то любо было смотрѣть на нее; и не увидишь, какъ свѣчка нагоритъ, не слышишь, какъ на дворѣ подъ-часъ и вьюга злится и метелью мететъ. — Хорошо было намъ жить, Варинька; и вотъ такъ-то мы чуть ли не двадцать лѣтъ вмѣстѣ прожили. — Да что я тутъ заболтался! Вамъ, можетъ-быть, такая матерія не нравится, да и мнѣ вспоминать не такъ-то легко, — особливо теперь: время сумерки. Тереза съ чѣмъ-то возится, у меня болитъ голова, да и спина немного болитъ, да и мысли-то такія чудныя, какъ-будто и онѣ тоже болятъ; грустно мнѣ сегодня, Варинька! — Что же это вы пишете, родная моя? Какъ же я къ вамъ приду? Голубчикъ мой, что люди-то скажутъ? Вѣдь вотъ черезъ дворъ перейдти нужно бу-

детъ, наши замѣтятъ, разспрашивать станутъ, — толки пойдутъ, сплетни пойдутъ, дѣлу дадутъ другой смыслъ. Нѣтъ, ангельчикъ мой, я ужь васъ лучше завтра у всенощной увижу; это будетъ благоразумнѣе и для обоихъ насъ безвреднѣе. Да не взыщите на мнѣ, маточка, за то, что я вамъ такое письмо написалъ; какъ перечелъ, такъ и вижу, что все такое безсвязное. Я, Варинька, старый, неученый человѣкъ; съ-молоду не выучился, а теперь и въ умъ ничего не пойдетъ, коли снова учиться начинать. Сознаюсь, маточка, не мастеръ описывать и знаю, безъ чужаго инаго указанія и пересмѣиванія, что если захочу что-нибудь написать позатѣйливѣе, такъ вздору нагорожу. — Видѣлъ васъ у окна сегодня, видѣлъ, какъ вы стору опустили. Прощайте, прощайте, храни васъ, Господь! Прощайте, Варвара Алексѣевна.

Вашъ безкорыстный другъ
Макаръ Дѣвушкинъ.

P. S. Я, родная моя, сатиры-то ни объ комъ не пишу теперь. Старъ я сталъ, матушка, Варвара Алексѣевна, чтобъ попусту зубы скалить! и надо мной засмѣются, коли я другихъ начну пересмѣивать. Знаете, по русской пословицѣ: — кто, дескать, другому яму роетъ, такъ тотъ... и самъ туда же.

Апрѣля 9.

Милостивый Государь,
Макаръ Алексѣевичъ!

Ну, какъ вамъ не стыдно, другъ мой и благодѣтель, Макаръ Алексѣевичъ, такъ закручиниться и закапризничать. Неужели вы обидѣлись! Ахъ, я часто бываю неосторожна, но не думала, что вы слова мои примете за колкую шутку. Будьте увѣрены, что я никогда не осмѣлюсь шутить надъ вашими годами и надъ вашимъ характеромъ. Случилось же это все по моей вѣтренности, а болѣе потому, что ужасно скучно, а отъ скуки и за что не возьмешься? Я же полагала, что вы сами въ своемъ письмѣ хотѣли посмѣяться. Мнѣ ужасно грустно стало, когда я увидѣла, что вы недовольны мною. Нѣтъ, добрый другъ мой и благодѣтель, вы ошибетесь, если будете подозрѣвать меня въ нечувствительности и неблагодарности. Я умѣю оцѣнить въ моемъ сердцѣ все, что вы для меня сдѣлали, защитивъ меня отъ злыхъ людей, отъ ихъ гоненія и ненависти. Я вѣчно буду за

васъ Бога молить, и если моя молитва доходна къ Богу и небо внемлетъ ей, то вы будете счастливы.

Я сегодня чувствую себя очень нездоровою. Во мнѣ жаръ и ознобъ поперемѣнно. Ѳедора за меня очень безпокоится. Вы напрасно стыдитесь ходить къ намъ, Макаръ Алексѣевичъ. Какое другимъ дѣло! Вы съ нами знакомы, и дѣло съ концомъ!.. Прощайте, Макаръ Алексѣевичъ. Болѣе писать теперь не о чемъ, да и не могу: ужасно не здоровится. Прошу васъ еще разъ не сердиться на меня и быть увѣрену въ томъ всегдашнемъ почтеніи и въ той привязанности,

съ каковыми честь имѣю пребыть наипреданнѣйшею
и покорнѣйшею услужницей вашей
Варварой Доброселовой.

Апрѣля 12.

Милостивая Государыня
Варвара Алексѣевна!

Ахъ, маточка моя, что это съ вами! Вѣдь вотъ каждый-то разъ вы меня такъ пугаете. Пишу вамъ въ каждомъ письмѣ, чтобъ вы береглись, чтобъ вы кутались, чтобъ не выходили въ дурную погоду, осторожность во всемъ наблюдали бы, — а вы, ангельчикъ мой, меня и не слушаетесь. Ахъ, голубчикъ мой, ну словно вы дитя какое-нибудь! Вѣдь вы слабенькія, какъ соломенка слабенькія, это я знаю. Чуть вѣтерочикъ какой, такъ ужь вы и хвораете. Такъ остерегаться нужно, самой о себѣ стараться, опасностей избѣгать, и друзей своихъ въ горе и въ унынiе не вводить.

Изъявляете желанiе, маточка, въ подробности узнать о моемъ житьѣ-бытьѣ и обо всемъ, меня окружающемъ. Съ радостiю спѣшу исполнить ваше желанiе, родная моя. Начну съ начала, маточка: больше порядку будетъ. Во-первыхъ, въ домѣ у насъ на чистомъ входѣ лѣстницы весьма посредственныя; особливо парадная — чистая, свѣтлая, широкая, все чугунъ да красное дерево. За то ужь про черную и не спрашивайте: винтовая, сырая, грязная, ступеньки поломаны, и стѣны такiя жирныя, что рука прилипаетъ, когда на нихъ опираешься. На каждой площадкѣ стоятъ сундуки, стулья и шкафы поломанные, ветошки развѣшаны, окна повыбиты; лоханки стоятъ со всякою не-

чистью, съ грязью, съ соромъ, съ яичною скорлупою да съ рыбьими пузырями; запахъ дурной... однимъ словомъ, нехорошо.

Я уже описывалъ вамъ расположеніе комнатъ; оно, — нечего сказать, — удобно, это правда, но какъ-то въ нихъ душно, то есть не то, чтобы оно пахло дурно, а такъ, если можно выразиться, немного гнилой, остро-услащенный запахъ какой-то. На первый разъ впечатлѣніе невыгодное, но это все ничего; стóитъ только минуты двѣ побыть у насъ, такъ и пройдетъ и не почувствуешь, какъ все пройдетъ, потому что и самъ какъ-то дурно пропахнешь, и платье пропахнетъ, и руки пропахнутъ, и все пропахнетъ, — ну и привыкнешь. У насъ чижики такъ и мрутъ. Мичманъ ужь пятаго покупаетъ, — не живутъ въ нашемъ воздухѣ да и только. Кухня у насъ большая, обширная, свѣтлая. Правда, по утрамъ чадно немного, когда рыбу или говядину жарятъ, да и налютъ и намочатъ вездѣ, за то ужь вечеромъ рай. Въ кухнѣ у насъ на веревкахъ всегда бѣлье виситъ старое; а такъ какъ моя комната недалеко, то есть почти примыкаетъ къ кухнѣ, то запахъ отъ бѣлья меня безпокоитъ немного; но ничего: поживешь и попривыкнешь.

Съ самаго ранняго утра, Варинька, у насъ возня начинается, встаютъ, ходятъ, стучатъ, — это поднимаются всѣ, кому надо, кто въ службѣ или такъ, самъ по себѣ; всѣ пить чай начинаютъ. Самовары у насъ хозяйскіе, большею частію, мало ихъ, ну такъ мы всѣ очередь держимъ; а кто попадетъ не въ очередь со своимъ чайникомъ, такъ сейчасъ тому голову вымоютъ. Вотъ я было попалъ въ первый разъ, да... впрочемъ, что же писать! Тутъ-то я со всѣми и познакомился. Съ мичманомъ съ первымъ познакомился; откровенный такой, все мнѣ разсказалъ: про батюшку, про матушку, про сестрицу, что за тульскимъ засѣдателемъ, и про городъ Кронштадтъ. Обѣщалъ мнѣ во всемъ покровительствовать, и тутъ же меня къ себѣ на чай пригласилъ. Отъискалъ я его въ той самой комнатѣ, гдѣ у насъ обыкновенно въ карты играютъ. Тамъ мнѣ дали чаю и непремѣнно хотѣли, чтобъ я въ азартную игру съ ними игралъ. Смѣялись ли они, нѣтъ ли надо мною, не знаю; только сами они всю ночь напролетъ проиграли, и когда я вошелъ, такъ тоже играли. Мѣлъ, карты, дымъ такой ходилъ по всей комнатѣ, что глаза ѣло. Играть я не сталъ, и мнѣ сейчасъ замѣтили, что я про философію говорю. Потомъ ужь никто со мною и не говорилъ все время; да я, по правдѣ, и радъ былъ тому. Не пойду къ нимъ теперь; азартъ у нихъ, чистый азартъ! Вотъ у чиновника

по литературной части бываютъ также собранія по вечерамъ. Ну, у того хорошо, скромно, невинно и деликатно; все на тонкой ногѣ.

Ну, Варинька, замѣчу вамъ еще мимоходомъ, что прегадкая женщина наша хозяйка, къ тому же сущая вѣдьма. Вы видѣли Терезу. Ну, что она такое на самомъ-то дѣлѣ? Худая, какъ общипанный, чахлый цыпленокъ. Въ домѣ и людей-то всего двое: Тереза да Фальдони, хозяйскій слуга. Я не знаю, можетъ быть, у него есть и другое какое имя, только онъ и на это откликается; всѣ его такъ зовутъ. Онъ рыжій, чухна какая-то, кривой, курносый, грубіянъ: все съ Терезой бранится, чуть не дерутся. Вообще сказать, жить мнѣ здѣсь не такъ, чтобы совсѣмъ было хорошо... Чтобъ этакъ всѣмъ разомъ ночью заснуть и успокоиться — этого никогда не бываетъ. Ужь вѣчно гдѣ-нибудь сидятъ, да играютъ, а иногда и такое дѣлается, что зазорно разсказывать. Теперь ужь я все-таки пообвыкъ, а вотъ удивляюсь, какъ въ такомъ содомѣ семейные люди уживаются. Цѣлая семья бѣдняковъ какихъ-то у нашей хозяйки комнату нанимаетъ, только не рядомъ съ другими нумерами, а по другую сторону, въ углу, отдѣльно. Люди смирные! Объ нихъ никто ничего и не слышитъ. Живутъ они въ одной комнаткѣ, огородясь въ ней перегородкою. Онъ какой-то чиновникъ безъ мѣста, изъ службы лѣтъ семь тому исключенный за что-то. Фамилья его Горшковъ; такой сѣденькій, маленькій; ходитъ въ такомъ засаленномъ, въ такомъ истертомъ платьѣ, что больно смотрѣть; куда хуже моего! Жалкій, хилый такой (встрѣчаемся мы съ нимъ иногда въ корридорѣ); колѣнки у него дрожатъ, руки дрожатъ, голова дрожитъ, ужь отъ болѣзни что ли какой, Богъ его знаетъ; робкій, боится всѣхъ, ходитъ стороночкой; ужь я застѣнчивъ подъ-часъ, а этотъ еще хуже. Семейства у него — жена и трое дѣтей. Старшій, мальчикъ, весь въ отца, тоже такой чахлый. Жена была когда-то собою весьма недурна, и теперь замѣтно; ходитъ, бѣдная, въ такомъ жалкомъ отребьи. Они, я слышалъ, задолжали хозяйкѣ; она съ ними что-то не слишкомъ ласкова. Слышалъ тоже, что у самаго-то Горшкова непріятности есть какія-то, по которымъ онъ и мѣста лишился... процессъ не процессъ, подъ судомъ не подъ судомъ, подъ слѣдствіемъ какимъ-то, что ли ужь, истинно не могу вамъ сказать. Бѣдны-то они бѣдны — Господи, Богъ мой! Всегда у нихъ въ комнатѣ тихо и смирно, словно и не живетъ никто. Даже дѣтей не слышно. И не бываетъ этого, чтобы когда-нибудь порѣзви-

лись, поиграли дѣти, а ужь это худой знакъ. Какъ-то мнѣ разъ, вечеромъ, случилось мимо ихъ дверей пройдти; на ту пору въ домѣ стало что-то не по обычному тихо; слышу всхлипываніе, потомъ шопотъ, потомъ опять всхлипываніе, точно какъ-будто плачутъ, да такъ тихо, такъ жалко, что у меня все сердце надорвалось, и потомъ всю ночь мысль объ этихъ бѣднякахъ меня не покидала, такъ что и заснуть не удалось хорошенько.

Ну, прощайте, дружочекъ безцѣнный мой, Варинька! Описалъ я вамъ все, какъ умѣлъ. Сегодня я весь день все только объ васъ и думаю. У меня за васъ, родная моя, все сердце изныло. Вѣдь вотъ, душечка моя, я вотъ знаю, что у васъ теплаго салопа нѣтъ. Ужь эти мнѣ петербургскія весны, вѣтры, да дождички со снѣжочкомъ, — ужь это смерть моя, Варинька! Такое благорастворѐніе воздуховъ, что убереги меня, Господи! Не взыщите, душечка, на писаніи; слогу нѣтъ, Варинька, слогу нѣтъ никакого. Хоть бы какой-нибудь былъ! Пишу, что на умъ взбредетъ, такъ, чтобы васъ только поразвеселить чѣмъ-нибудь. Вѣдь вотъ, еслибъ я учился какъ-нибудь, дѣло другое; а то вѣдь какъ я учился? даже и не на мѣдныя деньги.

Вашъ всегдашній и вѣрный другъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Апрѣля 25.

М. г. Макаръ Алексѣевичъ!

Сегодня я двоюродную сестру мою Сашу встрѣтила! Ужасъ! и она погибнетъ, бѣдная! Услышала я тоже со стороны, что Анна Ѳедоровна все обо мнѣ вывѣдываетъ. Она, кажется, никогда не перестанетъ меня преслѣдовать. Она говоритъ, что хочетъ *простить меня,* забыть все прошедшее, и что непремѣнно сама навѣститъ меня. Говоритъ, что вы мнѣ вовсе не родственникъ, что она ближе мнѣ родственница, что въ семейныя отношенія наши вы не имѣете никакого права входить, и что мнѣ стыдно и неприлично жить вашей милостыней и на вашемъ содержаніи. Она бранитъ меня, укоряетъ меня въ неблагодарности... говоритъ, что я забыла ея хлѣбъ-соль, что она меня съ матушкой, можетъ быть, отъ голодной смерти избавила, что она насъ поила-кормила, и слишкомъ два съ половиною года на насъ убыточилась, что она намъ сверхъ всего этого долгъ прос-

тила. И матушку–то она пощадить не хотѣла! А если бы знала бѣдная матушка, что̀ они со мною сдѣлали! Богъ видитъ!.. Анна Ѳедоровна говоритъ, что я по глупости моей своего счастія удержать не умѣла, что она сама меня на счастіѐ наводила, что она ни въ чемъ остальномъ не виновата, и что я сама за честь свою не умѣла, а, можетъ быть, и не хотѣла вступиться. А кто же тутъ виноватъ, Боже великій! Она говоритъ, что господинъ Быковъ правъ совершенно, и что не на всякой же жениться, которая... да что́ писать! Жестоко слышать такую неправду, Макаръ Алексѣевичъ! Я не знаю, что̀ со мной теперь дѣлается. Я дрожу, плачу, рыдаю; это письмо я вамъ два часа писала. Я думала, что она по крайней мѣрѣ сознаетъ свою вину предо мною; а она вотъ какъ теперь! — Ради Бога, не тревожьтесь, другъ мой, единственный доброжелатель мой! Ѳедора все преувеличиваетъ: я не больна. Я только простудилась немного вчера, когда ходила на Волково къ матушкѣ панихиду служить. Зачѣмъ вы не пошли вмѣстѣ со мною; — я васъ такъ просила. Ахъ, бѣдная, бѣдная моя матушка, еслибъ ты встала изъ гроба, еслибъ ты знала, еслибъ ты видѣла, что̀ они со мною сдѣлали!..

В. Д.

Мая 20.

Голубчикъ мой, Варинька!

Посылаю вамъ винограду немного, душечка; для выздоравливающей это, говорятъ, хорошо, да и докторъ рекомендуетъ для утоленія жажды, такъ только единственно для жажды. Вамъ розанчиковъ намедни захотѣлось, маточка; такъ вотъ я вамъ ихъ теперь посылаю. Есть ли у васъ аппетитъ, душечка? — вотъ что главное. Впрочемъ, слава Богу, что все прошло и кончилось, и что несчастія наши тоже совершенно оканчиваются. Воздадимъ благодареніе Небу! А что до книжекъ касается, то достать покамѣстъ нигдѣ не могу. Есть тутъ говорятъ, хорошая книжка одна, и весьма высокимъ слогомъ написанная; говорятъ, что хороша, я самъ не читалъ, а здѣсь очень хвалятъ. Я просилъ ее для себя; обѣщались препроводить. Только будете ли вы–то читать? Вы у меня на этотъ счетъ привередница; трудно угодить на вашъ вкусъ, ужь я васъ знаю, голубчикъ вы мой; вамъ вѣрно все стихотворство надобно, воздыханій, аму-

ровъ, — ну, и стиховъ достану, всего достану; тамъ есть тетрадка одна переписанная.

Я–то живу хорошо. Вы, маточка, обо мнѣ не безпокойтесь, пожалуйста. А что Ѳедора вамъ насказала на меня, такъ все это вздоръ; вы ей скажите, что она налгала, непремѣнно скажите ей, сплетницѣ!.. Я новаго вицъ–мундира совсѣмъ не продавалъ. Да и зачѣмъ, сами разсудите, зачѣмъ продавать? Вотъ, говорятъ, мнѣ сорокъ рублей серебромъ награжденія выходитъ, такъ зачѣмъ же продавать? Вы, маточка, не безпокойтесь; — она мнительна, Ѳедора–то, она мнительна. Заживемъ мы, голубчикъ мой! Только вы–то, ангельчикъ, выздоравливайте, ради Бога, выздоравливайте, не огорчите старика. Кто это говоритъ вамъ, что я похудѣлъ? Клевета, опять клевета! здоровехонекъ и растолстѣлъ такъ, что самому становится совѣстно, сытъ и доволенъ по горло; вотъ только бы вы–то выздоравливали! Ну, прощайте, мой ангельчикъ; цалую всѣ ваши пальчики и пребываю

вашимъ вѣчнымъ, неизмѣннымъ другомъ
Макаромъ Дѣвушкинымъ.

P. S. Ахъ, душенька моя, что это вы опять въ самомъ–дѣлѣ стали писать?.. О чемъ вы блажите–то! да какъ же мнѣ ходить къ вамъ такъ часто, маточка, какъ? я васъ спрашиваю. Развѣ темнотою ночною пользуясь; да вотъ теперь и ночей–то почти не бываетъ: время такое. Я и то, маточка моя, ангельчикъ, васъ почти совсѣмъ не покидалъ во все время болѣзни вашей, во время безпамятства–то вашего; но и тутъ я и самъ ужь не знаю, какъ я всѣ эти дѣла обдѣлывалъ; да и то потомъ пересталъ ходить; ибо любопытствовать и разспрашивать начали. Здѣсь ужь и безъ того сплетня заплелась какая–то. Я на Терезу надѣюсь; она не болтлива; но все же, сами разсудите вы, маточка, каково это будетъ, когда они все узнаютъ про насъ? Что́–то они подумаютъ и что они скажутъ тогда? — Такъ вотъ вы скрѣпите сердечко, маточка, да переждите до выздоровленія; а мы потомъ ужь тамъ внѣ дома, гдѣ–нибудь рандеву дадимъ.

Іюня 1.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ!

Мнѣ такъ хочется сдѣлать вамъ что–нибудь угодное и пріятное за всѣ ваши хлопоты и старанія обо мнѣ, за всю вашу любовь ко мнѣ, что я рѣшилась наконецъ на скуку порыться въ

моемъ коммодѣ и отыскать мою тетрадь, которую теперь и посылаю вамъ. Я начала ее еще въ счастливое время жизни моей. Вы часто съ любопытствомъ разспрашивали о моемъ прежнемъ житьѣ-бытьѣ, о матушкѣ, о Покровскомъ, о моемъ пребываніи у Анны Ѳедоровны и, наконецъ, о недавнихъ несчастіяхъ моихъ, и такъ нетерпѣливо желали прочесть эту тетрадь, гдѣ мнѣ вздумалось, Богъ-знаетъ для чего, отмѣтить кое-какія мгновенія изъ моей жизни, что я не сомнѣваюсь принести вамъ большое удовольствіе моею посылкою. Мнѣ же какъ-то грустно было перечитывать это. Мнѣ кажется, что я уже вдвое постарѣла съ-тѣхъ-поръ какъ написала въ этихъ запискахъ послѣднюю строчку. Все это писано въ разные сроки. Прощайте, Макаръ Алексѣевичъ! Мнѣ ужасно скучно теперь и меня часто мучитъ безсонница. Прескучное выздоровленіе!

В. Д.

I.

Мнѣ было только четырнадцать лѣтъ, когда умеръ батюшка. Дѣтство мое было самымъ счастливымъ временемъ моей жизни. Началось оно не здѣсь, но далеко отсюда, въ провинціи, въ глуши. Батюшка былъ управителемъ огромнаго имѣнія князя П-го, въ Т-й губерніи. Мы жили въ одной изъ деревень князя, и жили тихо, неслышно, счастливо.... Я была такая рѣзвая маленькая; только и дѣлаю, бывало, что бѣгаю по полямъ, по рощамъ, по саду, а обо мнѣ никто и не заботился. Батюшка безпрерывно былъ занятъ дѣлами, матушка занималась хозяйствомъ; меня ничему не учили, а я тому и рада была. Бывало, съ самаго ранняго утра убѣгу или на прудъ, или въ рощу, или на сѣнокосъ, или къ жнецамъ — и нужды нѣтъ, что солнце печетъ, что забѣжишь сама не знаешь куда отъ селенья, исцарапаешься объ кусты, разорвешь свое платье; — дома послѣ бранятъ, а мнѣ и ничего.

И мнѣ кажется, я бы такъ была счастлива, еслибъ пришлось хоть всю жизнь мою не выѣзжать изъ деревни и жить на одномъ мѣстѣ. А между тѣмъ, я еще дитею принуждена была оставить родныя мѣста. Мнѣ было еще только двѣнадцать лѣтъ, когда мы въ Петербургъ переѣхали. Ахъ, какъ я грустно помню наши печальные сборы! Какъ я плакала, когда прощалась со всѣмъ, что такъ было мило мнѣ. Я помню, что я бросилась на шею батюшкѣ и со слезами умоляла остаться хоть немножко

въ деревнѣ. Батюшка закричалъ на меня, матушка плакала; говорили, что надобно, что дѣла этого требовали. Старый князь П–й умеръ. Наслѣдники отказали батюшкѣ отъ должности. У батюшки были кой–какія деньги въ оборотахъ въ рукахъ частныхъ лицъ въ Петербургѣ. Надѣясь поправить свои обстоятельства, онъ почелъ необходимымъ свое личное здѣсь присутствіе. Все это я узнала послѣ отъ матушки. Мы здѣсь поселились на Петербургской сторонѣ и прожили на одномъ мѣстѣ до самой кончины батюшки.

Какъ тяжело было мнѣ привыкать къ новой жизни! Мы въѣхали въ Петербургъ осенью. Когда мы оставляли деревню, день былъ такой свѣтлый, теплый, яркій; сельскія работы кончались; на гумнахъ уже громоздились огромныя скирды хлѣба и толпились крикливыя стаи птицъ; все было такъ ясно и весело: а здѣсь, при въѣздѣ нашемъ въ городъ, дождь, гнилая осенняя изморозь, непогода, слякоть и толпа новыхъ, незнакомыхъ лицъ, негостепріимныхъ, недовольныхъ, сердитыхъ! Кое–какъ мы устроились. Помню, всѣ такъ суетились у насъ, все хлопотали, обзаводились новымъ хозяйствомъ. Батюшки все не было дома, у матушки не было покойной минуты — меня позабыли совсѣмъ. Грустно мнѣ было вставать поутру, послѣ первой ночи на нашемъ новосельи. Окна наши выходили на какой–то желтый заборъ. На улицѣ постоянно была грязь. Прохожіе были рѣдки, и всѣ они такъ плотно кутались, всѣмъ такъ было холодно.

А до́ма у насъ по цѣлымъ днямъ была страшная тоска и скука. Родныхъ и близкихъ знакомыхъ у насъ почти не было. Съ Анной Ѳедоровной батюшка былъ въ ссорѣ. (Онъ былъ ей что–то долженъ.) Ходили къ намъ довольно часто люди по дѣламъ. Обыкновенно спорили, шумѣли, кричали. Послѣ каждаго ихъ посѣщенія батюшка дѣлался такимъ недовольнымъ, сердитымъ; по цѣлымъ часамъ ходитъ, бывало, изъ угла въ уголъ, нахмурясь, и ни съ кѣмъ слова не вымолвитъ. Матушка не смѣла тогда и заговорить съ нимъ и молчала. Я садилась куда–нибудь въ уголокъ за книжку — смирно, тихо, пошевелиться, бывало, не смѣю.

Три мѣсяца спустя по пріѣздѣ нашемъ въ Петербургъ, меня отдали въ пансіонъ. Вотъ грустно–то было мнѣ сначала въ чужихъ людяхъ! Все такъ сухо, непривѣтливо было; — гувернантки такія крикуньи, дѣвицы такія насмѣшницы, а я такая дикарка. Строго, взыскательно! Часы на все положенные, общій

столъ, скучные учителя — все это меня сначала истерзало, измучило. Я тамъ и спать не могла. Плачу, бывало, цѣлую ночь, длинную, скучную, холодную ночь. Бывало, по вечерамъ всѣ повторяютъ или учатъ уроки; я сижу-себѣ за разговорами или вокабулами, шевельнуться не смѣю, а сама все думаю про домашній нашъ уголъ, про батюшку, про матушку, про мою старушку-няню, про нянины сказки.... ахъ, какъ сгрустнется! Объ самой пустой вещицѣ въ домѣ, и о той съ удовольствіемъ вспоминаешь. Думаешь-думаешь: вотъ какъ-бы хорошо теперь было дома! Сидѣла бы я въ маленькой комнаткѣ нашей, у самовара, вмѣстѣ съ нашими; было бы такъ тепло, хорошо, знакомо. Какъ-бы, думаешь, обняла теперь матушку, крѣпко-крѣпко, горячо-горячо! — Думаешь-думаешь, да и заплачешь тихонько съ тоски, давя въ груди слезы, и нейдутъ на умъ вокабулы. Какъ къ завтра урока не выучишь; всю ночь снятся учитель, мадамъ, дѣвицы; всю ночь во снѣ уроки твердишь, а на другой день ничего не знаешь. Поставятъ на колѣни, дадутъ одно кушанье. Я была такая невеселая, скучная. Сначала всѣ дѣвицы надо мной смѣялись, дразнили меня, сбивали, когда я говорила уроки, щипали, когда мы въ рядахъ шли къ обѣду или къ чаю, жаловались на меня ни за что ни про что гувернанткѣ. За то какой рай, когда няня придетъ, бывало, за мной въ субботу вечеромъ. Такъ и обниму, бывало, мою старушку въ изступленіи радости. Она меня одѣнетъ, укутаетъ, дорогою не поспѣваетъ за мной, а я ей все болтаю, болтаю, разсказываю. Домой приду веселая, радостная, крѣпко обниму нашихъ, какъ-будто послѣ десятилѣтней разлуки. Начнутся толки, разговоры, росказни; со всѣми здороваешься, смѣешься, хохочешь, бѣгаешь, прыгаешь. Съ батюшкой начнутся разговоры серьёзные, о наукахъ, о нашихъ учителяхъ, о французскомъ языкѣ, о грамматикѣ Ломонда — и всѣ мы такъ веселы, такъ довольны. Мнѣ и теперь весело вспоминать объ этихъ минутахъ. Я всѣми силами старалась учиться и угождать батюшкѣ. Я видѣла, что онъ послѣднее на меня отдавалъ, а самъ бился Богъ-знаетъ какъ. Съ каждымъ днемъ онъ становился все мрачнѣе, недовольнѣе, сердитѣе; характеръ его совсѣмъ испортился; дѣла не удавались, долговъ была пропасть. Матушка, бывало, и плакать боялась, слова сказать боялась, чтобы не разсердить батюшку; сдѣлалась больная такая; все худѣла, худѣла и стала дурно кашлять. Я, бывало, приду изъ пансіона — все такія грустныя лица; матушка потихоньку плачетъ, батюшка сердится. Начнутся упреки,

укоры. Батюшка начнетъ говорить, что я ему не доставляю никакихъ радостей, никакихъ утѣшеній; что они изъ-за меня послѣдняго лишаются, а я до-сихъ-поръ не говорю по-французски; однимъ словомъ, всѣ неудачи, всѣ несчастія, все, все вымѣщалось на мнѣ и на матушкѣ. А какъ можно было мучить бѣдную матушку? Глядя на нее, сердце разрывалось, бывало; щеки ея ввалились, глаза впали, въ лицѣ былъ такой чахоточный цвѣтъ. Мнѣ доставалось больше всѣхъ. Начиналось всегда изъ пустяковъ, а потомъ ужь Богъ знаетъ до чего доходило; часто я даже не понимала о чемъ идетъ дѣло. Чего не причиталось!... И французскій языкъ, и что я большая дура, и что содержательница нашего пансіона нерадивая, глупая женщина; что она объ нашей нравственности не заботится; что батюшка службы себѣ до сихъ-поръ не можетъ найдти, и что грамматика Ломонда скверная грамматика, а Запольскаго гораздо лучше; что на меня денегъ много бросили попустому; что я видно безчувственная, каменная — однимъ словомъ я, бѣдная, изъ всѣхъ силъ билась, твердя разговоры и вокабулы, а во всемъ была виновата, за все отвѣчала! И это совсѣмъ не оттого, чтобы батюшка не любилъ меня: во мнѣ и матушкѣ онъ души не слышалъ. Но ужь это такъ, характеръ былъ такой.

Заботы, огорченія, неудачи измучили бѣднаго батюшку до крайности: онъ сталъ недовѣрчивъ, желченъ; часто былъ близокъ къ отчаянію, началъ пренебрегать своимъ здоровьемъ, простудился, и вдругъ заболѣлъ, страдалъ недолго и скончался такъ внезапно, такъ скоропостижно, что мы всѣ нѣсколько дней были внѣ себя отъ удара. Матушка была въ какомъ-то оцѣпенѣніи; я даже боялась за ея разсудокъ. Только что скончался батюшка, кредиторы явились къ намъ какъ изъ земли, нахлынули гурьбою. Все, что у насъ ни было, мы отдали. Нашъ домикъ на Петербургской сторонѣ, который батюшка купилъ полгода спустя послѣ переселенія нашего въ Петербургъ, былъ также проданъ. Не знаю, какъ уладили остальное, но сами мы остались безъ крова, безъ пристанища, безъ пропитанія. Матушка страдала изнурительною болѣзнію, прокормить мы себя не могли, жить было нечѣмъ, впереди была гибель. Мнѣ тогда только минуло четырнадцать лѣтъ. Вотъ тутъ-то насъ и посѣтила Анна Ѳедоровна. Она все говоритъ, что она какая-то помѣщица и намъ доводится какою-то роднею. Матушка тоже говорила, что она намъ родня, только очень дальняя. При жизни батюшки, она къ намъ никогда не ходила. Явилась она со слезами на

глазахъ, говорила, что принимаетъ въ насъ большое участіе; соболѣзновала о нашей потерѣ, о нашемъ бѣдственномъ положеніи, прибавила, что батюшка былъ самъ виноватъ: что онъ не по силамъ жилъ, далеко забирался, и что ужь слишкомъ на свои силы надѣялся. Обнаружила желаніе сойдтись съ нами короче, предложила забыть обоюдныя непріятности; а когда матушка объявила, что никогда не чувствовала къ ней непріязни, то она прослезилась, повела матушку въ церковь и заказала панихиду по голубчикѣ (такъ она выразилась о батюшкѣ). Послѣ этого она торжественно помирилась съ матушкой.

Послѣ долгихъ вступленій и предувѣдомленій, Анна Ѳедоровна, изобразивъ въ яркихъ краскахъ наше бѣдственное положеніе, сиротство, безнадежность, безпомощность, пригласила насъ, какъ она сама выразилась, у ней пріютиться. Матушка благодарила, но долго не рѣшалась; но такъ какъ дѣлать было нéчего, и иначе распорядиться никакъ нельзя, то и объявила наконецъ Аннѣ Ѳедоровнѣ, что ея предложеніе мы принимаемъ съ благодарностію. Какъ теперь помню утро, въ которое мы перебирались съ Петербургской стороны на Васильевскій островъ. Утро было осеннее, ясное, сухое, морозное. Матушка плакала; мнѣ было ужасно грустно; грудь у меня разрывалась, душу томило отъ какой-то неизъяснимой, страшной тоски... Тяжкое было время. . . . . .

II.

Сначала, покамѣстъ еще мы, то есть я и матушка, не обжились на нашемъ новосельи, намъ обѣимъ было какъ-то жутко, дико у Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна жила въ собственномъ домѣ, въ шестой линіи. Въ домѣ всего было пять чистыхъ комнатъ. Въ трехъ изъ нихъ жила Анна Ѳедоровна и двоюродная сестра моя, Саша, которая у ней воспитывалась, — ребенокъ, сиротка, безъ отца и матери. Потомъ, въ одной комнатѣ жили мы, и, наконецъ, въ послѣдней комнатѣ, рядомъ съ нами, помѣщался одинъ бѣдный студентъ Покровскій, жилецъ у Анны Ѳедоровны. Анна Ѳедоровна жила очень хорошо, богаче, чѣмъ бы можно было предполагать; но состояніе ея было загадочно, такъ же какъ и ея занятія. Она всегда суетилась, всегда была озабочена, выѣзжала и выходила по нѣскольку разъ въ день; но что она дѣлала, о чемъ заботилась и для чего заботилась, этого

я никакъ не могла угадать. Знакомство у ней было большое и разнообразное. Къ ней все, бывало, гости ѣздили, и все Богъ-знаетъ какіе люди, всегда по какимъ-то дѣламъ и на минутку. Матушка всегда уводила меня въ нашу комнату, бывало, только-что зазвенитъ колокольчикъ. Анна Ѳедоровна ужасно сердилась за это на матушку и безпрерывно твердила, что ужь мы слишкомъ горды, что не по силамъ горды, что было бы еще чѣмъ гордиться, и по цѣлымъ часамъ не умолкала. Я не понимала тогда этихъ упрековъ въ гордости; точно также я только теперь узнала, или по-крайней-мѣрѣ предугадываю, почему матушка не рѣшалась жить у Анны Ѳедоровны. Злая женщина была Анна Ѳедоровна; она безпрерывно насъ мучила. До-сихъ-поръ для меня тайна, зачѣмъ именно она приглашала насъ къ себѣ? Сначала она была съ нами довольно ласкова, — а потомъ ужь и выказала свой настоящій характеръ вполнѣ, какъ увидала, что мы совершенно безпомощны и что намъ идти некуда. Впослѣдствіи, со мной она сдѣлалась весьма ласкова, даже какъ-то грубо ласкова, до лести, но сначала и я терпѣла за одно съ матушкой. Поминутно попрекала она насъ; только и дѣлала, что твердила о своихъ благодѣяніяхъ. Постороннимъ людямъ рекомендовала насъ, какъ своихъ бѣдныхъ родственницъ, вдовицу и сироту безпомощныхъ, которыхъ она изъ милости, ради любви христіанской, у себя пріютила. За столомъ каждый кусокъ, который мы брали, слѣдила глазами, а если мы не ѣли, такъ опять начиналась исторія: дескать мы гнушаемся; не взыщите, чѣмъ богата тѣмъ и рада; было ли бы еще у насъ самихъ лучше. Батюшку поминутно бранила; говорила, что лучше другихъ хотѣлъ быть, да худо и вышло; дескать жену съ дочерью пустилъ по міру, и что не нашлось бы родственницы благодѣтельной, христіанской души, сострадательной, такъ еще Богъ-знаетъ, пришлось бы, можетъ-быть, среди улицы съ голоду сгнить. Чего-чего она не говорила! Не такъ горько, какъ отвратительно было ее слушать. Матушка поминутно плакала; здоровье ея становилось день-ото-дня хуже, она видимо чахла, а между-тѣмъ мы съ нею работали съ утра до ночи, доставали заказную работу, шили, что очень не нравилось Аннѣ Ѳедоровнѣ; она поминутно говорила, что у нея не модный магазинъ въ домѣ. Но нужно было одѣваться, нужно было на непредвидимые расходы откладывать; нужно было непремѣнно свои деньги имѣть. Мы на всякій случай копили, надѣялись, что можно будетъ со временемъ переѣхать куда-нибудь. Но матушка послѣд-

нее здоровье свое потеряла на работѣ: она слабѣла съ каждымъ днемъ. Болѣзнь, какъ червь, видимо подтачивала жизнь ея и близила къ гробу. Я все видѣла, все чувствовала, все выстрадала; все это было на глазахъ моихъ!

Дни проходили за днями и каждый новый день былъ похожъ на предъидущій. Мы жили тихо, какъ-будто и не въ городѣ. Анна Ѳедоровна мало-по-малу утихала, по мѣрѣ того, какъ сама стала вполнѣ сознавать свое владычество. Ей, впрочемъ, никогда и никто не думалъ прекословить. Въ нашей комнатѣ мы были отдѣлены отъ ея половины корридоромъ, а рядомъ съ нами, какъ я уже упоминала, жилъ Покровскій. Онъ училъ Сашу французскому и нѣмецкому языкамъ, исторіи, географіи — всѣмъ наукамъ, какъ говорила Анна Ѳедоровна, и за то получалъ отъ нея квартиру и столъ; Саша была препонятливая дѣвочка, хотя рѣзвая и шалунья; ей было тогда лѣтъ тринадцать. Анна Ѳедоровна замѣтила матушкѣ, что не дурно бы было, если бы и я стала учиться, за тѣмъ, что въ пансіонѣ меня не доучили. Матушка съ радостію согласилась, и я цѣлый годъ училась у Покровскаго вмѣстѣ съ Сашей.

Покровскій былъ бѣдный, очень бѣдный молодой человѣкъ; здоровье его не позволяло ему ходить постоянно учиться, и его такъ, по привычкѣ только, звали у насъ студентомъ. Жилъ онъ скромно, смирно, тихо, такъ что и не слышно бывало его изъ нашей комнаты. Съ виду онъ былъ такой странный; такъ неловко ходилъ, такъ неловко раскланивался, такъ чудно говорилъ, что я сначала на него безъ смѣху и смотрѣть не могла. Саша безпрерывно надъ нимъ проказничала, особенно, когда онъ намъ уроки давалъ. А онъ въ добавокъ былъ раздражительнаго характера, безпрестанно сердился, за каждую малость изъ себя выходилъ, кричалъ на насъ, жаловался на насъ и часто, не докончивъ урока, разсерженный уходилъ въ свою комнату. У себя же онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ за книгами. У него было много книгъ, и все такія дорогія, рѣдкія книги. Онъ кое-гдѣ еще училъ, получалъ кое-какую плату, такъ что чуть бывало у него заведутся деньги, такъ онъ тотчасъ идетъ себѣ книгъ покупать.

Со временемъ я узнала его лучше, короче. Онъ былъ добрѣйшій, достойнѣйшій человѣкъ, наилучшій изъ всѣхъ, которыхъ мнѣ встрѣчать удавалось. Матушка его весьма уважала. Потомъ онъ и для меня былъ лучшимъ изъ друзей, — разумѣется, послѣ матушки.

Сначала я, такая большая дѣвушка, шалила за одно съ Сашей, и мы, бывало, по цѣлымъ часамъ ломаемъ головы, какъ бы раздразнить и вывесть его изъ терпѣнія. Онъ ужасно смѣшно сердился, а намъ это было чрезвычайно забавно. (Мнѣ даже и вспоминать это стыдно.) Разъ мы раздразнили его чѣмъ-то чуть не до слезъ, и я слышала ясно какъ онъ прошепталъ: «Злыя дѣти». Я вдругъ смутилась; мнѣ стало и стыдно и горько и жалко его. Я помню, что я покраснѣла до ушей и чуть не со слезами на глазахъ стала просить его успокоиться и не обижаться нашими глупыми шалостями, но онъ закрылъ книгу, не докончилъ намъ урока и ушелъ въ свою комнату. Я цѣлый день надрывалась отъ раскаянія. Мысль о томъ, что мы, дѣти, своими жестокостями довели его до слезъ, была для меня нестерпима. Мы, стало быть, ждали его слезъ. Намъ, стало быть, ихъ хотѣлось; стало быть, мы успѣли его изъ послѣдняго терпѣнія вывесть, стало быть, мы насильно заставили его, несчастнаго, бѣднаго, о своемъ лютомъ жребіи вспомнить! Я всю ночь не спала отъ досады, отъ грусти, отъ раскаянья. Говорятъ, что раскаянье облегчаетъ душу — напротивъ. Не знаю, какъ примѣшалось къ моему горю и самолюбіе. Мнѣ не хотѣлось, чтобы онъ считалъ меня за ребенка. Мнѣ тогда было уже пятнадцать лѣтъ.

Съ этого дня, я начала мучить воображеніе мое, создавая тысячи плановъ, какимъ бы образомъ вдругъ заставить Покровскаго измѣнить свое мнѣніе обо мнѣ. Но я была подъ-часъ робка и застѣнчива; въ настоящемъ положеніи моемъ, я ни на что не могла рѣшиться и ограничивалась одними мечтаніями (и Богъ знаетъ какими мечтаніями!). Я перестала только проказничать вмѣстѣ съ Сашей; онъ пересталъ на насъ сердиться; но для самолюбія моего этого было мало.

Теперь скажу нѣсколько словъ объ одномъ самомъ странномъ, самомъ любопытномъ и самомъ жалкомъ человѣкѣ изъ всѣхъ, которыхъ когда-либо мнѣ случалось встрѣчать. Потому говорю о немъ теперь, именно въ этомъ мѣстѣ моихъ записокъ, что до самой этой эпохи я почти не обращала на него никакого вниманія; — такъ все касавшееся Покровскаго стало для меня вдругъ занимательно!

У насъ въ домѣ являлся иногда старичокъ, запачканный, дурно-одѣтый, маленькій, сѣденькій, мѣшковатый, неловкій, однимъ словомъ странный донельзя. Съ перваго взгляда на него можно было подумать, что онъ какъ-будто чего-то стыдится, какъ-будто ему себя самого совѣстно. Отъ-того онъ все какъ-

то ёжился, какъ-то кривлялся; такія ухватки, ужимки были у него, что можно было почти не ошибаясь заключить, что онъ не въ своемъ умѣ. Придетъ, бывало, къ намъ, да и стоитъ въ сѣняхъ у стеклянныхъ дверей, и въ домъ войти не смѣетъ. Кто изъ насъ мимо пройдетъ — я или Саша, или изъ слугъ, кого онъ зналъ подобрѣе къ нему — то онъ сейчасъ машетъ, манитъ къ себѣ, дѣлаетъ разные знаки, и развѣ только когда кивнешь ему головою и позовешь его — условный знакъ, что въ домѣ нѣтъ никого посторонняго и что ему можно войти, когда ему угодно — только тогда старикъ тихонько отворялъ дверь, радостно улыбался, потиралъ руки отъ удовольствія и на цыпочкахъ прямо отправлялся въ комнату Покровскаго. Это былъ его отецъ.

Потомъ я узнала подробно всю исторію этого бѣднаго старика. Онъ когда-то гдѣ-то служилъ, былъ безъ малѣйшихъ способностей, и занималъ самое послѣднее, самое незначительное мѣсто на службѣ. Когда умерла первая его жена (мать студента Покровскаго), то онъ вздумалъ жениться во второй разъ, и женился на мѣщанкѣ. При новой женѣ, въ домѣ все пошло вверхъ дномъ; никому житья отъ нея не стало; она всѣхъ къ рукамъ прибрала. Студентъ Покровскій былъ тогда еще ребенкомъ, лѣтъ десяти. Мачиха его возненавидѣла. Но маленькому Покровскому благопріятствовала судьба. Помѣщикъ Быковъ, знавшій чиновника Покровскаго и бывшій нѣкогда его благодѣтелемъ, принялъ ребенка подъ свое покровительство и помѣстилъ его въ какую-то школу. Интересовался же онъ имъ потому, что зналъ его покойную мать, которая еще въ дѣвушкахъ была облагодѣтельствована Анной Ѳедоровной, и выдана ею за мужъ за чиновника Покровскаго. Господинъ Быковъ, другъ и короткій знакомый Анны Ѳедоровны, движимый великодушіемъ, далъ за невѣстой пять тысячъ рублей приданаго. Куда эти деньги пошли — неизвѣстно. Такъ мнѣ разсказывала все это Анна Ѳедоровна; самъ же студентъ Покровскій никогда не любилъ говорить о своихъ семейныхъ обстоятельствахъ. Говорятъ, что его мать была очень хороша собою, и мнѣ странно кажется, почему она такъ неудачно вышла за мужъ, за такого незначительнаго человѣка... Она умерла еще въ молодыхъ лѣтахъ, года четыре спустя послѣ замужества.

Изъ школы молодой Покровскій поступилъ въ какую-то гимназію, и потомъ въ университетъ. Господинъ Быковъ, весьма часто пріѣзжавшій въ Петербургъ, и тутъ не оставилъ его сво-

имъ покровительствомъ. За разстроеннымъ здоровьемъ своимъ, Покровскій не могъ продолжать занятій своихъ въ университетѣ. Господинъ Быковъ познакомилъ его съ Анной Ѳедоровной, самъ рекомендовалъ его, и такимъ образомъ молодой Покровскій былъ принятъ на хлѣбы, съ уговоромъ учить Сашу всему, чему ни потребуется.

Старикъ же Покровскій, съ горя отъ жестокостей жены своей, предался самому дурному пороку и почти всегда бывалъ въ нетрезвомъ видѣ. Жена его бивала, сослала жить въ кухню и до того довела, что онъ наконецъ привыкъ къ побоямъ и дурному обхожденію и не жаловался. Онъ былъ еще не очень старый человѣкъ, но отъ дурныхъ наклонностей почти изъ ума выжилъ. Единственнымъ же признакомъ человѣческихъ благородныхъ чувствъ была въ немъ неограниченная любовь къ сыну. Говорили, что молодой Покровскій похожъ какъ двѣ капли воды на покойную мать свою. Не воспоминанія ли о прежней, доброй женѣ породили въ сердцѣ погибшаго старика такую безпредѣльную любовь къ нему? Старикъ и говорить больше ни о чемъ не могъ, какъ о сынѣ, и постоянно два раза въ недѣлю навѣщалъ его. Чаще же приходить онъ не смѣлъ, потому-что молодой Покровскій терпѣть не могъ отцовскихъ посѣщеній. Изъ всѣхъ его недостатковъ, безспорно первымъ и важнѣйшимъ было неуваженіе къ отцу. Впрочемъ, и старикъ былъ подъ-часъ пренесноснѣйшимъ существомъ на свѣтѣ. Во-первыхъ, онъ былъ ужасно любопытенъ, во-вторыхъ разговорами и разспросами, самыми пустыми и безтолковыми, онъ поминутно мѣшалъ сыну заниматься, и наконецъ являлся иногда въ нетрезвомъ видѣ. Сынъ понемногу отучалъ старика отъ пороковъ, отъ любопытства и отъ поминутнаго болтанія, и наконецъ довелъ до того, что тотъ слушалъ его во всемъ, какъ оракула, и рта не смѣлъ разинуть безъ его позволенія.

Бѣдный старикъ не могъ надивиться и нарадоваться на своего Петиньку (такъ онъ называлъ сына). Когда онъ приходилъ къ нему въ гости, то почти всегда имѣлъ какой-то озабоченный, робкій видъ, вѣроятно отъ неизвѣстности, какъ-то его приметъ сынъ, обыкновенно долго не рѣшался войти, и если я тутъ случалась, такъ онъ меня минутъ двадцать, бывало, разспрашивалъ — что, каковъ Петинька? здоровъ ли онъ? въ какомъ именно расположеніи духа, и не занимается ли чѣмъ-нибудь важнымъ? Что онъ именно дѣлаетъ? Пишетъ ли, читаетъ ли, или размышленіями какими занимается? Когда я его дос-

таточно ободряла и успокоивала, то старикъ наконецъ рѣшался войти и тихо-тихо, осторожно-осторожно отворялъ двери, просовывалъ сначала одну голову, и если видѣлъ, что сынъ не сердится и кивнулъ ему головой, то тихонько проходилъ въ комнату, снималъ свою шинельку, шляпу, которая вѣчно у него была измятая, дырявая, съ оторванными полями, — все вѣшалъ на крюкъ, все дѣлалъ тихо, неслышно; потомъ садился гдѣ-нибудь осторожно на стулъ и съ сына глазъ не спускалъ, всѣ движенія его ловилъ, желая угадать расположеніе духа своего Петиньки. Если сынъ чуть-чуть былъ не въ духѣ, и старикъ примѣчалъ это, то тотчасъ приподымался съ мѣста и объяснялъ «что, дескать, я такъ, Петинька, я на минутку. Я, вотъ, далеко ходилъ, проходилъ мимо и отдохнуть зашелъ.» И потомъ безмолвно, покорно бралъ свою шинельку, шляпенку, опять потихоньку отворялъ дверь и уходилъ, улыбаясь черезъ силу, чтобы удержать въ душѣ накипѣвшее горе и не выказать его сыну.

Но когда сынъ приметъ, бывало, отца хорошо, то старикъ себя не слышитъ отъ радости. Удовольствіе проглядывало въ его лицѣ, въ его жестахъ, въ его движеніяхъ. Если сынъ съ нимъ заговаривалъ, то старикъ всегда приподымался немного со стула, и отвѣчалъ тихо, подобострастно, почти съ благоговѣніемъ, и всегда стараясь употреблять отборнѣйшія, т. е. самыя смѣшныя выраженія. Но даръ слова ему не давался: всегда смѣшается и сробѣетъ, такъ что не знаетъ куда руки дѣвать, куда себя дѣвать, и послѣ еще долго про-себя отвѣтъ шепчетъ, какъ-бы желая поправиться. Если же удавалось отвѣчать хорошо, то старикъ охорашивался, оправлялъ на себѣ жилетку, галстухъ, фракъ и принималъ видъ собственнаго достоинства. А бывало до того ободрялся, до того простиралъ свою смѣлость, что тихонько вставалъ со стула, подходилъ къ полкѣ съ книгами, бралъ какую-нибудь книжку, и даже тутъ же прочитывалъ что-нибудь, какая бы ни была книга. Все это онъ дѣлалъ съ видомъ притворнаго равнодушія и хладнокровія, какъ-будто бы онъ и всегда могъ такъ хозяйничать съ сыновними книгами, какъ будто ему и не въ диковину ласка сына. Но мнѣ разъ случилось видѣть, какъ бѣднякъ испугался, когда Покровскій попросилъ его не трогать книгъ. Онъ смѣшался, заторопился, поставилъ книгу вверхъ ногами, потомъ хотѣлъ поправиться, перевернулъ и поставилъ обрѣзомъ наружу, улыбался, краснѣлъ, и не зналъ чѣмъ загладить свое преступленіе. Покровскій своими совѣтами отучалъ понемногу старика отъ дурныхъ наклон-

ностей, и какъ только видѣлъ его раза три сряду въ трезвомъ видѣ, то при первомъ посѣщеніи давалъ ему на прощаньи по четвертачку, по полтинничку или больше. Иногда покупалъ ему сапоги, галстухъ или жилетку. За то старикъ въ своей обновѣ былъ гордъ какъ пѣтухъ. Иногда онъ заходилъ къ намъ. Приносилъ мнѣ и Сашѣ пряничныхъ пѣтушковъ, яблоковъ, и все бывало толкуетъ съ нами о Петинькѣ. Просилъ насъ учиться внимательно, слушаться, говорилъ, что Петинька добрый сынъ, примѣрный сынъ, и въ добавокъ ученый сынъ. Тутъ онъ такъ, бывало, смѣшно намъ подмигивалъ лѣвымъ глазкомъ, такъ забавно кривлялся, что мы не могли удержаться отъ смѣха и хохотали надъ нимъ отъ души. Маменька его очень любила. Но старикъ ненавидѣлъ Анну Ѳедоровну, хотя былъ предъ нею тише воды, ниже травы.

Скоро я перестала учиться у Покровскаго. Меня онъ по прежнему считалъ ребенкомъ, рѣзвой дѣвочкой, на одномъ ряду съ Сашей. Мнѣ было это очень больно, потому что я всѣми силами старалась загладить мое прежнее поведеніе. Но меня не замѣчали. Это раздражало меня болѣе и болѣе. Я никогда почти не говорила съ Покровскимъ внѣ классовъ, да и не могла говорить. Я краснѣла, мѣшалась, и потомъ гдѣ-нибудь въ уголку плакала отъ досады.

Я не знаю, чѣмъ бы это все кончилось, еслибъ сближенію нашему не помогло одно странное обстоятельство. Однажды вечеромъ, когда матушка сидѣла у Анны Ѳедоровны, я тихонько вошла въ комнату Покровскаго. Я знала, что его не было дома, и право не знаю отъ-чего мнѣ вздумалось войти къ нему. До сихъ поръ я никогда и не заглядывала къ нему, хотя мы прожили рядомъ уже слишкомъ годъ. Въ этотъ разъ сердце у меня билось такъ сильно, такъ сильно, что казалось изъ груди хотѣло выпрыгнуть. Я осмотрѣлась кругомъ съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ. Комната Покровскаго была весьма бѣдно убрана; порядка было мало. На стѣнахъ прибито было пять длинныхъ полокъ съ книгами. На столѣ и на стульяхъ лежали бумаги. Книги да бумаги! Меня посѣтила странная мысль, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то непріятное чувство досады овладѣло мною. Мнѣ казалось, что моей дружбы, моего любящаго сердца, было мало ему. Онъ былъ ученъ, а я была глупа и ничего не знала, ничего не читала, ни одной книги... Тутъ я завистливо поглядѣла на длинныя полки, которыя ломились подъ книгами. Мною овладѣла досада, тоска, какое-то бѣшенство. Мнѣ захотѣ-

лось, и я тутъ же рѣшилась прочесть его книги, всѣ до одной и какъ можно скорѣе. Не знаю, можетъ быть я думала, что научившись всему, что онъ зналъ, буду достойнѣе его дружбы. Я бросилась къ первой полкѣ; не думая, не останавливаясь схватила въ руки первый попавшійся запыленный, старый томъ, и краснѣя, блѣднѣя, дрожа отъ волненія и страха, утащила къ себѣ краденую книгу, рѣшившись прочесть ее ночью, у ночника, когда заснетъ матушка.

Но какъ же мнѣ стало досадно, когда я, придя въ нашу комнату, торопливо развернула книгу, и увидала какое-то старое, полусгнившее, все изъѣденное червями латинское сочиненіе. Я воротилась, не теряя времени. Только-что я хотѣла поставить книгу на полку, послышался шумъ въ корридорѣ и чьи-то близкіе шаги. Я заспѣшила, заторопилась, но несносная книга была такъ плотно поставлена въ рядъ, что когда я вынула одну, всѣ остальныя раздались сами собою, и сплотились такъ, что теперь для прежняго ихъ товарища не оставалось болѣе мѣста. Втиснуть книгу у меня не доставало силъ. Однакожь я толкнула книги какъ только могла сильнѣе. Ржавый гвоздь, на которомъ крѣпилась полка, и который, кажется, нарочно ждалъ этой минуты, чтобъ сломаться — сломался. Полка полетѣла однимъ концомъ внизъ. Книги съ шумомъ посыпались на полъ. Дверь отворилась и Покровскій вошелъ въ комнату.

Нужно замѣтить, что онъ терпѣть не могъ, когда кто-нибудь хозяйничалъ въ его владѣніяхъ. Бѣда тому, кто дотрогивался до книгъ его! Судите же о моемъ ужасѣ, когда книги, маленькія, большія, всевозможныхъ форматовъ, всевозможной величины и толщины, ринулись съ полки, полетѣли, запрыгали подъ столомъ, подъ стульями, по всей комнатѣ. Я было-хотѣла бѣжать, но было поздно. — «Кончено, думаю, кончено! Я пропала, погибла! Я балую, рѣзвлюсь какъ десятилѣтній ребенокъ; я глупая дѣвчонка! Я большая дура!!» — Покровскій разсердился ужасно. — «Ну вотъ этого не доставало еще! закричалъ онъ. Ну не стыдно ли вамъ такъ шалить!.. Уйметесь-ли вы когда нибудь?» и самъ бросился подбирать книги. Я было-нагнулась помогать ему. — «Не нужно, не нужно, закричалъ онъ. Лучше бы вы сдѣлали, еслибъ не ходили туда, куда васъ не просятъ.» — Но впрочемъ, немного смягченный моимъ покорнымъ движеніемъ, онъ продолжалъ уже тише, въ недавнемъ, наставническомъ тонѣ, пользуясь недавнимъ правомъ учителя: — «Ну когда вы остепенитесь, когда вы одумаетесь? Вѣдь вы на

себя посмотрите, вѣдь ужь вы не ребенокъ, не маленькая дѣвочка, вѣдь вамъ уже пятнадцать лѣтъ!» — И тутъ, вѣроятно, желая повѣрить, справедливо ли то, что я ужь не маленькая, онъ взглянулъ на меня и покраснѣлъ до ушей. Я не понимала; я стояла передъ нимъ и смотрѣла на него во всѣ глаза въ изумленіи. Онъ привсталъ, подошелъ съ смущеннымъ видомъ ко мнѣ, смѣшался ужасно, что-то заговорилъ, кажется въ чемъ-то извинялся, можетъ-быть въ томъ, что только теперь замѣтилъ, что я такая большая дѣвушка. Наконецъ я поняла. Я не помню, что со мной тогда сталось; — я смѣшалась, потерялась, покраснѣла еще больше Покровскаго, закрыла лицо руками и выбѣжала изъ комнаты.

Я не знала, что мнѣ оставалось дѣлать, куда было дѣваться отъ стыда. Одно то, что онъ засталъ меня въ своей комнатѣ! Цѣлыхъ три дня я на него взглянуть не могла. Я краснѣла до слезъ. Мысли самыя странныя, мысли смѣшныя вертѣлись въ головѣ моей. Одна изъ нихъ, самая сумасбродная, была та, что я хотѣла идти къ нему, объясниться съ нимъ, признаться ему во всемъ, откровенно разсказать ему все, и увѣрить его, что я поступила не какъ глупая дѣвочка, но съ добрымъ намѣреніемъ. Я было и совсѣмъ рѣшилась идти, но, слава Богу, смѣлости не достало. Воображаю, что бы я надѣлала! Мнѣ и теперь обо всемъ этомъ вспоминать совѣстно.

Нѣсколько дней спустя, матушка вдругъ сдѣлалась опасно больна. Она уже два дня не вставала съ постели и на третью ночь была въ жару и въ бреду. Я уже не спала одну ночь, ухаживая за матушкой, сидѣла у ея кровати, подносила ей питье и давала въ опредѣленные часы лекарства. На вторую ночь я измучилась совершенно. По временамъ меня клонилъ сонъ, въ глазахъ зеленѣло, голова шла кругомъ, и я каждую минуту готова была упасть отъ утомленія, но слабые стоны матери пробуждали меня, я вздрагивала, просыпалась на мгновеніе, а потомъ дремота опять одолѣвала меня. Я мучилась. Я не знаю — я не могу припомнить себѣ — но какой-то страшный сонъ, какое-то ужасное видѣніе посѣтило мою разстроенную голову въ томительную минуту борьбы сна съ бдѣніемъ. Я проснулась въ ужасѣ... Въ комнатѣ было темно, ночникъ погасалъ, полосы свѣта то вдругъ обливали всю комнату, то чуть-чуть мелькали по стѣнѣ, то исчезали совсѣмъ. Мнѣ стало отъ чего-то страшно, какой-то ужасъ напалъ на меня; воображеніе мое взволновано было ужаснымъ сномъ; тоска сдавила мое сердце... Я

вскочила со стула и невольно вскрикнула отъ какого-то мучительнаго, страшно-тягостнаго чувства. Въ это время отворилась дверь, и Покровскій вошелъ къ намъ въ комнату.

Я помню только то, что я очнулась на его рукахъ. Онъ бережно посадилъ меня въ кресла, подалъ мнѣ стаканъ воды и засыпалъ вопросами. Не помню, что я ему отвѣчала. — «Вы больны, вы сами очень больны», сказалъ онъ, взявъ меня за руку: «у васъ жаръ, вы себя губите, вы своего здоровья не щадите; успокойтесь, лягьте, засните. Я васъ разбужу черезъ два часа, успокойтесь немного... Ложитесь же, ложитесь!» продолжалъ онъ, не давая мнѣ выговорить ни одного слова въ возраженіе. Усталость отняла у меня послѣднія силы; глаза мои закрывались отъ слабости. Я прилегла въ кресла, рѣшившись заснуть только на полчаса, и проспала до утра. Покровскій разбудилъ меня только тогда, когда пришло время давать матушкѣ лекарство.

На другой день, когда я, отдохнувъ немного днемъ, приготовилась опять сидѣть въ креслахъ у постели матушки, твердо рѣшившись въ этотъ разъ не засыпать, Покровскій часовъ въ одиннадцать постучался въ нашу комнату. Я отворила. «Вамъ скучно сидѣть одной», сказалъ онъ мнѣ: — «вотъ вамъ книга; возьмите; все не такъ скучно будетъ.» Я взяла; я не помню, какая эта была книга; врядъ ли я тогда въ нее заглянула, хоть всю ночь не спала. Странное внутреннее волненіе не давало мнѣ спать; я не могла оставаться на одномъ мѣстѣ; нѣсколько разъ вставала съ креселъ и начинала ходить по комнатѣ. Какое-то внутреннее довольство разливалось по всему существу моему. Я такъ была рада вниманію Покровскаго. Я гордилась безпокойствомъ и заботами его обо мнѣ. Я продумала и промечтала всю ночь. Покровскій не заходилъ болѣе; и я знала, что онъ не придетъ, и загадывала о слѣдующемъ вечерѣ.

Въ слѣдующій вечеръ, когда въ домѣ ужь всѣ улеглись, Покровскій отворилъ свою дверь и началъ со мной разговаривать, стоя у порога своей комнаты. Я не помню теперь ни одного слова изъ того, что мы сказали тогда другъ другу; помню только, что я робѣла, мѣшалась, досадовала на себя, и съ нетерпѣніемъ ожидала окончанія разговора, хотя сама всѣми силами желала его, цѣлый день мечтала о немъ и сочиняла мои вопросы и отвѣты... Съ этого вечера началась первая завязка нашей дружбы. Во все продолженіе болѣзни матушки, мы каждую ночь по нѣскольку часовъ проводили вмѣстѣ. Я мало по малу

побѣдила свою застѣнчивость, хотя, послѣ каждаго разговора нашего, все еще было за что на себя подосадовать. Впрочемъ, я съ тайною радостію и съ гордымъ удовольствіемъ видѣла, что онъ изъ-за меня забывалъ свои несносныя книги. Случайно, въ шутку, разговоръ зашелъ разъ о паденіи ихъ съ полки. Минута была странная, я какъ-то *слишкомъ* была откровенна и чистосердечна; горячность, странная восторженность увлекли меня, и я призналась ему во всемъ... въ томъ, что мнѣ хотѣлось учиться, что-нибудь знать, что мнѣ досадно было, что меня считаютъ дѣвочкой, ребенкомъ... Повторяю, что я была въ престранномъ расположеніи духа; сердце мое было мягко, въ глазахъ стояли слезы, — я не утаила ничего, и разсказала все, все — про мою дружбу къ нему, про желаніе любить его, жить съ нимъ заодно сердцемъ, утѣшить его, успокоить его. Онъ посмотрѣлъ на меня какъ-то странно, съ замѣшательствомъ, съ изумленіемъ, и не сказалъ мнѣ ни слова. Мнѣ стало вдругъ ужасно больно, грустно. Мнѣ показалось, что онъ меня не понимаетъ, что онъ, можетъ быть, надо мною смѣется. Я заплакала вдругъ, какъ дитя, зарыдала, сама себя удержать не могла; точно, я была въ какомъ-то припадкѣ. Онъ схватилъ мои руки, цаловалъ ихъ, прижималъ къ груди своей, уговаривалъ, утѣшалъ меня; онъ былъ сильно тронутъ; не помню, что онъ мнѣ говорилъ, но только я и плакала и смѣялась и опять плакала, краснѣла, не могла слова вымолвить отъ радости. Впрочемъ, не смотря на волненіе мое, я замѣтила, что въ Покровскомъ все-таки оставалось какое-то смущеніе и принужденіе. Кажется, онъ не могъ надивиться моему увлеченію, моему восторгу, такой внезапной, горячей, пламенной дружбѣ. Можетъ быть ему было только любопытно сначала; впослѣдствіи нерѣшительность его исчезла, и онъ, съ такимъ же простымъ, прямымъ чувствомъ, какъ и я, принималъ мою привязанность къ нему, мои привѣтливыя слова, мое вниманіе, и отвѣчалъ на все это тѣмъ же вниманіемъ, такъ же дружелюбно и привѣтливо, какъ искренній другъ мой, какъ родной братъ мой. Моему сердцу было такъ тепло, такъ хорошо!... Я не скрывалась, не таилась ни въ чемъ; онъ все это видѣлъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывался ко мнѣ.

И право не помню, о чемъ мы не переговорили съ нимъ въ эти мучительные и вмѣстѣ сладкіе часы нашихъ свиданій, ночью, при дрожащемъ свѣтѣ лампадки, и почти у самой постели моей бѣдной больной матушки?.. Обо всемъ, что́ на умъ прихо-

дило, что съ сердца срывалось, что просилось высказаться, — и мы почти были счастливы... Охъ, это было и грустное и радостное время, — все вмѣстѣ; и мнѣ и грустно и радостно теперь вспоминать о немъ. Воспоминанія, радостныя ли, горькія ли, всегда мучительны; по крайней мѣрѣ такъ у меня; но и мученіе это сладостно. И когда сердцу становится тяжело, больно, томительно, грустно, тогда воспоминанія свѣжатъ и живятъ его, какъ капли росы въ влажный вечеръ, послѣ жаркаго дня, свѣжатъ и живятъ бѣдный, чахлый цвѣтокъ, сгорѣвшій отъ зноя дневнаго.

Матушка выздоравливала, но я все еще продолжала сидѣть по ночамъ у ея постели. Часто Покровскій давалъ мнѣ книги; я читала, сначала, чтобъ не заснуть, потомъ внимательнѣе, потомъ съ жадностію; передо мной внезапно открылось много новаго, доселѣ невѣдомаго, незнакомаго мнѣ. Новыя мысли, новыя впечатлѣнія разомъ, обильнымъ потокомъ прихлынули къ моему сердцу. И чѣмъ болѣе волненія, чѣмъ болѣе смущенія и труда стоилъ мнѣ пріемъ новыхъ впечатлѣній, тѣмъ милѣе они были мнѣ, тѣмъ сладостнѣе потрясали всю душу. Разомъ вдругъ, втолпились они въ мое сердце, не давая ему отдохнуть. Какой-то странный хаосъ сталъ возмущать все существо мое. Но это духовное насиліе не могло и не въ силахъ было разстроить меня совершенно. Я была слишкомъ мечтательна и это спасло меня.

Когда кончилась болѣзнь матушки, наши вечернія свиданія и длинные разговоры прекратились; намъ удавалось иногда мѣняться словами, часто пустыми и малозначущими, но мнѣ любо было давать всему свое значеніе, свою цѣну особую, подразумѣваемую. Жизнь моя была полна, я была счастлива, покойно, тихо-счастлива. Такъ прошло нѣсколько недѣль...

Какъ-то разъ зашелъ къ намъ старикъ Покровскій. Онъ долго съ нами болталъ, былъ не по обыкновенному веселъ, бодръ, разговорчивъ; смѣялся, острилъ по-своему, и наконецъ разрѣшилъ загадку своего восторга и объявилъ намъ, что ровно черезъ недѣлю будетъ день рожденія Петиньки, и что по сему случаю онъ непремѣнно придетъ къ сыну; что онъ надѣнетъ новую жилетку и что жена обѣщалась купить ему новые сапоги. Однимъ словомъ, старикъ былъ счастливъ вполнѣ и болталъ обо всемъ, что ему на умъ попадалось.

День его рожденія! Этотъ день рожденія не давалъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Я непремѣнно рѣшилась напомнить о

своей дружбѣ Покровскому и что-нибудь подарить ему. Но что? Наконецъ я выдумала подарить ему книгъ. Я знала, что ему хотѣлось имѣть полное собраніе сочиненій Пушкина, въ послѣднемъ изданіи, и я рѣшила купить Пушкина. У меня своихъ собственныхъ денегъ было рублей тридцать, заработанныхъ рукодѣльемъ. Эти деньги были отложены у меня на новое платье. Тотчасъ я послала нашу кухарку, старуху Матрену, узнать, что̀ сто́итъ весь Пушкинъ. Бѣда! Цѣна всѣхъ одиннадцати книгъ, присовокупивъ сюда издержки на переплетъ, была по крайней мѣрѣ рублей шестьдесятъ. Гдѣ взять денегъ? Я думала-думала и не знала на что рѣшиться. У матушки просить не хотѣлось. Конечно, матушка мнѣ непремѣнно бы помогла; но тогда всѣ бы въ домѣ узнали о нашемъ подаркѣ; да къ тому же этотъ подарокъ обратился бы въ благодарность, въ плату за цѣлый годъ трудовъ Покровскаго. Мнѣ хотѣлось подарить одной, тихонько отъ всѣхъ. А за труды его со мною я хотѣла быть ему навсегда одолженною безъ какой бы то ни было уплаты, кромѣ дружбы моей. — Наконецъ я выдумала какъ выйдти изъ затрудненія.

Я знала, что у букинистовъ въ Гостиномъ дворѣ можно купить книгу иногда въ полъ-цѣны дешевле, если только поторговаться, часто мало-подержанную и почти совершенно новую. Я положила непремѣнно отправиться въ Гостиный дворъ. Такъ и случилось; на завтра же встрѣтилась какая-то надобность и у насъ и у Анны Ѳедоровны. Матушкѣ понездоровилось, Анна Ѳедоровна очень кстати полѣнилась, такъ что пришлось всѣ порученія возложить на меня, и я отправилась вмѣстѣ съ Матреной.

Къ моему счастію, я нашла весьма скоро Пушкина, и въ весьма красивомъ переплетѣ. Я начала торговаться. Сначала запросили дороже чѣмъ въ лавкахъ; но потомъ, впрочемъ не безъ труда, уходя нѣсколько разъ, я довела купца до того, что онъ сбавилъ цѣну и ограничилъ свои требованія только десятью рублями серебромъ. Какъ мнѣ весело было торговаться!.. Бѣдная Матрена не понимала, что со мной дѣлается, и зачѣмъ я вздумала покупать столько книгъ. Но ужасъ! Весь мой капиталъ былъ въ тридцать рублей ассигнаціями, а купецъ никакъ не соглашался уступить дешевле. Наконецъ, я начала упрашивать, просила-просила его, наконецъ упросила. Онъ уступилъ, но только два съ полтиною, и побожился, что и эту уступку онъ только ради меня дѣлаетъ, что я такая барышня хорошая,

а что для другаго-кого онъ ни за что бы не уступилъ. Двухъ съ половиною рублей не доставало! Я готова была заплакать съ досады. Но самое неожиданное обстоятельство помогло мнѣ въ моемъ горѣ.

Недалеко отъ меня, у другаго стола съ книгами, я увидала старика Покровскаго. Вокругъ него столпились четверо или пятеро букинистовъ; они его сбили съ послѣдняго толку, затормошили совсѣмъ. Всякій изъ нихъ предлагалъ ему свой товаръ, и чего-чего не предлагали они ему и чего-чего не хотѣлъ онъ купить! Бѣдный старикъ стоялъ посреди ихъ какъ будто забитый какой-нибудь, и не зналъ за что взяться изъ того, что ему предлагали. Я подошла къ нему и спросила — что онъ здѣсь дѣлаетъ? Старикъ мнѣ очень обрадовался; онъ любилъ меня безъ памяти, можетъ быть не менѣе Петиньки. — «Да вотъ книжки покупаю, Варвара Алексѣевна, отвѣчалъ онъ мнѣ, Петинькѣ покупаю книжки. Вотъ его день рожденія скоро будетъ, а онъ любитъ книжки, такъ вотъ я и покупаю ихъ для него...» — Старикъ и всегда смѣшно изъяснялся, а теперь въ добавокъ былъ въ ужаснѣйшемъ замѣшательствѣ. Къ чему ни прицѣпится, все рубль серебромъ, два рубля, три рубля серебромъ; ужь онъ къ большимъ книгамъ и не прицѣнивался, а такъ только завистливо на нихъ посматривалъ, перебиралъ пальцами листочки, вертѣлъ въ рукахъ и опять ихъ ставилъ на мѣсто. «Нѣтъ, нѣтъ, это дорого, говорилъ онъ вполголоса, а вотъ развѣ отсюдова что-нибудь» — и тутъ онъ начиналъ перебирать тоненькія тетрадки, пѣсенники, альманахи; это все было очень дешево. «Да зачѣмъ вы это все покупаете, спросила я его: это все ужасные пустяки.» — «Ахъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ, нѣтъ, вы посмотрите только, какія здѣсь есть хорошія книжки; очень-очень хорошія есть книжки!» — И послѣднія слова онъ такъ жалобно протянулъ нараспѣвъ, что мнѣ показалось, что онъ заплакать готовъ отъ досады, зачѣмъ книжки хорошія дороги, и что вотъ сейчасъ капнетъ слезинка съ его блѣдныхъ щекъ на красный носъ. Я спросила: «много ли у него денегъ?» — «Да вотъ — тутъ бѣдненькій вынулъ всѣ свои деньги, завернутыя въ засаленую газетную бумажку — вотъ полтинничекъ, двугривенничекъ, мѣди копѣекъ двадцать.» Я его тотчасъ потащила къ моему букинисту. — «Вотъ цѣлыхъ одиннадцать книгъ стоитъ всего-то тридцать два рубля съ полтиною; у меня есть тридцать; приложите два съ полтиною, и мы купимъ всѣ эти книги и подаримъ вмѣстѣ.» Старикъ обезумѣлъ отъ радос-

ти, высыпалъ всѣ свои деньги, и букинистъ навьючилъ на него всю нашу общую библіотеку. Мой старичокъ наложилъ книгъ во всѣ карманы, набралъ въ обѣ руки, подъ мышки, и унесъ все къ себѣ, давъ мнѣ слово принести всѣ книги на другой день тихонько ко мнѣ.

На другой день старикъ пришелъ къ сыну, съ часочикъ посидѣлъ у него по обыкновенію, потомъ зашелъ къ намъ и подсѣлъ ко мнѣ съ прекомическимъ таинственнымъ видомъ. Сначала съ улыбкой, потирая руки отъ гордаго удовольствія владѣть какой-нибудь тайной, онъ объявилъ мнѣ, что книжки всѣ пренезамѣтно перенесены къ намъ и стоятъ въ уголку, въ кухнѣ, подъ покровительствомъ Матрены. Потомъ разговоръ естественно перешелъ на ожидаемый праздникъ; потомъ старикъ распространился о томъ, какъ мы будемъ дарить, и чѣмъ далѣе углублялся онъ въ свой предметъ, чѣмъ болѣе о немъ говорилъ, тѣмъ примѣтнѣе мнѣ становилось, что у него есть что-то на душѣ, о чемъ онъ не можетъ, не смѣетъ, даже боится выразиться. Я все ждала и молчала. Тайная радость, тайное удовольствіе, что я легко читала доселѣ въ его странныхъ ухваткахъ, гримасничаньи, подмигиваньи лѣвымъ глазкомъ, исчезли. Онъ дѣлался поминутно все безпокойнѣе и тоскливѣе; наконецъ онъ не выдержалъ.

— Послушайте, началъ онъ робко, въ-полголоса: — послушайте, Варвара Алексѣевна... знаете ли что, Варвара Алексѣевна?.. — старикъ былъ въ ужасномъ замѣшательствѣ. — Видите: вы, какъ придетъ день его рожденія, возьмите десять книжекъ и подарите ихъ ему сами, т. е. отъ себя, съ своей стороны; я же возьму тогда одну одиннадцатую, и ужь тоже подарю отъ себя, т. е. собственно съ своей стороны. Такъ вотъ, видите ли — и у васъ будетъ что-нибудь подарить, и у меня будетъ что-нибудь подарить; у насъ обоихъ будетъ что-нибудь подарить. Тутъ старикъ смѣшался и замолчалъ. Я взглянула на него; онъ съ робкимъ ожиданіемъ ожидалъ моего приговора. — «Да зачѣмъ же вы хотите, чтобъ мы не вмѣстѣ дарили, Захаръ Петровичъ?» — «Да такъ, Варвара Алексѣевна, ужь такъ, ужь это такъ... — я вѣдь оно того...» — однимъ словомъ, старикъ замѣшался, покраснѣлъ, завязъ въ своей фразѣ и не могъ сдвинуться съ мѣста.

— Видите ли, объяснился онъ наконецъ. — Я, Варвара Алексѣевна, балуюсь подъ-часъ... т. е. я хочу доложить вамъ, что я почти и все балуюсь и всегда балуюсь... придерживаюсь

того, что нехорошо... т. е. знаете, этакъ на дворѣ такіе холода бываютъ, также иногда непріятности бываютъ разныя, или тамъ какъ-нибудь грустно сдѣлается; или что-нибудь изъ нехорошаго случится, такъ я и не удержусь подъ часъ, и забалуюсь, и выпью иногда лишнее. Петрушѣ это очень непріятно. Онъ, вотъ видите ли, Варвара Алексѣевна, сердится, бранитъ меня и мнѣ морали разныя читаетъ. Такъ вотъ-бы мнѣ и хотѣлось теперь самому доказать ему подаркомъ моимъ, что я исправляюсь и начинаю вести себя хорошо. Что вотъ я копилъ, чтобы книжку купить, долго копилъ, потому что у меня и денегъ-то почти никогда не бываетъ, развѣ случится, Петруша кое-когда дастъ. Онъ это знаетъ. Слѣдовательно, вотъ онъ и увидитъ употребленіе денегъ моихъ, и узнаетъ, что все это я для него одного дѣлаю.

Мнѣ стало ужасно жаль старика. Я думала не долго. Старикъ смотрѣлъ на меня съ безпокойствомъ. «Да слушайте, Захаръ Петровичъ», сказала я: «вы подарите ихъ ему всѣ». — «Какъ всѣ? т. е. книжки всѣ?» — «Ну да, книжки всѣ». — «И отъ себя?» — «Отъ себя». — «Отъ одного себя? то есть, отъ своего имени?» — «Ну да, отъ своего имени...» Я, кажется, очень ясно толковала, но старикъ очень долго не могъ понять меня.

— Ну да, говорилъ онъ задумавшись, да! это будетъ очень хорошо, это было бы весьма хорошо, только вы-то какъ же, Варвара Алексѣевна? — «Ну, да я ничего не подарю». — «Какъ!» закричалъ старикъ, почти испугавшись; «такъ вы ничего Петинькѣ не подарите, такъ вы ему ничего дарить не хотите?» Старикъ испугался; въ эту минуту онъ, кажется, готовъ былъ отказаться отъ своего предложенія, за тѣмъ, чтобы и я могла чѣмъ-нибудь подарить его сына. Добрякъ былъ этотъ старикъ! Я увѣрила его, что я бы рада была подарить что-нибудь, да только у него не хочу отнимать удовольствія. — «Если сынъ вашъ будетъ доволенъ, прибавила я, и вы будете рады, то и я буду рада, потому что въ тайнѣ-то, въ сердцѣ-то моемъ, буду чувствовать, какъ будто и на самомъ дѣлѣ я подарила». Этимъ старикъ совершенно успокоился. Онъ пробылъ у насъ еще два часа, но все это время на мѣстѣ не могъ усидѣть, вставалъ, возился, шумѣлъ, шалилъ съ Сашей, цаловалъ меня украдкой, щипалъ меня за руку и дѣлалъ тихонько гримасы Аннѣ Ѳедоровнѣ. Анна Ѳедоровна прогнала его наконецъ изъ

дома. Однимъ словомъ, старикъ отъ восторга такъ расходился, какъ, можетъ быть, никогда еще не бывало съ нимъ.

Въ торжественный день онъ явился ровно въ одиннадцать часовъ, прямо отъ обѣдни, во фракѣ, прилично заштопанномъ, и дѣйствительно въ новомъ жилетѣ и въ новыхъ сапогахъ. Въ обѣихъ рукахъ было у него по связкѣ книгъ. Мы всѣ сидѣли тогда въ залѣ у Анны Ѳедоровны и пили кофе (было воскресенье). Старикъ началъ, кажется, съ того, что Пушкинъ былъ весьма хорошій стихотворецъ; потомъ, сбиваясь и мѣшаясь, перешелъ вдругъ на то, что нужно вести себя хорошо, и что, если человѣкъ не ведетъ себя хорошо, то значитъ, что онъ балуется; что дурныя наклонности губятъ и уничтожаютъ человѣка; исчислилъ далѣе нѣсколько пагубныхъ примѣровъ невоздержанія, и заключилъ тѣмъ, что онъ съ нѣкотораго времени совершенно исправился, и что теперь ведетъ себя примѣрно хорошо. Что онъ и прежде чувствовалъ справедливость сыновнихъ наставленій, что онъ все это давно чувствовалъ и все на сердцѣ слагалъ, но теперь и на дѣлѣ сталъ удерживаться. Въ доказательство чего даритъ книги на скопленныя имъ, въ продолженіе долгаго времени, деньги.

Я не могла удержаться отъ слезъ и смѣха, слушая бѣднаго старика; вѣдь умѣлъ же налгать, когда нужда пришла! Книги были перенесены въ комнату Покровскаго и поставлены на полку. Покровскій тотчасъ угадалъ истину. Старика пригласили обѣдать. Этотъ день мы всѣ были такъ веселы. Послѣ обѣда играли въ фанты, въ карты; Саша рѣзвилась, я отъ нея не отставала. Покровскій былъ ко мнѣ внимателенъ и все искалъ случая поговорить со мною наединѣ, но я не давалась. Это былъ лучшій день въ цѣлые четыре года моей жизни.

А теперь все пойдутъ грустныя, тяжелыя воспоминанія; начнется повѣсть о моихъ черныхъ дняхъ. Вотъ отъ чего, можетъ быть, перо мое начинаетъ двигаться медленнѣе и какъ будто отказывается писать далѣе. Вотъ отъ чего, можетъ быть, я съ такимъ увлеченіемъ и съ такою любовью переходила въ памяти моей малѣйшія подробности моего маленькаго житья-бытья въ счастливые дни мои. Эти дни были такъ недолги; ихъ смѣнило горе, черное горе, которое Богъ одинъ знаетъ когда кончится.

Несчастія мои начались болѣзнію и смертію Покровскаго.

Онъ заболѣлъ два мѣсяца спустя, послѣ послѣднихъ происшествій, мною здѣсь описанныхъ. Въ эти два мѣсяца онъ неутомимо хлопоталъ о способахъ жизни, ибо до сихъ поръ онъ еще

не имѣлъ опредѣленнаго положенія. Какъ и всѣ чахоточные, онъ не разставался, до послѣдней минуты своей, съ надеждою жить еще очень долго. Ему выходило куда-то мѣсто въ учителя; но къ этому ремеслу онъ имѣлъ отвращеніе. Служить гдѣ-нибудь въ казенномъ мѣстѣ онъ не могъ за нездоровьемъ. Къ тому же долго бы нужно было ждать перваго оклада жалованья. Короче, Покровскій видѣлъ вездѣ только однѣ неудачи; характеръ его портился. Здоровье его разстраивалось; онъ этого не примѣчалъ. Подступала осень. Каждый день выходилъ онъ въ своей легкой шинелькѣ хлопотать по своимъ дѣламъ, просить и вымаливать себѣ гдѣ-нибудь мѣста, — что его внутренно мучило; промачивалъ ноги, мокъ подъ дождемъ, и наконецъ слегъ въ постель, съ которой не вставалъ уже болѣе.... Онъ умеръ въ глубокую осень, въ концѣ октября мѣсяца.

Я почти не оставляла его комнаты во все продолженіе его болѣзни, ухаживала за нимъ и прислуживала ему. Часто не спала цѣлыя ночи. Онъ рѣдко былъ въ памяти; часто былъ въ бреду; говорилъ Богъ знаетъ о чемъ, о своемъ мѣстѣ, о своихъ книгахъ, обо мнѣ, объ отцѣ... и тутъ-то я услышала многое изъ его обстоятельствъ, чего прежде не знала и о чемъ даже не догадывалась. Въ первое время болѣзни его, всѣ наши смотрѣли на меня какъ-то странно; Анна Ѳедоровна качала головою. Но я посмотрѣла всѣмъ прямо въ глаза, и за участіе мое къ Покровскому меня не стали осуждать болѣе — по крайней мѣрѣ матушка.

Иногда Покровскій узнавалъ меня, но это было рѣдко. Онъ былъ почти все время въ безпамятствѣ. Иногда по цѣлымъ ночамъ онъ говорилъ съ кѣмъ-то долго, долго, неясными темными словами, и хриплый голосъ его глухо отдавался въ тѣсной его комнатѣ, словно въ гробу; мнѣ тогда становилось страшно. Особенно въ послѣднюю ночь онъ былъ какъ изступленный; онъ ужасно страдалъ, тосковалъ; стоны его терзали мою душу. Всѣ въ домѣ были въ какомъ-то испугѣ. Анна Ѳедоровна все молилась, чтобъ Богъ его прибралъ поскорѣе. Призвали доктора. Докторъ сказалъ, что больной умретъ къ утру непремѣнно.

Старикъ Покровскій цѣлую ночь провелъ въ корридорѣ, у самой двери въ комнату къ сыну; тутъ ему постлали какую-то рогожку. Онъ поминутно входилъ въ комнату; на него страшно было смотрѣть. Онъ былъ такъ убитъ горемъ, что казался совершенно безчувственнымъ и безсмысленнымъ. Голова его тряслась отъ страха. Онъ самъ весь дрожалъ, и все что-то шепталъ

про-себя, о чемъ-то разсуждалъ самъ съ собою. Мнѣ казалось, что онъ съ ума сойдетъ съ горя.

Передъ разсвѣтомъ, старикъ, усталый отъ душевной боли, заснулъ на своей рогожкѣ какъ убитый. Въ восьмомъ часу сынъ сталъ умирать; я разбудила отца. Покровскій былъ въ полной памяти и простился со всѣми нами. Чудно! Я не могла плакать; но душа моя разрывалась на части.

Но всего болѣе истерзали и измучили меня его послѣднія мгновенія. Онъ чего-то все просилъ долго, долго, коснѣющимъ языкомъ своимъ, а я ничего не могла разобрать изъ словъ его. Сердце мое надрывалось отъ боли! Цѣлый часъ онъ былъ безпокоенъ, объ чемъ-то все тосковалъ, силился сдѣлать какой-то знакъ охолодѣлыми руками своими, и потомъ опять начиналъ просить жалобно, хриплымъ, глухимъ голосомъ; но слова его были одни безсвязные звуки, и я опять ничего понять не могла. Я подводила ему всѣхъ нашихъ, давала ему пить; но онъ все грустно качалъ головою. Наконецъ я поняла, чего онъ хотѣлъ. Онъ просилъ поднять занавѣсъ у окна и открыть ставни. Ему вѣрно хотѣлось взглянуть въ послѣдній разъ на день, на свѣтъ Божій, на солнце. Я отдернула занавѣсъ; но начинавшійся день былъ печальный и грустный, какъ угасающая бѣдная жизнь умирающаго. Солнца не было. Облака застилали небо туманною пеленою; оно было такое дождливое, хмурое, грустное. Мелкій дождь дробилъ въ стекла и омывалъ ихъ струями холодной, грязной воды; было тускло и темно. Въ комнату чуть-чуть проходили лучи блѣднаго дня и едва оспаривали дрожащій свѣтъ лампадки, затепленной передъ образомъ. Умирающій взглянулъ на меня грустно-грустно и покачалъ головою. Черезъ минуту онъ умеръ.

Похоронами распорядилась сама Анна Ѳедоровна. Купили гробъ простой-простой, и наняли ломоваго извощика. Въ обезпеченіе издержекъ, Анна Ѳедоровна захватила всѣ книги и всѣ вещи покойнаго. Старикъ съ ней спорилъ, шумѣлъ, отнялъ у ней книгъ сколько могъ, набилъ ими всѣ свои карманы, наложилъ ихъ въ шляпу, куда могъ, носился съ ними всѣ три дня, и даже не разстался съ ними и тогда, когда нужно было идти въ церковь. Всѣ эти дни онъ былъ какъ безпамятный, какъ одурѣлый, и съ какою-то странною заботливостію все хлопоталъ около гроба; то оправлялъ вѣнчикъ на покойникѣ, то зажигалъ и снималъ свѣчи. Видно было, что мысли его ни на чемъ не могли остановиться порядкомъ. Ни матушка, ни Анна

Ѳедоровна не были въ церкви на отпѣваніи. Матушка была больна, а Анна Ѳедоровна совсѣмъ было ужь собралась, да поссорилась со старикомъ Покровскимъ и осталась. Была только одна я, да старикъ. Во время службы на меня напалъ какой-то страхъ — словно предчувствіе будущаго. Я едва могла выстоять въ церкви. — Наконецъ гробъ закрыли, заколотили, поставили на телѣгу и повезли. Я проводила его только до конца улицы. Извощикъ поѣхалъ рысью. Старикъ бѣжалъ за нимъ и громко плакалъ; плачъ его дрожалъ и прерывался отъ бѣга. Бѣдный потерялъ свою шляпу и не остановился поднять ее. Голова его мокла отъ дождя; поднимался вѣтеръ; изморозь сѣкла и колола лицо. Старикъ, кажется, не чувствовалъ непогоды и съ плачемъ перебѣгалъ съ одной стороны телѣги на другую. Полы его ветхаго сюртука развѣвались по вѣтру, какъ крылья. Изъ всѣхъ кармановъ торчали книги; въ рукахъ его была какая-то огромная книга, за которую онъ крѣпко держался. Прохожіе снимали шапки и крестились. Иные останавливались и дивились на бѣднаго старика. Книги поминутно падали у него изъ кармановъ въ грязь. Его останавливали, показывали ему на потерю; онъ поднималъ и опять пускался въ догонку за гробомъ. На углу улицы увязалась съ нимъ вмѣстѣ провожать гробъ какая-то нищая старуха. Телѣга поворотила наконецъ за уголъ и скрылась отъ глазъ моихъ. Я пошла домой. Я бросилась въ страшной тоскѣ на грудь матушки. Я сжимала ее крѣпко-крѣпко въ рукахъ своихъ, цаловала ее и на-взрыдъ плакала, боязливо прижимаясь къ ней, какъ бы стараясь удержать въ своихъ объятіяхъ послѣдняго друга моего и не отдавать его смерти... Но смерть уже стояла надъ бѣдной матушкой! . . . . . .

Іюня 11.

Какъ я благодарна вамъ за вчерашнюю прогулку на острова, Макаръ Алексѣевичъ! Какъ тамъ свѣжо, хорошо, какая тамъ зелень! — Я такъ давно не видала зелени; — когда я была больна, мнѣ все казалось, что я умереть должна и что умру непремѣнно; — судите же, что я должна была вчера ощущать, какъ чувствовать! — Вы не сердитесь на меня за то, что я была вчера такая грустная; мнѣ было очень хорошо, очень легко, но въ самыя лучшія минуты мои мнѣ всегда отъ чего-то грустно. А что я плакала, такъ это пустяки; я и сама не знаю, отъ чего я

все плачу. Я больно, раздражительно чувствую; впечатлѣнія мои болѣзненны. Безоблачное, блѣдное небо, закатъ солнца, вечернее затишье, — все это, — я ужь не знаю, — но я какъ-то настроена была вчера принимать всѣ впечатлѣнія тяжело и мучительно, такъ что сердце переполнялось и душа просила слезъ. Но зачѣмъ я вамъ все это пишу? Все это трудно сердцу сказывается, а пересказывать еще труднѣе. Но вы меня, можетъ быть, и поймете. — И грусть и смѣхъ! Какой вы, право, добрый, Макаръ Алексѣевичъ! Вчера вы такъ и смотрѣли мнѣ въ глаза, чтобъ прочитать въ нихъ то, что я чувствую, и восхищались восторгомъ моимъ. Кусточекъ ли, аллея, полоса воды — ужь вы тутъ; такъ и стоите передо мной, охорашиваясь, и все въ глаза мнѣ заглядываете, точно вы мнѣ свои владѣнія показывали. Это показываетъ, что у васъ доброе сердце, Макаръ Алексѣевичъ. За это-то я васъ и люблю. Ну, прощайте. Я сегодня опять больна; вчера я ноги промочила и отъ того простудилась; Ѳедора тоже чѣмъ-то больна, такъ что мы обѣ теперь хворыя. Не забывайте меня, т. е. заходите почаще.

Ваша
В. Д.

Іюня 12.

Голубчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

А я-то думалъ, маточка, что вы мнѣ все вчерашнее настоящими стихами опишите, а у васъ и всего-то вышелъ одинъ простой листикъ. Я къ тому говорю, что вы хотя и мало мнѣ въ листкѣ вашемъ написали, но за то необыкновенно хорошо и сладко описали. И природа и разныя картины сельскія, и все остальное про чувства — однимъ словомъ, все это вы очень-хорошо описали. А вотъ у меня такъ нѣтъ таланту. Хоть десять страницъ намарай, никакъ ничего не выходитъ, ничего не опишешь. Я ужь пробовалъ. — Пишете вы мнѣ, родная моя, что я человѣкъ добрый, незлобивый, ко вреду ближняго неспособный, и благость Господню, въ природѣ являемую, разумѣющій, и разныя наконецъ похвалы воздаете мнѣ. Все это правда, маточка, все это совершенная правда; я и дѣйствительно таковъ, какъ вы говорите, и самъ это знаю; но какъ прочтешь такое, какъ вы пишете, такъ поневолѣ умилится сердце, а потомъ разныя тягостныя разсужденія придутъ. А вотъ прислушайте меня, маточка, я кое-что разскажу вамъ, родная моя.

Начну съ того, что было мнѣ всего семьнадцать годочковъ, когда я на службу явился, и вотъ уже скоро тридцать лѣтъ стукнетъ моему служебному поприщу. Ну, нечего сказать, износилъ я виц-мундировъ довольно; возмужалъ, поумнѣлъ, людей посмотрѣлъ; пожилъ, могу сказать, что пожилъ на свѣтѣ, такъ, что меня хотѣли даже разъ къ полученію креста представить. Вы, можетъ-быть, не вѣрите, а я вамъ, право, не лгу. Такъ что-же, маточка, — нашлись на все это злые люди! А скажу я вамъ, родная моя, что я хоть и темный человѣкъ, глупый человѣкъ пожалуй, но сердце-то у меня такое же, какъ и у другаго кого. Такъ знаете ли, Варинька, что сдѣлалъ мнѣ злой человѣкъ? А срамно сказать, что онъ сдѣлалъ; спро̀сите — отъ-чего сдѣлалъ? А отъ-того, что я смиренькій, а отъ-того, что я тихонькій, а отъ-того, что добренькій! Не пришелся имъ по нраву, такъ вотъ и пошло на меня. Сначала началось тѣмъ, что «дескать вы, Макаръ Алексѣевичъ, того да сего»; а потомъ стало — что «дескать, у Макара Алексѣевича, и не спрашивайте». А теперь заключили тѣмъ, что — «ужь конечно, это Макаръ Алексѣевичъ!» Вотъ, маточка, видите ли, какъ дѣло пошло: все на Макара Алексѣевича; они только и умѣли сдѣлать, что въ пословицу ввели Макара Алексѣевича въ цѣломъ вѣдомствѣ нашемъ. Да мало того, что изъ меня пословицу и чуть ли не бранное слово сдѣлали, — до сапоговъ, до мундира, до волосъ, до фигуры моей добрались: все не по нихъ, все передѣлать нужно! И вѣдь это все съ незапамятныхъ временъ каждый Божій день повторяется. Я привыкъ, потому-что я ко всему привыкаю, потому-что я смирный человѣкъ, потому-что я маленькій человѣкъ; но однакоже за что это все? Что я кому дурнаго сдѣлалъ? Чинъ перехватилъ у кого нибудь, что ли? Передъ высшими кого-нибудь очернилъ? Награжденіе перепросилъ! Кабалу стряпалъ что ли какую-нибудь? Да грѣхъ вамъ и подумать-то такое, маточка! Ну куда мнѣ все это? Да вы только разсмотрите, родная моя, имѣю ли я способности, достаточныя для коварства и честолюбія? Такъ за что же напасти такія на меня, прости Господи? Вѣдь вы же находите меня человѣкомъ достойнымъ, а вы не въ примѣръ лучше ихъ всѣхъ, маточка. Вѣдь какая самая наибольшая гражданская добродѣтель? Отнеслись намедни въ частномъ разговорѣ Евстафій Ивановичъ, что наиважнѣйшая добродѣтель гражданская — деньгу умѣть зашибить. Говорили они шуточкой (я знаю, что шуточкой), нравоученіе же то, что не нужно быть никому въ тягость собою; — а

я никому не въ тягость! У меня кусокъ хлѣба есть свой; правда, простой кусокъ хлѣба, подъ-часъ даже черствый; но онъ есть, трудами добытый, законно и безукоризненно употребляемый. Ну что жь дѣлать! Я вѣдь и самъ знаю, что я немного дѣлаю тѣмъ, что переписываю; да все-таки я этимъ горжусь: я работаю, я потъ проливаю. Ну что жь тутъ въ самомъ-дѣлѣ такого, что переписываю! Что, грѣхъ переписывать что ли? «Онъ дескать переписываетъ!» «Эта, дескать, крыса-чиновникъ, переписываетъ!» Да что же тутъ безчестнаго такого? Письмо такое четкое, хорошее, пріятно смотрѣть, и его превосходительство довольны; я для нихъ самыя важныя бумаги переписываю. Ну, слогу нѣтъ, вѣдь я это самъ знаю, что нѣтъ его проклятаго; вотъ потому-то я и службой не взялъ, и даже вотъ къ вамъ теперь, родная моя, пишу спроста, безъ затѣй и такъ, какъ мнѣ мысль на сердце ложится... Я это все знаю; да однакоже, еслибы всѣ сочинять стали, такъ кто же бы сталъ переписывать? Я вотъ какой вопросъ дѣлаю, и васъ прошу отвѣчать на него, маточка. Ну, такъ я и сознаю теперь, что я нуженъ, что я необходимъ, и что нечего вздоромъ человѣка съ толку сбивать. Ну, пожалуй, пусть крыса, коли сходство нашли! Да крыса-то эта нужна, да крыса-то пользу приноситъ, да за крысу-то эту держатся, да крысѣ-то этой награжденіе выходитъ, — вотъ она крыса какая! — Впрочемъ, довольно объ этой матеріи, родная моя; я вѣдь и не о томъ хотѣлъ говорить, да такъ погорячился немного. Все-таки пріятно отъ времени до времени себѣ справедливость воздать. Прощайте, родная моя, голубчикъ мой, утѣшительница вы моя добренькая! Зайду, непремѣнно къ вамъ зайду, провѣдаю васъ, моя ясочка. А вы не скучайте покамѣстъ. Книжку вамъ принесу. Ну, прощайте же, Варинька.

Вашъ сердечный доброжелатель
Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюня 20.

М. Г. Макаръ Алексѣевичъ!

Пишу я къ вамъ наскоро, спѣшу, работу къ сроку кончаю. Видите ли въ чемъ дѣло: можно покупку сдѣлать хорошую. Ѳедора говоритъ, что продается у ея знакомаго какого-то вицъ-мундиръ форменный, совершенно новёхонькій, нижнее платье, жилетка и фуражка, и, говорятъ, все весьма дешево; такъ вотъ

вы бы купили. Вѣдь вы теперь не нуждаетесь, да и деньги у васъ есть; вы сами говорите, что есть. Полноте пожалуйста, не скупитесь; вѣдь это все нужное. Посмотрите-ка на себя, въ какомъ вы старомъ платьѣ ходите. Срамъ! все въ заплаткахъ. Новаго-то у васъ нѣтъ; это я знаю, хоть вы и увѣряете, что есть. Ужь Богъ знаетъ, куда вы его съ рукъ сбыли. Такъ послушайтесь же меня, купите пожалуйста. Для меня это сдѣлайте; коли меня любите, такъ купите.

Вы мнѣ прислали бѣлья въ подарокъ; но послушайте, Макаръ Алексѣевичъ, вѣдь вы разоряетесь. Шутка ли, сколько вы на меня истратили, — ужасъ сколько денегъ! Ахъ, какъ же вы любите мотать! Мнѣ не нужно; все это было совершенно лишнее. Я знаю, я увѣрена, что вы меня любите; право лишнее напоминать мнѣ это подарками; а мнѣ тяжело ихъ принимать отъ васъ; я знаю, чего они вамъ стоятъ. Единожды навсегда — полноте; слышите ли? Прошу васъ, умоляю васъ. Прóсите вы меня, Макаръ Алексѣевичъ, прислать продолженіе записокъ моихъ, желаете, чтобъ я ихъ докончила. Я не знаю, какъ написалось у меня и то, что́ у меня написано! Но у меня силъ не достанетъ говорить теперь о моемъ прошедшемъ; я и думать объ немъ не желаю; мнѣ страшно становится отъ этихъ воспоминаній. Говорить же о бѣдной моей матушкѣ, оставившей свое бѣдное дитя въ добычу этимъ чудовищамъ, мнѣ тяжелѣе всего. У меня сердце кровью обливается при одномъ воспоминаніи. Все это еще такъ свѣжо; я не успѣла одуматься, не только успокоиться, хотя всему этому уже слишкомъ годъ. Но вы знаете все.

Я вамъ говорила о теперешнихъ мысляхъ Анны Ѳедоровны; она меня же винитъ въ неблагодарности и отвергаетъ всякое обвиненіе о сообществѣ ея съ господиномъ Быковымъ! Она зоветъ меня къ себѣ; говоритъ, что я христарадничаю, что я по худой дорогѣ пошла. Говоритъ, что если я ворочусь къ ней, то она берется уладить все дѣло съ господиномъ Быковымъ, и заставитъ его загладить всю вину его передо мною. Она говоритъ, что г. Быковъ хочетъ мнѣ дать приданое. Богъ съ ними! Мнѣ хорошо и здѣсь съ вами, у доброй моей Ѳедоры, которая своею привязанностію ко мнѣ напоминаетъ мнѣ мою покойницу няню. Вы хоть дальній родственникъ мой, но защищаете меня своимъ именемъ. А ихъ я не знаю; я позабуду ихъ, если смогу. Чего еще они хотятъ отъ меня? Ѳедора говоритъ, что это все сплетни, что они оставятъ наконецъ меня. Дай-то Богъ!

В. Д.

Іюня 21.

Голубушка моя, маточка!

Хочу писать, а не знаю съ чего и начать. Вѣдь вотъ какъ же это странно, маточка, что мы теперь такъ съ вами живемъ. Я къ тому говорю, что я никогда моихъ дней не проводилъ въ такой радости. Ну, точно домкомъ и семействомъ меня благословилъ Господь! Дѣточка вы моя, хорошенькая! да что это вы тамъ толкуете про четыре рубашечки–то, которыя я вамъ послалъ. Вѣдь надобно же вамъ ихъ было, — я отъ Ѳедоры узналъ. Да мнѣ, маточка, это особое счастіе васъ удовлетворять; ужь это мое удовольствіе, ужь вы меня оставьте, маточка; не троньте меня и не прекословьте мнѣ. Никогда со мною не бывало такого, маточка. Я вотъ въ свѣтъ пустился теперь. Во–первыхъ, живу вдвойнѣ, потому–что и вы тоже живете весьма близко отъ меня и на утѣху мнѣ; а во–вторыхъ, пригласилъ меня сегодня на чай одинъ жилецъ, сосѣдъ мой, Ратазяевъ, тотъ самый чиновникъ, у котораго сочинительскіе вечера бываютъ. Сегодня собраніе; будемъ литературу читать. Вотъ мы теперь какъ, маточка, — вотъ! Ну, прощайте. Я вѣдь это все такъ написалъ, безо всякой видимой цѣли, и единственно для того, чтобъ увѣдомить васъ о моемъ благополучіи. Приказали вы, душенька, черезъ Терезу сказать, что вамъ шелчку цвѣтнаго для вышиванья нужно; куплю, маточка, куплю, и шелчку куплю. Завтра же буду имѣть наслажденіе удовлетворить васъ вполнѣ. Я и купить–то гдѣ знаю. А самъ теперь пребываю

другомъ вашимъ искреннимъ
Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Іюня 22.

М. г. Варвара Алексѣевна!

Увѣдомляю васъ, родная моя, что у насъ въ квартирѣ случилось прежалостное происшествіе, истинно–истинно жалости достойное! Сегодня, въ пятомъ часу утра, умеръ у Горшкова маленькій. Я не знаю только отчего, скарлатина что ли была какая–то, Господь его знаетъ! Навѣстилъ я этихъ Горшковыхъ. Ну, маточка, вотъ бѣдно–то у нихъ! И какой безпорядокъ! Да и не диво: все семейство живетъ въ одной комнатѣ, только что

ширмочками для благопристойности разгороженной. У нихъ ужь и гробикъ стоитъ — простенькій, но довольно хорошенькій гробикъ; готовый купили, мальчикъ-то былъ лѣтъ девяти; надежды, говорятъ, подавалъ. А жалость смотрѣть на нихъ, Варинька! Мать не плачетъ, но такая грустная, бѣдная. Имъ, можетъ-быть, и легче, что вотъ ужь одинъ съ плечъ долой; — а у нихъ еще двое осталось, грудной, да дѣвочка маленькая, такъ, лѣтъ шести будетъ съ небольшимъ. Что за пріятность, въ самомъ дѣлѣ, видѣть, что вотъ-де страдаетъ ребенокъ, да еще дѣтище родное, а ему и помочь даже нѣчѣмъ! Отецъ сидитъ въ старомъ, засаленномъ фракѣ, на изломанномъ стулѣ. Слезы текутъ у него, да можетъ-быть и не отъ горести, а такъ, по привычкѣ, глаза гноятся. Такой онъ чудной! Все краснѣетъ, когда съ нимъ заговоришь, смѣшается и не знаетъ, что отвѣчать. Маленькая дѣвочка, дочка, стоитъ прислонившись къ гробу, да такая, бѣдняжка, скучная, задумчивая! А не люблю я, маточка Варинька, когда ребенокъ задумывается; смотрѣть непріятно! Кукла какая-то изъ тряпокъ на полу возлѣ нея лежитъ, — не играетъ; на губахъ пальчикъ держитъ; стоитъ себѣ — не пошевелится. Ей хозяйка конфетку дала; взяла, а не ѣла. Грустно, Варинька — а!

Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюня 25.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ! Посылаю вамъ вашу книжку обратно. Это пренегодная книжонка! — и въ руки брать пельзя. Откуда выкопали вы такую драгоцѣнность? Кромѣ шутокъ, неужели вамъ нравятся такія книжки, Макаръ Алексѣевичъ? Вотъ мнѣ такъ обѣщались на-дняхъ достать чего-нибудь почитать. Я и съ вами подѣлюсь, если хотите. А теперь до свиданія. Право некогда писать болѣе.

В. Д.

Іюня 26.

Милая Варинька! Дѣло-то въ томъ, что я дѣйствительно не читалъ этой книжонки, маточка. Правда, прочелъ нѣсколько, вижу, что блажь, такъ ради смѣхотворства одного написано, чтобы людей смѣшить; ну, думаю, оно должно быть и въ са-

момъ дѣлѣ весело; авось и Варинькѣ понравится; взялъ да и послалъ ее вамъ.

А вотъ обѣщался мнѣ Ратазяевъ дать почитать чего-нибудь настоящаго литературнаго, ну вотъ вы и будете съ книжками, маточка. Ратазяевъ-то смекаетъ, — дока; самъ пишетъ, ухъ, какъ пишетъ! Перо такое бойкое и слогу пропасть, т. е. этакъ въ каждомъ словѣ, — чего-чего, — въ самомъ пустомъ, вотъ-вотъ въ самомъ обыкновенномъ, подломъ словѣ, что хоть бы и я иногда Фальдони или Терезѣ сказалъ, вотъ и тутъ у него слогъ есть. Я и на вечерахъ у него бываю. Мы табакъ куримъ, а онъ намъ читаетъ, часовъ по пяти читаетъ, а мы все слушаемъ. Объяденіе, а не литература! Прелесть такая, цвѣты, просто цвѣты; со всякой страницы букетъ вяжи! Онъ обходительный такой, добрый, ласковый. Ну, что я передъ нимъ, ну что? — Ничего. Онъ человѣкъ съ репутаціей, а я что? — Просто — не существую; а и ко мнѣ благоволитъ. Я ему кое-что переписываю. Вы только не думайте, Варинька, что тутъ продѣлка какая-нибудь, что онъ вотъ именно оттого и благоволитъ ко мнѣ, что я переписываю. Вы сплетнямъ-то не вѣрьте, маточка, вы сплетнямъ-то подлымъ не вѣрьте! Нѣтъ, это я самъ отъ себя, по своей волѣ, для его удовольствія дѣлаю, а что онъ ко мнѣ благоволитъ, такъ это ужь онъ для моего удовольствія дѣлаетъ. Я деликатность-то поступка понимаю, маточка. Онъ добрый, очень добрый человѣкъ и безподобный писатель.

А хорошая вещь литература, Варинька, очень хорошая; это я отъ нихъ третьяго дня узналъ. Глубокая вещь! Сердце людей укрѣпляющая, поучающая, и — разное тамъ еще обо всемъ объ этомъ въ книжкѣ у нихъ написано. Очень хорошо написано! Литература — это картина, т. е. въ нѣкоторомъ родѣ картина и зеркало; страсти выраженье, критика такая тонкая, поученіе къ назидательности и документъ. Это я все у нихъ наметался. Откровенно скажу вамъ, маточка, что вѣдь сидишь между ними, слушаешь (тоже какъ и они трубку куришь, пожалуй) — а какъ начнутъ они состязаться, да спорить объ разныхъ матеріяхъ, такъ ужь тутъ я просто пасую, тутъ, маточка, намъ съ вами чисто пасовать придется. Тутъ я просто болванъ-болваномъ оказываюсь, самого себя стыдно, такъ что цѣлый вечеръ пріискиваешь, какъ бы въ общую-то матерію хоть полсловечка ввернуть, да вотъ этого-то полсловечка какъ нарочно и нѣтъ! И пожалѣешь, Варинька, о себѣ, что самъ-то не того, да не такъ; что по пословицѣ — выросъ, а ума не вынесъ. Вѣдь что я те-

перь въ свободное время дѣлаю? — Сплю, дуракъ-дуракомъ. А то бы вмѣсто спанья-то ненужнаго можно было бы и пріятнымъ заняться; этакъ сѣсть бы да и пописать. И себѣ полезно и другимъ хорошо. Да что, маточка, вы посмотрите-ка только, сколько берутъ они, прости имъ Господь! Вотъ хоть бы и Ратазяевъ, — какъ беретъ! Что ему листъ написать? Да онъ въ иной день и по пяти листовъ писывалъ, а по триста рублей, говоритъ, за листъ беретъ. Тамъ анекдотецъ какой-нибудь, или изъ любопытнаго что-нибудь — пятьсотъ, дай не дай, хоть тресни, да дай! а нѣтъ — такъ мы и по тысячѣ другой разъ въ карманъ кладемъ! Каково, Варвара Алексѣевна? Да что! — Тамъ у него стишковъ тетрадочка есть, и стишокъ все такой небольшой — семь тысячъ, маточка, семь тысячъ проситъ, подумайте. Да вѣдь это имѣніе недвижимое, домъ капитальный! Говоритъ, что пять тысячъ даютъ ему, да онъ не беретъ. Я его урезониваю, говорю — возьмите-дескать, батюшка, пять-то тысячъ отъ нихъ, да и плюньте имъ, — вѣдь деньги пять тысячъ! — нѣтъ, говоритъ, семь дадутъ, мошенники. — Увертливый право такой!

А что, маточка, ужь если на то пошло, такъ я вамъ, такъ и быть, выпишу изъ *Итальянскихъ страстей* мѣстечко. Это у него сочиненіе такъ называется. Вотъ прочтите-ка, Варинька, да посудите сами.

...«Владиміръ вздрогнулъ, и страсти бѣшено заклокотали въ немъ и кровь вскипѣла...

— Графиня, вскричалъ онъ, графиня! Знаете ли вы какъ ужасна эта страсть, какъ безпредѣльно это безуміе? Нѣтъ, мои мечты меня не обманывали! Я люблю, люблю восторженно, бѣшено, безумно! Вся кровь твоего мужа не зальетъ бѣшенаго, клокочущаго восторга души моей! Ничтожныя препятствія не остановятъ всеразрывающаго, адскаго огня, бороздящаго мою истомленную грудь. О Зинаида, Зинаида!..

— Владиміръ!.. прошептала графиня внѣ себя, склоняясь къ нему на плечо...

— Зинаида! закричалъ восторженный Смѣльскій.

Изъ груди его испарился вздохъ. Пожаръ вспыхнулъ яркимъ пламенемъ на алтарѣ любви, и взбороздилъ грудь несчастныхъ страдальцевъ.

— Владиміръ!.. шептала въ упоеніи графиня. Грудь ея вздымалась, щеки ея багровѣли, очи горѣли...

Новый, ужасный бракъ былъ совершенъ! . . . . . .

Черезъ полчаса старый графъ вошелъ въ будуаръ жены своей.

— А что, душечка, не приказать ли, для дорогаго гостя, самоварчикъ поставить? сказалъ онъ, потрепавъ жену по щекѣ».

Ну вотъ, я васъ спрошу, маточка, послѣ этого — ну, какъ вы находите? Правда, немножко вольно, въ этомъ спору нѣтъ, но за то хорошо. Ужь что хорошо, такъ хорошо! А вотъ, позвольте, я вамъ еще отрывочекъ выпишу изъ повѣсти: *Ермакъ и Зюлейка.*

Представьте себѣ, маточка, что казакъ Ермакъ, дикій и грозный завоеватель Сибири, влюбленъ въ Зюлейку, дочь сибирскаго царя Кучума, имъ въ полонъ взятую. Событіе прямо изъ временъ Ивана Грознаго, какъ вы видите. Вотъ разговоръ Ермака и Зюлейки.

«— Ты любишь меня, Зюлейка! О, повтори, повтори!..

— Я люблю тебя, Ермакъ, прошептала Зюлейка.

— Небо и земля, благодарю васъ! я счастливъ!.. Вы дали мнѣ все, все, къ чему съ отроческихъ лѣтъ стремился взволнованный духъ мой. Такъ вотъ куда вела ты меня, моя звѣзда путеводная; такъ вотъ для чего ты привела меня сюда, за Каменный-Поясъ! Я покажу всему свѣту мою Зюлейку, и люди, бѣшеныя чудовища, не посмѣютъ обвинить меня! О, если имъ понятны эти тайныя страданія ея нѣжной души, если они способны видѣть цѣлую поэму въ одной слезинкѣ моей Зюлейки! О, дай мнѣ стереть поцалуями эту слезинку, дай мнѣ выпить ее, эту небесную слезинку... неземная!

— Ермакъ, сказала Зюлейка: — свѣтъ золъ, люди несправедливы! Они будутъ гнать насъ, они осудятъ насъ, мой милый Ермакъ! Что будетъ дѣлать бѣдная дѣва, взросшая среди родныхъ снѣговъ Сибири, въ юртѣ отца своего, въ вашемъ холодномъ, ледяномъ, бездушномъ, самолюбивомъ свѣтѣ? Люди не поймутъ меня, желанный мой, мой возлюбленный!

— Тогда казацкая сабля взовьется надъ ними и свиснетъ! вскричалъ Ермакъ, дико блуждая глазами».

Каковъ же теперь Ермакъ, Варинька, когда онъ узнаетъ, что его Зюлейка зарѣзана. Слѣпой старецъ Кучумъ, пользуясь темнотою ночи, прокрался, въ отсутствіе Ермака, въ его шатеръ и зарѣзалъ дочь свою, желая нанесть смертельный ударъ Ермаку, лишившему его скипетра и короны.

«Любо мнѣ шаркать желѣзомъ о камень!» закричалъ Ермакъ въ дикомъ остервенѣніи, точа булатный ножъ свой о шаманскій

камень. Мнѣ нужно ихъ крови, крови! Ихъ нужно пилить, пилить, пилить!!!»

И послѣ всего этого, Ермакъ, будучи не въ силахъ пережить свою Зюлейку, бросается въ Иртышъ, и тѣмъ все кончается.

Ну, а это, напримѣръ, такъ, маленькій отрывочекъ, въ шуточно-описательномъ родѣ, собственно для смѣхотворства написанный:

«Знаете ли вы Ивана Прокофьевича Желтопуза? Ну, вотъ тотъ самый, что укусилъ за ногу Прокофія Ивановича. Иванъ Прокофьевичъ человѣкъ крутаго характера, но за то рѣдкихъ добродѣтелей; напротивъ того, Прокофій Ивановичъ чрезвычайно любитъ рѣдьку съ медомъ. Вотъ когда еще была съ нимъ знакома Пелагея Антоновна... А вы знаете Пелагею Антоновну? Ну, вотъ та самая, которая всегда юбку надѣваетъ на изнанку».

Да вѣдь это умора, Варинька, просто умора! Мы со смѣху катались, когда онъ читалъ намъ это. Этакой онъ, прости его Господи! Впрочемъ, маточка, оно хоть и немного затѣйливо, и ужь слишкомъ игриво, но за то невинно, безъ малѣйшаго вольнодумства и либеральныхъ мыслей. Нужно замѣтить, маточка, что Ратазяевъ прекраснаго поведенія, и потому превосходный писатель, не то что другіе писатели.

А что, въ самомъ-дѣлѣ, вѣдь вотъ иногда придетъ же мысль въ голову... ну что, если бъ я написалъ что-нибудь, ну, что тогда будетъ? Ну вотъ, напримѣръ, положимъ, что вдругъ, ни съ того-ни съ сего, вышла бы въ свѣтъ книжка, подъ титуломъ — *Стихотворенія Макара Дѣвушкина!* Ну, что бы вы тогда сказали, мой ангельчикъ? Какъ бы вамъ это представилось и подумалось? А я про себя скажу, маточка, что какъ моя книжка-то вышла бы въ свѣтъ, такъ я бы рѣшительно тогда на Невскій не смѣлъ показаться. Вѣдь каково это было бы, когда бы всякій сказалъ, что вотъ-де идетъ сочинитель литературы и піита Дѣвушкинъ, что вотъ, дескать, это и есть самъ Дѣвушкинъ! Ну, что бы я тогда, напримѣръ, съ моими сапогами сталъ дѣлать? Они у меня, замѣчу вамъ мимоходомъ, маточка, почти всегда въ заплаткахъ, да и подметки, по правдѣ сказать, отстаютъ иногда весьма неблагопристойно. Ну, что тогда бъ было, когда бы всѣ узнали, что вотъ у сочинителя Дѣвушкина сапоги въ заплаткахъ! Какая-нибудь тамъ контесса-дюшесса узнала бы, ну, что бы она-то, душка, сказала? Она-то, можетъ-быть, и не замѣтила бы; ибо, какъ я полагаю, контессы не занимаются сапогами, къ тому же чиновничьими сапогами (потому-что

вѣдь сапоги сапогамъ рознь), да ей бы разсказали про все, свои бы пріятели меня выдали. Да вотъ Ратазяевъ бы первый выдалъ; онъ къ графинѣ В. ѣздитъ; говоритъ, что каждый разъ бываетъ у ней, и за-просто бываетъ. Говоритъ, душка такая она, литературная, говоритъ, дама такая. Петля этотъ Ратазяевъ!

Да впрочемъ довольно объ этой матеріи; я вѣдь это все такъ пишу, ангельчикъ мой, ради баловства, чтобы васъ потѣшить. Прощайте, голубчикъ мой! Много я вамъ тутъ настрочилъ, но это собственно отъ-того, что я сегодня въ самомъ веселомъ душевномъ расположеніи. Обѣдали-то мы всѣ вмѣстѣ сегодня у Ратазяева, такъ (шалуны они, маточка!) пустили въ ходъ такой романецъ... ну да ужь что вамъ писать объ этомъ! Вы только смотрите, не придумайте тамъ чего про меня, Варинька. Я вѣдь это все такъ. Книжекъ пришлю, непремѣнно пришлю... Ходитъ здѣсь по рукамъ Поль-де-Кока одно сочиненіе, только Поль-де-Кока-то вамъ, маточка, и не будетъ... Ни-ни! для васъ Поль-де-Кокъ не годится. Говорятъ про него, маточка, что онъ всѣхъ критиковъ петербургскихъ въ благородное негодованіе приводитъ. Посылаю вамъ фунтикъ конфетокъ, — нарочно для васъ купилъ. Скушайте, душечка, да при каждой конфеткѣ меня поминайте. Только леденецъ-то вы не грызите, а такъ пососите его только, а то зубки разболятся. А вы, можетъ-быть, и цукаты любите? — вы напишите. Ну, прощайте же, прощайте. Христосъ съ вами, голубчикъ мой. А я пребуду навсегда

вашимъ вѣрнѣйшимъ другомъ,
Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Іюня 27.

Милостивый Государь,
Макаръ Алексѣевичъ!

Ѳедора говоритъ, что если я захочу, то нѣкоторые люди съ удовольствіемъ примутъ участіе въ моемъ положеніи, и выхлопочутъ мнѣ очень хорошее мѣсто въ одинъ домъ, въ гувернантки. Какъ вы думаете, другъ мой — идти или нѣтъ? Конечно, я вамъ тогда не буду въ тягость, да и мѣсто, кажется, выгодное; но съ другой стороны, какъ-то жутко идти въ незнакомый

домъ. Они какіе–то помѣщики. Станутъ обо мнѣ узнавать, начнутъ разспрашивать, любопытствовать — ну что́ я скажу тогда? Къ тому же я такая нелюдимка, дикарка; люблю пообжиться въ привычномъ углѣ надолго. Какъ–то лучше тамъ, гдѣ привыкнешь: хоть и съ горемъ по–поламъ живешь, а все–таки лучше. Къ тому же на выѣздъ; да еще Богъ знаетъ какая должность будетъ; можетъ–быть, просто дѣтей няньчить заставятъ. Да и люди–то такіе: мѣняютъ ужь третью гувернантку въ два года. Посовѣтуйте же мнѣ, Макаръ Алексѣевичъ, ради Бога, идти или нѣтъ? — Да что вы никогда сами не зайдете ко мнѣ? изрѣдка только глаза покажете. Почти только по воскресеньямъ у обѣдни и видимся. Экой же вы нелюдимъ какой! Вы точно какъ я! А вѣдь я вамъ почти родная. Не любите вы меня, Макаръ Алексѣевичъ, а мнѣ иногда одной очень грустно бываетъ. Иной разъ, особенно въ сумерки, сидишь себѣ одна одинёшенька. Ѳедора уйдетъ куда–нибудь. Сидишь, думаешь–думаешь, — вспоминаешь все старое, и радостное и грустное, — все идетъ передъ глазами, все мелькаетъ какъ изъ тумана. Знакомыя лица являются (я почти наяву начинаю видѣть) — матушку вижу чаще всего... А какіе бываютъ сны у меня! Я чувствую, что здоровье мое разстроено; я такъ слаба; вотъ и сегодня, когда вставала утромъ съ постели, мнѣ дурно сдѣлалось; сверхъ того у меня такой дурной кашель! Я чувствую, я знаю, что скоро умру. Кто–то меня похоронитъ? Кто–то за гробомъ моимъ пойдетъ? Кто–то обо мнѣ пожалѣетъ?.. И вотъ придется, можетъ–быть, умереть въ чужомъ мѣстѣ, въ чужомъ домѣ, въ чужомъ углѣ!.. Боже мой, какъ грустно жить, Макаръ Алексѣевичъ! — Что вы меня, другъ мой, все конфектами кормите? Я право не знаю откудова вы денегъ столько берете? Ахъ, другъ мой, берегите деньги, ради Бога, берегите ихъ. — Ѳедора продаетъ коверъ, который я вышила; даютъ 50 руб. ассигн. Это очень хорошо: я думала меньше будетъ. Я Ѳедорѣ дамъ три цѣлковыхъ, да себѣ сошью платьице, такъ простенькое, потеплѣе. Вамъ жилетку сдѣлаю, сама сдѣлаю, и матеріи хорошей выберу.

Ѳедора мнѣ достала книжку — *Повѣсти Бѣлкина*, которую вамъ посылаю, если захотите читать. Пожалуйста, только не запачкайте и не задержите: книга чужая; — это Пушкина сочиненіе. Два года тому назадъ мы читали эти повѣсти вмѣстѣ съ матушкой, и теперь мнѣ такъ грустно было ихъ перечитывать. Если у васъ есть какія–нибудь книги, то пришлите мнѣ, —

только въ такомъ случаѣ, когда вы ихъ не отъ Ратазяева получили. Онъ навѣрно дастъ своего сочиненія, если онъ что-нибудь и когда-нибудь напечаталъ. Какъ это вамъ нравятся его сочиненія, Макаръ Алексѣевичъ? Такіе пустяки... — Ну, прощайте! какъ я заболталась! Когда мнѣ грустно, такъ я рада болтать, хоть объ чемъ-нибудь. Это лекарство: тотчасъ легче сдѣлается, а особливо, если выскажешь все, что лежитъ на сердцѣ. Прощайте, прощайте, мой другъ!

Ваша
В. Д.

Іюня 28.

Маточка, Варвара Алексѣевна!

Полно кручиниться! Какъ же это не стыдно вамъ! Ну полноте, ангельчикъ мой; какъ это вамъ такія мысли приходятъ? Вы не больны, душечка, вовсе не больны; вы цвѣтете, право, цвѣтете; блѣдненьки немножко, а все-таки цвѣтете. И что это у васъ за сны да за видѣнія такія! Стыдно, голубчикъ мой, полноте; вы плюньте на сны-то эти, просто плюньте. Отъ-чего же я сплю хорошо? Отъ-чего же мнѣ ничего не дѣлается? Вы посмотрите-ка на меня, маточка. Живу себѣ, сплю покойно, здоровёхонекъ, молодецъ-молодцомъ; любо смотрѣть. Полноте, полноте, душечка, стыдно. Исправьтесь. Я вѣдь головку-то вашу знаю, маточка, чуть что-нибудь найдетъ, вы ужь и пошли мечтать, да тосковать о чемъ-то. Ради меня, перестаньте, душенька. Въ люди идти? — никогда! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Да и что это вамъ думается такое, что́ это находитъ на васъ? Да еще и на выѣздъ! Да нѣтъ же, маточка, не позволю, вооружаюсь всѣми силами противъ такого намѣренія. Мой фракъ старый продамъ, и въ одной рубашкѣ стану ходить по улицамъ, а ужь вы у насъ нуждаться не будете. Нѣтъ, Варинька, нѣтъ; ужь я знаю васъ! Это блажь, чистая блажь! А что вѣрно, такъ это то, что во всемъ Ѳедора одна виновата: она́, видно, глупая баба, васъ на все надоумила. А вы ей, маточка, не вѣрьте. Да вы еще вѣрно не знаете всего-то, душенька?... Она баба глупая, сварливая, вздорная; она и мужа своего покойника со свѣту выжила. Или она, вѣрно, васъ разсердила тамъ какъ-нибудь? Нѣтъ,

нѣтъ, маточка, ни за что! И я то какъ же буду тогда, что мнѣ-то останется дѣлать? Нѣтъ, Варинька, душенька, вы это изъ головки-то выкиньте. Чего вамъ не достаетъ у насъ? Мы на васъ не нарадуемся, вы насъ любите, — такъ и живите себѣ тамъ смирненько; шейте или читайте, а пожалуй, и не шейте, — все равно, только съ нами живите. А то вы сами посудите, ну на что это будетъ похоже тогда?... Вотъ я вамъ книжекъ достану, а потомъ, пожалуй, и опять куда-нибудь гулять соберемся. Только вы-то полноте, маточка, полноте, наберитесь ума и изъ пустяковъ не блажите! Я къ вамъ приду, и въ весьма скоромъ времени, только вы за это — мое прямое и откровенное признаніе примите: не хорошо, душенька, очень не хорошо! Я, конечно, неученый человѣкъ и самъ знаю, что неученый, что на мѣдныя деньги учился, да я не къ тому и рѣчь клоню, не во мнѣ тутъ и дѣло-то, а за Ратазяева заступлюсь, воля ваша. Онъ мнѣ другъ, потому я за него и заступлюсь. Онъ хорошо пишетъ, очень, очень, и опять-таки очень хорошо пишетъ. Не соглашаюсь я съ вами и никакъ не могу согласиться. Писано цвѣтисто, отрывисто, съ фигурами, разныя мысли есть; очень хорошо! Вы, можетъ-быть, безъ чувства читали, Варинька, или не въ духѣ были, когда читали, на Ѳедору за что-нибудь разсердились, или что-нибудь у васъ тамъ нехорошее вышло. Нѣтъ, вы прочтите-ка это съ чувствомъ, получше, когда вы довольны и веселы и въ расположеніи духа пріятномъ находитесь, вотъ, наприм., когда конфетку во рту держите — вотъ когда прочтите. Я не спорю (кто же противъ этого), есть и лучше Ратазяева писатели, есть даже и очень лучшіе, но и они хороши, и Ратазяевъ хорошъ; они хорошо пишутъ, и онъ хорошо пишетъ. Онъ себѣ особо, онъ такъ себѣ пописываетъ, и очень хорошо дѣлаетъ, что пописываетъ. Ну, прощайте, маточка; писать болѣе не могу; нужно спѣшить, дѣло есть. Смотрите же, маточка, ясочка ненаглядная, успокойтесь, и Господь да пребудетъ съ вами, а я пребываю

вашимъ вѣрнымъ другомъ
Макаромъ Дѣвушкинымъ.

P. S. Спасибо за книжку, родная моя, прочтемъ и Пушкина; а сегодня я, по вечеру, непремѣнно зайду къ вамъ.

Іюля 1.

Дорогой мой Макаръ Алексѣевичъ!

Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, мнѣ не житье между вами. Я раздумала и нашла, что очень дурно дѣлаю, отказываясь отъ такого выгоднаго мѣста. Тамъ будетъ у меня по-крайней-мѣрѣ хоть вѣрный кусокъ хлѣба; я буду стараться, я заслужу ласку чужихъ людей, даже постараюсь перемѣнить свой характеръ, если будетъ надобно. Оно, конечно, больно и тяжело жить между чужими, искать чужой милости, скрываться и принуждать себя, да Богъ мнѣ поможетъ. Не оставаться же вѣкъ нелюдимкой. Со мною ужь бывали такіе же случаи. Я помню, когда я, бывало, еще маленькая, въ пансіонъ хаживала. Бывало, все воскресенье дома рѣзвишься, прыгаешь, иной разъ и побранитъ матушка, — все ничего, все хорошо на сердцѣ, свѣтло на душѣ. Станетъ подходить вечеръ и грусть нападетъ смертельная, нужно въ девять часовъ въ пансіонъ идти, а тамъ все чужое, холодное, строгое, гувернантки по понедѣльникамъ такія сердитыя, такъ и щемитъ, бывало, за душу, плакать хочется; пойдешь въ уголокъ и поплачешь одна-одинёшенька, слезы скрываешь — скажутъ лѣнивая; а я вовсе не о томъ и плачу, бывало, что учиться надобно. — Ну что жь? я привыкла, и потомъ, когда выходила изъ пансіона, такъ тоже плакала, прощаясь съ подружками. Да и не хорошо я дѣлаю, что живу въ тягость обоимъ вамъ. Эта мысль — мнѣ мученье. Я вамъ откровенно говорю все это, потому-что привыкла быть съ вами откровенною. Развѣ я не вижу, какъ Ѳедора встаетъ каждый день ранымъ-ранехонько, да за стирку свою принимается, и до поздней ночи работаетъ? — а старыя кости любятъ покой. Развѣ я не вижу, что вы на меня разоряетесь, послѣднюю копѣйку ребромъ ставите, да на меня ее тратите? не съ вашимъ состояніемъ, мой другъ! Пишете вы, что послѣднее продадите, а меня въ нуждѣ не оставите. Вѣрю, другъ мой, я вѣрю въ ваше доброе сердце, — но это вы теперь такъ говорите. Теперь у васъ есть деньги неожиданныя, вы получили награжденіе; но потомъ что будетъ, потомъ? Вы знаете сами — я больная всегда; я не могу такъ же какъ и вы работать, хотя бы душею рада была, да и работа не всегда бываетъ. Что же мнѣ остается? Надрываться съ тоски, глядя на васъ обоихъ, сердечныхъ. Чѣмъ я могу оказать вамъ хоть малѣйшую пользу? И отъ-чего я вамъ такъ необходима, другъ мой? Что я

вамъ хорошаго сдѣлала? Я только привязана къ вамъ всею душею, люблю васъ крѣпко, сильно, всѣмъ сердцемъ, но — горька судьба моя! — я умѣю любить и могу любить, но только любить, а не творить добро, не платить вамъ за ваши благодѣянія. Не держите же меня болѣе, подумайте и скажите ваше послѣднее мнѣніе. Въ ожиданіи пребываю

васъ любящая
В. Д.

Іюля 1.

Блажь, блажь, Варинька, просто блажь! Оставь васъ такъ, такъ вы тамъ головкой своей и чего-чего не передумаете. И то не такъ, и это не такъ! А я вижу теперь, что это все блажь. Да чего же вамъ не достаетъ у насъ, маточка, вы только это скажите! Васъ любятъ, вы насъ любите, мы всѣ довольны и счастливы — чего же болѣе? Ну! а что́ вы въ чужихъ-то людяхъ будете дѣлать? Вѣдь вы вѣрно еще не знаете, что̀ такое чужой человѣкъ?... Нѣтъ, вы меня извольте-ка поразспросить, такъ я вамъ скажу, что такое чужой человѣкъ. Знаю я его, маточка; хорошо знаю; случалось хлѣбъ его ѣсть. Золъ онъ, Варинька, золъ, ужь такъ золъ, что сердечка твоего не достанетъ, такъ онъ его истерзаетъ укоромъ, попрекомъ да взглядомъ дурнымъ. У насъ вамъ тепло, хорошо, — словно въ гнѣздышкѣ пріютились. Да и насъ-то вы какъ безъ головы оставите. Ну, что мы будемъ дѣлать безъ васъ; что я, старикъ, буду дѣлать тогда? Вы намъ не нужны? Не полезны? Какъ не полезны? Нѣтъ, вы, маточка, сами разсудите какъ же вы не полезны? Вы мнѣ очень полезны, Варинька. Вы этакое вліяніе имѣете благотворное... Вотъ я объ васъ думаю теперь и мнѣ весело.... Я вамъ иной разъ письмо напишу и всѣ чувства въ немъ изложу, на что подробный отвѣтъ отъ васъ получаю. — Гардеробцу вамъ накупилъ, шляпку сдѣлалъ; отъ васъ коммиссія подъ-часъ выходитъ какая-нибудь, я и коммиссію.... Нѣтъ, какъ же вы не полезны? Да и что я одинъ буду дѣлать на старости, на что годиться буду? Вы, можетъ-быть, объ этомъ и не подумали, Варинька; нѣтъ, вы именно объ этомъ подумайте — что вотъ-дескать, на что онъ будетъ безъ меня-то годиться? Я привыкъ къ вамъ, родная моя. — А то что изъ этого будетъ? Пойду къ Невѣ да и дѣло съ концомъ. Да, право же будетъ такое, Варинька; что

же мнѣ безъ васъ дѣлать останется! Ахъ, душечка моя, Варинька! Хочется, видно, вамъ, чтобы меня ломовой извощикъ на Волково свезъ; чтобы какая-нибудь тамъ нищая старуха-пошлёпница одна мой гробъ провожала, чтобы меня тамъ пескомъ засыпали, да прочь пошли, да одного тамъ оставили. Грѣшно, грѣшно, маточка! Право, грѣшно, ей-Богу, грѣшно! Отсылаю вамъ вашу книжку, дружочекъ мой, Варинька, и если вы, дружочикъ мой, спросите мнѣнія моего на счетъ вашей книжки, то я скажу, что въ жизнь мою не случалось мнѣ читать такихъ славныхъ книжекъ. Спрашиваю я теперь себя, маточка, какъ же это я жилъ до-сихъ поръ такимъ олухомъ, прости Господи? Что дѣлалъ? Изъ какихъ я лѣсовъ? Вѣдь ничего-то я не знаю, маточка, ровно ничего не знаю! совсѣмъ ничего не знаю! Я вамъ, Варинька, спроста скажу, — я человѣкъ не ученый; читалъ я до сей поры мало, очень мало читалъ, да почти ничего: *Картину человѣка,* умное сочиненіе, читалъ; *Мальчика, наигрывающаго разныя штучки на колокольчикахъ* читалъ, да *Ивиковы журавли* — вотъ только и всего, а больше ничего никогда не читалъ. Теперь я *Станціоннаго смотрителя* здѣсь въ вашей книжкѣ прочелъ; вѣдь вотъ скажу я вамъ, маточка, случается же такъ, что живешь, а не знаешь, что подъ бокомъ тамъ у тебя книжка есть, гдѣ вся-то жизнь твоя какъ по пальцамъ разложена. Да и что самому прежде не въ догадъ было, такъ вотъ здѣсь, какъ начнешь читать въ такой книжкѣ, такъ самъ все, помаленьку, и припомнишь, и разыщешь, и разгадаешь. И наконецъ, вотъ отъ-чего еще я полюбилъ вашу книжку: иное твореніе, какое тамъ ни есть, читаешь-читаешь, иной разъ хоть тресни — такъ хитро, что какъ-будто бы его и не понимаешь. Я, напримѣръ, — я тупъ, я отъ природы моей тупъ, такъ я не могу слишкомъ важныхъ сочиненій читать; а это читаешь, — словно самъ написалъ; точно это, примѣрно говоря, мое собственное сердце, какое ужь оно тамъ ни есть, взялъ его, людямъ выворотилъ изнанкой, да и описалъ все подробно — вотъ какъ! Да и дѣло-то простое, Богъ мой; да чего! право, и я также бы написалъ; отъ-чего же бы и не написалъ? — Вѣдь я то же самое чувствую, вотъ совершенно такъ, какъ и въ книжкѣ, да я и самъ въ такихъ же положеніяхъ подъ-часъ находился, какъ примѣрно сказать этотъ Самсонъ-то Выринъ, бѣдняга. Да и сколько между нами-то ходитъ Самсоновъ Выриныхъ, такихъ же горемыкъ сердечныхъ! И какъ ловко описано все! Меня чуть слезы не прошибли,

маточка, когда я прочелъ, что онъ спился, грѣшный, такъ, что память потерялъ, горькимъ сдѣлался и спитъ-себѣ цѣлый день подъ овчиннымъ тулупомъ, да горе пуншикомъ захлебываетъ, да плачетъ жалостно, грязной полою глаза утирая, когда вспоминаетъ о заблудшей овечкѣ своей, объ дочкѣ Дуняшѣ! Нѣтъ, это натурально! вы прочтите-ка; это натурально! это живетъ! Я самъ это видалъ; — это вотъ все около меня живетъ; вотъ хоть Тереза — да чего далеко ходить! — вотъ хоть бы и нашъ бѣдный чиновникъ — вѣдь онъ, можетъ-быть, такой же Самсонъ Выринъ, только у него другая фамилія, *Горшковъ*. — Дѣло-то оно общее, маточка, и надъ вами и надо мной можетъ случиться. И графъ, что́ на Невскомъ или на набережной живетъ, и онъ будетъ то же самое, такъ-только казаться будетъ другимъ, потому-что у нихъ все по-своему, по высшему тону, но и онъ будетъ то же самое, все можетъ случиться, и со мною то же самое можетъ случиться. Вотъ оно что, маточка, а вы еще тутъ отъ насъ отходить хотите; да вѣдь грѣхъ, Варинька, можетъ застигнуть меня. И себя и меня сгубить можете, родная моя. Ахъ, ясочка вы моя, выкиньте, ради Бога, изъ головки своей всѣ эти вольныя мысли, и не терзайте меня напрасно. Ну гдѣ же, птенчикъ вы мой слабенькій, неоперившійся, гдѣ же вамъ самое-себя прокормить, отъ погибели себя удержать, отъ злодѣевъ защититься! Полноте, Варинька, поправьтесь; вздорныхъ совѣтовъ и наговоровъ не слушайте, а книжку вашу еще разъ прочтите, со вниманіемъ прочтите: вамъ это пользу принесетъ.

Говорилъ я про «Станціоннаго смотрителя» Ратазяеву. Онъ мнѣ сказалъ, что это все старое, и что теперь все пошли книжки съ картинками, и съ разными описаніями; ужь я право въ толкъ не взялъ хорошенько, что онъ тутъ говорилъ такое. Заключилъ же, что Пушкинъ хорошо, и что онъ святую Русь прославилъ, и много еще мнѣ про него говорилъ. Да, очень хорошо, Варинька, очень хорошо; прочтите-ка книжку еще разъ со вниманіемъ, совѣтамъ моимъ послѣдуйте, и послушаніемъ своимъ меня старика осчастливьте. Тогда самъ Господь наградитъ васъ, моя родная, непремѣнно наградитъ.

Вашъ искренній другъ
Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюля 6.

М. Г. Макаръ Алексѣевичъ.

Ѳедора принесла мнѣ сегодня пятнадцать рублей серебромъ. Какъ она была рада, бѣдная, когда я ей три цѣлковыхъ дала! Пишу вамъ на-скоро. Я теперь крою вамъ жилетку, — прелесть какая матерія, — желтенькая съ цвѣточками. Посылаю вамъ одну книжку; тутъ все разныя повѣсти; я прочла кое-какія; прочтите одну изъ нихъ подъ названіемъ *Шинель*. — Вы меня уговариваете въ театръ идти вмѣстѣ съ вами; не дорого ли это будетъ? Развѣ ужь куда-нибудь въ галлерею. Я ужь очень давно не была въ театрѣ, да и право не помню когда. Только опять все боюсь, не дорого ли будетъ стóить эта затѣя? Ѳедора только головой покачиваетъ. Она говоритъ, что вы совсѣмъ не по достаткамъ жить начали; да я и сама это вижу; сколько вы на меня одну истратили! Смотрите, другъ мой, не было бы бѣды. Ѳедора и такъ мнѣ говорила про какіе-то слухи — что вы имѣли кажется споръ съ вашей хозяйкой за неуплату ей денегъ; я очень боюсь за васъ. Ну, прощайте; я спѣшу. Дѣло есть маленькое; я перемѣняю ленты на шляпкѣ.

В. Д.

P. S. Знаете ли, если мы пойдемъ въ театръ, то я надѣну мою новенькую шляпку, а на плеча черную мантилью. Хорошо ли это будетъ?

Іюля 7.

М. Г. Варвара Алексѣевна!

....Такъ вотъ я все про вчерашнее. — Да, маточка, и на насъ въ оно время блажь находила. Врѣзался въ эту актрисочку, по уши врѣзался, да это бы еще ничего; а самое-то чудное то, что я ее почти совсѣмъ не видалъ, и въ театрѣ былъ всего одинъ разъ, а при всемъ томъ врѣзался. Жили тогда со мною стѣнка объ стѣнку человѣкъ пятеро молодаго, раззадорнаго народу. Сошелся я съ ними, по неволѣ сошелся, хотя всегда былъ отъ нихъ въ пристойныхъ границахъ. Ну, чтобы не отстать, я и самъ имъ во всемъ поддакиваю. Насказали они мнѣ объ этой актрискѣ! Каждый вечеръ, какъ только театръ идетъ, вся компанія — на нужное у нихъ никогда гроша не бывало — вся ком-

панія отправлялась въ театръ, въ галлерею, и ужь хлопаютъ–хлопаютъ, вызываютъ–вызываютъ эту актриску — просто бѣснуются! А потомъ и заснуть не дадутъ; всю ночь напролетъ объ ней толкуютъ, всякой ее своей Глашей зоветъ, всѣ въ одну въ нее влюблены, у всѣхъ одна канарейка на сердцѣ. Раззадорили они и меня беззащитнаго; я тогда еще молоденекъ былъ. Самъ не знаю какъ очутился я съ ними въ театрѣ, въ четвертомъ ярусѣ, въ галлереѣ. Видѣть–то я одинъ только краешекъ занавѣски видѣлъ, за то все слышалъ. У актрисочки точно голосокъ былъ хорошенькій; — звонкій, соловьиный, медовый! Мы всѣ руки у себя отхлопали, кричали–кричали — однимъ словомъ, до насъ чуть не добрались, одного ужь и вывели правда. Пришелъ я домой, — какъ въ чаду хожу! въ карманѣ только одинъ цѣлковый рубль оставался, а до жалованья еще добрыхъ дней десять. Такъ какъ бы вы думали, маточка? На другой день, прежде чѣмъ на службу идти, завернулъ я къ парфюмёру Французу, купилъ у него духовъ какихъ–то, да мыла благовоннаго на весь капиталъ — ужь и самъ не знаю зачѣмъ я тогда накупилъ всего этого? Да и не обѣдалъ дома, а все мимо ея оконъ ходилъ. Она жила на Невскомъ, въ четвертомъ этажѣ. Пришелъ домой, часочикъ какой–нибудь тамъ отдохнулъ, и опять на Невскій пошелъ, чтобы только мимо ея окошекъ пройдти. Полтора мѣсяца я ходилъ такимъ образомъ, волочился за нею; извощиковъ–лихачей нанималъ поминутно, и все мимо ея оконъ концы давалъ: замотался совсѣмъ, задолжалъ, а потомъ ужь и разлюбилъ ее; — наскучило! Такъ вотъ что актриска изъ порядочнаго человѣка сдѣлать въ состояніи, маточка! Впрочемъ молоденекъ–то я, молоденекъ былъ тогда!...

М. Д.

Іюля 8.

Милостивая государыня моя,
Варвара Алексѣевна!

Книжку вашу, полученную мною 6–го сего мѣсяца, спѣшу возвратить вамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшу въ семъ письмѣ моемъ объясниться съ вами. Дурно, маточка, дурно то, что вы меня въ такую крайность поставили. Позвольте, маточка: всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Тому опредѣлено быть въ генеральскихъ эполетахъ, этому служить титулярнымъ совѣтникомъ; такому–то повелѣвать, а такому–то

безропотно и въ страхѣ повиноваться. Это уже по способности человѣка разсчитано; иной на одно способенъ, а другой на другое, а способности устроены самимъ Богомъ. — Состою я уже около тридцати лѣтъ на службѣ; служу безукоризненно, поведенія трезваго, въ безпорядкахъ никогда не замѣченъ. Какъ гражданинъ, считаю себя, собственнымъ сознаніемъ моимъ, какъ имѣющаго свои недостатки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и добродѣтели. Уважаемъ начальствомъ, и сами его превосходительство мною довольны; и хотя еще они доселѣ не оказывали мнѣ особенныхъ знаковъ благорасположенія, но я знаю, что они довольны. Дожилъ до сѣдыхъ волосъ; грѣха за собою большаго не знаю. Конечно, кто же въ маломъ не грѣшенъ? Всякій грѣшенъ, и даже вы грѣшны, маточка! Но въ большихъ проступкахъ и продерзостяхъ никогда не замѣченъ, чтобы этакъ противъ постановленій что-нибудь, или въ нарушеніи общественнаго спокойствія, въ этомъ я никогда не замѣченъ, этого не было; даже крестикъ выходилъ — ну да ужь что! Все это вы по совѣсти должны бы были знать, маточка, и онъ долженъ бы былъ знать; ужь какъ взялся описывать, такъ долженъ бы былъ все знать. Нѣтъ, я этого не ожидалъ отъ васъ, маточка: нѣтъ, Варинька! вотъ отъ васъ-то именно такого и не ожидалъ.

Какъ! Такъ послѣ этого и жить себѣ смирно нельзя, въ уголочкѣ своемъ, — каковъ ужь онъ тамъ ни есть, — жить водой не замутя, по пословицѣ, никого не трогая, зная страхъ Божій, да себя самого, чтобы и тебя не затронули, чтобы и въ твою конуру не пробрались, да не подсмотрѣли — что дескать какъ ты себѣ тамъ по домашнему, что вотъ есть ли, напримѣръ, у тебя жилетка хорошая, водится ли у тебя, что слѣдуетъ изъ нижняго платья; есть ли сапоги, да и чѣмъ подбиты они; что ѣшь, что пьешь, что переписываешь?... Да и что же тутъ такого, маточка, что вотъ хоть бы и я, гдѣ мостовая плоховата, пройду иной разъ на цыпочкахъ, что я сапоги берегу! Зачѣмъ писать про другаго, что вотъ-де онъ иной разъ нуждается, что чаю не пьетъ? А точно всѣ и должны ужь такъ непремѣнно чай пить! Да развѣ я смотрю въ ротъ каждому, что дескать какой онъ тамъ кусокъ жуетъ? Кого же я обижалъ такимъ-образомъ? Нѣтъ, маточка, зачѣмъ же другихъ обижать, когда тебя не затрогиваютъ! Ну, и вотъ вамъ примѣръ, Варвара Алексѣевна, вотъ что значитъ оно: служишь-служишь, ревностно, усердно, — чего! — и начальство само тебя уважаетъ (ужь какъ бы тамъ ни было, а все-таки уважаетъ), — и вотъ кто-нибудь

подъ самымъ носомъ твоимъ, безо всякой видимой причины, ни съ того ни съ сего, испечетъ тебѣ пасквиль. Конечно, правда, иногда сошьешь себѣ что-нибудь новое, — радуешься, не спишь, а радуешься, сапоги новые, напримѣръ, съ такимъ сладострастіемъ надѣваешь; — это правда, я ощущалъ, потому-что пріятно видѣть свою ногу въ тонкомъ щегольскомъ сапогѣ, — это вѣрно описано! Но я все-таки истинно удивляюсь, какъ Ѳедоръ-то Ѳедоровичъ безъ вниманія книжку такую пропустили, и за себя не вступились. Правда, что онъ еще молодой сановникъ, и любитъ подъ-часъ покричать; но отъ чего же и не покричать? Отъ-чего же и не распечь, коли нужно нашего брата распечь? Ну да положимъ и такъ, напримѣръ, для тона распечь — ну и для тона можно; нужно пріучать; нужно острастку давать; потому-что — между нами будь это, Варинька — нашъ братъ ничего безъ острастки не сдѣлаетъ, всякій наровитъ только гдѣ-нибудь числиться, что вотъ дескать, я тамъ-то и тамъ-то, а отъ дѣла-то бочкомъ да стороночкой. А такъ какъ разные чины бываютъ, и каждый чинъ требуетъ совершенно соотвѣтственной по чину распеканціи, то естественно, что послѣ этого и тонъ распеканціи выходитъ разночинный; — это въ порядкѣ вещей! Да вѣдь на томъ и свѣтъ стоитъ, маточка, что всѣ мы одинъ передъ другимъ тону задаемъ, что всякъ изъ насъ одинъ другаго распекаетъ. Безъ этой предосторожности и свѣтъ бы не стоялъ, и порядка бы не было. Истинно удивляюсь, какъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ такую обиду пропустили безъ вниманія!

И для чего же такое писать? И для чего оно нужно? Что мнѣ за это шинель кто-нибудь изъ читателей сдѣлаетъ, что ли? Сапоги, что ли новые купитъ? — Нѣтъ, Варинька, прочтетъ, да еще продолженія потребуетъ. Прячешься иногда, прячешься, скрываешься въ томъ, чѣмъ не взялъ, боишься носъ подъ-часъ показать — куда бы тамъ ни было, потому-что пересуда трепещешь, потому-что изъ всего, что ни есть на свѣтѣ, изъ всего тебѣ пасквиль сработаютъ, и вотъ ужь вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературѣ ходитъ, все напечатано, прочитано, осмѣяно, пересужено! Да тутъ и на улицу нельзя показаться будетъ; вѣдь тутъ это все такъ доказано, что нашего брата по одной походкѣ узнаешь теперь. Ну, добро бы онъ подъ концомъ-то хоть исправился, что-нибудь бы смягчилъ, помѣстилъ бы, напримѣръ, хоть послѣ того пункта, какъ ему бумажки на голову сыпали: — что вотъ дескать при всемъ этомъ онъ былъ добродѣтеленъ, хорошій гражданинъ, такого

обхожденія отъ своихъ товарищей не заслуживалъ, послушествовалъ старшимъ (тутъ бы примѣръ можно какой-нибудь), никому зла не желалъ, вѣрилъ въ Бога, и умеръ (если ему хочется, чтобы онъ ужь непремѣнно умеръ) — оплаканный. А лучше всего было бы не оставлять его умирать, бѣднягу, а сдѣлать бы такъ, чтобы шинель его отыскалась, чтобы тотъ генералъ, узнавши подробнѣе объ его добродѣтеляхъ, перепросилъ бы его въ свою канцелярію, повысилъ чиномъ и далъ бы хорошій окладъ жалованья, такъ что, видите ли, какъ бы это было: зло было бы наказано, а добродѣтель восторжествовала бы, и канцеляристы-товарищи всѣ бы ни съ чѣмъ и остались. Я бы, напримѣръ, такъ сдѣлалъ; а то, что тутъ у него особеннаго, что у него тутъ хорошаго? Такъ, пустой какой-то примѣръ изъ вседневнаго, подлаго быта. Да и какъ вы-то рѣшились мнѣ такую книжку прислать, родная моя. Да вѣдь это злонамѣренная книжка, Варинька; это просто неправдоподобно, потому-что и случиться не можетъ, чтобы былъ такой чиновникъ. Да вѣдь послѣ такого надо жаловаться, Варинька, формально жаловаться.

Покорнѣйшій слуга вашъ
Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюля 27.

М. Г. Макаръ Алексѣевичъ!

Послѣднія происшествія и письма ваши испугали, поразили меня и повергли въ недоумѣніе, а разсказы Ѳедоры объяснили мнѣ все. Но за чѣмъ же было такъ отчаяваться и вдругъ упасть въ такую бездну, въ какую вы упали, Макаръ Алексѣевичъ? Ваши объясненія вовсе не удовольствовали меня. Видите ли, была ли я права, когда настаивала взять то выгодное мѣсто, которое мнѣ предлагали? Къ тому же и послѣднее мое приключеніе пугаетъ меня не на шутку. Вы говорите, что любовь ваша ко мнѣ заставила васъ таиться отъ меня. Я и тогда уже видѣла, что многимъ обязана вамъ, когда вы увѣряли, что издерживаете на меня только запасныя деньги свои, которыя, какъ говорили, у васъ въ ломбардѣ на всякій случай лежали. Теперь же, когда я узнала, что у васъ вовсе не было никакихъ денегъ, что вы, случайно узнавши о моемъ бѣдственномъ положеніи и тронувшись имъ, рѣшились издержать свое жалованье, забравъ его впередъ,

и продали даже свое платье, когда я больна была. — теперь я, открытіемъ всего этого, поставлена въ такое мучительное положеніе, что до-сихъ-поръ не знаю какъ принять все это и что думать объ этомъ. Ахъ! Макаръ Алексѣевичъ! вы должны были остановиться на первыхъ благодѣяніяхъ своихъ, внушенныхъ вамъ состраданіемъ и родственною любовью, а не расточать деньги впослѣдствіи на ненужное. Вы измѣнили дружбѣ нашей, Макаръ Алексѣевичъ, потому-что не были откровенны со мною, и теперь, когда я вижу, что ваше послѣднее пошло мнѣ на наряды, на конфекты, на прогулки, на театръ и на книги, — то за все это я теперь дорого плачу́ сожалѣніемъ о своей непростительной вѣтренности (ибо я принимала отъ васъ все, не заботясь о васъ самихъ); и все то, чѣмъ вы хотѣли доставить мнѣ удовольствіе, обратилось теперь въ горе для меня и оставило по себѣ одно безполезное сожалѣніе. Я замѣтила вашу тоску въ послѣднее время, и хотя сама тоскливо ожидала чего-то, но то, что случилось теперь, мнѣ и въ умъ не входило. Какъ! вы до такой уже степени могли упасть духомъ, Макаръ Алексѣевичъ! Но что теперь о васъ подумаютъ, что теперь скажутъ о васъ всѣ, кто васъ знаетъ? Вы, котораго я и всѣ уважали за доброту души, скромность и благоразуміе, вы теперь вдругъ впали въ такой отвратительный порокъ, въ которомъ, кажется, никогда не были замѣчены прежде. Что со мною было, когда Ѳедора разсказала мнѣ, что васъ нашли на улицѣ въ нетрезвомъ видѣ и привезли на квартиру съ полиціей! Я остолбенѣла отъ изумленія, хотя и ожидала чего-то необыкновеннаго, потому-что вы четыре дня пропадали. Но подумали ли вы, Макаръ Алексѣевичъ, что скажутъ ваши начальники, когда узнаютъ настоящую причину вашего отсутствія? Вы говорите, что надъ вами смѣются всѣ, что всѣ узнали о нашей связи, и что и меня упоминаютъ въ насмѣшкахъ своихъ сосѣди ваши. Не обращайте вниманія на это, Макаръ Алексѣевичъ, и ради Бога, успокойтесь. Меня пугаетъ еще ваша исторія съ этими офицерами; я объ ней темно слышала. Растолкуйте мнѣ, что это все значитъ? Пишете вы, что боялись открыться мнѣ, боялись потерять вашимъ признаніемъ мою дружбу, что были въ отчаяніи, не зная чѣмъ помочь мнѣ въ моей болѣзни, что продали все, чтобы поддержать меня и не пускать въ больницу, что задолжали сколько возможно задолжать, и имѣете каждый день непріятности съ хозяйкой, — но скрывая все это отъ меня, вы выбрали худшее. Но вѣдь теперь же я все узнала. Вы совѣстились заставить

меня сознаться, что я была причиною вашего несчастнаго положенія, а теперь вдвое болѣе принесли мнѣ горя своимъ поведеніемъ. Все это меня поразило, Макаръ Алексѣевичъ. Ахъ, другъ мой! несчастіе заразительная болѣзнь. Несчастнымъ и бѣднымъ нужно сторониться другъ отъ друга, чтобъ еще болѣе не заразиться. Я принесла вамъ такія несчастія, которыхъ вы и не испытывали прежде въ вашей скромной и уединенной жизни. Все это мучитъ и убиваетъ меня.

Напишите мнѣ теперь все откровенно, что съ вами было и какъ вы рѣшились на такой поступокъ. Успокойте меня, если можно. Не самолюбіе заставляетъ меня писать теперь о моемъ спокойствіи, но моя дружба и любовь къ вамъ, которыя ничѣмъ не изгладятся изъ моего сердца. Прощайте. Жду отвѣта вашего съ нетерпѣніемъ. Вы худо думали обо мнѣ, Макаръ Алексѣевичъ.

Васъ сердечно любящая
Варвара Доброселова.

Іюля 28.

Безцѣнная моя Варвара Алексѣевна!

Ну ужь, какъ теперь все кончено и все мало по малу приходитъ въ прежнее положеніе, то вотъ что скажу я вамъ, маточка: вы безпокоитесь объ томъ, что обо мнѣ подумаютъ, на что спѣшу объявить вамъ, Варвара Алексѣевна, что амбиція моя мнѣ дороже всего. Въ слѣдствіе чего и донося вамъ объ несчастіяхъ моихъ и всѣхъ этихъ безпорядкахъ, увѣдомляю васъ, что изъ начальства еще никто ничего не знаетъ, да и не будетъ знать, такъ что они всѣ будутъ питать ко мнѣ уваженіе по прежнему. Одного боюсь: сплетень боюсь. Дома у насъ хозяйка только кричитъ, а теперь, когда я съ помощію вашихъ десяти рублей уплатилъ ей часть долга, только ворчитъ, а болѣе ничего. Что же касается до прочихъ, то и они ничего; у нихъ только не нужно денегъ въ займы просить, а то и они ничего. А въ заключеніе объясненій моихъ, скажу вамъ, маточка, что ваше уваженіе ко мнѣ считаю я выше всего на свѣтѣ и тѣмъ утѣшаюсь теперь во временныхъ безпорядкахъ моихъ. Слава Богу, что первый ударъ и первыя передряги миновали, и вы приняли это такъ, что не считаете меня вѣроломнымъ другомъ и себялюбцемъ за то, что я васъ у себя держалъ и обманывалъ васъ, не

въ силахъ будучи съ вами разстаться и любя васъ, какъ моего ангельчика. Рачительно теперь принялся за службу и должность свою сталъ исправлять хорошо. Евстафій Ивановичъ хоть бы слово сказалъ, когда я мимо ихъ вчера проходилъ. Не скрою отъ васъ, маточка, что убиваютъ меня долги мои и худое положеніе моего гардероба, но это опять ничего, и объ этомъ тоже молю васъ — не отчаявайтесь, маточка. Посылаете мнѣ еще полтинничекъ, Варинька, и этотъ полтинничекъ мнѣ мое сердце пронзилъ. Такъ такъ-то оно теперь стало, такъ вотъ оно какъ! т. е. это не я, старый дуракъ, вамъ, ангельчику, помогаю, а вы, сироточка моя бѣдненькая, мнѣ! Хорошо сдѣлала Ѳедора, что достала денегъ. Я покамѣстъ не имѣю надеждъ никакихъ, маточка, на полученіе, а если чуть возродятся какія-нибудь надежды, то отпишу вамъ обо всемъ подробно. Но сплетни, сплетни меня безпокоятъ болѣе всего. Прощайте, мой ангельчикъ. Цалую вашу ручку и умоляю васъ выздоравливать. Пишу отъ-того не подробно, что въ должность спѣшу, ибо стараніемъ и раченіемъ хочу загладить всѣ вины мои въ упущеніи по службѣ; дальнѣйшее же повѣствованіе о всѣхъ происшествіяхъ и о приключеніи съ офицерами откладываю до вечера.

Васъ уважающій и васъ сердечно любящій
Макаръ Дѣвушкинъ.

Іюля 28.

Эхъ, Варинька, Варинька! Вотъ именно-то теперь грѣхъ на вашей сторонѣ и на совѣсти вашей останется. Письмецомъ-то своимъ вы меня съ толку послѣдняго сбили, озадачили, да ужь только теперь, какъ я на досугѣ во внутренность сердца моего проникъ, такъ и увидѣлъ, что правъ былъ, совершенно былъ правъ. Я не про дебошъ мой говорю (ну его, маточка, ну его!), а про то, что я люблю васъ и что вовсе не неблагоразумно мнѣ было любить васъ, вовсе не неблагоразумно. Вы, маточка, не знаете ничего; а вотъ еслибы знали только отъ-чего это все, отъ-чего это я долженъ васъ любить, такъ вы бы не то сказали. Вы это все резонное-то только такъ говорите, а я увѣренъ, что на сердцѣ-то у васъ вовсе не то.

Маточка моя, я и самъ-то не знаю и не помню хорошо всего, что было у меня съ офицерами. Нужно вамъ замѣтить, ангельчикъ мой, что до того времени я былъ въ смущеніи ужаснѣйшемъ. Вообразите себѣ, что уже цѣлый мѣсяцъ, такъ

сказать, на одной ниточкѣ крѣпился. Положеніе было пребѣдственное. Отъ васъ-то я скрывался, да и дома тоже, но хозяйка моя шуму и крику надѣлала. Оно бы мнѣ и ничего. Пусть бы кричала баба негодная, да одно то, что срамъ, а второе то, что она, Господь ее знаетъ какъ, объ нашей связи узнала, и такое про нее на весь домъ кричала, что я обомлѣлъ да и уши заткнулъ. Да дѣло-то въ томъ, что другіе своихъ ушей не затыкали, а напротивъ развѣсили ихъ. Я и теперь, маточка, куда мнѣ дѣваться не знаю...

И вотъ, ангельчикъ мой, все-то это, весь-то этотъ сбродъ всяческаго бѣдствія и доканалъ меня окончательно. Вдругъ странныя вещи слышу я отъ Ѳедоры, что въ домъ къ вамъ явился недостойный искатель и оскорбилъ васъ недостойнымъ предложеніемъ; что онъ васъ оскорбилъ, глубоко оскорбилъ, я по себѣ сужу, маточка, потому что и я самъ глубоко оскорбился. Тутъ-то я, ангельчикъ вы мой, и свихнулся, тутъ-то я и потерялся и пропалъ совершенно. Я, другъ вы мой, Варинька, выбѣжалъ въ бѣшенствѣ какомъ-то неслыханномъ, я къ нему хотѣлъ идти, грѣховоднику; я ужь и не зналъ, что я дѣлать хотѣлъ, потому что я не хочу, чтобы васъ, ангельчика моего, обижали! Ну, грустно было! а на ту пору дождь, слякоть, тоска была страшная!.. Я было ужь воротиться хотѣлъ... Тутъ-то я и палъ, маточка. Я Емелю встрѣтилъ, Емельяна Ильича, онъ чиновникъ, т. е. былъ чиновникъ, а теперь ужь не чиновникъ, потому что его отъ насъ выключили. — Онъ ужь, я и не знаю, что дѣлаетъ, какъ-то тамъ мается; вотъ мы съ нимъ и пошли. — Тутъ — ну, да что вамъ, Варинька, ну весело что ли про несчастія друга своего читать, бѣдствія его и исторію искушеній, имъ претерпѣнныхъ? На третій день, вечеромъ, ужь это Емеля подбилъ меня, я и пошелъ къ нему, къ офицеру-то. Адресъ-то я у нашего дворника спросилъ. Я, маточка, ужь если къ слову сказать пришлось, давно за этимъ молодцомъ примѣчалъ; слѣдилъ его, когда еще онъ въ домѣ у насъ квартировалъ. Теперь-то я вижу, что я неприличіе сдѣлалъ, потому что я не въ своемъ видѣ былъ, когда обо мнѣ ему доложили. Я, Варинька, ничего, по правдѣ, и не помню; помню только, что у него было очень много офицеровъ, или это двоилось у меня — Богъ знаетъ. Я не помню также, что я говорилъ, только я знаю, что я много говорилъ въ благородномъ негодованіи моемъ. Ну, тутъ-то меня и выгнали, тутъ-то меня и съ лѣстницы сбросили, то есть оно не то, чтобы совсѣмъ сбросили,

а только такъ вытолкали. Вы ужь знаете, Варинька, какъ я воротился; вотъ оно и все. Конечно, я себя уронилъ, и амбиція моя пострадала, но вѣдь этого никто не знаетъ, изъ постороннихъ-то никто, кромѣ васъ, не знаетъ; ну, а въ такомъ случаѣ, это все равно, что какъ бы его и не было. Можетъ быть, это и такъ, Варинька, какъ вы думаете? Что мнѣ только достовѣрно извѣстно, такъ это то, что прошлый годъ у насъ Аксентій Осиповичъ такимъ же образомъ дерзнулъ на личность Петра Петровича, но по секрету, онъ это сдѣлалъ по секрету. Онъ его зазвалъ въ сторожевскую комнату, я это все въ щелочку видѣлъ; да ужь тамъ онъ какъ надобно было и распорядился, по благороднымъ образомъ, потому что этого никто не видалъ, кромѣ меня; ну, а я ничего, то есть я хочу сказать, что я не объявлялъ никому. Ну, а послѣ этого Петръ Петровичъ и Аксентій Осиповичъ ничего. Петръ Петровичъ, знаете, амбиціонный такой, такъ онъ и никому не сказалъ, такъ что они теперь и кланяются и руки жмутъ. Я не спорю, я, Варинька, съ вами спорить не смѣю, я глубоко упалъ, и что всего ужаснѣе, въ собственномъ мнѣніи своемъ проигралъ, но ужь это вѣрно мнѣ такъ на роду было написано, ужь это вѣрно судьба, — а отъ судьбы не убѣжишь, сами знаете. — Ну, вотъ и подробное объясненіе несчастій моихъ и бѣдствій, Варинька, вотъ — все такое, что хоть бы и не читать, такъ въ ту же пору. — Я немного нездоровъ, маточка моя, и всей игривости чувствъ лишился. Посему теперь свидѣтельствуя вамъ мою привязанность, любовь и уваженіе, пребываю, милостивая государыня моя, Варвара Алексѣевна,

покорнѣйшимъ слугою вашимъ,
Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Іюля 29.

Милостивый государь,
Макаръ Алексѣевичъ!

Я прочла ваши оба письма, да такъ и ахнула! Послушайте, другъ мой, вы или отъ меня умалчиваете что-нибудь и написали мнѣ только часть всѣхъ непріятностей вашихъ, или... право, Макаръ Алексѣевичъ, письма ваши еще отзываются какимъ-то разстройствомъ... Приходите ко мнѣ, ради Бога, приходите

сегодня; да послушайте, вы знаете, ужь такъ прямо приходите къ намъ обѣдать. Я ужь и не знаю, какъ вы тамъ живете и какъ съ хозяйкой вашей уладились. Вы объ этомъ обо всемъ ничего не пишете и какъ будто съ намѣреніемъ умалчиваете. Такъ до свиданія, другъ мой; заходите къ намъ непремѣнно сегодня; да ужь лучше бы вы сдѣлали, еслибъ и всегда приходили къ намъ обѣдать. Ѳедора готовитъ очень хорошо. Прощайте.

Ваша
Варвара Доброселова.

Августа 1.

Матушка, Варвара Алексѣевна!

Рады вы, маточка, что Богъ вамъ случай послалъ въ свою очередь за добро добромъ отслужить и меня отблагодарить. Я этому вѣрю, Варинька, и въ доброту ангельскаго сердечка вашего вѣрю, и не въ укоръ вамъ говорю, — только не попрекайте меня, какъ тогда, что я на старости лѣтъ замотался. Ну, ужь былъ грѣхъ такой, что жь дѣлать! — если ужь хотите непремѣнно, чтобы тутъ грѣхъ какой былъ; только вотъ, отъ васъ-то, дружочикъ мой, слушать такое мнѣ многаго стоитъ! А вы на меня не сердитесь, что я это говорю; у меня въ груди-то, маточка, все изныло. Бѣдные люди капризны; — это ужь такъ отъ природы устроено. Я это и прежде чувствовалъ, а теперь еще болѣе почувствовалъ. Онъ, бѣдный-то человѣкъ, онъ взыскателенъ; онъ и на свѣтъ-то Божій иначе смотритъ, и на каждаго прохожаго косо глядитъ, да вокругъ себя смущеннымъ взоромъ поводитъ, да прислушивается къ каждому слову, — дескать, не про него ли тамъ что говорятъ? Что вотъ, дескать, что же онъ такой неказистый? чтобы онъ такое именно чувствовалъ? что вотъ, напримѣръ, каковъ онъ будетъ съ этого боку, каковъ будетъ съ того боку? И вѣдомо каждому, Варинька, что бѣдный человѣкъ хуже ветошки и никакого ни отъ кого уваженія получить не можетъ, что ужь тамъ ни пиши! они-то, пачкуны-то эти, что ужь тамъ ни пиши — все будетъ въ бѣдномъ человѣкѣ такъ, какъ и было. А отъ чего же такъ и будетъ по-прежнему? А отъ того, что ужь у бѣднаго человѣка, поихнему, все наизнанку должно быть; что ужь у него ничего не должно быть

завѣтнаго, тамъ амбиціи какой–нибудь ни–ни–ни! Вонъ Емеля говорилъ намедни, что ему гдѣ–то подписку дѣлали, такъ ему за каждый гривенникъ, въ нѣкоторомъ родѣ, оффиціальный осмотръ дѣлали. Они думали, что они даромъ свои гривенники ему даютъ — анъ нѣтъ: они заплатили за то, что имъ бѣднаго человѣка показывали. Ныньче, маточка, и благодѣянія–то какъ–то чудно дѣлаются... а, можетъ быть, и всегда такъ дѣлались, кто ихъ знаетъ! Или не умѣютъ они дѣлать, или ужь мастера большіе — одно изъ двухъ. Вы, можетъ быть, этого не знали, ну, такъ вотъ вамъ! Въ чемъ другомъ мы пасъ, а ужь въ этомъ извѣстны! А почему бѣдный человѣкъ знаетъ все это, да думаетъ все такое? А почему? — ну, по опыту! А отъ того, напримѣръ, что онъ знаетъ, что есть подъ бокомъ у него такой господинъ, что вотъ идетъ куда–нибудь къ ресторану да говоритъ самъ съ собой: что вотъ, дескать, эта голь–чиновникъ, что будетъ ѣсть сегодня? а я соте–папильйотъ буду ѣсть, а онъ, можетъ быть, кашу безъ масла ѣсть будетъ. — А какое ему дѣло, что я буду кашу безъ масла ѣсть? Бываетъ такой человѣкъ, Варинька, бываетъ, что только объ такомъ и думаетъ. И они ходятъ, пасквиланты неприличные, да смотрятъ, что, дескать, всей ли ногой на камень ступаешь, али носочкомъ однимъ; что–де, вотъ у такого–то чиновника, такого–то вѣдомства, титулярнаго совѣтника, изъ сапога голые пальцы торчатъ, что вотъ у него локти продраны — и потомъ тамъ себѣ это все и описываютъ, и дрянь такую печатаютъ... А какое тебѣ дѣло, что у меня локти продраны? Да, ужь если вы мнѣ простите, Варинька, грубое слово, такъ я вамъ скажу, что у бѣднаго человѣка на этотъ счетъ тотъ же самый стыдъ, какъ и у васъ, примѣромъ сказать, дѣвическій. Вѣдь вы передъ всѣми — грубое–то словцо мое простите — разоблачаться не станете; вотъ такъ точно и бѣдный человѣкъ не любитъ, чтобы въ его конуру заглядывали, что, дескать, каковы–то тамъ его отношенія будутъ семейныя — вотъ. А то, что́ было тогда обижать меня, Варинька, купно со врагами моими, на честь и амбицію честнаго человѣка посягающими!

Да и въ присутствіи–то я сегодня сидѣлъ такимъ медвѣженкомъ, такимъ воробьемъ общипаннымъ, что чуть самъ за себя со стыда не сгорѣлъ. Стыденько мнѣ было, Варинька! Да, ужь натурально робѣешь, когда сквозь одежду голые локти свѣтятся, да пуговки на ниточкахъ мотаются. А у меня, какъ нарочно, все это было въ такомъ безпорядкѣ! Поневолѣ упадаешь духомъ.

Чего!.. самъ Степанъ Карловичъ сегодня началъ было по дѣлу со мной говорить, говорилъ–говорилъ, да какъ будто невзначай и прибавилъ: «Эхъ вы, батюшка Макаръ Алексѣевичъ!» да и не договорилъ остальнаго–то объ чемъ онъ думалъ, а только я ужь самъ обо всемъ догадался, да такъ покраснѣлъ, что даже лысина моя покраснѣла. Оно въ сущности–то и ничего, да все–таки безпокойно, на размышленія наводитъ тяжкія. Ужь не провѣдали ли чего они! А Боже сохрани, ну, какъ объ чемъ–нибудь провѣдали! Я, признаюсь, подозрѣваю, сильно подозрѣваю одного человѣчка. Вѣдь этимъ злодѣямъ нипочемъ! выдадутъ! всю частную твою жизнь ни за грошъ выдадутъ; — святаго ничего не имѣется.

Я знаю теперь, чья это штука: это Ратазяева штука. Онъ съ кѣмъ–то знакомъ въ нашемъ вѣдомствѣ, да вѣрно такъ, между разговоромъ, и передалъ ему все съ прибавленіями; или пожалуй, разсказалъ въ своемъ вѣдомствѣ, а оно выползло да и приползло въ наше вѣдомство. А въ квартирѣ у насъ всѣ все до послѣдняго знаютъ, и къ вамъ въ окно пальцемъ показываютъ; это ужь я знаю, что показываютъ. А какъ я вчера къ вамъ обѣдать пошелъ, то всѣ они изъ оконъ повысовывались, а хозяйка сказала, что вотъ, дескать, чортъ съ младенцемъ связались, да и васъ она назвала потомъ неприлично. Но все же это ничто передъ гнуснымъ намѣреніемъ Ратазяева насъ съ вами въ литературу свою помѣстить и въ тонкой сатирѣ насъ описать; онъ это самъ говорилъ, а мнѣ добрые люди изъ нашихъ пересказали. Я ужь и думать ни о чемъ не могу, маточка, и рѣшиться не знаю на что. Нечего грѣха таить, прогнѣвили мы Господа Бога, ангельчикъ мой! Вы, маточка, мнѣ книжку какую–то хотѣли, ради скуки, прислать. А ну ее, книжку, маточка! Что она, книжка? Она небылица въ лицахъ! И романъ вздоръ, и для вздора написанъ, такъ, праздным людямъ читать: повѣрьте мнѣ, маточка, опытности моей многолѣтней повѣрьте. И что тамъ, если они васъ заговорятъ Шекспиромъ какимъ–нибудь, что, дескать, видишь ли, въ литературѣ Шекспиръ есть, — такъ и Шекспиръ вздоръ, все это сущій вздоръ, и все для одного пасквиля сдѣлано!

Вашъ
Макаръ Дѣвушкинъ.

Августа 2.

М. Г. Макаръ Алексѣевичъ!

Не безпокойтесь ни объ чемъ; дастъ Господь Богъ все уладится. Ѳедора достала и себѣ и мнѣ кучу работы, и мы превесело принялись за дѣло; можетъ-быть, и все поправимъ. Подозрѣваетъ она, что всѣ мои послѣднія непріятности не чужды Анны Ѳедоровны; но теперь мнѣ все равно. Мнѣ сегодня какъ-то необыкновенно весело. Вы хотите занимать деньги; — сохрани васъ Господи! послѣ не оберетесь бѣды, когда отдавать будетъ нужно. Лучше живите-ка съ нами покороче, приходите къ намъ почаще и не обращайте вниманія на вашу хозяйку. Что же касается до остальныхъ враговъ и недоброжелателей вашихъ, то я увѣрена, что вы мучаетесь напрасными сомнѣніями, Макаръ Алексѣевичъ! Смотрите, вѣдь я вамъ говорила прошедшій разъ, что у васъ слогъ чрезвычайно неровный. Ну, прощайте, до свиданья. Жду васъ непремѣнно къ себѣ.

Ваша
В. Д.

Августа 3.

Ангельчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

Спѣшу вамъ сообщить, жизненочикъ вы мой, что у меня надежды родились кое-какія. Да позвольте, дочечка вы моя — пишете, ангельчикъ, чтобъ мнѣ займовъ не дѣлать? Голубчикъ вы мой, невозможно безъ нихъ; ужь и мнѣ-то худо, да и съ вами-то, чего добраго, что-нибудь вдругъ да не такъ! вѣдь вы слабенькія; такъ вотъ я къ тому и пишу, что занять-то непремѣнно нужно. Ну такъ я и продолжаю.

— Замѣчу вамъ, Варвара Алексѣевна, что въ присутствіи я сижу рядомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Это не съ тѣмъ Емельяномъ, котораго вы знаете. Этотъ, такъ-же какъ и я, титулярный совѣтникъ, и мы съ нимъ во всемъ нашемъ вѣдомствѣ чуть ли не самые старые, коренные служивые. Онъ добрая душа, безкорыстная душа, да неразговорчивый такой, и всегда настоящимъ медвѣдемъ смотритъ. За то дѣловой, перо у него чистый англійскій почеркъ, и если ужь всю правду сказать, то не хуже меня пишетъ, — достойный человѣкъ! Коротко мы съ

нимъ никогда не сходились, а такъ только, по обычаю, прощайте да здравствуйте; да если подъ часъ мнѣ ножичекъ надобился, то случалось попрошу — дескать, дайте, Емельянъ Ивановичъ, ножичка, однимъ словомъ, было только то, что общежитіемъ требуется. Вотъ онъ и говоритъ мнѣ сегодня: Макаръ Алексѣевичъ, что, дескать, вы такъ призадумались? Я вижу, что добра желаетъ мнѣ человѣкъ, да и открылся ему — дескать, такъ и такъ, Емельянъ Ивановичъ, т. е. всего не сказалъ, да и Боже сохрани, никогда не скажу, потому-что сказать-то нѣтъ духу, а такъ кое въ чемъ открылся ему, что вотъ, дескать, стѣсненъ, и тому подобное. «А вы бы, батюшка», говоритъ Емельянъ Ивановичъ: «вы бы заняли; вотъ хоть бы у Петра Петровича заняли, онъ даетъ на проценты; я занималъ; и процентъ беретъ пристойный — неотягчительный.» Ну, Варинька, вспрыгнуло у меня сердечко. Думаю-думаю, авось Господь ему на душу положитъ, Пе́тру Петровичу благодѣтелю, да и дастъ онъ мнѣ взаймы. Самъ ужь и разсчитываю, что вотъ бы-де и хозяйкѣ-то заплатилъ и вамъ бы помогъ, да и самъ бы кругомъ обчинился, а то такой срамъ: жутко даже на мѣстѣ сидѣть, кромѣ того, что вотъ зубоскалы-то наши смѣются, Богъ съ ними! Да и его-то превосходительство мимо нашего стола иногда проходятъ; ну, сохрани Боже, бросятъ взоръ на меня, да примѣтятъ, что я одѣтъ неприлично! А у нихъ главное — чистота и опрятность. Они-то, пожалуй, и ничего не скажутъ, да я-то отъ стыда умру, — вотъ какъ это будетъ. Вслѣдствіе чего, я, скрѣпившись и спрятавъ свой стыдъ въ дырявый карманъ, направился къ Петру Петровичу, и надежды-то полнъ, и ни живъ ни мертвъ отъ ожиданія — все вмѣстѣ. Ну, что же, Варинька, вѣдь все вздоромъ и кончилось! Онъ что-то былъ занятъ, говорилъ съ Ѳедосѣемъ Ивановичемъ. Я къ нему подошелъ съ боку да и дернулъ его за рукавъ: дескать, Петръ Петровичъ, а Петръ Петровичъ! — Онъ оглянулся, а я продолжаю: что, дескать, вотъ такъ и такъ, рублей тридцать, и т. д. — Онъ сначала было не понялъ меня, а потомъ, когда я объяснилъ ему все, такъ онъ и засмѣялся, да и ничего, замолчалъ. Я опять къ нему съ тѣмъ же. А онъ мнѣ — закладъ у васъ есть? — А самъ уткнулся въ свою бумагу, пишетъ и на меня не глядитъ. — Я немного оторопѣлъ. Нѣтъ, говорю, Петръ Петровичъ, заклада нѣтъ, — да и объясняю ему — что вотъ, дескать, какъ будетъ жалованье, такъ я и отдамъ, непремѣнно отдамъ, первымъ долгомъ почту. — Тутъ его кто-то позвалъ, я подождалъ его, онъ

воротился, да и сталъ перо чинить, а меня какъ-будто не замѣчаетъ. А я все про свое — что, дескать, Петръ Петровичъ, нельзя ли какъ-нибудь? Онъ молчитъ и какъ-будто не слышитъ, я постоялъ-постоялъ, ну, думаю, попробую въ послѣдній разъ, да и дернулъ его за рукавъ. Онъ хоть бы что-нибудь вымолвилъ, очинилъ перо, да и сталъ писать; я и отошелъ. Они, маточка, видите ли, можетъ-быть и достойные люди всѣ, да гордые, очень гордые, — что мнѣ! Куда намъ до нихъ, Варинька! Я къ тому вамъ и написалъ все это. — Емельянъ Ивановичъ тоже засмѣялся, да головой покачалъ, за то обнадежилъ меня, сердечный. Емельянъ Ивановичъ достойный человѣкъ. Обѣщалъ онъ меня рекомендовать одному человѣку; человѣкъ-то этотъ, Варинька, на Выборгской живетъ, тоже даетъ на проценты, 14-го класса какой-то. Емельянъ Ивановичъ говоритъ, что́ этотъ уже непремѣнно дастъ; я завтра, ангельчикъ мой, пойду, — а? Какъ вы думаете? Вѣдь бѣда не занять! Хозяйка меня чуть съ квартиры не гонитъ и обѣдать мнѣ давать не соглашается. Да и сапоги-то у меня больно худы, маточка, да и пуговокъ нѣтъ... да того ли еще нѣтъ у меня! А ну какъ изъ начальства-то кто-нибудь замѣтитъ подобное неприличіе? Бѣда, Варинька, бѣда, просто бѣда!

Макаръ Дѣвушкинъ.

Августа 4.

Любезный Макаръ Алексѣевичъ!

Ради Бога, Макаръ Алексѣевичъ, какъ только можно скорѣе займите сколько-нибудь денегъ; я бы ни за что не попросила у васъ помощи въ теперешнихъ обстоятельствахъ, но если бы вы знали, каково мое положеніе! Въ этой квартирѣ намъ никакъ нельзя оставаться. У меня случились ужаснѣйшія непріятности, и если бы вы знали, въ какомъ я теперь разстройствѣ и волненіи! Вообразите, другъ мой: сегодня утромъ входитъ къ намъ человѣкъ незнакомый, пожилыхъ лѣтъ, почти старикъ, съ орденами. Я изумилась, не понимая чего ему нужно у насъ? Ѳедора вышла въ это время въ лавочку. Онъ сталъ меня разспрашивать, какъ я живу и что дѣлаю, и не дождавшись отвѣта, объявилъ мнѣ, что онъ дядя того офицера; что онъ очень сердитъ на племянника за его дурное поведеніе, и за то, что онъ осла-

вилъ насъ на весь домъ; сказалъ, что племянникъ его мальчишка и вѣтрогонъ, и что онъ готовъ взять меня подъ свою защиту; не совѣтовалъ мнѣ слушать молодыхъ людей, прибавилъ, что онъ соболѣзнуетъ обо мнѣ какъ отецъ, что онъ питаетъ ко мнѣ отеческія чувства, и готовъ мнѣ во всемъ помогать. Я вся краснѣла, не знала что и подумать, но не спѣшила благодарить. Онъ взялъ меня насильно за руку, потрепалъ меня по щекѣ, сказалъ, что я прехорошенькая, и что онъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что у меня есть на щекахъ ямочки (Богъ знаетъ, что онъ говорилъ!), и наконецъ хотѣлъ меня поцаловать, говоря, что онъ уже старикъ (онъ былъ такой гадкой!) — Тутъ вошла Ѳедора. Онъ немного смутился и опять заговорилъ, что чувствуетъ ко мнѣ уваженіе за мою скромность и благонравіе, и что очень желаетъ, чтобы я его не чуждалась. Потомъ отозвалъ въ сторону Ѳедору и подъ какимъ-то страннымъ предлогомъ хотѣлъ дать ей сколько-то денегъ. Ѳедора, разумѣется, не взяла. Наконецъ онъ собрался домой, повторилъ еще разъ всѣ свои увѣренія, сказалъ, что еще разъ ко мнѣ пріѣдетъ и привезетъ мнѣ сережки (кажется, онъ самъ былъ очень смущенъ); совѣтовалъ мнѣ перемѣнить квартиру и рекомендовалъ мнѣ одну прекрасную квартиру, которая у него на примѣтѣ и которая мнѣ ничего не будетъ стоить; сказалъ, что онъ очень полюбилъ меня за тѣмъ, что я честная и благоразумная дѣвушка, совѣтовалъ остерегаться развратной молодежи и наконецъ объявилъ, что знаетъ Анну Ѳедоровну, и что Анна Ѳедоровна поручила ему сказать мнѣ, что она сама навѣститъ меня. Тутъ я все поняла. Я не знаю, что со мною сталось; въ первый разъ въ жизни я испытывала такое положеніе; я изъ себя вышла; я застыдила его совсѣмъ. Ѳедора помогла мнѣ и почти выгнала его изъ квартиры. Мы рѣшили, что это все дѣло Анны Ѳедоровны: иначе съ какой стороны ему знать о насъ?

Теперь я къ вамъ обращаюсь, Макаръ Алексѣевичъ, и молю васъ о помощи. Не оставляйте меня, ради Бога, въ такомъ положеніи! Займите; пожалуйста, хоть сколько нибудь достаньте денегъ, намъ не на что съѣхать съ квартиры, а оставаться здѣсь никакъ нельзя болѣе: такъ и Ѳедора совѣтуетъ. Намъ нужно по крайней мѣрѣ рублей 25; я вамъ эти деньги отдамъ; я ихъ заработаю; Ѳедора мнѣ на-дняхъ еще работы достанетъ, такъ, что если васъ будутъ останавливать большіе проценты, то вы не смотрите на нихъ и согласитесь на все. Я вамъ все отдамъ, только ради Бога не оставьте меня помощію. Мнѣ многаго сто-

нить безпокоить васъ теперь, когда вы въ такихъ обстоятельствахъ, но на васъ одного вся надежда моя! Прощайте, Макарь Алексѣевичъ, подумайте обо мнѣ, и дай вамъ Богъ успѣха!

В. Д.

Августа 4.

Голубчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

Вотъ эти-то всѣ удары неожиданные и потрясаютъ меня! Вотъ такія-то бѣдствія страшныя и убиваютъ духъ мой! Кромѣ того, что сбродъ этихъ лизоблюдниковъ разныхъ и старикашекъ негодныхъ васъ, моего ангельчика, на болѣзненный одръ свести хочетъ, кромѣ этого всего — они и меня, лизоблюды-то эти, извести хотятъ. И изведутъ, клятву кладу, что изведутъ! Вѣдь вотъ я теперь скорѣе умереть готовъ, чѣмъ вамъ не помочь! — Не помоги я вамъ, такъ ужь тутъ смерть моя, Варинька, тутъ ужь чистая, настоящая смерть, а помоги, такъ вы тогда у меня улетите, какъ пташка изъ гнѣздышка, которую совы-то эти, хищныя птицы заклевать собрались. Вотъ это-то меня и мучаетъ, маточка. Да и вы-то, Варинька, вы-то какія жестокія! Какъ же вы это? Васъ мучаютъ, васъ обижаютъ, вы, птенчикъ мой, страдаете, да еще горюете, что меня безпокоить нужно, да еще обѣщаетесь долгъ заработать, то-есть, по правдѣ сказать, убиваться будете съ вашимъ здоровьемъ слабенькимъ, чтобъ меня къ сроку выручить. Да вѣдь вы, Варинька, только подумайте, о чемъ вы толкуете! Да зачѣмъ же вамъ шить, зачѣмъ же работать, головку свою бѣдную заботою мучить, ваши глазки хорошенькіе портить и здоровье свое убивать? Ахъ, Варинька, Варинька! видите ли, голубчикъ мой, я никуда не гожусь, и самъ знаю, что никуда не гожусь, но я сдѣлаю такъ, что буду годиться! Я все превозмогу, я самъ работы посторонней достану, переписывать буду разныя бумаги разнымъ литераторамъ, пойду къ нимъ, самъ пойду, навяжусь на работу; потому-что вѣдь они, маточка, ищутъ хорошихъ писцовъ, я это знаю, что ищутъ, а вамъ себя изнурять не дамъ; пагубнаго такого намѣренія не дамъ вамъ исполнить. Я, ангельчикъ мой, непремѣнно займу, и скорѣе умру, чѣмъ не займу. И пишете, голубушка вы моя, чтобы я проценту не испугался большаго — и не испугаюсь, маточка, не испугаюсь, ничего теперь не испугаюсь. Я, ма-

точка, попрошу 40 рублей ассигнаціями; вѣдь не много, Варинька, какъ вы думаете? Можно ли сорокъ-то рублей мнѣ съ перваго слова повѣрить? то-есть, я хочу сказать, считаете ли вы меня способнымъ внушить, съ перваго взгляда, вѣроятіе и довѣренность? По физіономіи-то, по первому взгляду, можно ли судить обо мнѣ благопріятнымъ образомъ? Вы припомните, ангельчикъ, способенъ ли я ко внушенію-то? Какъ вы тамъ отъ себя полагаете? Знаете ли, страхъ такой чувствуется, — болѣзненно, истинно сказать болѣзненно! Изъ сорока рублей двадцать пять отлагаю на васъ, Варинька; два цѣлковыхъ хозяйкѣ, а остальное назначаю для собственной траты. Видите ли, хозяйкѣ-то слѣдовало бы дать и побольше, даже необходимо; но вы сообразите все дѣло, маточка, перечтите-ка всѣ мои нужды, такъ и увидите, что ужь никакъ нельзя болѣе дать, слѣдовательно, нечего и говорить объ этомъ, да и упоминать не нужно. На рубль серебромъ куплю сапоги; я ужь и не знаю, способенъ ли я буду въ старыхъ-то завтра въ должность явиться. Платочекъ шейный тоже былъ бы необходимъ, ибо старому скоро годъ минетъ; но такъ какъ вы мнѣ изъ стараго фартучка вашего не только платокъ, но и манишку выкроить обѣщались, то я о платкѣ и думать больше не буду. Такъ вотъ сапоги и платокъ есть. Теперь пуговки, дружокъ мой! вѣдь вы согласитесь, крошечка моя, что мнѣ безъ пуговокъ быть нельзя; а у меня чуть-ли не половина борта обсыпалась! Я трепещу, когда подумаю, что его превосходительство могутъ такой безпорядокъ замѣтить, да скажутъ — да что скажутъ! Я, маточка, и не услышу, что скажутъ; ибо умру, умру, на мѣстѣ умру, такъ-таки возьму да и умру отъ стыда, отъ мысли одной! — Охъ, маточка! — Да вотъ еще останется отъ всѣхъ необходимостей трех-рублевикъ; такъ вотъ это на жизнь, и на пол-фунтика табачку; потому-что, ангельчикъ мой, я безъ табаку-то жить не могу, а ужь вотъ девятый день трубки въ ротъ не бралъ. Я бы, по совѣсти говоря, купилъ бы, да и вамъ ничего не сказалъ, да совѣстно. Вотъ у васъ тамъ бѣда, вы послѣдняго лишаетесь, а я здѣсь разными удовольствіями наслаждаюсь; такъ вотъ для того и говорю вамъ все это, чтобы угрызенія совѣсти не мучили. Я вамъ откровенно признаюсь, Варинька, я теперь въ крайне-бѣдственномъ положеніи, то есть рѣшительно ничего подобнаго никогда со мной не бывало. Хозяйка презираетъ меня, уваженія ни отъ кого нѣтъ никакого; недостатки страшнѣйшіе, долги; а въ должности, гдѣ отъ своего брата чиновника и прежде мнѣ

не было масляницы, — теперь, маточка, и говорить нечего. Я скрываю, я тщательно отъ всѣхъ все скрываю, и самъ скрываюсь, и въ должность-то вхожу когда, такъ бочкомъ-бочкомъ, сторонюсь отъ всѣхъ. Вѣдь это вамъ только признаться достаетъ у меня силы душевной... А ну, какъ не дастъ! Ну, нѣтъ, лучше, Варинька, и не думать объ этомъ, и такими мыслями заранѣе не убивать души своей. Къ тому и пишу это, чтобы предостеречь васъ, чтобы сами вы объ этомъ не думали и мыслію злою не мучились. Ахъ, Боже мой, что это съ вами-то будетъ тогда! Оно, правда и то, что вы тогда съ этой квартиры не съѣдете, и я буду съ вами, — да, нѣтъ, ужь я и не ворочусь тогда, я просто сгину куда-нибудь, пропаду. Вотъ я вамъ здѣсь расписался, а побриться бы нужно, оно все благообразнѣе, а благообразіе всегда умѣетъ найдти. Ну, дай-то Господи! Помолюсь, да и въ путь!

М. Дѣвушкинъ.

Августа 5.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ!

Ужь хоть вы-то бы не отчаявались! И такъ горя довольно. — Посылаю вамъ тридцать копѣекъ серебромъ; больше никакъ не могу. Купите себѣ тамъ что вамъ болѣе нужно, чтобы хоть до завтра прожить какъ-нибудь. У насъ у самихъ почти ничего не осталось, а завтра ужь и не знаю что будетъ. Грустно, Макаръ Алексѣевичъ! Впрочемъ, не грустите; не удалось, такъ что жь дѣлать! Ѳедора говоритъ, что еще не бѣда, что можно до времени и на этой квартирѣ остаться, что если бы и переѣхали, такъ все бы не много выгадали, и что если захотятъ, такъ вездѣ насъ найдутъ. Да только все какъ-то не хорошо здѣсь оставаться теперь. Если бы не грустно было, я бы вамъ кое-что написала.

Какой у васъ странный характеръ, Макаръ Алексѣевичъ! Вы ужь слишкомъ-сильно все принимаете къ сердцу; отъ этого вы всегда будете несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Я внимательно читаю всѣ ваши письма и вижу, что въ каждомъ письмѣ вы обо мнѣ такъ мучаетесь и заботитесь, какъ никогда о себѣ не заботились. Всѣ, конечно, скажутъ, что у васъ доброе сердце, но я скажу, что оно ужь слишкомъ доброе. Я вамъ даю дружескій совѣтъ, Макаръ Алексѣевичъ. Я вамъ благодарна, очень благо-

дарна за все, что вы для меня сдѣлали, я все это очень чувствую; такъ судите же, каково мнѣ видѣть, что вы и теперь, послѣ всѣхъ вашихъ бѣдствій, которыхъ я была невольною причиною, — что и теперь живете только тѣмъ, что я живу: моими радостями, моими горестями, моимъ сердцемъ! Если принимать все чужое такъ къ сердцу и если такъ сильно всему сочувствовать, то, право, есть отъ-чего быть несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Сегодня, когда вы вошли ко мнѣ послѣ должности, я испугалась, глядя на васъ. Вы были такой блѣдный, перепуганный, отчаянный: на васъ лица не было, — и все отъ-того, что вы боялись мнѣ разсказать о своей неудачѣ, боялись меня огорчить, меня испугать, а какъ увидѣли, что я чуть не засмѣялась, то у васъ почти все отлегло отъ сердца. Макаръ Алексѣевичъ! вы не печальтесь, не отчаявайтесь, будьте благоразумнѣе, — прошу васъ, умоляю васъ объ этомъ. Ну, вотъ вы увидите, что все будетъ хорошо, все перемѣнится къ лучшему; а то вамъ тяжело будетъ жить, вѣчно тоскуя, и болѣя чужимъ горемъ. Прощайте, мой другъ; умоляю васъ не безпокойтесь слишкомъ обо мнѣ.

В. Д.

Августа 5.

Голубчикъ мой Варинька!

Ну, хорошо, ангельчикъ мой, хорошо! Вы рѣшили, что еще не бѣда отъ-того, что я денегъ не досталъ. Ну, хорошо; я спокоенъ, я счастливъ на вашъ счетъ. Даже радъ, что вы меня, старика, не покидаете и на этой квартирѣ останетесь. Да ужь если все говорить, такъ и сердце-то мое все радостію переполнилось, когда я увидѣлъ, что вы обо мнѣ, въ своемъ письмецѣ, такъ хорошо написали и чувствамъ моимъ должную похвалу воздали. Я это не отъ гордости говорю, но отъ-того, что вижу какъ вы меня любите, когда объ сердцѣ моемъ такъ безпокоитесь. Ну, хорошо; что́ ужь теперь объ сердцѣ-то моемъ говорить! Сердце само-по-себѣ; — а вотъ вы наказываете, маточка, чтобы я малодушнымъ не былъ. Да, ангельчикъ мой, пожалуй и самъ скажу, что не нужно его, малодушія-то; да при всемъ этомъ, рѣшите сами, маточка моя, въ какихъ сапогахъ я завтра на службу пойду! — Вотъ оно что, маточка; а вѣдь подобная мысль погубить человѣка можетъ, совершенно погубить. А

главное, родная моя, что я не для себя и тужу, не для себя и страдаю; по мнѣ все равно, хоть бы и въ трескучій морозъ безъ шинели и безъ сапоговъ ходить, я перетерплю, я за нуждой перетерплю и все вынесу, мнѣ ничего; человѣкъ-то я простой, маленькій; — но что люди скажутъ? — Враги-то мои, злые-то языки эти всѣ, что заговорятъ, когда безъ шинели пойдешь? Вѣдь для людей и въ шинели ходишь, да и сапоги, пожалуй, для нихъ же носишь. Сапоги, въ такомъ случаѣ, маточка, душечка вы моя, нужны мнѣ для поддержки чести и добраго имени; въ дырявыхъ же сапогахъ и то и другое пропало, — повѣрьте, маточка, опытности моей многолѣтней повѣрьте; меня старика, знающаго свѣтъ и людей, послушайте, а не пачкуновъ какихъ-нибудь и марателей.

А я вамъ еще и не разсказывалъ въ подробности, маточка, какъ это въ сущности все было сегодня, чего я натерпѣлся сегодня. А того я натерпѣлся, столько тяготы душевной въ одно утро вынесъ, чего иной и въ цѣлый годъ не вынесетъ. Вотъ оно было какъ: — пошелъ, во-первыхъ я, ранымъ-ранёшенько, чтобы и его-то застать, да и на службу поспѣть. Дождь былъ такой, слякоть такая была сегодня! Я, ясочка моя, въ шинель-то закутался, иду-иду, да все думаю: — Господи! прости, дескать, мои согрѣшенія и пошли исполненіе желаній. — Мимо -ской церкви прошелъ, перекрестился, во всѣхъ грѣхахъ покаялся, да вспомнилъ, что недостойно мнѣ съ Господомъ Богомъ уговариваться. Погрузился я въ себя самого, и глядѣть ни на что не хотѣлось; такъ ужь не разбирая дороги пошелъ. На улицахъ было пусто, а кто встрѣчался, такъ все такіе занятые, озабоченные, да и не диво: кто въ такую пору раннюю и въ такую погоду гулять пойдетъ! Артель работниковъ испачканныхъ повстрѣчалась со мною; затолкали меня мужичье! Робость нашла на меня, жутко становилось, ужь я объ деньгахъ-то и думать, по правдѣ, не хотѣлъ, — на авось такъ на авось! У самаго Воскресенскаго моста у меня подошва отстала, такъ что ужь и самъ не знаю на чемъ я пошелъ. А тутъ нашъ писарь Ермолаевъ повстрѣчался со мною, вытянулся, стоитъ, глазами провожаетъ, словно на водку проситъ; эхъ, братецъ, подумалъ я, на водку, ужь какая тутъ водка! Усталъ я ужасно, пріостановился, отдохнулъ немного, да и потянулся дальше. Нарочно разглядывалъ, къ чему бы мыслями прилѣпиться, развлечься, пріободриться: да нѣтъ — ни одной мысли ни къ чему не могъ прилѣпить, да и загрязнился въ добавокъ такъ, что самого себя

стыдно стало. Увидѣлъ наконецъ я издали домъ деревянный, желтый, съ мезониномъ въ родѣ бельведера — ну, такъ, думаю, такъ оно и есть, такъ и Емельянъ Ивановичъ говорилъ, — Маркова домъ. (Онъ и есть этотъ Марковъ, маточка, что на проценты даетъ). Я ужь и себя тутъ не вспомнилъ, и вѣдь зналъ, что Маркова домъ, а спросилъ-таки будочника — чей, дескать, это, братецъ, домъ? Будочникъ такой грубіянъ, говоритъ нехотя, словно сердится на кого-то, слова сквозь зубы цѣдитъ, — да ужь такъ говоритъ, это Маркова домъ. — Будочники эти всѣ такіе нечувствительные, а что мнѣ будочникъ? — А вотъ все какъ-то было впечатлѣніе дурное и непріятное, словомъ, все одно къ одному; изо всего что-нибудь выведешь сходное съ своимъ положеніемъ, и это всегда такъ бываетъ. Мимо дома-то я три конца далъ по улицѣ, и чѣмъ больше хожу, тѣмъ хуже становится; — нѣтъ, думаю, не дастъ, ни за что не дастъ! И человѣкъ-то я незнакомый, и дѣло-то мое щекотливое, и фигурой я не беру — ну, думаю, какъ судьба рѣшитъ; чтобы послѣ только не каяться, за попытку не съѣдятъ же меня, — да и отворилъ потихоньку калитку. А тутъ другая бѣда: навязалась на меня дрянная, глупая собаченка дворная; лѣзетъ изъ кожи, заливается! — И вотъ такіе-то подлые, мелкіе случаи и взбѣсятъ всегда человѣка, маточка, и робость на него наведутъ, и всю рѣшимость, которую заранѣ обдумалъ, уничтожатъ; такъ что я вошелъ въ домъ ни живъ, ни мертвъ, вошелъ да прямо еще на бѣду, — не разглядѣлъ что такое внизу въ потьмахъ у порога, ступилъ да и споткнулся объ какую-то бабу, а баба молоко изъ подойника въ кувшины цѣдила, и все молоко пролила. Завизжала, затрещала глупая баба, — дескать куда ты, батюшка, лѣзешь, чего тебѣ надо? да и пошла причитать про нелегкое. Я, маточка, это къ тому замѣчаю, что всегда со мной такое же случалось въ подобнаго рода дѣлахъ; знать ужь мнѣ написано такъ; вѣчно-то я зацѣплюсь за что-нибудь постороннее. Высунулась на шумъ старая вѣдьма и чухонка хозяйка, я прямо къ ней, — здѣсь, дескать, Марковъ живетъ? Нѣтъ, говоритъ; постояла, оглядѣла меня хорошенько. — «А вамъ что до него?» Я объясняю ей, что дескать такъ и такъ, Емельянъ Ивановичъ, — ну, и про остальное; — говорю, дѣльцо есть. Старуха кликнула дочку — вышла и дочка, дѣвочка въ лѣтахъ, босоногая, — «кликни отца; онъ наверху у жильцевъ, — пожалуйте». Вошелъ я. Комната ничего, на стѣнахъ картинки висятъ, все генераловъ какихъ-то

портреты, диванъ стоитъ, столъ круглый, резеда, бальзаминчики — думаю–думаю не убраться ли полно мнѣ по добру по здорову, уйти или нѣтъ? и вѣдь ей–ей, маточка, хотѣлъ убѣжать! Я лучше, думаю, завтра приду; и погода лучше будетъ, и я–то пережду, — а сегодня вонъ и молоко пролито, и генералы–то смотрятъ такіе сердитые... Я ужь и къ двери, да онъ–то вошелъ — такъ себѣ, сѣденькій, глазки такіе вороватенькіе, въ халатѣ засаленномъ и веревочкой подпоясанъ. Освѣдомился въ чемъ и какъ, а я ему: дескать, такъ и такъ, вотъ Емельянъ Ивановичъ, — рублей сорокъ, говорю; дѣло такое — да и не договорилъ. Изъ глазъ его увидалъ, что проиграно дѣло. «Нѣтъ, ужь что, говоритъ, дѣло, у меня денегъ нѣтъ; а что у васъ закладъ что ли какой?» Я было сталъ объяснять, что дескать заклада нѣтъ, а вотъ Емельянъ Ивановичъ, — объясняю, однимъ словомъ, что̀ нужно. Выслушалъ все — «нѣтъ, говоритъ, что̀ Емельянъ Ивановичъ! у меня денегъ нѣтъ». — Ну, думаю, такъ, все такъ; зналъ я про это, предчувствовалъ — ну, просто, Варинька, лучше бы было, если бы земля подо мной разступилась; холодъ такой, ноги окоченѣли, мурашки по спинѣ пробѣжали. Я на него смотрю, а онъ на меня смотритъ, да чуть не говоритъ — что дескать, ступай–ка ты, братъ, здѣсь тебѣ нечего дѣлать — такъ что, еслибъ въ другомъ такомъ случаѣ было бы такое же, такъ совсѣмъ бы засовѣстился. — «Да что вамъ, зачѣмъ деньги надобны»? — (вѣдь вотъ про что́ спросилъ, маточка!) Я было ротъ разинулъ, чтобы только такъ не стоять даромъ, да онъ и слушать не сталъ — «нѣтъ, говоритъ, денегъ нѣтъ; я бы, говоритъ, съ удовольствіемъ». Ужь я ему представлялъ, представлялъ, говорю, что вѣдь я немножко, я, дескать, говорю, вамъ отдамъ, въ срокъ отдамъ, и что я еще до срока отдамъ, что и процентъ пусть какой угодно беретъ, и что я ей–Богу отдамъ. Я, маточка, въ это мгновеніе васъ вспомнилъ, всѣ ваши несчастія и нужды вспомнилъ, вашъ полтинничекъ вспомнилъ — «да нѣтъ, говоритъ, что проценты, вотъ еслибъ закладъ! А то у меня денегъ нѣтъ, ей–Богу нѣтъ; я бы, говоритъ, съ удовольствіемъ», — еще и побожился, разбойникъ!

Ну, тутъ ужь, родная моя, я и не помню какъ вышелъ, какъ прошелъ Выборгскую, какъ на Воскресенскій мостъ попалъ, усталъ ужасно, прозябъ, продрогъ и только въ десять часовъ въ должность успѣлъ явиться. Хотѣлъ–было себя пообчистить отъ грязи, да Снегиревъ сторожъ сказалъ, что нельзя,

что щетку испортишь, а щетка, говоритъ, баринъ, казенная. Вотъ они какъ теперь, маточка, такъ что я и у этихъ господъ чуть ли не хуже ветошки, объ которую ноги обтираютъ. Вѣдь меня что̀, Варинька, убиваетъ? — Не деньги меня убиваютъ, а всѣ эти тревоги житейскія, всѣ эти шопоты, улыбочки, шуточки. Его превосходительство невзначай какъ-нибудь могутъ отнестись на мой счетъ — охъ, маточка, времена-то мои прошли золотыя! Сегодня перечиталъ я всѣ ваши письма; грустно, маточка! Прощайте, родная, Господь васъ храни!

М. Дѣвушкинъ.

P. S. Горе-то мое, Варинька, хотѣлъ я вамъ описать пополамъ съ шуточкой, только видно она не дается мнѣ, шуточка-то. Вамъ хотѣлъ угодить. — Я къ вамъ зайду, маточка, непремѣнно зайду, завтра зайду.

Августа 11.

Варвара Алексѣевна! голубчикъ мой, маточка! Пропалъ я, пропали мы оба, оба вмѣстѣ, безвозвратно пропали. Моя репутація, амбиція — все замарано, все потеряно! Я погибъ, и вы погибли, маточка, и вы, вмѣстѣ со мной, безвозвратно погибли! Это я, я васъ въ погибель ввелъ! Меня гонятъ, маточка, презираютъ, на смѣхъ подымаютъ, а хозяйка просто меня бранить стала; кричала, кричала на меня сегодня, распекала, распекала меня, ниже щепки поставила. А вечеромъ у Ратазяева кто-то изъ нихъ сталъ вслухъ читать одно письмо черно̀вое, которое я вамъ написалъ, да выронилъ невзначай изъ кармана. Матушка моя, какую они насмѣшку подняли! Величали, величали насъ, хохотали, хохотали, предатели! Я вошелъ къ нимъ и уличилъ Ратазяева въ вѣроломствѣ; сказалъ ему, что онъ предатель! А Ратазяевъ отвѣчалъ мнѣ, что я самъ предатель, что я конкетами разными занимаюсь; говоритъ, — вы скрывались отъ насъ, вы дескать Ловеласъ; и теперь всѣ меня Ловеласомъ зовутъ, и имени другаго нѣтъ у меня! Слышите ли, ангельчикъ мой, слышите ли — они теперь все знаютъ, обо всемъ извѣстны, и объ васъ, родная моя, знаютъ и обо всемъ, что̀ ни есть у васъ, обо всемъ знаютъ! Да чего! и Фальдони туда же, и онъ заодно съ ними; послалъ я его сегодня въ колбасную, такъ, принести кой-чего; не идетъ да и только, дѣло есть, говоритъ! «Да вѣдь ты жь обязанъ» — я говорю. — «Да нѣтъ же, говоритъ, не обязанъ, вы вонъ моей барынѣ денегъ не платите, такъ я вамъ и

не обязанъ.» Я не вытерпѣлъ отъ него, отъ необразованнаго мужика, оскорбленія, да и сказалъ ему дурака, а онъ мнѣ — «отъ дурака слышалъ». Я думаю, что онъ съ пьяныхъ глазъ мнѣ такую грубость сказалъ — да и говорю, ты, дескать, пьянъ, мужикъ ты этакой! а онъ мнѣ: — «вы что ли мнѣ поднесли–то? У самихъ–то есть ли на что опохмѣлиться; сами у какой–то по гривенничку христарадничаете», да еще прибавилъ: — «эхъ, дескать, а еще баринъ!» Вотъ, маточка, вотъ до чего дошло дѣло! Жить, Варинька, совѣстно! точно оглашенный какой–нибудь; хуже чѣмъ безпаспортному бродягѣ какому–нибудь. Бѣдствія тяжкія! — погибъ я, просто погибъ! безвозвратно погибъ!

М. Д.

Августа 13.

Любезнѣйшій Макаръ Алексѣевичъ! Надъ нами все бѣды да бѣды, я ужь и сама не знаю, что дѣлать! Что съ вами–то будетъ теперь, а на меня надежда плохая; я сегодня обожгла себѣ утюгомъ лѣвую руку; уронила нечаянно, и ушибла, и обожгла, все вмѣстѣ. Работать никакъ нельзя, а Ѳедора ужь третій день хвораетъ. Я въ мучительномъ безпокойствѣ. Посылаю вамъ тридцать копѣекъ серебромъ; это почти все послѣднее наше, а я, Богъ видитъ, какъ желала бы вамъ помочь теперь въ вашихъ нуждахъ. До слезъ досадно! Прощайте, другъ мой! Весьма бы вы утѣшили меня, еслибъ пришли къ намъ сегодня.

В. Д.

Августа 14.

Макаръ Алексѣевичъ! что это съ вами? Бога вы не боитесь вѣрно! Вы меня просто съ ума сведете. Не стыдно ли вамъ! Вы себя губите, вы подумайте только о своей репутаціи! Вы человѣкъ честный, благородный, амбиціонный — ну, какъ всѣ узнаютъ про васъ! Да вы просто со стыда должны будете умереть! Или не жаль вамъ сѣдыхъ волосъ вашихъ? Ну, боитесь ли вы Бога! Ѳедора сказала, что уже теперь не будетъ вамъ болѣе помогать, да и я тоже вамъ денегъ давать не буду. — До чего вы меня довели, Макаръ Алексѣевичъ! Вы думаете вѣрно, что мнѣ ничего, что вы такъ дурно ведете себя; вы еще не знаете, что я изъ–за васъ терплю! Мнѣ по нашей лѣстницѣ и пройдти нельзя: всѣ на меня смотрятъ, пальцемъ на меня указываютъ, и такія страшныя вещи говорятъ; — да, прямо говорятъ, что *свя-*

залась я съ пьяницей. Каково это слышать! Когда васъ привозятъ, то на васъ всѣ жильцы съ презрѣніемъ указываютъ: вотъ, говорятъ, того чиновника привезли. А мнѣ-то за васъ мочи нѣтъ, какъ совѣстно. Клянусь вамъ, что я переѣду отсюда. Пойду куда-нибудь въ горничныя, въ прачки, а здѣсь не останусь. Я вамъ писала, чтобъ вы зашли ко мнѣ, а вы не зашли. Знать вамъ ничего мои слезы и просьбы, Макаръ Алексѣевичъ! И откуда вы денегъ достали? Ради Создателя поберегитесь! Вѣдь пропадете, ни за что пропадете! И стыдъ-то и срамъ-то какой! Васъ хозяйка и впустить вчера не хотѣла, вы въ сѣняхъ ночевали: я все знаю. Еслибъ вы знали, какъ мнѣ тяжело было, когда я все это узнала. Приходите ко мнѣ, вамъ будетъ у насъ весело: мы будемъ вмѣстѣ читать, будемъ старое вспоминать. Ѳедора о своихъ богомольныхъ странствіяхъ разсказывать будетъ. Ради меня, голубчикъ мой, не губите себя и меня не губите. Вѣдь я для васъ для одного и живу, для васъ и остаюсь съ вами. Такъ-то вы теперь! Будьте благороднымъ человѣкомъ, твердымъ въ несчастіяхъ; помните, что бѣдность не порокъ. Да и чего отчаяваться: это все временное! Дастъ Богъ — все поправится, только вы-то удержитесь теперь. Посылаю вамъ двугривенный, купите себѣ табаку, или всего, что вамъ захочется, только ради Бога на дурное не тратьте. Приходите къ намъ, непремѣнно приходите. Вамъ, можетъ быть, какъ и прежде, стыдно будетъ, но вы не стыдитесь: это ложный стыдъ. Только бы вы искреннее раскаяніе принесли. Надѣйтесь на Бога. Онъ все устроитъ къ лучшему.

В. Д.

Августа 19.

Варвара Алексѣевна, маточка!

Стыдно мнѣ, ясочка моя, Варвара Алексѣевна, совсѣмъ застыдился. Впрочемъ, что же тутъ такого, маточка, особеннаго? Отъ-чего же сердца своего не поразвеселить? Я тогда про подошвы мои и не думаю, потому что подошва вздоръ, и всегда останется простой, подлой, грязной подошвой. Да и сапоги тоже вздоръ! — И мудрецы греческіе безъ сапогъ хаживали, такъ чего же нашему-то брату съ такимъ недостойнымъ предметомъ няньчиться? За что жь обижать, за что жь презирать меня въ такомъ случаѣ? Эхъ! маточка, маточка, нашли что писать! А Ѳедорѣ скажите, что она баба вздорная, безпокойная, буйная, и

въ добавокъ глупая, невыразимо глупая! Что же касается до сѣдины моей, то и въ этомъ вы ошибаетесь, родная моя, потому что я вовсе не такой старикъ, какъ вы думаете. Емеля вамъ кланяется. Пишете вы, что сокрушались и плакали; а я вамъ пишу, что я тоже сокрушался и плакалъ. Въ заключеніе, желаю вамъ всякаго здоровья и благополучія, а что до меня касается, то я тоже здоровъ и благополученъ и пребываю вашимъ, ангельчикъ мой, другомъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Августа 21.

Милостивая государыня и любезный другъ
Варвара Алексѣевна!

Чувствую, что я виноватъ, чувствую, что я провинился передъ вами, да, и по моему, выгоды-то изъ этого нѣтъ никакой, маточка, что я все это чувствую, ужь что вы тамъ ни говорите. Я и прежде проступка моего все это чувствовалъ, но вотъ упалъ же духомъ, съ сознаніемъ вины упалъ. Маточка моя, я не золъ и не жестокосерденъ; а для того, чтобы растерзать сердечко ваше, голубка моя, нужно быть ни болѣе ни менѣе, какъ кровожаднымъ тигромъ, ну, а у меня сердце овечье, и я, какъ и вамъ извѣстно, не имѣю позыва къ кровожадности; слѣдственно, ангельчикъ мой, я и не совсѣмъ виноватъ въ проступкѣ моемъ, такъ же какъ ни сердце, ни мысли мои не виноваты; а ужь такъ я и не знаю что виновато. Ужь такое дѣло темное, маточка! Тридцать копѣекъ серебромъ мнѣ прислали, а потомъ прислали двугривенничекъ; у меня сердце и заныло, глядя на ваши сиротскія денежки. Сами ручку свою обожгли, голодать скоро будете, а пишете, чтобъ я табаку купилъ. Ну какъ же мнѣ было поступить, въ такомъ случаѣ? Или ужь такъ, безъ зазрѣнія совѣсти, подобно разбойнику, васъ сироточку начать грабить! Тутъ-то я и упалъ духомъ, маточка, т. е. сначала, чувствуя по неволѣ, что никуда не гожусь и что я самъ немногимъ развѣ получше подошвы своей, счелъ неприличнымъ принимать себя за что-нибудь значущее; а напротивъ, самого себя сталъ считать чѣмъ-то неприличнымъ и въ нѣкоторой степени неблагопристойнымъ. Ну, а какъ потерялъ къ себѣ самому уваженіе, какъ предался отрицанію добрыхъ качествъ

своихъ и своего достоинства, такъ ужь тутъ и все пропадай, тутъ ужь и паденіе! Это такъ уже судьбою опредѣлено, и я въ этомъ не виноватъ. Я сначала вышелъ немножко поосвѣжиться. Тутъ ужь все пришлось одно къ одному: и природа была такая слезливая, и погода холодная, и дождь, ну и Емеля тутъ же случился. Онъ, Варинька, уже все заложилъ, что имѣлъ, все у него пошло въ свое мѣсто, и какъ я его встрѣтилъ, такъ онъ уже двое сутокъ маковой росинки во рту не видалъ, такъ что ужь хотѣлъ такое закладывать, чего никакъ и заложить нельзя, затѣмъ что и закладовъ такихъ не бываетъ. Ну, что же, Варинька, уступилъ я болѣе изъ состраданія къ человѣчеству, чѣмъ по собственному влеченію. Такъ вотъ какъ грѣхъ этотъ произошелъ, маточка! Мы ужь какъ вмѣстѣ съ нимъ плакали! Васъ вспоминали. Онъ предобрый, онъ очень добрый человѣкъ, и весьма чувствительный человѣкъ. Я, маточка, самъ все это чувствую; со мной потому и случается-то все такое, что я очень все это чувствую. Я знаю, чѣмъ я вамъ, голубчикъ вы мой, обязанъ! Узнавъ васъ, я сталъ во-первыхъ и самого-себя лучше знать, и васъ сталъ любить; а до васъ, ангельчикъ мой, я былъ одинокъ и какъ будто спалъ, а не жилъ на свѣтѣ. Они, злодѣи-то мои, говорили, что даже и фигура моя неприличная, и гнушались мною, ну и я сталъ гнушаться собою; говорили, что я тупъ, я и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что я тупъ, а какъ вы мнѣ явились, то вы всю мою жизнь освѣтили темную, такъ что и сердце и душа моя освѣтились, и я обрелъ душевный покой, и узналъ, что и я не хуже другихъ, что только такъ, не блещу ничѣмъ, лоску нѣтъ, тону нѣтъ, но все-таки я человѣкъ, что сердцемъ и мыслями я человѣкъ. Ну, а теперь, почувствовавъ, что я гонимъ судьбою, что, униженный ею, предался отрицанію собственнаго своего достоинства, я, удрученный моими бѣдствіями, и упалъ духомъ. И такъ, какъ вы теперь все знаете, маточка, то я умоляю васъ слезно не любопытствовать болѣе объ этой матеріи, ибо сердце мое разрывается, и мнѣ становится и горько и тягостно.

Свидѣтельствую, маточка, вамъ почтеніе мое и пребываю вашимъ вѣрнымъ

Макаромъ Дѣвушкинымъ.

Сентября 3.

Я не докончила прошлаго письма, Макаръ Алексѣевичъ, потому что мнѣ было тяжело писать. Иногда бываютъ со мной минуты, когда я рада быть одной, одной грустить, одной тосковать, безъ раздѣла, и такія минуты начинаютъ находить на меня все чаще и чаще. Въ воспоминаніяхъ моихъ есть что-то такое необъяснимое для меня, что увлекаетъ меня такъ безотчетно, такъ сильно, что я по нѣскольку часовъ бываю безчувственна ко всему меня окружающему и забываю все, все настоящее. И нѣтъ впечатлѣнія въ теперешней жизни моей, пріятнаго ль, тяжелаго, грустнаго, которое бы не напоминало мнѣ чего нибудь подобнаго же въ прошедшемъ моемъ, и чаще всего мое дѣтство, мое золотое дѣтство! Но мнѣ становится всегда тяжело послѣ подобныхъ мгновеній. Я какъ-то слабѣю, моя мечтательность изнуряетъ меня, а здоровье мое безъ того все хуже и хуже становится.

Но сегодня свѣжее, яркое, блестящее утро, какихъ мало здѣсь осенью, оживило меня, и я радостно его встрѣтила. И такъ, у насъ уже осень! Какъ я любила осень въ деревнѣ! Я еще ребенкомъ была, но и тогда уже много чувствовала. Осенній вечеръ я любила больше, чѣмъ утро. Я помню, въ двухъ шагахъ отъ нашего дома, подъ горой, было озеро. Это озеро — я какъ будто вижу его теперь, — это озеро было такое широкое, свѣтлое, чистое, какъ хрусталь! Бывало, если вечеръ тихъ — озеро покойно; на деревахъ, что по берегу росли, листкомъ не шелохнетъ, вода неподвижна, словно зеркало. Свѣжо! холодно! Падаетъ роса на траву, въ избахъ на берегу засвѣтятся огоньки, стадо пригонятъ — тутъ-то я и ускользну тихонько изъ дому, чтобы посмотрѣть на мое озеро, и засмотрюсь бывало. Какая-нибудь вязанка хворосту горитъ у рыбаковъ у самой воды, и свѣтъ далеко-далеко по водѣ льется. Небо такое холодное, синее, и по краямъ разведено все красными, огненными полосами, и эти полосы все блѣднѣе и блѣднѣе становятся; выходитъ мѣсяцъ; воздухъ такой звонкій, порхнетъ ли испуганная пташка, камышъ ли зазвенитъ отъ легонькаго вѣтерка, или рыба всплеснется въ водѣ, — все бывало слышно. По синей водѣ встаетъ бѣлый паръ, тонкій, прозрачный. Даль темнѣетъ; все какъ-то тонетъ въ туманѣ, а вблизи такъ все рѣзко обточено, словно рѣзцомъ обрѣзано — лодка, берегъ, острова; —

БѢДНЫЕ ЛЮДИ.

РОМАНЪ

Ѳедора Достоевскаго.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

—

1847.

Титульный лист отдельного издания романа «Бедные люди» — первой книги Достоевского.

бочка какая–нибудь, брошенная, забытая у самаго берега, чуть–чуть колышется на водѣ, вѣтка ракитовая съ пожелтѣлыми листьями путается въ камышѣ, — вспорхнетъ чайка запоздалая, то окунется въ холодной водѣ, то опять вспорхнетъ и утонетъ въ туманѣ. Я засматривалась, заслушивалась, — чудно хорошо было мнѣ! А я еще была ребенокъ, дитя!...

Я такъ любила осень, — позднюю осень, когда уже уберутъ хлѣба, окончатъ всѣ работы, когда уже въ избахъ начнутся посидѣлки, когда уже всѣ ждутъ зимы. Тогда все становится мрачнѣе, небо хмурится облаками, желтые листья стелятся тропами по краямъ обнаженнаго лѣса, а лѣсъ синѣетъ, чернѣетъ, — особенно вечеромъ, когда спустится сырой туманъ, и деревья мелькаютъ изъ тумана какъ великаны, какъ безобразныя, страшныя привидѣнія. Запоздаешь бывало на прогулкѣ, отстанешь отъ другихъ, идешь одна, спѣшишь, — жутко! Сама дрожишь какъ листъ; вотъ, думаешь, того и гляди, выглянетъ кто–нибудь страшный изъ–за этого дупла; между–тѣмъ вѣтеръ пронесется по лѣсу, загудитъ, зашумитъ, завоетъ такъ жалобно, сорветъ тучу листьевъ съ чахлыхъ вѣтокъ, закрутитъ ими по воздуху, и за ними длинною, широкою, шумною стаей, съ дикимъ пронзительнымъ крикомъ, пронесутся птицы, такъ что небо чернѣетъ, и все застилается ими. Страшно станетъ, а тутъ, точно какъ будто заслышишь кого–то, — чей–то голосъ, какъ будто кто–то шепчетъ: — «бѣги, бѣги, дитя, не опаздывай; страшно здѣсь будетъ тотчасъ, бѣги дитя!» — ужасъ пройдетъ по сердцу, и бѣжишь–бѣжишь такъ, что духъ занимается. Прибѣжишь запыхавшись домой; дома шумно, весело; раздадутъ намъ всѣмъ дѣтямъ работу: горохъ или макъ щелушить. Сырыя дрова трещатъ въ печи; матушка весело смотритъ за нашей веселой работой; старая няня, Ульяна, разсказываетъ про старое время, или старинныя сказки про колдуновъ и мертвецовъ. Мы, дѣти, жмемся подружка къ подружкѣ, а улыбка у всѣхъ на губахъ. Вотъ, вдругъ замолчимъ разомъ... чу! шумъ! какъ будто кто–то стучитъ! — Ничего не бывало; это гудитъ самопрялка у старой Фроловны; сколько смѣху бывало! А потомъ ночью не спимъ отъ страха; находятъ такіе страшные сны. Проснешься бывало, шевельнуться не смѣешь и до разсвѣта дрогнешь подъ одѣяломъ. Утромъ встанешь свѣжа какъ цвѣточекъ. Посмотришь въ окно: морозомъ прохватило все поле; тонкій осенній иней повисъ на обнаженныхъ сучьяхъ; тонкимъ какъ листъ льдомъ подернулось озеро; встаетъ бѣлый паръ по

озеру; кричатъ веселыя птицы. Солнце свѣтитъ кругомъ яркими лучами, и лучи разбиваютъ какъ стекло тонкій ледъ. Свѣтло, ярко, весело! Въ печкѣ опять трещитъ огонь; подсядемъ всѣ къ самовару, а въ окна посматриваетъ, продрогшая ночью, черная наша собака Полканъ и привѣтливо махаетъ хвостомъ. Мужичокъ проѣдетъ мимо оконъ на бодрой лошадкѣ въ лѣсъ за дровами. Всѣ такъ довольны, такъ веселы!.. Ахъ какое золотое было дѣтство мое!..

Вотъ я и расплакалась теперь какъ дитя, увлекаясь моими воспоминаніями. Я такъ живо, такъ живо все припомнила, такъ ярко стало передо мною все прошедшее, а настоящее такъ тускло, такъ темно!.. Чѣмъ это кончится, чѣмъ это все кончится? Знаете ли, у меня есть какое-то убѣжденіе, какая-то увѣренность, что я умру нынче осенью. Я очень, очень больна. Я часто думаю о томъ, что умру, но все бы мнѣ не хотѣлось такъ умереть, — въ здѣшней землѣ лежать. Можетъ быть, я опять слягу въ постель, какъ и тогда, весной, а я еще оправиться не успѣла. Вотъ и теперь мнѣ очень тяжело. Ѳедора сегодня ушла куда-то на цѣлый день, и я сижу одна. А съ нѣкотораго времени я боюсь оставаться одной; мнѣ все кажется, что со мной въ комнатѣ кто-то бываетъ другой, что кто-то со мной говоритъ; особенно, когда я объ чемъ-нибудь задумаюсь и вдругъ очнусь отъ задумчивости, такъ что мнѣ страшно становится. Вотъ почему я вамъ такое большое письмо написала; когда я пишу, это проходитъ. Прощайте; кончаю письмо, потому что и бумаги и времени нѣтъ. Изъ вырученныхъ денегъ за платья мои да за шляпку остался у меня только рубль серебромъ. Вы дали хозяйкѣ два рубля серебромъ; это очень хорошо; она замолчитъ теперь на время.

Поправьте себѣ какъ-нибудь платье. Прощайте; я такъ устала; не понимаю, отчего я становлюсь такая слабая; малѣйшее занятіе меня утомляетъ. Случится работа — какъ работать? Вотъ это-то и убиваетъ меня.

В. Д.

Сентября 5.

Голубчикъ мой, Варинька!

Я сегодня, ангельчикъ мой, много испыталъ впечатлѣній. Во-первыхъ, у меня голова цѣлый день болѣла. Чтобы какъ-нибудь освѣжиться, вышелъ я походить по Фонтанкѣ. Вечеръ

былъ такой темный, сырой. Въ шестомъ часу ужь смеркается, — вотъ какъ теперь! Дождя не было, за то былъ туманъ, не хуже добраго дождя. По небу ходили длинными широкими полосами тучи. Народу ходила бездна по набережной, и народъ-то какъ нарочно былъ съ такими страшными, унынiе наводящими лицами, пьяные мужики, курносыя бабы-чухонки, въ сапогахъ и простоволосыя, артельщики, извощики, нашъ братъ по какой нибудь надобности; мальчишки, какой-нибудь слесарскiй ученикъ въ полосатомъ халатѣ, испитой, чахлый, съ лицомъ выкупаннымъ въ копченомъ маслѣ, съ замкомъ въ рукѣ; солдатъ отставной, въ сажень ростомъ, — вотъ какова была публика. Часъ-то видно былъ такой, что другой публики и быть не могло. Судоходный каналъ Фонтанка! Барокъ такая бездна, что не понимаешь, гдѣ все это могло помѣститься. На мостахъ сидятъ бабы съ мокрыми пряниками да съ гнилыми яблоками, и все такiя грязныя, мокрыя бабы. Скучно по Фонтанкѣ гулять! Мокрый гранитъ подъ ногами, по бокамъ дома высокiе, черные, закоптѣлые; подъ ногами туманъ, надъ головой тоже туманъ. Такой грустный, такой темный былъ вечеръ сегодня.

Когда я поворотилъ въ Гороховую, такъ ужь смерклось совсѣмъ и газъ зажигать стали. Я давненько-таки не былъ въ Гороховой, — не удавалось. Шумная улица! Какiя лавки, магазины богатые; все такъ и блеститъ и горитъ, матерiя, цвѣты подъ стеклами, разныя шляпки съ лентами. Подумаешь, что это все такъ, для красы разложено — такъ нѣтъ же: вѣдь есть люди, что все это покупаютъ и своимъ женамъ дарятъ. — Богатая улица! Нѣмецкихъ булочниковъ очень много живетъ въ Гороховой; тоже должно быть народъ весьма достаточный. Сколько каретъ поминутно ѣздитъ; какъ это все мостовая выноситъ! Пышные экипажи такiе, стекла какъ зеркало, внутри бархатъ и шелкъ, лакеи дворянскiе, въ эполетахъ, при шпагѣ. Я во всѣ кареты заглядывалъ, все дамы сидятъ, такiя разодѣтыя, можетъ быть, и княжны и графини. Вѣрно часъ былъ такой, что всѣ на балы и въ собранiя спѣшили. Любопытно увидѣть княгиню и вообще знатную даму вблизи; должно быть очень хорошо; я никогда не видалъ; развѣ вотъ такъ, какъ теперь въ карету заглянешь. Про васъ я тутъ вспомнилъ. — Ахъ, голубчикъ мой, родная моя! какъ вспомню теперь про васъ, такъ все сердце изнываетъ! Отчего вы, Варинька, такая несчастная? Ангельчикъ мой! да чѣмъ же вы-то хуже ихъ всѣхъ? Вы у меня добрая, прекрасная, ученая; отчего же вамъ такая злая судьба выпада-

етъ на долю? Отчего это такъ все случается, что вотъ хорошій-то человѣкъ въ запустѣньи находится, а къ другому кому счастіе само напрашивается? Знаю, знаю, маточка, что не хорошо это думать, что это вольнодумство; но по искренности, по правдѣ-истинѣ, зачѣмъ одному еще въ чревѣ матери прокаркнула счастье ворона-судьба, а другой изъ воспитательнаго дома на свѣтъ Божій выходитъ? И вѣдь бываетъ же такъ, что счастье-то часто Иванушкѣ-дурачку достается. Ты, дескать, Иванушка-дурачокъ, ройся въ мѣшкахъ дѣдовскихъ, пей, ѣшь, веселись, а ты, такой-сякой, только облизывайся; ты, дескать, на то и годишься, ты, братецъ, вотъ какой! Грѣшно, маточка, оно грѣшно этакъ думать, да тутъ по неволѣ какъ-то грѣхъ въ душу лѣзетъ. Ѣздили бы и вы въ каретѣ такой же, родная моя, ясочка. Взгляда благосклоннаго вашего генералы ловили бы, — не то что нашъ братъ; ходили бы вы не въ холстинковомъ, ветхомъ платьицѣ, а въ шелку да въ золотѣ. Были бы вы не худенькія, не чахленькія какъ теперь, а какъ фигурка сахарная, свѣженькая, румяная, полная. А ужь я бы тогда и тѣмъ однимъ счастливъ былъ, что хоть бы съ улицы на васъ въ ярко освѣщенныя окна взглянулъ, что хоть бы тѣнь вашу увидалъ; отъ одной мысли, что вамъ тамъ счастливо и весело, птичка вы моя хорошенькая, и я бы повеселѣлъ. А теперь что! Мало того, что злые люди васъ погубили, какая-нибудь тамъ дрянь, забулдыга васъ обижаетъ. Что фракъ-то на немъ сидитъ гоголемъ, что въ лорнетку-то золотую онъ на васъ смотритъ, бесстыдникъ, такъ ужь ему все съ рукъ сходитъ, такъ ужь и рѣчь его непристойную снисходительно слушать надо! Полно, такъ ли, голубчики? А отчего же это все? А оттого, что вы сирота, оттого что вы беззащитная, оттого, что нѣтъ у васъ друга сильнаго, который бы вамъ опору пристойную далъ. А вѣдь что это за человѣкъ, что это за люди, которымъ сироту оскорбить ни почемъ? Это какая-то дрянь, а не люди, просто дрянь; такъ себѣ, только числятся, а на дѣлѣ ихъ нѣтъ, и въ этомъ я увѣренъ. Вотъ они каковы эти люди! А по моему, родная моя, вотъ тотъ шарманщикъ, котораго я сегодня въ Гороховой встрѣтилъ, скорѣе къ себѣ почтеніе внушитъ, чѣмъ они. Онъ хоть цѣлый день ходитъ да мается, ждетъ залежалаго, негоднаго гроша на пропитаніе, да за то онъ самъ себѣ господинъ, самъ себя кормитъ. Онъ милостыни просить не хочетъ; за то онъ для удовольствія людскаго трудится, какъ заведенная машина — вотъ, дескать, чѣмъ могу, принесу удовольствіе. Нищій,

нищій онъ, правда, все тотъ же нищій; но за то благородный нищій; онъ усталъ, онъ прозябъ, но все трудится, хоть по своему, а все-таки трудится. И много есть честныхъ людей, маточка, которые хоть не много заработываютъ по мѣрѣ и полезности труда своего, но никому не кланяются, ни у кого хлѣба не просятъ. Вотъ и я точно такъ же, какъ и этотъ шарманщикъ, т. е. я не то, вовсе не такъ какъ онъ, но въ своемъ смыслѣ, въ благородномъ-то, дворянскомъ-то отношеніи точно такъ же какъ и онъ, по мѣрѣ силъ тружусь, чѣмъ могу, дескать. Большаго нѣтъ отъ меня; ну, да на нѣтъ и суда нѣтъ.

Я къ тому про шарманщика этого заговорилъ, маточка, что случилось мнѣ бѣдность свою вдвойнѣ испытать сегодня. Остановился я посмотрѣть на шарманщика. Мысли такія лѣзли въ голову; — такъ я, чтобы разсѣяться, остановился. Стою я, стоятъ извощики, дѣвка какая-то, да еще маленькая дѣвочка, вся такая запачканная. Шарманщикъ расположился передъ чьими-то окнами. Замѣчаю малютку, мальчика, такъ себѣ лѣтъ десяти; былъ бы хорошенькой, да на видъ больной такой, чахленькой, въ одной рубашонкѣ, да еще въ чемъ-то, чуть ли не босой стоитъ, разиня ротъ музыку слушаетъ; — дѣтскій возрастъ! заглядѣлся какъ у Нѣмца куклы танцуютъ, а у самого и руки и ноги окоченѣли, дрожитъ да кончикъ рукава грызетъ. Примѣчаю, что въ рукахъ у него бумажечка какая-то. Прошелъ одинъ господинъ и бросилъ шарманщику какую-то маленькую монетку; монетка прямо упала въ тотъ ящикъ съ огородочкой, въ которомъ представленъ Французъ, танцующій съ дамами. Только что звякнула монетка, встрепенулся мой мальчикъ, робко осмотрѣлся кругомъ, да видно на меня подумалъ, что я деньги далъ. Подбѣжалъ онъ ко мнѣ, ручонки дрожатъ у него, голосенокъ дрожитъ, протянулъ онъ ко мнѣ бумажку и говоритъ: — записка! Развернулъ я записку — ну что, все извѣстное: — дескать, благодѣтели мои, мать у дѣтей умираетъ, трое дѣтей голодаютъ, такъ вы намъ теперь помогите; а вотъ какъ я умру, такъ за то, что птенцовъ моихъ теперь не забыли, на томъ свѣтѣ васъ, благодѣтели мои, не забуду. — Ну, что тутъ; дѣло ясное, дѣло житейское, а что мнѣ имъ дать? Ну, и не далъ ему ничего. А какъ было жаль! Мальчикъ бѣдненькій, посинѣлый отъ холода, можетъ быть, и голодный, и не вретъ, ей-ей не вретъ; я это дѣло знаю. Но только то дурно, что зачѣмъ эти гадкія матери дѣтей не берегутъ и полуголыхъ съ записками на такой холодъ посылаютъ. Она, можетъ быть,

глупая баба, характера не имѣетъ; да за нее и постараться, можетъ быть, некому, такъ она и сидитъ, поджавъ ноги, можетъ быть, и въ правду больная. Ну, да все обратиться бы куда слѣдуетъ; а впрочемъ, можетъ быть, и просто мошенница, нарочно голоднаго и чахлаго ребенка обманывать народъ посылаетъ, на болѣзнь наводитъ. И чему научится бѣдный мальчикъ съ этими записками? Только сердце его ожесточается; ходитъ онъ, бѣгаетъ, проситъ. Ходятъ люди да некогда имъ. Сердца у нихъ каменныя; слова ихъ жестокія. «Прочь! убирайся! шалишь!» — Вотъ что слышитъ онъ отъ всѣхъ, и ожесточается сердце ребенка, и дрожитъ напрасно на холодѣ бѣдненькій, запуганный мальчикъ, словно птенчикъ, изъ разбитаго гнѣздышка выпавшій. Зябнутъ у него руки и ноги; духъ занимается. Посмотришь, вотъ онъ ужь и кашляетъ; тутъ не далеко ждать, и болѣзнь, какъ гадъ нечистый, заползетъ ему въ грудь, а тамъ, глядишь, и смерть ужь стоитъ надъ нимъ, гдѣ-нибудь въ смрадномъ углу, безъ ухода, безъ помощи — вотъ и вся его жизнь! Вотъ какова она, жизнь-то бываетъ! Охъ, Варинька, мучительно слышать Христа-ради, и мимо пройдти и не дать ничего, сказать ему: «Богъ подастъ». Иное Христа-ради еще ничего. (И Христа-ради-то разныя бываютъ, маточка). Иное долгое, протяжное, привычное, заученное, прямо нищенское; этому еще не такъ мучительно не подать, это долгій нищій, давнишній, по ремеслу нищій, этотъ привыкъ, думаешь, онъ переможетъ и знаетъ какъ перемочь. А иное Христа-ради непривычное, грубое, страшное, — вотъ какъ сегодня, когда я было отъ мальчика записку взялъ, тутъ же у забора какой-то стоялъ, не у всѣхъ и просилъ, говоритъ мнѣ: «Дай, баринъ, грошъ, ради Христа!» да такимъ отрывистымъ, грубымъ голосомъ, что я вздрогнулъ отъ какого-то страшнаго чувства, а не далъ гроша: не было. А еще люди богатые не любятъ, чтобы бѣдняки на худой жребій вслухъ жаловались — дескать, они безпокоятъ, они-де назойливы! Да и всегда бѣдность назойлива; — спать что ли мѣшаютъ ихъ стоны голодные!

Признательно вамъ сказать, родная моя, началъ я вамъ описывать это все, частію, чтобъ сердце отвести, а болѣе для того, чтобъ вамъ образецъ хорошаго слогу моихъ сочиненій показать. Потому-что вы вѣрно сами сознаетесь, маточка, что у меня съ недавняго времени слогъ формируется. Но теперь на меня такая тоска нашла, что я самъ моимъ мыслямъ до глубины души сталъ сочувствовать, и хотя я самъ знаю, маточка, что этимъ

сочувствіемъ не возьмешь, но все-таки нѣкоторымъ образомъ справедливость воздашь себѣ. И подлинно, родная моя, часто самого себя, безо всякой причины, уничтожаешь, въ грошъ не ставишь и ниже щепки какой-нибудь сортируешь. А если сравненіемъ выразиться, такъ это, можетъ-быть, отъ-того происходитъ, что я самъ запуганъ и загнанъ, какъ хоть бы и этотъ бѣднепькій мальчикъ, что милостыни у меня просилъ. Теперь я вамъ, примѣрно, иносказательно буду говорить, маточка; вотъ послушайте-ка меня: случается мнѣ, моя родная, рано утромъ, на службу спѣша, заглядѣться на городъ, какъ онъ тамъ пробуждается, встаетъ, дымится, кипитъ, гремитъ, — тутъ иногда такъ передъ такимъ зрѣлищемъ умалишься, что какъ-будто бы щелчокъ какой получилъ отъ кого-нибудь по любопытному носу, да и поплетешься тише воды, ниже травы своею дорогою, и рукой махнешь! Теперь же разглядите-ка, что въ этихъ черныхъ, закоптѣлыхъ, большихъ капитальныхъ домахъ дѣлается, вникните въ это, и тогда сами разсудите, справедливо ли было безъ толку сортировать себя и въ недостойное смущеніе входить. Замѣтьте, Варинька, что я иносказательно говорю, не въ прямомъ смыслѣ. Ну, посмотримъ, что тамъ такое въ этихъ домахъ? Тамъ въ какомъ-нибудь дымномъ углу, въ конурѣ сырой какой-нибудь, которая, по нуждѣ, за квартиру считается, мастеровой какой-нибудь отъ сна пробудился; а во снѣ-то ему, примѣрно говоря, всю ночь сапоги снились, что вчера онъ подрѣзалъ нечаянно, какъ-будто именно такая дрянь и должна человѣку сниться! Ну, да вѣдь онъ мастеровой, онъ сапожникъ: ему простительно все объ одномъ предметѣ своемъ думать. У него тамъ дѣти пищатъ и жена голодная; и не одни сапожники встаютъ иногда такъ, родная моя. Это бы и ничего, и писать бы объ этомъ не стоило, но вотъ какое выходитъ тутъ обстоятельство, маточка; тутъ же, въ этомъ же домѣ, этажемъ выше или ниже, въ позлащенныхъ палатахъ, и богатѣйшему лицу все тѣ же сапоги, можетъ-быть, ночью снились, то есть на другой манеръ сапоги, фасона другаго, но все-таки сапоги, ибо въ смыслѣ-то, здѣсь мною подразумѣваемомъ, маточка, всѣ мы, родная моя, выходимъ немного сапожники. И это бы все ничего, но только то дурно, что нѣтъ никого подлѣ этого богатѣйшаго лица, нѣтъ человѣка, который бы шепнулъ ему на ухо — «что полно-дескать, о такомъ думать, о себѣ одномъ думать, для себя одного жить; ты, дескать, не сапожникъ, у тебя дѣти здоровы и жена ѣсть не проситъ, оглянись кругомъ, не уви-

дишь ли для заботъ своихъ предмета болѣе благороднаго, чѣмъ свои сапоги»! Вотъ что хотѣлъ я сказать вамъ иносказательно, Варинька. Это, можетъ–быть, слишкомъ вольная мысль, родная моя, но эта мысль иногда бываетъ, иногда приходитъ, и тогда поневолѣ изъ сердца горячимъ словомъ выбивается. И потому не отъ–чего было въ грошъ себя оцѣнять, испугавшись одного шума и грома! Заключу же тѣмъ, маточка, что вы, можетъ–быть, подумаете, что я вамъ клевету говорю, или что это такъ хандра на меня нашла, или что я это изъ книжки какой выписалъ? Нѣтъ, маточка, вы разувѣрьтесь, — не то: клеветою гнушаюсь, хандра не находила, и ни изъ какой книжки ничего не выписывалъ — вотъ что!

Пришелъ я въ грустномъ расположеніи духа домой, присѣлъ къ столу, нагрѣлъ себѣ чайникъ, да и приготовился стаканчикъ–другой чайку хлебнуть. Вдругъ, смотрю, входитъ ко мнѣ Горшковъ, нашъ бѣдный постоялецъ. Я еще утромъ замѣтилъ, что онъ все что–то около жильцовъ шныряетъ, и ко мнѣ хотѣлъ подойти. А мимоходомъ скажу, маточка, что ихъ житье–бытье не въ примѣръ моего хуже. Куда! жена, дѣти! — Такъ, что еслибы я былъ Горшковъ, такъ ужь я не знаю, что бы я на его мѣстѣ сдѣлалъ! Ну, такъ вотъ вошелъ мой Горшковъ, кланяется, слезинка у него, какъ и всегда, на рѣсницахъ гноится, шаркаетъ ногами, а самъ слова не можетъ сказать. Я его посадилъ на стулъ, правда на изломанный, да другаго не было. Чайку предложилъ. Онъ извинялся, долго извинялся, наконецъ однакоже взялъ стаканъ. Хотѣлъ–было безъ сахару пить, началъ опять извиняться, когда я сталъ увѣрять его, что нужно взять сахару; долго спорилъ, отказывался, наконецъ положилъ въ свой стаканъ самый маленькій кусочекъ и сталъ увѣрять, что чай необыкновенно сладокъ. Экъ, до уничиженія какого доводитъ людей нищета! — «Ну, какъ же, что батюшка?» сказалъ я ему. — «Да вотъ такъ и такъ, дескать, благодѣтель вы мой, Макаръ Алексѣевичъ, явите милость Господню, окажите помощь семейству несчастному; дѣти и жена, ѣсть нечего; отцу–то, мнѣ–то, говоритъ, каково!» Я было хотѣлъ говорить, да онъ меня прервалъ: «я, дескать, всѣхъ боюсь здѣсь, Макаръ Алексѣевичъ, то–есть не то, что боюсь, а такъ, знаете, совѣстно; люди–то они все гордые и кичливые. Я бы, говоритъ, васъ, батюшка и благодѣтель мой, и утруждать бы не сталъ: знаю, что у васъ самихъ непріятности были, знаю, что вы многаго и не можете дать, но хоть что–нибудь взаймы

одолжите; и потому, говоритъ, просить васъ осмѣлился, что знаю ваше доброе сердце, знаю, что вы сами нуждались, что сами и теперь бѣдствія испытываете, — и что сердце-то ваше потому и чувствуетъ состраданіе.» — Заключилъ же онъ тѣмъ, что, «дескать, простите мою дерзость и мое неприличіе, Макаръ Алксѣевичъ.» — Я отвѣчаю ему, что радъ бы душой, да что нѣтъ у меня ничего, ровно нѣтъ ничего. — «Батюшка, Макаръ Алексѣевичъ, говоритъ онъ мнѣ, я многаго и не прошу, а вотъ такъ и такъ — (тутъ онъ весь покраснѣлъ) — жена, говоритъ, дѣти, голодно — хоть гривенничекъ какой-нибудь.» Ну, тутъ ужь мнѣ самому сердце защемило. Куда, думаю, меня перещеголяли! А всего-то у меня и оставалось двадцать копѣекъ, да я на нихъ разсчитывалъ: хотѣлъ завтра на свои крайнія нужды истратить. — «Нѣтъ, голубчикъ мой, не могу; вотъ такъ и такъ» говорю. — «Батюшка, Макаръ Алексѣевичъ, хоть что хотите, говоритъ, хоть десять копѣечекъ.» Ну, я ему и вынулъ изъ ящика и отдалъ свои двадцать копѣекъ, маточка, все доброе дѣло! Экъ нищета-то! Разговорился я съ нимъ: да какъ же вы, батюшка, спрашиваю, такъ зануждались, да еще при такихъ нуждахъ комнату въ пять рублей серебромъ нанимаете? Объяснилъ онъ мнѣ, что полгода назадъ нанялъ, и деньги внесъ впередъ за три мѣсяца; да потомъ обстоятельства такія сошлись, что ни туда, ни сюда ему бѣдному. Ждалъ онъ, что дѣло его къ этому времени кончится. А дѣло у него непріятное. Онъ, видите ли, Варинька, за что-то передъ судомъ въ отвѣтѣ находится. Тягается онъ съ купцомъ какимъ-то, который сплутовалъ подрядомъ съ казною; обманъ открыли, купца подъ судъ, а онъ въ дѣло-то свое разбойничье и Горшкова запуталъ, который тутъ какъ-то также случился. А по правдѣ-то Горшковъ виновенъ только въ нерадѣніи, въ неосмотрительности и въ непростительномъ упущеніи изъ вида казеннаго интереса. Ужь нѣсколько лѣтъ дѣло идетъ: все препятствія разныя встрѣчаются противъ Горшкова. — «Въ безчестіи же, на меня взводимомъ, говоритъ мнѣ Горшковъ, неповиненъ, нисколько неповиненъ, въ плутовствѣ и грабежѣ неповиненъ.» Дѣло это его замарало немного; его исключили изъ службы, и хотя не нашли, что онъ капитально виновенъ, но, до совершеннаго своего оправданія, онъ, до сихъ-поръ, не можетъ выправить съ купца какой-то знатной суммы денегъ, ему слѣдуемой, и передъ судомъ у него оспариваемой. Я ему вѣрю, да судъ-то ему на-слово не вѣритъ; дѣло-то оно такое, что все въ крючкахъ да

въ узлахъ такихъ, что во сто лѣтъ не распутаешь. Чуть немного распутаютъ, а купецъ еще крючокъ, да еще крючокъ. Я принимаю сердечное участіе въ Горшковѣ, родная моя, соболѣзную ему. Человѣкъ безъ должности; за ненадежность никуда не принимается; что было запасу, проѣли; дѣло запутано, а между-тѣмъ жить было нужно; а между-тѣмъ ни съ того, ни съ сего, совершенно не-кстати, ребенокъ родился, — ну вотъ издержки; сынъ заболѣлъ — издержки, умеръ — издержки; жена больна; онъ нездоровъ застарѣлой болѣзнью какой-то: однимъ словомъ пострадалъ, вполнѣ пострадалъ. Впрочемъ, говоритъ, что ждетъ на дняхъ благопріятнаго рѣшенія своего дѣла, и что ужь въ этомъ теперь и сомнѣнія нѣтъ никакого. Жаль, жаль, очень жаль его, маточка! Я его обласкалъ. Человѣкъ-то онъ затерянный, запуганный; покровительства ищетъ, такъ вотъ я его и обласкалъ. Ну, прощайте же, маточка, Христосъ съ вами, будьте здоровы. Голубчикъ вы мой! Какъ вспомню объ васъ, такъ точно лекарство приложу къ больной душѣ моей, и хоть страдаю за васъ, но и страдать за васъ мнѣ легко.

Вашъ истинный другъ
Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 9.

Матушка, Варвара Алексѣевна!

Пишу къ вамъ внѣ себя. Я весь взволнованъ страшнымъ происшествіемъ. Голова моя вертится кругомъ. Я чувствую, что все вокругъ меня вертится. Ахъ, родная моя, что я разскажу вамъ теперь! Вотъ, мы и не предчувствовали этого. Нѣтъ, я не вѣрю, чтобы я не предчувствовалъ, я все это предчувствовалъ. Все это заранѣе слышалось моему сердцу! Я даже намедни во снѣ что-то видѣлъ подобное.

Вотъ что случилось! — Разскажу вамъ безъ слога, а такъ, какъ мнѣ на душу Господь положитъ. Пошелъ я сегодня въ должность. Пришелъ, сижу, пишу. А нужно вамъ знать, маточка, что я и вчера писалъ тоже. Ну, такъ вотъ, вчера подходитъ ко мнѣ Тимофей Ивановичъ, и лично изволитъ наказывать, что — вотъ, дескать, бумага нужная, спѣшная. «Перепишите, говоритъ, Макаръ Алексѣевичъ, почище, поспѣшно и тщательно: сегодня къ подписанію идетъ.» — Замѣтить вамъ нужно, ангельчикъ, что вчерашняго дня я былъ самъ не свой, ни на что

и глядѣть не хотѣлось; грусть, тоска такая напала! На сердцѣ холодно, на душѣ темно; въ памяти все вы были, моя бѣдная ясочка. Ну, вотъ, я принялся переписывать; переписалъ чисто, хорошо, только ужь не знаю какъ вамъ точнѣе сказать, самъ ли нечистый меня попуталъ, или тайными судьбами какими опредѣлено было, или просто такъ должно было сдѣлаться: — только пропустилъ я цѣлую строчку; смыслъ-то и вышелъ, Господь его знаетъ какой, просто, никакого не вышло. Съ бумагой-то вчера опоздали и подали ее на подписаніе его превосходительству только сегодня. Я, какъ ни въ чемъ не бывало, являюсь сегодня въ обычный часъ и располагаюсь рядкомъ съ Емельяномъ Ивановичемъ. Нужно вамъ замѣтить, родная, что я, съ недавняго времени, сталъ вдвое болѣе прежняго совѣститься и въ стыдъ приходить. Я въ послѣднее время и не глядѣлъ ни на кого. Чуть стулъ заскрипитъ у кого-нибудь, такъ ужь я и ни живъ, ни мертвъ. Вотъ точно такъ и сегодня, приникъ, присмирѣлъ, ежомъ сижу, такъ что Ефимъ Акимовичъ (такой задирала, какого и на свѣтѣ до него не было) сказалъ во всеуслышаніе: «что̀, дескать, вы, Макаръ Алексѣевичъ, сидите такимъ у-у-у?» да тутъ такую гримасу скорчилъ, что всѣ, кто около него и меня ни были, такъ и покатились со смѣху, и ужь, разумѣется, на мой счетъ. И пошли, и пошли! Я и уши прижалъ и глаза зажмурилъ, сижу себѣ, не пошевелюсь. Таковъ ужь обычай мой; они этакъ скорѣй отстаютъ. Вдругъ слышу шумъ, бѣготня, суетня; слышу — не обманываются ли уши мои? зовутъ меня, требуютъ меня, зовутъ Дѣвушкина. Задрожало у меня сердце въ груди, и ужь самъ не знаю чего я испугался: только знаю то, что я такъ испугался, какъ никогда еще въ жизни со мной не было. Я приросъ къ стулу, — и какъ ни въ чемъ не бывало, точно и не я. Но вотъ, опять начали, ближе и ближе. Вотъ, ужь надъ самымъ ухомъ моимъ: дескать, Дѣвушкина! Дѣвушкина! гдѣ Дѣвушкинъ? Подымаю глаза, передо мною Евстафій Ивановичъ; говоритъ: «Макаръ Алексѣевичъ! къ его превосходительству, скорѣе! Бѣды вы съ бумагой надѣлали!» Только это одно и сказалъ, да довольно, не правда ли, маточка, довольно сказано было? Я помертвѣлъ, оледенѣлъ, чувствъ лишился, иду — ну, да ужь просто, ни живъ, ни мертвъ отправился. Ведутъ меня черезъ одну комнату, черезъ другую комнату, черезъ третью комнату, въ кабинетъ — предсталъ! Положительнаго отчета, объ чемъ я тогда думалъ, я вамъ дать не могу. Вижу, стоятъ его превосходительство, во-

кругъ него всѣ они. Я, кажется, не поклонился; позабылъ. Оторопѣлъ такъ, что и губы трясутся и ноги трясутся. Да и было отчего, маточка. Во-первыхъ, совѣстно; я взглянулъ на право въ зеркало, такъ просто было отъ чего съ ума сойдти отъ того, что я тамъ увидѣлъ. А во-вторыхъ, я всегда дѣлалъ такъ, какъ-будто бы меня и на свѣтѣ не было. Такъ, что едва ли его превосходительство были извѣстны о существованіи моемъ. Можетъ-быть, слышали, такъ, мелькомъ, что есть у нихъ въ вѣдомствѣ Дѣвушкинъ, но въ кратчайшія сего сношенія никогда не входили.

Начали гнѣвно: «какъ же это вы, сударь! Чего вы смотрите? нужная бумага, нужно къ спѣху, а вы ее портите. И какъ же вы это, — тутъ его превосходительство обратились къ Евстафію Ивановичу. Я только слышу, какъ до меня звуки словъ долетаютъ: — нерадѣнье! неосмотрительность! Вводите въ непріятности!» — Я раскрылъ-было ротъ для чего-то. Хотѣлъ-было прощенія просить, да не могъ, убѣжать — покуситься не смѣлъ, и тутъ... тутъ, маточка, такое случилось, что я и теперь едва перо держу отъ стыда. — Моя пуговка — ну ее къ бѣсу — пуговка, что висѣла у меня на ниточкѣ — вдругъ сорвалась, отскочила, запрыгала (я видно задѣлъ ее нечаянно), зазвенѣла, покатилась и прямо, такъ-таки прямо проклятая къ стопамъ его превосходительства, и это посреди всеобщаго молчанія! Вотъ и все было мое оправданіе, все извиненіе, весь отвѣтъ, все, что я собирался сказать его превосходительству! Послѣдствія были ужасны! Его превосходительство тотчасъ обратили вниманіе на фигуру мою и на мой костюмъ. Я вспомнилъ, что я видѣлъ въ зеркалѣ: я бросился ловить пуговку! Нашла на меня дурь! Нагнулся, хочу взять пуговку, катается, вертится, не могу поймать, словомъ, и въ отношеніи ловкости отличился. Тутъ ужь я чувствую, что и послѣднія силы меня оставляютъ, что ужь все, все потеряно! Вся репутація потеряна, весь человѣкъ пропалъ! А тутъ въ обоихъ ушахъ ни съ того, ни съ сего и Тереза и Фальдони, и пошло перезванивать. Наконецъ поймалъ пуговку, приподнялся, вытянулся, да ужь коли дуракъ, такъ стоялъ бы себѣ смирно, руки по швамъ! Такъ нѣтъ же: началъ пуговку къ оторваннымъ ниткамъ прилаживать, точно отъ-того она и пристанетъ, да еще улыбаюсь, да еще улыбаюсь. Его превосходительство отвернулись сначала, потомъ опять на меня взглянули — слышу, говорятъ Евстафію Ивановичу: «какъ же?.. посмотрите, въ какомъ онъ видѣ!.. какъ онъ!..

что онъ!..» — Ахъ родная моя, что ужь тутъ — какъ онъ? Да что онъ? отличился! Слышу, Евстафій Ивановичъ говоритъ — «не замѣченъ, ни въ чемъ не замѣченъ, поведѣнія примѣрнаго, жалованья достаточно, по окладу...» «Ну, облегчить его какъ-нибудь, говоритъ его превосходительство. Выдать ему впередъ...» — «Да забралъ, говорятъ, забралъ, вотъ за столько-то времени впередъ забралъ. Обстоятельства вѣрно такія, а поведенія хорошаго и не замѣченъ, никогда не замѣченъ.» — Я, ангельчикъ мой, горѣлъ, я въ адскомъ огнѣ горѣлъ! Я умиралъ! — «Ну, говорятъ его превосходительство громко, переписать же вновь поскорѣе; Дѣвушкинъ, подойдите сюда, перепишите опять вновь безъ ошибки; да послушайте: тутъ его превосходительство обернулись къ прочимъ, роздали приказанія разныя и всѣ разошлись. Только что разошлись они, его превосходительство поспѣшно вынимаютъ книжникъ и изъ него сторублевую, вотъ, говорятъ они — чѣмъ могу, считайте какъ хотите, возьмите...» да и всунулъ мнѣ въ руку. Я, ангелъ мой, вздрогнулъ, вся душа моя потряслась; не знаю, что было со мною; я было-схватить ихъ ручку хотѣлъ. А онъ-то весь покраснѣлъ, мой голубчикъ, да — вотъ ужь тутъ ни на волосокъ отъ правды не отступаю, родная моя: взялъ мою руку недостойную, да и потрясъ ее, такъ-таки взялъ да и потрясъ, словно ровнѣ своей, словно такому же какъ самъ генералу. «Ступайте, говоритъ, чѣмъ могу... Ошибокъ не дѣлайте, а теперь грѣхъ пополамъ.»

Теперь, маточка, вотъ какъ я рѣшилъ: васъ и Ѳедору прошу, и если бы дѣти у меня были, то и имъ бы повелѣлъ, чтобы Богу молились, то есть вотъ какъ: за роднаго отца не молились бы, а за его превосходительство каждодневно и вѣчно бы молились! Еще скажу, маточка, и это торжественно говорю — слушайте меня, маточка, хорошенько — клянусь, что какъ ни погибалъ я отъ скорби душевной, въ лютые дни нашего злополучія, глядя на васъ, на ваши бѣдствія, и на себя, на униженіе мое и мою неспособность, не смотря на все это, клянусь вамъ, что не такъ мнѣ сто рублей дороги, какъ то, что его превосходительство сами мнѣ, соломѣ, пьяницѣ, руку мою недостойную пожать изволили! Этимъ они меня самому-себѣ возвратили. Этимъ поступкомъ они мой духъ воскресили, жизнь мнѣ слаще на вѣки сдѣлали, и я твердо увѣренъ, что я какъ ни грѣшенъ передъ Всевышнимъ, но молитва о счастіи и благополучіи его превосходительства дойдетъ до престола Его!..

Маточка! Я теперь въ душевномъ разстройствѣ ужасномъ, въ волненіи ужасномъ! Мое сердце бьется, хочетъ изъ груди выпрыгнуть. И я самъ, какъ-то весь, какъ-будто ослабъ. Посылаю вамъ 45 руб. ассигнац., 20 рублей хозяйкѣ даю, у себя 35 оставляю; на 20 платье поправлю, а 15 оставлю на житье-бытье. А только теперь всѣ эти впечатлѣнія-то утреннія потрясли все существованіе мое. Я прилягу. Мнѣ, впрочемъ, покойно, очень покойно. Только душу ломитъ, и слышно тамъ, въ глубинѣ, душа моя дрожитъ, трепещетъ, шевелится. — Я приду къ вамъ; а теперь я просто хмѣленъ отъ всѣхъ ощущеній этихъ... Богъ видитъ все, маточка вы моя, голубушка вы моя безцѣнная!

Вашъ достойный другъ
Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 10.

Любезный мой Макаръ Алексѣевичъ!

Я несказанно рада вашему счастію и умѣю цѣнить добродѣтели вашего начальника, другъ мой. И такъ теперь вы отдохнете отъ горя! Но только ради Бога не тратьте опять денегъ попусту. Живите тихонько, какъ можно скромнѣе, и съ этого же дня начинайте всегда хоть что-нибудь откладывать, чтобъ несчастія не застали васъ опять внезапно. Объ насъ, ради Бога, не безпокойтесь. Мы съ Ѳедорой кое-какъ проживемъ. Къ чему вы намъ денегъ столько прислали, Макаръ Алексѣевичъ? Намъ вовсе не нужно. Мы довольны и тѣмъ, что есть у насъ. Правда, намъ скоро понадобятся деньги на переѣздъ съ этой квартиры, но Ѳедора надѣется получить съ кого-то давнишній, старый долгъ. Оставляю, впрочемъ, себѣ двадцать рублей на крайнія надобности. Остальное посылаю вамъ назадъ. Берегите, пожалуйста, деньги, Макаръ Алексѣевичъ. Прощайте. Живите теперь покойно, будьте здоровы и веселы. Я написала бы вамъ болѣе, но чувствую ужасную усталость, вчера я цѣлый день не вставала съ постели. Хорошо сдѣлали, что обѣщались зайдти. Навѣстите меня, пожалуйста, Макаръ Алексѣевичъ.

В. Д.

Сентября 11.

Милая моя Варвара Алексѣевна!

Умоляю васъ, родная моя, не разлучайтесь со мною теперь, теперь, когда я совершенно счастливъ и всѣмъ доволенъ. Голубчикъ мой! Вы Ѳедору не слушайте, а я буду все, что вамъ угодно дѣлать; буду вести себя хорошо, изъ одного уваженія къ его превосходительству, буду вести себя хорошо и отчетливо; мы опять будемъ писать другъ-другу счастливыя письма, будемъ повѣрять другъ-другу наши мысли, наши радости, наши заботы, если будутъ заботы; будемъ жить вдвоемъ согласно и счастливо. Займемся литературою... Ангельчикъ мой! Въ моей судьбѣ все перемѣнилось и все къ лучшему перемѣнилось. Хозяйка стала сговорчивѣе, Тереза умнѣе, даже самъ Фальдони сталъ какой-то проворный. Съ Ратазяевымъ я помирился. Самъ, на радостяхъ, пошелъ къ нему. Онъ, право, добрый малый, маточка, и что про него говорили дурнаго, то все это былъ вздоръ. Я открылъ теперь, что все это была гнусная клевета. Онъ вовсе и не думалъ насъ описывать: онъ мнѣ это самъ говорилъ. Читалъ мнѣ новое сочиненіе. А что тогда Ловеласомъ-то онъ меня назвалъ, такъ это вовсе не брань, или названіе какое неприличное: онъ мнѣ объяснилъ. Это слово въ слово съ иностраннаго взято и значитъ *проворный малой,* и если покрасивѣе сказать, политературнѣе, такъ значитъ *парень плохо не клади* — вотъ! а не что-нибудь тамъ такое. Шутка невинная была, ангельчикъ мой. Я-то неучъ съ дуру и обидѣлся. Да ужь я теперь передъ нимъ извинился... И погода-то такая замѣчательная сегодня, Варинька, хорошая такая. Правда, утромъ была небольшая изморозь, какъ-будто сквозь сито сѣяло. Ничего! За то воздухъ сталъ посвѣжѣе немножко. Ходилъ я покупать сапоги, и купилъ удивительные сапоги. Прошелся по Невскому. Пчелку прочелъ. Да! про главное я и забываю вамъ разсказать:

Видите-ли что:

Сегодня поутру разговорился я съ Емельяномъ Ивановичемъ и съ Аксентіемъ Михайловичемъ объ его превосходительствѣ. Да, Варинька, они не съ однимъ мною такъ обошлись милостиво. Они не одного меня благодѣтели, и добротою сердца своего всему свѣту извѣстны. Изъ многихъ мѣстъ въ честь ему хвалы возсылаются, и слезы благодарности льются. У нихъ

сирота одна воспитывалась. Изволили пристроить ее: выдали за человѣка извѣстнаго, за чиновника одного, который по особымъ порученіямъ при ихъ же превосходительствѣ находился. Сына одной вдовы въ какую-то канцелярію пристроили, и много еще благодѣяній разныхъ оказали. Я, маточка, почелъ за обязанность тутъ же и мою лепту положить, всѣмъ во всеуслышаніе поступокъ его превосходительства разсказалъ; я все имъ разсказалъ и ничего не утаилъ. Я стыдъ-то въ карманъ спряталъ. Какой тутъ стыдъ, что за амбиція такая при такомъ обстоятельствѣ! Такъ-таки въ слухъ — да будутъ славны дѣла его превосходительства! Я говорилъ увлекательно, съ жаромъ говорилъ и не краснѣлъ, напротивъ гордился, что пришлось такое разсказывать. Я про все разсказалъ (про васъ только благоразумно умолчалъ, маточка), и про хозяйку мою, и про Фальдони, и про Ратазяева, и про сапоги, и про Маркова, все разсказалъ. Кое-кто тамъ пересмѣивались, да, правда, и всѣ они пересмѣивались. Только это въ моей фигурѣ вѣрно они что-нибудь смѣшное нашли, или насчетъ сапоговъ моихъ — именно насчетъ сапоговъ. А съ дурнымъ какимъ-нибудь намѣреніемъ они не могли этого сдѣлать. Это такъ, молодость, или отъ-того, что они люди богатые, но съ дурнымъ, съ злымъ намѣреніемъ они никакъ не могли мою рѣчь осмѣивать. То есть что-нибудь насчетъ его превосходительства — этого они никакъ не могли сдѣлать. Не правда-ли, Варинька?

Я все до-сихъ-поръ не могу какъ-то опомниться, маточка. Всѣ эти происшествія такъ смутили меня! Есть ли у васъ дрова? Не простудитесь, Варинька; долго ли простудиться. Охъ, маточка моя, вы съ вашими грустными мыслями меня убиваете. Я ужь Бога молю, какъ молю его за васъ, маточка! Напримѣръ, есть ли у васъ шерстяныя чулочки, или, такъ, изъ одежды что-нибудь потеплѣе. Смотрите, голубчикъ мой. Если вамъ что-нибудь, тамъ, нужно будетъ, такъ ужь вы, ради Создателя, старика не обижайте. Такъ-таки прямо и ступайте ко мнѣ. Теперь дурныя времена прошли. Насчетъ меня вы не безпокойтесь. Впереди все такъ свѣтло, хорошо!

А грустное было время, Варинька! Ну да ужь все равно, прошло! Года пройдутъ, такъ и про это время вздохнемъ. Помню я свои молодые годы. Куда! Копѣйки иной разъ не бывало. Холодно, голодно, а весело да и только. Утромъ пройдешься по Невскому, личико встрѣтишь хорошенькое, и на цѣлый день счастливъ. Славное, славное было время, маточка! Хорошо

жить на свѣтѣ, Варинька! Особенно въ Петербургѣ. Я со слезами на глазахъ вчера каялся передъ Господомъ Богомъ, чтобы простилъ мнѣ Господь всѣ грѣхи мои въ это грустное время: ропотъ, либеральныя мысли, дебошъ и азартъ. Объ васъ вспоминалъ съ умиленіемъ въ молитвѣ. Вы однѣ, ангельчикъ, укрѣпляли меня, вы однѣ утѣшали меня, напутствовали совѣтами благими и наставленіями. Я этого, маточка, никогда забыть не могу. Ваши записочки всѣ перецаловалъ сегодня, голубчикъ мой! Ну, прощайте, маточка. Говорятъ, есть гдѣ-то здѣсь недалеко платье продажное. Такъ вотъ я немножко навѣдаюсь. Прощайте же, ангельчикъ. Прощайте!

Вамъ душевно преданный
Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 15.

Милостивый Государь,
Макаръ Алексѣевичъ!

Я вся въ ужасномъ волненіи. Послушайте-ка, что у насъ было. Я что-то роковое предчувствую. Вотъ посудите сами, мой безцѣнный другъ: господинъ Быковъ въ Петербургѣ. Ѳедора его встрѣтила. Онъ ѣхалъ, приказалъ остановить дрожки, подошелъ самъ къ Ѳедорѣ и сталъ навѣдываться, гдѣ она живетъ. Та сначала не сказывала. Потомъ онъ сказалъ, усмѣхаясь, что онъ знаетъ, кто у ней живетъ. (Видно Анна Ѳедоровна все ему разсказала). Тогда Ѳедора не вытерпѣла, и тутъ же на улицѣ стала его упрекать, укорять, сказала ему, что онъ человѣкъ безнравственный, что онъ причина всѣхъ несчастій моихъ. Онъ отвѣчалъ, что когда гроша нѣтъ, такъ разумѣется человѣкъ несчастливъ. Ѳедора сказала ему, что я бы съумѣла прожить работою, могла бы выйдти замужъ, а не то такъ сыскать мѣсто какое-нибудь, а что теперь счастіе мое навсегда потеряно, что я къ тому же больна и скоро умру. На это онъ замѣтилъ, что я еще слишкомъ молода, что у меня еще въ головѣ бродитъ, и *что и наши добродѣтели потускнѣли* (его слова). Мы съ Ѳедорой думали, что онъ не знаетъ нашей квартиры, какъ вдругъ, вчера, только что я вышла для закупокъ въ Гостиный дворъ, онъ входитъ къ намъ въ комнату; ему, кажется, не хотѣлось застать меня дома. Онъ долго разспрашивалъ Ѳедору о нашемъ

житьѣ-бытьѣ; все разсматривалъ у насъ; мою работу смотрѣлъ, наконецъ спросилъ: — какой же это чиновникъ, который съ вами знакомъ? На ту пору вы чрезъ дворъ проходили; Ѳедора ему указала на васъ; онъ взглянулъ и усмѣхнулся. Ѳедора упрашивала его уйдти, сказала ему, что я и такъ уже нездорова отъ огорченій, и что видѣть его у насъ мнѣ будетъ весьма непріятно. Онъ промолчалъ; сказалъ, что онъ такъ приходилъ отъ нечего дѣлать, и хотѣлъ дать Ѳедорѣ 25 рублей; та, разумѣется, не взяла. — Что бы это значило? Зачѣмъ это онъ приходилъ къ намъ? Я понять не могу, откуда онъ все про насъ знаетъ! Я теряюсь въ догадкахъ. Ѳедора говоритъ, что Аксинья, ея золовка, которая ходитъ къ намъ, знакома съ прачкой Настасьей, а Настасьинъ двоюродный братъ сторожемъ въ томъ департаментѣ, гдѣ служитъ знакомый племянника Анны Ѳедоровны, такъ вотъ не переползла ли какъ нибудь сплетня? Впрочемъ, очень можетъ быть, что Ѳедора и ошибается; мы не знаемъ, что придумать. Неуже-ли онъ къ намъ опять придетъ! Одна мысль эта ужасаетъ меня! Когда Ѳедора разсказала все это вчера, такъ я такъ испугалась, что чуть было въ обморокъ не упала отъ страха. Чего еще имъ надобно? Я теперь ихъ знать не хочу! Что имъ за дѣло до меня, бѣдной! Ахъ! въ какомъ я страхѣ теперь; такъ вотъ и думаю, что войдетъ сію минуту Быковъ. Что со мною будетъ! Что еще мнѣ готовитъ судьба? Ради-Христа, зайдите ко мнѣ теперь же, Макаръ Алексѣевичъ. Зайдите, ради Бога, зайдите.

В. Д.

Сентября 18.

Маточка, Варвара Алексѣевна!

Сего числа случилось у насъ въ квартирѣ до-нельзя горестное, ни чѣмъ не объяснимое и неожиданное событіе. Нашъ бѣдный Горшковъ (замѣтить вамъ нужно, маточка) совершенно оправдался. Рѣшеніе-то ужь давно какъ вышло, а сегодня онъ ходилъ слушать окончательную резолюцію. Дѣло для него весьма счастливо кончилось. Какая тамъ была вина на немъ за нерадѣніе и неосмотрительность — на все вышло полное отпущеніе. Присудили выправить въ его пользу съ купца знатную сумму денегъ, такъ что онъ и обстоятельствами-то сильно поправился, да и честь-то его отъ пятна избавилась, и все стало лучше, — однимъ словомъ, вышло самое полное исполненіе же-

ланія. Пришелъ онъ сегодня въ три часа домой. На немъ лица не было, блѣдный какъ полотно, губы у него трясутся, а самъ улыбается — обнялъ жену, дѣтей. Мы всѣ гурьбою ходили къ нему поздравлять его. Онъ былъ весьма растроганъ нашимъ поступкомъ, кланялся на всѣ стороны, жалъ у каждаго изъ насъ руку по нѣскольку разъ. Мнѣ даже показалось, что онъ и выросъ-то, и выпрямился-то, и что у него и слезинки-то нѣтъ уже въ глазахъ. Въ волненіи былъ такомъ, бѣдный. Двухъ минутъ на мѣстѣ не могъ простоять; бралъ въ руки все, что ему ни попадалось, потомъ опять бросалъ, безпрестанно улыбался и кланялся, садился, вставалъ, опять садился, говорилъ Богъ-знаетъ что такое — говоритъ: «честь моя, честь, доброе имя, дѣти мои» — и какъ говорилъ-то! Даже заплакалъ. Мы тоже большею частію прослезились. Ратазяевъ видно хотѣлъ его ободрить и сказалъ — «что, батюшка, честь, когда нечего ѣсть; деньги, батюшка, деньги главное; вотъ за что Бога благодарите!» — и тутъ же его по плечу потрепалъ. Мнѣ показалось, что Горшковъ обидѣлся, т. е. не то, чтобы прямо неудовольствіе выказалъ, а только посмотрѣлъ какъ-то странно на Ратазяева, да руку его съ плеча своего снялъ. А прежде бы этого не было, маточка! Впрочемъ, различные бываютъ характеры. — Вотъ я, на-примѣръ, на такихъ радостяхъ гордецомъ бы не выказался; вѣдь чего, родная моя, иногда и поклонъ лишній и уничиженіе изъявляешь, не отъ чего инаго, какъ отъ припадка доброты душевной и отъ излишней мягкости сердца.... но впрочемъ не во мнѣ тутъ и дѣло! — «Да, говоритъ, и деньги хорошо; слава Богу, слава Богу!...» и потомъ все время, какъ мы у него были, твердилъ: «слава Богу, слава Богу!...» Жена его заказала обѣдъ поделикатнѣе, и по обильнѣе. Хозяйка наша сама для нихъ стряпала. Хозяйка наша отчасти добрая женщина. А до обѣда, Горшковъ на мѣстѣ не могъ усидѣть. Заходилъ ко всѣмъ въ комнаты, звали ль, не звали его. Такъ себѣ войдетъ, улыбнется, присядетъ на стулъ, скажетъ что-нибудь, а иногда и ничего не скажетъ — и уйдетъ. У мичмана даже карты въ руки взялъ; его и усадили играть за четвертаго. Онъ поигралъ, поигралъ, напуталъ въ игрѣ какого-то вздора, сдѣлалъ три-четыре хода, и бросилъ играть. Нѣтъ, говоритъ, вѣдь я такъ, я, говоритъ, это только такъ — и ушелъ отъ нихъ. Меня встрѣтилъ въ корридорѣ, взялъ меня за обѣ руки, посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, только такъ чудно; пожалъ мнѣ руку и отошелъ и все улыбаясь, но какъ-то тяжело, странно улыбаясь,

словно мертвый. Жена его плакала отъ радости; весело такъ все у нихъ было, по праздничному. Пообѣдали они скоро. Вотъ послѣ обѣда онъ и говоритъ женѣ: — «Послушайте, душенька, вотъ я немного прилягу» — да и пошелъ на постель. Подозвалъ къ себѣ дочку, положилъ ей на головку руку, и долго, долго гладилъ по головѣ ребенка. Потомъ опять оборотился къ женѣ: «а что жь Петинька? Петя нашъ, говоритъ, Петинька?...» Жена перекрестилась да и отвѣчаетъ, что вѣдь онъ же умеръ. — «Да, да, знаю, все знаю, Петинька теперь въ царствѣ небесномъ.» — Жена видитъ, что онъ самъ не свой, что происшествіе-то его потрясло совершенно, и говоритъ ему — «вы бы, душенька, заснули.» — «Да, хорошо, я сейчасъ.... я немножко» — тутъ онъ отвернулся, полежалъ немного, потомъ оборотился, хотѣлъ сказать что-то. Жена не разслышала, спросила его — «что мой другъ?» А онъ не отвѣчаетъ. Она подождала немножко — ну, думаетъ, уснулъ, и вышла на часокъ къ хозяйкѣ. Черезъ часъ времени воротилась — видитъ, мужъ еще не проснулся и лежитъ себѣ не шелохнется. Она думала, что спитъ, сѣла и стала работать что-то. Она разсказываетъ, что она работала съ полчаса и такъ погрузилась въ размышленіе, что даже не помнитъ о чемъ она думала, говоритъ только, что она позабыла объ мужѣ. Только вдругъ она очнулась отъ какого-то тревожнаго ощущенія, и гробовая тишина въ комнатѣ поразила ее прежде всего. Она посмотрѣла на кровать и видитъ, что мужъ лежитъ все въ одномъ положеніи. Она подошла къ нему, сдернула одѣяло, смотритъ — а ужь онъ холодёхонекъ — умеръ, маточка, умеръ Горшковъ, внезапно умеръ, словно его громомъ убило. А отъ-чего умеръ Богъ его знаетъ. Меня это такъ сразило, Варинька, что я до-сихъ-поръ опомниться не могу. Не вѣрится что-то, что бы такъ просто могъ умереть человѣкъ. Этакой бѣдняга, горемыка этотъ Горшковъ! Ахъ, судьба-то, судьба какая! Жена въ слезахъ, такая испуганная. Дѣвочка куда-то въ уголъ забилась. У нихъ такъ суматоха такая идетъ; слѣдствіе медицинское будутъ дѣлать.... ужь не могу вамъ на вѣрно сказать. Только жалко, охъ какъ жалко! Грустно подумать, что этакъ въ-самомъ-дѣлѣ ни дня, ни часа не вѣдаешь.... Погибаешь этакъ ни за что....

Вашъ

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 19.

Милостивая Государыня,
Варвара Алексѣевна!

Спѣшу васъ увѣдомить, другъ мой, что Ратазяевъ нашелъ мнѣ работу у одного сочинителя. — Пріѣзжалъ какой-то къ нему, привезъ такую толстую рукопись — слава Богу, много работы. Только ужь такъ неразборчиво писано, что не знаю какъ и за дѣло приняться; требуютъ поскорѣе. Что-то все объ такомъ писано, что какъ-будто и не понимаешь.... По 40 коп. съ листа уговорились. Я къ тому все это пишу вамъ, родная моя, что будутъ теперь постороннія деньги. — Ну, а теперь прощайте, маточка. Я ужь прямо и за работу.

Вашъ вѣрный другъ
Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 23.

Дорогой другъ мой
Макаръ Алексѣевичъ!

Я вамъ уже третій день, мой другъ, ничего не писала, а у меня было много, много заботъ, много тревоги.

Третьяго дня былъ у меня Быковъ. Я была одна, Ѳедора куда-то ходила. Я отворила ему и такъ испугалась, когда его увидѣла, что не могла тронуться съ мѣста. Я чувствовала, что я поблѣднѣла. Онъ вошелъ по своему обыкновенію съ громкимъ смѣхомъ, взялъ стулъ и сѣлъ. Я долго не могла опомниться, наконецъ сѣла въ уголъ за работу. Онъ скоро пересталъ смѣяться. Кажется, мой видъ поразилъ его. Я такъ похудѣла въ послѣднее время; щеки и глаза мои ввалились, я была блѣдна, какъ платокъ.... дѣйствительно, меня трудно узнать тому, кто зналъ меня годъ тому назадъ. Онъ долго и пристально смотрѣлъ на меня, наконецъ опять развеселился. Сказалъ что-то такое; я не помню, что отвѣчала ему, и онъ опять засмѣялся. Онъ сидѣлъ у меня цѣлый часъ; долго говорилъ со мной; кой о чемъ разспрашивалъ. Наконецъ, передъ прощаніемъ, онъ взялъ меня за руку и сказалъ (я вамъ пишу отъ слова и до слова): «Варвара Алексѣевна! Между нами

сказать, Анна Ѳедоровна, ваша родственница, а моя короткая знакомая и пріятельница, преподлая женщина.» (Тутъ онъ еще назвалъ ее однимъ неприличнымъ словомъ). «Совратила она и двоюродную вашу сестрицу съ пути и васъ погубила. Съ моей стороны, и я въ этомъ случаѣ подлецомъ оказался, да вѣдь что, дѣло житейское.» Тутъ онъ захохоталъ что есть мочи. Потомъ замѣтилъ, что онъ красно говорить не мастеръ, и что главное, что объяснить было нужно, и объ чемъ обязанности благородства повелѣвали ему не умалчивать, ужь онъ объявилъ, и что въ короткихъ словахъ приступаетъ къ остальному. Тутъ онъ объявилъ мнѣ, что ищетъ руки моей, что долгомъ своимъ почитаетъ возвратить мнѣ честь, что онъ богатъ, что онъ увезетъ меня послѣ свадьбы въ свою степную деревню, что онъ хочетъ тамъ зайцевъ травить; что онъ болѣе въ Петербургъ никогда не пріѣдетъ, потому–что въ Петербургѣ гадко, что у него есть здѣсь въ Петербургѣ, какъ онъ самъ выразился, негодный племянникъ, котораго онъ присягнулъ лишить наслѣдства, и собственно для этого случая, т. е., желая имѣть законныхъ наслѣдниковъ, ищетъ руки моей, что это главная причина его сватовства. Потомъ онъ замѣтилъ, что я весьма бѣдно живу, что не диво, если я больна, проживая въ такой лачугѣ, предрекъ мнѣ неминуемую смерть, если я хоть мѣсяцъ еще такъ останусь; сказалъ, что въ Петербургѣ квартиры гадкія, и, наконецъ, что не надо ли мнѣ чего?

Я такъ была поражена его предложеніемъ, что сама не знаю отъ–чего заплакала. Онъ принялъ мои слезы за благодарность и сказалъ мнѣ, что онъ всегда былъ увѣренъ, что я добрая, чувствительная и ученая дѣвица, но что онъ не прежде впрочемъ рѣшился на сію мѣру, какъ разузнавъ со всею подробностію о моемъ теперешнемъ поведеніи. Тутъ онъ разспрашивалъ о васъ, сказалъ, что онъ про все слышалъ, что вы благородныхъ правилъ человѣкъ, что онъ съ своей стороны не хочетъ быть у васъ въ долгу и что довольно ли вамъ будетъ 500 руб. за все, что вы для меня сдѣлали? Когда же я ему объяснила, что вы для меня то сдѣлали, чего никакими деньгами не заплатишь, то онъ сказалъ мнѣ, что все вздоръ, что все это романы, что я еще молода и стихи читаю, что романы губятъ молодыхъ дѣвушекъ, что книги только нравственность портятъ, и что онъ терпѣть не можетъ никакихъ книгъ; совѣтовалъ прожить его годы и тогда объ людяхъ говорить; «тогда», прибавилъ онъ, «и людей узнаете.» Потомъ онъ сказалъ,

чтобы я поразмыслила хорошенько объ его предложеніяхъ, что ему весьма будетъ непріятно, если я такой важный шагъ сдѣлаю необдуманно, прибавилъ, что необдуманность и увлеченіе губятъ юность неопытную, но что онъ чрезвычайно желаетъ съ моей стороны благопріятнаго отвѣта, что, наконецъ, въ противномъ случаѣ, онъ принужденъ будетъ жениться въ Москвѣ на купчихѣ, потому-что, говоритъ онъ, «я присягнулъ негодяя-племянника лишить наслѣдства.» Онъ оставилъ насильно у меня на пяльцахъ пять сотъ рублей, какъ онъ сказалъ, на конфекты; сказалъ, что въ деревнѣ я растолстѣю, какъ лепешка, что буду у него какъ сыръ въ маслѣ кататься, что у него теперь ужасно много хлопотъ, что онъ цѣлый день по дѣламъ протаскался, и что теперь между дѣломъ забѣжалъ ко мнѣ. Тутъ онъ ушелъ. Я долго думала, я много передумала, я мучилась, думая, другъ мой, наконецъ я рѣшилась. Другъ мой, я выйду за него, я должна согласиться на его предложеніе. Если кто можетъ избавить меня отъ моего позора, возвратить мнѣ честное имя, отвратить отъ меня бѣдность, лишенія и несчастія въ будущемъ, такъ это единственно онъ. Чего же мнѣ ожидать отъ грядущаго, чего еще спрашивать у судьбы? Ѳедора говоритъ, что своего счастія терять не нужно; говоритъ — что же въ такомъ случаѣ и называется счастіемъ? Я, по крайней мѣрѣ, не нахожу другаго пути для себя, безцѣнный другъ мой. Что мнѣ дѣлать? Работою я и такъ все здоровье испортила; работать постоянно я не могу. Въ люди идти? — я съ тоски исчахну, къ тому же, я никому не угожу. Я хво́рая отъ природы, и потому всегда буду бременемъ на чужихъ рукахъ. Конечно, я и теперь не въ рай иду, но что же мнѣ дѣлать, другъ мой, что же мнѣ дѣлать? Изъ чего выбирать мнѣ?

Я не просила у васъ совѣтовъ. Я хотѣла обдумать одна. Рѣшеніе, которое вы прочли сейчасъ, неизмѣнно, и я немедленно объявляю его Быкову, который и безъ того торопитъ меня окончательнымъ рѣшеніемъ. Онъ сказалъ, что у него дѣла не ждутъ, что ему нужно ѣхать, и что не откладывать же ихъ изъ-за пустяковъ. Знаетъ Богъ буду ли я счастлива, въ Его святой, неисповѣдимой власти судьбы мои, но я рѣшилась. Говорятъ, что Быковъ человѣкъ добрый; онъ будетъ уважать меня; можетъ-быть, и я также буду уважать его. Чего же ждать болѣе отъ нашего брака?

Увѣдомляю васъ обо всемъ, Макаръ Алексѣевичъ. Я увѣрена, вы поймете всю тоску мою. Не отвлекайте меня отъ

моего намѣренія. Усилія ваши будутъ тщетны. Взвѣсьте въ своемъ собственномъ сердцѣ все, что принудило меня такъ поступить. Я очень тревожилась сначала, но теперь я спокойнѣе. Что впереди, я не знаю. Что будетъ, то будетъ; какъ Богъ пошлетъ!...

Пришелъ Быковъ; я бросаю письмо неоконченнымъ. Много еще хотѣла сказать вамъ. Быковъ ужь здѣсь!

В. Д.

Сентября 23.

Маточка Варвара Алексѣевна!

Я, маточка, спѣшу вамъ отвѣчать; я, маточка, спѣшу вамъ объявить, что я изумленъ. Все это какъ-то не того.... Вчера мы похоронили Горшкова. Да, это такъ, Варинька, это такъ; Быковъ поступилъ благородно; только вотъ видите ли, родная моя, такъ вы и соглашаетесь. Какъ же вы это такъ соглашаетесь, Варвара Алексѣевна? Конечно, во всемъ воля Божія; это такъ, это непремѣнно должно быть такъ, т. е. тутъ воля-то Божія непремѣнно должна быть; и промыслъ Творца небеснаго конечно и благъ и неисповѣдимъ, и судьбы тоже, и они то же самое. — Ѳедора тоже въ васъ участіе принимаетъ. Конечно, вы счастливы теперь будете, маточка, въ довольствѣ будете, моя голубочка, ясочка моя, ненаглядная вы моя, ангельчикъ мой, — только вотъ видите ли, Варинька, какъ же это такъ скоро?... Да, дѣла... у г-на Быкова есть дѣла — конечно, у кого нѣтъ дѣлъ, и у него тоже они могутъ случиться... видѣлъ я его, какъ онъ отъ васъ выходилъ. Видный, видный мужчина; даже ужь и очень видный мужчина. Только все это какъ-то не такъ, дѣло-то не въ томъ именно, что онъ видный мужчина, да и я-то теперь какъ-то самъ не свой. Только вотъ какъ же мы будемъ теперь письма-то другъ къ другу писать? Я-то, я-то какъ же одинъ останусь. Я, ангельчикъ мой, все взвѣшиваю, все взвѣшиваю, какъ вы писали-то мнѣ тамъ, въ сердцѣ-то моемъ все это взвѣшиваю, всѣ причины-то эти. Я уже двадцатый листъ оканчивалъ переписывать, а между-тѣмъ эти происшествія-то нашли! Маточка, вѣдь вотъ вы ѣдете, такъ и закупки-то вамъ различныя сдѣлать нужно, башмачки разные, платьице, а вотъ у меня кстати и магазинъ есть знакомый въ Гороховой; помни-

те, какъ я вамъ еще его все описывалъ. — Да нѣтъ же! Какъ же это вы, маточка, что вы! вѣдь вамъ нельзя теперь ѣхать, совершенно невозможно, никакъ невозможно. Вѣдь вамъ будетъ нужно покупки большія дѣлать, да экипажъ заводить. Къ тому же и погода теперь дурная; вы посмотрите-ка, дождь какъ изъ ведра льетъ, и такой мокрый дождь, да еще... еще то, что вамъ холодно будетъ, мой ангельчикъ; сердечку-то вашему будетъ холодно! Вѣдь вотъ вы боитесь чужаго человѣка, а ѣдете. А я-то на кого здѣсь одинъ останусь? Да вотъ Ѳедора говоритъ, что васъ счастіе ожидаетъ большое... да вѣдь она баба буйная и меня погубить желаетъ. Пойдете ли вы ко всенощной сегодня, маточка? Я бы васъ пошелъ посмотрѣть. Оно правда, маточка, совершенная правда, что вы дѣвица ученая, добродѣтельная и чувствительная, только пусть ужь онъ лучше женится на купчихѣ! Какъ вы думаете, маточка? пусть ужь лучше на купчихѣ-то женится! — Я къ вамъ, Варинька вы моя, какъ смеркнется, такъ и забѣгу на часокъ. Ныньче вѣдь рано смеркается, такъ я и забѣгу. Я, маточка, къ вамъ непремѣнно на часочикъ приду сегодня. Вотъ вы теперь ждете Быкова, а какъ онъ уйдетъ, такъ тогда... Вотъ подождите, маточка, я забѣгу...

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 27.

Другъ мой, Макаръ Алексѣевичъ!

Господинъ Быковъ сказалъ, что у меня непремѣнно должно быть на три дюжины рубашекъ голландскаго полотна. Такъ нужно какъ-можно-скорѣе пріискать бѣлошвеекъ для двухъ дюжинъ, а времени у насъ очень мало. Господинъ Быковъ сердится, говоритъ, что съ этими тряпками ужасно много возни. Свадьба наша черезъ пять дней, а на другой день послѣ свадьбы мы ѣдемъ. Господинъ Быковъ торопится, говоритъ, что на вздоръ много времени не нужно терять. Я измучилась отъ хлопотъ и чуть на ногахъ стою. Дѣла страшная куча, а право лучше, еслибъ этого ничего не было. Да еще: у насъ не достаетъ блондъ и кружева, такъ вотъ нужно бы прикупить; потому-что господинъ Быковъ говоритъ, что онъ не хочетъ, чтобы жена его какъ кухарка ходила, и что я непремѣнно должна «утереть носъ всѣмъ помѣщицамъ». Такъ онъ самъ говоритъ. Такъ вотъ, Макаръ Алексѣевичъ, адресуйтесь, пожалуйста, къ мадамъ Шифонъ въ Гороховую, и попросите, во-первыхъ, прислать къ

намъ бѣлошвеекъ, а во-вторыхъ, чтобъ и сама потрудилась заѣхать. Я сегодня больна. На новой квартирѣ у насъ такъ холодно и безпорядки ужасные. Тетушка господина Быкова чуть-чуть дышетъ отъ старости. Я боюсь, чтобы не умерла до нашего отъѣзда, но господинъ Быковъ говоритъ, что ничего, очнется. Въ домѣ у насъ безпорядки ужасные. Господинъ Быковъ съ нами не живетъ, такъ люди всѣ разбѣгаются, Богъ знаетъ куда. Случается, что одна Ѳедора намъ прислуживаетъ; а камердинеръ господина Быкова, который смотритъ за всѣмъ, уже третій день неизвѣстно гдѣ пропадаетъ. Господинъ Быковъ заѣзжаетъ каждое утро, все сердится и вчера побилъ прикащика дома, за что имѣлъ непріятности съ полиціей.... Не съ кѣмъ было къ вамъ и письма-то послать. Пишу по городской почтѣ. Да! Чуть-было не забыла самаго важнаго. Скажите мадамъ Шифонъ, чтобы блонды она непремѣнно перемѣнила, сообразуясь со вчерашнимъ образчикомъ, и чтобы сама заѣхала ко мнѣ показать новый выборъ. Да скажите еще, что я раздумала на счетъ канзу; что его нужно вышивать крошью. Да еще: буквы для вензелей на платкахъ вышивать тамбуромъ; слышите ли? тамбуромъ, а не гладью. Смотрите же, не забудьте, что тамбуромъ! Вотъ еще чуть было не забыла! Передайте ей, ради Бога, чтобы листики на пелеринѣ шить возвышенно, усики и шипы кордоппе, а потомъ обшить воротникъ кружевомъ или широкой фальбалой. Пожалуйста, передайте, Макаръ Алексѣевичъ.

Ваша
В. Д.

P. S. Мнѣ такъ совѣстно, что я все васъ мучаю моими коммиссіями. Вотъ и третьяго дня вы цѣлое утро бѣгали. Но что дѣлать! У насъ въ домѣ нѣтъ никакого порядка, а я сама нездорова. Такъ не досадуйте на меня, Макаръ Алексѣевичъ. Такая тоска! Ахъ, что это будетъ, что это будетъ, другъ мой, милый мой, добрый мой Макаръ Алексѣевичъ! Я и заглянуть боюсь въ мое будущее. Я все что-то предчувствую и точно въ чаду въ какомъ-то живу.

P. S. Ради Бога, мой другъ, не позабудьте чего-нибудь изъ того, что я вамъ теперь говорила. Я все боюсь, чтобы вы какъ-нибудь не ошиблись. Помните же, тамбуромъ, а не гладью.

В. Д.

Сентября 27.

Милостивая государыня
Варвара Алексѣевна!

Коммиссіи ваши всѣ исполнилъ рачительно. Мадамъ Шифонъ говоритъ, что она уже сама думала обшивать тамбуромъ; что это приличнѣе что ли, ужь не знаю, въ толкъ не взялъ хорошенько. Да еще, вы тамъ фальбалу написали, такъ она и про фальбалу говорила. Только я, маточка, и позабылъ, что она мнѣ про фальбалу говорила. Только помню, что очень много говорила; такая скверная баба! Что-бишь такое? Да вотъ она вамъ сама все разскажетъ. Я, маточка моя, совсѣмъ замотался. Сегодня я и въ должность не ходилъ. Только вы-то, родная моя, напрасно отчаяваетесь. Для вашего спокойствія я готовъ всѣ магазины обѣгать. Вы пишете, что въ будущее заглянуть боитесь. Да вѣдь сегодня въ седьмомъ часу все узнаете. Мадамъ Шифонъ сама къ вамъ пріѣдетъ. Такъ вы и не отчаявайтесь; надѣйтесь, маточка; авось и все-то устроится къ лучшему — вотъ. Такъ того-то, я все фальбалу-то проклятую — эхъ, мнѣ эта фальбала — фальбала! Я бы къ вамъ забѣжалъ, ангельчикъ, забѣжалъ бы, непремѣнно бы забѣжалъ; я ужь и такъ къ воротамъ вашего дома раза два подходилъ. Да все Быковъ, то-есть, я хочу сказать, что господинъ Быковъ все сердитый такой, такъ вотъ оно и не того... Ну, да ужь что!

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 28.

Милостивый Государь,
Макаръ Алексѣевичъ!

Ради Бога бѣгите сейчасъ къ брильянтщику. Скажите ему, что серьги съ жемчугомъ и изумрудами дѣлать не нужно. Господинъ Быковъ говоритъ, что слишкомъ богато, что это кусается. Онъ сердится; говоритъ, что ему и такъ въ карманъ стало, и что мы его грабимъ, а вчера сказалъ, что если бы впередъ зналъ да вѣдалъ про такіе расходы, такъ и не связывался бы. Говоритъ, что только насъ повѣнчаютъ, такъ сейчасъ и уѣдемъ,

что гостей не будетъ, и чтобы я вертѣться и плясать не надѣялась, что еще далеко до праздниковъ. Вотъ онъ какъ говоритъ! А Богъ видитъ нужно ли мнѣ все это! Самъ же господинъ Быковъ все заказывалъ. Я и отвѣчать ему ничего не смѣю: онъ горячій такой. Что со мною будетъ!

В. Д.

Сентября 28.

Голубчикъ мой, Варвара Алексѣевна!

Я — то есть, брильянтщикъ говоритъ — хорошо; а я про себя хотѣлъ сначала сказать, что я заболѣлъ и встать не могу съ постели. Вотъ теперь, какъ время пришло хлопотливое, нужное, такъ и простуды напали, врагъ ихъ возьми! Тоже увѣдомляю васъ, что къ довершенію несчастій моихъ и его превосходительство изволили быть строгими, и на Емельяна Ивановича много сердились и кричали, и подъ конецъ совсѣмъ измучились, бѣдненькіе. Вотъ я васъ и увѣдомляю обо всемъ. Да еще хотѣлъ вамъ написать что-нибудь, только васъ утруждать боюсь. Вѣдь я, маточка, человѣкъ глупый, простой, пишу себѣ что ни попало, такъ можетъ быть вы тамъ чего-нибудь и такого — ну, да ужь что!

Вашъ
Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 29.

Варвара Алексѣевна, родная моя!

Я сегодня Ѳедору видѣлъ, голубчикъ мой. Она говоритъ, что васъ уже завтра вѣнчаютъ, а послѣ завтра вы ѣдете, и что господинъ Быковъ уже лошадей нанимаетъ. На счетъ его превосходительства я уже увѣдомлялъ васъ, маточка. Да еще: — счеты изъ магазина въ Гороховой я провѣрилъ; все вѣрно, да только очень дорого. Только за что же господинъ-то Быковъ на васъ сердится? Ну, будьте счастливы, маточка! Я радъ; да я буду радъ, если вы будете счастливы. Я бы пришелъ въ церковь, маточка, да не могу, болитъ поясница. Такъ вотъ я все

насчетъ писемъ: вѣдь вотъ кто же теперь ихъ передавать–то намъ будетъ, маточка? Да! Вы Ѳедору–то облагодѣтельствовали, родная моя! Это доброе дѣло вы сдѣлали, другъ мой; это вы очень хорошо сдѣлали. Доброе дѣло! А за каждое доброе дѣло васъ Господь благословлять будетъ. — Добрыя дѣла не остаются безъ награды, и добродѣтель всегда будетъ увѣнчана вѣнцомъ справедливости Божіей, рано ли, поздно ли. Маточка! Я бы вамъ много хотѣлъ написать; такъ, каждый часъ, каждую минуту все бы писалъ, все бы писалъ! У меня еще ваша книжка осталась одна, *Бѣлкина Повѣсти*, такъ вы ее, знаете, маточка, не берите ее у меня, подарите ее мнѣ, мой голубчикъ. Это не потому, что ужь мнѣ такъ ее читать хочется. Но сами вы знаете, маточка, подходитъ зима; вечера будутъ длинные; грустно будетъ, такъ вотъ бы и почитать. Я, маточка, переѣду съ моей квартиры на вашу старую, и буду нанимать у Ѳедоры. Я съ этой честной женщиной теперь ни за что не разстанусь; къ тому же, она такая работящая. Я вашу квартиру опустѣвшую вчера подробно осматривалъ. Тамъ, какъ были ваши пялечки, а на нихъ шитье, такъ они и остались нетронутые: въ углу стоятъ. Я ваше шитье разсматривалъ. Остались еще тутъ лоскуточки разные. На одно письмецо мое, вы ниточки начали было наматывать. Въ столикѣ нашелъ бумажки листочикъ, а на бумажкѣ написано — *«Милостивый государь, Макаръ Алексѣевичъ, Спѣшу»* — и только. Видно васъ кто–нибудь прервалъ на самомъ интересномъ мѣстѣ. Въ углу за ширмочками ваша кроватка стоитъ... Голубчикъ вы мой!!! Ну, прощайте, прощайте; ради Бога отвѣчайте мнѣ что–нибудь на это письмецо поскорѣе.

Макаръ Дѣвушкинъ.

Сентября 30.

Безцѣнный другъ мой, Макаръ Алексѣевичъ!

Все совершилось! Выпалъ мой жребій; не знаю какой, но я волѣ Господа покорна. Завтра мы ѣдемъ. Прощаюсь съ вами въ послѣдній разъ, безцѣнный мой, другъ мой, благодѣтель мой, родной мой! Не горюйте обо мнѣ, живите счастливо, помните обо мнѣ и да снизойдетъ на васъ благословеніе Божіе! Я буду вспоминать васъ часто въ мысляхъ моихъ, въ молитвахъ моихъ. — Вотъ и кончилось это время! Я мало отраднаго унесу

въ новую жизнь изъ воспоминаній прошедшаго; тѣмъ драгоцѣннѣе будетъ воспоминаніе объ васъ, тѣмъ драгоцѣннѣе будете вы моему сердцу. Вы единственный другъ мой; вы только одни здѣсь любили меня. Вѣдь я все видѣла, я вѣдь знала какъ вы любили меня! Улыбкой одной моей вы счастливы были, одной строчкой письма моего. Вамъ нужно будетъ теперь отвыкать отъ меня! Какъ вы одни здѣсь останетесь! На кого вы здѣсь останетесь, добрый, безцѣнный, единственный другъ мой! Оставляю вамъ книжку, пяльцы, начатое письмо; когда будете смотрѣть на эти начатыя строчки, то мыслями читайте дальше все, что́ бы хотѣлось вамъ услышать или прочесть отъ меня, все, что я ни написала бы вамъ; а чего бы я не написала теперь! Вспоминайте о бѣдной вашей Варинькѣ, которая васъ такъ крѣпко любила. Всѣ ваши письма остались въ коммодѣ у Ѳедоры, въ верхнемъ ящикѣ. Вы пишете, что вы больны, а господинъ Быковъ меня сегодня никуда не пускаетъ. Я буду вамъ писать, другъ мой, я обѣщаюсь, но вѣдь одинъ Богъ знаетъ, что можетъ случиться. И такъ, простимся теперь навсегда, другъ мой, голубчикъ мой, родной мой, навсегда!.. Охъ, какъ бы я теперь обняла васъ! Прощайте, мой другъ, прощайте, прощайте. Живите счастливо; будьте здоровы. Моя молитва будетъ вѣчно объ васъ. О! какъ мнѣ грустно, какъ давитъ всю мою душу. Господинъ Быковъ зоветъ меня. Прощайте! Васъ вѣчно любящая

В.

P. S. Моя душа такъ полна, такъ полна теперь слезами...
Слезы тѣснятъ меня, рвутъ меня. Прощайте.
Боже! какъ грустно!
Помните, помните вашу бѣдную Вариньку!

Маточка, Варинька, голубчикъ мой, безцѣнная моя! Васъ увозятъ, вы ѣдете! Да, теперь лучше бы сердце они изъ груди моей вырвали, чѣмъ васъ у меня! Какъ же вы это! — Вотъ, вы плачете и вы ѣдете?! Вотъ я отъ васъ письмецо сейчасъ получилъ, все слезами закапанное. Стало быть, вамъ не хочется ѣхать; стало быть, васъ насильно увозятъ, стало быть, вамъ жаль меня, стало быть, вы меня любите! Да какъ же, съ кѣмъ

же вы теперь будете? Тамъ вашему сердечку будетъ грустно, тошно и холодно. Тоска его высосетъ, грусть его пополамъ разорветъ. Вы тамъ умрете, васъ тамъ въ сыру землю положатъ; объ васъ и поплакать будетъ некому тамъ! Г–нъ Быковъ будетъ все зайцевъ травить... Ахъ, маточка, маточка! на что же вы это рѣшились, какъ же вы на такую мѣру рѣшиться могли? Что вы сдѣлали, что̀ вы сдѣлали, что́ вы надъ собой сдѣлали! Вѣдь васъ тамъ въ гробъ сведутъ; они заморятъ васъ тамъ, ангельчикъ. Вѣдь вы, маточка, какъ перышко слабенькія! И я–то гдѣ былъ? Чего я тутъ дуракъ, глазѣлъ! Вижу дитя блажитъ, у дитяти просто головка болитъ! Чѣмъ бы тутъ по просту — такъ нѣтъ же, дуракъ–дуракомъ, и не думаю ничего, и не вижу ничего, какъ–будто и правъ, какъ–будто и дѣло до меня не касается; и еще за фальбалой бѣгалъ!.. Нѣтъ, я, Варинька, встану; я къ завтрашнему дню, можетъ–быть, выздоровлю, такъ вотъ я и встану!.. Я, маточка, подъ колеса брошусь; а васъ не пущу уѣзжать! Да нѣтъ, что же это въ самомъ дѣлѣ такое? По какому праву все это дѣлается? Я съ вами уѣду; я за каретой вашей побѣгу, если меня не возьмете, и буду бѣжать что есть мочи, покамѣстъ духъ изъ меня выйдетъ. Да вы знаете ли только, что тамъ такое, куда вы ѣдете–то, маточка? Вы, можетъ–быть, этого не знаете, такъ меня спросите! Тамъ степь, родная моя, тамъ степь, чистая, голая степь; вотъ какъ моя ладонь голая! Тамъ ходитъ баба безчувственная, да мужикъ необразованный, пьяница ходитъ. Тамъ теперь листья съ деревъ осыпались, тамъ дожди, тамъ холодно, — а вы туда ѣдете! Ну, господину Быкову тамъ есть занятіе: онъ тамъ будетъ съ зайцами; а вы что? Вы помѣщицей хотите быть, маточка? Но, херувимчикъ вы мой! вы поглядите–ка на себя, похожи ли вы на помѣщицу?.. Да какъ же можетъ быть такое, Варинька! Къ кому же я письма буду писать, маточка? Да! вотъ вы возьмите–ка въ соображеніе, маточка, — дескать, къ кому же онъ письма будетъ писать? Кого же я маточкой называть буду; именемъ–то, любезнымъ такимъ кого называть буду? Гдѣ мнѣ васъ найдти потомъ, ангельчикъ мой? Я умру, Варинька, непремѣнно умру; не перенесетъ мое сердце такого несчастія! Я васъ какъ свѣтъ Господень любилъ, какъ дочку родную любилъ, я все въ васъ любилъ, маточка, родная моя! и самъ для васъ только и жилъ однѣхъ! Я и работалъ, и бумаги писалъ, и ходилъ, и гулялъ, и наблюденія мои бумагѣ передавалъ въ видѣ дружескихъ писемъ, все оттого, что вы, маточка, здѣсь, напротивъ, по близости жи-

ли. Вы, можетъ быть, этого и не знали, а это все было именно такъ! Да, послушайте, маточка, вы разсудите, голубчикъ мой миленькой, какъ же это можетъ быть, чтобы вы отъ насъ уѣхали? Родная моя, вѣдь вамъ ѣхать нельзя, невозможно; просто, рѣшительно никакой возможности нѣтъ! Вѣдь вотъ дождь идетъ, а вы слабенькія, вы простудитесь. Ваша карета промокнетъ; она непремѣнно промокнетъ. Она, только что вы за заставу выѣдете, и сломается; нарочно сломается. Вѣдь здѣсь въ Петербургѣ прескверно кареты дѣлаютъ! Я и каретниковъ этихъ всѣхъ знаю; они только, чтобъ фасончикъ, игрушечку тамъ какую-нибудь смастерить; а не прочно! присягну, что не прочно дѣлаютъ! Я, маточка, на колѣни передъ господиномъ Быковымъ брошусь; я ему докажу, все докажу! И вы, маточка, докажите; резономъ докажите ему! Скажите, что вы остаетесь и что вы не можете ѣхать!.. Ахъ, зачѣмъ это онъ въ Москвѣ на купчихѣ не женился? Ужь пусть бы онъ тамъ на ней-то женился! Ему купчиха лучше, ему она гораздо лучше бы шла; ужь это я знаю почему! А я бы васъ здѣсь у себя держалъ. Да что онъ вамъ-то, маточка, Быковъ-то? Чѣмъ онъ для васъ вдругъ милъ сдѣлался? Вы, можетъ-быть, оттого, что онъ вамъ фальбалу-то все закупаетъ, вы, можетъ-быть, отъ этого! Да вѣдь что же фальбала? зачѣмъ фальбала? Вѣдь она, маточка, вздоръ! Тутъ рѣчь идетъ о жизни человѣческой, а вѣдь она, маточка, тряпка фальбала; она, маточка, фальбала-то тряпица. Да я вотъ вамъ самъ, вотъ только-что жалованье получу, фальбалы накуплю; я вамъ ее накуплю, маточка; у меня тамъ вотъ и магазинчикъ знакомый есть; вотъ только жалованья дайте дождаться мнѣ, херувимчикъ мой, Варинька! Ахъ, Господи, Господи! Такъ вы это непремѣнно въ степь съ господиномъ Быковымъ уѣзжаете, безвозвратно уѣзжаете! Ахъ, маточка!.. Нѣтъ, вы мнѣ еще напишите, еще мнѣ письмецо напишите обо всемъ, и когда уѣдете, такъ и оттуда письмо напишите. А то вѣдь, ангелъ небесный мой, это будетъ послѣднее письмо; а вѣдь никакъ не можетъ такъ быть, чтобы письмо это было послѣднее. Вѣдь вотъ какъ же, такъ вдругъ, именно, непремѣнно послѣднее! Да нѣтъ же, я буду писать, да и вы-то пишите... А то у меня и слогъ теперь формируется... Ахъ, родная моя, что слогъ! Вѣдь вотъ я теперь и не знаю, что это я пишу, никакъ не знаю, ничего не знаю и не перечитываю, и слогу не выправляю, а пишу только бы писать, только бы вамъ написать побольше... Голубчикъ мой, родная моя, маточка вы моя!

ДВОЙНИКЪ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГОСПОДИНА ГОЛЯДКИНА.

ГЛАВА I.

О томъ, какъ проснулся титулярный совѣтникъ Голядкинъ. О томъ, какъ онъ снарядилъ себя и отправился туда, куда ему путь лежалъ. О томъ, какъ оправдывался въ собственныхъ глазахъ своихъ г. Голядкинъ, и какъ потомъ вывелъ правило, что лучше всего дѣйствовать на смѣлую ногу и съ откровенностію, не лишенною благородства. О томъ, куда наконецъ заѣхалъ г. Голядкинъ.

Было безъ малаго восемь часовъ утра, когда титулярный совѣтникъ Яковъ Петровичъ Голядкинъ очнулся послѣ долгаго сна, зѣвнулъ, потянулся и открылъ наконецъ совершенно глаза свои. Минуты съ двѣ, впрочемъ, лежалъ онъ неподвижно на своей постели, какъ человѣкъ, не вполнѣ еще увѣренный, проснулся ли онъ совершенно или все еще спитъ, на яву ли, и въ дѣйствительности ли все то, что̀ около него теперь совершается, или продолженіе его безпорядочныхъ сонныхъ грезъ. Вскорѣ, однакожь, чувства господина Голядкина стали яснѣе и отчетливѣе принимать свои привычныя, обыденныя впечатлѣнія. Знакомо глянули на него зелено-грязноватыя, закоптѣлыя, пыльныя стѣны его маленькой комнатки, его коммодъ краснаго дерева, стулья подъ красное дерево, столъ, окрашенный красною краскою, клеенчатый турецкій диванъ красноватаго цвѣта, съ зелененькими цвѣточками и наконецъ вчера впопыхахъ снятое

платье и брошенное комкомъ на диванѣ. Наконецъ, сѣрый осенній день, мутный и грязный, такъ сердито и съ такой кислой гримасою заглянулъ къ нему сквозь тусклое окно въ комнату, что господинъ Голядкинъ никакимъ уже образомъ не могъ болѣе сомнѣваться, что онъ находится не въ тридесятомъ царствѣ какомъ-нибудь, а въ городѣ Петербургѣ, въ столицѣ, въ Шестилавочной-Улицѣ, въ четвертомъ этажѣ одного весьма-большаго, капитальнаго дома, въ собственной квартирѣ своей. Сдѣлавъ такое важное открытіе, господинъ Голядкинъ судорожно закрылъ глаза, какъ-бы сожалѣя о недавнемъ снѣ и желая его воротить на минутку. Впрочемъ, черезъ минуту господинъ Голядкинъ однимъ скачкомъ выпрыгнулъ изъ постели своей, вѣроятно попавъ наконецъ въ ту идею, около которой вертѣлись до-сихъ-поръ разсѣянныя, неприведенныя въ надлежащій порядокъ мысли его. Выпрыгнувъ изъ постели, онъ тотчасъ же подбѣжалъ къ небольшому кругленькому зеркальцу, стоявшему на коммодѣ. Хотя отразившаяся въ зеркалѣ заспанная, подслѣповатая и довольно-оплѣшивѣвшая фигура была именно такого незначительнаго свойства, что съ перваго взгляда не останавливала на себѣ рѣшительно ничьего исключительнаго вниманія, но по-видимому обладатель ея остался совершенно доволенъ всѣмъ тѣмъ, что̀ увидѣлъ въ зеркалѣ. «Вотъ бы штука была», сказалъ господинъ Голядкинъ въ-полголоса: «вотъ бы штука была, еслибъ я сегодня манкировалъ въ чемъ-нибудь, еслибъ вышло, на-прим[ѣръ], что-нибудь да не такъ, — прыщикъ тамъ какой-нибудь вскочилъ посторонній, или произошла бы другая какая-нибудь непріятность; впрочемъ, покамѣстъ не дурно; покамѣстъ все идетъ хорошо.» Очень обрадовавшись тому, что все идетъ хорошо, господинъ Голядкинъ поставилъ зеркало на прежнее мѣсто, а самъ, не смотря на то, что былъ босикомъ и сохранялъ на себѣ тотъ костюмъ, въ которомъ имѣлъ обыкновеніе отходить ко сну, подбѣжалъ къ окошку и съ большимъ участіемъ началъ что-то отъискивать глазами на дворѣ дома, на который выходили окна квартиры его. По-видимому, и то, что̀ онъ отъискалъ на дворѣ, совершенно его удовлетворило; лицо его просіяло самодовольной улыбкою. Потомъ, — заглянувъ, впрочемъ, сначала за перегородку въ каморку Петрушки, своего каммердинера, и увѣрившись, что въ ней нѣтъ Петрушки, — на ципочкахъ подошелъ къ столу, отперъ въ немъ одинъ ящикъ, пошарилъ въ самомъ заднемъ уголку этого ящика, вынулъ наконецъ изъ-подъ старыхъ пожелтѣвшихъ

бумагъ и кой-какой дряни зеленый истертый бумажникъ, открылъ его осторожно, бережно и съ наслажденіемъ заглянулъ въ самый дальный, потаенный карманъ его. Вѣроятно пачка зелененькихъ, сѣренькихъ, синенькихъ, красненькихъ и разныхъ пестренькихъ бумажекъ тоже весьма-привѣтливо и одобрительно глянула на господина Голядкина: съ просіявшимъ лицомъ положилъ онъ передъ собою на столъ раскрытый бумажникъ и крѣпко потеръ руки въ знакъ величайшаго удовольствія. Наконецъ, онъ вынулъ ее, свою утѣшительную пачку государственныхъ ассигнацій, и, въ сотый разъ впрочемъ считая со вчерашняго дня, началъ пересчитывать ихъ, тщательно перетирая каждый листокъ между большимъ и указательнымъ пальцами. «Семь-сотъ-пятьдесятъ рублей ассигнаціями!» окончилъ онъ наконецъ полушопотомъ. «Семь-сотъ-пятьдесятъ рублей... знатная сумма! Это пріятная сумма», продолжалъ онъ дрожащимъ, немного-разслабленнымъ отъ удовольствія голосомъ, сжимая пачку въ рукахъ и улыбаясь значительно: «это весьма-пріятная сумма! Хоть кому пріятная сумма! Желалъ бы я видѣть теперь человѣка, для котораго эта сумма была бы ничтожною суммою? Такая сумма можетъ далеко повести человѣка... А любопытно было бы знать, куда бы меня, напримѣръ, могла повести эта сумма», заключилъ господинъ Голядкинъ, «еслибъ я, на-примѣръ, такъ, отъ какихъ бы то ни было причинъ, вдругъ, по какому тамъ ни есть случаю, вышелъ въ отставку, и такимъ-образомъ остался бы безъ всякихъ доходовъ?» Сдѣлавъ себѣ такой важный вопросъ, господинъ Голядкинъ серьёзно задумался. Замѣтимъ здѣсь, кстати, одну маленькую особенность господина Голядкина. Дѣло въ томъ, что онъ очень любилъ иногда дѣлать нѣкоторыя романическія предположенія относительно себя-самого; любилъ пожаловать себя подъ часъ въ герои самаго затѣйливаго романа, мысленно запутать себя въ разныя интриги и затрудненія, и наконецъ вывести себя изъ всѣхъ непріятностей съ честію, уничтожая всѣ препятствія, побѣждая затрудненія и великодушно прощая врагамъ своимъ. Очнувшись отъ своихъ размышленій, господинъ Голядкинъ съ серьёзной, значительной миной положилъ свои деньги въ бумажникъ, бумажникъ въ столъ, на прежнее мѣсто, и взглянулъ на часы. Часы приготовлялись бить. Было ровно восемь часовъ.

— Однако, что̀ же это такое? подумалъ господинъ Голядкинъ: — да гдѣ же Петрушка? — Все еще сохраняя тотъ же костюмъ, заглянулъ онъ другой разъ за перегородку. Петрушки

опять не нашлось за перегородкой, а сердился, горячился и выходилъ изъ себя лишь одинъ поставленный тамъ на полу самоваръ, безпрерывно угрожая сбѣжать, и что-то съ жаромъ, быстро болталъ на своемъ мудреномъ языкѣ, картавя и шепелявя господину Голядкину, вѣроятно то: что, дескать, возьмите же меня, добрые люди, вѣдь я совершенно поспѣлъ и готовъ.

— Черти бы взяли! подумалъ господинъ Голядкинъ. — Эта лѣнивая бестія можетъ наконецъ вывесть человѣка изъ послѣднихъ границъ; гдѣ онъ шатается? Въ справедливомъ негодованіи своемъ вошелъ онъ въ переднюю, состоявшую изъ маленькаго корридора, въ концѣ котораго находилась дверь въ сѣни, крошечку пріотворилъ эту дверь, и увидѣлъ своего служителя, окруженнаго порядочной кучкой всякаго лакейскаго, домашняго и случайнаго сброда. Петрушка что-то разсказывалъ, прочіе слушали. По-видимому, ни тэма разговора, ни самый разговоръ не понравились господину Голядкину. Онъ немедленно кликнулъ Петрушку и возвратился въ комнату совсѣмъ недовольный, даже разстроенный. «Эта бестія ни за грошъ готова продать человѣка, а тѣмъ болѣе барина», подумалъ онъ про себя: «и продалъ, непремѣнно продалъ, пари́ готовъ держать, что ни за копейку продалъ. Ну, что?»

— Ливрею принесли, сударь.

— Надѣнь и пошолъ сюда.

Надѣвъ ливрею, Петрушка, глупо улыбаясь, вошелъ въ комнату барина. Костюмированъ онъ былъ странно до нѐльзя. На немъ была зеленая, сильно подержаная лакейская ливрея, съ золотыми обсыпавшимися галунами, и по-видимому шитая на человѣка, ростомъ на цѣлый аршинъ выше Петрушки. Въ рукахъ онъ держалъ шляпу, тоже съ галунами и съ зелеными перьями, а при бедрѣ имѣлъ лакейскій мечъ, въ кожаныхъ ножнахъ.

Наконецъ, для полноты картины, Петрушка, слѣдуя любимому своему обыкновенію ходить всегда въ неглиже, по домашнему, былъ и теперь босикомъ. Господинъ Голядкинъ осмотрѣлъ Петрушку кругомъ и по-видимому остался доволенъ. Ливрея очевидно была взята на прокатъ для какого-то торжественнаго случая. Замѣтно было еще, что во время осмотра Петрушка глядѣлъ съ какимъ-то страннымъ ожиданіемъ на барина, и съ необыкновеннымъ любопытствомъ слѣдилъ за всякимъ движеніемъ его, что̀ крайне смущало господина Голядкина.

— Ну, а карета?

— И карета пріѣхала.

— На весь день?

— На весь день. Двадцать-пять ассигнаціей.

— И сапоги принесли?

— И сапоги принесли.

— Болванъ! не можешь сказать принесли-*съ*. Давай ихъ сюда.

Изъявивъ свое удовольствіе, что сапоги пришлись хорошо, господинъ Голядкинъ спросилъ чаю, умываться и бриться. Обрился онъ весьма-тщательно и такимъ же образомъ вымылся, хлебнулъ чаю на-скоро, и приступилъ къ своему главному окончательному облаченію: надѣлъ панталоны почти совершенно-новые; потомъ манишку съ бронзовыми пуговками, жилетку съ весьма-яркими и пріятными цвѣточками; на шею повязалъ пестрый шелковый галстухъ, и наконецъ натянулъ виц-мундиръ тоже новехонькій и тщательно вычищенный. Одѣваясь, онъ нѣсколько разъ съ любовью взглядывалъ на свои сапоги, поминутно приподымалъ то ту, то другую ногу, любовался фасономъ, и что-то все шепталъ себѣ подъ носъ, изрѣдка подмигивая своей думкѣ выразительною гримаскою. Впрочемъ, въ это утро господинъ Голядкинъ былъ крайне разсѣянъ, потому-что почти не замѣтилъ улыбочекъ и гримасъ на свой счетъ помогавшаго ему одѣваться Петрушки. Наконецъ, справивъ все, что́ слѣдовало, совершенно одѣвшись, г. Голядкинъ положилъ въ карманъ свой бумажникъ, полюбовался окончательно на Петрушку, надѣвшаго сапоги, и бывшаго такимъ-образомъ тоже въ совершенной готовности, и замѣтивъ, что все уже сдѣлано и ждать уже болѣе нѐчего, торопливо, суетливо, съ маленькимъ трепетаніемъ сердца сбѣжалъ съ своей лѣстницы. Голубая извощичья карета, съ какими-то гербами, съ громомъ подкатилась къ крыльцу. Петрушка, перемигиваясь съ извощикомъ и съ кое-какими зѣваками, усадилъ своего барина въ карету; непривычнымъ голосомъ, и едва сдерживая дурацкій смѣхъ, крикнулъ *пошолъ!* вскочилъ на запятки, и все это съ шумомъ и громомъ, звѣня и треща, покатилось на Невскій-Проспектъ. Только-что голубой экипажъ успѣлъ выѣхать за ворота, какъ господинъ Голядкинъ судорожно потеръ себѣ руки и залился тихимъ, неслышнымъ смѣхомъ, какъ человѣкъ веселаго характера, которому удалось съиграть славную штуку, и которой штукѣ онъ самъ радъ-радёхонекъ. Впрочемъ, тотчасъ же послѣ припадка веселости, смѣхъ смѣнился какимъ-то страннымъ озабоченнымъ

выраженіемъ въ лицѣ господина Голядкина. Не смотря на то, что время было сырое и пасмурное, онъ опустилъ оба окна кареты и заботливо началъ высматривать направо и налѣво прохожихъ, тотчасъ принимая приличный и степенный видъ, какъ-только замѣчалъ, что на него кто-нибудь смотритъ. На поворотѣ съ Литейной на Невскій-Проспектъ, онъ вздрогнулъ отъ одного самаго непріятнаго ощущенія, и сморщась какъ бѣдняга, которому наступили нечаянно на мозоль, торопливо, даже со страхомъ прижался въ самый темный уголокъ своего экипажа. Дѣло въ томъ, что онъ встрѣтилъ двухъ сослуживцевъ своихъ, двухъ молодыхъ чиновниковъ того вѣдомства, въ которомъ самъ состоялъ на службѣ. Чиновники же, какъ показалось господину Голядкину, были тоже съ своей стороны въ крайнемъ недоумѣніи, встрѣтивъ такимъ-образомъ своего сотоварища; даже одинъ изъ нихъ указалъ пальцемъ на г. Голядкина. Господину Голядкину показалось даже, что другой кликнулъ его громко по имени, что̀, разумѣется, было весьма-неприлично на улицѣ. Герой нашъ притаился и не отозвался. «Что̀ за мальчишки!» началъ онъ разсуждать самъ съ собою. «Ну что̀ же такого тутъ страннаго? Человѣкъ въ экипажѣ; человѣку нужно быть въ экипажѣ, вотъ онъ и взялъ экипажъ. Просто дрянь! Я ихъ знаю, — просто мальчишки, которыхъ еще нужно посѣчь! Имъ бы только въ орлянку при жалованьи, да гдѣ-нибудь потаскаться, вотъ это ихъ дѣло. Сказалъ бы имъ всѣмъ кое-что, да ужь только...» Г. Голядкинъ не докончилъ и обмеръ. Бойкая пара казанскихъ лошадокъ, весьма-знакомая господину Голядкину, запряженныхъ въ щегольскія дрожки, быстро обгоняла съ правой стороны его экипажъ. Господинъ, сидѣвшій на дрожкахъ, нечаянно увидѣвъ лицо господина Голядкина, довольно-неосторожно высунувшаго свою голову изъ окошка кареты, тоже по-видимому крайне былъ изумленъ такой неожиданной встрѣчей, и, нагнувшись сколько могъ, съ величайшимъ любопытствомъ и участіемъ сталъ заглядывать въ тотъ уголъ кареты, куда герой нашъ поспѣшилъ-было спрятаться. Господинъ на дрожкахъ былъ Андрей Филипповичъ, начальникъ отдѣленія въ томъ служебномъ мѣстѣ, въ которомъ числился и господинъ Голядкинъ, въ качествѣ помощника своего столоначальника. Господинъ Голядкинъ, видя, что Андрей Филипповичъ узналъ его совершенно, что глядитъ во всѣ глаза и что спрятаться никакъ невозможно, покраснѣлъ до ушей. «Поклониться иль нѣтъ? Отозваться иль нѣтъ? Признаться иль нѣтъ?» думалъ въ неописан-

ной тоскѣ нашъ герой, «или прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительно схожій со мною, и смотрѣть какъ ни въ чемъ не бывало? Именно не я, не я да и только!» говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая шляпу предъ Андреемъ Филипповичемъ и не сводя съ него глазъ. «Я, я ничего», шепталъ онъ черезъ силу, «я совсѣмъ ничего, это вовсе не я, Андрей Филипповичъ, это вовсе не я, не я да и только.» Скоро, однакожъ, дрожки обогнали карету, и магнитизмъ начальническихъ взоровъ прекратился, наконецъ, надъ господиномъ Голядкинымъ. Однако, онъ все-еще краснѣлъ, улыбался, что-то бормоталъ про себя... «Дуракъ я былъ, что не отозвался», подумалъ онъ наконецъ: «слѣдовало бы просто на смѣлую ногу и съ откровенностью не лишенною благородства: — дескать такъ и такъ, Андрей Филипповичъ, тоже приглашенъ на обѣдъ, да и только!» Потомъ, вдругъ вспомнивъ, что срѣзался, герой нашъ вспыхнулъ какъ огонь, нахмурилъ брови и бросилъ страшный вызывающій взглядъ въ передній уголъ кареты, взглядъ такъ и назначенный съ тѣмъ, чтобъ испепелить разомъ въ прахъ всѣхъ враговъ его. Наконецъ, вдругъ, по вдохновенію какому-то, дернулъ онъ за снурокъ, привязанный къ локтю извощика-кучера, остановилъ карету и приказалъ поворотить назадъ на Литейную. Дѣло въ томъ, что господину Голядкину немедленно понадобилось для собственнаго же спокойствія, вѣроятно, сказать что-то самое интересное доктору его, Крестьяну Ивановичу. И хотя съ Крестьяномъ Ивановичемъ былъ онъ знакомъ съ весьма-недавняго времени, именно, посѣтилъ его всего одинъ разъ на прошлой недѣлѣ, въ-слѣдствіе кой-какихъ надобностей, но вѣдь докторъ, какъ говорятъ, что́ духовникъ, — скрываться было бы глупо, а знать паціента его же обязанность. «Такъ ли, впрочемъ, будетъ все это», продолжалъ нашъ герой, выходя изъ кареты у подъѣзда одного пяти-этажнаго дома въ Литейной, возлѣ котораго приказалъ остановить свой экипажъ: «такъ ли будетъ все это? Прилично ли будетъ? Кстати ли будетъ? Впрочемъ, вѣдь что же», продолжалъ онъ, подымаясь на лѣстницу, переводя духъ и сдерживая біеніе сердца, имѣвшаго у него привычку биться на всѣхъ чужихъ лѣстницахъ: «что же? вѣдь я про свое, и предосудительнаго здѣсь ничего не имѣется... мнѣ кажется, что ничего не имѣется. Скрываться было бы глупо. Я вотъ такимъ-то образомъ и сдѣлаю видъ, что я ничего, а что такъ мимоѣздомъ... Онъ и увидитъ, что такъ тому и слѣдуетъ быть.»

Такъ разсуждая, господинъ Голядкинъ поднялся до втораго этажа, и остановился передъ квартирою пятаго нумера, на дверяхъ котораго помѣщена была красивая мѣдная дощечка съ надписью:

Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ
Докторъ Медицины и Хирургіи.

Остановившись, герой нашъ поспѣшилъ придать своей физіономіи приличный, развязный, не безъ нѣкоторой любезности видъ, и приготовился дернуть за снурокъ колокольчика. Приготовившись дернуть за снурокъ колокольчика, онъ немедленно и довольно-кстати разсудилъ, что не лучше ли завтра, и что теперь покамѣстъ надобности большой не имѣется, совсѣмъ-никакой не имѣется. Но такъ-какъ господинъ Голядкинъ услышалъ вдругъ на лѣстницѣ чьи-то шаги, то немедленно перемѣнилъ новое рѣшеніе свое и уже такъ, заодно, впрочемъ съ самымъ рѣшительнымъ видомъ, позвонилъ у дверей Крестьяна Ивановича.

ГЛАВА II.

О томъ, какимъ образомъ вошелъ г. Голядкинъ къ Крестьяну Ивановичу. О чемъ именно онъ съ нимъ трактовалъ; какъ потомъ прослезился; какъ потомъ ясно доказалъ, что обладаетъ нѣкоторыми и даже весьма-значительными добродѣтелями, необходимыми въ практической жизни, и что нѣкоторые люди умѣютъ иногда поднести *коку съ соколъ,* какъ по пословицѣ говорится; какъ наконецъ онъ попросилъ позволенія удалиться и, выпросивъ его, вышелъ, оставивъ въ изумленіи Крестьяна Ивановича. Мнѣніе г. Голядкина о Крестьянѣ Ивановичѣ.

Докторъ медицины и хирургіи, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ, весьма-здоровый, хотя уже и пожилой человѣкъ, одаренный густыми сѣдѣющими бровями и бакенбардами, выразительнымъ, сверкающимъ взглядомъ, которымъ однимъ, по-видимому, прогонялъ всѣ болѣзни, и, наконецъ, значительнымъ орденомъ, — сидѣлъ въ это утро у себя въ кабинетѣ, въ покой-

ныхъ креслахъ своихъ, пилъ кофе, принесенный ему собственноручно его докторшей, курилъ сигару и прописывалъ отъ времени до времени рецепты своимъ паціентамъ. Прописавъ послѣдній пузырекъ одному старичку, страдавшему геморроемъ, и выпроводивъ страждущаго старичка въ боковыя двери, Крестьянъ Ивановичъ усѣлся въ ожиданіи слѣдующаго посѣщенія. Вошелъ господинъ Голядкинъ.

По-видимому, Крестьянъ Ивановичъ нисколько не ожидалъ, да и не желалъ видѣть предъ собою господина Голядкина, потому-что онъ вдругъ на мгновеніе смутился и невольно выразилъ на лицѣ своемъ какую-то странную, даже можно сказать недовольную мину. Такъ-какъ, съ своей стороны, господинъ Голядкинъ почти всегда какъ-то некстати опадалъ и терялся въ тѣ мгновенія, въ которыя случалось ему абордировать кого-нибудь ради собственныхъ дѣлишекъ своихъ, то и теперь, не приготовивъ первой фразы, бывшей для него въ такихъ случаяхъ настоящимъ камнемъ преткновенія, сконфузился препорядочно, что-то пробормоталъ, — впрочемъ, кажется, извиненіе, — и, не зная, что́ далѣе дѣлать, взялъ стулъ и сѣлъ. Но, вспомнивъ, что усѣлся безъ приглашенія, тотчасъ же почувствовалъ свое неприличіе и поспѣшилъ поправить ошибку свою въ незнаніи свѣта и хорошаго тона, немедленно вставъ съ занятаго имъ безъ приглашенія мѣста. Потомъ, опомнившись и смутно замѣтивъ, что сдѣлалъ двѣ глупости разомъ, рѣшился, ни мало не медля, на третью, т. е. попробовалъ-было принести оправданіе, пробормоталъ кое-что улыбаясь, покраснѣлъ, сконфузился, выразительно замолчалъ и наконецъ сѣлъ окончательно и уже не вставалъ болѣе, а такъ только на всякій случай обезпечилъ себя тѣмъ же самымъ вызывающимъ взглядомъ, который имѣлъ необычайную силу мысленно испепелять и разгромлять въ прахъ всѣхъ враговъ господина Голядкина. Сверхъ-того, этотъ взглядъ вполнѣ выражалъ независимость господина Голядкина, т. е. говорилъ ясно, что господинъ Голядкинъ совсѣмъ ничего, что онъ самъ-по-себѣ, какъ и всѣ, и что его изба во всякомъ случаѣ съ краю. Крестьянъ Ивановичъ кашлянулъ, крякнулъ, по-видимому въ знакъ одобренія и согласія своего на все это, и устремилъ инспекторскій, вопросительный взглядъ на господина Голядкина.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, началъ господинъ Голядкинъ съ улыбкою: — пришелъ васъ безпокоить вторично, и теперь вто-

рично осмѣливаюсь просить вашего снисхожденія... Господинъ Голядкинъ очевидно затруднялся въ словахъ.

— Гм... да! проговорилъ Крестьянъ Ивановичъ, выпустивъ изо рта струю дыма и кладя сигару на столъ: — но вамъ нужно предписаній держаться; я вѣдь вамъ объяснялъ, я вѣдь вамъ прошедшій разъ объяснялъ, что пользованіе ваше должно состоять въ измѣненіи привычекъ... Ну, развлеченія; ну, тамъ, друзей и знакомыхъ должно посѣщать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бутылки врагомъ не бывать; равномѣрно держаться веселой компаніи.

Господинъ Голядкинъ, все еще улыбаясь, поспѣшилъ замѣтить, что ему кажется, что онъ, какъ и всѣ, что онъ у себя, что развлеченія у него, какъ и у всѣхъ... что онъ, конечно, можетъ ѣздить въ театръ, ибо тоже, какъ и всѣ, средства имѣетъ, что днемъ онъ въ должности, а вечеромъ у себя, что онъ совсѣмъ ничего; даже замѣтилъ тутъ же мимоходомъ, что онъ, сколько ему кажется, не хуже другихъ, что онъ живетъ дома, у себя на квартирѣ, и что наконецъ у него есть Петрушка. Тутъ господинъ Голядкинъ запнулся.

— Гм, нѣтъ, такой порядокъ не то, и я васъ совсѣмъ не то хотѣлъ спрашивать. Я вообще знать интересуюсь, что вы большой ли любитель веселой компаніи, пользуетесь ли весело временемъ... Ну, тамъ, меланхолическій или веселый образъ жизни теперь продолжаете?

— Я, Крестьянъ Ивановичъ...

— Гм, я говорю, перебилъ докторъ: — что вамъ нужно коренное преобразованіе всей вашей жизни имѣть и въ нѣкоторомъ смыслѣ переломить свой характеръ. (Крестьянъ Ивановичъ сильно ударилъ на слово «переломить» и остановился на минуту съ весьма-значительнымъ видомъ.) Не чуждаться жизни веселой; спектакли и клубъ посѣщать и во всякомъ случаѣ бутылки врагомъ не бывать. Дома сидѣть не годится... вамъ дома сидѣть никакъ-невозможно.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю тишину, проговорилъ господинъ Голядкинъ, бросая значительный взглядъ на Крестьяна Ивановича, и очевидно ища словъ для удачнѣйшаго выраженія мысли своей: — въ квартирѣ только я, да Петрушка... я хочу сказать, мой человѣкъ, Крестьянъ Ивановичъ. Я хочу сказать, Крестьянъ Ивановичъ, что я иду своей дорогой, особой дорогой, Крестьянъ Ивановичъ. Я себѣ особо, и сколько мнѣ кажется, ни отъ кого не завишу. Я, Крестьянъ Ивановичъ, тоже гулять выхожу.

— Какъ?.. Да! Ну, нынѣче гулять не составляетъ никакой пріятности; климатъ весьма-нехорошій.

— Да-съ, Крестьянъ Ивановичъ. Я, Крестьянъ Ивановичъ, хоть и смирный человѣкъ, какъ я уже вамъ, кажется, имѣлъ честь объяснить, но дорога моя отдѣльно идетъ, Крестьянъ Ивановичъ. Путь жизни широкъ... Я хочу... я хочу, Крестьянъ Ивановичъ, сказать этимъ... Извините меня, Крестьянъ Ивановичъ, я не мастеръ красно говорить.

— Гм... вы говорите...

— Я говорю, чтобъ вы меня извинили, Крестьянъ Ивановичъ, въ томъ, что я, сколько мнѣ кажется, не мастеръ красно говорить, сказалъ господинъ Голядкинъ полу-обиженнымъ тономъ, немного сбиваясь и путаясь. — Въ этомъ отношеніи я, Крестьянъ Ивановичъ, не такъ какъ другіе, прибавилъ онъ съ какою-то особенною улыбкою: — и много говорить не умѣю; придавать слогу красоту не учился. За то я, Крестьянъ Ивановичъ, дѣйствую; за то я дѣйствую, Крестьянъ Ивановичъ!

— Гм... Какъ же это... вы дѣйствуете? отозвался Крестьянъ Ивановичъ. За тѣмъ, на минутку, послѣдовало молчаніе. Докторъ какъ-то странно и недовѣрчиво взглянулъ на господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ тоже въ свою очередь довольно-недовѣрчиво покосился на доктора.

— Я, Крестьянъ Ивановичъ, сталъ продолжать господинъ Голядкинъ все въ прежнемъ тонѣ, немного-раздраженный и озадаченный крайнимъ упорствомъ Крестьяна Ивановича: — я, Крестьянъ Ивановичъ, люблю спокойствіе, а не свѣтскій шумъ. Тамъ у нихъ, я говорю, въ большомъ свѣтѣ, Крестьянъ Ивановичъ, нужно умѣть паркеты лощить сапогами... (тутъ господинъ Голядкинъ немного пришаркнулъ по полу ножкой), тамъ это спрашиваютъ-съ, и каламбуръ тоже спрашиваютъ... комплиментъ раздушенный нужно умѣть составлять-съ... вотъ что̀ тамъ спрашиваютъ. А я этому не учился, Крестьянъ Ивановичъ, — хитростямъ этимъ всѣмъ я не учился; нѐкогда было, Крестьянъ Ивановичъ. Я человѣкъ простой, незатѣйливый, и блеска наружнаго нѣтъ во мнѣ. Въ этомъ, Крестьянъ Ивановичъ, я полагаю оружіе; я кладу его, говоря въ этомъ смыслѣ. — Все это господинъ Голядкинъ проговорилъ, разумѣется, съ такимъ видомъ, который ясно давалъ знать, что герой нашъ вовсе не жалѣетъ о томъ, что кладетъ въ этомъ смыслѣ оружіе, и что онъ хитростямъ не учился, но что даже совершенно напротивъ. Крестьянъ Ивановичъ, слушая его, смотрѣлъ внизъ,

съ весьма-непріятной гримасой въ лицѣ, и какъ-будто заранѣе что-то предчувствовалъ. За тирадою господина Голядкина послѣдовало довольно-долгое и значительное молчаніе.

— Вы, кажется, немного отвлеклись отъ предмета, сказалъ наконецъ Крестьянъ Ивановичъ вполголоса: — я, признаюсь вамъ, не могъ васъ совершенно понять.

— Я не мастеръ красно́ говорить, Крестьянъ Ивановичъ; я уже вамъ имѣлъ честь доложить, Крестьянъ Ивановичъ, что я не мастеръ красно говорить, сказалъ господинъ Голядкинъ, на этотъ разъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ тономъ.

— Гм...

— Крестьянъ Ивановичъ! началъ опять господинъ Голядкинъ тихимъ, но многозначащимъ голосомъ, отчасти въ торжественномъ родѣ и останавливаясь на каждомъ пунктѣ: — Крестьянъ Ивановичъ! вошедши сюда, я началъ извиненіями. Теперь повторяю прежнее, и опять прошу вашего снисхожденія на время. Мнѣ, Крестьянъ Ивановичъ, отъ васъ скрывать нѐчего. Человѣкъ я маленькій, сами вы знаете; но, къ счастію моему, не жалѣю о томъ, что я маленькій человѣкъ. Даже напротивъ, Крестьянъ Ивановичъ; и, чтобъ все сказать, я даже горжусь тѣмъ, что небольшой человѣкъ, а маленькій. Не интригантъ, — а этимъ тоже горжусь. Дѣйствую не втихомолку, а открыто, безъ хитростей, и хотя бы могъ вредить въ свою очередь и очень бы могъ, и даже знаю надъ кѣмъ и какъ это сдѣлать, Крестьянъ Ивановичъ, но не хочу замарать себя, и въ этомъ смыслѣ умываю руки мои. Въ этомъ смыслѣ, говорю, я ихъ умываю, Крестьянъ Ивановичъ! — Господинъ Голядкинъ на мгновеніе выразительно замолчалъ; говорилъ онъ съ кроткимъ одушевленіемъ.

— Иду я, Крестьянъ Ивановичъ, сталъ продолжать нашъ герой: — прямо, открыто и безъ окольныхъ путей, потому-что ихъ презираю, и предоставляю это другимъ. Не стараюсь унизить тѣхъ, которые, можетъ-быть, насъ съ вами почище... то-есть, я хочу сказать насъ съ ними, Крестьянъ Ивановичъ, насъ съ ними. Полусловъ не люблю; мизерныхъ двуличностей не жалую; клеветою и сплётней не пишаюсь. Маску надѣваю лишь въ маскарадъ, а не хожу съ нею передъ людьми каждодневно. Спрошу я васъ только, Крестьянъ Ивановичъ, ка̀къ бы стали вы мстить врагу своему, злѣйшему врагу своему, — тому, кого бы вы считали такимъ? заключилъ г. Голядкинъ, бросивъ вызывающій взглядъ на Крестьяна Ивановича.

Хотя господинъ Голядкинъ проговорилъ все это до-нельзя отчетливо, ясно, съ увѣренностью, взвѣшивая слова и разсчитывая на вѣрнѣйшій эффектъ, но между-тѣмъ, съ безпокойствомъ, съ большимъ безпокойствомъ, съ крайнимъ безпокойствомъ смотрѣлъ теперь на Крестьяна Ивановича. Теперь онъ обратился весь въ зрѣніе, и робко, съ досаднымъ, тоскливымъ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта Крестьяна Ивановича. Но, къ изумленію и къ совершенному пораженію господина Голядкина, Крестьянъ Ивановичъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ; потомъ придвинулъ кресла къ столу, и довольно-сухо, но, впрочемъ, учтиво объявилъ ему что-то въ родѣ того, что ему время дорого, что онъ какъ-то не совсѣмъ понимаетъ; что, впрочемъ, онъ, чѣмъ можетъ, готовъ служить, по силамъ своимъ, но что все дальнѣйшее и до него некасающееся онъ оставляетъ. Тутъ онъ взялъ перо, придвинулъ бумагу, выкроилъ изъ нея докторской формы лоскутикъ и объявилъ, что тотчасъ пропишетъ, что̀ слѣдуетъ.

— Нѣтъ-съ, не слѣдуетъ, Крестьянъ Ивановичъ! нѣтъ-съ, это вовсе не слѣдуетъ! проговорилъ господинъ Голядкинъ, привставъ съ мѣста и хватая Крестьяна Ивановича за правую руку: — этого, Крестьянъ Ивановичъ, здѣсь вовсе ненадобно...

А между-тѣмъ, покамѣстъ говорилъ это все господинъ Голядкинъ, въ немъ произошла какая-то странная перемѣна. Сѣрые глаза его какъ-то странно блеснули, губы его задрожали, всѣ мускулы, всѣ черты лица его заходили, задвигались. Самъ онъ весь дрожалъ. Послѣдовавъ первому движенію своему и остановивъ руку Крестьяна Ивановича, господинъ Голядкинъ стоялъ теперь неподвижно, какъ-будто самъ не довѣряя себѣ и ожидая вдохновенія для дальнѣйшихъ поступковъ.

Тогда произошла довольно-странная сцена.

Немного-озадаченный, Крестьянъ Ивановичъ на мгновеніе будто приросъ къ своему креслу и, потерявшись, смотрѣлъ во всѣ глаза господину Голядкину, который такимъ же образомъ смотрѣлъ на него. Наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ всталъ, придерживаясь немного за лацканъ виц-мундира господина Голядкина. Нѣсколько секундъ стояли они такимъ-образомъ оба, неподвижно, и не сводя глазъ другъ съ друга. Тогда, впрочемъ, необыкновенно-страннымъ образомъ, разрѣшилось и второе движеніе господина Голядкина. Губы его затряслись, подбородокъ запрыгалъ, и герой нашъ заплакалъ совсѣмъ-неожиданно. Всхлипывая, кивая головой, и ударяя себя въ грудь правой ру-

кою, а лѣвой схвативъ тоже за лацканъ домашней одежды Крестьяна Ивановича, хотѣлъ-было онъ говорить и въ чемъ-то немедленно объясниться, но не могъ и слова сказать. Наконецъ, Крестьянъ Ивановичъ опомнился отъ своего изумленія.

— Полноте, успокойтесь, садитесь! проговорилъ онъ наконецъ, стараясь посадить господина Голядкина въ кресла.

— У меня есть враги, Крестьянъ Ивановичъ, у меня есть враги; у меня есть злые враги, которые меня погубить поклялись... отвѣчалъ господинъ Голядкинъ боязливо и шопотомъ.

— Полноте, полноте; что̀ враги! не нужно враговъ поминать! это совершенно не нужно. Садитесь, садитесь, продолжалъ Крестьянъ Ивановичъ, усаживая господина Голядкина окончательно въ кресла.

Господинъ Голядкинъ усѣлся наконецъ, не сводя глазъ съ Крестьяна Ивановича. Крестьянъ Ивановичъ съ крайне-недовольнымъ видомъ сталъ шагать изъ угла въ уголъ своего кабинета. Послѣдовало долгое молчаніе.

— Я вамъ благодаренъ, Крестьянъ Ивановичъ, весьма-благодаренъ, и весьма чувствую все, что̀ вы для меня теперь сдѣлали, Крестьянъ Ивановичъ. По гробъ не забуду я ласки вашей, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ наконецъ господинъ Голядкинъ, съ обиженнымъ видомъ вставая со стула.

— Полноте, полноте! я вамъ говорю полноте! отвѣчалъ довольно-строго Крестьянъ Ивановичъ на выходку господина Голядкина, еще разъ усаживая его на мѣсто.

— Ну, что̀ у васъ? разскажите мнѣ, что̀ у васъ есть тамъ теперь непріятнаго, продолжалъ Крестьянъ Ивановичъ: — и о какихъ врагахъ говорите вы? Что̀ у васъ есть тамъ такое?

— Нѣтъ, Крестьянъ Ивановичъ, мы лучше это оставимъ теперь, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, опустивъ глаза въ землю: — лучше отложимъ все это въ сторону, до времени... до другаго времени, Крестьянъ Ивановичъ, до болѣе-удобнаго времени, когда все обнаружится, и маска спадетъ съ нѣкоторыхъ лицъ, и кое-что обнажится. А теперь, покамѣстъ, разумѣется, послѣ того, что́ съ нами случилось... вы согласитесь сами, Крестьянъ Ивановичъ... Позвольте пожелать вамъ добраго утра, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ господинъ Голядкинъ, въ этотъ разъ рѣшительно и серьёзно вставая съ мѣста и хватаясь за шляпу.

— А ну... какъ хотите... гм... (Послѣдовало минутное молчаніе.) — Я, съ моей стороны, вы знаете, что̀ могу... и искренно вамъ добра желаю.

— Понимаю васъ, Крестьянъ Ивановичъ, понимаю; я васъ совершенно понимаю теперь... Во всякомъ случаѣ, извините меня, что я васъ обезпокоилъ, Крестьянъ Ивановичъ.

— Гм... Нѣтъ, я вамъ не то хотѣлъ говорить. Впрочемъ, ка̀къ угодно. Медикаменты по прежнему. Продолжайте...

— Буду продолжать медикаменты, какъ вы говорите, Крестьянъ Ивановичъ, буду продолжать, и въ той же аптекѣ брать буду... Ныньче и аптекаремъ быть, Крестьянъ Ивановичъ, уже важное дѣло...

— Какъ? въ какомъ смыслѣ вы хотите сказать?

— Въ весьма-обыкновенномъ смыслѣ, Крестьянъ Ивановичъ. Я хочу сказать, что ныньче такъ свѣтъ пошелъ...

— Гм...

— И что всякій мальчишка, не только аптекарскій, передъ порядочнымъ человѣкомъ носъ задираетъ теперь.

— Гм. Какъ же вы это понимаете?

— Я говорю, Крестьянъ Ивановичъ, про извѣстнаго человѣка... про общаго намъ знакомаго, Крестьянъ Ивановичъ, напримѣръ, хоть про Владиміра Семеновича...

— А!..

— Да́, Крестьянъ Ивановичъ; и я знаю нѣкоторыхъ людей, Крестьянъ Ивановичъ, которые не слишкомъ-то держатся общаго мнѣнія, чтобъ иногда правду сказать.

— А!.. Какъ же это?

— Да ужь такъ-съ; это, впрочемъ, постороннее дѣло; умѣютъ этакъ иногда поднести коку съ сокомъ.

— Что̀? что̀ поднести?

— Коку съ сокомъ, Крестьянъ Ивановичъ; это пословица русская. Умѣютъ иногда кстати поздравить кого-нибудь, напримѣръ; есть такіе люди, Крестьянъ Ивановичъ.

— Поздравить?

— Да-съ, поздравить, Крестьянъ Ивановичъ, какъ сдѣлалъ на-дняхъ одинъ изъ моихъ короткихъ знакомыхъ...

— Одинъ изъ вашихъ короткихъ знакомыхъ... а! какъ же это? сказалъ Крестьянъ Ивановичъ, внимательно взглянувъ на господина Голядкина.

— Да-съ, одинъ изъ моихъ близкихъ знакомыхъ поздравилъ съ чиномъ, съ полученіемъ ассессорскаго чина, другаго весьма-близкаго тоже знакомаго, и въ добавокъ пріятеля, какъ говорится, сладчайшаго друга. Этакъ къ слову пришлось. «Чувствительно, дескать, говоритъ, радъ случаю принести вамъ, Владиміръ Семеновичъ, мое поздравленіе, *искреннее* мое поздравленіе въ полученіи чина. И тѣмъ болѣе радъ, что нынче, какъ всему свѣту извѣстно, вывелись бабушки, которыя ворожатъ». Тутъ господинъ Голядкинъ плутовски кивнулъ головой и, прищурясь, посмотрѣлъ на Крестьяна Ивановича...

— Гм. Такъ это сказалъ...

— Сказалъ, Крестьянъ Ивановичъ, сказалъ, да тутъ же и взглянулъ на Андрея Филипповича, на дядю-то нашего нѣмчика, Владиміра Семеновича. Да что̀ мнѣ, Крестьянъ Ивановичъ, что онъ ассессоромъ сдѣланъ? Мнѣ-то что̀ тутъ? Да жениться хочетъ, когда еще молоко, съ позволенія сказать, на губахъ не обсохло. Такъ-таки и сказалъ. Де-скать, говорю, Владиміръ Семеновичъ! Я теперь все сказалъ; позвольте же мнѣ удалиться.

— Гм...

— Да́, Крестьянъ Ивановичъ, позвольте же мнѣ теперь, говорю, удалиться. Да тутъ, чтобъ ужь разомъ двухъ воробьевъ однимъ камнемъ убить, — какъ срѣзалъ молодца-то на бабушкахъ и обращаюсь къ Кларѣ Олсуфьевнѣ (дѣло-то было третьяго-дня у Олсуфья Ивановича), — а она только-что романсъ пропѣла чувствительный, — говорю, де-скать, «чувствительно пропѣть вы романсы изволили, да только слушаютъ-то васъ не отъ чистаго сердца.» И намекаю тѣмъ ясно, понимаете, Крестьянъ Ивановичъ, намекаю тѣмъ ясно, что ищутъ-то теперь не въ ней, а подальше...

— А! ну что же онъ?..

— Лимонъ съѣлъ, Крестьянъ Ивановичъ, какъ по пословицѣ говорится.

— Гм...

— Да-съ, Крестьянъ Ивановичъ. Тоже и старику самому говорю — де-скать, Олсуфій Ивановичъ, говорю, я знаю, чѣмъ обязанъ я вамъ, цѣню вполнѣ благодѣянія ваши, которыми почти съ дѣтскихъ лѣтъ моихъ вы осыпали меня. Но откройте глаза, Олсуфій Ивановичъ, говорю. Посмотрите. Я самъ дѣло на чистоту и открыто веду, Олсуфій Ивановичъ.

— А, вотъ какъ!

— Да, Крестьянъ Ивановичъ. Оно вотъ какъ...

— Что̀ жь онъ?

— Да что онъ, Крестьянъ Ивановичъ! мямлитъ; и того и сего, и я тебя знаю, и что его превосходительство благодѣтельный человѣкъ — и пошелъ, и размазался... Да вѣдь что́ жь? отъ старости, какъ говорится, покачнулся порядкомъ.

— А! такъ вотъ какъ теперь!

— Да, Крестьянъ Ивановичъ. И всѣ-то мы такъ, чего! старикашка! въ гробъ смотритъ, дышетъ на ладанъ, какъ говорится, а сплетню бабью заплетутъ какую-нибудь, такъ онъ ужь тутъ слушаетъ; безъ него невозможно...

— Сплетню, вы говорите?

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, заплели они сплетню. Замѣшалъ свою руку сюда и нашъ медвѣдь, и племянникъ его, наше не́щечко; связались они съ старухами, разумѣется, и состряпали дѣло. Ка̀къ бы вы думали? Что̀ они выдумали, чтобъ убить человѣка?...

— Чтобъ убить человѣка?

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, чтобъ убить человѣка, нравственно убить человѣка. Распустили они... я все про моего близкаго знакомаго говорю...

Крестьянъ Ивановичъ кивнулъ головою.

— Распустили они на-счетъ его слухъ... Признаюсь вамъ, мнѣ даже совѣстно говорить, Крестьянъ Ивановичъ...

— Гм...

— Распустили они слухъ, что онъ уже далъ подписку жениться, что онъ уже женихъ съ другой стороны... И ка̀къ бы вы думали, Крестьянъ Ивановичъ, на комъ?

— Право?

— На кухмистершѣ, на одной неблагопристойной Нѣмкѣ, у которой обѣды беретъ; вмѣсто заплаты долговъ, руку ей предлагаетъ.

— Это они говорятъ?

— Вѣрите ли, Крестьянъ Ивановичъ? Нѣмка, подлая, гадкая, безстыдная Нѣмка, Каролина Ивановна, если извѣстно вамъ...

— Я признаюсь съ моей стороны...

— Понимаю васъ, Крестьянъ Ивановичъ, понимаю, и съ своей стороны это чувствую....

— Скажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ вы живете теперь?

— Гдѣ я живу теперь, Крестьянъ Ивановичъ?

— Да... я хочу... вы прежде, кажется, жили...

— Жилъ, Крестьянъ Ивановичъ, жилъ, жилъ и прежде. Какъ же не жить! отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, сопровождая слова свои маленькимъ смѣхомъ, и немного смутивъ отвѣтомъ своимъ Крестьяна Ивановича.

— Нѣтъ, вы не такъ это приняли; я хотѣлъ съ своей стороны...

— Я тоже хотѣлъ, Крестьянъ Ивановичъ, съ своей стороны, я тоже хотѣлъ, смѣясь продолжалъ господинъ Голядкинъ. — Но, однакожь, я, Крестьянъ Ивановичъ, у васъ засидѣлся совсѣмъ. Вы, надѣюсь, позволите мнѣ теперь... пожелать вамъ добраго утра...

— Гм...

— Да, Крестьянъ Ивановичъ, я васъ понимаю; я васъ теперь вполнѣ понимаю, сказалъ нашъ герой, немного рисуясь передъ Крестьяномъ Ивановичемъ... И такъ, позвольте вамъ пожелать добраго утра...

Тутъ герой нашъ шаркнулъ ножкой и вышелъ изъ комнаты, оставивъ въ крайнемъ изумленіи Крестьяна Ивановича. Сходя съ докторской лѣстницы, онъ улыбался и радостно потиралъ себѣ руки. На крыльцѣ, дохнувъ свѣжимъ воздухомъ и почувствовавъ себя на свободѣ, онъ даже дѣйствительно готовъ былъ признать себя счастливѣйшимъ смертнымъ, и потомъ прямо отправиться въ департаментъ, — какъ вдругъ у подъѣзда загремѣла его карета; онъ взглянулъ и все вспомнилъ. Петрушка отворялъ уже дверцы. Какое-то странное и крайне-непріятное ощущеніе охватило всего господина Голядкина. Онъ какъ-будто-бы покраснѣлъ на мгновеніе. Что-то кольнуло его. Онъ уже сталъ-было заносить свою ногу на подножку кареты, какъ вдругъ обернулся и посмотрѣлъ на окна Крестьяна Ивановича. Такъ и есть! Крестьянъ Ивановичъ стоялъ у окна, поглаживалъ правой рукой свои бакенбарды и довольно-любопытно смотрѣлъ на героя нашего.

— Этотъ докторъ глупъ, подумалъ господинъ Голядкинъ, забиваясь въ карету свою: — крайне-глупъ. Онъ, можетъ-быть, и хорошо своихъ больныхъ лечитъ, а все-таки... глупъ какъ бревно. Господинъ Голядкинъ усѣлся, Петрушка крикнулъ: «пошолъ!» и карета покатилась опять на Невскій-Проспектъ.

ГЛАВА III.

О томъ, на сколько именно рублей сторговалъ г. Голядкинъ и на сколько купилъ. Что̀ доказалъ онъ потомъ двумъ своимъ сослуживцамъ. Что̀ такое частная, и что̀ такое оффиціальная жизнь г. Голядкина. О томъ, какъ наконецъ г. Голядкинъ собирался обѣдать, сан-фасонъ, какъ между порядочными людьми говорится, и чѣмъ наконецъ все это кончилось.

Все это утро прошло въ страшныхъ хлопотахъ у господина Голядкина. Попавъ на Невскій-Проспектъ, герой нашъ приказалъ остановиться у Гостинаго-Двора. Выпрыгнувъ изъ своего экипажа, побѣжалъ онъ подъ аркаду, въ сопровожденіи Петрушки, и пошелъ прямо въ лавку серебряныхъ и золотыхъ издѣлій. Замѣтно было уже по одному виду господина Голядкина, что у него хлопотъ полонъ ротъ и дѣла страшная куча. Сторговавъ полный обѣденный и чайный сервизъ слишкомъ на тысячу-пятьсотъ рублей ассигнаціями и выторговавъ себѣ въ эту же сумму затѣйливой формы сигарочницу и полный серебряный приборъ для бритья бороды, прицѣнившись наконецъ еще къ кое-какимъ въ своемъ родѣ полезнымъ и пріятнымъ вещицамъ, господинъ Голядкинъ кончилъ тѣмъ, что обѣщалъ завтра же зайдти непремѣнно или даже сегодня прислать за сторгованнымъ, взялъ нумеръ лавки, и, выслушавъ внимательно купца, хлопотавшаго о задаточкѣ, обѣщалъ въ свое время и задаточекъ. Послѣ чего онъ поспѣшно распростился съ недоумѣвавшимъ купцомъ и пошелъ вдоль по линіи, преслѣдуемый цѣлой стаей сидѣльцевъ, поминутно оглядываясь назадъ на Петрушку и тщательно отъискивая какую-то новую лавку. Мимоходомъ забѣжалъ въ мѣняльную лавочку и размѣнялъ всю свою крупную бумагу на мелкую, и хотя потерялъ на промѣнѣ, но за то все-таки размѣнялъ, и бумажникъ его значительно потолстѣлъ, что̀, по-видимому, доставило ему крайнее удовольствіе. Наконецъ остановился онъ въ магазинѣ разныхъ дамскихъ матерій. Наторговавъ опять на знатную сумму, господинъ Голядкинъ и здѣсь обѣщалъ купцу зайдти непремѣнно, взялъ нумеръ лавки и на вопросъ о задаточкѣ, опять повторилъ, что будетъ въ свое время и задаточекъ. Потомъ посѣтилъ и еще нѣсколько лавокъ;

во всѣхъ торговалъ, прицѣнялся къ разнымъ вещицамъ, спорилъ иногда долго съ купцами, уходилъ изъ лавки и раза по три возвращался, — однимъ словомъ, оказывалъ необыкновенную дѣятельность. Изъ Гостинаго-Двора герой нашъ отправился въ одинъ извѣстный мебельный магазинъ, гдѣ сторговалъ мебели на шесть комнатъ, полюбовался однимъ моднымъ и весьма-затѣйливымъ дамскимъ туалетомъ въ послѣднемъ вкусѣ и, увѣривъ купца, что пришлетъ за всѣмъ непремѣнно, вышелъ изъ магазина, по своему обычаю, съ обѣщаніемъ задаточка, потомъ заѣхалъ еще кое-куда и поторговалъ кое-что. Однимъ словомъ, не было, по-видимому, конца его хлопотамъ. Наконецъ, все это, кажется, сильно стало надоѣдать самому господину Голядкину. Даже и Богъ-знаетъ по какому случаю стали его терзать, ни съ того ни съ сего, угрызенія совѣсти. Ни за что бы не согласился онъ теперь встрѣтиться, на-примѣръ, съ Андреемъ Филипповичемъ или хоть съ Крестьяномъ Ивановичемъ. Наконецъ, городскіе часы пробили три по-полудни. Когда господинъ Голядкинъ сѣлъ окончательно въ карету, изъ всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ имъ въ это утро, оказалась въ дѣйствительности лишь одна пара перчатокъ и стклянка духовъ въ полтора рубля ассигнаціями. Такъ-какъ для господина Голядкина было еще довольно-рано, то онъ и приказалъ своему кучеру остановиться возлѣ одного извѣстнаго ресторана на Невскомъ-Проспектѣ, о которомъ доселѣ онъ зналъ лишь понаслышкѣ, вышелъ изъ кареты и побѣжалъ закусить, отдохнуть и выждать извѣстное время.

Закусивъ такъ, ка́къ закусываетъ человѣкъ, у котораго въ перспективѣ богатый званый обѣдъ, т. е. перехвативъ кое-что, чтобы, какъ говорится, червячка заморить, и выпивъ одну рюмочку водки, господинъ Голядкинъ усѣлся въ креслахъ, и, скромно осмотрѣвшись кругомъ, мирно пристроился къ одной тощей національной газеткѣ. Прочтя строчки двѣ, онъ всталъ, посмотрѣлся въ зеркало, оправился и огладился; потомъ подошелъ къ окну и поглядѣлъ, тутъ ли его карета... потомъ опять сѣлъ на мѣсто и взялъ газету. Замѣтно было, что герой нашъ былъ въ крайнемъ волненіи. Взглянувъ на часы, и видя, что еще только четверть четвертаго, слѣдовательно, еще остается порядочно ждать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разсудивъ, что такъ сидѣть неприлично, господинъ Голядкинъ приказалъ подать себѣ шоколаду, къ которому, впрочемъ, въ настоящее время большой охоты не чувствовалъ. Выпивъ шоколадъ и замѣтивъ, что время

немного подвинулось, вышелъ онъ расплатиться. Вдругъ кто-то ударилъ его по плечу.

Онъ обернулся и увидѣлъ предъ собою двухъ своихъ сослуживцевъ-товарищей, тѣхъ самыхъ, съ которыми встрѣтился утромъ въ Литейной — ребятъ еще весьма-молодыхъ и по лѣтамъ и по чину. Герой нашъ былъ съ ними ни-то-ни-сё, ни въ дружбѣ, ни въ открытой враждѣ. Разумѣется, соблюдалось приличіе съ обѣихъ сторонъ; дальнѣйшаго же сближенія не было, да и быть не могло. Встрѣча въ настоящее время была крайне-непріятна господину Голядкину. Онъ немного поморщился и на минутку смѣшался.

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ! защебетали оба регистратора: — вы здѣсь? по какому...

— А! это вы, господа! перебилъ поспѣшно господинъ Голядкинъ, немного сконфузясь и скандализируясь изумленіемъ чиновниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ короткостію ихъ обращенія, но, впрочемъ, дѣлая развязнаго и молодца по-неволѣ. — Дизертировали, господа, хе, хе, хе!.. Тутъ даже, чтобъ не уронить себя и снизойдти до канцелярскаго юношества, съ которымъ всегда былъ въ должныхъ границахъ, онъ попробовалъ-было потрепать одного юношу по плечу; но популярность въ этомъ случаѣ не удалась господину Голядкину, и, вмѣсто прилично-короткаго жеста, вышло что-то совершенно другое.

— Ну, а что́, медвѣдь нашъ сидитъ?..

— Кто это, Яковъ Петровичъ?

— Ну, медвѣдь-то, будто не знаете кого медвѣдемъ зовутъ?.. Господинъ Голядкинъ засмѣялся и отвернулся къ прикащику взять съ него сдачу. — Я говорю про Андрея Филипповича, господа, продолжалъ онъ, кончивъ съ прикащикомъ и на этотъ разъ съ весьма-серьёзнымъ видомъ обратившись къ чиновникамъ. Оба регистратора значительно перемигнулись другъ съ другомъ.

— Сидитъ еще и васъ спрашивалъ, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Сидитъ, а! Въ такомъ случаѣ, пусть его сидитъ, господа. И меня спрашивалъ, а?

— Спрашивалъ, Яковъ Петровичъ; да что̀ это съ вами, Яковъ Петровичъ, раздушены, распомажены, франтомъ такимъ?..

— Такъ, господа, это такъ! Полноте... отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, смотря въ сторону и напряженно улыбнувшись. Ви-

дя, что господинъ Голядкинъ улыбается, чиновники расхохотались. Господинъ Голядкинъ немного надулся.

— Но, однакоже, Яковъ Петровичъ?..

— Я вамъ скажу, господа, подружески, отвѣчалъ немного помолчавъ нашъ герой, какъ-будто (такъ ужь и быть) рѣшившись открыть что-то чиновникамъ: — вы, господа, всѣ меня знаете, но до-сихъ-поръ знали только съ одной стороны. Пенять въ этомъ случаѣ нѣ на кого, и, отчасти, сознаюсь, я былъ самъ виноватъ.

Господинъ Голядкинъ сжалъ губы и значительно взглянулъ на чиновниковъ. Чиновники снова перемигнулись.

— До-сихъ-поръ, господа, вы меня знали только отчасти и не совсѣмъ... Объясняться теперь и здѣсь будетъ не совсѣмъ-то кстати. Скажу вамъ только кое-что мимоходомъ и вскользь. Есть люди, господа, которые не любятъ окольныхъ путей и маскируются только для маскарада. Есть люди, которые не видятъ прямаго человѣческаго назначенія въ ловкомъ умѣньи лощить паркетъ сапогами. Есть и такіе люди, господа, которые не будутъ говорить, что счастливы, и живутъ вполнѣ, когда, напримѣръ, на нихъ хорошо сидятъ панталоны. Есть, наконецъ, люди, которые не любятъ скакать и вертѣться по-пустому, заигрывать и подлизываться, а главное, господа, совать туда свой носъ, гдѣ его вовсе не спрашиваютъ... Я, господа, сказалъ почти все; позвольте жь мнѣ теперь удалиться...

Господинъ Голядкинъ остановился. Такъ-какъ господа регистраторы были теперь удовлетворены вполнѣ, то, вдругъ, оба крайне-неучтиво покатились со смѣха. Господинъ Голядкинъ вспыхнулъ.

— Смѣйтесь, господа, смѣйтесь покамѣстъ! Поживете — увидите, сказалъ онъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, взявъ свою шляпу и ретируясь къ дверямъ.

— Но скажу болѣе, господа, прибавилъ онъ, обращаясь въ послѣдній разъ къ господамъ регистраторамъ: — скажу болѣе, господа — оба вы здѣсь со мной глазъ-на-глазъ. Вотъ, господа, мои правила: не удастся — крѣплюсь, удастся — держусь и во всякомъ случаѣ никого не подкапываю. Не интригантъ — и этимъ горжусь. Въ дипломаты бы я не годился. Говорятъ еще, господа, что птица сама летитъ на охотника. Правда и готовъ согласиться: но кто здѣсь охотникъ, кто птица? Это еще вопросъ, господа!

Господинъ Голядкинъ краснорѣчиво умолкъ и съ самой значительной миной, то-есть, поднявъ брови и сжавъ губы до нельзя, раскланялся съ господами чиновниками и потомъ вышелъ, оставя ихъ въ крайнемъ изумленіи.

— Куда прикажете? спросилъ довольно-сурово Петрушка, которому уже наскучило, вѣроятно, таскаться по холоду: — куда прикажете? спросилъ онъ господина Голядкина, встрѣчая его страшный, всеуничтожающій взглядъ — тотъ самый взглядъ, которымъ герой нашъ уже два раза обезпечивалъ себя въ это утро, и къ которому прибѣгнулъ теперь въ третій разъ, сходя съ лѣстницы.

— Къ Измайловскому-Мосту.

— Къ Измайловскому-Мосту! Пошолъ!

— Обѣдъ у нихъ начнется не раньше, какъ въ пятомъ, или даже въ пять часовъ, думалъ господинъ Голядкинъ: — не рано ль теперь? Впрочемъ, вѣдь я могу и пораньше; да, къ-тому же, и семейный обѣдъ. Я, этакъ, могу сан-фасонъ, какъ между порядочными людьми говорится. Отъ-чего же бы мнѣ нельзя сан-фасонъ? Медвѣдь нашъ тоже говорилъ, что будетъ все сан-фасонъ, а потому и я тоже... Такъ думалъ господинъ Голядкинъ: — а между-тѣмъ волненіе его все болѣе и болѣе увеличивалось. Замѣтно было, что онъ готовился къ чему-то весьма-хлопотливому, чтобъ не сказать болѣе, шепталъ про себя, жестикулировалъ правой рукой, безпрерывно поглядывалъ въ окна кареты, такъ-что, смотря теперь на господина Голядкина, право бы никто не сказалъ, что онъ собирается хорошо пообѣдать, за́-просто, да еще въ своемъ семейномъ кругу, — сан-фасонъ, какъ между порядочными людьми говорится. Наконецъ, у самаго Измайловскаго-Моста, господинъ Голядкинъ указалъ на одинъ домъ; карета съ громомъ вкатилась въ ворота, и остановилась у подъѣзда праваго фаса. Замѣтивъ одну женскую фигуру въ окнѣ втораго этажа, господинъ Голядкинъ послалъ ей рукой поцалуй. Впрочемъ, онъ не зналъ самъ что́ дѣлаетъ, потому-что рѣшительно былъ ни живъ, ни мертвъ въ эту минуту. Изъ кареты онъ вышелъ блѣдный, растерянный; взошелъ на крыльцо, снялъ свою шляпу, машинально оправился, и, чувствуя, впрочемъ, маленькую дрожь въ колѣнкахъ, пустился по лѣстницѣ.

— Олсуфій Ивановичъ? спросилъ онъ отворившаго ему человѣка.

— Дома-съ, т. е. нѣтъ-съ, ихъ нѣтъ дома-съ.

— Какъ? что ты, мой милый? Они у себя; я — я на обѣдъ, братецъ. Вѣдь ты меня знаешь?

— Какъ не знать-съ! Принимать васъ не велѣно-съ.

— Ты... ты, братецъ... ты вѣрно ошибаешься, братецъ. Это я; ты видишь, что это я. Я, братецъ, приглашенъ; я на обѣдъ, — проговорилъ господинъ Голядкинъ, сбрасывая шинель и показывая очевидное намѣреніе отправиться въ комнаты.

— Позвольте-съ, нельзя-съ. Не велѣно принимать-съ, вамъ отказывать велѣно. Вотъ какъ!

Господинъ Голядкинъ поблѣднѣлъ. Въ это самое время, дверь изъ внутреннихъ комнатъ отворилась, и вошелъ Герасимычъ, старый каммердинеръ Олсуфія Ивановича.

— Вотъ они, Емельянъ Герасимовичъ, войдти хотятъ, а я...

— А вы дуракъ, Алексѣичъ. Ступайте въ комнаты, а сюда пришлите подлеца Семеныча. Нельзя-съ, сказалъ онъ учтиво, но рѣшительно обращаясь къ господину Голядкину. — Никакъ не возможно-съ. Просятъ извинить-съ; не могутъ принять-съ.

— Они такъ и сказали, что не могутъ принять? нерѣшительно спросилъ господинъ Голядкинъ. — Вы, извините, Герасимычъ. Отъ-чего же никакъ невозможно?

— Никакъ не возможно-съ. Я докладывалъ-съ; сказали: проси извинить. Не могутъ, де-скать, принять-съ.

— Отъ-чего же? какъ же это? какъ... Герасимычъ... я...

— Позвольте, позвольте!

— Однако какъ же это такъ? Такъ нельзя. Доложите... Какъ же это такъ? я на обѣдъ...

— Позвольте, позвольте!..

— А ну, впрочемъ, это дѣло другое, если извинить просятъ; но однакожь позвольте, Герасимычъ, какъ же это, Герасимычъ?

— Позвольте, позвольте! возразилъ Герасимычъ, весьма-рѣшительно отстраняя рукой господина Голядкина, и давая широкую дорогу двумъ господамъ, которые въ это самое мгновеніе входили въ прихожую. Входившіе господа были Андрей Филипповичъ и племянникъ его, Владиміръ Семеновичъ. Оба они съ недоумѣніемъ посмотрѣли на господина Голядкина. Андрей Филипповичъ хотѣлъ-было что-то заговорить, но господинъ Голядкинъ уже рѣшился; онъ уже выходилъ изъ прихожей Олсуфія Ивановича, опустивъ глаза, покраснѣвъ, улыбаясь, съ совершенно-потерянной физіономіей. — Я зайду послѣ, Герасимычъ; я объяснюсь; я надѣюсь, что все это не замедлитъ своевре-

менно объясниться, проговорилъ онъ на порогѣ и отчасти на лѣстницѣ...

— Яковъ Петровичъ, Яковъ Петровичъ!.. послышался голосъ послѣдовавшаго за господиномъ Голядкинымъ Андрея Филипповича.

Господинъ Голядкинъ находился тогда уже на первой забѣжной площадкѣ. Онъ быстро оборотился къ Андрею Филипповичу.

— Что́ вамъ угодно, Андрей Филипповичъ? сказалъ онъ довольно-рѣшительнымъ тономъ.

— Что́ это съ вами, Яковъ Петровичъ? Какимъ образомъ?..

— Ничего, Андрей Филипповичъ, я ничего. Я здѣсь самъ-по-себѣ. Это моя частная жизнь, Андрей Филипповичъ, это моя частная жизнь.

— Что такое-съ?

— Я говорю, Андрей Филипповичъ, что это моя частная жизнь, и что здѣсь, сколько мнѣ кажется, ничего нельзя найдти предосудительнаго касательно оффиціальныхъ отношеній моихъ.

— Какъ! касательно оффиціальныхъ... что́?.. что́ съ вами, сударь, такое?

— Ничего, Андрей Филипповичъ, совершенно-ничего; дерзкая дѣвчонка, больше ничего...

— Что!.. что?! Андрей Филипповичъ почти потерялся отъ изумленія. Господинъ Голядкинъ, который доселѣ, разговаривая снизу лѣстницы съ Андреемъ Филипповичемъ, смотрѣлъ такъ, что, казалось, готовъ былъ ему прыгнуть прямо въ глаза, — видя, что начальникъ отдѣленія немного смѣшался, сдѣлалъ, почти-невѣдомо себѣ, шагъ впередъ. Андрей Филипповичъ подался назадъ. Господинъ Голядкинъ переступилъ еще и еще ступеньку. Андрей Филипповичъ безпокойно осмотрѣлся кругомъ. Господинъ Голядкинъ вдругъ быстро поднялся на лѣстницу. Еще быстрѣе прыгнулъ Андрей Филипповичъ въ комнату и захлопнулъ дверь за собою. Господинъ Голядкинъ остался одинъ. Въ глазахъ у него потемнѣло. Онъ сбился совсѣмъ и стоялъ теперь въ какомъ-то безтолковомъ раздумьѣ, какъ-будто припоминая о какомъ-то тоже крайне-безтолковомъ обстоятельствѣ, весьма-недавно случившемся. Эхъ, эхъ! прошепталъ онъ, улыбаясь съ натуги. Между-тѣмъ, на лѣстницѣ, внизу, послышались голоса и шаги, вѣроятно новыхъ гостей, приглашенныхъ Олсуфьемъ Ивановичемъ. Господинъ Голядкинъ отчасти опомнился, поскорѣе поднялъ повыше свой енотовый воротникъ,

прикрылся имъ по возможности, и сталъ, ковыляя, семеня, торопясь и спотыкаясь сходить съ лѣстницы. Чувствовалъ онъ въ себѣ какое-то ослабленіе и онѣмѣніе. Смущеніе его было въ такой сильной степени, что, вышедъ на крыльцо, онъ не подождалъ и кареты своей, а самъ пошелъ прямо черезъ грязный дворъ до своего экипажа. Подойдя къ своему экипажу и приготовляясь въ немъ помѣститься, господинъ Голядкинъ мысленно обнаружилъ желаніе провалиться сквозь землю, или спрятаться хоть въ мышиную щелочку вмѣстѣ съ каретой своей. Ему казалось, что все, что́ ни есть въ домѣ Олсуфія Ивановича, вотъ такъ и смотритъ теперь на него изъ всѣхъ оконъ. Онъ зналъ, что непремѣнно тутъ же на мѣстѣ умретъ, если обернется назадъ.

— Что̀ ты смѣешься, болванъ? сказалъ онъ скороговоркой Петрушкѣ, который приготовился-было его подсадить въ карету.

— Да что мнѣ смѣяться-то? я ничего; куда теперь ѣхать?

— Ступай домой, поѣзжай...

— Пошолъ домой! крикнулъ Петрушка, взмостясь на запятки.

— Экое горло воронье! подумалъ господинъ Голядкинъ. Между-тѣмъ, карета уже довольно-далеко отъѣхала за Измайловскій-Мостъ. Вдругъ герой нашъ изъ всей силы дернулъ снурокъ и закричалъ своему кучеру немедленно воротиться назадъ. Кучеръ поворотилъ лошадей и черезъ двѣ минуты въѣхалъ опять во дворъ къ Олсуфію Ивановичу. — «Ненужно, дуракъ, ненужно; назадъ!» прокричалъ господинъ Голядкинъ — и кучеръ словно ожидалъ такого приказанія. Не возражая ни на что, не останавливаясь у подъѣзда и объѣхавъ кругомъ весь дворъ, выѣхалъ снова на улицу.

Домой господинъ Голядкинъ не поѣхалъ, а миновавъ Семеновскій-Мостъ, приказалъ поворотить въ одинъ переулокъ и остановиться возлѣ трактира, довольно скромной наружности. Вышедъ изъ кареты, герой нашъ расплатился съ извощикомъ и такимъ-образомъ избавился наконецъ отъ своего экипажа. Петрушкѣ приказалъ идти домой и ждать его возвращенія. Самъ же вошелъ въ трактиръ, взялъ особенный нумеръ и приказалъ подать себѣ пообѣдать. Чувствовалъ онъ себя весьма-дурно, а голову свою въ полнѣйшемъ разбродѣ и въ хаосѣ. Долго ходилъ онъ въ волненіи по комнатѣ; наконецъ сѣлъ на стулъ, подперъ себѣ лобъ руками и началъ всѣми силами стараться обсудить и разрѣшить кое-что относительно настоящаго своего положенія...

ГЛАВА IV.

Какой именно обѣдъ и какой именно балъ
давались статскимъ совѣтникомъ Берендѣевымъ.
Нѣчто о пользѣ черныхъ лѣстницъ. О томъ,
какъ господинъ Голядкинъ показываетъ, что знакомъ
съ бывшимъ французскимъ министромъ Виллелемъ.
Мнѣніе господина Голядкина о іезуитахъ. О томъ,
какъ господинъ Голядкинъ, вспомоществуемый іезуитами,
достигаетъ наконецъ своей цѣли, какъ потомъ ищетъ
средины и соціальнаго своего положенія и стремится
снискать благорасположеніе хозяина.
Какъ при семъ удобномъ случаѣ вспоминаетъ
о безволосыхъ головахъ и о арабскихъ эмирахъ.
Полька и заключеніе этой совершенно-
правдоподобной главы.

День, торжественный день рожденія Клары Олсуфьевны, единородной дочери статскаго совѣтника Берендѣева, въ оно время благодѣтеля господина Голядкина, — день, ознаменовавшійся блистательнымъ, великолѣпнымъ званымъ обѣдомъ, такимъ обѣдомъ, какого давно не видали въ стѣнахъ чиновничьихъ квартиръ у Измайловскаго-Моста и около, — обѣдомъ, который походилъ болѣе на какой-то пиръ вальтасаровскій, чѣмъ на обѣдъ, — который отзывался чѣмъ-то вавилонскимъ, въ-отношеніи блеска, роскоши и приличія, съ шампанскимъ-клико, съ устрицами и плодами Елисѣева и Милютиныхъ-Лавокъ, со всякими упитанными тельцами и чиновною табелью о рангахъ, — этотъ торжественный день, ознаменовавшійся такимъ торжественнымъ обѣдомъ, заключился блистательнымъ баломъ, семейнымъ, маленькимъ, родственнымъ баломъ, но все-таки блистательнымъ въ-отношеніи вкуса, образованности и приличія. Конечно, я совершенно согласенъ, такіе балы бываютъ, но рѣдко, весьма-рѣдко бываютъ. Такіе балы, болѣе похожіе на семейныя радости, чѣмъ на балы, могутъ лишь даваться

въ такихъ домахъ, какъ, напримѣръ, домъ статскаго совѣтника Берендѣева. Скажу болѣе: я даже сомнѣваюсь, чтобъ у всѣхъ статскихъ совѣтниковъ могли даваться такіе балы. О, если бы я былъ поэтъ! — разумѣется, по-крайней-мѣрѣ такой, какъ Гомеръ или Пушкинъ; съ мéньшимъ талантомъ соваться нельзя, — я бы, непремѣнно, изобразилъ вамъ яркими красками и широкою кистью, о читатели! весь этотъ высокоторжественный день. Нѣтъ, я бы началъ свою поэму обѣдомъ, и особенно бы налегъ на то поразительное и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественное мгновеніе, когда поднялась первая заздравная чаша въ честь царицы праздника. Я изобразилъ бы вамъ, во-первыхъ, этихъ гостей, погруженныхъ въ благоговѣйное молчаніе и ожиданіе, болѣе похожее на демосѳеновское краснорѣчіе, чѣмъ на молчаніе. Я изобразилъ бы вамъ потомъ Андрея Филипповича, какъ старшаго изъ гостей, имѣющаго даже нѣкоторое право на первенство, украшеннаго сѣдинами и приличными сѣдинѣ своей орденами, вставшаго съ мѣста и поднявшаго надъ головою заздравный бокалъ съ искрометнымъ виномъ, — виномъ нарочно привозимымъ изъ одного отдаленнаго королевства, чтобъ запивать имъ подобныя мгновенія, — виномъ болѣе похожимъ на божественный нектаръ, чѣмъ на вино. Я изобразилъ бы вамъ гостей и счастливыхъ родителей царицы праздника, поднявшихъ тоже свои бокалы вслѣдъ за Андреемъ Филипповичемъ, и устремившихъ на него полныя ожиданія очи. Я изобразилъ бы вамъ, ка́къ этотъ часто-поминаемый Андрей Филипповичъ, уронивъ сначала слезу въ бокалъ, проговорилъ поздравленіе и пожеланіе, провозгласилъ тостъ и выпилъ за здравіе... Но, сознаюсь, вполнѣ сознаюсь, не могъ бы я изобразить всего торжества — той минуты, когда сама царица праздника, Клара Олсуфьевна, краснѣя, какъ вешняя роза, румянцемъ блаженства и стыдливости, отъ полноты чувствъ упала въ объятія нѣжной матери, ка́къ прослезилась нѣжная мать, и ка́къ зарыдалъ при семъ случаѣ самъ отецъ, маститый старецъ и статскій совѣтникъ Олсуфій Ивановичъ, лишившійся употребленія ногъ на долговременной службѣ и вознагражденный судьбою за таковое усердіе капитальцемъ, домкомъ, деревеньками и красавицей-дочерью, — зарыдалъ какъ ребенокъ и провозгласилъ сквозь слезы, что его превосходительство благодѣтельный человѣкъ. Я бы не могъ, да́, именно не могъ бы изобразить вамъ и неукоснительно-послѣдовавшаго за сей минутой всеобщаго увлече-

нія сердецъ, — увлеченія, ясно выразившагося даже поведеніемъ одного юнаго регистратора (который въ это мгновеніе походилъ болѣе на статскаго совѣтника, чѣмъ на регистратора), тоже прослезившагося, внимая Андрею Филипповичу. Въ свою очередь, Андрей Филипповичъ въ это торжественное мгновеніе вовсе не походилъ на коллежскаго совѣтника и начальника отдѣленія въ одномъ департаментѣ, — нѣтъ, онъ казался чѣмъ-то другимъ... я не знаю только, чѣмъ именно, но не коллежскимъ совѣтникомъ, нѣтъ! Онъ былъ выше! Наконецъ... о! для чего я не обладаю тайною слога высокаго, сильнаго, слога торжественнаго, для изображенія всѣхъ этихъ прекрасныхъ и назидательныхъ моментовъ человѣческой жизни, какъ-будто нарочно устроенныхъ для доказательства, какъ иногда торжествуетъ добродѣтель надъ неблагонамѣренностью, вольнодумствомъ, порокомъ и завистью! Я ничего не скажу, но молча, — что̀ будетъ лучше всякаго краснорѣчія, — укажу вамъ на этого счастливаго юношу, вступающаго въ свою двадцать-шестую весну, — на Владиміра Семеновича, племянника Андрея Филипповича, который всталъ въ свою очередь съ мѣста, который провозглашаетъ въ свою очередь тостъ, и на котораго устремлены слезящіеся очи родителей царицы праздника, гордыя очи Андрея Филипповича, стыдливыя очи самой царицы праздника, восторженныя очи гостей и даже прилично-завистливыя очи нѣкоторыхъ молодыхъ сослуживцевъ этого блестящаго юноши. Я не скажу ничего, хотя не могу не замѣтить, что все въ этомъ юношѣ, — который болѣе похожъ на старца, чѣмъ на юношу, говоря въ выгодномъ для него отношеніи, — все, начиная съ цвѣтущихъ ланитъ до самого ассессорскаго, на немъ лежавшаго чина, все это въ сію торжественную минуту только-что не проговаривало, что де-скать до такой-то высокой степени можетъ благонравіе довести человѣка! Я не буду описывать, ка́къ, наконецъ, Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ, столоначальникъ одного департамента, сослуживецъ Андрея Филипповича и нѣкогда Олсуфія Ивановича, вмѣстѣ съ тѣмъ старинный другъ дома и крестный отецъ Клары Олсуфьевны, — старичокъ какъ лунь сѣденькій, въ свою очередь предлагая тостъ, пропѣлъ пѣтухомъ и проговорилъ веселыя вирши; ка́къ онъ такимъ приличнымъ забвеніемъ приличія, если можно такъ выразиться, разсмѣшилъ до слезъ цѣлое общество, и ка́къ сама Клара Олсуфьевна за таковую веселость и любезность поцаловала его, по приказанію

родителей. Скажу только, что, наконецъ, гости, которые послѣ такого обѣда, естественно, должны были чувствовать себя другъ другу родными и братьями, встали наконецъ изъ-за стола; какъ потомъ старички и люди солидные, послѣ недолгаго времени, употребленнаго на дружескій разговоръ и даже на кое-какія, разумѣется, весьма-приличныя и любезныя откровенности, чинно прошли въ другую комнату и, не теряя золотаго времени, раздѣлившись на партіи, съ чувствомъ собственнаго достоинства сѣли за столы, обтянутые зеленымъ сукномъ; какъ дамы, усѣвшись въ гостиной, стали вдругъ всѣ необыкновенно-любезны и начали разговаривать о разныхъ матерьяхъ; какъ, наконецъ, самъ высоко-уважаемый хозяинъ дома, лишившійся употребленія ногъ на службѣ вѣрою и правдою и награжденный за это всѣмъ, чѣмъ выше упомянуто было, сталъ расхаживать на костыляхъ между гостями своими, поддерживаемый Владиміромъ Семеновичемъ и Кларой Олсуфьевной, и какъ, вдругъ сдѣлавшись тоже необыкновенно-любезнымъ, рѣшился импровизировать маленькій скромный балъ, не смотря на издержки; какъ для сей цѣли командированъ былъ одинъ расторопный юноша (тотъ самый, который за обѣдомъ болѣе похожъ былъ на статскаго совѣтника, чѣмъ на юношу) за музыкантами; какъ потомъ прибыли музыканты въ числѣ цѣлыхъ одиннадцати штукъ, и какъ, наконецъ, ровно въ половинѣ девятаго раздались призывные звуки французской кадрили и прочихъ различныхъ танцевъ... Нечего уже и говорить, что перо мое слабо, вяло и тупо для приличнаго изображенія бала, импровизированнаго необыкновенною любезностью сѣдовласаго хозяина. Да и какъ, спрошу я, какъ могу я, скромный повѣствователь весьма, впрочемъ, любопытныхъ въ своемъ родѣ приключеній господина Голядкина, — какъ могу я изобразить эту необыкновенную и благопристойную смѣсь красоты, блеска, приличія, веселости, любезной солидности и солидной любезности, рѣзвости, радости, всѣ эти игры и смѣхи всѣхъ этихъ чиновныхъ дамъ, болѣе похожихъ на фей, чѣмъ на дамъ, — говоря въ выгодномъ для нихъ отношеніи, — съ ихъ лилейно-розовыми плечами и личиками, съ ихъ воздушными станами, съ ихъ рѣзвоигривыми, гомеопатическими, говоря высокимъ слогомъ, ножками? Какъ изображу я вамъ, наконецъ, этихъ блестящихъ чиновныхъ кавалеровъ, веселыхъ и солидныхъ, юношей и степенныхъ, радостныхъ и прилично-туманныхъ, курящихъ въ антрактахъ между

танцами, въ маленькой отдаленной зеленой комнатѣ, трубку и некурящихъ въ антрактахъ трубки, — кавалеровъ, имѣвшихъ на себѣ, отъ перваго до послѣдняго, приличный чинъ и фамилью, — кавалеровъ, глубоко-проникнутыхъ чувствомъ изящнаго и чувствомъ собственнаго достоинства; кавалеровъ, говорящихъ бо̀льшею частію на французскомъ языкѣ съ дамами, а если на русскомъ, то выраженіями самаго высокаго тона, комплиментами и глубокими фразами, — кавалеровъ, развѣ только въ трубочной позволявшихъ себѣ нѣкоторыя любезныя отступленія отъ языка высшаго тона, нѣкоторыя фразы дружеской и любезной короткости, въ родѣ такихъ, на-примѣръ: «что де-скать ты такой-сякой Петька славно польку откалывалъ», или: «что де-скать ты такой-сякой Вася пришпандорилъ-таки свою дамочку какъ хотѣлъ». На все это, какъ уже выше имѣлъ я честь объяснить вамъ, о читатели! не достаетъ пера моего, и потому я молчу. Обратимся лучше къ господину Голядкину, единственному, истинному герою весьма-правдивой повѣсти нашей.

Дѣло въ томъ, что онъ находится теперь въ весьма-странномъ, чтобъ не сказать болѣе, положеніи. Онъ, господа, тоже здѣсь, т. е. не на балѣ, но почти-что на балѣ; онъ, господа, ничего; онъ хотя и самъ-по-себѣ, но въ эту минуту стои́тъ на дорогѣ не совсѣмъ-то прямой; стои́тъ онъ теперь — даже странно сказать — стои́тъ онъ теперь въ сѣняхъ, на черной лѣстницѣ квартиры Олсуфья Ивановича. Но это ничего, что онъ тутъ стои́тъ; онъ такъ-себѣ. Онъ, господа, стои́тъ въ уголку, забившись въ мѣстечко хоть не потеплѣе, но зато потемнѣе, закрывшись отчасти огромнымъ шкафомъ и старыми ширмами, между всякимъ дрязгомъ, хламомъ и рухлядью, скрываясь до времени, и покамѣстъ только наблюдая за ходомъ общаго дѣла въ качествѣ посторонняго зрителя. Онъ, господа, только наблюдаетъ теперь; онъ, господа, тоже вѣдь можетъ войдти... почему же не войдти? Сто̀итъ только шагнуть, и войдетъ, и весьма-ловко войдетъ. Сейчасъ только, — выстаивая, впрочемъ, уже третій часъ на холодѣ, между шкафомъ и ширмами, между всякимъ хламомъ, дрязгомъ и рухлядью, — цитовалъ онъ, въ собственное оправданіе свое, одну фразу блаженной памяти французскаго министра Виллеля, что «все де-скать прійдетъ своимъ чередомъ, если выждать есть смѣтка». Фразу эту вычиталъ господинъ Голядкинъ когда-то изъ какой-то книжки, изъ совершенно-посторонней, впрочемъ, книжки, но теперь весьма-

кстати привелъ ее себѣ на память. Фраза, во-первыхъ, очень-хорошо шла къ настоящему его положенію, а во-вторыхъ, чего же не прійдетъ въ голову человѣку, выжидающему счастливой развязки обстоятельствъ своихъ почти битые три часа въ сѣняхъ, въ темнотѣ и на холодѣ? Цитовавъ, какъ уже сказано было, весьма-кстати фразу бывшаго французскаго министра Виллеля, господинъ Голядкинъ тутъ же, неизвѣстно только почему, припомнилъ и о бывшемъ турецкомъ визирѣ Марцимирисѣ, равно-какъ и о прекрасной маркграфинѣ Луизѣ, исторію которыхъ читалъ онъ тоже когда-то въ книжкѣ. Потомъ пришло ему на память, что іезуиты поставили даже правиломъ своимъ считать всѣ средства годящимися, лишь-бы цѣль могла быть достигнута. Обнадеживъ себя немного подобнымъ историческимъ пунктомъ, господинъ Голядкинъ сказалъ самъ-себѣ, что де-скать что̀ іезуиты? Іезуиты всѣ до одного были величайшіе дураки, что онъ самъ ихъ всѣхъ заткнетъ за поясъ, что вотъ только бы хоть на минуту опустѣла буфетная (та комната, которой дверь выходила прямо въ сѣни, на черную лѣстницу, и гдѣ господинъ Голядкинъ находился теперь), такъ онъ, не смотря на всѣхъ іезуитовъ, возьметъ да прямо и пройдетъ сначала изъ буфетной въ чайную, потомъ въ ту комнату, гдѣ теперь въ карты играютъ, а тамъ прямо въ залу, гдѣ теперь польку танцуютъ. И пройдетъ, непремѣнно пройдетъ, ни на что не смотря пройдетъ, проскользнетъ да и только, и никто не замѣтитъ; а тамъ ужь онъ самъ знаетъ, что́ ему дѣлать. Вотъ въ такомъ-то положеніи, господа, находимъ мы теперь героя совершенно-правдивой исторіи нашей, хотя, впрочемъ, трудно объяснить, что̀ именно дѣлалось съ нимъ въ настоящее время. Дѣло-то въ томъ, что онъ до сѣней и до лѣстницы добраться умѣлъ, по той причинѣ, что де-скать почему жь не добраться, что всѣ добираются; но далѣе проникнуть не смѣлъ, явно этого сдѣлать не смѣлъ... не потому, чтобъ чего-нибудь не смѣлъ, а такъ, потому-что самъ не хотелъ, потому-что ему лучше хотѣлось бы въ-тихомолочку. Вотъ онъ, господа, и выжидаетъ теперь тихомолочки и выжидаетъ ее ровно два часа съ половиною. Отъ-чего жь и не выждать? И самъ Виллель выжидалъ. «Да что́ тутъ Виллель!» думалъ господинъ Голядкинъ: «какой тутъ Виллель? А вотъ, ка́къ бы мнѣ теперь того... и проникнуть, этакъ... взять да и проникнуть?.. Эхъ ты, фигурантъ ты этакой!» сказалъ господинъ Голядкинъ, ущипнувъ себя око-

ченѣвшею рукою за окоченѣвшую щеку: «дурашка ты этакой, Голядка ты этакой — фамилія твоя такова!»... Впрочемъ, это ласкательство собственной особѣ своей въ настоящую минуту было лишь такъ-себѣ, мимоходомъ, безъ всякой видимой цѣли. Вотъ-было онъ сунулся и подался впередъ; минута настала; буфетная опустѣла и въ ней нѣтъ никого; господинъ Голядкинъ видѣлъ все это въ окошко; въ два шага очутился онъ у двери и уже сталъ отворять ее. «Идти, или нѣтъ? Ну, идти, или нѣтъ? Пойду... отъ-чего жь не пойдти? Смѣлому дорога вездѣ!» Обнадеживъ себя такимъ-образомъ, герой нашъ вдругъ и совсѣмъ-неожиданно ретировался за ширмы. «Нѣтъ» думалъ онъ: «а ну какъ войдетъ кто-нибудь, а ну какъ войдетъ? Такъ и есть, вошли; чего жь я зѣвалъ, когда народу-то не было? Этакъ бы взять да и проникнуть... да и проникнуть! Нѣтъ, ужь что̀ проникнуть, когда характеръ у человѣка такой! Эка вѣдь тенденція подлая! Струсилъ какъ курица. Струсить-то наше дѣло, вотъ оно что́! Нагадить-то всегда наше дѣло: объ этомъ вы насъ и не спрашивайте. Вотъ и стой здѣсь теперь какъ чурбанъ, да и только! Дома бы чаю теперь выпить чашечку... право, выпить бы чашечку. Оно бы и пріятно этакъ было выпить бы чашечку. Позже прійдти, такъ Петрушка будетъ, пожалуй, ворчать. Не пойдти ли домой? Черти бы взяли все это! Иду да и только!» Разрѣшивъ такимъ-образомъ свое положеніе, господинъ Голядкинъ быстро подался впередъ, словно пружину какую кто тронулъ въ немъ; съ двухъ шаговъ очутился въ буфетной, сбросилъ шинель, снялъ свою шляпу, поспѣшно сунулъ это все въ уголокъ, оправился и огладился; потомъ... потомъ двинулся въ чайную, изъ чайной юркнулъ еще въ другую комнату, скользнулъ почти незамѣтно между вошедшими въ азартъ игроками; потомъ... потомъ... тутъ господинъ Голядкинъ позабылъ все, что̀ вокругъ него дѣлается, и прямо, какъ снѣгъ на голову, явился въ танцовальную залу.

Какъ нарочно въ это время не танцовали. Дамы гуляли по залѣ живописными группами. Мужчины сбивались въ кружки́, или шныряли по комнатѣ ангажируя дамъ. Господинъ Голядкинъ не замѣчалъ этого ничего. Видѣлъ онъ только Клару Олсуфьевну; возлѣ нея Андрея Филипповича, потомъ Владиміра Семеновича, да еще двухъ или трехъ офицеровъ, да еще двухъ или трехъ молодыхъ людей, тоже весьма-интересныхъ, подающихъ или уже осуществившихъ, какъ можно было по первому

взгляду судить, кое-какія надежды... Видѣлъ онъ и еще кой-кого. Или нѣтъ; онъ уже никого не видалъ, ни на кого не глядѣлъ... а двигаемый тою же самой пружиной, посредствомъ которой вскочилъ на чужой балъ непрошеный, подался впередъ, потомъ и еще впередъ, и еще впередъ; наткнулся мимоходомъ на какого-то совѣтника, отдавилъ ему ногу; кстати уже наступилъ на платье одной почтенной старушки и немного порвалъ его, толкнулъ человѣка съ подносомъ, толкнулъ и еще кой-кого, и не замѣтивъ всего этого, или лучше сказать замѣтивъ, но ужь такъ, заодно, не глядя ни на кого, пробираясь все далѣе и далѣе впередъ, вдругъ очутился передъ самой Кларой Олсуфьевной. Безъ всякаго сомнѣнія, глазкомъ не мигнувъ, онъ съ величайшимъ бы удовольствіемъ провалился въ эту минуту сквозь землю; но, что́ сдѣлано было, того не воротишь... вѣдь ужь никакъ не воротишь. Что̀ же было дѣлать? Не удастся держись, а удастся крѣпись. Господинъ Голядкинъ ужь, разумѣется, былъ не интригантъ и лощить паркетъ сапогами не мастеръ... Та́къ ужь случилось. Къ-тому же, и іезуиты какъ-то тутъ подмѣшались... Но не до нихъ, впрочемъ, было господину Голядкину! Все, что̀ ходило, шумѣло, говорило, смѣялось, вдругъ, какъ-бы по мановенію какому затихло, и мало-по-малу столпилось около господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ, впрочемъ, какъ-бы ничего не слыхалъ, ничего не видалъ, онъ не могъ смотрѣть... онъ ни за что не могъ смотрѣть; онъ опустилъ глаза въ землю, да такъ и стоялъ себѣ, давъ себѣ, впрочемъ, мимоходомъ, честное слово какимъ-нибудь образомъ застрѣлиться въ эту же ночь. Давъ себѣ такое честное слово, господинъ Голядкинъ мысленно сказалъ себѣ «была не была!» и, къ собственному своему величайшему изумленію, совсѣмъ неожиданно началъ вдругъ говорить.

Началъ господинъ Голядкинъ поздравленіями и приличными пожеланіями. Поздравленія прошли хорошо; а на пожеланьяхъ герой нашъ запнулся. Чувствовалъ онъ, что если запнется, то все сразу къ чорту пойдетъ. Такъ и вышло — запнулся и завязъ... завязъ и покраснѣлъ; покраснѣлъ и потерялся; потерялся и поднялъ глаза; поднялъ глаза и обвелъ ихъ кругомъ; обвелъ ихъ кругомъ и — и обмеръ... Все стояло, все молчало, все выжидало: немного подальше зашептало; немного поближе захохотало. Господинъ Голядкинъ бросилъ покорный, потерянный взоръ на Андрея Филипповича. Андрей Филипповичъ отвѣтилъ господину Голядкину такимъ взглядомъ, что еслибъ герой нашъ

не былъ уже убитъ вполнѣ, совершенно, то былъ бы непремѣнно убитъ въ другой разъ, — еслибъ это было только возможно. Молчаніе длилось.

— Это болѣе относится къ домашнимъ обстоятельствамъ и къ частной жизни моей, Андрей Филипповичъ, едва-слышнымъ голосомъ проговорилъ полумертвый господинъ Голядкинъ: — это не оффиціальное приключеніе, Андрей Филипповичъ...

— Стыдитесь, сударь, стыдитесь! проговорилъ Андрей Филипповичъ полу-шопотомъ, съ невыразимою миной негодованія, — проговорилъ, взялъ за руку Клару Олсуфьевну и отвернулся отъ господина Голядкина.

— Нѣчего мнѣ стыдиться, Андрей Филипповичъ, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ также полушопотомъ, обводя свои несчастные взоры кругомъ, потерявшись, и стараясь по сему случаю отъискать въ недоумѣвающей толпѣ средины и соціальнаго своего положенія.

— Ну, и ничего, ну, и ничего, господа! ну, что жь такое? ну, и со всякимъ можетъ случиться, шепталъ господинъ Голядкинъ, сдвигаясь понемногу съ мѣста и стараясь выбраться изъ окружавшей его толпы. Ему дали дорогу. Герой нашъ кое-какъ прошелъ между двумя рядами любопытныхъ и недоумѣвающихъ наблюдателей. Рокъ увлекалъ его. Господинъ Голядкинъ самъ это чувствовалъ, что рокъ-то его увлекалъ. Конечно, онъ бы дорого далъ за возможность находиться теперь, безъ нарушенія приличій, на прежней стоянкѣ своей въ сѣняхъ, возлѣ черной лѣстницы; но такъ-какъ это было рѣшительно невозможно, то онъ и началъ стараться улизнуть куда-нибудь въ уголокъ, да такъ и стоять себѣ тамъ — скромно, прилично, особо, никого незатрогивая, не обращая на себя исключительнаго вниманія, но вмѣстѣ съ тѣмъ снискавъ благорасположеніе гостей и хозяина. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ чувствовалъ, что его какъ-будто бы подмываетъ что-то, какъ-будто онъ колеблется, падаетъ. Наконецъ, онъ добрался до одного уголка и сталъ въ немъ какъ посторонній довольно-равнодушный наблюдатель, опершись руками на спинки двухъ стульевъ, захвативъ ихъ такимъ образомъ въ свое полное обладаніе и стараясь по-возможности взглянуть бодрымъ взглядомъ на сгруппировавшихся около него гостей Олсуфья Ивановича. Ближе всѣхъ стоялъ къ нему какой-то офицеръ, высокій и красивый малой, предъ которымъ господинъ Голядкинъ почувствовалъ себя настоящей букашкой.

— Эти два стула, поручикъ, назначены одинъ для Клары Олсуфьевны, а другой для танцующей здѣсь же княжны Чевчехановой; я ихъ, поручикъ, теперь для нихъ берегу, задыхаясь проговорилъ господинъ Голядкинъ, обращая умоляющій взоръ на господина поручика. Поручикъ молча и съ убійственной улыбкой отворотился. Осѣкшись въ одномъ мѣстѣ, герой нашъ попробовалъ-было попытать счастье гдѣ-нибудь съ другой стороны, и обратился прямо къ одному важному совѣтнику, съ значительнымъ крестомъ на шеѣ. Но совѣтникъ обмѣрялъ его такимъ холоднымъ взглядомъ, что господинъ Голядкинъ ясно почувствовалъ, что его вдругъ окатили цѣлымъ ушатомъ холодной воды. Господинъ Голядкинъ затихъ. Онъ рѣшился лучше смолчать, не заговаривать, показать, что онъ такъ-себѣ, что онъ тоже такъ, какъ и всѣ, и что положеніе его, сколько ему кажется по-крайней-мѣрѣ, тоже приличное. Съ этою цѣлью онъ приковалъ свой взглядъ къ обшлагамъ своего виц-мундира, потомъ поднялъ глаза и остановилъ ихъ на одномъ весьма-почтенной наружности господинѣ. — На этомъ господинѣ парикъ, подумалъ господинъ Голядкинъ: — а если снять этотъ парикъ, такъ будетъ голая голова, точь-въ-точь какъ ладонь моя голая. — Сдѣлавъ такое важное открытіе, господинъ Голядкинъ вспомнилъ и о арабскихъ эмирахъ, у которыхъ если снять съ головы зеленую чалму, которую они носятъ въ знакъ родства своего съ пророкомъ Мухаммедомъ, то останется тоже голая, безволосая голова. Потомъ, и, вѣроятно, по особенному столкновенію идей относительно Турковъ въ головѣ своей, господинъ Голядкинъ дошелъ и до туфлей турецкихъ, и тутъ же кстати вспомнилъ, что Андрей Филипповичъ носитъ сапоги, похожіе больше на туфли, чѣмъ на сапоги. Замѣтно было, что господинъ Голядкинъ отчасти освоился съ своимъ положеніемъ. — Вотъ, еслибъ эта люстра, мелькнуло въ головѣ господина Голядкина: — вотъ, еслибъ эта люстра сорвалась теперь съ мѣста и упала на общество, то я бы тотчасъ бросился спасать Клару Олсуфьевну. Спасши ее, сказалъ бы ей: «не безпокойтесь, сударыня; это ничего-съ, а спаситель вашъ я». Потомъ... Тутъ господинъ Голядкинъ повернулъ глаза въ сторону, отъискивая Клару Олсуфьевну, и увидѣлъ Герасимыча, стараго каммердинера Олсуфія Ивановича. Герасимычъ съ самымъ заботливымъ, съ самымъ оффиціально-торжественнымъ видомъ пробирался прямо къ нему. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и помор-

щился отъ какого-то безотчетнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго непріятнаго ощущенія. Машинально осмотрѣлся кругомъ: ему пришло-было на мысль, какъ-нибудь, этакъ подъ-рукой, бочкомъ, втихомолку улизнуть отъ грѣха, этакъ взять да и стушеваться, т. е. сдѣлать такъ, какъ-будто-бы онъ ни въ одномъ глазу; какъ-будто бы вовсе не въ немъ было дѣло. Однако, прежде, чѣмъ нашъ герой успѣлъ рѣшиться на что-нибудь, Герасимычъ уже стоялъ передъ нимъ.

— Видите ли, Герасимычъ, сказалъ нашъ герой, съ улыбочкой обращаясь къ Герасимычу: — вы, знаете ли? вы возьмите да и прикажите, — вотъ видите, свѣчка тамъ въ канделябрѣ, Герасимычъ — она сейчасъ упадетъ: такъ вы, знаете ли, прикажите поправить ее; она, право, сейчасъ упадетъ, Герасимычъ...

— Свѣчка-съ? нѣтъ-съ, свѣчка прямо стоитъ-съ; а вотъ васъ кто-то тамъ спрашиваетъ-съ.

— Кто же это тамъ меня спрашиваетъ, Герасимычъ?

— А ужь право не знаю-съ, кто именно-съ. Человѣкъ отъ какихъ-то-съ. Здѣсь, дескать, находится Яковъ Петровичъ Голядкинъ? Такъ вызовите, говоритъ, его по весьма-нужному и спѣшному дѣлу... вотъ какъ-съ.

— Нѣтъ, Герасимычъ, вы ошибаетесь; въ этомъ вы, Герасимычъ, ошибаетесь.

— Сумнительно-съ...

— Нѣтъ, Герасимычъ, не сумнительно; тутъ, Герасимычъ, ничего нѣтъ сумнительнаго. Никто меня не спрашиваетъ, Герасимычъ, меня нѐкому спрашивать, а я здѣсь у себя, т. е. на своемъ мѣстѣ, Герасимычъ.

Господинъ Голядкинъ перевелъ духъ и осмотрѣлся кругомъ. Такъ и есть! Все, что̀ ни было въ залѣ, всѣ такъ и устремились на него взоромъ и слухомъ въ какомъ-то торжественномъ ожиданіи. Мужчины толпились поближе и прислушивались. Подальше тревожно перешептывались дамы. Самъ хозяинъ явился въ весьма-недальнемъ разстояніи отъ господина Голядкина, и хотя по виду его нельзя было замѣтить, что онъ тоже, въ свою очередь, принимаетъ прямое и непосредственное участіе въ обстоятельствахъ господина Голядкина, потому-что все это дѣлалось на деликатную ногу, но тѣмъ не менѣе все это дало ясно почувствовать герою повѣсти нашей, что минута для него настала рѣшительная. Господинъ Голядкинъ ясно видѣлъ, что настало время удара смѣлаго, время посрамленія враговъ его.

Господинъ Голядкинъ былъ въ волненіи. Господинъ Голядкинъ почувствовалъ какое-то вдохновеніе и дрожащимъ, торжественнымъ голосомъ началъ снова, обращаясь къ ожидавшему Герасимычу:

— Нѣтъ, мой другъ, меня никто не зоветъ. Ты ошибаешься. Скажу болѣе, ты ошибался и утромъ сегодня, увѣряя меня... осмѣливаясь увѣрять меня, говорю я (господинъ Голядкинъ возвысилъ голосъ), что Олсуфій Ивановичъ, благодѣтель мой сънезапамятныхъ лѣтъ, замѣнившій мнѣ въ нѣкоторомъ смыслѣ отца, закажетъ для меня дверь свою въ минуту семейной и торжественнѣйшей радости для его сердца родительскаго. (Господинъ Голядкинъ самодовольно, но съ глубокимъ чувствомъ осмотрѣлся кругомъ. На рѣсницахъ его навернулись слезы.) Повторяю, мой другъ, заключилъ нашъ герой: — ты ошибался, ты жестоко, непростительно ошибался...

Минута была торжественная. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ, что эффектъ былъ вѣрнѣйшій. Господинъ Голядкинъ стоялъ, скромно потупивъ глаза и ожидая объятій Олсуфія Ивановича. Въ гостяхъ замѣтно было волненіе и недоумѣніе; даже самъ непоколебимый и ужасный Герасимычъ заикнулся на словѣ «сумнительно-съ»... какъ вдругъ безпощадный оркестръ, ни съ того ни съ сего, грянулъ польку. Все пропало, все на вѣтеръ пошло. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ, Герасимычъ отшатнулся назадъ, все, что̀ ни было въ залѣ, заволновалось какъ море, и Владиміръ Семеновичъ уже несся въ первой парѣ съ Кларой Олсуфьевной, а красивый поручикъ съ княжной Чевчехановой. Зрители съ любопытствомъ и восторгомъ тѣснились взглянуть на танцующихъ польку — танецъ интересный, новый, модный, круживший всѣмъ головы. Господинъ Голядкинъ былъ на время забытъ. Но вдругъ все заволновалось, замѣшалось, засуетилось; музыка умолкла... случилось странное происшествіе. Утомленная танцемъ, Клара Олсуфьевна, едва переводя духъ отъ усталости, съ пылающими щеками и глубоко-волнующеюся грудью упала наконецъ въ изнеможеніи силъ въ кресла. Всѣ сердца устремились къ прелестной очаровательницѣ, всѣ спѣшили наперерывъ привѣтствовать ее и благодарить за оказанное удовольствіе, — вдругъ передъ нею очутился господинъ Голядкинъ. Господинъ Голядкинъ былъ блѣденъ, крайне разстроенъ; казалось, онъ тоже былъ въ какомъ-то изнеможеніи, онъ едва двигался. Онъ отъ-

чего–то улыбался, онъ просительно протягивалъ руку. Клара Олсуфьевна, въ изумленіи, не успѣла отдернуть руки своей и машинально встала на приглашеніе господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ покачнулся впередъ, сперва одинъ разъ, потомъ другой, потомъ поднялъ ножку, потомъ какъ–то пришаркнулъ, потомъ какъ–то притопнулъ, потомъ споткнулся... Клара Олсуфьевна вскрикнула; всѣ бросились освобождать ея руку изъ руки господина Голядкина, и разомъ герой нашъ былъ оттѣсненъ толпою едва–ли не на десять шаговъ разстоянія. Вокругъ него сгруппировался тоже кружокъ. Послышался визгъ и крикъ двухъ старухъ, которыхъ господинъ Голядкинъ едва не опрокинулъ въ ретирадѣ. Смятеніе было ужасное; все спрашивало, все кричало, все разсуждало. Оркестръ умолкъ. Герой нашъ вертѣлся въ кружкѣ своемъ и машинально, отчасти улыбаясь, что–то бормоталъ про себя, что «де–скать отъ–чего жь и нѣтъ, и что, де–скать, полька, сколько ему по–крайней–мѣрѣ кажется, танецъ новый, и весьма–интересный, созданный для утѣшенія дамъ... Но что если такъ дѣло пошло, то онъ, пожалуй, готовъ согласиться». Но согласія господина Голядкина, кажется, никто и не спрашивалъ. Герой нашъ почувствовалъ, что вдругъ чья–то рука упала на его руку, что другая рука немного оперлась на спину его, что его съ какою–то особенною заботливостью направляютъ въ какую–то сторону. Наконецъ онъ замѣтилъ, что идетъ прямо къ дверямъ. Господинъ Голядкинъ хотѣлъ–было что–то сказать, что–то сдѣлать... Но нѣтъ, онъ уже ничего не хотѣлъ. Онъ только машинально отсмѣивался. Наконецъ онъ почувствовалъ, что на него надѣваютъ шинель, что ему нахлобучили на глаза шляпу; что — наконецъ онъ почувствовалъ себя въ сѣняхъ, въ темнотѣ и на холодѣ, наконецъ и на лѣстницѣ. Наконецъ онъ споткнулся, ему казалось, что онъ падаетъ въ бездну; онъ хотѣлъ–было вскрикнуть — и вдругъ очутился на дворѣ. Свѣжій воздухъ пахнулъ на него, онъ на минутку пріостановился; въ самое это мгновеніе до него долетѣли звуки вновь–грянувшаго оркестра. Господинъ Голядкинъ вдругъ вспомнилъ все; казалось, всѣ опавшія силы его возвратились къ нему опять. Онъ сорвался съ мѣста, на которомъ доселѣ стоялъ какъ прикованный, и стремглавъ бросился вонъ, куда–нибудь, на воздухъ, на волю, куда глаза глядятъ...

ГЛАВА V.

Совершенно-необъяснимое происшествіе.

На всѣхъ петербургскихъ башняхъ, показывающихъ и бьющихъ часы, пробило ровно полночь, когда господинъ Голядкинъ внѣ себя выбѣжалъ на набережную Фонтанки, близь самаго Измайловскаго-Моста, спасаясь отъ враговъ, отъ преслѣдованій, отъ града щелчковъ, на него занесенныхъ, отъ крика встревоженныхъ старухъ, отъ оханья и аханья женщинъ и отъ убійственныхъ взглядовъ Андрея Филипповича. Господинъ Голядкинъ былъ убитъ — убитъ вполнѣ, въ полномъ смыслѣ слова, и если сохранилъ въ настоящую минуту способность бѣжать, то единственно по какому-то чуду, по чуду, которому онъ самъ, наконецъ, вѣрить отказывался. Ночь была ужасная, ноябрская, — мокрая, туманная, дождливая, снѣжливая, чреватая флюсами, насморками, лихорадками, жабами, горячками всѣхъ возможныхъ родовъ и сортовъ, однимъ словомъ, всѣми дарами петербургскаго ноября. Вѣтеръ выл ъ въ опустѣлыхъ улицахъ, вздымая выше колецъ черную воду Фонтанки, и задорно потрогивая тощіе фонари набережной, которые въ свою очередь вторили его завываніямъ тоненькимъ, пронзительнымъ скрипомъ, что̀ составляло безконечный, пискливый, дребезжащій концертъ, весьма-знакомый каждому петербургскому жителю. Шелъ дождь и снѣгъ разомъ. Прорываемыя вѣтромъ струи дождевой воды прыскали чуть-чуть не горизонтально, словно изъ пожарной трубы, и кололи и сѣкли лицо несчастнаго господина Голядкина, какъ тысячи булавокъ и шпилекъ. Среди ночнаго безмолвія, прерываемаго лишь отдаленнымъ гуломъ каретъ, воемъ вѣтра и скрипомъ фонарей, уныло слышались хлёстъ и журчаніе воды, стекавшей со всѣхъ крышъ, крылечекъ, жолобовъ и карнизовъ на гранитный помостъ троттуара. Ни души не было ни вблизи, ни вдали, да казалось, что и быть не могло въ такую пору и въ такую погоду. И такъ, одинъ только господинъ Голядкинъ, одинъ съ своимъ отчаяніемъ, трусилъ въ это время по троттуару Фонтанки своимъ обыкновеннымъ мелкимъ и частымъ шажкомъ, спѣша добѣжать какъ-можно-скорѣе въ свою Шестилавочную-Улицу, въ свой четвертый этажъ, къ себѣ на квартиру.

Хотя снѣгъ, дождь и все то, чему даже и имени не бываетъ, когда разыграется вьюга и хмара подъ петербургскимъ ноябрскимъ небомъ, разомъ, вдругъ аттаковали и безъ того убитаго несчастіями господина Голядкина, не давая ему ни малѣйшей пощады и отдыха, пронимая его до костей, залѣпляя глаза, продувая со всѣхъ сторонъ, сбивая съ пути и съ послѣдняго толка, хоть все это разомъ опрокинулось на господина Голядкина, какъ-бы нарочно сообщась и согласясь со всѣми врагами его отработать ему денекъ, вечерокъ и ночку на славу, — не смотря на все это, господинъ Голядкинъ остался почти нечувствителенъ къ этому послѣднему доказательству гоненія судьбы: такъ сильно потрясло и поразило его все происшедшее съ нимъ, нѣсколько минутъ назадъ, у господина статскаго совѣтника Берендѣева! Еслибъ теперь посторонній, неинтересованный какой-нибудь наблюдатель, взглянулъ бы такъ-себѣ, съ боку, на тоскливую побѣжку господина Голядкина, то и тотъ бы разомъ проникнулся всѣмъ страшнымъ ужасомъ его бѣдствій, и непремѣнно сказалъ бы, что господинъ Голядкинъ глядитъ теперь такъ, какъ-будто самъ отъ себя куда-то спрятаться хочетъ, какъ-будто самъ отъ себя убѣжать куда-нибудь хочетъ. Да! оно было дѣйствительно такъ. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ не только желалъ теперь убѣжать отъ себя самого, но даже совсѣмъ уничтожиться, не быть, въ прахъ обратиться. Въ настоящія минуты, онъ не внималъ ничему окружающему, не понималъ ничего, что̀ вокругъ него дѣлается, и смотрѣлъ такъ, какъ-будто-бы для него не существовало на-самомъ-дѣлѣ ни непріятностей ненастной ночи, ни долгаго пути, ни дождя, ни снѣга, ни вѣтра, ни всей крутой непогоды. Калоша, отставшая отъ сапога съ правой ноги господина Голядкина, тутъ же и осталась въ грязи и снѣгу, на троттуарѣ Фонтанки, а господинъ Голядкинъ и не подумалъ воротиться за нею, и не примѣтилъ пропажи ея. Онъ былъ такъ озадаченъ, что нѣсколько разъ, вдругъ, не смотря ни на что окружающее, проникнутый вполнѣ идеей своего недавняго, страшнаго паденія, останавливался неподвижно, какъ столбъ, посреди троттуара; въ это мгновеніе, онъ умиралъ, исчезалъ; потомъ вдругъ срывался какъ бѣшеный съ мѣста и бѣжалъ, бѣжалъ безъ оглядки, какъ-будто спасаясь отъ чьей-то погони, отъ какого-то еще болѣе ужаснаго бѣдствія... Дѣйствительно, положеніе было ужасное!.. Наконецъ, въ истощеніи силъ, господинъ Голядкинъ остановился, оперся на перила набережной въ положеніи человѣка, у котораго вдругъ

совсѣмъ–неожиданно потекла носомъ кровь, и пристально сталъ смотрѣть на мутную, черную воду Фонтанки. Неизвѣстно, сколько именно времени проведено было имъ въ этомъ занятіи. Извѣстно только, что въ это мгновеніе господинъ Голядкинъ дошелъ до такого отчаянія, такъ былъ истерзанъ, такъ былъ измученъ, до того изнемогъ и опалъ и безъ того уже слабыми остатками духа, что позабылъ обо всемъ, и объ Измайловскомъ–Мостѣ, и о Шестилавочной–Улицѣ, и о настоящемъ своемъ... Что̀ жь въ–самомъ–дѣлѣ? вѣдь ему было все равно? дѣло сдѣлано, конечно, рѣшеніе скрѣплено и подписано; что жь ему?.. Вдругъ... вдругъ онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и невольно отскочилъ шага на два въ сторону. Съ неизъяснимымъ безпокойствомъ началъ онъ озираться кругомъ; но никого не было, ничего не случилось особеннаго, — а между–тѣмъ... между–тѣмъ ему показалось, что кто–то сейчасъ, сію минуту, стоялъ здѣсь, около него, рядомъ съ нимъ, тоже облокотясь на перила набережной, и — чудное дѣло! — даже что–то сказалъ ему, что–то скоро сказалъ, отрывисто, не совсѣмъ–понятно, но о чемъ–то весьма къ нему близкомъ, до него относящемся. «Что̀ жь, это мнѣ почудилось, что ли?» сказалъ господинъ Голядкинъ, еще разъ озираясь кругомъ. — «Да я–то гдѣ же стою?.. Эхъ, эхъ!» заключилъ онъ, покачавъ головою, а между–тѣмъ съ безпокойнымъ, тоскливымъ чувствомъ, даже со страхомъ сталъ вглядываться въ мутную, влажную даль, напрягая всѣми силами зрѣніе и всѣми силами стараясь пронзить близорукимъ взоромъ своимъ мокрую средину, передъ нимъ разстилавшуюся. Однакожь, ничего не было новаго, ничего особеннаго не бросилось въ глаза господину Голядкину. Казалось, все было въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ, т. е. снѣгъ валилъ еще сильнѣе, крупнѣе и гуще; на разстояніи двадцати шаговъ не было видно ни зги; фонари скрипѣли еще пронзительнѣе прежняго, и вѣтеръ, казалось, еще плачевнѣе, еще жалостнѣе затягивалъ тоскливую пѣсню свою, словно неотвязчивый нищій, вымаливающій мѣднаго гроша на свое пропитаніе. «Эхъ, эхъ! да что жь это со мною такое?» повторилъ опять господинъ Голядкинъ, пускаясь снова въ дорогу и все слегка озираясь кругомъ. А между–тѣмъ, какое–то новое ощущеніе отозвалось во всемъ существѣ господина Голядкина: тоска не тоска, страхъ не страхъ... лихорадочный трепетъ пробѣжалъ по жиламъ его. Минута была невыносимо–непріятная! «Ну, ничего», проговорилъ онъ, чтобъ

себя ободрить: «ну, ничего; можетъ–быть, это и совсѣмъ ничего и чести ничьей не маретъ. Можетъ–быть, оно такъ и надобно было», продолжалъ онъ, самъ не понимая, что́ говоритъ: «можетъ–быть, все это въ свое время устроится къ лучшему, и претендовать будетъ не́ на что и всѣхъ оправдаетъ.» Такимъ–образомъ говоря, и словами себя облегчая, господинъ Голядкинъ отряхнулся немного, стряхнулъ съ себя снѣжные хлопья, навалившіе густою корою ему на шляпу, на воротникъ, на шинель, на галстухъ, на сапоги и на все, — но страннаго чувства, странной темной тоски своей все еще не могъ оттолкнуть отъ себя, сбросить съ себя. Гдѣ–то далеко раздался пушечный выстрѣлъ. «Эка погодка», подумалъ герой нашъ: «чу! не будетъ ли наводненія? видно вода поднялась слишкомъ–сильно.» Только–что сказалъ или подумалъ это господинъ Голядкинъ, какъ увидѣлъ впереди себя идущаго ему на встрѣчу прохожаго, тоже, вѣроятно, какъ и онъ, по какому–нибудь тамъ случаю запоздалаго. Дѣло бы, кажется, пустое, случайное; но неизвѣстно почему господинъ Голядкинъ смутился и даже струсилъ, потерялся немного. Не то, чтобъ онъ боялся недобраго человѣка, а такъ, можетъ–быть... да и кто его знаетъ, этого запоздалаго, промелькнуло въ головѣ господина Голядкина, можетъ–быть, и онъ то же самое, можетъ быть онъ–то тутъ и самое главное дѣло, и не даромъ идетъ, а съ цѣлью идетъ, дорогу мою переходитъ и меня задѣваетъ. Можетъ–быть, впрочемъ, господинъ Голядкинъ и не подумалъ именно этого, а такъ только ощутилъ мгновенно что–то подобное и весьма–непріятное. Думать–то и ощущать, впрочемъ, нѐкогда было; прохожій уже былъ въ двухъ шагахъ. Господинъ Голядкинъ тотчасъ, по всегдашнему обыкновенію своему, поспѣшилъ принять видъ совершенно–особенный, видъ ясно выражавшій, что онъ, Голядкинъ, самъ–по–себѣ, что онъ ничего, что дорога для всѣхъ довольно–широкая, и что вѣдь онъ Голядкинъ, самъ никого не затрогиваетъ. Вдругъ онъ остановился какъ вкопанный, какъ–будто молніей пораженный, и быстро потомъ обернулся назадъ вслѣдъ прохожему, едва только его минувшему, — обернулся съ такимъ видомъ, какъ–будто что его дернуло сзади, какъ–будто вѣтеръ повернулъ его флюгеръ. Прохожій быстро исчезалъ въ снѣжной мятелицѣ. Онъ тоже шелъ торопливо, тоже, какъ и господинъ Голядкинъ, былъ одѣтъ и укутанъ съ головы до ногъ, и такъ же какъ и онъ дробилъ и сѣменилъ по троттуару Фонтанки частымъ, мелкимъ

шажкомъ, немного съ притрусочкой. «Что̀, что̀ это?» шепталъ господинъ Голядкинъ, недовѣрчиво улыбаясь, но однакожь дрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Морозомъ подернуло у него по спинѣ. Между-тѣмъ, прохожій исчезъ совершенно, не стало уже слышно и шаговъ его, а господинъ Голядкинъ все еще стоялъ и глядѣлъ ему въ слѣдъ. Однакожь, наконецъ, онъ мало-по-малу опомнился. «Да что̀ жь это такое», подумалъ онъ съ досадою: «что жь это я, съ ума что ли, въ-самомъ-дѣлѣ, сошелъ?» обернулся и пошелъ своею дорогою, ускоряя и частя болѣе и болѣе шаги, и стараясь ужь лучше вовсе ни о чемъ не думать. Даже и глаза наконецъ закрылъ съ сею цѣлью. Вдругъ, сквозь завыванія вѣтра и шумъ непогоды, до слуха его долетѣлъ опять шумъ чьихъ-то весьма-недалекихъ шаговъ. Онъ вздрогнулъ и открылъ глаза. Передъ нимъ опять, шагахъ въ двадцати отъ него, чернѣлся какой-то быстро-приближавшійся къ нему человѣчекъ. Человѣчекъ этотъ спѣшилъ, частилъ, торопился; разстояніе быстро уменьшалось. Господинъ Голядкинъ уже могъ даже совсѣмъ разглядѣть своего новаго запоздалаго товарища — разглядѣлъ и вскрикнулъ отъ изумленія и ужаса; ноги его подкосились. Это былъ тотъ самый знакомый ему пѣшеходъ, котораго онъ, минутъ съ десять назадъ, пропустилъ мимо себя, и который вдругъ, совсѣмъ-неожиданно, теперь опять передъ нимъ появился. Но не одно это чудо поразило господина Голядкина, — а пораженъ господинъ Голядкинъ былъ такъ, что остановился, вскрикнулъ, хотѣлъ-было что-то сказать и пустился догонять незнакомца, даже закричалъ ему что-то, вѣроятно, желая остановить его поскорѣе. Незнакомецъ остановился дѣйствительно, такъ, шагахъ въ десяти отъ господина Голядкина, и такъ-что свѣтъ близь-стоявшаго фонаря совершенно падалъ на всю фигуру его, — остановился, обернулся къ господину Голядкину и съ нетерпѣливо-озабоченнымъ видомъ ждалъ, что̀ онъ скажетъ. «Извините, я можетъ и ошибся» дрожащимъ голосомъ проговорилъ нашъ герой. Незнакомецъ молча и съ досадою повернулся и быстро пошелъ своею дорогою, какъ-будто спѣша нагнать потерянныя двѣ секунды съ господиномъ Голядкинымъ. Что̀ же касается до господина Голядкина, то у него задрожали всѣ жилки, колѣни его подогнулись, ослабли, и онъ со стономъ присѣлъ на троттуарную тумбочку. Впрочемъ, дѣйствительно, было отъ чего прійдти въ такое смущеніе. Дѣло въ томъ, что незнакомецъ этотъ показался ему теперь какъ-то знакомымъ.

Это бы еще все ничего. Но онъ узналъ, почти-совсѣмъ узналъ теперь этого человѣка. Онъ его часто видывалъ, этого человѣка, когда-то видывалъ, даже недавно весьма; гдѣ же бы это? ужь не вчера ли? Впрочемъ, и опять не въ томъ было главное дѣло, что господинъ Голядкинъ его видывалъ часто; да и особеннаго-то въ этомъ человѣкѣ почти не было ничего, — особеннаго вниманія рѣшительно ничьего не возбуждалъ съ перваго взгляда этотъ человѣкъ. Такъ, человѣкъ былъ, какъ и всѣ, порядочный, разумѣется, какъ и всѣ люди порядочные, и, можетъ-быть, имѣлъ тамъ кое-какія и даже довольно-значительныя достоинства. Однимъ словомъ, былъ самъ-по-себѣ человѣкъ. Господинъ Голядкинъ не питалъ даже ни ненависти, ни вражды, ни даже никакой самой легкой непріязни къ этому человѣку, даже напротивъ, казалось бы — а между-тѣмъ (и въ этомъ-то вотъ обстоятельствѣ была главная сила), а между-тѣмъ, ни за какія сокровища міра не желалъ бы встрѣтиться съ нимъ, и, особенно, встрѣтиться такъ, какъ теперь, на-примѣръ. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ зналъ вполнѣ этого человѣка; онъ даже зналъ, какъ зовутъ его, какъ фамилія этого человѣка; а между-тѣмъ, ни за что, и опять-таки ни за какія сокровища въ мірѣ не захотѣлъ бы назвать его, согласиться признать, что вотъ, де-скать, его такъ-то зовутъ, что онъ такъ-то по батюшкѣ, и такъ по фамиліи. Много ли, мало ли продолжалось недоразумѣніе господина Голядкина, долго ли именно онъ сидѣлъ на троттуарномъ столбу, — не могу сказать; но только, наконецъ, маленько очнувшись, онъ вдругъ пустился бѣжать безъ оглядки, что̀ силы въ немъ было; духъ его занимался; онъ споткнулся два раза, чуть не упалъ, — и при этомъ обстоятельствѣ осиротѣлъ другой сапогъ господина Голядкина, тоже покинутый своею калошею. Наконецъ, господинъ Голядкинъ сбавилъ шагу немножко, чтобъ духъ перевести, торопливо осмотрѣлся кругомъ и увидѣлъ, что уже перебѣжалъ, не замѣчая того, весь свой путь по Фонтанкѣ, перешелъ Аничковъ-Мостъ, миновалъ часть Невскаго и теперь стоитъ на поворотѣ въ Литейную. Господинъ Голядкинъ поворотилъ въ Литейную. Положеніе его въ это мгновеніе походило на положеніе человѣка, стоящаго надъ страшной стремниной, когда земля подъ нимъ обрывается, ужь покачнулась, ужь двинулась, въ послѣдній разъ колышется, падаетъ, увлекаетъ его въ бездну, а между-тѣмъ у несчастнаго

нѣтъ ни силы, ни твердости духа отскочить назадъ, отвесть свои глаза отъ зіяющей пропасти; бездна тянетъ его, и онъ прыгаетъ наконецъ въ нее самъ, самъ ускоряя минуту своей же погибели. Господинъ Голядкинъ зналъ, чувствовалъ, и былъ совершенно-увѣренъ, что съ нимъ непремѣнно совершится дорогой еще что-то недоброе, что разразится надъ нимъ еще какая-нибудь непріятность, что, на-примѣръ, онъ встрѣтитъ опять своего незнакомца; но — странное дѣло, онъ даже желалъ этой встрѣчи, считалъ ее неизбѣжною, и просилъ только, чтобъ поскорѣе все это кончилось, чтобъ положеніе-то его разрѣшилось хоть какъ-нибудь, но только бъ скорѣе. А между-тѣмъ, онъ все бѣжалъ да бѣжалъ, и словно двигаемый какою-то постороннею силою; ибо во всемъ существѣ своемъ чувствовалъ какое-то ослабленіе и онѣмѣніе; думать ни о чемъ онъ не могъ, хотя идеи его цѣплялись за все, какъ терновникъ. Онъ понялъ наконецъ, что теряется совершенно, что падаетъ въ бездну. Какая-то затерянная собачонка, вся мокрая и издрогшая, увязалась за господиномъ Голядкинымъ и тоже бѣжала около него бочкомъ, торопливо, поджавъ хвостъ и уши, по-временамъ робко и понятливо на него поглядывая. Какая-то далекая, давно ужь забытая идея, — воспоминаніе о какомъ-то давно-случившемся обстоятельствѣ — пришла теперь ему въ голову, стучала словно молоточкомъ въ его головѣ, досаждала ему, не отвязывалась прочь отъ него. «Эхъ, эта скверная собачонка!» шепталъ господинъ Голядкинъ, самъ не понимая себя. Наконецъ онъ увидѣлъ своего незнакомца на поворотѣ въ Итальянскую-Улицу. Только теперь незнакомецъ уже шелъ не на встрѣчу ему, а въ ту же самую сторону, какъ и онъ, и тоже бѣжалъ, нѣсколько шаговъ впереди. Наконецъ, вошли въ Шестилавочную. У господина Голядкина духъ захватило. Незнакомецъ остановился прямо передъ тѣмъ домомъ, въ которомъ квартировалъ господинъ Голядкинъ. Послышался звонъ колокольчика, и почти въ то же самое время скрипъ желѣзной задвижки. Калитка отворилась, незнакомецъ нагнулся, мелькнулъ и исчезъ. Почти въ то же самое мгновеніе поспѣлъ и господинъ Голядкинъ, и какъ стрѣлка влетѣлъ подъ ворота. Не слушая заворчавшаго дворника, запыхавшись вбѣжалъ онъ на дворъ и тотчасъ же увидалъ своего интереснаго спутника, на минуту потеряннаго. Незнакомецъ мелькнулъ при входѣ на ту лѣстницу, которая вела въ квартиру господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ бросился

вслѣдъ за нимъ. Лѣстница была темная, сырая и грязная. На всѣхъ поворотахъ нагромождена была бездна всякаго жилецкаго хлама, такъ–что чужой, небывалый человѣкъ, попавши на эту лѣстницу въ темное время, принуждаемъ былъ по ней съ полчаса путешествовать, рискуя сломать себѣ ноги, и проклиная вмѣстѣ съ лѣстницей и знакомыхъ своихъ, неудобно такъ поселившихся. Но спутникъ господина Голядкина былъ словно знакомый, словно домашній; взбѣгалъ легко, безъ затрудненій и съ совершеннымъ знаніемъ мѣстности. Господинъ Голядкинъ почти–совсѣмъ нагонялъ его; даже раза два или три подолъ шинели незнакомца ударилъ его по носу. Сердце въ немъ замирало. Таинственный человѣкъ остановился прямо противъ дверей квартиры господина Голядкина, стукнулъ, и (что̀, впрочемъ, удивило бы въ другое время господина Голядкина) Петрушка словно ждалъ, и спать не ложился, тотчасъ отворилъ дверь и пошелъ за вошедшимъ человѣкомъ со свѣчою въ рукахъ. Внѣ себя вбѣжалъ въ жилище свое герой нашей повѣсти; не снимая шинели и шляпы, прошелъ онъ корридорчикъ и, словно громомъ пораженный, остановился на порогѣ своей комнаты. Всѣ предчувствія господина Голядкина сбылись совершенно. Все, чего опасался онъ и что̀ предугадывалъ, совершилось теперь на–яву. Дыханіе его порвалось, голова закружилась. Незнакомецъ сидѣлъ передъ нимъ, тоже въ шинели и въ шляпѣ, на его же постели, слегка улыбаясь и, прищурясь немного, дружески кивалъ ему головою. Господинъ Голядкинъ хотѣлъ закричать, но не могъ, — протестовать какимъ–нибудь образомъ, но силъ не хватило. Волосы встали на головѣ его дыбомъ, и онъ присѣлъ безъ чувствъ на мѣстѣ отъ ужаса. Да и было отъ–чего, впрочемъ. Господинъ Голядкинъ совершенно узналъ наконецъ своего ночнаго пріятеля. Ночной пріятель его былъ не кто иной, какъ онъ–самъ, — самъ господинъ Голядкинъ, другой господинъ Голядкинъ, но совершенно такой же, какъ и онъ самъ — однимъ словомъ, что̀ называется двойникъ его во всѣхъ отношеніяхъ. . . . . .

ГЛАВА VI.

О томъ, какъ господинъ Голядкинъ силится объяснить необъяснимое происшествіе, и какъ наконецъ отчасти объясняетъ его. Рѣшеніе г. Голядкина. Нѣчто о сіамскихъ близнецахъ. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ почти примиряется съ сіамскими близнецами и соглашается между–прочимъ, что Крыловъ баснописецъ великій. Встрѣча и затруднительное положеніе г. Голядкина.

На другой день, ровно въ восемь часовъ, господинъ Голядкинъ очнулся на своей постели. Тотчасъ же всѣ необыкновенныя вещи вчерашняго дня и вся невѣроятная дикая ночь съ ея почти невозможными приключеніями разомъ, вдругъ во всей ужасающей полнотѣ явились его воображенію и памяти. Такая ожесточенная, адская злоба враговъ его и особенно послѣднее доказательство этой злобы, оледенили сердце господина Голядкина. Но и вмѣстѣ съ тѣмъ все это было такъ странно, непонятно, дико, казалось такъ невозможнымъ, что дѣйствительно трудно было вѣру дать всему этому дѣлу; господинъ Голядкинъ даже самъ готовъ былъ признать все это несбыточнымъ бредомъ, мгновеннымъ разстройствомъ воображенія, отемнѣніемъ ума, еслибъ, къ–счастію своему, не зналъ по горькому житейскому опыту, до чего иногда злоба можетъ довести человѣка, — до чего можетъ иногда дойдти ожесточенность врага, мстящаго за честь и амбицію. Къ–тому же, разбитые члены господина Голядкина, чадная голова, изломанная поясница и злокачественный насморкъ сильно свидѣтельствовали и отстаивали всю вѣроятность вчерашней ночной прогулки, а частію и всего прочаго, приключившагося во время этой прогулки. Да и наконецъ господинъ Голядкинъ уже давнымъ–давно зналъ, что у нихъ тамъ что–то приготовляется, что–то недоброе стряпается, что у нихъ тамъ есть кто–то другой. Ясное и несомнѣнное дѣло, что все это было не сонъ и не бредъ. Но однакожь что̀ же? Хорошенько раздумавъ, господинъ Голядкинъ рѣшился смолчать, покориться и не протестовать по этому дѣлу до времени. Съ своей стороны, онъ твердо увѣренъ былъ во всей несомнѣнности дѣла; онъ только не зналъ, съ чьей именно стороны шелъ ударъ. «Да и Богъ–знаетъ», думалъ онъ: «вѣдь если такъ

разобрать, такъ кто ихъ тамъ знаетъ? Можетъ–быть, это и совсѣмъ ничего; такъ, можетъ–быть, только попугать меня вздумали, а какъ увидятъ, что я ничего, не протестую и совершенно смиряюсь, съ смиреніемъ переношу и стыдъ свой и горе, такъ и отступятся, сами отступятся, да еще первые отступятся. Они, можетъ–быть, кто ихъ знаетъ, можетъ–быть и добра мнѣ желаютъ. Пройдетъ! авось на добрыхъ людей нападу!» Такимъ–образомъ раздумывалъ господинъ Голядкинъ о своемъ положеніи, и во всякомъ случаѣ рѣшился ожидать смирно послѣдствій, и со–временемъ, потомъ, когда, на–примѣръ, уже слишкомъ будетъ угрожать опасность, такъ только тогда развѣ идти къ его превосходительству.

Такъ вотъ такія–то мысли были въ головѣ господина Голядкина, когда онъ, потягиваясь въ постели своей и расправляя разбитые члены, ждалъ этотъ разъ обычнаго появленія Петрушки въ своей комнатѣ. Ждалъ онъ уже съ четверть часа; слышалъ, ка́къ лѣнивецъ Петрушка возится за перегородкой съ самоваромъ, а между–тѣмъ никакъ не рѣшался позвать его. Скажемъ болѣе: господинъ Голядкинъ даже немного боялся теперь очной ставки съ Петрушкою. «Вѣдь Богъ–знаетъ», думалъ онъ: «вѣдь Богъ–знаетъ, ка̀къ теперь смотритъ на все это дѣло этотъ мошенникъ, ка́къ онъ тамъ судитъ объ этомъ дѣлѣ по–сво̀ему. Онъ тамъ молчитъ–молчитъ, а самъ себѣ–на–умѣ». У господина Голядкина даже явилось какое–то тайное, отдаленное подозрѣніе, что, де–скать, не съ этой ли стороны нужно искать ключа, разрѣшенія загадки. Наконецъ, дверь заскрипѣла, и явился Петрушка съ подносомъ въ рукахъ. Господинъ Голядкинъ робко на него покосился, съ нетерпѣніемъ ожидая, что̀ будетъ, ожидая, не скажетъ ли онъ наконецъ чего–нибудь на счетъ извѣстнаго обстоятельства. Но Петрушка ничего не сказалъ, а напротивъ былъ какъ–то молчаливѣе, суровѣе и сердитѣе обыкновеннаго, косился на все изъ–подлобья; вообще видно было, что онъ чѣмъ–то крайне–недоволенъ; даже ни разу не взглянулъ на своего барина, что́, мимоходомъ сказать, немного кольнуло господина Голядкина; поставилъ на столъ все, что́ принесъ съ собой, повернулся и ушелъ молча за свою перегородку. «Знаетъ, знаетъ, все знаетъ, бездѣльникъ!» ворчалъ господинъ Голядкинъ, принимаясь за чай. «Его бы нужно поразспросить хорошенько, повывѣдать кое–что отъ него, этакъ отдаленно начать, тонкимъ образомъ, проговориться заставить его. Онъ, шельма, упрямъ... да вѣдь ласковымъ образомъ. Этакъ

сначала польстить ему, вотъ какъ, и ужь послѣ приступить къ разспросамъ». Однакожь, герой нашъ ровно ничего не разспросилъ у своего человѣка, хотя Петрушка нѣсколько разъ потомъ входилъ въ его комнату за разными надобностями. Въ самомъ тревожномъ положеніи духа былъ господинъ Голядкинъ. «Только бы скорѣе разрѣшилось-то все» думалъ онъ: «ужь ка́къ бы тамъ ни было, а только бы пускай разрѣшилась-то вся эта кутерьма поскорѣе.» Жутко было еще идти въ департаментъ. Сильное предчувствіе было, что вотъ именно тамъ-то что-нибудь да не такъ. «Вѣдь вотъ пойдешь» думалъ онъ: «да какъ наткнешься на что̀-нибудь. Не лучше ли теперь потерпѣть? Не лучше ли теперь подождать? Они тамъ пускай-себѣ ка̀къ хотятъ; а я бы сегодня здѣсь подождалъ, собрался бы съ силами, оправился бы, размыслилъ получше обо всемъ этомъ дѣлѣ, да потомъ улучилъ бы минутку, да всѣмъ имъ какъ снѣгъ на голову, а самъ ни въ одномъ глазу.» Раздумывая такимъ-образомъ, господинъ Голядкинъ выкуривалъ трубку за трубкой; время летѣло; было уже почти половина десятаго. «Вѣдь вотъ уже половина десятаго» думалъ господинъ Голядкинъ: «и являться-то поздно. Да къ-тому же я боленъ, разумѣется боленъ, непремѣнно боленъ; кто же скажетъ, что нѣтъ? Что̀ мнѣ! А пусть пришлютъ свидѣтельствовать, а пусть прійдетъ экзекуторъ; да и что́ же мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ? У меня вотъ спина болитъ, кашель, насморкъ; да и наконецъ и нельзя мнѣ идти, никакъ нельзя по этой погодѣ; я могу заболѣть, а потомъ и умереть, пожалуй; нынѣче особенно смертность такая...» Такими резонами господинъ Голядкинъ успокоилъ наконецъ вполнѣ свою совѣсть и заранѣе оправдался самъ передъ собою въ нагоняѣ, ожидаемомъ отъ Андрея Филипповича за нерадѣніе по службѣ. Вообще, во всѣхъ подобныхъ обстоятельствахъ крайне любилъ нашъ герой оправдывать себя въ собственныхъ глазахъ своихъ разными неотразимыми резонами и успокоивать такимъ-образомъ вполнѣ свою совѣсть. И такъ, успокоивъ теперь вполнѣ свою совѣсть, взялся онъ за трубку, набилъ ее и только-что началъ порядочно раскуривать, быстро вскочилъ съ дивана, трубку отбросилъ, живо умылся, обрился, пригладился, натянулъ на себя виц-мундиръ и все прочее, захватилъ кое-какія бумаги и полетѣлъ въ департаментъ.

Вошелъ господинъ Голядкинъ въ свое отдѣленіе робко; съ трепещущимъ ожиданіемъ чего-то весьма-нехорошаго, — ожиданіемъ хотя безсознательнымъ, темнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и

весьма непріятнымъ; робко присѣлъ онъ на свое всегдашнее мѣсто возлѣ столоначальника Антона Антоновича Сѣточкина. Ни на что не глядя, не развлекаясь ничѣмъ, вникнулъ онъ въ содержаніе лежавшихъ передъ нимъ бумагъ. Рѣшился онъ и далъ себѣ слово какъ можно сторониться отъ всего вызывающаго, отъ всего могущаго сильно его компрометтировать, какъ-то: отъ нескромныхъ вопросовъ, отъ чьихъ-нибудь шуточекъ и неприличныхъ намековъ на-счетъ всѣхъ обстоятельствъ вчерашняго вечера; рѣшился даже отстраниться отъ обычныхъ учтивостей съ сослуживцами, то-есть вопросовъ о здоровьѣ и проч. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ зналъ, и ясно понималъ, что обстоятельства его плохо идутъ, и что дѣло проиграно. Вотъ почему какое-то внутреннее, глубокое безпокойство ни на минуту не оставляло его, но все глубже-и-глубже пускало ядовитые корни въ душѣ его, и все болѣе-и-болѣе разрасталось, такъ-что онъ, какъ ни бился, никакъ не могъ войдти въ свою обычную, служебную форму, то-есть, отложивъ попеченіе о всемъ постороннемъ и согнувшись, какъ слѣдуетъ, не отрывая головы отъ стола, безмятежно, часовъ пять и болѣе, водить перомъ по бумагѣ. Очевидно, что такъ оставаться было нельзя, невозможно. Безпокойство и невѣдѣніе о чемъ-нибудь близко его задѣвающемъ, всегда его мучило болѣе, нежели самое задѣвающее. И вотъ почему, не смотря на данное себѣ слово не входить ни во что, что̀ бы ни дѣлалось, и сторониться отъ всего, что̀ бы ни было, господинъ Голядкинъ изрѣдка, украдкой, тихонько-тихонько приподымалъ голову, и исподтишка поглядывалъ на стороны, направо, налѣво, заглядывалъ въ физіономіи своихъ сослуживцевъ, и по нимъ уже старался заключить, нѣтъ ли чего новаго и особеннаго, до него относящагося и отъ него съ какими-нибудь неблаговидными цѣлями скрываемаго. Предполагалъ онъ непремѣнную связь всего своего вчерашняго обстоятельства со всѣмъ теперь его окружающимъ, мысленно старался распутать всѣ узлы сомнѣній своихъ, проникнуть, раскусить всю интригу, и всѣ эти разныя закавычки его окружавшія. Наконецъ, въ тоскѣ своей, онъ началъ желать, чтобъ хоть Богъ-знаетъ-какъ, да только разрѣшилось бы все поскорѣе; хоть и бѣдой какой-нибудь — нужды нѣтъ! а только бы поскорѣе. Какъ-тутъ судьба поймала господина Голядкина: не успѣлъ онъ пожелать, какъ сомнѣнія его вдругъ разрѣшились, но за то самымъ страннымъ и самымъ неожиданнымъ образомъ.

Дверь изъ другой комнаты вдругъ скрипнула тихо и робко, какъ-бы рекомендуя тѣмъ, что входящее лицо весьма-незначительно, и чья-то фигура, впрочемъ весьма-знакомая господину Голядкину, застѣнчиво явилась передъ самымъ тѣмъ столомъ, за которымъ помѣщался герой нашъ. Герой нашъ не подымалъ головы, — нѣтъ, онъ наглядѣлъ эту фигуру лишь вскользь, самымъ маленькимъ взглядомъ, но уже все узналъ, понялъ все до малѣйшихъ подробностей. Онъ сгорѣлъ отъ стыда и уткнулъ въ бумагу свою побѣдную голову, совершенно съ тою же самою цѣлью, съ которою страусъ, преслѣдуемый охотникомъ, прячетъ свою въ горячій песокъ. Новоприбывшій поклонился Андрею Филипповичу и вслѣдъ за тѣмъ послышался голосъ форменно-ласковый, такой, какимъ говорятъ начальники во всѣхъ служебныхъ мѣстахъ съ новопоступившими подчиненными. — Сядьте вотъ здѣсь, проговорилъ Андрей Филипповичъ, указывая новичку на столъ Антона Антоновича: — вотъ здѣсь, напротивъ господина Голядкина, а дѣломъ мы васъ тотчасъ займемъ. Андрей Филипповичъ заключилъ тѣмъ, что сдѣлалъ новоприбывшему скорый прилично-увѣщательный жестъ, а потомъ немедленно углубился въ сущность разныхъ бумагъ, которыхъ передъ нимъ была цѣлая куча.

Господинъ Голядкинъ поднялъ, наконецъ, глаза, и если не упалъ въ обморокъ, то единственно отъ-того, что уже сперва все дѣло предчувствовалъ, что уже сперва былъ обо всемъ предувѣдомленъ, угадавъ пришельца въ душѣ. Первымъ движеніемъ господина Голядкина было быстро осмотрѣться кругомъ, — нѣтъ ли тамъ какого шушуканья, не отливается ли на этотъ счетъ какая-нибудь острота канцелярская, не искривилось ли чье лицо удивленіемъ, не упалъ ли наконецъ кто нибудь подъ столъ отъ испуга. Но къ величайшему удивленію господина Голядкина, ни въ комъ не обнаружилось ничего подобнаго. Поведеніе господъ товарищей и сослуживцевъ господина Голядкина поразило его. Оно казалось внѣ здраваго смысла. Господинъ Голядкинъ даже испугался такого необыкновеннаго молчанія. Существенность за себя говорила; дѣло было странное, безобразное, дикое. Было отъ чего шевельнуться. Все это, разумѣется, только мелькнуло въ головѣ господина Голядкина. Самъ же онъ горѣлъ на мелкомъ огнѣ. Да и было отъ чего, впрочемъ. Все, что̀ ни ощущалъ господинъ Голядкинъ, вполнѣ оправдывалось обстоятельствами настоящей минуты. Тотъ, кто сидѣлъ теперь напротивъ господина Голядкина,

былъ — ужасъ господина Голядкина, былъ — стыдъ господина Голядкина, былъ — вчерашній кошмаръ господина Голядкина, однимъ словомъ, былъ самъ господинъ Голядкинъ, — не тотъ господинъ Голядкинъ, который сидѣлъ теперь на стулѣ съ разинутымъ ртомъ и съ застывшимъ перомъ въ рукѣ; не тотъ, который служилъ въ качествѣ помощника своего столоначальника; не тотъ, который любитъ стушеваться и зарыться въ толпѣ; не тотъ, наконецъ, чья походка ясно выговариваетъ: «не троньте меня, и я васъ трогать не буду», или: «не троньте меня, вѣдь я васъ не затрогиваю», — нѣтъ, это былъ другой господинъ Голядкинъ, совершенно-другой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно-похожій на перваго, — такого же роста, такого же склада, такъ же одѣтый, съ такой же лысиной — однимъ словомъ, ничего, рѣшительно ничего не было забыто для совершеннаго сходства, такъ-что еслибъ взять, да поставить ихъ рядомъ, то никто, рѣшительно никто не взялъ бы на себя опредѣлить, который именно настоящій Голядкинъ, а который поддѣльный, кто старенькій и кто новенькій, кто оригиналъ и кто копія.

Герой нашъ, если возможно сравненіе, былъ теперь въ положеніи человѣка, надъ которымъ забавляется проказникъ какой-нибудь, для шутки наводя на него исподтишка зажигательное стекло. «Что жь это, сонъ или нѣтъ», думалъ господинъ Голядкинъ: «настоящее или продолженіе вчерашняго. Да какъ же? по какому же праву все это дѣлается? кто разрѣшилъ такого чиновника, кто далъ право на это? Сплю ли я, грежу ли я?» Господинъ Голядкинъ попробовалъ ущипнуть самого-себя, даже попробовалъ вознамѣриться ущипнуть другаго кого-нибудь... Нѣтъ, не сонъ да и только; онъ, онъ самъ сидѣлъ предъ собою, какъ-будто передъ нимъ поставили зеркало. Господинъ Голядкинъ почувствовалъ, что потъ съ него градомъ льется, что сбывается съ нимъ небывалое и доселѣ невиданное, и потому самому, къ довершенію несчастія, неприличное, ибо господинъ Голядкинъ понималъ и ощущалъ всю невыгоду быть въ такомъ пасквильномъ дѣлѣ первымъ примѣромъ. Онъ даже сталъ наконецъ сомнѣваться въ собственномъ существованіи своемъ, и хотя заранѣе былъ ко всему приготовленъ, и самъ желалъ, чтобъ хоть какимъ-нибудь образомъ разрѣшились его сомнѣнія, но самая-то сущность обстоятельства ужь конечно стояли неожиданности. Тоска его давила и мучила. Порой онъ совершенно лишался и смысла и памяти. Очнувшись послѣ такого мгно-

венія, онъ замѣчалъ, что машинально и безсознательно водитъ перомъ по бумагѣ. Недовѣряя себѣ, онъ начиналъ повѣрять все написанное — и не понималъ ничего. Наконецъ, другой господинъ Голядкинъ, сидѣвшій до-сихъ-поръ чинно и смирно, всталъ и исчезъ въ дверяхъ другаго отдѣленія за какимъ-то дѣломъ. Господинъ Голядкинъ оглянулся кругомъ, — ничего, все тихо; слышенъ лишь скрипъ перьевъ, шумъ переворачиваемыхъ листовъ и говоръ въ уголкахъ поотдаленнѣе отъ сѣдалища Андрея Филипповича. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на Антона Антоновича, и такъ-какъ, по всей вѣроятности, физіономія нашего героя вполнѣ отзывалась его настоящимъ и гармонировала со всѣмъ смысломъ дѣла, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ отношеніи была весьма-замѣчательна, то добрый Антонъ Антоновичъ, отложивъ перо въ сторону, съ какимъ-то необыкновеннымъ участіемъ освѣдомился о здоровьѣ господина Голядкина.

— Я, Антонъ Антоновичъ, слава Богу, заикаясь проговорилъ господинъ Голядкинъ. — Я, Антонъ Антоновичъ, совершенно здоровъ; я, Антонъ Антоновичъ, теперь ничего, прибавилъ онъ нерѣшительно, не совсѣмъ еще довѣряя часто-поминаемому имъ Антону Антоновичу.

— А! А мнѣ показалось, что вы нездоровы; впрочемъ, не мудрено; чего добраго! Нынѣче же особенно все такія повѣтрія. Знаете ли...

— Да, Антонъ Антоновичъ, я знаю, что существуютъ такія повѣтрія... Я, Антонъ Антоновичъ, не отъ того, продолжалъ господинъ Голядкинъ, пристально вглядываясь въ Антона Антоновича: — я, видите ли, Антонъ Антоновичъ, даже не знаю ка́къ вамъ, то-есть, я хочу сказать, съ которой стороны за это дѣло приняться, Антонъ Антоновичъ...

— Что-съ? Я васъ... знаете ли... я, признаюсь вамъ, не такъ-то хорошо понимаю; вы... знаете, вы объяснитесь подробнѣе, въ какомъ именно отношеніи вы здѣсь затрудняетесь, сказалъ Антонъ Антоновичъ, самъ затрудняясь немножко, видя, что у господина Голядкина даже слезы на глазахъ выступили.

— Я, право... здѣсь, Антонъ Антоновичъ... тутъ — чиновникъ, Антонъ Антоновичъ...

— Ну-съ! Все еще не понимаю.

— Я хочу сказать, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь есть новопоступившій чиновникъ.

— Да-съ, есть-съ; однофамилецъ вашъ.

— Какъ? вскрикнулъ господинъ Голядкинъ.

— Я говорю: вашъ однофамилецъ; тоже Голядкинъ. Не братецъ ли вашъ?

— Нѣтъ–съ, Антонъ Антоновичъ, я...

— Гм! скажите пожалуйста, а мнѣ показалось, что должно быть близкій вашъ родственникъ. Знаете ли, есть такое фамильное въ нѣкоторомъ родѣ сходство.

Господинъ Голядкинъ остолбенѣлъ отъ изумленія, и на время у него языкъ отнялся. Такъ легко трактовать такую безобразную, невиданную вещь, вещь дѣйствительно рѣдкую въ своемъ родѣ, вещь, которая поразила бы даже самаго неинтересованнаго наблюдателя. Говорить о фамильномъ сходствѣ тогда, какъ тутъ видно, какъ въ зеркалѣ!

— Я знаете ли, что̀ посовѣтую вамъ, Яковъ Петровичъ, продолжалъ Антонъ Антоновичъ. — Вы сходите–ка къ доктору, да посовѣтуйтесь съ нимъ. Знаете ли, вы какъ–то *выглядите* совсѣмъ нездорово. У васъ глаза особенно... знаете, особенное какое–то выраженіе есть.

— Нѣтъ–съ, Антонъ Антоновичъ, я, конечно, чувствую... то–есть, я хочу все спросить, какъ же этотъ чиновникъ?

— Ну–съ?

— То–есть, вы не замѣчали ли, Антонъ Антоновичъ, чего–нибудь въ немъ особеннаго... слишкомъ чего–нибудь выразительнаго?

— То–есть?

— То–есть я хочу сказать, Антонъ Антоновичъ, поразительнаго сходства такого съ кѣмъ–нибудь, на–примѣръ, то–есть со мной, на–примѣръ. Вы вотъ сейчасъ, Антонъ Антоновичъ, сказали про фамильное сходство, замѣтили этакъ, замѣчаніе вскользь сдѣлали... Знаете ли, этакъ иногда близнецы бываютъ, то–есть совершенно какъ двѣ капли воды, такъ–что и отличить нельзя? Ну, вотъ, я про это–съ.

— Да–съ, сказалъ Антонъ Антоновичъ, немного подумавъ и какъ–будто въ первый разъ пораженный такимъ обстоятельствомъ: — да–съ! справедливо–съ. Сходство въ–самомъ–дѣлѣ разительное, и вы безошибочно разсудили, такъ–что и дѣйствительно можно принять одного за другаго, продолжалъ онъ, болѣе и болѣе открывая глаза. — И знаете ли, Яковъ Петровичъ, это даже чудесное сходство, фантастическое, какъ иногда говорится, то–есть совершенно, какъ вы... Вы замѣтили ли, Яковъ Петровичъ? Я даже самъ хотѣлъ просить у васъ объясненія, да, признаюсь, не обратилъ должнаго вниманія сначала. Чудо, дѣй-

ствительно чудо! А знаете ли, Яковъ Петровичъ, вы вѣдь не здѣшній родомъ, я говорю?

— Нѣтъ-съ.

— Онъ также вѣдь не изъ здѣшнихъ. Можетъ-быть, изъ однихъ съ вами мѣстъ. Ваша матушка, смѣю спросить, гдѣ большею частію проживала?

— Вы сказали... вы сказали, Антонъ Антоновичъ, что онъ не изъ здѣшнихъ?

— Да-съ, не изъ здѣшнихъ мѣстъ. А, и въ-самомъ-дѣлѣ, какъ же это чудно, — продолжалъ словоохотливый Антонъ Антоновичъ, которому поболтать о чемъ-нибудь было истиннымъ праздникомъ: — дѣйствительно способно завлечь любопытство; и вѣдь ка́къ часто мимо пройдешь, задѣнешь, толкнешь его, а не замѣтишь, слона-то, какъ говорится, и не замѣтишь, Яковъ Петровичъ. Впрочемъ, вы не смущайтесь, этимъ-то обстоятельствомъ особеннымъ вы не смущайтесь. Это бываетъ. Это, знаете ли — вотъ я вамъ разскажу, то же самое случилось съ моей тётушкой съ матерней стороны; она тоже предъ смертію себя вдвойнѣ видѣла...

— Нѣтъ-съ, я, — извините, что прерываю васъ, Антонъ Антоновичъ, — я, Антонъ Антоновичъ, хотѣлъ бы узнать, ка́къ же этотъ чиновникъ, т. е. на какомъ онъ здѣсь основаніи?

— А на мѣсто Семена Ивановича покойника, на вакантное мѣсто; вакансія открылась, такъ вотъ и замѣстили теперь. Вѣдь вотъ, право, сердечный этотъ Семенъ-то Ивановичъ покойникъ, троихъ дѣтей, говорятъ, оставилъ малъ-мала меньше. Вдова падала къ ногамъ его превосходительства. Говорятъ, впрочемъ, она таитъ: у ней есть деньжонки, да она ихъ таитъ...

— Нѣтъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ, я вотъ все о томъ обстоятельствѣ.

— То-есть? Ну, да! да что̀ же вы-то такъ интересуетесь этимъ? Говорю вамъ: вы не смущайтесь. Это все временное отчасти. Что жь? вѣдь вы сторона; это ужь такъ самъ Господь-Богъ устроилъ, это ужь Его воля была, и роптать на это грѣшно. На этомъ Его премудрость видна. А вы же тутъ, Яковъ Петровичъ, сколько я понимаю, невиноваты нисколько. Мало ли чудесъ есть на свѣтѣ! Мать-природа щедра; а съ васъ за это отвѣта не спросятъ, отвѣчать за это не будете. Вѣдь вотъ, для примѣра, кстати сказать, слыхали, надѣюсь, ка́къ ихъ, какъ-бишь ихъ тамъ, да̀, сіамскіе близнецы, срослись-себѣ спинами,

такъ и живутъ и ѣдятъ и спятъ вмѣстѣ; деньги, говорятъ, большія берутъ.

— Позвольте, Антонъ Антоновичъ...

— Понимаю васъ, понимаю! Да́! ну да, что жь? — ничего! Я говорю по крайнему моему разумѣнію, что смущаться тутъ нѣ́чего. Что жь? онъ чиновникъ какъ чиновникъ, кажется, что дѣловой человѣкъ. Говоритъ, что Голядкинъ; не изъ здѣшнихъ мѣстъ, говоритъ. Титулярный совѣтникъ. Лично съ его превосходительствомъ объяснялся.

— А ну, какъ же-съ?

— Ничего-съ; говорятъ, что достаточно объяснился, резоны представилъ; говоритъ, что вотъ-дескать такъ и такъ, ваше превосходительство, и что нѣтъ состоянія, а желаю служить и особенно подъ вашимъ лестнымъ начальствомъ... ну и тамъ все, что́ слѣдуетъ, знаете ли, ловко все выразилъ. Умный человѣкъ, должно быть. Ну, разумѣется, явился съ рекомендаціей; безъ нея вѣдь нельзя...

— Ну-съ, отъ кого же-съ... т. е. я хочу сказать, кто тутъ именно въ это срамное дѣло руку свою замѣшалъ?

— Да-съ. Хорошая, говорятъ, рекомендація; его превосходительство, говорятъ, посмѣялись съ Андреемъ Филипповичемъ.

— Посмѣялись съ Андреемъ Филипповичемъ?

— Да-съ; только такъ улыбнулись и сказали, что хорошо и пожалуй, и что они съ ихъ стороны не прочь, только бы вѣрно служилъ...

— Ну-съ, дальше-съ. Вы меня оживляете отчасти, Антонъ Антоновичъ; умоляю васъ дальше-съ.

— Позвольте, я опять что-то васъ... Ну-съ, да-съ; ну, и ничего-съ; обстоятельство немудреное; вы, я вамъ говорю, не смущайтесь, и сумнительнаго въ этомъ нѣ́чего находить...

— Нѣтъ-съ. Я, т. е., хочу спросить васъ, Антонъ Антоновичъ, что̀ его превосходительство ничего больше не прибавили... на счетъ меня, напримѣръ?

— Т. е. Какъ же-съ? Да-съ? Ну, нѣтъ, ничего; можете быть совершенно-спокойны. Знаете, оно, конечно, разумѣется, обстоятельство довольно-разительное и сначала... да вотъ я, наприм[ѣръ], сначала я и не замѣтилъ почти. Не знаю, право, отъ-чего не замѣтилъ до-тѣхъ-поръ, покамѣстъ вы не напомнили. Но, впрочемъ, можете быть совершенно-спокойны. Ничего особеннаго, ровно ничего не сказали, прибавилъ добренькій Антонъ Антоновичъ, вставая со стула.

— Такъ вотъ-съ я, Антонъ Антоновичъ...

— Ахъ, вы меня извините-съ. Я и такъ о пустякахъ проболталъ, а вотъ дѣло есть важное, спѣшное. Нужно вотъ справиться.

— Антонъ Антоновичъ! раздался учтиво-призывный голосъ Андрея Филипповича: — его превосходительство спрашивалъ...

— Сейчасъ, сейчасъ, Андрей Филипповичъ, сейчасъ иду-съ. И Антонъ Антоновичъ, взявъ въ руки кучку бумагъ, полетѣлъ сначала къ Андрею Филипповичу, а потомъ въ кабинетъ его превосходительства.

— Такъ какъ же это? думалъ про себя господинъ Голядкинъ: — такъ вотъ у насъ игра какова! Такъ вотъ у насъ какой вѣтерокъ теперь подуваетъ... Это не дурно; это, стало-быть, наипріятнѣйшій оборотъ дѣла приняли. Молодцомъ да и только! говорилъ про себя герой нашъ, потирая руки и не слыша подъ собою стула отъ радости. Такъ вотъ оно какъ! Такъ дѣло-то наше обыкновенное дѣло. Такъ все пустячками кончается, ничѣмъ разрѣшается. Въ-самомъ-дѣлѣ, никто ничего, и не пикнутъ, разбойники, сидятъ и дѣлами занимаются; славно, славно! я добраго человѣка люблю, любилъ и всегда готовъ уважать... Впрочемъ, вѣдь оно и того, какъ подумать, этотъ Антонъ-отъ Антоновичъ... довѣряться-то страшно: сѣдъ черезъ-чуръ и отъ старости покачнулся порядкомъ. Самое, впрочемъ, славное и громадное дѣло то, что его превосходительство ничего не сказали и такъ пропустили; оно хорошо! одобряю! Только Андрей-то Филипповичъ чего жь тутъ съ своими смѣшками мѣшается? Ему-то тутъ что? Старая петля! всегда на пути моемъ, всегда черной кошкой норовитъ перебѣжать человѣку дорогу, всегда-то поперегъ да въ пику человѣку; человѣку-то въ пику да поперегъ...

Господинъ Голядкинъ опять оглянулся кругомъ и опять оживился надеждой. Чувствовалъ онъ, впрочемъ, что его все-таки смущаетъ одна отдаленная мысль, какая-то недобрая мысль. Ему даже пришло-было въ голову самому какъ-нибудь подбиться къ чиновникамъ, забѣжать впередъ зайцемъ, даже (тамъ какъ-нибудь при выходѣ изъ должности, или подойдя какъ будто-бы за дѣлами) между разговоромъ и намекнуть — что вотъ-дескать, господа, такъ и такъ, вотъ такое-то сходство разительное, обстоятельство странное, комедія пашквильная, — т. е. подтрунить самому надъ всѣмъ этимъ, да и сондировать такимъ-образомъ глубину опасности. «А то вѣдь въ тихомъ-то

омутѣ черти водятся!» мысленно заключилъ нашъ герой. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ это только подумалъ; за то одумался во̀–время. Понялъ онъ, что это значитъ махнуть далеко. «Натура–то твоя такова!» сказалъ онъ про себя, щелкнувъ себя легонько по лбу рукою: «сейчасъ заиграешь, обрадовался! душа ты правдивая! Нѣтъ, ужь лучше мы съ тобой, потерпимъ, Яковъ Петровичъ, подождемъ, да потерпимъ!» — Тѣмъ не менѣе и какъ мы уже упомянули, господинъ Голядкинъ возродился полной надеждой, точно изъ мертвыхъ воскресъ. «Ничего» думалъ онъ: «словно пятьсотъ пудовъ съ груди сорвалось! Вѣдь вотъ обстоятельство! А ларчикъ–то просто вѣдь открывался. Крыловъ–то и правъ, Крыловъ–то и правъ... до̀ка, петля этотъ Крыловъ, и баснописецъ великій! А что до того, такъ пусть его служитъ, пусть его служитъ–себѣ на здоровье, лишь бы никому не мѣшалъ и никого не затрогивалъ; пусть его служитъ, — согласенъ и аппробую!»

А между–тѣмъ, часы проходили, летѣли, и незамѣтно стукнуло четыре часа. Присутствіе закрылось; Андрей Филипповичъ взялся за шляпу, и, какъ водится, всѣ послѣдовали его примѣру. Господинъ Голядкинъ помедлилъ немножко, нужное время, и вышелъ нарочно позже всѣхъ, самымъ послѣднимъ, когда уже всѣ разбрелись по разнымъ дорогамъ. Вышедъ на улицу, онъ почувствовалъ себя точно въ раю, такъ–что даже ощутилъ желаніе хоть и крюку дать, а пройдтись по Невскому. «Вѣдь вотъ судьба!» говорилъ нашъ герой: «неожиданный переворотъ всего дѣла. И погодка–то разгулялась, и морозецъ, и саночки. А морозъ–то годится русскому человѣку, славно уживается съ морозомъ русскій человѣкъ! Я люблю русскаго человѣка. И снѣжочикъ и первая пороша, какъ сказалъ бы охотникъ; вотъ бы тутъ зайца по первой порошѣ! Эхма! да ну, ничего!»

Такъ–то выражался восторгъ господина Голядкина, а между–тѣмъ что–то все еще щекотало у него въ головѣ, тоска не тоска — а порой такъ сердце насасывало, что господинъ Голядкинъ не зналъ чѣмъ утѣшить себя. «Впрочемъ, подождемъ–ка мы дня, и тогда будемъ радоваться. А впрочемъ, вѣдь что̀ же такое? Ну, разсудимъ, посмотримъ. Ну, давай разсуждать, молодой другъ мой, ну, давай разсуждать. Ну, такой же какъ и ты человѣкъ, во–первыхъ, совершенно такой же. Ну, да что жь тутъ такого? Коли такой человѣкъ, такъ мнѣ и плакать? Мнѣ–то что? Я въ сторонѣ; свищу себѣ, да и только! На то пошелъ, да и только! Пусть его служитъ! Ну, чудо и странность, тамъ

говорятъ, что сіамскіе близнецы... Ну, да зачѣмъ ихъ сіамскихъ-то? положимъ они близнецы; но вѣдь и великіе люди подчасъ чудаками смотрѣли. Даже изъ исторіи извѣстно, что знаменитый Суворовъ пѣлъ пѣтухомъ... Ну, да онъ тамъ это все изъ политики; и великіе полководцы... да, впрочемъ, что жь полководцы? А вотъ я самъ-по-себѣ да и только, и знать никого не хочу, и въ невинности моей врага презираю. Не интригантъ и этимъ горжусь. Чистъ, прямодушенъ, опрятенъ, пріятенъ, незлобивъ...»

Вдругъ господинъ Голядкинъ умолкъ, осѣкся, и какъ листъ задрожалъ, даже закрылъ глаза на мгновеніе. Надѣясь, впрочемъ, что предметъ его страха просто иллюзія, открылъ онъ наконецъ глаза и робко покосился на право. Нѣтъ, не иллюзія!... Рядомъ съ нимъ семенилъ утренній знакомецъ его, улыбался, заглядывалъ ему въ лицо и, казалось, ждалъ случая начать разговоръ. Разговоръ, впрочемъ, не начинался. Оба они прошли шаговъ пятьдесятъ такимъ-образомъ. Все стараніе господина Голядкина было какъ-можно плотнѣе закутаться, зарыться въ шинель и нахлобучить на глаза шляпу до послѣдней возможности. Къ довершенію обиды, даже и шинель и шляпа его пріятеля были точно такія же, какъ-будто сейчасъ съ плеча господина Голядкина.

— Милостивый государь, произнесъ наконецъ нашъ герой, стараясь говорить почти шопотомъ и не глядя на своего пріятеля: — мы, кажется, идемъ по разнымъ дорогамъ... Я даже увѣренъ въ этомъ, сказалъ онъ, помолчавъ немножко. — Наконецъ, я увѣренъ, что вы меня поняли совершенно, довольно-строго прибавилъ онъ въ заключеніе.

— Я бы желалъ, проговорилъ наконецъ пріятель господина Голядкина: — я бы желалъ... вы, вѣроятно, великодушно извините меня... я не знаю, къ кому обратиться здѣсь... мои обстоятельства — я надѣюсь, что вы извините мнѣ мою дерзость — мнѣ даже показалось, что вы, движимые состраданіемъ, принимали во мнѣ сегодня утромъ участіе. Съ своей стороны, я съ перваго взгляда почувствовалъ къ вамъ влеченіе, я... Тутъ господинъ Голядкинъ мысленно пожелалъ своему новому сослуживцу провалиться сквозь землю.

— Если бы я смѣлъ надѣяться, что вы, Яковъ Петровичъ, меня снисходительно изволите выслушать...

— Мы — мы здѣсь — мы... лучше пойдемте ко мнѣ, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ: — мы теперь перейдемъ на ту сто-

рону Невскаго, тамъ намъ будетъ удобнѣе съ вами, а потомъ переулочкомъ... мы лучше возьмемъ переулочкомъ. Переулочкомъ ближе...

— Хорошо–съ. Пожалуй, возьмемъ переулочкомъ–съ, робко сказалъ смиренный спутникъ господина Голядкина, какъ–будто намекая тономъ отвѣта, что гдѣ ему разбирать, и что, въ его положеніи, онъ и переулочкомъ готовъ удовольствоваться. Что же касается до господина Голядкина, то онъ совершенно не понималъ, что съ нимъ дѣлалось. Онъ не вѣрилъ себѣ. Онъ еще не опомнился отъ своего изумленія.

ГЛАВА VII.

Оба господина Голядкина. О томъ, какъ они трактовали о разныхъ матеріяхъ. О томъ, какъ одинъ господинъ Голядкинъ плакалъ, а другой сочинялъ стихи. Господинъ Голядкинъ находитъ себя совершенно–счастливымъ и даетъ себѣ слово вести себя впередъ хорошо. Мнѣніе господина Голядкина–младшаго о дружескомъ кровѣ. Господинъ Голядкинъ–старшій протестуетъ и возстановляетъ нѣсколько–замаранную репутацію пророка Мухаммеда. Неприличное поведеніе Петрушки. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ–старшій отходитъ наконецъ ко сну.

Опомнился онъ немного на лѣстницѣ, при входѣ въ квартиру свою. «Ахъ я баранъ–голова!» ругнулъ онъ себя мысленно: «ну, куда жь я веду его? Что же скажетъ онъ мнѣ? самъ я голову въ петлю кладу. Что же подумаетъ Петрушка, увидя насъ вмѣстѣ? Что этотъ мерзавецъ теперь подумать осмѣлится? а онъ подозрителенъ...» — Но уже поздно было раскаяваться; господинъ Голядкинъ постучался, дверь отворилась и Петрушка началъ снимать шинели съ гостя и барина. Господинъ Голядкинъ посмотрѣлъ вскользь, такъ только бросилъ мелькомъ взглядъ на Петрушку, стараясь проникнуть въ его физіономію и разгадать его мысли. Но къ величайшему своему удивленію увидѣлъ онъ, что служитель его и не думаетъ удивляться, и даже, напротивъ, словно ждалъ чего–то подобнаго. Конечно, онъ и теперь смотрѣлъ волкомъ, косилъ на сторону, и какъ–будто

кого-то съѣсть собирался. «Шутка-то шутка», думалъ герой нашъ: «ужь не околдовалъ ли ихъ кто всѣхъ сегодня, — бѣсъ какой-нибудь обѣжалъ! Непремѣнно что-нибудь особенное должно быть во всемъ этомъ народѣ сегодня. Да только прикидывается бестія, просто прикидывается. Знаетъ, все знаетъ! Чортъ возьми, экая мука какая!» Вотъ все-то такимъ-образомъ думая и раздумывая, господинъ Голядкинъ ввелъ своего гостя къ себѣ въ комнату и пригласилъ покорно садиться. Гость былъ въ крайнемъ, повидимому, замѣшательствѣ, очень робѣлъ, покорно слѣдилъ за всѣми движеніями своего хозяина, ловилъ его взгляды, и по нимъ, казалось, старался угадать его мысли. Что-то униженное, забитое и запуганное выражалось во всѣхъ жестахъ его, такъ-что онъ, если позволятъ сравненіе, довольно походилъ въ эту минуту на того человѣка, который, за неимѣніемъ своего платья, одѣлся въ чужое: рукава лѣзутъ на верхъ, талія почти на затылкѣ, а онъ то поминутно оправляетъ на себѣ короткій жилетишка, то виляетъ бочкомъ и сторонится, то норовитъ куда-нибудь спрятаться, то заглядываетъ всѣмъ въ глаза и прислушивается, не говорятъ ли чего люди о его обстоятельствахъ, не смѣются ли надъ нимъ, не стыдятся ли его, — и краснѣетъ человѣкъ, и теряется человѣкъ, и страдаетъ амбиція... Господинъ Голядкинъ поставилъ свою шляпу на окно; отъ неосторожнаго движенія шляпа его слетѣла на полъ. Гость тотчасъ же бросился ее поднимать, счистилъ всю пыль, бережно поставилъ на прежнее мѣсто, а свою на полу, возлѣ стула, на краюшкѣ котораго смиренно самъ помѣстился. Это маленькое обстоятельство открыло отчасти глаза господину Голядкину; понялъ онъ, что нужда въ немъ великая, и потому не сталъ болѣе затрудняться, какъ начать съ своимъ гостемъ, предоставивъ это все, какъ и слѣдовало, ему-самому. Гость же, съ своей стороны, тоже не начиналъ ничего, робѣлъ ли, стыдился ли немножко, или, изъ учтивости, ждалъ начина хозяйскаго — неизвѣстно, — разобрать было трудно. Въ это время вошелъ Петрушка, остановился въ дверяхъ и уставился глазами въ сторону, совершенно-противоположную той, въ которой помѣщались и гость, и баринъ его.

— Обѣда двѣ порціи прикажете брать? проговорилъ онъ небрежно и сиповатымъ голосомъ.

— Я, я не знаю... вы — да, возьми, братъ, двѣ порціи.

Петрушка ушелъ. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на своего гостя. Гость его покраснѣлъ до ушей. Господинъ Голядкинъ

былъ добрый человѣкъ, и потому, по добротѣ души своей, тотчасъ же составилъ теорію:

— Бѣдный человѣкъ, думалъ онъ, да и на мѣстѣ-то всего одинъ день; въ свое время пострадалъ, вѣроятно; можетъ-быть, только и добра-то, что приличное платьишко, а самому и пообѣдать-то нѣчѣмъ. Экъ его, какой онъ забитый! Ну, ничего; это отчасти и лучше... Извините меня, что я, — началъ господинъ Голядкинъ: — впрочемъ, позвольте узнать, какъ мнѣ звать васъ?

— Я... я... Яковъ Петровичемъ, почти прошепталъ гость его, словно совѣстясь и стыдясь, словно прощенія прося въ томъ, что и его зовутъ тоже Яковъ Петровичемъ.

— Яковъ Петровичъ! повторилъ нашъ герой, не въ силахъ будучи скрыть своего смущенія.

— Да-съ, точно-такъ-съ... Тёзка вамъ-съ, отвѣчалъ смиренный гость господина Голядкина, осмѣливаясь улыбнуться и сказать что-нибудь пошутливѣе. Но тутъ же и осѣлся назадъ, принявъ видъ самый серьёзный и немного впрочемъ смущенный, замѣчая, что хозяину его теперь не до шуточекъ.

— Вы... позвольте же васъ спросить, по какому случаю имѣю я честь...

— Зная ваше великодушіе и добродѣтели ваши, — быстро, но робкимъ голосомъ прервалъ его гость, немного приподымаясь со стула: — зная добродѣтели ваши, осмѣлился я обратить ся къ вамъ и просить вашего... знакомства и покровительства... заключилъ его гость, очевидно затрудняясь въ своихъ выраженіяхъ, и выбирая слова не слишкомъ-льстивыя и унизительныя, чтобъ не окомпрометтировать себя въ-отношеніи амбиціи, но и не слишкомъ смѣлыя, отзывающіяся неприличнымъ равенствомъ. Вообще можно сказать, что гость господина Голядкина велъ себя какъ благородный нищій въ заштопанномъ фракѣ, и съ благороднымъ паспортомъ въ карманѣ, ненапрактиковавшійся еще какъ слѣдуетъ протягивать руку.

— Вы смущаете меня, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ, оглядывая себя, свои стѣны и гостя: — чѣмъ же я могъ бы... я, то-есть, хочу сказать, въ какомъ именно отношеніи могу я вамъ услужить въ чемъ-нибудь?

— Я, Яковъ Петровичъ, почувствовалъ къ вамъ влеченіе съ перваго взгляда, и, простите меня великодушно, на васъ понадѣялся — осмѣлился понадѣяться, Яковъ Петровичъ. Я... я человѣкъ здѣсь затерянный, Яковъ Петровичъ, бѣдный, пострадалъ весьма-много, Яковъ Петровичъ, и здѣсь еще вновѣ.

Узнавъ, что вы, при обыкновенныхъ, врожденныхъ вамъ качествахъ вашей прекрасной души, однофамилецъ мой...

Господинъ Голядкинъ поморщился.

— Однофамилецъ мой, и родомъ изъ однихъ со мной мѣстъ, рѣшился я обратиться къ вамъ, и изложить вамъ затруднительное мое положеніе.

— Хорошо-съ, хорошо-съ; право, я не знаю, что̀ вамъ сказать, отвѣчалъ смущеннымъ голосомъ господинъ Голядкинъ: — вотъ, послѣ обѣда мы потолкуемъ...

Гость поклонился; обѣдъ принесли. Петрушка собралъ на столъ и гость, вмѣстѣ съ хозяиномъ, принялись насыщать себя. Обѣдъ продолжался недолго; оба они торопились, — хозяинъ, потому-что былъ не въ обыкновенной тарелкѣ своей, да къ-тому же и совѣстился, что обѣдъ былъ дурной, — совѣстился же отчасти отъ-того, что хотѣлось гостя хорошо покормить, а частію отъ-того, что хотѣлось показать, что онъ не какъ нищій живетъ. Съ своей стороны, гость былъ въ крайнемъ смущеніи и крайне конфузился. Взявъ одинъ разъ хлѣба и съѣвъ свой ломоть, онъ уже боялся протягивать руку къ другому ломтю, совѣстился брать кусочки по-лучше и поминутно увѣрялъ, что онъ вовсе не голоденъ, что обѣдъ былъ прекрасный, и что онъ, съ своей стороны, совершенно-доволенъ и по гробъ будетъ чувствовать. Когда ѣда кончилась, господинъ Голядкинъ закурилъ свою трубочку, предложилъ другую, заведенную для пріятеля, гостю, оба усѣлись другъ противъ друга, и гость началъ разсказывать свои приключенія.

Разсказъ господина Голядкина-младшаго продолжался часа три или четыре. Исторія приключеній его была, впрочемъ, составлена изъ самыхъ пустѣйшихъ, изъ самыхъ мизернѣйшихъ, если можно сказать, обстоятельствъ. Дѣло шло о службѣ гдѣ-то въ палатѣ въ губерніи, о прокурорахъ и предсѣдателяхъ, о кое-какихъ канцелярскихъ интригахъ, о развратѣ души одного изъ повытчиковъ, о ревизорѣ, о внезапной перемѣнѣ начальства, о томъ, ка́къ господинъ Голядкинъ-второй пострадалъ совершенно-безвинно; о престарѣлой тётушкѣ его, Пелагеѣ Семеновнѣ; о томъ, ка̀къ онъ, по разнымъ интригамъ враговъ своихъ, мѣста лишился и пѣшкомъ пришелъ въ Петербургъ; о томъ, ка́къ онъ маялся и горе мыкалъ здѣсь въ Петербургѣ, ка́къ безплодно долгое время мѣста искалъ, прожился, исхарчился, жилъ чуть не на улицѣ, ѣлъ черствый хлѣбъ и запивалъ его слезами своими, спалъ на голомъ полу, и, наконецъ, ка́къ кто-

то изъ добрыхъ людей взялся хлопотать о немъ, рекомендовалъ и великодушно къ новому мѣсту пристроилъ. Гость господина Голядкина плакалъ разсказывая и утиралъ слезы синимъ клѣтчатымъ платкомъ, весьма походившимъ на клеенку. Заключилъ же онъ тѣмъ, что открылся вполнѣ господину Голядкину и признался, что ему не только нѐчѣмъ покамѣстъ жить и прилично устроиться, но и обмундироваться–то какъ слѣдуетъ нѐ на что; что вотъ, включилъ онъ, даже на сапожишки не могъ сколотиться, и что виц–мундиръ взятъ имъ у кого–то на подержаніе на малое время.

Господинъ Голядкинъ былъ въ умиленіи, былъ истинно тронутъ. Впрочемъ, и даже не смотря на то, что исторія его гостя была самая пустая исторія, всѣ слова этой исторіи ложились на сердце его словно манна небесная. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ забывалъ послѣднія сомнѣнія свои, разрѣшилъ свое сердце на свободу и радость и, наконецъ, мысленно самъ себя пожаловалъ въ дураки. Все было такъ натурально! И было отъ чего сокрушаться, бить такую тревогу! Ну, есть, дѣйствительно есть одно щекотливое обстоятельство, — да вѣдь оно не бѣда: оно не можетъ замарать человѣка, амбицію его запятнать и карьеру его загубить, когда невиноватъ человѣкъ, когда сама природа сюда замѣшалась. Къ–тому же, гость просилъ покровительства, гость плакалъ, гость судьбу обвинялъ, казался такимъ незатѣйливымъ, безъ злобы и хитростей, жалкимъ, ничтожнымъ, и, кажется, самъ теперь совѣстился, хотя, можетъ–быть, и въ другомъ отношеніи, страннымъ сходствомъ лица своего съ хозяйскимъ лицомъ. Велъ онъ себя до–нѐльзя благонадежно, та́къ и смотрѣлъ угодить своему хозяину, и смотрѣлъ такъ, ка̀къ смотритъ человѣкъ, который терзается угрызеніями совѣсти и чувствуетъ, что виноватъ передъ другимъ человѣкомъ. Заходила ли, на–примѣръ, рѣчь о какомъ–нибудь сомнительномъ пунктѣ, гость тотчасъ же соглашался съ мнѣніемъ господина Голядкина. Если же какъ–нибудь, по ошибкѣ, заходилъ мнѣніемъ своимъ въ контру господину Голядкину и потомъ замѣчалъ, что сбился съ дороги, то тотчасъ же поправлялъ свою рѣчь, объяснялся и давалъ немедленно знать, что онъ все разумѣетъ точно такимъ же образомъ, какъ хозяинъ его, мыслитъ такъ же, какъ онъ, и смотритъ на все совершенно–такими же глазами, какъ и онъ. Однимъ словомъ, гость употреблялъ всевозможныя усилія найдти въ господинѣ Голядкинѣ, такъ–что господинъ Голядкинъ рѣшилъ наконецъ, что гость его

долженъ быть весьма-любезный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Между-прочимъ, подали чай; часъ былъ девятый. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ себя въ прекрасномъ расположеніи духа, развеселился, разъигрался, расходился понемножку и пустился наконецъ въ самый живой и занимательный разговоръ съ своимъ гостемъ. Господинъ Голядкинъ подъ веселую руку любилъ иногда разсказать что-нибудь интересное. Такъ и теперь: разсказалъ гостю много о столицѣ, объ увеселеніяхъ и красотахъ ея, о театрѣ, о клубахъ, о картинѣ Брюлова; о томъ, какъ два Англичанина пріѣхали нарочно изъ Англіи въ Петербургъ, чтобъ посмотрѣть на рѣшетку Лѣтняго-Сада, и тотчасъ уѣхали; о службѣ, объ Олсуфьѣ Ивановичѣ и объ Андреѣ Филипповичѣ; о томъ, что Россія съ-часу-на-часъ идетъ къ совершенству, и что «тутъ

Словесныя науки днесь цвѣтутъ»;

объ анекдотцѣ, прочитанномъ недавно въ «Сѣверной Пчелѣ», и что въ Индіи есть змѣя удавъ необыкновенной силы; наконецъ, о баронѣ Брамбеусѣ, и т. д., и т. д. Словомъ, господинъ Голядкинъ вполнѣ былъ доволенъ, во-первыхъ, потому-что былъ совершенно-спокоенъ, во-вторыхъ, что не только не боялся враговъ своихъ, но даже готовъ былъ теперь всѣхъ ихъ вызвать на самый рѣшительный бой; въ-третьихъ — что самъ своею особою оказывалъ покровительство и, наконецъ, дѣлалъ доброе дѣло. Сознавался онъ, впрочемъ, въ душѣ своей, что еще не совсѣмъ-счастливъ въ эту минуту, что сидитъ въ немъ еще одинъ червячокъ, самый маленькій впрочемъ, и точитъ даже и теперь его сердце. Мучило крайне его воспоминаніе о вчерашнемъ вечерѣ у Олсуфья Ивановича. Много бы далъ онъ теперь, еслибъ не было кой-чего изъ того, что̀ было вчера. «Впрочемъ, вѣдь оно ничего!» заключилъ наконецъ нашъ герой и рѣшился твердо въ душѣ вести себя впередъ хорошо и не впадать въ подобные промахи. Такъ-какъ господинъ Голядкинъ теперь расходился вполнѣ и сталъ вдругъ почти совершенно-счастливъ, то вздумалось ему даже и пожуировать жизнію. Принесенъ былъ Петрушкою ромъ, и составился пуншъ. Гость и хозяинъ осушили по стакану и по два. Гость оказался еще любезнѣе прежняго, и съ своей стороны показалъ не одно доказательство прямодушія и счастливаго характера своего, сильно входилъ въ удовольствіе господина Голядкина, казалось, радовался только одною его радостью и смотрѣлъ на него какъ на

истиннаго и единственнаго своего благодѣтеля. Взявъ перо и листочекъ бумажки, онъ попросилъ господина Голядкина не смотрѣть на то, что̀ онъ будетъ писать, и потомъ, когда кончилъ, самъ показалъ хозяину своему все написанное. Оказалось, что это было четверостишіе, написанное довольно-чувствительно, впрочемъ прекраснымъ слогомъ и почеркомъ, и, какъ видно, сочиненіе самого любезнаго гостя. Стишки были слѣдующіе:

Если ты меня забудешь,
Не забуду я тебя;
Въ жизни можетъ все случиться,
Не забудь и ты меня!

Со слезами на глазахъ обнялъ своего гостя господинъ Голядкинъ, и, расчувствовавшись наконецъ вполнѣ, самъ посвятилъ своего гостя въ нѣкоторые секреты и тайны свои, причемъ рѣчь сильно напиралась на Андрея Филипповича и на Клару Олсуфьевну. «Ну, да вѣдь мы съ тобой, Яковъ Петровичъ, сойдемся» говорилъ нашъ герой своему гостю: «мы съ тобой, Яковъ Петровичъ, сойдемся; будемъ жить какъ рыба съ водой, какъ братья родные; мы, дружище, будемъ хитрить, за-одно хитрить будемъ; съ своей стороны будемъ интригу вести въ пику имъ... въ пику-то имъ интригу вести. Мы съ тобой теперь за-одно, а имъ-то ты никому не ввѣряйся. Вѣдь я тебя знаю, Яковъ Петровичъ, и характеръ твой понимаю; вѣдь ты какъ-разъ все разскажешь, душа ты правдивая! Ты, братъ, сторонись отъ нихъ всѣхъ.» Гость вполнѣ соглашался, благодарилъ господина Голядкина и тоже наконецъ прослезился. «Ты знаешь ли, Яша» продолжалъ господинъ Голядкинъ дрожащимъ, разслабленнымъ голосомъ: «ты, Яша, поселись у меня на время, или навсегда поселись. Мы сойдемся. Что́, братъ, тебѣ, а? А ты не смущайся и не ропщи на то, что вотъ между нами такое странное теперь обстоятельство: роптать, братъ, грѣшно; покорись и смирись; это природа! А мать-природа щедра, вотъ что, братъ Яша! Любя тебя, братски любя тебя, говорю. А мы съ тобой, Яша, будемъ хитрить и съ своей стороны подкопы вести, и носы имъ утремъ.» Пуншъ наконецъ дошелъ до третьихъ и четвертыхъ стакановъ на брата, и тогда господинъ Голядкинъ сталъ испытывать два ощущенія: одно то, что необыкновенно-счастливъ, а другое — что уже не можетъ стоять на ногахъ и качается. Гость, разумѣется, былъ приглашенъ ночевать. Кровать была кое-какъ составлена изъ двухъ рядовъ стульевъ. Господинъ

Голядкинъ–младшій объявилъ, что подъ дружескимъ кровомъ мягко спать и на голомъ полу, что съ своей стороны онъ заснетъ, гдѣ прійдется, съ покорностью и признательностью; что теперь онъ въ раю, и что, наконецъ, онъ много перенесъ на своемъ вѣку несчастій и горя, на все посмотрѣлъ, всего перетерпѣлъ, и — кто знаетъ будущность? — можетъ–быть, еще перетерпитъ. Господинъ Голядкинъ–старшій протестовалъ противъ этого и началъ доказывать, что нужно возложить всю надежду на Бога. Гость вполнѣ соглашался и говорилъ, что, разумѣется, никто таковъ, какъ Богъ. Тутъ господинъ Голядкинъ–старшій замѣтилъ, что Турки правы въ нѣкоторомъ отношеніи, призывая даже во снѣ имя Божіе. Потомъ, не соглашаясь, впрочемъ, съ иными учеными въ иныхъ клеветахъ, взводимыхъ на турецкаго пророка Мухаммеда, и признавая его въ своемъ родѣ великимъ политикомъ, господинъ Голядкинъ перешелъ къ весьма–интересному описанію алжирской цирюльни, о которой читалъ въ какой–то книжкѣ, въ смѣси. Гость и хозяинъ много смѣялись надъ простодушіемъ Турковъ; впрочемъ, не могли не отдать должной дани удивленія ихъ фанатизму, возбуждаемому опіумомъ... Гость сталъ наконецъ раздѣваться, а господинъ Голядкинъ вышелъ за перегородку, частію по добротѣ души, что, можетъ–быть, де–скать у него и рубашки–то порядочной нѣтъ, такъ чтобъ не сконфузить и безъ того уже пострадавшаго человѣка, а частію для того, чтобъ увѣриться по–возможности въ Петрушкѣ, испытать его, развеселить, если можно, и приласкать человѣка, чтобъ ужь такъ, чтобъ ужь всѣ были счастливы, и чтобъ не оставалось на столѣ просыпанной соли. Нужно замѣтить, что Петрушка все еще немного смущалъ господина Голядкина.

— Ты, Петръ, ложись теперь спать, кротко сказалъ господинъ Голядкинъ, входя въ отдѣленіе своего служителя: — ты теперь ложись спать, а завтра въ восемь часовъ ты меня и разбуди. Понимаешь, Петруша?

Господинъ Голядкинъ говорилъ необыкновенно–мягко и ласково. Но Петрушка молчалъ. Онъ въ это время возился около своей кровати и даже не обернулся къ своему барину, что̀ бы долженъ былъ сдѣлать, впрочемъ, изъ одного къ нему уваженія.

— Ты, Петръ, меня слышалъ? продолжалъ господинъ Голядкинъ. — Ты вотъ теперь ложись спать, а завтра, Петруша, ты и разбуди меня въ восемь часовъ; понимаешь?

— Да ужь помню, ужь что̀ тутъ! проворчалъ себѣ подъ носъ Петрушка.

— Ну то–то, Петруша; я это только такъ говорю, чтобъ и ты былъ спокоенъ и счастливъ. Вотъ мы теперь всѣ счастливы, такъ чтобъ и ты былъ спокоенъ и счастливъ. А теперь спокойной ночи желаю тебѣ. Усни, Петруша, усни; мы всѣ трудиться должны... Ты, братъ, знаешь, не думай чего–нибудь...

Господинъ Голядкинъ началъ–было, да и остановился. «Не слишкомъ ли будетъ» подумалъ онъ: «не далеко ли я замахнулъ? Такъ–то всегда; всегда–то я пересыплю.» Герой нашъ вышелъ отъ Петрушки весьма–недовольный собою. Къ–тому же, грубостью и неподатливостью Петрушки онъ немного обидѣлся. «Съ шельмецомъ заигрываютъ, шельмецу баринъ честь дѣлаетъ, а онъ не чувствуетъ», подумалъ господинъ Голядкинъ. «Впрочемъ, такая ужь тенденція подлая у всего этого рода!» Отчасти покачиваясь, воротился онъ въ комнату, и видя, что гость его улегся совсѣмъ, присѣлъ на минутку къ нему на постель. «А вѣдь признайся, Яша, началъ онъ шопотомъ и курныкая головой: «вѣдь ты, подлецъ, предо мной виноватъ? вѣдь ты, тёзка, знаешь, того...» продолжалъ онъ, довольно–фамильярно заигрывая съ своимъ гостемъ. Наконецъ, распростившись съ нимъ дружески, господинъ Голядкинъ отправился спать. Гость между–тѣмъ захрапѣлъ. Господинъ Голядкинъ въ свою очередь началъ ложиться въ постель, а между–тѣмъ посмѣиваясь шепталъ про себя: «Вѣдь ты пьянъ сегодня, голубчикъ мой, Яковъ Петровичъ, подлецъ ты такой, Голядка ты этакой — фамилья твоя такова!! Ну, чему ты обрадовался? Вѣдь завтра расплачешься, нюня ты этакая; что̀ мнѣ дѣлать съ тобой!» Тутъ довольно–странное ощущеніе отозвалось во всемъ существѣ господина Голядкина, что̀–то похожее на сомнѣніе или раскаяніе. «Расходился жь я» думалъ онъ: «вѣдь вотъ теперь шумитъ въ головѣ и я пьянъ; и не удержался, дурачина ты этакая! и вздору съ три короба намололъ, да еще хитрить, подлецъ, собирался. Конечно, прощеніе и забвеніе обидъ есть первѣйшая добродѣтель, но все жь оно плохо! вотъ оно какъ!» Тутъ господинъ Голядкинъ привсталъ, взялъ свѣчу, и на цыпочкахъ еще разъ пошелъ взглянуть на спящаго своего гостя. Долго стоялъ онъ надъ нимъ въ глубокомъ раздумьи. «Картина непріятная! пасквиль, чистѣйшій пасквиль, да и дѣло съ концомъ!»

Наконецъ господинъ Голядкинъ улегся совсѣмъ. — Въ головѣ у него шумѣло, трещало, звонило. Онъ сталъ забываться —

забываться... силился–было о чемъ–то думать, вспомнить что̀–то такое весьма–интересное, разрѣшить что̀–то такое весьма–важное, какое–то щекотливое дѣло, — но не могъ. Сонъ налетѣлъ на его побѣдную голову, и онъ заснулъ такъ, какъ обыкновенно спятъ люди, съ непривычки употребившіе вдругъ пять стакановъ пунша на какой–нибудь дружеской вечеринкѣ.

ГЛАВА VIII.

О томъ, что̀ случилось съ господиномъ Голядкинымъ по пробужденіи. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ струсилъ отчасти. Встрѣча обоихъ Голядкиныхъ. Какъ одинъ господинъ Голядкинъ пускаетъ пыль въ глаза другому господину Голядкину. Адская измѣна господина Голядкина–младшаго. Неприличіе и необразованность господина Голядкина–младшаго. Безобразіе господина Голядкина–младшаго. Мнѣніе господина Голядкина–старшаго о ветошкахъ, амбиціяхъ и репутаціяхъ. О томъ, какимъ–образомъ эта глава кончается.

Какъ обыкновенно, на другой день господинъ Голядкинъ проснулся въ восемь часовъ; проснувшись же, тотчасъ припомнилъ всѣ происшествія вчерашняго вечера, — припомнилъ и поморщился. «Экъ я разъигрался вчера такимъ дуракомъ!» подумалъ онъ, приподымаясь съ постели и взглянувъ на постель своего гостя. Но каково же было его удивленіе, когда не только гостя, но даже и постели, на которой спалъ гость, не было въ комнатѣ! «Что́ жь это такое?» чуть не вскрикнулъ господинъ Голядкинъ: «что̀ жь бы это было такое? Что́ же означаетъ теперь это новое обстоятельство?» Покамѣстъ господинъ Голядкинъ, недоумѣвая, съ раскрытымъ ртомъ смотрѣлъ на опустѣлое мѣсто, скрипнула дверь, и Петрушка вошелъ съ чайнымъ подносомъ. «Гдѣ же, гдѣ же?» проговорилъ чуть слышнымъ голосомъ нашъ герой, указывая пальцемъ на вчерашнее мѣсто, отведенное гостю. Петрушка сначала не отвѣчалъ ничего, даже не посмотрѣлъ на своего барина, а поворотилъ свои глаза въ уголъ направо, такъ–что господинъ Голядкинъ самъ принужденъ былъ взглянуть въ уголъ направо. Впрочемъ, послѣ нѣко-

тораго молчанія Петрушка сиповатымъ и грубымъ голосомъ отвѣтилъ — «что барина, дескать, дома нѣтъ».

— Дуракъ ты; да вѣдь я твой баринъ, Петрушка, проговорилъ господинъ Голядкинъ прерывистымъ голосомъ, и во всѣ глаза смотря на своего служителя.

Петрушка ничего не отвѣчалъ, но посмотрѣлъ такъ на господина Голядкина, что тотъ покраснѣлъ до ушей, — посмотрѣлъ съ какою-то оскорбительною укоризною, похожею на чистую брань. Господинъ Голядкинъ и руки опустилъ, какъ говорится. Наконецъ, Петрушка объявилъ, что *другой* ужь часа съ полтора какъ ушелъ, что онъ не хотѣлъ дожидаться, и что обѣщалъ своевременно увидѣться, поговорить и объясниться рѣшительно. Конечно, отвѣтъ былъ вѣроятенъ и правдоподобенъ; видно было, что Петрушка не лгалъ, что оскорбительный взглядъ его и слово *другой*, употребленное имъ, тоже оскорбительное для чести героя нашего, были лишь слѣдствіемъ всего извѣстнаго гнуснаго обстоятельства, что наконецъ Петрушка нѣкоторымъ образомъ былъ въ своемъ правѣ, говоря и поступая такимъ образомъ, и что претендовать на него, или распекать его за это нельзя; слѣдовательно, на этотъ счетъ господинъ Голядкинъ могъ повидимому оставаться совершенно-спокойнымъ, — но все-таки онъ понималъ хоть и смутно, что тутъ что-нибудь да не такъ, и что судьба готовитъ ему еще какой-то гостинецъ, не совсѣмъ-то пріятный. «Хорошо, мы посмотримъ», думалъ онъ про себя: «мы увидимъ, мы своевременно раскусимъ все это... Ахъ, ты Господи Боже мой!» простоналъ онъ въ заключеніе уже совсѣмъ-другимъ голосомъ: «и зачѣмъ я это приглашалъ его, на какой конецъ я все это дѣлалъ? вѣдь истинно самъ голову сую въ петлю ихъ воровскую, самъ эту петлю свиваю. Ахъ, ты голова, голова! вѣдь и утерпѣть-то не можешь ты, чтобъ не провраться какъ мальчишка какой-нибудь, канцеляристъ какой-нибудь, какъ безчиновная дрянь какая-нибудь, тряпка, ветошка гнилая какая-нибудь, сплётникъ ты этакой, баба ты этакая!... Святые вы мои! И стишки шельмецъ написалъ, и въ любви ко мнѣ изъяснился! Ка́къ бы этакъ того... Ка̀къ бы ему, шельмецу, приличнѣе на дверь указать, коли воротится? Разумѣется, много есть разныхъ оборотовъ и способовъ. Такъ и такъ, дескать, при моемъ ограниченномъ жалованьѣ... Или тамъ, припугнуть его какъ-нибудь, что, дескать, взявъ въ соображеніе вотъ то́-то и то̀-то, принужденъ изъясниться... дескать, нужно въ половинѣ платить за квартиру и

столъ, и деньги впередъ отдавать. Гм! нѣтъ, чортъ возьми, нѣтъ! Это меня замараетъ. Оно не совсѣмъ—деликатно! Развѣ какъ-нибудь тамъ, вотъ этакъ бы сдѣлать: взять бы, да и надоумить Петрушку, чтобъ Петрушка ему насолилъ какъ-нибудь, неглижировалъ бы съ нимъ какъ-нибудь, подъ-часъ бы сгрубилъ ему, да и выжить его такимъ-образомъ? Стравить бы ихъ этакъ вмѣстѣ... Нѣтъ, чортъ возьми, нѣтъ! Это опасно, да и опять, если съ этакой точки зрѣнья смотрѣть — ну, да́, вовсе нехорошо! Совсѣмъ-нехорошо! А ну, если онъ не прійдетъ? что́ тогда будетъ? проврался я ему вчера вечеромъ!.. Эхъ, плохо, плохо! Эхъ, дѣло-то наше какъ плоховато! Ахъ, я голова, голова окаянная! взубрить-то ты чего слѣдуетъ не можешь себѣ, резону-то вгвоздить туда не можешь себѣ! Ну, какъ онъ не прійдетъ и откажется? А дай-то Господи, еслибъ пришелъ! весьма былъ бы радъ я, еслибъ пришелъ онъ; много бы далъ я, еслибъ пришелъ...» Такъ разсуждалъ господинъ Голядкинъ, глотая свой чай и безпрестанно поглядывая на стѣнные часы. «Безъ четверти девять теперь; вѣдь, вотъ ужь пора идти. А что̀-то будетъ такое, что̀-то тутъ будетъ? Желалъ бы я знать, что̀ здѣсь именно особеннаго такого скрывается, — этакъ цѣль, направленіе и разныя тамъ закавыки. Хорошо бы узнать, на что́ именно метятъ всѣ эти народы, и каковъ-то будетъ ихъ первый шагъ...» Господинъ Голядкинъ не могъ долѣе вытерпѣть, бросилъ недокуренную трубку, одѣлся и пустился на службу, желая накрыть, если можно, опасность и во всемъ удостовѣриться своимъ личнымъ присутствіемъ. А опасность была: это ужь онъ самъ зналъ, что опасность была. «А вотъ мы ее... и раскусимъ» говорилъ господинъ Голядкинъ, снимая шинель и калоши въ передней: «вотъ мы и проникнемъ сейчасъ во всѣ эти дѣла.» Рѣшившись такимъ-образомъ дѣйствовать, герой нашъ оправился, принялъ видъ приличный и форменный, и только-что хотѣлъ-было проникнуть въ сосѣднюю комнату, какъ вдругъ въ самыхъ дверяхъ столкнулся съ нимъ вчерашній знакомецъ, другъ и пріятель его. Господинъ Голядкинъ-младшій, кажется, не замѣчалъ господина Голядкина-старшаго, хотя и сошелся съ нимъ почти носомъ къ носу. Господинъ Голядкинъ-младшій былъ, кажется, занятъ, куда-то спѣшилъ, запыхался; видъ имѣлъ такой оффиціальный, такой дѣловой, что, казалось, всякій могъ прямо прочесть на лицѣ его — «командированъ по особому порученію»...

— Ахъ, это вы, Яковъ Петровичъ! сказалъ нашъ герой, хватая своего вчерашняго гостя за руку.

— Послѣ, послѣ, извините меня, разскажете послѣ, закричалъ господинъ Голядкинъ-младшій, порываясь впередъ...

— Однако, позвольте; вы, кажется, хотѣли, Яковъ Петровичъ, того-съ...

— Что-съ? Объясните скорѣе-съ. — Тутъ вчерашній гость господина Голядкина остановился какъ-бы черезъ силу и нехотя, и подставилъ ухо свое прямо къ носу господина Голядкина.

— Я вамъ скажу, Яковъ Петровичъ, что я удивляюсь пріему... пріему, какого вовсе, по-видимому, не могъ бы я ожидать.

— На все есть извѣстная форма-съ. Явитесь къ секретарю его превосходительства и потомъ отнеситесь, какъ слѣдуетъ, къ господину правителю канцеляріи. Просьба есть?...

— Вы, я не знаю, Яковъ Петровичъ! вы меня просто изумляете, Яковъ Петровичъ! вы вѣрно не узнаете меня, или шутите, по врожденной веселости характера вашего.

— А, это вы! сказалъ господинъ Голядкинъ-младшій, какъ-будто только-что сейчасъ разглядѣлъ господина Голядкина-старшаго: — такъ это вы? Ну, очень радъ, что это вы! Ну, что жь, хорошо ли вы почивали? Тутъ господинъ Голядкинъ-младшій, улыбнувшись немного, оффиціально и форменно улыбнувшись, хотя вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало (потому-что, вѣдь во всякомъ случаѣ онъ одолженъ же былъ благодарностью господину Голядкину-старшему), и такъ улыбнувшись оффиціально и форменно, прибавилъ, что онъ съ своей стороны весьма-радъ, что господинъ Голядкинъ хорошо почивалъ; потомъ наклонился немного, посеменилъ немного на мѣстѣ, поглядѣлъ направо, налѣво, потомъ опустилъ глаза въ землю, нацѣлился въ боковую дверь, и, прошептавъ скороговоркой, что онъ по особому порученію, юркнулъ въ сосѣднюю комнату. Только и видѣлъ его нашъ герой.

— Вотъ-те и штука!.. прошепталъ нашъ герой, остолбенѣвъ на мгновеніе: — вотъ-те и штука! Такъ вотъ такое-то здѣсь обстоятельство!... Тутъ господинъ Голядкинъ почувствовалъ, что у него отъ чего-то заходили мурашки по тѣлу. — Впрочемъ, продолжалъ онъ про себя, пробираясь въ свое отдѣленіе: — впрочемъ, вѣдь я уже давно говорилъ о такомъ обстоятельствѣ; я уже давно предчувствовалъ, что онъ по особому порученію, —

именно, вотъ вчера говорилъ, что непремѣнно по чьему-нибудь особому порученію употребленъ человѣкъ... Однакожь, ка́къ же все это?.. Если такъ разсудить, оно выходитъ и не совсѣмъ-такое необыкновенное дѣло. Здѣсь, во-первыхъ, вѣроятно, есть недоразумѣніе какое-нибудь, а во-вторыхъ, вѣдь то же самое и со всѣми случается; оно, можетъ-быть, то же самое и со всѣми случится...

— Окончили вы, Яковъ Петровичъ, вчерашнюю вашу бумагу? спросилъ Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ усѣвшагося подлѣ него господина Голядкина: — у васъ здѣсь она?

— Здѣсь, прошепталъ господинъ Голядкинъ, смотря на своего столоначальника отчасти съ потерявшимся видомъ.

— То-то-съ. Я къ тому говорю, что Андрей Филипповичъ уже два раза спрашивалъ. Того-и-гляди, что его превосходительство потребуетъ...

— Нѣтъ-съ, она кончена-съ...

— Ну-съ, хорошо-съ.

— Я, Антонъ Антоновичъ, всегда, кажется, исполнялъ свою должность какъ слѣдуетъ и радѣю о порученныхъ мнѣ начальствомъ дѣлахъ-съ, занимаюсь ими рачительно.

— Да-съ. Ну-съ, что̀ же вы хотите этимъ сказать-съ?

— Я ничего-съ, Антонъ Антоновичъ. Я только, Антонъ Антоновичъ, хочу объяснить, что я... т. е. я хотѣлъ выразить, что иногда неблагонамѣренность и зависть не щадятъ никакого лица, ища своей повседневной отвратительной пищи-съ...

— Извините, я васъ не совсѣмъ-то понимаю. То-есть, на какое лицо вы теперь оборотомъ смысла вашихъ рѣчей нарицаніе дѣлаете?

— То-есть, я хотѣлъ только сказать, Антонъ Антоновичъ, что я иду прямымъ путемъ, а окольнымъ путемъ ходить презираю, что я не интригантъ, и что симъ, если позволено только будетъ мнѣ выразиться, могу весьма-справедливо гордиться...

— Да-съ. Это все такъ-съ, и по крайнему моему разумѣнію отдаю полную справедливость разсужденію вашему; но позвольте же и мнѣ вамъ, Яковъ Петровичъ, замѣтить, что личности въ хорошемъ обществѣ не совсѣмъ позволительны-съ; что за глаза, я, на-примѣръ, готовъ снести, — потому-что за глаза и кого жь не бранятъ! — но въ глаза, воля ваша, а я сударь мой, на-примѣръ, себѣ дерзостей говорить не позволю. Я, сударь мой, посѣдѣлъ на государевой службѣ, и дерзостей на старости лѣтъ говорить себѣ не позволю-съ...

— Нѣтъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ-съ, вы видите ли, Антонъ Антоновичъ, вы, кажется, Антонъ Антоновичъ, меня не совсѣмъ-то въ смыслѣ рѣчей моихъ уразумѣли-съ. А я, помилуйте, Антонъ Антоновичъ, я съ своей стороны могу только за честь поставить-съ...

— Да ужь и насъ тоже прошу извинить-съ. Учены мы по старинному-съ. А по вашему, по новому учиться намъ поздно. На службѣ отечеству разумѣнія доселѣ намъ, кажется, доставало. У меня, сударь мой, какъ вы сами знаете, есть знакъ за двадцатипятилѣтнюю безпорочную службу-съ...

— Я чувствую, Антонъ Антоновичъ, я съ моей стороны совершенно все это чувствую-съ. Но я не про то-съ, я про маску говорилъ, Антонъ Антоновичъ-съ...

— Про маску-съ?

— То-есть, вы опять... я опасаюсь, что вы и тутъ пріймете въ другую сторону смыслъ, т. е. смыслъ рѣчей моихъ, какъ вы сами говорите, Антонъ Антоновичъ. Я только тѣмъ развиваю, т. е. пропускаю идею, Антонъ Антоновичъ, что люди, носящіе маску, стали не рѣдки-съ, и что теперь трудно подъ маской узнать человѣка-съ...

— Ну-съ, знаете ли-съ, оно не совсѣмъ-то и трудно-съ. Иногда и довольно легко-съ, иногда и искать недалеко нужно ходить-съ.

— Нѣтъ-съ, знаете ли-съ, я, Антонъ Антоновичъ, говорю-съ, про себя говорю, что я, на-примѣръ, маску надѣваю лишь когда нужда въ ней бываетъ, т. е. единственно для карнавала и веселыхъ собраній, говоря въ прямомъ смыслѣ, но что не маскируюсь передъ людьми каждодневно, говоря въ другомъ, болѣе-скрытномъ смыслѣ-съ. Вотъ что я хотѣлъ сказать, Антонъ Антоновичъ-съ.

— Ну, да мы, покамѣстъ, оставимъ все это; да мнѣ же и не́когда-съ, сказалъ Антонъ Антоновичъ-съ, привставъ съ своего мѣста и собирая кой-какія бумаги для доклада его превосходительству. — Дѣло же ваше, какъ я полагаю, не замедлитъ своевременно объясниться. Сами же увидите вы, на кого вамъ пенять, и кого обвинять, а за тѣмъ прошу васъ покорнѣйше уволить меня отъ дальнѣйшихъ, частныхъ и вредящихъ службѣ объясненій и толковъ-съ...

— Нѣтъ-съ, я, Антонъ Антоновичъ, началъ поблѣднѣвшій немного господинъ Голядкинъ вслѣдъ удаляющемуся Антону Антоновичу: — я, Антонъ Антоновичъ, того-съ, и не ду-

малъ-съ. — Что же это такое? продолжалъ уже про себя нашъ герой, оставшись одинъ: — что же это за вѣтры такіе здѣсь подуваютъ, и что̀ означаетъ этотъ новый крючокъ? Господи, Боже мой! да не сплю ли ужь я?.. — Въ то самое время, какъ потерянный и полу-убитый герой нашъ готовился-было разрѣшить этотъ новый и довольно-интересный вопросъ, въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ, обнаружилось какое-то дѣловое движеніе, дверь отворилась, и Андрей Филипповичъ, только-что передъ тѣмъ отлучившійся по дѣламъ въ кабинетъ его превосходительства, запыхавшись, появился въ дверяхъ и кликнулъ господина Голядкина. Зная въ чемъ дѣло и не желая заставить ждать Андрея Филипповича, господинъ Голядкинъ вскочилъ съ своего мѣста и, какъ слѣдуетъ, немедленно засуетился на чемъ свѣтъ стоитъ, обготовляя и обхоливая окончательно требуемую тетрадку, да и самъ приготовляясь отправиться, вслѣдъ за тетрадкой и Андреемъ Филипповичемъ, въ кабинетъ его превосходительства. Вдругъ и почти изъ-подъ руки Андрея Филипповича, стоявшаго въ то время въ самыхъ дверяхъ, юркнулъ въ комнату господинъ Голядкинъ-младшій, суетясь, запыхавшись, загонявшись на службѣ, съ важнымъ рѣшительно-форменнымъ видомъ и прямо подкатился къ господину Голядкину-старшему, менѣе всего ожидавшему подобнаго нападенія...

— Бумаги, Яковъ Петровичъ, бумаги... его превосходительство изволили спрашивать, готовы ль у васъ? защебеталъ вполголоса и скороговоркой пріятель господина Голядкина-старшаго: — Андрей Филипповичъ васъ ожидаетъ...

— Знаю и безъ васъ, что ожидаютъ, проговорилъ господинъ Голядкинъ-старшій тоже скороговоркой и шопотомъ.

— Нѣтъ, я, Яковъ Петровичъ, не то; я, Яковъ Петровичъ, совсѣмъ не то; я сочувствую, Яковъ Петровичъ, и подвигнутъ душевнымъ участіемъ.

— Отъ котораго нижайше прошу васъ избавить меня. Позвольте, позвольте-съ...

— Вы, разумѣется, ихъ обернете оберточкой, Яковъ Петровичъ, а третью-то страничку вы заложите закладкой, позвольте, Яковъ Петровичъ...

— Да позвольте же вы, наконецъ...

— Но вѣдь здѣсь чернильное пятнышко, Яковъ Петровичъ, чернильное пятнышко; вы замѣтили ль чернильное пятнышко?..

Тутъ Андрей Филипповичъ второй разъ кликнулъ господина Голядкина.

— Сейчасъ, Андрей Филипповичъ; я вотъ только немножко, вотъ здѣсь... Милостивый государь, понимаете ли вы русскій языкъ?

— Лучше всего будетъ ножичкомъ снять, Яковъ Петровичъ; вы лучше на меня положитесь; вы лучше не трогайте сами, Яковъ Петровичъ, а на меня положитесь, и я же отчасти тутъ ножичкомъ...

Андрей Филипповичъ третій разъ кликнулъ господина Голядкина.

— Да помилуйте, гдѣ же тутъ пятнышко? Вѣдь, кажется, вовсе нѣту здѣсь пятнышка?

— И огромное пятнышко, вотъ оно! вотъ, позвольте, я здѣсь его видѣлъ; вотъ, позвольте... вы только позвольте мнѣ, Яковъ Петровичъ, вы только позвольте, я отчасти здѣсь ножичкомъ, я изъ участія, Яковъ Петровичъ, и ножичкомъ отъ чистаго сердца... вы только позвольте; вотъ такъ, вотъ и дѣло съ концомъ...

Тутъ, и совсѣмъ-неожиданно, господинъ Голядкинъ-младшій, вдругъ, ни съ того ни съ сего, осиливъ господина Голядкина-старшаго въ мгновенной борьбѣ, между ними возникшей, и во всякомъ случаѣ совершенно противъ воли его, овладѣлъ требуемой начальствомъ бумагой, и, вмѣсто того, чтобъ поскоблить ее ножичкомъ отъ чистаго сердца, какъ вѣроломно увѣрялъ онъ господина Голядкина-старшаго, быстро свернулъ ее, сунулъ подъ мышку, въ два скачка очутился возлѣ Андрея Филипповича, незамѣтившаго ни одной изъ продѣлокъ его, и полетѣлъ съ нимъ въ директорскій кабинетъ. Господинъ Голядкинъ-старшій остался какъ-бы прикованнымъ къ мѣсту, держа въ рукахъ ножичекъ и какъ-будто приготовляясь что-то скоблить имъ...

Герой нашъ еще не совсѣмъ понималъ свое новое обстоятельство. Онъ еще не опомнился. Онъ почувствовалъ ударъ, но думалъ, что это что-нибудь такъ, а между-тѣмъ шепталъ про себя: «сейчасъ, Андрей Филипповичъ; я сейчасъ; я вотъ тотчасъ же буду готовъ...» Однако, черезъ мгновеніе онъ понялъ, хотя какъ-то смутно понялъ, хотя все еще думалъ, что это что-нибудь такъ, ничего... Въ страшной, неописанной тоскѣ сорвался онъ наконецъ съ мѣста и бросился прямо въ директорскій кабинетъ, моля, впрочемъ, небо дорогою, чтобъ это устроилось

все какъ-нибудь къ лучшему и было бы такъ, ничего... Въ послѣдней комнатѣ передъ директорскимъ кабинетомъ, сбѣжался онъ прямо, носъ-съ-носомъ съ Андреемъ Филипповичемъ и съ однофамильцемъ своимъ. Оба они уже возвращались: господинъ Голядкинъ посторонился. Андрей Филипповичъ говорилъ улыбаясь и весело. Однофамилецъ господина Голядкина-старшаго тоже улыбался, юлилъ, семенилъ въ почтительномъ разстояніи отъ Андрея Филипповича, и что-то съ восхищеннымъ видомъ нашептывалъ ему на ушко, на что̀ Андрей Филипповичъ самымъ благосклоннымъ образомъ кивалъ головою. Разомъ понялъ герой нашъ все положеніе дѣлъ. Дѣло въ томъ, что работа его (какъ онъ послѣ узналъ) почти превзошла ожиданія его превосходительства и поспѣла дѣйствительно къ сроку и во̀-время. Его превосходительство были крайне-довольны. Говорили даже, что его превосходительство сказали спасибо господину Голядкину-младшему, крѣпкое спасибо, сказали, что вспомнятъ при случаѣ и никакъ не забудутъ... Разумѣется, что первымъ дѣломъ господина Голядкина было протестовать, протестовать всѣми силами, до послѣдней возможности. Почти не помня себя и блѣдный, какъ смерть, бросился онъ къ Андрею Филипповичу. Но Андрей Филипповичъ, услышавъ, что дѣло господина Голядкина было частное дѣло, отказался слушать рѣшительно, замѣчая, что у него нѣтъ ни минуты свободной и для собственныхъ надобностей.

Сухость тона и рѣзкость отказа поразили господина Голядкина. «Это ничего, это кажется ничего», подумалъ онъ: «а вотъ лучше я какъ-нибудь съ другой стороны... вотъ я лучше къ Антону Антоновичу. Къ несчастію господина Голядкина, и Антона Антоновича не оказалось въ наличности: онъ тоже гдѣ-то былъ чѣмъ-то занятъ. «А вѣдь не безъ намѣренія просилъ уволить себя отъ объясненій и толковъ!» подумалъ герой нашъ. «Вотъ куда метилъ онъ — старая петля! Впрочемъ, и это также вѣдь все ничего. Въ такомъ случаѣ я просто дерзну умолять его превосходительство.»

Все еще блѣдный и чувствуя въ совершенномъ разбродѣ всю свою голову, крѣпко недоумѣвая, на что именно нужно рѣшиться, присѣлъ господинъ Голядкинъ на стулъ. Существенность дѣла въ конецъ убивала господина Голядкина. «Гораздо было бы лучше, еслибъ все это было лишь такъ только» думалъ онъ про себя. «Дѣйствительно, подобное темное дѣло было даже невѣроятно совсѣмъ. Это, во-первыхъ, и вздоръ, а во-вто-

рыхъ, и случиться не можетъ. Это, вѣроятно, какъ-нибудь тамъ померещилось, или вышло что-нибудь другое, а не то, что̀ дѣйствительно было; или вѣрно это я самъ ходилъ... и себя какъ-нибудь тамъ принялъ совсѣмъ за другаго... однимъ словомъ, это совершенно-невозможное дѣло.»

Только-что господинъ Голядкинъ рѣшилъ, что это совсѣмъ-невозможное дѣло, какъ вдругъ въ комнату влетѣлъ господинъ Голядкинъ-младшій съ бумагами въ обѣихъ рукахъ и подъ мышкой. Сказавъ мимоходомъ какія-то нужныя два слова Андрею Филипповичу, перемолвивъ и еще кое-съ-кѣмъ, полюбезничавъ кое-съ-кѣмъ, пофамильярничавъ кое-съ-кѣмъ, господинъ Голядкинъ-младшій, по-видимому неимѣвшій лишняго времени на безполезную трату, собирался уже, кажется, выйдти изъ комнаты, но, къ счастію господина Голядкина-старшаго, остановился въ самыхъ дверяхъ и заговорилъ мимоходомъ съ двумя или тремя случившимися тутъ же молодыми чиновниками. Господинъ Голядкинъ-старшій бросился прямо къ нему. Только-что увидѣлъ господинъ Голядкинъ-младшій маневръ господина Голядкина-старшаго, тотчасъ же началъ съ большимъ безпокойствомъ осматриваться, куда бы ему поскорѣй улизнуть. Но герой нашъ уже держался за рукава своего вчерашняго гостя. Чиновники, окружавшіе двухъ титулярныхъ совѣтниковъ, разступились и съ любопытствомъ ожидали, что̀ будетъ. Старый титулярный совѣтникъ понималъ хорошо, что доброе мнѣніе теперь не на его сторонѣ, понималъ хорошо, что подъ него интригуютъ: тѣмъ болѣе нужно было теперь поддержать себя. Минута была рѣшительная.

— Ну-съ? проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, довольно-дерзко смотря на господина Голядкина-старшаго.

Господинъ Голядкинъ-старшій едва дышалъ. — Я не знаю, милостивый государь, началъ онъ: — какимъ-образомъ вамъ теперь объяснить странность вашего поведенія со мною.

— Ну-съ. Продолжайте-съ. — Тутъ господинъ Голядкинъ-младшій оглянулся кругомъ и мигнулъ глазомъ окружавшимъ ихъ чиновникамъ, какъ-бы давая знать, что вотъ именно сейчасъ и начнется комедія.

— Дерзость и безстыдство вашихъ пріемовъ, милостивый государь мой, со мною, въ настоящемъ случаѣ, еще болѣе васъ обличаютъ... чѣмъ всѣ слова мои. Не надѣйтесь на вашу игру: она плоховата...

— Ну, Яковъ Петровичъ, теперь скажите-ка мнѣ, каково-то вы почивали? отвѣчалъ господинъ Голядкинъ-младшій, прямо смотря въ глаза господину Голядкину-старшему.

— Вы, милостивый государь, забываетесь, сказалъ совершенно-потерявшійся титулярный совѣтникъ, едва слыша полъ подъ собою: — я надѣюсь, что вы перемѣните тонъ...

— Душка моя!! проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, скорчивъ довольно-неблагопристойную гримасу господину Голядкину-старшему и вдругъ совсѣмъ-неожиданно, подъ видомъ ласкательства, ухватилъ его двумя пальцами за довольно-пухлую правую щеку. Герой нашъ вспыхнулъ, какъ огонь... Только-что пріятель господина Голядкина-старшаго примѣтилъ, что противникъ его, трясясь всѣми членами, нѣмой отъ изступленія, красный, какъ ракъ, и наконецъ доведенный до послѣднихъ границъ, можетъ даже рѣшиться на формальное нападеніе, то немедленно и самымъ безстыднымъ образомъ предупредилъ его въ свою очередь. Потрепавъ его еще раза два по щекѣ, пощекотавъ его еще раза два, поигравъ съ нимъ, неподвижнымъ и обезумѣвшимъ отъ бѣшенства, еще нѣсколько секундъ такимъ-образомъ, къ немалой утѣхѣ окружающей ихъ молодёжи, господинъ Голядкинъ-младшій съ возмущающимъ душу безстыдствомъ щелкнулъ окончательно господина Голядкина-старшаго по крутому брюшку и съ самой ядовитой и далеко-намекающей улыбкой проговорилъ ему: «дескать, шалишь, братецъ, Яковъ Петровичъ; шалишь! хитрить мы будемъ съ тобой, Яковъ Петровичъ, хитрить». Потомъ, и прежде, чѣмъ герой нашъ успѣлъ мало-мальски прійдти въ себя отъ послѣдней аттаки, господинъ Голядкинъ-младшій вдругъ (предварительно отпустивъ только улыбочку окружавшимъ ихъ зрителямъ) вдругъ принялъ на себя видъ самый занятой, самый дѣловой, самый форменный, опустилъ глаза въ землю, съёжился, сжался, и быстро проговоривъ «по особому порученію», лягнулъ своей коротенькой ножкой и шмыгнулъ въ сосѣднюю комнату. Герой нашъ не вѣрилъ глазамъ и все еще былъ не въ состояніи опомниться...

Наконецъ онъ опомнился. Сознавъ въ одинъ мигъ, что погибъ, уничтожился въ нѣкоторомъ смыслѣ, что замаралъ себя и запачкалъ свою репутацію, что осмѣянъ и оплеванъ въ присутствіи постороннихъ лицъ, что предательски поруганъ тѣмъ, кого еще вчера считалъ первѣйшимъ и надежнѣйшимъ другомъ своимъ, что срѣзался наконецъ на-чемъ-свѣтъ-стоитъ, господинъ Голядкинъ бросился въ погоню за своимъ непріятелемъ. Въ

настоящее мгновеніе онъ уже и думать не хотѣлъ о свидѣтеляхъ своего поруганія. «Это все въ стачкѣ другъ съ другомъ», говорилъ онъ самъ про себя: «одинъ за другаго стоитъ и одинъ другаго на меня натравляетъ.» Однакожь, сдѣлавъ десять шаговъ, герой нашъ ясно увидѣлъ, что всѣ преслѣдованія остались пустыми и тщетными, и потому воротился. «Не уйдешь», думалъ онъ: «попадешь подъ сюркупъ своевременно, отольются волку овечьи слезы.» Съ яростнымъ хладнокровіемъ и съ самою энергическою рѣшимостью дошелъ господинъ Голядкинъ до своего стула и усѣлся на немъ. «Не уйдешь!» сказалъ онъ опять. Теперь дѣло шло не о пассивной оборонѣ какой-нибудь: пахнуло рѣшительнымъ, наступательнымъ, и кто видѣлъ господина Голядкина въ ту минуту, какъ онъ, краснѣя и едва сдерживая волненіе свое, кольнулъ перомъ въ чернильницу, и съ какой яростью принялся строчить на бумагѣ, тотъ могъ уже заранѣе рѣшить, что дѣло такъ не пройдетъ, и простымъ, какимъ-нибудь бабьимъ образомъ не можетъ окончиться. Въ глубинѣ души своей сложилъ онъ одно рѣшеніе и въ глубинѣ сердца своего поклялся исполнить его. По правдѣ-то, онъ еще не совсѣмъ-хорошо зналъ, ка́къ ему поступить, т. е. лучше сказать, вовсе не зналъ; но все равно, ничего! «А самозванствомъ и безстыдствомъ, милостивый государь, въ нашъ вѣкъ не берутъ. Самозванство и безстыдство, милостивый мой государь, не къ добру приводитъ, а до петли доводитъ. Гришка Отрепьевъ только одинъ, сударь вы мой, взялъ самозванствомъ, обманувъ слѣпой народъ, да и то не надолго». Не смотря на это послѣднее обстоятельство, господинъ Голядкинъ положилъ ждать до-тѣхъ-поръ, покамѣстъ маска спадетъ съ нѣкоторыхъ лицъ и кое-что обнажится. Для сего нужно было, во-первыхъ, чтобъ кончились какъ-можно-скорѣе часы присутствія, а до-тѣхъ-поръ герой нашъ положилъ не предпринимать ничего. Потомъ же, когда кончатся часы присутствія, онъ пріймет мѣру одну. Тогда же онъ знаетъ, ка́къ ему поступить, принявъ эту мѣру, ка́къ расположить весь планъ своихъ дѣйствій, чтобъ сокрушить рогъ гордыни и раздавить змѣю, грызущую прахъ въ презрѣніи безсилія. Позволить же затереть себя, какъ ветошку, объ которую грязные сапоги обтираютъ, господинъ Голядкинъ не могъ. Согласиться на это не могъ онъ, и особенно въ настоящемъ случаѣ. Не будь послѣдняго посрамленія, герой нашъ, можетъ-быть, и рѣшился бы скрѣпить свое сердце, можетъ-быть онъ и рѣшился бы смолчать, покориться и не протестовать слиш-

комъ-упорно; такъ, поспорилъ бы, попретендовалъ бы немножко, доказалъ бы, что онъ въ своемъ правѣ, потомъ бы уступилъ немножко, потомъ, можетъ-быть, и еще немножко бы уступилъ, потомъ согласился бы совсѣмъ, потомъ, и особенно тогда, когда противная сторона признала бы торжественно, что онъ въ своемъ правѣ, потомъ, можетъ-быть, и помирился бы даже, даже умилился бы немножко, даже, — кто бы могъ знать, — можетъ-быть возродилась бы новая дружба, крѣпкая, жаркая дружба, еще болѣе широкая, чѣмъ вчерашняя дружба, такъ-что эта дружба совершенно могла бы затмить наконецъ непріятность довольно-неблагопристойнаго сходства двухъ лицъ, та, что оба титулярные совѣтника были бы крайне-какъ рады, и прожили бы наконецъ до ста лѣтъ, и т. д. Скажемъ все, наконецъ: господинъ Голядкинъ даже начиналъ немного раскаяваться, даже сильно раскаяваться, что вступился за себя и за право свое, и тутъ же получилъ за то непріятность. «Покорись онъ», думалъ господинъ Голядкинъ: «скажи, что пошутилъ, простилъ бы ему, даже болѣе простилъ бы ему, только бы въ этомъ громко признался. Но какъ ветошку себя затирать я не дамъ. И не такимъ людямъ не давалъ я себя затереть, тѣмъ болѣе не позволю покуситься на это человѣку развращенному. Я не ветошка; я, сударь мой, не ветошка!» Однимъ словомъ, герой нашъ рѣшился. «Сами вы, сударь вы мой, виноваты!» Рѣшился же онъ протестовать, и протестовать всѣми силами до послѣдней возможности. Такой ужь былъ человѣкъ! Позволить обидѣть себя онъ никакъ не могъ согласиться, а тѣмъ болѣе дозволить себя затереть какъ ветошку, и наконецъ дозволить это совсѣмъ-развращенному человѣку. Не споримъ, впрочемъ, не споримъ. Можетъ-быть, еслибъ кто захотѣлъ, еслибъ ужь кому, напримѣръ, вотъ такъ, непремѣнно захотѣлось обратить въ ветошку господина Голядкина, то и обратилъ бы, обратилъ бы безъ сопротивленія и безнаказанно (господинъ Голядкинъ, самъ въ иной разъ это чувствовалъ), и вышла бы ветошка, а не Голядкинъ, — такъ, подлая, грязная бы вышла ветошка, но ветошка-то эта была бы не простая, ветошка эта была бы съ амбиціей, ветошка-то эта была бы съ одушевленіемъ и чувствами, хотя бы и съ безотвѣтной амбиціей и съ безотвѣтными чувствами и далеко въ грязныхъ складкахъ этой ветошки скрытыми, но все-таки съ чувствами...

Часы длились невѣроятно-долго; наконецъ пробило четыре. Спустя немного, всѣ встали, и вслѣдъ за начальствомъ двину-

лись къ себѣ, по домамъ. Господинъ Голядкинъ вмѣшался въ толпу; глазъ его не дремалъ и не упускалъ, кого нужно, изъ виду. Наконецъ нашъ герой увидалъ, что пріятель его подбѣжалъ къ канцелярскимъ сторожамъ, раздававшимъ шинели, и, по подлому обыкновенію своему, юлитъ около нихъ въ ожиданіи своей. Минута была рѣшительная. Кое-какъ протѣснился господинъ Голядкинъ сквозь толпу и, не желая отставать, тоже захлопоталъ о шинели. Но шинель подалась сперва пріятелю и другу господина Голядкина, за тѣмъ, что и здѣсь успѣлъ онъ по-своему подбиться, приласкаться, нашептать и наподличать.

Накинувъ шинель, господинъ Голядкинъ-младшій, иронически взглянувъ на господина Голядкина-старшаго, дѣйствуя такимъ-образомъ открыто и дерзко ему въ пику, потомъ съ свойственною ему наглостью осмотрѣлся кругомъ, посеменилъ окончательно, вѣроятно, чтобъ оставить выгодное по себѣ впечатлѣніе, около чиновниковъ, сказалъ словцо одному, пошепталъ о чемъ-то съ другимъ, почтительно полизался съ третьимъ, адресовалъ улыбку четвертому, далъ руку пятому, и весело юркнулъ внизъ по лѣстницѣ. Господинъ Голядкинъ-старшій за нимъ, и, къ неописанному своему удовольствію, таки нагналъ его на послѣдней ступенькѣ, и схватилъ за воротникъ его шинели. Казалось, что господинъ Голядкинъ-младшій немного оторопѣлъ и посмотрѣлъ кругомъ съ потерянным видомъ.

— Какъ понимать мнѣ васъ? прошепталъ онъ наконецъ слабымъ голосомъ господину Голядкину.

— Милостивый государь, если вы только благородный человѣкъ, то надѣюсь, что вспомните про вчерашнія дружескія наши сношенія, проговорилъ нашъ герой.

— А, да. Ну, что жь? хорошо ли вы почивали-съ?

Бѣшенство отняло на минуту языкъ у господина Голядкина-старшаго.

— Я-то почивалъ хорошо-съ... Но позвольте же и вамъ сказать, милостивый мой государь, что игра ваша крайне запутана...

— Кто это говоритъ? Это враги мои говорятъ, отвѣчалъ отрывисто тотъ, кто называлъ себя господиномъ Голядкинымъ, и вмѣстѣ съ словомъ этимъ неожиданно освободился изъ слабыхъ рукъ настоящаго господина Голядкина. Освободившись, онъ бросился съ лѣстницы, оглянулся кругомъ, увидѣвъ извощика, подбѣжалъ къ нему, сѣлъ на дрожки и въ одно мгновеніе скрылся изъ глазъ господина Голядкина-старшаго. Отчаянный и покину-

тый всѣми титулярный совѣтникъ оглянулся кругомъ, но не было другаго извощика. Попробовалъ-было онъ бѣжать, да ноги подламывались. Съ опрокинутой физіономіей, съ разинутымъ ртомъ, уничтожившись, съёжившись, въ безсиліи прислонился онъ къ фонарному столбу и остался нѣсколько минутъ такимъ-образомъ посреди троттуара. Казалось, что все разомъ опрокинулось на господина Голядкина; казалось, что все погибло для господина Голядкина...

ГЛАВА IX.

Рѣшеніе господина Голядкина. Разныя разсужденія господина Голядкина, преимущественно же о близнецахъ и о разныхъ на свѣтѣ существующихъ подлецахъ. Какимъ-образомъ господинъ Голядкинъ съѣдаетъ одиннадцать пирожковъ-растегайчиковъ и не находитъ въ этомъ обстоятельствѣ ничего оскорбительнаго для своей репутаціи. Письмо господина Голядкина къ извѣстному своимъ безобразіемъ и пасквильностію своего направленія человѣку. О томъ, какъ потомъ господинъ Голядкинъ бѣгалъ, усталъ и легъ спать. Какъ проснулся потомъ и доказалъ Петрушкѣ, что онъ плутъ въ благородномъ значеніи этого слова. Переписка и окончательное рѣшеніе господина Голядкина.

Все, по-видимому, и даже природа сама вооружилась противъ господина Голядкина; но онъ еще былъ на ногахъ и не побѣжденъ; онъ это чувствовалъ, что не побѣжденъ. Онъ готовъ былъ бороться. Онъ съ такимъ чувствомъ и съ такою энергіей потеръ себѣ руки, когда очнулся послѣ перваго изумленія, что уже по одному виду господина Голядкина заключить можно было, что онъ не уступитъ, что онъ никакъ не уступитъ, что «если дескать, сударь мой, не хотите на деликатную ногу, то мы и за крутыя мѣры возьмемся. Что, дескать, вотъ какъ-съ, что, дескать, вотъ оно какъ-съ, милостивый мой государь!» Господинъ Голядкинъ чувствовалъ даже, что обязанность его была возстать всѣми силами противъ угрожавшаго бѣдствія, сломить рогъ гордыни, и посрамить неблагопристойную злонамѣренность. Впрочемъ, опасность была на носу, была очевидна; господинъ Голяд-

кинъ и это чувствовалъ; да ка́къ за нее взяться, за эту опасность–то? вотъ вопросъ. Даже на мгновеніе мелькнула мысль въ головѣ господина Голядкина, «что, дескать, не оставить ли все это такъ, не отступиться ли запросто? Ну, что жь? ну, и ничего. Я буду особо, какъ–будто не я» думалъ г. Голядкинъ: «пропускаю все мимо; не я да и только; онъ тоже особо, авось и отступится; поюлитъ, шельмецъ, поюлитъ, повертится, да и отступится. Вотъ оно какъ! Я смиреніемъ возьму. Да и гдѣ же опасность? ну, какая опасность? Желалъ бы я, чтобъ кто–нибудь указалъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ опасность? Плёвое дѣло! обыкновенное дѣло!..» Здѣсь господинъ Голядкинъ осѣкся. Слова у него на языкѣ замерли; онъ даже ругнулъ себя за эту мысль; даже тутъ же и уличилъ себя въ низости, въ трусости за эту мысль; однако, дѣло его все–таки не двинулось съ мѣста. Чувствовалъ онъ, что рѣшиться на что–нибудь въ настоящую минуту было для него сущею необходимостью; даже чувствовалъ, что много бы далъ тому, кто сказалъ бы ему, на что именно нужно рѣшиться. Ну, да вѣдь какъ угадать? Впрочемъ, и не́когда было угадывать. Зналъ онъ только, что такъ оставаться нельзя, никакъ нельзя, непремѣнно нельзя, никакимъ образомъ невозможно, что непремѣнно нужно что–нибудь сдѣлать. На всякій случай, чтобъ времени не терять, чтобъ дорогаго–то времени своего не терять, нанялъ онъ извощика и полетѣлъ домой. «Нѣтъ, братъ» подумалъ онъ самъ въ себѣ: «теперь, братъ, не цвѣточки, а ягодки. Что? каково–то ты теперь себя чувствуешь? Каково–то вы себя теперь изволите чувствовать, Яковъ Петровичъ? Что–то ты сдѣлаешь? что–то сдѣлаешь ты теперь, подлецъ ты такой, шельмецъ ты такой! Довелъ себя до послѣдняго, да и плачешь теперь, да и хнычешь теперь!» Такъ поддразнивалъ себя господинъ Голядкинъ, подпрыгивая на тряскомъ экипажѣ своего ваньки. Поддразнивать себя и растравлять такимъ–образомъ свои раны, въ настоящую минуту, было какимъ–то глубокимъ наслажденіемъ для господина Голядкина, даже чуть–ли не сладострастіемъ. «Ну, еслибъ тамъ, теперь» думалъ онъ: «волшебникъ какой бы пришелъ, или оффиціальнымъ образомъ какъ–нибудь этакъ пришлось, да сказали бы: дай, Голядкинъ, палецъ съ правой руки и квиты съ тобой; не будетъ другаго Голядкина, и ты будешь счастливъ, Голядкинъ, только пальца не будетъ, — такъ отдалъ бы палецъ, непремѣнно бы отдалъ, не поморщась бы отдалъ. Черти бы взяли все это!» вскрикнулъ наконецъ отчаянный титулярный

совѣтникъ: «ну, зачѣмъ все это? ну, надобно было всему этому быть; вотъ непремѣнно этому, вотъ именно этому, какъ-будто нельзя было другому чему! И все было хорошо сначала, всѣ были довольны и счастливы; такъ вотъ нѣтъ же, надобно было! Впрочемъ, вѣдь словами ничего не возьмешь. Нужно дѣйствовать» заключилъ онъ, подымаясь на лѣстницу своей квартиры: «нужно дѣйствовать, и, чтобъ все сказать наконецъ, нужно сильнѣе, безпощаднѣе дѣйствовать этакъ прямымъ, открытымъ, благороднымъ путемъ...»

Итакъ, почти рѣшившись на что-то, господинъ Голядкинъ, войдя въ свою квартиру, нимало немедля схватился за трубку и насасывая ее изъ всѣхъ силъ, раскидывая клочья дыма на право и на лѣво, началъ въ чрезвычайномъ волненіи бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ. Между-тѣмъ, Петрушка сталъ сбирать на столъ. Наконецъ, господинъ Голядкинъ рѣшился совсѣмъ, вдругъ бросилъ трубку, накинулъ на себя шинель, сказалъ, что дома обѣдать не будетъ, и выбѣжалъ вонъ изъ квартиры. На лѣстницѣ нагналъ его запыхавшись Петрушка, держа въ рукахъ забытую имъ шляпу. Господинъ Голядкинъ взялъ шляпу, хотѣлъ-было мимоходомъ маленько оправдаться въ глазахъ Петрушки, чтобъ не подумалъ чего Петрушка особеннаго, — что вотъ, дескать, такое-то обстоятельство, что вотъ шляпу позабылъ и т. д., — но такъ-какъ Петрушка и глядѣть не хотѣлъ, и тотчасъ ушелъ, то и господинъ Голядкинъ безъ дальнѣйшихъ объясненій надѣлъ свою шляпу, сбѣжалъ съ лѣстницы, и, приговаривая, что все, можетъ-быть, къ лучшему будетъ, и что дѣло устроится какъ-нибудь, хотя чувствовалъ, между-прочимъ, даже у себя въ пяткахъ ознобъ, вышелъ на улицу, нанялъ извощика и полетѣлъ къ Андрею Филипповичу. «Впрочемъ, не лучше-ли завтра?» думалъ господинъ Голядкинъ, хватаясь за снурокъ колокольчика у дверей квартиры Андрея Филипповича: «не лучше-ли завтра? Да и что же я скажу особеннаго? Особеннаго-то здѣсь нѣтъ ничего. Дѣло-то такое мизерное, да оно, наконецъ, и дѣйствительно, мизерное, плёвое, т. е. почти-плёвое дѣло... вѣдь вотъ оно ка́къ это все, обстоятельство-то...» Вдругъ господинъ Голядкинъ дернулъ за колокольчикъ, колокольчикъ зазвенѣлъ, изнутри послышались чьи-то шаги... Тутъ господинъ Голядкинъ даже проклялъ себя отчасти за свою поспѣшность и дерзость. Недавнія непріятности, о которыхъ господинъ Голядкинъ едва не позабылъ за дѣлами, и контра съ Андреемъ Филипповичемъ — тутъ же пришли ему на память. Но уже

бѣжать было поздно: дверь отворилась. Къ счастію господина Голядкина, отвѣтили ему, что Андрей Филипповичъ и домой не пріезжалъ изъ должности и не обѣдаетъ дома. «Знаю, гдѣ онъ обѣдаетъ: онъ у Измайловскаго-Моста обѣдаетъ» подумалъ герой нашъ и страхъ-какъ обрадовался. На вопросъ слуги, ка́къ объ васъ доложить, сказалъ, что-дескать я, мой другъ, хорошо, что, дескать, я, мой другъ, послѣ, и даже съ нѣкоторою бодростью сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ. Выйдя на улицу, онъ рѣшился отпустить экипажъ и расплатился съ извощикомъ. Когда же извощикъ попросилъ о прибавкѣ, — дескать, ждалъ, сударь, долго, и рысачка для вашей милости не жалѣлъ, — то далъ и прибавочки пятачокъ, и даже съ большою охотою; самъ же пѣшкомъ пошелъ.

— Дѣло-то оно, правда, такое, думалъ господинъ Голядкинъ: — что вѣдь такъ оставить нельзя, никакъ нельзя, — рѣшено, что нельзя, и говорить объ этомъ болѣе нѣчего, но, однакожь, если такъ разсудить, этакъ здраво разсудить, такъ изъ чего же по настоящему здѣсь хлопотать? Ну, нѣтъ, однакожь, я буду все про то говорить, изъ чего же мнѣ хлопотать? изъ чего мнѣ маяться, биться, мучиться, себя убивать? Во-первыхъ, дѣло сдѣлано, и его не воротишь... вѣдь не воротишь! Разсудимъ такъ: является человѣкъ — является человѣкъ съ достаточной рекомендаціей, дескать способный чиновникъ, хорошаго поведенія, только бѣденъ, и потерпѣлъ разныя непріятности, — передрязги тамъ этакіе, — ну, да вѣдь бѣдность не порокъ; стало-быть, я въ сторонѣ. Ну, въ-самомъ-дѣлѣ, что жь за вздоръ такой? Ну, пришелся, устроился, самой природой устроился такъ человѣкъ, что двѣ капли воды похожъ на другаго человѣка, что совершенная копія съ другаго человѣка: такъ ужь его за это и не принимать въ департаментъ?! Коли ужь судьба, коли одна судьба, коли одна слѣпая фортуна тутъ виновата, — такъ ужь его и затереть какъ ветошку, такъ ужь и служить ему не давать... да гдѣ же тутъ, послѣ этого, справедливость-то будетъ? Что жь я-то вру дуракъ-дуракомъ! Изъ чего же я бьюсь, чего же я-то хочу? Человѣкъ же онъ бѣдный, затерянный, запуганный; тутъ сердце болитъ, тутъ состраданіе его призрѣть велитъ! Да! нѣчего сказать, хороши бы были начальники, еслибъ такъ разсуждали, какъ я, забубенная голова! Эка вѣдь башка у меня! На десятерыхъ подъ-часъ глупости хватитъ! Нѣтъ, нѣтъ! и сдѣлали хорошо, и спасибо имъ, что призрѣли бѣднаго горемыку... Ну, да́, положимъ, на-

примѣръ, что мы близнецы, что вотъ ужь мы такъ уродились, что братья-близнецы да и только — вотъ оно какъ! Ну, что́ же такое? Ну, и ничего! Можно всѣхъ чиновниковъ пріучить... а посторонній кто, войдя въ наше вѣдомство, ужь вѣрно не нашелъ бы ничего неприличнаго и оскорбительнаго въ такомъ обстоятельствѣ. Оно даже, тутъ есть кое-что умилительное; что вотъ, дескать, мысль-то какая: что, дескать, промыслъ Божій создалъ двухъ совершенно-подобныхъ, а начальство благодѣтельное, видя промыслъ Божій, пріютило двухъ близнецовъ. Оно, конечно, — продолжалъ господинъ Голядкинъ, переводя духъ и немного понизивъ голосъ: — оно, конечно... оно, конечно, лучше бы было, кабы не было ничего этого, кабы все такъ и оставалось по-прежнему, и не было бы ничего умилительнаго, и близнецовъ никакихъ тоже бы не было... Чортъ бы побралъ все это! И на что это нужно было? И что за надобность тутъ была такая особенная, и никакого отлагательства нетерпящая?! Господи Богъ мой! Впрочемъ, вѣдь, однакожь, не предосудительно? вѣдь не предосудительно? чести вѣдь ничьей не мараетъ? Ну, такъ и ничего; ну, такъ и все хорошо; ну, такъ и все тутъ по-прежнему, и всѣ тутъ молчать должны... и тѣмъ удовольствоваться... и ничего не должны говорить... и никакъ не должны прекословить... Экъ-вѣдь черти заварили кашу какую! Вотъ, вѣдь, однакожь, у него и характеръ такой, нрава онъ такого игриваго, сквернаго, — подлецъ онъ такой, вертлявый такой, лизунъ, лизоблюдъ, Голядкинъ онъ этакой! Пожалуй, еще дурно себя поведетъ, да фамилью мою замараетъ, мерзавецъ. Вотъ теперь и смотри за нимъ, и ухаживай! Экъ вѣдь наказаніе какое! Впрочемъ, что жь? ну, и нужды нѣтъ! Ну, онъ подлецъ, — ну, пусть онъ подлецъ, а другой зато честный. Ну, вотъ онъ подлецъ будетъ, а я буду честный, — и скажутъ, что вотъ этотъ Голядкинъ подлецъ, на него не смотрите, и его съ другимъ не мѣшайте; а этотъ вотъ честный, добродѣтельный, кроткій, незлобивый, весьма-надежный по службѣ, и къ повышенію чиномъ достойный; вотъ оно какъ! Ну, хорошо... а какъ того... А какъ они тамъ того... да и перемѣшаютъ! Отъ него вѣдь все станется! Ахъ, ты Господи Боже мой!.. И подмѣнитъ человѣка, подмѣнитъ, подлецъ онъ такой, — какъ ветошку человѣка подмѣнитъ, и не разсудитъ, что человѣкъ не ветошка. Ахъ, ты Господи Боже мой! Эко несчастіе какое!..

Вотъ такимъ-то образомъ разсуждая и сѣтуя, бѣжалъ господинъ Голядкинъ не разбирая дороги, и самъ почти не зная ку-

да. Очнулся онъ на Невскомъ-Проспектѣ, и то по тому только случаю, что столкнулся съ какимъ-то прохожимъ такъ ловко и плотно, что только искры посыпались. Господинъ Голядкинъ, не поднимая головы, пробормоталъ извиненіе, и только тогда, когда прохожій, проворчавъ что-то не слишкомъ-лестное, отошелъ уже на разстояніе значительное, поднялъ носъ кверху и осмотрѣлся, гдѣ онъ и какъ. Осмотрѣвшись и замѣтивъ, что находится именно возлѣ того ресторана, у котораго отдыхалъ, приготовляясь къ званому обѣду у Олсуфія Ивановича, герой нашъ почувствовалъ вдругъ щипки и щелчки по желудку, вспомнилъ, что не обѣдалъ, званаго же обѣда не предстояло нигдѣ, и потому, дорогаго своего времени не теряя, вбѣжалъ онъ вверхъ по лѣстницѣ къ ресторану, перехватить что-нибудь поскорѣе, и какъ-можно торопясь не замѣшкать. И хотя у ресторана было все дорогонько, но это маленькое обстоятельство не остановило на этотъ разъ господина Голядкина; да и останавливаться-то теперь на подобныхъ бездѣлицахъ нѣкогда было. Въ ярко-освѣщенной комнатѣ, у прилавка, на которомъ лежала разнообразная груда всего того, что̀ потребляется на закуску людьми порядочными, стояла довольно-густая толпа посѣтителей. Конторщикъ едва успѣвалъ наливать, отпускать, сдавать и принимать деньги. Господинъ Голядкинъ подождалъ своей очереди и, выждавъ, скромно протянулъ свою руку къ пирожку-растегайчику. Отойдя въ уголокъ, оборотясь спиною къ присутствующимъ, и закусивъ съ аппетитомъ, онъ воротился къ конторщику, поставилъ на столъ блюдечко, зная цѣну, вынулъ 10 коп. сереб. и положилъ на прилавокъ монетку, ловя взгляда конторщика, чтобъ указать ему: «что вотъ, дескать, монетка лежитъ; одинъ растечайчикъ» и т. д.

— Съ васъ рубль десять копеекъ, процѣдилъ сквозь зубы конторщикъ.

Господинъ Голядкинъ порядочно изумился.

— Вы мнѣ говорите?.. Я... я, кажется, взялъ одинъ пирожокъ.

— Одиннадцать взяли, съ увѣренностью возразилъ конторщикъ.

— Вы... сколько мнѣ кажется... вы, кажется, ошибаетесь... Я, право, кажется, взялъ одинъ пирожокъ.

— Я считалъ; вы взяли одиннадцать штукъ. Когда взяли, такъ нужно платить; у насъ даромъ ничего не даютъ.

Господинъ Голядкинъ былъ ошеломленъ. — Что жь это, колдовство что ль какое надо мной совершается? подумалъ

онъ. — Что жь это значитъ такое?.. Между-тѣмъ, конторщикъ ожидалъ рѣшенія господина Голядкина; господина Голядкина обступили; господинъ Голядкинъ уже полѣзъ-было въ карманъ, чтобъ вынуть рубль серебромъ, чтобъ расплатиться немедленно, чтобъ отъ грѣха-то подальше быть. «Ну, одиннадцать, такъ одиннадцать», думалъ онъ, краснѣя какъ ракъ: «ну, что̀ же такого тутъ, что съѣдено одиннадцать пирожковъ? ну, голоденъ человѣкъ, такъ и съѣлъ одиннадцать пирожковъ; ну, и пусть ѣстъ-себѣ на здоровье; ну, и дивиться тутъ не́чему, и смѣяться тутъ не́чему...» Вдругъ, какъ-будто что-то кольнуло господина Голядкина; онъ поднялъ глаза и — разомъ понялъ загадку, понялъ все колдовство; разомъ разрѣшились всѣ затрудненія... Въ дверяхъ въ сосѣднюю комнату, почти прямо за спиною конторщика и лицомъ къ господину Голядкину, въ дверяхъ, которыя, между прочимъ, герой нашъ принималъ доселѣ за зеркало, стоялъ одинъ человѣчекъ, — стоялъ о̀нъ, стоялъ самъ господинъ Голядкинъ, — не старый господинъ Голядкинъ, не герой нашей повѣсти, а другой господинъ Голядкинъ, новый господинъ Голядкинъ. Другой господинъ Голядкинъ находился, повидимому, въ превосходномъ расположеніи духа. Онъ улыбался господину Голядкину-первому, кивалъ ему головою, подмигивалъ глазками, семенилъ немного ногами, и глядѣлъ такъ, что чуть что̀, — такъ онъ и стушуется, такъ онъ и въ сосѣднюю комнату, а тамъ, пожалуй, заднимъ ходомъ, да и того... и всѣ преслѣдованія останутся тщетными, — дескать, отложи-ка попеченіе, сударь мой, да и только. Въ рукахъ его былъ послѣдній кусокъ десятаго растегая, который онъ, въ глазахъ же господина Голядкина, отправилъ въ свой ротъ, чмокнувъ отъ удовольствія, и чуть не проговаривая, что, дескать, хороши на чужой счетъ растегайчики! «Подмѣнилъ, подлецъ!» подумалъ господинъ Голядкинъ, вспыхнувъ, какъ огонь, отъ стыда: «не постыдился публичности! Видятъ ли его? Кажется, не замѣчаетъ никто...» Господинъ Голядкинъ бросилъ рубль серебромъ такъ, какъ-будто бы объ него всѣ пальцы обжегъ, и, не замѣчая значительно-наглой улыбки конторщика, улыбки торжества и спокойнаго могущества, выдрался изъ толпы и бросился вонъ безъ оглядки. «Спасибо за то, что хоть не компрометтировалъ окончательно человѣка!» подумалъ старшій господинъ Голядкинъ. «Спасибо разбойнику, и ему и судьбѣ, что еще хорошо все уладилось. Нагрубилъ лишь конторщикъ. Да что̀ жь, вѣдь онъ былъ въ своемъ правѣ! Рубль десять слѣдовало, такъ и былъ въ своемъ правѣ. А то бы мож-

но было его и того... Дескать, безъ денегъ у насъ никому не даютъ! Хоть бы былъ поучтивѣй, бездѣльникъ!...»

Все это говорилъ господинъ Голядкинъ, сходя съ лѣстницы на крыльцо. Однакоже, на послѣдней ступенькѣ онъ остановился какъ вкопанный и вдругъ покраснѣлъ такъ, что даже слезы выступили у него на глазахъ отъ припадка страданія амбиціи. Простоявъ съ полминуты столбомъ, онъ вдругъ рѣшительно топнулъ ногою, въ одинъ прыжокъ соскочилъ съ крыльца на улицу, и, безъ оглядки, задыхаясь, не слыша усталости, пустился къ себѣ, домой, въ Шестилавочную-Улицу. Дома, не снявъ даже съ себя верхняго платья, вопреки привычкѣ своей быть у себя по-домашнему, не взявъ даже предварительно трубки, усѣлся онъ немедленно на диванѣ, придвинулъ чернильницу, взялъ перо, досталъ листъ почтовой бумаги и принялся строчить дрожащею отъ внутренняго волненія рукой слѣдующее посланіе:

«Милостивый государь мой,
Яковъ Петровичъ!

Никакъ бы не взялъ я пера, если бы обстоятельства мои, и вы сами, милостивый государь мой, меня къ тому не принудили. Вѣрьте, что необходимость одна понудила меня вступить съ вами въ подобное объясненіе, и потому прежде всего прошу считать эту мѣру мою не какъ умышленнымъ намѣреніемъ къ вашему, милостивый государь мой, оскорбленію, но какъ необходимымъ слѣдствіемъ связующихъ насъ теперь обстоятельствъ.»

— Кажется, хорошо, прилично, вѣжливо, хотя не безъ силы и твердости?.. Обижаться ему тутъ, кажется, нѣчѣмъ. Къ тому же, я въ своемъ правѣ — подумалъ господинъ Голядкинъ, перечитывая написанное.

«Неожиданное и странное появленіе ваше, милостивый государь мой, въ бурную ночь, послѣ грубаго и неприличнаго со мною поступка враговъ моихъ, коихъ имя умалчиваю изъ презрѣнія къ нимъ, было зародышемъ всѣхъ недоразумѣній, въ настоящее время между нами существующихъ. Упорное же ваше, милостивый государь, желаніе стоять на своемъ и насильственно войдти въ кругъ моего бытія и всѣхъ отношеній моихъ въ практической жизни, выступаетъ даже за предѣлы, требуемые одною лишь вѣжливостью и простымъ общежитіемъ. Я думаю, нѣчего упоминать здѣсь о похищеніи вами, милостивый государь

мой, бумаги моей и собственнаго моего честнаго имени, для пріобрѣтенія ласки начальства, — ласки, незаслуженной вами. Нѣчего упоминать здѣсь и объ умышленныхъ и обидныхъ уклоненіяхъ вашихъ отъ необходимыхъ по сему случаю объясненій. Наконецъ, чтобы все сказать, не упоминаю здѣсь и о послѣднемъ странномъ, можно сказать, непонятномъ поступкѣ вашемъ со мною въ кофейномъ домѣ. Далекъ отъ того, чтобъ сѣтовать о безполезной для меня утратѣ рубля серебромъ; но не могу не выказать всего негодованія моего при воспоминаніи о явномъ посягательствѣ вашемъ, милостивый мой государь, въ ущербъ моей чести, и, въ добавокъ, въ присутствіи нѣсколькихъ персонъ, хотя незнакомыхъ мнѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма-хорошаго тона...»

— Не далеко ли я захожу? подумалъ господинъ Голядкинъ. Не много ли будетъ; не слишкомъ ли это обидчиво — этотъ намекъ на хорошій тонъ, напримѣръ?.. Ну, да ничего! Нужно показать ему твердость характера. Впрочемъ, ему можно, для смягченія, этакъ, польстить и подмаслить въ концѣ. А вотъ мы посмотримъ:

«Но не сталъ бы я, милостивый государь мой, утомлять васъ письмомъ моимъ, если бы не былъ твердо увѣренъ, что благородство сердечныхъ чувствъ и открытый, прямодушный характеръ вашъ укажутъ вамъ самому средства поправить всѣ упущенія и возстановить все по-прежнему.

Въ полной надеждѣ я смѣю оставаться увѣреннымъ, что вы не пріймете письма моего въ обидную для васъ сторону, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не откажетесь объясниться нарочито по этому случаю письменно, черезъ посредство моего человѣка.

Въ ожиданіи, честь имѣю пребыть, милостивый государь,
покорнѣйшимъ вашимъ слугою
Я. Голядкинымъ.»

— Ну, вотъ и все хорошо. Дѣло сдѣлано; дошло и до письменнаго. Но кто жь виноватъ? Онъ самъ виноватъ: самъ доводитъ человѣка до необходимости требовать письменныхъ документовъ. А я въ своемъ правѣ...

Перечитавъ послѣдній разъ письмо, господинъ Голядкинъ сложилъ его, запечаталъ и позвалъ Петрушку. Петрушка явился, по обыкновенію своему, съ заспанными глазами и на что-то крайне-сердитый.

— Ты, братецъ, вотъ возьмешь это письмо... понимаешь?

Петрушка молчалъ.

— Возьмешь его и отнесешь въ департаментъ; тамъ отъищешь дежурнаго, губернскаго секретаря Вахрамѣева. Вахрамѣевъ сегодня дежурный. Понимаешь ты это?

— Понимаю.

— Понимаю! не можешь сказать: понимаю-съ. Спросишь чиновника Вахрамѣева и скажешь ему, что, дескать, вотъ такъ и такъ, дескать; баринъ приказалъ вамъ кланяться и покорнѣйше попросить васъ справиться въ адресной нашего вѣдомства книгѣ — гдѣ, дескать, живетъ титулярный совѣтникъ Голядкинъ?

Петрушка промолчалъ, и, какъ показалось господину Голядкину, улыбнулся.

— Ну, такъ вотъ ты, Петръ, спросишь у нихъ адресъ, и узнаешь, гдѣ, дескать, живетъ новопоступившій чиновникъ Голядкинъ?

— Слушаю.

— Спросишь адресъ и отнесешь по этому адресу это письмо; понимаешь?

— Понимаю.

— Если тамъ... вотъ куда ты письмо отнесешь, — тотъ господинъ, кому письмо это дашь, Голядкинъ-то... Чего ты смѣешься, болванъ?

— Да чего мнѣ смѣяться-то? Что мнѣ! Я ничего-съ. Нѣчего нашему брату смѣяться...

— Ну, такъ вотъ... если тотъ господинъ будетъ спрашивать, дескать, какъ же твой баринъ, какъ же онъ тамъ; что, де-скать, онъ того... ну, тамъ, что-нибудь будетъ выспрашивать, — такъ ты молчи, и отвѣчай, дескать, баринъ мой ничего, а просятъ, дескать, отвѣта отъ васъ своеручнаго. Понимаешь?

— Понимаю-съ.

— Ну, такъ вотъ, дескать, баринъ мой, дескать, говори, ничего, дескать, и здоровъ, и въ гости, дескать, сейчасъ собирается; а отъ васъ, дескать, они отвѣта просятъ письменнаго. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну, ступай.

— Вѣдь вотъ еще съ этимъ болваномъ работа! смѣется себѣ, да и кончено. Чему жь онъ смѣется? Дожилъ я до бѣды, дожилъ я вотъ такимъ-то образомъ до бѣды! Впрочемъ, можетъ-быть, оно обратится все къ лучшему... Этотъ мошенникъ вѣрно часа два будетъ таскаться теперь, пропадетъ еще гдѣ-нибудь.

Послать нельзя никуда. Эка бѣда вѣдь какая!.. эка вѣдь бѣда одолѣла какая!..

Чувствуя такимъ образомъ вполнѣ бѣду свою, герой нашъ рѣшился на пассивную двухчасовую роль въ ожиданіи Петрушки. Съ часъ времени ходилъ онъ по комнатѣ, курилъ, потомъ бросилъ трубку и сѣлъ за какую-то книжку, потомъ прилегъ на диванъ, потомъ опять взялся за трубку, потомъ опять началъ бѣгать по комнатѣ. Хотѣлъ-было заняться чѣмъ-нибудь, да нéчѣмъ было заняться. Хотѣлъ-было онъ разсуждать, но разсуждать не могъ рѣшительно ни о чемъ. Наконецъ, агонія пассивнаго состоянія его возрасла до послѣдняго градуса, и господинъ Голядкинъ рѣшился принять одну мѣру. «Петрушка прійдетъ еще черезъ часъ» думалъ онъ: «можно ключъ отдать дворнику, а самъ я покамѣстъ и того... изслѣдую дѣло, по своей части изслѣдую дѣло.» — Не теряя времени и спѣша изслѣдовать дѣло, господинъ Голядкинъ взялъ свою шляпу, вышелъ изъ комнаты, заперъ квартиру, зашелъ къ дворнику, вручилъ ему ключъ вмѣстѣ съ гривенникомъ, — господинъ Голядкинъ сталъ какъ-то необыкновенно-щедръ, — и пустился, куда ему слѣдовало. Господинъ Голядкинъ пустился пѣшкомъ, сперва къ Измайловскому-Мосту. Въ ходьбѣ прошло съ полчаса. Дойдя до цѣли своего путешествія, онъ вошелъ прямо во дворъ своего знакомаго дома и взглянулъ на окна квартиры статскаго совѣтника Берендѣева. Кромѣ трехъ завѣшенныхъ красными гардинами оконъ, остальныя всѣ были темны. «У Олсуфья Ивановича сегодня вѣрно нѣтъ гостей» подумалъ господинъ Голядкинъ: «они вѣрно всѣ одни теперь дома сидятъ.» Постоявъ нѣсколько времени на дворѣ, герой нашъ хотѣлъ-было уже на что-то рѣшиться. Но рѣшенію не суждено было состояться по-видимому. Господинъ Голядкинъ отдумалъ, махнулъ рукой и воротился на улицу. «Нѣтъ, не сюда мнѣ нужно было идти. Что̀ же я буду здѣсь дѣлать?... Спрашивается, что̀ же я буду здѣсь дѣлать? А вотъ я лучше теперь того... и собственно-лично изслѣдую дѣло.» Принявъ такое рѣшеніе, господинъ Голядкинъ пустился въ свой департаментъ. Путь былъ не близокъ, въ добавокъ была страшная грязь, и мокрый снѣгъ валилъ самыми густыми хлопьями. Но для героя нашего въ настоящее время затрудненій, кажется, не было. Измокъ-то онъ измокъ, правда, да и загрязнился не мало, «да ужь такъ, за одно, за то цѣль достигнута». И дѣйствительно, господинъ Голядкинъ уже подходилъ къ своей цѣли. Темная масса огромнаго казеннаго строенія уже зачер-

нѣла вдали передъ нимъ. «Стой!» подумалъ онъ: «куда жь я иду, и что̀ я буду здѣсь дѣлать? Положимъ, узна́ю гдѣ онъ живетъ; а между-тѣмъ Петрушка уже вѣрно вернулся и отвѣтъ мнѣ принесъ. Время-то я мое дорогое только даромъ теряю, время-то я мое только такъ потерялъ. Ну, ничего; еще все это можно исправить. Однако, и въ-самомъ-дѣлѣ, не зайдти ль къ Вахрамѣеву? Ну, да нѣтъ! я ужь послѣ... Экъ! выходить-то было вовсе ненужно. Да нѣтъ, ужь характеръ такой! Сноровка такая, что нужда ли, нѣтъ ли, вѣчно наровлю какъ-нибудь впередъ забѣжать. Гм... который-то часъ? ужь вѣрно есть девять. Петрушка можетъ прійдти и не найдетъ меня дома. Сдѣлалъ я чистую глупость, что вышелъ... Эхъ, право, коммиссія!»

Искренно сознавшись такимъ-образомъ, что сдѣлалъ чистую глупость, герой нашъ побѣжалъ обратно къ себѣ въ Шестилавочную. Добѣжалъ онъ усталый, измученный. Еще отъ дворника узналъ онъ, что Петрушка и не думалъ являться. «Ну, такъ! ужь я предчувствовалъ это» подумалъ герой нашъ: «а между-тѣмъ, уже девять часовъ. Экъ вѣдь негодяй онъ какой! Ужь вѣчно гдѣ-нибудь пьянствуетъ! Господи, Богъ мой! Экой вѣдь денёкъ выдался на долю мою горемычную!» Такимъ-то образомъ размышляя и сѣтуя, господинъ Голядкинъ отперъ квартиру свою, досталъ огня, раздѣлся совсѣмъ, выкурилъ трубку, и истощенный, усталый, разбитый, голодный прилегъ на диванъ, въ ожиданіи Петрушки. Свѣча нагорала тускло, свѣтъ трепеталъ на стѣнахъ... Господинъ Голядкинъ глядѣлъ-глядѣлъ, думалъ-думалъ, да и заснулъ наконецъ какъ убитый.

Проснулся онъ уже поздно. Свѣча совсѣмъ почти догорѣла, дымилась и готова была тотчасъ совершенно потухнуть. Господинъ Голядкинъ вскочилъ, встрепенулся и вспомнилъ все, рѣшительно все. За перегородкой раздавался густой храпъ Петрушки. Господинъ Голядкинъ бросился къ окну — нигдѣ ни огонька. Отворилъ форточку — тихо; городъ словно вымеръ, спитъ. Стало-быть, часа два или три; такъ и есть: часы за перегородкой понатужились и пробили два. Господинъ Голядкинъ бросился за перегородку.

Кое-какъ, впрочемъ, послѣ долгихъ усилій, растолкалъ онъ Петрушку и успѣлъ посадить его на постель. Въ это время свѣчка совершенно потухла. Минутъ съ десять прошло, покамѣстъ господинъ Голядкинъ успѣлъ найдти другую свѣчу и зажечь ее. Въ это время Петрушка успѣлъ заснуть съизнова. «Мерзавецъ ты этакой, негодяй ты такой!» проговорилъ гос-

подинъ Голядкинъ, снова его расталкивая: «встанешь ли ты, проснешься ли ты? Послѣ получасовыхъ усилій, господинъ Голядкинъ успѣлъ однако же расшевелить совершенно своего служителя и вытащить его изъ-за перегородки. Тутъ только увидѣлъ герой нашъ, что Петрушка былъ, какъ говорится, мертвецки-пьянъ и едва на ногахъ держался.

— Бездѣльникъ ты этакой! закричалъ господинъ Голядкинъ: — разбойникъ ты этакой! голову ты срѣзалъ съ меня! Господи, куда же это онъ письмо-то сбылъ съ рукъ? Ахти, Создатель мой, ну́, какъ оно... И зачѣмъ я его написалъ? и нужно было мнѣ его написать! Разскакался, дуралей, я съ амбиціей! Туда же полѣзъ за амбиціей! Вотъ тебѣ и амбиція, подлецъ ты этакой, вотъ и амбиція!.. Ну, ты! куда же ты письмо-то дѣлъ, разбойникъ ты этакой? Кому же ты отдалъ его?..

— Никому я не отдавалъ никакого письма; и не было у меня никакого письма... вотъ-какъ!

Господинъ Голядкинъ ломалъ руки съ отчаянія.

— Слушай ты, Петръ... ты послушай, ты слушай меня...

— Слушаю...

— Ты куда ходилъ? — отвѣчай...

— Куда ходилъ... къ добрымъ людямъ ходилъ! что̀ мнѣ!

— Ахъ, ты Господи Боже мой! Куда сначала ходилъ? былъ въ департаментѣ?.. Ты, послушай, Петръ; ты, можетъ-быть, пьянъ?

— Я пьянъ? Вотъ, хоть сейчасъ съ мѣста не сойдти, мак-мак-маковой — вотъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, это ничего, что ты пьянъ... Я только такъ спросилъ; это хорошо, что ты пьянъ; я ничего, Петруша, я ничего... Ты, можетъ-быть, только такъ позабылъ, а все помнишь. Ну-ка, вспомни-ка, былъ ты у Вахрамѣева чиновника, — былъ, или нѣтъ?

— И не былъ, и чиновника такого не бывало. Вотъ хоть сейчасъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Петръ! нѣтъ, Петруша, вѣдь я ничего. Вѣдь ты видишь, что я ничего... Ну, что жь такое! Ну, на дворѣ холодно, сыро, ну, выпилъ человѣкъ мале́нько, ну и ничего. Я не сержусь. Я самъ, братъ, выпилъ сегодня... Ты признайся, вспомни-ка, братъ: былъ ты у чиновника Вахрамѣева?

— Ну, какъ теперь, вотъ этакъ пошло, такъ право-слово — вотъ былъ же, вотъ хоть сейчасъ...

— Ну, хорошо, Петруша, хорошо, что былъ. Ты видишь, я не сержусь... Ну, ну, продолжалъ нашъ герой, еще болѣе задабривая своего служителя, трепля его по плечу и улыбаясь ему: — ну, клюкнулъ, мерзавецъ, маленько... на гривенникъ что-ли клюкнулъ, плутяга ты этакой? Ну и ничего; ну, ты видишь, что я не сержусь... я не сержусь, братецъ, я не сержусь...

— Нѣтъ, я не плутъ, какъ хотите-съ... Къ добрымъ людямъ только зашелъ, а не плутъ и плутомъ никогда не бывалъ...

— Да, нѣтъ же, нѣтъ, Петруша! ты послушай, Петръ: вѣдь я ничего, вѣдь я тебя не ругаю, что плутомъ называю. Вѣдь это я въ утѣшеніе тебѣ говорю, въ благородномъ смыслѣ про это говорю. Вѣдь это значитъ, Петруша, польстить иному человѣку, какъ сказать ему, что онъ петля этакая, продувной малой, что онъ малой не промахъ и никому надуть себя не позволитъ. Это любитъ иной человѣкъ. Это льститъ ему. Это я въ благородномъ отношеніи тебя плутомъ называю... Ну, ну, ничего! ну, скажи же ты мнѣ, скажи же ты мнѣ, Петруша, теперь, безъ утайки, откровенно, какъ другу... ну, былъ ты у чиновника Вахрамѣева, и адресъ онъ далъ тебѣ?

— И адресъ далъ, тоже и адресъ далъ. Хорошій чиновникъ! И баринъ твой, говоритъ, хорошій человѣкъ, очень-хорошій, говоритъ, человѣкъ; я дескать, скажи, говоритъ, — кланяйся, говоритъ, своему барину, благодари и скажи, что я дескать люблю, — вотъ дескать какъ уважаю твоего барина! за то, что, говоритъ, ты, баринъ твой, говоритъ, Петруша, хорошій человѣкъ, говоритъ, и ты, говоритъ, тоже хорошій человѣкъ, Петруша, — вотъ...

— Ахъ, ты Господи Боже мой! А адресъ-то, адресъ-то, Іуда ты этакой? — Послѣднія слова господинъ Голядкинъ проговорилъ почти шопотомъ.

— И адресъ... и адресъ далъ; тоже и адресъ далъ.

— Далъ? Ну, гдѣ же живетъ онъ, Голядкинъ, чиновникъ Голядкинъ, титулярный совѣтникъ?

— А Голядкинъ будетъ тебѣ, говоритъ, въ Шестилавочной-Улицѣ. Вотъ какъ пойдешь, говоритъ, въ Шестилавочную, такъ направо, на лѣстницу, въ четвертый этажъ. Вотъ тутъ тебѣ, говоритъ, и будетъ Голядкинъ...

— Мошенникъ ты этакой! закричалъ наконецъ вышедшій изъ терпѣнія герой нашъ: — разбойникъ ты этакой! да это вѣдь я; вѣдь это ты про меня говоришь. А то другой есть Голядкинъ; я про другаго говорю, мошенникъ ты этакой!

— Ну, ка́къ хотите! что̀ мнѣ! Вы ка́къ хотите — вотъ!..

— А письмо-то, письмо...

— Какое письмо? и не было никакого письма, и не видалъ я никакого письма.

— Да куда же ты дѣлъ его, — шельмецъ ты такой!?..

— Отдалъ его, отдалъ письмо. Кланяйся, говоритъ, благодари; хорошій твой, говоритъ, баринъ. Кланяйся, говоритъ, твоему барину...

— Да кто же это сказалъ? это Голядкинъ сказалъ? — Петрушка помолчалъ немного, и усмѣхнулся во весь ротъ, глядя прямо въ глаза своему барину.

— Слушай ты, разбойникъ ты этакой! — началъ господинъ Голядкинъ задыхаясь, теряясь отъ бѣшенства: — что̀ ты сдѣлалъ со мной! Говори ты мнѣ, что̀ ты сдѣлалъ со мной! Срѣзалъ ты меня, злодѣй ты такой! Голову съ плечъ моихъ снялъ, Іуда ты этакой!

— Ну, теперь ка́къ хотите! что̀ мнѣ! сказалъ рѣшительнымъ тономъ Петрушка, ретируясь за перегородку.

— Пошолъ сюда, пошолъ сюда, разбойникъ ты этакой!..

— И не пойду я къ вамъ теперь, совсѣмъ не пойду. Что̀ мнѣ! Я къ добрымъ людямъ пойду... А добрые люди живутъ по честности, добрые люди безъ фальши живутъ, и по-двое никогда не бываютъ... У господина Голядкина и руки и ноги оледенѣли, и духъ занялся...

— Да́-съ, продолжалъ Петрушка: — ихъ по-двое никогда не бываетъ, они честно живутъ; Бога и честныхъ людей не обижаютъ...

— Ты бездѣльникъ, ты пьянъ! Ты спи теперь, разбойникъ ты этакой! А вотъ завтра и будетъ тебѣ, — едва-слышнымъ голосомъ проговорилъ господинъ Голядкинъ. Что̀ же касается до Петрушки, то онъ пробормоталъ еще что-то; потомъ слышно было, ка́къ онъ налегъ на кровать, такъ-что кровать затрещала, протяжно зѣвнулъ, потянулся и наконецъ захрапѣлъ сномъ невинности, какъ говорится. Ни живъ ни мертвъ былъ господинъ Голядкинъ. Поведеніе Петрушки, намёки его весьма-странные, хотя и отдаленные, на которые сердиться, слѣдственно, не́чего было, тѣмъ болѣе, что пьяный человѣкъ говорилъ, и наконецъ, весь злокачественный оборотъ, принимаемый дѣломъ, — все это потрясло до основанія господина Голядкина, ясно показавъ ему, какіе глубокіе корни пустила клевета, измѣна, интрига, наушни-

чество, и наконецъ, какъ много выигралъ поля извѣстный своимъ неблагопристойнымъ направленіемъ человѣкъ въ мнѣніи частныхъ людей, а тѣмъ болѣе въ общественномъ мнѣніи. А улика — Петрушка, и тонъ, сообщенный шельмецу недоброжелателями господина Голядкина. «И дернуло меня его распекать среди ночи», говорилъ нашъ герой, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ какого-то болѣзненнаго ощущенія. «И подсунуло меня съ пьянымъ человѣкомъ связаться! Какого толку ждать отъ пьянаго человѣка! что́ ни слово, то вретъ. На что̀ это, впрочемъ, онъ намекалъ, разбойникъ онъ этакой? Господи Боже мой! И зачѣмъ я всѣ эти письма писалъ, я-то душегубецъ; я-то, самоубійца я этакой! Нельзя помолчать! Надо было провраться! Вѣдь ужь чего: погибаешь, ветошкѣ подобишься, такъ вѣдь нѣтъ же, туда же съ амбиціей, дескать честь моя страждетъ, дескать честь тебѣ свою нужно спасать! Самоубійца я этакой! И какая тенденція у всего этого рода, тенденція-то какая у разбойника! Видитъ, что человѣкъ споткнулся, что человѣкъ въ просакъ попалъ, что человѣкъ по уши въ болото залѣзъ, такъ вотъ онъ тотчасъ и въ пику ему: дескать въ болото залѣзъ, такъ вотъ тебѣ за это еще на придачу, и уколетъ человѣка, и задѣнетъ человѣка!.. Состраданія-то нѣтъ! И я-то, я-то каковъ? у самого-то тенденція какая скверная! натурка-то подлая!.. И честь свою такъ ужь непремѣнно нужно спасать, — необходимость была! И съ пьянымъ человѣкомъ мы готовы связаться! Какъ-будто и пятилѣтнему ребенку невѣдомо, что пьяный человѣкъ на томъ и стоитъ, что вретъ, да грубости дѣлаетъ. И дѣлаетъ ихъ потому-что пьянъ, потому-что тенденція такая у пьянаго человѣка подлая, чтобъ грубости дѣлать, потому-что и по натурѣ человѣческой именно вотъ такъ, а не иначе должно оно выходить. Слѣдственно, онъ въ одномъ отношеніи и правъ; слѣдственно, онъ и правъ во всѣхъ отношеніяхъ, и претендовать на это нельзя. Претендовать же нужно на того дурака, который съ пьянымъ человѣкомъ связаться готовъ. Вотъ оно какъ! Вотъ оно какъ по правдѣ, по истинѣ должно выходить! Напился, такъ и грубить начинаетъ; оно такъ и слѣдуетъ, на этомъ ужь человѣкъ и стоитъ, ужь въ этомъ натура его, ужь въ этомъ не я виноватъ, — вотъ оно какъ!..» Такъ говорилъ господинъ Голядкинъ, сидя на диванѣ своемъ и не смѣя пошевелиться отъ страха. Вдругъ глаза его остановились на одномъ предметѣ, въ высочайшей степени возбудившемъ его вниманіе.

Въ страхѣ — не иллюзія ли, не обманъ ли воображенія предметъ, возбудившій вниманіе его, — протянулъ онъ къ нему руку, съ надеждою, съ робостію, съ любопытствомъ неописаннымъ... Нѣтъ, не обманъ! не иллюзія! Письмо, точно письмо, непремѣнно письмо, и къ нему адресованное... Господинъ Голядкинъ взялъ письмо со стола. Сердце въ немъ страшно билось. «Это вѣрно тотъ мошенникъ принесъ» подумалъ онъ: «и тутъ положилъ, а потомъ и забылъ; вѣрно такъ все случилось; это вѣрно именно такъ все случилось... Впрочемъ, какъ же оно? кто же это письмо... Кто же это, вотъ такимъ-образомъ письмо ко мнѣ написалъ?.. Дорого бы я далъ, чтобъ узнать, что̀ именно въ этомъ письмѣ, просто узнать, не читавши узнать!.. Господи, Господи!..» Господинъ Голядкинъ отложилъ на время письмо, вынулъ платокъ и отеръ себѣ потъ, выступившій у него на лбу; потомъ... потомъ сложилъ свои руки, и долго съ необыкновеннымъ усердіемъ что-то шепталъ про себя; потомъ, не въ силахъ будучи сдержать своего нетерпѣнія, сломилъ печать, обернулъ страницу и прочелъ подпись. Письмо было отъ чиновника Вахрамѣева, молодаго сослуживца, и нѣкогда пріятеля господина Голядкина. «Впрочемъ, я все это заранѣе предчувствовалъ», подумалъ герой нашъ: «я все это вчера непремѣнно предчувствовалъ, и все то̀, что̀ въ письмѣ теперь будетъ, также предчувствовалъ... Что̀ же? За одно! На то пошелъ!.. Ну!... Ничего...» Господинъ Голядкинъ началъ читать. Письмо было слѣдующее:

«Милостивый государь
Яковъ Петровичъ!

Человѣкъ вашъ пьянъ, и путнаго отъ него не дождешься; по сей причинѣ предпочитаю отвѣчать письменно. Спѣшу вамъ объявить, что порученіе, вами на меня возлагаемое, и состоящее въ передачѣ извѣстной вамъ особѣ черезъ мои руки письма́, согласенъ исполнить во всей вѣрности и точности. Квартируетъ же сія особа, весьма вамъ извѣстная, и теперь замѣнившая мнѣ друга, коей имя при семъ умалчиваю (за тѣмъ, что не хочу напрасно чернить репутацію совершенно-невиннаго человѣка), вмѣстѣ съ нами, въ квартирѣ Каролины Ивановны, въ томъ самомъ нумерѣ, гдѣ прежде еще, въ бытность вашу у насъ, квартировалъ заѣзжій изъ Тамбова пѣхотный офицеръ. Впрочемъ, особу сію можете найдти вездѣ между честныхъ и искреннихъ сердцемъ людей, чего объ иныхъ особахъ сказать невозможно.

Связи мои съ вами намѣренъ я съ сего числа прекратить; въ дружественномъ же тонѣ и въ прежнемъ согласномъ видѣ товарищества нашего намъ оставаться нельзя, и потому прошу васъ, милостивый государь мой, немедленно по полученіи сего откровеннаго письма моего выслать слѣдуемые мнѣ два цѣлковыхъ за бритвы иностранной работы, проданныя мною, если запомнить изволите, семь мѣсяцевъ тому назадъ, въ долгъ, еще во время жительства вашего съ нами у Каролины Ивановны, женщины, которую я отъ всей души моей уважаю. Дѣйствую же я такимъ-образомъ потому, что вы, по разсказамъ умныхъ людей, потеряли амбицію и репутацію и стали опасны для нравственности невинныхъ и незараженныхъ людей, ибо нѣкоторыя особы живутъ не по правдѣ, и, сверхъ-того, слова ихъ — фальшь и благонамѣренный видъ подозрителенъ. Вступиться же за обиду Каролины Ивановны, которая всегда была благонравнаго поведенія, а во-вторыхъ, честная женщина и въ добавокъ дѣвица, хотя не молодыхъ лѣтъ, но зато хорошей иностранной фамиліи, — людей способныхъ можно найдти всегда и вездѣ, о чемъ просили меня нѣкоторыя особы упомянуть въ семъ письмѣ моемъ мимоходомъ и говоря отъ своего лица. Во всякомъ же случаѣ, вы все узнаете своевременно, если теперь не узнали, не смотря на то, что ославили себя, по разсказамъ умныхъ людей, во всѣхъ концахъ нашей многолюдной столицы, и, слѣдовательно, уже во многихъ мѣстахъ могли получить надлежащія о себѣ, милостивый мой государь, свѣдѣнія. Въ заключеніе же письма моего объявляю вамъ, милостивый мой государь, что извѣстная вамъ особа, коей имя не упоминаю здѣсь по извѣстнымъ благороднымъ причинамъ, весьма-уважаема людьми благомыслящими; сверхъ-того, характера веселаго и пріятнаго, успѣваетъ какъ на службѣ, такъ и между всѣми здравомыслящими людьми, вѣрна своему слову и дружбѣ и не обижаетъ заочно тѣхъ, съ кѣмъ въ глаза находится въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Во всякомъ случаѣ пребываю покорнымъ слугою вашимъ
Н. Вахрамѣевымъ.

P. S. Вы вашего человѣка сгоните: онъ пьяница и приноситъ вамъ, по всей вѣроятности, много хлопотъ, а возьмите Евстафія, служившаго прежде у насъ и находящагося на сей разъ безъ мѣста. Теперешній же служитель вашъ не только пьяница, но,

сверхъ-того, воръ, ибо еще на прошлой недѣлѣ продалъ фунтъ сахару, въ видѣ кусковъ, Каролинѣ Ивановнѣ за уменьшенную цѣну, что̀, по моему мнѣнію, не могъ онъ иначе сдѣлать, какъ обворовавъ васъ хитростнымъ образомъ, по-малому и въ разные сроки. Пишу вамъ сіе желая добра, не смотря на то, что нѣкоторыя особы умѣютъ только обижать и обманывать всѣхъ людей, преимущественно же честныхъ и обладающихъ добрымъ характеромъ; сверхъ-того, заочно поносятъ ихъ и представляютъ ихъ въ обратномъ смыслѣ, единственно изъ зависти и потому, что сами себя не могутъ назвать таковыми.

В.»

Прочтя письмо Вахрамѣева, герой нашъ долго еще оставался въ неподвижномъ положеніи на диванѣ своемъ. Какой-то новый свѣтъ пробивался сквозь весь неясный и загадочный туманъ, уже два дня окружавшій его. Герой нашъ отчасти начиналъ понимать... Попробовалъ-было онъ встать съ дивана и пройдтись разъ и другой по комнатѣ, чтобъ освѣжить себя, собрать кое-какъ разбитыя мысли, устремить ихъ на извѣстный предметъ и потомъ, поправивъ себя немного, зрѣло обдумать свое положеніе, рѣшиться на что-нибудь непремѣнно и твердо, и сообразно съ рѣшеніемъ дѣйствовать. Но только-что хотѣлъ-было онъ привстать, какъ тутъ же въ немощи и безсиліи упалъ опять на прежнее мѣсто. «Оно, конечно, я это все заранѣе предчувствовалъ; соглашаюсь, что и должно было быть такъ, непремѣнно должно было быть такъ, чтобъ я это все заранѣ предчувствовалъ; но однакоже, ка̀къ же онъ пишетъ и каковъ прямой смыслъ этихъ словъ? Смыслъ-то я, положимъ, и знаю; но куда это поведетъ? Господи Боже мой! куда это все поведетъ?.. Сказали бы прямо: вотъ де-скать такъ-то и такъ-то, и требуется то-то и то-то, я бы и исполнилъ и угодное сдѣлалъ бы имъ, и все дѣло повернулось бы къ лучшему, и всѣ были бы довольны и счастливы. Турнюра-то, оборотъ-то, принимаемый дѣломъ, такой непріятный выходитъ! Ахъ, ка́къ бы поскорѣе добраться до завтра и поскорѣе добраться до дѣла! теперь же я знаю, что̀ дѣлать, очень-хорошо знаю, что̀ именно теперь мнѣ надобно дѣлать. Де-скать такъ и такъ, скажу, на резоны согласенъ, чести моей не продамъ, а того... пожалуй; впрочемъ, онъ-то, особа-то эта извѣстная, лицо-то неблагопріятное ка́къ же сюда подмѣшалось? и зачѣмъ именно подмѣшалось сюда?

Ахъ, ка́къ бы до завтра скорѣй! Ославятъ они меня до-тѣхъ-поръ, интригуютъ они, въ пику работаютъ! Главное — времени не нужно терять, а теперь, на-примѣръ, хоть письмо написать и только пропустить, что де-скать то-то и то-то и вотъ на то-то и то-то согласенъ. А завтра чѣмъ-свѣтъ отослать и самому пораньше того... и съ другой стороны имъ въ контру пойдти и предупредить ихъ, голубчиковъ... Ославятъ они меня, да и только!»

Господинъ Голядкинъ подвинулъ бумагу, взялъ перо и написалъ слѣдующее посланіе въ отвѣтъ на письмо губернскаго секретаря Вахрамѣева:

«Милостивый государь
Несторъ Игнатьевичъ!

Съ прискорбнымъ сердцу моему удивленіемъ прочелъ я оскорбительное для меня письмо ваше, ибо ясно вижу, что подъ именемъ нѣкоторыхъ неблагопристойныхъ особъ и иныхъ съ ложною благонамѣренностью людей разумѣете вы меня. Съ истинною горестію вижу, ка́къ скоро, успѣшно и какіе далекіе корни пустила клевета, въ ущербъ моему благоденствію, моей чести и доброму моему имени. И тѣмъ болѣе прискорбно и оскорбительно это, что даже честные люди съ истинно-благороднымъ образомъ мыслей и, главное, одаренные прямымъ и открытымъ характеромъ, отступаютъ отъ интересовъ благородныхъ людей и прилѣпляются лучшими качествами сердца своего къ зловредной тлѣ, — къ-несчастію, въ наше тяжелое и безнравственное время расплодившейся сильно и крайне-неблагонамѣренно. Я говорю вообще; о частныхъ же лицахъ упоминать здѣсь считаю излишнимъ, хотя священнымъ долгомъ своимъ почитаю предостеречь неопытную и незараженную невинность отъ тлетворныхъ и одаренныхъ ядовитымъ дыханіемъ чудовищъ, ложно и фальшиво принявшихъ на себя человѣческій образъ и выдающихъ себя, съ возмущающею душу наглостію, за другихъ, совершенно-постороннихъ людей, живущихъ открыто и благородно, идущихъ прямою дорогою, безъ маски, съ открытымъ лицомъ, презирающихъ кривыми путями и интригами, и тѣмъ справедливо гордящихся. Въ заключеніе скажу, что вами означенный долгъ мой, два рубля серебромъ, почту святою обязанностію возвратить вамъ во всей его цѣлости.

Что́ же касается до вашихъ, милостивый государь мой, намековъ на-счетъ извѣстной особы женскаго пола, на-счетъ намѣреній, разсчетовъ и разныхъ замысловъ этой особы, то скажувамъ, милостивый государь мой, что я смутно и неясно понялъ всѣ эти намеки. Позвольте мнѣ, милостивый государь мой, благородный образъ мыслей моихъ и честное имя мое сохранить незапятнанными. Во всякомъ же случаѣ, готовъ снизойдти до объясненія лично, предпочитая вѣрность личнаго письменному, и сверхъ того готовъ войдти въ разныя миролюбивыя, обоюдныя, разумѣется, соглашенія. На сей конецъ прошу васъ, милостивый мой государь, передать сей особѣ готовность мою для соглашенія личнаго, и сверхъ-того, просить ее назначить время и мѣсто свиданія. Горько мнѣ было читать, милостивый государь мой, намеки на то́, что будто-бы васъ оскорбилъ, измѣнилъ нашей первобытной дружбѣ, и отзывался о васъ съ дурной стороны. Приписываю все сіе недоразумѣнію, гнусной клеветѣ, зависти и недоброжелательству тѣхъ, коихъ справедливо могу наименовать ожесточеннѣйшими врагами моими. Но они, вѣроятно, не знаютъ, что невинность сильна уже своею невинностью, что безстыдство, наглость и возмущающая душу фамильярность иныхъ особъ, рано ли, поздно ли, заслужитъ себѣ всеобщее клеймо презрѣнія, и что эти особы погибнутъ не иначе, какъ отъ собственной неблагопристойности и развращенности сердца. Въ заключеніе прошу васъ, милостивый государь мой, передать симъ особамъ, что странная претензія ихъ и неблагородное фантастическое желаніе вытѣснять другихъ изъ предѣловъ, занимаемыхъ сими другими своимъ бытіемъ въ этомъ мірѣ, и занять ихъ мѣсто, заслуживаютъ изумленія, презрѣнія, сожалѣнія и сверхъ того сумасшедшаго дома; что, сверхъ того, такія отношенія запрещены строго законами, что̀, по моему мнѣнію, совершенно-справедливо; ибо всякій долженъ быть доволенъ своимъ собственнымъ мѣстомъ. Всему есть предѣлы, и если это шутка, то шутка неблагопристойная, скажу болѣе: совершенно-безнравственная; ибо смѣю увѣрить васъ, милостивый государь мой, что идеи мои, выше распространенныя на счетъ *своихъ местъ*, чисто-нравственныя.

Во всякомъ случаѣ честь имѣю пребыть
Вашимъ покорнымъ слугою
Я. Голядкинъ.»

ГЛАВА X.

Мнѣніе господина Голядкина о томъ, что̀ такое игра съ козырями и игра безкозырная. Развращенный человѣкъ занимаетъ мѣсто господина Голядкина въ практической жизни. О томъ, какъ смотрятъ на все это обстоятельство разные извощики и согласившійся съ ними Петрушка. Господинъ Голядкинъ просыпается, пишетъ письмо и нѣсколько задѣваетъ репутацію Гришки Отрепьева. Господинъ Голядкинъ начинаетъ интриговать. Писаря. О томъ, какъ покончилъ свои интриги и на что окончательно рѣшился господинъ Голядкинъ.

Вообще можно сказать, что происшествія вчерашняго дня до основанія потрясли господина Голядкина; всего же страшнѣе было послѣднее слово враговъ его. Конечно, это послѣднее слово было еще не досказано... Все это было въ какомъ-то таинственномъ, угрожающемъ сумракѣ; но это-то самое обстоятельство, что все-то это было въ сумракѣ и таинственно, и подрывало господина Голядкина. «Играй они въ открытую игру», думалъ господинъ Голядкинъ сквозь сонъ, въ минуту своего пробужденія: «то я не допустилъ бы ихъ такъ козырять; я бы показалъ имъ тогда игру безкозырную.» Всего же болѣе мучило господина Голядкина письмо Вахрамѣева. Что̀ значили всѣ эти намёки? что̀ означаетъ этотъ до странности рѣзкій и угрожающій тонъ? Конечно, господинъ Голядкинъ все это заранѣ предчувствовалъ... то-есть, вовсе не то, но оно такъ все какъ-то странно удалось и случилось, что вышло именно это, а не другое; слѣдовательно, господинъ Голядкинъ и это тоже предчувствовалъ. — Почивалъ нашъ герой не весьма-хорошо, т. е., никакъ не могъ даже на пять минутъ заснуть совершенно: словно проказникъ какой-нибудь насыпалъ ему рѣзаной щетины въ постель. Всю ночь провелъ онъ въ какомъ-то полу-снѣ, полу-бдѣніи, переворачиваясь со стороны на сторону, съ боку на бокъ, охая, кряхтя, на минутку засыпая, черезъ минутку опять просыпаясь, и все это сопровождалось какой-то странной тоской, неясными воспоминаніями, безобразными видѣніями, — од-

нимъ словомъ всѣмъ, что̀ только можно найдти непріятнаго... То появлялась передъ нимъ въ какомъ-то странномъ загадочномъ полусвѣтѣ фигура Андрея Филипповича, — сухая фигура, сердитая фигура, съ сухимъ, жесткимъ взглядомъ и съ черство-учтивой побранкой... И только-что господинъ Голядкинъ начиналъ-было подходить къ Андрею Филипповичу, чтобъ передъ нимъ какимъ-нибудь образомъ, такъ или этакъ, оправдаться и доказать ему, что онъ вовсе не таковъ, какъ его враги расписали, что онъ вотъ такой-то, да сякой-то, и даже обладаетъ, сверхъ обыкновенныхъ, врожденныхъ качествъ своихъ, вотъ тѣмъ-то и тѣмъ-то, — но какъ-тутъ и являлось извѣстное своимъ неблагопристойнымъ направленіемъ лицо, и какимъ-нибудь самымъ возмущающимъ душу средствомъ съ разу разрушало всѣ предначинанія господина Голядкина, тутъ же, почти на глазахъ же господина Голядкина, очерняло досконально его репутацію, втаптывало въ грязь его амбицію, и потомъ немедленно занимало мѣсто его на службѣ и въ обществѣ. То чесалась голова господина Голядкина отъ какого-нибудь щелчка, недавно-благопріобрѣтеннаго и уничиженно-принятаго, полученнаго или въ общежитіи, или какъ-нибудь тамъ по обязанности, на который щелчокъ протестовать было трудно... И между-тѣмъ, какъ господинъ Голядкинъ начиналъ-было ломать себѣ голову надъ тѣмъ, что почему вотъ именно трудно протестовать хоть-бы на такой-то щелчокъ, — между-тѣмъ, эта же мысль о щелчкѣ незамѣтно переливалась въ какую-нибудь другую форму, — въ форму какой-нибудь извѣстной маленькой или довольно-значительной подлости, видѣнной, слышанной, или самимъ недавно исполненной, — и, часто исполненной-то даже и не на подломъ основаніи, даже и не изъ подлаго побужденія какого-нибудь, а такъ, — иногда, наприм[ѣръ] по случаю, — изъ деликатности; другой разъ изъ ради совершенной своей беззащитности, ну и наконецъ потому... потому, однимъ словомъ, ужь это господинъ Голядкинъ зналъ хорошо, *почему*! Тутъ господинъ Голядкинъ краснѣлъ сквозь сонъ, и, подавляя краску свою, бормоталъ про себя, что дескать здѣсь, на-прим[ѣръ], можно бы показать твердость характера, значительную бы можно было показать въ этомъ случаѣ твердость характера... а потомъ и заключалъ, что, «дескать что же твердость характера!.. дескать, зачѣмъ ее теперь поминать!..» Но всего болѣе бѣсило и раздражало господина Голядкина то, что какъ тутъ, и непремѣнно въ такую минуту, звали ль, не звали ль его,

являлось извѣстное безобразіемъ и пасквильностью своего направленія лицо, и тоже, не смотря на то, что уже, кажется, дѣло было извѣстное — тоже туда же бормотало съ неблагопристойной улыбочкой, что «дескать, что ужь тутъ твердость характера! какая дескать у насъ съ тобой, Яковъ Петровичъ, будетъ твердость характера!..» То грезилось господину Голядкину, что находится онъ въ одной прекрасной компаніи, извѣстной своимъ остроуміемъ и благороднымъ тономъ всѣхъ лицъ, ее составляющихъ; что господинъ Голядкинъ въ свою очередь отличился въ-отношеніи любезности и остроумія, что всѣ его полюбили, даже нѣкоторые изъ враговъ его, бывшихъ тутъ же, его полюбили, что̀ очень-пріятно было господину Голядкину; что всѣ ему отдали первенство, и что, наконецъ, самъ господинъ Голядкинъ съ пріятностью подслушалъ, ка́къ хозяинъ, тутъ же, отведя въ сторону кой-кого изъ гостей, похвалилъ господина Голядкина... и вдругъ ни съ того, ни съ сего, опять явилось извѣстное своею неблагонамѣренностью и звѣрскими побужденіями лицо, въ видѣ господина Голядкина-младшаго, и тутъ же, съ-разу, въ одинъ мигъ, однимъ появленіемъ своимъ Голядкинъ-младшій разрушалъ все торжество и всю славу господина Голядкина-старшаго, затмилъ собою Голядкина-старшаго, втопталъ въ грязь Голядкина-старшаго, и наконецъ ясно доказалъ, что Голядкинъ-старшій, и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящій, — вовсе не настоящій, а поддѣльный, а что онъ настоящій, что, наконецъ, Голядкинъ-старшій вовсе не то, чѣмъ онъ кажется, а такой-то и сякой-то, и, слѣдовательно, не долженъ и не имѣетъ права принадлежать къ обществу людей благонамѣренныхъ и хорошаго тона. И все это до того быстро сдѣлалось, что господинъ Голядкинъ-старшій и рта раскрыть не успѣлъ, какъ уже всѣ и душою и тѣломъ предались безобразному и поддѣльному господину Голядкину и съ глубочайшимъ презрѣніемъ отвергли его, настоящаго и невиннаго господина Голядкина. Не оставалось лица, котораго мнѣнія не передѣлалъ бы въ одинъ мигъ безобразный господинъ Голядкинъ по-сво̀ему. Не оставалось лица, даже самаго незначительнаго изъ цѣлой компаніи, къ которому бы не подлизался безполезный и фальшивый господинъ Голядкинъ по-сво̀ему, самымъ сладчайшимъ манеромъ, къ которому бы не подбился по-сво̀ему, передъ которымъ бы онъ не покурилъ, по своему обыкновенію, чѣмъ-нибудь самымъ пріятнымъ и сладкимъ, такъ-что обкуриваемое лицо только нюхало и чихало до слезъ,

въ знакъ высочайшаго удовольствія. И, главное, все это дѣлалось мигомъ: быстрота хода подозрительнаго и безполезнаго господина Голядкина была удивительная! Чуть успѣетъ, наприм[ѣръ], полизаться съ однимъ, заслужить благорасположеніе его, — и глазкомъ не мигнешь, какъ ужь онъ у другаго. Полижется, полижется съ другимъ втихомолочку, сорветъ улыбочку благоволенія, лягнетъ своей коротенькой, кругленькой, довольно, впрочемъ, дубоватенькой ножкой, и вотъ ужь и съ третьимъ, и куртизанитъ ужь третьяго, и съ нимъ тоже лижется по-пріятельски; рта раскрыть не успѣешь, въ изумленіе не успѣешь прійдти, а ужь онъ у четвертаго, и съ четвертымъ уже на тѣхъ же кондиціяхъ — ужасъ, колдовство да и только! И всѣ рады ему, и всѣ любятъ его, и всѣ превозносятъ его, и всѣ провозглашаютъ хоромъ, что любезность и сатирическое ума его направленіе не въ-примѣръ лучше любезности и сатирическаго направленія настоящаго господина Голядкина, и стыдятъ этимъ настоящаго и невиннаго господина Голядкина, и отвергаютъ правдолюбиваго господина Голядкина, и уже гонятъ въ толчки благонамѣреннаго господина Голядкина, и уже сыплютъ щелчки въ извѣстнаго любовію къ ближнему, настоящаго господина Голядкина!.. Въ тоскѣ, въ ужасѣ, въ бѣшенствѣ выбѣжалъ многострадательный господинъ Голядкинъ на улицу, и сталъ нанимать извощика, чтобъ прямо летѣть къ его превосходительству, а если не такъ, то ужь по-крайней-мѣрѣ къ Андрею Филипповичу, но — ужасъ! извощики никакъ не соглашались везти господина Голядкина, «дескать, баринъ, нельзя везти двухъ совершенно подобныхъ, дескать, ваше благородіе, хорошій человѣкъ норовитъ жить по-честности, а не какъ-нибудь, и вдвойнѣ никогда не бываетъ.» Въ изступленіи стыда, оглядывался кругомъ совершенно-честный господинъ Голядкинъ, и дѣйствительно увѣрялся, самъ, своими глазами, что извощики и стакнувшійся съ ними Петрушка всѣ въ своемъ правѣ; ибо развращенный господинъ Голядкинъ находился дѣйствительно тутъ же, возлѣ него, не въ дальнемъ отъ него разстояніи, и, слѣдуя подлымъ обычаямъ нравовъ своихъ, и тутъ, и въ этомъ критическомъ случаѣ непремѣнно готовился сдѣлать что-то весьма-неприличное, и нисколько-необличавшее особеннаго благородства характера, получаемаго обыкновенно при воспитаніи, — благородства, которымъ такъ величался при всякомъ удобномъ случаѣ отвратительный господинъ Голядкинъ второй. Не помня себя, въ стыдѣ и въ отчаяніи бросился погибшій и

совершенно-справедливый господинъ Голядкинъ куда глаза глядятъ, на волю судьбы, куда бы ни вынесло, но съ каждымъ шагомъ его, съ каждымъ ударомъ ноги въ гранитъ троттуара, выскакивало какъ-будто изъ-подъ земли, по такому же точно, совершенно-подобному и отвратительному развращенностію сердца господину Голядкину. И всѣ эти совершенно-подобные пускались тотчасъ же по появленіи своемъ бѣжать одинъ за другимъ, и длинною цѣпью, какъ вереница гусей, тянулись и ковыляли за господиномъ Голядкинымъ-старшимъ, такъ-что некуда было убѣжать отъ совершенно-подобныхъ, такъ-что духъ захватывало всячески-достойному сожалѣнія господину Голядкину отъ ужаса, — такъ-что народилась наконецъ страшная бездна совершенно-подобныхъ, — такъ-что вся столица запрудилась наконецъ совершенно-подобными, и полицейской служитель, видя таковое нарушеніе приличія, принужденъ былъ взять ихъ всѣхъ совершенно-подобныхъ за шиворотъ и посадить въ случившуюся у него подъ бокомъ будку... Цѣпенѣя и леденѣя отъ ужаса, просыпался герой нашъ, и цѣпенѣя и леденѣя отъ ужаса, чувствовалъ, что и на-яву-то едва-ли веселѣе проводится время... Тяжело, мучительно было!.. Тоска подходила такая, какъ-будто кто сердце выѣдалъ изъ груди...

Наконецъ, господинъ Голядкинъ не могъ долѣе вытерпѣть. «Не будетъ же этого!» закричалъ онъ, съ рѣшимостью приподымаясь съ постели, и въ-слѣдъ за этимъ восклицаніемъ совершенно очнулся.

День, по-видимому, уже давно начался. Въ комнатѣ было какъ-то не по обыкновенному свѣтло; солнечные лучи густо процѣживались сквозь заиндѣвѣвшія отъ мороза стекла и обильно разсыпались по комнатѣ, что̀ не мало удивило господина Голядкина; ибо развѣ только въ полдень заглядывало къ нему солнце своимъ чередомъ; прежде же такихъ исключеній въ теченіи небеснаго свѣтила, сколько, по-крайней-мѣрѣ, господинъ Голядкинъ самъ могъ припомнить, почти никогда не бывало. Только-что успѣлъ подивиться на это герой нашъ, какъ зажужжали за перегородкой стѣнные часы, и такимъ-образомъ совершенно приготовились бить. «А, вотъ!» подумалъ господинъ Голядкинъ, и съ тоскливымъ ожиданіемъ приготовился слушать... Но, къ совершенному и окончательному пораженію господина Голядкина, часы его понатужились и ударили всего одинъ разъ. «Это что за исторія?» вскричалъ нашъ герой, выскакивая совсѣмъ изъ постели. Такъ какъ былъ, не вѣря

ушамъ своимъ, бросился онъ за перегородку. На часахъ былъ дѣйствительно часъ. Господинъ Голядкинъ взглянулъ на кровать Петрушки; но въ комнатѣ даже не пахло Петрушкой: постель его, по-видимому, давно уже была прибрана и оставлена; сапоговъ его тоже нигдѣ не видать было, — несомнѣнный признакъ, что Петрушки дѣйствительно не было дома. Господинъ Голядкинъ бросился къ дверямъ: двери заперты. Не отлагая въ долгій ящикъ дѣла, господинъ Голядкинъ вбѣжалъ опять въ свою комнату, бросился на постель, завернулся въ одѣяло и крѣпко зажмурилъ глаза...

Съ минутку времени пролежалъ нашъ герой недвижимо; потомъ осторожно, боязливо, тихо открылъ оба глаза: — нѣтъ! перемѣны нѣтъ никакой; все было то же, по-прежнему. «Стало-быть, даже и не сонъ!» вскрикнулъ господинъ Голядкинъ: «стало-быть, это я дѣйствительно, въ сущности, и наяву проспалъ за полдень! Да гдѣ же Петрушка?» продолжалъ онъ шепотомъ, весь въ страшномъ волненіи и чувствуя довольно-значительную дрожь во всѣхъ членахъ... Вдругъ одна мысль пронеслась въ головѣ его... Господинъ Голядкинъ бросился къ столу своему, оглядѣлъ его, обшарилъ кругомъ, — такъ и есть: вчерашняго письма его къ Вахрамѣеву не было... Петрушки за перегородкой тоже теперь совсѣмъ не было; на стѣнныхъ часахъ былъ часъ, а во вчерашнемъ письмѣ Вахрамѣева были введены какіе-то новые пункты, весьма, впрочемъ, съ перваго взгляда неясные пункты, но теперь совершенно-объяснившіеся пункты, лично и фамильно до господина Голядкина относящіе ся... Наконецъ, и Петрушка, хотя и въ пьяномъ видѣ (и слѣдственно былъ въ своемъ правѣ, и потому съ него и спрашивать не́чего) объявилъ же вчера, что другіе вдвойнѣ не живутъ, а живутъ по честности... Стало-быть, это все было такъ! Намекъ былъ ясный, козни враговъ обнаружены, и игра почти открывалась; игра-то шла, стало-быть, теперь на открытую... Ясное дѣло, что подкапывались теперь подъ самое сердце его благоденствія; ясное дѣло, что подкупали, шныряли, колдовали, гадали, шпіонничали, что, наконецъ, хотѣли окончательной гибели господина Голядкина; можетъ-быть, уже назначили день... можетъ-быть, уже назначили часъ... Стало-быть, Петрушка подкупленъ и тоже теперь на ихъ сторонѣ переметчикомъ; стало-быть, вотъ какъ! Стало-быть, вотъ такую-то турнюру начали теперь дѣла принимать!.. Иначе чѣмъ же объяснить исчезновеніе Петрушки, вчерашнее поведеніе Петрушки, письмо Вахра-

мѣева съ обвинительными пунктами, сухость и жесткость отношеній съ начальствомъ, наконецъ, исчезновеніе письма, и то, что господинъ Голядкинъ проспалъ за полдень, — чѣмъ же все это объяснить, какъ не присутствіемъ, какъ не злонамѣреннымъ участіемъ во всѣхъ неудачахъ его новаго неблагопристойнаго лица, какъ не скрытными и подпольными кознями этого лица, для нанесенія всяческаго безбожнаго ущерба господину Голядкину... И господинъ Голядкинъ зналъ, какое это было лицо, зналъ, какая новая особа подмѣшалась, — и зналъ, почему подмѣшалась. Потому, что у Измайловскаго-Моста дѣло началось, потому и подмѣшалась: «И этого довольно для дальнѣйшаго уразумѣнія», подумалъ господинъ Голядкинъ. «Да и дѣло-то ясное было! Да и ка́къ, впрочемъ, такая простая мысль еще вчера миновала меня! ка́къ это я съ разу давно обо всемъ не смекнулъ! Отъ-того все и сдѣлалось; и хотя это и сплетня, хотя все это не болѣе, какъ выдумка бабья, старушья, выдумка извѣстныхъ старухъ, стакнувшихся съ извѣстными лицами, чтобъ людей обморочить, чтобъ окончательно дорѣзать въ нравственномъ отношеніи человѣка, — но все это было именно такъ! Такъ это тамъ-то главный узелъ завязывался!» вскричалъ господинъ Голядкинъ, ударивъ себя по лбу, и все болѣе-и-болѣе открывая глаза: «такъ это въ гнѣздѣ этой скаредной Нѣмки кроется теперь вся главная нечистая сила! Такъ это, стало-быть, она только стратегическую диверсію дѣлала, указывая мнѣ на Измайловскій-Мостъ, — глаза отводила, мой покой отравляла, смущала меня (негодная вѣдьма!), и вотъ такимъ-то образомъ подкопы вела!!! Да́, это такъ! это такъ! Если только съ этой стороны на дѣло взглянуть, то все это и будетъ вотъ именно такъ! Непремѣнно должно быть такъ! И появленіе мерзавца тоже теперь объясняется, вполнѣ объясняется; это все одно къ одному. Они его давно ужь держали, приготовляли и на черный день припасали. Онъ у нихъ закваска всей этой неблагопристойной интриги, и ими же сдѣланъ, для содѣйствія ихъ главнымъ и самымъ неблагонамѣреннымъ цѣлямъ. Вѣдь вотъ оно ка́къ теперь, ка́къ сказалось-то все! ка̀къ разрѣшилось-то все! Такъ вотъ чего прихватило дѣльцо-то наше теперь! Стало-быть, маска упадаетъ теперь, стало-быть, открывается все! Стало-быть безстыдство, развратъ и распутство не стыдятся теперь своей наготы, и рѣшаются среди бѣла дня идти открыто и съ поднятой головой... Но на этомъ-то они и опѣшатся; вотъ на этомъ-то они и колѣнку сшибутъ!» вскри-

чалъ нашъ герой, припомнивъ себѣ при семъ затруднительномъ случаѣ, что невинность сильна уже одною своею невинностью... «И дивно, ка́къ это я вчера оплошалъ и ничего не замѣтилъ! А ну, ничего! Еще не потеряно время; еще, слава Богу, его не много ушло, и время еще совсѣмъ почти не потеряно!..» Тутъ господинъ Голядкинъ съ ужасомъ вспомнилъ, что уже часъ по полудни. «Что, если они теперь и успѣли!..» Стонъ вырвался у него изъ груди... «Да нѣтъ же, врутъ, не успѣли, — посмотримъ... а вотъ мы теперь возьмемъ да и посмотримъ, дескать того на чистую ногу... да и посмотримъ...» бормоталъ господинъ Голядкинъ, не слишкомъ-то себя понимая, растерявшись, блѣднѣя и трепеща отъ тоски и волненія. Наконецъ, нашъ герой, схватясь за платье, сталъ какъ-можно-скорѣй одѣваться...

Кое-какъ онъ одѣлся; не теряя времени, отперъ другимъ ключомъ квартиру, сбѣжалъ съ лѣстницы и уже не останавливаясь разспросить дворника о своемъ человѣкѣ, зная, что все это лишнее, что все это въ стачкѣ, и одинъ на другомъ выѣзжаетъ, выбѣжалъ за ворота и побѣжалъ въ департаментъ. Впрочемъ, на углу Итальянской и Шестилавочной-Улицъ, герой нашъ успѣлъ еще во̀-время, благоразумно одуматься, перемѣнить рѣшеніе свое, и положилъ на время воротиться домой. «Оно и нужды нѣтъ», думалъ онъ: «что пріопоздаю маленько. Не досказаннаго же слова вѣдь такъ нельзя оставлять. Въ должность-то, я во-первыхъ, успѣю рано ли, поздно ли, — развязка все та же. Все это кругомъ этого ходитъ. Я же могу и того... та́къ и сдѣлаю... Къ его-то превосходительству я могу и позавечеркомъ побывать; дескать-того, такъ и такъ, дескать... экстра, — ввѣряюсь, — и при семъ представляю того... Оно вотъ и будетъ все такъ! Что̀ же касается до главнаго дѣла, то къ худшему, кажется, его ужь испортить нельзя; ужь и такъ все исправно, все благополучнѣйшимъ образомъ обстоитъ. Во всякомъ же случаѣ тому необходимо еще написать, и поскорѣй написать, предувѣдомить, дурака припугнуть — именно припугнуть, непремѣнно припугнуть; дескать такъ и такъ, сударь мой, а васъ того... припугнуть! Я вамъ, милостивый мой государь, глаза открываю, а впрочемъ, желаю всѣмъ сердцемъ остаться съ вами въ дружескихъ и т. д., — это непремѣнно нужно. А тому объявить рѣшительно, прямо, что игра его очень-запутана, дескать, крайне запутана, я васъ увѣряю... Что такъ или этакъ на дѣло смотрѣть, милостивый вы мой государь и мерзавецъ, а распутать вашу игру мы предоставимъ повыше кому-нибудь,

почище насъ съ вами кому-нибудь, — дескать перенесемъ въ другую инстанцію, — махнемъ, дескать, и повыше куда-нибудь; дескать, сударь вы мой, и у насъ губа не дура; дескать, сударь вы мой, всякой человѣкъ собственный свой носъ бережетъ, лелѣетъ и охраняетъ его, а мы, сударь, свой сморкаемъ не лѣвой ногой, и т. д. Вотъ ка́къ мы сдѣлаемъ; вотъ оно ка̀къ; т. е. на смѣлую ногу, заговоримъ языкомъ прямымъ, благороднымъ, съ стальною, какъ говорится въ хорошемъ слогѣ, рѣшимостью и съ желѣзною твердостью, чего, какъ всему свѣту извѣстно, боится всякой подлецъ, и т. д. Или оно, можетъ-быть, и такъ можно сдѣлать... т. е. того... т. е. дѣлу дать другой оборотъ, т. е. этакъ энтаго, и — под-ли-сить... т. е. нѣтъ, зачѣмъ подлисать... это подло, подлисить! а такъ, тоже можно языкомъ прямымъ, благороднымъ и совершенно на смѣлую ногу, т. е. того... такъ и такъ дескать, — дескать, если есть какая вина на мнѣ, то я готовъ на соглашеніе-то, пожалуй, готовъ, виноватъ, дескать... а впрочемъ, и того... — ну, тамъ благороднымъ-образомъ, разумѣется...»

Тутъ господинъ Голядкинъ остановился и замѣтилъ, что онъ бросаетъ свой извѣстный, страшный, вызывающій взглядъ на гравированный портретъ шута Балакирева, висѣвшій въ его комнатѣ надъ постелью. Балакиревъ же только зубы скалилъ, посматривая на господина Голядкина. Въ смущеньи оглядѣлся кругомъ нашъ герой и тутъ только увидѣлъ, что уже давнымъ-давно воротился въ свою комнату, чего было сначала совсѣмъ не замѣтилъ, углубясь въ свои разсужденія... Плюнувъ съ досады, господинъ Голядкинъ сбросилъ съ себя шинель и все прочее, ненужное въ комнатѣ, сѣлъ за столъ, схватилъ перо и много немедля, настрочилъ два нижеслѣдующія посланія, — одно Вахрамѣеву, а другое неблагородному господину Голядкину-младшему. Письмо къ Вахрамѣеву было слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь мой
Несторъ Игнатьевичъ!

Сохранивъ въ неприкосновенности и цѣлости благородство души, неразвращенное сердце и спокойную совѣсть (истинное богатство и счастіе всякаго смертнаго!), принужденъ я, милостивый государь мой, вторично и не ожидая вашего отвѣта на вчерашнее письмо мое, объясниться съ вами и окончательно сказать теперь мое послѣднее слово. Стыжусь вчерашняго пись-

ма моего; ибо въ невинности моей и моемъ простосердечіи — качествахъ, заключающихъ въ себѣ настоящіе признаки истинно-благороднаго основанія, получаемаго преимущественно воспитаніемъ (чѣмъ такъ ложно и нагло гордятся нѣкоторые фальшивые и во всякомъ случаѣ безполезные люди), — въ невинности моей и простосердечіи моемъ, повторяю, говорилъ я съ вами, милостивый мой государь, въ послѣднемъ письмѣ моемъ, языкомъ не ухищреній и не подпольныхъ скрытныхъ козней, но открытымъ, благороднымъ, внушеннымъ мнѣ истиннымъ убѣжденіемъ въ чистотѣ моей совѣсти и въ презрѣніи, питаемомъ мною къ отвратительному и во всѣхъ отношеніяхъ сожалѣнія достойному лицемѣрству. Перемѣняю языкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдительнѣйше прошу васъ, милостивый мой государь, считать вчерашнее, воровски-пріобрѣтенное Петрушкою письмо мое къ вамъ, какъ-бы неполученнымъ вами, какъ-бы несуществовавшимъ вовсе, или, если невозможно все это, то по-крайней-мѣрѣ умоляю васъ, милостивый мой государь, читать его совершенно-наоборотъ, въ обратномъ смыслѣ, т. е. нарочито толкуя смыслъ рѣчей моихъ въ совершенно имъ обратную сторону. Ибо я не только не желаю теперь свиданія съ извѣстною вамъ особою женскаго пола, но вполнѣ отвергаю ради собственной личной и интереса моего безопасности, даже какія-либо отдаленнѣйшія и невиннѣйшія съ нею сношенія. Отвергалъ же сію особу и чуждался ея и тогда, когда безъ всякаго съ моей стороны повода къ нарушенію приличій жилъ я, въ сообществѣ вашемъ и другихъ, сердцу моему на-вѣки милыхъ людей, въ квартирѣ этой особы, пользуясь ея столомъ и прислугою. Также точно намѣренъ я чуждаться ея и теперь, когда извѣстился изъ писанного вами отъ ** сего мѣсяца письма, о незаконномъ и во всякомъ случаѣ безчестномъ для особы благонадежнаго воспитанія пріобрѣтеніи фунта сахара, въ видѣ кусковъ, чрезъ вора Петрушку, чему даже радъ; ибо имѣю теперь въ рукахъ письменный и подлинный документъ о фальшивыхъ ея добродѣтеляхъ. Наконецъ, и надѣюсь, что вы въ прямотѣ вашего истинно-откровеннаго характера вполнѣ согласитесь, что подкупъ Петрушки, переманка его къ себѣ въ услуженіе и подсовываніе съ вашей, милостивый мой государь, стороны Евстафія, какъ способнаго по вашимъ хитрымъ словамъ къ услуженію холостому и благонравнаго поведенія молодому человѣку, — а между-тѣмъ, негодяя, какого даже и свѣтъ не производилъ до-сихъ-поръ, — говорятъ въ мою пользу даже

болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Вѣрьте, милостивый мой государь (если еще не удалось вамъ доселѣ увѣриться), что на все въ свѣтѣ существуетъ расправа, и что надъ нашимъ братомъ существуетъ также начальство. Лживыхъ же писемъ моихъ къ сей особѣ, какъ несправедливо увѣряете вы, милостивый государь, въ вашемъ письмѣ, не существовало никогда, и, слѣдовательно, документовъ противъ меня никакихъ не имѣется. Извѣстному же, постыдному своимъ направленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастному лицу, играющему теперь жалкую, и кромѣ того, опасную роль подставнаго и самозванца, скажите, что, во-первыхъ, 1) самозванство, и паче всего безстыдство и наглость никогда и никого не приводили къ чему-нибудь хорошему и нравственному; 2) что Отрепьевы въ нашемъ вѣкѣ невозможны; 3) что четверостишіе, будто имъ-самимъ сочиненное и написанное имъ въ бытность у меня съ крокодиловыми и, слѣдовательно, обманчивыми слезами умиленія, я берегу у себя, какъ свидѣтельство передъ цѣлымъ свѣтомъ противъ возмущающаго душу разврата и безстыдства, — качествъ, ведущихъ къ погибели, — и что, наконецъ, 4) близнецомъ я ни чьимъ не именовался и никогда не бывалъ; что претензія эта заслужитъ ему скорѣе осмѣяніе и позоръ со стороны всѣхъ людей, чѣмъ какое-либо исполненіе его гнусныхъ желаній, и что шутить, наконецъ, я съ собой не позволю. Скажите имъ всѣмъ, милостивый мой государь, что я не изъ тѣхъ людей, которые боятся суда или очной ставки, чувствуя, что и сами-то прихватили на душу немного грѣшка, и посему зайцемъ впередъ забѣгаютъ; что я не изъ тѣхъ людей, которые всячески готовы протянуть свой носъ подъ щелчокъ, да потомъ еще и благодарятъ за него; что я, наконецъ, не изъ тѣхъ людей, которые, если сошьютъ, наприм[ѣръ] себѣ у портнаго панталоны по модѣ, съ хорошими штрибками, то по глупости своей и подобно дуракамъ, чувствуютъ себя на весь день уже совершенно-счастливыми. Въ заключеніе скажу, что деньги, слѣдуемыя вамъ, милостивый государь мой, за продажу мнѣ бритвъ, почту священнѣйшимъ для меня долгомъ возвратить всѣ сполна, и съ нижайшею при семъ благодарностью.

Впрочемъ, пребываю къ вамъ въ уваженіи
и остаюсь вашимъ,
Милостиваго государя моего,
покорнѣйшимъ слугою
Я. Голядкинъ.»

Письмо къ господину Голядкину-младшему было слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь мой
Яковъ Петровичъ!

Либо вы, либо я, а вмѣстѣ намъ невозможно! И потому объявляю вамъ, что странное, смѣшное, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ-невозможное желаніе ваше — казаться моимъ близнецомъ и выдавать себя за таковаго, послужитъ ни къ чему иному, какъ къ совершенному вашему безчестію и пораженію. Я не знаю, или лучше сказать, не помню хорошенько, изъ какихъ вы земель, но христіански предупреждаю васъ, что самозванствомъ здѣсь, у насъ, и въ нашъ вѣкъ не возьмешь, и что мы живемъ не въ лѣсу. И потому прошу васъ, ради собственной же выгоды вашей, сбросить маску свою, посторониться и дать путь людямъ истинно-благороднымъ и съ цѣлями благонамѣренными. Въ противномъ же случаѣ, готовъ буду рѣшиться даже на самыя крайнія мѣры; тогда маска сама-собою спадетъ и кое-что само-собой обнажится; изъ сожалѣнія же къ вамъ, васъ увѣдомляю объ этомъ. Во всякомъ же случаѣ предупреждаю васъ теперь въ послѣдній разъ. Потомъ будетъ поздно. Кладу перо и ожидаю... Впрочемъ, пребываю во всякомъ случаѣ готовымъ на услуги

Я. Голядкинъ.»

Энергически потеръ себѣ руки герой нашъ, когда кончилъ свои оба письма. Господинъ Голядкинъ былъ замѣтно въ сильномъ волненіи, какъ-будто-бы уже и совсѣмъ разгромилъ всѣхъ враговъ своихъ, и окончательно разрушилъ всѣ ихъ отвратительныя и низкія козни. Особенно же разгорячился онъ, дописывая свои послѣднія строки. Дѣло въ томъ, что самъ онъ сильно почувствовалъ наконецъ, что находится въ правѣ своемъ. Съ любовью и съ надеждой взглянулъ онъ еще разъ на горячія, уже остывавшія впрочемъ строки, потомъ свернулъ оба письма и запечаталъ въ два разные конверта. «А теперь и за работу» немедля сказалъ господинъ Голядкинъ, вставая съ своего дивана: «теперь я имъ въ контру, и какъ-можно-скорѣе. Предупредить же ихъ можно, очень-возможно; если бы только не поздно. Эхъ, эхъ, да уже третій въ началѣ!»

Дѣйствительно, уже четверть третьяго показывали часы господина Голядкина, когда пришлось ему окончить свою переписку. Не смотря на то, что оба письма были весьма-небольшія, слогъ ихъ достался нашему герою весьма-нелегко. Особенно, нужно было сильно работать въ началѣ, на первыхъ страницахъ. Молча взялъ господинъ Голядкинъ свою шляпу и довольно-медленно сталъ натягивать шинель на плеча. Дѣло-то было дѣйствительно странное. Штука-то, впрочемъ, выходила опять весьма-нехорошая! Оно, конечно, впрочемъ, если такъ судить, съ одной стороны, на дѣло смотрѣть, то и ничего пожалуй, — ну, да; а если этакъ взяться съ другой стороны, оно и не такъ выходило, такъ глядѣло-то оно совершенно другимъ. Дѣло было въ томъ, что и теперь, написавъ свои два письма, полюбовавшись ими и наконецъ совсѣмъ запечатавъ, герой нашъ все еще былъ въ какомъ-то раздумьи. «Впрочемъ, зачѣмъ я ихъ написалъ эти письма-то?» говорилъ онъ самъ про-себя, взявъ свою шляпу и вторично выходя изъ квартиры: «зачѣмъ же это, по настоящему-то, я ихъ написалъ? Оно, конечно, и того... да не рано ли? Не лучше ли выждать? — такъ... этакъ благоразумно умолчать до времени; показать видъ, что не хочу вызывать, что самъ на непріятность не хочу выходить, покамѣстъ мимо ушей пропускаю, — вотъ оно какъ! А то вѣдь это будетъ рѣшительный шагъ — шагъ смѣлый, — шагъ даже ужь и слишкомъ-рѣшительный, если этакъ все начать говорить, — шагъ, который за собою можетъ повлечь — повлечь, что нибудь весьма-непріятное... Гм... эхъ плохо, плохо! Эхъ дѣльцо-то наше какъ теперь плоховато... гм! Весьма, впрочемъ, плохо и то, что я такъ опоздалъ непростительно; — какъ мнѣ теперь? Заходить туда какъ-то жутко; къ-тому же, почти и смеркается... Эхъ, плохо, плохо!.. Впрочемъ, любопытно бы знать, ка́къ тамъ того, и на какой онъ ногѣ теперь...»

«Дескать, на какой-то вы тамъ ногѣ, милостивый мой государь?» бормоталъ господинъ Голядкинъ пріѣхавъ и слѣзая съ извощика. «Дескать на что вы рѣшились, и что-то вы теперь подѣлываете, желательно знать?...» продолжалъ онъ бормотать, расплачиваясь съ извощикомъ и отчасти не помня себя отъ волненія. «Да ну! ничего, впрочемъ» сказалъ онъ наконецъ въ заключеніе: «а вотъ однакожь, я все про то...»

«Плохо, и дѣйствительно плохо, что я эти два письма написалъ; и такимъ слогомъ, наконецъ, написалъ; гораздо бы лучше

было, еслибы написать ихъ болѣе въ дружескомъ, въ пріятельскомъ тонѣ... Вахрамѣеву, напримѣръ, тамъ, между-прочимъ... дескать, такъ и такъ, милый другъ, помню пріятныя минуты, проведенныя вмѣстѣ съ тобою, и особенно тотъ незабытый вечеръ и т. д., и тутъ между-прочимъ такъ, попенять ему только... дескать, посылаю тебѣ, милый другъ, два цѣлковыхъ за бритвы; спасибо, что напомнилъ, а между-прочимъ позволь тебѣ сказать по-дружески, милый другъ, что я такъ и такъ, прочелъ письмо твое (тутъ отчасти можно и шуточкой) и вижу, что ты, волокита и коварный измѣнникъ (такой ты сякой), стоишь рыцаремъ за германскую красотку съ бѣльмомъ на глазу, т. е. за извѣстную намъ особу женскаго пола... Впрочемъ, о бѣльмѣ-то и умолчать не мѣшаетъ. Дуракъ дѣйствительно имѣетъ виды на ту сторону... да ну, ничего, это лишнее, а вотъ: — и такъ, милый другъ, объяснивъ тебѣ то-то и то-то, заключаю письмо и пребываю твоимъ вѣрнѣйшимъ Голядкинымъ, и т. д.— вотъ оно какъ! Впрочемъ, такъ или этакъ, а оно все-таки и того... Эхъ плохо, плохо! Остеречься бы нужно, выждать-было бы нужно, до времени, когда бы еще болѣе обнаружилось дѣло... Э, да ну, ничего! Поживешь — попривыкнешь; а вотъ мы теперь и того, и изслѣдуемъ дѣло; это дѣйствительно по нашей части изслѣдовать дѣло; оно и всегда, наконецъ, было по нашей части изслѣдовать дѣло какое-нибудь... Такъ-таки взять да проникнуть...» говорилъ господинъ Голядкинъ, остановившись въ раздумьи у департаментской лѣстницы. «Дѣло-то въ томъ, что дѣйствительно войдти или нѣтъ? Оно, конечно, съ одной стороны, пожалуй и того, но съ другой стороны оно, пожалуй, и опять тоже самое. Эхъ плохо, плохо! эхъ дѣльцо-то наше какъ теперь плоховато!..» Наконецъ, господинъ Голядкинъ рѣшился немножко. Впрочемъ, рѣшившись немножко, господинъ Голядкинъ тутъ же открылъ, что не лучше ли послѣ, что не лучше ли этакъ, какимъ-нибудь тамъ и того, дескать, послѣ; а теперь на смѣлую ногу, да и другимъ путемъ какъ-нибудь; а то вѣдь это значило обнаруживать слишкомъ игру и самому въ петлю лѣзть. А оно и всегда бываетъ не совсѣмъ-то хорошо обнаруживать много; если ужь все говорить, если на то пошло, чтобъ ужь все говорить, такъ оно и не всегда бываетъ хорошо свой носъ далеко выставлять и въ карты свои позволять заглядывать. Дѣло было въ томъ, что господинъ Голядкинъ дѣйствительно и весьма-вѣрно предчувствовалъ, что наступаетъ минута рѣши-

тельная, что дѣло развязывается, что интрига, коварство и измѣна работаютъ, и что, наконецъ, враги совершенно предупредили его, взяли верхъ, и что, наконецъ, развязка теперь на носу. «Конечно» думалъ герой нашъ: «конечно, это все можно преждевременно разузнать подъ рукою, обо всемъ этомъ можно разузнать предварительно, можно узнать, напримѣръ, и въ передней, каковъ онъ дѣйствительно тамъ-то, и на какой онъ ногѣ; а носу своего далеко не выставлять; дескать, носъ-то свой нужно теперь поберечь; потому-что оно ко вреду человѣка бываетъ далеко свой носъ выставлять, — дескать, вотъ оно какъ, и т. д.»

Вотъ такимъ-то образомъ опадалъ и терялся герой нашъ, недоумѣвая, что̀ сдѣлать и ка̀къ ему поступать въ своемъ затруднительномъ обстоятельствѣ. Вдругъ, одно повидимому весьма-маловажное обстоятельство разрѣшило нѣкоторыя сомнѣнія господина Голядкина, и хотя только отчасти помогло ему, но по-крайней-мѣрѣ поставило на битую дорогу, на истинный путь. Изъ-за угла департаментскаго зданія вдругъ показалась запыхавшаяся и раскраснѣвшаяся, вѣроятно отъ скорой ходьбы, фигурка, и украдкой, крысиной походкой, шмыгнула на крыльцо, и потомъ тотчасъ же въ сѣни. Это былъ писарь Остафьевъ, человѣкъ весьма-знакомый господину Голядкину, человѣкъ отчасти нужный и за гривенникъ готовый на все. Зная нѣжную струнку Остафьева, и смекнувъ, что онъ послѣ отлучки за самонужнѣйшей надобностью, вѣроятно сталъ еще болѣе прежняго падокъ на гривенники, герой нашъ рѣшился ихъ не жалѣть, и тотчасъ же шмыгнулъ на крыльцо, а потомъ и въ сѣни въ-слѣдъ за Остафьевымъ, кликнулъ его, и съ таинственнымъ видомъ пригласилъ въ сторонку, въ укромный уголокъ, за огромную желѣзную печку. Заведя его туда, герой нашъ началъ разспрашивать.

— Ну, что, мой другъ, какъ этакъ тамъ, того... ты меня понимаешь?...

— Слушаю, ваше благородіе, здравія желаю вашему благородію.

— Хорошо, мой другъ, хорошо; а я тебя послѣ поблагодарю, милый другъ. Ну, вотъ видишь, какъ же, мой другъ?

— Что́ изволите спрашивать-съ? Тутъ Остафьевъ попридержалъ немного рукою свой нечаянно-раскрывшійся ротъ.

— Я, вотъ видишь ли, мой другъ, я того... а ты не думай чего-нибудь... Ну что, Андрей Филипповичъ здѣсь?...

— Здѣсь-съ.

— И чиновники здѣсь?

— И чиновники тоже-съ, какъ слѣдуетъ-съ.

— И его превосходительство тоже?

— И его превосходительство тоже-съ. Тутъ писарь еще другой разъ попридержалъ свой опять раскрывшійся ротъ и какъ-то любопытно и странно посмотрѣлъ на господина Голядкина. Герою нашему, по-крайней-мѣрѣ, такъ показалось.

— И ничего особеннаго такого нѣту, мой другъ?

— Нѣтъ-съ; никакъ нѣтъ-съ.

— Этакъ обо мнѣ, милый другъ, нѣтъ ли чего-нибудь тамъ, этакъ чего-нибудь только... а? только такъ, мой другъ, понимаешь?

— Нѣтъ-съ, еще ничего не слышно покамѣстъ. Тутъ писарь опять попридержалъ свой ротъ и опять какъ-то странно взглянулъ на господина Голядкина. Дѣло въ томъ, что герой нашъ старался теперь проникнуть въ физіономію Остафьева, прочесть на ней кое-что, не таится ли чего-нибудь. И дѣйствительно, какъ-будто что-то такое таилось; дѣло въ томъ, что Остафьевъ становился все какъ-то грубѣе и суше, и не съ такимъ уже участіемъ, какъ съ начала разговора, входилъ теперь въ интересы господина Голядкина. «Онъ отчасти въ своемъ правѣ» подумалъ господинъ Голядкинъ: «вѣдь что жь я ему? Онъ, можетъ-быть, уже и получилъ съ другой стороны, а потому и отлучился по самонужнѣйшей-то. А вотъ я ему и того...» Господинъ Голядкинъ понялъ, что время гривенниковъ наступило.

— Вотъ тебѣ, милый другъ...

— Чувствительно благодаренъ вашему благородію.

— Еще болѣе дамъ.

— Слушаю, ваше благородіе.

— Теперь, сейчасъ еще болѣе дамъ, и когда дѣло кончится, еще столько же дамъ. Понимаешь?

Писарь молчалъ, стоялъ въ струнку и неподвижно смотрѣлъ на господина Голядкина.

— Ну, теперь говори: про меня ничего не слышно?

— Кажется, что еще, покамѣстъ... того-съ... ничего нѣтъ покамѣстъ-съ. Остафьевъ отвѣчалъ съ разстановкой, тоже, какъ и господинъ Голядкинъ, наблюдая немного таинственный видъ, подергивая немного бровями, смотря въ землю, стараясь попасть въ надлежащій тонъ, и, однимъ словомъ, всѣми силами

стараясь наработать обѣщанное, потому-что данное онъ уже считалъ за собою и окончательно-пріобрѣтеннымъ.

— И неизвѣстно ничего?

— Покамѣстъ еще нѣтъ-съ.

— А послушай... того... оно, можетъ-быть, будетъ извѣстно?

— Потомъ, разумѣется, можетъ-быть, будетъ извѣстно-съ.

— Плохо! подумалъ герой нашъ. Послушай; вотъ тебѣ еще, милый мой.

— Чувствительно благодаренъ вашему благородію.

— Вахрамѣевъ былъ вчера здѣсь?..

— Были-съ.

— А другаго кого-нибудь не было ли?... Припомни-ка, братецъ?

Писарь порылся съ минутку въ своихъ воспоминаніяхъ и надлежащаго ничего не припомнилъ.

— Нѣтъ-съ, никого другаго не было-съ.

— Гм. — Послѣдовало молчаніе.

— Послушай, братецъ, вотъ тебѣ еще; говори все, всю подноготную.

— Слушаю-съ. Остафьевъ стоялъ теперь точно шелковый: того и надобно было господину Голядкину.

— Объясни мнѣ, братецъ, теперь, на какой онъ ногѣ?

— Ничего-съ, хорошо-съ, отвѣчалъ писарь, во всѣ глаза смотря на господина Голядкина.

— Т. е. какъ хорошо?

— Т. е. такъ-съ. Тутъ Остафьевъ значительно подернулъ бровями. Впрочемъ, онъ рѣшительно становился въ тупикъ и не зналъ, что́ ему еще говорить. «Плохо!» подумалъ господинъ Голядкинъ.

— Нѣтъ ли у нихъ дальнѣйшаго чего-нибудь съ Вахрамѣевымъ-то?

— Да и все какъ и прежде-съ.

— Подумай-ка.

— Есть, говорятъ-съ.

— А ну, что́ же такое?

Остафьевъ попридержалъ рукою свой ротъ.

— Письма́ оттудова нѣтъ ли ко мнѣ?

— А сегодня сторожъ Михѣевъ ходилъ къ Вахрамѣеву на квартиру, туда-съ, къ Нѣмкѣ ихней-съ, такъ вотъ я пойду и спрошу, если надобно.

— Сдѣлай одолженіе, братецъ, ради Создателя!.. Я только такъ... Ты, братъ, не думай чего-нибудь, а я только такъ. Да разспроси, братецъ, разузнай, не приготовляется ли что-нибудь тамъ на мой счетъ. Онъ-то какъ дѣйствуетъ? вотъ мнѣ что нужно; вотъ это ты и узнай, милый другъ, а я тебя потомъ и поблагодарю, милый другъ...

— Слушаю-съ, ваше благородіе, а на вашемъ мѣстѣ Иванъ Семенычъ сѣли сегодня-съ.

— Иванъ Семенычъ? А! да! не-уже-ли?

— Андрей Филипповичъ указали имъ сѣсть-съ...

— Не-уже-ли? по какому же случаю? Разузнай это, братецъ; ради Создателя разузнай это, братецъ; разузнай это все, — а я тебя поблагодарю, милый мой; вотъ что мнѣ нужно... А ты не думай чего-нибудь, братецъ...

— Слушаю-съ, слушаю-съ, тотчасъ сойду сюда-съ. Да вы, ваше благородіе, развѣ не войдете сегодня?

— Нѣтъ, мой другъ; я только такъ, я вѣдь такъ только, я посмотрѣть только пришелъ, милый другъ, а потомъ я тебя и поблагодарю, милый мой.

— Слушаю-съ. Писарь быстро и усердно побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, а господинъ Голядкинъ остался одинъ.

«Плохо!» подумалъ онъ. «Эхъ, плохо, плохо! Эхъ дѣльцо-то наше... ка́къ теперь плоховато! Что́ бы это значило все? чего это они тамъ еще прихвати́ли? что́ именно значили нѣкоторые намёки этого пьяницы, на-примѣръ, и чья это штука? А! я теперь знаю чья, это штука. Это вотъ какая штука. Они вѣрно узнали, да и посадили... Впрочемъ, что́ жь посадили? это Андрей Филипповичъ его посадилъ, Ивана-то Семеновича; да впрочемъ, за́чѣмъ же онъ его посадилъ, и съ какою именно цѣлью посадилъ? Вѣроятно, узнали... Это Вахрамѣевъ работаетъ, т. е. не Вахрамѣевъ, онъ глупъ, какъ простое осиновое бревно, Вахрамѣевъ-то; а это они всѣ за него работаютъ, да и шельмеца-то за́ тѣмъ же самымъ сюда натравили; а Нѣмка нажаловалась одноглазая! Я всегда подозрѣвалъ, что вся эта интрига не спроста, и что во всей этой бабьей, старушьей сплетнѣ непремѣнно есть что-нибудь; то же самое я и Крестьяну Ивановичу говорилъ, что дескать поклялись зарѣзать, въ нравственномъ смыслѣ говоря, человѣка, да и ухватились за Каролину Ивановну. Нѣтъ, тутъ мастера́ работаютъ видно! тутъ, сударь мой, работаетъ мастерская рука, а не Вахрамѣевъ

какой–нибудь. Уже сказано, что глупъ Вахрамѣевъ, а это... я знаю теперь, кто здѣсь за нихъ всѣхъ работаетъ: это шельмецъ работаетъ, самозванецъ работаетъ! На этомъ одномъ онъ и лѣпится, что̀ доказываетъ отчасти и успѣхи его въ высшемъ обществѣ. А дѣйствительно, желательно бы знать было, на какой онъ ногѣ теперь... что́–то онъ тамъ у нихъ? — Только зачѣмъ же они тамъ взяли Ивана–то Семеновича? на какой имъ чортъ было нужно Ивана Семеновича? точно нельзя ужь было достать другаго кого. Впрочемъ, кого ни посади, все было бы то же самое; а что́ я только знаю, такъ это то, что онъ, Иванъ–то Семеновичъ, былъ мнѣ давно подозрителенъ, я про него давно замѣчалъ: старикашка такой, скверный, гадкій такой, — говорятъ, на проценты даетъ и жидовскіе проценты беретъ. А вѣдь это все медвѣдь мастеритъ. Во все–то обстоятельство медвѣдь замѣшался. Началось–то оно такимъ образомъ. У Измайловскаго–Моста оно началось; вотъ оно какъ началось...» Тутъ господинъ Голядкинъ сморщился, словно лимонъ разгрызъ, вѣроятно припомнивъ что–нибудь весьма–непріятное. «Ну, да ничего, впрочемъ!» подумалъ онъ. «А вотъ только, я все про свое. Что же это Остафьевъ не йдетъ? Вѣроятно, засѣлъ или былъ остановленъ тамъ какъ–нибудь. Это вѣдь и хорошо отчасти, что я такъ интригую и съ своей стороны подкопы веду. Остафьеву только гривенникъ нужно дать, такъ онъ и того... и на моей сторонѣ. Только вотъ дѣло въ чемъ: точно ли онъ на моей сторонѣ; можетъ–быть, они его тоже съ своей стороны... и съ своей стороны согласясь съ нимъ, интригу ведутъ. Вѣдь разбойникомъ смотритъ, мошенникъ, чистымъ разбойникомъ! Таится, шельмецъ! «Нѣтъ, ничего» говоритъ «и чувствительно, дескать, вамъ, ваше благородіе, говоритъ, благодаренъ.» Разбойникъ ты этакой! Это все именно такъ; и какъ говорилъ сейчасъ, непремѣнно одинъ на другомъ выѣзжаетъ; а можетъ–быть и не такъ... впрочемъ, можетъ–быть, оно и совсѣмъ не такъ, а просто другимъ какимъ скрытнымъ дѣлается образомъ. Эхъ плохо, плохо! Эхъ плохо, плохо! ну, да все ничего! оно можетъ–быть и все ничего, а только бы вотъ онъ–то пришелъ, только бы ко мнѣ–то пришелъ! Что–то онъ тамъ? А то бы вышла интрига хорошая, въ пику имъ вышла бы; дескать, дѣла мои, пускай вы тамъ и такъ и этакъ и по–своему, а вотъ дескать у насъ здѣсь есть и по–нашему. Вотъ оно ка́къ, сударь мой; въ пику, дескать, вамъ интригу ведемъ, на благородную, открытую ногу интригу ведемъ...»

Послышался шумъ... господинъ Голядкинъ съёжился и прыгнулъ за печку. Кто-то сошелъ съ лѣстницы и вышелъ на улицу. «Кто бы это такъ отправлялся теперь?» подумалъ про-себя нашъ герой. Черезъ минутку послышались опять чьи-то шаги... Тутъ господинъ Голядкинъ не вытерпѣлъ и высунулъ изъ-за своего бруствера маленькій-маленькій кончикъ носу — высунулъ и тотчасъ же осѣкся назадъ, словно кто ему булавкой носъ укололъ. На этотъ разъ проходилъ извѣстно кто, т. е. шельмецъ, интриганъ и развратникъ, — проходилъ по обыкновенію своимъ подленькимъ частымъ шажкомъ, присеменивая и выкидывая ножками такъ, какъ-будто-бы собирался кого-то лягнуть. «Подлецъ!» проговорилъ про-себя нашъ герой. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ не могъ не замѣтить, что у подлеца подъ мышкой былъ огромный зеленый портфель, принадлежавшій его превосходительству. «Онъ это опять по особому» подумалъ господинъ Голядкинъ покраснѣвъ и съёжившись еще болѣе прежняго отъ досады. Только-что господинъ Голядкинъ-младшій промелькнулъ мимо господина Голядкина-старшаго, совсѣмъ не замѣтивъ его, какъ послышались въ третій разъ чьи-то шаги, и на этотъ разъ господинъ Голядкинъ догадался, что шаги были писарскіе. Дѣйствительно, какая-то примазанная писарская фигурка заглянула къ нему за печку; фигурка, впрочемъ, была не Остафьева, а другаго писаря, Писаренки по прозванію. Это изумило господина Голядкина. «Зачѣмъ же это онъ другихъ въ секретъ замѣшалъ?» подумалъ герой нашъ: «экіе варвары! святаго у нихъ ничего не имѣется!» — Ну, что, мой другъ? проговорилъ онъ, обращаясь къ Писаренкѣ: ты, мой другъ, отъ кого?...

— Вотъ-съ, по вашему дѣльцу-съ. Ни отъ кого извѣстій покамѣстъ нѣтъ никакихъ-съ. А если будутъ, увѣдомимъ-съ.

— А Остафьевъ?...

— Да ему, ваше благородіе, никакъ нельзя-съ. Его превосходительство уже два раза проходили по отдѣленію, да и мнѣ теперь нѐкогда.

— Спасибо, милый мой, спасибо тебѣ... Только ты мнѣ скажи...

— Ей-Богу же, нѐкогда-съ... Поминутно насъ спрашиваютъ-съ... А вотъ вы извольте здѣсь еще постоять-съ, такъ если будетъ что-нибудь относительно вашего дѣльца-съ, такъ мы васъ увѣдомимъ-съ...

— Нѣтъ, ты, мой другъ, ты скажи...

— Позвольте-съ; мнѣ нѐкогда-съ, говорилъ Писаренко, порываясь отъ ухватившаго его за полу господина Голядкина: — право, нельзя-съ. Вы извольте здѣсь еще постоять-съ, такъ мы и увѣдомимъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, другъ мой! сейчасъ, милый другъ! Вотъ что теперь: вотъ два письма, мой другъ; а я тебя поблагодарю, милый мой.

— Слушаю-съ.

— Вотъ это письмо ты возьмешь, милый мой; потомъ возьмешь сторожа или разсыльнаго, кого-нибудь, и вручишь ему, чтобъ доставилъ по адресу губернскому секретарю Вахрамѣеву; а я тебя поблагодарю, милый мой...

— Понимаю-съ. Вотъ какъ уберусь, такъ снесу.

— А вотъ это другое письмо, милый мой, ты постарайся отдать, милый мой, господину Голядкину.

— Голядкину?

— Да̀, мой другъ, господину Голядкину. Тутъ, видишь ли, мой другъ, есть два господина Голядкина. Это такъ уже случилось... исторія странная, милый ты мой, — прибавилъ, усмѣхнувшись черезъ силу, для приличія, нашъ герой, съ тою цѣлью, чтобы Писаренко не подумалъ чего-нибудь, и чтобъ ясно дать ему знать, что это все ничего, и что господинъ Голядкинъ самъ ничѣмъ не смущается.

— Хорошо-съ; вотъ какъ уберусь, такъ снесу-съ. А вы здѣсь стойте покамѣстъ. Здѣсь никто не увидитъ...

— Нѣтъ, я, мой другъ, ты не думай... я вѣдь здѣсь стою не для того, чтобъ кто-нибудь не видѣлъ меня. А я, мой другъ, теперь буду не здѣсь...

— Слушаю, — слушаю...

— А я, мой другъ, буду вотъ здѣсь въ переулочкѣ. Кофейная есть здѣсь одна; такъ я тамъ буду ждать, а ты, если случится что̀, и увѣдомляй меня обо всемъ, понимаешь?

— Хорошо-съ. Пустите только; я понимаю...

— А я тебя поблагодарю, милый мой! кричалъ господинъ Голядкинъ, вслѣдъ освободившемуся наконецъ Писаренкѣ... «Шельмецъ, кажется, грубѣе сталъ послѣ», — подумалъ герой нашъ, украдкой выходя изъ-за печки. «Тутъ еще есть крючокъ. Это ясно... Сначала былъ и того и сего... Впрочемъ, онъ и дѣйствительно торопился; можетъ-быть, дѣла тамъ много. И его

превосходительство два раза ходили по отдѣленію... По какому бы это случаю было?... Ухъ! да ну, ничего! оно, впрочемъ, и ничего, можетъ–быть; а вотъ мы теперь и посмотримъ...»

Тутъ господинъ Голядкинъ отворилъ–было дверь и хотѣлъ уже выйдти на улицу, какъ вдругъ въ это самое мгновеніе у крыльца загремѣла карета его превосходительства. Не успѣлъ господинъ Голядкинъ опомниться, какъ отворились изнутри дверцы кареты, и сидѣвшій въ ней господинъ выпрыгнулъ на крыльцо. Пріѣхавшій былъ не кто иной, какъ тотъ же господинъ Голядкинъ–младшій, минутъ десять тому назадъ отлучившійся. Господинъ Голядкинъ–старшій вспомнилъ, что квартира директора была въ двухъ шагахъ. «Это онъ по особому» подумалъ нашъ герой про–себя. Между–тѣмъ, господинъ Голядкинъ–младшій, захвативъ изъ кареты толстый зеленый портфѣль и еще какія–то бумаги, приказавъ наконецъ что–то кучеру, отворилъ дверь, почти толкнувъ ею господина Голядкина–старшаго, и нарочно не замѣтивъ его, и, слѣдовательно, дѣйствуя такимъ–образомъ ему въ пику, пустился скоробѣжкой вверхъ по департаментской лѣстницѣ. «Плохо!» подумалъ господинъ Голядкинъ: «эхъ дѣльцо–то наше чего прихватило теперь! Ишь его, Господи Богъ мой!» Съ пол–минутки еще простоялъ нашъ герой неподвижно; — наконецъ онъ рѣшился. Долго не думая, чувствуя впрочемъ сильное трепетаніе сердца и дрожь во всѣхъ членахъ, побѣжалъ онъ вслѣдъ за пріятелемъ своимъ вверхъ по лѣстницѣ. «А! была не была; что̀ же мнѣ–то такое? я сторона въ этомъ дѣлѣ», думалъ онъ, снимая шляпу, шинель и калоши въ передней. «Штука, впрочемъ, еще впереди, а пусть ее, право! а я вотъ теперь и на смѣлую ногу, этакъ рѣшительно–смѣло, благороднымъ путемъ, — маску снимая, — человѣкъ же притомъ въ своемъ правѣ... того — и т. д. — да ну, ничего!»

ГЛАВА XI.

Враги г. Голядкина идутъ на открытую, при чемъ маска спадаетъ съ нѣкоторыхъ лицъ окончательно, и многое, — совершенно, впрочемъ, ненужное, — обнажается. Г–нъ Голядкинъ доказываетъ при семъ удобномъ случаѣ, что есть такія движенія души, которымъ всякое начальство должно бы было до–нельзя сочувствовать; но Антонъ Антоновичъ Сѣточкинъ, передавшись на сторону враговъ г–на Голядкина, доказываетъ совершенно–противное. О томъ, до какой степени благонамѣренно направленіе г–на Голядкина. Не смотря на это, никто не сочувствуетъ г–ну Голядкину, и онъ рѣшительно не можетъ ни съ кѣмъ объясниться.

Когда господинъ Голядкинъ вошелъ въ свое отдѣленіе, были уже полныя сумерки. Ни Андрея Филипповича, ни Антона Антоновича не было въ комнатѣ. Оба они находились въ директорскомъ кабинетѣ съ его докладами; директоръ же, какъ по слухамъ извѣстно было, въ свою очередь спѣшилъ къ его высокопревосходительству. Въ–слѣдствіе таковыхъ обстоятельствъ, да еще потому–что и сумерки сюда подмѣшались и кончалось время присутствія, нѣкоторые изъ чиновниковъ, преимущественно же молодёжь, въ ту самую минуту, когда вошелъ нашъ герой, занимались нѣкотораго рода бездѣйствіемъ, сходились, разговаривали, толковали, смѣялись, и даже кое–кто изъ самыхъ юнѣйшихъ, т. е. изъ самыхъ безчиновныхъ чиновниковъ, въ–тихомолочку и подъ общій шумокъ составили орлянку въ углу у окошка. Зная приличіе и чувствуя въ настоящее время какую–то особенную надобность пріобрѣсть и найдти, господинъ Голядкинъ немедленно подошелъ кой–къ–кому, съ кѣмъ ладилъ получше, чтобъ пожелать добраго дня, и т. д. Но какъ–то странно отвѣтили сослуживцы на привѣтствіе господина Голядкина. Непріятно былъ онъ пораженъ какою–то всеобщею холодностью, сухостью, даже, можно сказать, какою–то строгостью пріема. Руки́ ему не далъ никто. Иные просто сказали «здравствуйте» и прочь отошли; другіе лишь головою кивнули, кое–кто просто отвернулся и показалъ, что ничего не замѣтилъ, наконецъ, нѣкоторые — и что̀ было всего обиднѣе господину Голядкину, нѣкоторые изъ самой безчиновной молодёжи, ребята,

которые, какъ справедливо выразился о нихъ господинъ Голядкинъ, умѣютъ лишь въ орлянку при случаѣ, да гдѣ-нибудь потаскаться, — мало-по-малу окружили господина Голядкина, сгруппировались около него и почти заперли ему выходъ. Всѣ они смотрѣли на него съ какимъ-то оскорбительнымъ любопытствомъ.

Знакъ былъ дурной. Господинъ Голядкинъ чувствовалъ это и благоразумно приготовился съ своей стороны ничего не замѣтить. «Это ничего, впрочемъ; это, можетъ-быть, все и къ лучшему будетъ», думалъ онъ въ неописанномъ смущеніи своемъ и совсѣмъ теряясь. Вдругъ одно совершенно-неожиданное обстоятельство совсѣмъ, какъ говорится, доканало и уничтожило господина Голядкина.

Въ кучкѣ молодыхъ, окружавшихъ его сослуживцевъ, вдругъ, и словно нарочно, въ самую тоскливую минуту для господина Голядкина, появился господинъ Голядкинъ-младшій, веселый по-всегдашнему, съ улыбочкой по-всегдашнему, вертлявый тоже по-всегдашнему, однимъ словомъ: шалунъ, прыгунъ, лизунъ, хохотунъ, легокъ на язычокъ и на ножку, какъ и всегда, какъ прежде, точно такъ, какъ и вчера, напримѣръ, въ одну весьма непріятную минутку для господина Голядкина-старшаго. Осклабившись, вертясь, семеня, съ улыбочкой, которая такъ и говорила всѣмъ: «добраго вечера», втерся онъ въ кучку чиновниковъ, тому пожалъ руку, этого по плечу потрепалъ, третьяго обнялъ слегка, четвертому объяснилъ, по какому именно случаю былъ его превосходительствомъ употребленъ, куда ѣздилъ, что̀ сдѣлалъ, что̀ съ собою привезъ; пятаго, и, вѣроятно, своего лучшаго друга, чмокнулъ въ самыя губки — однимъ словомъ, все происходило точь-въ-точь какъ во снѣ господина Голядкина-старшаго. Напрыгавшись до-сыта, покончивъ со всякимъ по-своему, обдѣлавъ ихъ всѣхъ въ свою пользу, нужно ль, не нужно ли было; нализавшись всласть съ ними со всѣми, господинъ Голядкинъ-младшій вдругъ, и вѣроятно ошибкой, еще не успѣвъ замѣтить до-сихъ-поръ своего старѣйшаго друга, протянулъ руку и господину Голядкину-старшему. Вѣроятно тоже ошибкой, хотя впрочемъ и успѣвъ совершенно замѣтить неблагороднаго господина Голядкина-младшаго, тотчасъ же, жадно схватилъ нашъ герой простертую ему такъ неожиданно руку и пожалъ ее самымъ крѣпкимъ, самымъ дружескимъ образомъ, пожалъ ее съ какимъ-то страннымъ, совсѣмъ — неожиданнымъ внутреннимъ движеніемъ, съ какимъ-то слезящимся чувствомъ.

Былъ ли обманутъ герой нашъ первымъ движеніемъ неблагопристойнаго врага своего, или такъ, не нашелся, или почувствовалъ и созналъ въ глубинѣ души своей всю степень своей беззащитности — трудно сказать. Фактъ тотъ, что господинъ Голядкинъ-старшій, въ здравомъ видѣ, по собственной волѣ своей, и при свидѣтеляхъ, торжественно пожалъ руку того, кого называлъ смертельнымъ врагомъ своимъ. — Но каково же было изумленіе, изступленіе и бѣшенство, каковъ же былъ ужасъ и стыдъ господина Голядкина-старшаго, когда непріятель и смертельный врагъ его, неблагородный господинъ Голядкинъ-младшій, замѣтивъ ошибку свою, тутъ же въ собственныхъ же глазахъ преслѣдуемаго, невиннаго и вѣроломно-обманутаго имъ человѣка, безъ всякаго стыда, безъ чувствъ, безъ состраданія и совѣсти, вдругъ съ нестерпимымъ нахальствомъ и съ грубостію вырвалъ свою руку изъ руки господина Голядкина-старшаго; мало того, — стряхнулъ свою руку, какъ-будто замаралъ ее черезъ то въ чемъ-то совсѣмъ нехорошемъ; мало того, — плюнулъ на сторону, сопровождая все это самымъ оскорбительнымъ жестомъ; мало того, — вынулъ платокъ свой и тутъ же самымъ безчиннѣйшимъ образомъ вытеръ имъ всѣ пальцы свои, побывавшіе на минутку въ рукѣ господина Голядкина-старшаго. Дѣйствуя такимъ образомъ, господинъ Голядкинъ-младшій, по подленькому обыкновенію своему, нарочно осматривался кругомъ, дѣлалъ такъ, чтобъ всѣ видѣли его поведеніе, заглядывалъ всѣмъ въ глаза, и очевидно старался о внушеніи всѣмъ всего самаго неблагопріятнаго относительно господина Голядкина. Казалось, что поведеніе отвратительнаго господина Голядкина-младшаго возбудило всеобщее негодованіе окружавшихъ чиновниковъ; даже вѣтреная молодёжь показала свое неудовольствіе. Кругомъ поднялся ропотъ и говоръ. Всеобщее движеніе не могло миновать ушей господина Голядкина-старшаго; но вдругъ, кстати подоспѣвшая шуточка, накипѣвшая между-прочимъ въ устахъ господина Голядкина-младшаго, разбила и уничтожила послѣднія надежды героя нашего, и наклонила балансъ опять въ пользу смертельнаго и безполезнаго врага его.

— Это нашъ русскій Фоблазъ, господа; позвольте вамъ рекомендовать молодаго Фоблаза, запищалъ господинъ Голядкинъ-младшій, съ свойственною ему наглостью семеня и вьюня межъ чиновниками, и указывая имъ на оцѣпенѣвшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ изступленнаго настоящаго господина Голядкина. «Поцалуемся, душка!» продолжалъ онъ съ нестерпимою фа-

мильярностію, подвигаясь къ предательски-оскорбленному имъ человѣку. Шуточка бесполезнаго господина Голядкина-младшаго, кажется, нашла отголосокъ гдѣ слѣдовало, тѣмъ болѣе, что въ ней заключался коварный намекъ на одно обстоятельство, по-видимому уже гласное и извѣстное всѣмъ. Герой нашъ тяжко почувствовалъ руку враговъ на плечахъ своихъ. Впрочемъ, онъ уже рѣшился. Съ пылающимъ взоромъ, съ блѣднымъ лицомъ, съ неподвижной улыбкой выбрался онъ кое-какъ изъ толпы, и неровными, учащенными шагами направилъ свой путь прямо къ кабинету его превосходительства. Въ предпослѣдней комнатѣ встрѣтился съ нимъ только-что выходившій отъ его превосходительства Андрей Филипповичъ, и хотя тутъ же въ комнатѣ было порядочно всякихъ другихъ, совершенно-постороннихъ въ настоящую минуту для господина Голядкина лицъ, но герой нашъ и вниманія не хотѣлъ обратить на подобное обстоятельство. Прямо, рѣшительно, смѣло, почти самъ-себѣ удивляясь и внутренно себя за смѣлость похваливая, абордировалъ онъ, не теряя времени, Андрея Филипповича, порядочно изумленнаго такимъ нечаяннымъ нападеніемъ.

— А!.. что̀ вы... что̀ вамъ угодно? спросилъ начальникъ отдѣленія, не слушая запнувшагося на чемъ-то господина Голядкина.

— Андрей Филипповичъ, я... могу ли я, Андрей Филипповичъ, имѣть теперь, тотчасъ же и глазъ-на-глазъ разговоръ съ его превосходительствомъ? рѣчисто и отчетливо проговорилъ нашъ герой, устремивъ самый рѣшительный взглядъ на Андрея Филипповича.

— Что-съ? конечно, нѣтъ-съ. Андрей Филипповичъ съ ногъ до головы обмѣрялъ взглядомъ своимъ господина Голядкина.

— Я, Андрей Филипповичъ, все это къ тому говорю, что удивляюсь, ка̀къ никто здѣсь не обличитъ самозванца и подлеца.

— Что-о-съ?

— Подлеца, Андрей Филипповичъ.

— О комъ же это угодно вамъ такимъ образомъ относиться?

— Объ извѣстномъ лицѣ, Андрей Филипповичъ. Я, Андрей Филипповичъ, на извѣстное лицо намекаю; я въ своемъ правѣ... Я думаю, Андрей Филипповичъ, что начальство должно было бы поощрять подобныя движенія, прибавилъ господинъ Голядкинъ, очевидно не помня себя. — Андрей Филипповичъ... вы вѣроятно сами видите, Андрей Филипповичъ, что это благород-

ное движеніе и всяческую мою благонамѣренность означаетъ — принять начальника за отца, Андрей Филипповичъ, принимаю, дескать, благодѣтельное начальство за отца, и слѣпо ввѣряю судьбу свою. Такъ и такъ, дескать... вотъ какъ... Тутъ голосъ господина Голядкина задрожалъ, лицо его раскраснѣлось, и двѣ слезы набѣжали на обѣихъ рѣсницахъ его.

Андрей Филипповичъ, слушая господина Голядкина, до того удивился, что какъ-то невольно отшатнулся шага на два назадъ. Потомъ съ безпокойствомъ осмотрѣлся кругомъ... Трудно сказать, чѣмъ бы кончилось дѣло... Но вдругъ дверь изъ кабинета его превосходительства отворилась, и онъ самъ вышелъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ чиновниковъ. За нимъ потянулись всѣ, кто ни были въ комнатѣ. Его превосходительство подозвалъ Андрея Филипповича и пошелъ съ нимъ рядомъ, заведя разговоръ о какихъ-то дѣлахъ. Когда всѣ тронулись и пошли вонъ изъ комнаты, опомнился и господинъ Голядкинъ. Присмирѣвъ, пріютился онъ подъ крылышко Антона Антоновича Сѣточкина, который сзади всѣхъ ковылялъ въ свою очередь, и, какъ показалось господину Голядкину, съ самымъ строгимъ и озабоченнымъ видомъ. «Проврался я и тутъ; нагадилъ и тутъ», подумалъ онъ про себя: «да ну ничего.» «Надѣюсь, что по-крайней-мѣрѣ вы, Антонъ Антоновичъ, согласитесь прослушать меня и вникнуть въ мои обстоятельства», проговорилъ онъ тихо, и еще немного дрожащимъ отъ волненія голосомъ. «Отверженный всѣми, обращаюсь я къ вамъ. Недоумѣваю до-сихъ-поръ, что̀ значили слова Андрея Филипповича, Антонъ Антоновичъ. Объясните мнѣ ихъ, если можно...»

— Своевременно все объяснится-съ, строго и съ разстановкою отвѣчалъ Антонъ Антоновичъ, и, какъ показалось господину Голядкину, съ такимъ видомъ, который ясно давалъ знать, что Антонъ Антоновичъ вовсе не желаетъ продолжать разговора. — Узна́ете въ скоромъ времени все-съ. Сегодня же форменно обо всемъ извѣститесь.

— Что же такое форменно, Антонъ Антоновичъ? почему же такъ именно форменно-съ? робко спросилъ нашъ герой.

— Не намъ съ вами разсуждать, Яковъ Петровичъ, ка́къ начальство рѣшаетъ.

— Почему же начальство, Антонъ Антоновичъ, проговорилъ господинъ Голядкинъ, оробѣвъ еще болѣе: — почему же начальство? Я не вижу причины, почему же тутъ нужно безпокоить

начальство, Антонъ Антоновичъ... Вы, можетъ–быть, что–нибудь относительно вчерашняго хотите сказать, Антонъ Антоновичъ?

— Да нѣтъ–съ, не вчерашнее–съ. А то, что на худое рѣшились вы, Яковъ Петровичъ; тутъ кое–что другое хромаетъ–съ у васъ.

— Что́ же хромаетъ, Антонъ Антоновичъ? мнѣ кажется, Антонъ Антоновичъ, что у меня ничего не хромаетъ.

— А хитрить–то съ кѣмъ собирались? рѣзко пересѣкъ Антонъ Антоновичъ совершенно–оторопѣвшаго господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ какъ платокъ.

— Конечно, Антонъ Антоновичъ, проговорилъ онъ едва–слышнымъ голосомъ: — если внимать голосу клеветы и слушать враговъ нашихъ, не принявъ оправданія съ другой стороны, то конечно... конечно, Антонъ Антоновичъ, тогда можно и пострадать, Антонъ Антоновичъ, безвинно и ни за что пострадать.

— То–то–съ; а неблагопристойный поступокъ вашъ во вредъ репутаціи благородной дѣвицы того добродѣтельнаго, почтеннаго и извѣстнаго семейства, которое вамъ благодѣтельствовало?

— Какой же это поступокъ, Антонъ Антоновичъ?

— То–то–съ. А относительно другой дѣвицы, хотя бѣдной, но за то честнаго–иностраннаго происхожденія, похвальнаго поступка своего тоже не знаете–съ?

— Позвольте, Антонъ Антоновичъ... благоволите, Антонъ Антоновичъ, выслушать...

— А вѣроломный поступокъ вашъ и клевета на другое лицо — обвиненіе другаго лица въ томъ, въ чемъ сами грѣшка прихватили? а? это какъ называется?

— Я, Антонъ Антоновичъ, не выгонялъ его, проговорилъ затрепетавъ нашъ герой: — и Петрушку, то–есть, человѣка моего подобному ничему не училъ–съ... Онъ ѣлъ мой хлѣбъ, Антонъ Антоновичъ; онъ пользовался гостепріимствомъ моимъ, прибавилъ выразительно и съ глубокимъ чувствомъ герой нашъ, такъ–что подбородокъ его запрыгалъ немножко и слезы готовы были опять навернуться.

— Это вы, Яковъ Петровичъ, только такъ говорите, что онъ хлѣбъ–то вашъ ѣлъ, отвѣчалъ осклабляясь Антонъ Антоновичъ, и въ голосѣ его было слышно лукавство, такъ–что по сердцу скребнуло у господина Голядкина. — Это вы, Яковъ Петровичъ, только такъ, чтобъ только что–нибудь сказать, говорите.

— Конечно, Антонъ Антоновичъ... вы правы, Антонъ Антоновичъ, сказалъ оскорбленный герой нашъ. — Теперь добродѣтели падаютъ, и гостепріимство уже не ставится въ счетъ.

— Вотъ въ томъ-то вы и ошибаетесь, Яковъ Петровичъ. Это ужь и вольнодумствомъ, сударь мой, называется.

— Совсѣмъ не вольнодумствомъ, Антонъ Антоновичъ; я бѣгу вольнодумства, Антонъ Антоновичъ. Это Петрушка, Антонъ Антоновичъ, онъ всегда пьянствуетъ, и на него ни въ чемъ нельзя полагаться-съ.

— Да тутъ не Петрушка-съ. Совсѣмъ не въ Петрушкѣ и дѣло-то тутъ.

— Конечно, не въ Петрушкѣ и дѣло, Антонъ Антоновичъ; это вы справедливо изволите говорить. Позвольте еще васъ, Антонъ Антоновичъ, нижайше спросить: извѣстны ли обо всемъ этомъ дѣлѣ его превосходительство?

— Какъ же-съ! Впрочемъ, вы теперь пустите меня-съ. Мнѣ съ вами тутъ нѣкогда... Сегодня же обо всемъ узнаете, что̀ вамъ слѣдуетъ знать-съ.

— Позвольте, ради Бога, еще на минутку, Антонъ Антоновичъ...

— Да нѣтъ-съ, мнѣ нѣкогда съ вами-съ... послѣ-съ, пожалуй...

— Одну минуту, одно только слово, Антонъ Антоновичъ...

— Послѣ разскажете-съ...

— Нѣтъ-съ, Антонъ Антоновичъ; я-съ, видите-съ, прислушайте только, Антонъ Антоновичъ... Я совсѣмъ не вольнодумство, Антонъ Антоновичъ; я бѣгу вольнодумства; я совершенно готовъ съ своей стороны и даже пропускалъ ту идею...

— Хорошо-съ, хорошо-съ. Я ужь слышалъ-съ...

— Нѣтъ-съ, этого вы не слыхали, Антонъ Антоновичъ. Это другое, Антонъ Антоновичъ, это хорошо, право, хорошо, и пріятно слышать... Я пропускалъ, какъ выше объяснилъ, ту идею, Антонъ Антоновичъ, что вотъ промыслъ Божій создалъ двухъ совершенно-подобныхъ, а благодѣтельное начальство, видя промыслъ Божій, пріютило двухъ близнецовъ-съ. Это хорошо, Антонъ Антоновичъ. Вы видите, что это очень-хорошо, Антонъ Антоновичъ, и что я далекъ вольнодумства. Принимаю благодѣтельное начальство за отца. Такъ и такъ, де-скать, благодѣтельное начальство, а вы того... де-скать... молодому человѣку нужно служить... Поддержите меня, Антонъ Антоновичъ, засту-

питесь за меня, Антонъ Антоновичъ... Я ничего-съ... Антонъ Антоновичъ, ради Бога, еще одно словечко... Антонъ Антоновичъ...

Но уже Антонъ Антоновичъ былъ далеко отъ господина Голядкина... Герой же нашъ не зналъ, гдѣ стоялъ, что́ слышалъ, что̀ дѣлалъ, что́ съ нимъ сдѣлалось, и что̀ еще будутъ дѣлать съ нимъ — такъ смутило его и потрясло все имъ слышанное и все съ нимъ случившееся.

Умоляющимъ взоромъ отыскивалъ онъ въ толпѣ чиновниковъ Антона Антоновича, чтобъ еще болѣе оправдаться въ глазахъ его, и сказать ему что-нибудь крайне-благонамѣренное и весьма-благородное и пріятное относительно себя-самого... Впрочемъ, мало-по-малу, новый свѣтъ начиналъ пробиваться сквозь смущеніе господина Голядкина, новый ужасный свѣтъ, озарившій передъ нимъ вдругъ, разомъ, цѣлую перспективу совершенно-невѣдомыхъ доселѣ и даже нисколько не подозрѣваемыхъ обстоятельствъ... Въ эту минуту, кто-то толкнулъ совершенно-сбившегося героя нашего подъ бокъ. Онъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ Писаренко.

— Письмо-съ, ваше благородіе.

— А!.. ты уже сходилъ, милый мой?

— Нѣтъ, это еще утромъ въ десять часовъ сюда принесли-съ. Сергѣй Михѣевъ сторожъ принесъ-съ съ квартиры губернскаго секретаря Вахрамѣева.

— Хорошо, мой другъ, хорошо, а я тебя поблагодарю, милый мой.

Сказавъ это, господинъ Голядкинъ спряталъ письмо въ боковой карманъ своего виц-мундира и застегнулъ его на всѣ пуговицы; потомъ осмотрѣлся кругомъ и къ удивленію своему замѣтилъ, что уже находится въ сѣняхъ департаментскихъ, въ кучкѣ чиновниковъ, столпившихся къ выходу, ибо кончалось присутствіе. Господинъ Голядкинъ не только не замѣчалъ досихъ-поръ этого послѣдняго обстоятельства, но даже не замѣтилъ и не помнилъ того, какимъ образомъ онъ вдругъ очутился въ шинели, въ калошахъ и держалъ свою шляпу въ рукахъ. Всѣ чиновники стояли неподвижно и въ почтительномъ ожиданіи. Дѣло въ томъ, что его превосходительство остановился внизу лѣстницы, въ ожиданіи своего почему-то замѣшкавшагося экипажа, и велъ весьма-интересный разговоръ съ двумя совѣтниками и съ Андреемъ Филипповичемъ. Немного поодаль отъ двухъ совѣтниковъ и Андрея Филипповича, стоялъ Антонъ

Антоновичъ Сѣточкинъ и кое-кто изъ другихъ чиновниковъ, которые весьма улыбались, видя, что его превосходительство изволятъ шутить и смѣяться. Столпившіеся на верху лѣстницы чиновники тоже улыбались и ждали, покамѣстъ его превосходительство опять засмѣются. Не улыбался лишь только одинъ Ѳедосѣичъ, толстопузый швейцаръ, державшійся у ручки дверей, вытянувшійся въ струнку, и съ нетерпѣніемъ ожидавшій порціи своего обыденнаго удовольствія, состоявшаго въ томъ, чтобъ разомъ, однимъ взмахомъ руки, широко откинуть одну половинку дверей, и потомъ, согнувшись въ дугу, почтительно пропустить мимо себя его превосходительство. Но всѣхъ болѣе, по-видимому, былъ радъ и чувствовалъ удовольствія недостойный и неблагородный врагъ господина Голядкина. Онъ, въ это мгновеніе, даже позабылъ всѣхъ чиновниковъ, даже оставилъ вьюнить и семенить между ними, по своему подленькому обыкновенію даже позабылъ, пользуясь случаемъ, подлизаться къ кому-нибудь въ это мгновеніе. Онъ обратился весь въ слухъ и зрѣніе, какъ-то странно съёжился, вѣроятно, чтобъ удобнѣе слушать, не спуская глазъ съ его превосходительства, и изрѣдка только подергивало его руки, ноги и голову какими-то едва-замѣтными судорогами, обличавшими всѣ внутреннія сокровенныя движенія души его.

— Ишь его разбираетъ! подумалъ герой нашъ: — фаворитомъ смотритъ, мошенникъ! Желалъ бы я знать, чѣмъ онъ именно беретъ въ обществѣ высокаго тона? Ни ума, ни характера, ни образованія, ни чувства... везетъ шельмецу! Господи Боже! вѣдь ка́къ это скоро можетъ пойдти человѣкъ, какъ подумаешь, и найдти во всѣхъ людяхъ! И пойдетъ человѣкъ, клятву даю, что пойдетъ далеко, шельмецъ, доберется, — везетъ шельмецу! Желалъ бы я еще узнать, что́ именно такое онъ всѣмъ имъ нашептываетъ? Какія тайны у него со всѣмъ этимъ народомъ заводятся и про какіе секреты они говорятъ? Господи Боже! Ка́къ бы мнѣ этакъ того... и съ ними бы тоже немножко... де-скать такъ и такъ, попросить его развѣ... де-скать такъ и такъ, а я больше не буду; де-скать я виноватъ, а молодому человѣку, ваше превосходительство, нужно служить въ наше время; обстоятельствомъ же темнымъ моимъ я отнюдь не смущаюсь, — вотъ оно какъ! протестовать тамъ какимъ-нибудь образомъ тоже не буду и все съ терпѣніемъ и смиреніемъ снесу, — вотъ какъ! Вотъ развѣ такъ поступить?.. Да, впрочемъ, его не проймешь, шельмеца, никакимъ словомъ не пробьешь; резо-

ну–то ему вгвоздить нельзя въ забубённую голову... А впрочемъ попробуемъ. Случится, что въ добрый часъ попаду, такъ вотъ и попробовать...

Въ безпокойствѣ своемъ, въ тоскѣ и смущеніи, чувствуя, что такъ оставаться нельзя, что наступаетъ минута рѣшительная, что нужно же съ кѣмъ–нибудь объясниться, герой нашъ сталъ–было понемножку подвигаться къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ недостойный и загадочный непріятель его; но въ самое это время, у подъѣзда загремѣлъ давно–ожидаемый экипажъ его превосходительства. Ѳедосѣичъ рванулъ дверь и, согнувшись въ три дуги, пропустилъ его превосходительство мимо себя. Всѣ ожидавшіе разомъ хлынули къ выходу и оттѣснили на мгновеніе господина Голядкина–старшаго отъ господина Голядкина–младшаго. «Не уйдешь!» говорилъ нашъ герой, прорываясь сквозь толпу и не спуская глазъ съ кого слѣдовало. Наконецъ, толпа раздалась. Герой нашъ почувствовалъ себя на свободѣ и ринулся въ погоню за своимъ непріятелемъ.

ГЛАВА XII.

Кофейная. О томъ, какимъ–образомъ выразилась крайняя степень безнравственности господина Голядкина–младшаго и какимъ образомъ защищалъ себя господинъ Голядкинъ–старшій. Обманъ и вѣроломство. Вихрь, вьюга, метель и — паденіе господина Голядкина–старшаго. Сравненіе господина Голядкина–старшаго съ кулемъ муки; господинъ Голядкинъ–старшій рѣшаетъ, впрочемъ, что это еще все ничего, и что все можетъ еще устроиться къ лучшему. Какимъ–образомъ посредствомъ двухъ бабъ, одного половаго и одного господина, читавшаго «Полицейскія Вѣдомости», господинъ Голядкинъ открылъ, что его хотятъ отравить. Послѣдній ударъ господину Голядкину.

Духъ занимался въ груди господина Голядкина; словно на крыльяхъ летѣлъ онъ вслѣдъ за своимъ быстро–удалявшимся непріятелемъ. Чувствовалъ онъ въ себѣ присутствіе какой–то страшной энергіи. Впрочемъ, не смотря на присутствіе страш-

ной энергіи, господинъ Голядкинъ могъ смѣло надѣяться, что въ настоящую минуту даже простой комаръ, еслибъ только онъ могъ въ такое время жить въ Петербургѣ, весьма бы удобно перешибъ его крыломъ своимъ. Чувствовалъ онъ еще, что опалъ и ослабъ совершенно, что несетъ его какою-то совершенно-особенною и постороннею силою, что онъ вовсе не самъ идетъ, что, напротивъ, его ноги подкашиваются и служить отказываются. Впрочемъ, это все было еще совсѣмъ ничего и, не смотря ни на что, непремѣнно могло бы устроиться къ лучшему. «Къ лучшему не къ лучшему» думалъ господинъ Голядкинъ, почти задыхаясь отъ скораго бѣга: «но что дѣло проиграно, такъ въ томъ теперь и сомнѣнія малѣйшаго нѣтъ; что пропалъ я совсемъ, такъ ужь это известно, опредѣлено, рѣшено и подписано.» Не смотря на все это, герой нашъ словно изъ мертвыхъ воскресъ, словно баталію выдержалъ, словно побѣду схватилъ, когда пришлось ему уцѣпиться за шинель своего непріятеля, уже заносившаго одну ногу на дрожки куда-то только-что сговореннаго имъ ваньки. Впрочемъ, не смотря на выигранную баталію, герой нашъ до того потерялся въ настоящее мгновеніе, что, вцѣпившись въ шинель злѣйшаго врага своего, такъ и остался съ раскрытымъ ртомъ, безъ словъ, безъ движенія, едва переводя духъ. «Милостивый государь! милостивый государь!» закричалъ онъ наконецъ настигнутому имъ неблагородному господину Голядкину-младшему: «милостивый государь, я надѣюсь, что вы...»

— Нѣтъ, вы ужь пожалуйста ничего не надѣйтесь, уклончиво отвѣчалъ безчувственный непріятель господина Голядкина, стоя одною ногою на одной ступенькѣ дрожекъ, а другою изо всѣхъ силъ порываясь попасть на другую сторону экипажа, тщетно махая ею по воздуху, стараясь сохранить эквилибръ и вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь всѣми силами отцѣпить шинель свою отъ господина Голядкина-старшаго, за которую тотъ, съ своей стороны, уцѣпился всѣми данными ему природою средствами.

— Яковъ Петровичъ! только десять минутъ...

— Извините, мнѣ не́когда-съ.

— Согласитесь сами, Яковъ Петровичъ... пожалуйста, Яковъ Петровичъ... ради Бога, Яковъ Петровичъ... такъ и такъ — объясниться... на смѣлую ногу... Секундочку, Яковъ Петровичъ!..

— Голубчикъ мой, не́когда, отвѣчалъ съ неучтивою фамильярностью, но подъ видомъ душевной доброты, ложно-благо-

родный непріятель господина Голядкина: — въ другое время, повѣрьте, отъ полноты души и отъ чистаго сердца; но теперь — вотъ право жь нельзя.

— Подлецъ! подумалъ герой нашъ: — еще и отъ чистаго сердца, шельмецъ ты такой!.. Яковъ Петровичъ! закричалъ онъ тоскливо: — я вашимъ врагомъ никогда не бывалъ. Злые же люди несправедливо меня описали... Съ своей стороны я готовъ... Яковъ Петровичъ, угодно, мы съ вами, Яковъ Петровичъ, вотъ тотчасъ зайдемъ?.. И тамъ отъ чистаго сердца, какъ справедливо сказали вы тотчасъ, и языкомъ прямымъ, благороднымъ... вотъ въ эту кофейную; тогда все само-собой объяснится, — вотъ какъ, Яковъ Петровичъ! Тогда непремѣнно все само-собой объяснится...

— Въ кофейную? хорошо-съ. Я не прочь, зайдемъ въ кофейную, съ однимъ только условіемъ, радость моя, съ единымъ условіемъ, — что тамъ все само собой объяснится. Дескать, такъ и такъ, душка, проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, слѣзая съ дрожекъ и безстыдно потрепавъ героя нашего по плечу: — дружище ты этакой; для тебя, Яковъ Петровичъ, я готовъ переулочкомъ (какъ справедливо въ оно время вы, Яковъ Петровичъ, замѣтить изволили). Вѣдь вотъ плутъ, право, что́ захочетъ, то и дѣлаетъ съ человѣкомъ! продолжалъ ложный другъ господина Голядкина, съ легкой улыбочкой вертясь и увиваясь около него, заглядывая подъ шляпу къ нему, и однимъ словомъ фальшиво, всѣми средствами стараясь изобразить собою остроумца и любезнаго человѣка, но между-тѣмъ дѣйствуя со всѣмъ безстыдствомъ безнравственности прямо въ пику господину Голядкину-старшему, единственно съ тою цѣлью, чтобъ каким-нибудь новымъ безстыднымъ способомъ его обмануть, и потомъ въ дружеской компаніи, гдѣ-нибудь за бокаломъ вина, для остраго слова, насмѣяться надъ нимъ. Отдаленная отъ большихъ улицъ кофейная, куда вошли оба господина Голядкина, была въ эту минуту совершенно пуста. Довольно-толстая Нѣмка появилась у прилавка, едва только заслышался звонъ колокольчика. Господинъ Голядкинъ и недостойный непріятель его прошли во вторую комнату, гдѣ одутловатый и остриженный подъ гребенку мальчишка возился съ вязанкою щепокъ около печки, силясь возобновить въ ней погасавшій огонь. По требованію господина Голядкина-младшаго, поданъ былъ шоколадъ.

— А пресдобная бабёнка, проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, плутовски подмигнувъ господину Голядкину-старшему.

Герой нашъ покраснѣлъ и смолчалъ.

— А, да, позабылъ, извините. Знаю вашъ вкусъ. Мы, сударь, лакомы до тоненькихъ Нѣмочекъ; мы, де-скать, душа ты правдивая, Яковъ Петровичъ, лакомы съ тобою до тоненькихъ, хотя, впрочемъ, и не лишенныхъ еще пріятности Нѣмочекъ; квартиры у нихъ нанимаемъ, ихъ нравственность соблазняемъ, за бир-супъ, да мильх-супъ наше сердце имъ посвящаемъ, да разныя подписки даемъ, — вотъ, что̀ мы дѣлаемъ, Фоблазъ ты такой, предатель ты этакой! Все это проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, дѣлая такимъ образомъ совершенно-безполезный, хотя, впрочемъ, и злодѣйски-хитрый намекъ на извѣстную особу женскаго пола, увиваясь около господина Голядкина, улыбаясь ему подъ видомъ любезности, ложно показывая такимъ-образомъ радушіе къ нему и радость при встрѣчѣ съ нимъ. Замѣчая же, что господинъ Голядкинъ-старшій вовсе не такъ глупъ и вовсе не до того лишенъ образованности и маперовъ хорошаго тона, чтобъ сразу повѣрить ему, неблагородный человѣкъ рѣшился перемѣнить свою тактику и повести дѣла на открытую ногу. Тутъ же проговоривъ свою гнусность, фальшивый господинъ Голядкинъ заключилъ тѣмъ, что съ возмущающимъ душу безстыдствомъ и фамильярностью потрепалъ солиднаго господина Голядкина по плечу, и, неудовольствовавшись этимъ, пустился заигрывать съ нимъ, совершенно-неприличнымъ въ обществѣ хорошаго тона образомъ, именно вознамѣрился повторить свою прежнюю гнусность, т. е. не смотря на сопротивленіе и легкіе крики возмущеннаго господина Голядкина-старшаго, ущипнуть его за щеку. При видѣ такого разврата, герой нашъ вскипѣлъ и смолчалъ... до времени, впрочемъ.

— Это рѣчь враговъ моихъ, отвѣтилъ онъ наконецъ, благоразумно сдерживая себя, трепещущимъ голосомъ: — это рѣчь враговъ моихъ, съ достоинствомъ прибавилъ герой нашъ, чувствуя себя между-прочимъ совершенно въ правѣ своемъ и задѣтый за-живо фамильярностью и безстыдствомъ недостойнаго врага своего... Въ то же самое время, герой нашъ съ безпокойствомъ оглянулся на дверь. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ-младшій былъ, по-видимому, въ превосходномъ расположеніи духа и въ готовности пуститься на разныя шу-

точки, непозволительныя въ общественномъ мѣстѣ, и вообще говоря, недопускаемыя законами свѣта, и преимущественно въ обществѣ высокаго тона.

— Ну, ну, ну, не буду, не буду! проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, примирительно отстраняясь отъ господина Голядкина-старшаго, лукавя и фальшивя передъ нимъ такимъ-образомъ, надѣвая маску, и тонкимъ обманомъ, подъ видомъ смиренія маня его въ новыя сѣти. Впрочемъ, герой нашъ понималъ, ясно понималъ, что безнравственный близнецъ его, здѣсь, съ нимъ, на очную ставку, на открытую и смѣлую ногу и съ откровенностью, не лишенною благородства, немного возьметъ. Де-скать, такъ и такъ, а ты срѣжешься, де-скать, такъ и такъ, а ты, милостивый мой государь и мерзавецъ, немного возьмешь, де-скать, того, и т. д.

— А, ну, въ такомъ случаѣ, ка́къ хотите, серьёзно возразилъ господинъ Голядкинъ-младшій на мысль господина Голядкина-старшаго, поставивъ свою опустѣлую чашку, выпитую имъ съ неприличною жадностью, на столъ. — Ну-съ, мнѣ съ вами долго не́чего, впрочемъ... Ну-съ, каково-то вы теперь поживаете, Яковъ Петровичъ?

— Одно только могу сказать я вамъ, Яковъ Петровичъ, хладнокровно и съ достоинствомъ отвѣчалъ нашъ герой: — врагомъ вашимъ я никогда не бывалъ.

— Гм... ну, а Петрушка? какъ-бишь! Петрушка вѣдь, кажется? — ну, да! Что, каковъ онъ у васъ? Хорошо, по-прежнему?

— И онъ тоже по-прежнему, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ немного изумленный господинъ Голядкинъ-старшій. — Я не знаю, Яковъ Петровичъ... съ моей стороны... съ благородной, съ откровенной стороны, Яковъ Петровичъ, согласитесь сами, Яковъ Петровичъ...

— Да-съ. Но вы сами знаете, Яковъ Петровичъ, отвѣчалъ тихимъ и выразительнымъ голосомъ господинъ Голядкинъ-младшій, фальшиво изображая собою такимъ-образомъ грустнаго, полнаго раскаянія и сожалѣнія достойнаго человѣка: — сами вы знаете, время наше тяжелое... Я на васъ пошлюсь, Яковъ Петровичъ; человѣкъ вы умный и справедливо разсудите, включилъ господинъ Голядкинъ-младшій, подло льстя господину Голядкину-старшему: — вы справедливо разсудите, что иначе и поступать мнѣ было нельзя. Жизнь не игрушка, — сами вы знаете, Яковъ Петровичъ, многозначительно заключилъ

господинъ Голядкинъ–младшій, прикидываясь такимъ–образомъ умнымъ и ученымъ человѣкомъ, который можетъ разсуждать о высокихъ предметахъ.

— Съ своей стороны, Яковъ Петровичъ, съ одушевленіемъ отвѣчалъ нашъ герой: — съ своей стороны презирая окольнымъ путемъ и говоря смѣло и откровенно, говоря языкомъ прямымъ, благороднымъ и поставивъ все дѣло на благородную доску, скажу вамъ, могу открыто и благородно утверждать, Яковъ Петровичъ, что я чистъ совершенно, и что, сами вы знаете, Яковъ Петровичъ, обоюдное заблужденіе, — все, можетъ–быть, — судъ свѣта, мнѣніе раболѣпной толпы... Я говорю откровенно, Яковъ Петровичъ, все можетъ быть. Еще скажу, Яковъ Петровичъ, если такъ судить, если съ благородной и высокой точки зрѣнія на дѣло смотрѣть, то смѣло скажу, безъ ложнаго стыда скажу, Яковъ Петровичъ, мнѣ даже пріятно будетъ открыть, что я заблуждался, мнѣ даже пріятно будетъ сознаться въ томъ, что я заблуждался, Яковъ Петровичъ. Сами вы знаете, вы человѣкъ умный, а сверхъ–того благородный, готовъ сознаться въ этомъ. Безъ стыда, безъ ложнаго стыда готовъ въ этомъ сознаться... съ достоинствомъ и благородствомъ, заключилъ нашъ герой.

— Рокъ, судьба! Яковъ Петровичъ... но оставимъ все это, со вздохомъ проговорилъ господинъ Голядкинъ–младшій. — Употребимъ лучше краткія минуты нашей встрѣчи на болѣе–полезный и пріятный разговоръ, какъ слѣдуетъ между двумя сослуживцами... Право, мнѣ какъ–то не удавалось съ вами двухъ словъ сказать во все это время... Въ этомъ не я виноватъ. Яковъ Петровичъ...

— И не я, съ жаромъ перебилъ нашъ герой: — и не я! Сердце мое говоритъ мнѣ, Яковъ Петровичъ, что не я виноватъ во всемъ этомъ. Будемъ обвинять судьбу во всемъ этомъ, Яковъ Петровичъ, прибавилъ господинъ Голядкинъ–старшій совершенно–примирительнымъ тономъ. Голосъ его начиналъ мало–по–малу слабѣть и дрожать.

— Ну, что̀? какъ вообще ваше здоровье? произнесъ заблудшійся сладкимъ голосомъ.

— Немного покашливаю, отвѣчалъ еще слаще герой нашъ.

— Берегитесь. Теперь все такія повѣтрія, немудрено схватить жабу, и я, признаюсь вамъ, начинаю уже кутаться во фланель.

— Дѣйствительно, Яковъ Петровичъ, не мудрено схватить жабу-съ... Яковъ Петровичъ! произнесъ послѣ кроткаго молчанія герой нашъ: — Яковъ Петровичъ! я вижу, что я заблуждал ся... Я съ умиленіемъ вспоминаю о тѣхъ счастливыхъ минутахъ, которыя удалось намъ провести вмѣстѣ подъ бѣднымъ, но смѣю сказать, радушнымъ кровомъ моимъ...

— Въ письмѣ вашемъ, вы, впрочемъ, не то написали, отчасти съ укоризною проговорилъ совершенно-справедливый (впрочемъ, единственно только въ этомъ одномъ отношеніи совершенно-справедливый) господинъ Голядкинъ-младшій.

— Яковъ Петровичъ! я заблуждался... Ясно вижу теперь, что заблуждался и въ этомъ несчастномъ письмѣ моемъ. Яковъ Петровичъ, мнѣ совѣстно смотрѣть на васъ, Яковъ Петровичъ, вы не повѣрите... Дайте мнѣ это письмо, чтобъ разорвать его, въ вашихъ же глазахъ разорвать его, Яковъ Петровичъ, или если ужь этого никакъ невозможно, то умоляю васъ, читать его на оборотъ, — совсѣмъ на оборотъ, то-есть, нарочно съ намѣреніемъ дружескимъ, давая обратный смыслъ всѣмъ словамъ письма моего. Я заблуждался. Простите меня, Яковъ Петровичъ, я совсѣмъ... я горестно заблуждался, Яковъ Петровичъ.

— Вы говорите? довольно-разсѣянно и равнодушно спросилъ вѣроломный другъ господина Голядкина-старшаго.

— Я говорю, что я совсѣмъ заблуждался, Яковъ Петровичъ, и что съ моей стороны я совершенно безъ ложнаго стыда...

— А, ну, хорошо! Это очень-хорошо, что вы заблуждались, грубо отвѣчалъ господинъ Голядкинъ-младшій.

— У меня, Яковъ Петровичъ, даже идея была, прибавилъ благороднымъ образомъ откровенный герой нашъ, совершенно не замѣчая ужаснаго вѣроломства своего ложнаго друга: — у меня даже идея была, что де-скать, вотъ, создались два совершенно подобные...

— А! это ваша идея!.. Хороша, хороша, нѣчего сказать, весьма-хороша; впрочемъ, не смотря на то, что она хороша, мы ее... знаете, идею-то вашу, нагло и безстыдно проговорилъ господинъ Голядкинъ-младшій, прищуриваясь, улыбаясь и кивая головою господину Голядкину-старшему: — мы ее до другаго времени, идею-то вашу, а теперь...

Тутъ извѣстный своею безполезностью господинъ Голядкинъ-младшій всталъ и схватился за шляпу. Все еще не замѣчая обмана, всталъ и господинъ Голядкинъ-старшій, просто-

душно и благородно улыбаясь своему лже–пріятелю, стараясь, въ невинности своей, его приласкать, ободрить и завязать съ нимъ такимъ–образомъ новую дружбу...

— Мы ее до завтра, идею–то вашу, а теперь, употребляя справедливое выраженіе ваше, Яковъ Петровичъ, мы всѣ трудиться должны, прибавилъ господинъ Голядкинъ–младшій, очевидно говоря всякой вздоръ въ насмѣшку господину Голядкину–старшему. — Мы всѣ трудиться должны, понимаешь, Петрушка?!.. Ну, да ничего, ничего, не смущайтесь... Ну, да прощайте, Яковъ Петровичъ, довольно мнѣ съ вами покамѣстъ... Удастся сойдтись какъ–нибудь, выпьемъ бутылочку–другую винца, сладка пол–пивца, какъ говоритъ мужичьё (между–прочимъ все это), поговоримъ, покалякаемъ, потолкуемъ другъ съ другомъ, продолжалъ безнравственный человѣкъ, удивляя господина Голядкина своею безнравственностію и развращенностію сердца: — приласкаемъ, пожалуй, Петрушку и скажемъ ему, что мы всѣ трудиться должны, прибавилъ заблудшійся безнравственно, подмигнувъ господину Голядкину–старшему, все вертясь и семеня около него и съ нимъ отчасти заигрывая: — возстановимъ между–прочимъ нѣсколько–замаранную, посредствомъ разныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, репутацію общаго нашего друга Мухаммеда, пророка турецкаго, рѣшился присовокупить еще съ бо̀льшею, чѣмъ прежде, безстыдною наглостью всячески–развращенный человѣкъ, развратнымъ образомъ улыбаясь достойному господину Голядкину–старшему, и такимъ–образомъ постыдно насмѣхаясь надъ нимъ: — и наконецъ, наконецъ, дайте руку вашу, герой, дайте руку!

«Дайте руку, на разлуку», и т. д.

Тутъ безбожный и ни во что невѣрующій господинъ Голядкинъ–младшій, вѣроятно, воображая уязвить гордаго героя повѣсти нашей, сдѣлалъ въ его же глазахъ неприличное антрша, лягнулъ ножкой и, къ довершенію своего посрамленія, щолкнулъ посредствомъ пальца и языка ртомъ, желая показать такимъ образомъ, что какъ–будто–бы онъ откупориваетъ бутылку шампанскаго, а между–тѣмъ очевидно тѣшась самымъ безполезнымъ образомъ, какъ пятилѣтній ребенокъ, не имѣя, однакожь, его невинности. Наконецъ, чтобъ окончить полную, отвратительную картину своего всяческаго безобразія, съ самой наглой, язвительной и вакхической улыбкой, протянулъ онъ руку свою къ цѣломудренному, говоря въ выгодномъ для него отношеніи, гос-

подину Голядкину–старшему, и крикнулъ неистовымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ насмѣшливымъ голосомъ:

— Прощайте, ваше превосходительство!

При видѣ такого олицетвореннаго фанатизма къ разврату, герой нашъ невольно отшатнулся назадъ... Но развращенное дитя природы, безполезный господинъ Голядкинъ–младшій, казалось, далъ себѣ слово идти до конца въ оскорбленіи настоящаго господина Голядкина. Чтобъ только отвязаться, сунулъ герой нашъ въ простертую ему руку фанатика два пальца своей руки; но тутъ... тутъ безстыдство господина Голядкина–младшаго превзошло всяческую человѣческую мѣру. Схвативъ два пальца руки господина Голядкина–старшаго и сначала пожавъ ихъ, недостойный, тутъ же, въ глазахъ же господина Голядкина, рѣшился повторить свою утреннюю безстыдную шутку. Мѣра человѣческаго терпѣнія была истощена...

Онъ уже пряталъ платокъ, которымъ обтеръ свои пальцы, въ карманъ, когда господинъ Голядкинъ–старшій опомнился.

— Подлый и развратный человѣкъ! закричалъ нашъ герой полу–шопотомъ, боязливо оглядываясь на дверь въ сосѣднюю комнату, весь дрожа въ какомъ–то болѣзненно–тоскливомъ волненіи и, очевидно, окончательно–разстроенный неистощимымъ безстыдствомъ врага своего.

Тогда произошла довольно–странная сцена. Господинъ Голядкинъ–младшій, сдѣлавъ неблагопристойность, и, по скверной привычкѣ своей, спѣша уже улизнуть въ сосѣднюю комнату, быстро обернулся къ господину Голядкину–старшему съ самымъ зловѣщимъ выраженіемъ въ лицѣ. Герой нашъ невольно отступилъ назадъ два шага. Безнравственный сдѣлалъ впередъ два шага; герой нашъ отступилъ еще два шага, благоразумно стараясь выбрать цѣлью ретирады своей такой уголокъ, изъ котораго бы не было видно въ сосѣднюю комнату, гдѣ были посторонніе люди, ни въ зеркало, посредствомъ котораго люди, находившіеся въ сосѣдней комнатѣ, могли бы все видѣть; должно было опасаться какой–нибудь новой неблагопристойной и отвратительной шуточки, отъ которой могла бы пострадать амбиція въ присутствіи постороннихъ людей. Наконецъ, господинъ Голядкинъ–старшій добрался до своего уголка. Враги стояли теперь совершенно носомъ–къ–носу, причемъ нашъ герой старался всѣми силами прямо, рѣшительно и не смигнувъ глазомъ смотрѣть въ глаза недостойнаго врага своего, чтобъ показать ему такимъ–образомъ, что онъ его совсѣмъ не боится, и

даже напротивъ. Молчаніе и ожиданіе длилось. «Зачѣмъ я привелъ его сюда!» пронеслось въ головѣ господина Голядкина. «Вѣдь вотъ мы теперь стоимъ носомъ-къ-носу», кстати, подумалъ герой нашъ: «что̀, еслибъ носы наши нераздѣльно срослись...» Тутъ же припомнилъ онъ сказку, въ которой говорилось о колбасѣ, приросшей къ носу одной неблагоразумной въ желаніяхъ своихъ жены одного старика. «Жадность къ стяжанію и неблагоразуміе желаній губитъ насъ» подумалъ господинъ Голядкинъ, рѣшительно, безстрашно и не смигнувъ глазомъ продолжая смотрѣть въ глаза врагу своему.

— Фоблазъ? проговорилъ наконецъ безнравственный полутаинственнымъ шопотомъ и вопросительнымъ тономъ.

Герой нашъ тоскливо посмотрѣлъ на сосѣднюю дверь.

— Вѣдь Фоблазъ? продолжалъ еще настойчивѣе господинъ Голядкинъ-младшій, наступая до-нельзя на господина Голядкина-старшаго.

— Опомнитесь — мы не одни; выйдемте, Яковъ Петровичъ, на улицу; на улицѣ лучше намъ будетъ, Яковъ Петровичъ...

Герой нашъ не докончилъ и осѣкся; мѣра оскорбленій превзошла всѣ тоскливыя ожиданія его. . . . . .

. . . . . .

Обезпамятѣвъ отъ изумленія стоялъ нашъ герой, покамѣстъ не двигаясь съ мѣста... Наконецъ, онъ опомнился. Дѣло въ томъ, что господинъ Голядкинъ-младшій, окончивъ послѣднюю гнусность, которую онъ вѣроломно называлъ шуточкой, ринулся со всѣхъ ногъ въ сосѣднюю комнату; а безнаказанно же нельзя было оставлять вѣроломства! Но когда нашъ герой прибылъ въ изступленіи своемъ въ сосѣднюю комнату, безнравственный непріятель его, какъ-будто ни въ одномъ глазу, стоялъ-себѣ у прилавка, ѣлъ пирожки и преспокойно, какъ добродѣтельный человѣкъ, любезничалъ съ Нѣмкой-кандитершей. — «При дамахъ нельзя» подумалъ герой нашъ и подошелъ тоже къ прилавку, не помня себя отъ волненія.

— А вѣдь дѣйствительно бабёнка-то недурна! — Какъ вы думаете? снова началъ свои неприличныя выходки господинъ Голядкинъ-младшій, вѣроятно разсчитывая на безконечное терпѣніе господина Голядкина. Толстая же Нѣмка, съ своей стороны, смотрѣла на обоихъ своихъ посѣтителей оловянно-безсмысленными глазами, очевидно не понимая русскаго языка и привѣтливо улыбаясь. Герой нашъ вспыхнулъ какъ огонь отъ словъ незнающаго стыда господина Голядкина-младшаго, и, не

въ силахъ владѣть собою, бросился наконецъ на него съ очевиднымъ намѣреніемъ растерзать его и повершить съ нимъ такимъ-образомъ окончательно; но господинъ Голядкинъ-младшій, по подлому обыкновенію своему, уже былъ далеко: онъ далъ тягу, онъ уже былъ на крыльцѣ. Само-собой разумѣется, что послѣ перваго мгновеннаго столбняка, естественно нашедшаго на господина Голядкина-старшаго, онъ опомнился и бросился со всѣхъ ногъ за обидчикомъ, который уже садился на поджидавшаго его и очевидно во всемъ согласившагося съ нимъ, ваньку. Но въ это самое мгновеніе толстая Нѣмка, видя бѣгство двухъ посѣтителей, взвизгнула и позвонила, что́ было силы, въ свой колокольчикъ. Герой нашъ почти налету обернулся назадъ, бросилъ ей деньги за себя и за незаплатившаго безстыднаго человѣка, не требуя сдачи, и, не смотря, на то, что промѣшкалъ, все-таки успѣлъ, хотя и опять на лету только, подхватить своего непріятеля. Уцѣпившись за крыло дрожекъ всѣми данными ему природою средствами, герой нашъ несся нѣкоторое время по улицѣ, карабкаясь на экипажъ, отстаиваемый изъ всѣхъ силъ господиномъ Голядкинымъ-младшимъ. Извощикъ между-тѣмъ, и кнутомъ, и возжей, и ногой, и словами понукалъ свою разбитую клячу, которая совсѣмъ-неожиданно понеслась въ скачь, какъ вихрь, закусивъ удила и лягаясь, по скверной привычкѣ своей, задними ногами на каждомъ третьемъ шагу. Наконецъ, нашъ герой успѣлъ-таки взмоститься на дрожки, лицомъ къ своему непріятелю, спиной упираясь въ извощика, колѣнками въ колѣнки безстыднаго, а правой рукой своей всѣми средствами вцѣпившись въ весьма-скверный мѣховой воротникъ шинели развратнаго и ожесточеннѣйшаго своего непріятеля...

Враги неслись и нѣкоторое время молчали. Герой нашъ едва переводилъ духъ; дорога была прескверная, и онъ подскакивалъ на каждомъ шагу съ опасностію сломить себѣ шею. Сверхъ-того, ожесточенный непріятель его все еще не соглашался признать себя побѣжденнымъ и старался спихнуть въ грязь своего противника. Къ довершенію всехъ непріятностей, погода была ужаснѣйшая. Снѣгъ валилъ хлопьями и всячески старался съ своей стороны какимъ-нибудь образомъ залѣзть подъ распахнувшуюся шинель настоящаго господина Голядкина. Кругомъ было мутно и не видно ни зги. Трудно было отличить куда и по какимъ улицамъ несутся они... Господину Голядкину показалось, что сбывается съ нимъ что-то знакомое. Одно мгно-

веніе онъ старался припомнить, не предчувствовалъ ли онъ чего-нибудь вчера... во снѣ, на-примѣръ... Наконецъ, тоска его доросла до послѣдней степени своей агоніи. Налегши на безпощаднаго противника своего, онъ началъ-было кричать. Но крикъ его замиралъ у него на губахъ... Была минута, когда господинъ Голядкинъ все позабылъ, и рѣшилъ, что все это совсѣмъ ничего, и что это такъ только, какъ-нибудь, необъяснимымъ образомъ дѣлается, и протестовать по этому случаю было бы лишнимъ и совершенно-потерянным дѣломъ... Но вдругъ и почти въ то самое мгновеніе, какъ герой нашъ заключалъ это все, какой-то неосторожный толчокъ перемѣнилъ весь смыслъ дѣла. Господинъ Голядкинъ какъ куль муки свалился съ дрожекъ и покатился куда-то, совершенно-справедливо сознаваясь въ минуту паденія, что дѣйствительно и весьма-некстати погорячился немного, и что все изъ того и вышло, что онъ погорячился немного. Вскочивъ наконецъ, онъ увидѣлъ, что куда-то пріѣхали; дрожки стояли среди чьего-то двора, и герой нашъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что это дворъ того самого дома, въ которомъ квартируетъ Олсуфій Ивановичъ. Въ то же самое мгновеніе замѣтилъ онъ, что пріятель его пробирается уже на крыльцо и, вѣроятно, къ Олсуфью Ивановичу. Въ неописанной тоскѣ своей, бросился-было онъ догонять своего непріятеля, но къ счастію своему благоразумно одумался во́-время. Не забывъ расплатиться съ извощикомъ, бросился господинъ Голядкинъ на улицу и побѣжалъ, что́ есть мо̀чи, куда глаза глядятъ. Снѣгъ валилъ по-прежнему хлопьями; по-прежнему было мутно, мокро и темно. Герой нашъ не шелъ, а летѣлъ, опрокидывая всѣхъ на дорогѣ — мужиковъ и бабъ и дѣтей, и самъ въ свою очередь отскакивая отъ бабъ, мужиковъ и дѣтей. Кругомъ и вслѣдъ ему слышался пугливый говоръ, визгъ, крикъ... Но господинъ Голядкинъ, казалось, былъ безъ памяти, и вниманія ни на что не хотѣлъ обратить... Опомнился онъ, впрочемъ, уже у Семеновскаго-Моста, да и то по тому только случаю, что успѣлъ какъ-то неловко задѣть и опрокинуть двухъ бабъ, съ ихъ какимъ-то походнымъ товаромъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ повалиться. «Это ничего» подумалъ господинъ Голядкинъ: «все это еще весьма можетъ устроиться къ лучшему» и тутъ же полѣзъ въ свой карманъ, желая отдѣлаться рублемъ серебра за просыпанные пряники, яблоки, горохъ и разныя разности. Вдругъ новымъ свѣтомъ озарило господина Голядкина; въ карманѣ ощупалъ онъ письмо Вахрамѣева. Бросивъ рубль сереб-

ромъ, побѣжалъ онъ опять не останавливаясь и ни на что не оглядываясь. Вспомнивъ, между прочимъ, дорогою, что есть у него недалеко знакомый трактиръ, забѣжалъ онъ въ трактиръ, не медля ни минуты пристроился къ столику, освѣщенному сальною свѣчкою, и, не обращая ни на что вниманія, не слушая половаго, явившагося за приказаніями, сломалъ печать и началъ читать нижеслѣдующее, окончательно его поразившее:

«Милостивый государь мой,
Яковъ Петровичъ.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ, милостивый мой государь, яснымъ образомъ давалъ я вамъ знать, что дальнѣйшія между нами сношенія не только будутъ мнѣ весьма-непріятны, но даже повредятъ моимъ личнымъ выгодамъ. Ибо всему свѣту извѣстно, что сообщество особъ, недорожащихъ мнѣніемъ людей благонамѣренныхъ, особъ отверженныхъ, наконецъ, обществомъ хорошаго тона, можетъ быть не только пагубнымъ для людей неразвращенныхъ и незараженныхъ въ невинности своей тлетворнымъ дыханіемъ порока, но даже довести ихъ до окончательной гибели. Не смотря на все это, вы не унялись и продолжаете искать моей дружбы! Яснымъ же доказательствомъ мнѣнія моего о тлетворномъ ядѣ, сообщаемомъ вами, служитъ, во-первыхъ, замаранная репутація ваша у Измайловскаго-Моста и около. Во-вторыхъ, огласка и всеобщая оффиціальная публикація вашей безпорядочной жизни; въ-третьихъ, безпрерывное подсовываніе ваше на мѣсто себя совершенно-посторонихъ лицъ и, въ-четвертыхъ, обиды и ухищренія, предпринимаемыя вами противъ особъ, извѣстныхъ благонамѣренностью и откровенностью своего характера и прямотою души. Ибо нѣкоторые люди въ глаза фальшиво увѣряютъ въ дружбѣ своей, а за глаза имѣютъ пагубную привычку поносить нареченныхъ друзей своихъ не только позорнѣйшимъ образомъ, но даже бранными и обидными словами, какъ, на-примѣръ, названіемъ *Свища*, вѣроятно объясняя симъ словомъ, что друзья ихъ глупы и ничего въ головѣ не имѣютъ, а слѣдовательно голова ихъ уподобляется пустому орѣху, что̀ по-мужицки и называется *свищомъ*. Все это сдѣлали вы, милостивый мой государь, ровно пять мѣсяцевъ тому назадъ, въ бытность вашу у общаго намъ знакомаго Николая Сергѣевича Скороплёхина, и въ добавокъ при посторонихъ лицахъ. Далекъ отъ того, чтобъ себя передъ вами оправдывать, но между прочимъ всему свѣту извѣстно, что

излишнее остроуміе не только не есть главнѣйшая необходимость человѣческая, но даже вредитъ въ практической жизни, чему сами служите сожалѣнія достойнымъ примѣромъ, ибо погибаете не отъ чего инаго, какъ отъ излишняго своего остроумія. Я же еще неопытенъ, недавно изъ Вятской-Губерніи, обычаевъ здѣшнихъ не знаю, и потому благоразумно отъ излишняго остроумія уклоняюсь, стараясь, наоборотъ, прославиться однимъ моимъ добродушіемъ и прямотою характера, — качествами, которыми справедливо горжусь. Пишете вы наконецъ, милостивый мой государь, какъ-будто въ свое оправданіе, что самозванствомъ въ нашъ вѣкъ, дѣловой и промышленный (преимущественно посредствомъ пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ) — не возьмешь, и, какъ справедливо изволите утверждать, что Гришка Отрепьевъ другой разъ не можетъ явиться. Справедливо, и готовъ согласиться; но опять, и симъ пунктомъ письма своего, вы, милостивый государь, не только не принесли ничего въ свое оправданіе, но даже на себя-самого обратили свое обвиненіе, ибо тѣмъ доказали, во-первыхъ, что вы человѣкъ образованный и исторію драгоцѣннаго намъ отечества нашего знаете, а слѣдовательно, во-вторыхъ, и будучи образованнымъ и остроумнымъ человѣкомъ, не уберегліись и впали въ тѣ самые недостатки, которые теперь въ другихъ порицаете. Говорю же я сіе, милостивый мой государь, потому-что сами дѣйствуете обманомъ и самозванствомъ, намекая на извѣстныхъ лицъ, слагая на нихъ всѣ преступленія свои и тѣмъ стараясь спасти себя отъ неумолимой строгости законовъ. Грубые же и ожесточенные поступки ваши противъ особы женскаго пола, о имени которой умалчиваю изъ уваженія къ ней, заслуживаютъ одного лишь презрѣнія и обращаются къ собственному вашему, милостивый мой государь, позору и посрамленію. Но если вы, милостивый мой государь, забывъ честь и долгъ, сдѣлавъ сію особу навѣки несчастною и отвергли теперь всякія дальнѣйшія съ нею сношенія, то есть и существуютъ еще люди съ прямымъ и нелживымъ характеромъ, которые почтутъ за честь взять на себя, милостивый мой государь, весь ущербъ, нанесенный вами, чтобъ окончательно и благороднымъ образомъ загладить его. Ибо здѣсь всѣ говорятъ, что хлопотать о рукѣ сей особы и честно и выгодно; ибо сія особа происхожденія не постыднаго и не холопскаго и сдѣлала бы вамъ честь, предлагая вамъ руку. Ибо уже извѣстно вамъ, что родитель ея служилъ юнкеромъ въ германской конной артиллеріи. Сверхъ того, на Обуховскомъ-

Проспектѣ имѣетъ она короткаго знакомаго и пріятеля своего, занимающагося слѣсарнымъ искусствомъ, который, по словамъ самой извѣстной вамъ и всячески обиженной вами особы, совершенно не похожъ на какого-нибудь подлаго мужика слѣсаря, а, слѣдовательно, человѣкъ образованный; потомъ, троюроднаго своего братца, человѣка искренняго, благочестиваго и извѣстнаго мнѣ съ весьма-хорошей стороны, — булочника въ Большой-Подъяческой; потомъ, еще бывшаго кондитера, человѣка хотя бѣднаго, но съ весьма-солиднымъ и твердымъ характеромъ, и наконецъ роднаго дядю своего, господина ученаго, и сверхъ того химика, содержащаго собственную свою аптеку въ Сергіевской-Улицѣ. Наконецъ, и извѣстный вамъ докторъ медицины и хирургіи, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ, не откажется всѣмъ сильнымъ вліяніемъ своимъ содѣйствовать къ пользѣ и защитѣ оскорбленной своей соотечественницы. Въ заключеніе скажу вамъ, что просьба Каролины Ивановны относительно вашего дѣла уже давно подана, что ходитъ по этому дѣлу въ пользу Каролины Ивановны общій знакомый нашъ, Николай Сергѣевичъ Скороплёхинъ, что дѣло ея уже вошло во всеобщую огласку и публикацію, что на квартирахъ васъ не будутъ нигдѣ держать, что лишились вы всякаго кредита и довѣренности, что проиграете по службѣ; ибо еще сегодня утромъ предупреждены и разрушены были всѣ ваши козни просьбами и моленіями Каролины Ивановны передъ вашимъ начальствомъ, что, наконецъ, всѣ ваши надежды и вздорныя бредни на-счетъ Измайловскаго-Моста и около, должны будутъ при всеобщей гласкѣ и публикаціи о вашей развратной жизни разрушиться сами-собою, и вы, отверженный всѣми, терзаясь угрызеніями совѣсти, не будете знать, гдѣ голову свою преклонить, будете скитаться по цѣлому свѣту, и тщетно кормить въ своемъ сердцѣ змѣю своего разврата и мщенія. За симъ пребываю,

милостивый государь, вашимъ покорнымъ слугою

Н. Вахрамѣевымъ.»

Прочтя письмо Вахрамѣева, герой нашъ остался на нѣсколько минутъ какъ-бы пораженный громомъ. И такъ, все объяснилось, все, все! Все обнаружилось, и безбожье адской интриги взяло верхъ надъ невинностью. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ еще не все понималъ совершенно; онъ еще не могъ опомниться

отъ нашедшаго на него столбняка. Въ страшной тоскѣ, въ страшномъ волненіи, блѣдный какъ платокъ, съ письмомъ въ рукахъ, прошелся онъ нѣсколько разъ по комнатѣ; къ довершенію бѣдствія своего положенія, герой нашъ не замѣтилъ, что былъ въ настоящую минуту предметомъ исключительнаго вниманія всѣхъ находящихся въ комнатѣ. Вѣроятно, безпорядокъ костюма его, не сдерживаемое волненіе, ходьба или лучше сказать бѣготня, жестикуляція обѣими руками, можетъ-быть, нѣсколько загадочныхъ словъ, сказанныхъ на вѣтеръ и въ забывчивости, — вероятно, все это весьма-плохо зарекомендовало господина Голядкина въ мнѣніи всѣхъ посѣтителей; и даже самъ половой начиналъ поглядывать на него подозрительно. Очнувшись, герой нашъ замѣтилъ, что стоитъ посреди комнаты, и почти неприличнымъ, невѣжливымъ образомъ смотритъ на одного весьма-почтенной наружности старичка, который, пообѣдавъ и помолясь передъ образомъ Богу, усѣлся опять, и съ своей стороны тоже не сводилъ глазъ съ господина Голядкина. Смутно оглянулся кругомъ нашъ герой и замѣтилъ, что всѣ, решительно всѣ смотрятъ на него съ видомъ самымъ зловѣщимъ и подозрительнымъ. Вдругъ одинъ отставной военный съ краснымъ воротникомъ, громко потребовалъ «Полицейскія Вѣдомости». Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ и покраснѣлъ. Письмо Вахрамѣева и оффиціальная публикація мелькнули въ умѣ его. Въ то же самое мгновеніе, герой нашъ какъ-то нечаянно опустилъ глаза въ землю и увидѣлъ, что былъ въ такомъ неприличномъ костюмѣ, въ которомъ и у себя дома ему быть нельзя, не только въ общественномъ мѣстѣ. Сапоги, панталоны и весь лѣвый бокъ его были совершенно въ грязи, штрибка на правой ногѣ оторвана, а фракъ даже разорванъ во многихъ мѣстахъ. Въ неистощимой тоскѣ своей подошелъ нашъ герой къ столу, за которымъ читалъ, и увидѣлъ, что къ нему подходитъ трактирный служитель съ какимъ-то страннымъ и дерзко-настоятельнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Потерявшись и опавъ совершенно, герой нашъ началъ разсматривать столъ, за которымъ стоялъ теперь. На столѣ стояли неубранныя тарелки послѣ чьего-то обѣда, лежала замаранная салфетка, и валялись только-что бывшіе въ употребленіи ножъ, вилка и ложка. «Кто жь это обѣдалъ?» подумалъ герой нашъ. «Не-уже-ли я? А все можетъ быть! Пообѣдалъ, да такъ и не замѣтилъ-себѣ; какъ же мнѣ быть?» Поднявъ глаза, господинъ Голядкинъ увидѣлъ опять подлѣ себя половаго, который собирался ему что-то сказать.

— Сколько съ меня, братецъ? спросилъ нашъ герой трепещущимъ голосомъ.

Громкій смѣхъ раздался кругомъ господина Голядкина; самъ половой усмѣхнулся. Господинъ Голядкинъ понялъ, что и на этомъ срѣзался и сдѣлалъ какую-то страшную глупость. Поня̀въ все это, онъ до того сконфузился, что принужденъ былъ полѣзть въ карманъ за платкомъ своимъ, вѣроятно, чтобы что-нибудь сдѣлать и такъ не стоять; но, къ неописанному своему и всѣхъ окружавшихъ его изумленію, вынулъ, вмѣсто платка, стклянку съ какимъ-то лекарствомъ, дня четыре тому назадъ прописаннымъ Крестьяномъ Ивановичемъ. «Медикаменты въ той же аптекѣ», пронеслось въ головѣ господина Голядкина... Вдругъ онъ вздрогнулъ и чуть не вскрикнулъ отъ ужаса. Новый свѣтъ проливался... На ярлычкѣ стояло «аптекарь***, въ Сергіевской». Не обращая ни на что остальное вниманія, схватилъ господинъ Голядкинъ письмо Вахрамѣева и — о ужасъ! — изъ старавшихся за Каролину Ивановну, были, кромѣ другихъ остальныхъ, Крестьянъ Ивановичъ и аптекарь въ Сергіевской. Въ письмѣ же было сказано, что сегодняшнимъ утромъ дѣла его приняли другой оборотъ, и онъ предупрежденъ передъ высшимъ начальствомъ. Сегодняшнимъ же утромъ исчезъ Петрушка и, наконецъ, господинъ Голядкинъ проспалъ за полдень. «Можетъ-быть, ядъ! и я дѣйствіемъ яда проспалъ за полдень», пронеслось въ голове господина Голядкина; машинально сболталъ онъ лекарство, и поднесъ на свѣтъ пузырекъ...

Темная, красновато-отвратительная жидкость зловѣщимъ отсвѣтомъ блеснула въ глаза господину Голядкину... Пузырекъ выпалъ у него изъ рукъ и тутъ же разбился. Герой нашъ вскрикнулъ и отскочилъ шага на два назадъ отъ пролившейся жидкости... Герой нашъ дрожалъ всѣми членами, и потъ пробивался у него на вискахъ и на лбу. «Стало-быть, жизнь въ опасности!» Между-тѣмъ, въ комнатѣ произошло движеніе, смятеніе; всѣ окружали господина Голядкина, всѣ говорили господину Голядкину, нѣкоторые даже хватали господина Голядкина. Но герой нашъ былъ нѣмъ и недвижимъ, не видя ничего, не слыша ничего, не чувствуя ничего... Наконецъ, какъ-будто съ мѣста сорвавшись, бросился онъ вонъ изъ трактира, растолкалъ всѣхъ и каждаго изъ стремившихся удержать его, почти безъ чувствъ упалъ на первыя, попавшіяся ему извощичьи дрожки и полетѣлъ на квартиру.

Въ сѣняхъ квартиры своей встрѣтилъ онъ Михѣева, сторожа департаментскаго, съ казеннымъ пакетомъ въ рукахъ. «Знаю, другъ мой, все знаю» отвѣчалъ слабымъ, тоскливымъ голосомъ изнуренный герой нашъ: «это оффиціальное...» Въ пакетѣ дѣйствительно было предписаніе господину Голядкину, за подписью Андрея Филипповича, сдать находившіяся у него на рукахъ дѣла Ивану Семеновичу. Взявъ пакетъ и давъ сторожу гривенникъ, господинъ Голядкинъ пришелъ въ квартиру свою и увидѣлъ, что Петрушка готовитъ и собираетъ въ одну кучу весь свой дрязгъ и хламъ, всѣ свои вещи, очевидно намѣреваясь оставить господина Голядкина и переѣхать отъ него къ переманившей его Каролинѣ Ивановнѣ, чтобъ замѣнить ей Евстафія. Молча снялъ Петрушка шинель съ своего барина, хотѣлъ-было прибрать калоши, но калошъ не было, потому-что господинъ Голядкинъ ихъ потерялъ; проводилъ своего барина въ его комнату, подалъ свѣчу и молча указалъ ему на пакетъ, лежавшій на столикѣ. Пакетъ пришелъ по городской почтѣ. Машинально и почти не помня себя, распечаталъ его нашъ герой и прочелъ, къ величайшему своему изумленію и окончательному своему уничтоженію, нижеслѣдующее:

«Благородный, за меня страдающій и на вѣки милый сердцу моему человѣкъ!

Я страдаю, я погибаю, — спаси меня! Клеветникъ, интригантъ и известный безполезностью своего направленія человѣкъ опуталъ меня сѣтями своими, и я погибла! (Но онъ мнѣ противенъ, а ты!..) Насъ разлучали, мои письма къ тебѣ перехватывали, — и все это сдѣлалъ безнравственный, воспользовавшись однимъ своимъ лучшимъ качествомъ — сходствомъ съ тобою. Во всякомъ же случаѣ, можно быть дурнымъ собою, но плѣнять умомъ, сильнымъ чувствомъ и пріятными манерами... Я погибаю! Меня отдаютъ противъ воли, насильно, и всего болѣе интригуетъ здѣсь родитель, благодѣтель мой и статскій совѣтникъ Олсуфій Ивановичъ, вѣроятно, желая занять мое мѣсто и мои отношенія въ обществѣ высокаго тона... Но я рѣшилась, и протестую всѣми данными мнѣ природою средствами. Де-скать такъ и такъ, а я протестую, де-скать такъ и такъ... а вы, милостивый мой государь и мерзавецъ, того... и Отрепьевы въ нашъ вѣкъ невозможны... Де-скать спаси меня, милый сердцу моему человѣкъ! Не дай мнѣ погибнуть, и жди меня съ каре-

той своей сегодня ровно въ девять часовъ у оконъ квартиры господина Берендѣева. У насъ балъ. Я выйду, и мы полетимъ, полетимъ... и будемъ жить въ хижинѣ на берегу Хвалынскаго-Моря. Къ-тому же, есть другія мѣста служебныя, какъ-то: повытчикомъ въ палатѣ, въ губерніи. Престарѣлой же тётушки нашей Пелагѣи Семеновны мы съ собой не возьмемъ: она не соглашается ѣхать. Но во всякомъ случаѣ вспомни, мой другъ, что невинность сильна уже своею невинностью. Хороша еще одна нравственная идея на-счетъ своихъ мѣстъ и историческая идея о томъ, что Отрепьевы въ нашъ вѣкъ невозможны. Прощай, вспоминай обо мнѣ, и ради неба жди меня съ каретой своей у подъѣзда. Я же съ своей стороны брошусь подъ защиту объятій твоихъ ровно въ два часа пополуночи.

Твоя до гроба

Клара Олсуфьевна.»

ГЛАВА XIII.

О томъ, какъ господинъ Голядкинъ рѣшается похитить Клару Олсуфьевну, замѣчая, впрочемъ, что безнравственность воспитанія губитъ неопытныхъ дѣвушекъ. Нѣчто объ испанскихъ серенадахъ и о разныхъ разностяхъ, неудобныхъ въ суровомъ климатѣ нашемъ. О томъ, какъ господинъ Голядкинъ такъ и такъ объяснялся. Нѣчто о мастерскихъ художниковъ и о благородныхъ фамиліяхъ, вышедшихъ изъ Малороссіи. Господинъ Голядкинъ ѣдетъ къ Измайловскому-Мосту.

Лица̀, какъ говорится, не было на господинѣ Голядкинѣ, когда пришлось ему кончить неожиданное письмо, ужасное и страшное уже тѣмъ однимъ, что оно было совсѣмъ-неожиданное. Столько разнорѣчивыхъ обстоятельствъ, столько ударовъ, столько одинъ другому противорѣчащихъ ужасовъ! Блѣдный, потрясенный, встревоженный, приподнялся господинъ Голядкинъ со стула. Въ глазахъ у него зелепѣло; съ нимъ дѣлалось дурно. Чрезъ минуту онъ однако опомнился и позвалъ Петрушку. Петрушка вошелъ покачиваясь, держась какъ-то стран-

но–небрежно и съ какой–то холопски–торжественной миной въ лицѣ. Видно было, что Петрушка что–то задумалъ, чувствовалъ себя вполнѣ въ своемъ правѣ и смотрѣлъ совершенно–постороннимъ человѣкомъ, т. е. чьимъ–то другимъ служителемъ, но только никакъ не прежнимъ служителемъ господина Голядкина.

— Ну, вотъ видишь, мой милый, началъ, задыхаясь, герой нашъ: — который теперь часъ, милый мой?

Петрушка молча отправился за перегородку, потомъ воротился и довольно–независимымъ тономъ объявилъ, что ужь скоро половина восьмаго.

— Ну, хорошо, мой милый, хорошо. Ну, видишь, мой милый... позволь тебѣ сказать, милый мой, что между нами, кажется, теперь кончено все.

Петрушка молчалъ.

— Ну, теперь, какъ ужь все между нами кончилось, скажи ты мнѣ теперь откровенно, какъ другу скажи, гдѣ ты былъ, братецъ?

— Гдѣ былъ? между добрыхъ людей–съ.

— Знаю, мой другъ, знаю. Я тобою былъ постоянно доволенъ, мой милый, и аттестатъ тебѣ дамъ... Ну, что̀ же ты у нихъ теперь?

— Что̀ же, сударь! сами изволите знать–съ. Извѣстно–съ, добрый человѣкъ худому тебя не научитъ.

— Знаю, мой милый, знаю. Нынѣче добрые люди рѣдки, мой другъ; цѣни ихъ, мой другъ. Ну, ка̀къ же они?

— Извѣстно–съ какъ–съ... Только я у васъ, сударь, больше служить теперь не могу–съ; сами изволите знать–съ.

— Знаю, милый мой, знаю; твою ревность и усердіе знаю; я видѣлъ все это, другъ мой, я замѣчалъ. Я, мой другъ, тебя уважаю. Я добраго и честнаго человѣка, будь онъ и лакей, уважаю.

— Что̀ жь, извѣстно–съ! Извѣстно, сударь, что ужь между добрымъ человѣкомъ хорошо находиться–съ. Разное вѣдь случается, сударь, на кого нападешь... Нашъ братъ, конечно, сами изволите знать–съ, гдѣ лучше, тамъ и хлѣбъ себѣ добываетъ–съ. Ужь такъ оно–съ. Что̀ мнѣ! Извѣстно, сударь, что ужь безъ добраго человѣка нельзя–съ. Говорятъ: «что̀ тебѣ тамъ, добрый человѣкъ, дѣлать? тебѣ тамъ, добрый человѣкъ, у него, говорятъ, тебѣ не́чего дѣлать–съ.» Извѣстно, что ужь оно такъ, того–съ... не нами началось, не нами и кончится; а нашему брату вездѣ череда... извѣстно–съ.

— Ну, хорошо, братецъ, хорошо; я это чувствую, другъ мой, я это чувствую... Ну, вотъ твои деньги и вотъ твой аттестатъ. Теперь поцалуемся, братецъ, простимся съ тобою...

— Ну, теперь, милый мой, я у тебя попрошу одной услуги, послѣдней услуги, сказалъ господинъ Голядкинъ торжественнымъ тономъ. — Видишь ли, милый мой, вотъ оно какъ. Всякое бываетъ. Горе, другъ мой, кроется и въ позлащенныхъ палатахъ, и отъ него никуда не уйдешь. Ты знаешь, мой другъ, я, кажется, съ тобою всегда ласковъ былъ...

Петрушка молчалъ.

— Я, кажется, съ тобой всегда ласковъ былъ, милый мой... Ну, сколько у насъ теперь бѣлья, милый мой?

— Да все на лицо–съ. Рубашекъ холстинковыхъ шесть–съ; карпетокъ три пары; четыре манишки–съ; фуфайка фланелевая; ну, изъ нижняго платья двѣ штуки–съ. Сами знаете, все–съ. Я, сударь, вашего ничего–съ... Я, сударь, барское добро берегу–съ. Я вами, сударь, того–съ... извѣстно–єъ... а грѣха какого за мной — никогда, сударь; ужь это сами знаете, сударь...

— Вѣрю, другъ мой, вѣрю. Я не про то, мой другъ, не про то; видишь ли, вотъ что, мой другъ...

— Извѣстно, сударь–съ. Ужь это мы знаемъ–съ. Я, вотъ, когда еще у генерала Столбнякова служилъ–съ, такъ отпускали меня, уѣзжали сами въ Саратовъ... вотчина тамъ у нихъ...

— Нѣтъ, мой другъ, не про то; я ничего... ты не думай чего, милый другъ мой...

— Извѣстно–съ. Что ужь нашего брата–съ, сами изволите знать–съ, долго ли поклепать человѣка–съ. А мною были довольны вездѣ–съ. Были министры, генералы, сенаторы, графы–съ. Бывалъ у всѣхъ–съ, у князя Свинчаткина–съ, у Переборкина, полковника–съ, у Недобарова, генерала, тоже ходили–съ, въ вотчину ѣздили къ нашимъ–съ. Извѣстно–съ...

— Да́, мой другъ, да̀; хорошо, мой другъ, хорошо. Вотъ и я теперь, мой другъ, уѣзжаю... Путь всякому разный лежитъ, милый мой, и неизвѣстно, на какую дорогу каждый человѣкъ попасть можетъ. Ну, мой другъ, дай же ты мнѣ одѣться теперь; да́, ты виц–мундиръ мой тоже положишь... брюки другіе, простыни, одѣяла, подушки...

— Въ узелъ прикажете все завязать–съ?

— Да̀, мой другъ, да̀; пожалуй и въ узелъ... Кто знаетъ, что можетъ съ нами случиться́я. Ну, теперь, милый мой, сходишь и пріищешь карету...

— Карету-съ?..

— Да, мой другъ, карету, просторнѣе и на извѣстное время. А ты, мой другъ, не думай чего-нибудь...

— А далеко уѣзжать хотите-съ?

— Не знаю, мой другъ, этого тоже не знаю. Перину тоже, я думаю, туда же положить нужно будетъ. Какъ ты самъ думаешь, другъ мой? я на тебя полагаюсь, мой милый...

— Не́што сейчасъ изволите уѣзжать-съ?

— Да́, мой другъ, да́! Обстоятельство вышло такое, вотъ странное дѣло такое... вотъ оно какъ, милый мой, вотъ оно какъ...

— Извѣстно, сударь; вотъ у насъ въ полку, съ поручикомъ то же самое было-съ; тамъ у помѣщика-съ... увезли-съ...

— Увезъ?.. Какъ! милый мой, ты...

— Да-съ, увезли-съ и въ другой усадьбѣ вѣнчались. Все было заранѣ готово-съ. Погоня была-съ; князь тутъ только-съ вступились, покойникъ-съ, — ну, и уладили дѣло-съ...

— Вѣнчались, да... ты, какъ же, мой милый? ты-то какимъ же образомъ, милый мой?..

— Да ужь извѣстно-съ, что-съ! Слухомъ земля, сударь, полнится. Знаемъ, сударь, мы все-съ...

— Такъ вотъ, такъ и ты тутъ же, мой милый? какъ же это ты такъ?.. Ну, хорошо, хорошо... я на тебя полагаюсь. Видишь ли, другъ мой, обстоятельство тутъ вышло такое... Нѣчего, я думаю, тебѣ объяснять...

— Знаю, сударь, извѣстно, что ужь конечно, съ кѣмъ же грѣха не бывало. Только я вамъ скажу теперь, сударь, позвольте мнѣ, попросту, сударь, по-холопски сказать; ужь коль теперь на то пошло, такъ ужь я вамъ скажу, сударь: есть у васъ врагъ, суперника вы, сударь, имѣете, сильный суперникъ, вотъ-съ...

— Знаю, мой другъ, знаю; самъ ты, милый мой, знаешь... Ну, такъ вотъ я на тебя полагаюсь. Какъ же намъ теперь дѣлать, мой другъ?.. Какъ же намъ теперь, вотъ это, такимъ-то образомъ сдѣлать?

— А вотъ, сударь, если вы такъ теперь, такимъ, примѣрно сказать, манеромъ пошли, сударь, такъ вотъ вамъ понадобится тамъ что покупать-съ, — ну тамъ простыни, подушки, перину-другую-съ, одѣяло хорошее-съ, — такъ вотъ здѣсь, у сосѣдки-съ, внизу-съ: мѣщанка, сударь, она; лисій салопъ есть хорошій; такъ можно его посмотрѣть и купить, сударь, можно сейчасъ сходить посмотрѣть-съ. Оно же вамъ надобно, сударь,

теперь-съ; хорошій салопъ-съ, атласомъ крытый-съ, на лисьемъ мѣху-съ...

— Ну, хорошо, мой другъ, хорошо; я согласенъ, мой другъ, я на тебя полагаюсь, вполнѣ полагаюсь; пожалуй хоть и салопъ, милый мой... Только поскорѣй, поскорѣй! ради Бога, скорѣй! Я и салопъ куплю, только, пожалуйста, поскорѣй! Скоро восемь часовъ, скорѣй, ради Бога, мой другъ! поторопись поскорѣе, мой другъ!..

Петрушка бросилъ недовязанный узелъ бѣлья, подушекъ, одѣяла, простынь и всякаго дрязгу, что̀ сталъ-было вмѣстѣ сбирать и увязывать, и стремглавъ бросился вонъ изъ комнаты. Господинъ Голядкинъ, между-тѣмъ схватился еще разъ за письмо... но читать его онъ не могъ. Схвативъ въ обѣ руки свою побѣдную голову, онъ въ изумленіи прислонился къ стѣнѣ. Думать ни о чемъ онъ не могъ, дѣлать что-нибудь тоже не могъ; онъ и самъ не зналъ, что̀ съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видя, что время проходитъ, а ни Петрушки, ни салопа еще не являлось, господинъ Голядкинъ рѣшился пойдти самъ. Растворивъ дверь въ сѣни, онъ услышалъ внизу шумъ, говоръ, споръ и толки... Нѣсколько сосѣдокъ болтали, кричали, судили, рядили о чемъ-то, — ужь это господинъ Голядкинъ зналъ о чемъ именно. Слышался голосъ Петрушки; потомъ послышались чьи-то шаги. «Боже ты мой! Они сюда весь свѣтъ созовутъ!» простоналъ господинъ Голядкинъ, ломая руки въ отчаяніи и бросаясь назадъ въ̀ свою комнату. Прибѣжавъ въ свою комнату, онъ упалъ, почти не помня себя, на диванъ, лицомъ въ подушку. Съ минутку полежавъ такимъ-образомъ, онъ вскочилъ и, не дожидаясь Петрушки, надѣлъ свои калоши, шляпу, шинель, захватилъ свой бумажникъ и побѣжалъ стремглавъ съ лѣстницы. «Ничего, не нужно ничего, милый мой! я самъ, я все самъ. Тебя покамѣстъ не нужно, а между-тѣмъ дѣло, можетъ-быть, и уладится къ лучшему», пробормоталъ господинъ Голядкинъ Петрушкѣ, встрѣтивъ его на лѣстницѣ; потомъ выбѣжалъ на дворъ и вонъ изъ дому; сердце его замирало; онъ еще не рѣшался... Ка́къ ему быть, что̀ ему дѣлать, ка̀къ ему въ настоящемъ и критическомъ случаѣ поступить...

— Вѣдь вотъ-какъ поступить, Господи Богъ мой! И нужно же было быть всему этому! вскричалъ онъ наконецъ въ отчаяніи, куда глаза глядятъ, на удачу ковыляя по улицѣ: — нужно же было быть всему этому! Вѣдь вотъ не будь этого, вотъ именно этого, такъ все бы уладилось; разомъ, однимъ ударомъ,

однимъ ловкимъ, энергическимъ, твердымъ ударомъ уладилось бы. Палецъ даю на отсѣченіе, что уладилось бы! И даже знаю, какимъ именно образомъ уладилось бы. Оно бы вотъ-какъ все сдѣлалось: я бы тутъ и того — дескать такъ и такъ, а мнѣ, сударь мой, съ позволенія сказать, ни туда, ни сюда; дескать дѣла́ такъ не дѣлаются; дескать, сударь вы мой, милостивый мой государь, дѣла́ такъ не дѣлаются, и самозванствомъ у насъ не возьмешь; самозванецъ, сударь вы мой, человѣкъ того... безполезный, и пользы отечеству неприносящій. Понимаете ли вы это? Дескать понимаете ли вы это, милостивый мой государь?! Вотъ бы какъ оно и того... Да нѣтъ, впрочемъ, что́ же... оно вовсе вѣдь не того, совсѣмъ не того... Я-то что̀ вру, дуракъ дуракомъ! я-то, самоубійца я этакой! Оно, дескать, самоубійца ты этакой совсѣмъ, не того... Вотъ, однако, развращенный ты человѣкъ, вотъ оно какъ теперь дѣлается!.. Ну, куда я дѣнусь теперь? ну, что я, на-примѣръ, буду дѣлать теперь надъ собой? ну, куда я гожусь теперь? ну, куда ты, примѣромъ сказать, годишься теперь, Голядкинъ ты этакой, недостойный ты этакой! Ну, что̀ теперь? карету брать нужно; возьми, дескать, да подай ей карету сюда; дескать ножки замочимъ, если кареты не будетъ... И вотъ, кто бы подумать могъ? Ай-да барышня, ай сударыня вы моя! ай-да благонравнаго поведенія дѣвица! ай-да хваленая наша. Отличились, сударыня, нѐчего сказать, отличились!.. А это все происходитъ отъ безнравственности воспитанія; а я, какъ теперь поразсмотрѣлъ да пораскусилъ это все, такъ и вижу, что это не отъ инаго чего происходитъ, какъ отъ безнравственности. Чѣмъ бы смолода ее того... да и розгой подъ часъ, а они ее конфектами, а они ее сластями разными пичкаютъ, и самъ старикашка нюнитъ надъ ней: — дескать ты такая моя, да сякая моя ты хорошая, дескать за графа отдамъ тебя, моя сіятельная!.. А вотъ она и вышла у нихъ сіятельная! Такая-то, да сякая-то наша, — вотъ она и показала намъ теперь свои карты; дескать вотъ у насъ игра какова! чѣмъ бы дома держать ее смолода, а они ее въ пансіонъ, къ мадамъ Француженкѣ, къ эмигранткѣ Фальбала̀ тамъ какой-нибудь; а она тамъ добру всякому учится у эмигрантки-то Фальбала̀, — вотъ оно и выходитъ такимъ-то все образомъ. Дескать, подите, порадуйтесь! де-скать будьте въ каретѣ вотъ въ такомъ-то часу передъ окнами, и романсъ чувствительный по-испански пропойте; жду васъ, и знаю, что любите, и убѣжимъ съ вами вмѣстѣ, и будемъ жить въ хижинѣ; а сами вы, сударь мой, по-

вытчикомъ будете!.. Да, наконецъ, оно и нельзя; оно, сударыня моя, вы моя — если на то ужь пошло, — такъ оно и нельзя, такъ оно и законами запрещено честную и невинную дѣвицу изъ родительскаго дома увозить безъ согласія родителей! Да, наконецъ, и зачѣмъ, почему, и какая тутъ надобность? Ну, вышла бы тамъ–себѣ за кого слѣдуетъ, за кого судьбой предназначено, такъ и дѣло съ концомъ. А я человѣкъ служащій; а я мѣсто мое могу потерять изъ–за этого; я, сударыня вы моя, подъ судъ могу попасть изъ–за этого! вотъ оно что̀! коль не знали. И это я знаю все, раскусилъ это все; знаю, откудова все происходитъ, кто надъ этимъ работаетъ! Это Нѣмка работаетъ. Это отъ нея вѣдьмы все происходитъ; всѣ сыры–боры отъ нея загораются. Потому–что оклеветали человѣка, потому–что выдумали на него сплетню бабью, небылицу въ лицахъ, по совѣту Андрея Филипповича, отъ–того и происходитъ! Иначе, почему же Петрушкѣ тутъ вмѣшиваться? ему–то тутъ что́? шельмецу–то какая тутъ надобность? Нѣтъ, я не могу, сударыня, никакъ не могу, ни за что не могу... А вы меня, сударыня, на этотъ разъ ужь какъ–нибудь тамъ извините. Это отъ васъ, сударыня, все происходитъ, это не отъ Нѣмки все происходитъ, вовсе не отъ вѣдьмы, а чисто отъ васъ, потому–что вѣдьма добрая женщина, потому–что вѣдьма невиновата ни въ чемъ, а вы, сударыня вы моя, виноваты, — вотъ оно какъ! Вы, сударыня, вы меня въ напраслину вводите... Тутъ человѣкъ пропадаетъ, тутъ самъ отъ себя человѣкъ исчезаетъ, и самого–себя не можетъ сдержать — какая тутъ свадьба! И ка̀къ это кончится все? и ка́къ это теперь устроится и кончится все? Дорого бы я далъ, чтобъ узнать это все!..

Такъ разсуждалъ въ отчаяніи своемъ нашъ герой. Очнувшись вдругъ, замѣтилъ онъ, что гдѣ–то стоитъ на Литейной. Погода была ужасная: была оттепель, валилъ снѣгъ, шелъ дождь, — ну точь–въ–точь, какъ въ то незабвенное время, когда, въ страшный полночный часъ, начались всѣ несчастія господина Голядкина. — Какой тутъ вояжъ! думалъ господинъ Голядкинъ, смотря на погоду: — тутъ смерть, тутъ всеобщая смерть... Господи Богъ мой! ну гдѣ мнѣ, на–прим[ѣръ], здѣсь карету съискать? Вонъ тамъ на углу, кажется, что–то чернѣется. Посмотримъ, изслѣдуемъ... Господи Богъ мой! продолжалъ нашъ герой, направивъ слабые и шаткіе шаги свои въ ту сторону, гдѣ увидѣлъ что–то похожее на карету. Нѣтъ, я вотъ ка̀къ сдѣлаю:

отправлюсь, паду къ ногамъ, если можно, униженно буду испрашивать. Дескать такъ и такъ; въ ваши руки судьбу свою предаю, въ руки начальства; дескать, ваше превосходительство, защитите и облагодѣтельствуйте человѣка; такъ и такъ дескать, вотъ то-то и то-то, противозаконный поступокъ; не погубите, принимаю васъ за отца, не оставьте... амбицію, честь, имя и фамилію спасите... и отъ злодѣя, развращеннаго человѣка спасите... Онъ другой человѣкъ, ваше превосходительство, а я тоже другой человѣкъ; онъ особо и я тоже самъ-по-себѣ; право самъ-по-себѣ, ваше превосходительство, право самъ-по-себѣ; дескать вотъ оно ка́къ. Дескать походить на него не могу: перемѣните, благоволите, велите перемѣнить — и безбожный самовольный подмѣнъ уничтожить... не въ примѣръ другимъ, ваше превосходительство. Принимаю васъ за отца; начальство, конечно, благодѣтельное и попечительное начальство подобныя движенія должно поощрять... Тутъ есть даже нѣсколько рыцарскаго. Дескать принимаю васъ, благодѣтельное начальство, за отца и ввѣряю судьбу свою, и прекословить не буду, ввѣряюсь и самъ отстраняюсь отъ дѣлъ... дескать вотъ оно какъ!

— Ну, что̀, мой милый, извощикъ?

— Извощикъ...

— Карету, братъ, на вечеръ...

— А далеко ли ѣхать изволите-съ?

— На вечеръ, на вечеръ; куда бъ ни пришлось, милый мой, куда бъ ни пришлось.

— Не́што за городъ ѣхать изволите?

— Да́, мой другъ; можетъ и за городъ. Я еще самъ навѣрно не знаю, мой другъ, не могу тебѣ навѣрно сказать, милый мой. Оно, видишь ли, милый мой, можетъ-быть, все и уладится къ лучшему, и перемѣнится къ лучшему, когда маска спадетъ съ нѣкоторыхъ лицъ и кое-что обнажится. Извѣстно, мой другъ...

— Да, ужь извѣстно, сударь, конечно; дай Богъ всякому веселья и счастья...

— Да̀, мой другъ, да; благодарю тебя, милый мой; ну, что̀ же ты возьмешь, милый мой?..

— Сейчасъ изволите ѣхать-съ?

— Да́, сейчасъ, т. е. нѣтъ, подождешь въ одномъ мѣстѣ... такъ немножко, недолго подождешь, милый мой...

— Да, если ужь на все время берете-съ, такъ ужь меньше шести цѣлковыхъ, по погодѣ, нельзя-съ...

— Ну, хорошо, мой другъ, хорошо; а я тебя поблагодарю, милый мой. Ну, такъ вотъ ты меня и повезешь теперь, милый мой.

— Садитесь; позвольте, вотъ я здѣсь оправлю маленько; — извольте садиться теперь. Куда ѣхать прикажете?

— Къ Измайловскому-Мосту, мой другъ.

Извощикъ-кучеръ взгромоздился на козла и тронулъ-было пару тощихъ клячъ, которыхъ насилу оторвалъ отъ корыта съ сѣномъ къ Измайловскому-Мосту. Но вдругъ господинъ Голядкинъ дернулъ снурокъ, остановилъ карету и попросилъ умоляющимъ голосомъ поворотить назадъ, не къ Измайловскому-Мосту, а въ одну другую улицу. Кучеръ поворотилъ въ другую улицу, и чрезъ десять минутъ ново-пріобрѣтенный экипажъ господина Голядкина остановился передъ домомъ, въ которомъ квартировалъ его превосходительство. Господинъ Голядкинъ вышелъ изъ кареты, попросилъ своего кучера убѣдительно подождать и самъ взбѣжалъ съ замирающимъ сердцемъ вверхъ во второй этажъ, дернулъ за снурокъ, дверь отворилась, и нашъ герой очутился въ передней его превосходительства.

— Его превосходительство дома изволятъ быть? спросилъ господинъ Голядкинъ, адресуясь такимъ-образомъ къ отворившему ему человѣку.

— А вамъ чего-съ? спросилъ лакей, оглядывая съ ногъ до головы господина Голядкина.

— А я, мой другъ, того... Голядкинъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ Голядкинъ. Де-скать, такъ и такъ объясниться...

— Обождите; нельзя-съ...

— Другъ мой, я не могу обождать: мое дѣло важное, нетерпящее отлагательства дѣло...

— Да вы отъ кого? Вы съ бумагами?..

— Нѣтъ, я, мой другъ, самъ-по-себѣ... Доложи, мой другъ, дескать такъ и такъ объясниться. А я тебя поблагодарю, милый мой...

— Нельзя-съ. Не велѣно принимать; у нихъ гости-съ. Пожалуйте утромъ въ 10 часовъ-съ...

— Доложите же, милый мой; мнѣ нельзя, невозможно мнѣ ждать... Вы, милый мой, за это отвѣтите...

— Да ступай, доложи; что̀ тебѣ сапоговъ жаль, что̀ ли даромъ топтать? проговорилъ другой лакей, развалившійся на залавкѣ, и до-сихъ-поръ несказавшій ни слова.

— Сапоговъ топтать! Не велѣлъ принимать, знаешь? Ихняя череда по утрамъ.

— Доложи. Языкъ что́ ли отвалится?

— Да я–то доложу; языкъ не отвалится. Не велѣлъ, сказано, не велѣлъ. Войдите въ комнату–то.

Господинъ Голядкинъ вошелъ въ первую комнату; на столѣ стояли часы. Онъ взглянулъ; половина девятаго. Сердце у него заныло въ груди. Онъ было уже хотѣлъ воротиться; но въ эту самую минуту долговязый лакей, ставъ на порогѣ слѣдующей комнаты, громко провозгласилъ фамилью господина Голядкина. — «Эко вѣдь горло!» подумалъ въ неописанной тоскѣ нашъ герой... «Ну, сказалъ бы ты того... де–скать такъ и такъ, покорнѣйше и смиренно пришелъ объясниться, — того... благоволите принять... А теперь вотъ и дѣло испорчено, вотъ и все мое дѣло на вѣтеръ пошло; впрочемъ... да, ну — ничего»... Разсуждать, впрочемъ, не́чего было. Лакей воротился, сказалъ «пожалуйте» и ввелъ господина Голядкина въ кабинетъ.

Когда нашъ герой вошелъ, то почувствовалъ, что какъ–будто ослѣпъ, ибо рѣшительно ничего не видалъ. Мелькнули, впрочемъ, двѣ–три фигуры въ глазахъ: «Ну–да это гости» мелькнуло у господина Голядкина въ головѣ. Наконецъ, нашъ герой сталъ ясно отличать звѣзду на черномъ фракѣ его превосходительства, потомъ, сохраняя постепенность, перешелъ и къ черному фраку, наконецъ получилъ способность — полнаго созерцанія...

— Что̀–съ? проговорилъ знакомый голосъ надъ господиномъ Голядкинымъ.

— Титулярный совѣтникъ Голядкинъ, ваше превосходительство.

— Ну?

— Пришелъ объясниться...

— Ка́къ?.. Что̀?

— Да ужь такъ. Де–скать такъ и такъ пришелъ объясниться — ваше превосходительство–съ...

— Да, вы... да кто вы такой?..

— Го–го–господинъ Голядкинъ, ваше превосходительство, титулярный совѣтникъ.

— Ну, такъ чего же вамъ нужно?

— Де–скать такъ и такъ, принимаю его за отца; самъ отстраняюсь отъ дѣлъ, и отъ врага защитите, — вотъ ка́къ!

— Что̀ такое?..

— Извѣстно...

— Что̀ извѣстно?

Господинъ Голядкинъ молчалъ; подбородокъ его начинало понемногу подёргивать...

— Ну?

— Я думалъ, рыцарское, ваше превосходительство... Что здѣсь, дескать, рыцарское, и начальника за отца принимаю... дескать такъ и такъ, защитите, сле...слезно м...молю, и что такія дви...движенія долж...но по... по...поощрять...

Его превосходительство отвернулся. Герой нашъ нѣсколько мгновеній не могъ ничего разглядѣть своими глазами. Грудь его тѣснило. Духъ занимался. Онъ не зналъ гдѣ стоялъ... Было какъ-то стыдно и грустно ему. Богъ-знаетъ, что̀ было послѣ... Очнувшись, герой нашъ замѣтилъ, что его превосходительство говоритъ съ своими гостями, и какъ-будто рѣзко и сильно разсуждаетъ съ ними о чемъ-то. Одного изъ гостей господинъ Голядкинъ тотчасъ узналъ. Это былъ Андрей Филипповичъ; другаго же нѣтъ; впрочемъ, лицо было какъ-будто тоже знакомое, — высокая, плотная фигура, лѣтъ пожилыхъ, одаренная весьма-густыми бровями и бакенбардами, и выразительнымъ, рѣзкимъ взглядомъ. На шеѣ незнакомца былъ орденъ, а во рту сигарка. Незнакомецъ курилъ, и, не вынимая сигары изо рта, значительно кивалъ головою, взглядывая по-временамъ на господина Голядкина. Господину Голядкину стало какъ-то неловко; онъ отвелъ свои глаза въ сторону, и тутъ же увидѣлъ еще одного весьма-страннаго гостя. Въ дверяхъ, которыя герой нашъ принималъ доселѣ за зеркало, какъ нѣкогда то же случилось съ нимъ, — появился *онъ*... извѣстно кто, весьма-короткій знакомый и другъ господина Голядкина. Господинъ Голядкинъ-младшій дѣйствительно находился до-сихъ-поръ въ другой маленькой комнаткѣ и что́-то спѣшно писалъ; теперь, видно, понадобилось — и онъ явился, съ бумагами подъ мышкой, подошелъ къ его превосходительству и весьма-ловко, въ ожиданіи исключительнаго къ своей особѣ вниманія, успѣлъ втереться въ разговоръ и совѣтъ, занявъ свое мѣсто немного по-за спиной Андрея Филипповича, и отчасти маскируясь незнакомцемъ, курящимъ сигарку. По-видимому, господинъ Голядкинъ-младшій принималъ крайнее участіе въ разговорѣ, который подслушивалъ теперь благороднымъ образомъ, кивалъ головою, семенилъ ножками, улыбался, поминутно взглядывалъ на его превос-

ходительство, какъ-будто-бы умолялъ взоромъ, чтобъ и ему тоже позволили ввернуть свои полсловечка. Подлецъ! подумалъ господинъ Голядкинъ и невольно ступилъ шагъ впередъ. Въ это время генералъ оборотился и самъ довольно-нерѣшительно подошелъ къ господину Голядкину.

— Ну, хорошо, хорошо; ступайте съ Богомъ. Я поразсмотрю ваше дѣло, а васъ велю проводить... Тутъ генералъ взглянулъ на незнакомца съ густыми бакенбардами. Тотъ, въ знакъ согласія, кивнулъ головою.

Господинъ Голядкинъ чувствовалъ и понималъ ясно, что его принимаютъ за что̀-то другое, а вовсе не такъ, какъ бы слѣдовало. «Такъ или этакъ, а объясниться вѣдь нужно» подумалъ онъ: «такъ и такъ дескать, ваше превосходительство.» Тутъ въ недоумѣніи своемъ опустилъ онъ глаза въ землю, и къ крайнему своему изумленію, увидѣлъ на сапогахъ его превосходительства значительное бѣлое пятно. «Не-уже-ли лопнули?» подумалъ господинъ Голядкинъ. Вскорѣ однакожь господинъ Голядкинъ открылъ, что сапоги его превосходительства вовсе не лопнули, а только сильно отсвѣчивали, — феноменъ, совершенно объяснившійся тѣмъ, что сапоги были лакированные и сильно блестѣли. «Это называется *бликъ*», подумалъ герой нашъ «и особенно же сохраняется это названіе въ мастерскихъ художниковъ; въ другихъ же мѣстахъ этотъ отсвѣтъ называется *свѣтлымъ ребромъ*.» Тутъ господинъ Голядкинъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что пора говорить, потому-что дѣло весьма могло повернуться къ худому концу... Герой нашъ ступилъ шагъ впередъ.

— Дескать такъ и такъ, ваше превосходительство, сказалъ онъ: — а самозванствомъ въ нашъ вѣкъ не возьмешь.

Генералъ ничего не отвѣчалъ, а сильно позвонилъ за снурокъ колокольчика. Герой нашъ еще ступилъ шагъ впередъ.

— Онъ подлый и развращенный человѣкъ, ваше превосходительство, сказалъ нашъ герой, не помня себя, замирая отъ страха, и при всемъ томъ смѣло и рѣшительно указывая на недостойнаго близнеца своего, семенившаго въ это мгновеніе около его превосходительства: — такъ и такъ, дескать, а я на извѣстное лицо намекаю.

Послѣдовало всеобщее движеніе за словами господина Голядкина. Андрей Филипповичъ и незнакомая фигура закивали своими головами; его превосходительство дергалъ въ нетерпѣніи изъ всѣхъ силъ за снурокъ колокольчика, дозываясь людей.

Тутъ господинъ Голядкинъ–младшій выступилъ впередъ въ свою очередь.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ: — униженно прошу позволенія вашего говорить. Въ голосѣ господина Голядкина–младшаго было что–то крайне–рѣшительное; все въ немъ показывало, что онъ чувствуетъ себя совершенно въ правѣ своемъ.

— Позвольте спросить васъ, началъ онъ снова, предупреждая усердіемъ своимъ отвѣтъ его превосходительства и обращаясь въ этотъ разъ къ господину Голядкину: — позвольте спросить васъ, въ чьемъ присутствіи вы такъ объясняетесь? передъ кѣмъ вы стоите, въ чьемъ кабинетѣ находитесь?.. Господинъ Голядкинъ–младшій былъ весь въ необыкновенномъ волненіи, весь красный и пылающій отъ негодованія и гнѣва; даже слезы въ его глазахъ показались.

— Господа Бассаврюковы! проревѣлъ во все горло лакей, появившись въ дверяхъ кабинета. — «Хорошая дворянская фамилья, выходцы изъ Малороссіи» — подумалъ господинъ Голядкинъ, и тутъ же почувствовалъ, что кто–то весьма–дружескимъ образомъ налегъ ему одной рукой на спину; потомъ и другая рука налегла ему на спину; подлый близнецъ господина Голядкина юлилъ впереди, показывая дорогу, и герой нашъ ясно увидѣлъ, что его, кажется, направляютъ къ большимъ дверямъ кабинета. «Точь–въ–точь какъ у Олсуфія Ивановича», подумалъ онъ и очутился въ передней. Оглянувшись кругомъ, онъ увидѣлъ подлѣ себя двухъ лакеевъ его превосходительства и одного близнеца.

— Шинель, шинель, шинель, шинель друга моего! шинель моего лучшаго друга! защебеталъ развратный человѣкъ, вырывая изъ рукъ одного человѣка шинель и набрасывая ее, для подлой и неблагопріятной насмѣшки, прямо на голову господину Голядкину. Выбиваясь изъ–подъ шинели своей, господинъ Голядкинъ–старшій ясно услышалъ смѣхъ двухъ лакеевъ. Но, не слушая ничего и не внимая ничему постороннему, онъ ужь выходилъ изъ передней и очутился на освѣщенной лѣстницѣ. Господинъ Голядкинъ–младшій за нимъ.

— Прощайте, ваше превосходительство! закричалъ онъ вслѣдъ господину Голядкину–старшему.

— Подлецъ! проговорилъ внѣ себя герой.

— Ну, и подлецъ...

— Развратный человѣкъ!

— Ну, и развратный человѣкъ... отвѣчалъ такимъ-образомъ достойному господину Голядкину недостойный непріятель его и по свойственной ему подлости, глядѣлъ съ высоты лѣстницы, прямо и не смигнувъ глазомъ, въ глаза господину Голядкину, какъ-будто прося его продолжать. Герой нашъ плюнулъ отъ негодованія и выбѣжалъ на крыльцо. Выбѣжавъ на крыльцо, онъ былъ такъ убитъ, что совершенно не помнилъ, кто и ка́къ посадилъ его въ карету. Очнувшись, увидѣлъ онъ, что его везутъ по Фонтанкѣ. «Стало-быть, къ Измайловскому-Мосту?» подумалъ господинъ Голядкинъ... Тутъ господину Голядкину захотѣлось еще о чемъ-то подумать, но нельзя было; а было что-то такое ужасное, чего и объяснить невозможно... «Ну, ничего!» заключилъ нашъ герой и поѣхалъ къ Измайловскому-Мосту.

ГЛАВА XIV.

О томъ, какъ господинъ Голядкинъ похищаетъ Клару Олсуфьевну. О томъ, какъ случилось все то, что̀ господинъ Голядкинъ заранѣ предчувствовалъ. Конецъ всей этой совершенно-неправдоподобной исторіи.

...Казалось, что погода хотѣла перемѣниться къ лучшему. Дѣйствительно, мокрый снѣгъ, валившій доселѣ цѣлыми тучами, началъ мало-по-малу рѣдѣть, рѣдѣть и наконецъ почти совсѣмъ пересталъ. Стало видно небо, и на немъ тамъ-и-сямъ заискрились звѣздочки. Было только мокро, грязно, сыро и удушливо, особенно для господина Голядкина, который и безъ того уже едва духъ переводилъ. Вымокшая и отяжелѣвшая шинель его пронимала всѣ его члены какою-то непріятно-теплою сыростью, и тяжестью своею подламывала и безъ того уже сильно-ослабѣвшія ноги его. Какая-то лихорадочная дрожь гуляла острыми и ѣдкими мурашками по всему его тѣлу; изнеможеніе точило изъ него холодный, болѣзненный потъ, такъ-что господинъ Голядкинъ позабылъ уже при семъ удобномъ случаѣ повторить съ свойственною ему твердостью и рѣшимостью свою любимую фразу, что оно и все-то авось, можетъ-быть, какъ-нибудь навѣрное непремѣнно возьметъ да и уладится къ

лучшему. «Впрочемъ, это все еще ничего покамѣстъ» прибавилъ крѣпкій и неунывающій духомъ герой нашъ, отирая съ лица своего капли холодной воды, струившейся по всѣмъ направленіямъ съ полей круглой и до того взмокшей шляпы его, что уже вода не держалась на ней. Прибавивъ, что это все еще ничего, герой нашъ попробовалъ-было присѣсть на довольно-толстый деревянный обрубокъ, валявшійся возлѣ кучи дровъ на дворѣ Олсуфья Ивановича. Конечно, объ испанскихъ серенадахъ и о шелковыхъ лѣстницахъ нѣчего уже было думать; но объ укромномъ уголкѣ, хотя и несовсѣмъ-тепломъ, но за то уютномъ и скрытномъ, нужно же было подумать. Сильно соблазнялъ его, мимоходомъ сказать, тотъ самый уголокъ въ сѣняхъ квартиры Олсуфья Ивановича, гдѣ прежде еще, почти въ началѣ сей правдивой исторіи, выстаивалъ свои два часа нашъ герой, между шкафомъ и старыми ширмами, между всякимъ домашнимъ и ненужнымъ дрязгомъ, хламомъ и рухлядью. Дѣло въ томъ, что и теперь господинъ Голядкинъ стоялъ и выжидалъ уже цѣлые два часа на дворѣ Олсуфья Ивановича. Но относительно укромнаго и уютнаго прежняго уголка существовали теперь нѣкоторыя неудобства, прежде несуществовавшія. Первое неудобство — то, что, вѣроятно, это мѣсто теперь замѣчено и приняты на-счетъ его нѣкоторыя предохранительныя мѣры со времени исторіи на послѣднемъ балѣ у Олсуфья Ивановича; а во-вторыхъ, должно же было ждать условнаго знака отъ Клары Олсуфьевны, потому-что непремѣнно долженъ же былъ существовать какой-нибудь этакой знакъ условный. Такъ всегда дѣлалось и «дескать не нами началось, не нами и кончится». Господинъ Голядкинъ тутъ же кстати мимоходомъ припомнилъ какой-то романъ, уже давно имъ прочитанный, гдѣ героиня подала условный знакъ Альфреду совершенно въ подобномъ же обстоятельствѣ, привязавъ къ окну розовую ленточку. Но розовая ленточка теперь, ночью и при санктпетербургскомъ климатѣ, извѣстномъ своею сыростью и ненадежностью, въ дѣло идти не могла, и, однимъ словомъ, была совсѣмъ-невозможна. «Нѣтъ, тутъ не до шелковыхъ лѣстницъ» подумалъ герой нашъ: «а я лучше здѣсь такъ-себѣ, укромно и въ-тихомолочку... я лучше вотъ, на-примѣръ, здѣсь стану», и выбралъ мѣстечко одно на дворѣ, противъ самыхъ оконъ Олсуфья Ивановича, около кучи складенныхъ дровъ. Конечно, на дворѣ ходило много постороннихъ людей, форрейторовъ, кучеровъ; къ тому же стучали колеса и фыркали лошади, и т. д.; но все-таки мѣсто было

удобное: во-первыхъ, можно было тутъ дѣйствовать въ-тихомолочку, а во-вторыхъ, замѣтятъ ли, не замѣтятъ ли, а теперь по-крайней-мѣрѣ выгода та, что дѣло-то происходитъ нѣкоторымъ-образомъ въ тѣни, и господина Голядкина не видитъ никто; самъ же онъ могъ видѣть рѣшительно все. Окна были сильно освѣщены; былъ какой-то торжественный съѣздъ у Олсуфья Ивановича. Музыки, впрочемъ, еще не было слышно. «Стало-быть, это не балъ, а такъ, по какому-нибудь другому случаю съѣхались» думалъ, отчасти замирая, герой нашъ. «Да сегодня ли, впрочемъ?» пронеслось въ его головѣ: «не ошибка ли въ числѣ? Можетъ быть, все можетъ быть... Оно вотъ это ка́къ можетъ быть все... Оно еще, можетъ-быть, вчера было письмо-то написано, а ко мнѣ не дошло, и потому не дошло, что Петрушка сюда замѣшался, шельмецъ онъ такой! Или завтра написано, то-есть, что̀ я... что завтра нужно было все сдѣлать, то-есть съ каретой-то ждать...» Тутъ герой нашъ похолодѣлъ окончательно и полѣзъ въ свой карманъ за письмомъ, чтобъ справиться. Но письма, къ удивленію его, не оказалось въ карманѣ. «Ка́къ же это?» прошепталъ полумертвый господинъ Голядкинъ: «гдѣ же это я оставилъ его? Стало-быть, я его потерялъ? — этого еще не доставало!» простоналъ онъ наконецъ въ заключеніе. «Ну, если я его такимъ-то образомъ потерялъ? Ну, если оно въ недобрыя руки теперь попадетъ? (Да, можетъ, попало уже!) Господи! что́ изъ этого всего воспослѣдуетъ? Да что̀ воспослѣдуетъ! Будетъ такое, что ужь... Ахъ, ты, судьба ты моя ненавистная!» Тутъ господинъ Голядкинъ какъ листъ задрожалъ при мысли, что, можетъ-быть, неблагопристойный близнецъ его, набрасывая ему шинель на голову, имѣлъ именно цѣлью похитить письмо, о которомъ какъ-нибудь тамъ пронюхалъ отъ враговъ господина Голядкина. «Къ-тому же, онъ перехватываетъ» подумалъ герой нашъ: «доказательствомъ же... да что́ доказательствомъ!..» Послѣ перваго припадка и столбняка ужаса, кровь бросилась въ голову господина Голядкина. Со стономъ и скрежеща зубами схватилъ онъ себя за горячую голову, опустился на свой обрубокъ и началъ думать о чемъ-то... Но мысли какъ-то ни о чемъ не вязались въ его головѣ. Мелькали какія-то лица, припоминались то неясно, то рѣзко какія-то давно-забытыя происшествія, лѣзли въ голову какіе-то мотивы какихъ-то глупыхъ пѣсень... Тоска, тоска была неестественная! «Боже мой! Боже мой!» подумалъ нѣсколько очнувшись герой нашъ и подавляя глухое рыданіе въ

груди: «подай мнѣ твердость духа въ неистощимой глубинѣ моихъ бѣдствій! Что пропалъ я, исчезъ совершенно, — въ этомъ ужь нѣтъ никакого сомнѣнія, и это все въ порядкѣ вещей, ибо и быть не можетъ никакимъ другимъ образомъ. Во-первыхъ, я мѣста лишился, непремѣнно лишился, никакъ не могъ не лишиться... Ну, да положимъ, оно и уладится какъ-нибудь тамъ. Деньжонокъ же моихъ, положимъ, и достанетъ на первый разъ; тамъ квартирёнку другую какую-нибудь, мёбелишки какой-нибудь нужно же... Петрушки же, во-первыхъ, не будетъ со мной. Я могу и безъ шельмеца... этакъ отъ жильцовъ; ну, хорошо! И входишь и уходишь когда мнѣ угодно, да и Петрушка не будетъ ворчать, что поздно приходишь, — вотъ оно какъ; вотъ почему отъ жильцовъ хорошо... Ну, да положимъ, это все хорошо; только какъ же я все не про то говорю, вовсе не про то говорю? это будетъ вотъ какъ... оно вотъ какъ будетъ...» Тутъ мысль о настоящемъ положеніи озарила память господина Голядкина. Онъ оглянулся кругомъ. «Ахъ, ты, Господи Богъ мой! Господи Богъ мой! да о чемъ же это я теперь говорю?» подумалъ онъ, растерявшись совсѣмъ и хватая себя за свою горячую голову...

— Нѣшто скоро, сударь, изволите ѣхать? произнесъ голосъ надъ господиномъ Голядкинымъ. Господинъ Голядкинъ вздрогнулъ; но передъ нимъ стоялъ его извощикъ, тоже весь до нитки измокшій и продрогшій, отъ нетерпѣнія и отъ нѣчего-дѣлать вздумавшій заглянуть къ господину Голядкину за дрова.

— Я, мой другъ, ничего... я, мой другъ, скоро, очень-скоро, а ты подожди...

Извощикъ ушелъ, ворча себѣ подъ носъ. — Объ чемъ же онъ это ворчитъ? думалъ сквозь слезы господинъ Голядкинъ: — вѣдь я его нанялъ же на вечеръ, вѣдь я того... въ своемъ правѣ теперь... вотъ оно какъ! на вечеръ нанялъ, такъ и дѣло съ концомъ; дескать, милый ты мой, и дѣло съ концомъ. Хоть и такъ простоишь, все равно. Все въ моей волѣ. Воленъ ѣхать и воленъ не ѣхать. Дескать, вотъ оно какъ! И что вотъ здѣсь за дровами стою, такъ и это совсѣмъ ничего... и не смѣешь ничего говорить; дескать, барину хочется за дровами стоять, вотъ онъ и стоитъ за дровами... и чести ничьей не маретъ, — вотъ оно какъ! Вотъ оно какъ, сударыня вы моя, если только это вамъ хочется знать. А въ хижинѣ, сударыня вы моя, дескать, такъ и такъ, въ нашъ вѣкъ никто не живетъ. Оно вотъ что! А безъ благонравія въ нашъ промышленный вѣкъ, сударыня вы моя, не возьмешь, чему сами теперь служите пагубнымъ примѣромъ...

Дескать, повытчикомъ нужно служить и въ хижинѣ жить, на морскомъ берегу. Во-первыхъ, сударыня вы моя, на морскихъ берегахъ нѣтъ повытчиковъ, а во-вторыхъ и достать его намъ съ вами нельзя, повытчика-то. Ибо, положимъ, примѣрно-сказать, вотъ я просьбу подаю, являюсь — дескать такъ и такъ, въ повытчики, дескать того... и отъ врага защитите... а вамъ скажутъ, сударыня, дескать того... повытчиковъ много, и что вы здѣсь не у эмигрантки Фальбала́, гдѣ вы благонравію учились, чему сами служите пагубнымъ примѣромъ. Благонравіе же, сударыня, значитъ дома сидѣть, отца уважать и не думать о женишкахъ прежде времени. Женишки же, сударыня, въ свое время найдутся, — вотъ оно ка́къ! Конечно, разнымъ талантамъ безспорно нужно умѣть, какъ-то: на фортепьянахъ иногда поиграть, по-французски говорить, исторіи, географіи, закону Божію и ариѳметикѣ, — вотъ оно ка́къ! — а больше не нужно. Къ-тому же, и кухня; непремѣнно въ область вѣдѣнія всякой благонравной дѣвицы должна входить кухня! А то, что́ тутъ? во-первыхъ, красавица вы моя, милостивая моя государыня, васъ не пустятъ, а пустятъ за вами погоню, и потомъ подъ сюркупъ, въ монастырь. Тогда что́, сударыня вы моя? тогда мнѣ-то что̀ дѣлать прикажете? прикажете мнѣ, сударыня вы моя, слѣдуя нѣкоторымъ глупымъ романамъ, на ближній холмъ приходить, и таять въ слезахъ смотря на хладныя стѣны вашего заключенія, и наконецъ умереть, слѣдуя привычкѣ нѣкоторыхъ скверныхъ нѣмецкихъ поэтовъ и романистовъ, такъ ли, сударыня? Да, во-первыхъ, позвольте сказать вамъ по-дружески, что дѣла̀ такъ не дѣлаются, а во-вторыхъ, и васъ, да и родителей-то вашихъ посѣкъ бы препорядочно за то, что французскія-то книжки вамъ давали читать; ибо французскія книжки добру не научатъ. Тамъ ядъ... ядъ тлетворный, сударыня вы моя! Или вы думаете, позвольте спросить васъ, или вы думаете, что, дескать, такъ и такъ, убѣжимъ безнаказанно, да и того... дескать, хижинку вамъ на берегу Хвалынскаго-Моря; а я съ моей стороны буду повытчикомъ, да и ворковать начнемъ и объ чувствахъ разныхъ разсуждать, да такъ и всю жизнь проведемъ, въ довольствѣ и счастіи; да потомъ заведется птенецъ, такъ мы и того... дескать, такъ и такъ, родитель нашъ и статскій совѣтникъ, Олсуфій Ивановичъ, вотъ, дескать, птенецъ завелся, такъ вы по сему удобному случаю снимите проклятіе, да благословите чету? Нѣтъ, сударыня, и опять-таки дѣла́ такъ не дѣлаются, и первое дѣло то, что воркованія не будетъ, не

извольте надѣяться. Ныньче мужъ, сударыня вы моя, господинъ, и добрая, благовоспитанная жена должна во всемъ угождать ему. А нѣжностей, сударыня, ныньче не любятъ, въ нашъ промышленный вѣкъ; дескать, прошли времена Жанъ-Жака Руссо. Мужъ, на-прим[ѣръ], ныньче приходитъ голодный изъ должности, — дескать, душенька, нѣтъ ли чего закусить, водочки выпить, селедочки съѣсть? такъ у васъ, сударыня, должна быть сейчасъ на готовѣ и водочка и селедочка. Мужъ закуситъ-себѣ съ аппетитомъ, да на васъ и не взглянетъ, а скажетъ, поди-т-ка, дескать, на кухню, котеночекъ, да присмотри за обѣдомъ, да развѣ-развѣ въ недѣлю разокъ поцалуетъ, да и то равнодушно... Вотъ оно какъ по-нашему-то, сударыня вы моя! да и то, дескать, равнодушно!.. Вотъ оно какъ будетъ, если такъ разсуждать, если ужь на то пошло, что такимъ-то вотъ образомъ начать на дѣло смотрѣть... Да и я-то тутъ что́? меня-то, сударыня, въ ваши капризы зачѣмъ подмѣшали? Дескать, благодѣтельный, за меня страждущій и всячески милый сердцу моему человѣкъ, и т. д. Да, во-первыхъ, я, сударыня вы моя, я для васъ не гожусь, сами знаете, комплиментамъ не мастеръ, дамскіе тамъ разные раздушенные пустячки говорить не люблю, селадоновъ не жалую, да и фигурою, признаться, не взялъ. Ложнаго-то хвастовства и стыда вы въ насъ не найдете, а признаемся вамъ теперь во всей искренности. Дескать, вотъ оно какъ, обладаемъ лишь прямымъ и открытымъ характеромъ, да здравымъ разсудкомъ; интригами не занимаемся. Не интригантъ, дескать, и этимъ горжусь, — вотъ оно ка́къ!.. Хожу безъ маски между добрыхъ людей, и чтобъ все вамъ сказать...

Вдругъ господинъ Голядкинъ вздрогнулъ. Рыжая и взмокшая окончательно борода его кучера опять глянула къ нему за дрова...

— Я сейчасъ, мой другъ; я, мой другъ, знаешь, тотчасъ; я, мой другъ, тотчасъ же, отвѣчалъ господинъ Голядкинъ трепещущимъ и изнывающимъ голосомъ.

Кучеръ почесалъ въ затылкѣ, потомъ погладилъ свою бороду, потомъ шагнулъ шагъ впередъ... остановился и недовѣрчиво взглянулъ на господина Голядкина.

— Я сейчасъ, мой другъ; я, видишь... мой другъ... я немножко, я, видишь, мой другъ, только секундочку здѣсь... видишь, мой другъ...

— Нешто совсѣмъ не поѣдете? сказалъ наконецъ кучеръ рѣшительно и окончательно приступая къ господину Голядкину...

— Нѣтъ, мой другъ, я сейчасъ. Я, видишь, мой другъ, дожидаюсь...

— Такъ-съ...

— Я, видишь, мой другъ... ты изъ какой деревни, мой милый?

— Мы господскіе...

— И добрыхъ господъ?..

— Нешто́...

— Да́, мой другъ; ты постой здѣсь, мой другъ. Ты, видишь, мой другъ, ты давно въ Петербургѣ?

— Да ужь годъ ѣзжу...

— И хорошо тебѣ, другъ мой?

— Нешто̀.

— Да́, мой другъ, да̀. Благодари Провидѣніе, мой другъ. Ты, мой другъ, добраго человѣка ищи. Нынче добрые люди стали рѣдки, мой милый; онъ обмоетъ, нако̀рмитъ и напо̀итъ тебя, милый мой, добрый-то человѣкъ... А иногда, ты видишь, что и черезъ золото слезы льются, мой другъ... видишь плачевный примѣръ; вотъ оно ка́къ, милый мой...

Извощику какъ-будто стало жалко господина Голядкина.

— Да, извольте, я подожду-съ. Нѐшто долго ждать будете-съ?

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ; я ужь, знаешь, того я ужь не буду ждать, милый мой. Ка́къ ты думаешь, другъ мой? Я на тебя полагаюсь. Я ужь не буду здѣсь ждать...

— Не́што совсѣмъ не поѣдете?

— Нѣтъ, мой другъ; нѣтъ, а я тебя поблагодарю, милый мой... вотъ оно ка́къ. Тебѣ сколько слѣдуетъ, милый мой?

— Да ужь за что рядились, сударь, то и пожалуете. Ждалъ, сударь, долго; ужь вы человѣка не обидите, сударь.

— Ну, вотъ тебѣ, милый мой, вотъ тебѣ. Тутъ господинъ Голядкинъ отдалъ всѣ шесть рублей серебромъ извощику, и серьёзно рѣшившись не терять болѣе времени и заключивъ, что все это вѣрно такъ было, и что лучше всего его такъ и оставить, т. е. уйдти по-добру-по-здорову, тѣмъ болѣе, что уже окончательно рѣшено было дѣло и извощикъ отпущенъ былъ, и, слѣдовательно, ждать болѣе не́чего, пустился самъ со двора, вышелъ за ворота, поворотилъ на-лѣво и безъ оглядки, задыхаясь и радуясь, пустился бѣжать. «Оно, можетъ-быть, и все

устроится къ лучшему» думалъ онъ: «а я вотъ такимъ–то образомъ бѣды избѣжалъ.» Дѣйствительно, какъ–то вдругъ стало необыкновенно легко въ душѣ господина Голядкина. «Ахъ, кабы устроилось къ лучшему!» подумалъ герой нашъ, самъ, впрочемъ, мало себѣ на–слово вѣря. «Вотъ я и того...» думалъ онъ. «Нѣтъ, я лучше вотъ–какъ, и съ другой стороны... Или лучше вотъ этакъ мнѣ сдѣлать?..» Такимъ–то образомъ сомнѣваясь и ища ключа и разрѣшенія сомнѣній своихъ, герой нашъ добѣжалъ до Семеновскаго–Моста, а добѣжавъ до Семеновскаго–Моста, благоразумно и окончательно положилъ воротиться. «Оно и лучше», подумалъ онъ. «Я лучше съ другой стороны, т. е. вотъ–какъ. Я буду такъ–наблюдателемъ постороннимъ буду, да и дѣло съ концомъ; дескать я наблюдатель, лицо постороннее — и только; а тамъ, что̀ ни случись — не я виноватъ. Вотъ оно ка́къ! Вотъ оно такимъ–то образомъ и будетъ теперь.»

Положивъ воротиться, герой нашъ дѣйствительно воротился, тѣмъ болѣе, что, по счастливой мысли своей, ставилъ себя теперь лицомъ совсѣмъ–постороннимъ. «Оно же и лучше: и не отвѣчаешь ни за что, да и увидишь, что́ слѣдовало... вотъ оно какъ!» То–есть, разсчетъ былъ вѣрнѣйшій, да и дѣло съ концомъ. Итакъ, какъ дѣло было совершенно съ концомъ, и претендовать уже болѣе нѐкому, и такъ–какъ всѣ должны были быть совершенно–довольны и счастливы, то и герой нашъ въ свою очередь тоже совсѣмъ успокоился. Успокоившись, забрался онъ опять подъ мирную сѣнь своей успокоительной и охранительной кучи дровъ и внимательно сталъ смотрѣть на окна. Въ этотъ разъ смотрѣть и дожидаться пришлось ему недолго. Вдругъ во всѣхъ окнахъ разомъ обнаружилось какое–то странное движеніе, замелькали фигуры, открылись занавѣсы, цѣлыя группы людей толпились въ окнахъ квартиры Олсуфія Ивановича, всѣ искали и выглядывали чего–то на дворѣ. Обезпеченный своею спасительною кучею дровъ, герой нашъ тоже въ свою очередь съ любопытствомъ сталъ слѣдить за всеобщимъ движеніемъ и съ участіемъ вытягивать направо и налѣво свою голову, сколько по–крайней–мѣрѣ позволяла ему короткая тѣнь отъ дровяной кучи, его прикрывавшая. Вдругъ онъ оторопѣлъ, вздрогнулъ и едва не присѣлъ на мѣстѣ отъ ужаса. Дѣло–то было вотъ ка́къ... Дѣло–то все вотъ такимъ–то образомъ происходило теперь... Искали–то не что–нибудь и не кого–нибудь: искали просто его, господина Голядкина. Да оно и дѣйстви-

тельно такъ, и сомнѣнія болѣе нѣтъ никакого. Дескать, вотъ оно какъ, дескать такъ и такъ, а ищутъ господина Голядкина. Всѣ смотрятъ въ его сторону, всѣ указываютъ въ его сторону. Бѣжать было невозможно: увидятъ... Оторопѣвшій господинъ Голядкинъ прижался какъ-можно-плотнѣе къ дровамъ и тутъ только замѣтилъ, что предательская тѣнь измѣняла, что прикрывала она не всего его. Съ величайшимъ удовольствіемъ согласился бы нашъ герой пролѣзть теперь въ какую-нибудь мышиную щелочку между дровами, да тамъ и сидѣть-себѣ смирно, еслибъ только это было возможно. Но было рѣшительно-невозможно. Въ агоніи своей нашъ герой сталъ наконецъ рѣшительно и прямо смотрѣть на всѣ окна разомъ; оно же и лучше... И вдругъ сгорѣлъ со стыда окончательно. Его совершенно замѣтили, всѣ разомъ замѣтили, всѣ манятъ его руками, всѣ киваютъ ему головами, всѣ зовутъ его; вотъ щелкнуло и отворилось нѣсколько форточекъ; нѣсколько голосовъ разомъ что-то начали кричать ему... «Удивляюсь, какъ этихъ дѣвчонокъ не сѣкутъ еще съ-дѣтства», бормоталъ про себя нашъ герой, совсѣмъ потерявшись. Вдругъ съ крыльца сбѣжалъ *онъ* (извѣстно, кто) въ одномъ вицъ-мундирѣ, безъ шляпы, запыхавшись, загонявшись, юля, семеня и подпрыгивая, вѣроломно изъявляя ужаснѣйшую радость о томъ, что увидѣлъ наконецъ господина Голядкина.

— Яковъ Петровичъ, защебеталъ извѣстный своей безполезностью человѣкъ: — Яковъ Петровичъ, вы здѣсь? Вы простудитесь. Здѣсь холодно, Яковъ Петровичъ. Пожалуйте въ комнату.

— Яковъ Петровичъ! Нѣтъ-съ, я ничего, Яковъ Петровичъ, покорнымъ голосомъ пробормоталъ нашъ герой.

— Нѣтъ-съ, нельзя, Яковъ Петровичъ; просятъ, покорнѣйше просятъ, ждутъ насъ. «Осчастливьте, дескать, и приведите сюда Якова Петровича». Вотъ какъ-съ.

— Нѣтъ, Яковъ Петровичъ; я, видите ли, я бы лучше сдѣлалъ... Мнѣ бы лучше домой пойдти, Яковъ Петровичъ... говорилъ нашъ герой, горя на мелкомъ огнѣ и замерзая отъ стыда и ужаса, все въ одно время.

— Ни-ни-ни-ни! защебеталъ отвратительный человѣкъ. — Ни-ни-ни, ни за что! Идемъ! сказалъ онъ рѣшительно и потащилъ къ крыльцу господина Голядкина-старшаго. Господинъ Голядкинъ-старшій хотѣлъ-было вовсе не йдти; но такъ-какъ смотрѣли всѣ и сопротивляться и упираться было бы глупо, то

герой нашъ пошелъ, — впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ пошелъ, потому-что рѣшительно самъ не зналъ, что̀ съ нимъ дѣлается. Да ужь такъ ничего, за одно!

Прежде, нежели герой нашъ успѣлъ кое-какъ оправиться и опомниться, очутился онъ въ залѣ. Онъ былъ блѣденъ, растрепанъ, растерзанъ; мутными глазами окинулъ онъ всю толпу — ужасъ! Зала, всѣ комнаты, — все, все было полнымъ-полнёхонько. Людей было бездна, дамъ цѣлая оранжерея; все это тѣснилось около господина Голядкина, все это стремилось къ господину Голядкину, все это выносило на плечахъ своихъ господина Голядкина, весьма-ясно замѣтившаго, что его упираютъ въ какую-то сторону. «Вѣдь не къ дверямъ», пронеслось въ головѣ господина Голядкина. Дѣйствительно, упирали его не къ дверямъ, а прямо къ покойнымъ кресламъ Олсуфія Ивановича. Возлѣ креселъ, съ одной стороны стояла Клара Олсуфьевна, блѣдная, томная, грустная, впрочемъ, пышно-убранная. Особенно бросились въ глаза господину Голядкину маленькіе бѣленькіе цвѣточки въ ея черныхъ волосахъ, что̀ составляло превосходный эффектъ. Съ другой стороны креселъ, держался Владиміръ Семеновичъ, въ черномъ фракѣ, съ новымъ своимъ орденомъ въ петличкѣ. Господина Голядкина вели подъ-руки, и, какъ сказано было выше, прямо на Олсуфія Ивановича — съ одной стороны господинъ Голядкинъ-младшій, принявшій на себя видъ чрезвычайно-благопристойный и благонамѣренный, чему нашъ герой до-нельзя обрадовался, съ другой же стороны руководилъ его Андрей Филипповичъ съ самой торжественной миной въ лицѣ. «Что́ бы это?» подумалъ господинъ Голядкинъ. Когда же онъ увидалъ, что ведутъ его къ Олсуфію Ивановичу, то его вдругъ какъ-будто молніей озарило. Мысль о перехваченномъ письмѣ мелькнула въ головѣ его... Въ неистощимой агоніи предсталъ нашъ герой передъ кресла Олсуфія Ивановича. «Какъ мнѣ теперь?» подумалъ онъ про себя. «Разумѣется, этакъ все на смѣлую ногу, то-есть, съ откровенностью, нелишенною благородства; де-скать, такъ и такъ и т. д.» Но чего боялся, по-видимому, герой нашъ, то и не случилось. Олсуфій Ивановичъ принялъ, кажется, весьма-хорошо господина Голядкина, и хотя не протянулъ ему руки своей, но по-крайней-мѣрѣ, смотря на него, покачалъ своею сѣдовласою и внушающею всякое уваженіе головою, — покачалъ съ какимъ-то торжественно-печальнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ благосклоннымъ видомъ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, показалось господину Голядкину. Ему

показалось даже, что слеза блеснула въ тусклыхъ взорахъ Олсуфія Ивановича; онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что и на рѣсницахъ Клары Олсуфьевны, тутъ же стоявшей, тоже какъ-будто-бы блеснула слезинка, — что и въ глазахъ Владиміра Семеновича тоже какъ-будто-бы было что-то подобное, — что, наконецъ, ненарушимое и спокойное достоинство Андрея Филипповича тоже сто́ило общаго, слезящагося участія, — что, наконецъ, юноша, когда-то весьма походившій на важнаго совѣтника, уже горько рыдалъ, пользуясь настоящей минутой... Или это все, можетъ-быть, только такъ показалось господину Голядкину, потому-что онъ самъ весьма прослезился, и ясно слышалъ, ка́къ текли его горячія слезы по его холоднымъ щекамъ... Голосомъ полнымъ рыданій, примиренный съ людьми и судьбою, и крайне любя въ настоящее мгновеніе не только Олсуфія Ивановича, не только всѣхъ гостей, взятыхъ вмѣстѣ, но даже и зловреднаго близнеца своего, который теперь, по-видимому, вовсе былъ не зловреднымъ и даже не близнецомъ господину Голядкину, но совершенно-постороннимъ и крайне-любезнымъ самимъ-по-себѣ человѣкомъ, обратился-было герой нашъ къ Олсуфію Ивановичу съ трогательнымъ изліяніемъ души своей, но отъ полноты всего въ немъ накопившагося не могъ ровно ничего объяснить, а только весьма-краснорѣчивымъ жестомъ, молча, указалъ на свое сердце... Наконецъ, Андрей Филипповичъ, вѣроятно, желая пощадить чувствительность сѣдовласаго старца, отвелъ господина Голядкина немного въ сторону и оставилъ его, впрочемъ, кажется, въ совершенно-независимомъ положеніи. Улыбаясь, что-то бормоча себѣ подъ носъ, немного недоумѣвая, но во всякомъ случаѣ почти совершенно-примиренный съ людьми и судьбою, началъ пробираться герой нашъ куда-то сквозь густую массу гостей Олсуфія Ивановича. Всѣ ему давали дорогу, всѣ смотрѣли на него съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ и съ какимъ-то необъяснимымъ, загадочнымъ участіемъ. Герой нашъ прошелъ въ другую комнату: — то же вниманіе вездѣ; онъ глухо слышалъ, какъ цѣлая толпа тѣснилась по слѣдамъ его, ка́къ замѣчали его каждый шагъ, какъ въ-тихомолку всѣ между собою толковали о чемъ-то весьма-занимательномъ, качали головами, говорили, судили, рядили и шептались. Господину Голядкину весьма бы хотѣлось узнать, о чемъ они всѣ такъ судятъ и рядятъ и шепчутся. Онъ, впрочемъ, зналъ очень-хорошо о чемъ. Оглянувшись, герой нашъ замѣтилъ подлѣ себя господина Голядкина-

младшаго. Почувствовавъ необходимость схватить его руку и отвести его въ сторону, господинъ Голядкинъ убѣдительнѣйше попросилъ другаго Якова Петровича содѣйствовать ему при всѣхъ будущихъ начинаніяхъ и не оставлять его въ критическомъ случаѣ. Господинъ Голядкинъ-младшій важно кивнулъ головою и крѣпко сжалъ руку господина Голядкина-старшаго. Сердце затрепетало отъ избытка чувствъ въ груди героя нашего. Впрочемъ, онъ задыхался, онъ чувствовалъ, что его такъ тѣснитъ-тѣснитъ; что всѣ эти глаза, на него обращенные, какъ-то гнетутъ и давятъ его... Господинъ Голядкинъ увидалъ мимоходомъ того совѣтника, который носилъ парикъ на головѣ. Совѣтникъ глядѣлъ на него строгимъ, испытующимъ взглядомъ, вовсе несмягченнымъ отъ всеобщаго участія... Герой нашъ рѣшился-было идти къ нему прямо, чтобъ улыбнуться ему и немедленно съ нимъ объясниться; но дѣло какъ-то не удалось. На одно мгновеніе господинъ Голядкинъ почти забылся совсѣмъ, потерялъ и память и чувства... Очнувшись, замѣтилъ онъ, что вертится въ широкомъ кругу его обступившихъ гостей. Кое-какъ выбрался нашъ герой изъ широкаго круга и сталъ-было пробираться къ дверямъ. Вдругъ изъ другой комнаты крикнули господина Голядкина; крикъ разомъ пронесся по всей толпѣ. Все заволновалось, все зашумѣло, всѣ ринулись къ дверямъ первой залы; героя нашего почти вынесли на рукахъ, при чемъ твердосердый совѣтникъ въ парикѣ очутился бокъ-о-бокъ съ господиномъ Голядкинымъ. Наконецъ, онъ взялъ его за руку и посадилъ возлѣ себя, напротивъ сѣдалища Олсуфія Ивановича, въ довольно-значительномъ, впрочемъ, отъ него разстояніи. Всѣ, кто ни были въ комнатахъ, всѣ усѣлись въ нѣсколькихъ рядахъ кругомъ господина Голядкина и Олсуфія Ивановича. Все затихло и присмирѣло, всѣ наблюдали торжественное молчаніе, всѣ взглядывали на Олсуфія Ивановича, очевидно ожидая чего-то не совсѣмъ-обыкновеннаго. Господинъ Голядкинъ замѣтилъ, что возлѣ креселъ Олсуфія Ивановича, и тоже прямо противъ совѣтника, помѣстился другой господинъ Голядкинъ съ Андреемъ Филипповичемъ. Молчаніе длилось; чего-то дѣйствительно ожидали. «Точь въ точь, какъ въ семьѣ какой-нибудь при отъѣздѣ кого-нибудь изъ членовъ этой семьи въ дальній путь; стоитъ только встать да помолиться теперь», подумалъ герой нашъ. Вдругъ обнаружилось необыкновенное движеніе и прервало всѣ размышленія господина Голядкина. Случилось что-то давно ожидаемое. «Ѣдетъ, ѣдетъ!» пронеслось по толпѣ. «Кто?

это ѣдетъ?» пронеслось въ головѣ господина Голядкина, и онъ вздрогнулъ отъ какого-то страннаго ощущенія. «Пора!» сказалъ совѣтникъ, внимательно посмотрѣвъ на Андрея Филипповича. Андрей Филипповичъ съ своей стороны взглянулъ на Олсуфія Ивановича. Важно и торжественно кивнулъ головой Олсуфій Ивановичъ. «Встанемъ», проговорилъ совѣтникъ, подымая господина Голядкина. Всѣ встали. Тогда совѣтникъ взялъ за руку господина Голядкина-старшаго, а Андрей Филипповичъ господина Голядкина-младшаго, и оба торжественно свели двухъ совершенно-подобныхъ среди обставшей ихъ кругомъ и устремившейся въ ожиданіе толпы. Герой нашъ съ недоумѣніемъ осмотрѣлся кругомъ, но его тотчасъ остановили и указали ему на господина Голядкина-младшаго, который протянулъ ему руку. «Это мирить насъ хотятъ», подумалъ герой нашъ и съ умиленіемъ протянулъ свою руку господину Голядкину-младшему; потомъ, потомъ протянулъ къ нему свою голову. То же сдѣлалъ и другой господинъ Голядкинъ... Тутъ господину Голядкину-старшему показалось, что вѣроломный другъ его улыбается, что онъ бѣгло и плутовски мигнулъ всей окружавшей ихъ толпѣ, что есть что-то зловѣщее въ лицѣ неблагопристойнаго господина Голядкина-младшаго, что даже онъ отпустилъ гримаску какую-то въ минуту іудина своего поцалуя... Въ головѣ зазвонило у господина Голядкина, въ глазахъ потемнѣло; ему показалось, что бездна, цѣлая вереница совершенно-подобныхъ Голядкиныхъ съ шумомъ вламывается во всѣ двери комнаты; но было поздно... Звонкій, предательскій поцалуй раздался, и...

Тутъ случилось совсѣмъ-неожиданное обстоятельство... Двери въ залу растворились съ шумомъ, и на порогѣ показался человѣкъ, котораго одинъ видъ оледенилъ господина Голядкина. Ноги его приросли къ землѣ. Крикъ замеръ въ его стѣсненной груди. Впрочемъ, господинъ Голядкинъ зналъ все заранѣ и давно уже предчувствовалъ что-то подобное. Незнакомецъ важно и торжественно приближался къ господину Голядкину... Господинъ Голядкинъ эту фигуру очень-хорошо зналъ. Онъ ее видѣлъ, очень-часто видалъ, еще сегодня видалъ... Незнакомецъ былъ высокій, плотный человѣкъ, въ черномъ фракѣ, съ значительнымъ крестомъ на шеѣ, и одаренный густыми, весьма-черными бакенбардами; не доставало только сигарки во рту для дальнѣйшаго сходства... За то взглядъ незнакомца, какъ уже сказано, было оледенилъ ужасомъ господина Голядкина. Съ

важной и торжественной миной подошелъ страшный человѣкъ къ плачевному герою повѣсти нашей... Герой нашъ протянулъ ему руку; незнакомецъ взялъ его руку и потащилъ за собою... Съ потеряннымъ, съ убитымъ лицомъ оглянулся кругомъ нашъ герой...

— Это, это Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ, докторъ медицины и хирургіи, вашъ давнишній знакомецъ, Яковъ Петровичъ! защебеталъ чей-то противный голосъ подъ самымъ ухомъ господина Голядкина. Онъ оглянулся: то былъ отвратительный подлыми качествами души своей близнецъ господина Голядкина. Неблагопристойная, зловѣщая радость сіяла въ лицѣ его; съ восторгомъ онъ теръ свои руки, съ восторгомъ повертывалъ кругомъ свою голову, съ восторгомъ семенилъ кругомъ всѣхъ и каждаго; казалось, готовъ былъ тутъ же начать танцовать отъ восторга; наконецъ, онъ прыгнулъ впередъ, выхватилъ свѣчку у одного изъ слугъ и пошелъ впередъ, освѣщая дорогу господину Голядкину и Крестьяну Ивановичу. Господинъ Голядкинъ слышалъ ясно, какъ все, что ни было въ залѣ, ринулось вслѣдъ за нимъ, какъ всѣ забѣгали впередъ, тѣснились, давили другъ друга и всѣ вмѣстѣ въ голосъ начинали повторять за господиномъ Голядкинымъ: что это ничего; что не бойтесь, Яковъ Петровичъ, что это вѣдь старинный другъ и знакомецъ вашъ, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ... Наконецъ вышли на парадную, ярко-освѣщенную лѣстницу; на лѣстницѣ была тоже куча народа; съ шумомъ растворились двери на крыльцо, и господинъ Голядкинъ очутился на крыльцѣ вмѣстѣ съ Крестьяномъ Ивановичемъ. У подъѣзда стояла карета, запряженная четверней лошадей, которыя фыркали отъ нетерпѣнія. Злорадственный господинъ Голядкинъ-младшій въ три прыжка сбѣжалъ съ лѣстницы и самъ отворилъ карету. Крестьянъ Ивановичъ увѣщательнымъ жестомъ попросилъ садиться господина Голядкина. Впрочемъ, увѣщательнаго жеста было вовсе ненужно; было довольно народу подсаживать... Замирая отъ ужаса, оглянулся господинъ Голядкинъ назадъ: вся ярко-освѣщенная лѣстница была унизана народомъ; любопытные глаза глядѣли на него отвсюду; самъ Олсуфій Ивановичъ предсѣдалъ на самой верхней площадкѣ лѣстницы, въ своихъ покойныхъ креслахъ, и внимательно, съ сильнымъ участіемъ, смотрѣлъ на все совершавшееся. Всѣ ждали. Ропотъ нетерпѣнія пробѣжалъ по толпѣ, когда господинъ Голядкинъ оглянулся назадъ.

— Я надѣюсь, что здѣсь нѣтъ ничего... ничего предосудительнаго... или могущаго возбудить строгость... и вниманіе всѣхъ, касательно оффиціальныхъ отношеній моихъ? проговорилъ потерявшись герой нашъ. Говоръ и шумъ поднялся кругомъ; всѣ отрицательно закивали головами своими. Слезы брызнули изъ глазъ господина Голядкина.

— Въ такомъ случаѣ, я готовъ, я ввѣряюсь, я ввѣряюсь вполнѣ... такъ и такъ, дескать, самъ отступаюсь отъ дѣлъ и вручаю судьбу мою Крестьяну Ивановичу...

Только-что проговорилъ господинъ Голядкинъ, что онъ вручаетъ вполнѣ свою судьбу Крестьяну Ивановичу, какъ страшный, оглушительный, радостный крикъ вырвался у всѣхъ окружавшихъ его и самымъ зловѣщимъ откликомъ прокатился по всей ожидавшей толпѣ. Тутъ Крестьянъ Ивановичъ съ одной стороны, а съ другой Андрей Филипповичъ, взяли подъ руки господина Голядкина и стали сажать въ карету; двойникъ же, по подленькому обыкновенію своему, хлопоталъ и подсаживалъ сзади. Несчастный господинъ Голядкинъ-старшій бросилъ свой послѣдній, мутный взглядъ на всѣхъ и на все, и дрожа какъ котенокъ, котораго окатили холодной водой, — если позволятъ сравненіе, — влѣзъ въ карету; за нимъ тотчасъ же сѣлъ и Крестьянъ Ивановичъ. Карета захлопнулась: послышался ударъ бича по лошадямъ; лошади рванули экипажъ съ мѣста... все ринулось вслѣдъ за господиномъ Голядкинымъ; пронзительные, неистовые крики всѣхъ враговъ его покатились ему вслѣдъ, въ видѣ напутствія. Нѣкоторое время еще мелькали кое-какія лица кругомъ кареты, уносившей господина Голядкина; но наконецъ и они стали отставать-отставать, и наконецъ исчезли совсѣмъ. Долѣе всѣхъ оставался неблагопристойный близнецъ господина Голядкина; заложа руки въ боковые карманы своихъ форменныхъ зеленыхъ панталонъ, бѣжалъ онъ съ довольнымъ видомъ, подпрыгивая то съ одной, то съ другой стороны экипажа, иногда забѣгалъ и впередъ лошадей; иногда же, схватившись за рамку окна и повиснувъ всѣмъ тѣломъ своимъ, просовывалъ въ окно свою голову и умильно поглядывалъ на господина Голядкина-старшаго, улыбаясь ему, прощаясь съ нимъ, кивалъ ему головою и поминутно посылалъ ему рукой поцалуйчики... Наконецъ и онъ какъ-будто усталъ, рѣже и рѣже сталъ появляться по сторонамъ кареты и наконецъ исчезъ совершенно. Глухо занывало сердце въ груди господина

Голядкина, кровь горячимъ ключомъ била ему въ голову; ему было душно, ему хотѣлось разстегнуть свою одежду, обнажить свою грудь, обсыпать всю ее снѣгомъ и облить холодной водой... Онъ впалъ наконецъ въ забытье... Когда же очнулся, то увидѣлъ, что лошади несутъ его по какой-то ему почти-незнакомой дорогѣ; направо и налѣво чернѣлись какіе-то лѣса; было глухо и пусто. Кругомъ ни души живой. Пошелъ снѣгъ. Тоска давила кошмаромъ грудь господина Голядкина-старшаго. Ему стало страшно... Весь въ изнеможеніи, въ тоскѣ, въ агоніи, весь оробѣвшій, убитый прижался онъ плечомъ своимъ къ плечу молчаливаго Крестьяна Ивановича... Но вдругъ въ ужасѣ отъ него отшатнулся и прижался въ другой уголъ кареты. Волосы его поднялись дыбомъ. Холодный потъ катился по его вискамъ. Онъ взглянулъ – и обмеръ отъ ужаса... Два огненные глаза смотрѣли на него въ темнотѣ, и зловѣщею, адскою радостію блистали эти два глаза... Глаза эти близились-близились къ господину Голядкину... Онъ уже слышалъ чье-то прикосновеніе къ себѣ, чье-то жгучее дыханіе на лицѣ своемъ, чьи-то распростертыя надъ нимъ и готовыя схватить его руки. Это не Крестьянъ Ивановичъ! Кто это?.. Или это онъ?.. онъ! это Крестьянъ Ивановичъ, но только не прежній, это другой Крестьянъ Ивановичъ. «Нужно бутылки врагомъ не бывать» пронеслось въ головѣ господина Голядкина... Впрочемъ, онъ ничего ужь не думалъ. Медленно, трепетно закрылъ онъ глаза свои. Омертвѣвъ, онъ ждалъ чего-то ужаснаго – ждалъ... онъ уже слышалъ, чувствовалъ, и — наконецъ...

Но здѣсь, господа, кончается исторія приключеній господина Голядкина.

ГОСПОДИНЪ ПРОХАРЧИНЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Въ квартирѣ Устиньи Ѳедоровны, въ уголкѣ самомъ темномъ и скромномъ, помѣщался Семенъ Ивановичъ Прохарчинъ, человѣкъ уже пожилой, благомыслящій и непьющій. Такъ-какъ г. Прохарчинъ, при мелкомъ чинѣ своемъ, получалъ жалованья въ совершенную мѣру своихъ служебныхъ способностей, то Устинья Ѳедоровна никакимъ образомъ не могла имѣть съ него болѣе пяти рублей за квартиру помѣсячно. Говорили иные, что у ней былъ тутъ свой особый разсчетъ; но ка́къ бы тамъ ни было, а господинъ Прохарчинъ, словно въ отместку всѣмъ своимъ злоязычникамъ, попалъ даже въ ея фавориты, разумѣя это достоинство въ значеніи благородномъ и честномъ. Нужно замѣтить, что Устинья Ѳедоровна, весьма почтенная и дородная женщина, имѣвшая особенную наклонность къ скоромной пищѣ и кофею и черезъ силу перемогавшая посты, держала у себя нѣсколько штукъ такихъ постояльцевъ, которые платили даже и вдвое-дороже Семена Ивановича, но, не бывъ смирными и будучи, напротивъ того, всѣ до единаго «злыми надсмѣшниками» надъ ея бабьимъ дѣломъ и сиротскою беззащитностью, сильно проигрывали въ добромъ ея мнѣніи, такъ-что не плати они только денегъ за свои помѣщенія, такъ она не только жить пустить, но и видѣть-то не захотѣла бы ихъ у себя на квартирѣ. Въ фавориты же Семенъ Ивановичъ попалъ съ того самаго времени, какъ свезли на Волково увлеченнаго пристрастіемъ къ крѣпкимъ напиткамъ отставнаго, или, можетъ-быть, гораздо лучше будетъ сказать, одного исключеннаго человѣка. Увлеченный и исключенный хотя и ходилъ съ подбитымъ, по словамъ его, за храбро́сть глазомъ и имѣлъ одну ногу, тамъ какъ-то тоже изъ-за храбрости сломанную, — но тѣмъ не менѣе умѣлъ

снискать и воспользоваться всѣмъ тѣмъ благорасположеніемъ, къ которому только способна была Устинья Ѳедоровна, и, вѣроятно, долго бы прожилъ еще въ качествѣ самаго вѣрнаго ея приспѣшника и приживальщика, еслибъ не опился наконецъ самымъ глубокимъ, плачевнѣйшимъ образомъ. Случилось же это все еще на Пескахъ, когда Устинья Ѳедоровна держала всего только трехъ постояльцевъ, изъ которыхъ, при переѣздѣ на новую квартиру, гдѣ образовалось заведеніе на болѣе обширную ногу и пригласилось около десятка новыхъ жильцовъ, уцѣлѣлъ всего только одинъ г. Прохарчинъ.

Самъ ли господинъ Прохарчинъ имѣлъ свои неотъемлемые недостатки, товарищи ль его обладали таковыми же каждый, — но дѣла съ обѣихъ сторонъ пошли съ самаго начала какъ-будто не ладно. Замѣтимъ здѣсь, что всѣ до единаго изъ новыхъ жильцовъ Устиньи Ѳедоровны жили между собою словно братья родные; нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ служили; всѣ вообще поочередно каждое первое число проигрывали другъ другу свои жалованья въ банчишку, въ преферансъ и на биксѣ; любили подъ веселый часъ всѣ вмѣстѣ гурьбой насладиться, какъ говорилось у нихъ, шипучими мгновеніями жизни; любили иногда тоже поговорить о высокомъ, и хотя въ послѣднемъ случаѣ дѣло рѣдко обходилось безъ спора, но такъ-какъ предразсудки были изъ всей этой компаніи изгнаны, то взаимное согласіе въ такихъ случаяхъ не нарушалось нисколько. Изъ жильцовъ особенно замѣчательны были: Маркъ Ивановичъ, умный и начитанный человѣкъ; потомъ еще Оплеваніевъ-жилецъ; потомъ еще Преполовенко-жилецъ, тоже скромный и хорошій человѣкъ; потомъ еще былъ одинъ Зиновій Прокофьевичъ, имѣвшій непремѣнною цѣлью попасть въ высшее общество; наконецъ, писарь Океановъ, въ свое время едва не отбившій пальму первенства и фаворитства у Семена Ивановича; потомъ еще другой писарь Судьбинъ; Кантаревъ разночинецъ; — были еще и другіе. Но всѣмъ этимъ людямъ Семенъ Ивановичъ былъ какъ-будто не товарищъ. Зла ему, конечно, никто не желалъ, тѣмъ болѣе, что всѣ еще въ самомъ началѣ умѣли отдать Прохарчину справедливость и рѣшили словами Марка Ивановича, что онъ, Прохарчинъ, человѣкъ хорошій и смирный, хотя и не свѣтскій, вѣренъ, не льстецъ, имѣетъ, конечно, свои недостатки, но если пострадаетъ когда, то не отъ чего инаго, какъ отъ недостатка собственнаго своего воображенія. Мало того: хотя лишенный такимъ образомъ собственнаго своего воображенія,

господинъ Прохарчинъ фигурою своей и манерами не могъ, напримѣръ, никого поразить съ особенно выгодной для себя точки зрѣнія (къ чему любятъ придраться насмѣшники), но и фигура сошла ему съ рукъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывала; при чемъ Маркъ Ивановичъ, будучи умнымъ человѣкомъ, принялъ формально защиту Семена Ивановича и объявилъ довольно-удачно и въ прекрасномъ, цвѣтистомъ слогѣ, что Прохарчинъ человѣкъ пожилой и солидный и уже давнымъ-давно оставилъ за собой свою пору элегій. Итакъ, если Семенъ Ивановичъ не умѣлъ уживаться съ людьми, то единственно потому, что былъ самъ во всемъ виноватъ.

Первое, на что обратили вниманіе, было, безъ сомнѣнія, скопидомство и скаредность Семена Ивановича. Это тотчасъ замѣтили и приняли въ счетъ, ибо Семенъ Ивановичъ никакъ ни за что и ни кому не могъ одолжить своего чайника на подержаніе, хотя бы то было на самое малое время; и тѣмъ болѣе былъ несправедливъ въ этомъ дѣлѣ, что самъ почти совсѣмъ не пилъ чаю, а пилъ, когда была надобность, какой-то довольно пріятный настой изъ полевыхъ цвѣтовъ и нѣкоторыхъ цѣлебнаго свойства травъ, всегда въ значительномъ количествѣ у него запасенный. Впрочемъ, онъ и ѣлъ тоже совсѣмъ не такимъ образомъ, какъ обыкновенно ѣдятъ всякіе другіе жильцы. Никогда, напримѣръ, онъ не позволялъ себѣ съѣсть всего обѣда, предлагаемаго каждодневно Устиньей Ѳедоровной его товарищамъ. Обѣдъ стоилъ полтину; Семенъ Ивановичъ употреблялъ только 25 коп. мѣдью и никогда не восходилъ выше, и потому бралъ по порціямъ или одни щи съ пирогомъ, или одну говядину; чаще же всего не ѣлъ ни щей, ни говядины, а съѣдалъ въ мѣру ситнаго съ лукомъ, съ творогомъ, съ огурцомъ разсольнымъ, или съ другими приправами, что было несравненно дешевле, и только тогда, когда уже не въ мочь становилось, обращался опять къ своей половинѣ обѣда...

Здѣсь біографъ сознается, что онъ ни за что бы не рѣшился говорить о такихъ нестоющихъ, низкихъ и даже щекотливыхъ, скажемъ болѣе, даже обидныхъ для инаго любителя благороднаго слога подробностяхъ, еслибъ во всѣхъ этихъ подробностяхъ не заключалась одна особенность, одна господствующая черта въ характерѣ героя сей повѣсти; ибо господинъ Прохарчинъ далеко не былъ такъ скуденъ, какъ самъ иногда увѣрялъ, чтобъ даже харчей не имѣть постоянныхъ и сытныхъ, но дѣлалъ противное, не боясь стыда и людскихъ пересудовъ, собственно для

удовлетворенія своихъ странныхъ прихотей, изъ скопидомства и излишней осторожности, что̀, впрочемъ, гораздо яснѣе будетъ видно впослѣдствіи. Но мы остережемся наскучить читателю описаніемъ всѣхъ прихотей Семена Ивановича и не только пропускаемъ, напримѣръ, любопытное и очень смѣшное для читателя описаніе всѣхъ нарядовъ его, но даже, еслибъ только не показаніе самой Устиньи Ѳедоровны, наврядъ ли упомянули бы мы и о томъ, что Семенъ Ивановичъ во всю жизнь свою никакъ не могъ рѣшиться отдать свое бѣлье въ стирку, или рѣшался, но такъ рѣдко, что въ промежуткахъ можно было совершенно забыть о присутствіи бѣлья на Семенѣ Ивановичѣ. Въ показаніи же хозяйкиномъ значилось, что «Семенъ-отъ Ивановичъ младъ-голубчикъ, согрѣй его душеньку, гноилъ у ней уголъ два десятка лѣтъ, стыда не имѣя, ибо не только все время земнаго житія своего постоянно и съ упорствомъ чуждался носковъ, платковъ и другихъ подобныхъ предметовъ, но даже сама Устинья Ѳедоровна собственными глазами видѣла, съ помощію ветхости ширмъ, что ему, голубчику, не́чѣмъ было подчасъ своего бѣлаго тѣльца прикрыть». Такіе толки пошли уже по кончинѣ Семена Ивановича. Но при жизни своей (и здѣсь-то былъ одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ раздора) онъ никакимъ образомъ не могъ потерпѣть, не смотря даже на самыя пріятныя отношенія товарищества, чтобъ кто-нибудь не спросясь совалъ свой любопытный носъ къ нему въ уголъ, хотя бы то было даже и съ помощію ветхости ширмъ. Человѣкъ былъ совсѣмъ несговорчивый, молчаливый и на праздную рѣчь неподатливый. Совѣтниковъ не любилъ никакихъ, выскочекъ тоже не жаловалъ, и всегда бывало тутъ же на мѣстѣ укоритъ насмѣшника или совѣтника-выскочку, пристыдитъ его и дѣло съ концомъ. «Ты мальчишка, ты свистунъ, а не совѣтникъ, вотъ какъ; знай, сударь, свой карманъ, да лучше сосчитай, мальчишка, много ли нитокъ на твои онучки пошло, вотъ какъ!» Семенъ Ивановичъ былъ простой человѣкъ и всѣмъ рѣшительно говорилъ *ты*. Тоже никакъ не могъ онъ стерпѣть, когда кто-нибудь, зная всегдашній поровъ его, начнетъ, бывало, изъ одного баловства приставать и разспрашивать, что̀ у него лежитъ въ сундучкѣ... У Семена Ивановича былъ одинъ сундучокъ. Сундукъ этотъ стоялъ у него подъ кроватью и оберегаемъ былъ какъ зеница ока; и хотя всѣ знали, что въ немъ, кромѣ старыхъ тряпицъ, двухъ или трехъ паръ изъянившихся сапоговъ и вообще всякаго случившагося хламу и дрязгу, ровно не было ничего,

но господинъ Прохарчинъ цѣнилъ это движимое свое весьма высоко, и даже слышали разъ, какъ онъ, не довольствуясь своимъ старымъ, но довольно крѣпкимъ замкóмъ, поговаривалъ завести другой, какой-то особенной нѣмецкой работы, съ разными затѣями и съ потайною пружиною. Когда же одинъ разъ Зиновій Прокофьевичъ, увлеченный своимъ молодоуміемъ, обнаружилъ весьма неприличную и грубую мысль, что Семенъ Ивановичъ, вѣроятно, таитъ и откладываетъ въ свой сундукъ, чтобъ оставить потомкамъ, то всѣ, кто тутъ ни были около, принуждены были въ столбнякъ стать отъ необыкновенныхъ послѣдствій выходки Зиновья Прокофьевича. Во-первыхъ, господинъ Прохарчинъ на такую обнаженную и грубую мысль даже выраженій приличныхъ не могъ съ разу найдти. Долгое время изъ устъ его сыпались слова безо всякаго смысла, и наконецъ только разобрали, что Семенъ Ивановичъ, во-первыхъ, коритъ Зиновья Прокофьича однимъ его давнопрошедшимъ скареднымъ дѣломъ; потомъ распознали, будто Семенъ Ивановичъ предсказываетъ, что Зиновій Прокофьичъ ни за что не попадетъ въ высшее общество, а что вотъ портной, которому онъ долженъ за платье, его прибьетъ, непремѣнно прибьетъ за то, что долго мальчишка не платитъ, и что «наконецъ ты мальчишка», прибавилъ Семенъ Ивановичъ: «вишь тамъ хочешь въ гусарскіе юнкера перейдти, такъ вотъ не перейдешь, нарочно не перейдешь, грибъ съѣшь, а что вотъ тебя мальчишку, какъ начальство узнаетъ про все, возьмутъ да въ писаря отдадутъ; вотъ-молъ какъ, слышь ты, мальчишка!» Потомъ Семенъ Ивановичъ успокоился, но полежавъ часовъ пять, къ величайшему и всеобщему изумленію какъ-будто надумался, и вдругъ опять, сначала одинъ, а потомъ обращаясь къ Зиновію Прокофьичу, началъ его вновь укорять и стыдить. Но тѣмъ дѣло опять не кончилось и по вечеру, когда Маркъ Ивановичъ и Преполовенко-жилецъ затѣяли чай, пригласивъ къ себѣ въ товарищи писаря Океанова, Семенъ Ивановичъ слѣзъ съ постели своей, нарочно подсѣлъ къ нимъ, давъ свои двадцать или пятнадцать копѣекъ, и подъ видомъ того, что захотѣлъ вдругъ пить чаю, началъ весьма-пространно входить въ матерію и изъяснять, что бѣдный человѣкъ всего только бѣдный человѣкъ, а болѣе ничего, а что, бѣдному человѣку, ему копить нé изъ чего. Тутъ господинъ Прохарчинъ даже признался, единственно потому-что вотъ теперь оно къ слову пришлось, что онъ бѣдный человѣкъ; еще третьяго дня, у него, дерзкаго человѣка, занять

хотѣлъ денегъ рубль, а что теперь не займетъ, нарочно не займетъ, чтобъ не хвалился, мальчишка, что вотъ-молъ какъ, а жалованье у меня-де такое, что и корму не купишь; и что наконецъ онъ, бѣдный человѣкъ, вотъ такой, какъ вы его видите, самъ каждый мѣсяцъ своей золовкѣ по пяти рублей въ Тверь отсылаетъ, и что не отсылай онъ въ Тверь золовкѣ по пяти рублей въ мѣсяцъ, такъ умерла бы золовка, а еслибъ умерла золовка-нахлѣбница, то Семенъ Ивановичъ давно бы себѣ новую одёжу состроилъ... И такъ долго и пространно говорилъ Семенъ Ивановичъ о бѣдномъ человѣкѣ, о рубляхъ и золовкѣ и повторялъ одно и то же для сильнѣйшаго внушенія слушателямъ, что наконецъ сбился совсѣмъ, замолчалъ, и только три дня спустя, когда уже никто и не думалъ его задирать, и всѣ объ немъ позабыли, прибавилъ въ заключеніе что-то въ родѣ того, что когда Зиновій Прокофьичъ вступитъ въ гусары, такъ отрубятъ ему, дерзкому человѣку, ногу въ войнѣ, и надѣнутъ ему, вмѣсто ноги, деревяшку, и прійдетъ Зиновій Прокофьичъ и скажетъ «дай добрый человѣкъ Семенъ Ивановичъ хлѣбца!», такъ не дастъ Семенъ Ивановичъ хлѣбца и не посмотритъ на буйнаго человѣка Зиновія Прокофьевича, и что вотъ дескать ка́къ-молъ; поди-ка ты съ нимъ!

Все это, какъ и слѣдовало тому быть, показалось весьма-любопытнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страхъ какъ забавнымъ. Долго не думая, всѣ хозяйкины жильцы соединились для дальнѣйшихъ изслѣдованій и, собственно изъ одного любопытства, рѣшились наступить на Семена Ивановича гурьбою и окончательно. И такъ-какъ господинъ Прохарчинъ въ свое послѣднее время, т. е. съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ сталъ жить въ компаніи, тоже чрезвычайно какъ полюбилъ обо всемъ узнавать, разспрашивать и любопытствовать, что̀ вѣроятно дѣлалъ для какихъ-то собственныхъ тайныхъ причинъ, то сношенія обѣихъ враждебныхъ сторонъ начинались безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій и безъ тщетныхъ усилій, но какъ-будто случаемъ и сами собою. Для начатія сношеній, у Семена Ивановича былъ всегда въ запасѣ свой особый, довольно хитрый, а весьма впрочемъ замысловатый маневръ, частію уже извѣстный читателю: слѣзетъ, бывало, съ постели своей около того времени, какъ надо пить чай, и если увидитъ, что собрались другіе гдѣ-нибудь въ кучку для составленія напитка, подойдетъ къ нимъ какъ скромный, умный и ласковый человѣкъ, дастъ свои законныя двадцать копѣекъ, и объявитъ, что желаетъ участво-

вать. Тутъ молодёжь перемигивалась, и такимъ образомъ согласясь межъ собой на Семена Ивановича, начинала разговоръ сначала приличный и чинный. Потомъ какой-нибудь повострѣе пускался, какъ-будто ни въ чемъ не бывалъ, разсказывать про разныя новости, и чаще всего о матеріяхъ лживыхъ и совершенно неправдоподобныхъ. То, напримѣръ, что будто-бы слышалъ кто-то сегодня, какъ его превосходительство сказали самому Демиду Васильевичу, что, по ихъ мнѣнію, женатые чиновники «выйдутъ» посолиднѣе неженатыхъ и къ повышенію чиномъ удобнѣе; ибо смирные и въ бракѣ значительно болѣе пріобрѣтаютъ способностей, и что потому онъ, т. е. разскащикъ, чтобъ удобнѣе отличиться и пріобрѣсти, стремится какъ можно скорѣе сочетаться бракомъ съ какой-нибудь Ѳевроньей Прокофьевной. То, напримѣръ, что будто-бы неоднократно замѣчено про разныхъ иныхъ изъ ихъ братьи, что лишены они всякой свѣтскости и хорошихъ, пріятныхъ манеръ, а слѣдовательно и не могутъ нравиться въ обществѣ дамамъ, и что потому, для искорененія сего злоупотребленія, послѣдуетъ немедленно вычетъ у получающихъ жалованье, и на складочную сумму устроится такой залъ, гдѣ будутъ учить танцовать, пріобрѣтать всѣ признаки благородства и хорошее обращеніе, вѣжливость, почтеніе къ старшимъ, сильный характеръ, доброе, признательное сердце и разныя пріятныя манеры. То, наконецъ, говорили, что будто-бы выходитъ такое, что нѣкоторые чиновники, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ, должны для того, чтобъ немедленно сдѣлаться образованными, какой-то экзаменъ по всѣмъ предметамъ держать, и что такимъ образомъ, прибавлялъ разскащикъ, многое выйдетъ на чистую воду, и нѣкоторымъ господамъ прійдется положить свои карты на столъ, — однимъ словомъ, разсказывались тысяча такихъ или тому подобныхъ пренелѣпѣйшихъ толковъ. Для вида всѣ тотчасъ вѣрили, принимали участіе, разспрашивали, на себя смекали, а нѣкоторые, принявъ грустный видъ, начинали покачивать головами и совѣтовъ повсюду искать, какъ-будто въ томъ смыслѣ, что дескать, что̀ же имъ будетъ дѣлать, если ихъ постигнетъ? Само собой разумѣется, что и тотъ человѣкъ, который былъ бы гораздо менѣе добродушенъ и смиренъ, чѣмъ господинъ Прохарчинъ, смѣшался и запутался бы отъ такого̀ всеобщаго толка. Кромѣ того, по всѣмъ признакамъ можно совершенно безошибочно заключить, что Семенъ Ивановичъ былъ чрезвычайно тупъ и тугъ на всякую новую, для его разума непривычную мысль, и что, получивъ,

напримѣръ, какую-нибудь новость, всегда принужденъ былъ сначала ее какъ-будто переваривать и пережевывать, толку искать, сбиваться и путаться, и наконецъ развѣ одолѣвать ее, но и тутъ какимъ-то совершенно особеннымъ, ему только одному свойственнымъ образомъ... Открылись такимъ образомъ въ Семенѣ Ивановичѣ вдругъ разныя любопытныя и доселѣ неподозрѣваемыя свойства... Пошли пересуды и говоръ, и все это какъ было и съ прибавленіями дошло наконецъ своимъ путемъ въ Канцелярію. Способствовало эффекту и то, что господинъ Прохарчинъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, бывъ съ незапамятныхъ временъ почти все въ одномъ и томъ же лицѣ, перемѣнилъ физіономію: лицо сталъ имѣть безпокойное, взгляды пугливые, робкіе и немного подозрительные; сталъ чутко ходить, вздрагивать и прислушиваться, и, къ довершенію всѣхъ новыхъ качествъ своихъ, страхъ какъ полюбилъ отъискивать истину. Любовь къ истинѣ довелъ онъ наконецъ до того, что рискнулъ раза два справиться о вѣроятности ежедневно десятками получаемыхъ имъ новостей, даже у самого Демида Васильевича, и если мы здѣсь умалчиваемъ о послѣдствіяхъ этой выходки Семена Ивановича, то не отъ чего иного, какъ отъ сердечнаго состраданія къ его репутаціи. Такимъ образомъ, нашли, что онъ мизантропъ и пренебрегаетъ приличіями общества. Нашли потомъ, что много въ немъ фантастическаго, и тутъ тоже совсѣмъ не ошиблись, ибо неоднократно замѣчено было, что Семенъ Ивановичъ иногда совсѣмъ забывается, и сидя на мѣстѣ съ разинутымъ ртомъ и съ поднятымъ въ воздухъ перомъ, какъ-будто застывшій или окаменѣвшій, походитъ болѣе на тѣнь разумнаго существа, чѣмъ на то же разумное существо. Случалось нерѣдко, что какой-нибудь невинно-зазѣвавшійся господинъ, вдругъ встрѣчая его бѣглый, мутный и чего-то ищущій взглядъ, приходилъ въ трепетъ, робѣлъ, и немедленно ставилъ на нужной бумагѣ или жида, или какое-нибудь совершенно ненужное слово. Неблагопристойность поведенія Семена Ивановича смущала и оскорбляла истинно-благородныхъ людей... Наконецъ, никто уже болѣе не сталъ сомнѣваться въ фантастическомъ направленіи головы Семена Ивановича, когда, въ одно прекрасное утро, пронесся по всей Канцеляріи слухъ, что господинъ Прохарчинъ испугалъ даже самого Демида Васильевича, ибо, встрѣтивъ его въ корридорѣ, былъ такъ чуденъ и страненъ, что принудилъ его отступить... Проступокъ Семена Ивановича дошелъ наконецъ и до него самого. Услышавъ о немъ, онъ не-

медленно всталъ, бережно прошелъ между столами и стульями, достигъ передней, собственноручно снялъ шинель, надѣлъ, вышелъ — и исчезъ на неопредѣленное время. Оробѣлъ ли онъ, влекло ль его что̀ другое — не знаемъ, но ни дома, ни въ Канцеляріи на время его не нашлось...

Мы не будемъ объяснять судьбы Семена Ивановича прямо-фантастическимъ его направленіемъ; но однакожь не можемъ не замѣтить читателю, что герой нашъ — человѣкъ несвѣтскій, совсѣмъ-смирный, и жилъ до того самаго времени, какъ попалъ въ компанію, въ глухомъ, непроницаемомъ уединеніи, отличался тихостію и даже какъ-будто таинственностью; ибо все время послѣдняго житья своего на Пескахъ лежалъ на кровати за ширмами, молчалъ, и сношеній не держалъ никакихъ. Оба старые его сожителя жили совершенно такъ же, какъ онъ: оба были тоже какъ-будто таинственны, и тоже пятнадцать лѣтъ пролежали за ширмами. Въ патріархальномъ затишьи тянулись одинъ за другимъ счастливые, дремотные дни и часы, и такъ-какъ все вокругъ тоже шло своимъ добрымъ чередомъ и порядкомъ, то ни Семенъ Ивановичъ, ни Устинья Ѳедоровна ужь и не помнили даже хорошенько, когда ихъ и судьба-то свела. «А не то десять лѣтъ, не то ужь пятнадцать, не то ужь и всѣ тѣ же двадцать-пять» говорила она подъ-часъ своимъ новымъ жильцамъ, «какъ онъ голубчикъ у меня основался, согрѣй его душеньку.» И потому весьма-естественно, что препепріятно былъ изумленъ непривычный къ компаніи герой нашей повѣсти, когда, ровно годъ тому назадъ, очутился онъ, солидный и скромный, вдругъ посреди шумливой и безпокойной ватаги цѣлаго десятка молодыхъ ребятъ, своихъ новыхъ сожителей и товарищей.

Исчезновеніе Семена Ивановича надѣлало не малой суматохи въ углахъ. Одно то, что онъ былъ фаворитъ; во-вторыхъ же, паспортъ его, бывшій подъ сохраненіемъ хозяйки, оказался на ту пору непарокомъ затеряннымъ. Устинья Ѳедоровна взвыла, — къ чему прибѣгала во всѣхъ критическихъ случаяхъ; ровно два дня корила-поносила жильцовъ; причитала, что загопяли у ней жильца какъ цыпленка, и что сгубили его «все тѣ же злые надсмѣшники», а на третій выгнала всѣхъ искать и добыть бѣглеца во что̀ бы ни стало, живаго иль мертваго. Повечеру пришелъ первый писарь Судьбинъ и объявилъ, что слѣдъ отыскался, что видѣлъ онъ бѣглеца на Толкучемъ и по другимъ мѣстамъ, ходилъ за нимъ, близко стоялъ, но говорить

не посмѣлъ, а былъ неподалеку отъ него и на пожарѣ, когда загорѣлся домъ въ Кривомъ-Переулкѣ. Полчаса спустя, явились Океановъ и Кантаревъ-разночинецъ, подтвердили Судьбина слово-въ-слово: тоже недалеко стояли, близко, всего только въ десяти шагахъ отъ него ходили, но говорить опять не посмѣли, а замѣтили оба, что ходилъ Семенъ Ивановичъ съ попрошайкой-пьянчужкой. Собрались наконецъ и остальные жильцы и, внимательно выслушавъ, рѣшили, что Прохарчинъ долженъ быть теперь недалеко и не замедлитъ прійдти; но что они и прежде всѣ знали, что ходитъ онъ съ попрошайкой-пьянчужкой. Попрошайка-пьянчужка былъ человѣкъ совсѣмъ скверный, буйный и льстивый, и по всему было видно, что онъ какъ-нибудь тамъ обольстилъ Семена Ивановича. Явился онъ ровно за недѣлю до исчезновенія Семена Ивановича, вмѣстѣ съ Ремневымъ-товарищемъ, приживалъ малое время въ углахъ, разсказалъ, что страдаетъ за правду, что прежде служилъ по уѣздамъ, что наѣхалъ на нихъ ревизоръ, что пошатнули какъ-то за правду его и компанію, что явился онъ въ Петербургъ и палъ въ ножки къ Порфирію Григорьевичу, что помѣстили его, по ходатайству, въ одну Канцелярію, но что, по жесточайшему гоненію судьбы, упразднили его и отсюда, за тѣмъ что уничтожилась сама Канцелярія, получивъ измѣненіе; а въ преобразовавшійся новый штатъ чиновниковъ его не приняли, сколько по прямой неспособности къ служебному дѣлу, столько и по причинѣ способности къ одному другому совершенно-постороннему дѣлу, — вмѣстѣ же со всѣмъ этимъ за любовь къ правдѣ, и наконецъ по кознямъ враговъ. Кончивъ исторію, въ продолженіе которой господинъ Зимовейкинъ неоднократно лобызалъ своего суроваго и небритаго друга Ремнева, онъ поочередно поклонился всѣмъ бывшимъ въ комнатѣ въ ножки, не забывъ и Авдотью-работницу, назвалъ ихъ всѣхъ благодѣтелями, и объяснилъ, что онъ человѣкъ недостойный, назойливый, подлый, буйный и глупый, а чтобъ не взыскали добрые люди на его горемычной долѣ и простотѣ. Испросивъ покровительства, господинъ Зимовейкинъ оказался весельчакомъ, сталъ очень радъ, цаловалъ у Устиньи Ѳедоровны ручки, не смотря на скромныя увѣренія ея, что рука у ней подлая, не дворянская, а къ вечеру обѣщалъ всему обществу показать свой талантъ въ одномъ замѣчательномъ характерномъ танцѣ. Но на завтра же дѣло его окончилось плачевной развязкой. Иль отъ того, что характерный танецъ оказался ужь слишкомъ характернымъ, иль отъ того, что

онъ Устинью Ѳедоровну, по словамъ ея, какъ-то «опозорилъ и опростоволосилъ, а ей къ тому же самъ Ярославъ Ильичъ знакомъ, и еслибъ захотѣла она, то давно бы сама была обер-офицерской женой» — только Зимовейкину пришлось уплывать во-свояси. Онъ ушелъ, опять воротился, былъ опять съ безчестіемъ изгнанъ, втерся потомъ во вниманіе и милость Семена Ивановича, лишилъ его мимоходомъ новыхъ ретузъ, и наконецъ явился теперь опять въ качествѣ обольстителя Семена Ивановича.

Лишь только хозяйка узнала, что Семенъ Ивановичъ былъ живъ и здоровъ, и что паспорта искать теперь не́чего, то немедленно оставила горевать и пошла успокоиться. Тѣмъ временемъ кое-кто изъ жильцовъ рѣшились сдѣлать торжественный пріемъ бѣглецу: испортили задвижку и отодвинули ширмы отъ кровати пропавшаго, немножко поизмяли постель, взяли извѣстный сундукъ, помѣстили его на кровати въ ногахъ, а на кровать положили золовку, т. е. куклу, форму, сдѣланную изъ стараго хозяйкина платка, чепца и салопа, но только совершенно на подобіе золовки, такъ-что можно было совсѣмъ обмануться. Кончивъ работу, стали ждать, съ тѣмъ, чтобъ, по прибытіи Семена Ивановича, объявить ему, что пришла изъ уѣзда золовка и помѣстилась у него за ширмами, бѣдная. Но ждали-ждали, ждали-ждали... Уже въ ожиданіи Маркъ Ивановичъ прометалъ и проставилъ полмѣсячное жалованье Преполовенкѣ и Кантареву-жильцамъ; уже весь носъ покраснѣлъ и вспухъ у Океанова за игрой въ носки и въ три листика; уже Авдотья-работница почти совсѣмъ выспалась, и два раза собиралась вставать, дрова таскать, печку топить, и весь до нитки промокъ Зиновій Прокофьевичъ, поминутно выбѣгая во дворъ навѣдываться о Семенѣ Ивановичѣ; но не явилось еще никого — ни Семена Ивановича, ни попрошайки-пьянчужки. Наконецъ, всѣ спать полегли, оставивъ на всякій случай золовку за ширмами; и только въ четыре часа раздался стукъ у воротъ, но за то такой сильный, что совершенно вознаградилъ ожидавшихъ за всѣ тяжкіе труды, ими понесенные. Это былъ онъ, онъ самый, Семенъ Ивановичъ, господинъ Прохарчинъ, но только въ такомъ положеніи, что всѣ ахнули, и никому и въ мысль не пришло о золовкѣ. Пропавшій явился безъ памяти. Его ввели, или лучше сказать, внесъ его на плечахъ весь измокшій и издрогшій, оборванный ночной ванька-извощикъ. На вопросъ хозяйки, гдѣ же онъ такъ горемычный наклюкался, ванька отвѣчалъ: «да не пьянъ, и маковой не было; это ужь

тебя завѣряю, а вѣрно такъ омракъ пашелъ, или столбнякомъ, какъ тамъ ни есть, прихватило, или може кондрашка* пришибъ». Стали разсматривать для удобства, прислонивъ виноватаго къ печкѣ, и увидѣли, что дѣйствительно хмѣлю тутъ не было, да и кондрашка не трогалъ, а былъ другой какой ни есть грѣхъ, затѣмъ, что Семенъ Ивановичъ и языкомъ не ворочалъ, а какъ-будто судорогой его какой дергало, и только хлопалъ глазами, въ недоумѣніи установляясь то на того, то на другаго, ночнымъ-образомъ костюмированнаго зрителя. Стали потомъ спрашивать ваньку, отколева взялъ? «Да отъ какихъ-то» отвѣчалъ онъ «изъ Коломны, шутъ ихъ знаетъ, господа не господа, а гулявшіе, веселые господа; такъ-таки вотъ такого и сдали; подрались они что-ли, или судорогой какой его передернуло, Богъ-знаетъ какого тутъ было; а господа веселые, хорошіе!» Взяли Семена Ивановича, приподняли на пару другую дюжихъ плечъ и снесли на кровать. Когда же Семенъ Ивановичъ, помѣщаясь на постель, ощупалъ собою золовку, и уперъ ноги въ свой завѣтный сундукъ, то вскрикнулъ благимъ матомъ, усѣлся почти на карячки и, весь дрожа и трепеща, загребъ и замѣстилъ сколько могъ руками и тѣломъ пространства на своей кровати, тогда-какъ трепещущимъ, но странно-рѣшительнымъ взоромъ окидывая присутствующихъ, казалось, изъяснялъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ уступитъ кому-нибудь хоть сотую капельку изъ бѣдной своей благостыни...

Семенъ Ивановичъ пролежалъ дня два или три, плотно-обставленный ширмами и отдѣленный такимъ-образомъ отъ всего Божьяго свѣта и всѣхъ напрасныхъ его треволненій. Какъ слѣдуетъ, назавтра же всѣ о немъ позабыли; время летѣло межъ-тѣмъ своимъ чередомъ, часы смѣнялись часами, день другимъ. Полусонъ, полубредъ налегли на отяжелѣвшую, горячую голову больнаго; но онъ лежалъ смирно, не стоналъ и не жаловался; напротивъ, притихъ, молчалъ и крѣпился, приплюснувъ себя къ постели своей, словно какъ заяцъ припадаетъ отъ страха къ землѣ, заслышавъ охоту. Порой наставала въ квартирѣ долгая, тоскливая тишина, — знакъ, что всѣ жильцы удалялись по должности, и просыпавшійся Семенъ Ивановичъ могъ сколько угодно развлекать тоску свою, прислушиваясь къ близкому шороху въ кухнѣ, гдѣ хлопотала хозяйка, или къ мѣрному отшлёпыванію стоптанныхъ башмаковъ Авдотьи-работницы по всѣмъ

* Ударъ. (*Прим. автора.*)

комнатамъ, когда она, охая и кряхтя, прибирала, притирала и приглаживала во всѣхъ углахъ для порядка. Цѣлые часы проходили такимъ образомъ, дремотные, лѣнивые, сонливые, скучные, словно вода, стекавшая звучно и мѣрно въ кухнѣ съ залавка въ лохань. Наконецъ, приходили жильцы, поочередно или кучками, и Семенъ Ивановичъ очень-удобно могъ слышать, ка́къ они бранили погоду, хотѣли ѣсть, ка́къ шумѣли, курили, бранились, дружились, играли въ карты и стучали чашками, собираясь пить чай. Семенъ Ивановичъ машинально дѣлалъ усиліе привстать и присоединиться законнымъ образомъ для составленія напитка, но тутъ же впадалъ въ усыпленіе и грезилъ, что уже давно сидитъ за чайнымъ столомъ, участвуетъ и бесѣдуетъ, и что Зиновій Прокофьевичъ успѣлъ уже, пользуясь случаемъ, вклеить въ разговоръ какой-то проектъ о золовкахъ и о нравственномъ отношеніи къ нимъ различныхъ хорошихъ людей. Тутъ Семенъ Ивановичъ поспѣшилъ было оправдаться и возразить, но разомъ слетѣвшая со всѣхъ языковъ могуче-форменная фраза: «неоднократно замѣчено» окончательно осѣкла всѣ его возраженія, и Семенъ Ивановичъ ничего не могъ придумать лучшаго, какъ начать снова грезить о томъ, что сегодня первое число, и что онъ получаетъ цѣлковики въ своей Канцеляріи. Развернувъ бумажку на лѣстницѣ, онъ быстро оглянулся кругомъ и поспѣшилъ какъ можно скорѣе отдѣлить цѣлую половину изъ законнаго возмездія, имъ полученнаго, и припрятать эту половину въ сапогъ, потомъ, тутъ же на лѣстницѣ, и вовсе не обращая вниманія на то, что дѣйствуетъ на своей постели во снѣ, рѣшилъ, пришедъ домой, немедленно воздать, что́ слѣдуетъ, за харчи и постоі хозяйкѣ своей, потомъ накупить кой-чего необходимаго, и показать кому слѣдуетъ, какъ-будто безъ намѣренія и нечаянно, что подвергся вычету, что остается ему и всего ничего, и что вотъ и золовкѣ-то послать теперь не́чего, причемъ погоревать тутъ же о золовкѣ, много говорить о ней завтра и послѣ-завтра, и дней черезъ десять еще повторить мимоходомъ объ ея нищетѣ, чтобъ не забыли товарищи. Рѣшивъ такимъ-образомъ, онъ увидѣлъ, что и Андрей Ефимовичъ, тотъ самый маленькій, вѣчно-молчаливый лысый человѣчекъ, который помѣщался въ Канцеляріи за цѣлыя три комнаты отъ мѣста сидѣнья Семена Ивановича, и въ двадцать лѣтъ не сказалъ съ нимъ ни слова, стоитъ тутъ же на лѣстницѣ, тоже считаетъ свои рубли серебромъ, и, тряхнувъ головою, говоритъ ему: «денежки-съ!» — «Ихъ не будетъ и каши не будетъ-съ», сурово прибавляетъ онъ

сходя съ лѣстницы, и уже на крыльцѣ заключаетъ: «а у меня, сударь, семеро-съ». Тутъ лысый человѣчекъ, тоже, вѣроятно, нисколько не замѣчая, что дѣйствуетъ какъ призракъ, а вовсе не на яву и въ дѣйствительности, показалъ ровно аршинъ съ вершкомъ отъ полу, и махнувъ рукой въ нисходящей линіи пробормоталъ, что старшій ходитъ въ гимназію; затѣмъ, съ негодованіемъ взглянувъ на Семена Ивановича, какъ-будто-бы именно господинъ Прохарчинъ виноватъ былъ въ томъ, что у него цѣлыхъ семеро, нахлобучилъ на глаза свою шляпёнку, тряхнулъ шинелью, поворотилъ налѣво и скрылся. Семенъ Ивановичъ весьма испугался, и хотя былъ совершенно увѣренъ въ невинности своей на счетъ непріятнаго стеченія числа семерыхъ подъ одну кровлю, но на дѣлѣ какъ будто-бы именно такъ выходило, что виноватъ не кто другой, какъ Семенъ Ивановичъ. Испугавшись, онъ принялся бѣжать, ибо показалось ему, что лысый господинъ воротился, догоняетъ его, и хочетъ, обшаривъ, отнять все возмездіе, опираясь на свое неотъемлемое число семерыхъ, и рѣшительно отрицая всякое возможное отношеніе какихъ бы то ни было золовокъ къ Семену Ивановичу. Господинъ Прохарчинъ бѣжалъ, бѣжалъ, задыхался... рядомъ съ нимъ бѣжало тоже чрезвычайно много людей, и всѣ они побрякивали своими возмездіями въ заднихъ карманахъ своихъ кургузыхъ фрачишекъ; наконецъ, весь народъ побѣжалъ, загремѣли пожарныя трубы, и цѣлыя волны народа вынесли его почти на плечахъ на тотъ самый пожаръ, на которомъ онъ присутствовалъ въ послѣдній разъ, вмѣстѣ съ попрошайкой-пьянчужкой. Пьянчужка, — иначе господинъ Зимовейкинъ, — находился уже тамъ, встрѣтилъ Семена Ивановича, страшно захлопоталъ, взялъ его за руку и повелъ въ самую густую толпу. Такъ же, какъ и тогда на яву, кругомъ нихъ гремѣла и гудѣла необозримая толпа народа, запрудивъ межъ двумя мостами всю набережную Фонтанки, всѣ окрестные улицы и переулки; такъ же, какъ и тогда, вынесло Семена Ивановича, вмѣстѣ съ пьянчужкой, за какой-то заборъ, гдѣ притиснули ихъ какъ въ клещахъ на огромномъ дровяномъ дворѣ, полномъ зрителями, собравшимися съ улицъ, съ Толкучаго-Рынка и изъ всѣхъ окрестныхъ домовъ, трактировъ и кабаковъ. Семенъ Ивановичъ видѣлъ все также и по тогдашнему чувствовалъ; въ вихрѣ горячки и бреда начали мелькать передъ нимъ разныя странныя лица. Онъ припомнилъ изъ нихъ кой-кого. Одинъ былъ тотъ самый, чрезвычайно внушавшій всѣмъ господинъ, въ сажень ростомъ и съ

аршинными усищами, помѣщавшійся во время пожара за спиной Семена Ивановича и задававшій сзади ему поощренія, когда нашъ герой, съ своей стороны, почувствовавъ нѣчто въ родѣ восторга, затопалъ ножонками, какъ-будто желая такимъ-образомъ апплодировать молодецкой пожарной работѣ, которую совершенно видѣлъ съ своего возвышенія. Другой — тотъ самый дюжій парень, отъ котораго герой нашъ пріобрѣлъ тумака въ видѣ подсадки на другой заборъ, когда было совсѣмъ расположился лѣзть черезъ него, можетъ-быть, кого-то спасать. Мелькнула передъ нимъ и фигура того старика съ геморроидальнымъ лицомъ, въ ветхомъ, чѣмъ-то подпоясанномъ, ватномъ халатишкѣ, отлучившагося было еще до пожара въ лавочку за сухарями и табакомъ своему жильцу, и пробивавшагося теперь, съ молочникомъ и съ четверкой въ рукахъ, сквозь толпу, до дома, гдѣ горѣли у него жена, дочка и тридцать съ полтиною денегъ въ углу подъ периной. Но всего внятнѣе явилась ему та бѣдная, грѣшная баба, о которой онъ уже не разъ грезилъ во время болѣзни своей, — представилась такъ, какъ была тогда — въ лаптишкахъ, съ костылемъ, съ плетеной котомкой за спиною и въ рубищѣ. Она кричала громче пожарныхъ и народа, размахивая костылемъ и руками, о томъ, что выгнали ее откуда-то дѣти родныя, и что пропали при семъ случаѣ тоже два пятака. Дѣти и пятаки, пятаки и дѣти вертѣлись на ея языкѣ въ непонятной, глубокой безсмыслицѣ, отъ которой всѣ отступились, послѣ тщетныхъ усилій понять; но баба не унималась, все кричала, выла, размахивала руками, не обращая, казалось, никакого вниманія ни на пожаръ, на который занесло ее народомъ съ улицы, ни на весь людъ-людской, около нея бывшій, ни на чужое несчастіе, ни даже на головешки и искры, которыя уже начали-было пудрить весь около-стоявшій народъ. Наконецъ, господинъ Прохарчинъ почувствовалъ, что на него начинаетъ нападать ужасъ; ибо видѣлъ ясно, что все это какъ-будто не-спроста теперь дѣлается и что даромъ ему не пройдетъ. И дѣйствительно, тутъ же недалеко отъ него взмостился на дрова какой-то мужикъ, въ разорванномъ, ничѣмъ-неподпоясанномъ армякѣ, съ опаленными волосами и бородой, и началъ подымать весь Божій народъ на Семена Ивановича. Толпа густѣла-густѣла, мужикъ кричалъ, и, цѣпенѣя отъ ужаса, господинъ Прохарчинъ вдругъ припомнилъ, что мужикъ — тотъ самый извощикъ, котораго онъ ровно пять лѣтъ назадъ надулъ безчеловѣчнѣйшимъ образомъ, скользнувъ отъ него до расплаты

въ сквозныя ворота, и подбирая подъ себя на бѣгу свои пятки такъ, какъ-будто-бы бѣжалъ босикомъ по раскаленной плитѣ. Отчаянный господинъ Прохарчинъ хотѣлъ говорить, кричать, но голосъ его замиралъ. Онъ чувствовалъ, какъ вся разъяренная толпа обвиваетъ его подобно пестрому змѣю, давитъ, душитъ. Онъ сдѣлалъ невѣроятное усиліе и — проснулся. Тутъ онъ увидѣлъ, что горитъ, что горитъ весь его уголъ, горятъ его ширмы, вся квартира горитъ, вмѣстѣ съ Устиньей Ѳедоровной и со всѣми ея постояльцами, что горитъ его кровать, подушка, одѣяло, сундукъ, и наконецъ, его драгоцѣнный тюфякъ. Семенъ Ивановичъ вскочилъ, вцѣпился въ тюфякъ и побѣжалъ, волоча его за собою. Но въ хозяйкиной комнатѣ, куда было-забѣжалъ нашъ герой, такъ какъ былъ, безъ приличія, босой и въ рубашкѣ, его перехватили, скрутили и побѣдно снесли обратно за ширмы, которыя между-прочимъ совсѣмъ не горѣли, а горѣла скорѣе голова Семена Ивановича, — и уложили въ постель. Подобно тому укладываетъ въ свой походный ящикъ оборванный, небритый и суровый артистъ-шарманщикъ своего пульчинеля, набуянившаго, переколотившаго всѣхъ, продавшаго душу чорту и, наконецъ, оканчивающаго существованіе свое до новаго представленія въ одномъ сундукѣ вмѣстѣ съ тѣмъ же чортомъ, съ арапами, съ Петрушкой, съ мамзель Катериной и счастливымъ любовникомъ ея, капитаномъ-исправникомъ.

Немедленно всѣ обступили Семена Ивановича, старый и малый, помѣстившись рядкомъ вокругъ его кровати и устремивъ на больнаго полныя ожиданія лица. Между-тѣмъ, онъ очнулся, но отъ совѣсти ль, или инаго чего, началъ вдругъ изо всѣхъ силъ натягивать на себя одѣяло, желая, вѣроятно, укрыться подъ нимъ отъ вниманія сочувствователей. Наконецъ, Маркъ Ивановичъ первый прервалъ молчаніе и, какъ умный человѣкъ, началъ весьма ласково говорить, что Семену Ивановичу нужно совсѣмъ успокоиться, что болѣть скверно и стыдно, что такъ дѣлаютъ только дѣти маленькія, что нужно выздоравливать, а потомъ и служить. Окончилъ Маркъ Ивановичъ шуточкой, сказавъ, что больнымъ не означенъ еще вполнѣ окладъ жалованья, и такъ какъ онъ твердо знаетъ, что и чины идутъ тоже весьма небольшіе, то, по его разумѣнію по крайней мѣрѣ, такое званіе или состояніе не приноситъ большихъ, существенныхъ выгодъ. Однимъ словомъ, видно было, что всѣ принимали дѣйствительное участіе въ судьбѣ Семена Ивановича и весьма сердобольничали. Но онъ съ непонятною грубостью продолжалъ

лежать на кровати, молчать и упорно все болѣе и болѣе натягивать на себя одѣяло. Маркъ Ивановичъ, однако, не призналъ себя побѣжденнымъ и, скрѣпивъ сердце, сказалъ опять что-то очень сладенькое Семену Ивановичу, зная, что такъ и должно поступать съ больнымъ человѣкомъ; но Семенъ Ивановичъ не хотѣлъ и почувствовать; напротивъ, промычалъ что-то сквозь зубы съ самымъ недовѣрчивымъ видомъ, и вдругъ началъ совершенно непріязненнымъ образомъ косить изъ подлобья направо и налѣво глазами, казалось, желая взглядомъ своимъ обратить въ прахъ всѣхъ сочувствователей. Тутъ ужь не́чего было останавливаться: Маркъ Ивановичъ не вытерпѣлъ, и видя, что человѣкъ просто далъ себѣ слово упорствовать, оскорбясь и разсердившись совсѣмъ, объявилъ напрямки и уже безъ сладкихъ околичностей, что пора вставать, что лежать на двухъ бокахъ не́чего, что кричать днемъ и ночью о пожарахъ, золовкахъ, пьянчужкахъ, замка́хъ, сундукахъ и чортъ знаетъ объ чемъ еще, — глупо, неприлично и оскорбительно для человѣка, ибо если Семенъ Ивановичъ спать не желаетъ, такъ чтобъ другимъ не мѣшалъ, и чтобъ онъ, наконецъ, это все изволилъ намотать себѣ на усъ. Рѣчь произвела свое дѣйствіе, ибо Семенъ Ивановичъ, немедленно обернувшись къ оратору, съ твердостью объявилъ, хотя еще слабымъ и хриплымъ голосомъ, что «ты, мальчишка, молчи! празднословный ты человѣкъ, сквернословъ ты! слышь, каблукъ! князь ты, а? понимаешь штуку?» Услышавъ такое, Маркъ Ивановичъ вспылилъ, но, замѣтивъ, что дѣйствуетъ съ больнымъ человѣкомъ, великодушно пересталъ обижаться, а напротивъ попробовалъ его пристыдить, но осѣкся и тутъ; ибо Семенъ Ивановичъ съ разу замѣтилъ, что шутить съ собой не позволитъ, даромъ-что Маркъ Ивановичъ стихи сочинилъ. Послѣдовало двухъ-минутное молчаніе; наконецъ, опомнившись отъ своего изумленія, Маркъ Ивановичъ прямо, ясно, весьма-краснорѣчиво, хотя не безъ твердости, объявилъ, что Семенъ Ивановичъ долженъ знать, что онъ межъ благородныхъ людей, и что «милостивый государь, должны понимать, ка́къ поступаютъ съ благороднымъ лицомъ». Маркъ Ивановичъ умѣлъ при случаѣ краснорѣчиво сказать и любилъ внушить своимъ слушателямъ. Съ своей стороны, Семенъ Ивановичъ говорилъ и поступалъ, вѣроятно, отъ долгой привычки молчать, болѣе въ отрывистомъ родѣ, и кромѣ того, когда, напримѣръ, случалось ему вести долгую фразу, то, по мѣрѣ углубленія въ нее, каждое слово, казалось, рождало еще по другому слову, другое слово,

тотчасъ при рожденіи, по третьему, третье по четвертому и т. д.,' такъ что набивался полонъ ротъ, начиналась перхота, и набивныя слова принимались наконецъ вылетать въ самомъ живописномъ безпорядкѣ. Вотъ почему Семенъ Ивановичъ, будучи умнымъ человѣкомъ, говорилъ иногда страшный вздоръ. «Врешь ты» отвѣчалъ онъ теперь: «дѣтина, гулявый ты парень! а вотъ какъ надѣнешь суму, — побираться пойдешь; ты жь вольнодумецъ, ты жь потаскунъ; вотъ оно тебѣ стихотворецъ!»

— Да вы это все еще бредите что–ли, Семенъ Ивановичъ?

— А слышь, отвѣчалъ Семенъ Ивановичъ: бредитъ дуракъ, пьянчужка бредитъ, песъ бредитъ, а мудрый благоразумному служитъ. Ты, слышь, дѣла ты не знаешь, потаскливый ты человѣкъ, ученый ты, книга ты писаная! А вотъ возьмешь, сгоришь, такъ не замѣтишь, какъ голова отгоритъ, вотъ, слышалъ; исторію?!

— Да́... то–есть, какъ же... то–есть, какъ же вы это говорите, Семенъ Ивановичъ, что голова отгоритъ?..

Маркъ Ивановичъ и не докончилъ, ибо всѣ увидѣли ясно, что Семенъ Ивановичъ еще не отрезвился и бредитъ; но хозяйка не вытерпѣла и тутъ же замѣтила, что домъ въ Кривомъ–Переулкѣ ономнясь отъ лысой дѣвки сгорѣлъ; что лысая дѣвка тамъ такая была; она свѣчку зажгла и чуланъ запалила, а у ней не случится, и что въ углахъ будетъ цѣло.

— Да вѣдь, Семенъ Ивановичъ! закричалъ внѣ себя Зиновій Прокофьевичъ, перебивая хозяйку: — Семенъ Ивановичъ, такой вы сякой, прошедшій вы, простой человѣкъ, шутки тутъ что́ ли съ вами шутятъ теперь про вашу золовку, или экзамены съ танцами? та́къ оно что ли? Этакъ вы думаете?

— Ну, слышь ты теперь, отвѣчалъ нашъ герой, приподымаясь съ постели, собравъ послѣднія силы, и въ конецъ озлясь на сочувствователей: — шутъ кто? Ты шутъ, песъ шутъ, шутовской человѣкъ, а шутки дѣлать по твоему, сударь, приказу не буду; слышь, мальчишка, не твой, сударь, слуга!

Тутъ Семенъ Ивановичъ хотѣлъ еще что–то сказать, но въ безсиліи упалъ на постель. Сочувствователи остались въ недоумѣніи, всѣ разинули рты, ибо смекнули теперь, во что̀ Семенъ Ивановичъ ногой ступилъ, и не знали съ чего начать; вдругъ дверь въ кухнѣ скрипнула, отворилась и пьянчужка–пріятель, — иначе господинъ Зимовейкинъ, — робко просунулъ голову, осторожно обнюхивая, по своему обычаю, мѣстность. Его точно ждали; всѣ разомъ замахали ему, чтобъ шелъ поскорѣе, и Зи-

мовейкинъ, чрезвычайно обрадовавшись, не снимая шинели, поспѣшно и въ полной готовности протолкался къ постели Семена Ивановича.

Видно было, что Зимовейкинъ провелъ всю ночь въ бдѣніи и въ какихъ-то важныхъ трудахъ. Правая сторона его лица была чѣмъ-то заклеена; опухшія вѣки были влажны отъ гноившихся глазъ; фракъ и все платье было изорвано, причемъ вся лѣвая сторона одѣянія была какъ-будто опрыскана чѣмъ-то крайне дурнымъ, можетъ-быть, грязью изъ какой-нибудь лужи. Подъ-мышкой у него была чья-то скрипка, которую онъ куда-то несъ продавать. По-видимому, не ошиблись, призвавъ его на помощь; ибо тотчасъ, узнавъ въ чемъ вся сила, обратился онъ къ накуралесившему Семену Ивановичу и съ видомъ такого человѣка, который имѣетъ превосходство и, сверхъ-того, знаетъ штуку, сказалъ: «что̀ ты, Сенька? вставай! что̀ ты, Сенька, Прохарчинъ-мудрецъ, благоразумію послужи! Не то, стащу, если куражиться будешь; не куражься!» Такая краткая, но сильная рѣчь удивила присутствующихъ; еще болѣе всѣ удивились, когда замѣтили, что Семенъ Ивановичъ, услышавъ все это и увидавъ передъ собою такое лицо, до того оторопѣлъ и пришелъ въ смущеніе и робость, что едва-едва и только сквозь зубы, шопотомъ, рѣшился пробормотать необходимое возраженіе. — Ты, несчастный, ступай, сказалъ онъ: — ты, несчастный, воръ ты! слышь, понимаешь? тузъ ты, князь, тузовый ты человѣкъ!

— Нѣтъ, братъ, протяжно отвѣчалъ Зимовейкинъ, сохраняя все присутствіе духа: — не хорошо, ты, братъ-мудрецъ, Прохарчинъ, прохарчинскій ты человѣкъ! продолжалъ Зимовейкинъ, немного пародируя Семена Ивановича и съ удовольствіемъ озираясь кругомъ: — ты не куражься! Смирись, Сеня, смирись, не то донесу, все, братецъ ты мой, разскажу, понимаешь?

Кажется, Семенъ Ивановичъ все разобралъ, ибо вздрогнулъ, когда выслушалъ заключеніе рѣчи, и вдругъ началъ быстро и съ совершенно-потеряннымъ видомъ озираться кругомъ. Довольный эффектомъ, господинъ Зимовейкинъ хотѣлъ продолжать, но Маркъ Ивановичъ тотчасъ же предупредилъ его рвеніе и, выждавъ время, пока Семенъ Ивановичъ притихъ, присмирѣлъ и почти совсѣмъ успокоился, началъ долго и благоразумно внушать безпокойному, что «питать подобныя мысли, какъ у него теперь въ головѣ, во-первыхъ, безполезно, во-вторыхъ, не только безполезно, но даже и вредно; наконецъ, не столько вредно, сколько даже совсѣмъ безнравственно; а при-

чина тому та, что Семенъ Ивановичъ всѣхъ въ соблазнъ вводитъ и дурной примѣръ подаетъ». Отъ такой рѣчи всѣ ожидали благоразумнаго слѣдствія. Къ тому же Семенъ Ивановичъ былъ теперь совсѣмъ тихъ и возражалъ умѣренно. Начался скромный споръ. Адресовались къ нему братски, освѣдомляясь, чего онъ такъ заробѣлъ? Семенъ Ивановичъ отвѣтилъ, но иносказательно. Ему возразили; Семенъ Ивановичъ возразилъ. Возразили еще по разу съ обѣихъ сторонъ, а потомъ ужь вмѣшались всѣ, и старый и малый, ибо рѣчь началась вдругъ о такомъ дивномъ и странномъ предметѣ, что рѣшительно не знали, какъ это все выразить. Споръ, наконецъ, дошелъ до нетерпѣнія, нетерпѣніе до криковъ, крики даже до слезъ, и Маркъ Ивановичъ отошелъ наконецъ съ пѣной бѣшенства у рта, объявивъ, что не зналъ до-сихъ-поръ такого гвоздя-человѣка. Оплеваніевъ плюнулъ, Океановъ перепугался, Зиновій Прокофьевичъ прослезился, а Устинья Ѳедоровна завыла совсѣмъ, причитая, что уходитъ жилецъ, и рехнулся, что умретъ онъ младъ безъ паспорта, не скажется, а она сирота, и что ее затаскаютъ. Однимъ словомъ, всѣ наконецъ увидѣли ясно, что посѣвъ былъ хорошъ, что все, что̀ ни вздумалось сѣять, сторицею взошло, что почва была благодатная, и что Семену Ивановичу удалось отработать въ ихъ компаніи свою голову на славу и на самый безвозвратный манеръ. Всѣ замолчали, ибо если видѣли, что Семенъ Ивановичъ отъ всего заробѣлъ, то на этотъ разъ заробѣли и сами сочувствователи...

— Какъ! закричалъ Маркъ Ивановичъ: — да чего жь вы боитесь-то? чего жь вы ряхнулись-то? Кто объ васъ думаетъ, сударь вы мой? Имѣете ли право бояться-то? Кто вы? что́ вы? Нуль, сударь, блинъ круглый, вотъ что! Что́ вы стучите-то? Бабу на улицѣ придавило, такъ и васъ переѣдетъ? пьяница какой-нибудь карманъ не сберегъ, такъ и вамъ фалды отрѣжутъ? Домъ сгорѣлъ, такъ и у васъ голова отгоритъ, а? Та́къ, что ли, сударь? Та́къ ли, батюшка? та́къ ли?

— Ты, ты, ты глупъ! бормоталъ Семенъ Ивановичъ: — носъ отъѣдятъ, самъ съ хлѣбомъ съѣшь, не замѣтишь...

— Каблукъ, пусть каблукъ, кричалъ Маркъ Ивановичъ не вслушавшись: — каблуковый я человѣкъ, пожалуй. Да вѣдь мнѣ не экзаменъ держать, не жениться, не танцамъ учиться; подо мной, сударь, мѣсто не сломится. Что́, батюшка? Такъ вамъ и мѣста широкаго нѣтъ? Полъ тамъ подъ вами провалится что́ ли?

— А что́? тебя что́ ли спросятъ? Закроютъ и нѣтъ.

— Нѣтъ. Что закроютъ?! Что тамъ еще у васъ, а?

— А вотъ пьянчужку ссадили...

— Ссадили; да вѣдь то же пьянчужка, а вы да я человѣкъ!

— Ну, человѣкъ. А она стоитъ, да и нѣтъ...

— Нѣтъ! Да кто она-то?

— Да она, Канцелярія... Кан-це-ля-рія!!!

— Да, блаженный вы человѣкъ! да вѣдь она нужна, Канцелярія-то...

— Она нужна, слышь ты; и сегодня нужна, завтра нужна, а вотъ послѣ-завтра какъ-нибудь тамъ и ненужна. Вотъ, слышалъ исторію...

— Да вѣдь вамъ жалованье жь дадутъ годовое! Ѳома, Ѳома вы такой, невѣрный вы человѣкъ! по старшинству въ иномъ мѣстѣ уважутъ...

— Жалованье? А я вотъ проѣлъ жалованье, воры прійдутъ, деньги возьмутъ; а у меня золовка, слышь ты? золовка! гвоздырь ты...

— Золовка! человѣкъ вы...

— Человѣкъ; а я человѣкъ, а ты, начитанный, глупъ; слышь, гвоздырь, гвоздыревый ты человѣкъ, вотъ что! А я не по шуткамъ твоимъ говорю; а оно мѣсто такое есть, что возьметъ да и уничтожается мѣсто. И Демидъ, слышь, ты, Демидъ Васильевичъ говоритъ, что уничтожается мѣсто...

— Ахъ, вы, Демидъ, Демидъ! грѣховодникъ! да вѣдь...

— Да́, хлопъ да и баста, и будешь безъ мѣста; поди ты съ нимъ, вотъ...

— Да вы, наконецъ, просто врете, или ряхнулись совсѣмъ! Вы намъ просто скажите; ужь что? признайтесь, коль грѣхъ такой есть! стыдиться-то нѣчего! ряхнулся батюшка, а?

— Ряхнулся! съ ума сошелъ! раздалось кругомъ, и всѣ ломали руки съ отчаянія, а Марка Ивановича уже обхватила въ обѣ руки хозяйка, за тѣмъ, чтобъ онъ не растерзалъ какъ-нибудь Семена Ивановича. — Язычникъ ты, языческая ты душа, мудрецъ ты! умолялъ Зимовейкинъ: — Сеня, необидчивый ты человѣкъ, миловидный, любезный! ты простъ, ты добродѣтельный... слышалъ? Это отъ добродѣтели твоей происходитъ; а буйный и глупый-то я, побирушка-то я; а вотъ же добрый человѣкъ меня не оставилъ, не-бойсь; честь, вишь, дѣлаютъ; вотъ имъ и хозяйкѣ спасибо; видишь ты, вотъ и поклонъ земной правлю, вотъ оно, вотъ; долгъ, долгъ исправляю, хозяюшка! — Тутъ дѣйстви-

тельно Зимовейкинъ и даже съ какимъ-то педантскимъ достоинствомъ исполнилъ кругомъ свой поклонъ до земли. Послѣ того, Семенъ Ивановичъ хотѣлъ-было опять продолжать говорить; но въ этотъ разъ ему уже не дали: всѣ вступились, стали его умолять, завѣрять, утѣшать, и достигли того, что Семенъ Ивановичъ даже устыдился совсѣмъ и наконецъ слабымъ голосомъ попросилъ объясниться.

— Да вотъ; оно хорошо, сказалъ онъ: миловидный я, смирный, слышь, и добродѣтеленъ, преданъ и вѣренъ; кровь, знаешь, каплю послѣднюю, слышь ты, мальчишка, тузъ... пусть оно стоитъ, мѣсто-то; да я вѣдь бѣдный; а вотъ какъ возьмутъ его, слышь ты, тузовый, — молчи теперь, понимай, — возьмутъ да и того... оно, братъ, стоитъ, а потомъ и не стоитъ... понимаешь? а я, братъ, и съ сумочкой, слышь ты?

— Сенька! завопилъ въ изступленіи Зимовейкинъ, покрывая въ этотъ разъ голосомъ весь поднявшійся шумъ: — вольнодумецъ ты! Сейчасъ донесу! Что́ ты? кто ты? буянъ что́ ли, бараній ты лобъ? Буйному, глупому, слышь ты, безъ абшида съ мѣста укажутъ; ты кто?!

— Да вотъ оно и того...

— Что́ того?! Да вотъ, поди ты съ нимъ!..

— Что́ поди ты съ нимъ?

— Да вотъ онъ вольный, я вольный; а какъ лежишь, лежишь, и того...

— Чего?

— Анъ и вольнодумецъ...

— Воль-но-ду-мецъ! Сенька, ты вольнодумецъ!!

— Стой! закричалъ господинъ Прохарчинъ, махнувъ рукою и прерывая начавшійся крикъ: — я не того... Ты пойми, ты пойми только, баранъ ты: я смирный, сегодня смирный, завтра смирный, а потомъ и не смирный, сгрубилъ; пряжку тебѣ, и пошелъ вольнодумецъ!..

— Да что̀ жь вы? прогремѣлъ наконецъ Маркъ Ивановичъ, вскочивъ со стула, на которомъ было сѣлъ отдохнуть, и подбѣжавъ къ кровати весь въ волненіи, въ изступленіи, весь дрожа отъ досады и бѣшенства: — что̀ жь вы? баранъ вы! ни кола, ни двора. Что̀ вы, одинъ что́ ли на свѣтѣ? для васъ свѣтъ что́ ли сдѣланъ? Наполеонъ вы что ли какой? что́ вы? кто вы? Наполеонъ вы, а? Наполеонъ, или нѣтъ?! Говорите же, сударь, Наполеонъ или нѣтъ?..

Но господинъ Прохарчинъ уже и не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Не то, чтобъ устыдился, что онъ Наполеонъ, или струсилъ взять на себя такую отвѣтственность, — нѣтъ, онъ ужь и не могъ болѣе ни спорить, ни дѣла говорить... Послѣдовалъ болѣзненный кризисъ. Дробныя слезы хлынули вдругъ изъ его блистающихъ лихорадочнымъ огнемъ сѣрыхъ глазъ. Костлявыми, исхудалыми отъ болѣзни руками закрылъ онъ свою горячую голову, приподнялся на кровати и, всхлипывая, сталъ говорить, что онъ совсѣмъ бѣдный, что онъ такой несчастный, простой человѣкъ, что онъ глупый и темный, чтобъ простили ему добрые люди, сберегли, защитили, накормили бъ, напоили его, въ бѣдѣ не оставили, и Богъ знаетъ, что́ еще причиталъ Семенъ Ивановичъ. Причитая же, онъ съ дикимъ страхомъ глядѣлъ кругомъ, какъ будто ожидая, что вотъ-вотъ сейчасъ потолокъ упадетъ или полъ провалится. Всѣмъ стало жалко, глядя на бѣднаго, и у всѣхъ умягчились сердца. Хозяйка, рыдая какъ баба и причитая про свое сиротство, сама уложила больнаго въ постель. Маркъ Ивановичъ, видя безполезность трогать Наполеонову память, тоже немедленно впалъ въ добродушіе и началъ тоже оказывать помощь. Другіе, чтобъ что-нибудь въ свою очередь сдѣлать, предложили малинный настой, говоря, что онъ немедленно и отъ всего помогаетъ, и что будетъ очень пріятенъ больному; но Зимовейкинъ тотчасъ же всѣхъ опровергнулъ, включивъ, что въ такомъ дѣлѣ нѣтъ лучше добраго пріема какой-нибудь ромашки забористой. Что же касается до Зиновья Прокофьевича, то, имѣя доброе сердце, онъ рыдалъ и заливался слезами, раскаяваясь, что пугалъ Семена Ивановича разными небылицами, и, вникнувъ въ послѣднія слова больнаго, что онъ совсѣмъ бѣдный и чтобъ его накормили, пустился созидать подписку, ограничиваясь ею покамѣстъ въ углахъ. Всѣ охали и ахали, всѣмъ было и жалко и горько, и всѣ межъ тѣмъ дивились, что вотъ ка̀къ же это такимъ образомъ могъ совсѣмъ заробѣть человѣкъ? И изъ чего жь заробѣлъ? Добро бы былъ при мѣстѣ большомъ, женой обладалъ, дѣтей поразвелъ; добро бъ его тамъ подъ судъ какой ни есть притянули; а то вѣдь и человѣкъ совсѣмъ дрянь съ однимъ сундукомъ и съ нѣмецкимъ замко̀мъ, лежалъ слишкомъ двадцать лѣтъ за ширмами, молчалъ, свѣту и горя не зналъ, скопидомничалъ, и вдругъ вздумалось теперь человѣку, съ пошлаго, празднаго слова какого-нибудь, совсѣмъ перевернуть себѣ голову, совсѣмъ забояться о томъ, что на свѣтѣ вдругъ стало жить тяжело... А и не разсу-

дилъ человѣкъ, что и всѣмъ тяжело! «Пріими онъ вотъ только это въ разсчетъ» говорилъ потомъ Океановъ: «что вотъ всѣмъ тяжело, такъ сберегъ бы человѣкъ свою голову, пересталъ бы куралесить, и потянулъ бы свое кое-какъ, куда слѣдуетъ.» Цѣлый день только и толку было, что̀ о Семенѣ Ивановичѣ. Приходили къ нему, справлялись о немъ, утѣшали его; но къ вечеру ему стало не до утѣшеній. Открылся у бѣднаго бредъ, жаръ; впалъ онъ въ безпамятство, такъ, что чуть-было ужь не хотѣли пуститься за докторомъ; жильцы всѣ согласились и дали себѣ взаимное слово охранять и упокоивать Семена Ивановича поочередно всю ночь, и что̀ случится, то всѣхъ будить разомъ. Съ этою цѣлью, чтобъ не заснуть, засѣли въ картишки, приставивъ къ больному пьянчужку-пріятеля, который квартировалъ весь день въ углахъ, у постели больнаго и попросился заночевать. Такъ какъ игра велась на мѣлокъ и не представляла совсѣмъ интереса, то скоро соскучились. Игру бросили, потомъ о чемъ-то заспорили, потомъ начали шумѣть и стучать, наконецъ, разошлись по угламъ, долго еще въ сердцахъ перекликались и переговаривались, и такъ какъ вдругъ всѣ стали сердиты, то ужь не захотѣли дежурить и заснули. Скоро въ углахъ стало тихо, какъ въ пустомъ погребѣ, тѣмъ болѣе, что былъ холодъ ужаснѣйшій. Изъ послѣднихъ заснувшихъ былъ Океановъ, и не то, какъ говорилъ онъ потомъ, во снѣ, не то было оно на яву, но привидѣлось мнѣ, что близь меня, этакъ передъ самымъ утреннимъ часомъ, разговаривали два человѣка. Океановъ разсказывалъ, что онъ узналъ Зимовейкина, и что Зимовейкинъ сталъ возлѣ него будить стараго друга Ремнева, что они долго шопотомъ говорили; потомъ Зимовейкинъ вышелъ, и слышно было, ка́къ онъ пытался отпереть въ кухнѣ дверь ключомъ. Ключъ же, — увѣряла потомъ хозяйка, — лежалъ у нея подъ подушками и пропалъ въ эту ночь. Наконецъ, — показывалъ Океановъ, — слышалось ему, какъ будто оба они пошли къ больному за ширмы и засвѣтили тамъ свѣчку. Болѣе, говоритъ, ничего не знаю, глаза завело; а проснулся потомъ вмѣстѣ со всѣми, когда всѣ, кто ни были въ углахъ, разомъ повскочили съ постелей, затѣмъ что за ширмами раздался такой крикъ, что встрепенулся бы мертвый, — и тутъ многимъ показалось, что вдругъ тамъ же свѣчка потухла. Поднялась суматоха; у всѣхъ сердце упало; бросились какъ ни попало на крикъ, но въ это время за ширмами поднялась возня, крикъ, брань и драка. Вздули огонь и увидѣли, что дерутся

другъ съ другомъ Зимовейкинъ и Ремневъ, что оба другъ друга корятъ и ругаютъ; а какъ освѣтили ихъ, то одинъ закричалъ: «не я, а разбойникъ!» а другой, именно Зимовейкинъ, закричалъ: «не трошь, неповиненъ; сейчасъ присягну!» На обоихъ образа не было человѣческаго; но въ первую минуту не до нихъ было дѣло: больнаго не оказалось на прежнемъ мѣстѣ за ширмами. Тотчасъ же разлучили бойцовъ, оттащили ихъ, и увидѣли, что господинъ Прохарчинъ лежитъ подъ кроватью, должно быть въ совершенномъ безпамятствѣ, стащивъ на себя и одѣяло и подушку, такъ что на кровати оставался одинъ только голый, ветхій и масляный тюфякъ (простыни же на немъ никогда не бывало). Вытащили Семена Ивановича, протянули его на тюфякъ, но съ разу замѣтили, что много хлопотать было не́чего, что капутъ совершенный; руки его костенѣютъ, а самъ еле держится. Стали надъ нимъ: онъ все еще помаленьку дрожалъ и трепеталъ всѣмъ тѣломъ, что̀-то силился сдѣлать руками, языкомъ не шевелилъ, но моргалъ глазами совершенно подобнымъ образомъ, какъ, говорятъ, моргаетъ вся еще теплая залитая кровью и живущая голова, только-что отскочившая отъ палачова топора.

Наконецъ, все стало тише и тише; замерли и предсмертный трепетъ и судороги; господинъ Прохарчинъ протянулъ ноги и отправился по своимъ добрымъ дѣламъ и грѣхамъ. Испугался ли Семенъ Ивановичъ чего, сонъ ли ему приснился такой, какъ потомъ Ремневъ увѣрялъ, или былъ другой какой грѣхъ — неизвѣстно; дѣло только въ томъ, что хотя бы теперь самъ экзекуторъ явился въ квартирѣ и лично за вольнодумство, буянство и пьянство объявилъ бы абшидъ Семену Ивановичу, еслибъ даже теперь въ другую дверь вошла какая ни есть попрошайка-салопница, подъ титуломъ золовки Семена Ивановича, еслибъ даже Семенъ Ивановичъ тотчасъ получилъ 200 рублей награжденія, или домъ наконецъ загорѣлся и начала горѣть голова на Семенѣ Ивановичѣ, онъ, можетъ-быть, и пальцомъ не удостоилъ бы пошевелить теперь при подобныхъ извѣстіяхъ. Покамѣстъ сошелъ первый столбнякъ, покамѣстъ присутствующіе обрѣли даръ слова и бросились въ суматоху, предположенія, сомнѣнія и крики, — покамѣстъ Устинья Ѳедоровна тащила изъ-подъ кровати сундукъ, обшаривала въ-попыхахъ подъ подушкой, подъ тюфякомъ и даже въ сапогахъ Семена Ивановича, — покамѣстъ принимали въ допросъ Ремнева съ Зимовейкинымъ, — жилецъ Океановъ, бывшій доселѣ самый не-

дальній, смиреннѣйшій и тихій жилецъ, вдругъ обрѣлъ все присутствіе духа, попалъ на свой даръ и талантъ, схватилъ шапку и подъ шумокъ ускользнулъ изъ квартиры. И когда всѣ ужасы безначалія достигли своего послѣдняго періода, въ взволнованныхъ и доселѣ смиренныхъ углахъ дверь отворилась, и внезапно, какъ снѣгъ на голову, появились сперва одинъ господинъ благородной наружности съ строгимъ, но недовольнымъ лицомъ, за нимъ Ярославъ Ильичъ, за Ярославомъ Ильичомъ его причетъ и всѣ кто слѣдуетъ, и сзади всѣхъ — смущенный господинъ Океановъ. Господинъ строгой, но благородной наружности подошелъ прямо къ Семену Ивановичу, пощупалъ его, сдѣлалъ гримасу, вскинулъ плечами и объявилъ весьма извѣстное, именно, что покойникъ уже умеръ, прибавивъ только отъ себя, что то же со сна случилось на дняхъ съ однимъ весьма почтеннымъ и большимъ господиномъ, который тоже взялъ да и умеръ. Тутъ господинъ съ благородной, но недовольной осанкой отошелъ отъ кровати, сказалъ, что напрасно его безпокоили, и вышелъ. Тотчасъ же замѣстилъ его Ярославъ Ильичъ (при чемъ Ремнева и Зимовейкина сдали кому слѣдуетъ на руки), разспросилъ кой-кого, ловко овладѣлъ сундукомъ, который хозяйка уже пыталась вскрывать, поставилъ сапоги на прежнее мѣсто, замѣтивъ, что они всѣ въ дырьяхъ и совсѣмъ не годятся, потребовалъ назадъ подушку, подозвалъ Океанова, спросилъ ключъ отъ сундука, который нашелся въ карманѣ пьянчужки-пріятеля, и торжественно, при комъ слѣдуетъ, вскрылъ добро Семена Ивановича. Все было на лицо: — двѣ тряпки, одна пара носковъ, полуплатокъ, старая шляпа, нѣсколько пуговицъ, старыя подошвы и сапожныя голенища, однимъ словомъ, шильцо, мыльцо, бѣлое бѣлильцо, т. е. дрянь, ветошь, соръ, мелюзга, отъ которой пахло залавкомъ; хорошъ былъ одинъ только нѣмецкій замо̀къ. Позвали Океанова, сурово переговорили съ нимъ; но Океановъ былъ готовъ подъ присягу идти. Потребовали подушку, осмотрѣли ее: она была только грязна, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ совершенно походила на подушку. Принялись за тюфякъ, хотѣли было его приподнять, остановились было немножко подумать, но вдругъ, совсѣмъ неожиданно что-то тяжелое, звонкое, хлопнулось объ полъ. Нагнулись, обшарили и увидѣли свертокъ бумажный, а въ сверткѣ съ десятокъ цѣлковиковъ. «Эге-ге-ге!» сказалъ Ярославъ Ильичъ, показывая въ тюфякѣ одно худое мѣсто, изъ котораго торчали волосья и хлопья. Осмотрѣли худое мѣсто и увѣрились, что оно сейчасъ

только сдѣлано ножомъ, а было въ пол-аршина длиною; засунули руку въ изъянъ, и вытащили вѣроятно въ-попыхахъ брошеный тамъ хозяйскій кухонный ножъ, которымъ былъ взрѣзанъ тюфякъ. Не успѣлъ Ярославъ Ильичъ вытащить ножъ изъ изъяннаго мѣста и опять сказать «эге-ге!» какъ тотчасъ же выпалъ другой свертокъ, а за нимъ поодиночкѣ выкатились два полтинника, одинъ четвертакъ, потомъ какая-то мелочь, и одинъ старинный здоровенный пятакъ. Все это тотчасъ же переловили руками. Тутъ увидѣли, что не дурно бы было вспороть совсѣмъ тюфякъ ножницами. Потребовали ножницы...

Между тѣмъ, нагорѣвшій сальный огарокъ освѣщалъ чрезвычайно любопытную для наблюдателя сцену. Около десятка жильцовъ группировалось у кровати въ самыхъ живописныхъ костюмахъ, всѣ неприглаженные, небритые, немытые, заспанные, такъ какъ были отходя на грядущій сонъ. Иные были совершенно блѣдны, у другихъ на лбу потъ показывался, иныхъ дрожь пронимала, другихъ жаръ. Хозяйка, совсѣмъ оглупѣвшая, тихо стояла сложивъ руки и ожидая милостей Ярослава Ильича. Сверху, съ печки, съ испуганнымъ любопытствомъ глядѣли головы Авдотьи-работницы и хозяйкиной кошки-фаворитки; кругомъ были разбросаны изорванныя и разбитыя ширмы; раскрытый сундукъ показывалъ свою неблагородную внутренность; валялись одѣяло и подушка, покрытыя хлопьями изъ тюфяка, и наконецъ на деревянномъ трехногомъ столѣ заблистала постепенно возраставшая куча серебра и всякихъ монетъ. Одинъ только Семенъ Ивановичъ сохранилъ вполнѣ свое хладнокровіе, смирно лежалъ на кровати, и, казалось, совсѣмъ не предчувствовалъ своего разоренія. Когда же принесены были ножницы, и помощникъ Ярослава Ильича, желая подслужиться, немного-нетерпѣливо тряхнулъ тюфякъ, чтобъ удобнѣе высвободить его изъ-подъ спины обладателя, то Семенъ Ивановичъ, зная учтивость, сначала уступилъ немножко мѣста, скатившись на бочокъ, спиною къ искателямъ; потомъ при второмъ толчкѣ, помѣстился ничкомъ, наконецъ еще уступилъ, и такъ какъ не доставало послѣдней боковой доски въ кровати, то вдругъ совсѣмъ неожиданно бултыхнулся внизъ головою, оставивъ на видъ только двѣ костлявыя, худыя, синія ноги, торчавшія кверху, какъ два сучка обгорѣвшаго дерева. Такъ какъ господинъ Прохарчинъ уже второй разъ въ это утро навѣдывался подъ свою кровать, то немедленно возбудилъ подозрѣніе, и кое-кто изъ жильцовъ, подъ предводительствомъ Зиновія Прокофьевича, полѣзли туда

же съ намѣреніемъ посмотрѣть не скрыто ли и тамъ кой-чего. Но искатели только напрасно перестукались лбами, и такъ какъ Ярославъ Ильичъ тутъ же прикрикнулъ на нихъ и велѣлъ немедленно освободить Семена Ивановича изъ сквернаго мѣста, то двое изъ благоразумнѣйшихъ взяли каждый въ обѣ руки по ногѣ, вытащили неожиданнаго капиталиста на свѣтъ Божій и положили его поперегъ кровати. Между тѣмъ, волосья и хлопья летѣли кругомъ, серебряная куча росла — и Боже! чего, чего не было тутъ... Благородные цѣлковики, солидные, крѣпкіе полутора-рублевики, хорошенькая монета полтинникъ, плебеи-четвертачки, двугривенники, даже малообѣщающая, старушечья мелюзга гривенники и пятаки серебромъ — все въ особыхъ бумажкахъ, въ самомъ методическомъ и солидномъ порядкѣ. Были и рѣдкости: два какіе-то жетона, одинъ наполеондоръ, одна неизвѣстно какая, но только очень рѣдкая монетка... Нѣкоторые изъ рублевиковъ относились тоже къ глубокой древности; истертые и изрубленные елизаветинскіе, нѣмецкіе крестовики, петровскія монеты, екатерининскія; были напримѣръ теперь весьма рѣдкія монетки, старые пятіалтынники, проколотые для ношенія въ ушахъ, всѣ совершенно-истертые, но съ законнымъ количествомъ точекъ; даже мѣдь была, но вся уже зеленая, ржавая... Нашли одну красную бумажку — но болѣе не было. Наконецъ, когда кончилась вся анатомія, и неоднократно встряхнувъ тюфячій чахолъ, нашли, что ничего не гремитъ, сложили всѣ деньги на столъ и принялись считать. Съ перваго взгляда можно было даже совсѣмъ обмануться и смекнуть прямо на милліонъ, — такая была огромная куча! Но милліона не было, хотя и вышла, впрочемъ, сумма чрезвычайно значительная, — ровно 2497 рублей съ полтиною, такъ что еслибъ осуществилась вчера подписка у Зиновія Прокофьевича, то, можетъ быть, было бы всего ровно двѣ тысячи пятьсотъ рублей ассигнаціями. Денежки забрали, къ сундуку покойнаго приложили печать, хозяйкины жалобы выслушали и указали ей, когда и куда слѣдуетъ представить свидѣтельство на-счетъ должишка покойнаго. Съ кого слѣдовало взяли подписку; заикнулись было тутъ о золовкѣ; но, увѣрившись, что золовка была въ нѣкоторомъ смыслѣ миѳъ, т. е. произведеніе недостаточности воображенія Семена Ивановича, въ чемъ, по справкамъ, не разъ упрекали покойнаго, — то тутъ же идею оставили какъ безполезную, вредную и въ ущербъ добраго имени его, господина Прохарчина, относящуюся; тѣмъ дѣло и кончилось. Когда же

первый страхъ поопалъ, когда схватились за умъ и узнали, что́ былъ такое покойникъ, то присмирѣли, притихнули всѣ, и стали какъ-то съ недовѣрчивостью другъ на друга поглядывать. Нѣкоторые приняли чрезвычайно близко къ сердцу поступокъ Семена Ивановича и даже какъ будто обидѣлись... Такой капиталъ! Этакъ натаскалъ человѣкъ! Маркъ Ивановичъ, не теряя присутствія духа, пустился было объяснять, почему такъ вдругъ заробѣлось Семену Ивановичу; но его ужь не слушали. Зиновій Прокофьевичъ что-то былъ очень задумчивъ, Океановъ подпилъ немножко, остальные какъ-то прижались, а маленькій человѣчекъ Кантаревъ, отличавшійся воробьинымъ носомъ, къ вечеру съѣхалъ съ квартиры, весьма тщательно заклеивъ и завязавъ всѣ свои сундучки, узелки, и холодно объясняя любопытствующимъ, что время тяжелое, а что приходится здѣсь не по карману платить. Хозяйка же безъ умолку выла, и причитая и кляня Семена Ивановича за то, что онъ обидѣлъ ея сиротство. Освѣдомились у Марка Ивановича, зачѣмъ же это покойникъ свои деньги въ Ломбардъ не носилъ? — Простъ, матушка, былъ; воображенія на то не хватило, отвѣчалъ Маркъ Ивановичъ.

— Ну да и вы просты, матушка, включалъ Океановъ: — двадцать лѣтъ крѣпился у васъ человѣкъ, съ одного щелчка покачнулся, а у васъ щи варились, не́когда было!.. Э-эхъ, матушка!..

— Охъ ужь ты мнѣ младъ-младъ! продолжала хозяйка: — да что̀ Ломбардъ! принеси-ка онъ мнѣ свою горсточку, да скажи мнѣ: возьми младъ-Устиньюшка, вотъ тебѣ благостыня, а держи ты младаго меня на своихъ харчахъ, поколѣ мать-сыра-земля меня носитъ, — то вотъ тебѣ образъ, кормила бъ его, поила бъ его, ходила бъ за нимъ. Ахъ, грѣховодникъ, обманщикъ такой! Обманулъ, надулъ сироту!..

Приблизились снова къ постели Семена Ивановича. Теперь онъ лежалъ какъ слѣдуетъ, въ лучшемъ, хотя, впрочемъ, и единственномъ своемъ одѣяніи, запрятавъ окостенѣлый подбородокъ за галстухъ, который навязанъ былъ немножко неловко, обмытый, приглаженный и не совсѣмъ лишь выбритый, затѣмъ, что бритвы въ углахъ не нашлось: единственная, принадлежавшая Зиновію Прокофьевичу, иззубрилась еще прошлаго года и выгодно была продана на Толкучемъ; другіе жь ходили въ цирюльню. Безпорядокъ все еще не успѣли прибрать. Разбитыя ширмы лежали по-прежнему и, обнажая уединеніе Семена Ивановича, словно были эмблемы того, что смерть срываетъ завѣсу со всѣхъ нашихъ тайнъ, интригъ, проволочекъ. Начинка

изъ тюфяка, тоже неприбранная, густыми кучами лежала кругомъ. — Весь этотъ внезапно-остывшій уголъ можно было бы весьма удобно сравнить поэту съ разореннымъ гнѣздомъ «домовитой» ласточки: все разбито и истерзано бурею, убиты птенчики съ матерью, и развѣяна кругомъ ихъ теплая постелька изъ пуха, перушекъ, хлопокъ... Впрочемъ, Семенъ Ивановичъ смотрѣлъ скорѣе какъ старый самолюбецъ и воръ-воробей. Онъ теперь притихнулъ, казалось, совсѣмъ притаился, какъ-будто и не онъ виноватъ, какъ-будто не онъ пускался на штуки, чтобъ надуть и провести всѣхъ добрыхъ людей, безъ стыда и безъ совѣсти, неприличнѣйшимъ образомъ. Онъ теперь ужь не слушалъ рыданій и плача осиротѣвшей и разобиженной хозяйки своей. Напротивъ, какъ опытный, тертый капиталистъ, который и въ гробу не желалъ бы потерять минуты въ бездѣйствіи, казалось, весь былъ преданъ какимъ-то спекулятивнымъ разсчетамъ. Въ лицѣ его появилась какая-то глубокая дума, а губы были стиснуты съ такимъ значительнымъ видомъ, котораго никакъ нельзя было бы подозрѣвать при жизни принадлежностью Семена Ивановича. Онъ какъ будто-бы поумнѣлъ. Правый глазокъ его былъ какъ-то плутовски прищуренъ; казалось, Семенъ Ивановичъ хотѣлъ что-то сказать, что-то сообщить весьма-нужное, объясниться, да и не теряя времени, а поскорѣе, затѣмъ, что дѣла навязались, а нѐкогда было... И какъ будто-бы слышалось: «Что, дескать, ты? перестань, слышь ты, баба ты глупая! не хнычь! ты, мать, проспись, слышь ты! Я дескать умеръ; теперь ужь не нужно; что̀, заправду! хорошо лежать-то... Я, т. е., слышь, и не про то говорю; ты, баба тузъ, тузовая ты, понимай: оно вотъ умеръ теперь; а ну какъ того, т. е. оно пожалуй и не можетъ такъ быть, а ну какъ этакъ того и не умеръ — слышь ты, встану, такъ что́-то будетъ, а?»

ЗУБОСКАЛЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДЕВЯТИ ПИСЬМАХЪ.

Изъ альманаха
«ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ».

<Д. Григоровичъ. Ѳ. Достоевскій>

ВСТУПЛЕНІЕ.

<Д. Григоровичъ. Ѳ. Достоевскій. Н. Некрасовъ>

КАКЪ ОПАСНО ПРЕДАВАТЬСЯ ЧЕСТОЛЮБИВЫМЪ СНАМЪ.

Фарсъ совершенно–неправдоподобный,
въ стихахъ, съ примѣсью прозы.
Соч. гг. Пружинина, Зубоскалова, Бѣлопяткина и К°.

ПОЛЗУНКОВЪ.

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

—

КОМИЧЕСКІЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬМАНАХЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ИЗЪ РАЗСКАЗО́ВЪ ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ, ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ПИСЕМЪ, КУПЛЕТОВЪ, ПАРОДІЙ, АНЕКДОТОВЪ И ПУФОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.
1846.

Титульный лист альманаха «Первое Апреля»,
в котором под псевдонимом *г. Зубоскаловъ* участвовал Достоевскій.

ЗУБОСКАЛЪ,

комическій альманахъ, въ двухъ частяхъ (въ 8-ю д. л.), раздѣленныхъ на 12 выпусковъ, отъ 3-хъ до 5-ти листовъ въ каждомъ, и украшенныхъ политипажами.

Прежде всего просимъ васъ, господа благовоспитанные читатели нашего объявленія, не возмущаться и не возставать противъ такого страннаго, даже затѣйливаго, даже, быть-можетъ, неловко-затѣйливаго названія предлагаемаго вамъ альманаха... «Зубоскалъ»!.. Мы и безъ того увѣрены, что многіе, даже и очень-многіе, отвергнутъ нашъ альманахъ единственно ради названія, ради заглавія; посмѣются надъ этимъ заглавіемъ, даже немного посердятся на него, даже обидятся, назовутъ «Зубоскалъ» анахронизмомъ, миѳомъ, пуффомъ и наконецъ признаютъ его чистою невозможностію. Главное же, назовутъ анахронизмомъ. «Какъ! Смѣяться въ нашъ вѣкъ, въ наше время, желѣзное, дѣловое время, денежное время, разсчетливое время, полное таблицъ, цифръ и нулей всевозможнаго рода и вида? Да и надъ чѣмъ, прошу покорно, смѣяться вы будете? надъ кѣмъ смѣяться прикажете намъ? Какъ онъ будетъ, наконецъ, смѣяться, вашъ «Зубоскалъ»? Можетъ ли, наконецъ, смѣяться вашъ «Зубоскалъ»? Дѣйствительно ли имѣетъ къ тому средства достаточныя? А если и точно имѣетъ достаточныя средства, то зачѣмъ будетъ смѣяться?.. именно, вотъ зачѣмъ онъ будетъ смѣяться? Конечно — продолжаютъ они, враги «Зубоскала»: «конечно, смѣяться можно, смѣются всѣ, отъ-чего же не смѣяться? — но смѣются кстати, смѣются при случаѣ, смѣются съ достоинствомъ, — не попусту *скалятъ зубы*, какъ, вотъ здѣсь, изъ одного заглавія вашего явствуетъ — однимъ словомъ, извѣстно какъ смѣются... ну, отъ удачъ тамъ какихъ-нибудь смѣются... ну, надъ рѣзкостію какою-нибудь, выдающеюся изъ общаго уровня, — ну, наконецъ... какъ вамъ сказать?.. ну, за преферансомъ смѣются при счастіи, въ театрѣ смѣются, когда

«Филатку» даютъ — вотъ надъ чѣмъ смѣются при случаѣ, только не такъ, какъ здѣсь, а съ достоинствомъ, съ приличіемъ, а не по̀ходя, не скалятъ по заказу зубы, не острятъ черезъ силу. Да и почему знать, не намѣреніе ли здѣсь какое скрывается» скажутъ въ заключеніе тѣ, которые любятъ во всемъ, что до нихъ не касается, видѣть намѣреніе, даже дурное намѣреніе: «не фальшь ли тутъ какая-нибудь; можетъ-быть, даже неблаговидный предлогъ къ чему-нибудь, можетъ-быть, даже вольнодумство какое-нибудь... гм! можетъ-быть, очень можетъ-быть, — при нынѣшнемъ направленіи особенно можетъ-быть. И наконецъ, грубое, немытое, площадное, нечесаное, мужицкое названіе такое — «Зубоскалъ!» «Почему «Зубоскалъ»? зачѣмъ «Зубоскалъ»? Что доказываетъ именно «Зубоскалъ?»

Вотъ ужь вы и осудили и обвинили, господа̀; обвинили не выслушавъ! Погодите, послушайте! мы вамъ объяснимъ, что̀ такое *Зубоскалъ*, долгомъ почтемъ прежде всего объясниться съ вами. И принявъ объясненіе наше, вы, смѣемъ увѣрить васъ, непремѣнно перемѣните свое мнѣніе, можетъ-быть, даже съ улыбкою благоволенія встрѣтите *Зубоскала*, даже полюбите его, даже, какъ знать? можетъ-быть, будете уважать его. Да и ка̀къ не полюбить его, господа̀! *Зубоскалъ* — малой рѣдкій въ своемъ родѣ, единственный, — малой добрый, простой, незатѣйливый, и, главное, съ весьма-небольшими претензіями. Ради этого одного обстоятельства, что онъ человѣкъ безъ претензій, ради этого одного онъ уже достоинъ всякаго уваженья. Посмотрите, оглянитесь кругомъ, — кто теперь безъ претензій? А? видите ли? А онъ васъ не толкнетъ, не задѣнетъ, не затронетъ ни чьей амбиціи, и никого не попроситъ посторониться. У него только одно честолюбіе, одна лишь претензія — васъ посмѣшить подъ часъ, господа̀. Впрочемъ, изъ этого одного еще не слѣдуетъ, что онъ та́къ вотъ и взялся, подрядился высиживать для почтеннѣйшей публики на нѣмецкій ладъ посильную остроту. Нѣтъ; онъ зубоскалитъ, когда хочетъ, когда чувствуетъ наклонность къ тому, призваніе; малой-то онъ такой, что̀ за словцомъ въ карманъ не полѣзетъ и для краснаго словца не пожалѣетъ первѣйшаго друга. Да ужь, если на то пошло, такъ мы и разскажемъ вамъ, кто онъ именно такой нашъ *Зубоскалъ*, черезъ какія дѣла перешелъ, какія дѣла совершилъ, что затѣваетъ онъ дѣлать — однимъ словомъ, обрисуемъ его вамъ съ головы до пятокъ, какъ говорится.

Представьте себѣ человѣка еще молодаго, подбирающагося, впрочемъ, къ среднимъ годамъ, веселаго, бойкаго, радостнаго, шумливаго, игриваго, крикливаго, беззаботнаго, краснощекаго, кругленькаго, сытненькаго, такъ–что при взглядѣ на него раждается аппетитъ, лицо улыбкою расширяется, и даже самый солидный человѣкъ, очерствѣлый на службѣ человѣкъ, проведшій, на–примѣръ, цѣлое утро въ канцеляріи, проголодавшійся, жолчный, разсерженный, осипшій, охрипшій, и тотъ, спѣша на свой семейный обѣдъ, и тотъ, при взглядѣ на нашего героя, просвѣтлѣетъ душою и сознается, что можно весело — этакъ, на свѣтѣ пожить, и что свѣтъ не безъ радостей. Представьте же себѣ такого человѣка, — да! позабыли главное: мы разскажемъ вамъ вкратцѣ его біографію. Во–первыхъ, онъ родомъ, положимъ, Москвичъ, и прежде всего, непремѣнно Москвичъ, т. е. размашистъ, рѣчистъ, всегда съ своей задушевной идеей, любитъ хорошо пообѣдать, поспорить, простоватъ, хитроватъ, словомъ, со всѣми принадлежностями добрѣйшаго малаго... Но воспитывался онъ въ Петербургѣ, непремѣнно въ Петербургѣ, и можно рѣшительно сказать, что получилъ образованіе блестящее, современное. Впрочемъ, онъ прошелся вездѣ: онъ все знаетъ, все заучилъ и запомнилъ, все схватилъ, вездѣ былъ. Прикинулся–было сначала человѣкомъ военнымъ, понюхалъ потомъ и университетскихъ лекцій, узналъ даже, что̀ дѣлается и въ Медицинской–Академіи, и, что̀ грѣха таить, даже забрался–было и на Васильевскій–Островъ въ 4–ю линію, когда вдругъ ни съ того, ни съ сего увидѣлъ въ себѣ художника, когда наука и искусство поманили–было его золотымъ калачомъ. Впрочемъ, наука и искусство продолжались недолго, и герой нашъ, какъ водится, послѣ этого, засѣлъ въ канцелярію (нѐчего дѣлать!), гдѣ и пробылъ изрядное время, т. е. ровно два мѣсяца, до самой той поры, въ которую, при неожиданномъ поворотѣ своихъ обстоятельствъ, очутился онъ вдругъ владѣтелемъ неограниченнымъ своей особы и своего состоянія. Съ той поры онъ, заложивъ руки въ карманы, ходитъ посвистывая, и живетъ (извините, господа!) для себя–самого. Онъ можетъ–быть, единственный фланёръ, уродившійся на петербургской почвѣ. Онъ, какъ хотите, и молодой и уже не молодой человѣкъ. Много молодаго опало, а новаго едва привилось да засохло. Остался лишь смѣхъ, — смѣхъ, впрочемъ, смѣемъ увѣрить васъ, совершенно–невинный, простой, беззаботный, ребяческій смѣхъ надъ всѣми, надъ всѣмъ. Да и виноватъ ли онъ, въ–самомъ–дѣлѣ,

что безпрерывно хочетъ смѣяться? виноватъ ли онъ, что тамъ, гдѣ вы видите дѣло серьёзное, строгое, онъ видитъ лишь шутку; въ вашихъ восторгахъ — свой Васильевскій-Островъ, въ вашихъ надеждахъ и стремленіяхъ — заблужденія, натяжку, чистый обманъ, въ вашемъ твердомъ пути — свою канцелярію, а въ вашей солидности — Варсонофья Петровича, своего бывшаго начальника отдѣленія, весьма, впрочемъ, почтеннаго человѣка. Виноватъ ли онъ, что видитъ изнанку кулисъ, когда вы видите лишь одну ихъ сторону лицевую; виноватъ ли онъ, наконецъ, что весь, на-примѣръ, Петербургъ, съ его блескомъ и роскошью, громомъ и стукомъ, съ его безконечными типами, съ его безконечною дѣятельностью, задушевными стремленіями, съ его господами и сволочью, — *глыбами грязи*, какъ говоритъ Державинъ, *позлащенной* и непозлащенной, аферистами, книжниками, ростовщиками, магнитизёрами, мазуриками, мужиками и всякою всячиной — представляется ему безконечнымъ, великолѣпнымъ иллюстрированнымъ альманахомъ, который можно переглядывать лишь на досугѣ, отъ скуки, послѣ обѣда — зѣвнуть надъ нимъ, или улыбнуться надъ нимъ. Да; послѣ этого еще хорошо, что у нашего героя осталась способность смѣяться, зубоскалить!... По-крайней-мѣрѣ, еще есть хоть польза какая-нибудь. Нерегулярная жизнь, впрочемъ, начала ему сильно надоѣдать съ недавняго времени. Да и дѣйствительно, его такъ затормошили, растащили и употребляли во зло передъ публикою въ иныхъ романахъ, журналахъ, альманахахъ, фёльетонахъ, газетахъ, что онъ серьёзно рѣшился быть теперь повоздержнѣе и дѣйствовать посолиднѣе... Для сей цѣли вздумалъ онъ было-явиться передъ публикою съ особою книжкою своихъ замѣтокъ, мемуаровъ, наблюденій, откровеній, признаній и т. д., и т. д. Но такъ-какъ все черезъ-чуръ — значитъ некстати, такъ-какъ самое лучшее блюдо въ чрезмѣрномъ количествѣ можетъ произвести индижестію, и такъ-какъ онъ самъ, наконецъ, врагъ несваренія желудка, то и рѣшился раздробить всю книжку на тетрадки... Матеріаловъ у него бездна; времени — дѣвать нѣкуда. Мы говорили уже, что онъ нигдѣ не служитъ, незнакомъ ни съ какими департаментами, ни съ какими канцеляріями, вѣдомствами, правленіями и архивами, даже не употреблялся никогда ни по чьимъ порученіямъ. Онъ, какъ сказали мы выше, заклятой врагъ индижестіи. Прибавимъ еще, что онъ неутомимый ходокъ, наблюдатель, проныра, если понадобится, и знаетъ свой Петербургъ какъ свои десять пальцевъ. Вы его уви-

дите всюду — и въ театрѣ, и у подъѣзда театра, и въ ложахъ, и за кулисами, и въ клубахъ, и на балахъ, и на выставкахъ, и на аукціонахъ, и на Невскомъ-Проспектѣ, и на литературныхъ собраніяхъ, и даже тамъ, гдѣ вы вовсе не ожидали бы увидѣть его, — въ самыхъ дальнѣйшихъ закоулкахъ и углахъ Петербурга. Онъ не брезгаетъ ничѣмъ. Онъ вездѣ съ своимъ карандашомъ и лорнетомъ и тоненькимъ сытненькимъ смѣхомъ. А вотъ и еще одно достоинство *Зубоскала:* первое дѣло и главнѣйшее дѣло у него — правда. Правда прежде всего. *Зубоскалъ* будетъ отголоскомъ правды, трубою правды, будетъ стоять день и ночь за правду, будетъ ея оплотомъ, хранителемъ, и особенно теперь, когда, съ недавняго времени, правда ему страхъ-какъ понравилась. Впрочемъ, онъ иногда и привретъ; отъ-чего же не приврать? Онъ и привретъ иногда — но только умѣренно. Вѣдь со всѣми случается; всѣ любятъ приврать иногда; т. е. не приврать, — что мы! — обмолвились, но этакъ, знаете, сказать поцвѣтистѣе. Ну, вотъ и *Зубоскалъ* точно также иногда что-нибудь тоже скажетъ метафорой, но за то если и совретъ, т. е. сметафоритъ, то сметафоритъ такъ, что будетъ совершенно похоже на правду, что выйдетъ не хуже иной правды, — вотъ будетъ какъ! А, впрочемъ, во всякомъ случаѣ будетъ за правду стоять, до послѣдней капли крови будетъ за правду стоять! Во-вторыхъ, *Зубоскалъ* будетъ врагомъ всякихъ личностей, даже будетъ преслѣдовать личности. Такъ-что Иванъ Петровичъ, напримѣръ, прочитавъ нашу книжку, вовсе не найдетъ совершенно ничего предосудительнаго на свой счетъ, а за то найдетъ, можетъ-быть, кое-что щекотливое, впрочемъ невинное, совершенно-невинное, о пріятелѣ и сослуживцѣ своемъ, Петрѣ Ивановичѣ, и обратно, Петръ Ивановичъ, читая ту же самую книжку, ровно ничего не найдетъ о себѣ, за то найдетъ кое-что объ Иванѣ Петровичѣ. Такимъ-образомъ, оба они будутъ рады, и обоимъ имъ будетъ крайне-весело. Ужь это такъ *Зубоскалъ* устроитъ. Вотъ вы сами увидите, какъ онъ обдѣлаетъ подобное обстоятельство. И что всего удивительнѣе — самъ, напримѣръ, Иванъ Петровичъ, первый закричитъ, что о немъ ровно нѣтъ ничего въ нашей книжкѣ, и что не только нѣтъ ничего похожаго, но что даже и тѣни нѣтъ никакой! Что неприличнаго и злокачественнаго тамъ намека какого-нибудь — и намѣренія не было! А что, если есть что-нибудь, то единственно развѣ про Петра Ивановича. Вотъ будетъ какъ! — И такъ повторяемъ: правда прежде всего. *Зубоскалъ* будетъ жить правдой, отстаи-

вать правду, подвизаться за правду, и — чего, впрочемъ, Боже сохрани — если случится ему умереть — то онъ и умретъ не иначе, какъ за правду! Да! не иначе, какъ за правду!

Но, можетъ-быть, и послѣ всего, что̀ мы сказали о характерѣ «Зубоскала», о привычкахъ его и наклонностяхъ, даже о самомъ поведеніи, кто-нибудь спроситъ еще — каково же будетъ содержаніе нашей книги? чего должно надѣяться отъ нея, чего не надѣяться? На это лучшимъ отвѣтомъ можетъ служить первый выпускъ *Зубоскала*, долженствующій появиться не позже, какъ въ первой половинѣ ноября этого года. Но мы и теперь же готовы удовлетворить желаніе читателей. Повѣсти, разсказы, юмористическія стихотворенія, пародіи на извѣстные романы, драмы и стихотворенія, физіологическія замѣтки, очерки литературныхъ, театральныхъ и всякихъ другихъ типовъ, достопримѣчательныя письма, записки, замѣтки о томъ, о семъ, анекдоты, пуфы и пр., и пр., все въ томъ же родѣ, то-есть въ томъ родѣ, который соотвѣтствуетъ нраву «Зубоскала» и кромѣ котораго ни къ какому другому роду онъ не чувствуетъ въ себѣ призванія. Таково будетъ содержаніе нашего альманаха. Нѣкоторыя статьи, по усмотрѣнію своему, «Зубоскалъ» будетъ украшать политипажными рисунками, исполненіе которыхъ поручитъ лучшимъ петербургскимъ граверамъ и рисовальщикамъ, а когда книга окончится, именно при двѣнадцатомъ и послѣднемъ выпускѣ, выдастъ своимъ читателямъ великолѣпную иллюстрированную обертку, въ которую и попроситъ читателей переплесть его произведеніе. «Зубоскалъ» считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія публики, что у него заготовлено много хорошихъ рисунковъ и разнообразныхъ статей, и потому онъ твердо увѣренъ, что разстояніе въ выходѣ выпусковъ книжекъ никакъ не будетъ продолжительнѣе четырехъ недѣль. Такимъ-образомъ, вся книга въ годъ будетъ непремѣнно окончена.

Наконецъ, еще объ одномъ предметѣ... объ одномъ важномъ, щекотливомъ предметѣ... *Зубоскалъ* такъ любитъ, такъ уважаетъ, такъ высоко цѣнитъ своихъ читателей... своихъ будущихъ читателей (у него будутъ, непремѣнно будутъ читатели!), что готовъ бы даже давать книгу свою даромъ, не смотря на неизбѣжные расходы на печатаніе, бумагу, картинки — картинки, которыя у насъ достаются такъ трудно и дорого!.. Но во-первыхъ, принять подарокъ отъ него, отъ человѣка, у котораго такой чинъ, что онъ боится даже объявить, какой у него чинъ, чтобъ не лишиться уваженія читателей, отъ человѣка, который... ну, кото-

рый, словомъ, ничего больше, какъ зубоскалъ... не покажется ли обиднымъ даже одно такое предположеніе?.. А во-вторыхъ, есть и другая причина: ка́къ! давать книгу даромъ, въ нашъ вѣкъ, въ нашъ вѣкъ, какъ уже всякому извѣстно, *положительный, меркантильный, желѣзный, денежный?..* Не вѣрнѣйшій ли это способъ *уронить* книгу, лишить ее читателей, которые бѣгутъ отъ всего, что̀ имъ навязываютъ?.. Гдѣ же смыслъ? гдѣ тактъ?.. гдѣ, наконецъ, приличіе?.. гдѣ чувство собственнаго достоинства??.. Такія-то причины обуздываютъ великодушіе *Зубоскала*. Итакъ, по соображеніи издержекъ на изданіе, съ чувствомъ собственнаго достоинства, скрѣпя сердце, *Зубоскалъ* объявляетъ, что онъ будетъ продавать себя по *1 руб. сер. за выпускъ*, въ книжныхъ магазинахъ М. Ольхина, А. Иванова, П. Ратькова и Комп., А. Сорокина и другихъ петербургскихъ книгопродавцевъ. На пересылку прилагается за одинъ фунтъ.

Зубоскалъ.

РОМАНЪ ВЪ ДЕВЯТИ ПИСЬМАХЪ.

I.

(*Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу.*)

Милостивый государь и драгоцѣннѣйшій другъ,
Иванъ Петровичъ!

Вотъ уже третій день, какъ я, можно сказать, гоняюсь за вами, драгоцѣннѣйшій другъ мой, имѣя переговорить о наинужнѣйшемъ дѣлѣ, и нигдѣ не встрѣчаю васъ. Жена моя вчера, въ бытность нашу у Семена Алексѣича, весьма кстати подшутила надъ вами, говоря, что васъ съ Татьяной Петровной вышла парочка непосѣдовъ. Трехъ мѣсяцовъ нѣтъ, какъ женаты, а уже неглижируете домашними своими пенатами. Мы всѣ много смѣялись, — отъ полноты искренняго расположенія нашего къ вамъ, разумѣется, — но, кромѣ шутокъ, безцѣннѣйшій мой, задали вы мнѣ хлопотъ. Говоритъ мнѣ Семенъ Алексѣичъ, что не въ клубѣ ли вы Соединеннаго Общества на балѣ? Оставляю жену у супруги Семена Алексѣича, самъ же лечу въ Соединенное Общество. Смѣхъ и горе! представьте мое положеніе: я на балъ — и одинъ, безъ жены! Иванъ Андреичъ, встрѣтившійся со мною въ швейцарской, увидѣвъ меня одного, немедленно заключилъ (злодѣй!) о необыкновенной страсти моей къ танцовальнымъ собраніямъ и, подхвативъ меня подъ руку, хотѣлъ было уже насильно тащить въ танцклассъ, говоря, что въ Соединенномъ Обществѣ тѣсно ему, развернуться негдѣ молодецкой душѣ, и что отъ пачули съ резедою у него голова разболѣлась. Не нахожу ни васъ, ни Татьяны Петровны. Иванъ Андреичъ увѣряетъ и божится, что вы непремѣнно на «Горе отъ Ума» въ Александрынскомъ Театрѣ.

Лечу въ Александрынскій Театръ: нѣтъ и тамъ. Сегодня утромъ думалъ васъ найти у Чистоганова, — не тутъ-то было. Чистогановъ шлетъ къ Перепалкинымъ — тоже самое. Однимъ словомъ, измучился совершенно; судите, какъ я хлопоталъ! Теперь пишу къ вамъ (нечего дѣлать!) Дѣло-то мое отнюдь не литературное (вы меня понимаете); лучше бы съ глазу на глазъ, крайне нужно объясниться съ вами и какъ можно скорѣе, и потому прошу ко мнѣ сегодня на чай и на вечернюю бесѣду, вмѣстѣ съ Татьяной Петровной. Моя Анна Михайловна будетъ крайне обрадована посѣщеніемъ вашимъ. Истинно, какъ говорится, по гробъ одолжите.

Кстати, безцѣннѣйшій другъ мой, — коли дѣло дошло до пера, то все въ строку, — нахожусь вынужденнымъ теперь же попенять вамъ отчасти и даже укорить васъ, почтеннѣйшій другъ мой, въ одной, по-видимому, весьма невинной продѣлочкѣ, которою вы зло надо мной подшутили... злодѣй вы, безсовѣстный человѣкъ! Около половины прошедшаго мѣсяца вводите вы въ домъ мой одного знакомаго вашего, именно Евгенія Николаича, ассюрируете его дружеской и для меня, разумѣется, священнѣйшей рекомендаціей вашей; я радуюсь случаю, принимаю молодаго человѣка съ распростертыми объятіями и вмѣстѣ съ тѣмъ кладу голову въ петлю. Петля не петля, а вышла, что называется, штука хорошая. Объяснять теперь некогда, да на перѣ и неловко, а только нижайшая просьба до васъ, злорадственный другъ и пріятель, нельзя ли какимъ нибудь образомъ, поделикатнѣе, въ скобкахъ, на ушко, въ тихомолочку, пошептать вашему молодому человѣку, что есть въ столицѣ много домовъ, кромѣ нашего. Мочи нѣтъ, батюшка! Падамъ до ногъ, какъ говоритъ пріятель нашъ Симоневичъ. Свидимся, я вамъ все разскажу. Не въ томъ смыслѣ говорю, что молодой человѣкъ не взялъ, напримѣръ, на фасонѣ или душевными качествами, или въ чемъ нибудь тамъ другомъ оплошалъ. Напротивъ, онъ даже малый любезный и милый; но вотъ погодите, увидимся; а между тѣмъ, если встрѣтите его, то шепните ему, ради Бога, почтеннѣйшій. Я бы и самъ это сдѣлалъ, но вы знаете характеръ такой: не могу да и только. Вы же рекомендовали его. Впрочемъ, вечеромъ, во всякомъ случаѣ, подробнѣе объяснимся. А теперь до свиданія. Остаюсь, и пр.

PS. Маленькой у меня уже съ недѣлю прихварываетъ, и съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Страдаетъ зубенками; вырѣ-

зываются. Жена все няньчится съ нимъ и груститъ, бѣдняжка. Пріѣзжайте. Истинно обрадуете насъ, драгоцѣннѣйшій другъ мой.

II.

(*Отъ Ивана Петровича къ Петру Иванычу.*)

Милостивый государь, Петръ Иванычъ!

Получаю вчера письмо ваше, читаю и недоумѣваю. Ищете меня Богъ знаетъ въ какихъ мѣстахъ, а я просто былъ дома. До десяти часовъ ожидалъ Ивана Иваныча Толоконова. Тотчасъ же беру жену, нанимаю извощика, трачусь и являюсь къ вамъ временемъ около половины седьмаго. Васъ дома нѣтъ, а встрѣчаетъ насъ ваша супруга. Жду васъ до половины одиннадцатаго; долѣе невозможно. Беру жену, трачусь, нанимаю извощика, завожу ее домой, а самъ отправляюсь къ Перепалкинымъ, думая не встрѣчу ли тамъ, но опять ошибаюсь въ расчетахъ. Пріѣзжаю домой, не сплю всю ночь, безпокоюсь, утромъ заѣзжаю къ вамъ три раза, въ 9, въ 10 и въ 11 часовъ, три раза трачусь, нанимаю извощиковъ, и опять вы меня оставляете съ носомъ.

Читая же ваше письмо, удивлялся. Пишете о Евгеніѣ Николаичѣ, просите шепнуть и не упоминаете, почему. Хвалю осторожность, но бумага бумагѣ рознь, а я нужныхъ бумагъ на папильотки женѣ не даю. Недоумѣваю, наконецъ, въ какомъ смыслѣ изволили мнѣ это все написать. Впрочемъ, если на то пошло, то чего же меня-то мѣшать въ это дѣло? Я носа своего не сую во всякую всячину. Отказать могли сами, вижу только, что объясниться нужно мнѣ съ вами короче, рѣшительнѣе, да къ тому же и время проходитъ. А я стѣсненъ и не знаю, что дѣлать придется, коли неглижировать условіями будете. Дорога на носу, дорога чего нибудь стоитъ, а тутъ еще жена хнычетъ: сшей ей бархатный капотъ по модному вкусу. На счетъ же Евгенія Николаича спѣшу вамъ замѣтить: павелъ я вчера, не теряя времени, окончательно справки, въ бытность мою у Павла Семеныча Перепалкина. У него своихъ 500 душъ въ Ярославской Губерніи, да отъ бабушки есть надежда получить въ 300 душъ подмосковную. Денегъ же сколько, не знаю, а я думаю, что вамъ это лучше знать. Окончательно прошу васъ назначить мнѣ мѣсто свиданія. Встрѣтили вчера Ивана Андреича и пишете, что объявилъ онъ вамъ, что я въ Александрынскомъ

Театрѣ съ женою. Я же пишу, что онъ вретъ, и тѣмъ болѣе ему вѣры нельзя имѣть въ подобныхъ дѣлахъ, что онъ не далѣе, какъ третьяго дня, провелъ свою бабушку на осьми стахъ рубляхъ ассигнаціями. Затѣмъ имѣю честь пребыть.

PS. Жена моя забеременѣла; ктому же она пуглива и чувствуетъ подъ часъ меланхолію. Въ театральныя же представленія иногда вводятъ пальбу и искусственно машинами сдѣланный громъ. И потому, боясь испугать жену, въ театры ея не вожу. Самъ же до театральныхъ представленій охоты большой не имѣю.

III.

(*Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу.*)

Безцѣннѣйшій другъ мой,
Иванъ Петровичъ!

Виноватъ, виноватъ и тысячу разъ виноватъ, но спѣшу оправдаться. Вчера въ шестомъ часу, и какъ разъ въ то самое время, какъ мы съ истиннымъ участіемъ сердца о васъ вспоминали, прискакалъ нарочный отъ дядюшки Степана Алексѣича съ извѣстіемъ, что съ тетушкой худо. Боясь перепугать жену, неговоря ей ни слова, претекстую постороннее нужное дѣло, и ѣду въ домъ тетушки. Нахожу ее едва живу. Ровно въ пять часовъ послѣдовалъ съ нею ударъ, уже третій въ два года. Карлъ Ѳедорычъ, медикъ ихъ дома, объявилъ, что, можетъ быть, она не проживетъ и ночи одной. Судите о моемъ положеніи, драгоцѣннѣйшій другъ мой. Цѣлую ночь на ногахъ, въ хлопотахъ и горѣ! Утромъ только, истощивъ свои силы и удрученный тѣлесною и душевною немощью, прилегъ я у нихъ же на диванѣ, забылъ сказать, чтобы во время меня разбудили, и проснулся въ половинѣ двѣнадцатаго. Тетушкѣ лучше. Ѣду къ женѣ; она, бѣдная, истерзалась, ожидая меня. Перехватилъ кусокъ кой-чего, обнялъ малютку, разувѣрилъ жену и отправился къ вамъ. Васъ нѣтъ дома. Нахожу же у васъ Евгенія Николаича. Отправляюсь домой, беру перо и теперь къ вамъ пишу. Не ропщите и не сердитесь на меня, искренній другъ мой. Бейте, рубите голову повинную съ плечъ, но не лишайте благорасположенія вашего. Отъ вашей супруги узналъ, что вечеромъ вы у Славяновыхъ. Буду тамъ непремѣнно. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаю васъ.

Теперь же остаюсь и т. д.

PS. Маленькій нашъ повергаетъ насъ въ истинное отчаяніе. Карлъ Ѳедорычъ прописалъ ему ревеньку. Стонетъ, вчера не узналъ никого. Сегодня же сталъ узнавать и лепечетъ все — папа, мама, бу... Жена въ слезахъ цѣлое утро.

IV.

(*Отъ Ивана Петровича къ Петру Иванычу.*)

Милостивый государь мой, Петръ Иванычъ!

Пишу къ вамъ у васъ, въ вашей комнатѣ, на вашемъ бюро; а прежде, чѣмъ взялся за перо, прождалъ васъ слишкомъ два часа съ половиною. Теперь позвольте же вамъ прямо сказать, Петръ Иванычъ, мое открытое мнѣніе, на счетъ всего этого скареднаго обстоятельства. Изъ вашего послѣдняго письма заключаю, что васъ ждутъ у Славяновыхъ, зовете меня туда, являюсь, сижу пять часовъ, а васъ небывало. Чтожь, я людей смѣшить что-ли, по вашему, долженъ? Позвольте, милостивый государь... Являюсь къ вамъ утромъ, надѣясь застать васъ и не подражая такимъ манеромъ нѣкоторымъ обманчивымъ лицамъ, которые ищутъ людей Богъ знаетъ по какимъ мѣстамъ, когда ихъ можно застать дома во всякое прилично-выбранное время. Дома и духа вашего не было. Не знаю, что удерживаетъ меня теперь высказать вамъ всю рѣзкую правду. Скажу только то, что вижу васъ, кажется, на попятномъ дворѣ, относительно нашихъ извѣстныхъ условій. И теперь только, соображая все дѣло, не могу не признаться, что рѣшительно удивляюсь хитростному вашего ума направленію. Ясно вижу теперь, что неблагопріятное намѣреніе свое питали вы съ давнихъ поръ. Доказательствомъ же такому моему предположенію служитъ то, что вы еще на прошлой недѣлѣ, почти непозволительнымъ образомъ, овладѣли тѣмъ письмомъ вашимъ, на имя мое адресованнымъ, въ которомъ сами изложили, хотя и довольно темно и нескладно, условія наши на счетъ весьма извѣстнаго вамъ обстоятельства. Боитесь документовъ, ихъ уничтожаете, а меня въ дуракахъ оставляете. Но я въ дуракахъ себя считать не позволю, ибо за таковаго меня доселѣ никто не считалъ, и всѣ на счетъ этого обстоятельства обо мнѣ съ хорошей стороны относились. Открываю глаза. Сбиваете меня съ толку, туманите меня Евгеніемъ Николаичемъ, и когда я съ неразгаданнымъ мною доселѣ

письмомъ вашимъ отъ седьмаго сего мѣсяца, ищу объясниться съ вами, вы назначаете мнѣ ложныя свиданія, а сами скрываетесь. Не думаете ли вы, милостивый государь, что я всего этого замѣтить не въ силахъ? Обѣщаете вознаградить меня за весьма хорошо вамъ извѣстныя услуги, относительно рекомендаціи разныхъ лицъ, а между тѣмъ, и неизвѣстно какимъ образомъ, устроиваете такъ, что сами у меня деньги берете безъ росписки знатными суммами, что̀ было не далѣе, какъ на прошлой недѣлѣ. Теперь же, взявъ деньги, скрываетесь, да еще отрекаетесь отъ услуги моей, вамъ оказанной относительно Евгенія Николаича. Разсчитываете, можетъ быть, на скорый отъѣздъ мой въ Симбирскъ и думаете, что не успѣемъ концовъ свести съ вами. Но объявляю вамъ, торжественно и свидѣтельствуясь притомъ честнымъ словомъ моимъ, что если пойдетъ на то, то я нарочно готовъ буду еще цѣлыхъ два мѣсяца прожить въ Петербургѣ, а дѣла своего добьюсь, цѣли достигну и васъ отыщу. И мы умѣемъ подъ часъ дѣйствовать въ пику. Въ заключеніе же объявляю вамъ, что если вы сегодня же не объяснитесь со мною удовлетворительно, сперва на письмѣ, а потомъ личнымъ образомъ, съ глазу на глазъ, и не изложите въ вашемъ письмѣ вновь всѣхъ главныхъ условій, существовавшихъ между нами, и не объясните окончательно мыслей вашихъ на счетъ Евгенія Николаича, то я принужденъ буду прибѣгнуть къ мѣрамъ, вамъ весьма неблагопріятнымъ и даже самому мнѣ противнымъ.

Позвольте пребыть и т. д.

V.

(*Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу.*)

Ноября 11-го.

Любезнѣйшій, почтеннѣйшій другъ мой,
Иванъ Петровичъ!

До глубины души моей я былъ огорченъ письмомъ вашимъ. И не совѣстно было вамъ, дорогой, но несправедливый другъ мой, такъ поступать съ лучшимъ доброжелателемъ вашимъ. Поторопиться, необъяснить всего дѣла и, наконецъ, оскорбить меня такими обидными подозрѣніями?! — Но спѣшу отвѣчать на обвиненія ваши. — Не застали вы меня, Иванъ Петровичъ, вчера потому, что я вдругъ и совсѣмъ неожиданно позванъ былъ къ одру умирающей. Тетушка Евфимія Николавна пре-

ставилась вчера вечеромъ, въ 11 часовъ пополудни. Общимъ голосомъ родственниковъ избранъ я былъ распорядителемъ всей плачевной и горестной церемоніи. Дѣлъ было столько, что я и поутру сегодня не успѣлъ увидѣться съ вами, ниже увѣдомить хоть строчкой письма. Скорбѣю душевно о недоразумѣніи, вышедшемъ между нами. Слова мои о Евгеніѣ Николаевичѣ, высказанныя мною шутливо и мимоходомъ, приняли вы въ совершенно противную сторону, а дѣлу всему дали глубоко обижающій меня смыслъ. Упоминаете о деньгахъ и выказываете о нихъ свое безпокойство. Но не обинуясь, готовъ удовлетворить всѣмъ вашимъ желаніямъ и требованіямъ, хотя здѣсь, мимоходомъ, и не могу не напомнить вамъ, что деньги, 350 р. сер., взяты мною у васъ на прошлой недѣлѣ на извѣстныхъ условіяхъ, а не заимообразно. Въ послѣднемъ же случаѣ, непремѣнно бы существовала росписка. Не снизхожу до объясненій касательно остальныхъ пунктовъ, изложенныхъ въ вашемъ письмѣ. Вижу, что это недоразумѣніе, вижу въ этомъ вашу обычную скорость, горячность и прямоту. Знаю, что благодушіе и открытый характеръ вашъ не позволятъ оставаться сомнѣнію въ сердцѣ вашемъ, и что, наконецъ, вы же сами протянете первый мнѣ руку вашу. Вы ошиблись, Иванъ Петровичъ, вы крайне ошиблись!

Не смотря на то, что письмо ваше глубоко уязвило меня, я первый, и сегодня же, готовъ бы былъ къ вамъ явиться съ повинною, но я нахожусь въ такихъ хлопотахъ, съ самаго вчерашняго дня, что убитъ теперь совершенно и едва стою на ногахъ. Къ довершенію бѣдствій моихъ, жена слегла въ постель; боюсь серьёзной болѣзни. Что же касается до маленькаго, то ему, слава Богу, получше. Но бросаю перо.... дѣла зовутъ, а ихъ цѣлая куча. Позвольте, безцѣннѣйшій другъ мой, пребыть, и проч.

VI.

(*Отъ Ивана Петровича къ Петру Иванычу.*)

Ноября 14–го.

Милостивый мой государь, Петръ Иванычъ!

Я выждалъ три дня; употребить постарался ихъ съ пользою, — между тѣмъ, чувствуя, что вѣжливость и приличіе суть первыя украшенія всякаго человѣка, съ самаго послѣдняго письма моего, отъ десятаго числа сего мѣсяца, не напоминалъ вамъ

о себѣ ни словомъ, ни дѣломъ, частію для того, чтобы дать вамъ исполнить безмятежно христіанскій долгъ, относительно тетушки вашей, частію же потому, что для нѣкоторыхъ соображеній и изысканій по извѣстному дѣлу имѣлъ во времени надобность. Теперь же спѣшу съ вами окончательнымъ и рѣшительнымъ образомъ объясниться.

Признаюсь вамъ откровенно, что при чтеніи первыхъ двухъ писемъ вашихъ я серьёзно думалъ, что вы не понимаете, чего я хочу; вотъ по какому случаю наиболѣе искалъ я свиданія съ вами и объясненія съ глазу на глазъ, боялся пера и обвинялъ себя въ неясности способа выраженія мыслей моихъ на бумагѣ. Извѣстно вамъ, что воспитанія и манеровъ хорошихъ я не имѣю и пустозвоннаго щегольства я чуждаюсь, потому–что по горькому опыту позналъ, наконецъ, сколь обманчива иногда бываетъ наружность, и что подъ цвѣтами иногда таится змѣя. Но вы меня понимали; не отвѣчали же мнѣ такъ, какъ слѣдуетъ, потому, что вѣроломствомъ души своей положили заранѣ измѣнить своему честному слову и существовавшимъ между нами пріятельскимъ отношеніямъ. Совершенно же доказали вы это гнуснымъ поведеніемъ вашимъ, относительно меня въ послѣднее время, поведеніемъ, пагубнымъ для моего интереса, чего не ожидалъ я и чему вѣрить никакъ не хотѣлъ до настоящей минуты; ибо плѣненный въ самомъ началѣ знакомства нашего умными манерами вашими, тонкостію вашего обращенія, знаніемъ дѣлъ и выгодами, имѣвшими быть мнѣ отъ сообщества съ вами, я полагалъ, что нашелъ истиннаго друга, пріятеля и доброжелателя. Теперь же ясно позналъ, что есть много людей, подъ льстивою и блестящею наружностью скрывающихъ ядъ въ своемъ сердцѣ, употребляющихъ умъ свой на устроеніе козней ближнему и на непозволительный обманъ, и потому боящихся пера и бумаги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и употребляющихъ слогъ свой не на пользу ближняго и отечества, а для усыпленія и обаянія разсудка тѣхъ, кои вошли съ ними въ разныя дѣла и условія. Вѣроломство ваше, милостивый государь мой, относительно меня, ясно можно видѣть изъ нижеслѣдующаго.

Во–первыхъ, когда я, въ ясныхъ и отчетливыхъ выраженіяхъ письма моего, изображалъ вамъ, милостивый государь мой, свое положеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивалъ васъ въ первомъ письмѣ моемъ, что̀ вы хотите разумѣть подъ нѣкоторыми выраженіями и намѣреніями вашими, преимущественно же относительно Евгенія Николаича, то вы по бо̀льшей части старались

умалчивать и, возмутивъ меня разъ подозрѣніями и сомнѣніями, спокойно сторонились отъ дѣла. Потомъ, надѣлавъ со мной такихъ дѣлъ, которыхъ и приличнымъ словомъ назвать нельзя, стали писать, что вы огорчаетесь. Какъ это назвать прикажете, милостивый мой государь? Потомъ, когда каждая минута была для меня дорога и когда вы заставляли меня гоняться за вами на протяженіи всей столицы, писали вы подъ личиною дружбы мнѣ письма, въ которыхъ, нарочно умалчивая о дѣлѣ, говорили о совершенно постороннихъ вещахъ; именно о болѣзняхъ, во всякомъ случаѣ уважаемой мною вашей супруги, и о томъ, что вашему малюткѣ ревеню дали, и что-де по сему случаю у него прорѣзался зубъ. Обо всемъ этомъ упоминали вы въ каждомъ письмѣ своемъ, съ гнусною и обидною для меня регулярностью. Конечно, готовъ согласиться, что страданія роднаго дѣтища терзаютъ душу отца, но для чего же упоминать объ этомъ тогда, когда нужно было совершенно другое, болѣе нужное и интересное. Я молчалъ и терпѣлъ; теперь же, когда время прошло, долгомъ почелъ объясниться. Наконецъ, нѣсколько разъ вѣроломно обманувши меня ложнымъ назначеніемъ свиданій, заставили меня играть, повидимому, роль вашего дурака и потѣшителя, чѣмъ я быть никогда не намѣренъ. Потомъ, и пригласивъ меня къ себѣ предварительно, и какъ слѣдуетъ обманувъ, увѣдомляете меня, что отозваны были къ страдающей тетушкѣ вашей, получившей ударъ ровно въ пять часовъ, изъясняясь такимъ образомъ и тутъ съ постыдною точностью. Къ счастью моему, милостивый мой государь, въ эти три дня я успѣлъ навесть справки, и по нимъ узналъ, что тетушку вашу постигъ ударъ еще наканунѣ осьмого числа, незадолго до полночи. Посему случаю вижу, что вы употребили святость родственныхъ отношеній для обмана совершенно постороннихъ людей. Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ упоминаете и о смерти родственницы вашей, какъ бы приключившейся именно въ то самое время, когда я долженъ былъ явиться къ вамъ для совѣщаній объ извѣстныхъ дѣлахъ. Но здѣсь гнусность разсчетовъ и выдумокъ вашихъ превосходитъ даже всякое вѣроятіе, ибо, по достовѣрнѣйшимъ справкамъ, къ которымъ по счастливѣйшему для меня случаю успѣлъ я прибѣгнуть и кстати и во время, узналъ я, что тетушка ваша скончалась ровно цѣлыя сутки спустя послѣ безбожно опредѣленнаго вами въ письмѣ своемъ срока для кончины ея. Я не кончу, если буду исчислять

всѣ признаки, по коимъ узналъ о вашемъ относительно меня вѣроломствѣ. Довольно даже того для безпристрастнаго наблюдателя, что во всякомъ письмѣ своемъ именуете вы меня своимъ искреннимъ другомъ и называете любезными именами, что̀ дѣлали, по моему разумѣнію, не для чего иного, какъ съ тѣмъ, чтобы усыпить мою совѣсть.

Приступлю теперь къ главному вашему относительно меня обману и вѣроломству, состоящему именно: въ безпрерывномъ умалчиваніи въ послѣднее время о всемъ томъ, что касается общаго нашего интереса, въ безбожномъ похищеніи письма, въ которомъ, хотя темно и не совсѣмъ мнѣ понятно, объяснили вы наши обоюдныя условія и соглашенія, въ варварскомъ насильномъ займѣ 350 р. сер. безъ росписки, сдѣланномъ у меня въ качествѣ вашего половинщика; и, наконецъ, въ гнусной клеветѣ на общаго знакомаго нашего Евгенія Николаича. Ясно вижу теперь, что хотѣлось вамъ доказать мнѣ, что съ него, съ позволенія сказать, какъ съ козла, нѣтъ ни молока, ни шерсти, и что онъ самъ ни то, ни сё, ни рыба ни мясо, что и поставили ему въ порокъ въ письмѣ своемъ отъ 6 числа сего мѣсяца. Я же знаю Евгенія Николаича какъ за скромнаго и благонравнаго юношу, чѣмъ именно можетъ онъ и прельстить, и сыскать, и заслужить уваженіе въ свѣтѣ. Извѣстно тоже мнѣ, что вы каждый вечеръ, въ продолженіи цѣлыхъ двухъ недѣль, клали въ карманъ свой по нѣскольку десятковъ, а иногда и до сотни рублей серебромъ, держа палки и банки Евгенію Николаичу. Теперь же вы отъ этого всего отпираетесь и не только не соглашаетесь возблагодарить меня за старанія, но даже присвоили безвозвратно собственныя деньги мои, соблазнивъ меня предварительно качествомъ вашего половинщика и обольстивъ меня разными выгодами, имѣющими быть на долю мою. Присвоивъ же теперь беззаконнѣйшимъ образомъ себѣ мои и Евгенія Николаича деньги, возблагодарить меня уклоняетесь, употребляя для сего клевету, которою и очернили безразсудно въ глазахъ моихъ того, кого я стараніями и усиліями своими ввелъ въ домъ вашъ. Сами же, напротивъ, по разсказамъ пріятелей, до сихъ поръ чуть-чуть не лижетесь съ нимъ и выдаете всему свѣту за первѣйшаго вашего друга, не смотря на то, что въ свѣтѣ нѣтъ такого послѣдняго дурака, который бы съ разу не угадалъ, къ чему клонятся всѣ ваши намѣренія и что̀ именно значатъ на дѣлѣ дружелюбныя и пріятельскія отношенія ваши. Я

же скажу, что они значатъ обманъ, вѣроломство, забвеніе приличій и правъ человѣка, богопротивны и всячески порочны. Ставлю себя примѣромъ и доказательствомъ. Чѣмъ я васъ оскорбилъ и за что вы со мною такимъ безбожнымъ образомъ поступили?

Кончаю письмо. Я объяснился. Теперь заключаю: если вы, милостивый мой государь, въ наикратчайшее по полученіи письма сего время не возвратите мнѣ сполна, во 1–хъ, мною вамъ данной суммы, 350 р. сер. и, во 2–хъ, всѣхъ за тѣмъ слѣдующихъ мнѣ по обѣщанію вашему суммъ, то я прибѣгну ко всевозможнымъ средствамъ, чтобы принудить васъ къ отдачѣ даже открытою силою; во–вторыхъ, къ покровительству законовъ, и, наконецъ, объявляю вамъ, что обладаю кое–какими свидѣтельствами, которыя, оставаясь въ рукахъ вашего покорнѣйшаго слуги и почитателя, могутъ погубить и осквернить ваше имя въ глазахъ цѣлаго свѣта.

Позвольте пребыть и проч.

VII.

(*Отъ Петра Иваныча къ Ивану Петровичу.*)

Ноября 15–го.

Иванъ Петровичъ!

Получивъ ваше мужицкое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, странное посланіе, я въ первую минуту хотѣлъ было разорвать его въ клочки, — но сохранилъ для рѣдкости. Впрочемъ, сердечно сожалѣю о недоразумѣніяхъ и непріятностяхъ нашихъ. Отвѣчать вамъ я было не хотѣлъ. Но заставляетъ необходимость. Именно сими строками объявить вамъ нужно, что видѣть васъ когда либо въ домѣ моемъ мнѣ будетъ весьма непріятно, равно и женѣ моей: она слаба здоровьемъ и запахъ дегтя ей вреденъ.

Жена моя отсылаетъ вашей супругѣ книжку ея, оставшуюся у насъ — Донъ–Кихота Ламанчскаго, съ благодарностью. Что же касается до вашихъ калошъ, будто бы забытыхъ вами у насъ во время послѣдняго посѣщенія, то съ сожалѣніемъ увѣдомляю васъ, что ихъ нигдѣ не нашли. Покамѣстъ ихъ ищутъ; но если ихъ совсѣмъ не найдутъ, тогда я вамъ куплю новыя.

Впрочемъ, честь имѣю пребыть и проч.

VIII.

Шестнадцатаго числа ноября, Петръ Иванычъ получаетъ по городской почтѣ на свое имя два письма. Вскрывая первый пакетъ, вынимаетъ онъ записочку, затѣйливо сложенную, на блѣдно розовой бумажкѣ. Рука жены его. Адресовано къ Евгенію Николаичу, число 2 ноября. Въ пакетѣ больше ничего не нашлось. Петръ Ивановичъ читаетъ:

Милый Eugéne! Вчера никакъ нельзя было. Мужъ былъ дома весь вечеръ. Завтра же пріѣзжай непремѣнно ровно въ одиннадцать. Въ половинѣ одиннадцатаго мужъ отправляется въ Царское и воротится въ полночь. Я злилась всю ночь. Благодарю за присылку извѣстій и переписки. Какая куча бумаги! Неужели это все она исписала? Впрочемъ, есть слогъ; спасибо тебѣ; вижу, что любишь меня. Не сердись за вчерашнее и приходи завтра, ради Бога.

А.

IX.

Петръ Ивановичъ распечатываетъ второе письмо.

Петръ Иванычъ!

Нога моя и безъ того бы никогда не была въ вашемъ домѣ; напрасно изволили даромъ бумагу марать.

На будущей недѣлѣ уѣзжаю въ Симбирскъ; пріятелемъ безцѣннѣйшимъ и любезнѣйшимъ другомъ останется у васъ Евгеній Николаичъ; желаю удачи, а о калошахъ не безпокойтесь.

Семнадцатаго числа ноября, Иванъ Петровичъ получаетъ по городской почтѣ на свое имя два письма. Вскрывая первый пакетъ, вынимаетъ онъ записочку, небрежно и наскоро написанную. Рука жены его; адресовано къ Евгенію Николаичу, число 4 августа. Въ пакетѣ больше ничего не нашлось. Иванъ Петровичъ читаетъ:

Прощайте, прощайте, Евгеній Николаичъ! награди васъ Господь и за это. Будьте счастливы, а мнѣ доля лютая; страшно! Ваша воля была. Если бы не тетушка, я бы вамъ ввѣрилась такъ. Не смѣйтесь же ни надо мной, ни надъ тетушкой. Завтра вѣнчаютъ насъ. Тетушка рада, что нашелся добрый человѣкъ и

беретъ безъ приданаго. Я въ первый разъ пристально на него поглядѣла сегодня. Онъ, кажется, добрый такой. Меня торопятъ. Прощайте, прощайте.... голубчикъ мой!! Помяните обо мнѣ когда нибудь; я же васъ никогда не забуду. Прощайте! Подпишу и это послѣднее, какъ первое мое... помните?

Татьяна.

Во второмъ письмѣ было слѣдующее:

Иванъ Петровичъ! Завтра вы получите калоши новыя; я ничего не привыкъ таскать изъ чужихъ кармановъ; также не люблю собирать по улицамъ лоскутки всякой всячины.

Евгеній Николаичъ на дняхъ уѣзжаетъ въ Симбирскъ, по дѣламъ своего дѣда, и просилъ меня похлопотать о попутчикѣ; не хотите ли?

ВСТУПЛЕНІЕ.

Первое Апрѣля!?.... — «Тьфу ты пропасть, что за дьявольщина?» воскликнутъ гуляющіе по Невскому, увидѣвъ съ изумленіемъ объявленіе о нашей книжкѣ. — «Гм!.. Первое Апрѣля! ужь вѣрно что нибудь да ужь не спроста....» — «Пустячки, побасенки, такъ себѣ, — ничего, вздорецъ», скажутъ тѣ господа, которые читаютъ однѣ только интересныя страницы французскихъ романовъ и занимательныя объявленія о дрожкахъ, лошадяхъ и собакахъ. — «Первое Апрѣля?.... чего не задираютъ эти сочинители, чего не затрогиваютъ... Мѣсяца даже не оставили въ покоѣ, э! хе, хе....» вымолвитъ *иной*, душевно радуясь, что по крайней мѣрѣ на этотъ разъ дѣло не касается его чести и амбиціи. — «Ручаюсь, что тутъ обманъ, непремѣнно обманъ, — посмотрите, вѣдь само заглавіе свидѣтельствуетъ que c'est tout bonnement un poisson d'avril.*» — «Надувательная системка въ ходу–съ....» примолвитъ шутникъ, желая посмѣшить остановившагося тутъ же начальника своего. Словомъ, толкамъ и пересудамъ не будетъ конца.

Увѣряю васъ однако, почтеннѣйшіе господа, что всѣ вы крѣпко ошиблись, ошибаетесь и будете ошибаться, если такимъ образомъ станете отзываться о представляемой на судъ вашъ книжицѣ.

Конечно, спора нѣтъ, само ея заглавіе невольно какъ–то наводитъ на разные дурные, неблагопріятные толки и клеветы; сами мы не разъ объ этомъ думали, да дѣлать было нечего, такіе обстоятельства встрѣтились, что нельзя было дать другаго имени.

Но вникните–ка хорошенько, почтеннѣйшіе господа, въ сущность дѣла; ну какое можетъ тутъ быть надуванье? оно такъ, все такъ, мы сами соглашаемся, что съ первымъ Апрѣля тот-

---

* Что это попросту первоапрѣльская шутка (*франц.*).

часъ вкрадывается въ душу недовѣрчивость, но вѣдь тутъ совсѣмъ другое: — вы входите въ лавку, отдаете деньги, и получаете — книгу; да, ни болѣе, ни менѣе, какъ книгу, пріятное и полезное, такъ сказать, развлеченіе для ума и сердца. — Какое-же тутъ надуванье? Чистосердечно васъ спрашиваемъ, какой тутъ обманъ? — Нѣтъ, мм. гг., нѣтъ.... Да положимъ даже, если бы и дѣйствительно оно было такъ, если бъ и въ самомъ дѣлѣ мы рѣшились бы выкинуть вамъ какую нибудь штуку, да знаете, мм. гг., что и тогда не имѣли бы вы рѣшительно никакого права обвинять насъ. — Развѣ вы ни во что ставите дѣдовскіе обычаи? Развѣ вы позабыли ихъ? Развѣ вамъ не вѣдомо, мм. гг., что у честныхъ людей исконп еще ведется обыкновеніе обманывать и надувать другъ друга въ Первое Апрѣля? — Ужь знать такой мѣсяцъ надувательный въ году пришелся, и пенять не на кого.

Кромѣ этого, сами видите вы, что вся просвѣщенная Европа пользуется такимъ обыкновеніемъ и почему же намъ не слѣдовать ея примѣру? Впрочемъ, кажется и за нами дѣло не стало; посмотрите-ка въ 1-е Апрѣля....

— Чѣмъ волнуется душа всѣхъ и каждаго?.. а?.. чѣмъ она волнуется?.. Обманомъ, однимъ только обманомъ, а въ Петербургѣ-то, въ Петербургѣ, — просто любо смотрѣть....

Взгляните напримѣръ на Семена Ивановича, посмотрите-ка съ какою самодовольною улыбкою пробирается онъ къ другу своему Петру Петровичу живущему на Петербургской сторонѣ. — Вотъ скрипнула дверь въ комнатѣ Петра Петровича, — входитъ Семенъ Ивановичъ и весь въ попыхахъ бросается къ нему на шею. Жена, тёща, дѣти Петра Петровича стоятъ на порогѣ, недоумѣвая о причинѣ восторга Семена Ивановича. — Другъ, дружище, говоритъ онъ наконецъ: — Поздравляю, отъ чистаго сердца поздравляю, я думаю ты, братъ, и неожидалъ такого благополучія? — «Что, что такое?» робко и едва внятно произноситъ изумленный Петръ Петровичъ. — Какъ! да ты развѣ не знаешь? продолжаетъ его пріятель, вѣдь его превосходительство назначилъ тебѣ награжденіе, да еще приказалъ написать благодарность.... — «Что ты....» — Ей Богу, провались я сквозь землю, если это не правда.... Петръ Петровичъ, его жена, дѣти, бросаются другъ къ другу въ объятія; — раздается крикъ, визгъ, писк, — на это Семенъ Ивановичъ, подпершись въ бока, отвѣчаетъ сначала пестовымъ хохотомъ, а потомъ словами: «Полноте, полноте! вѣдь я васъ надулъ, развѣ не знаете, что

сегодня первое Апрѣля?...» Полюбуйтесь, напримѣръ, хоть вотъ этимъ юношею, который только-что получилъ по городской почтѣ раздушенную записку отъ хорошенькой аристократки, назначающей ему свиданіе и доступъ къ которой считалъ онъ прежде не сбыточною мечтою. — Онъ бударажитъ весь свой гардеробъ, несется къ лучшему парикмахеру, душится, завивается, прихорашивается, летитъ наконецъ къ назначенному мѣсту, позабывая, что все это случается перваго Апрѣля и никакъ не соображая, что раздушенная записка не-что́ иное, какъ издѣліе пріятелей, сговорившихся лихо надуть его.

А посмотрите-ка, что дѣлается на Пескахъ и въ Коломнѣ.

Тамъ Ивану Кузьмичу, владѣтелю порядочнаго дома съ мезонинчикомъ, вдругъ послышались крики: «пожаръ! пожаръ!» Онъ въ ужасѣ вскакиваетъ съ мѣста, въ чемъ былъ, т. е. въ одной сорочкѣ, выбѣгаетъ на дворъ, не взирая на то, что окна облеплены жильцами, бѣгаетъ и суетится вокругъ своего жилища. Волненіе и безпокойство Ивана Кузьмича продолжаются до тѣхъ поръ, пока главный жилецъ, какой нибудь шутникъ, не прокричитъ ему: «Иванъ Кузьмичъ! вѣдь сего дня первое Апрѣля!»

А на улицахъ просто уже комедіи выходятъ, — разсказать почти не возможно. — Обратите вниманіе на этого господина горделивой осанки, который вдругъ остановился, измѣнился весь въ лицѣ, кинулся наконецъ на середину переулка, не смотря на грязь и лужи, нагнулся и поднялъ тщательно завернутый и запечатанный пакетъ. — Онъ долго разсматриваетъ его, переворачиваетъ то на одну, то на другую сторону, сердце его сильно бьется, «кладъ, кладъ» думаетъ онъ, и дрожащими руками принимается развертывать пакетъ. Господинъ не успѣлъ вскрикнуть, не успѣлъ съ какимъ-то особеннымъ остервененіемъ отбросить найденное, какъ вдругъ форточка напротивъ отворилась, выглянуло смазливое личико и пискливый голосъ кричитъ уже ему: «Первое Апрѣля!»

Не станемъ распространяться болѣе о всѣхъ возможныхъ способахъ надуванья, употребляемыхъ перваго Апрѣля, скажемъ только, что обычай этотъ находитъ всегда много-премного поклонниковъ; такихъ даже, которые не довольствуются однимъ днемъ, а продолжаютъ слѣдовать ему во всѣ остальные дни и мѣсяцы года.

Просимъ васъ однако, любезнѣйшій читатель, не думать, что все сказанное нами сколько нибудь касается нашей книги; нѣтъ!

оно такъ только къ слову пришлось. Мы не интриганты и смѣемъ увѣрить, гордимся этимъ. Скажемъ болѣе, трудъ нашъ добросовѣстенъ, до того добросовѣстенъ, что мы рѣшились даже посвятить нѣсколько страницъ однимъ пуфамъ, разнымъ лживымъ анекдотамъ и совершенно невѣроятнымъ исторіямъ съ тою только цѣлію, чтобы заглавіе книги «Первое Апрѣля» имѣло какое нибудь значеніе, смыслъ; хоть сколько нибудь бы относилось къ содержанію и не показалось бы публикѣ одною пустою обманчивою вывѣскою, выставленною такъ только, для приманки. — Если же благосклонному читателю нѣкоторыя страницы, тѣ или другія, придутся не по вкусу, то да проститъ онъ насъ великодушно, или — что еще лучше пусть вырветъ ихъ вовсе вонъ изъ книги. Богъ съ ними, мимо ихъ! Пусть предастъ ихъ даже пламени, закуритъ ими трубку, обернетъ что нибудь, словомъ, распорядится этою дрянью по благоусмотрѣнію. Мы за ранѣе на все соглашаемся и утѣшаемся тѣмъ только, что вѣдь «единъ Богъ безъ грѣха.»

КАКЪ ОПАСНО ПРЕДАВАТЬСЯ ЧЕСТОЛЮБИВЫМЪ СНАМЪ.

Фарсъ совершенно-неправдоподобный,
въ стихахъ, съ примѣсью прозы.
Соч. гг. Пружинина, Зубоскалова, Бѣлопяткина и К°.

Лѣтъ за пятьсотъ и поболѣ случилось...
Жуковскій (*Ундина*).

I.

Мѣсяцъ блѣдный сквозь щели глядитъ
Непритворенныхъ плотно ставней...
Петръ Иванычъ свирѣпо храпитъ
Подлѣ вѣрной супруги своей.
На его оглушительный храпъ
Женинъ носъ деликатно свиститъ.
Снится ей черномазый Арапъ
И она отъ испуга кричитъ.
Но, не слыша, блаженствуетъ мужъ,
И улыбкой сіяетъ чело:
Онъ помѣщикомъ тысячи душъ
Въ необъятное въѣхалъ село.
Шапки снявши, народъ передъ нимъ
Словно въ бурю валы на рѣкѣ...
И подходятъ одинъ за другимъ
Къ благосклонной боярской рукѣ.
Произноситъ онъ краткую рѣчь,
За добро обѣщаетъ добромъ,
А виновныхъ грозитъ пересѣчь
И уходитъ въ хрустальный свой домъ.
Тамъ шинель на бобровомъ мѣху
Онъ небрежно скидаетъ съ плеча...
«Заварить на шампанскомъ уху

И зажарить въ сметанѣ леща!
Да живѣй!... Я шутить не люблю!»
(И ногою значительно топъ).

. . . . . .
Всѣхъ величьемъ своимъ устрашивъ,
На минуту вздремнуть захотѣлъ
И у зеркала (былъ онъ плѣшивъ)
Снялъ парикъ и... какъ смерть поблѣднѣлъ!
Гдѣ была луполицая плѣшь,
Тамъ густые побѣги волосъ,
Взглядъ убійственно нѣженъ и свѣжъ
И короче значительно носъ...
Постоялъ, постоялъ — и бѣжать
Прочь отъ зеркала, съ блѣднымъ лицомъ...
Вотъ зажмурясь подкрался опять...
Посмотрѣлъ... и запѣлъ пѣтухомъ!
Ухвативши себя за бока,
Чуть касаясь ногами земли,
Принялся отдирать трепака...
«Ай лю–ли! ай лю–ли! ай лю–ли!
Ну узнай–ка теперича насъ!
Каково? каково? каково?

. . . . . .
И грозя, проходившей чрезъ дворъ,
Чернобровкѣ, лукаво мигнулъ
И подумалъ: «у! тонкой ты воръ,
Петръ Иванычъ! Куда ты метнулъ!...»
Растворилася дверь и вошла
Чернобровка, свѣжа и плотна,
И на столъ накрывать начала,
Безотчетнаго страха полна...
Вотъ ужь поданъ и лакомый лещь,
Но не ѣстъ онъ, не ѣстъ, трепеща...
Лещь, конечно, прекрасная вещь,
Но есть вещи и лучше леща...
«Какъ зовутъ тебя милая?... ась?»
— Палагеей. — «Зачѣмъ же, мой свѣтъ,
Босикомъ ты шатаешься въ грязь?»
— Башмаковъ у меня, сударь, нѣтъ. —

«Завтра–жь будутъ тебѣ башмаки...
Сядь... поѣшь–ка со мною леща...
Дай–ка муху сгоню со щеки!...
Какъ рука у тебя горяча!...
Вотъ на дняхъ я поѣду въ Москву
И гостинецъ тебѣ дорогой
Привезу...»

II.

Между тѣмъ на яву
Все обычною шло чередой...

Но событія таковы, что ихъ рѣшительно не видится необходимости воспѣвать стихами. Въ то время, какъ въ спальнѣ неслышалось ничего, кромѣ посоваго деликатнаго свиста, и не менѣе гармоническаго храпа, на кухнѣ замѣтно уже было движеніе: кухарка, она–же и горничная супруги Петра Иваныча, проснулась, накинула на себя какую–то красноватую кофту, и удостовѣрившись, черезъ дверную скважину, что господа еще спятъ, поспѣшно вышла, затворивъ за собою дверь задвижкою. Всегда ли она такъ дѣлала, или только на сей разъ позабыла прицѣпить къ задвижкѣ замокъ — неизвѣстно. Мракъ неизвѣстности покрываетъ также причину и цѣль ея отлучки; извѣстно только, что направилась она въ который–то изъ верхнихъ этажей того–же дома. Съ достовѣрностію можно еще предположить, что отлучилась она искать соотвѣтствующей ея званію и наклонностямъ компаніи, потому–что хотя былъ еще весьма ранній часъ утра, но по всей лѣстницѣ уже шныряли взадъ и впередъ кухарки, лакеи и горничныя, кто съ кувшиномъ воды, кто съ коробкой угольевъ, и на всѣхъ этажахъ слышались громкіе голоса, веселый визгливый смѣхъ и шарканье сапожныхъ щетокъ. Чорная лѣстница играетъ важную роль въ жизни петербургскаго дворовaго человѣка: на ней проводитъ онъ лучшіе часы жизни своей — часы, въ которые пугливый слухъ его не напрягается безпрестанно: не звонитъ ли баринъ? а мысль, что баринъ можетъ появиться нечаянно и схватить его за вихоръ прежде, чѣмъ успѣетъ онъ подавить веселую улыбку, и придать физіономіи своей угрюмо–почтительное выраженіе, такъ далека, что онъ даже забываетъ, что у него есть баринъ. Здѣсь обсуживаются добродѣтели и недостатки господъ; разсуждается о

томъ, что такое барыня, и вольно льется пѣсня про барыню, про которую такъ любитъ пѣть русскій человѣкъ, и про которую знаетъ столько прекрасныхъ пѣсенъ; производится вслухъ чтеніе газетныхъ объявленій. Объявленія: «нуженъ человѣкъ, для комнатъ, красивой наружности, высокаго роста и съ хорошимъ аттестатомъ», и тому подобныя, особенно интересуютъ слушателей и бываютъ поводомъ жаркихъ продолжительныхъ преній, иногда не лишенныхъ интереса и для тѣхъ, кто не ищетъ мѣста въ лакеи. Наконецъ любезность дворового человѣка, столь ему свойственная, разъигрывается здѣсь во всемъ просторѣ своемъ.

Но будетъ объ лѣстницахъ. Не прошло пяти минутъ по уходѣ кухарки, какъ дверь тихонько скрыпнула и въ кухню осторожными шагами вошелъ человѣкъ, нѣсколько измятой, но благонамѣренной наружности, въ родѣ тѣхъ благородно-бѣдныхъ существъ, которыя если и просятъ милостыню, то не иначе, какъ по документу, напоминающему краснорѣчіемъ своимъ лучшіе страницы тѣхъ произведеній, которыхъ разсходилось по обширному нашему государству по сороку изданій:

«Преданный Вамъ всѣми силами души, благоговѣющее передъ Вами человѣческое существо, которое въ настоящее время отъ невыносимыхъ страданій, отъ смерти политики, похоронивъ себя за̀-живо, безъ средства удержать за собою былое доброе имя, и даже самое право на званіе человѣка... Павъ ницъ, молитъ кровавою слезою изъ гроба отчаянія помочь плачь долѣ горькаго бѣдовика...»

Несомнѣнные признаки ихъ — семь человѣкъ дѣтей (непремѣнно семь, ни больше, ни меньше), мать на одрѣ страданія, языкъ, нѣсколько запинающійся при извѣщеніи, что третьи сутки (тоже ни больше, ни меньше) не было уже маковой росинки во рту и другихъ увѣреніяхъ, и чувство собственнаго достоинства, сто́ящее тридцать пять копѣекъ, потому-что они непремѣнно обидятся подачей меньше гривенника, на что, впрочемъ, благородство происхожденія даетъ имъ полное право. Они очень-хорошо знаютъ дорогу къ кабаку, и могутъ сказать о себѣ, что въ кабакахъ ихъ знаютъ.

Впрочемъ знаютъ они много и другихъ дорогъ. Если вздумается, входятъ въ квартиру, и колокольчикъ у вашей двери, приведенный въ движеніе ихъ рукою, издаетъ какой-то особенный, робкій и молящій звукъ, какъ будто у него тоже семь

человѣкъ дѣтей и мать на одрѣ страданія. Входятъ иногда и не позвонивъ, а просто потрогавъ сначала ручку не-запертой на замокъ двери, — и тогда входятъ съ особенною осторожностію, и если не встрѣтятъ никого въ первой комнатѣ — на цыпочкахъ пробираются во вторую, тамъ въ третью — и вздрагиваетъ и блѣднѣетъ какой нибудь задумавшійся или зароботавшійся господинъ, у котораго человѣкъ ушелъ въ лавочку купить четверку табаку, — увидѣвъ передъ собою, какъ будто съ неба упавшую, незнакомую и странную фигуру... Но особенно любятъ они навѣщать наѣзжающихъ въ столицу художниковъ, фокусниковъ, всякихъ артистовъ и артистокъ — московскихъ и заграничныхъ, къ которымъ являются обыкновенно съ такими письмами:

«Милостивѣйшій государь!

Есть несчастный сирота, обремененный малолѣтнимъ многочисленнымъ семействомъ, участь котораго заслуживаетъ состраданіе всякаго, имѣющаго душу, способную понимать бѣдствія ближняго. На разцвѣтѣ лѣтъ, онъ потерялъ добрую, кроткую мать и въ слѣдъ затѣмъ чадолюбиваго отца — оставившаго на его попеченіе семерыхъ малютокъ. Перенося всѣ страданія съ христіанскимъ терпѣніемъ, возвышающимъ душевное достоинство, онъ снискиваетъ пропитаніе какъ помощію благотворительныхъ лицъ, такъ и самою работою, которая едва даетъ возможность поддерживать ввѣренное ему судьбою семейство. Несчастный этотъ — податель сего письма. Я же, не имѣя чести знать васъ лично, и потому лишаясь права удостовѣрять преждевременно въ истинѣ моего къ вамъ уваженія, надѣюсь, что Вы, какъ артистъ, понимающій душу угнетенныхъ судьбою людей, не разсердитесь на меня за то, что я рѣшился доставить вамъ торжество истинно христіанское (крупными буквами): *помочь несчастному*! Десять, пять или даже рубль серебромъ пожертвовать семерымъ для васъ ничего не составитъ, сиротъ же заставитъ пролить слезы благодарности, какъ предъ образомъ Христа Спасителя, такъ и передъ общимъ покровомъ всѣхъ — Пресвятой Богородицей.

Я былъ постояннымъ свидѣтелемъ вашего торжества и, соглашаясь съ единодушнымъ отголоскомъ просвѣщенной публики, повторяю еще разъ — (крупнѣйшими буквами): *вы великій артистъ*! О, признаюсь откровенно, душевно благодарилъ публику за пріемъ, коимъ она почтила нежданнаго дорогаго гостя...

Христіанское состраданіе — не есть ли удѣлъ артистовъ? Помогите несчастному, и новый, спасительный подвигъ увѣковѣчитъ ваше пребываніе въ Петербургѣ.

Съ душевнымъ почтеніемъ и таковою-же преданностію имѣю честь быть свидѣтелемъ вашего торжества»

и пр.

Кто имъ пишетъ такія письма — Богъ знаетъ. Но подъ ними обыкновенно читаешь подпись: генералъ такой-то, или генеральша такая-то, — какихъ, разумѣется, сроду никто не слыхивалъ, и какихъ не увидитъ и во снѣ даже благонамѣренный человѣкъ, весь вечеръ, наканунѣ новаго года, продумавшій какъ бы кого не забыть завтра поздравить?

Такой-то человѣкъ появился въ кухнѣ. Впрочемъ, можетъ статься, что онъ былъ и не совсѣмъ такой человѣкъ, о какихъ мы говорили; а просто такой, какихъ въ Москвѣ называютъ: ширяло, а въ Петербургѣ: мазурикъ; то есть, малый съ дѣтскихъ лѣтъ пристрастившійся къ легкому промыслу и голодающій по трои сутокъ, чтобъ пополамъ со страхомъ и трепетомъ пропить въ какомъ-нибудь «Полуденномъ» украденную вещь на четвертыя; а можетъ-быть, онъ былъ просто забулдыга-лакей, два дни проподавшій отъ барина и чувствующій необходимость предъ возвращеніемъ къ нему хватить для куражу и неимѣющій на что хватить, — кто бы онъ ни былъ, мы просто будемъ называть его таинственнымъ незнакомцемъ.

И такъ по мѣрѣ того, какъ таинственный незнакомецъ обозрѣвалъ кухню и укрѣплялся въ увѣренности, что въ ней никого нѣтъ, лицо его теряло неопредѣленный оттѣнокъ, движенія становились рѣзче и самоувѣреннѣе... Онъ смѣло подошелъ къ двери, ведущей въ спальню, и приложивъ ухо къ скважинѣ, долго и чутко прислушивался; за тѣмъ онъ снялъ съ себя рыжіе, подбитые вершковыми гвоздями сапоги, и поотворилъ нѣсколько дверь, при чемъ она предательски скрыпнула, что́ заставило его отшатнуться назадъ и простоять съ минуту въ неподвижномъ оцѣпенѣніи. Но удостовѣрившись, что все спало по-прежнему, онъ смѣло нагнулся впередъ и, просунувъ голову въ отверстіе между дверными сторонками, началъ обозрѣвать спальню. Нужно полагать, что ему представилось здѣсь много привлекающихъ любопытство предметовъ, потому-что уже не колеблясь долѣе онъ рѣшительно двинулъ впередъ правую сто-

ронку дверей, переждалъ пока скрыпъ, произведенный этимъ движеніемъ, совершенно замолкъ — и смѣло вошелъ въ спальню. Здѣсь онъ сѣлъ въ покойныя и мягкія кресла, потянулся, и началъ передѣваться... передѣваться изъ своего, какъ легко догадаться, не совсѣмъ покойнаго и красиваго платья, въ платье Петра Ивановича. Нельзя не замѣтить, что передѣвался онъ съ достоинствомъ и спокойствіемъ человѣка, одѣвающагося въ собственное платье и только нѣсколько поспѣшающаго, изъ опасенія опоздать на службу. Петръ Ивановичъ обладалъ значительной полнотою, какой въ извѣстныя лѣта достигаетъ всякій благомыслящій человѣкъ: таинственный-же незнакомецъ былъ очень тощь, — почему, поправивъ чубъ передъ зеркаломъ, онъ захватилъ кстати со стола два подсвѣчника изъ накладнаго серебра, которые для лучшаго сбереженія счелъ нужнымъ завернуть въ платье Ѳедосьи Карповны, — послѣ чего такъ ихъ спряталъ, что тотчасъ же сталъ походить на Петра Ивановича, ибо очутился съ преизряднымъ солиднымъ брюшкомъ. На возвратномъ пути отъ кровати, съ поручня которой сдернуто было платье, незнакомецъ захватилъ карманные часы (Петръ Ивановичъ былъ человѣкъ акуратный и опасаясь опоздать на службу клалъ обыкновенно подлѣ себя часы) съ позолоченной цѣпочкой, надѣлъ ихъ на себя и поспѣшилъ къ другому зеркалу, гдѣ, полюбовавшись на себя, опять мимоходомъ захватилъ два подсвѣчника. Запрятавъ ихъ въ карманы, онъ началъ шарить по всѣмъ угламъ и прибирать съ неимовѣрною быстротою всѣ мелкія вещицы, какія попадались подъ руку...

III.

Сонъ причудливъ и страшно жестокъ. Часто послѣ великолѣпной перспективы всего, чѣмъ со временемъ должна увѣнчаться благонамѣренность, человѣку, какъ-бы онъ ни былъ добродѣтеленъ, вдругъ, ни съ того, ни съ другаго, что-нибудь такое приснится, чего онъ никакъ не можетъ пропустить, не закричавъ тотчасъ-же, что онъ въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ и никакихъ мыслей, противныхъ правиламъ нравственности, въ душѣ своей не питалъ...

Петру Ивановичу вдругъ приснилась какая-то дѣвушка въ шапкѣ, подъ которой (не подъ шапкой, а подъ дѣвушкой) были подписаны два стиха:

А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ?..

которые онъ когда-то услышалъ, проходя мимо растворенаго окна, — откуда валилъ густыми волнами табачный дымъ, летѣли на улицу слова и виднѣлись веселыя и раскраснѣвшіяся лица какихъ-то молодыхъ людей, — и которые у него потомъ цѣлые три мѣсяца не могли выбиться изъ головы: писалъ ли онъ, разсказывалъ ли какую вѣрную игру проигралъ въ преферансъ, или какую не вѣрную выигралъ, шелъ ли въ департаментъ, изъ департамента, обѣдалъ ли — все они на умѣ — такъ вотъ и шумятъ, и вертятся и егозятъ-егозятъ въ головѣ, какъ будто кромѣ ихъ уже и не чему притти въ голову. И чѣмъ больше старался онъ отъ нихъ отдѣлаться, тѣмъ упорнѣе они его преслѣдовали. Съ ними засыпалъ онъ, съ ними просыпался, нерѣдко отвѣчалъ ими на вопросъ совсѣмъ не объ шапкахъ и дѣвушкахъ, безпрестанно шепталъ ихъ про себя, даже писалъ верхними зубами на нижнихъ, даже однажды испортилъ листъ гербовой бумаги, рублеваго достоинства, включивъ ихъ совершенно некстати въ прошеніе одной вдовы, приносившей жалобу на какого-то нахлѣбника-семинариста, похитившаго у ней клубокъ нитокъ, которыя будто-бы намотаны были на сторублевую ассигнацію. Словомъ, отъ проклятыхъ двухъ стиховъ (бывшихъ между прочимъ причиною ненависти его къ стихамъ вообще) ему уже приходилось тошно жить на свѣтѣ. Но наконецъ онъ отъ нихъ отдѣлался-же, и теперь ничего! — дѣвушка въ шапкѣ, да притомъ и не дурная собой, — весьма и весьма ничего! Худо то, что въ слѣдъ за нею приснился ему какой-то человѣкъ съ огромными усищами, съ рѣшительнымъ выраженьемъ въ лицѣ, и въ такомъ непостижимомъ костюмѣ, какого онъ не только никогда не видалъ на яву, но даже потомъ весьма удивлялся, какъ подобные костюмы могутъ сниться порядочнымъ людямъ во снѣ.

Испуганный, онъ поспѣшилъ залепетать, что онъ ничего, человѣкъ женатый и въ правилахъ твердъ, что впрочемъ онъ никакимъ оружіемъ владѣть не умѣетъ, потому-что французскаго блестящаго образованія съ фехтованьями, танцами и всякими модными пустыми затѣями, развращающими, ко всеобщему прискорбію, нынѣшнихъ молодыхъ людей, не получилъ, и даже нежалѣлъ о томъ, ибо, благодаря Бога, родился въ

такой странѣ, гдѣ и безъ шарканья по паркетамъ, одною благонамѣренностію и честнымъ трудомъ, даже при посредственномъ достаткѣ, можно пріобрѣсть всеобщее уваженіе; а что, впрочемъ, онъ опять таки ничего, идетъ своей дорогой, и проситъ только не мѣшать ему итти своей дорогой, такъ онъ и пройдетъ....

Но вышло, что и странный незнакомецъ — не бѣда; напротивъ, не смотря на невѣроятные сапоги, онъ оказался добрѣйшимъ малымъ, предложилъ съиграть въ преферансъ и проигралъ въ одну пулю по копѣйкѣ восемь рублей серебромъ, — такъ-что Петру Ивановичу даже стало немножко совѣстно, и только тѣмъ могъ онъ себя успокоить, что вѣдь на то игра, неумѣешь играть не садись, а взялся за гужъ, такъ будь дюжъ...

Бѣда въ томъ, что по уходѣ страннаго незнакомца, о которомъ Петръ Иванычъ остался такого мнѣнія, что навѣщалъ его какой нибудь путешествующій Англичанинъ-чудакъ, которому некуда дѣвать денегъ, — (объ Англичанахъ зналъ онъ вообще, что они большіе чудаки), — бѣда въ томъ, что по уходѣ страннаго незнакомца, Петру Иванычу вдругъ приснился весь департаментъ съ шинелями, сторожами, половиками, столами, чернилицами, дѣлами и начальникомъ отдѣленія. Вотъ начальникъ отдѣленія приподнялся съ какимъ-то дѣломъ, подходитъ къ нему и говоритъ «перепишите» совершенно такимъ голосомъ, какъ говорится простому писцу. — «Хорошо-съ; я вотъ дамъ Ефимову», — отвѣчаетъ немного-изумившійся Петръ Иванычъ, почтительно нагибаясь. — «Какому Ефимову?» говоритъ сурово начальникъ: — «развѣ вы забыли, что Ефимову отдано ваше мѣсто, а вы за неисполнительность и соблазнительный образъ поведенія переведены на мѣсто Ефимова....»

Въ ужасѣ проснулся Петръ Иванычъ, открылъ глаза и прямо наткнулся ими на таинственнаго незнакомца, который, нагнувшись, шарилъ въ ящикѣ коммода. Принявъ его за Ефимова, Петръ Ивановичъ, озадаченный, переполненный справедливымъ негодованіемъ, — въ первую минуту не вскрикнулъ, не кашлянулъ, даже не шелохнулся, но, по какой-то особенной остротѣ чутья, таинственный незнакомецъ тотчасъ понялъ, что время прекратить посѣщеніе, и со всѣхъ ногъ кинулся вонъ.... Тутъ только догадался герой нашъ въ чемъ дѣло....

Пяткой въ ногу супругу толкнулъ,
Закричалъ: «караулъ! караулъ!»
И вскочивши съ постели, въ чемъ былъ,
За мошенникомъ вслѣдъ поспѣшилъ.
Пробѣжалъ черезъ сѣни — и вотъ
Незнакомца настигъ у воротъ.
Но тотъ ловко въ калитку шмыгнулъ. —
И опять: «караулъ! караулъ!»
Петръ Иванычъ свирѣпо кричитъ
И, въ калитку ударившись лбомъ,
За злодѣемъ въ прискочку бѣжитъ,
Потирая ушибъ кулакомъ.
И бѣжитъ онъ быстрѣе коня
И босыхъ его ногъ топотня
Отзывается рѣзко кругомъ,
Словно брошенный вскользь по рѣкѣ
Камешокъ....

IV.

Петербургскія лѣтнія ночи свѣтлѣе петербургскихъ зимнихъ дней. Было еще очень рано, но уже совершенно свѣтло; на улицѣ пусто. Только по другую сторону тротуара шелъ какой-то парень въ шинели, надѣтой въ рукава, изъ подъ которой на цѣлую четверть высовывался пестрединный халатъ; парень раскачивался во всю ширину тротуара и увидѣвъ бѣгущихъ, радостно закричалъ: «держи! держи!», — послѣ чего остановился и долго смотрѣлъ на нихъ, произнося по временамъ ободрительныя восклицанія: «ишь какъ улепетываетъ!» «молодца́! молодца́!» «вотъ люблю!» — очевидно относившіяся къ таинственному незнакомцу, который, говоря охотничьимъ терминомъ, ежеминутно отсѣдалъ отъ преслѣдователя своего дальше и дальше. Между тѣмъ крикъ Петра Ивановича былъ услышанъ еще двумя лицами, которыхъ мы не хотимъ назвать. Первое, уже давно и таинственнымъ незнакомцемъ и Петромъ Иванычемъ оставленное позади, отошло нѣсколько впередъ и наблюдая за бѣгущими говорило: «ишь шельма! ишь шельма! ишь шельма!». Второе флегматически вышло на средину улицы, постояло съ минуту въ нерѣшительности, задумчиво понюхало табаку и съ рѣшимостью припялось переходить другую половину улицы, торопясь поспѣть на тротуаръ такъ, чтобъ угодить

прямо на переемъ таинственному незнакомцу. Второе лицо дѣйствительно поспѣло въ пору, но бѣгущій рѣшительно не обратилъ на него вниманія и только, пробѣгая мимо съ крикомъ: «эхъ–ма!», сильно толкнулъ его въ плечо, отчего оно тотчасъ повалилось на тротуаръ, къ немалому смѣху веселаго парня и перваго лица, издали наблюдавшаго сцену. Черезъ минуту приспѣлъ и Петръ Иванычъ, запнулся за поверженнаго и тоже упалъ, но тотчасъ же вскочилъ, съ горяча не почувствовавъ ушиба, и побѣжалъ снова. Дважды пораженный приподнялся, взглянулъ за бѣгущими, и сказавъ «есть сила», медленно отправился на старое мѣсто.... Между тѣмъ таинственный незнакомецъ уже достигъ конца улицы и повернулъ.... куда? въ которую сторону?... Петръ Иванычъ не видалъ, и потому, хотя и продолжалъ бѣжать, но уже медленно и нерѣшительно, какъ человѣкъ потерявшій путеводную звѣзду свою. Вдругъ съ конца улицы, до котораго недостигъ еще Петръ Иванычъ, показались дрожки, называемыя пролетками, то есть такія дрожки, на которыя садятся, когда желаютъ сберечь ребра и спину. Въ дрожкахъ сидѣлъ одѣтый въ пальто господинъ, съ веселымъ лицомъ, доказывавшимъ, что преферансъ, съ котораго очевидно онъ возвращался, былъ для него счастливъ: лицо просто сіяло. Завидѣвъ бѣжавшую на встрѣчу ему странную фигуру, господинъ въ пальто разсмѣялся, а потомъ началъ пристально вглядываться въ нее, и вдругъ на лицѣ его выразилось глубокое изумленіе. Онъ какъ будто не вѣрилъ глазамъ своимъ.

— Здравствуйте, Петръ Иванычъ! сказалъ онъ нѣсколько иронически, когда дрожки подъѣхали на довольно близкое разстояніе къ нашему герою.

Петръ Иванычъ поднялъ голову, взглянулъ, и, поблѣднѣвъ какъ полотно, отвернулся въ сторону и побѣжалъ шибче.

Но сидѣвшій въ дрожкахъ снова повторилъ: «Здравствуйте, Петръ Иванычъ!» и въ голосѣ уже не было прежней благосклонной мягкой ироніи; онъ звучалъ рѣзко, въ немъ слышалось приказаніе, — такъ что Петръ Иванычъ увидѣлъ себя въ необходимости остановиться и поспѣшно понесъ руку къ головѣ, но убѣдившись въ невозможности снять съ нея что–нибудь, ибо на ней не было даже парика, — принужденъ былъ ограничиться поклономъ. Поклонъ былъ такой, какіе свидѣтельствуются только начальникамъ, изъ чего и можно съ достовѣрностію заключить, что господинъ въ пальто былъ его начальникъ.

— Что это вы.... въ такую пору.... въ такомъ видѣ.... танцуете?...

— Танцую — могъ только проговорить дрожащимъ голосомъ дрожащій Петръ Иванычъ, непривыкшій съ дѣтскихъ лѣтъ противорѣчить старшимъ....

Опомнившись, онъ ничего не слыхалъ уже, кромѣ стука удалявшихся дрожекъ, и веселаго заливнаго хохотанья, отъ котораго морозъ пробѣжалъ у него по жиламъ....

V.

«Клянусь звѣздою полуночной
И генеральскою звѣздой,
Клянуся пряжкой безпорочной
И не безгрѣшною душой!
Клянусь изрядным капитальцемъ,
Который въ службѣ я скопилъ,
И рукъ усталыхъ каждымъ пальцемъ,
Клянуся бочкою чернилъ!
Клянуся счастьемъ скоротечнымъ,
Несчастьемъ въ деньгахъ и въ чинахъ.
Клянусь ремизомъ безконечнымъ,
Клянуся десятью въ червяхъ, —
Отрекся я соблазновъ свѣта,
Отрекся я отъ дѣвъ и жонъ.
И въ цѣломъ мірѣ нѣтъ предмета
Которымъ былъ–бы я плѣненъ!....
Давно душа моя спокойна
Отъ страстныхъ бурь, отъ бурныхъ сновъ;
Лишь ты любви моей достойна —
И вѣкъ любить тебя готовъ!...
Клянусь, любовію порочной
Давно, давно я не пылалъ,
И на свиданье въ часъ полночной
Въ дезабилье не выбѣгалъ...
Кого еще съ тобой мнѣ надо?...
Тобой одной доволенъ я —
Моя любовь! моя отрада!
Ѳедосья Карповна моя!...»

Онъ умолкъ и «какъ юный дубъ, низринутый грозой» палъ къ ногамъ супруги своей.

Но она была неумолима.

— Не повѣрю! Ужь что ты мнѣ ни толкуй, не повѣрю! Измѣнникъ! человѣконенавистникъ! чудовище!

И она зарыдала, а потомъ впала въ совершенное отчаяніе, и била себя въ грудь, повторяя:

— Ахъ, я несчастная! несчастная! несчастная!... До какого сраму дожила я, несчастная!...

— Я ей Богу–съ ни въ чемъ не виноватъ, Ѳедосья Карповна!

Онъ дѣйствительно былъ ни въ чемъ не виноватъ, что́ могутъ подтвердить и читатели. Намѣренія его были чисты, даже похвальны: онъ хотѣлъ настичь похитителя и отнять у него свои вещи. Ѳедосья Карповна перетолковала все совершенно иначе. Проснувшись отъ толчка въ ногу и не нашедъ подлѣ себя супруга, она прежде всего вскричала: «измѣнникъ!» Черезъ минуту, удостовѣрившись, что и платья на обычномъ мѣстѣ не было — обстоятельство, не оставлявшее ни малѣйшаго сомнѣнія, что измѣнникъ ушелъ на свиданье, — съ громкимъ воплемъ упала она на подушку и воскликнула: «ахъ, я сирота горемычная!» Потомъ вскочила и бросилась туда, гдѣ вечеромъ оставила платье, но его, какъ мы знаемъ, тамъ не было; не долго думая куда бы оно могло дѣваться, — ибо женщина въ припадкѣ ревности, по увѣренію опытныхъ людей, лишается всякой способности разсуждать, — она съ минуту металась по комнатѣ, но не нашедъ ничего во–что бы можно одѣться, кромѣ оставленной таинственнымъ незнакомцемъ шинели, накинула ее на себя и бросилась вонъ. Руководимая все тѣмъ же инстинктомъ ревности, она пустилась по тому направленію, по которому таинственный незнакомецъ увлекъ за собою Петра Ивановича. Петръ Ивановичъ въ то время возвращался уже домой, перепуганный, убитый, весь съ головы до ногъ синій, отъ холода и разныхъ ушибовъ. Встрѣча ихъ была страшная; было не много сказано, но успѣла разъиграться трагедія.

Они молчали оба... Грустно, грустно
Она смотрѣла. Взоръ ея глубокой
Былъ полонъ думы. Онъ моргалъ бровями
И что–то говорить хотѣлъ, казалось,
Она же покачала головой

И палецъ наложила въ знакъ молчанья
На синія трепещущія губы...
Потомъ пошли домой все также молча.
И было въ ихъ молчаньи больше муки
И страшнаго значенья, чѣмъ въ рыданьяхъ,
Съ которыми бросаемъ горсть земли
На гробъ того, кто былъ намъ дорогъ въ жизни,
Кто насъ любилъ, быть можетъ. У воротъ
Они кухарку встрѣтили. Кухарка
Смутилась. Въ ней, быть можетъ, сжалось сердце.
И долго изумленными глазами
Она на нихъ смотрѣла, но ни слова
Они ей не сказали... Да! ни слова...
И молча продолжали путь... и скрылись...

Но какъ только переступили они порогъ спальни, Ѳедосья Карповна тотчасъ повернула ключъ въ замкѣ, и узнать, что тутъ происходило въ первыя минуты авторы рѣшительно не имѣли ни какой возможности, ибо, къ крайнему ихъ сожалѣнію, и самыя ставни оставались по прежнему закрыты, такъ-что нельзя было даже ничего подсмотрѣть. Впрочемъ, можно догадываться, что тутъ происходила драма въ пяти или даже въ шести актахъ, съ эпилогомъ, — въ какой не дай Богъ участвовать женатому читателю! Но достовѣрно извѣстно только, что тщетно увѣрялъ Петръ Ивановичъ Ѳедосью Карповну въ своей невинности. Какія ни приводилъ онъ доказательства, всѣ они обращались на его же голову. Ѳедосья Карповна упорно стояла на томъ, что ея платье и прочія вещи стащилъ Петръ Иванычъ къ мерзавкѣ своей любовницѣ, а самъ очутился на улицѣ безъ платья потому, что его раздѣли мазурики, когда онъ возвращался отъ мерзавки, своей любовницы, и что наконецъ лохмотья таинственнаго незнакомца самъ же онъ, Петръ Иванычъ, подкинулъ, купивъ на рынкѣ, чтобъ отвлечь отъ себя всякое подозрѣніе, въ случаѣ какой нибудь неудачи. Какъ ни нелѣпо было такое предположеніе и какъ ни клялся Петръ Иванычъ (а онъ клялся всѣмъ дорогимъ для него въ жизни) — ничто не помогло. Не помогло даже и послѣднее очень сильное доказательство, что парикъ оставался дома, а невѣроятно и ни съ чѣмъ несообразно, чтобъ нуждающійся въ парикѣ человѣкъ позабылъ надѣть его, идучи на свиданье съ любовницей. Ничто не помогло! Таково уже было расположеніе мыслей Ѳедосьи

Карповны. Ревность рвала ея душу на части. Къ тому же и кухарка, обрадовавшись случаю, рѣшительно утверждала, что ни на минуту не выходила и никто къ нимъ не входилъ, и что хоть и слышались ей въ просонкахъ изъ спальни какіе-то шаги, но разсудивъ, что оттуда не кому выходить, кромѣ барина или барыни, она не сочла нужнымъ встать и посмотрѣть... Хоть герой нашъ звался совсѣмъ не Макаромъ, но мы не можемъ здѣсь не замѣтить, что на бѣднаго Макара и шишки валятся!

VI.

Вотъ уже и девять часовъ, время, въ которое бывало Петръ Иванычъ, спокойный и счастливый, хлебнувъ два, три стакана чайку, поцѣловавъ жену, поцѣловавъ дочь, съ портфелемъ подъ мышкой, отправлялся, нѣсколько согнувшись, смиреннымъ, никого неоскорбляющимъ, но и не вовсе чуждымъ самостоятельности шажкомъ въ свой департаментъ.... Но не одѣвается, не пьетъ даже чайку, не цѣлуетъ жены и дочери и не идетъ въ департаментъ растерявшійся Петръ Иванычъ. Мрачно у него на душѣ; при одной мысли, что надо идти на службу, морозъ пробѣгаетъ у него по кожѣ, отъ макушки до пятокъ. Вся жизнь отъ сѣченья и греческихъ спряженій въ дѣтствѣ, голоданья и переписыванья въ юности, до послѣдняго недавняго распеканья — проходитъ передъ его глазами, — и ничего, кромѣ смиренномудрія, и вѣчной безпредѣльной покорности — не видитъ онъ въ ней; хоть-бы слово когда грубое какое сказалъ, хоть-бы недовольную мину выразилъ на лицѣ — никогда! никогда! Даже покушенія на что-нибудь подобное за собой не запомнитъ! Чистъ, чистъ! со всѣхъ сторонъ, какъ ни поверни, чистъ! И между-тѣмъ, сердце болѣзненно съёживается отъ страха, какъ-будто преступленіе какое-нибудь совершилъ человѣкъ, какъ-будто начальнику нагрубилъ! «Что́ скажетъ начальникъ отдѣленія!» думаетъ Петръ Иванычъ (несомнѣнно, что господинъ, ѣхавшій на дрожкахъ, былъ его начальникъ отдѣленія). «Что́ скажетъ начальникъ отдѣленія?...» думаетъ онъ, большими шагами расхаживая по комнатѣ, и никакъ не можетъ рѣшить, что скажетъ начальникъ отдѣленія, хоть и предчувствуетъ, что онъ скажетъ что-то страшное, что-то такое страшное, отчего мало посѣдѣть въ одинъ часъ, отчего мало даже провалиться сквозь землю.... И ни убѣжденіе въ своей невинности, никакія размышленія, никакіе доводы ума, ничто не

утѣшаетъ безутѣшнаго Петра Иваныча! «Да, ужь не подать ли мнѣ просто въ отставку», думаетъ онъ: «такъ даже и не являться, а просто подать въ отставку, и кончено, а покуда выйдетъ отставка, тиснуть въ «Полицейской Газетѣ», что вотъ такъ и такъ дескать, чиновникъ съ одобрительнымъ аттестатомъ».... Тутъ онъ на минуту запнулся.... «Вѣдь ужь мнѣ, вѣрно, дадутъ аттестатъ одобрительный»? продолжалъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ: «что́–жь? служилъ я не хуже другихъ, нехуже другихъ, сударь ты мой, въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ, зложелателей, благодаря Всевышняго, не имѣю.... подалъ въ отставку.... ну, что̀–жь? Вышелъ случай такой, съ кѣмъ не случается?... просто случай вышелъ такой.... Такъ вотъ оно хорошо было–бы публиковать, что вотъ–де чиновникъ съ одобрительными аттестатами, титулярный совѣтникъ, — я думаю даже не худо будетъ выставить: имѣющій такіе–то и такіе–то знаки отличія... Такъ вотъ молъ, такой–то и такой–то чиновникъ, имѣющій такіе–то и такіе–то знаки отличія, хорошій чиновникъ, дескать, благонадежный чиновникъ, ищетъ мѣста управляющаго имѣніемъ, преимущественно въ малороссійскихъ губерніяхъ, на выгодныхъ, дескать, для владѣльца условіяхъ.... Да! да! Въ малороссійскихъ губерніяхъ лучше — климатъ теплѣе, да и народъ–то попроще.... народъ–то попроще, вотъ оно что, главное дѣло, сударь ты мой, народъ–то попроще, вотъ она штука–то какая! А поди–ка сунься въ Костромскую, въ Ярославскую... ухъ! шельма на шельмѣ! Всякій мужикъ туда–же граматѣ знаетъ и на каждомъ синій армякъ... на каждомъ на шельмецѣ–то синій армякъ, вотъ оно что, вотъ она штука–то какая, вотъ она какая штука то! Избалованныя губерніи! Нѣтъ, вотъ бы гдѣ нибудь въ малороссійскихъ, примѣрно въ Полтавской; три, четыре тысченки душъ, съ мельницами, съ фруктовыми садами, со всѣми угодьями, съ господскимъ строеніемъ; а баринъ–то себѣ гдѣ–нибудь за тридевять земель, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Парижѣ.... а баринъ–то себѣ въ Москвѣ, а баринъ–то въ Петербургѣ, а баринъ–то себѣ въ Парижѣ, баринъ–то себѣ за тридевять земель, какъ въ сказкѣ говорится, какъ въ русской–то сказкѣ сказывается.... Ухъ! раздолье–то! раздолье...» Тутъ Петръ Иванычъ потеръ руки отъ удовольствія, потому что уже, въ–самомъ–дѣлѣ, почувствовалъ себя управляющимъ такого имѣнія, — на что русскій человѣкъ очень скоръ... «Да, только та бѣда», продолжалъ онъ, вдругъ опомнившись, и вновь совершенно опѣшевъ, какъ человѣкъ,

съѣвшій муху: «Да, только та бѣда, что никто не возьметъ, за фамилію никто не возьметъ... Управляющій! ужь въ одномъ словѣ сейчасъ слышится Нѣмецъ, какой–нибудь Карлъ Иванычъ Бризенмейстеръ, или еще помудренѣй, такъ, чтобъ мужикъ и подумать не смѣлъ выговорить, какъ слѣдуетъ, чтобы у него языкъ поперекъ глотки сталъ. Вѣдь вотъ, будь нѣмецкая фамилія, хоть подобіе нѣмецкой фамиліи будь... а то — Блиновъ! на вотъ тебѣ въ самый ротъ — блиновъ! горячихъ блиновъ! подавись!...» И здѣсь герой нашъ въ первый разъ въ жизни пожалѣлъ, что у него русская фамилія, чему онъ сорокъ лѣтъ слишкомъ постоянно былъ радъ, и даже благодарилъ Бога, что и оканчивается она на *овъ*, а не на *скій*. «Да, опять и то», продолжалъ размышлять нашъ герой: «осанки такой не имѣю, осанки, соотвѣтствующей званію управителя не имѣю, вотъ она какая бѣда, вотъ она бѣда–то какая надо мной горемычнымъ, осанки, соотвѣтствующей званію, не имѣю, — не имѣю осанки, званію управителя соотвѣтствующей, совсѣмъ осанки такой не имѣю. Нашъ братъ и смотритъ–то, какъ–будто все чего–то боится, и идетъ–то, какъ–будто проситъ прощенія у половиковъ, которые недостойными ногами своими попираетъ, и въ лицѣ такое подобострастіе, такое подобострастіе, что и сказать нельзя, никакъ нельзя сказать, недостанетъ словъ, какъ говорится въ хорошемъ слогѣ, на языкѣ человѣческомъ... вотъ оно что́! вотъ оно какое дѣльце–то! вотъ оно дѣльце–то казусное какое! Ну ужь извѣстно: по какой части пойдешь, съ тою и степень значенія въ лицѣ своемъ соразмѣряешь... степень–то значенія съ положеніемъ своимъ въ свѣтѣ соразмѣряешь... А тутъ надобно, чтобы орломъ глядѣлъ человѣкъ, чтобъ на лицѣ было написано, что ему и чортъ не братъ, чтобы дѣйствовалъ смѣло, рѣшительно, на открытую ногу дѣйствовалъ бы, и умѣлъ бы этакъ съ откровенностію, не лишенною благородства, и словцо–то крѣпкое кстати пригнуть, ну и тамъ что другое... Вотъ оно что́! Чтобы какъ выйдетъ да заговоритъ ломанымъ своимъ языкомъ, такъ чтобы мужикъ на него и взглянуть не смѣлъ, а только бы кланялся въ поясъ, да говорилъ: «Слушаю батюшка, Карлъ Иванычъ!...» Нѣтъ, гдѣ нашему брату!... Развѣ ужь заняться хожденіемъ по дѣламъ... Но и хожденіе по дѣламъ оказалось неудобнымъ. Думалъ, думалъ Петръ Иванычъ, и покончилъ тѣмъ, что какъ ни вертись, службу оставить невыгодно, разорительно, словомъ, неблагоразумно во всѣхъ отношеніяхъ. И такъ, скрѣпя сердце,

рѣшился онъ итти въ департаментъ. Будь что будетъ! Можетъ и никакой бѣды нѣтъ, можетъ ему только такъ показалось, а въ сущности ничего! Наконецъ онъ даже дошелъ до заключенія, что можетъ быть оно даже и хорошо, что начальникъ его увидѣлъ на улицѣ, пожалуй чѣмъ чортъ не шутитъ примутъ участіе, вспомоществованіе единовременное дадутъ. «Да! да!» повторялъ Петръ Иванычъ: «оно въ-самомъ-дѣлѣ даже и хорошо», и между тѣмъ чувствовалъ, что морозъ подираетъ по кожѣ. Три дня употреблено было на залечиванье разныхъ ушибовъ и синихъ пятенъ, и на утвержденіе себя въ благородной рѣшимости не унывать, помнить, что испытанія ниспосылаются намъ въ плачевной юдоли сей для возвышенія душевнаго мужества, и что не нужна бы человѣку и безсмертная душа, если бъ онъ уничтожался и падалъ передъ несчастіемъ. На четвертый день рѣшено было итти на службу. Но здѣсь на Петра Иваныча напалъ такой страхъ, что онъ буквально не могъ сдвинуться съ мѣста и нѣсколько часовъ совсѣмъ готовый, умытый, выбритый, во фракѣ, съ портфелемъ подъ мышкой, сидѣлъ какъ прикованный къ стулу, безсмысленно смотря на три какія-то головы, державшія компанію у противоположныхъ воротъ.

Когда опомнился онъ, былъ уже двѣнадцатый часъ. «Поздно!» сказалъ онъ себѣ съ тайной радостью. «Видно уже завтра!» и въ ту-же минуту схватилъ шапку, надѣлъ шинель и калоши, и выбѣжалъ на улицу. Бѣжалъ онъ чрезвычайно скоро, ни на что не обращая вниманія, даже не заглядывая въ окна, хотя и любилъ заглядывать въ окна, и зналъ, что, заглянувъ въ окно, иногда можно увидѣть много хорошаго.

Бѣжалъ онъ на службу...

VII.

Въ десятомъ часу того дня, утромъ котораго происходило событіе, описанное въ четвертой главѣ, Степанъ Ѳедорычъ Фарафонтовъ, пришедъ въ должность, направился прямо къ столу, гдѣ обыкновенно сидѣлъ Петръ Иванычъ, чтобъ распросить его о ночномъ приключеніи и, по долгу службы, порядкомъ распечь его. Но Петра Иваныча, какъ мы знаемъ, тамъ не было. Такъ-какъ воспоминаніе вчерашняго выигрыша все еще держало его въ веселомъ расположеніи духа, то подошедъ къ экзекутору и спросивъ о здоровьи, весьма комически разсказалъ

онъ ему странную встрѣчу съ Петромъ Ивановичемъ, особенно распространившись на счетъ удивительнаго танца, въ которомъ упражнялся Петръ Иванычъ, и на счетъ аріи, кажется, изъ «Соннамбулы», которою сопровождалъ онъ свои живописныя па, послѣ чего оба, и разскащикъ и слушатель, долго смѣялись, пожимая плечами. Степанъ Ѳедорычъ разсказывалъ не такъ тихо, чтобъ его никто не могъ слышать, кромѣ экзекутора, а потому исторія Петра Ивановича сдѣлалась тотчасъ извѣстною и еще двумъ–тремъ чиновникамъ. Тѣ въ свою очередь передали ее съ надлежащими дополненіями сосѣдямъ своимъ и такимъ образомъ случилось, что исторію Петра Иваныча въ полчаса узнало все присутственное мѣсто, гдѣ служилъ нашъ герой... Къ вечеру узналъ ее и весь городъ, и нѣсколько дней сряду въ Петербургѣ только и говорили о танцующемъ чиновникѣ исполинскаго роста, съ лошадиными копытами, вмѣсто обыкновенныхъ человѣческихъ ступней. Не трудно представить съ какимъ нетерпѣніемъ ждали его товарищи, сколько произошло толковъ и предположеній и какъ выросла, украсилась и измѣнилась самая исторія. Но прошелъ день, прошло два, прошло три, вотъ уже наступилъ и четвертый, а Петра Иваныча нѣтъ какъ нѣтъ. Любопытство возрасло до высочайшей степени.

И вотъ на четвертый день часу въ первомъ, въ минуту всеобщаго почтительнаго молчанія, водворившагося по случаю появленія самого начальника, который, указывая на дѣло, толковалъ что–то съ большимъ жаромъ Степану Ѳедоровичу, внимавшему начальническимъ рѣчамъ съ почтительнымъ наклоненіемъ головы, — въ такую–то торжественную минуту дверь изъ прихожей вдругъ отворилась, и появился герой нашъ. Какъ ни сильно было уваженіе подчиненныхъ къ начальнику, но естественное движеніе одолѣло и прорвалось на всю комнату глухимъ сдержаннымъ смѣхомъ, — какъ будто вдругъ чихнулъ табунъ лошадей. Естественно, что начальникъ съ недовольнымъ видомъ спросилъ о причинѣ такого неумѣстнаго взрыва. Степанъ Ѳедорычъ поднялъ голову, потому–что и самъ еще не зналъ, что бы значила подобная дерзость, но встрѣтивъ жалкую фигуру Петра Иваныча, подобно подчиненнымъ своимъ, не могъ удержаться отъ смѣха.

Начальникъ повторилъ свой вопросъ.

Перетрухнувшій Степанъ Ѳедорычъ почувствовалъ необходимость оправдаться и оправдать своихъ подчиненныхъ. Для такой цѣли онъ не нашелъ ничего лучше, какъ разсказать въ

подробности исторію Петра Ивановича и тотчасъ разсказалъ ее, постаравшись не столько о строгомъ соблюденіи исторической достовѣрности, сколько о томъ, чтобъ отъ нея дѣйствительно нельзя было не захохотать, — въ чемъ и успѣлъ совершенно, ибо, по мѣрѣ изложенія событій, лицо слушателя прояснялось, а когда дошло до описанія страннаго танца, въ которомъ упражнялся Петръ Ивановичъ, и сопровождавшихъ его мотивовъ изъ «Лучіи», слушатель уже рѣшительно не нашолъ въ себѣ силъ сохранить строгое выраженіе почтенной своей наружности и самъ засмѣялся....

Но смѣхъ его, какъ легко догадаться, былъ непродолжителенъ. Принявъ строго-рѣшительное выраженіе, онъ подошелъ къ Петру Иванычу, оцѣпѣнѣвшему у дверей, и сказалъ, медленно, важно, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ:

— А что скажете вы?

Но Петръ Иванычъ не могъ ничего сказать, хоть и замѣтно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать....

Тогда начальникъ, основательно думая, что къ пресѣченію подобныхъ золъ должно принимать мѣры при самомъ ихъ зародышѣ, счелъ нужнымъ распространиться и показать Петру Иванычу все неприличіе его поступка. Онъ сказалъ ему, что званіе и самыя лѣта недавали ему права на такое дѣло; что танцовать, конечно, можно, но въ приличномъ мѣстѣ, и притомъ имѣя на себѣ одежду, принятую въ образованныхъ обществахъ Европы, которая, по образованію, можетъ вообще почесться первою изъ всѣхъ пяти частей свѣта. Онъ сказалъ ему (и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, въ голосѣ его возрастала энергія и наружность болѣе и болѣе одушевлялась), что подобные пассажи простительны только грубымъ и невѣжественнымъ дикарямъ, не знающимъ употребленія огня и одежды, да и тѣ (присовокупилъ онъ) прикрываютъ наготу свою древесными листьями. Наконецъ, онъ сказалъ ему, что подобный поступокъ срамитъ не только того, кѣмъ сдѣланъ, но даже бросаетъ не хорошую тѣнь на все званіе, что званіе чиновника почтенно, и не должно быть профанировано, —

Что чиновники тоже, что воинство
Для отчизны въ гражданскомъ кругу,
Посягать на ихъ честь и достоинство
Позволительно развѣ врагу,
Что у нихъ все занятья важнѣйшія —

И торги, и финансы, и судъ
И что служатъ все люди умнѣйшіе
И себя благородно ведутъ.
Что безъ нихъ бы невинные плакали,
Наслаждался бъ свободой злодѣй,
Что подъ часъ отъ единой каракули
Участь сотни зависитъ людей,
Что чиновникъ плохой безъ амбиціи,
Что чиновникъ не шутъ, не паяцъ,
И неслѣдъ ему безъ аммуниціи
Выбѣгать на какой–нибудь плацъ.
«А ужь если есть точно желаніе
Не служить, а плясать качучу,
Есть на то и приличное званіе —
Я удерживать васъ не хочу!»

Такъ заключилась рѣчь, имѣвшая вообще на присутствующихъ вліяніе сильное, но дѣйствіе ея на Петра Иваныча было таково, что, можетъ–быть, ни въ какія времена, никакая рѣчь не производила такого дѣйствія. Пораженный ею, изъ всѣхъ способностей, отпущенныхъ ему Богомъ, сохранилъ онъ только одну способность шевелить или точнѣе мямлить губами, да и то дѣлалось съ величайшимъ усиліемъ, и вообще въ ту минуту герой нашъ, страшно синій, походилъ на умирающаго, которому есть сказать нѣчто важное, но у котораго уже отнялся языкъ....

Только очутившись на улицѣ и глубоко втянувъ въ себя струю свѣжаго воздуха, почувствовалъ онъ, что еще живъ.

VIII.

«Корабль, обуреваемый
Волнами — жизнь моя!
Судьбою угнетаемый,
Въ отставку подалъ я,
Не мало тутъ утрачено —
Убытокъ — и большой!
А впрочемъ предназначено
Ужь видно такъ судьбой.
И есть о чемъ печалиться,
Нашолъ чего жалѣть!
Смерть ни надъ кѣмъ не сжалится —

Всѣмъ должно умереть!
Почетныя регаліи,
Доходныя мѣста,
Награды — и такъ далѣе
Все прахъ и суета!
Мы всѣ корпимъ, стараемся,
Вдаемся въ плутовство,
Хлопочемъ, унижаемся,
А все вѣдь изъ чего?
Умремъ, такъ все останется! —
На срокъ пришли мы въ свѣтъ....
Чѣмъ дольше служба тянется,
Тѣмъ болѣе суетъ.
Успѣлъ ужь я умаяться
Въ житейскомъ мятежѣ,
Подумать приближается
Пора и о душѣ!
Ужь лучше здѣсь быть пѣшкою,
Чѣмъ душу погубить....
А, впрочемъ, что жь я мѣшкаю?
Ужь десять хочетъ бить!
Есть случай къ покровительству!
Тотчасъ же полечу
Къ его превосходительству
Ивану Кузьмичу —
Поздравлю съ имянинами....
Рѣшится, можетъ быть,
Подъ разными причинами
Блохова удалить
И мнѣ съ приличнымъ жительствомъ
Его мѣстечко дать....
Не нужно покровительствомъ
Въ нашъ вѣкъ пренебрегать!...»

ПОЛЗУНКОВЪ.

Я началъ всматриваться въ этого человѣка. Даже въ наружности его было что-то такое особенное, что невольно заставляло вдругъ, какъ бы вы разсѣяны ни были, пристально приковаться къ нему взглядомъ и тотчасъ же разразиться самымъ неумолкаемымъ смѣхомъ. Такъ и случилось со мною. Нужно замѣтить, что глазки этого маленькаго господина были такъ подвижны, или, наконецъ, что онъ самъ, весь, до того поддавался магнетизму всякаго взгляда, на него устремленнаго, что почти инстинктомъ угадывалъ, что его наблюдаютъ, тотчасъ же оборачивался къ своему наблюдателю и съ безпокойствомъ анализировалъ взглядъ его. Отъ вѣчной подвижности, поворотливости онъ рѣшительно походилъ на жируэтку. Странное дѣло! Онъ какъ-будто боялся насмѣшки, тогда какъ почти добывалъ тѣмъ хлѣбъ, что былъ всесвѣтнымъ шутомъ и съ покорностію подставлялъ свою голову подъ всѣ щелчки, въ нравственномъ смыслѣ и даже въ физическомъ, смотря по тому, въ какой находился компаніи. Добровольные шуты даже не жалки. Но я тотчасъ замѣтилъ, что это странное созданіе, этотъ смѣшной человѣчекъ вовсе не былъ шутомъ изъ профессіи. Въ немъ оставалось еще кое-что благороднаго. Его безпокойство, его вѣчная болѣзненная боязнь за себя уже свидѣтельствовали въ пользу его. Мнѣ казалось, что все его желаніе услужить происходило скорѣе отъ добраго сердца, чѣмъ отъ матеріяльныхъ выгодъ. Онъ съ удовольствіемъ позволялъ засмѣяться надъ собой во все горло и неприличнѣйшимъ образомъ, въ глаза, но въ тоже время — и я даю клятву въ томъ — его сердце ныло и обливалось кровью отъ мысли, что его слушатели такъ неблагородно-жестокосерды, что способны смѣяться не факту, а надъ нимъ, надъ всѣмъ существомъ его, надъ сердцемъ, головой, надъ наружностію, надъ всею его

плотью и кровью. Я увѣренъ, что онъ чувствовалъ въ эту минуту всю глупость своего положенія; но протестъ тотчасъ же умиралъ въ груди его, хотя непремѣнно каждый разъ зарождался великодушнѣйшимъ образомъ. Я увѣренъ, что все это происходило не иначе, какъ отъ добраго сердца, а вовсе не отъ матеріяльной невыгоды быть прогнаннымъ въ толчки и не занять у кого-нибудь денегъ: этотъ господинъ вѣчно занималъ деньги, т. е. просилъ въ этой формѣ милостыню, когда, погримасничавъ и достаточно насмѣшивъ на свой счетъ, чувствовалъ, что имѣетъ нѣкоторымъ образомъ право занять. Но, Боже мой! какой это былъ заемъ! и съ какимъ видомъ онъ дѣлалъ этотъ заемъ! Я предположить не могъ, чтобъ на такомъ маленькомъ пространствѣ, какъ сморщенное, угловатое лицо этого человѣчка, могло умѣститься въ одно и тоже время столько разнородныхъ гримасъ, столько странныхъ, разнохарактерныхъ ощущеній, столько самыхъ убійственныхъ впечатлѣній. Чего-чего тутъ не было! — И стыдъ-то, и ложная наглость, и досада съ внезапной краской въ лицѣ, и гнѣвъ, и робость за неудачу, и просьба о прощеніи, что смѣлъ утруждать, и сознаніе собственнаго достоинства, и полнѣйшее сознаніе собственнаго ничтожества, — все это какъ молніи проходило по лицу его. — Цѣлыхъ шесть лѣтъ пробивался онъ такимъ образомъ на Божіемъ свѣтѣ и до сихъ поръ не составилъ себѣ фигуры въ интересную минуту займа! Само собою разумѣется, что очерствѣть и заподличаться въ конецъ онъ не могъ никогда. Сердце его было слишкомъ подвижно, горячо! Я даже скажу болѣе: по моему мнѣнію, это былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, но съ маленькою слабостію: сдѣлать подлость по первому приказанію, добродушно и безкорыстно, лишь бы угодить ближнему. Однимъ словомъ, это былъ, что̀ называется, человѣкъ — тряпка вполнѣ. Всего смѣшнѣе было то, что онъ былъ одѣтъ почти также какъ всѣ, не хуже, не лучше, чисто, даже съ нѣкоторою изысканностію и съ поползновеніемъ на солидность и собственное достоинство. Это равенство наружное и неравенство внутреннее, его безпокойство за себя и въ тоже время безпрерывное самоумаленіе, — все это составляло разительнѣйшій контрастъ и достойно было смѣху и жалости. Еслибъ онъ былъ увѣренъ сердцемъ своимъ (что̀, несмотря на опытъ, поминутно случалось съ нимъ), что всѣ его слушатели были добрѣйшіе въ мірѣ люди, которые смѣются только факту смѣшному, а не надъ его обреченною личностію, то онъ съ удовольствіемъ

снялъ бы фракъ свой, надѣлъ его какъ-нибудь на изнанку и пошелъ бы въ этомъ нарядѣ, другимъ въ угоду, а себѣ въ наслажденіе, по улицамъ, лишь бы разсмѣшить своихъ покровителей и доставить имъ всѣмъ удовольствіе. Но до равенства онъ не могъ достигнуть никогда и ничѣмъ. Еще черта: чудакъ былъ самолюбивъ и порывами, если только не предстояло опасности, даже великодушенъ. Нужно было видѣть и слышать, какъ онъ умѣлъ отдѣлать, иногда не щадя себя, слѣдовательно съ рискомъ, почти съ геройствомъ, кого-нибудь изъ своихъ *покровителей*, уже до-нельзя его разбѣсившаго. Но это было минутами.... Однимъ словомъ, онъ былъ мученикъ въ полномъ смыслѣ слова, но самый безполезнѣйшій, и слѣдовательно самый комическій мученикъ.

Между гостями поднялся общій споръ. Вдругъ я увидѣлъ, что чудакъ мой вскакиваетъ на стулъ и кричитъ, что есть мочи, желая, чтобъ ему одному дали исключительно слово.

— Слушайте, шепнулъ мнѣ хозяинъ. Онъ разсказываетъ иногда прелюбопытныя вещи.... Интересуетъ онъ васъ?

Я кивнулъ головою и втѣснился въ толпу.

Дѣйствительно видъ порядочно одѣтаго господина, вскочившаго на стулъ и кричавшаго всѣмъ голосомъ, возбудилъ общее вниманіе. Многіе, кто не знали чудака, переглядывались съ недоумѣніемъ, другіе хохотали во все горло.

— Я знаю Ѳедосѣя Николаича! Я лучше всѣхъ долженъ знать Ѳедосѣя Николаича! кричалъ чудакъ съ своего возвышенія. — Господа, позвольте разсказать. Я хорошо разскажу про Ѳедосѣя Николаича! Я знаю одну исторію — чудо!...

— Разскажите, Осипъ Михайлычъ, разскажите.

— Разсказывай!!

— Слушайте же....

— Слушайте, слушайте!!!

— Начинаю; но господа, это исторія особенная....

— Хорошо, хорошо!

— Это исторія комическая.

— Очень хорошо, превосходно, прекрасно, — къ дѣлу!

— Это эпизодъ изъ собственной жизни вашего нижайшаго....

— Ну зачѣмъ же вы трудились объявлять, что она комическая!

— И даже не много трагическая!

— А???!

— Словомъ, та исторія, которая вамъ всѣмъ доставляетъ счастіе слушать меня теперь, господа, — та исторія, вслѣдствіе которой я попалъ въ такую *интересную* для меня компанію.

— Безъ каламбуровъ!

— Та исторія....

— Словомъ та исторія, — ужь доканчивайте поскорѣе апологъ, — та исторія, которая чего-нибудь стоитъ, примолвилъ сиплымъ голосомъ одинъ бѣлокурый молодой господинъ съ усами, запустивъ руку въ карманъ своего сюртука и какъ-будто нечаянно вытащивъ оттуда кошелекъ вмѣсто платка.

— Та исторія, мои сударики, послѣ которой я бы желалъ видѣть многихъ изъ васъ на моемъ мѣстѣ. И наконецъ та исторія, вслѣдствіе которой я не женился!

— Женился!... жена!... Ползунковъ хотѣлъ жениться!!

— Признаюсь я бы желалъ теперь видѣть Mme Ползункову!

— Позвольте поинтересоваться, какъ звали прошедшую Mme Ползункову, пищалъ одинъ юноша, пробираясь къ разскащику.

— Итакъ, первая глава, господа:

То было ровно шесть лѣтъ тому, весной, 31 марта, — замѣтьте число, господа, — наканунѣ....

— Перваго апрѣля! — закричалъ юноша въ завиткахъ.

— Вы необыкновенно угадливы-съ. Былъ вечеръ. Надъ уѣзднымъ городомъ N. сгущались сумерки, хотѣла выплыть луна.... ну, и все тамъ, какъ слѣдуетъ. Вотъ-съ, въ самыя позднія сумерки, втихомолочку, и я выплылъ изъ своей квартирёнки, — простившись съ моей замкнутой покойницей бабушкой. Извините, господа, что я употребляю такое модное выраженіе, слышанное мной въ послѣдній разъ у Николай Николаича. Но бабушка моя была вполнѣ *замкнутая*: она была слѣпа, нѣма, глуха, глупа, — все, что̀ угодно!... Признаюсь, я былъ въ трепетѣ, я собирался на великое дѣло; сердчишко во мнѣ билось какъ у котенка, когда его хватаетъ чья-нибудь костлявая лапа за шиворотъ.

— Позвольте, M^r^ Ползунковъ!

— Чего требуете?

— Разсказывайте проще; пожалуйста не слишкомъ старайтесь!

— Слушаюсь, проговорилъ не много смутившійся Осипъ Михайлычъ. Я вошелъ въ домикъ Ѳедосѣя Николаича (благопріобрѣтенный-съ). Ѳедосѣй Николаичъ, какъ извѣстно, не то, чтобы сослуживецъ, но цѣлый начальникъ. Обо мнѣ доложили и тотчасъ же ввели въ кабинетъ. Какъ теперь вижу: совсѣмъ, совсѣмъ почти темная комната, а свѣчей не подаютъ. Смотрю,

входитъ Ѳедосѣй Николаичъ. Такъ мы и остаемся съ нимъ въ темнотѣ....

— Что̀жь бы такое произошло между вами? спросилъ одинъ офицеръ.

— А какъ вы полагаете–съ? спросилъ Ползунковъ, немедленно обращаясь, съ судорожно–шевельнувшимся лицомъ, къ юношѣ въ завиткахъ.

— Итакъ, господа, тутъ произошло одно странное обстоятельство. То есть страннаго тутъ не было ничего, а было что̀ называется дѣло житейское, — я просто за просто вынулъ изъ кармана свертокъ бумагъ, а онъ изъ своего свертокъ бумажекъ только государственными....

— Ассигнаціями?

— Ассигнаціями–съ, и мы помѣнялись.

— Бьюсь объ закладъ, что тутъ пахло взятками, проговорилъ одинъ солидно одѣтый и выстриженный молодой господинъ.

— Взятками–съ! подхватилъ Ползунковъ. — Эхъ!

Пусть я буду либераломъ.
Какихъ много видѣлъ я!

если вы тоже, какъ вамъ попадется служить въ губерніи, не погрѣете рукъ.... на родномъ очагѣ.... Зане, сказалъ одинъ литераторъ:

И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Мать, мать, господа, родная, родина–то наша, мы птенцы, такъ мы ее и сосёмъ!...

Поднялся общій смѣхъ.

— А только, повѣрите ли, господа, я никогда не бралъ взятокъ, сказалъ Ползунковъ, недовѣрчиво оглядывая все собраніе.

Гомерическій, неумолкаемый смѣхъ всѣмъ залпомъ своимъ накрылъ слова Ползункова.

— Право, такъ, господа....

Но тутъ онъ остановился, продолжая оглядывать всѣхъ съ какимъ–то страннымъ выраженіемъ лица. Можетъ быть, — кто знаетъ, — можетъ быть въ эту минуту ему вспало на умъ, что онъ почестнѣе многихъ изъ всей этой честной компаніи.... Только серьёзное выраженіе лица его не исчезало до самого окончанія всеобщей веселости.

— Итакъ, началъ Ползунковъ, когда всѣ поумолкли: — хотя я никогда не бралъ взятокъ, но въ этотъ разъ грѣшенъ: положилъ

въ карманъ взятку.... съ взяточника.... То есть были кое-какія бумажки въ рукахъ моихъ, которыя еслибъ я захотѣлъ послать кой-кому, такъ худо бы пришлось Ѳедосѣю Николаичу.

— Такъ стало быть онъ ихъ выкупилъ?

— Выкупилъ-съ.

— Много далъ?

— Далъ столько, за сколько иной въ наше время продалъ бы совѣсть свою, всю, со всѣми варьяціями-съ.... если бы только что-нибудь дали-съ. Только меня варомъ обдало, когда я положилъ въ карманъ денежки. Право, я не знаю, какъ это со мной всегда дѣлается, господа, — но вотъ, ни живъ ни мертвъ, губами шевелю, ноги трясутся; ну, виноватъ, виноватъ, совсѣмъ виноватъ, въ-пухъ засовѣстился, готовъ прощенья просить у Ѳедосѣя Николаича....

— Ну что̀жь онъ простилъ?

— Да я не просилъ-съ.... я только такъ говорю, что такъ оно было тогда; у меня то есть сердце горячее. Вижу, смотритъ мнѣ прямо въ глаза:

— Бога, говоритъ, вы не боитесь, Осипъ Михайлычъ.

Ну, что̀ дѣлать! я этакъ развелъ изъ приличія руки, голову на сторону. — Чѣмъ же, я говорю, Бога не боюсь, Ѳедосѣй Николаичъ?... Только ужь такъ говорю, изъ приличія.... самъ сквозь землю провалиться готовъ.

— Бывъ такъ долго другомъ семейства нашего, бывъ, могу сказать, сыномъ, — и кто знаетъ, что̀ небо предполагало, Осипъ Михайлычъ! И вдругъ что̀ же, доносъ, готовить доносъ, и вотъ теперь!... Что̀ послѣ этого думать о людяхъ, Осипъ Михайлычъ?

Да вѣдь какъ, господа, какъ рацею читалъ! Нѣтъ, говоритъ, вы мнѣ скажите, что̀ послѣ этого думать о людяхъ, Осипъ Михайлычъ? — Что̀, думаю, думать! Знаете, и въ горлѣ заскребло, и голосенко дрожитъ, ну ужь предчувствую свой скверный норовъ и схватился за шляпу....

— Кудажь вы, Осипъ Михайлычъ? неужели наканунѣ такого дня.... Неужели вы и теперь злопамятствуете; чѣмъ я противъ васъ согрѣшилъ?...

— Ѳедосѣй Николаичъ, говорю, Ѳедосѣй Николаичъ!

Ну, то есть растаялъ, господа, какъ мокрый сахаръ медовичъ растаялъ. Куда! и пакетъ, что̀ въ карманѣ лежитъ съ государственными, и тотъ словно тоже кричитъ: неблагодарный ты, разбойникъ, тать окаянный, — словно пять пудовъ въ немъ, такъ тянетъ.... (А еслибъ и въ заправду въ немъ пять пудовъ было!...)

— Вижу, говоритъ Ѳедосѣй Николаичъ: — вижу ваше раскаяніе.... вы знаете завтра....

— Маріи Египетскія–съ....

— Ну, не плачь, говоритъ Ѳедосѣй Николаичъ: — полно: согрѣшилъ и покаялся! пойдемъ! Можетъ быть удастся мнѣ возвратить, говоритъ, васъ опять на путь истинный.... Можетъ быть скромные пенаты мои (именно, помню, пенаты, такъ и выразился, разбойникъ) согрѣютъ, говоритъ, опять ваше очерств.... не скажу очерствѣлое, — заблудшее сердце....

Взялъ онъ меня, господа, за руку и повелъ къ домочадцамъ. Мнѣ спину морозомъ прохватываетъ; дрожу! думаю, съ какими глазами предстану я.... — А нужно вамъ знать, господа.... какъ бы сказать, здѣсь выходило одно щекотливое дѣльцо!

— Ужь не госпожа ли Ползункова?

— Марья Ѳедосѣевна–съ, — только не суждено, знать, ей было быть такой госпожой, какой вы ее называете, не дождалась такой чести! Оно, видите, Ѳедосѣй–то Николаичъ былъ и правъ, говоря, что въ домѣ–то я почти сыномъ считался. Оно и было такъ назадъ тому полгода, когда еще былъ живъ одинъ юнкеръ въ отставкѣ, Михайло Максимычъ Двигайловъ по прозвищу. Только онъ волею Божію помре, а завѣщаніе–то совершить все въ долгой ящикъ откладывалъ; оно и вышло такъ, что ни въ какомъ ящикѣ его не отыскали потомъ....

— Ухъ!!!

— Ну, ничего, нечего дѣлать, господа, простите, обмолвился, — каламбурчикъ–то плохъ, да это бы еще ничего, что онъ плохъ, — штука–то была еще плоше, когда я остался, такъ сказать, съ пулемъ въ перспективѣ, потому–что юнкеръ–то въ отставкѣ — хоть меня въ домъ къ нему и не пускали (на большую ногу жилъ, затѣмъ, что были руки длинны!) — а тоже, можетъ быть не ошибкой, роднымъ сыномъ считалъ.

— Ага!!

— Да–съ, оно вотъ какъ–съ! Ну, и стали мнѣ носы показывать у Ѳедосѣя Николаича. Я замѣчалъ, замѣчалъ, крѣпился, крѣпился, а тутъ, вдругъ, на бѣду мою (а можетъ и къ счастью!), какъ снѣгъ на голову ремонтеръ наскакалъ на нашъ городишко. Дѣло–то оно его, правда, подвижное, легкое, кавалерійское, — только такъ плотно утвердился у Ѳедосѣя Николаича, — ну, словно мортира засѣлъ! Я обиходцемъ да сторонкой, по подлому порову, такъ и такъ, говорю, Ѳедосѣй Николаичъ, за что̀жь обижать! Я въ нѣкоторомъ родѣ ужь

сынъ.... Отеческаго–то, отеческаго когда я дождусь.... Началъ онъ мнѣ, сударикъ ты мой, отвѣчать! ну, то есть начнетъ говорить, поэму наговоритъ цѣлую, въ двѣнадцати пѣсняхъ въ стихахъ, только слушаешь, облизываешься да руки разводишь отъ сладости, а толку нѣтъ ни на грошъ, т. е. какого толку, не разберешь, не поймешь, стоишь дуракъ дуракомъ, затуманитъ, словно вьюнъ вьется вывертывается; ну, талантъ, просто талантъ, даръ такой, что вчужѣ страхъ пробираетъ! Я кидаться пошелъ во всѣ стороны: туды да сюды! ужь и романсы таскаю, и конфетъ привожу, и каламбуры высиживаю, охи да вздохи, болитъ, говорю, мое сердце, отъ амура болитъ, да въ слезы, да тайное объясненіе! вѣдь глупъ человѣкъ! вѣдь не провѣрилъ у дьячка, что мнѣ тридцать лѣтъ.... куды! хитрить выдумалъ! нѣтъ же! не пошло мое дѣло, смѣшки да насмѣшки кругомъ, — ну, и зло меня взяло, за горло совсѣмъ захватило, — я улизнулъ, да въ домъ ни ногой, думалъ, думалъ — да хвать доносъ! Ну, поподличалъ, друга выдать хотѣлъ, сознаюсь, матеріяльцу–то было много, и славный такой матеріялъ, капитальное дѣло! Тысячу пятьсотъ серебромъ принесло, когда я его вмѣстѣ съ доносомъ на государственныя вымѣнялъ!

— А! такъ вотъ она взятка–то!

— Да, сударь, вотъ была взяточка–то–съ, поплатился мнѣ взяточникъ! (И вѣдь не грѣшно, ну, право же нѣтъ!) Ну вотъ–съ теперь продолжать начну: притащилъ онъ меня, если запомнить изволите, въ чайную ни жива, ни мертва; встрѣчаютъ меня: всѣ какъ–будто обиженные, т. е. не то, что обиженные, — разогорченные такъ, что ужь просто.... Ну, убиты, убиты совсѣмъ, а между тѣмъ и важность такая приличная на лицахъ сіяетъ, солидность во взорахъ, этакъ что–то отеческое, родственное такое.... блудный сынъ воротился къ намъ, — вотъ куда пошло! За чай усадили, а чего у меня у самого словно самоваръ въ грудь засѣлъ, кипитъ во мнѣ, а ноги леденѣютъ: умалился, струсилъ! Марья Ѳоминишна, супруга его, совѣтница падворная, (а теперь коллежская) мнѣ *ты* съ перваго слова начала говорить: что̀ ты, батинька, такъ похудѣлъ, говоритъ. — Да такъ, прихварываю, говорю, Марья Ѳоминишна.... голосенко–то дрожитъ у меня! А она мнѣ ни съ того, ни съ сего, знать выжидала свое ввернуть, ехидна такая: — что видно совѣсть, говоритъ, твоей душѣ не по мѣркѣ пришлась, Осипъ Михайлычъ, отецъ родной! Хлѣбъ соль–то наша, говоритъ, родственная возопіяла къ тебѣ! Отлились знать тебѣ мои слезки

кровавыя! Ей-Богу, такъ и сказала, пошла противъ совѣсти; чего! то ли за ней, бой-баба! Только такъ сидѣла да чай разливала. А поди-ка, я думаю, на рынкѣ, моя голубушка, всѣхъ бабъ перекричала бы. Вотъ какая была она, наша совѣтница! А тутъ, на бѣду мою, Марья Ѳедосѣевна, дочка, выходитъ, со всѣми своими невинностями, да блѣдненька немножко, глазки разкраснѣлись, будто отъ слезъ, — я какъ дуракъ и погибъ тутъ на мѣстѣ. А вышло потомъ, что по ремонтерѣ она слезки роняла: тотъ утёкъ во свояси, улепетнулъ по добру, по здорову, потому-что, знаете, знать (оно пришлось теперь къ слову сказать), пришло ему время уѣхать, срокъ вышелъ, оно не то, чтобы и казенный былъ срокъ-то! а такъ.... ужь послѣ родители дражайшіе спохватились, узнали всю подноготную, да что̀ дѣлать, втихомолку зашили бѣду, — своего дому прибыло!... Ну, нечего дѣлать, какъ взглянулъ я на нее, пропалъ, просто пропалъ, накосился на шляпу, хотѣлъ схватить да улепетнуть поскорѣе; не тутъ-то было: утащили шляпу мою.... Я ужь, признаться, и безъ шляпы хотѣлъ — ну, думаю, — нѣтъ же, дверь на крючокъ насадили, смѣшки дружескіе начались, подмигиванья да заигрыванья, сконфузился я, что-то совралъ, объ амурѣ понесъ; она, моя голубушка, за клавикорды сѣла, да гусара, который на саблю опирался, пропѣла на обиженный тонъ, — смерть моя! — Ну, говоритъ Ѳедосѣй Николаичъ: — все забыто, приди, приди.... въ объятія! — Я какъ былъ, такъ тутъ же и припалъ къ нему лицомъ на жилетку. Благодѣтель мой, отецъ ты мой родной, говорю! да какъ зальюсь своими горючими! Господи Богъ мой, какое тутъ поднялось! Онъ плачетъ, баба его плачетъ, Машенька плачетъ.... тутъ еще бѣлобрысенькая одна была: и та плачетъ.... куда — со всѣхъ угловъ ребятишки повыползли (благословилъ его домкомъ Господь!) и тѣ ревутъ.... сколько слезъ, т. е. умиленіе, радость такая, блуднаго обрѣли, словно на родину солдатъ воротился! — Тутъ угощеніе подали, фанты пошли: охъ болитъ! что̀ болитъ? сердце; по комъ? Она краснѣетъ, голубушка! Мы съ старикомъ пуншику выпили, — ну уходили, усластили меня совершенно....

Воротился я къ бабушкѣ. У самого голова кругомъ ходитъ; всю дорогу шелъ да подсмѣивался, дома два часа битыхъ по коморкѣ ходилъ, старуху разбудилъ, ей все счастье повѣдалъ. — Да денегъ-то далъ ли, разбойникъ? — Далъ, бабушка, далъ, далъ, родная моя, далъ, привалило къ намъ, отворяй ворота! — Ну, теперь хоть женись, такъ въ тужь пору, женись, говоритъ

мнѣ старуха: — знать молитвы мои услышаны! Софрона разбудилъ. Софронъ, говорю, снимай сапоги. Софронъ потащилъ съ меня сапоги. — Ну, Софроша! Поздравь ты теперь меня, поцалуй! Женюсь, просто, братецъ, женюсь, напѣйся пьянъ завтра, гуляй душа, говорю: баринъ твой женится! — Смѣшки да игрушки на сердце!... Ужь засыпать было началъ; нѣтъ, подняло меня опять на ноги, сижу да думаю; вдругъ и мелькни у меня въ головѣ: завтра-де 1-е апрѣля, день-то такой свѣтлый, игривый, какъ бы такъ? — да и выдумалъ! Чтòжь, сударики! съ постели всталъ, свѣчу зажегъ, въ чемъ былъ за столъ письменный сѣлъ, т. е. ужь расходился совсѣмъ, заигрался, знаете, господа, когда человѣкъ разыграется! Всей головой, отцы мои, въ грязь полѣзъ! То есть вотъ какой норовъ: они у тебя вотъ чтò возьмутъ, а ты имъ вотъ и это отдашь: дескать, на-те и это возьмите! они тебя по лапитѣ, а ты имъ на радостяхъ всю спину подставишь. Они тебя потомъ калачемъ какъ собаку манить начнутъ, а ты тутъ всѣмъ сердцемъ и всей душой облапишь ихъ глупыми лапами — и ну лобызаться! Вѣдь вотъ хоть бы теперь, господа! Вы смѣетесь да шепчетесь, я вѣдь вижу! Послѣ, какъ разскажу вамъ всю мою подноготную, меня же начнете на смѣхъ подымать, меня же начнете гонять, а я то вамъ говорю, говорю, говорю! Ну, кто мнѣ велѣлъ! Ну, кто меня гонитъ! Кто у меня за плечами стоитъ да шепчетъ: говори, говори да разсказывай! А вѣдь говорю же, разсказываю, вамъ въ душу лѣзу, словно вы мнѣ, примѣромъ, всѣ братья родные, друзья закадышные.... э-эхъ!...

Хохотъ, начинавшій мало-по-малу подыматься со всѣхъ сторонъ, покрылъ наконецъ совершенно голосъ разскащика, дѣйствительно пришедшаго въ какой-то восторгъ; онъ остановился, нѣсколько минутъ перебѣгая глазами по собранію, и потомъ вдругъ, словно увлеченный какимъ-то вихремъ, махнулъ рукой, захохоталъ самъ, какъ-будто дѣйствительно находя смѣшнымъ свое положеніе, и снова пустился разсказывать:

Едва заснулъ я въ ту ночь, господа; всю ночь строчилъ на бумагѣ; видители, штуку я выдумалъ! Эхъ, господа! припомнить только, такъ совѣстно станетъ! И добро бы ужь ночью: ну, съ пьяныхъ глазъ, заблудился, напуталъ вздору, навралъ; нѣтъ же! Утромъ проснулся ни свѣтъ ни заря, всего-то и спалъ часикъ, другой, и зато же! Одѣлся, умылся, завился, припомадился, фракъ новый напялилъ и прямо на праздникъ къ Ѳедосѣю Николаичу, а бумагу въ шляпѣ держу. Встрѣчаетъ меня самъ,

съ отверстыми, и опять зоветъ на жилетку родительскую! Я и пріосанился, въ головѣ еще вчерашнее бродитъ! На шагъ отступилъ. — Нѣтъ, говорю, Ѳедосѣй Николаичъ, а вотъ коль угодно, сію бумажку прочтите, — да и подаю ее при рапортѣ; а въ рапортѣ-то знаете что̀ было? А было: По такимъ-то, да по такимъ-то, такого-то Осипа Михайлыча, уволить въ отставку, да подъ просьбой-то весь чинъ подмахнулъ! Вотъ вѣдь что̀ выдумалъ, Господи! и умнѣе-то ничего придумать не могъ! Дескать, сегодня 1-е апрѣля, такъ я вотъ и сдѣлаю видъ, ради шуточки, что обида моя не прошла, что одумался за ночь, одумался да нахохлился, да пуще прежняго обидѣлся, да, дескать, вотъ же вамъ, родные мои благодѣтели, и ни васъ, ни дочки вашей знать не хочу; денежки-то вчера положилъ въ карманъ, обезпеченъ, такъ вотъ, дескать, вамъ рапортъ объ отставкѣ. Не хочу служить подъ такимъ начальствомъ, какъ Ѳедосѣй Николаичъ! въ другую службу хочу, а тамъ, смотри, и доносъ подамъ. Этакимъ подлецомъ представился, напугать ихъ выдумалъ! и выдумалъ чѣмъ напугать! А? хорошо, господа? Т. е. вотъ заласкалось къ нимъ сердце со вчерашняго дня, такъ дай я за это шуточку семейную отпущу, подтруню надъ родительскимъ сердечкомъ Ѳедосѣя Николаича....

Только взялъ онъ бумагу мою, развернулъ и вижу, шевельнулась у него вся физіономія. — Что̀жь, Осипъ Михайлычъ? А я какъ дуракъ: 1-е апрѣля! съ праздникомъ васъ Ѳедосѣй Николаичъ! — т. е. совсѣмъ какъ мальчишка, который за бабушкино кресло спрятался втихомолку, да потомъ уфъ! ей на ухо, во все горло, — попугать вздумалъ! Да.... да просто, даже совѣстно разсказывать, господа! Да нѣтъ же! я не буду разсказывать!

— Да нѣтъ, что̀ же дальше!

— Да нѣтъ, да нѣтъ, разскажите! Нѣтъ ужь разсказывайте! поднялось со всѣхъ сторонъ.

— Поднялись, судари мои, толки да пересуды, охи да ахи! и проказникъ то я, и забавникъ то я, и перепугалъ то я ихъ, ну, такое сладчайшее, что самому стыдно стало, такъ-что стоишь да со страхомъ и думаешь: какъ такого грѣшника такое мѣсто святое на себѣ держать можетъ! «Ну, родной ты мой, запищала совѣтница: — напугалъ меня такъ, что о сю пору ноги трясутся, еле на мѣстѣ держатъ! Выбѣжала я какъ полуумная къ Машѣ: Машенька, говорю, что̀ съ нами будетъ! Смотри, какимъ *твой-то* оказывается! Да сама согрѣшила, родимый, ужь ты прости меня старуху, опростоволосилась! Ну, думаю: какъ пошелъ онъ

отъ насъ вчера, пришелъ домой поздно, началъ думать, да можетъ показалось ему, что нарочно мы вчера ходили за нимъ, завлечь хотѣли, такъ и обмерла я! — Полно, Машенька, полно мигать мнѣ, Осипъ Михайлычъ намъ не чужой; я же твоя мать, дурного ничего не скажу! Слава Богу, не двадцать лѣтъ на свѣтѣ живу: цѣлыхъ сорокъ пять!...»

Ну, что̀, господа! Чуть я ей въ ноги не чибурахнулся тутъ! Опять прослезились, опять лобызанія пошли! Шуточки начались! Ѳедосѣй Николаичъ тоже для 1-го апрѣля шуточку изволили выдумать! Говоритъ, дескать, жаръ-птица прилетѣла, съ брильянтовымъ клювомъ, а въ клювѣ-то письмо принесла! Тоже надуть хотѣлъ, — смѣхъ-то пошелъ какой! умиленіе-то было какое! — тьфу! — дажѐ срамно разсказывать!

Ну, что̀ мои милостивцы, теперь и вся недолга! Пожили мы день, другой, третій, недѣлю живемъ; я ужь совсѣмъ женихъ! Чего! Кольца заказаны, день назначили, только оглашать не хотятъ до времени, ревизора ждутъ. Я-то жду не дождусь ревизора, счастье мое остановилось за нимъ! Спустить бы его скорѣй съ плечь долой, думаю. А Ѳедосѣй-то Николаичъ подъ шумокъ и на радостяхъ всѣ дѣла свалилъ на меня: счеты, рапорты писать, книги свѣрять, итоги подводить, — смотрю: безпорядокъ ужаснѣйшій, все въ запустѣніи, вездѣ крючки да кавыки! ну, думаю, потружусь для тестюшки! А тотъ все прихварываетъ, болѣзнь приключилась, день ото дня ему, видишь, хуже. А чего, я самъ какъ спичка, ночей не сплю, повалиться боюсь! Однако кончилъ-таки дѣло на славу! выручилъ къ сроку! Вдругъ шлютъ за мной гонца. Поскорѣй, говорятъ, худо Ѳедосѣю Николаичу! Бѣгу сломя-голову, — что̀ такое? Смотрю, сидитъ мой Ѳедосѣй Николаичъ обвязанный, уксусу къ головѣ примочилъ, морщится, кряхтитъ, охаетъ: охъ да охъ! Родной ты мой, милый ты мой, говоритъ, умру, говоритъ, на кого-то я васъ оставлю, птенцы мои! Жена съ дѣтьми приплелась, Машенька въ слезы, — ну, я и самъ зарюмилъ! — Ну нѣту же, говоритъ, Богъ будетъ милостивъ! Не взыщетъ же Онъ съ васъ за всѣ мои прегрѣшенія! Тутъ онъ ихъ всѣхъ отпустилъ, приказалъ за ними дверь запереть, остались мы съ нимъ вдвоемъ, съ глазу на глазъ. — «Просьба есть до тебя!» — «Какая-съ?» «Такъ и такъ, братецъ, и на смертномъ одрѣ нѣтъ покоя, зануждался совсѣмъ!» — «Какъ такъ?» Меня тутъ и краска прошибла, языкъ отнялся. — «Да такъ, братецъ, изъ своихъ пришлось въ казну приплатиться; я, братецъ, для пользы общей ничего не жалѣю,

жизни своей не жалѣю! Ты не думай чего! Грустно мнѣ, что меня предъ тобой клеветники очернили.... Заблуждался ты, горе съ тѣхъ поръ мою голову убѣлило! Ревизоръ на носу, а у Матвѣева въ семи тысячахъ недочетъ, а отвѣчаю я.... ктожь больше! Съ меня, братецъ, взыщутъ: чего смотрѣлъ? А что съ Матвѣева взять! Ужь и такъ довольно съ него; что горемыку подъ обухъ подводить!» — Святители, думаю, вотъ праведникъ! вотъ душа! А онъ: «да, говоритъ, дочернихъ брать не хочу изъ того, что̀ ей пошло на приданое; это священная сумма! Есть свои, есть, правда, да въ люди отданы, гдѣ ихъ сейчасъ соберешь!» — Я тутъ какъ былъ, такъ и брякъ передъ нимъ на колѣни. — «Благодѣтель ты мой, кричу, оскорбилъ я тебя, разобидѣлъ, клеветники на тебя бумаги писали, не убей въ конецъ, возьми назадъ свои денежки!» — Смотритъ онъ на меня, потекли у него изъ глазъ слезы. — «Этого я и ждалъ отъ тебя, мой сынъ, встань; тогда простилъ ради дочернихъ слезъ! теперь и мое сердце прощаетъ тебя. Ты залечилъ, говоритъ, мои язвы! благословляю тебя во вѣки вѣковъ!» — Ну, какъ благословилъ-то онъ меня, господа, я во всѣ лопатки домой, досталъ сумму: вотъ, батюшка, все, только пятьдесятъ цѣлковыхъ извелъ! — «Ну ничего, говоритъ, а теперь всякое лыко въ строку; время спѣшное; напиши-ка рапортъ, заднимъ числомъ, что зануждался, да впередъ просишь жалованья 50 руб. Я такъ и покажу по начальству, что тебѣ впередъ выдано.... Ну, что̀жь господа! Какъ вы думаете? вѣдь я и рапортъ написалъ!

— Ну, что̀ же, — ну, чѣмъ же, — ну, какъ это кончилось?

— Только-что написалъ я рапортъ, сударики вы мои, вотъ чѣмъ кончилось. На завтра же, на другой же день, ранехонько по утру пакетъ за казенной печатью. Смотрю — и что̀жь обрѣтаю? Отставка! Дескать, сдать дѣла, свести счеты, а самому итти на всѣ стороны!

— Какъ такъ?

— Да ужь и я тутъ благимъ-матомъ крикнулъ: какъ такъ! сударики! Чего, въ ушахъ зазвенѣло! Я думалъ спроста, анъ пѣтъ ревизоръ въ городъ въѣхалъ. Дрогнуло сердце мое! Ну, думаю, не спроста! да такъ какъ былъ къ Ѳедосѣю Николаичу; что̀? говорю. — А что̀жь? говоритъ. — Да вотъ же отставка! — Какая отставка? — А это? — Ну, что̀жь и отставка-съ! — Да какъ же, развѣ я пожелалъ? — А какъ же вы подали-съ, 1-го апрѣля вы подали; (а бумагу-то я не взялъ назадъ!) Ѳедосѣй

Николаичъ! да васъ ли слышатъ уши мои, васъ ли видятъ очи мои! — Меня-съ, а что̀-съ? — Господи Богъ мой! — Жаль мнѣ, сударь, жаль, очень жаль, что такъ рано службу оставить задумали! Молодому человѣку нужно служить, а у васъ, сударь, вѣтеръ началъ бродить въ головѣ. А насчетъ аттестата будьте покойны: я позабочусь. Вы же такъ хорошо себя всегда аттестуете-съ! — Да вѣдь я жь тогда шуточкой, Ѳедосѣй Николаичъ, я-жь не хотѣлъ, я такъ подалъ бумагу, для родительскаго вашего.... вотъ! — Какъ-съ вотъ! Какое, сударь, шуточкой! Да развѣ такими бумагами шутятъ-съ? да васъ за такія шуточки когда-нибудь въ Сибирь упекутъ-съ. Теперь прощайте, мнѣ некогда-съ, у насъ ревизоръ-съ, обязанности службы прежде всего; вамъ бить баклуши, а намъ тутъ сидѣть за дѣлами-съ. А ужь я васъ тамъ какъ слѣдуетъ аттестую-съ. — Да еще-съ, вотъ я домъ у Матвѣева сторговалъ, переѣдемъ на дняхъ, такъ ужь надѣюсь, что не буду имѣть удовольствія васъ на новосельѣ у себя увидѣть. Счастливый путь! — Я домой со всѣхъ ногъ: пропали мы, бабушка! взвыла она, сердечная; а тутъ, смотримъ, бѣжитъ казачокъ отъ Ѳедосѣя Николаича, съ запиской и съ клѣткой, а въ клѣткѣ скворецъ сидитъ; это я ей отъ избытка чувствъ скворца подарилъ говорящаго; а въ запискѣ стоитъ: *1-е апрѣля*, а больше и нѣтъ ничего. Вотъ господа, что̀, какъ вы думаете-съ?!

— Ну, что̀ же, что̀ же дальше???

— Чего дальше! встрѣтилъ я разъ Ѳедосѣя Николаича, хотѣлъ было ему въ глаза подлеца сказать....

— Ну!

— Да какъ-то не выговорилось, господа!

ЕВГЕНІЯ ГРАНДЕ́.

РОМАНЪ Г–НА ОНОРЕ́ ДЕ–БАЛЬЗАКА.

ПЕРЕВОДЪ Ѳ. ДОСТОЕВСКАГО.

SCÈNES

DE

LA VIE DE PROVINCE

PAR

M. DE BALZAC.

premier volume.

PARIS.

MADAME CHARLES-BÉCHET, ÉDITEUR,

QUAI DES AUGUSTINS, N. 59.

1834.

Титульный лист первого издания
романа Бальзака «Евгения Гранде»,
с которого делал перевод Достоевский.

ЕВГЕНІЯ ГРАНДЕ́.

РОМАНЪ Г–НА ОНОРЕ́ ДЕ–БАЛЬЗАКА*.

Глава I.

Провинціальные типы.

Иногда въ провинціи встрѣчаешь жилища, съ виду мрачныя и унылыя, какъ древніе монастыри, какъ дикія грустныя развалины, какъ сухія, безплодныя, обнаженныя степи; загляпувъ подъ крыши этихъ жилищъ, и въ–самомъ–дѣлѣ часто найдешь жизнь вялую, скучную, напоминающую своимъ однообразіемъ и тишину монастырскую, и скуку обнаженныхъ, дикихъ степей.

Право, проходя возлѣ дверей такого дома, невольно сочтешь его необитаемымъ; но скоро однакожь разувѣришься: подождавъ немного, непремѣнно увидишь сухую, мрачную фигуру хозяина, привлеченнаго къ окну шумомъ шаговъ на улицѣ.

Такой мрачный видъ унынія, казалось, былъ отличительнымъ признакомъ одного дома въ городѣ Сомюрѣ. — Домъ стоялъ на концѣ улицы, неровной, кривой, ведущей къ старинному замку; улица эта, почти всегда пустая и молчаливая, замѣчательна

* Это одинъ изъ первыхъ и, безспорно, изъ лучшихъ романовъ плодовитаго Бальзака, который, въ послѣднее время, замѣтно *изписался*. Сколько намъ извѣстно, романъ этотъ въ русскомъ переводѣ напечатанъ не былъ, а потому мы надѣемся угодить многимъ изъ нашихъ читателей, помѣстивъ его въ "Репертуарѣ и Пантеонѣ". *(Прим. ред. журнала.)*

звонкостію своей неровной, булыжной мостовой, всегда сухой и чистой, своею тѣснотою и угрюмымъ видомъ домовъ, прилежащихъ къ старому городу, надъ которымъ возвышаются древнія, полуразвалившіяся укрѣпленія.

Дома̀ крѣпки и прочны, хотя бо̀льшею частію выстроены изъ дерева, и нѣкоторые существуютъ уже около трехъ вѣковъ. Странная архитектура придаетъ городу видъ древности и оригинальности и обращаетъ на себя вниманіе художника и антикварія. Напримѣръ, невольно бросятся въ глаза огромныя толстыя доски, прорѣзанныя хитрою причудливою рѣзьбою, и замѣняющія карнизы надъ нижними этажами домовъ. Потомъ концы брусьевъ поперечныхъ стѣнъ, покрытые аспиднымъ камнемъ; они рисуются синими полосами на фасадѣ строенія съ высокою, острою кровлею, полусогнившею отъ дѣйствія солнца и дождя, и погнувшеюся подъ тяжестію годовъ. Далѣе, подоконники, старые, ветхіе, почернѣвшіе отъ времени, и съ сгладившеюся рѣзьбою; вотъ такъ и смотришь, что они тотчасъ рухнутъ подъ тяжестію какого-нибудь цвѣточнаго горшка, выставленнаго на окнѣ бѣдной, трудолюбивой гризетки. Непремѣнно остановятъ вниманіе ваше эти массивныя двери, убитыя тяжолыми гвоздями, испещренныя іероглифами и надписями. Смыслъ надписей различенъ; здѣсь одна дышетъ протестантскимъ фанатизмомъ; тамъ читаешь проклятіе лигёра Генриху IV-му; словомъ, найдете все — исторію, лѣтописи, преданія. Возлѣ бѣднаго, оштукатуреннаго домика, отдѣланнаго стругомъ и топоромъ незатѣйливаго плотника, возвышаются палаты дворянина; на дверяхъ еще замѣтны остатки гербовъ и девизовъ, разбитыхъ и изломанныхъ въ революцію, взволновавшую край въ 1789 году.

Подвальные этажи домовъ купеческихъ непохожи ни на лавки, ни на магазины; любители древности и среднихъ вѣковъ полюбуются лишь старинными *мастерскими* нашихъ предковъ, стариною простою и наивною. Эти подвалы мрачны, глубо̀ки, безъ украшеній, ни снаружи, ни внутри, безъ оконъ, безъ стеколъ. Дверь половинчатая, толстая, обита желѣзомъ; одна половинка неподвижна, другая, съ прикрѣпленнымъ къ ней колокольчикомъ, цѣлый день скрипитъ, звонитъ, въ движеніи. — Свѣтъ и воздухъ проходятъ въ сырой подвалъ или сверху, или чрезъ отверзтіе, начинающееся отъ самого свода или потолка. Въ немъ утверждаются по ночамъ ставни, которыя закрѣпляются толстыми желѣзными полосами; днемъ ставни снимаются, и

вмѣсто нихъ раскладываются товары. Товары на-лицо, обмана нѣтъ. Выставленные образчики состоятъ изъ двухъ или трехъ кадокъ съ соленой трескою, изъ нѣсколькихъ кусковъ парусины, веревокъ, обручей, разставленныхъ вдоль стѣны, и половинокъ сукна на полкахъ. Войдете: дѣвушка, опрятно одѣтая, хорошенькая, молоденькая, въ бѣлой косыночкѣ, съ пухленькими, красными ручками, оставляетъ свое рукодѣлье, встаетъ, зоветъ отца или мать. Кто нибудь изъ нихъ входитъ и отмѣриваетъ вамъ товару или на два су или на двадцать тысячь франковъ; купецъ флегматикъ услужливъ или гордъ, смотря по своему обыкновенію.

Вы встрѣчаете купца у дверей его дома. Ему, кажется, не́чего дѣлать, и вотъ онъ уже цѣлой часъ болтаетъ съ сосѣдомъ. Заглянете въ его лавку: въ ней валяется нѣсколько обручей и кучка бочарныхъ досокъ; но на пристани, магазина его станетъ на всѣхъ бочаровъ анжуйскихъ. По урожаю винограда онъ разсчитываетъ барышъ и товаръ до послѣдней доски. Солнце свѣтитъ — онъ богачъ, дождь — онъ разоренъ. Часто въ одно утро цѣна на бочки возвышается вдругъ до одиннадцати франковъ или спадаетъ до 6-ти ливровъ за штуку. Здѣсь, какъ и въ Турени, погода — все въ торговлѣ. Виноградчики, помѣщики, продавцы лѣсу, бочары, трактирщики, судовщики, у всѣхъ одна тоска, одна забота — погода. Ложась спать, боятся ночнаго мороза. Проклинаютъ дождь, вѣтеръ, засуху, или молятъ о дождѣ, о засухѣ; вѣчная борьба природы съ разсчотами человѣческими. Барометръ сводитъ съ ума, или веселитъ весь городъ и разглаживаетъ морщины на самыхъ угрюмыхъ лицахъ.

— Золотое время! говоритъ сосѣдъ сосѣду въ старой сомюрской улицѣ: ни облачка!

— Червонцами задождитъ, отвѣчаетъ сосѣдъ, разсчитывая барышъ по лучу солнечному.

Лѣтомъ, въ субботу, часовъ въ десять вечера, ни въ какой лавкѣ вамъ не продадутъ ни на копѣйку товару. У каждаго купца есть какой-нибудь клочокъ землицы, виноградникъ, или хоть какой-нибудь огородъ, и хозяинъ ѣдетъ дня на два погостить за городомъ. Обдѣлавъ дѣла свои въ городѣ, покупки, продажу, сладивъ барышъ, купецъ покоенъ и выгадываетъ изъ 12 почти 10 часовъ на удовольствія, на пересуды, на толки и на подсматриваніе за сосѣдомъ. Хозяйка купитъ куропатку, кумушки освѣдомляются у хозяина, хорошо-ли ее приготовили? Бѣда дѣвушкѣ, не кстати взглянувшей въ окошко; ее оговорятъ, засмѣ-

ютъ, пересудятъ, осудятъ. Все на-лицо; каждый домъ къ услугамъ сосѣдей, и ужъ какъ не огораживайся и не запирайся, а изъ дому успѣютъ во́-время вынести соръ.

Здѣсь живутъ не подъ кровлей, а на чистомъ воздухѣ: каждое семейство располагается у дверей своего дома, завтракаетъ, обѣдаетъ, споритъ, ссорится. Всякій прохожій замѣченъ. Еще съ старыхъ временъ умѣли въ провинціальныхъ городкахъ осмѣять и оговорить иностранца, но объ этомъ долго разсказывать. Скажу только, что отъ этого-то и окрестили въ *болтливыхъ* жителей Анжера, особенно отличавшихся сплетнями и пересудами.

Палаты дворянъ, *отели*, нѣкогда ими обитаемыя, расположены въ старомъ городѣ. Домъ мрачный и угрюмый, куда сейчасъ перенесемъ мы читателей, былъ изъ числа этихъ древнихъ зданій — остатокъ старыхъ дѣлъ, памятникъ стараго времени, времени простаго и незатѣйливаго, отъ котораго давно уже мы отреклись и отступились.

Пройдя съ вами по дорогѣ, такъ богатой воспоминаніями, навѣвающими и грусть, и думу о прошедшемъ, я укажу вамъ на это мрачное, скучное зданіе: *это домъ господина Гранде́*.

Но мы не поймемъ всего значенія, всего смысла фразы: *домъ господина Гранде́*. Нужно познакомиться сначала съ самимъ господиномъ Гранде́.

Кто не живалъ въ провинціи, тому трудно будетъ объяснить себѣ мнѣніе и мысли сомюрскихъ жителей на-счотъ господина Гранде́. Этотъ господинъ, (есть еще въ Сомюрѣ люди, которые за-просто говорятъ о немъ: старикъ Гранде́, папа Гранде́; но они давно уже замѣтно начали переводиться), такъ этотъ-то господинъ Гранде́, въ 1789 году, былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ простой бочаръ; дѣла его шли нехудо; онъ умѣлъ писать, читать и считать.

Когда Французская Республика объявила о продажѣ монастырскихъ имѣній, Гранде́, которому было тогда уже лѣтъ подъ-сорокъ, женился на дочери богатаго купца, торговавшаго лѣсомъ. Совокупивъ свой капиталъ съ приданымъ жены своей, и доставъ сверхъ-того 2000 луидоровъ, онъ положилъ свои деньги въ карманъ и явился въ казначейство округа. Тамъ, сунувъ оборванному санкюлоту золотую взятку въ 200 луидоровъ, занятыхъ у тестя, законно и справедливо вступилъ онъ во владѣніе лучшими плантаціями округа, старымъ аббатствомъ и сколькими-то фермами и арендами.

Сомюрскіе жители любили тишину и не любили революцію. Между-тѣмъ Гранде́ прослылъ смѣлымъ, отважнымъ республиканцемъ, патріотомъ, человѣкомъ, понимавшимъ новое время и новыя идеи, тогда-какъ онъ только и мыслилъ о торговлѣ, да о виноградникахъ. Его сдѣлали членомъ управленія сомюрскаго округа, и Гранде́ удалось оставить впечатлѣніе и въ управленіи, и въ торговлѣ.

Въ первомъ отношеніи онъ покровительствовалъ блаженной памяти дворянамъ и всѣми силами старался замедлить и даже уничтожить продажу земель эмигрантовъ. Что̀ касается до торговли, то ему удалось сдѣлать превыгодный оборотъ поставкою въ армію до двухъ тысячь бочекъ бѣлаго вина. Въ уплату онъ выговорилъ себѣ прекрасныя луга, принадлежавшія женскому монастырю, хотя правительство берегло эти луга и опредѣлило продавать послѣдними.

Наступила эпоха консульства. Почтенный, уважаемый Гранде́ былъ сдѣланъ меромъ; судилъ хорошо, торговалъ еще лучше. Во-время имперіи Гранде́ сталъ называться *господиномъ Гранде́*. Наполеонъ не любилъ республиканцовъ, а такъ-какъ Гранде́ былъ во-время-о́но санкюлотомъ, то онъ смѣнилъ его, назначивъ на его мѣсто богатаго помѣщика, человѣка съ надеждами, будущаго барона Имперіи. Господинъ Гранде́ безъ сожалѣнія сложилъ съ себя атрибуты власти гражданской. Въ правленіе свое, ради казенной выгоды, надѣлалъ онъ прекрасныхъ дорогъ изъ города въ свои помѣстья; домъ и земли его были весьма-выгодно кадастрированы; платить налоги приходилось ему самые умѣренные. Его огороды и виноградники, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ, стали въ первомъ разрядѣ по достоинству, и служили образцами для другихъ хозяевъ. Чего-же болѣе? Оставалось развѣ попросить орденъ Почетнаго-легіона.

Все это было въ 1806 году; Гранде́ было тогда 57 лѣтъ; женѣ его около 36 лѣтъ. Ихъ единственная дочь, плодъ законнаго супружества, была лѣтъ десяти.

Въ этомъ году судьба, вѣроятно, хотѣвшая утѣшить его въ неудачахъ политическихъ, доставила ему одно за другимъ три наслѣдства. Сперва послѣ матери госпожи Гранде, урожденной де Ла-Бертельеръ; потомъ отъ старика дѣдушки г-жи Гранде́; и наконецъ отъ г-жи Жантильи, его бабушки по матери. Никто не зналъ цѣны этимъ тремъ наслѣдствамъ. Покойные, всѣ трое, были такъ скупы, что держали въ сундукахъ мертвые капиталы, и втайнѣ наслаждались своими сокровищами. Старикъ Ла-Бер-

тельеръ не хотѣлъ ни за что̀ пустить въ оборотъ своихъ денегъ, называлъ всѣ обороты мотовствомъ, расточительностію, и находилъ болѣе выгоды въ созерцаніи сокровищъ своихъ, нежели отдавая ихъ на проценты.

Въ Сомюрѣ разсчитали наслѣдство *по солнцу*, т. е. по ежегодному доходу съ виноградниковъ.

Теперь Гранде́, вопреки всевозможнымъ идеямъ о равенствѣ, озолотивъ себя, сталъ выше всѣхъ, и сдѣлался важнымъ лицомъ въ своемъ городѣ. У него было 140 арпановъ земли подъ виноградниками; въ хорошіе годы получалъ онъ съ нихъ отъ 1000 до 1200 бочекъ вина; тринадцать фермъ; старое аббатство и болѣе 127 арпановъ земли подъ лугами, на которыхъ росли 3000 тополей, посаженныхъ въ 1793 году; наконецъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ его собственный. Это было на-виду. Что̀-же касается до капиталовъ, то въ цѣломъ Сомюрѣ было всего два человѣка, которые могли что-нибудь знать объ этомъ; то были: г-нъ Крюшо́, нотаріусъ, ходокъ по денежнымъ дѣламъ и оборотамъ г-на Гранде́, а другой господинъ де-Грассе́нъ, богатѣйшій банкиръ въ Сомюрѣ; съ нимъ, по-тихоньку, старикъ обработывалъ кой-какія сдѣлки. Но хотя Крюшо́ и де-Грассе́нъ вели дѣла скрытно и въ глубокой тайнѣ, но въ обществѣ они выказывали Гранде́ такое глубочайшее уваженіе, что наблюдатели, взявъ это уваженіе за общую мѣру, могли по пальцамъ добраться до итоговъ имущества бывшаго мера.

Словомъ, въ Сомюрѣ не было никого, ктобы не былъ твердо увѣренъ, что у Гранде́ спрятанъ гдѣ-нибудь кладъ, сундучокъ съ червонцами, тайная радость, тайное наслажденіе старика. Скупые особенно готовы были присягнуть въ этомъ, изучивъ взглядъ старика, взглядъ горящій какимъ-то отблескомъ завѣтнаго металла. Взоръ человѣка, привыкшаго смотрѣть на золото, наслаждаться имъ, блеститъ какимъ-то неопредѣленнымъ, тайнымъ выраженіемъ, схватываетъ извѣстные оттѣнки, усвоиваетъ необъяснимыя привычки, какъ взглядъ развратника, игрока или придворнаго; взоръ этотъ быстръ и робокъ, жаденъ, таинственъ; обычные его знаютъ, научились ему; это условный знакъ, *франмасонство* страсти.

Итакъ Гранде́ пользовался всеобщимъ почтеніемъ и уваженіемъ, какъ человѣкъ, который никогда никому не былъ долженъ, какъ человѣкъ ловкій, опытный во всякомъ дѣлѣ и во всякой сдѣлкѣ. Напримѣръ, старый бочаръ умѣлъ съ необыкновенною точностію опредѣлить, нужно-ли ему 1000 бочекъ или

500 при настоящемъ сборѣ. Наконецъ, какъ человѣкъ, которому удались всѣ спекуляціи, у котораго всегда было нѣсколько бочонковъ въ продажѣ въ то время, какъ дешевѣли деньги; который умѣлъ при-случаѣ спрятать товаръ свой въ подвалы и выждать время, когда бочонокъ вина будетъ стоить 200 франковъ, тогда какъ другіе продавали свое вино по пяти луидоровъ за бочку. Такъ въ 1811 году, богатый сборъ винограда былъ умно припрятанъ, медленно проданъ, и Гранде выигралъ 240,000 ливровъ одной осторожностію. Въ коммерціи онъ былъ ловокъ, жаденъ, силенъ, какъ тигръ, какъ боа. Онъ умѣлъ-при случаѣ спрятать свои когти, свернуться въ клубокъ, выждать минуту, и наконецъ броситься на жертву. Потомъ онъ растягивалъ ужасную пасть кошеля своего, сыпалъ въ него червонцы, завязывалъ, пряталъ кошель, и все это самодовольно, холодно, методически.

Никто, при встрѣчѣ съ нимъ, не могъ освободиться отъ особеннаго чувства тайнаго уваженія, удивленія и страха. Кто въ Сомюрѣ не попробовалъ его холодныхъ, острыхъ когтей? Тому Крюшо съумѣлъ достать денегъ для покупки земли, да по осьми на сто; тому де-Грассенъ размѣнялъ вексель, да съ огромнымъ учотомъ. Не было дня, чтобы имя Гранде не упоминалось или въ конторахъ купцовъ, или въ вечернихъ собраніяхъ и разговорахъ горожанъ. Были люди, которые гордились богатствомъ старика, хвастаясь имъ какъ національною славою. Часто слышали, какъ какой-нибудь купецъ или трактирщикъ, съ тайнымъ удовольствіемъ говарисалъ заѣзжимъ:

— Да, сударь, водятся и у насъ богачи, милліонеры, два, три дома. Что-же касается до господина Гранде́, такъ ужъ врядъ-ли и самъ-то онъ перечтетъ свое состояніе.

Въ 1816 году, опытные люди разсчитывали недвижимое богатство старика почти въ три съ половиною милліона. Но какъ съ 1793 по 1817, однихъ доходовъ съ земель было ежегодно 100 съ чѣмъ-то тысячъ франковъ, то можно было заключать, что и наличныхъ было у него на такую-же сумму. И когда, бывало, по окончаніи партіи въ бостонъ, солидные люди разговорятся о томъ, о семъ, наконецъ сведутъ на старика Гранде́, и скажутъ напримѣръ:

— У старика Гранде теперь есть вѣрныхъ шесть милліоновъ....

То Крюшо и де-Грассе́нъ, если слышали слова эти, всегда прибавляли съ какою-то таинственностію:

— Дальновиднѣе-же вы насъ! Намъ такъ никогда почти не удавалось свести вѣрныхъ счотовъ.

Заѣзжій парижанинъ скажетъ, бывало, слово, другое о Ротшильдѣ или о Лафитѣ, Сомюрцы тотчасъ спросятъ, «также-ли богаты они, какъ, напримѣръ, Гранде́?» И ежели имъ отвѣчали насмѣшливою улыбкою, то они покачивали головами въ знакъ недовѣрчивости.

Дѣла и слова старика покрывались золотою крышкою, и если въ частной жизни его и встрѣчалось что-нибудь смѣшное, странное, то рѣшительно никто не находилъ этого ни смѣшнымъ, ни страннымъ. Гранде́ былъ для всѣхъ образцомъ въ Сомюрѣ, авторитетомъ. Его слова, одежда, ухватки, косой взглядъ, считались законами, рѣшеніями. Изъ каждаго поступка, движенія его, выводили слѣдствія, и всегда почти вѣрныя и безошибочныя.

— Зима будетъ холодная; Гранде́ надѣлъ уже теплыя перчатки. Не худо позаботиться о продажѣ.

Или:

— Гранде́ закупаетъ много досокъ. Славное вино будетъ въ этомъ году!

Никогда Гранде́ не покупалъ ни хлѣба, ни мяса. Каждую недѣлю фермеры приносили ему сколько было нужно овощей, куръ, яицъ, масла и зерноваго хлѣба. У него была своя мельница, и мельникъ, не въ-счотъ договора, долженъ былъ въ извѣстное время являться къ нему за зерномъ, смолоть и представить его мукою. Длинная Нанета, единственная служанка въ цѣломъ домѣ, довольно-пожилая, сама пекла по субботамъ хлѣбъ на все семейство. Плодовъ Гранде́ собиралъ такъ много, что продавалъ ихъ на рынкѣ. Дрова рубились въ его заказникахъ, или употреблялись вмѣсто нихъ старыя, полусгнившія изгороди, обходившія кругомъ поля его. Фермеры-же рубили и дрова и, изъ учтивости, сами складывали ихъ въ сараи, за что̀ онъ обыкновенно былъ имъ *благодаренъ*. Единственныя издержки его были: *туалетъ* жены и дочери, плата за ихъ два мѣста въ церкви и за просфоры, свѣчи, жалованье длинной Нанеты, луженіе ея кострюль, издержки судебныя на купчія, квитанціи и залоги; наконецъ на поправку его строеній. У него было 300 арпановъ лѣсу (недавно купленнаго); надзирали за нимъ сторожа сосѣдей, за что̀ *обѣщалъ* онъ имъ дать жалованье. Только послѣ покупки лѣсу на столѣ у него стала появляться дичь.

Говорилъ онъ мало. Всѣ пріемы его были весьма-просты и обыкновенны. Изъяснялся онъ коротко, дѣльно, голосомъ тихимъ. Съ самой революціи, когда впервы́е онъ обратилъ на себя вниманіе, чудакъ началъ заикаться, особенно съ нимъ это случалось въ какомъ-нибудь спорѣ, или когда приходилось долго говорить. Но заиканіе, также какъ и многословіе, несвязность рѣчи и недостатокъ въ ней логическаго порядка, были чистымъ притворствомъ, а не недостаткомъ образованія, какъ полагали нѣкоторые. Мы объяснимъ эту исторію въ-послѣдствіи. Впрочемъ онъ не затруднялся разговоромъ и съ него довольно было четырехъ фразъ, словно четырехъ алгебрическихъ формулъ, для возможныхъ счотовъ, разсчотовъ и разсужденій въ его частной и домашней жизни; вотъ онѣ:

— Я не знаю.

— Не могу!

— Не хочу!

— А... а... а... посмотримъ.

Ни *да*, ни *нѣтъ* — этихъ словъ онъ особенно не терпѣлъ. Весьма не любилъ также писать. Когда съ нимъ разговаривали, онъ хладнокровно и внимательно слушалъ, придерживая одною рукою подбородокъ, тогда-какъ другая рука придерживала локоть первой. На все у него было свое мнѣніе, разъ принятое и неуступчивое. Въ ничтожнѣйшихъ сдѣлкахъ онъ обыкновенно долго не рѣшался, раздумывалъ, соображалъ, и когда противникъ, считая наконецъ дѣло за собою, чуть-чуть проговорится, Гранде́ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, не могу! нужно посовѣтоваться съ женою; безъ нея, вы знаете, я ни шагу не дѣлаю.

А жена его, сущая илотка, была доведена имъ до полнѣйшей инерціи. Въ сдѣлкахъ, какъ сейчасъ замѣтили мы, она у него была въ родѣ щита. Гранде́ ни съ кѣмъ не знакомился, никого не звалъ къ себѣ, да и самъ ни къ кому не ходилъ. Онъ не любилъ шума, и скупился даже и на движеніе. Ни у кого ничего не трогалъ и никого не безпокоилъ, изъ уваженія къ собственности. Впрочемъ, не смотря на свое сладкорѣчіе, двусмысленность и осторожность, бочаръ всегда выказывался настоящимъ бочаромъ, въ словахъ и ухваткахъ, особенно дома, гдѣ онъ не любилъ удерживаться.

Съ-виду Гранде́ былъ футовъ пяти ростомъ, плотный и здоровый. Ноги его были 12 дюймовъ въ окружности; мускулистъ и широкоплечъ. Лицо круглое и рябоватое. Подбородокъ

его былъ прямой, губы тонкія и ровныя, зубы бѣлые. Взглядъ мягкій, ласковый, жадный, взглядъ василиска. Лобъ изрѣзанный морщинами, съ замѣчательными выпуклостями. Волосы его желтѣли и сѣдѣли, все въ одно время, — *золото* и *серебро*, по выраженію охотниковъ пошутить, вѣроятно, незнавшихъ, что съ Гранде́ не шутятъ. На толстомъ носу его висѣла красная шишка. Цѣлое выражало тихость сомнительную, холодную честность и эгоизмъ скупца. Замѣчали еще въ немъ одно — привязанность, любовь къ своей дочери Евгеніи, единственной наслѣдницѣ. Походка, пріемы выражали самоувѣренность, удачу во всемъ; и дѣйствительно, Гранде́, хотя тихій и уклончивый, былъ твердаго, желѣзнаго характера.

Одежда его была всегда одинаковая; въ 1820 году онъ одѣвался точно также, какъ и въ 1791 году. Толстые башмаки съ мѣдными застежками, нитяные чулки; панталоны короткіе, толстаго темнаго сукна съ серебряными пуговками; шерстяной жилетъ съ жолтыми и темными полосками, застегнутый сверху до низу, и просторный, каштановаго цвѣта сюртукъ, бѣлый галстукъ, и широкополая квакерская шляпа; перчатки у него были толстыя, неуклюжія, — въ два года одна пара; всегда методически раскладывалъ онъ ихъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, на поляхъ своей шляпы.

Болѣе ничего не знали о немъ въ Сомюрѣ. Шесть лицъ имѣли право посѣщать его домъ.

Самымъ значительнымъ лицомъ изъ первыхъ трехъ, былъ племянникъ нотаріуса Крюшо́. Послѣ своего назначенія президентомъ сомюрскаго суда первой инстанціи, Крюшо́, племянникъ, къ фамиліи своей присоединилъ еще словцо *де-Бонфонъ*, и всѣми силами старался называться просто *де-Бонфонъ*, а потому обыкновенно подписывался К. де-Бонфонъ. Неловкій проситель г-на *Крюшо́*, забывшій *де-Бонфона*, поздно уже замѣчалъ свою ошибку. Президентъ особенно покровительствовалъ тѣмъ, кто называлъ его президентомъ, но льстилъ, улыбался, дружилъ тому, кто называлъ его *де-Бонфономъ*. Президенту было 33 года. *Бонфонъ* было названіе его помѣстья (Bonae Fontis), приносившаго ему тысячь до семи ливровъ дохода. Кромѣ того онъ былъ единственнымъ наслѣдникомъ своего дяди нотаріуса и другаго дяди, аббата Крюшо́; оба они слыли довольно-богатыми. Трое Крюшо́, поддерживаемые порядочнымъ числомъ кузеновъ, кузинъ и роднею почти двадцати домовъ сомюрскихъ,

составляли свою особую партію, какъ нѣкогда фамилія *Пази* во Флоренціи, и подобно *Пази*, Крюшо́ имѣли противниковъ.

Г–жа де–Грассе́нъ, мать двадцати–трехъ–лѣтняго юноши, частенько приходила къ г–жѣ Гранде́, составлять съ нею партію въ лото̀, надѣясь непремѣнно женить *своего возлюбленнаго Адольфа* на дѣвицѣ Евгеніи Гранде́. Г–нъ де–Грассенъ, банкиръ, помогалъ женѣ безпрерывными маленькими услугами старому скупцу, и всегда во̀–время поспѣвалъ на поле битвы. Трое де–Грассе́новъ имѣли тоже вѣрныхъ союзниковъ–кузеновъ, кузинъ и т. п.

Со стороны–же Крюшо́ работалъ ихъ аббатикъ, Талейранъ въ миньятюрѣ, и достославно поддерживаемый братомъ нотаріусомъ, съ честію выдерживалъ бой съ банкиршой, въ пользу своего племянника, президента. Битвы де–Грассе́новъ съ тремя Крюшо́ и ихъ партіей за Евгенію возбуждали большое вниманіе въ Сомюрѣ.

Кому–то достанется Евгенія: президенту или Адольфу де–Грассѐну?

Задачу разрѣшали тѣмъ, что–де не достанется ни тому ни другому, что бочаръ зазнался, и хочетъ имѣть своимъ зятемъ не иначе, какъ пе́ра Франціи, который–бы рѣшился взять въ придачу къ 200,000 ливровъ годоваго дохода, всѣ бочки своего тестюшки.

Другіе выставляли на видъ дворянство и богатство де–Грассѐновъ; говорили, *что Адольфъ ловокъ, хорошъ собою, и что кого–же и выбрать, ежели не его? Развѣ ужъ найдется какой–нибудь папскій племянникъ, — тогда дѣло другое, а что и теперь уже много чести Грандѐ, котораго весь Сомюръ видѣлъ съ долотомъ въ рукѣ и когда–то санкюлотомъ.* Наблюдатели замѣтили, что г. Крюшо́ де–Бонфонъ могъ ходить къ старику во всякое время, а Адольфъ де–Грассе́нъ только по воскресеньямъ. Говорили, что г–жа де–Грассенъ не такова, чтобы уступить въ дѣлѣ; имъ отвѣчали, что аббатъ Крюшо́ претонкая штука, и что если сойдутся гдѣ аббатъ да женщина, такъ силы всегда одинаковы.

Старожилы полагали, что Гранде́ не захотятъ выпустить добра изъ фамиліи. По ихъ мнѣнію Евгенія непремѣнно выйдетъ за своего кузена, сына купца Вильгельма Гранде́, богатѣйшаго откупщика въ Парижѣ. Обѣ сомюрскія партіи возражали имъ тѣмъ, что во–первыхъ, старики уже тридцать лѣтъ какъ не видались другъ съ другомъ; во–вторыхъ, что парижанинъ не

такъ думаетъ устроить судьбу своего сына, что онъ меръ округа, депутатъ, полковникъ національной гвардіи, судья въ коммерческомъ судѣ. Что онъ давно уже отступился отъ сомюрскихъ Гранде́, и ищетъ сыну дочь какого-нибудь дешевенькаго наполеоновскаго герцога.

И много было еще говорено о богатой наслѣдницѣ, почти двадцать миль кругомъ и даже въ омнибусахъ, ходившихъ между Блуа и Анжеромъ.

Въ началѣ 1818 года побѣда была совершенно на сторонѣ Крюшо́. Имѣніе Фруафондъ, славившееся своимъ великолѣпнымъ паркомъ, великолѣпнымъ за́мкомъ, фермами, прудами, рѣкою, лѣсомъ, поступило въ продажу; молодой маркизъ де-Фруафондъ продавалъ его по-необходимости, нуждаясь въ деньгахъ. Крюшо́ съ союзниками упросили маркиза не продавать имѣнія по частямъ. Нотаріусъ представилъ ему всѣ невыгоды, всѣ хлопоты продажи по участкамъ, особенно въ полученіи денегъ съ покупателей, что-де лучше продать все разомъ и вотъ, напримѣръ, хоть Гранде́ готовъ заплатить хоть сейчасъ. Тогда владѣніе Фруафондъ было куплено старикомъ, и онъ, къ величайшему удивленію Сомюрцовъ, заплатилъ, не поморщившись, всѣ пять милліоновъ, чистыми деньгами, звонкою монетою. Объ этой покупкѣ стали говорить и въ Нантѣ, и въ Орлеанѣ.

Гранде́ сѣлъ въ тележку, возвращавшуюся по-случаю изъ Сомюра въ Фруафондъ, и поѣхалъ осматривать свои помѣстья. — Онъ воротился весьма-довольный тѣмъ, что помѣстилъ свои капиталы по пяти на сто, и тутъ-же задумалъ округлить маркизатъ Фруафондъ, присоединивъ къ нему и свои земли. — Но чтобы насы́пать снова сундукъ свой, онъ рѣшился вырубить свои лѣса́ и тополи на лугахъ аббатства Нойе́.

Теперь понятна-ли будетъ вся значительность выраженія — *домъ господина Гранде*? — Домъ этотъ былъ наружности мрачной, угрюмой, а выстроенъ былъ онъ въ самой высшей части города, возлѣ развалинъ старинныхъ укрѣпленій. Два столба со сводомъ, составлявшія входъ, были построены изъ бѣлаго лоарскаго камня, слабаго, мягкаго, невыносившаго болѣе 200 лѣтъ при постройкахъ.

Множество углубленій, дыръ и трещинъ неправильной разнообразной формы, изрытыхъ временемъ въ столбахъ и на сводѣ входа, рисовались на нихъ причудливыми, фантастическими арабесками. Все въ цѣломъ походило нѣсколько на крыльцо

какой-нибудь городской тюрьмы. Выше свода былъ барельефъ изъ твердаго камня, съ почернѣлыми и попорченными фигурами, изображавшими четыре времени года. — Надъ барельефомъ тянулся плинтъ, изъ за котораго возвышали вершинки свои дикія растенія и деревья, случайно зародившіяся въ трещинахъ камня — жолтая стѣница, павилика, попушникъ и молоденькій вишневникъ, впрочемъ уже довольно-высокій.

Толстая дубовая дверь, чорная, потрескавшаяся, слабая съ-виду, была твердо скрѣплена толстыми желѣзными болтами, симметрически на ней расположенными. Маленькое квадратное окошечко, съ толстою заржавѣвшою рѣшоткою, было прорѣзано въ дверяхъ калитки; въ эту рѣшотку колотили молоткомъ, привязаннымъ тутъ-же къ кольцу.

Глядя сквозь рѣшотку, сквозь которую когда-то высматривали друга и недруга, можно было замѣтить въ концѣ длиннаго, темнаго свода, нѣсколько полуразбитыхъ ступеней; они вели въ садъ, живописно разбросанный около древнихъ стѣнъ укрѣпленій, позеленѣвшихъ и обросшихъ мхомъ и плющемъ. Далѣе за стѣнами, надъ укрѣпленіями, видиѣлись дома и зеленѣли сады сосѣдей.

Самая замѣчательная комната въ нижнемъ этажѣ этого дома была *зала*. — Входъ въ нее былъ прямо изъ воротъ. — Немногіе изъ обитателей маленькихъ городковъ Турени, Анжу́ и Берри понимали необходимость общей комнаты въ домѣ. — Зала въ одно и тоже время могла служить прихожею, гостиною, кабинетомъ, будуаромъ, столовою; зала — это театръ, сцена для частной семейной жизни. — Въ залѣ Гранде́ происходили всѣ обычныя семейныя собранія; въ этой комнатѣ сосѣдъ парикмахеръ два раза въ годъ приходилъ стричь волосы старика Гранде́; сюда являлись его фермеры, священникъ, префектъ и нарочный изъ мельницы.

Два окна этой комнаты выходили на улицу. — Комната была вся обита темными обоями съ старинной разрисовкой; потолокъ былъ также расписанъ въ старинномъ вкусѣ и подъ цвѣтъ обоій; все было старо и пожелтѣло отъ времени.

Комната нагрѣвалась каминомъ, надъ которымъ было вдѣлано въ стѣнѣ зеркало, зеленоватаго стекла и съ рѣзанными наискось боками, которые сіяли ярко отъ переломленій лучей свѣта въ граняхъ окраинъ зеркала.

По бокамъ камина стояли два жирандоля, мѣдные, позолоченные, съ двумя рожками. Когда снимали эти рожки со

стержня, на которомъ укрѣпленъ былъ общій конецъ ихъ, то мраморный пьедесталъ съ мѣднымъ стержнемъ, въ него вдѣланнымъ, годился для каждодневнаго употребленія, какъ обыкновенный подсвѣчникъ. Кресла и стулья стараго фасона были обиты старинными обоями, съ рисунками, изображавшими сцены изъ басенъ Лафонтена; но трудно было уже разобрать эти рисунки: такъ они были потерты и изношены отъ времени и употребленія. — По четыремъ угламъ комнаты стояли этажерки, а въ простѣнкѣ между окнами ломберный столикъ, наборной работы; верхняя складная доска его сдѣлана была въ видѣ шашечницы. — Надъ столомъ, въ простѣнкѣ, висѣлъ барометръ чорнаго дерева, съ золочонными коемочками, испачканный и изгаженный кругомъ мухами. — На стѣнѣ, противъ камина, висѣли два портрета, писанные — одинъ съ покойнаго г-на Ла-Бертельера, изображеннаго въ мундирѣ гвардіи лейтенанта; другой портретъ изображалъ покойную г-жу Жантильи, въ костюмѣ Аркадской пастушки. Передъ окнами были красиво драпированы красныя занавѣски изъ турской матеріи. — Толстые шолковые снурки связывали узлы драпировки. — Эти роскошныя занавѣски, такъ неумѣстныя въ этомъ домѣ, были выговорены господиномъ Гранде въ свою пользу при покупкѣ дома, равно какъ и зеркало, мебели и этажерки.

Въ амбразурѣ окна, ближайшаго къ двери, стояло кресло госпожи Гранде; оно возвышалось на подставкѣ, чтобы можно было смотрѣть на улицу. Передъ креслами стоялъ простенькой рабочій столикъ. Маленькія кресла Евгеніи стояли тутъ-же возлѣ окна.

И цѣлые 15 лѣтъ прошли день-за-днемъ, а мать и дочь постоянно просиживали цѣлые дни на одномъ и томъ-же мѣстѣ за своимъ рукодѣльемъ, съ апрѣля мѣсяца до самаго ноября. Съ перваго числа мать и дочь переселялись къ камину, потому-что только съ этого дня въ домѣ начиналась топка, которая потомъ и оканчивалась тридцатаго марта, не-смотря на холодные дни ранней весны и поздней осени. — Тогда длинная Нанета сберегала обыкновенно нѣсколько угольевъ отъ кухонной топки, и приносила ихъ на жаровнѣ, надъ которою мать и дочь могли отогрѣвать свои окостенѣвшіе отъ холода пальцы.

Все домашнее бѣлье лежало на рукахъ матери и дочери; весь день уходилъ у нихъ на эту работу, такъ, что когда Евгеніи хотѣлось сдѣлать какой-нибудь подарочекъ матери изъ своего рукодѣлья, то приходилось работать по-ночамъ, и вы-

прашивать у старика свѣчей. — Уже съ давнихъ временъ скряга началъ самъ выдавать свѣчи своей служанкѣ и дочери, равно какъ хлѣбъ, овощи и всю провизію для обѣда и завтрака.

Одна только *длинная Нанета* могла ужиться въ услуженіи у такого деспота, какъ старикъ Гранде́. Цѣлый городъ завидовалъ старику, видя у него такую вѣрную служанку. — Длинная Нанета, получившая свое прозваніе по богатырскому росту (5 фут. 8 дюймовъ), служила уже 35 лѣтъ у господина Гранде́. — Она была одною изъ самыхъ богатѣйшихъ служанокъ Сомюра, хотя жалованья получала всего шестьдесятъ ливровъ. — Накопившуюся сумму, около четырехъ тысячь ливровъ, Нанета отдала нотаріусу Крюшо́ на проценты. Разумѣется, эта сумма была для нея весьма значительна, и всякая служанка въ Сомюрѣ, видя у бѣдной Нанеты вѣрный кусокъ хлѣба подъ-старость дней ея, завидовала ей, не думая о томъ какими кровавыми трудами заработаны эти денежки.

Когда ей было двадцать-два года, она была безъ хлѣба и безъ пристанища; никто не хотѣлъ взять ее въ-услуженіе, по причинѣ ея необыкновенно-уродливой фигуры и, разумѣется, всѣ были несправедливы. — Конечно, еслибы природа создала ее гвардейскимъ гренадеромъ, то всякій-бы назвалъ молодцомъ такого гренадера; но, какъ говорится, все должно быть кстати. — Нанета, потерявшая, по причинѣ пожара, мѣсто на одной фермѣ, гдѣ она ходила за коровами, явилась въ Сомюръ, и, воодушевленная увѣренностію и надеждою, начала искать всюду мѣста и не унывала духомъ.

Въ это самое время Гранде́ собирался жениться и сталъ задумывать о будущемъ хозяйствѣ. — Нанета явилась кстати, тутъ какъ тутъ. — Какъ истинный бочаръ, умѣя цѣнить физическую силу въ своемъ работникѣ, Гранде́ угадалъ съ-разу всю выгоду, какую могъ извлечь, имѣя у себя Геркулеса — работницу; онъ съ наслажденіемъ смотрѣлъ на ея высокій ростъ, жилистыя руки, крѣпкіе члены; ни безобразіе лица длинной Нанеты, ни рубище, ее прикрывавшее, не устрашили Гранде́ нисколько. — Онъ принялъ ее въ свой домъ, одѣлъ, накормилъ, далъ ей работу и жалованье. — Крѣпко привязалось сердце бѣднаго созданія къ новому господину; Нанета плакала потихоньку отъ радости. — Бочаръ завалилъ ее работой. Нанета дѣлала все. Стряпала кушанье, мыла бѣлье, вставала рано, ложилась поздно, во-время жатвы готовила обѣдъ на всѣхъ работниковъ, смотрѣла за ними, какъ вѣрная собака, стояла горою за

соломинку изъ добра господскаго, и безъ ропота исполняла въ точности самыя странныя фантазіи чудака Грандѐ.

Послѣ двадцатилѣтней вѣрной службы Нанеты, въ 1811 году, въ году счастливомъ для виноградчиковъ, Грандѐ рѣшился наконецъ подарить свои старинные часы Нанетѣ; это былъ первый и единственный подарокъ старика Грандѐ. — Правда, что онъ дарилъ иногда ей и старые башмаки свои, но нельзя сказать, чтобы могла быть какая-нибудь выгода отъ старыхъ башмаковъ господина Грандѐ; они были всегда до-нѐльзя изношены. Сперва нужда, а потомъ и привычка сдѣлали Нанету скупою, и старикъ полюбилъ свою служанку, полюбилъ ее, какъ вѣрную старую собаку; — Нанета радовалась, благословляла судьбу и была счастлива.

Она не жаловалась, если, на-примѣръ, старику Грандѐ приходилось обвѣсить иногда ее при выдачѣ хлѣба и остальной провизіи. — Не жалуясь сносила иногда и голодъ, потому-что бочаръ пріучалъ всегда своихъ домашнихъ къ стражайшей діэтѣ, хотя въ этомъ домѣ никто никогда не былъ боленъ. Наконецъ Нанета стала настоящимъ членомъ семейства; она привязалась всею силою души своей ко всѣмъ членамъ этой фамиліи; она смѣялась, когда смѣялся старикъ Грандѐ, работала, когда онъ работалъ, зябла, когда ему было холодно, и отогрѣвалась, когда ему было жарко. Какъ отрадно было сердцу Нанеты, привязанному святымъ, безкорыстнымъ чувствомъ благодарности къ благодѣтелю своему, въ свычкѣ съ нимъ, въ неограниченной къ нему преданности. — Никогда, ни въ чомъ не могъ упрекнуть сварливый, скупой Грандѐ свою вѣрную Нанету; ни одна кисть винограда не была взята ею безъ позволенія; ни одна груша, упавшая съ дерева, съѣдена потихоньку; Нанета берегла, хранила все, заботилась обо всемъ.

— Ну, ѣшь, Нанета, полакомься, говорилъ иногда Грандѐ, обходя свой садъ, гдѣ вѣтви ломались отъ изобилія плодовъ, которые бросали свиньямъ, не зная куда дѣвать излишекъ.

Отрадно было бѣдному созданію, когда старикъ изволилъ смѣяться, забавляться съ ней: это было очень, очень-много для бѣдной дѣвушки, призрѣнной Христа-ради, вытерпѣвшей одни лишенія да побои. — Сердце ея было просто и чисто, и душа свято хранила чувство благодарности. — Живо помнила она, какъ, тридцать-пять лѣтъ назадъ, она явилась на порогѣ этого дома, бѣдная, голодная, въ рубищѣ, и съ босыми ногами, и какъ Грандѐ встрѣтилъ ее вопросомъ:

— Ну, что́–жъ тебѣ нужно, красавица?

И сердце дрожало въ груди ея при одномъ воспоминаніи объ этомъ днѣ. Иногда Гранде́ приходило въ мысль, что его бѣдняжка Нанета въ цѣлую жизнь не слыхала отъ мужчины слова привѣтливаго, не знала, не испытала ни одного наслажденія въ жизни, самаго невиннаго, даннаго въ удѣлъ женщинѣ — наслажденія нравиться, напримѣръ, и Гранде́, въ припадкѣ жалости, говорилъ иногда:

— Ахъ, бѣдняжка Нанета!

И когда онъ говорилъ это, то встрѣчалъ потомъ тихій взоръ служанки своей, взоръ блестящій неизъяснимымъ чувствомъ, благодарностію. — Одно это слово, произносимое старикомъ отъ–времени–до–времени, составляло, каждое, одно звѣно изъ непрерывной цѣпи безкорыстной преданности и нѣжной дружбы служанки къ своему господину. — И это состраданіе, явившееся въ чорствомъ, окаменѣвшемъ сердцѣ стараго скряги, было какъ–то грубо, жостко, носило отпечатокъ безпощадной жестокости. — Старику было любо пожалѣть Нанету по–своему, а Нанета, не добираясь да настоящаго смысла, блаженствовала, видя къ себѣ любовь своего господина.

Много было семейныхъ домовъ въ Сомюрѣ, гдѣ слуги содержались лучше, довольнѣе, но гдѣ господа всегда жаловались на слугъ своихъ, а жалуясь, всегда говорили: «Да чѣмъ–же озолотили эти Гранде́ свою Нанету, что она за нихъ въ воду и въ огонь пойти готова?»

Кухня Нанеты была всегда чиста, опрятна; все въ ней было вымыто, вычищено, блестѣло; все было, между–прочимъ, заперто и все мерзло отъ холода. Кухня Нанеты была кухней настоящаго скряги. — Когда Нанета кончала мытье посуды и чистку кострюль, прибирала остатки отъ обѣда, и тушила свой огонь, то запирала свою кухню, отдѣлявшуюся отъ залы однимъ корридоромъ, являлась въ залу съ самопрялкою и садилась возлѣ господъ своихъ.

На все семейство выдавалась одна свѣчка на цѣлый вечеръ. — Ночью Нанета спала въ корридорѣ, освѣщенномъ какою–то жалкою свѣтильнею. — Только желѣзное здоровье Нанеты могло выносить всѣ привлекательности ночлега въ холодномъ корридорѣ, изъ котораго она легко могла слышать малѣйшій шорохъ въ домѣ, нарушавшій тишину ночи. Какъ дворовая собака, она спала въ полглаза и слышала во всѣ уши.

Описаніе другихъ частей дома встрѣтится вмѣстѣ съ повѣствованіемъ происшествій этой исторіи; впрочемъ абрисъ залы, парадной комнаты въ цѣломъ домѣ, можетъ служить масштабомъ нашей догадки объ устройствѣ остальныхъ этажей его.

Въ 1819 году, въ одно изъ чиселъ ноября, когда начало̀ уже смеркаться, Нанета затопила въ первый разъ печку. — Осень была весьма-хороша. — Этотъ день, 17-е ноября, былъ знàкомъ всѣмъ Крюшо̀ и всѣмъ де-Грассе́намъ: шесть бойцовъ на жизнь и смерть готовились явиться въ залу Гранде́, льстить, кланяться, скучать и увѣрять, что имъ весело.

Утромъ, въ часъ обѣдни, весь Сомюръ могъ видѣть торжественное шествіе госпожи Гранде́, Евгеніи и Нанеты въ приходскую церковь, и всякій вспомнилъ, что этотъ день праздничный у старика Гранде́, что этотъ день — день рожденія его возлюбленной дочери Евгеніи. Г-да Крюшо̀ расчислили по часамъ время, когда старикъ отобѣдаетъ, и въ извѣстное мгновеніе, не потерявъ ни минуты, побѣжали къ нему, чтобы явиться пораньше де-Грассе́новъ. — У всѣхъ троихъ Крюшо́ было въ рукахъ по огромному букету цвѣтовъ. — Букетъ президента Крюшо̀ былъ предательски обернутъ бѣлой атласной ленточкой и перевязанъ золотыми снурками.

Въ это утро старикъ Гранде́, по всегдашнему обыкновенію, соблюдаемому имъ каждый годъ въ день рожденія Евгеніи, пришолъ въ ея комнату, разбудилъ ее своимъ поцѣлуемъ, и съ приличною торжественностію вручилъ ей подарокъ свой — двойной наполеондоръ; это повторялось уже лѣтъ около тринадцати сряду, каждый разъ въ день рожденія Евгеніи.

Г-жа Гранде́ дарила ей обыкновенно матеріи на платье.

Два платья г-жи Гранде́ (тоже было и въ имянины Евгеніи) и четыре наполеондора старика, да еще два другіе наполеондора, получаемые ею въ новый-годъ и въ день имянинъ отца своего, составляли весь доходъ Евгеніи, въ годъ всего около ста экю; скряга прилежно смотрѣлъ за благосостояніемъ кассы своей дочери и радовался, глядя на ея сокровище. — Не все-ли равно было, что давать, что нѣтъ такіе подарки? Гранде́ только перекладывалъ изъ одной кубышки въ другую и по временамъ иногда повѣрялъ всѣ суммы и всѣ сокровища своей дочери; эти сокровища были прежде гораздо-значительнѣе, когда еще старики Ла-Бертельеры были въ-живыхъ и дарили ее въ свою очередь, каждый по своему, и всегда приговаривали: «Это на твою *дюжинку*, къ свадьбѣ, жизнёночекъ».

Давать *дюжину* къ сватьбѣ — старое обыкновеніе, свято сохранившееся въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи, какъ-то въ Берри́, Анжу́ и друг. Тамъ ни одна дѣвушка не выходитъ за мужъ *безъ дюжины*. Въ день сватьбы отецъ и мать ея дарятъ ей кошелекъ, въ которомъ лежатъ двѣнадцать червонцевъ, или двѣнадцать дюжинъ червонцевъ, или двѣнадцать сотенъ червонцевъ, смотря по состоянію. — Дочь послѣдняго бѣдняка не выходитъ за-мужъ безъ дюжины, хотя-бы мѣдною монетою. Были примѣры подарковъ въ 144 португальскихъ червонца. Папа Климентъ, выдавая племянницу свою Марію Ме́дичи за Генриха-Втораго, короля французскаго, подарилъ ей двѣнадцать древнихъ медалей, безцѣнныхъ по рѣдкости и красотѣ отдѣлки.

За обѣдомъ старикъ, любуясь на дочь свою, похорошѣвшую въ новенькомъ платьицѣ, закричалъ въ припадкѣ сильнѣйшаго восторга:

— Ну, ужъ такъ и быть! Сегодня день рожденія Евгеніи, такъ затопимъ-ка печи.

— Ну, выдти вамъ за-мужъ этотъ годъ, моя ласточка, сказала Нанета, убирая со стола остатки жаренаго гуся.

— Въ Сомюрѣ для нея нѣтъ приличной партіи, сказала госпожа Гранде́, робко взглянувъ на своего мужа.

Гранде́ поглядѣлъ на свою дочь и радостно закричалъ: «Милочка моя! Да ей сегодня ужъ 23 года; нужно, нужно позаботиться, нужно....»

Евгенія и мать ея переглянулись другъ съ другомъ.

Госпожа Гранде́ была женщина сухая, худая, желтая, мѣшковатая, неловкая. У нея были большіе глаза, большой носъ, большая голова, всѣ черты лица грубыя и неприятныя. — Зубы ея были чорные и рѣдкіе, губы угловатые, неправильные. — Это была предобрая и препростая женщина, *урожденная де* Ла-Бе́ртельеръ. Когда-то аббатъ Крюшо́ сказалъ ей, что она совсѣмъ недурна собою, и она этому чистосердечно повѣрила. Всѣ уважали ее за ея рѣдкія христіанскія добродѣтели, за ея кротость, и жалѣли ее за уничиженіе передъ мужемъ и за жестокости, терпѣливо переносимыя отъ него бѣдной старушкой.

Гранде́ никогда не давалъ болѣе шести франковъ женѣ своей. — Эта женщина, которая принесла ему триста-тысячь въ приданое, была такъ глубоко унижена, доведена до такого жалкаго илотизма, что не смѣла просить ни копѣйки у скряги мужа, и не могла требовать ни малѣйшаго объясненія, когда нотаріусъ Крюшо́ подавалъ ей Богъ знаетъ какіе акты для

подписи. — Будучи такъ унижена, она была горда въ глубинѣ души своей, и изъ одной гордости не жаловалась на судьбу. Она терпѣливо вынесла весь длинный рядъ оскорбленій, нанесенныхъ ей старикомъ Гранде́, и никогда не говорила ни слова — и все это изъ безразсудной, но благородной гордости.

Цѣлый годъ постоянно носила она одно зеленоватое шелковое платье; надѣвала также бѣлую косыночку и соломенную шляпку для выходовъ. Выходя рѣдко, она мало носила башмаковъ. Словомъ, о себѣ она никогда ни въ чомъ не заботилась.

Иногда угрызенія совѣсти закрадывались въ сердце стараго скряги, — и, припоминая, какъ давно не давалъ онъ денегъ женѣ своей, отъ послѣдней эпохи, шести франковъ, онъ всегда при какой-нибудь сдѣлкѣ, спекуляціи, счастливой продажѣ, оставлялъ и ей *на булавки*. Эта сумма доходила иногда до четырехъ и до пяти луидоровъ, и была самою значительною частію доходовъ госпожи Гранде́.

Но только-что она получала эти пять луидоровъ, то раскаявшійся Гранде́, при первомъ расходѣ, тотчасъ спрашивалъ у нея:

— Не дашь-ли ты мнѣ какой-нибудь бездѣлицы въ-займы, душа моя?

Точно какъ-будто-бы ихъ кошелекъ былъ общимъ. Но бѣдная г-жа Гранде́ обыкновенно радовалась, когда могла сдѣлать одолженіе своему мужу, и никогда не отказывала ему въ просьбѣ. Такимъ-образомъ, изъ денегъ на булавки терялась всегда добрая половина.

Когда-же Евгенія получала свой собственный доходъ, на булавки, по одному экю въ мѣсяцъ, то каждый разъ Гранде́, застегивая свой сюртукъ, прибавлялъ, смотря на жену свою:

— Ну, а ты, мамаша, не нужно-ли и тебѣ чего-нибудь?

— Я послѣ скажу тебѣ, другъ мой, отвѣчала она, одушевленная мгновенно материнскимъ достоинствомъ.

Но Гранде́ не хотѣлъ понимать великодушія жены своей, и чистосердечно считалъ себя самого великодушнымъ.

Послѣ торжественнаго обѣда, замѣчательнаго тѣмъ, что Гранде́ въ первый разъ въ жизни заговорилъ о томъ, какъ-бы пристроить Евгенію, Нанета, затопивъ каминъ, пошла, по приказанію Гранде́, за бутылкою касси въ его комнату и чуть-чуть не упала съ лѣстницы.

— Ну, вотъ еще: этакъ можно упасть Нанета, сказалъ старикъ.

— Да тамъ одна ступенька изломана, сударь.

— Это правда, замѣтила госпожа Грандѐ: ее–бы давно нужно было поправить. Вчера Евгенія также чуть–чуть не упала.

Гранде́ посмотрѣлъ на Нанету; она еще была блѣдна отъ испуга.

— Ну! сказалъ развеселившійся бочаръ: такъ–какъ сегодня день рожденія Евгеніи, а ты чуть–чуть не упала, такъ выпей себѣ стаканчикъ касси.

— Ну, да вѣдь я его заслужила, отвѣчала Нанета: другой непремѣнно разбилъ–бы бутылку, а я–бы сама прежде разбилась, а не выпустила–бы ея изъ рукъ, сударь.

— Бѣдняжка Нанета! сказалъ Грандѐ, наливая ей касси.

— Въ–самомъ–дѣлѣ, не ушиблась–ли ты Нанета? съ участіемъ спросила ее Евгенія.

— Нѣтъ, я удержалась сударыня, я не упала.

— Ну, такъ–какъ сегодня день рожденія Евгеніи, такъ я вамъ ее исправлю, эту ступеньку; хоть она еще и теперь годится, да вы неловкія и ходить–то не умѣете.

Гранде́ взялъ свѣчку, оставивъ въ потемкахъ дочь, жену и Нанету, и пошолъ въ свою комнату за гвоздями и за досками.

— Не помочь–ли вамъ, сударь? закричала Нанета, услышавъ стукъ топора на лѣстницѣ.

— Э, не нужно! вѣдь не даромъ–же я старый бочаръ.

Гранде́, поправляя свою лѣстницу, припомнилъ бывалую работу въ молодые годы свои, и засвисталъ, какъ всегда прежде за работою. Въ это время постучались у воротъ трое Крюшо̀.

— Это вы, господинъ Крюшо́? сказала Нанета, отворивъ гостямъ дверь.

— Да, да, отвѣчалъ президентъ.

Свѣтъ въ залѣ былъ для нихъ маякомъ, потому–что Нанета была безъ свѣчки.

— А, да вы по праздничному, сказала Нанета, слыша запахъ цвѣтовъ.

— Извините, господа, кричалъ Гранде́, услышавъ знакомые голоса друзей своихъ: я сойду сейчасъ къ вамъ. Я не гордецъ, господа, и вотъ самъ вспоминаю старинку, какъ, бывало, возился съ долотомъ и топоромъ.

— Да что̀–же вы это, господинъ Гранде́! *И трубочистъ въ своемъ домѣ господинъ*, сказалъ президентъ, смѣясь въ–тихомолку.

Госпожа Гранде́ и Евгенія встали, чтобъ принять гостей. Президентъ воспользовался темнотою и, приблизившись къ Евгеніи, сказалъ ей:

Позволите-ли сударыня пожелать вамъ, въ торжественный день рожденія вашего, счастія на всю жизнь вашу и добраго драгоцѣннаго здоровья.

И онъ подалъ ей огромный букетъ съ рѣдкими цвѣтами въ Сомюрѣ; потомъ, взявъ ея за руки, поцѣловалъ ее въ плечо съ такимъ торжественнымъ и довольнымъ видомъ, что Евгеніи стало стыдно. Президентъ былъ чрезвычайно-похожъ на заржавѣвшій гвоздь и чистосердечно думалъ, что и онъ иногда умѣетъ быть и граціознымъ, и обворожительнымъ.

Гранде́ вошолъ со свѣчой и освѣтилъ все собраніе.

Не церемоньтесь, господинъ президентъ, сказалъ онъ: да вы сегодня совершенно по-праздничному.

Но мой племянникъ всегда готовъ праздновать день, проводимый съ m-lle Евгеніею, сказалъ аббатъ, подавая букетъ свой, и цѣлуя у Евгеніи руку.

— Ну, такъ вотъ мы какъ, сказалъ старый нотаріусъ, въ свою очередь поздравляя Евгенію, и цѣлуя ее по-стариковски, въ обѣ щочки. Растемъ по маленьку! Каждый годъ по двѣнадцати мѣсяцевъ.

Гранде́ поставилъ свѣчу на столъ. Потомъ, *повторяя свою остроту,* которая, по-видимому, очень ему понравилась, сказалъ:

Ну, такъ-какъ сегодня день рожденія Евгеніи, такъ зажжомъ другую свѣчку.

Осторожно снялъ онъ оба рожка съ своихъ канделябръ; потомъ, взявъ принесенную Нанетой новую свѣчку, воткнулъ ее, уставилъ перпендикулярно, зажогъ, и сѣвъ подлѣ гостей своихъ, заботливо посматривалъ то на гостей, то на дочь свою, то на обѣ зажженныя свѣчки.

Аббатъ Крюшо́ былъ маленькій, кругленькій, жирненькій человѣкъ, въ рыжемъ плоскомъ парикѣ. Протягивая свои ножки, хорошо обутыя въ башмаки съ серебряными застежками, онъ сказалъ:

— Де-Грассе́ны еще не были у васъ сегодня?

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Гранде́.

— Да будутъ-ли они еще? спросилъ старый нотаріусъ, сдѣлавъ гримаску, выражавшую сомнѣніе.

— Я думаю, что будутъ, отвѣчала госпожа Гранде́.

— Удалось–ли вамъ убрать виноградъ вашъ? спросилъ президентъ де–Бонфонъ старика Гранде́.

— Какъ–же–съ, удалось! самодовольно отвѣчалъ бочаръ, и вставъ съ своего мѣста, охорашиваясь, началъ ходить по комнатѣ.

Остановившись въ дверяхъ, которыя вели въ корридоръ, онъ увидѣлъ у Нанеты свѣчку. Не смѣя быть въ залѣ, и скучая безъ дѣла, она сѣла въ кухнѣ за свою самопрялку.

Гранде́ пошолъ на кухню.

— Зачѣмъ здѣсь еще свѣчка? Затуши ее и ступай къ намъ въ залу! Что̀ тебѣ тѣсно тамъ, что̀–ли? достанетъ мѣста для твоей самопрялки.

— Ахъ! да у васъ сударь будетъ много гостей!

— А ты чѣмъ хуже моихъ гостей? Мы всѣ отъ ребра Адамова, — ты также, какъ и другіе.

Воротясь въ залу, Гранде́ спросилъ президента:

— Вы продали вино, господинъ президентъ?

— Нѣтъ! берегу, отвѣчалъ президентъ. Теперь вино хорошо, черезъ годъ еще будетъ лучше. Вѣдь вы сами знаете, всѣ виноградчики согласились держаться въ настоящей цѣнѣ и не уступать Бельгійцамъ. Уѣдутъ, опять воротятся.

— Хорошо, хорошо, — такъ не уступать–же, сказалъ Гранде́.

— Бьюсь объ закладъ, что онъ ужъ торгуется, сказалъ Крюшо̀ потихоньку.

Раздался стукъ молотка и возвѣстилъ прибытіе де–Грассе́новъ, разстроившихъ преназидательный разговоръ аббата съ госпожою Гранде́.

Г–жа де–Грассе́нъ была свѣженькая, розовенькая, пухленькая, и принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя и въ сорокъ лѣтъ не старѣются. Такія женщины похожи на позднія розы. Цвѣты не ярки, блѣдны, запахъ не слышанъ, но на взглядъ они все еще хороши. Г–жа де–Грассе́нъ одѣвалась со вкусомъ, выписывала моды изъ Парижа, давала вечера и была образцомъ всѣхъ дамъ сомюрскихъ.

Мужъ ея, банкиръ де–Грассе́нъ, былъ отставной квартирмейстеръ наполеоновской арміи. Раненый подъ Аустерлицомъ, онъ вышелъ въ отставку. Онъ любилъ выказывать откровенные, грубые пріемы стараго солдата и даже не оставлялъ ихъ въ разговорѣ съ самимъ господиномъ Грандѐ.

— Здравствуйте Гранде́! сказалъ онъ, дружески тряся ему руку, но говоря не много съ–высока, чего терпѣть не могли всѣ

трое Крюшо̀. — А вы, сударыня, сказалъ онъ, обращаясь къ Евгеніи и сперва поклонившись госпожѣ Гранде́, вы такая всегда умница и хорошенькая, что право не знаешь, чего и пожелать вамъ болѣе.

Потомъ, взявъ у слуги своего, съ нимъ пришедшаго, горшокъ съ рѣдкими цвѣтами, онъ подалъ ихъ Евгеніи. Госпожа де-Грассе́нъ нѣжно поцѣловала Евгенію и сказала ей:

— А мой подарокъ, милая Евгенія, представитъ вамъ Адольфъ.

Тогда Адольфъ, высокій молодой человѣкъ, бѣлокурый, недурной наружности, робкій съ виду, но промотавшій въ Парижѣ 10,000 франковъ свыше своего пансіона, подошолъ къ Евгеніи, поцѣловалъ ее, и представилъ ей довольно-красивый рабочій ящикъ. И хотя на крышкѣ были довольно-красиво выведены буквы Е. Г., ящикъ, по простенькой работѣ своей, заставлялъ сильно подозрѣвать, что онъ купленъ у разнощика.

Но отворивъ его, Евгенія покраснѣла отъ удовольствія, отъ радости, при видѣ красивыхъ бездѣлокъ. Робко посмотрѣла она на отца, какъ-бы спрашивая позволенія принять такой богатый подарокъ.

— Возьми, душенька! сказалъ Гранде́, тоже какимъ-то необыкновеннымъ, дрожащимъ голосомъ.

Крюшо̀ остолбенѣлъ, замѣтивъ радостный взглядъ, брошенный богатой наслѣдницей на Адольфа де-Грассе́на. Де-Грассе́нъ поподчивалъ старика табакомъ, понюхалъ потомъ самъ, обтеръ соринки, упавшія на его ленточку Почотнаго-легіона, и взглянувъ на Крюшо̀, казалось, говорилъ своимъ горделивымъ взглядомъ:

— Ну; что́, каково́ теперь вамъ, господа Крюшо́?

Г-жа де-Грассе́нъ съ притворнымъ простодушіемъ обернулась взглянуть на подарки троихъ Крюшо̀. Букеты были поставлены на окошко, въ синія стеклянныя кружки съ водою.

Аббатъ Крюшо̀, находясь въ весьма-деликатномъ положеніи, выждалъ минуту, когда все общество усѣлось по своимъ мѣстамъ. Потомъ, взявъ подъ-руку господина Гранде́, началъ съ нимъ прогуливаться по комнатѣ. Наконецъ, уведя его въ амбразуру окна, онъ сказалъ:

— Эти де-Грассе́ны бросаютъ за окно свои деньги.

— Да вѣдь не все-ли равно? Перекладываютъ изъ кубышки въ кубышку. Ихъ денежки сберегутся, отвѣчалъ бочаръ.

— Конечно, конечно, такимъ богачамъ, какъ имъ, да вамъ, легко дарить дочерямъ золотыя ножницы.

— Ну, да я дарю мою дочь немножко получше, чѣмъ вашими золотыми ножницами, отвѣчалъ Гранде́.

— Колпакъ ты, олухъ, племянничекъ, подумалъ аббатъ, смотря на разряженнаго президента. Не могъ выдумать какой-нибудь дорогой бездѣлки?

— Не сѣсть-ли намъ въ лото́? сказала г-жа де-Грассе́нъ, смотря на госпожу Гранде́.

— Да насъ такъ много, что можно играть и на двухъ столахъ.

— Такъ-какъ сегодня день рожденія Евгеніи, закричалъ Гранде́: то садитесь всѣ вмѣстѣ и сдѣлайте общее лото́. Да и дѣтей возьмите въ компанію, прибавилъ онъ, показывая на Адольфа и Евгенію. Самъ-же Гранде́ не садился играть никогда, ни въ какую игру.

— Нанета, поставь-ка столъ!

— А мы вамъ поможемъ, *мадамъ Нанета*, закричала весело госпожа де-Грассе́нъ, радуясь радости Евгеніи.

— Мнѣ никогда не было такъ весело, сказала ей на-ухо Евгенія. Какъ онъ красивъ, этотъ ящичекъ!

— Это Адольфъ привезъ изъ Парижа, моя милая; онъ самъ выбиралъ его.

— Шепчи, шепчи ей тамъ, проклятая! говорилъ про себя президентъ: случись у тебя процессъ — проиграешь!

Нотаріусъ спокойно сидѣлъ въ углу, и хладнокровно смотрѣлъ на аббата. Онъ думалъ про себя:

— Пусть ихъ интригуютъ. Наше общее имѣніе сто́итъ, по-крайней-мѣрѣ, милліонъ-сто-тысячъ франковъ, а у де-Грассе́новъ пѣтъ и пяти-сотъ тысячъ. Пусть ихъ дарятъ золотыя ножницы.... И невѣста и ножницы, все будетъ наше!

Итакъ, въ восемь съ половиною часовъ, столы были раскрыты. Госпожа де-Грассе́нъ съумѣла посадить Адольфа рядомъ съ Евгеніей. Стали играть. Между-тѣмъ всѣ играли въ одной общей комедіи, хотя довольно-грубой, но весьма-замѣчательной, особенно для актеровъ. Старый нотаріусъ острилъ; всѣ смѣялись, и почти всѣ въ одно и то же время думали о завѣтныхъ милліонахъ и богатой наслѣдницѣ.

Старый бочаръ хвастливо смотрѣлъ вокругъ себя, на свѣжую шляпку госпожи де-Грассенъ, на воинственную фигуру банкира,

на Адольфа, президента, аббата и нотаріуса, и говорилъ про себя потихоньку:

— Всѣ вы сюда пришли подличать передъ моими милліонами. Скучаютъ и смѣются; подбираются къ дочери, а не видать никому моей дочери! Нутка, рвите съ удочки!

Эта странная радость, веселость, въ скучной, темной залѣ Гранде́, этотъ смѣхъ, сопровождаемый гуденьемъ Нанетиной самопрялки, смѣхъ, искренній, неподдѣльный лишь на устахъ Евгеніи да ея матери; всѣ эти мелочи, связанныя съ огромнымъ интересомъ и замыслами, эта бѣдная дѣвочка, каждое мгновеніе обманутая ложнымъ любезничаньемъ и дружбою, все это оживляло сцену какимъ-то грустнымъ, пошлымъ комизмомъ. Комедія, какъ мы сказали, грубая, сюжетъ ея избитый. Гранде́, главное лицо въ комедіи, обманывалъ всѣхъ своимъ простодушіемъ и терпѣлъ гостей своихъ только для личныхъ, постороннихъ видовъ. Казалось, онъ изображалъ въ собственномъ лицѣ своемъ мамона, божество, которому мы всѣ поклоняемся.

Искренность и добродушіе совокупились и нашли пріютъ въ сердцахъ трехъ персонажей этой комедіи. Нанета, Евгенія и госпожа Гранде́ были однѣ равнодушны, наивны и жалки. Какъ жалка, въ-самомъ-дѣлѣ, была ихъ наивность! Евгенія и мать ея ровно ничего не знали о своемъ богатствѣ; онѣ не знали ничего въ дѣйствительной жизни, и судили по-наслышкѣ, ощупью, по-своему. Эти добрыя, чистыя души были занимательнымъ исключеніемъ здѣсь, посреди себялюбцовъ, сребролюбцевъ и эгоистовъ. Странный жребій человѣческій! Кажется, нѣтъ ни одного блаженства у человѣка, не происходящаго отъ простоты и невѣдѣнія.

Госпожа Гранде́ выигрывала значительный кушъ, шестнадцать су, самый большой въ ихъ игрѣ. Нанета смѣялась отъ-радости, видя счастіе на сторонѣ госпожи своей. Вдругъ сильный, звонкій ударъ молотка раздался въ воротахъ до̀ма. Женщины въ испугѣ вскочили со стульевъ.

— Ну, этотъ гость не изъ нашихъ Сомюрцевъ, замѣтилъ нотаріусъ.

— Да можно-ли этакъ стучать! закричала Нанета: да они тамъ дверь хотятъ выломать.

— Что̀ за чортъ! сказалъ Гранде́, вставая съ мѣста и уходя съ Нанетой, взявшей со стола свѣчку.

— Гранде́! Гранде́! закричала жена его и побѣжала удержать своего мужа.

Всѣ переглянулись.

— Пойдемте всѣ, сказалъ де-Грассѐнъ. Какой странный стукъ! Къ добру-ли это?

Но де-Грассе́ну удалось только замѣтить лицо незнакомца, молодаго человѣка, сопровождаемаго почтальйономъ, на рукахъ котораго были два огромные чемодана. Гранде́ быстро обернулся къ женѣ:

— Ступайте, садитесь за ваше лото, госпожа Гранде́; я поговорю самъ съ господиномъ....

Старикъ захлопнулъ за собою дверь. Всѣ усѣлись на свои мѣста и видимое спокойствіе возстановилось.

— Это не изъ Сомюра? спросила госпожа де-Грассе́нъ своего мужа.

— Нѣтъ это пріѣзжій, и, если не ошибаюсь, изъ Парижа.

— И въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ нотаріусъ, вынимая часы свои: девять часовъ. Парижскіе дилижансы никогда не опаздываютъ.

— Что́ это — молодой или старикъ? спросилъ аббатъ Крюшо́ де-Грассе́на.

— Да, молодой человѣкъ: у него столько чемодановъ.... вѣсятъ, по-крайней-мѣрѣ, 300 килограмовъ.

— Нанета не возвращается, замѣтила Евгенія.

— Это, вѣрно, кто-нибудь изъ вашихъ родственниковъ, сказалъ президентъ.

— Начнемте-же играть, господа, сказала госпожа Гранде́: мой мужъ, кажется, очень недоволенъ; я узнала это по его голосу. Онъ разсердится, если узнаетъ, что мы говоримъ здѣсь про дѣла его.

— Сударыня, сказалъ Адольфъ Евгеніи: это, вѣрно, вашъ двоюродный братецъ, прекрасный молодой человѣкъ, котораго я видѣлъ на балѣ г-на Маршала Уд....

Но Адольфъ остановился, потому-что госпожа де-Грассе́нъ сильно наступила ему на ногу; потомъ сказала ему на ухо:

— Ты такъ глупъ, Адольфъ! молчи, сдѣлай милость.

Въ это время вошолъ Гранде, но уже безъ Нанеты; слышно было, какъ почтальйонъ и Нанета тащатъ что-то вверхъ по лѣстницѣ. За Гранде́ слѣдовалъ незнакомецъ, возбудившій столько догадокъ, толковъ и общее удивленіе, такъ, что появленіе его можно было сравнить съ появленіемъ красиваго роскошнаго павлина на заднемъ дворѣ у какого-нибудь мужика.

— Сядьте возлѣ огня, сказалъ Гранде́ своему гостю.

Но прежде, чѣмъ послѣдовать приглашенію Гранде́, молодой незнакомецъ ловко и благородно поклонился всѣмъ. Мужчины встали съ мѣстъ и отдали ему поклонъ его. Женщины не встали съ мѣстъ, но тоже поклонились ему.

— Вы, вѣрно, озябли, сударь, сказала госпожа Гранде́: вы, вѣрно, пріѣхали...

— Ужъ пошли, пошли! вотъ каковы эти бабы, закричалъ бочаръ, переставъ читать письмо, которое онъ держалъ въ рукахъ: да оставь его въ покоѣ....

— Но, батюшка, можетъ-быть, имъ что-нибудь нужно, сказала Евгенія.

— У него есть языкъ, отвѣчалъ Гранде́ съ замѣтною досадою.

Только одинъ незнакомецъ былъ удивленъ такимъ пріемомъ. Остальные такъ привыкли къ деспотизму старика, что и теперь не обратили на него никакого вниманія.

Незнакомецъ сталъ возлѣ камина и началъ грѣться, поднимая къ огню свои ноги. Потомъ, обратясь къ Евгеніи, онъ сказалъ ей:

— Я благодаренъ вамъ, кузина; но не безпокойтесь, я отдыхалъ и обѣдалъ въ Турѣ; мнѣ ничего ненужно, я даже не усталъ, прибавилъ онъ, посматривая на своего дядюшку.

— Вы пріѣхали изъ Парижа? спросила г-жа де-Грассе́нъ.

Шарль (такъ назывался сынъ Вильгельма Гранде́, парижскаго), услышавъ вопросъ г-жи де-Грассе́нъ, взялъ свой лорнетъ, приставилъ къ правому глазу, взглянулъ на столъ, поглядѣлъ, что̀ на немъ было, взглянулъ на играющихъ, на г-жу де-Грассе́нъ и наконецъ отвѣтилъ: «Да, сударыня, изъ Парижа.»

— Вы играете въ лото, тетушка, продолжалъ онъ: пожалуйста, играйте и не заботьтесь обо мнѣ....

— Ужъ я была увѣрена, что это двоюродный братецъ, думала г-жа де-Грассе́нъ, изрѣдка дѣлая глазки Шарлю.

— Сорокъ-семь! закричалъ аббатъ. Г-жа де-Грассе́нъ, это вашъ нумеръ; замѣтьте его!

Де-Грассе́нъ положилъ жетонъ на карту жены своей, потому-что та объ лото́ уже не думала, а смотрѣла на Шарля и Евгенію. Предчувствіе ее мучило. По-временамъ Евгенія робко взглядывала на Шарля, и банкирша могла замѣтить въ ея взглядахъ возраставшее удивленіе и любопытство.

Глава II.

Парижскій кузенъ.

Шарль Гранде́, красавчикъ, двадцати-двухъ лѣтъ, рѣзко отличался отъ группы окружавшихъ его провинціяловъ, негодовавшихъ на его надменные, аристократическіе пріемы, и старавшихся уловить въ немъ хоть что-нибудь смѣшное, чтобы посмѣяться въ свою очередь. Объяснимъ это.

Двадцать-два года не много, не далеко отъ дѣтства. Изъ ста юношей, двадцатилѣтнихъ, девяносто-девять, на мѣстѣ Шарля, вѣрно-бы вели себя также, какъ и онъ, т. е. выказались-бы изнѣженно-кокетливыми и занятыми собою. Нѣсколько дней назадъ отецъ объявилъ Шарлю о поѣздкѣ въ Сомюръ, къ старику брату, на нѣсколько мѣсяцевъ. Цѣлью поѣздки могла быть Евгенія. Шарль въ первый разъ ѣхалъ въ провинцію; ему хотѣлось блеснуть ловкостію, вкусомъ, модою, изумить Сомюръ роскошью, сдѣлать эпоху въ жизни Сомюрцевъ, и, если можно, преобразовать ихъ, введя парижскую жизнь и привычки. Словомъ, рѣшено было одѣваться съ самою роскошною изысканностію моды и чистить ногти часомъ долѣе, чѣмъ въ Парижѣ, гдѣ часто молодой человѣкъ бросаетъ щегольство, отъ лѣни или безпечности, чѣмъ впрочемъ мало вредитъ себѣ.

Въ-слѣдствіе чего Шарль завелся самымъ щегольскимъ охотничьимъ платьемъ, самымъ щегольскимъ ружьемъ, самымъ красивымъ охотничьимъ ножомъ и самымъ изящнѣйшимъ ягдташемъ. Взялъ съ собой бездну самыхъ щегольскихъ и разнообразныхъ жилетовъ: сѣрыхъ, бѣлыхъ, чорныхъ, съ золотымъ отливомъ, двойныхъ, шалевыхъ, съ стоячими и откидными воротниками, застегивающихся сверху до-низу, съ золотыми пуговицами и проч. Съ нимъ были всевозможныхъ родовъ и видовъ галстухи и шейные платки; два фрака Штауба и самое тонкое бѣлье. Однимъ словомъ, онъ притащилъ съ собою всю сбрую отъявленнаго *денди*, не забывъ также восхитительную маленькую чернильницу, подаренную ему восхитительнѣйшей женщиной, знатной, блистательной дамой, которую онъ называлъ *Анетою*; эта знатная дама путешествовала теперь по Шотландіи, чтобы затушить своимъ отсутствіемъ кой-какія непріятности, подозрѣнія, безо всякаго сомнѣнія, самыя гнусныя и отвратительныя. Не позабылъ онъ также нѣсколькихъ тетрадокъ изящнѣйшей, раздушоной бумаги, для переписки съ Анетой,

акуратно чрезъ каждые пятнадцать дней. Словомъ, Шарль набралъ съ собою всевозможныхъ важныхъ мелочей и необходимыхъ игрушекъ, начиная отъ хлыста, для начала дуэли, до превосходныхъ пистолетовъ, для окончанія ея. Такъ-какъ отецъ не отпустилъ съ нимъ слуги, то онъ пріѣхалъ въ почтовой каретѣ, нанятой для него одного; ему не хотѣлось портить въ дорогѣ своей прекрасной, почтовой кареты, заказанной для поѣздки въ Баденъ, гдѣ назначена была встрѣча съ Анетой, знатной, блистательной дамой, путешествовавшей, и проч., и проч.

Шарль думалъ застать, по-крайней-мѣрѣ, сто человѣкъ у своего дяди, зажить въ его замкѣ, обрыскать съ ружьемъ своимъ всѣ его поля и лѣса, и никакъ не ожидалъ застать все семейство въ Сомюрѣ, гдѣ онъ хотѣлъ остановиться для того только, чтобъ разспросить о дорогѣ въ Фруафондъ. Для перваго дебюта онъ одѣлся блистательно, восхитительно. Въ Турѣ, парикмахеръ разчесалъ его прекрасные, каштановые волосы; тамъ-же онъ перемѣнилъ бѣлье и надѣлъ чорный, атласный галстухъ, что, съ выпущеннымъ воротникомъ рубашки, было ему очень къ-лицу. Щегольской, дорожный сюртукъ, полузастегнутый, стягивалъ его талію. Изъ-подъ сюртука выглядывалъ щегольской шалевый жилетъ; подъ шалевымъ жилетомъ былъ еще другой, бѣлый. Часы, небрежно брошенные въ карманъ, пристегивались коротенькимъ шолковымъ снуркомъ къ пуговицѣ сюртука. Сѣрые панталоны застегивались съ боковъ на пуговки. Въ рукахъ его была красивая трость съ золотымъ набалдашникомъ; жолтыя перчатки были свѣжія, блестящія; шляпа его была восхитительна. Только Парижанинъ, и притомъ самаго высокаго полета, могъ-бы не насмѣшить людей въ такомъ нарядѣ; впрочемъ смѣхъ былъ-бы неудаченъ съ юношей, обладающимъ превосходными пистолетами, мѣткимъ взглядомъ и, въ-добавокъ, Анетой.

Теперь, ежели хотите понять почтительное удивленіе Сомюрцевъ и освѣтить воображеніемъ контрастъ блистательнаго денди, съ сухими, вялыми фигурами гостей въ темной, скучной залѣ Гранде, то взгляните на семейство Крюшо. Всѣ трое нюхали табакъ, и незамѣтно привыкли къ вѣчному табачному сору на мелкихъ складкахъ своихъ пожелтѣлыхъ манишекъ. Ихъ галстухи мялись и веревкой обвивались около шеи. Огромный запасъ бѣлья позволялъ имъ, ради хозяйственнаго разсчота, мыть его только два раза въ годъ, отчего бѣлье ихъ жѣлтѣло, безъ употребленія, въ ящикахъ. Все въ нихъ было неловко, не-

кстати, безцвѣтно; ихъ лица были вялы, сухи и изношены, также-какъ и ихъ фраки, на которыхъ было столько-же складокъ, какъ и на панталонахъ.

Костюмы остальныхъ гостей, неполные и несвѣжіе, какъ и всѣ вообще костюмы истыхъ провинціяловъ, отставшихъ отъ моды и скупящихся на новую пару перчатокъ, согласовались совершенно съ костюмами Крюшо̀; только въ одномъ этомъ и сходились вкусы и идеи обѣихъ партій — Крюшо̀ и Грассенистовъ. Только-что пріѣзжій брался за лорнетъ, чтобъ разглядѣть странность комнатной мебели, или подивиться рисункамъ потолка и обоевъ, до того испачканныхъ мухами, что этихъ чорненькихъ, точкообразныхъ пятнушекъ достало-бы зачернить совершенно цѣлый листъ *Монитёра*, тотчасъ игроки въ лото поднимали носы и смотрѣли съ такимъ любопытствомъ на Шарля, какъ будто на жирафа. Де-Грассе́нъ и сынъ его, видавшіе впрочемъ парижскіхъ щоголей, раздѣляли общее изумленіе не менѣе каждаго изъ присутствующихъ или потому-что заразились имъ отъ другихъ, или потому-что сами поощряли его, бросая на гостя насмѣшливые взгляды, которые только что не проговаривали: «Знаемъ мы васъ, парижскіе молодчики!»

Впрочемъ всѣ могли насмотрѣться на гостя досыта, не боясь досадить хозяину своимъ любопытствомъ. Гранде́ унесъ свѣчу отъ своихъ гостей и углубился въ чтеніе длиннаго письма, не заботясь объ игрѣ, и оставивъ ихъ доигрывать партію почти въ потемкахъ.

Евгенія, невидавшая доселѣ ничего подобнаго Шарлю въ совершенствѣ красоты и щегольства, смотрѣла на него, какъ на существо воздушное, неземное. Она вдыхала въ себя съ наслажденіемъ ароматъ духовъ, умастившихъ прелестные кудрявые его волосы; ей хотелось дотронуться до его прекрасныхъ перчатокъ; она завидовала его стройной маленькой ручкѣ, свѣжести и нѣжности лица. Для нея, бѣдной, невинной дѣвушки, всю жизнь свою провязавшей чулки и проштопавшей старое бѣлье, часто по цѣлымъ часамъ невидавшей въ окна своей комнаты болѣе одного прохожаго Сомюрца, для нея, видъ Шарля былъ источникомъ роскошнаго, невѣдомаго наслажденія. Это чувство походило на то впечатлѣніе, которое невольно родится въ васъ при взглядѣ на фантастическіе образы женщинъ въ англійскихъ «кипсекахъ», рисованные и гравированные такъ тонко и нѣжно, что при взглядѣ на нихъ, кажется, боишься сдунуть съ бумаги эти волшебныя, очаровательныя изображенія.

Шарль вынулъ изъ кармана платокъ, вышитый для него прекрасной путешественницей по Шотландіи. Евгенія не хотѣла вѣрить глазамъ своимъ, что это обыкновенный платокъ, это совершенство, трудъ любви для любви.

Пріемы, жесты ея кузена, его дерзкій лорнетъ, презрительное невниманіе къ дорогому ящичку, только-что ей подаренному де-Грассе́нами, который такъ недавно еще ей нравился, и который казался ея кузену или безъ вкуса или безъ цѣны, все то̀ наконецъ, что̀ раздражало Крюшо̀ и де-Грассе́новъ, все это ей такъ нравилось, что въ эту ночь и во снѣ образъ Шарля не покидалъ ее ни на минуту.

Нумера вынимались медленно, но скоро лото̀ кончилось; вошла длинная Нанета.

— Пожалуйте бѣлья, сударыня; нужно постлать постель молодому барину.

Г-жа Гранде́ встала и пошла за Нанетой; тогда госпожа де-Грассе́нъ сказала всѣмъ по-тихоньку: «Спрячемъ-ка наши *су* и бросимъ это лото̀».

Каждый взялъ свои два су, положенные на ставку; потомъ всѣ встали и мало-по-малу приблизились къ огню. «Такъ вы кончили?» сказалъ Гранде́, не отрываясь отъ письма.

— Кончили, кончили, отвѣчала госпожа де-Грассе́нъ и подошла къ Шарлю.

Евгенія вышла изъ залы, движимая одною изъ тѣхъ вдохновенныхъ мыслей, которыя раждаются только въ сердцѣ женщины, въ сердцѣ, впервы́е забившемся любовію. Она вышла пособить матери и Нанетѣ; но подъ этой хозяйственной заботливостію таилось другое чувство; она не могла устоять противъ непонятнаго искушенія, каприза — самой убрать комнату, назначенную Шарлю, поставить въ ней каждую вещь на свое мѣсто, доглядѣть, приглядѣть за всѣмъ, чтобъ сколько-нибудь лучше все уладить и украсить. Она уже чувствовала въ себѣ и силу, и ловкость разгадать и понимать вкусъ и привычки своего кузена.

Въ-самомъ-дѣлѣ она явилась совершенно кстати и успѣла увѣрить Нанету и мать свою, что онѣ обѣ еще ничего не сдѣлали и что нужно все передѣлать съизнова. Ей удалось присовѣтовать Нанетѣ нагрѣть постель жаровнею. Сама она вынула чистую скатерть и накрыла ею старый столъ, приказавъ Нанетѣ перемѣнять ее каждый день. Она доказала, что необходимо развесть въ каминѣ огонь и приказала натаскать дровъ въ кор-

ридоръ, потихоньку отъ отца. Отыскала гдѣ то въ шкафу красивый лаковый подносикъ, доставшійся имъ по наслѣдству отъ г–на Ла–Бертельера, чистый стаканъ и позолоченную ложечку, старый, разрисованный фарфоровый флаконъ, и съ торжествомъ поставила все это на каминѣ. Въ четверть часа въ головѣ ея народилось идей болѣе, нежели во всю ея жизнь.

— Маменька! салныя свѣчи не годятся для Шарля: еслибы купить восковыхъ?

И легкая, какъ птичка, она вынула изъ кошелька свой экю, данный ей на мѣсячные расходы:

— Поскорѣй, поскорѣе, Нанета, сказала она, всовывая ей деньги въ руки.

— А что̀ скажетъ отецъ?

Эти ужасныя слова вырвались у госпожи Гранде́, когда она увидѣла въ рукахъ своей дочери сахарницу изъ севрскаго фарфора, которую старикъ привезъ изъ Фруафондскаго за̀мка.

— Да гдѣ ты достанешь сахару? Да ты позабыла....

— Маменька, Нанета купитъ и сахару.

— А отецъ?

— Да прилично–ли для насъ, что родной племянникъ въ домѣ своего дяди не найдетъ и стакана воды съ сахаромъ? Да папенька и не замѣтитъ.

— Онъ? не замѣтитъ? Да онъ видитъ все!

Нанета колебалась. Она знала характеръ своего господина.

— Да ступай–же Нанета; вѣдь сегодня мое рожденіе!

Нанета громко расхохоталась шуткѣ своей барышни, первой шуткѣ, услышанной отъ нея, и отправилась за покупками.

Въ–то̀ время, когда Евгенія и г–жа Гранде́ хлопотали и отдѣлывали комнату Шарля, оставшагося въ залѣ съ гостями, госпожа де–Грассе́нъ повела на него атаку по всѣмъ правиламъ своей тактики, и начала съ любезностей.

— Вы слишкомъ–отважны, сказала она Шарлю: бросить удовольствія Парижа, зимою, во–время веселья и праздниковъ, и пріѣхать въ Сомюръ, — да это неслыханный подвигъ! Но мы постараемся вознаградить васъ за все, и если васъ еще не напугали здѣсь, то увидите, что и къ Сомюру можно привыкнуть и, если хотите, даже весело провести здѣсь время.

И она подарила его взглядомъ, но взглядомъ коренной провинціялки. Въ провинціи женщины по–привычкѣ смотрятъ такъ осторожно, такъ благоразумно, что невольно заставляютъ подо-

зрѣвать въ своемъ взглядѣ тайное желаніе, смѣшанное съ какою-то раздражительною завистью.

Шарль, послѣ своихъ разбитыхъ и разсѣявшихся мечтаній о великолѣпномъ замкѣ и о великолѣпномъ житьѣ-бытьѣ своего дядюшки, былъ такъ смущенъ, уничтоженъ, попавъ въ эту залу, въ этотъ кругъ людей, что по-неволѣ г-жа де-Грассе́нъ напомнила ему собою, хотя неясно, далекій, восхитительный образъ Парижанки. Онъ вѣжливо отвѣтилъ на вопросъ ея, весьма-похожій на приглашеніе; между нимъ и провинціялкой завязался разговоръ, и госпожа де-Грассе́нъ, мало по-малу, осторожно понизила голосъ. Имъ было о чомъ говорить въ эту минуту, имъ нужно было говорить, объясниться. Въ-слѣдствіе чего, послѣ нѣсколькихъ, бѣгло-обмѣненныхъ шутокъ и кокетливыхъ привѣтствій, ловкая провинціялка успѣла между-прочимъ кое что̀ шепнуть ему, не опасаясь быть подслушанной, за интереснымъ разговоромъ о винѣ: весь Сомюръ говорилъ тогда о винѣ.

— Если вы хотите посѣтить насъ, сказала она Шарлю, то доставите большое удовольствіе мнѣ и моему мужу. Въ цѣломъ городѣ вы найдете только одинъ домъ, гдѣ встрѣтите вмѣстѣ и аристократію и высшее купечество: это у насъ; мы принадлежимъ къ срединѣ между двумя обществами, и мужъ мой, говорю это съ гордостію, умѣлъ пріобрѣсти уваженіе и той и другой стороны. Мы объ васъ постараемся. А что̀-бы съ вами сталось въ этомъ домѣ? Да здѣсь вы умрете со-скуки! Вашъ дядюшка старый хлопотунъ; у него на умѣ одна торговля, барыши, разсчоты. Тетушка ваша добрая женщина, богомолка, но съ нею вамъ будетъ не-очень весело. А Евгенія простенькая дѣвушка, безъ воспитанія и безъ приданаго; она до-сихъ-поръ только дѣлала, что штопала бѣлье своихъ стариковъ.

— Да это кладъ, подумалъ Шарль, смотря на госпожу де-Грассѐнъ: ну, кто-бы могъ предполагать?

— Мнѣ кажется, жена, ты хочешь завербовать къ намъ господина Шарля, сказалъ, смѣясь, толстый банкиръ.

Нотаріусъ и президентъ не упустили прибавить двухъ, трехъ жолчныхъ остротъ къ замѣчанію де-Грассе́на. Но аббатъ тотчасъ понялъ все дѣло. Вынувъ табакерку, и подчуя всѣхъ табакомъ, онъ сказалъ:

— Да гдѣ-же и пріютиться лучше молодому господину Грандѐ, какъ не въ салонѣ г-жи де-Грассе́нъ?

— Что̀ вы хотите сказать, господинъ аббатъ? спросилъ де–Грассе́нъ.

— Ничего болѣе, какъ то̀, что̀ скажетъ вамъ весь Сомюръ, милостивый государь: должная справедливость вамъ, вашему дому и госпожѣ де–Грассе́нъ.

Аббатъ хоть и не подслушивалъ разговора госпожи де–Грассе́нъ съ Шарлемъ, но угадалъ все.

— Не знаю, вы помните–ли обо мнѣ, сказалъ въ свою очередь Адольфъ Шарлю, стараясь быть сколь возможно развязнѣе: я имѣлъ удовольствіе быть вашимъ vis–à–vis на балѣ у господина Маршала Удино̀.

— О какъ–же, милостивый государь, какъ–же, я припоминаю, сказалъ Шарль, удивленный общимъ къ себѣ вниманіемъ: это вашъ сынъ, сударыня? спросилъ онъ госпожу де–Грассе́нъ.

Аббатъ насмѣшливо взглянулъ на нее.

— Да, милостивый государь, отвѣчала она.

— Такъ вы были очень–молоды, когда были въ Парижѣ? спросилъ Шарль, опять обращаясь къ Адольфу.

— Да, что̀ дѣлать, отвѣчалъ за него аббатъ: мы ихъ отсылаемъ въ Вавилонъ, только–что они оперились.

Г–жа де–Грассе́нъ внимательно поглядѣла на аббата.

— Только въ провинціи, продолжалъ аббатъ, вы встрѣтите *тридцатилѣтнихъ* женщинъ, такихъ свѣжихъ и молодыхъ, какъ напримѣръ, г–жа де–Грассе́нъ, женщинъ, у которыхъ дѣти экзаменуются уже на степень доктора правъ. Я какъ–будто теперь вижу, сударыня, когда всѣ дамы и мужчины, бывало, толпились вокругъ васъ на балахъ, продолжалъ аббатъ, атакуя своего непріятеля. Для меня это какъ–будто вчера, сударыня.

— Старый чортъ! прошептала госпожа де–Грассе́нъ: онъ какъ тутъ, — все угадалъ.

— Мнѣ кажется, что я сдѣлаю эпоху въ Сомюрѣ, подумалъ Шарль, разстегивая сюртукъ, заложивъ руку за пуговицу жилета и принявъ задумчивый видъ, чтобы скопировать лорда Байрона, на картинѣ Шантра.

Невниманіе старика Грандѐ къ гостямъ своимъ, или, лучше сказать, исключительное его вниманіе къ письму, не ускользнуло ни отъ нотаріуса, ни отъ президента. По измѣненіямъ лица старика, они въ свою очередь угадывали, разгадывали, читали съ нимъ вмѣстѣ это письмо. Старикъ съ трудомъ удерживался; всякой пойметъ его усилія — казаться хладнокровнымъ, заглянувъ въ это ужасное письмо; вотъ его содержаніе:

«Вотъ уже скоро двадцать-три года, какъ мы не видались съ тобою, любезный братъ. Мы не видались съ самаго дня моей свадьбы, и помнишь, такъ весело, дружно разстались тогда. Разумѣется, я не могъ предвидѣть, что ты, любезный братъ мой, останешься одинъ подпорою семейства, когда-то счастливаго и богатаго. Когда ты будешь читать эти строки, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Я не могъ перенести моего позора, моего стыда, — банкрутства, любезный братъ мой. До послѣдней минуты я крѣпко держался на краю бездны, хватался за соломенку, чтобы спасти себя, но мнѣ все измѣнило! Банкрутства моего стряпчаго и нотаріуса отняли у меня всю надежду. Я въ отчаяніи; я долженъ три милліона, и не могу предложить кредиторамъ даже по восьми за сто. Ви́на мои подешевѣли отъ постояннаго въ нѣсколько лѣтъ урожая. Черезъ три дня весь Парижъ заговоритъ: «Гранде́ плутъ, обманщикъ!» А я, жертва слѣпой судьбы, безъ пятна на совѣсти, буду лежать въ опозоренной могилѣ моей. Я лишилъ моего сына честнаго имени и наслѣдства послѣ его матери, а онъ, бѣдное дитя мое, онъ еще ничего не знаетъ. Мы нѣжно простились съ нимъ; онъ не предугадывалъ, что мои объятія были благословеніемъ умирающаго отца его. Онъ проклянетъ своего отца. Братъ! братъ! проклятіе дѣтей нашихъ — ужаснѣе проклятія отцовскаго. Отецъ можетъ простить, снять свое проклятіе; проклятіе сына невозвратимо. Гранде́! ты братъ мой, ты старшій братъ мой; будь моимъ благодѣтелемъ, спаси меня отъ сыновняго проклятія. Братъ! еслибы я могъ писать къ тебѣ моею кровію и слезами, мнѣ было-бы легче; я-бы плакалъ тогда, и горесть не щемила-бы моего сердца, не тяготила-бы души моей; но мнѣ горько; я стражду и нѣтъ слезъ утѣшительныхъ. Итакъ, ты будешь отцомъ Шарлю! У него нѣтъ родныхъ со стороны матери; ты знаешь отчего. О, для чего я разбилъ предразсудки свѣта, раздавилъ его мнѣніе — для любви! Зачѣмъ я женился на незаконной дочери вельможи! У него нѣтъ родныхъ! бѣдный, бѣдный Шарль! Послушай, Гранде́: я не просилъ тебя о себѣ; къ тому-же у тебя, вѣрно, нѣтъ трехъ милліоновъ для моего спасенія. Но для сына, братъ! для сына моего, — я простираю къ тебѣ умоляющую руку мою. Я ввѣряю тебѣ моего сына и спокойно беру пистолетъ; мой сынъ найдетъ въ тебѣ втораго отца. О, какъ онъ любилъ меня! Я былъ такъ добръ до него; я такъ нѣжилъ, баловалъ его... Нѣтъ! онъ не будетъ проклинать меня! Онъ такъ тихъ, ласковъ, нѣженъ; онъ весь въ свою мать;

онъ будетъ любить тебя; онъ ничѣмъ не огорчитъ тебя. Бѣдное дитя! онъ жилъ въ довольствѣ, въ роскоши; онъ не знаетъ бѣдности, которую мы перетерпѣли нѣкогда вмѣстѣ съ тобою, любезный братъ мой... И теперь онъ одинъ, въ нищетѣ, разоренъ! Всѣ друзья его бросятъ... и я, я одинъ всему причиною! О, для чего онъ не умеръ прежде, для чего онъ не тамъ, не вмѣстѣ съ своею матерью! Мечты! Онъ бѣденъ, опозоренъ, несчастливъ, нищій. Я посылаю его къ тебѣ, чтобъ ты приготовилъ его къ страшному извѣстію, съ отеческою нѣжностію. Будь отцомъ ему! будь добрымъ, великодушнымъ, нѣжнымъ отцомъ! Объяви ему несчастіе осторожно, тихо, не убивай его однимъ ударомъ. Я умоляю его на колѣнахъ не требовать имѣнія своей матери, не вмѣшиваться въ толпу своихъ кредиторовъ. Но я напрасно говорю объ этомъ; онъ честенъ, благороденъ; онъ почувствуетъ, что ему стыдно позорить отца своего. Уговори его, разскажи ему все, не скрывай отъ него горькой участи, ожидающей его въ будущемъ. Если онъ будетъ отчаяваться, проклинать меня, скажи, что ему остается еще одна надежда въ жизни — трудъ. Мы оба трудились, мы оба были богаты, и я тоже, я тоже былъ богатъ. Еще: если онъ захочетъ послѣдовать совѣту умирающаго отца своего, скажи ему, чтобы онъ оставилъ Францію, и ѣхалъ-бы въ Америку, въ Индію. Братъ! мой Шарль молодъ, но онъ честенъ, смѣлъ и рѣшителенъ; снабди его всѣмъ нужнымъ, дай ему денегъ; онъ отдастъ тебѣ все; онъ лучше умретъ, чѣмъ обманетъ тебя! Гранде́, исполни мою просьбу, или совѣсть твоя возстанетъ на тебя! Боже! Если мой сынъ не найдетъ въ твоемъ домѣ ни состраданія, ни нѣжности, о! я буду вѣчно молить небо о мщеніи за твою жестокость! — Еслибы я могъ сберёчь хоть сколько-нибудь денегъ, то я-бы въ правѣ былъ дать что-нибудь моему сыну, въ замѣнъ имѣнія его матери; но я долженъ былъ заплатить проценты въ прошломъ мѣсяцѣ; у меня ничего не осталось. Мнѣ-бы не хотѣлось умереть въ мучительномъ сомнѣніи о судьбѣ моего сына... о, еслибъ я могъ теперь услышать отвѣтъ твой! Я простился съ Шарлемъ, и въ то время, какъ онъ въ дорогѣ, тружусь надъ моими отчотами. Я хочу доказать, что мое несчастіе произошло не отъ вины моей, не отъ обмана. Не правда-ли, это тоже заниматься судьбою Шарля? Прощай, прощай, братъ мой! Да снизойдетъ на тебя благословеніе Божіе за великодушную дружбу твою къ моему семейству; о! я не сомнѣваюсь въ ней! Тамъ, въ лучшемъ свѣтѣ, жаркая, теплая

молитва, молитва брата, будетъ вѣчно изливаться за тебя предъ престоломъ Всевышняго.

Виктэръ-Анжъ-Вильгельмъ Грандѐ».

— А о чомъ вы тамъ толкуете? спросилъ Грандѐ, сложивъ письмо и спрятавъ его въ карманъ. Потомъ онъ бросилъ на своего племянника тихій, боязливый взглядъ, стараясь скрыть свое волненіе и свои разсчоты.

— Обогрѣлся-ли ты?

— Мнѣ тепло, дядюшка!

— Ну, а гдѣ-же наша хозяйка и моя имянинница! закричалъ скупой, забывъ, что обѣ пошли хлопотать объ устройствѣ племянника въ домѣ.

Евгенія и госпожа Грандѐ вошли въ эту минуту.

— Ну, что̀, тамъ все готово? спросилъ добрякъ, мало-по-малу приходя въ себя.

— Да, батюшка.

— Ну, племянникъ, ты чай усталъ съ дороги, такъ вотъ Нанета покажетъ тебѣ твою комнату... ну! комната такая, что не по васъ, мои красавчики. Да что̀-же дѣлать? Не осуждать-же бѣдняковъ; у меня, другъ мой, нѣтъ ничего, а налоговъ много; платить тяжело...

— Прощайте, Грандѐ; мы теперь вамъ въ тягость; вамъ, вѣрно, нужно потолковать съ племянникомъ вашимъ; прощайте, — добрый вечеръ!

— До завтра, сказалъ банкиръ.

Всѣ встали и начали откланиваться. Старый нотаріусъ зажогъ свой дорожный фонарь, и предложилъ де-Грассе́намъ проводить ихъ, потому-что ихъ слуга еще не пришолъ за ними, не предвидя несвоевременнаго окончанія вечера.

— Угодно вамъ сдѣлать мнѣ честь дать мнѣ вашу руку, сударыня? сказалъ аббатъ г-жѣ де-Грассе́нъ.

— Но здѣсь мой сынъ, отвѣчала она сухо.

— Со мною неопасно, возразилъ аббатъ.

— Поди-же съ господиномъ Крюшо̀, сказалъ самъ банкиръ женѣ своей.

Аббатъ ловко подалъ руку г-жѣ де-Грассе́нъ и увелъ ее впередъ всей толпы.

— Мальчикъ ловокъ и недуренъ собой, сказалъ аббатъ, сжимая руку своей дамы: теперь загадка разрѣшилась; проститесь съ своими надеждами: у Евгеніи есть женихъ, и если этотъ

молодецъ еще не влюбленъ въ какую-нибудь Парижанку, то вашъ Адольфъ встрѣтитъ въ немъ страшнаго соперника.

— И, полноте, господинъ аббатъ: развѣ у Шарля нѣтъ глазъ? Будьте увѣрены, что онъ замѣтитъ, что Евгенія — дѣвушка простенькая, да и некрасива. Вы видѣли, сегодня она была желта, какъ воскъ.

— Кажется, вы уже сообщили объ этомъ господину Шарлю.

— Отчего-же и не такъ?

— Я вамъ облегчу весь трудъ прекраснымъ совѣтомъ, сударыня: становитесь всегда подлѣ Евгеніи, и дѣло кончится въ вашу пользу; результатъ сравненія очевиденъ.

— Вы еще не знаете: онъ обѣщался послѣ завтра у насъ обѣдать.

— Ага!... Ахъ, еслибъ вы захотѣли, сударыня... проговорилъ аббатъ.

— Чего это, господинъ аббатъ? Что̀ это вы мнѣ совѣтуете? Слава Богу! я не для того тридцать-девять лѣтъ дорожила моимъ добрымъ именемъ, чтобы очернить его на сороковомъ... я понимаю васъ, господинъ аббатъ, намъ пора понимать другъ-друга.... фи! и вы, аббатъ, вы мнѣ это совѣтуете? Да это достойно *Фоблаза*, сударь...

— Такъ вы читали «Фоблаза», сказалъ аббатъ сладкимъ голосомъ...

— Ахъ!... я ошиблась, господинъ аббатъ: я хотѣла сказать *Опасныя связи*.

— Ну, вотъ это дѣло другое! Въ этой книгѣ гораздо-болѣе нравственности, сказалъ аббатъ, засмѣявшись: но напрасно вы толкуете слова мои въ другую сторону; я хотѣлъ только сказать...

— Вы еще осмѣливаетесь запираться! да не ясно-ли это? Еслибы Шарль захотѣлъ поволочиться за мною, то по-неволѣ забылъ-бы о Евгеніи. Я знаю, что въ Парижѣ найдутся матери, которыя рѣшатся на такія невинныя хитрости — для счастія дѣтей своихъ, господинъ аббатъ; но мы не въ Парижѣ.

— Да, сударыня, мы не въ Парижѣ.

— Да я-бы ста милліоновъ не взяла, еслибы въ-замѣнъ потребовали подобной материнской нѣжности.

— Замѣтьте, сударыня, что я не говорилъ о милліонахъ; можетъ-быть, это было-бы свыше силъ нашихъ. Я хотѣлъ только сказать, что благородная и прелестная женщина, съ такими

прекрасными правилами, какъ вы, сударыня, могла-бы позволить себѣ немножко самаго невиннаго кокетства, чтобъ...

— Вы полагаете, господинъ аббатъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, сударыня. Развѣ не обязанность наша, какъ членовъ общества, нравиться другъ другу? Но позвольте мнѣ достать мой платокъ. — Я увѣряю васъ сударыня, что лорнетъ молодаго человѣка обращался на васъ немного чаще, чѣмъ на меня; но я прощаю ему, что онъ предпочитаетъ красоту старости.

— Ясно, кричалъ позади ихъ президентъ, что парижскій Гранде́ прислалъ въ Сомюръ своего сына рѣшительно изъ видовъ на Евгенію.

— Но, позвольте, возражалъ нотаріусъ: тогда-бы его пріѣздъ былъ извѣстенъ; его-бы ожидали у Гранде́.

— Это еще ничего не доказываетъ, говорилъ де-Грассе́нъ: старикъ нашъ скрытенъ.

— Де-Грассе́нъ! Я пригласила племянника къ намъ обѣдать послѣ-завтра. — Попроси-ка тоже Ларсоніеровъ и де-Готуа съ ихъ хорошенькой дочкой. — Какъ-бы ее получше одѣть? мать рядитъ ее какъ дуру изъ ревности. — Я надѣюсь, господа, что вы тоже намъ сдѣлаете честь своимъ посѣщеніемъ, прибавила она, обращаясь къ Крюшо́.

— Вотъ мы уже и пришли, сказалъ нотаріусъ.

Поклонившись троимъ де-Грассе́намъ, трое Крюшо́ отправились домой. — Всѣ они были заняты страннымъ оборотомъ своихъ дѣлъ съ де-Грассе́нами. — Разсудокъ и разсчотъ заставили ихъ низойти до союза съ прежними врагами своими. — Нужно было всѣми силами предупредить и отвратить любовь Евгеніи къ Шарлю. — Но, можетъ-быть, молодой человѣкъ готовъ устоять противъ всего, противъ сладенькой клеветы, льстиваго злословія, наивныхъ откровенностей, словомъ, противъ всѣхъ невинныхъ средствъ и способовъ, которыми готовились атаковать его, окружить, запутать, облѣпить, какъ въ ульѣ пчелы облѣпляютъ воскомъ несчастную букашку, залѣтевшую невзначай въ ихъ пчелиное царство.

— Пора спать, племянничекъ, сказалъ Гранде́, по уходѣ гостей своихъ; о дѣлахъ до завтра, а теперь уже поздно; завтра я скажу тебѣ, для чего сюда прислалъ тебя отецъ твой. — Завтракаемъ мы въ восемь часовъ; въ полдень тоже перекусимъ что-нибудь... немножко, почти ничего, — яблочко, хлѣбца, такъ... самую крошечку; стаканъ вина; потомъ обѣдаемъ въ пять

часовъ, по-парижски. Вотъ и весь порядокъ дня. — Захочешь погулять по городу, въ окрестностяхъ, никто не помѣшаетъ тебѣ; но меня ужъ извини; водить тебя не буду; у меня дѣлъ куча. — Ты, можетъ-быть, услышишь про меня сплетни, тебѣ наговорятъ, что я милліонеръ, богачъ... да ты не вѣрь имъ, — вздоръ! Пусть ихъ говорятъ тамъ; мнѣ хуже не будетъ. — У меня нѣтъ ничего; я бѣднякъ, нищій; работаю, какъ быкъ, какъ послѣдній батракъ, сколачивая деньгу на пропитаніе. — Ты, можетъ-быть, самъ скоро узнаешь, какъ дороги денежки. — Ну-ка, Нанета, дай свѣчку!

— Надѣюсь, милый Шарль, что вы будете всѣмъ довольны; но если что-нибудь нужно вамъ будетъ, такъ кликните Нанету.

— О! я никого не обезпокою, тётушка; со мною весь мой багажъ. — Позвольте-же вамъ пожелать доброй ночи.... вамъ тоже, кузина.

Шарль взялъ изъ рукъ Нанеты восковую свѣчку, жолтую, залежалую въ лавкѣ, до того похожую на сальную, что даже самъ Гранде́, которому впрочемъ никогда и въ голову не приходили восковыя свѣчи, не замѣтилъ въ домѣ у себя такого великолѣпія.

— Пойдемте-же, я покажу дорогу, сказалъ старый чудакъ.

Вмѣсто-того, чтобы выдти чрезъ главную дверь, Гранде́ пошолъ чрезъ корридоръ, отдѣлявшій кухню отъ залы. — Со двора корридоръ защищенъ былъ дверью, съ вдѣланнымъ въ нее овальнымъ стекломъ. — Но зимою въ немъ было холодно, какъ на дворѣ; холодъ проницалъ даже въ залу, гдѣ едва-едва было тепло.

Нанета задвинула всѣ задвижки на воротахъ и спустила съ цѣпи страшную собаку. — Дикое животное, потерявшее свой лай, только и слушалось одной Нанеты.

Когда Шарль прошолъ по лѣстницѣ, дрожавшей подъ тяжолой походкой его дяди, и взглянулъ на пожелтѣвшія, закоптѣлыя стѣны, къ которымъ примыкала лѣстница, то подумалъ, что попалъ въ курятникъ. — Въ удивленіи, въ изумленіи, онъ взглянулъ на тётку и на кузину, но тѣ, не понимая его, отвѣчали ему дружескою, простодушною улыбкою; Шарль былъ въ отчаяніи.

— Да зачѣмъ-же это прислалъ меня батюшка къ такимъ чудакамъ?

Когда дошли до первой площадки лѣстницы, Шарль увидѣлъ передъ собою три двери; онѣ были выкрашены красною

краскою, и поражали взоръ ушлымъ, грубымъ видомъ своимъ на пыльной, измаранной стѣнѣ. Всѣ три двери были безъ наличниковъ, а скобки около замка фальшивыя, странной фигуры и рисованныя подъ цвѣтъ желѣза. — Съ перваго взгляда можно было удостовѣриться, что та изъ трехъ дверей, которая была прямо надъ лѣстницей, и которая вела въ комнату, расположенную надъ кухней, была замурована; ходъ въ нее былъ изъ комнаты старика Гранде́. — Эта таинственная комната была кабинетомъ стараго скряги; свѣтъ проходилъ въ нее сквозь единственное окно, выходившее на дворъ и задѣланное толстою желѣзною рѣшоткою. — Никто, не исключая и г-жи Гранде́, не смѣлъ входить въ кабинетъ старика. Скряга любилъ уединеніе, какъ алхимикъ любитъ его, подлѣ своего очага. Здѣсь-то, вѣроятно, была запрятана завѣтная кубышка, сохранялись бумаги и документы, висѣли вѣсы, на которыхъ Гранде́ взвѣшивалъ свои червонцы; тутъ-то повершались всѣ дѣла и начинанія его, сводились счоты, итоги, писались квитанціи, векселя; и не диво, что люди, видя, что у Гранде́ всегда все готово, всегда все поспѣваетъ къ сроку, и не замѣчая наконецъ, когда и гдѣ онъ работаетъ, приписывали это какому-то колдовству, чародѣйству. — Здѣсь, когда ночью Нанета храпѣла уже такъ, что дрожали стѣны, когда собака бродила по двору, а жена и дочь скряги спали крѣпкимъ сномъ, старикъ раскрывалъ свою кубышку, пересчитывалъ свое золото, глядѣлъ на него жадно, по цѣлымъ часамъ, взвѣшивалъ его на вѣсахъ, на рукахъ своихъ, цѣловалъ свое сокровище съ любовью, съ наслажденіемъ... стѣны крѣпки, ставни задвинуты, ключъ у него. — Старикъ, въ тишинѣ своего уединенія, не ограничивался настоящимъ, загадывалъ въ будущность, манилъ грядущія денежки, и разсчитывалъ барыши за плоды еще неродившіеся и неубранные. — Входъ въ комнату Евгеніи былъ напротивъ замурованной двери. — Далѣе была дверь въ спальню обоихъ супруговъ. — У госпожи Гранде́ была тоже своя комната, сообщавшаяся съ комнатою Евгеніи стекляною дверью. — Кабинетъ старика отдѣлялся отъ женниой комнаты перегородкой, а отъ таинственной комнатки его толстою стѣною.

Скряга отвелъ Шарлю покой во второмъ этажѣ, прямо надъ своею спальней, чтобы слышать все, если вздумается племяннику встать, ходить, шевелиться.

Когда Евгенія и мать ея пришли, каждая къ двери своей комнаты, то простились на ночь, поцѣловавшись другъ съ дру-

гомъ. Потомъ, сказавъ нѣсколько привѣтствій Шарлю, холодныхъ въ устахъ, но пламенныхъ въ сердцѣ Евгеніи, онѣ разошлись по своимъ спальнямъ.

— Ну, вотъ и твоя норка, сказалъ Гранде́ племяннику, отворяя ему дверь. — Если тебѣ будетъ нужно выдти, позови Нанету, а безъ нея собака разорветъ тебя по-поламъ. — Ну прощай-же; спи хорошенько. — А! что̀ это! да здѣсь развели огонь!

Въ эту минуту явилась Нанета съ нагрѣвалкою.

— Ну! такъ и есть! закричалъ Гранде́. — Да что̀ съ тобою, мать моя? развѣ племянникъ мой баба? Убирайся ты съ своими глупостями!

— Да постель холодна сударь, а молодой баринъ нѣженъ, какъ красная дѣвушка.

— Ну такъ кончай-же скорѣй! закричалъ скряга: да смотри не запали дома.

Скряга сошолъ съ лѣстницы, ворча сквозь зубы, а Шарль остался, какъ вкопаный, посреди своей комнаты. — Взоръ его блуждалъ въ изумленіи по стѣнамъ мансарды, обитымъ жолтой бумагой съ цвѣточками, которою обыкновенно оклеиваютъ кабаки. — Безобразный каминъ, испещренный неумѣстными прикрасами и некрашенный, повергалъ въ отчаяніе Шарля. — Лаковые, жолтенькіе стульчики казались въ весьма-плохомъ состояніи. — Раскрытый, огромный столъ, топорной работы, занималъ половину всей комнаты; узенькій коверъ, съ какими-то цвѣточками, былъ весь въ дырахъ и изъѣденъ мышами.

Шарль пресерьезно взглянулъ на длинную Нанету.

— Послушай, душенька, да полно такъ-ли? Неужели я у господина Грандѐ, бывшаго сомюрскаго мера, у брата г-на Гранде́, парижскаго негоціанта?

— Какъ-же, сударь, — у добраго, привѣтливаго, милостиваго барина. Развязать вашъ чемоданъ сударь?

— Разумѣется, старый мой гренадеръ! Ты, кажется, служила въ гвардейскомъ морскомъ экипажѣ?

— Ха, ха, ха, ха! въ гвардейскомъ морскомъ экипажѣ! Ха, ха! ха! что̀ это? Гвардейской морской....

— Вотъ ключъ: вынь-ка изъ чемодана мой шлафрокъ.

Нанета была внѣ себя отъ изумленія, видя богатый, шолковый шлафрокъ, съ золотымъ рисункомъ по зеленому полю.

— Вы это надѣнете на ночь, сударь?

— Надѣну, душа моя.

— О, да какой вы хорошенькой въ вашемъ шлафрокѣ; постойте-ка я позову барышню; пусть она посмотритъ на васъ...

— Замолчишь-ли ты Нанета, длинная Нанета! Ступай, я лягу теперь спать; всѣ дѣла до завтра; если мой шлафрокъ тебѣ такъ понравился, то когда я уѣду, шлафрокъ... мой... оставлю тебѣ...

Нанета остолбенѣла.

— Какъ! вы мнѣ дарите такую драгоцѣнность!... бѣдняжечка, да онъ ужъ бредитъ: прощайте сударь!

— Прощай, Нанета...

Шарль засыпалъ.

— Батюшка не пустилъ-бы меня сюда безо всякой цѣли, думалъ онъ: но о дѣлахъ важныхъ надобно думать по-утру, сказалъ непомню какой-то мудрецъ греческій.

— Святая Дѣва! какой мой братецъ хорошенькой, шептала Евгенія, прерывая свою молитву, которую она въ этотъ вечеръ позабыла окончить.

Г-жа Гранде́, засыпая, ни о чомъ не думала. Она слышала, какъ скряга скрипѣлъ, прохаживаясь по своей комнатѣ. Робкая, слабая женщина изучила характеръ своего властителя и какъ ласточка предузнавала грозу, по ей одной знакомымъ признакамъ, и тогда, по собственному ея выраженію, она притворялась мертвою.

Старикъ Гранде́ ворчалъ, похаживая по своей комнатѣ: «Оставилъ-же мнѣ наслѣдство почтеннѣйшій мой братецъ; нашолъ кому! Да что̀ мнѣ дать этому молодчику? что̀ у меня есть про его честь? Да я ему и двадцати экю не дамъ, а что ему двадцать экю? Красавчикъ посмотрѣлъ на мой барометръ такъ, что я, право, подумалъ, что онъ хочетъ порастопить имъ каминъ немного». Словомъ, раздумывая и ломая голову надъ завѣщаніемъ брата, старикъ безпокоился и тосковалъ болѣе, чѣмъ несчастный самоубійца, когда писалъ его.

— Такъ у меня будетъ золотое платье! шептала, засыпая, Нанета. Ей снилось, что она уже надѣла это платье, золотое, съ цвѣтами, съ драгоцѣнными каменьями. Первый разъ въ жизни она мечтала о щегольствѣ и нарядахъ, какъ и Евгенія въ первый разъ мечтала о любви.

Глава III.

Любовь въ провинціи.

Есть прекрасный часъ въ тихой, безмятежной жизни дѣвушки, часъ тайныхъ, несказанныхъ наслажденій, часъ, въ который солнце свѣтитъ для нея ярче на небѣ, когда полевой цвѣтокъ краше и благоуханнѣе, когда сердце, какъ птичка, трепещетъ въ волнующейся груди ея, умъ горитъ, и мысли расплавляются въ тайное, томительное желаніе. Этотъ часъ есть часъ неопредѣленной грусти любви, неопредѣленныхъ, но сладостныхъ мечтаній любви. Когда дитя, впервы́е проглянетъ на свѣтъ божій, оно улыбается; когда дѣвушка услышитъ первый ударъ своего влюбленнаго сердца, она улыбнется, какъ дитя. И какъ свѣтъ божій, первый привѣтствуетъ сладкимъ, теплымъ лучомъ пришествіе въ міръ человѣка, такъ и любовь торжественно привѣтствуетъ сердце человѣческое, когда оно впервы́е забьется чувствомъ и страстію. Такой часъ насталъ для Евгеніи.

Какъ ранняя птичка, она проснулась съ зарею и помолилась. Потомъ начала свой туалетъ — занятіе, отнынѣ для нея важное, получившее свой особенный смыслъ. Она разобрала свои длинные каштановые волосы, заплела свои косы надъ головою, бережно, не давая кудрямъ разсыпаться и вырываться изъ рукъ, и гармонически соединила въ причоскѣ своей простоту и наивность съ красотою и искусствомъ. Умывая свои полныя, нѣжныя руки чистою, ключевою водою, она невольно вспомнила стройную ручку своего кузена, и невольно подумала: отчего она такъ нѣжна, бѣла, такъ стройна и красива? Она выбрала чулки, какъ можно бѣлѣе, башмаки, какъ можно красивѣе и новѣе, зашнуровалась и съ радостію надѣла чистое, свѣжее платьице, выбравъ его, какъ можно болѣе къ–лицу. Какъ только она кончила одѣваться, пробили городскіе часы; ка̀къ удивилась Евгенія, насчитавъ только семь! Желая получше одѣться и имѣть на то побольше времени, она встала раньше обыкновеннаго. Непосвященная въ тайны кокетства, не зная искусства десять разъ завить и развить свой локонъ, выбирая прическу болѣе къ–лицу, Евгенія, отъ–не́чего–дѣлать, сложила свои руки и сѣла подлѣ окна; видъ былъ небогатый, незатѣйливый: дворъ, узкій, тѣсный садъ и надъ нимъ высокія террасы городскаго вала — все было весьма–обыкновенно, но нелишено оригинальной,

дѣвственной красоты, свойственной пустыннымъ мѣстамъ и невоздѣланной природѣ.

Возлѣ самой кухни находился колодезь, обнесенный срубомъ, съ бадьею на блокѣ, въ желѣзной обоймицѣ, укрѣпленной на деревянномъ шестѣ. Около этого шеста обвивалась виноградная лоза, съ завядшими, изжелта-красными листьями; вѣтви и отпрыски спускались внизъ, обвивали почернѣвшій срубъ, бѣжали далѣе, по фасаду зданія, и оканчивались у деревяннаго сарая, въ которомъ дрова были разложены съ такою-же симметрическою точностію, какъ книги въ кабинетѣ любаго библіофила. Мостовая двора, разбитая ѣздою, почернѣвшая, свидѣтельствовала о времени густыми клочьями моха и дикихъ травъ, пробившихся между каменьями. Толстыя, полуразрушенныя стѣны были увиты игривымъ плющомъ. Наконецъ, въ углубленіи дворика, возвышались восемь ступеней, которыя вели къ калиткѣ садика; онѣ были неровны, разбиты временемъ и почти совершенно скрывались подъ дикими кустами травы, живописно выбивавшейся изъ разселинъ треснувшаго камня; издали цѣлое походило на могилу какого-нибудь крестоносца-рыцаря, насыпанную неутѣшною вдовою его. Надъ громадою этихъ камней возвышалась полусгнившая, полуразвалившаяся деревянная рѣшотка садика, живописно-оплетѣнная мѣстами игривою лозою. Съ обѣихъ сторонъ садовой калитки двѣ яблони простирали одна къ другой свои кривыя, коростовыя вѣтви. Въ садикѣ, три параллельныя, усыпанныя пескомъ дорожки, обрѣзывали куртины, обведенныя плющовою изгородью. Въ углубленіи садика старыя липы, сплетшись вѣтвями, образовали бесѣдку. На лѣвой сторонѣ были парники; на правой, возлѣ самаго дома, стоялъ огромный орѣшникъ, раскидистыя вѣтви котораго сыпались въ безпорядкѣ на крышу... Свѣтлые, осенніе лучи солнца, заблистали на небѣ, на землѣ, вездѣ, и мало-по-малу разогнали туманъ, темный грунтъ ночи, облекавшей еще стѣны, деревья, садъ...

И во всей природѣ, во всемъ, что̀ окружало Евгенію, и что̀ казалось ей такъ обыкновеннымъ, находила она теперь какую-то необъяснимую, новую прелесть, новое наслажденіе. Тысячи неясныхъ ощущеній пробудились въ душѣ ея, расли въ ней, наполняли ее, по-мѣрѣ-того, какъ лучи солнца наполняли вселенную. Какое то неясное, неизъяснимое удовольствіе заиграло въ сердцѣ ея. Ея сердце глубоко и сильно сочувствовало всему окружавшему, и мысли дѣвушки гармонически строились подъ ладъ всей природы.

Когда солнце дошло до стѣны, увѣнчанной дикими цвѣтами, и облило ее моремъ яркаго свѣта, тогда небесный лучъ надежды проникъ въ душу Евгеніи. И она полюбила съ-тѣхъ-поръ эти поблекшіе цвѣты, эти синіе колокольчики и увядшую зелень, эту часть стѣны, все наконецъ, что̀ носило воспоминаніе, отпечатокъ настоящихъ минутъ ея жизни. Шумъ листьевъ, тихій, неясный шелестъ ихъ паденія, все отвѣчало на вопросы Евгеніи, все разрѣшало ихъ, и она готова была цѣлый день просидѣть у окна своего, не замѣчая времени.

Но вдругъ тревожныя мгновенія настали для души ея. Евгенія встала, подошла къ зеркалу, взглянулась въ него, и, какъ художникъ, боясь за свое произведеніе, безсознательно хулитъ и порицаетъ его, такъ и Евгенія невольно сказала про себя:

— Я дурна, я не понравлюсь ему.

Мысль робкая, носящая въ себѣ зародышъ глубокихъ, страшныхъ мученій.

Бѣдная дѣвушка была къ себѣ несправедлива, но скромность и боязнь за себя — первая добродѣтель любви. Евгенія была типомъ, идеаломъ красоты народной. Но если она и походила на Венеру Милосскую, то свѣжесть, чистота и блескъ красоты духовной, разливали тайную прелесть на лицѣ ея, прелесть, незнакомую съ рѣзцомъ древнихъ художниковъ. Голова Евгеніи была большая, лобъ мужественной красоты, лобъ Фидіасова Юпитера, глаза сѣрые, съ дѣвственнымъ, сіяющимъ блескомъ. Черты круглаго лица ея, нѣкогда розоваго, свѣжаго, были чуть-чуть засажены оспою, почти неоставившею слѣдовъ, но уничтожившею атласность кожи, впрочемъ и теперь столь нѣжной и свѣжей, что поцѣлуй госпожи Гранде́ обыкновенно оставлялъ розовое пятно на щекахъ ея возлюбленной дочери. Носъ ея былъ немного великъ, но гармонировалъ съ пурпурными устами, обѣщавшими страстную нѣгу любви и наслажденія. Шея была стройна, округлена превосходно. Грудь, станъ манили взглядъ и навѣвали мечты наслажденія. Ей не доставало граціозности искусства, но дѣвственная легкость стана ея имѣла особую прелесть. Конечно свѣтъ не призналъ-бы Евгеніи красавицею, но мощная, величественная красота ея была-бы достойно оцѣнена художникомъ. Если онъ ищетъ на землѣ небеснаго сіянія Мадонны, если онъ ищетъ тѣхъ величественно-скромныхъ очей, которыя постигъ Рафаэль, тѣхъ свѣтлыхъ, дѣвственныхъ контуровъ, которые сохраняются лишь въ дѣвственномъ огнѣ цѣломудрія тѣла и мысли, если художникъ влюб-

ленъ въ этотъ, почти несбыточный идеалъ свой, то жадный взоръ его умѣлъ-бы открыть въ чертахъ лица Евгеніи многое, что́ осуществило-бы завѣтныя мечты его. Тайное, величественное благородство было запечатлѣно на этомъ дѣвственномъ ликѣ. Подъ холоднымъ взглядомъ пламенный художникъ угадалъ-бы цѣлый міръ любви; въ разрѣзѣ глазъ, въ привычномъ движеніи рѣсницъ, онъ нашолъ-бы прелесть неуловимую. Эти черты, блистающія свѣжестію, на которыя еще не дохнуло пресыщеніе тлетворнымъ дыханіемъ своимъ, эти черты были ясны и свѣтлы, какъ тихій край горизонта, окаймляющій вдали зеркальную поверхность необозримаго озера. Эти черты, безмятежныя, облитыя райскимъ свѣтомъ, покоили взоръ вашъ, утишали въ сердцѣ вашемъ неистовые порывы желанія, и смиряли душу.

Евгенія была еще только на берегу шумнаго океана жизни; еще жизнь не согнала съ сердца ея впечатлѣній дѣтства. Невинная дѣвушка еще съ дѣтскою радостію срывала полевую маргаритку, съ радостію, незнакомою людямъ, среди бурей жизненныхъ. Не понимая любви, она повторяла: «я нехороша, онъ и не замѣтитъ меня». Тихонько отворила она дверь, выходившую на лѣстницу, и стала прислушиваться къ домашнему шуму.

— Онъ еще не встаетъ, сказала она, услышавъ одинъ лишь кашель пробудившейся Нанеты.

Добрая служанка уже ходила, хлопотала, мела комнаты, топила печку, не забывъ между прочимъ привязать на цѣпь собаку.

Евгенія выбѣжала на дворъ. Нанета доила въ это время корову.

— Нанеточка, душенька, сдѣлай сливокъ для кофе, на завтракъ братцу.

Нанета захохотала во все горло.

— Объ этомъ нужно было-бы сказать еще вчера, сударыня. Да развѣ самой можно дѣлать сливки? онѣ сами дѣлаются. А знаете ли, сударыня, какой хорошенькой вашъ братецъ? Ну ужъ такой хорошенькой, такой хорошенькой! Какое у него есть золотое платье! вы не видали его въ золотомъ платьѣ? Я видѣла; а бѣлье-то онъ носитъ такое-же тонкое, какъ на стихарѣ у нашего пастора.

— Такъ сдѣлай намъ сладкихъ ватрушекъ, Нанета.

— А вы дадите дровъ, да муки, да масла? (Нанета, въ качествѣ перваго министра старика Гранде́, любила иногда по-

величаться важностію своего сана передъ Евгеніею и ея матерью). — Не украсть-же мнѣ *у него,* чтобъ угодить вашему братцу? Нутка, спросите-ка у него сами дровъ, да муки, да масла; а? вы къ нему поближе меня, вы дочь родная... Ну, да вотъ и онъ самъ, легокъ на-поминѣ... подите-ка, ступайте-ка къ нему!..

Но Евгенія уже успѣла спрятаться въ садъ, заслышавъ походку своего отца. — Она уже ощущала то странное чувство, которое невольно нагоняетъ краску на лицо наше, ту мысль, которая мучитъ насъ увѣренностію, что вотъ всякій такъ и узнаетъ сейчасъ всю нашу тайну, такъ и отгадаетъ всѣ наши мысли съ перваго взгляда. — Замѣтивъ въ первый разъ скупость и бѣдность въ родительскомъ домѣ, Евгенія стала досадовать на роскошь своего кузена. — Ей непремѣнно хотѣлось что-нибудь сдѣлать самой, чтобы быть въ силахъ потягаться съ своимъ кузеномъ въ роскоши; что-нибудь изобрѣсть наконецъ, чтобы угодить Шарлю; но что́ именно, она и сама не знала. — Простая, наивная, она не берегла сердца отъ впечатлѣній новаго, невѣдомаго ей чувства. — Образъ Шарля взволновалъ въ ея невинномъ сердцѣ всю страсть, доселѣ скрывавшуюся въ немъ, всѣ чувства, всѣ желанія женщины, и тѣмъ-болѣе, что въ 23 года мысли ея были ясны и желанія небезсознательны. — Первый разъ въ жизни она испугалась своего отца, поняла въ немъ властелина судьбы своей, и въ душѣ признавала себя виновною, тая́ передъ нимъ свое чувство, свою страсть. — Въ волненіи, она стала быстро ходить по саду; воздухъ для нея былъ чище, лучи солнца играли радостнѣе, она жила новою жизнію. — Въ то́ время, когда Евгенія придумывала, ка̀къ-бы имѣть пирожное къ завтраку, между скрягою и министрэмъ его, Нанетою, начинался споръ, домашняя ссора. — Междоусобія были такою рѣдкостію въ этомъ чудномъ хозяйствѣ, какъ зимою ласточки. — Съ ключами въ рукахъ, старый чудакъ пришолъ обвѣшивать и обмѣривать Нанету, выдавая ей дневную провизію.

— Ужъ вѣрно сколько-нибудь осталось отъ вчерашняго хлѣба?

— Хоть-бы одна крошечка, сударь.

Гранде́ взялъ изъ корзины большой хлѣбъ и принялся его разрѣзывать. Нанета возразила:

— Да вѣдь насъ, сударь, пятеро.

— Ну, что̀-же? все-таки будутъ остатки; вѣдь здѣсь шесть фунтовъ. — Къ тому-же эти парижскія птички не клюютъ нашего хлѣба; вотъ ты увидишь сегодня, посмотришь.

— А коли не ѣдятъ хлѣба, такъ ѣдятъ за то что-нибудь пожирнѣе.

— Да нѣтъ-же, и пожирнѣе не ѣдятъ; они ничего не ѣдятъ. — Они, какъ дѣвчонки передъ свадьбою, живутъ воздухомъ.

Наконецъ, распорядившись всѣмъ, не передавъ ни волоска лишняго, скупой заперъ уже свой шкафъ и хотѣлъ-было идти въ парникъ за плодами, но Нанета не дала ему отдѣлаться такъ дешево.

— Дайте-ка мнѣ сударь муки да масла; я напеку дѣткамъ пирожнаго, сказала она.

— Господи Боже мой, да онѣ всѣ сговорились ограбить меня для дорогаго племянника!!!..

— И, Господи, что̀ выдумали.... да что̀ мнѣ въ вашемъ племянникѣ? я объ немъ столько-же забочусь, сколько вы сами. — Вотъ хоть-бы сахару выдали вы, сударь, шесть кусковъ: обсчитали, — нужно восемь?

— Послушай, Нанета, да ты съ-ума сегодня сошла, что́-ли? У него будетъ сахаръ, — цѣлыхъ два куска, я не буду пить кофе.

— Какъ! вы не будете пить кофе? на старости отвыкать отъ привычекъ трудно, сударь; да я вамъ на свои деньги куплю сахару.

— А тебѣ какое дѣло? молчать!

Хотя сахаръ давно уже подешевѣлъ, но для старика онъ былъ также дорогъ, какъ и во-время Имперіи, когда одинъ фунтъ его покупали за шесть франковъ. — Гранде́ привыкъ скупиться на сахаръ, и не ему было отвыкать отъ своихъ привычекъ.

У женщины, умна-ли она или нѣтъ, все-таки найдется столько хитрости, чтобы достать, чего захотѣлось; Нанета бросила сахаръ и принялась опять за пирожное.

— Сударыня! закричала она Евгеніи: вѣдь вамъ вѣрно хотѣлось-бы пирожнаго сегодня къ-обѣду?

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, отвѣчала Евгенія.

— Ну ужъ на, возьми себѣ муки, сказалъ Гранде́.

Онъ раскрылъ кадочку съ-мукою, отмѣрилъ какъ можно меньше, и прибавилъ чуть-чуть масла къ прежде-выданной порціи.

— Нужно дровъ, продолжала неумолимая Нанета.

— Возьми, сколько нужно будетъ, уныло отвѣчалъ Гранде́: но ужъ заразо́мъ, чтобы не топить въ другой разъ, сдѣлаешь намъ компотъ и пораньше состряпаешь весь обѣдъ.

— Ужъ будто и не знаю!... лишнія слова, сударь.

Гранде́ бросилъ на вѣрную Нанету взглядъ глубокой признательности, отеческой нѣжности.

— Ну, барышня, будетъ пирожное, закричала въ восторгѣ Нанета.

Когда старикъ воротился съ плодами, и разложилъ ихъ на столѣ, Нанета разговорилась съ нимъ, по-обыкновенію.

— Посмотрите-ка, сударь, какіе прекрасные сапоги у молодаго барина! Что́ за кожа, да какъ она хорошо пахнетъ. — А чѣмъ ихъ чистить, сударь? — Неуже-ли вашей ваксой?

— Послушай-ка, Нанета, моя вакса ихъ только испортитъ; скажи ему, что ты вовсе не умѣешь чистить такихъ сапогъ; пусть самъ купитъ ваксы въ городѣ. — Я слышалъ, что въ ихъ ваксу сахару разводятъ, для блеска.

— Такъ ее ѣсть можно, сказала Нанета, понюхивая сапоги: ахъ, сударь, да они пахнутъ о-де-колономъ, — вотъ чудеса!

— Чудеса! Хороши чудеса, ворчалъ старикъ: тратить на сапоги больше денегъ, чѣмъ сто́итъ весь то ихъ хозяинъ! глупость!

— Послушайте, сударь, ужъ вѣрно раза два въ недѣлю мы сдѣлаемъ супъ, по случаю пріѣзда...

— Ну да, да, что́ тамъ еще?

— Да вамъ, сударь, стало-быть, придется сбѣгать на рынокъ за говядиной.

— Совсѣмъ не нужно; сдѣлай бульйону изъ дичи; тебѣ принесутъ дичи; скажи Корнулье, чтобы онъ пастрѣлялъ воронъ. — Вороній бульйонъ всего лучше.

— Ахъ, сударь, воронъ гадкая птица — клюетъ мертвечину, да всякую падаль!

— Дура ты! ѣдятъ, какъ и мы, все, что́ Богъ имъ пошлетъ; развѣ мы сами не щиплемъ мертвечину? А наслѣдство-то? а наслѣдники-то?

Не было больше никакихъ приказаній; Гранде́ взглянулъ на часы, и видя, что до завтрака осталось еще добрыхъ полчаса,

пошолъ въ садъ къ своей дочери. Поздоровавшись, онъ сказалъ ей:

— Пойдемъ-ка погулять на луга; мнѣ тамъ нужно кое-на-что посмотрѣть.

Евгенія надѣла свою соломенную шляпку, подбитую розовою тафтою. — Старикъ и дочь сошли внизъ по улицѣ на площадь.

— Что̀ такъ рано, сказалъ Крюшо́, нотаріусъ, *попавшись* имъ на-встрѣчу.

— А вотъ кое-на-что́ посмотрѣть, отвѣчалъ чудакъ, разгадавъ встрѣчу съ Крюшо̀.

Когда Гранде́ шолъ посмотрѣть кое-на-что́, такъ ужъ нотаріусъ зналъ навѣрно, что можно при этомъ выиграть кое-что̀. — Крюшо̀ присоединился къ гуляющимъ.

— Пойдемте-ка съ нами, Крюшо̀, сказалъ Гранде́: вы нашъ домашній, съ вами таиться нечего, пойдемте-ка; я хочу вамъ доказать, какая страшная глупость — садить тополи на хорошихъ лугахъ.

Крюшо̀ разинулъ ротъ отъ удивленія.

— Такъ, стало-быть, вы позабыли, что за тополи на Луарѣ получили вы добрыхъ 60000 франковъ? что̀ это для васъ — такъ, ничего? Правда и счастіе: именно тогда срѣзали, когда въ Нантѣ нужно было строеваго лѣсу. — Продали по тридцати франковъ штуку!

Евгенія слушала равнодушно, не предчувствуя, что настаетъ для нея роковая минута, когда нотаріусъ заставитъ Гранде́ высказать свою волю о судьбѣ своей дочери.

— Слушайте, Крюшо̀, сказалъ Гранде́, когда всѣ пришли на прекрасные, заливные луга его, гдѣ тридцать работниковъ планировали, очищали и засыпа̀ли ямы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были порублены тополи: слушайте Крюшо́: видите-ли сколько мѣста занимало здѣсь каждое дерево? — Жанъ! закричалъ онъ работнику: обмѣряй-ка поскорѣе со-всѣхъ сторонъ яму.

— Бокъ 8 футовъ, отвѣчалъ работникъ.

— 64 квадратныхъ фута потери, отвѣчалъ Гранде́. У меня въ этомъ ряду было триста тополей, не правда-ли? Ну такъ триста разъ трижды четыре фута терялось, да вдвое столько-же по-бокамъ, да по срединѣ столько-же, всего положимъ три тысячи вязанокъ сѣна.

— Сто̀итъ 1800 франковъ, пособилъ Крюшо́.

— Скажите двѣ тысячи, потому–что на триста или на четыреста франковъ будетъ отавы. — Такъ, сосчитайте–ка сколько будетъ въ сорокъ лѣтъ съ процентами на проценты.

— Ну, хоть сто тысячь, сказалъ нотаріусъ.

— Ну, ну хоть сто тысячь, переговорилъ скряга. Ну, такъ двѣ–тысячи–пятьсотъ сорока–лѣтнихъ тополей не дали–бы мнѣ и 75,000 франковъ. Потери! Я разсчиталъ это, сказалъ Гранде́, охорашиваясь. — Все послѣднее онъ проговорилъ чисто и не заикаясь. — Жанъ! Засыпь вездѣ ямы, кромѣ тѣхъ, которыя у рѣки; тамъ посадишь молодые тополи, вотъ что купилъ я недавно.

— Тамъ у рѣки они будутъ на казенномъ содержаніи, продолжалъ онъ, обращаясь къ Крюшо̀, причомъ шишка на носу его стала легонько пошевеливаться, что́ означало въ немъ самую ѣдкую иронію.

Изумленный Крюшо̀ смотрѣлъ на своего кліента въ какомъ–то обожаніи.

— Ясно, ясно, повторялъ нотаріусъ: невыгодно садить деревья на заливныхъ лугахъ.

— Да, сударь, отвѣчалъ бочаръ.

Евгенія не слушала разсчотовъ своего отца и смотрѣла на величественный видъ пышнаго теченія Луары; но вдругъ слова Крюшо̀ поразили ее и она стала прислушиваться.

— А что̀, Гранде́, къ вамъ пріѣхалъ изъ Парижа зятюшка? А? только и рѣчи въ Сомюрѣ, что объ вашемъ племянникѣ. Не приготовить–ли мнѣ контракта.... а? Гранде́!

— Вы вышли пораньше, чтобъ разузнать объ этомъ, Крюшо̀, сказалъ Гранде́ съ насмѣшкою. Ну, старый товарищъ, намъ скрываться нечего, я вамъ пожалуй скажу.... видишь–ли: я лучше брошу дочь въ Луару, чѣмъ отдамъ ее за кузена.... Можешь всѣмъ разсказать. — Впрочемъ не разсказывай, пусть ихъ еще подурачатся, посплетничаютъ.

Евгенія едва устояла на ногахъ, услыша отвѣтъ отца своего. — Въ одинъ мигъ всѣ надежды, всѣ мечты, едва разцвѣтшія въ сердцѣ ея, были смяты, разорваны, уничтожены. — Она почувствовала, что уже судьба ея соединена съ судьбою Шарля, и что начинается для нея время любви, страданій и горести. — Не въ благородномъ–ли назначеніи женщины быть величественнѣе въ страданіи и бѣдствіи, чѣмъ въ счастіи и роскоши?

Какъ могло чувство родительское изчезнуть въ сердцѣ отца ея? Чѣмъ виноватъ бѣдный Шарль? Для Евгеніи это было загадкою! Едва возродившаяся любовь ея была окружена страшною таинственностію. Она трепетала отъ страха; природа не улыбалась ей болѣе; все дышало грустію, навѣвало уныніе, и старая сомюрская улица, по которой они, всѣ трое, возвращались домой, показалась ей темнѣе и мрачнѣе вдвое прежняго.

За нѣсколько шаговъ отъ ихъ дома, она опередила отца и постучалась въ двери. — Но Гранде́, увидя журналъ въ рукахъ нотаріуса, остановился поговорить съ нимъ.

— Ну, какъ курсы, Крюшо̀, какъ курсы?

— Ахъ, Гранде́, вы не хотите меня послушаться; покупайте скорѣе, покупайте немедленно; можно еще выиграть по двадцати на сто въ два года, не считая пресоблазнительныхъ процентовъ. 5000 ливровъ дохода и сто̀ятъ только 80,000 франковъ, по 80 франковъ 50 сантимовъ!

— А посмотримъ, посмотримъ, сказалъ Гранде́, поглаживая подбородокъ.

— Боже! закричалъ нотаріусъ.

— Ну что̀ тамъ, что̀ тамъ? говорилъ Гранде́, вырывая журналъ изъ рукъ его.

— Читайте, читайте здѣсь, Гранде́; вотъ это!..

«Г-нъ Грандѐ, одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ негоціянтовъ парижскихъ, застрѣлился вчера, послѣ обычнаго появленія своего на биржѣ. Передъ смертію онъ послалъ свое отреченіе президенту палаты депутатовъ, равно какъ сложилъ съ себя свое званіе въ коммерческомъ судѣ. Банкрутство Г. Г. и А. С., стряпчаго и нотаріуса покойнаго господина Грандѐ, были причиною его разоренія и смерти. Впрочемъ, уваженіе и кредитъ, пріобрѣтенные имъ между своими товарищами, могли-бы спасти его. Сожалѣютъ, что человѣкъ, всѣми уважаемый, какъ господинъ Грандѐ, не устоялъ противъ перваго порыва отчаянія...» и т. д. и т. д.

— Да, я зналъ еще вчера, сказалъ бочаръ.

Нотаріусъ былъ, какъ и всѣ нотаріусы, холодный, разсчотливый, дѣловой человѣкъ; но ознобъ пробѣжалъ по всему тѣлу его, при мысли, что самоубійца братъ, можетъ-быть, тщетно молилъ о помощи девяти-милліоннаго Грандѐ сомюрскаго.

— А сынъ его? Онъ былъ такъ веселъ вчера...

— Онъ еще ничего не знаетъ, отвѣчалъ старикъ съ прежнимъ хладнокровіемъ.

— Прощайте, Грандѐ, сказалъ Крюшо̀, поспѣшно раскланиваясь. Онъ понялъ все и побѣжалъ къ племяннику своему, президенту.

Завтракъ былъ уже поданъ, когда гулявшіе возвратились. Евгенія бросилась на шею къ своей матери, влекомая избыткомъ ощущеній, скопившихся въ сердцѣ ея. Госпожа Гранде́, по обыкновенію, сидѣла въ своихъ креслахъ, у окна, и вязала для себя зимніе рукава.

— Завтракайте одни, сказала Нанета. Онъ еще спитъ, какъ херувимчикъ! какой хорошенькой! Я взошла къ нему, звала, — куда, еще не просыпается!

— Да пусть спитъ, сказалъ Гранде́: бѣда не за горами, время всегда найдется.

— Что̀ такое? спросила Евгенія, опуская въ свой кофе два маленькіе кусочка сахару, во сколько-то грановъ каждый; (работы старика, который въ досужные часы самъ кололъ свой сахаръ).

Госпожа Гранде́, не смѣвшая спросить мужа, съ безпокойствомъ ожидала его отвѣта на вопросъ Евгеніи.

— Отецъ его застрѣлился.

— Дядюшка!! закричала Евгенія.

— Бѣдный молодой человѣкъ, сказала госпожа Гранде́.

— Да, бѣдный, бѣдняга, бѣднякъ, нищій, отвѣчалъ скряга: у него нѣтъ ни копейки.

— Ну, а онъ спитъ, какъ король, проговорила сквозь слезы Нанета.

Евгенія перестала ѣсть; сердце ея сжалось мучительно, тоскливо, какъ сжимается сердце влюбленной женщины, трепещущей за жизнь своего любовника. Слезы хлынули изъ глазъ бѣдной дѣвушки.

— Вотъ! да развѣ ты знала своего дядю, сказалъ Гранде́, бросивъ на дочь взглядъ голоднаго тигра: ну, зачѣмъ-же ты плачешь?

— Да кто-же и не заплачетъ-то, сударь, глядя на этого бѣдняжку, сказала Нанета: спитъ себѣ мертвымъ сномъ; ему горе и во снѣ не грезится.

— Съ тобой не говорятъ. Молчи.

Тутъ Евгенія узнала, что женщина, которая любитъ, должна скрывать свои чувства. На вопросы отца она не отвѣчала.

— Не говорите ему ничего до моего возвращенія, — держите языкъ за зубами; слышите-ли вы меня, госпожа Гранде́? а мнѣ

нужно еще посмотрѣть на лугахъ за работою. Когда я ворочусь, къ полднику, такъ самъ поболтаю съ нимъ.

— Ну, а ты, дочка, если ты хлопочешь по этомъ красавчикѣ, такъ предупреждаю тебя, что напрасный трудъ; усадимъ да и пустимъ его, въ Индію, за море, — не долго полюбуемся имъ... слава Богу!

Старикъ взялъ свои перчатки, надѣлъ ихъ, расправилъ на пальцахъ и вышелъ.

— А!.. матушка! мнѣ дурно, закричала Евгенія, по уходѣ своего отца: я никогда такъ не мучилась!

Госпожа Гранде́ поспѣшно отворила окно, воздухъ освѣжилъ Евгенію.

— Мнѣ легче, сказала она.

Бѣдная мать испугалась за дочь свою; какъ мать, она поняла все, и съ какимъ-то невольнымъ сочувствіемъ смотрѣла на Евгенію. Сказать истину, жизнь и дружба извѣстныхъ венгерскихъ сестрицъ-близнецовъ, сросшихся вмѣстѣ, можетъ-быть, не могла-бы сравниться съ дружбою этихъ двухъ женщинъ, жившихъ вмѣстѣ, молившихся вмѣстѣ, спавшихъ вмѣстѣ, въ одной комнатѣ.

— Бѣдное, бѣдное дитя! сказала госпожа Гранде́, прижимая дочь къ своему сердцу.

Евгенія подняла голову, устремила на мать глубокій, вопрошающій взглядъ, и, разгадавъ ея мысли, сказала:

— Зачѣмъ посылать его въ Индію? Онъ несчастливъ, — мы его родные, мы должны будемъ помочь ему.

— Правда твоя, другъ мой; но у отца твоего другія намѣренія, и мы не должны осуждать ихъ.

Обѣ замолчали и принялись каждая за свое рукодѣлье. Но вдругъ Евгенія, побужденная влеченіемъ сердца своего, схватила руку доброй матери и набожно поцѣловала ее. Сердце ея кипѣло любовью.

— Какъ ты добра, ангелъ мой, милая, добрая маменька!

Лицо старушки засіяло небесною радостію.

— Тебѣ онъ понравился, не правда-ли? спросила Евгенія мать свою.

Г-жа Гранде́ улыбнулась; но послѣ минутнаго молчанія она тихо спросила Евгенію:

— Ты полюбила его? Ахъ, другъ мой! нехорошо!

— Нехорошо? отчего это? Да онъ всѣмъ нравится; тебѣ, мнѣ, Нанетѣ; отчего-же не любить его? Полно, мамаша! Приготовьте-ка лучше ему завтракать.

Она бросила работу.

— Дурочка, сказала ей мать, и встала вмѣстѣ съ нею. Евгенія кликнула Нанету.

— Ну, что́ вамъ еще нужно, хорошенькая барышня?

— Нанета, будутъ у насъ сливки къ полднику?

— Къ полднику? будутъ; это дѣло другое.

— Такъ приготовь кофе, какъ можно крѣпче; я помню, господинъ де-Грассе́нъ говорилъ когда-то, что въ Парижѣ любятъ пить кофе самый крѣпкій. Клади его какъ можно больше, Нанета.

— Хорошо, хорошо! да гдѣ взять-то его сударыня?

— Да купи; вотъ деньги...

— А если баринъ меня встрѣтитъ, что...

— Не встрѣтитъ, не встрѣтитъ! Онъ ушолъ на луга.

— Бѣгу, бѣгу сію-минуту. Но знаете-ли, сударыня? вчера господинъ Грондаръ уже изволилъ меня спрашивать, когда я пришла за восковою свѣчкою въ его лавку, что, дескать, не остановились-ли у насъ три царя восточные? — Вѣдь въ городѣ уже заболтали о нашихъ пирахъ да праздникахъ.

— Ежели мужъ замѣтитъ что-нибудь, право, онъ въ состояніи будетъ прибить насъ, сказала госпожа Гранде́.

— Да пожалуй! Я не буду ни плакать, ни жаловаться, мамаша, и на колѣняхъ приму его удары.

Госпожа Гранде́ возвела взоры къ небу. — Нанета надѣла чепецъ и вышла.

Евгенія выдала столовое бѣлье, и побѣжала на чердакъ, взять оттуда нѣсколько кистей винограда, которыя она сама развѣсила тамъ на веревкѣ. Тихо прошла она по корридору, чтобы не разбудить Шарля, но, проходя мимо двери его комнаты, услышала легкое дыханіе спящаго.

— Горе созрѣло, а онъ еще спитъ, подумала Евгенія.

Она набрала самыхъ свѣжихъ виноградныхъ листьевъ и кокетливо, изящно убрала ими тарелку винограда. Тарелка была торжественно поставлена на столѣ; послѣ чего взяты были изъ кухни утромъ отсчитанныя отцомъ груши: онѣ составили прекрасную пирамиду между виноградными листьями. Евгенія ходила, бѣгала, прыгала. Ей-бы очень-хотѣлось похозяйничать

въ домѣ по-своему, но все было приперто и ключи у отца. Нанета, возвратившись, представила Евгеніи пару свѣжихъ яицъ. Евгенія чуть не вспрыгнула ей на шею.

— Мнѣ предложилъ эти яйца лалаидскій фермеръ изъ вѣжливости, а я и взяла ихъ... добрый старикъ!

Наконецъ послѣ двухъ-часовыхъ трудовъ, въ продолженіе которыхъ Евгенія двадцать разъ бросала свое рукодѣлье, чтобы присмотрѣть за кофе, чтобы пойти послушать, встаетъ-ли кузенъ ея, кой-какъ сочинился завтракъ, хотя очень, очень-скромный, но который могъ-бы почесться пиршествомъ, — такъ рѣзко не гармонировалъ онъ со всегдашнимъ обычаемъ и правилами этого дома. Обыкновенно завтракали они всегда стоя, то-есть, ѣли нѣмножко хлѣбца, плодовъ или стаканъ вина. Но теперь, видя накрытый столъ съ придвинутыми креслами, видя цѣлыхъ двѣ тарелки съ плодами, бутылку бѣлаго вина, хлѣбъ и сахаръ, Евгенія невольно вздрогнула, подумавъ только, что́-бы всѣмъ было, еслибъ старикъ вошолъ въ эту минуту. Евгенія стала безпокойно поглядывать на часы, разсчитывая время до возвращенія отца своего.

— Не безпокойся, Евгенія, сказала госпожа Гранде́: если неравно придетъ отецъ, то я все возьму на себя.

Евгенія не могла удержаться отъ слезъ при словахъ своей матери.

— Матушка, добрая матушка, сказала она, я не умѣла цѣнить тебя до-сихъ-поръ.

Шарль, пройдя нѣсколько разъ по комнатѣ, пропѣвъ нѣсколько куплетовъ, явился наконецъ въ залу. Къ-счастію было только одиннадцать часовъ. Онъ одѣлся такъ изящно, какъ-будто-бы находился въ за̀мкѣ своей Анеты, въ Шотландіи. Онъ вошолъ весело и свободно; веселый видъ украшаетъ юность, но какъ-то сердце сжалось у Евгеніи. Шарль утѣшился уже на счотъ анжуйскихъ за̀мковъ, и весело поздоровался съ своей тёткой.

— Хорошо-ли вы провели ночь, тётушка? здоровы-ли вы, кузина?

— Хорошо; а вы? отвѣчала госпожа Гранде́.

— Я? безподобно....

— Не угодно ли вамъ завтракать, братецъ; садитесь.

— Но я никогда не завтракаю ранѣе полудня, когда просыпаюсь. Однако я такъ плохо жилъ въ дорогѣ, что съ удовольствіемъ послѣдую вашему совѣту. Притомъ....

И онъ вынулъ изъ кармана восхитительные часы Брегета.

— Ага! только одиннадцать часовъ; я рано всталъ сегодня.

— Рано! сказала госпожа Гранде́.

— Да! но мнѣ нужно было кой-чѣмъ заняться: — Ну, такъ я съ охотою съѣмъ что-нибудь... такъ что-нибудь, цыпленка или куропатку.

— Пречистая Дѣва! вскрикнула Нанета.

— Куропатку, шептала Евгенія; она-бы теперь все отдала за одну куропатку.

— Садитесь-же, сказала госпожа Гранде́.

И нашъ денди развалился на диванѣ, какъ хорошенькая женщина. Евгенія съ матерью придвинули поближе къ столу свои стулья.

— Вы всегда здѣсь живете? сказалъ Шарль, озирая кругомъ эту залу, причомъ комната днемъ показалась ему еще скучнѣе, чѣмъ при свѣчахъ.

— Всегда, отвѣчала Евгенія; кромѣ торговаго времени, и тогда мы всѣ поселяемся въ Нойескомъ аббатствѣ.

— Часто вы прогуливаетесь?

— Иногда, сказала госпожа Гранде́: въ воскресенье послѣ вечерень, когда погода хорошая; тогда мы ходимъ на мостъ или на луга, во-время сѣнокоса.

— Здѣсь есть театръ?

— Театръ! актеры! воскликнула госпожа Гранде́: но вѣдь это смертный грѣхъ!

— Ну, вотъ вамъ и яйца, сказала Нанета, поставивъ тарелку на столъ.

— Какъ! свѣжія яйца, ба! это безподобно! вскричалъ Шарль, который мигомъ позабылъ о куропаткахъ, подобно всѣмъ лакомкамъ, приученымъ къ роскоши. Еслибы еще не много масла... прибавилъ онъ: — Нутка Нанета?

— Масла? сказала добрая служанка; ну, тогда проститесь съ пирожнымъ.

— Да дай-же масла, Нанета, закричала въ нетерпѣніи Евгенія. Она смотрѣла на своего кузена, и на завтракъ, ею приготовленный, съ какимъ-то тайнымъ, торжественнымъ наслажденіемъ, какъ парижская гризетка на мелодраму, гдѣ торжествуетъ невинность. Правда, что и Шарль, воспитанный умною, нѣжною матерью, перевоспитанный и усовершенствованный женщиною большаго свѣта, былъ ловокъ, граціозенъ, какъ хорошенькая кокетка.

Есть какой-то магнетизмъ сочувствія въ нѣжной внимательности молодой дѣвушки. — Шарль не могъ не замѣтить, не могъ устоять противъ ласковаго, милаго вниманія своей кузины, и бросилъ на нее взглядъ, блистающій нѣжнымъ, неизъяснимымъ чувствомъ. Онъ замѣтилъ тогда всю прелесть и гармонію лица ея, невинность пріемовъ, магнетическій блескъ ея взора, сіяющаго юной любовію и невѣдомымъ желаніемъ.

— Право, прекрасная кузина, если-бы вы явились въ ложѣ парижской оперы, и въ блестящемъ нарядѣ, то я васъ увѣряю, что всѣ мужчины вздрогнули-бы отъ удивленія, а женщины отъ зависти.

Сердце Евгеніи затрепетало отъ радости.

— Вы насмѣхаетесь, кузенъ, надъ бѣдной провинціалкой.

— Если-бы вы знали меня, кузина, то не сказали бы этого. Знайте-же, что я ненавижу насмѣшку: она губитъ сердце, уничтожаетъ всякое чувство....

И онъ премило проглотилъ ложечку яйца, приготовленнаго въ-смятку.

— Нѣтъ, сестрица, я совсѣмъ не такъ остроуменъ, чтобы быть насмѣшникомъ, и признаюсь, это мнѣ даже вредитъ. Видите-ли: въ Парижѣ есть особенная система, однимъ словомъ убить, уничтожить человѣка. Сто́итъ напримѣръ сказать: у него доброе сердце, это значитъ, что бѣдняга глупъ, какъ носорогъ. Но такъ-какъ я, во-первыхъ, богатъ, а во-вторыхъ, не даю промаху изъ пистолета, то насмѣшка по-неволѣ щадитъ меня....

— Это показываетъ, милый племянникъ, что у васъ доброе сердце, сказала г-жа Гранде́.

— Какой у васъ миленькой перстень, поспѣшила сказать Евгенія: можно взглянуть на него?

Шарль протянулъ свою руку и Евгенія покраснѣла, когда, снимая кольцо, дотронулась до его тонкихъ, длинныхъ, бѣлыхъ пальцевъ.

— Посмотри, какая работа, маменька.

— И, да сколько тутъ золота! сказала Нанета, поставивъ на столъ кофейникъ.

— Какъ! что̀ это? смѣясь спросилъ Шарль, увидѣвъ продолговатый глиняный горшокъ, полированный подъ фаянсъ внутри, покрытый пепломъ и золою снаружи, и въ которомъ кофе то вскипалъ на поверхность жидкости, то медленно осѣдалъ на дно.

— Ко̀фе кипячоный, отвѣчала Нанета.

— А, любезнѣйшая тётушка, ну, я радъ, что, по-крайней-мѣрѣ, оставлю здѣсь по себѣ добрую память. Да вы отстали на цѣлый вѣкъ; позвольте же изъяснить вамъ, ка̀къ готовятъ кофе à la Chaptal, любезнѣйшая тётушка.

И онъ пустился въ объясненія о томъ, какъ приготовляется кофе à la Chaptal.

— Ну, ужъ если тутъ столько работы, такъ поздно мнѣ этому учиться, и не пойму, батюшка. Да къ-тому-же не́когда; кто будетъ ходить за коровой, доить, поить ее, покамѣстъ я буду возиться съ кофеемъ?

— Я буду ходить за нею, сказала Евгенія.

— Дитя! сказала госпожа Гранде́, взглянувъ на дочь свою.

И при этомъ словѣ вдругъ всѣ три, вспомнивъ о несчастіи молодаго человѣка, замолчали и взглянули на него съ видомъ состраданія. — Это поразило Шарля.

— Что̀ съ вами, кузина?

— Молчи, Евгенія, сказала госпожа Гранде́, видя, что дочь готова проговориться: ты знаешь, что отецъ твой хочетъ самъ говорить съ господиномъ...

— Шарлемъ, тётушка.

— Ахъ! васъ зовутъ Шарлемъ.... это прекрасное имя, сказала Евгенія.

Предчувствуемыя несчастія почти всегда сбываются.

Нанета, госпожа Гранде́ и Евгенія, съ трепетомъ помышлявшія о возвращеніи старика, вдругъ услышали стукъ молотка, стукъ имъ знакомый, привычный.

— Это батюшка! сказала Евгенія.

Мигомъ она спрятала сахарницу, оставивъ нѣсколько кусочковъ на столѣ. — Нанета унесла яичную скорлупу. — Госпожа Гранде́ выпрямилась, какъ испуганная серна. — Шарль ничего не понималъ въ этомъ внезапномъ припадкѣ комическаго страха!

— Ну что́-же это съ вами? спросилъ онъ.

— Батюшка воротился, отвѣчала Евгенія.

— Такъ что̀-же?

Старикъ вошолъ, жадно взглянулъ на столъ, на Шарля, и понялъ все.

— Ага! да у васъ здѣсь пиръ-горой, ради дорогаго племянничка? Хорошо, хорошо, очень-хорошо, прекрасно! Котъ на крышку, мыши въ амбаръ!

— Пиръ! подумалъ Шарль, непосвященный въ таинства этого хозяйства.

— Дай-ка мнѣ мой стаканъ, Нанета, спросилъ старикъ.

Евгенія подала ему стаканъ. Гранде́ вынулъ изъ кармана свой ножикъ, роговой, съ широкимъ лезвеемъ, отрѣзалъ тартинку, намазалъ на нее крошечку масла и принялся ѣсть, стоя. Въ это время Шарль клалъ сахару въ свой кофе. Гранде́ увидалъ на столѣ куски сахару, взглянулъ на жену свою, поблѣднѣвшую отъ ужаса, и подошедъ къ ней, сказалъ на ухо:

— Гдѣ ты это набрала столько сахару, мадамъ Гранде́?

— Нанета купила; было мало.

Невозможно описать ужаса трехъ женщинъ въ продолженіе этой нѣжной сцены. Нанета пришла изъ кухни, взглянуть, чѣмъ все это кончится.

Шарль отвѣдалъ свой кофе, кофе показался ему горькимъ, и онъ сталъ искать сахару.

— Чего ты тамъ еще ищешь? спросилъ чудакъ.

— Сахару... онъ былъ сейчасъ здѣсь.

— Прилей молока! все равно. Кофе и отъ этого будетъ сладокъ.

Евгенія встала, взяла сахарницу и поставила ее на столъ, хладнокровно смотря на отца. Ужъ конечно любовница, поддерживающая однѣми руками шолковую лѣстницу, по которой спускается ея любовникъ, спасающійся отъ преслѣдованія ревниваго мужа, не выказала-бы столько великодушія и самоотверженія, какъ Евгенія, подавъ опять на столъ сахаръ. Любовникъ, когда гордо покажутъ ему разбитую, изможденную ручку, омоетъ слезами язвы, излечитъ ихъ страстными поцѣлуями; онъ наградитъ свою любовницу. Но Шарлю никогда не суждено было понять страшной тоски и ужаса сердца Евгеніи, сердца, разбитаго однимъ взглядомъ, брошеннымъ старикомъ на дочь свою.

— Ты что-то не ѣшь, жонушка, сказалъ Гранде́.

Бѣдная илотка подошла къ столу; отрѣзала чуть-чуть себѣ хлѣбца и взяла грушу. Евгенія съ отчаянною смѣлостію подала отцу винограду.

— Покушай, папаша, на здоровье, сказала она. Братецъ! вы также, неправда-ли? я нарочно для васъ выбрала самыя лучшія кисти.

— Да ужъ такъ, такъ! не присмотри за ними, такъ они цѣлый городъ растащутъ, ради моего дорогаго племянника. Когда

ты кончишь племянничекъ, такъ мы съ тобой пройдемся по саду; мнѣ нужно сообщить тебѣ одно несчастное извѣстіе.

— Несчастное! любезный дядюшка, но послѣ кончины моей доброй матушки....

Тутъ голосъ его смягчился, задрожалъ.

— Трудно найти что-нибудь, что́-бы огорчило меня болѣе.

— Любезный племянникъ, кто-же можетъ предузнать, какія испытанія угодно будетъ низпослать на насъ Господу Богу нашему? замѣтила госпожа Гранде́.

— Та, та, та, та! закричалъ Гранде́. Нужно тебя тутъ, съ твоимъ вздоромъ! Знаешь племянничекъ, бѣшусь я, когда посмотрю на твои бѣленькія ручки!

И онъ протянулъ ему свои руки, или, лучше сказать, что-то въ родѣ двухъ бараньихъ лопатокъ, по ширинѣ.

— Вотъ чѣмъ загребаются денежки, сказалъ онъ: а вы, сударь, свои ножки обувать изволите въ кожу, изъ которой дѣлаются паши бумажники! Да, да!.. Худо, худо племянничекъ!

— Но о чомъ вы говорите, дядюшка! пусть повѣсятъ меня, если я хоть одно слово понимаю!

— Пойдемъ со мною, сказалъ Гранде́, сложивъ свой ножичекъ, выпивъ остатокъ вина, и отворяя дверь.

— Будьте тверды, братецъ, проговорила Евгенія.

Шарль вздрогнулъ отъ этого предостереженія и, молча, отправился за своимъ страшнымъ дядюшкой. Евгенія, госпожа Гранде́ и Нанета вошли въ кухню, мучимыя печальнымъ любопытствомъ; имъ хотѣлось хоть глазами слѣдовать за двумя дѣйствующими лицами въ драмѣ, начинавшейся въ аллеѣ ихъ маленькаго садика. Старикъ шолъ нѣкоторое время молча.

Нетрудно было объявить племяннику о смерти отца его; но Гранде́ чувствовалъ какое-то невольное состраданіе, зная, что бѣднякъ остался безъ копейки. Старикъ искалъ словъ; ему хотѣлось смягчить жестокость страшнаго извѣстія.

— *Отецъ твой умеръ, племянничекъ!* это-бы еще ничего; отцы всегда умираютъ прежде дѣтей; но:

— *Ты нищій, братецъ!* Изобрѣтите-ка что́-нибудь ужаснѣе.

Чудакъ уже три раза прошолся по аллеѣ взадъ и впередъ, и все молча.

Въ радости или въ горѣ, вообще въ важныхъ случаяхъ жизни нашей, душа наша крѣпко сживается съ малѣйшими обстоятельствами дѣйствія, и съ мѣстомъ, гдѣ происходитъ оно. Съ какимъ-то страннымъ, невольнымъ вниманіемъ смотрѣлъ

Шарль на кусты маленькаго сада, на блѣдныя, опадающія листья, на ветхія стѣны, фруктовыя деревья... вообще замѣчалъ всѣ подробности, всѣ оттѣнки обстоятельствъ этой печальной минуты.... Эти мгновенія остались навсегда въ его памяти.

— Тепло! славное, прекрасное время! сказалъ Гранде́, вдыхая въ себя воздухъ.

— Да, дядюшка, очень-тепло.... но...

— Ну, видишь-ли мой милый; у меня.... у меня есть пренепріятная новость... Съ твоимъ отцомъ случилось несчастіе.

— Зачѣмъ-же я-то здѣсь! Нанета, закричалъ Шарль: лошадей! прикажи привесть лошадей! Разумѣется, здѣсь можно безъ труда достать какую-нибудь повозку? прибавилъ онъ, обращаясь къ дядѣ, смотрѣвшему на него съ открытымъ ртомъ.

— Ни повозокъ, ни лошадей не нужно, сказалъ наконецъ Гранде́.

Шарль остолбенѣлъ, поблѣднѣлъ. Глаза его сдѣлались неподвижны.

— Да, бѣдный другъ мой! ты догадываешься! Онъ умеръ! Но это-бы ничего; а вотъ что̀ дурно, онъ застрѣлился.

— Батюшка!

— Да! но это все еще ничего; объ этомъ кричатъ всѣ журналы, какъ-будто̀ бы они имѣютъ на это какое-нибудь право. На, смотри....

И старикъ подалъ ему журналъ, взятый имъ на-время у Крюшо̀.

Тутъ Шарль, еще юноша, еще въ возрастѣ чувства и впечатлѣній, не выдержалъ и залился слезами.

— Ну, ну! хорошо!.. вотъ хорошо; а то меня пугали эти глаза не на шутку. — Онъ плачетъ! ну вотъ онъ и спасенъ, слава Богу! Ну, слышишь-ли, дружочекъ, это-бы все ничего, это ничего; ты поплачешь теперь, а потомъ успокоишься; но...

— О никогда! никогда! батюшка, батюшка!!!...

— Но вѣдь онъ разорилъ тебя, онъ ограбилъ тебя; у тебя нѣтъ ничего, ни копейки!

— А что̀ мнѣ до того, что̀ мнѣ до денегъ? Гдѣ батюшка, батюшка, батюшка, гдѣ мой батюшка!

Плачъ и рыданія вырывались изъ груди его. Женщины, свидѣтельницы приведенной нами сцены, тоже плакали; слезы, какъ и смѣхъ, заразительны. — Шарль, ничего не понимая и не слушая больше, выбѣжалъ изъ сада, взбѣжалъ по лѣстницѣ въ

свою комнату и, рыдая, бросился на постель, склонивъ голову на подушки.

— Пусть его плачетъ, пусть первый припадокъ пройдетъ, сказалъ Гранде́, входя въ комнаты; Евгенія съ матерью были уже на своихъ мѣстахъ, и, отерши на-скоро глаза, съ дрожащими руками трудились надъ своей работой.

Тяжело стало сердцу Евгеніи, когда услышала она равнодушныя, сухія слова отца, говорившаго о самой святой добродѣтели и обязанности человѣка; съ этой минуты она невольно стала судить поступки отца въ своемъ сердцѣ. Рыданія Шарля, хотя и заглушаемыя имъ, раздавались по-всему дому, и стоны его утихли постепенно только къ вечеру.

— Бѣдный молодой человѣкъ, сказала госпожа Гранде́.

Несчастное восклицаніе! Старикъ взглянулъ на жену, потомъ на дочь, потомъ на сахарницу; наконецъ, припомнивъ необыкновенный торжественный завтракъ, приготовленный для ихъ несчастнаго родственника, онъ напустился на всѣхъ.

— Надѣюсь, госпожа Гранде́, началъ онъ съ своимъ обыкновеннымъ хладнокровіемъ: я надѣюсь, что пора вамъ кончить мотовство и грабежъ моего дома. — Или вы хотите обсахарить эту куклу на *мои* денежки?

— Матушка ни въ чомъ не виновата, прервала Евгенія: я одна...

— А не потому-ли, что ты уже совершеннолѣтняя, вздумалось тебѣ идти на-перекоръ моей волѣ? Послушай, сударыня...

— Но онъ намъ родственникъ, — сынъ брата вашего не могъ нуждаться...

— Та, та, та, та! запѣлъ старикъ на четыре хроматическіе тона: и племянникъ! и родственникъ! и сынъ брата вашего!.. Знай-же, сударыня, что онъ для насъ нуль, ничего, чужой; у него нѣтъ ни копейки; онъ нищій; отецъ его обанкрутился, и когда красавчикъ поплачется здѣсь вдоволь, такъ мы съ нимъ по-добру, по-здорову раскланяемся; не хочу, чтобы весь мой домъ пошолъ вверхъ дномъ отъ него.

— Что̀ такое обанкрутиться, батюшка? спросила Евгенія.

— Обанкрутиться! Это значитъ сдѣлать самую низкую подлость, самое чорное, неблагородное дѣло, отвѣчалъ старикъ.

— Должно-быть, это ужасный грѣхъ, сказала старушка: братецъ будетъ горько страдать на томъ свѣтѣ.

— А ты вѣчно будешь читать свои проповѣди, сказалъ, пожимая плечами, Гранде́. — Обанкрутиться, Евгенія!... Банкрут-

ство, это кража, которая къ-несчастію внѣ закона. — Люди ввѣрили свое имущество Вильгельму Гранде́, повѣрили ему на честное слово, на его доброе имя; онъ у нихъ забралъ все и поминай какъ звали; у бѣдныхъ остались одни глаза, чтобы плакать! Да разбойникъ на большой дорогѣ честнѣе банкрута; разбойникъ нападаетъ; отъ него отбиваются; онъ головой рискуетъ; а банкрутъ... Братъ мой обезчестилъ на вѣкъ своего сына.

Страшныя слова тяжело отдались въ благородномъ сердцѣ Евгеніи. — Она не имѣла никакого понятія о свѣтѣ, о его вѣрованіяхъ и софизмахъ; она была чиста и невинна сердцемъ и ничего не знала, расцвѣтая въ глуши, какъ пышный цвѣтъ въ дремучемъ лѣсу. — Она повѣрила жестокому, безжалостному изъясненію банкротства; и ей не объяснили неизмѣримой разницы банкрутства невольнаго, слѣдствія непредвидѣнныхъ несчастій, отъ банкрутства, разсчитаннаго плутовствомъ и безстыдствомъ.

— А вы, батюшка, вы никакъ не могли воспрепятствовать этому несчастію?

— Братъ со мной не посовѣтовался, отвѣчалъ старикъ: да и долженъ-то онъ былъ три милліона.

— А что̀ такое милліонъ, батюшка? спросила Евгенія, съ наивностію дитяти, желающаго какъ можно скорѣе достать то́, чего ему вдругъ захотѣлось.

— Три милліона? сказалъ старикъ: это три милліона монетъ въ двадцать су; нужно пять монетъ въ двадцать су, чтобы вышло пять франковъ.

— Господи, Боже мой! вскричала Евгенія: да какъ это могло быть у дядюшки столько денегъ! неужели есть еще кто-нибудь во Франціи, у кого было-бы три милліона?

Старикъ потиралъ свой подбородокъ, гримасничалъ, улыбался и, казалось, шишка на носу его шевелилась и двигалась.

— А что̀ будетъ съ братцемъ?

— Онъ отправится въ Индію; это будетъ, по-крайней-мѣрѣ, по-желанію отца его. Тамъ онъ постарается себѣ сколотить копейку.

— А есть-ли у него деньги на проѣздъ, батюшка?

— Я заплачу́ за него... до Нанта.

Евгенія прыгнула на шею отца.

— А батюшка! ты добръ! милый, добрый батюшка!

Она такъ цѣловала отца, что скрягѣ стало какъ-то стыдно; совѣсть немного щекотала его.

— Много ли нужно времени, чтобы скопить милліонъ? спросила она.

— Ну, сказалъ бочаръ: ты вѣдь знаешь что̀ такое луидоръ? Нужно 50000 такихъ луидоровъ, чтобы набрать милліонъ.

— Маменька, будемъ мы справлять поминки? спросила Евгенія госпожу Гранде́.

— Я уже думала объ этомъ, отвѣчала она.

— Ну, такъ и есть, тратить деньги. Да что̀-же вы думаете? что́ у насъ — сотни, тысячи, сотни тысячъ франковъ, что-ли?

Въ эту минуту страшный, пронзительный вопль Шарля раздался по всему дому. Мать и дочь затрепетали отъ ужаса.

— Посмотри тамъ Нанета, сказалъ Гранде́: взгляни, что онъ тамъ, зарѣзался, застрѣлился, что-ли? Ну, слушайте вы тутъ, продолжалъ онъ, оборотясь къ женѣ и дочери, оцѣпенѣвшимъ отъ словъ его: не проказничать и сидѣть смирно, а я пойду, пошатаюсь около нашихъ Голландцевъ. Они ѣдутъ сегодня; потомъ зайду къ Крюшо́; нужно и съ Крюшо̀ поболтать.

Онъ отправился, мать и дочь вздохнули свободнѣе. Никогда еще Евгенія не притворялась, не вынуждала себя передъ отцомъ. Теперь-же она принуждена была скрывать свои чувства, говорить о другомъ, и въ первый разъ въ жизни удалиться по немногу́ отъ правды.

— За сколько луидоровъ продается бочка вина, матушка?

— Отецъ твой продаетъ свое вино по 150, по 200, иногда и по 300 франковъ, какъ я слышала.

— Такъ если батюшка сбираетъ въ годъ по 1500 бочекъ вина...

— Не знаю, другъ мой, сколько у него доходу; твой отецъ никогда ничего не говоритъ о дѣлахъ со мною.

— Батюшка, кажется, очень-богатъ.

— Можетъ-быть. Но г. Крюшо́ говорилъ мнѣ, что назадъ тому два года отецъ твой купилъ Фруафондъ, и, можетъ-быть, теперь у него нѣтъ денегъ.

Евгенія, не понимая болѣе ничего, перестала разспрашивать.

— Какое! и не взглянулъ на меня, мой голубчикъ, сказала возвратившись Нанета: лежитъ себѣ на кроваткѣ, плачетъ, заливается, прости Господи.

— Пойдемъ къ нему, мамаша; мы успѣемъ сойти, когда войдетъ батюшка.

Госпожа Гранде́ не могла противиться нѣжной, трогательной просьбѣ своей Евгеніи. Дочь ея въ эту минуту была хороша, прекрасна; она была женщина.

Обѣ они вошли къ Шарлю потихоньку, но сердце у обѣихъ билось сильно. Дверь была отворена; несчастный ничего не видалъ и не слыхалъ; онъ только обливался слезами.

— Ка̀къ онъ любитъ своего отца, сказала Евгенія шопотомъ.

Нельзя было ошибиться, не узнать, не прочитать всего въ сердцѣ Евгеніи. Госпожа Грандѐ взглянула на нее взглядомъ, въ которомъ отражалась вся материнская нѣжность ея, потомъ сказала ей на ухо:

— Берегись, дитя мое! ты уже его любишь, другъ мой.

— Его любить! сказала Евгенія: ахъ! если-бы ты знала, что́ говорилъ утромъ батюшка.

Шарль повернулъ голову и увидалъ свою кузину и тётку.

— Я потерялъ отца! я лишился его, моего бѣднаго, несчастнаго отца. О, еслибы онъ открылся мнѣ, ввѣрился сыну, своему сыну, то этого не было бы; мы-бы вдвоемъ работали, мы-бы исправили несчастіе наше. О, Боже мой, Боже мой! Бѣдный батюшка! Я такъ былъ увѣренъ, что разстаюсь съ нимъ не надолго, что, кажется.... я простился съ нимъ холодно!... — И рыданія заглушили слова его.

— Мы будемъ молиться за него, сказала госпожа Гранде́: покоритесь волѣ Всемогущаго.

— Будьте мужественны, братецъ, сказала Евгенія. Ваша потеря невозвратима; такъ подумайте о васъ самихъ, о своей чести....

Умъ, проницательность, тактъ женщины, научили говорить Евгенію. Она хотѣла обмануть горесть и отчаяніе Шарля, давъ имъ другую пищу.

Шарль привсталъ на своей кровати.

— Честь моя! закричалъ несчастный. (Волосы его стали дыбомъ).

— А! да, это правда, правда!... дядюшка говорилъ мнѣ, что онъ обанкрутился.

Изъ груди Шарля вырвался пронзительный крикъ; онъ закрылъ лицо руками.

— Оставьте меня, оставьте, оставьте меня, кузина! Боже, Боже! прости ему! прости самоубійцѣ; онъ уже и такъ страдалъ довольно!...

Это чистое изліяніе сердца, эта неподдѣльная грусть, это страшное отчаяніе, не могли не найдти себѣ отголоска въ добрыхъ и простыхъ сердцахъ Евгеніи и ея матери; онѣ поняли, что онъ желалъ быть одинъ, что нужно оставить его.

Возвратясь въ залу, онѣ сѣли молча на мѣста свои, и работали съ–часъ, не прерывая молчанія. Бѣглый взглядъ Евгеніи успѣлъ замѣтить въ комнатѣ Шарля все роскошное хозяйство бывшаго *денди,* всѣ мелочи его туалета, ножички, бритвы, и все, все обдѣланное, оправленное въ золото. Этотъ проблескъ роскоши, эти слѣды недавняго, веселаго времени, дѣлали Шарля еще интереснѣе въ воображеніи ея; можетъ–быть, здѣсь дѣйствовало обыкновенное вліяніе противуположностей. Никогда еще для обѣихъ обитательницъ этого тихаго, грустнаго жилища, не было зрѣлища болѣе ужаснаго, болѣе драматическаго, болѣе поразительнаго среди ихъ безмятежнаго одиночества.

— Маменька! будемъ мы носить трауръ по дядюшкѣ?

— Отецъ твой рѣшитъ это, отвѣчала г–жа Гранде́.

И опять молчаніе. Евгенія работала, не обращая вниманія на работу, какъ–то машинально. Наблюдатель угадалъ–бы глубокую заботу въ ея сердцѣ. Первымъ желаніемъ этой прекрасной дѣвушки было раздѣлить трауръ своего кузена.

Около четырехъ часовъ раздался сильный ударъ молотка въ двери. Сердце забилось у госпожи Гранде́.

— Что́ это съ твоимъ отцомъ? сказала она.

Весело вошолъ бочаръ. Онъ снялъ перчатки, бросилъ ихъ; потомъ потеръ свои руки, такъ что едва–едва не содралъ съ нихъ всей кожи; потомъ началъ ходить взадъ и впередъ, посматривать на часы... Наконецъ секретъ таки вырвался у него.

— Жена, сказалъ онъ не заикаясь: я надулъ ихъ всѣхъ. Вино наше продано. Голландцы уѣзжали сегодня утромъ; я пошолъ гулять около ихъ трактира, какъ ни въ чомъ не бывало. Тотъ, что́ ты знаешь, подошолъ ко мнѣ. Всѣ виноградчики прижались, спрятали вино, не продаютъ; хотятъ подождать. Мнѣ и дѣла нѣтъ; я не мѣшаю. Голландецъ былъ въ отчаяніи; я все вижу! Мы торгуемся, сходимся; по сту экю за бочонокъ, половину на чистыя. Заплатили золотомъ, а на остальное написали билеты; вотъ тебѣ шесть луидоровъ жена! *Черезъ три мѣсяца цѣны понизятся.*

Послѣднее было произнесено тихо, но съ такою глубокою, злою иронiей, что еслибы Сомюрцы, собравшіеся въ это время на площади, и толковавшіе о сдѣлкѣ старика Гранде́, услыша-

ли-бы слова его, то задрожали-бы отъ ужаса. Паническій страхъ понизилъ бы цѣны на пятьдесятъ процентовъ.

— У васъ 1000 бочекъ вина этотъ годъ, батюшка?

— Да, *дочечка*! (Словцо, означавшее высшій порывъ восторга господина Гранде).

— Триста-тысячь франковъ? продолжала Евгенія.

— Точно такъ, мадмоазель Гранде.

— Такъ, стало-быть, вы можете теперь помочь Шарлю, батюшка?

Удивленіе, гнѣвъ, столбнякъ царя Бальтазара, при видѣ знаменитаго «Mani, Tekel, Pharés», были ничтò въ сравненіи съ тяжолымъ, холоднымъ гнѣвомъ Гранде, который, позабывши о племянникѣ, вдругъ встрѣтилъ его въ сердцѣ, въ головѣ, въ разсчотахъ своей дочери.

— Да это безбожно! да здѣсь разбой! Съ-тѣхъ-поръ, какъ эта обезьяна у меня въ домѣ, все пошло вверхъ-дномъ. Покупается сахаръ, задаются пиры и обѣды! Не хочу этого! Не хочу этого! Я знаю, сударыня, какъ мнѣ нужно вести себя на-старости; ни отъ кого не приму совѣтовъ, а отъ васъ и подавно, сударыня. Въ мои дѣла не соваться; я знаю, что̀ сдѣлать для моего племянника, знаю безъ васъ!... А вы, сударыня, извольте молчать, иначе отошлю васъ съ Нанетой въ Нойе, посмотрѣть, все-ли тамъ исправно, и завтра-же, завтра-же отошлю. А гдѣ онъ? гдѣ нашъ красавчикъ? гдѣ Шарль? Что́, онъ выходилъ оттуда?

— Нѣтъ еще, другъ мой, отвѣчала полумертвая госпожа Грандѐ.

— Да что́ же онъ тамъ дѣлаетъ?

— Онъ плачетъ о своемъ отцѣ, отвѣчала Евгенія.

Гранде́ затихъ. Онъ былъ самъ немножко отцомъ, старикъ!

Пройдя раза два по комнатѣ, онъ побѣжалъ на-верхъ и заперся въ своемъ кабинетѣ. Тамъ онъ началъ раздумывать, куда-бы ему пристроить свои денежки. Двѣ тысячи арпановъ срѣзаннаго лѣса дали ему 1,500,000 франковъ. Прибавивъ къ этой суммѣ деньги за срѣзанные тополи, доходы за прошлый и настоящій года, онъ могъ выложить чистыми 2,400,000 франковъ, кромѣ 100,000 экю, только-что имъ вырученныхъ. Очень, очень соблазняли его проценты 20 на 100, о которыхъ говорили они вчера съ Крюшо́. Гранде́ набросалъ планъ своей спекуляціи на поляхъ журнала, въ которомъ было напечатано извѣстіе о само-

убійствѣ его брата. Стоны племянника долетали между тѣмъ до него. Но онъ лишь слышалъ, а не слушалъ.

Наконецъ Нанета пришла звать его сквозь дверь обѣдать. Въ дверяхъ и на послѣдней ступенькѣ онъ еще болталъ про себя: «По восьми процентовъ... и если дѣло удастся... въ два года будетъ у меня четыре милліона... и чистымъ золотомъ! чистымъ золотомъ... Ну, гдѣ-же племянникъ?»

— Да онъ говоритъ, что не хочетъ обѣдать, сударь, отвѣчала Нанета; вѣдь это нездорово, сударь.

— Тѣмъ-лучше, тѣмъ-лучше; больше экономіи.

— Какъ, экономіи! сказала служанка.

— Ба! Наплачется, проголодается. Голодъ изъ лѣсу волка выживетъ.

Обѣдъ былъ молчаливъ и скученъ.

— Другъ мой, сказала госпожа Гранде́, когда сняли скатерть: нужно намъ надѣть трауръ.

— Право, вы не знаете наконецъ, что̀ выдумать, куда-бы деньги тратить, госпожа Гранде́! Трауръ долженъ быть въ сердцѣ, а не на платьѣ.

— Но, другъ мой, трауръ по родномъ братѣ необходимъ, и даже церковь приказываетъ...

— Ну, такъ управьтесь тамъ на шесть луидоровъ, вотъ что̀ я далъ, а мнѣ дайте кусокъ крепу, съ меня будетъ довольно. Евгенія молча возвела глаза свои ко небу. Въ первый разъ въ жизни всѣ святыя и благородныя ея вѣрованія были унижены и поруганы словами стараго скряги.

Хотя наступившій вечеръ былъ, по-обыкновенію, похожъ на всѣ вечера, проводимые въ этомъ домѣ, но при всемъ томъ онъ былъ самый скучный и долгій. Евгенія сидѣла, не отрываясь отъ работы и не дотрогиваясь до ящичка, подареннаго ей наканунѣ. Мать вязала свои шерстяные рукава. Гранде́ вертѣлъ пальцами битыхъ четыре часа, погружонный въ свои разсчоты. Результаты разсчотовъ должны были завтра удивить весь Сомюръ съ его округомъ.

Изъ гостей никто не являлся; въ это время весь городъ только и говорилъ, что о штукѣ, сыгранной утромъ господиномъ Гранде́, о банкрутствѣ его брата и пріѣздѣ племянника. Всѣ были у де-Грассе́новъ; всѣ собрались поболтать о дѣлахъ, о виноградѣ, о Голландцахъ, и тутъ-то раздавались самыя страшныя выходки противъ стараго бочара, который преспокойно смѣялся въ своемъ углу надъ всѣмъ городомъ. Нанета пряла, и

одинъ шумъ колеса въ самопрялкѣ нарушалъ семейное безмолвіе.

— Мы не теряемъ словъ, не́чего сказать, проговорила Нанета, усмѣхнувшись и выказавъ рядъ огромныхъ, бѣлыхъ зубовъ своихъ.

— Ничего не нужно терять, отвѣчалъ Гранде́, стряхнувъ съ себя нули, цифры, итоги и разсчоты.

Въ перспективѣ блистали передъ нимъ четырнадцать милліоновъ, и недалѣе какъ чрезъ три года; душа его плавала, грѣлась надъ кучами золота.

— Пойдемъ спать! Я, за всѣхъ, пойду прощусь съ племянникомъ. Не хочетъ ли онъ ѣсть въ-самомъ-дѣлѣ?

Госпожа Гранде́ остановилась въ корридорѣ, чтобы послушать, что́ будетъ на-верху. Болѣе храбрая Евгенія взбѣжала двѣ ступеньки.

— Ну что̀, племянничекъ, плачешь? Плачь, плачь! Что̀ дѣлать! отецъ все таки отецъ; но нужно все сносить терпѣливо, другъ мой. Вотъ ты здѣсь плачешь, а я о тебѣ забочусь; я старый добрякъ, другъ мой. Ну, ну, поободримся немного; не хочешь-ли стаканъ вина?

Въ Сомюрѣ вино продается даромъ, — въ одной цѣнѣ, что чай въ Китаѣ.

— Но у тебя и свѣчки-то нѣтъ? продолжалъ Гранде́: дурно! дурно! нужно, чтобы было свѣтло всегда, вездѣ и во всемъ.

Гранде́ подошолъ къ камину.

— Ого! восковыя свѣчи! ну, ну! а гдѣ, чортъ ихъ знаетъ, онѣ отрыли восковыя свѣчи! Онѣ сломаютъ весь полъ на дрова, чтобы сварить яичницу этому... негодяю!

Мать и дочь едва услышали послѣднія слова старика, бросились въ свою спальню, какъ испуганныя мыши и забились подъ одѣяла.

— У васъ рудники перуанскіе, мадамъ Гранде́? сказалъ старикъ, входя въ спальню жены своей.

— Другъ мой, подожди: я читаю молитвы, сказала она дрожащимъ отъ страха голосомъ.

— А, чтобы чортъ....

Скупые не вѣруютъ въ будущую жизнь, въ жизнь духовную; для нихъ настоящее все. Мысль эта въ состояніи выказать настоящій характеръ нашей эпохи, когда деньги составляютъ все — законы, политику, нравы. Секты, книги, люди, ученія, все сговорилось противъ вѣры, на которую уже восемнадцать вѣ-

ковъ опирается общество. Теперь худо вѣрятъ тайнамъ за могилою, и мысль о будущности, за предѣлами нашего *requiem,* блѣднѣетъ и исчезаетъ, какъ ложный призракъ передъ грубою существенностію. Достичь *per fas et nefas* земнаго рая роскоши, тщеславныхъ наслажденій, изсушить сердце огнемъ ядовитыхъ страстей и (въ параллель обратнаго сходства) подобно святымъ мученикамъ, вытерпѣвшимъ казни и пытки, за мысль, идею, за безплотную будущность, отравить и растлить кровь свою для златой пыли, за скоропреходящія тлѣнныя сокровища наши, вотъ общее вѣрованіе, вотъ общая мысль, проявляющаяся всюду, даже въ законахъ, въ положеніяхъ жизни общественной. Васъ спрашиваютъ: *сколько вы платите?* вмѣсто того, *что́ вы думаете?* Когда весь народъ усвоитъ подобное ученіе, что̀ станется съ обществомъ?

— Кончила–ли ты, жонушка? спросилъ наконецъ бочаръ.

— Я молюсь о тебѣ, другъ мой.

— Это очень–хорошо, такъ до завтра, мадамъ Гранде́, а покамѣстъ прощай.

Бѣдняжка заснула, какъ школьникъ, недоучившій урока, которому снится завтрашній день вмѣстѣ съ розгами и съ гнѣвомъ господина учителя.

Въ ту минуту, когда она завернулась въ одѣяло отъ страха, чтобы ничего не видѣть и не слышать, Евгенія встала съ постели, подошла къ ней тихо, ступая босыми ногами, и поцѣловала ее.

— Я скажу завтра все, добрая, милая матушка, я скажу, что это я.

— Нѣтъ, Евгенія, онъ отошлетъ тебя въ Нойе́. Пусть ужъ такъ останется; вѣдь онъ–же меня не съѣстъ.

— Слышишь–ли ты, матушка?

— Что̀ такое?

— Онъ все еще плачетъ.

— Ложись, моя милая, ты простудишься, съ голыми ногами.

Такъ прошолъ торжественный день, имѣвшій сильное вліяніе на судьбу богатѣйшей невѣсты Сомюра. Эта ночь была не такъ тиха и безмятежна для нея, какъ всѣ прежнія.

Весьма–часто нѣкоторыя черты человѣческой жизни намъ кажутся совершенно–невѣроятными, хотя они сбылись дѣйствительно. При быстрыхъ, необыкновенныхъ переворотахъ судьбы человѣческой, изслѣдователи почти всегда забываютъ освѣтить неясную сторону дѣла свѣтомъ физіологіи, т. е. не разбираютъ

въ подробности причинъ, заключающихся не во внѣшней природѣ нашей, а глубоко, во внутренней, духовной. Можетъ-быть, мучительная страсть Евгеніи должна быть разобрана въ своихъ тончайшихъ фибрахъ и нитяхъ; ибо страсть эта, какъ замѣтятъ нѣкоторые, обратилась въ болѣзнь, отравившую все существованіе дѣвушки. Но многіе изслѣдователи любятъ лучше отречься отъ существованія дѣла, чѣмъ трудиться, анализируя его, распутывая запутанные узлы и связывая порванные концы происшествій. Для наблюдателей и физіологовъ довольно будетъ припомнить, для объясненія внезапной страсти, такъ наивно укоренившейся въ сердцѣ Евгеніи, прежнюю жизнь ея. Это естественно: чѣмъ тише и мирнѣе были протекшіе дни ея, тѣмъ сильнѣе воспрянули въ сердцѣ ея женское сочувствіе и жалость къ несчастію и бѣдствію Шарля.

Взволнованная дневными происшествіями, она не могла заснуть спокойно, просыпалась часто, стараясь прислушаться и угадать, что̀ дѣлалось въ комнатѣ Шарля; поминутно чудились ей вздохи и стоны его, такъ измучившіе ее наканунѣ. Онъ снился ей умирающимъ отъ горя, въ бѣдности; подъ-утро явственно услышала она страшное восклицаніе; она мигомъ одѣлась и побѣжала на-верхъ.

Дверь въ комнату Шарля оставалась отворенною. Свѣчка потухала, догорѣвъ до конца. Побѣжденный внезапно сномъ, Шарль заснулъ нераздѣтый, сидя въ креслахъ и положивъ голову на постель. Евгенія могла тогда вдоволь наплакаться, глядя на него, и налюбоваться на это прекрасное чистое лицо, запечатлѣнное глубокою, тоскливою горестію; глаза его распухли отъ слезъ, и, смеженные сномъ, казалось, все еще плакали. Шарль угадалъ симпатически присутствіе Евгеніи, и, открывъ глаза, увидѣлъ ее передъ собою, всю въ слезахъ.

— Извините, кузина, сказалъ онъ, вѣроятно, не помня ни настоящаго часа, ни мѣста, гдѣ былъ.

— Мы принимаемъ въ васъ участіе, братецъ. Мы хотѣли спросить васъ, не нужно-ли вамъ чего-нибудь?.. вамъ надобно лечь, братецъ; вы и безъ того такъ утомились....

— Правда, кузина, и я...

— Прощайте-же, братецъ!..

И она убѣжала, краснѣя отъ стыда и задыхаясь отъ радости. — Только одна невинность осмѣливается на подобныя выходки. — Евгенія, нетрепетавшая возлѣ Шарля, едва могла держаться на ногахъ въ своей комнатѣ. — Ея жизнь простая,

безхитростная, кончилась. — Евгенія начала размышлять и упрекать себя.

— Что́ подумаетъ онъ теперь обо мнѣ? Онъ подумаетъ, что я люблю его.

Ничего не желала она болѣе, какъ того, чтобы Шарль подумалъ именно это самое.

Какое странное, въ самомъ-дѣлѣ, происшествіе, неожиданное въ жизни простой, неопытной дѣвушки — войдти одной ночью въ комнату молодаго человѣка!

Часъ спустя, Евгенія, по-обыкновенію, вошла въ комнату своей матери, и помогла старушкѣ одѣться. — Потомъ обѣ пошли въ залу, и сѣли на своихъ мѣстахъ у окна, ожидая Гранде́. — Обѣ онѣ были въ томъ странномъ состояніи духа, когда, въ ожиданіи бѣды, наказанія, сомнительной развязки, тоска сжимаетъ и холодитъ сердце: чувство естественное! Даже домашнія животныя подвержены ему до такой степени, что кричатъ при самомъ слабомъ наказаніи, тогда какъ тихо переносятъ жестокую боль, причиненную собственной неосторожностію. — Старикъ сошолъ наконецъ въ залу, но чрезвычайно разсѣянный, сказалъ нѣсколько словъ женѣ, поздоровался съ Евгеніею и сѣлъ за столъ. Казалось, что вчерашнія угрозы были забыты совершенно.

— А что́ дѣлается у племянника? Смиренъ малютка, по чистой совѣсти!

— Спитъ еще, сударь, отвѣчала Нанета.

— Ну, тѣмъ-лучше, такъ ему не надобно восковыхъ свѣчей, сказалъ бочаръ, насмѣшливо подмигивая однимъ глазомъ.

Такая неслыханная, неожиданная пощада, такая странная веселость, поразили госпожу Гранде́; она внимательно взглянула на мужа.

Но чудакъ...

Здѣсь, можетъ-быть, не худо будетъ замѣтить, что въ Турени, въ Анжу, въ Поатье, въ Бретони, слово *чудакъ*, которымъ мы часто означали старика Гранде́, равно принадлежитъ къ означенію стариковъ самаго сварливаго и злаго характера, какъ и самыхъ терпѣливыхъ и незатѣйливыхъ добряковъ.

Итакъ нашъ чудакъ всталъ со стула и взялъ свою шляпу и перчатки:

— Я пойду побродить, сказалъ онъ: нужно столкнуться съ Крюшо́.

— Послушай, Евгенія: отецъ твой непремѣнно задумалъ что-нибудь сего-дня, сказала госпожа Гранде́.

И дѣйствительно, привыкши мало спать, Гранде́ болѣе половины ночей своихъ проводилъ за вычисленіями и разсчотами. — Такимъ-образомъ всякое замѣчаніе его, всякое сужденіе было безошибочно и основано на разсчотахъ заранѣе. — И весь Сомюръ удивлялся господину Гранде́.

Все человѣческое могущество заключается въ двухъ элементахъ: въ терпѣніи и времени. Могучіе хотятъ и трудятся. — Жизнь скупаго есть одно изъ проявленій всей необъятной воли человѣческой въ одномъ частномъ лицѣ, въ индивидумѣ. — Два начала составляютъ вмѣстѣ жизнь скупца: самолюбіе, жестокое и неумолимое, и твердая самоувѣренность; два элемента эти, будучи совокуплены вмѣстѣ, составляютъ одно — эгоизмъ; вотъ почему лицо скупаго въ драмѣ или комедіи возбуждаетъ огромнѣйшій интересъ. — Всякій подмѣтитъ въ ловко развитомъ характерѣ скупаго какую-нибудь сторону и своего сердца, часть своего внутренняго *я*. Лицо скупаго заключаетъ въ себѣ почти всѣ обстоятельства жизни, почти всѣ мелочи человѣческія, всѣ желанія общественныя. Сыщете человѣка безъ желаній? Какое общественное желаніе не покупается золотомъ?

Дѣйствительно, Гранде́ *что̀-то задумалъ*, по выраженію жены своей. — Какъ и у всѣхъ скупцовъ, въ характерѣ его, въ его природѣ, вѣчно и неумолкаемо двигалось желаніе, какая-то ненасытная страсть — законнымъ образомъ цѣдить зо̀лото въ свои сундуки изъ кармановъ ближняго. — Перехитрить всѣхъ и каждаго и потомъ презирать простаковъ, смѣяться надъ ними, вотъ жизнь, власть, душа, могущество, гордость скупаго. — Скупецъ понимаетъ терзанія нищеты и бѣдности, онъ ихъ постигъ; онъ *постигъ агнца, ведомаго на закланіе*, эмблему умирающаго съ-голода. — Но скупецъ — онъ сначала откормитъ своего агнца, обнѣжитъ его, потомъ его рѣжетъ, потомъ его жаритъ, потомъ его ѣстъ, по правиламъ, терпѣливо, методически. — Презрѣніе и золото, вотъ насущный хлѣбъ для скупаго.

Ночью блестящая мысль озарила Гранде́, — вотъ отчего утромъ перемѣнился вѣтеръ. — Онъ выдумалъ планъ посмѣяться надъ Парижанами, уничтожить ихъ, втоптать ихъ въ грязь, раздавить ихъ; онъ, старый бочаръ, онъ заставитъ трепетать Парижанъ! — Поводомъ ко всему былъ его племянникъ. — Старику пришла въ голову идея спасти честь своего покойнаго брата и уничтожить его банкрутство, не истративъ на все это сломаной

копѣйки. — Капиталы свои онъ положилъ на три года, онъ-таки разстался наконецъ съ своими сокровищами; теперь ему не доставало пищи духу, не доставало занятія, движенія; онъ былъ безъ рукъ; нужно было найти занятіе, изобрѣсти его. — Банкротство брата доставило ему и поводъ, и средства. — Ему хотѣлось обезпечить судьбу Шарля, выказаться превосходнымъ братомъ, преоригинальнымъ чудакомъ дядюшкой и все это даромъ, по цѣнѣ самой умѣренной. Честь дома Гранде́ была въ сторонѣ; ей и мѣста не было въ спекуляціяхъ старика. — Нѣтъ! съ нимъ было тоже, что бываетъ съ отчаянными игроками, спустившими все до копейки; они не отходятъ отъ стола и, сложа руки, съ наслажденіемъ смотрятъ на игру своихъ побѣдителей; и это для нихъ счастіе, и это забава!

Крюшо́ необходимы теперь старику, но рѣшено, что онъ самъ къ нимъ не пойдетъ. — Пусть сами придутъ, тогда вечеромъ начнется знаменитая комедія, а послѣ завтра въ цѣломъ Сомюрѣ только и рѣчей будетъ о благодѣтельномъ родственникѣ, о превосходномъ братѣ, словомъ о господинѣ Феликсѣ Гранде́ Сомюрскомъ, и, главное, все это будетъ даромъ — не будетъ сто́ить ни копейки.

Глава IV.

Обѣщанія скряги. Клятвы любви.

Въ отсутствіе отца, Евгенія могла, сколько хотѣла, заниматься своимъ милымъ кузеномъ, могла излить на него всѣ сокровища своего сердца — участіе и состраданіе. Въ этихъ двухъ добродѣтеляхъ было все торжество, все проявленіе любви ея, и ей хотѣлось, чтобы чувствовали эти добродѣтели.

Три или четыре раза навѣдывалась она, спитъ-ли Шарль, или уже всталъ. Когда-же онъ сталъ просыпаться, то опять пошли тѣ-же хлопоты, какъ и на-канунѣ. Сама она выдала тарелки, стаканы, сливки, кофе, яйца, фрукты. Потомъ опять взбѣжала на верхъ; опять пріостановилась, чтобы послушать въ дверяхъ.... Что́-то онъ теперь дѣлаетъ? Одѣлся-ли онъ? Плачетъ-ли онъ опять? Наконецъ она постучалась.

— Братецъ!

— Это, вы, сестрица?

— Да, Шарль. Гдѣ вы хотите завтракать, внизу или здѣсь, въ вашей комнатѣ?

— Гдѣ вамъ угодно, сестрица.

— Какъ вы себя чувствуете?

— Признаюсь вамъ со стыдомъ, милая сестрица, я голоденъ.

Этотъ разговоръ сквозь замочную скважину былъ цѣлымъ эпизодомъ изъ романа Евгеніи; по-крайней-мѣрѣ для нея.

— Такъ мы вамъ принесемъ завтракать сюда, чтобы не мѣшать послѣ батюшкѣ.

Она побѣжала въ кухню.

— Нанета, поди, прибери его комнату.

Ветхая, чорная лѣстница вдругъ оживилась, заскрипѣла. Сколько воспоминаній рождала и потомъ эта лѣстница въ сердцѣ Евгеніи; какъ часто она взбѣгала по ней! Даже сама старушка, добрая и сговорчивая, не въ-силахъ была противиться желаніямъ и маленькимъ капризамъ своей дочери, и когда Нанета возвратилась сверху, обѣ пошли къ Шарлю, чтобы утѣшить бѣдняжку и потолковать съ нимъ. Посѣтить Шарля посовѣтовало имъ христіанское братолюбіе, и обѣ онѣ не замѣчали, что уже другой день толкуютъ и вкось и вкривь Евангеліе, примѣняясь къ обстоятельствамъ.

Шарль Гранде́ могъ оцѣнить теперь всѣ заботы, всѣ попеченія, на него изливаемыя. Его уязвленное сердце узнало теперь сладость дружбы и необходимость сочувствія и состраданія. Евгенія и мать ея знали, что́ такое тоска и страданіе, и поспѣшили осыпать его всѣми сокровищами своего сердца, дружбою и утѣшеніемъ. По праву родства, Евгенія принялась прибирать и устанавливать всѣ вещи Шарля, укладывать его бѣлье, всѣ туалетныя принадлежности и могла вдоволь насмотрѣться на всѣ роскошныя бездѣлки и прихоти моднаго дэнди, на всѣ золотыя игрушки, попадавшіяся ей подъ-руку. Она брала ихъ по очередно и каждую долго разсматривала. Съ глубокимъ чувствомъ признательности принималъ Шарль цѣлительное участіе своей тётки и кузины; онъ зналъ, что въ Парижѣ онъ встрѣтилъ-бы вездѣ одну холодность и равнодушіе. Онъ понялъ тогда всю прелесть сердца и души Евгеніи. Онъ удивлялся дѣтской наивности ея характера, надъ чѣмъ еще вчера такъ безсмысленно насмѣхался. И когда Евгенія, взявъ изъ рукъ Нанеты фаянсовую чашку съ кофеемъ, поднесла ее своему кузену, со всею прелестію дружеской услуги, и привѣтливо улыбнулась ему, то

глаза его наполнились слезами; онъ схватилъ ея руку и поцѣловалъ.

— Что́, что̀ съ вами? спросила она.

— О, это слезы благодарности, сестрица.

Евгенія быстро обернулась къ камину, чтобы взять съ него подсвѣчники. — Возьми, убери ихъ, Нанета.

Когда она опять взглянула на Шарля, то щеки ея горѣли, какъ огонь, но глаза уже могли лгать; они не выдавали сердца, и радости, заигравшей въ немъ.

Стукъ молотка возвѣстилъ отбой старушкѣ и дочери, и обѣ едва успѣли сойти и усѣсться на своихъ мѣстахъ. Гранде́ вошолъ во̀-время, но не будь онѣ у окна, у старика тотчасъ явились-бы подозрѣнія.

Чудакъ нашъ проглотилъ щепоточку чего-то, что́ величалось завтракомъ. — Послѣ завтрака явился Корнулье, лѣсной сторожъ и егерь господина Гранде́; жалованье было ему обѣщано, но только еще обѣщано; онъ явился изъ Фруафонда, неся въ рукахъ зайца и куропатокъ, застрѣленныхъ въ паркѣ.

— А-а! ну, вотъ и нашъ Корнулье! Съ добычей, дружокъ? Что́-же это вкусно, хорошо? а?

— Да, мой добрый, милостивый господинъ, свѣжее, только-что застрѣлилъ утромъ.

— Ну, ну, Нанета, вертись скорѣе! вотъ тебѣ провизія; сегодня у меня будутъ обѣдать двое Крюшо́.

Нанета вытаращила глаза и смотрѣла на всѣхъ съ недоумѣніемъ.

— Ну, а гдѣ-же я возьму коренья и зелень?

— Жена, дай ей шесть франковъ, да припомни мнѣ сходить въ погребъ, выбрать вина получше.

— Такъ вотъ что̀, добрый, милостивый господинъ мой, началъ Корнулье, между-тѣмъ приготовившій свою рѣчь и просьбу о жалованьѣ: такъ-вотъ что̀ милостивый и добрый господинъ мой.....

— Та, та, та, та! заговорилъ скупой, знаю про что́ ты поешь; ты братъ славный малый; я подумаю... но теперь я, видишь самъ, занятъ, теперь не́когда. — Жена! дай ему экю! и старикъ убѣжалъ.

Бѣдная жена рада была, поплатившись одиннадцатью франками за спокойствіе и миръ. — Она знала, что Гранде́ молчалъ цѣлыхъ двѣ недѣли, стянувъ у ней нѣсколько франковъ.

— Возьми, Корнулье, сказала она, подавая ему десять франковъ: когда нибудь мы припомнимъ твои услуги.

Нечего было дѣлать Корнулье; онъ отправился.

— Вотъ, сударыня, возьмите эти три франка назадъ: мнѣ болѣе трехъ не понадобится, сказала Нанета, надѣвая свой темный чепчикъ и взявъ въ руки корзину.

— Постарайся получше обѣдъ приготовить, Нанета: братецъ тоже будетъ вмѣстѣ съ нами обѣдать.

— Право, сегодня необыкновенный день, сказала госпожа Гранде́: вотъ всего третій разъ послѣ нашей свадьбы, какъ мужъ мой зоветъ къ себѣ гостей обѣдать.

Около четырехъ часовъ, когда Евгенія кончила накрывать на столъ, а старикъ воротился изъ погреба, неся съ собою нѣсколько лучшихъ завѣтныхъ бутылокъ, Шарль появился въ залѣ. — Онъ былъ блѣденъ; его жесты, его походка, взглядъ, всё, даже звукъ голоса, всё носило отпечатокъ глубокой, благородной грусти и тихой задумчивости. — Онъ не притворялся, онъ дѣйствительно страдалъ, и страданіе, разлитое на лицѣ его, придавало ему какую-то увлекательную прелесть, которая такъ нравится женщинамъ. Евгенія полюбила его еще болѣе; можетъ-быть, ихъ сблизило одно несчастіе; и въ-самомъ-дѣлѣ, Шарль уже не былъ болѣе тѣмъ щеголеватымъ, недоступнымъ красавцемъ, какимъ онъ явился къ нимъ въ первый разъ. Нѣтъ! Это былъ бѣдный, всѣми покинутый родственникъ, а бѣдность равняетъ всѣхъ. У женщины то̀ общее съ ангелами, что всѣ страдальцы, всѣ мученики принадлежатъ ея сердцу. Шарль и Евгенія взглянулись и объяснились взглядомъ; сирота, падшій дэнди, сталъ въ углу комнаты спокойный и гордый; отъ-времени-до-времени ему встрѣчались нѣжные, ласковые взгляды Евгеніи, и онъ успокоивался, онъ покорно ловилъ отрадный лучъ надежды, блиставшій ему въ этомъ взорѣ, улеталъ далеко воображеніемъ и отдыхалъ въ тихихъ, блестящихъ мірахъ неясныхъ грезъ и мечтаній.

Въ эту минуту въ Сомюрѣ только и говорили, что объ обѣдѣ у господина Гранде́; забыли уже объ его вчерашнемъ предательствѣ при продажѣ вина. — Еслибы хитрецъ задавалъ обѣды съ тою цѣлью, которая сто́ила хвоста собакѣ Альцибіадовой, то онъ прослылъ-бы, можетъ-быть, великимъ человѣкомъ; — но Гранде́ нѐкогда было и думать о Сомюрѣ.

Де-Грассены, услышавъ про банкрутство и самоубійство Вильгельма Гранде́, рѣшились отправиться къ старику послѣ

обѣда, пожалѣть его, поскорбѣть съ нимъ вмѣстѣ, утѣшить, если можно и нужно, и, между-прочимъ, разузнать подъ-рукою, на что̀ позвали обоихъ Крюшо̀, и зачѣмъ скряга тратился, чтобы кормить ихъ обѣдомъ.

Ровно въ пять часовъ Президентъ де-Бонфонъ, съ дядею Нотаріусомъ явились, разодѣтые въ-пухъ и въ-прахъ, по парадному. Гости сѣли за столъ и стали преисправно кушать. Гранде́ былъ важенъ и задумчивъ, Шарль молчаливъ, Евгенія ничего не говорила, г-жа Гранде́ не сказала ничего лишняго, такъ, что обѣдъ былъ настоящей монастырской трапезой.

Когда встали изъ-за стола Шарль сказалъ дядѣ и теткѣ:

— Позвольте мнѣ уйти въ мою комнату; мнѣ нужно заняться долгой перепиской...

— Ступай, ступай, племянничекъ.

Потомъ, когда чудакъ разсчиталъ по пальцамъ время, нужное Шарлю, чтобы дойти въ свою комнату и сѣсть за свои письма, чудакъ покосился на жену.

— Г-жа Гранде́, что̀ мы теперь будемъ болтать съ пріятелями, будетъ для васъ, всё сполна, чистѣйшая латынь. Уже семь часовъ съ половиною: пора-бы вамъ на-боковую, а? Прощай, Евгенія. Онъ поцѣловалъ дочь и обѣ онѣ вышли.

Тогда-то началась знаменитая сцена, въ которой Гранде́ выказалъ всю свою ловкость, искусство и навыкъ справляться съ людьми, словомъ всё то́, за что́ ему дано было лестное прозваніе *старой собаки,* тѣми, которые попробовали его зубовъ. — Еслибы старый меръ города Сомюра былъ честолюбивъ, еслибы при томъ ему помогли обстоятельства, доведя его до высшихъ степеней государственной администраціи, то, безспорно, Гранде́ оказалъ-бы много пользы отечеству, когда-бы для него употребилъ хоть половину своей ловкости и смѣтливости. Впрочемъ, можетъ-быть, чудакъ былъ рожденъ дивить только свой муравейникъ; можетъ-быть, съ умами случается тоже, что̀ и съ нѣкоторыми животными — безплодіе въ другихъ климатахъ.

— Го-госпо-одинъ П-п-резидентъ! вы го-ого-ворили, что банк-банк-банк-рутство....

Притворное заиканье старика, которому почти всѣ вѣрили за долголѣтіе и естественность, также, какъ и глухота, на которую онъ жаловался по-временамъ, въ сырую погоду, было такъ несносно въ эту минуту нетерпѣливымъ, любопытнымъ Крюшо̀, что они невольно, въ комическомъ нетерпѣніи, ломались, гри-

масничали и поводили губами, какъ будто-бы хотѣли проговорить фразу, завязшую на зубахъ старика. Здѣсь необходимо разсказать исторію заиканья и глухоты господина Гранде́.

Никто, въ цѣлой провинціи, не выговаривалъ и не слышалъ лучше старика Гранде́. — Когда-то, не-смотря на всю свою хитрость и лукавство, скряга былъ оплутованъ однимъ жидомъ. — Во-время торга, жидъ подносилъ руку къ своему уху такъ натурально, и такъ ловко заикался, что Гранде́ изъ состраданія, подобно обоимъ Крюшо̀, началъ сначала пошевеливать губами, потомъ помогать жиду, подсказывать слова, фразы, а наконецъ началъ совсѣмъ говорить вмѣсто жида, началъ самъ съ собой торговаться вмѣсто жида, самъ изъ Гранде́ обратился въ проклятаго жида. — Странный бой, изъ котораго первый разъ въ жизни своей старикъ вышелъ не побѣдителемъ, а побѣжденнымъ. Но, потерявъ барышъ, Гранде́ разсчолъ, что онъ не въ-убыткѣ, что онъ лишь дорогонько заплатилъ за урокъ, но урокомъ положилъ воспользоваться непремѣнно, при случаѣ.

Посему случаю чудакъ кончилъ тѣмъ, что благословилъ жида отъ чистаго сердца, научившись у него искусству утомлять противника, заставлять его говорить за себя, а слѣдовательно, сбиваться съ собственнаго плана, съ собственныхъ мыслей. Никогда еще не представлялось ему болѣе удобнаго случая развернуться вполнѣ, показать въ полной силѣ свои таланты по-части заикальнаго искусства и глухоты, какъ теперь. Во-первыхъ ему не хотѣлось ясно высказаться; во-вторыхъ ему самому хотѣлось управлять разговоромъ; наконецъ, въ-третьихъ скрыть отъ своихъ слушателей свои настоящія намѣренія.

— Господинъ де-Бон-бон-бон-бонфонъ....

Въ цѣлые три года второй разъ посулилъ теперь Гранде́ Президенту — *де-Бонфона*. Президентъ думалъ, что старикъ, по-крайней-мѣрѣ, хочетъ теперь предложить ему руку своей дочери.

— Такъ вы говорили, что банк-банк-банк-рутства могли-бы быть уничтожены....

— Могутъ-быть уничтожены коммерческими судами; да, это случается почти каждый день, перебилъ Президентъ, подхвативъ оборвавшуюся идею Грандѐ и думая, что совершенно угадалъ ее. — Слушаïте!

— Слушаю, смиренно отвѣчалъ хитрецъ, смѣясь внутренно, какъ дитя надъ учителемъ своимъ въ школѣ.

— Вотъ положимъ, что человѣкъ почтенный и уважаемый, какъ вашъ покойный братецъ въ Парижѣ.

— Мой братъ! а? да, да, ну!

— Вотъ если такой человѣкъ видитъ неминуемое паденіе своего дома....

— Па–а–аденіе, вы говорите — па–па–деніе?...

— Да; и когда банкрутство неотразимо, то коммерческій судъ (слушайте хорошенько), тотъ коммерческій судъ, отъ котораго онъ ближайшимъ образомъ зависитъ, имѣетъ право назначить, для затушенія непріятностей, переговорщиковъ. Переговаривать и торговаться, еще не значитъ обанкрутиться, понимаете? банкрутъ обезславленъ, а этотъ остается честнымъ человѣкомъ.

— Ра–разумѣется э–это–то лучше, еслибы то–только дороже не с–с–с–сто̀и–ло.

— Да! но сговариваться можно и безъ коммерческаго суда. Напримѣръ, какъ объявляется банкрутство? сказалъ президентъ, растирая пальцами щепоточку табаку.

— Да–да–я и–и не–не знаю, проговорилъ Гранде́.

— Во–первыхъ, началъ Президентъ: сложеніемъ баланса въ судейскую канцелярію, что́ дѣлается или черезъ самого купца, или черезъ его уполномоченнаго; — во–вторыхъ показаніями и доносами кредиторовъ. — Такъ если самъ негоціантъ не выдаетъ своего баланса, если ни одинъ кредиторъ не объявляетъ вышесказаннаго негоціанта банкрутомъ, такъ что̀–же можетъ выйти изъ такого хода вещей?

— Ну, да, да! что̀–же выйдетъ?

— Тогда его семейство, его представители, наслѣдники, или даже самъ негоціантъ, если онъ не умеръ, или друзья, у которыхъ онъ спрятанъ, начинаютъ за него переговаривать и торговаться съ кредиторами. — Можетъ–быть, вы желаете устроить дѣла вашего покойнаго брата? спросилъ старика Президентъ.

— Ахъ! другъ Гранде́, закричалъ нотаріусъ: какъ это будетъ прекрасно, благородно! Вы докажете, что есть истинное благородство въ нашей провинціи, когда вы спасете свое имя отъ позора, потому–что здѣсь страдаетъ и ваше имя, Гранде́... О! вы будете тогда, вы будете...

— Великодушнымъ человѣкомъ! закричалъ Президентъ, перебивая своего дядю.

— Да, конечно, мой б–б–ратъ на–назывался Гранде́, также, какъ и я. Э–это п–правда! — Не–не–скажу–жу нѣтъ. И э–это бу–будетъ поле–езно моему пле–пле–племяннику во всѣхъ

отноше-шеніяхъ. — Но мы по-посмотримъ... Я не-не знаю э-этихъ па-па-рижскихъ собакъ... Я-я въ Со-сомюрѣ... са-сами зна-аете! У-у ме-ня ви-вино, лу-луга, за..занятія; я никогда къ тому-же не писалъ векселей; что́ такое ве-вексель? У-у меня м-много этой бу-бумаги, а самъ я не не...пи...пи...сывалъ ихъ ни-и-икогда, да и небу...у...ду... Во-вотъ и всё! Я слы-слышалъ, что можно купить би-би-би-леты.

— Да, да; можно купить векселя на биржѣ, давъ столько-то на сто. Поняли?

Гранде́ поморщился и приложилъ ладонь къ уху; Президентъ повторилъ.

— Да, да-вѣдь мно-ного заботы! Въ мо-мои лѣта, что́ я ту-тутъ по...нимаю! Я долженъ смотрѣть за по...по...лями. Что̀ соберешь съ нихъ, такъ тѣмъ и заплатишь, а...сбо...боры п-прежде всего. У меня теперь преза-занимате-тельныя дѣла въ Фру... фру...фруафондѣ. — Я, я не могу о-оставить дома для всей этой чер-чер-чертовщины, въ которой я ничего не с-смыслю. А вы-вы говорите, что-о мнѣ нужно бы-быть въ Па-парижѣ. А развѣ мо-можно быть въ двухъ мѣста...тахъ, ка-какъ пти-ти-ти-тичка?...

— А! понимаю, закричалъ нотаріусъ. Гранде́! у васъ есть друзья, вѣрные, старые друзья, они васъ не выдадутъ.

— Да ну-же, ну-же, думалъ старикъ, рѣшайтесь, дураки.

— Такъ если кто-нибудь поѣдетъ за васъ въ Парижъ, — отыщетъ главныхъ кредиторовъ вашего брата, и скажетъ...

— Ми-и-нутку! прервалъ чудакъ: Что̀-о такое скажетъ? Что́-то-нибудь такое: Господинъ Г-Гранде́ та-такой-то, го-господинъ Г-г...ран-дѐ сякой-то! лю-любитъ ббрата. Хо-хо-хорошо тор-тор-торгуетъ. Не объявляете банк-банкрутства; соберитесь и па-па-значьте сами отъ себя у-у-полном-м-моченныхъ и пер-пере-переговорщиковъ. Тогда старикъ Г-Гранде по-по-посмотритъ. — Ва-вамъ же будетъ вы-выгоднѣе, чѣмъ напу-пу-стить полиц-ц-цейскихъ. — Не-не-не-такъ-ли?

— Именно такъ, отвѣчалъ Президентъ.

— По-потому, что вы видите-ли, го-господинъ де-Бо-бобо-бо-бонфонъ, нужно сначала по-посмотреть а-а-а-а... потомъ уже рѣш...шиться. Кто не можетъ, такъ тому и нельзя. Не-нену-ужно разоряться, забирать-ся с-сверхъ си-силъ. Та, та, такъ-ли?

— Разумѣется, сказалъ Президентъ: я думаю, что за извѣстную сумму, разомъ выплаченную, можно очень-скоро сойтись съ кредиторами и выкупить бумаги. Покамѣсть банкрутство необъявлено, а вы скупили векселя, бумаги у васъ въ рукахъ, то вы спасены, дѣло обдѣлали ловко, сами не замарались и бѣлы, какъ снѣгъ.

— Какъ снѣгъ, сказалъ Гранде́, приставляя руку къ своему уху: какъ снѣгъ?... Ч-ч-что̀-то такое снѣ-гъ? я в-васъ не-не понимаю.

— Такъ слушайте-же меня, прокричалъ ему взбѣшонный Президентъ.

— Да-съ, слушаю.

— Всякое дѣло товаръ, у котораго своя цѣна. Такъ опредѣляетъ Іеремія Бентамъ, говоря о ростовщикахъ. Знаменитый публицистъ доказалъ, что предразсудокъ, преслѣдующій ростовщиковъ — сущій вздоръ.

— Yes, отвѣчалъ чудакъ.

— Итакъ примемъ по Бентаму, что деньги тоже товаръ, и что̀ ихъ замѣняетъ тотъ-же товаръ. Слѣдовательно, если векселя, естественно подверженные вліянію торговыхъ оборотовъ, плодятся или исчезаютъ на биржѣ, дорожаютъ или дешевѣютъ, то коммерческій судъ можетъ рѣшить... Ну, вѣдь вотъ я-то дуракъ! толкую еще! Да вы, просто, можете скупить векселя вашего брата съ уступкою 75 процентовъ на сто, то-есть, всего-то по 25!

— Его зовутъ Іеремія Бентамъ?... А-а-а-нгличанинъ?

— Этотъ Іеремія поплачетъ за насъ въ этомъ дѣлѣ, а насъ спасетъ отъ лишнихъ слезъ, сказалъ, смѣясь, нотаріусъ.

— Э-эти Англичане не совсѣмъ глу-глупы; такъ, если слѣдуя Бе-ентаму, ве-ве-векселя мо-мо-его бррата сто́ютъ... и... или нѣтъ или да... я... я я говорю, что-то такъ это-то ясно, к-кредиторы бу-будутъ, нѣ-нѣ-нѣтъ не будутъ... П-п-право не-не понимаю.

— Дайте я вамъ объясню все это, сказалъ Президентъ. — Если у васъ въ рукахъ всѣ векселя на домъ покойнаго Гранде́, то братъ вашъ или его наслѣдники не должны никому ничего. Такъ?

— Та-такъ, повторилъ Гранде́.

— Теперь, если векселя вашего брата разойдутся на биржѣ, будутъ *продаваться* (*продаваться*, замѣтьте это слово) съ значительною уступкою, и если кто изъ друзей вашихъ пройдетъ

мимо, поторгуется да купитъ, то кредиторы, продавъ векселя добровольно, такимъ образомъ отказываются отъ всѣхъ своихъ требованій на домъ Гранде́ парижскаго?

— П-правда! дѣ-дѣла дѣлами, сказалъ бочаръ: это-то такъ... Но вы по-понимаете, что-то это тт-т-трудно. У меня нѣтъ ни де-денегъ, ни времени.

— Разумѣется, вамъ нельзя самимъ. Ну, такъ я къ вашимъ услугамъ; я поѣду за васъ въ Парижъ (обойдется въ пустяки, — мы сдѣлаемъ маленькій счотецъ). Я поговорю съ кредиторами, прижму ихъ и все дѣло уладится, разумѣется, съ подбавкою вещественнаго къ переговорамъ и срочному платежу, который мы имъ обѣщаемъ: все это чтобы выкупить векселя.

— Но, но, но, у-увидимъ; я я не хочу, я я не могу пуститься въ дѣ-дѣло безъ, безъ... пони-понимаете.... Это-то такъ. У меня и теперь го-голова разболѣлась оттого, что вы та-тамъ наговорили. Это пе-первый разъ въ жизни, что-то я связываюсь съ зако-конами.

— Правда, правда, вы *беззаконникъ*.

— Я, я, я бѣдный виногра-градчикъ, и не совсѣмъ васъ понимаю. Нужно-бы еще разъ по-по-по...

— Такъ слушайте-же, сказалъ Президентъ, и хотѣлъ начать сначала, но дядя остановилъ его.

— Племянникъ, закричалъ нотаріусъ, покачивая головою.

— Что̀ такое, дядюшка?

— Оставь въ покоѣ господина Гранде́; пусть онъ самъ объяснитъ свои намѣренія. Это вещь нешуточная, и нашъ другъ...

Тутъ стукъ молотка возвѣстилъ о прибытіи де-Грассеновъ; входъ и взаимныя затѣмъ привѣтствія не дали времени Крюшо̀ окончить своей рѣчи. Нотаріусъ былъ впрочемъ весьма-доволенъ, что ему помѣшали. Онъ видѣлъ, какъ Гранде́ бросалъ на него свирѣпые взгляды; онъ предузнавалъ грозу по судорожному движенію его мускуловъ и шишки на носу его. Благоразумный нотаріусъ во-первыхъ, находилъ неприличнымъ для Президента суда первой инстанціи ѣхать въ Парижъ, чтобы возиться съ кредиторами господина Грандѐ, и вдаваться въ дѣло не совсѣмъ-то праведное. Наконецъ Гранде́ еще не сказалъ ни полслова, не изъявилъ ни малѣйшаго желанія, хоть что-нибудь заплатить; вотъ почему онъ внутренно содрогался, видя, ка̀къ неосторожно племянникъ его протягиваетъ шею въ петлю. Только-что вошли де-Грассе́ны, онъ незамѣтно толкнулъ Президента и отвелъ его въ-сторону, въ амбразуру окна.

— Полно, не горячись, племянникъ. Ты и такъ довольно себя высказалъ; тебя ослѣпляетъ желаніе богатой невѣсты. Но ненужно и ходить съ завязанными глазами. Теперь я проведу судно сквозь отмелей, а ты только исподволь помогай маневру. Ну, твое–ли дѣло, тебѣ, Президенту суда первой инстанціи, ввязываться въ такую двусмысленную роль?...

Но онъ не кончилъ: говоря, онъ слышалъ всё, и, слѣдовательно, слышалъ слова де–Грассе́на:

— Мы слышали, Гранде́, ужасное несчастіе, постигшее домъ Вильгельма Гранде́, и смерть его. Мы пришли сюда изъявить вамъ все дружеское участіе и соболѣзнованіе, которое принимаемъ въ этомъ дѣлѣ.

— Другаго несчастія нѣтъ, какъ только смерть г–на Гранде́ младшаго, перебилъ нотаріусъ. Да и это горе тоже не случилось–бы, еслибъ Вильгельмъ Гранде́ заблаговременно обратился къ почтенному другу нашему, своему брату. Нашъ другъ благороденъ и великодушенъ; онъ хочетъ заплатить долги покойника. Президентъ, мой племянникъ, предлагаетъ ему во избѣжаніе судебныхъ издержекъ и мытарствъ, отправиться за него въ Парижъ, уговорить кредиторовъ, и всё устроить и уладить, какъ слѣдуетъ.

Де–Грассе́ны были изумлены словами Крюшо́, подкрѣпленными мимикою старика, преспокойно и самодовольно поглаживавшаго свой подбородокъ; де–Грассе́ны почти всю дорогу толковали о скупости Гранде́–сомюрскаго, и обвиняли его едва–ли не въ братоубійствѣ.

— Неужели! о, я предчувствовалъ это, закричалъ де–Грассе́нъ. Жена! а? что̀ я тебѣ говорилъ дорогою? Да! повторяю, нашъ другъ Гранде́ честенъ, великодушенъ; онъ не потерпитъ малѣйшаго пятна на своемъ честномъ имени! Что̀ богатство безчестія! Прекрасно, прекрасно Гранде́. Я старый солдатъ, я не притворщикъ, я прямъ! Это превосходно, Гранде́, да! превосходно!

— И и пре–превосходно и до–орого, отвѣчалъ старикъ, покамѣстъ банкиръ съ жаромъ трясъ его руку.

— Но знаете–ли мой другъ, это дѣло — прошу извиненія у господина Крюшо̀ — это дѣло чисто торговое; нужно человѣка, знающаго, дѣловаго, купца. Нужно, чтобы онъ зналъ разсчитывать, не даваться въ просакъ, и, если нужно, повернуть дѣло по–своему. Я на–дняхъ ѣду въ Парижъ по собственному дѣлу, и, право, я не прочь, я возьмусь устроить и ваше.

— Да я бы-бы и самъ не прочь; то-только не не хочу рисковать, нужно по-о-осторожнѣе. А вотъ господинъ Президентъ ужъ и денегъ у меня просилъ на дорогу. Послѣднее старикъ произнесъ не заикаясь.

— А я-бы и сама заплатила за одно удовольствіе побывать въ Парижѣ! сказала госпожа де-Грассе́нъ и мигнула своему мужу, давая знать, чтобы онъ во-что-бы то ни стало отбилъ порученіе; потомъ она насмѣшливо взглянула на обоихъ Крюшо́, у которыхъ вытянулись лица.

Гранде́ схватилъ де-Грассе́на за пуговицу и потащилъ его въ уголъ.

— Разумѣется, я гораздо-больше довѣряю вамъ, чѣмъ Президенту. Кромѣ того есть кое-что и другое. Мнѣ нужно купить нѣсколько тысячь франковъ доходу въ государственномъ банкѣ, а не хочется давать болѣе восьмидесяти за сто. Говорятъ, что черезъ мѣсяцъ будетъ уже поздно. Такъ вы мнѣ обдѣлаете это? а?

— Такъ, стало-быть, всего-то и дѣла, что купить вамъ нѣсколько тысячь франковъ....

— Правда не много для начала. Между нами сказать, я хочу вести дѣла въ тайнѣ. Въ мѣсяцъ-то вы, вѣрно, всё обдѣлаете, а? Только не говорите ничего Крюшо́; они, пожалуй, обидятся. Кстати, ужъ въ Парижѣ вы заглянете и въ дѣла моего бѣдняжки племянника.

— Хорошо, хорошо! Я завтра-же возьму почтовыхъ лошадей, сказалъ громко де-Грассенъ, — и къ вамъ зайду за послѣдними наставленіями въ.... въ которомъ часу?

— Въ пять часовъ передъ обѣдомъ, сказалъ бочаръ, потирая руки.

Соперники остались еще нѣсколько времени у Гранде́.

Послѣ нѣкотораго молчанія, де-Грассенъ потрепалъ по плечу старика и сказалъ ему:

— Хорошо имѣть такихъ родственниковъ, какъ вы, Гранде́.

— Да, вотъ что́, отвѣчалъ бочаръ, я добрый семьянинъ, хоть и не тѣмъ кажусь. Я любилъ брата... готовъ доказать, что люблю... да вѣдь это будетъ дорого сто́ить....

— Прощайте Гранде́, сказалъ банкиръ, къ-счастію остановивъ его на недокончепной фразѣ: такъ-какъ я теперь спѣшу, то есть кое-какія дѣлишки дома.

— Хорошо, хорошо. Я самъ хочу пообсудить еще кое-что, касательно того, о чомъ говорилъ съ вами, и удаляюсь въ свою

палату совѣщаній, по выраженію господина *Президента Крюшо.*

— Ага! я уже теперь не *де–Бонфонъ*, подумалъ убитый Президентъ, и лицо его выразило недовольную мину судьи, утомленнаго въ своихъ судейскихъ креслахъ.

Предводители обѣихъ партій отправились вмѣстѣ. Ни тѣ, ни другіе не упоминали уже болѣе о недавнемъ предательствѣ Гранде́, но выпытывали другъ у друга, что̀ затѣялъ теперь старикъ; потому–что изъ нихъ никто не понималъ его.

— Не зайдете–ли вы съ нами къ госпожѣ Дорюнваль, господа? сказалъ де–Грассенъ, обращаясь къ нотаріусу.

— Мы будемъ къ ней попозже; а теперь, съ позволенія дядюшки, я зайду сперва къ госпожѣ де–Грибокуръ....

— Такъ до свиданія–же, господа, сказала госпожа де–Грассенъ.

Когда Крюшо отошли на нѣсколько шаговъ, Адольфъ де–Грассенъ сказалъ отцу:

— Надули этихъ Крюшо; они съ порядочнымъ носомъ!

— Полно, Адольфъ, отвѣчала г–жа де–Грассенъ: они еще могутъ услышать; да къ–тому–же, мой милый, ты говоришь, какъ настоящій школьникъ...

— Что̀ дядюшка, закричалъ Президентъ въ свою очередь: началось съ *де–Бонфона,* а свели на *Президента Крюшо.*

— Знаю, знаю, братецъ, отвѣчалъ ему дядя. Де–Грассены торжествуютъ, да пусть ихъ! ужъ и ты то братецъ толковалъ, толковалъ... Пускай де–Грассены вѣрятъ, какъ дураки въ его *«увидимъ»*. Будь покоенъ, другъ мой; ты женишься на Евгеніи!

Въ минуту слухъ о великодушномъ поступкѣ Грандѐ распространился уже въ трехъ домахъ.

Въ цѣломъ городѣ только и говорили, что о примѣрномъ братолюбіи старика, и всякій отъ чистаго сердца простилъ ему недавнее вѣроломство, удивляясь мнимой честности и великодушію. Минутный энтузіазмъ есть элементъ французскаго характера. Неужели общества, народы, словомъ, всё собирательное лишено памяти?

Когда Гранде́ затворилъ за гостями дверь, то кликнулъ свою вѣрную Нанету.

— Не спускай собаки, да и сама не ложись! Нужно работать. Въ одиннадцать часовъ Корнулье пріѣдетъ за мной изъ Фруафонда. Жди его; отопри ему поскорѣе, чтобы онъ не сту-

чался долго: во-первыхъ полиція запрещаетъ шумѣть по-ночамъ, а во-вторыхъ никто и знать не долженъ, что я уѣзжаю.

Сказавъ это, Гранде́ поднялся въ свою лабораторію, и Нанета услышала, какъ старикъ рылся, ходилъ, считалъ. Онъ работалъ осторожно и тихо, чтобы не разбудить жены и дочери, а главное, спастись отъ любопытства племянника, котораго проклиналъ онъ сквозь зубы, увидя свѣтъ въ его комнатѣ.

Въ полночь Евгенія, мечтавшая о Шарлѣ, вдругъ услышала стонъ, и ей показалось, что это изъ его комнаты. Ужъ не убился-ли онъ? онъ былъ такой блѣдный и мрачный... Въ-мигъ накинула она чепчикъ, завернулась въ мантилью и хотѣла выйти. Но ее пріостановилъ свѣтъ, проникавшій сквозь щели дверей ея комнаты; скоро она ободрилась, услышавъ тяжолую походку Нанеты, и голосъ ея, вмѣстѣ съ шумомъ и ржаніемъ приведенныхъ лошадей.

— Ужъ не увозятъ-ли Шарля, не уѣзжаетъ ли онъ? подумала Евгенія и осторожно отворила дверь въ корридоръ.

Она вздрогнула, встрѣтивъ взглядъ отца, взглядъ озабоченный, холодный, разсѣянный. Старикъ и Нанета держали на плечахъ толстое коромысло, къ которому на канатѣ былъ прикрѣпленъ небольшой бочонокъ, работы самого Гранде́, въ часы отдохновенія или бездѣлья.

— Дѣва Пречистая! да сколько-же это вѣситъ? сказала Нанета почти шопотомъ.

— Да жаль, душа моя, что всё мѣдь, отвѣчалъ старикъ: берегись, не задѣнь свѣчки.

Сцена была освѣщена однимъ сальнымъ огаркомъ, поставленнымъ на лѣстницѣ.

— Съ тобой-ли пистолеты, Корнулье? спросилъ Гранде́ у своего лѣсничаго.

— Нѣтъ, сударь! да чего тутъ и бояться-то? вѣдь не деньги.

— Разумѣется, разумѣется, ничего.

— Къ тому-же я повезу васъ скоро; кони знатные! для васъ, сударь, выбрали что́ ни есть лучшихъ лошадей.

— Хорошо, хорошо; а ты-же сказалъ имъ, куда мы ѣдемъ.

— Да я и самъ-то не зналъ, сударь.

— Хорошо, хорошо! а крѣпка-ли повозка?

— Повозка то крѣпка-ли? Еще-бы, сударь! Да въ ней хоть три тысячи можно увезти мѣдью. Сколько въ вашихъ боченкахъ-то?

— Я по вѣсу узнала, сказала Нанета: здѣсь вѣрныхъ тысяча-восемьсотъ франковъ.

— Замолчишь-ли ты, Нанета! Женѣ скажешь, что я отправился въ деревню. Къ обѣду я возвращусь. Живѣе, живѣе, Корнулье! Къ девяти часамъ нужно быть въ Анжерѣ.

Повозка покатилась, Нанета заперла ворота, спустила собаку, и улеглась.

Въ городѣ никто не зналъ ни про отъѣздъ, ни про цѣль путешествія старика Гранде́, потому что скряга былъ остороженъ донельзя. Въ домѣ его никто и копейки не видалъ, а между-тѣмъ въ домѣ были кучи золота. Услышавъ утромъ на пристани, что золото вздорожало въ цѣнѣ, въ-слѣдствіе большаго требованія въ Нантѣ, и что партія спекулянтовъ скупаетъ его въ Анжерѣ, бочаръ захлопоталъ, занялъ лошадей у своихъ фермеровъ и отправился ночью продавать свое золото на банковые билеты, которыми уже онъ распорядился на покупку доходовъ съ государственнаго банка.

— Батюшка уѣзжаетъ, подумала Евгенія, видѣвшая и слышавшая всё съ своей лѣстницы.

Скоро тишина воцарилась по-прежнему; шумъ колесъ отъѣзжающей повозки затихалъ мало-по-малу и наконецъ затихъ совершенно; тогда Евгенія услышала опять тихій стонъ; тонкая струя свѣта шла изъ комнаты Шарля и, прорѣзывая тьму, лилась на перила лѣстницы.

— Онъ тоскуетъ, подумала Евгенія, и взбѣжала на-верхъ.

Второе стенаніе заставило ее дойти до самой комнаты Шарля, въ которую дверь была полуотворена. Евгенія отворила еще болѣе. Шарль спалъ въ своихъ креслахъ; голова его склонилась на грудь, перо выпало изъ свѣсившейся руки его. Прерывистое, тяжолое дыханіе спящаго устрашило Евгенію; она быстро вошла въ комнату. Вѣрно, онъ очень усталъ, подумала Евгенія, взглянувъ на дюжину запечатанныхъ писемъ, на которыхъ она прочла лишь адрессы: Г-ну Жану Роберту, сѣдельщику, Господину Бюиссону, портному.

— Онъ устроиваетъ дѣла свои; онъ скоро, стало-быть, уѣзжаетъ.

Вдругъ взоры ея остановились на двухъ незапечатанныхъ письмахъ; одно изъ нихъ начиналось словами:

— «Безцѣнная Анета!»

Евгенія едва не упала въ обморокъ. Ноги ея приросли къ полу.

— Его Анета! Онъ любитъ, онъ любимъ!! о, нѣтъ, нѣтъ болѣе надежды! — Что̀-же онъ ей такое пишетъ?

Всё это разомъ пробѣжало въ умѣ ея. Слова, прочитанныя ею, блистали огненными буквами въ ея глазахъ. Она видѣла, читала всюду слова эти: на столѣ, на стѣнахъ, на полу....

— Какъ! забыть теперь все! отказаться отъ всѣхъ надеждъ! Я уйду, я не прочту; нѣтъ, нѣтъ! О, еслибы я могла прочитать эти письма....

Она взглянула на Шарля, взяла его за голову и нѣжно, заботливо приподняла ее на спинку креселъ. — Какъ дитя, принималъ Шарль ея попеченія, какъ дитя отъ заботливой матери, не пробуждаясь отъ привычныхъ ласкъ ея. — И какъ мать ходила за нимъ Евгенія, бережно приподняла она свѣсившуюся руку его, и поцѣловала его волосы.

«Безцѣнная Анета...» Какой-то демонъ шепталъ ей слова эти.

— Я прочту это письмо; я знаю, что это будетъ дурно....

Благородная гордость заговорила въ ней. Евгенія отвернула голову отъ роковаго письма. Это была первая борьба добра и зла въ ея сердцѣ; до-сихъ-поръ она не краснѣла ни за какой поступокъ свой, но страсть и ревность превозмогли; она читала, читала и не могла оторваться. — При каждомъ словѣ сердце кипѣло и билось въ ней — сильнѣе, и сильнѣе, и мучительнѣе чувствовала она боль въ бѣшеномъ припадкѣ ревности.

«Моя безцѣнная Анета! Ничто не могло-бы меня разлучить съ тобою, но несчастіе разразилось надъ головою моею, несчастіе, никѣмъ непредвидѣнное: мой отецъ застрѣлился, я лишился моего богатства. — Я сирота, и по-образу воспитанія моего — ребенокъ, но я долженъ выдти побѣдителемъ изъ глубокой бездны, куда ввергла меня судьба моя.

Я всю ночь эту размышлялъ и разсчитывалъ. Если оставить Францію съ именемъ незапятнаннымъ, на что̀ я рѣшился уже, то у меня не останется и ста франковъ на то, чтобы начать новую жизнь, попробовать счастія въ другой части свѣта, въ Индіи. Да, бѣдная моя, я ѣду туда, гдѣ убійственнѣе климатъ, гдѣ смерть вѣрнѣе и скорѣе. — Я не въ-силахъ остаться въ Парижѣ. — Я не смогу перенесть хладнокровно обидъ, оскорбленій, тайныхъ или явныхъ, холодности, которыми заклеймятъ нищаго, сына банкрута. Боже мой! быть должнымъ три милліона!... но не пройдетъ и пяти дней, какъ я буду убитъ на дуэли.

Я не возвращусь въ Парижъ. Даже твоя любовь, твоя нѣжная, чистая любовь не въ-силахъ будетъ меня завлечь туда. О другъ мой! Дочего я дожилъ? У меня даже нѣтъ такой суммы, чтобы прилетѣть къ тебѣ, и у ногъ твоихъ вымолить послѣдній, прощальный поцѣлуй, въ которомъ-бы я могъ почерпнуть силу, бодрость, — въ чомъ я такъ нуждаюсь теперь.»

— Бѣдный Шарль, прошептала Евгенія, отирая слезы свои: я хорошо сдѣлала, что прочла письмо это. У меня есть золото, я всё отдамъ ему.

Она читала далѣе:

«Я не зналъ до-сихъ-поръ, что̀ такое бѣдность. У меня осталось еще сто луидоровъ на переѣздъ въ Индію, но ни копейки для того, чтобы обзавестись всѣмъ нужнымъ. — Но-что̀ я? Нѣтъ; у меня нѣтъ ни одного луидора; тогда начну считать, когда заплачу долги свои. Если у меня ничего не останется, то я дойду пѣшкомъ до Нанта, и тамъ опредѣлюсь на корабль простымъ матросомъ, начну новую жизнь. — Съ самаго сегодняшняго утра, я хладнокровно началъ смотрѣть на мое будущее. — Да, моя будущность ужасна, ужаснѣе, чѣмъ у послѣдняго несчастливца. Избалованный матерью, меня обожавшею, любимый лучшимъ изъ отцовъ, встрѣтивъ въ веснѣ своей тебя, милая Анета, я, я былъ знакомъ только съ однимъ счастіемъ, рвалъ одни цвѣты на полѣ жизни! Но несуждено было мнѣ быть счастливымъ!... Однако я благодарю природу, чувствуя теперь въ себѣ силы и мужества болѣе, нежели я надѣялся, нежели можно было надѣяться беззаботному счастливцу, какъ я, любимцу прелестнѣйшей женщины, избалованному счастіемъ семейнымъ, котораго всѣ желанія были закономъ для несравненнаго отца.... О! батюшка, батюшка! Его нѣтъ, его нѣтъ болѣе на свѣтѣ!

Я размыслилъ хладнокровно о своемъ положеніи и о твоемъ также, безцѣнная Анета! Я постарѣлъ въ эти сутки. Безцѣнный другъ мой! ежелибы ты пожелала не разставаться со мною, еслибы ты даже пожертвовала для меня всѣмъ, всѣми наслажденіями своими, туалетомъ, ложею въ Оперѣ, то и тогда мы не имѣли-бы достаточныхъ средствъ для жизни нашей; но я не въ состояніи принять подобной жертвы.... Намъ нужно разстаться, Анета, и разстаться съ сего-же дня на-вѣки.»

— Онъ оставляетъ ее! Боже, столько счастья!

Евгенія вспрыгнула отъ радости, но вдругъ поблѣднѣла отъ-ужасу: Шарль пошевелился; но къ-счастію ея онъ заснулъ опять: она продолжала:

«Когда возвращусь я? Я не знаю. Европеецъ старѣется скоро въ климатѣ индѣйскомъ, особенно Европеецъ работящій. — Положимъ, я возвращусь черезъ десять лѣтъ. Твоей дочери тогда будетъ восемнадцать, она будетъ подругой твоей и твоимъ соглядатаемъ. — Для тебя жизнь будетъ ужасна, и дочь, родная дочь ненавистна. — Мы видали примѣры, знаемъ, какъ безпощаденъ свѣтъ, какъ безпощадны родныя дѣти наши; итакъ воспользуемся нашей опытностію. — Храни въ глубинѣ душевной прекрасное воспоминаніе четырехлѣтняго блаженства, и будь мнѣ вѣрна, если можешь. Я не могу, я не смѣю даже требовать этого, милая Анета, потому-что самъ долженъ смотрѣть другимъ взглядомъ на жизнь свою. — Я долженъ думать о женитьбѣ, это необходимо въ теперешней жизни моей, и признаюсь тебѣ, что здѣсь, въ Сомюрѣ, въ домѣ стараго дяди моего, я нашолъ дѣвушку, мою кузину, которой характеръ и наружность даже тебѣ-бы понравились. Къ-тому-же кажется у ней есть»....

Здѣсь Шарль остановился.

— Вѣрно, онъ очень усталъ, когда не докончилъ письма своего, подумала Евгенія.

И она его оправдывала! Но могло-ли это невинное созданіе замѣтить тонкую холодность, разлитую въ каждой строчкѣ письма этого? Для дѣвушекъ, подобныхъ Евгеніи, всё сіяетъ, всё блеститъ любовью, когда забьется она въ ея собственномъ сердцѣ. — Тогда они окружены какимъ-то небеснымъ сіяніемъ; торжественно тиха душа ихъ; и онѣ вѣрятъ въ любовь, онѣ вѣрятъ въ любовника, вѣрятъ, что и его душа также свѣтла, также чиста, также полна любовью. Заблужденія женщины происходятъ, и почти всегда, отъ ея ненарушимой вѣры въ добро и справедливость. Слова: *«Безцѣнная Анета»* звѣнѣли страстнымъ, волшебнымъ лепетомъ для ея слуха, и пронзали ея душу, какъ нѣкогда въ дѣтствѣ святые звуки, *«Venite adoremus»*, органа соборной ихъ церкви. Наконецъ и благородная чувствительность Шарля, слезы его на гробѣ отца, выказывали чистоту и невинность сердца; все это очаровываетъ молодыхъ дѣвушекъ.

Могла-ли она понять, что если Шарль дѣйствительно оплакиваетъ отца своего, могла-ли она понять, что сожалѣніе это

шло нестолько отъ чистаго, уязвленнаго сердца, сколько отъ воспоминаній отцовской доброты, отцовскаго баловства. Видя, съ какимъ нетерпѣніемъ отецъ и мать его наперерывъ старались утолять его малѣйшія прихоти и желанія, ему нѣкогда было разсуждать и разсчитывать, какъ дѣлаетъ это бездна парижскихъ молодыхъ людей, увлеченныхъ вихремъ роскоши и моды, и лишенныхъ средствъ утолять свои желанія и страсти; эти молодые люди разсчитываютъ обыкновенно на смерть своихъ родителей. — Отецъ Шарля былъ нѣженъ и добръ къ своему сыну до такой степени, что успѣлъ вложить въ его сердце любовь непритворную, истинную.

И хотя Шарль былъ еще дитя — но Парижанинъ, уже заразившійся заразою нравовъ парижскихъ, даже вліяніемъ самой Анеты на свой характеръ; онъ зналъ свѣтъ довольно-хорошо, и сердцемъ былъ уже старикъ, прикрытый цвѣтущею маскою молодости. Много перенялъ и усвоилъ онъ въ томъ обществѣ, въ кругу такихъ людей, гдѣ часто въ одинъ вечеръ, въ дружескихъ собраніяхъ, словами, совершается болѣе преступленій, нежели сколько разбираетъ ихъ судія въ своихъ засѣданіяхъ; и гдѣ острота убиваетъ великую идею, гдѣ силенъ тотъ, кто умѣетъ жить, — а умѣть жить значитъ не вѣрить ни въ чувства, ни въ людей, ни даже въ то̀, что̀ есть дѣйствительно. Умѣть жить значитъ умѣть жить на чужой счотъ, уклоняться и гнуться отъ бѣды, ничему не удивляться, ни красотамъ искусства, ни поступкамъ великихъ людей, и обожать одного идола — самого-себя.

Въ промежуткахъ между шутками и любовію, Анета учила его мыслить серьёзно. — Играя его кудрями, говорила съ нимъ о будущности, и свивая и развивая ихъ, высчитывала ему всю жизнь, какъ по счотамъ. — Она дѣлала его болѣе и болѣе женоподобнымъ — развратъ вдвойнѣ, но развратъ по модѣ, утонченный и принятой всѣми.

— Вы еще ребенокъ, говорила она Шарлю: право не знаю, какъ и приняться передѣлывать васъ. Зачѣмъ вы дурно обошлись съ господиномъ Жеронтомъ? Знаю, что онъ не очень-то достоинъ вашего уваженія; но подождите, онъ еще въ-силѣ; послѣ, презирайте его въ-глаза и сколько угодно.

Шарль былъ слишкомъ-привязанъ къ обществу, слишкомъ балованъ судьбою, слишкомъ разнѣженъ жизнію, чтобы дать покой и свободу душѣ своей, и развить въ ней пышно и величаво благороднѣйшія чувства и добродѣтели человѣческія. Золотыя

сѣмена, посѣянныя матерью въ его сердцѣ, не дали прекраснаго плода, будучи подавлены и заглушены разсѣянностію и развратомъ парижской жизни. Но ему было всего 21-й годъ, а въ этомъ юномъ возрастѣ чистота и юность души кажутся нераздѣльными съ чистотою и юностію тѣла. Его голосъ, взглядъ, лицо, были еще послушны чувству. Самый строгій судья, самый неумолимый законъ, самый жестокій ростовщикъ, поколебались-бы повѣрить разврату и очерствѣлости сердца и души, смотря на чистое, юное чело Шарля, еще необезображенное морщинами.

Шарль зналъ и понималъ свѣтскіе законы и уставы, но доселѣ не имѣлъ случая приложить ихъ къ своей жизни, и былъ непороченъ, слѣдственно, своею неопытностію. — Но въ сердцѣ его уже зрѣлъ эгоизмъ. Законы и правила парижскаго общества были посѣяны въ немъ, и ждали только случая, развиться вполнѣ, случая когда Шарль перемѣнитъ свою роль на жизненной сценѣ, и изъ зрителя великой драмы, сдѣлается самъ актеромъ.

Почти всѣ молодыя дѣвушки увлекаются наружнымъ блескомъ. Какъ-же не увлечься и Евгеніи? И хотя она была не Парижанка, хотя сердце ея судило строже и осторожнѣе, чѣмъ сердце дѣвушки въ разсѣянномъ и суетливомъ кругѣ общества, какъ было не увлечься ей, когда всё, рѣчи, движенія, поступки, всё въ ея Шарлѣ дышало чувствомъ или подъ тактъ сердцу, дышало его теплотою? Наконецъ случай, злая судьба, привела Евгенію принять на сердце свое послѣдній отголосокъ, послѣдній крикъ его сердца, еще юнаго и неиспорченнаго.

Кончивъ чтеніе письма этого, для нея полнаго любви и чувства, она взглянула на спящаго Шарля. — Для нея лицо его цвѣло еще отроческою красотою, было воспламенено вдохновенными порывами юности. Сердце ея обреклось навсегда любить его.

Потомъ она начала читать другое письмо, не останавливаясь въ своей нескромности. Но она жаждала новыхъ доказательствъ, новыхъ примѣровъ благородства и возвышенности чувствъ своего друга, котораго облекла она ослѣпительнымъ блескомъ всего великаго и прекраснаго, какъ сдѣлала-бы всякая любящая женщина.

«Любезный Альфонсъ! У меня нѣтъ болѣе друзей въ эту минуту, но сомнѣваясь во всѣхъ, я ни мало не усомнился въ

твоей дружбѣ. Обращаюсь къ тебѣ, и прошу послѣдней дружеской услуги — заняться моими дѣлами въ Парижѣ и устроить ихъ для меня, какъ можно выгоднѣе. — Тебѣ, безъ-сомнѣнія, извѣстно мое положеніе. У меня нѣтъ ничего, и я отправляюсь въ Индію. — Вмѣстѣ съ письмомъ къ тебѣ, отправляю письма ко всѣмъ, кому я долженъ. Въ письмѣ моемъ найдешь реестръ всѣхъ долговъ моихъ; я сдѣлалъ его на память. Для уплаты долговъ, вѣроятно, станетъ моей библіотеки, мебелей, экипажа и лошадей. Оставляю себѣ только одно необходимое и малоцѣнное. Въ случаѣ запрещеній, я пришлю довѣренность по всей формѣ. Пришли мнѣ все мое оружіе. Британа дарю тебѣ; никто не оцѣнитъ достойнымъ образомъ это прекрасное животное. Робертъ окончилъ мнѣ прекрасную дорожную карету; но еще не обилъ ее. — Уговори его, чтобы онъ взялъ ее назадъ. Если онъ не согласится, устрой такъ, чтобы честь моя нисколько не страдала. — Я проигралъ 6 луидоровъ Англичанину — отдай ему....»

Она не могла окончить.

— Милый Шарль! прошептала она, и взявъ со стола одну изъ зажжонныхъ свѣчей, выбѣжала изъ комнаты.

Придя въ свою спальню, она радостно отперла ящикъ своего коммода изъ дубоваго дерева, прекрасной работы, въ такъ-называемомъ вкусѣ «возрожденія». На немъ еще виднѣлась королевская саламандра. — Изъ ящика вынула она туго-набитый красный кошелекъ, вышитый канителью, съ золотыми застежками, доставшійся ей отъ покойной бабушки.

Горделиво свѣсила она его на рукахъ своихъ и съ наслажденіемъ стала пересчитывать свое сокровище.

Сперва отдѣлила она 20 португальскихъ червонцевъ, вычеканенныхъ еще при Іоаннѣ V, въ 1725 году. Они стоили, по-крайней-мѣрѣ, 168 франковъ 64 сантима, какъ цѣнилъ ихъ старикъ отецъ. — Но настоящая цѣна ихъ была въ 180 франковъ, по красотѣ и рѣдкости монеты.

Потомъ пять генуэзскихъ червонцевъ, ходившихъ по сту ливровъ въ Генуѣ, стоившихъ на обмѣнъ 87 франковъ каждая; но для любителей, монета цѣнилась и во сто франковъ. Они достались Евгеніи отъ покойнаго старичка Ла-Бертельера. Далѣе три золотыхъ испанскихъ кадрюпля, временъ Филиппа V-го, вычеканенныхъ въ 1729 г.; подарокъ г-жи Жантили, которая каждый разъ, даря ихъ, говорила:

— Этотъ хорошенькій червончикъ, этотъ жолтенькій милушка стоитъ девяносто-восемь ливровъ. Береги, душенька; это красавчикъ изъ твоего сокровища.

За-тѣмъ, и что наиболѣе нравилось старику Гранде (потому-что золота было въ каждой монетѣ 23 карата) 100 голландскихъ червонцевъ, вычеканенныхъ въ 1756 году, и ходившихъ по 12 франковъ.

Собраніе медалей и рѣдкой монеты, драгоцѣнное для нумизматиковъ и скупыхъ: три рупіи со знаками Вѣсовъ и пять рупій со знаками Дѣвы, цѣльныя, чистаго золота, въ двадцать-четыре карата; каждая изъ нихъ стоила 37 франковъ, 40 сантимовъ по вѣсу; но для охотниковъ не менѣе 50 франковъ.

Наконецъ наполеондоръ, полученный третьяго-дня отъ отца, и небрежно брошенный Евгеніею въ красный кошелекъ.

Сокровище это состояло изъ монетъ чистенькихъ, свѣтленькихъ, изящныхъ; старикъ Гранде часто любовался ими, часто засматривался на нихъ, и по цѣлымъ часамъ толковалъ дочери о красотѣ ихъ; изъяснялъ ей ихъ рѣдкость, чистоту обрѣза, блескъ поля, изящество буквъ, еще свѣжихъ, блистающихъ, неизглаженныхъ временемъ.

Но Евгенія и не думала теперь объ ихъ рѣдкости и достоинствѣ, не думала объ отцѣ, не думала объ опасности ввѣрить свое сокровище Шарлю; она думала только о нуждѣ и бѣдствіяхъ его.

Послѣ нѣсколькихъ ошибокъ въ счотѣ, она наконецъ добралась до итога: всего было около пяти тысячь восьмисотъ франковъ, по ходячей цѣнѣ, или на охотника около двухъ тысячь экю.

При видѣ такого богатства, Евгенія, какъ дитя, захлопала въ ладоши отъ радости.

Такимъ-образомъ, отецъ и дочь, каждый пересчитывали въ эту ночь свое золото: онъ поѣхалъ продавать свое; она бросала свое въ морѣ любви и состраданія.

Она вложила свое золото въ кошелекъ, взяла его, понесла наверхъ. Несчастія Шарля заставили ее позабыть и ночь, и приличія; но она была тверда своею совѣстію, самоотверженіемъ и счастіемъ.

Въ ту минуту, какъ она переступала черезъ порогъ комнаты, держа въ одной рукѣ свѣчу, въ другой кошелекъ, Шарль вдругъ проснулся, увидѣлъ Евгенію и окаменѣлъ отъ изумленія. Евгенія приблизилась къ нему, поставила подсвѣчникъ на

столъ, и сказала ему голосомъ, дрожащимъ отъ внутренняго волненія:

— Я должна просить у васъ прощенія въ важномъ проступкѣ, братецъ: мнѣ и Богъ проститъ, ежели вы простите.

— Что̀ такое? сказалъ Шарль, протирая глаза.

— Я прочла эти письма.

Шарль вспыхнулъ.

— Какъ это сдѣлалось?... Какъ я вошла сюда?... я не знаю, я не помню. Но я не раскаяваюсь, что прочла эти письма; они выказали мнѣ ваше сердцѣ, ваши чувства, и....

— И что̀ еще? спросилъ Шарль.

— Ваши намѣренія... вашу нужду....

— Но, милая кузина...

— Стъ! тише, тише, любезный Шарль; вы всѣхъ разбудите. Вотъ, сказала она, развязывая кошелекъ, вотъ что̀ успѣла сберечь бѣдная дѣвушка, которая, право, ни въ чомъ не нуждается; Шарль, примите это. Еще сегодня я не понимала, я не знала цѣны деньгамъ; но теперь я знаю: деньги только средство, больше ничего. Вы мнѣ братъ, почти братъ; вы можете взять въ-займы у сестры вашей.

Шарль не отвѣчалъ; бѣдная, неопытная Евгенія не предвидѣла отказа.

— Что̀-жъ? спросила она.

Шарль потупилъ голову.

— Вы мнѣ откажете? продолжала она, и сердце ея такъ билось, что Шарль могъ слышать удары его.

Нерѣшительность Шарля унижала Евгенію: она понимала это; но нужда и бѣдность его представились снова ея сердцу. Она склонила колѣна.

— Я не встану до-тѣхъ-поръ, пока вы не примете, братецъ, сказала она. Братецъ! Ради Бога отвѣчайте-же! Чтобъ я знала, что вы меня уважаете, что вы великодушны, что...

Благородный крикъ уязвленнаго сердца Евгеніи потрясъ душу Шарля; онъ схватилъ за руки Евгенію, чтобы поднять ее, и горячія слезы полились изъ глазъ его.

Евгенія схватила кошелекъ, и высыпала на столъ свое золото.

— Да, да, не правда-ли? говорила она, и слезы радости задрожали на ея прекрасныхъ рѣсницахъ. О братецъ, братецъ! вы будете счастливы, вы разбогатѣете. Это золото принесетъ вамъ

успѣхи, счастіе: вы возвратите мнѣ его когда-нибудь; притомъ вы не должны такъ много цѣнить этого.

Наконецъ Шарль могъ говорить.

— Да, да, Евгенія; я-бы былъ очень-малодушенъ, не принявъ вашего дара. Впрочемъ залогъ залогомъ, довѣренность довѣренностію.

— Что̀, что́ такое? сказала испуганная Евгенія.

— Милая Евгенія, вотъ здѣсь у меня....

Онъ снялъ съ коммода четыреугольный ящичекъ, въ кожаномъ футлярѣ.

— Эта вещь мнѣ дороже жизни моей. Этотъ ящичекъ память, подарокъ моей доброй матери. Утромъ еще, сегодня утромъ я думалъ, что еслибы мать моя могла выдти изъ гроба, утѣшить несчастнаго сына своего, то она сама продала-бы золото́, которымъ обдѣланъ этотъ медальйонъ; но *я* не могъ, *я* не рѣшался на это.

Евгенія сжала, въ порывѣ сильнаго чувства, руку Шарля.

— Нѣтъ, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: я не могу ни продать этого золота, ни рисковать потерять эту драгоцѣнность въ путешествіи. Милая Евгенія, сохраните этотъ залогъ. Никогда другъ не довѣрялъ такъ много своему другу... судите сами, Евгенія.

Онъ вынулъ медальйонъ изъ футляра, открылъ его и показалъ удивленной Евгеніи. Работа была такъ-хороша и изящна, что придавала двойную цѣну золоту.

— Но это еще ничего, сказалъ онъ: вотъ что̀ мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Шарль пожалъ пружину.

Открылись два портрета, кисти знаменитой де-Мирбель. Они были окаймлены жемчугомъ.

— О, какая прекрасная дама! неправда-ли, это, вѣрно, та, къ которой вы писали?

— Нѣтъ, это не она, сказалъ Шарль, улыбнувшись: это портретъ моей покойной матушки; вотъ портретъ и отца моего. Это ваши дядя и тетка Евгенія; я на колѣнахъ умоляю васъ сохранить эти изображенія. Золото-же пусть будетъ для васъ залогомъ въ случаѣ моей смерти. Вы достойны сохранить эти два портрета, и я только однимъ вамъ довѣряюсь, Евгенія. Въ случаѣ, въ несчастномъ случаѣ Евгенія, вы ихъ сожжоте, уничтожите, чтобы они не достались никому, не перешли въ чужія руки...

Евгенія молчала.

— Да, да? Не правда–ли?

Слыша слова, ею–же передъ этимъ сказанныя, она подняла на своего кузена взоръ, блистающій страстью, глубокой любовью, взоръ влюбленной женщины. Шарль взялъ ея руку и поцѣловалъ.

— Ангелъ, ангелъ, Евгенія! не правда–ли, между нами деньги, золото — ничто. Одно святое чувство, только одна глубокая благодарность будутъ говорить теперь за мое сердце.

— Вы похожи на матушку вашу, не правда–ли? У ней былъ такой–же тихій, нѣжный голосъ....

— О гораздо, несравненно нѣжнѣе!

— Это для васъ, сказала она, потупивъ взоръ свой... Но вы устали Шарль; лягте въ постель; я хочу, я требую, чтобы вы легли тотчасъ–же. До свиданія, Шарль!

И она тихонько высвободила руку свою изъ руки своего кузена. Шарль взялъ со стола свѣчку, чтобы проводить Евгенію.

Когда она пришла къ дверямъ комнаты, Шарль вскричалъ:

— О, для чего я теперь бѣденъ и разоренъ!

— Но мой батюшка, кажется, очень–богатъ.

— Нѣтъ, сестрица. Тогда не застрѣлился–бы братъ его; онъ, вѣрно, не допустилъ–бы до этого; вы сами жили–бы лучше, чѣмъ теперь.

— Но батюшка купилъ Фруафондъ.

— А что́ сто́итъ Фруафондъ?

— Не знаю, — но у насъ есть еще Нойе.

— Какая–нибудь ферма!

— У него виноградники и луга....

— Пустяки, сказалъ Шарль презрительно. Еслибы у отца вашего было хоть 80,000 ливровъ доходу, то вы–бы не жили въ такихъ холодныхъ, голыхъ комнатахъ.

— Ступайте–же спать, сказала Евгенія, нежелая допустить Шарля въ свою неубранную комнату.

Шарль удалился, простившись улыбкой съ Евгеніею. Они оба заснули наконецъ; обоимъ снились почти одни и тѣже сны. Отрада познакомилась наконецъ съ измученнымъ сердцемъ Шарля.

Утромъ, передъ завтракомъ, г–жа Гранде́ съ изумленіемъ увидѣла свою дочь и племянника однихъ, вмѣстѣ прогуливающихся въ саду, въ ожиданіи завтрака. Шарль былъ еще грустенъ, какъ человѣкъ, подавленный и разбитый тяжкимъ бреме-

немъ своихъ несчастій, какъ человѣкъ, измѣрившій всю глубину бездны, разступившейся предъ его ногами.

— Батюшка воротится не раньше обѣда, сказала Евгенія, замѣтивъ безпокойство въ лицѣ своей матери.

Легко можно было замѣтить по всему, по выраженію голоса, по выраженію лица Евгеніи, что между нею и Шарлемъ возникла тихая, нѣжная взаимность. — Они привязались уже другъ къ другу, всѣмъ сердцемъ, тогда-какъ, можетъ-быть, не успѣли еще испытать всей силы страсти, возникшей между ними.

Шарль оставался все утро въ залѣ, по-прежнему грустный и задумчивый. Мать и дочь не тревожили его молчаливой грусти. У всѣхъ было свое дѣло. Такъ-какъ Гранде́ уѣхалъ, не позаботившись о дѣлахъ, то въ домѣ явилась куча разнаго народа. Красильщики, каменьщики, столяры, плотники, фермеры; одни для сдѣлокъ по ремонтной части, другіе для уплаты за-наемъ. Госпожа Гранде́ и Евгенія суетились, бѣгали, выслушивали безконечные объясненія мастеровыхъ и поселянъ. Нанета складывала въ кухнѣ нанесенные фермерами поборы. Она ничѣмъ не располагала самовластно, и ожидала рѣшенія своего господина, который обыкновенно назначалъ, что̀ оставлять для дома, что̀ продавать на рынкѣ. Старый чудакъ, слѣдуя правилу почти всѣхъ помѣщиковъ, ѣлъ только одну гниль изъ своихъ плодовъ, а пилъ самое дешовое вино.

Около пяти часовъ, Гранде́ воротился изъ Анжера, имѣя съ собою на двадцать съ чѣмъ-то тысячь франковъ оставшагося золота, и бумажникъ, туго набитый векселями и банковыми билетами. Корнулье остался въ Анжерѣ, чтобы дать вздохнуть загнаннымъ лошадямъ, послѣ чего, не спѣша, долженъ былъ возвратиться съ ними домой.

— Я сейчасъ изъ Анжера, жена, сказалъ старикъ. Ѣсть хочется, такъ что.... обѣдать, скорѣе обѣдать!

Нанета закричала ему изъ кухни:

— А вы ничего не кушали со вчерашняго дня, сударь.

— Ничего, ничего, Нанета, обѣдать!

Супъ подали. Только-что всѣ усѣлись, явился де-Грассенъ за послѣдними наставленіями. Гранде́ забылъ было совсѣмъ о своемъ племянникѣ.

— Обѣдайте, обѣдайте Гранде́; я не помѣшаю. Поболтаемъ немного. Знаете-ли, почомъ ходитъ теперь золото въ Анжерѣ? Я сейчасъ хочу послать.

— Не посылайте, отвѣчалъ Гранде́: и безъ вашего золота тамъ довольно; я вашъ искренній другъ, и не посовѣтую вамъ дурнаго.

— Да вѣдь червонецъ ходитъ 13 франковъ, 50 сантимовъ.

— Было такъ, а теперь....

— Да откуда-же такъ скоро достали столько золота?

— Я ночью ѣздилъ въ Анжеръ, сказалъ Грандѐ, понизя голосъ.

Банкиръ обомлѣлъ отъ изумленія.

Потомъ они стали разговаривать тихо, ухо-на-ухо, изрѣдка поглядывая на Шарля. Наконецъ Гранде́ просилъ его позаботиться о покупкѣ двухъ-сотъ тысячь ливровъ доходу. Де-Грассенъ былъ внѣ себя отъ изумленія.

— Я отправляюсь въ Парижъ, сказалъ онъ Шарлю: и если у васъ есть туда какія-нибудь порученія....

— Никакихъ, сударь; весьма благодаренъ вамъ, отвѣчалъ Шарль.

— Поблагодари-ка получше, племянничекъ. Г-нъ де-Грассенъ ѣдетъ хлопотать о дѣлахъ торговаго дома покойнаго Вильгельма Гранде́.

— Какъ? развѣ еще есть надежда? спросилъ Шарль.

— Какъ? закричалъ бочаръ, съ ловко-разыгранною гордостію: Да развѣ вы не племянникъ мой? Ваша честь развѣ не касается моей чести? Развѣ вы не называетесь также, какъ и я, — Грандѐ?

Шарль бросился къ старику, сжалъ его крѣпко въ своихъ объятіяхъ и быстро вышелъ изъ комнаты, поблѣднѣвъ отъ внутренняго волненія. Евгенія съ изумленіемъ смотрѣла на своего отца.

— Нутка, нутка, де-Грассенъ, теперь за дѣла; смотрите-же, сдавите мнѣ ихъ хорошенько.

Оба дипломата пожали другъ у друга руки.

Бочаръ проводилъ банкира до самыхъ дверей; затворивъ ихъ за нимъ, онъ воротился въ залу и велѣлъ Нанетѣ принесть бутылку *касси.*

Послѣ того Гранде́ протянулся въ креслахъ.

Но слишкомъ-взволнованный недавними происшествіями, онъ вскочилъ, взглянулъ на портретъ покойнаго своего тестя Ла-Бертельера, запѣлъ, засвисталъ, перебирая въ тактъ ногами, *выдѣлывалъ танцовальныя па,* по опредѣленію Нанеты.

Нанета, госпожа Гранде́ и Евгенія переглянулись другъ съ другомъ. Восторженная радость стараго скряги не разъ уже ихъ пугала, когда случалось доходить до такой странной степени изступленія.

Вечеръ прошолъ очень-скоро. Гранде́ заблагоразсудилъ лечь пораньше, а когда онъ ложился, такъ ужъ все должно было спать, подобно тому, какъ въ Польшѣ, когда король Августъ пилъ, такъ ужъ вся Польша должна была быть пьяна. Нанета, Шарль и Евгенія тоже едва на ногахъ держались отъ усталости. Что̀-же касается до госпожи Гранде́, она спала, ѣла, пила, ходила, двигалась точь-въ-точь, какъ и мужъ ея. Впрочемъ, въ двухъ-часовой промежутокъ между обѣдомъ и сномъ, Гранде́, бывшій совершенно въ духѣ, наговорилъ много остротъ и поучительныхъ вещей, и все по-своему, на свой ладъ. Проглотивъ стаканъ касси, онъ сказалъ, посматривая на пустое донышко:

— Только къ губамъ приложишь — и пустъ! Вотъ вся наша жизнь; настоящее смѣняется будущимъ. Золото таетъ въ карманахъ и поминутно вывѣтривается; иначе жизнь была-бы очень-сладка; жирно-бы слишкомъ было.

И веселъ и милостивъ былъ онъ.

— Ты устала, сказалъ онъ Нанетѣ: брось-ка свою самопрялку.

— Ну, вотъ! скучно будетъ, отвѣчала вѣрная Нанета.

— Бѣдняжка Нанета! хочешь касси, дружочекъ?

— Ахъ, касси! дѣло другое; вотъ это такъ не наскучитъ; барыня дѣлаетъ его лучше, чѣмъ продажный у аптекарей; у нихъ онъ словно микстура.

— Сахару, сахару много кладутъ у нихъ, — отъ-того и микстура.

На-завтра всѣ, собравшись къ завтраку, были дружны, согласны, почти счастливы. Несчастіе сблизило Шарля, госпожу Гранде́ и Евгенію. Нанета не была лишнею въ этомъ союзѣ и невольно раздѣляла горе и радость господъ своихъ. Что̀ касается до стараго чудака, онъ былъ счастливъ по-своему и равнодушно смотрѣлъ на семью свою, не вмѣшиваясь въ чужое счастіе; онъ былъ радъ тому, что избавляется наконецъ отъ *красавчика,* поплатившись бездѣлицей, — давъ денегъ на дорогу до Нанта. Итакъ, онъ оставилъ дѣтей, какъ онъ называлъ Шарля и Евгенію, совершенно на свободѣ, ввѣривъ ихъ нравственность попеченію г-жи Гранде́, которую, въ этомъ отношеніи, онъ дарилъ полною своею довѣренностію. Занимали его только пла-

нировка луговъ, пересадка тополей у Луары, и зимнія работы на фермахъ въ Фруафондѣ. Тогда-то начались для Евгеніи дни блаженства, дни первой любви. Вмѣстѣ съ золотомъ, которое она отдала Шарлю, она отдала ему и свою любовь. Секретъ ихъ общей тайны сближалъ ихъ болѣе и болѣе; они увлекались чувствомъ, увлекались болѣе и болѣе во внутреннюю жизнь души своей, и вмѣстѣ забывали цѣлый свѣтъ. Родство ихъ помогало имъ не мало. Оно оправдывало и нѣжность ихъ взглядовъ и тихую рѣчь. Евгенія была счастлива, увлекая своего Шарля въ міръ любви изъ бездны страданія.

Не замѣтятъ-ли люди сходства между началомъ жизни и началомъ любви? Дитя лелѣютъ тихою пѣсенкой, нѣжнымъ взглядомъ, разсказываютъ надъ колыбелью его чудныя исторіи, и надъ спящимъ летаютъ золотые сны и надежда златитъ волшебнымъ блескомъ его отдаленную будущность. Вотъ онъ вамъ капризный, своенравный, плачетъ вдругъ за что́? — за карточный домикъ, за цвѣты, за бумажное государство; онъ плачетъ, а тихая радость быстро гонитъ печаль, и уже свѣтится сквозь горькія слезы его. И тужить-то ему нѐ-когда, и плакать нѣтъ времени. Его тянетъ будущность и жадно спѣшитъ онъ въ жизнь, въ отдаленную, въ шумную, въ бурную жизнь.

Любовь во всемъ сходна съ дѣтствомъ; любовь тоже дѣтство, тотъ-же счастливый возрастъ нашего сердца. Онъ начался для сердецъ Шарля и Евгеніи; страсть пришла съ своими любовными причудами, съ своею очаровательною, дѣтскою радостію. Тѣмъ обольстительнѣе была для нихъ любовь, чѣмъ чернѣе зіяла за ними бездна прошедшихъ несчастій. Любовь улыбнулась имъ отрадою, уврачила сердца ихъ, и была чудесна, таинственна въ нѣдрахъ тихой, смиренной ихъ жизни, въ ихъ старомъ, уединенномъ жилищѣ.

Часто въ ихъ маленькомъ садикѣ обмолвливались два, три слова любви; часто Шарль и Евгенія сидѣли по цѣлымъ часамъ, до солнечнаго заката, на дерновой скамейкѣ, говорили долго, говорили о всемъ, что́ свято для любви, чѣмъ дорожитъ она, а вокругъ нихъ было все тихо, торжественно, какъ подъ священными сводами величавой старинной церкви. Шарль понималъ всю торжественность любви, узналъ ея святость, узналъ, что прежняя мятежная его страсть въ Парижѣ была не любовь, и онъ забывалъ эту страсть, кокетливую, капризную и блестящую, тѣснилъ ее изъ своего сердца, для страсти новой, чистой и прекрасной.

Онъ вставалъ рано и являлся въ садъ, сказать два, три слова съ Евгеніей до прихода Гранде́ за хозяйствомъ и провизіей. Эти утреннія свиданія, маленькія преступленія, даже неизвѣстныя матери, и поощряемыя притворною недогадливостію Нанеты, завлекали ихъ простую, невинную любовь заманчивостію опасности, заманчивостію запрещеннаго плода. Наконецъ, когда, послѣ завтрака, старикъ Гранде́ отправлялся по полямъ и по работамъ, Шарль садился между теткой и кузиною, помогалъ имъ въ ихъ работѣ, разматывалъ нитки, вдѣвалъ ихъ въ иголки, и съ неизъяснимымъ, сладостнымъ трепетомъ, по цѣлымъ часамъ, глядѣлъ на Евгенію и заслушивался рѣчей ея. Тихость, безмятежность этой монастырской жизни тронула его душу, и онъ понялъ чистую прелесть святой простоты и невинность этихъ нравовъ и умовъ. Онъ не могъ вѣрить, чтобы во Франціи могли быть такіе характеры: онъ вѣрилъ имъ прежде баснословно, по однимъ романамъ Августа Лафонтена, полагалъ ихъ гдѣ-нибудь, въ какомъ-нибудь темномъ закоулкѣ Германіи. Евгенія стала для него идеаломъ Гётевой Маргариты, но еще непорочной, не-преступной Маргариты. Наконецъ со-дня на-день взгляды и рѣчи увлекали сердце молодой дѣвушки болѣе и болѣе, и она, какъ-будто несясь въ волнахъ потока, съ жадностію хваталась за случай, за минуту блаженства, какъ утопающій за слабую вѣтку. Забота и грусть о будущемъ, о разлукѣ, мрачили ясные часы короткихъ, незамѣтныхъ дней любви. Всякій день что-нибудь напоминало имъ о разлукѣ сильнѣе и сильнѣе. Сначала, три дня послѣ отъѣзда де-Грассе́на, Гранде́ торжественно сводилъ Шарля въ судъ первой инстанціи, чтобы дать письменное отреченіе отъ наслѣдства по матери. Потомъ у Крюшо́ нужно было совершить двѣ довѣренности, одну для де-Грассе́на, другую для Альфонса, которому была поручена продажа вещей и маленькаго имущества Шарля. Наконецъ, когда получено было простое траурное платье изъ Парижа, Шарль продалъ весь бывшій гардеробъ свой, гардеробъ бывшаго dandy, сомюрскому портному. Старику чрезвычайно былъ по-сердцу поступокъ Шарля.

— Ага! ну вотъ ты теперь человѣкъ, какъ слѣдуетъ, какъ надобно, когда хотимъ сколотить копейку, сказалъ Гранде́, разглядывая рединготъ Шарля изъ толстаго, прочнаго сукна. Это такъ! люблю! хорошо!

— Смѣю увѣрить васъ, любезнѣйшій дядюшка, что я понимаю мое положеніе и чувствую, какъ мнѣ должно теперь вести себя...

— Ага!... а!... вотъ! вотъ.... Что́ это такое?! запѣлъ старикъ, увидѣвъ кучу золота въ рукахъ Шарля. Глаза старика сіяли, горѣли...

— Я собралъ всѣ мои бездѣлки, кольца, запонки, цѣпочки, все, что́ только сто́итъ сколько-нибудь, но... не зная никого въ Сомюрѣ... я-бы осмѣлился попросить васъ...

— У тебя купить это? закричалъ Гранде́, прерывая его.

— Нѣтъ, дядюшка, чтобы вы мнѣ помогли отыскать честнаго человѣка, который-бы...

— Да ты дай ужъ мнѣ, племянникъ, только дай мнѣ, я тамъ на верху это свѣшаю, въ сантимѣ не ошибусь; ужъ ты понадѣйся на дядю. — Золото для вещей... продолжалъ онъ, разсматривая длинную цѣпь: кажется... нѣтъ, такъ, не ошибаюсь, 19 или 20 каратовъ...

Чудакъ схватилъ золото и убѣжалъ съ нимъ къ себѣ наверхъ.

— Сестрица, сказалъ Шарль: позвольте мнѣ предложить вамъ, въ память обо мнѣ, эти двѣ бездѣлки, двѣ запонки... Они могутъ служить вмѣсто браслетовъ; такіе браслеты теперь очень въ модѣ...

— Я принимаю не отговариваясь, сказала Евгенія, обмѣнявшись съ нимъ значительнымъ взглядомъ.

— Тётинька, вы мнѣ тоже не откажете: вотъ наперстокъ моей покойной матушки; я хранилъ его, какъ драгоцѣнность.

Госпожа Гранде́ уже десять лѣтъ мечтала о такомъ напёрстокѣ; подарокъ былъ принятъ съ глубокой признательностію.

— Нѣтъ словъ для изъявленія моей благодарности, сказала старушка, отирая слезы. Утромъ и вечеромъ, каждый день, за молитвой, я помяну и объ васъ, поминая *недугующихъ и путешествующихъ*. Когда я умру, Евгенія, то пусть къ тебѣ перейдетъ эта драгоцѣнность...

— Все это сто́итъ тысячу-девятьсотъ-восемдесятъ-девять франковъ, семдесятъ-пять сантимовъ, закричалъ Гранде́, отворяя двери. Но зачѣмъ-же продавать это? все лишнія хлопоты!.. я отсчитаю тебѣ эту сумму — *ливрами*.

Слово — *ливрами*, значитъ, на языкѣ сдѣлокъ и оборотовъ, что экю въ шесть ливровъ долженъ быть взятъ за шесть франковъ, безъ спору и безъ всякой добавки до настоящей суммы.

— Я не смѣлъ вамъ предложить этого, любезнѣйшій дядюшка, сказалъ Шарль: но, признаюсь, мнѣ было-бы очень-неловко продавать всѣ эти вещи въ здѣшнемъ городѣ. Грязное бѣлье нужно полоскать въ своей семьѣ, по словамъ Наполеона. — Весьма-благодаренъ вамъ за эту услугу, любезнѣйшій дядюшка.

Гранде́ почесалъ себя за ухомъ. Шарль продолжалъ послѣ минутнаго безмолвія:

— Любезнѣйшій дядюшка...

Шарль безпокойно поглядывалъ на дядю, боясь оскорбить его разборчивость.

— Любезнѣйшій дядюшка! тётинька и сестрица были такъ-добры, что не отказались принять отъ меня двѣ бездѣлки, въ память, въ знакъ моего уваженія. — Не откажите-же и вы: вотъ двѣ булавки для галстуха; онѣ ненужны мнѣ болѣе; примите ихъ. Они напомнятъ вамъ бѣднаго Шарля, который всегда будетъ съ любовью вспоминать о миломъ семействѣ вашемъ, о своихъ единственныхъ родныхъ....

— Душа моя, душечка, ну зачѣмъ-же такъ разоряться!... А что̀ у тебя, жена? сказалъ онъ, жадно оборотившись къ госпожѣ Гранде́: а! золотой наперстокъ. А ты дочечка? ага! брильянтовые аграфы. Ну, душка, такъ и я возьму твои пуговки, сказалъ онъ, сжимая руку Шарля.... Но за это ты позволишь мнѣ заплатить за твое путешествіе да.... да, да, ну хоть.... ужъ пожалуй до Индіи. Да, мой другъ, я заплачу за твое путешествіе. Потому-что — видишь-ли другъ мой, — я оцѣнилъ эти вещи только по вѣсу, а, можетъ-быть, будетъ барышъ на работѣ. Ну, такъ сказано, сдѣлано! Ужъ я размотаю мошну, дамъ тебѣ этакъ съ-тысячу экю.... *ливрами.* Крюшо́ далъ въ-займы; у меня нѣтъ ни шелега, другъ мой, ей-Богу нѣтъ ни шелега; развѣ Перорре заплатитъ за ферму; онъ просрочилъ; а вотъ пойду, повидаюсь съ нимъ....

Онъ схватилъ перчатки, надѣлъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

— Такъ вы отъ насъ ѣдете? грустно сказала Евгенія.

— Надобно, сестрица.

Съ нѣкотораго времени, видъ, слова, движенія Шарля, все обнаруживало въ немъ глубокую, молчаливую грусть; но, какъ человѣкъ, обреченный судьбою на тяжкіе труды и обязанности, онъ находилъ и въ самомъ несчастіи своемъ новыя силы. Онъ уже не плакалъ, не вздыхалъ болѣе, онъ возмужалъ. Тутъ только Евгенія увидѣла его характеръ, идеалъ своего Шарля. Она

любила смотрѣть на его грубое платье, темный покрой котораго шолъ къ его блѣдному лицу и къ мрачной задумчивости. Въ этотъ день госпожа Гранде́ и Евгенія надѣли трауръ и слушали всѣ вмѣстѣ въ соборѣ Requiem, исполненный за упокой души покойнаго Вильгельма Грандѐ. Въ полдень Шарль получилъ изъ Парижа письма.

— Что̀ братецъ, довольны–ли вы вашими извѣстіями? тихо спросила Евгенія.

— Этого никогда недолжно ни у кого спрашивать, дочка, сказалъ Гранде́: замѣть себѣ это. Вѣдь я–же съ тобой не болтаю о своихъ дѣлахъ, такъ къ–чему–же соваться въ чужія? Оставь его въ покоѣ, другъ мой.

— Да у меня нѣтъ секретовъ, сказалъ Шарль.

— Та, та, та, та, племянничекъ! поторгуешь, научишься держать язычокъ на привязи за зубами.

Когда двое любящихся сошлись въ саду, Шарль усадилъ Евгенію на дерновую скамью подъ орѣшникомъ, и сказалъ ей:

— Альфонсъ славный малой. Онъ прекрасно обдѣлалъ всѣ дѣла мои. Онъ повершилъ все честно и благоразумно. Я ничего не долженъ въ Парижѣ. Всѣ мои вещи проданы, и на вырученыя за всѣмъ три тысячи франковъ, Альфонсъ, по совѣту одного флотскаго капитана, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько тюковъ съ бездѣлушками, съ европейскими вещицами, заманчивыми для туземцовъ. Тамъ мнѣ дорого дадутъ за все это. Онъ отправилъ уже это все въ Нантъ, гдѣ стоитъ судно, назначенное въ Яву. Черезъ пять дней намъ нужно разстаться, Евгенія, и если не на–вѣкъ, такъ на–долго, очень–на–долго. — Мой товаръ и 10000 франковъ: это хорошо для начала; я возвращусь не скоро, сестрица. Не думайте–же обо мнѣ, забудьте меня, вѣдь я могу умереть.... можетъ–быть, вамъ выйдетъ выгодная партія....

— Любите–ли вы меня? спросила Евгенія.

— О! да, да! отвѣчалъ Шарль.

— Такъ я буду ждать тебя, мой возлюбленный!... Боже мой! батюшка на насъ смотритъ изъ окна, вскричала она, отводя рукой Шарля, который бросился обнять ее.

Она остановилась въ корридорѣ. — Шарль побѣжалъ за ней. Замѣтивъ это, Евгенія взошла на лѣстницу и отворила дверь. — Не зная, что́ дѣлала, не помня болѣе себя, она очутилась возлѣ комнаты Нанеты, въ самомъ темномъ углу корридора. Шарль схватилъ ее за руку, обнялъ ее и прижалъ къ своему сердцу. —

Евгенія не сопротивлялась болѣе и размѣнялась съ нимъ самымъ чистымъ, самымъ пламеннымъ поцѣлуемъ.

— Ты будешь моею, ты моя, Евгенія, говорилъ Шарль.

— Аминь! скрѣпила Нанета, быстро отворивъ дверь свою.

Испуганные любовники кинулись въ залу; Евгенія схватила работу, а Шарль началъ читать псаломъ Пресвятой Богородицѣ, въ молитвенникѣ госпожи Гранде́.

— Ага! сказала Нанета: мы всѣ теперь за молитвами.

Когда былъ объявленъ срокъ отъѣзду Шарля, Гранде́ захлопоталъ, чтобы выказать всѣмъ, какъ до́рогъ ему племянникъ. Гдѣ не нужно было тратить денегъ, тамъ онъ былъ щедръ донельзя. — Сыскалъ Шарлю столяра, потому-что потребовалось сколотить нѣсколько ящиковъ; но подъ предлогомъ, что съ него запросили дорого, началъ самъ строгать и точить коробки изъ гнилыхъ досокъ. Съ ранняго утра, онъ вставалъ, рѣзалъ, точилъ, стругалъ, мѣрялъ, прикладывалъ и сработалъ славные ящики; самъ уложилъ въ нихъ всѣ вещи племянника, и взялся ихъ отправить на баркѣ внизъ по Луарѣ, и къ-сроку доставить въ Нантъ.

Съ эпохи поцѣлуя часы летѣли, какъ молнія, для бѣдной Евгеніи. Иногда ей приходило въ голову ѣхать вмѣстѣ съ Шарлемъ. Тотъ, кто испыталъ пламя страсти на сердцѣ своемъ, пламя страсти внезапной, которая разомъ перерождаетъ человѣка, сгоняетъ и болѣзни, и время, и возрастъ, тотъ пойметъ мученія Евгеніи. Часто, рыдая, бѣгала она по дорожкамъ маленькаго сада; но онъ былъ для нея тѣсенъ; домъ ихъ былъ для нея тѣсенъ, — сердце ея рвалось на свободу, далеко, на безпредѣльныя равнины моря, въ-слѣдъ за своимъ Шарлемъ.

Наконецъ насталъ и предпослѣдній день отъѣзда. Утромъ, въ отсутствіе Гранде́ и Нанеты, драгоцѣнный медальйонъ Шарля былъ торжественно перенесенъ въ коммодъ Евгеніи, въ которомъ лежалъ теперь пустой кошелекъ ея. — Нужно-ли упоминать, что залогъ Шарля былъ омоченъ слезами и осыпанъ поцѣлуями? Когда Евгенія спрятала ключъ на грудь свою, она не могла воспрепятствовать Шарлю поцѣловать мѣсто его теперешняго хранилища.

— Здѣсь ему мѣсто, другъ мой.

— Вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ, отвѣчалъ Шарль.

— Ахъ! братецъ, братецъ, сказала Евгенія....

— Развѣ мы уже несоединены, моя возлюбленная? ты дала мнѣ свое слово, возьми-же и мое.

— Навсегда! Навсегда!

Два раза съ обѣихъ сторонъ было произнесено это торжественное слово, и ни одинъ обѣтъ не могъ быть ни чище, ни святѣе этого. Цѣломудренная прелесть Евгеніи освятила и любовь Шарля.

Грустенъ былъ утренній завтракъ передъ отъѣздомъ; даже сама Нанета, добрая, вѣрная Нанета не могла удержаться отъ слезъ, не смотря на утѣшеніе, т. е. на золотой халатъ и хорошенькой крестикъ, подаренный Шарлемъ.

— Бѣдняжечка молодой баринъ! Шутка–ли? ѣхать за море! Помоги Господи!

Въ половинѣ двѣнадцатаго всѣ пошли провожать Шарля до нантскаго дилижанса. Нанета спустила собаку, заперла ворота и отправилась вмѣстѣ со всѣми, неся чемоданы Шарля. Всѣ купцы Старой–улицы выбѣжали смотрѣть на процессію, къ которой присоединился и нотаріусъ Крюшо́ на площади.

— Смотри, не заплачь Евгенія, шепнула ей мать.

— Ну, племянникъ, сказалъ Гранде́, обнявъ Шарля: уѣзжаешь бѣднякомъ, воротись богачомъ; честь отца твоего будетъ сохранена, и когда ты воротишься....

— Ахъ, дядюшка! вы облегчаете мою грусть; вотъ драгоцѣнный подарокъ для бѣднаго сироты, за который онъ ничѣмъ не въ–состояніи заплатить вамъ.

Не понявъ словъ старика, прерваннаго въ самомъ интересномъ мѣстѣ, Шарль излилъ словами всю свою благодарность, и оросилъ слезами руки стараго скряги. Евгенія судорожно сжимала руки отца и своего двоюроднаго брата.

Одинъ нотаріусъ улыбался, удивляясь хитрому притворству старика; онъ одинъ постигъ и разгадалъ его.

Долго еще оставались всѣ четверо возлѣ кареты; наконецъ она тронулась; вотъ уже она на мосту, вотъ уже почти совсѣмъ исчезла изъ виду, и когда гулъ отъ колесъ замеръ въ отдаленіи, старикъ Гранде́ прошепталъ:

— Счастливый путь!

Къ–счастію, одинъ Крюшо́ слышалъ это восклицаніе. Евгенія съ матерью пошли далѣе на набережную, откуда еще виднѣлся удаляющійся дилижансъ, и махали своими платками. Шарль отвѣчалъ тѣмъ–же.

Дилижансъ скрылся изъ глазъ.

Теперь, чтобы не прерывать нити нашего разсказа, необходимо бросить взглядъ на распоряженія господина Гранде въ Парижѣ, черезъ уполномоченнаго своего, господина де-Грассена.

Что̀ касается до дѣлъ Вильгельма Гранде, то было все такъ, какъ угадалъ и разсчиталъ его почтеннѣйшій братецъ.

Во французскомъ банкѣ, какъ всѣмъ извѣстно, можно всегда получить самыя вѣрнѣйшія свѣдѣнія о богатствѣ и о состояніи богатѣйшихъ капиталистовъ, какъ Парижа, такъ и всѣхъ Департаментовъ. Имена де-Грассена и Феликса Гранде были знамениты, и пользовались тѣмъ уваженіемъ, которое оказывается въ торговыхъ сношеніяхъ преимущественно тѣмъ, чьи капиталы обезпечены землями и владѣніями, нигдѣ незаложенными. Пріѣздъ сомюрскаго банкира, взявшаго на себя всѣ хлопоты по дѣламъ Гранде-парижскаго, пріостановилъ всѣ требованія и протесты, постыдные для памяти покойнаго.

Въ присутствіи кредиторовъ сняли печати, и нотаріусъ началъ реестръ всему оставшемуся, движимому и недвижимому. Скоро въ собраніи всѣхъ капиталистовъ единогласно положено было выбрать въ главные распорядители дѣла, на все время, сомюрскаго банкира, придавъ ему въ товарищи главнаго кредитора Гранде, одного изъ богатѣйшихъ парижскихъ капиталистовъ. Имъ дали право и полномочіе устроить дѣла упадшаго дома, спасти честь его, и вмѣстѣ съ тѣмъ спасти самихъ кредиторовъ.

Не мало способствовали дѣлу всѣмъ извѣстный кредитъ Гранде-сомюрскаго, и надежда, поданная всѣмъ кредиторамъ черезъ де-Грассена; такимъ образомъ, никто не противился новому, неожиданному обороту дѣла. Никто не захотѣлъ законнымъ образомъ предъявить свои требованія, и всякій говорилъ:

— Намъ заплатитъ господинъ Гранде-сомюрскій.

Прошло шесть мѣсяцевъ. Кредиторы скупили всѣ векселя на домъ покойнаго Вильгельма Гранде, ими-же прежде выпущенные, и съ надеждою набили свои карманы бумагой, въ ожиданіи кое-чего повещественнѣе. — Таковъ былъ первый результатъ операціонныхъ дѣйствій стараго скряги. Его-то и ожидалъ онъ.

Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ перваго собранія кредиторовъ, каждому изъ нихъ было выдано, въ уплату долга по 22 на 100. Де-Грассенъ выручилъ эту сумму, продавъ вещи, домъ,

имѣніе, все принадлежавшее покойнику, и честно раздѣлилъ это между кредиторами.

Честность и точность перваго дѣла произвели впечатлѣніе: всякій надѣялся, хвалилъ Феликса Грандѐ. Потомъ, нахвалившись досыта, потребовали еще денегъ. Написали съ этою цѣлью письмо въ Сомюръ отъ имени всѣхъ кредиторовъ.

— Ну вотъ, наконецъ-то, сказалъ Гранде́, бросивъ письмо въ каминъ. Терпѣніе, друзья мои, терпѣніе!

Въ отвѣтъ на это посланіе, Гранде́ потребовалъ общей складки всѣхъ векселей и всѣхъ требованій, существующихъ на домъ господина покойнаго Гранде́-парижскаго, въ контору одного нотаріуса; вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ и квитанціи на выплаченныя уже суммы. «Съ тѣмъ намѣреніемъ», писалъ онъ, «чтобы яснѣе разобрать и повѣрить счоты, и яснѣе изложить состояніе дѣла.» Тысячи возраженій посыпались со всѣхъ сторонъ.

Вообще кредиторъ есть какое-то *perpetuum mobile.*

Сегодня онъ согласенъ на все, завтра все рветъ и мечетъ. Сегодня у него все такъ-покойно въ домѣ, все такъ-ладно, хорошо: жена весела и послушна, у маленькаго прорѣзались зубки; что̀-же? мой кредиторъ неумолимъ; не хочетъ дать ни копейки. На-завтра дождь, на дворѣ грязь и слякоть; бѣдняжка задумчивъ, печаленъ и на все соглашается. Послѣ завтра, пожалуйте залогу, черезъ мѣсяцъ палачъ потащитъ васъ на расправу. Кредиторъ похожъ на воробья, которому сыплютъ на хвостъ соли. Тоже самое кредиторъ говоритъ про свою квитанцію. Тамъ еще хоть хвостъ есть, а у кредитора — кукушка за моремъ.

Грандѐ прилежно слѣдилъ за всей стаей и зналъ, откуда вѣтеръ. Наконецъ онъ всѣхъ привелъ въ повиновеніе. Сначала нѣкоторые раскричались, разсердились и на-чисто отказались исполнить требованія хитраго скряги.

— Славно, чудесно! говорилъ Гранде́, читая письмо де-Грассена, и съ радости потирая свои руки.

Другіе согласились, но съ условіями: обезпечить всѣ свои права и требованія, и, на худой конецъ, сохранить права объявленія банкрутства. Новая переписка.

Наконецъ Гранде́ согласился на всѣ условія и обезпеченія, и выдача векселей совершилась. Кредиторы сами другъ друга уговаривали.

Впрочемъ не совсѣмъ перестали роптать.

— Да онъ и надъ нами и надъ вами смѣется, говорили они де-Грассену.

Почти черезъ два года послѣ смерти Вильгельма Гранде, нѣкоторые изъ кредиторовъ, въ вихрѣ спекуляцій и коммерческихъ сдѣлокъ, охладѣли и даже забыли о всѣхъ своихъ надеждахъ и требованіяхъ.

— Кажется, поговаривали они мимоходомъ, двадцать-то два на сто было все, чѣмъ они насъ полакомили.

Старикъ расчислялъ время. Время добрый чортъ, говорилъ онъ, но чортъ все-таки чортъ. Къ концу третьяго года де-Грассенъ увѣдомилъ Гранде, что кредиторы соглашаются выдать всѣ векселя и уничтожить ихъ, если получатъ только по десяти на сто, на сумму остальнаго долга, т. е. двухъ милліоновъ, четырехъ-сотъ тысячъ франковъ.

Гранде отвѣчалъ, что стряпчій и нотаріусъ его покойнаго брата, разорившіе его, живутъ припѣваючи, что они совершенно поправились и что не худо-бы было и ихъ потормошить немножко.

Въ концѣ 4-го года успѣли уменьшить сумму до двухъ милліоновъ. Обѣ стороны говорили и спорили, опять говорили и спорили; все это продолжалось полгода. Наконецъ старикъ былъ доведенъ до крайности. Переговоры были кончены, нужно было платить.

Гранде отвѣчаетъ, что племянникъ увѣдомилъ его о счастливомъ ходѣ своихъ дѣлъ, что племянникъ его обогатился въ Индіи, и что наконецъ племянникъ его ревностно желаетъ заплатить долгъ своего отца *сполна*. «Какъ-же мнѣ-то платить вамъ, не переписавшись и не посовѣтовавшись съ племянникомъ?» писалъ Гранде кредиторамъ: «подождите немного.»

И наконецъ, въ половинѣ пятаго года, кредиторы все еще ожидали уплаты *сполна*. А бочаръ смѣялся по-тихоньку, да изрѣдка приговаривалъ: *«Ужъ эти мнѣ Парижане!»*

Вотъ въ какомъ положеніи застанемъ мы кредиторовъ и дѣла Вильгельма Гранде, когда происшествія нашей повѣсти заставятъ насъ опять обратиться къ нимъ.

Когда фонды покупались по 109, то Гранде свои продалъ и получилъ изъ Парижа четыре милліона-триста-тысячъ франковъ золотомъ. Эти милліоны присоединились къ полутору-милліона франковъ, вырученныхъ за анжерское золото.

Де-Грассенъ жилъ въ Парижѣ безвыѣздно, и вотъ по какой причинѣ: во первыхъ его выбрали въ депутаты; во-вторыхъ, по-

тому–что онъ, де–Грассенъ, банкиръ, почтенныхъ лѣтъ, отецъ семейства, влюбился по–уши въ одну премиленькую актрису Театра Герцогини Орлеанской. Поведеніе его надѣлало въ Сомюрѣ много соблазна и шума; всѣ осудили безнравственность де–Грассена. Женѣ его удалось выхлопотать раздѣлъ по имѣнію, и она, къ–счастію своему, не потерялась въ отсутствіе мужа, сама занялась дѣлами и мало–по–малу поправила состояніе, пострадавшее отъ глупостей главы семейства. Въ–слѣдствіе происковъ, наговоровъ и стараній Крюшо́ съ ихъ компаніей, госпожѣ де–Грассенъ не удалось порядочно пристроить своей дочери, а о Евгеніи и думать было нечего.

Адольфъ отправился къ отцу въ Парижъ и сдѣлался порядочнымъ повѣсою. Крюшо̀ торжествовали.

— Мужъ вашъ съ ума сошолъ, говорилъ Гранде́ госпожѣ де–Грассенъ, отсчитывая ей въ–займы, подъ вѣрные залоги, какую–то сумму. Жаль мнѣ васъ; а вы право предобрая бабёнка.

— Ахъ, Гранде́! Кто бы могъ подумать, что въ тотъ день, когда онъ отправился по дѣламъ вашимъ въ Парижъ, онъ устремился къ своей вѣрной гибели!

— Да ей Богу–же, сударыня, я употреблялъ всѣ усилія, чтобы отвратить его отъ этой поѣздки. Президентъ Крюшо̀ хотѣлъ–же, во что̀–бы ни стало, перебить у него.... Теперь понятно отъ–чего вашему мужу такъ сильно хотѣлось услужить мнѣ.

Такимъ–образомъ хитрецъ отдѣлался отъ всего, даже отъ благодарности де–Грассенамъ за услуги.

Глава V.

Семейныя горести.

Во всѣхъ грустныхъ обстоятельствахъ жизни, женщина страдаетъ сильнѣе и терпитъ болѣе мужчины. Послѣдній найдетъ новыя силы въ своей дѣятельности; онъ занятъ, онъ думаетъ, разсчитываетъ, дѣйствуетъ; ему улыбается надежда; тоже самое было и съ Шарлемъ.

Но чѣмъ разсѣетъ, чѣмъ разгонитъ женщина свое горе? Оно передъ нею всегда, за нею повсюду, неизмѣнное, безнадежное, ужасное. Робко измѣряетъ взоръ ея глубины разверзтой передъ нею бездны, и ей остаются одни стенанія и слезы. Вотъ удѣлъ, который достался и Евгеніи, и она безропотно покорилась судь-

бѣ своей. Чувствовать глубоко, любить, и почти всегда страдать любовью своей, вотъ судьба, вотъ удѣлъ женщины. И Евгеніи досталась полная чаша скорби, безъ отрады и утѣшенія; не суждено ей было испытать счастія полнаго, нераздѣльнаго.

Печали и горе были не за горами, и скоро настало грустное время для бѣдной Евгеніи.

Всё въ домѣ осталось по-прежнему по отъѣздѣ Шарля, только не для одной Евгеніи. Комнату Шарля оставили въ такомъ-же видѣ, какъ и во-время пребыванія его, разумѣется, утаивъ это отъ отца. Госпожа Гранде́ и Нанета съ охотою вступили въ этотъ маленькой заговоръ.

— Кто знаетъ, можетъ-быть, онъ и скоро воротится? сказала Евгенія.

— Ну, барышня, и я-бы порадовалась, отвѣчала Нанета: да что̀ это за добренькой, миленькой баринъ, красавчикъ такой, словно красная дѣвушка.

Евгенія взглянула на добрую служанку....

— Ахъ, Господи! да что́ это съ вами, барышня? какъ вы этакъ смотрите? Ну, точно васъ тотчасъ въ гробъ клади; полноте, полноте барышня!

Съ этого дня лицо Евгеніи заблистало новою красотою. Какая-то строгая торжественность сообщилась всѣмъ чертамъ ея, и, проникнутая любовію, душа свѣтилась въ очахъ.

На-другой-день по отъѣздѣ Шарля, Евгенія, возвращаясь отъ обѣдни, зашла въ книжную лавку и купила путевую карту. Она повѣсила ее въ своей комнатѣ, возлѣ зеркала, и каждый день отмѣчала мысленно по ней путь своего дорогаго Шарля; каждый день мечтала она о немъ, встрѣчалась съ нимъ за далекими морями, носилась съ нимъ на одномъ кораблѣ по бурному океану, говорила съ нимъ, спрашивала его: счастливъ-ли ты, думаешь-ли ты обо мнѣ, шлешь-ли мнѣ привѣтъ съ каждымъ облачкомъ, бѣгущимъ въ родимую сторону? По утрамъ она долго одна просиживала въ саду, подъ старымъ орѣшникомъ, на той самой старой, источенной червями лавкѣ, гдѣ они нѣкогда говорили другъ съ другомъ, мечтали, шутили, гадали о будущемъ. И теперь она мечтала о будущемъ, и грустно глядѣла на небо, на старую стѣну, на окно въ комнатѣ, прежде занимаемой Шарлемъ.

Это была страдальческая, уединенная любовь, скрытая глубоко въ сердцѣ, сросшаяся съ сердцемъ, съ мыслями, съ жизнію

Евгеніи; любовь сдѣлалась для нея вещественнымъ началомъ, силою жизненною.

По вечерамъ, когда всѣ, кто назывались друзьями стараго Гранде́, собирались въ ихъ темной залѣ, за карточнымъ столикомъ, Евгенія была, какъ и всегда, весела, разговорчива; по-утрамъ она по цѣлымъ часамъ только и говорила, что о Шарлѣ, съ своею матерью и Нанетою. Нанета поняла, что была въ-силахъ, не измѣнивъ впрочемъ старому господину своему, облегчить страданія Евгеніи, перемолвивъ съ ней слово о Шарлѣ, и польстивъ отдаленной надеждой.

Такъ прошли два мѣсяца, и жизнь трехъ женщинъ, прежде скучная и единообразная, какъ-то оживилась занимательностію ихъ тайны, ихъ дружескихъ секретовъ. Все въ этихъ скучныхъ, мрачныхъ комнатахъ, все еще живо напоминало имъ Шарля, какъ-будто онъ и не оставлялъ ихъ. Утромъ и вечеромъ Евгенія открывала завѣтный ящичекъ и по цѣлымъ часамъ смотрѣла на изображенія Шарля и родителей его. Разъ, въ одно воскресенье, мать застала ее, въ сладкомъ упоеніи воспоминаній, надъ образомъ ея суженаго; тогда-то открыто было все госпожѣ Гранде́, обѣты Шарля и Евгеніи, и размѣнъ залоговъ.

— Ка̀къ, ты отдала ему все свое золото! вскричала испуганная старушка. А что̀ скажетъ твой отецъ, когда, въ новый-годъ, по-обыкновенію, онъ захочетъ посмотрѣть на твои червонцы?

Евгенія окаменѣла отъ ужаса. Двѣ бѣдняжки не смѣли взглянуть другъ на друга цѣлое утро. И до-того дошло ихъ смущеніе, что онѣ прослушали благовѣстъ къ ранней обѣднѣ, и пошли только къ поздней.

Черезъ три дня наступало 1-е января 1820; черезъ три дня въ этомъ домѣ начнется страшная драма, драма мѣщанская, безъ крови, безъ кинжала и яда, но страшнѣе всѣхъ кровавыхъ эпизодовъ изъ драматической исторіи знаменитой фамиліи Атридовъ.

— Что̀ съ нами будетъ? говорила г-жа Гранде́, и — работа выпадала изъ рукъ ея.

Происшествія, въ два мѣсяца скопившіяся надъ этой семьею, до такой степени измѣнили весь образъ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привычки доброй старушки, что шерстяныя зимнія рукава ея еще не были окончены. Это, по-видимому, ничтожное обстоятельство было причиною огромнаго несчастія въ семействѣ. Старушка простудилась и занемогла серьёзно во-время

страшной катастрофы, страшнаго гнѣва скупаго скряги старика Гранде́.

— Я вздумаю, дитя мое, что еслибы ты не таилась отъ меня, а призналась-бы мнѣ во всемъ съ самаго начала, то у насъ, можетъ-быть, достало-бы еще времени написать въ Парижъ г-ну де-Грассену. — Онъ, вѣрно, отыскалъ-бы намъ точно такія-же монеты, хоть, правда, трудно было-бы и обмануть отца: онъ очень-хорошо знаетъ твое золото.

— А гдѣ-же мы взяли-бы столько денегъ?

— Я-бы дала изъ *моихъ собственныхъ*. — Притомъ господинъ де-Грассенъ долженъ...

— Уже поздно, отвѣчала Евгенія дрожащимъ отъ тревожнаго волненія голосомъ. Все рѣшится завтра-же утромъ, когда мы пойдемъ поздравлять его съ новымъ-годомъ.

— Но, милая моя, не пойдти-ли посовѣтоваться съ господиномъ Крюшо́?

— О нѣтъ, ни за что́! тогда мы будемъ отъ нихъ въ тяжкой зависимости. Притомъ-же я рѣшилась; я ни въ чомъ не раскаяваюсь, я хорошо сдѣлала, и Богъ меня не оставитъ; да будетъ-же Его святая воля! Ахъ! матушка, вы тоже бы сдѣлали, еслибы тогда, въ ту ночь, какъ и я, прочитали его письма.

На другой день, 1-го января 1820, мать и дочь были въ такомъ ужасѣ, что не осмѣлились идти поздравлять старика съ новымъ годомъ. Зима двадцатаго года была очень-холодна; снѣгъ густо лежалъ на крышахъ. Когда Гранде́ зашевелился въ своей комнатѣ, старушка закричала ему изъ-за перегородки:

— Гранде́, сдѣлай милость, прикажи Нанетѣ развести немножко огня въ моей комнатѣ; здѣсь такъ-холодно; я мерзну подъ одѣяломъ. — Ужъ я стара, другъ мой, мнѣ нужно болѣе беречься.

— Притомъ-же, прибавила она, послѣ минутнаго молчанія: Евгенія придетъ сюда одѣваться. Бѣдненькая простудится въ такой морозъ. — Потомъ мы сойдемъ внизъ и поздравимъ тебя съ новымъ-годомъ.

— Та, та, та, та! вотъ язычокъ-то! Ну, ну! какъ ты начинаешь новый годъ, мадамъ Гранде́! Да ты никогда столько не говорила? а? Ужъ не покушала-ли ты хлѣбца съ виномъ, душа моя?

Молчаніе.

— Ну, мадамъ Гранде́, душа моя, я сдѣлаю по-вашему. Ты славная бабенка, и я не хочу, чтобъ съ тобой приключилась бѣ-

да на-старости. — Впрочемъ живучи вы всѣ Ла-Бертельеры, гмъ! не правда-ль? Народъ не такой, чтобъ умирать, не поживши порядкомъ. Но я имъ прощаю ихъ долгую жизнь, все-таки наконецъ мы ихъ наслѣдники.

Старикъ закашлялся.

— Вы веселы сегодня, сударь, грустно сказала госпожа Гранде́.

— Я, какъ рыба въ водѣ, прибавилъ онъ, входя къ женѣ уже совсѣмъ одѣтый.

— Да, да. правда, здѣсь таки порядочно холодно. Брръ! Мы славно позавтракаемъ, жонушка. Де-Грассенъ прислалъ мнѣ пастетъ изъ гуся съ трюфелями; я пойду за нимъ въ контору дилижансовъ. Просилъ также я его прислать червончикъ для Евгеніи, душа моя, сказалъ онъ ей на-ухо: что́ дѣлать? У меня въ ящикахъ ни капли золота. — Было недавно сколько-то залежалыхъ, старинныхъ, я могу тебѣ открыться; да все отдалъ на-дняхъ въ оборотъ.

И ради торжественнаго дня, старикъ торжественно поцѣловалъ жену свою въ лобъ.

— Евгенія! закричала добрая старушка, когда ушолъ Гранде́. Гранде́ видно всталъ на правую ногу; онъ такъ веселъ сегодня; ну дай Богъ! можетъ-быть и съ рукъ сойдетъ.

— Ну, что́ это съ бариномъ сдѣлалось? сказала Нанета, внося въ комнату вязанку дровъ. Сперва онъ мнѣ сказалъ: здравствуй, съ новымъ-годомъ, старая чертовка! Разложи-ка огня у жены; она мерзнетъ, бѣдняжка. Потомъ.... да я, просто, одурѣла какъ пень, когда онъ мнѣ далъ цѣлый экю въ шесть франковъ, и такой новенькой, свѣтленькой! Ну, посмотрите, сударыня, посмотрите! Охъ добрый, добрый баринъ! Вѣдь вотъ на другихъ посмотришь, такъ чѣмъ старѣе, тѣмъ злѣе; а этотъ такой добрый, такой тихой, такой милостивый.... Ну да ужъ дай Господи ему здоровья, хорошему барину!

А весь-то секретъ веселости старика была радость его объ окончаніи совершенно-удавшейся спекуляціи. Де-Грассенъ, получивъ въ Парижѣ проценты съ капиталовъ Гранде́, и вычтя изъ нихъ тѣ суммы, которыя старикъ былъ ему долженъ, за размѣнъ голландскихъ банковыхъ билетовъ и за покупку 250,000 ливровъ доходу, причомъ онъ долженъ былъ поплатиться изъ своего кармана за недостаткомъ надлежащей суммы, отсчитанной ему Гранде́, посылалъ ему остатокъ, около 30,000 франковъ серебромъ. Присемъ приложилъ онъ табличку возвышенія фон-

довъ, бывшихъ тогда по 89 (и которые черезъ мѣсяцъ продавались по 92). Такимъ-образомъ, Гранде́ бралъ по 12-ти на сто съ своихъ капиталовъ, и каждый мѣсяцъ могъ получать 1,000,000 франковъ, безъ хлопотъ, безъ бумагъ и безъ переписки. — Онъ понималъ эти обороты совершенно и пользовался ими прекрасно. Итакъ въ перспективѣ, лѣтъ черезъ пять, черезъ шесть, у него было-бы отъ шести до семи милліоновъ, нажитыхъ безъ большаго труда; и если прибавить сюда оцѣнку его недвижимаго имѣнія, то составилось-бы состояніе колоссальное. — Шесть франковъ, подаренные Нанетѣ, были плата, довольно худая, за услугу, оказанную своему господину въ ночь, когда онъ ѣздилъ въ Анжеръ съ своимъ золотомъ.

— Охъ, охъ! да куда это такъ рано бѣжитъ старикъ Гранде́, словно на пожаръ, говорили купцы, отворяя свои лавки. Но когда его видѣли возвращающагося, вмѣстѣ съ почтамтскимъ служителемъ, нагруженнымъ тугими, толстыми мѣшками, то всё объяснилось.

— Да, онъ ходилъ за деньгами, сказалъ одинъ изъ купцовъ.

— А Богъ знаетъ, откуда къ нему не приходятъ деньги, примолвилъ другой: изъ Парижа, изъ Фруафонда, изъ Бельгіи!

— Да, онъ скоро купитъ Сомюръ, замѣтилъ третій.

— Вотъ видишь! и холодъ, и жаръ ему ни по-чомъ: онъ всегда за работой, говорила жена своему мужу.

— Эй, послушайте-ка, г. Гранде́, кричалъ старику толстый сосѣдъ его, хозяинъ суконной лавки: если тяжелы очень мѣшки-то, такъ давайте ихъ сюда, я имъ найду мѣсто.

— Да вѣдь это все мѣдь, отвѣчалъ ему скряга.

— Серебро, сказалъ про себя навьюченный работникъ.

— Молчи ты, дуракъ; держи языкъ за зубами, ворчалъ старикъ, отворяя калитку.

— Ахъ ты, старая лисица... а вѣдь я подумалъ, что онъ глухъ, какъ тетеревъ.... или онъ въ морозъ только слышитъ.

— Вотъ тебѣ двадцать су за твои труды, болванъ, и убирайся. — Нанета, что̀, бабы въ церкви?

— Да, сударь.

— Такъ скорѣе-же, скорѣй за работу, закричалъ старикъ, наваливая мѣшки на плеча Нанеты.

Потомъ, когда мѣшки были перенесены въ его кабинетъ, старикъ заперся въ немъ на-ключъ.

— Когда готовъ будетъ завтракъ, ты постучись у дверей, закричалъ онъ Нанетѣ.

Завтракъ былъ готовъ къ десяти часамъ.

— Богъ милостивъ, отецъ твой не спроситъ о золотѣ, сказала госпожа Гранде́ своей дочери: и къ дню твоего рожденія мы какъ-нибудь достанемъ точно-такія-же деньги.

Только-что Гранде́ вошолъ въ залу, жена и дочь поспѣшили поздравить его съ наступающимъ годомъ; Евгенія, нѣжно ласкаясь, бросилась къ нему на шею. Госпожа Гранде́ поздравила его серьёзно и съ приличною торжественностію.

— Ну, ну, моя красоточка, сказалъ скряга, цѣлуя нѣсколько разъ свою дочь: работалъ, и работаю для тебя, для твоей будущности, для твоего счастія, а для счастія нужны деньги, душа моя; безъ денегъ *пасъ*! Вотъ, на, возьми-ка этотъ наполеондоръ; какъ тутъ поспѣлъ къ тебѣ изъ Парижа; нарочно выписывалъ, а здѣсь у меня нѣтъ ни соринки золота. Вотъ у тебя, такъ другое дѣло; ты богатая! у тебя много золота; а покажи-ка мнѣ, жизненочекъ, свое золото? а? дружочекъ, дочечка! Бррръ, какъ холодно; ну, начнемъ-те-же завтракать; нашъ толстякъ де-Грассѐнъ прислалъ чудесную штуку; кушайте, милыя, кушайте, дѣти, ничего не стоитъ, даровое! Молодецъ де-Грассе́нъ! Славно работаетъ по дѣлу племянника, а что̀ всего лучше, работаетъ даромъ. У-у-уахъ! уахъ! сказалъ онъ, прищелкнувъ языкомъ. Славное кушанье! Отвѣдай-ка, жонушка, отвѣдай. — Этимъ кускомъ можно, по-крайней-мѣрѣ, цѣлыхъ два дня быть сытымъ. Я самъ впрочемъ неголоденъ; много не ѣмъ, всякой знаетъ; кушай-же, кушай, мадамъ Гранде́, не бойся, больна не будешь, на здоровье! а Ла-Бертельеры-то всѣ здоровяки; вотъ и ты желте́нька немножко, да это ничего; я люблю желтый цвѣтъ.

Ожиданіе позорной казни не могло-бы сравниться съ тѣмъ, что̀ ощущали госпожа Гранде́ и Евгенія, предчувствуя, чѣмъ кончится завтракъ. Чѣмъ веселѣе и шутливѣе былъ Гранде́, тѣмъ сильнѣе стучало сердце бѣдняжекъ. Евгеніи было легче; любовь ее воодушевляла и вливала въ нея новыя силы.

— О, для него, для него, думала она: я готова перенести всё на свѣтѣ.... И при этой мысли взоръ ея оживлялся и блисталъ твердостію и неустрашимостію.

— Убери, убери всё это, Нанета, закричалъ старикъ, когда кончили завтракать. А столъ намъ оставь. Намъ будетъ здѣсь лучше, удобнѣе, прибавилъ онъ, поглядывая на Евгенію: посмотримъ-ка теперь твое маленькое сокровище; — маленькое! Боже сохрани! да у тебя золотомъ на 5,959 франковъ; такъ, такъ.... да прибавимъ 40 франковъ, что́ я далъ сегодня, такъ выйдетъ

шесть тысячь франковъ безъ одного; ну, да, я дамъ тебѣ этотъ франкъ, мы пополнимъ сумму, потому-что, видишь-ли, дочечка.... А ты что́ насъ слушаешь, Нанета? нутка, покажи намъ пятки; маршъ! за работу!

— Послушай, милушечка, малюточка моя, Евгенія, отдай-ка мнѣ мое золото, сей-часъ? вѣдь ты не откажешь своему папашкѣ, моя дочечка.

Мать и дочь, обѣ были точно къ смерти приговоренныя.

— У меня нѣтъ больше золота; было, было, не спорю, но теперь нѣтъ, ничего нѣтъ. Я тебѣ отдамъ, дочка, отдамъ всѣ шесть тысячь франковъ — *ливрами,* и самъ постараюсь повыгоднѣе помѣстить ихъ. О *дюжинкѣ* и думать нечего; вотъ, когда мы за-мужъ выйдемъ (а мы скоро выйдемъ за-мужъ, дочечка), тогда женишокъ подаритъ тебѣ такую дюжинку, что вся провинція заболтаетъ. Ужъ я найду такого женишка. Ну, такъ что́-же, душа моя? а? Какъ-же мы рѣшаемся? Видишь-ли, ангелъ мой, есть прекрасный случай въ виду; можно положить 6000 франковъ въ государственный банкъ, и каждыя шесть мѣсяцовъ ты будешь получать 200 франковъ процентовъ, почти 200 франковъ, и безъ крючковъ, безъ бумагъ, безъ обязательствъ; доходъ чистоганчикомъ. Можетъ-быть, ты не хочешь разстаться съ своимъ золотомъ, душечка, ангелъ мой? Ну, да хоть принеси мнѣ его сюда; видишь-ли, я самъ послѣ подарю тебѣ точно такія-же монеты. Достану тебѣ и голландскихъ червонцевъ, и португальскихъ червонцевъ, и рупій восточныхъ. Вотъ увидишь, что въ три года я соберу тебѣ, по-крайней-мѣрѣ, половинку нашего крошечнаго, маленькаго, миленькаго золотаго сокровища. А? что? что́-же, дочечка. Подыми-же головку, поди, принеси его сюда, нашего малюточку! Да ты-бы должна была всѣ глазки выцѣловать своему папашѣ, за то, что онъ такъ хорошо знаетъ, да и тебѣ открываетъ всѣ штучки, продѣлки, секреты этихъ злодѣевъ, червончиковъ. А вѣдь и въ-правду, денежки тоже живутъ, да еще не хуже нашего брата; тоже возятся, катаются, ходятъ, потѣютъ, работаютъ!

Евгенія встала и пошла къ дверямъ; но, вдругъ обернувшись къ своему отцу, смѣло сказала, прямо глядя ему въ глаза:

— У меня нѣтъ болѣе золота.

— Нѣтъ золота!!! завопилъ старикъ, вскочивъ съ креселъ и вздрогнувъ, какъ боевой конь, оглушенный выстрѣломъ изъ орудія, въ десяти шагахъ: нѣтъ золота?

— Да! У меня уже нѣтъ его болѣе.

— Но ты.... ты, вѣрно, ошиблась, Евгенія....

— Нѣтъ, не ошиблась, батюшка.

— Клянусь *серпомъ моего отца!*

Когда бочаръ клялся *серпомъ своего отца,* то даже стѣны дрожали въ его домѣ.

— Господи, Боже мой! Создатель мой, барыня въ обморокѣ, закричала вбѣжавшая Нанета.

— Гранде́, я умру Гранде́, простонала бѣдная старушка.

— Та! та! та! та! вздоръ! вы живучи... Ла-Бертельеры не умираютъ! Евгенія! куда ты дѣвала свое золото?! закричалъ онъ, бросившись къ своей дочери.

— Батюшка, сказала дочь, стоя на колѣнахъ возлѣ своей матери; посмотрите, какъ страдаетъ бѣдная матушка; не убивайте ее!

Гранде́ почти испугался, увидавъ смертельную блѣдность на желтомъ лицѣ старушки.

— Нанета, помоги мнѣ дойти до постели, сказала госпожа Гранде́: Боже! я умираю.

Нанета и Евгенія взяли ее подъ-руки и съ величайшимъ трудомъ довели ее до постели; всходя на лѣстницѣ, она постепенно теряла свои силы.

Гранде́ остался одинъ въ залѣ; черезъ нѣсколько минутъ онъ взбѣжалъ шесть или семь ступенекъ на-верхъ и закричалъ Евгеніи:

— Евгенія, когда уложишь мать, сойди сюда.

— Хорошо, батюшка.

Она не замедлила прійти, разувѣривъ сначала мать свою.

— Ну, дочка, скажи-ка теперь, гдѣ твое золото?

— Батюшка, хладнокровно отвѣчала Евгенія, взявъ съ камина подаренный ей наполеондоръ и отдавая отцу: батюшка! ежели вы мнѣ дѣлаете подарки, которыми я располагать невластна, то возьмите ихъ назадъ.

Гранде́ схватилъ наполеондоръ и сунулъ его въ свой карманъ.

— Да, ужъ я думаю, что больше ничего тебѣ не подарю, дружочекъ, — вотъ, столько не подарю, сказалъ онъ, показывая самую маленькую часть на своемъ мизинцѣ: такъ вы презираете отца вашего; вы даже не знаете, что́ такое отецъ, сударыня! Да, ежели онъ для васъ не всё, сударыня, такъ онъ ничего. Гдѣ ваше золото, гдѣ золото?!!!

— Я люблю и уважаю васъ, батюшка, даже и теперь, когда вы на меня сердитесь; но позвольте вамъ замѣтить, батюшка, что мнѣ уже 23 года; вы сами очень-часто замѣчали мнѣ, что я давно уже совершеннолѣтняя. Съ деньгами я сдѣлала то́, что̀ мнѣ было угодно, и повѣрьте, что прекрасно употребила ихъ.

— Куда употребили вы ихъ, сударыня?

— Это мой секретъ, батюшка, важный, священный секретъ; вѣдь у васъ есть свои секреты?

— Я глава семейства, сударыня, у меня свои дѣла, своя политика....

— Точно также и у меня есть свои дѣла, батюшка.

— Вѣрно, дурныя дѣла, сударыня, когда вы ихъ отцу родному открыть не можете.

— Дѣло весьма-хорошее, батюшка, и я вамъ не могу открыть его.

— По-крайней-мѣрѣ, когда-же ты отдала свое золото?

Евгенія сдѣлала отрицательный знакъ головою.

— Былъ-ли онъ въ домѣ, въ день вашего рожденія?

Евгенія, наученная любовью, сдѣлалась также хитра, какъ и отецъ ея.

Опять тотъ-же знакъ головою.

— Да видано-ли было такое упрямство? слышалъ-ли кто о подобномъ воровствѣ? закричалъ Гранде́, возвышая болѣе и болѣе свой голосъ, такъ, что наконецъ онъ раздался по цѣлому дому.

— Какъ, здѣсь, въ собственномъ домѣ моемъ, кто-то укралъ золото, единственное золото въ цѣломъ домѣ! И я въ-сторонѣ, мнѣ не хотятъ сказать этого! Да, золото дорого, вѣдь золото не пустячки, сударыня. Вѣдь ты дала-же его кому-нибудь, а?

Евгенія была неумолима.

— Да видалъ-ли кто такую упрямицу! Я-ли, я-ли отецъ твой? Но если ты отдала деньги куда-нибудь въ оборотъ, такъ должна-же быть у тебя росписка, квитанція?!

— Но вѣдь золото было мое; развѣ я невольна была истратить его на что захочу?

— Да вѣдь ты дитя!

— Совершеннолѣтнее.

Пораженный логикою дочери, Гранде́ блѣднѣлъ, трясся, онѣмѣлъ отъ злости; наконецъ, выйдя изъ мгновеннаго остолбѣненія, онъ закричалъ:

— Змѣя подколодная! Она знаетъ, что я ее люблю, и рада во-зло употреблять мою слабость; она готова зарѣзать отца своего. Но, чортъ возьми! ежели ты отдала свои деньги этой обезьянѣ въ лакированныхъ сапогахъ, то клянусь всѣмъ, что́ есть на свѣтѣ, такъ-какъ я не могу тебя лишить наслѣдства, то я тебя проклинаю, тебя, дѣтей, твой родъ и твоего Шарля въ придачу; будешь меня помнить! Ну, ежели это Шарль!... Но нѣтъ, не можетъ-быть!... этотъ тряпичникъ, лоскутникъ, дрянь, чтобъ онъ надулъ меня!

Онъ взглянулъ на дочь. Евгенія была молчалива и спокойна по-прежнему.

— Она какъ ни въ чомъ не бывала, не поморщится!... да она упрямѣе меня, Гранде́, да и всѣхъ Гранде́ вмѣстѣ. — По-крайней-мѣрѣ не даромъ-же ты отдала свои деньги; ну! какъ-же?

Евгенія насмѣшливо взглянула на отца, старикъ обидѣлся.

— Знайте, сударыня, что вы здѣсь въ моемъ домѣ, въ домѣ отца вашего, сударыня?

Евгенія склонила голову въ знакъ согласія.

— Вы меня обижаете, сударыня, а я хочу видѣть васъ не иначе, какъ покорною и послушною дочерью. Ступайте въ свою комнату, извольте оставаться тамъ до-тѣхъ-поръ, пока я васъ самъ не выпущу. Нанета будетъ приносить вамъ воду и хлѣбъ.... Слышали? ступайте-же сударыня!

Евгенія залилась слезами и вышла вонъ изъ комнаты.

Гранде́ побѣжалъ въ садъ. Пройдясь нѣсколько разъ взадъ и впередъ, по колѣна въ глубокомъ снѣгу, онъ вздумалъ, что дочь, вѣрно, не въ тюрьмѣ, а у постели больной матери; желая къ чему-нибудь придраться, чтобы излить гнѣвъ свой, обрадовавшись случаю застать въ-разплохъ непослушную дочь свою, онъ осторожно, на цыпочкахъ, пробрался по лѣстницѣ и очутился въ спальнѣ жены своей въ ту самую минуту, когда госпожа Гранде́ сжимала дочь въ объятіяхъ и цѣловала ея длинные и прекрасные волосы.

— Утѣшься, милый другъ мой, говорила старушка: отецъ перестанетъ сердиться....

— Нѣтъ у нея отца, закричалъ Гранде́. И это наша дочь, госпожа Гранде́? Непослушная, непокорная? Прекрасное воспитаніе, религіозное воспитаніе, нечего сказать! А вы, сударыня, вы не подъ замкомъ еще? Подъ-арестъ, подъ-арестъ, сударыня, маршъ, безъ объясненій!

— Неужели вы хотите отогнать дочь отъ постели больной матери, Гранде́? сказала старушка; лицо ея пылало лихорадочнымъ жаромъ.

— А! ежели ужъ вамъ такъ нужна ваша дочь, такъ возьмите ее, возьмите ее, сударыня, и убирайтесь обѣ, вонъ изъ моего дома! Чортъ возьми, гдѣ деньги? гдѣ золото?

Евгенія гордо посмотрѣла на своего отца и ушла въ свою комнату. Старикъ самъ заперъ ее на-ключъ.

— Нанета! закричалъ онъ, затуши въ залѣ огонь.

Онъ сѣлъ въ креслахъ и придвинулъ ихъ къ камину. — Она, вѣрно, отдала свои деньги этому низкому обольстителю Шарлю; мошеннику только и нужны были однѣ деньги.

Госпожа Гранде́, страдая за дочь свою и понимая опасность ея положенія, нашла довольно въ себѣ силы, чтобъ притвориться хладнокровною, глухою и нѣмою.

— Я ничего не знала объ этомъ, сказала она, не глядя на мужа и уклоняясь отъ его рысьяго взгляда. — О! я такъ страдаю отъ вашихъ жестокостей, что, кажется, если вѣрить предчувствіямъ, я умру, умру непремѣнно. Хоть-бы теперь вы пощадили меня, сударь; я васъ никогда такъ не огорчала, подумайте объ этомъ; ваша дочь любитъ васъ нѣжно и я увѣрена, что она невинна, какъ пятилѣтній ребенокъ; не мучьте ее, смягчите вашъ приговоръ. Теперь холодно, она можетъ простудиться въ нетопленой комнатѣ.

— Я не хочу ни видѣть, ни слышать ее; она будетъ подъ арестомъ до-тѣхъ-поръ, пока не согласится отвѣчать на мои вопросы. Чортъ возьми, кажется, глава семейства долженъ знать, куда дѣвалось золото, бывшее въ домѣ. У ней были рупіи! да въ цѣлой Франціи не найдти теперь ни одной рупіи! а генуэзскіе червонцы! а голландскіе червонцы!

— Но Евгенія, единственное дитя наше, и, право, еслибы она въ воду бросила деньги...

— Въ воду!!! закричалъ старикъ: деньги бросить въ воду? да ты съ-ума сошла, госпожа Гранде́! Нѣтъ! сказано, сдѣлано. Если хотите, чтобы все уладилось, допросите ее, допытайте ее!... вы, бабы, лучше знаете, какъ приниматься за это. Ну, отчего не сказать отцу, куда дѣвались деньги? не съѣмъ-же я ее! Что̀ она — боится меня, что̀-ли? Хоть-бы она позолотила своего братца, такъ что-жъ мнѣ-то дѣлать? вѣдь онъ теперь за морями!

— Вотъ видишь-ли Грандѐ...

Но вдругъ, въ ту минуту, какъ она хотѣла мужу открыть всю тайну, она замѣтила, по внезапному судорожному движенію лица его, всю необдуманность своего поступка. Несчастія дочери и любовь къ ней удвоили ея осторожность.

— Вотъ видишь-ли, Грандѐ, посуди самъ, послушается-ли она меня, когда уже тебя не послушалась.

— Ну, ну, какой у тебя язычокъ сегодня, мадамъ Гранде́. Та, та, та, та, та, та! да вы меня не обманываете-ли, сударыня! вотъ бьюсь объ закладъ, что онѣ обѣ въ заговорѣ.

— Право, Грандѐ, я умру, если вы будете продолжать такимъ образомъ. Но все-равно, хотя-бы мнѣ это и жизни сто́ило, я все-таки скажу вамъ, что поведеніе ваше съ Евгеніей несправедливо, что она благоразумнѣе васъ, сударь. Деньги были ея собственныя, истратила она ихъ, вѣроятно, на доброе дѣло, а только одинъ Богъ можетъ судить, каковы дѣла наши. Гранде́, умоляю тебя, прости Евгенію; ты смягчишь этимъ жестокость удара мнѣ нанесеннаго; можетъ-быть, возвратишь мнѣ жизнь и здоровье. Грандѐ, прости свою дочь, возврати мнѣ мою Евгенію...

— Я бѣгу съ поля битвы! закричалъ Гранде́: домъ мой падаетъ... зданіе подкопано.... заговоръ.... мать и дочь болтаютъ, болтаютъ, болтаютъ... бррръ! бррръ... Да, Евгенія, много горя нанесла ты мнѣ! Да, да, плачь, плачь! тебя замучитъ угрызеніе совѣсти... Вотъ ты увидишь сама, чего стоитъ твой Шарль съ своими лакированными сапогами и съ постной рожицей... У него нѣтъ ни души, ни сердца; а то могъ-ли-бы онъ унесть, украсть золото у бѣдной дѣвушки, безъ согласія ея родителей?

Когда уже было поздно и на ночь заперли ворота, Евгенія вышла изъ своей комнаты и подошла къ постели матери.

— Гдѣ вы взяли столько твердости, матушка, чтобы вынести столько для вашей бѣдной дочери?

— Вотъ видишь-ли, дитя мое, къ чему ведетъ насъ скрытность и неосторожность; я должна была солгать, чтобы спасти тебя, другъ мой.

— О! я приму на себя наказаніе Господне.

— Правда-ли, сказала испуганная Нанета, вбѣжавшая въ комнату, что барышня теперь на всю жизнь на водѣ и на хлѣбѣ?

— Ну, что́-же такое? спокойно сказала Евгенія.

— Какъ, что́ такое? я буду есть какъ царица, тогда-какъ барышня будетъ кушать хлѣбъ чорный. Нѣтъ, нѣтъ!

— Полно, замолчи, Нанета.

— Пожалуй; я буду нѣма какъ рыба, но вы увидите, увидите.

Гранде́ обѣдалъ одинъ, въ первый разъ въ-продолженіе тридцати лѣтъ своей жизни.

— Вотъ вы теперь точно вдовецъ, сударь, сказала Нанета. Грустно быть вдовцомъ, когда есть и жена и дочь въ домѣ.

— А съ тобой говорятъ, что́-ли? а? Молчать!... Или я прогоню тебя. Что̀ это у тебя тамъ кипитъ въ кострюлькѣ?

— Да это жиръ, сударь.

— Подай свѣчу, придутъ гости сегодня.

И дѣйствительно, въ восемь часовъ явились Крюшо̀ и г-жа де-Грассѐнъ съ своимъ сыномъ; всѣ удивились, не видя ни госпожи Грандѐ, ни Евгеніи.

— Жена больна сегодня, Евгенія сидитъ вмѣстѣ съ нею, спокойно отвѣчалъ старикъ.

Часъ спустя, когда гости наговорились до-сыта, госпожа де-Грассе́нъ, ходившая на-верхъ навѣстить больную — возвратилась. Всякій поспѣшилъ узнать о здоровьи хозяйки.

— Очень, очень-плохо: и въ ея лѣта болѣзнь чрезвычайно-опасная. Нужно вамъ позаботиться, Гранде́.

— Посмотримъ, посмотримъ, сказалъ старикъ разсѣянно.

Наконецъ всѣ откланялись; когда вышли изъ дому, госпожа де-Грассенъ сказала Крюшо̀:

— У нихъ какая-то новость и что̀-то не ладно. Матери очень-дурно, а дочь съ заплаканными глазами. Ужъ не выдаютъ-ли ее за мужъ противъ воли?

Когда старикъ легъ спать, Нанета на цыпочкахъ пробралась въ комнату Евгеніи и показала ей готовый пастетъ въ кострюлькѣ.

— Кушайте-ка, сударыня, сказала добрая служанка: Корнулье принесъ мнѣ зайца, и я сдѣлала изъ него начинку. Вы такъ-мало кушаете, сударыня, что этого вамъ на восемь дней достанетъ; а на такомъ холодѣ онъ и не испортится. По-крайней-мѣрѣ не будете на одномъ хлѣбѣ сударыня, а то заболѣете, пожалуй.

— Добрая Нанета! сказала Евгенія, пожимая ей руки.

— Пирогъ-то я сдѣлала славно, вкусно, сладко, а *онъ* и не замѣтилъ. Зелень, коренья, всё это я купила на свои деньги; вотъ ужъ я-то имъ полная хозяйка.

Нанета выбѣжала на цыпочкахъ; ей послышался голосъ стараго скряги.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Гранде́ постоянно приходилъ къ женѣ, но все въ разное время дня; никогда онъ не говорилъ о дочери, никогда не было ни малѣйшаго намека на судьбу ея. Госпожа Гранде́ не сходила съ своей постели; день-отъ-дня ей дѣлалось хуже. Ничто не могло разжалобить старика; онъ былъ непоколебимъ, холоденъ и безчувственъ, какъ гранитъ. По-прежнему хлопоталъ онъ по дѣламъ своимъ, только уже не заикался болѣе, говорилъ мало, и въ сдѣлкахъ былъ скупѣе и неумолимѣе прежняго. Иногда въ счотахъ его проскакивали ариѳметическія ошибки.

— Что̀ нибудь случилось у нихъ въ домѣ, говорили въ Сомюрѣ.

— Не знаете-ли что̀ такое у Гранде́? вотъ былъ главный вопросъ, главная тема разговоровъ цѣлаго города.

Евгенія продолжала ходить въ церковь, но всегда вмѣстѣ съ Нанетой. Случалось, что госпожа де-Грассенъ заговаривала съ Евгеніей обиняками, при выходѣ изъ церкви; но она всегда отвѣчала общими фразами на всѣ вопросы.

Впрочемъ невозможно было скрываться болѣе двухъ мѣсяцовъ. Крюшо̀ и де-Грассены провѣдали наконецъ о заточеніи Евгеніи. Бывали случаи, когда старикъ не находилъ отговорокъ безпрерывному отсутствію дочери. Потомъ вдругъ, неизвѣстно какимъ образомъ, весь городъ узналъ, что въ первый день новаго года, Евгенія, по приказанію отца своего, была заперта въ холодной комнатѣ, на водѣ и на хлѣбѣ, что Нанета, тихонько, по ночамъ, доставляла ей пищу, и даже узнали, что дочь не смѣла видѣться съ больною матерью, когда Гранде́ былъ дома.

Поведеніе господина Гранде́ осудили торжественно. Весь городъ отвергнулъ его единогласно; стали припоминать всѣ его жестокости, хитрости, скупость; когда онъ проходилъ по улицѣ, всякій указывалъ на него пальцемъ.

Когда-же Евгенія показывалась на улицахъ, вмѣстѣ съ Нанетой, провожавшей ее къ обѣднѣ или къ вечернѣ, всѣ бросались къ окнамъ, смотрѣть на бѣдную дѣвушку, на богатѣйшую невѣсту въ цѣлой провинціи, удивлялись ея постоянству и любопытно смотрѣли на тихія и спокойныя черты лица ея, блиставшаго ангельскимъ добродушіемъ. Заключеніе и гнѣвъ отца, все это переносила она терпѣливо; она смотрѣла на карту, смотрѣла изъ окна своего на скамейку въ саду, на древнюю стѣну, и еще на устахъ ея не остылъ поцѣлуй ея милаго Шарля.... Нѣсколько времени она не замѣчала и не подозрѣвала

городскихъ толковъ, также, какъ и самъ Гранде́. Съ чистою и непорочною совѣстію, она въ-силахъ была сносить жестокости отца своего.

Но въ глубинѣ ея сердца таился зародышъ тяжкаго горя, заглушавшій всѣ мученія ея. Каждый день, ея мать, ея бѣдная мать видимо угасала, умирала на рукахъ своей возлюбленной дочери. Часто проклинала себя Евгенія, упрекала себя, какъ причину тяжкой, жестокой болѣзни своей матери. Старушка утѣшала неутѣшную дочь свою, мирила ее съ совѣстію, и Евгенія болѣе и сильнѣе чувствовала свою неминуемую потерю. Каждое утро, когда Гранде́ уходилъ, Евгенія садилась у изголовья своей матери; тутъ-же являлась и Нанета съ завтракомъ. Евгенія со слезами указывала Нанетѣ на лицо страдалицы матери, заливаясь слезами. О Шарлѣ она и говорить не смѣла. Госпожа Гранде́, сама, первая заговорила о немъ.

— Гдѣ-же онъ? отчего онъ не пишетъ къ тебѣ?

Ни мать, ни дочь понятія не имѣли о разстояніяхъ.

— Будемъ думать о немъ матушка, но говорите меньше, умоляю васъ; я вижу, какъ вы страдаете; вы мнѣ дороже всего.

А все — это былъ *онъ*.

— Я не жалѣю о жизни, дитя мое. — Богъ подкрѣпилъ меня, и въ послѣдніе дни моей жизни вдохнулъ радость и спокойствіе въ мое сердце.

Слова этой женщины были благочестивы и святы. Въ первые мѣсяцы года, когда мужъ въ часъ завтрака приходилъ въ ея комнату, она съ ангельскою кротостію, но вмѣстѣ и съ твердостію женщины, доживающей послѣдніе часы своей жизни, просила, умоляла своего мужа о прощеніи своей дочери.

— Благодарю васъ за участіе ваше въ моемъ здоровьѣ, говорила она старику: но если вы хотите облегчить мои страданія, усладить послѣднія минуты моей жизни, то простите бѣдную Евгенію, бѣдную дочь вашу. Покажите, что и вы хорошій отецъ, супругъ и благочестивый христіанинъ.

Когда жена начинала говорить, то Гранде́ усаживался преспокойно въ креслахъ, подлѣ постели госпожи Гранде́, и смотрѣлъ въ уголъ комнаты. Въ такія минуты онъ обыкновенно бывалъ похожъ на прохожаго, который, желая избѣгнуть грозы и дождя, становится въ воротахъ перваго встрѣчнаго дома и прехладнокровно смотритъ, какъ мокнутъ другіе на улицѣ. И когда самыя нѣжныя, самыя трогательныя просьбы лились изъ устъ

умирающей жены его, онъ обыкновенно отвѣчалъ, помолчавъ немного.

— Да, бѣдненькая, ты такъ блѣдна сегодня.

Казалось, что онъ совсѣмъ забылъ о своей дочери. Никакія просьбы, никакія увѣщанія не могли разгладить морщины нахмуреннаго лба его; даже слезы, горькія слезы, текшія по блѣдному, изнуренному лицу жены его, вызванныя холодностію и жестокосердіемъ старика, ни мало его не трогали.

— Да проститъ васъ Богъ, Гранде́, такъ-какъ я васъ прощаю, говорила умирающая. Когда-нибудь и вы почувствуете нужду въ прощеніи и состраданіи.

Хотя, со времени болѣзни жены своей, Гранде́ не смѣлъ уже начинать рѣчей своихъ, страшнымъ та, та, та! но деспотизмъ его ни мало не смягчился ангельскою кротостію жены его. Лицо старушки сіяло небесною кротостію; прекрасная, тихая душа ея перелилась въ изнуренныя черты лица ея, и украсила ихъ торжественною предсмертною красотою. Казалось, духъ ея радостно покидалъ свою земную оболочку. Молитва смягчала черты лица этого, обыкновенно грубыя и рѣзкія. Кто не замѣчалъ этого блистательнаго преображенія, на лицахъ мучениковъ жизни, въ предсмертные часы ихъ? Зрѣлище этого видимаго перехода изъ земной обители въ лучшую дѣйствовало, хотя очень-слабо, на старика Гранде́; но онъ не поддавался; онъ былъ твердъ, какъ желѣзо, и отыгрываясь молчаніемъ, отстаивалъ свое достоинство, достоинство главы семейства.

Едва Нанета появлялась на рынкѣ, тотчасъ раздавались вокругъ нея насмѣшки, порицанія, угрозы ея господину; но хотя общее мнѣніе гласно осуждало стараго бочара, вѣрная служанка ревностно отстаивала честь своего господина.

— Ну, такъ что-жъ, говорила она крикунамъ: всѣ мы подъ-старость становимся не много потверже; ну, вотъ такъ и съ моимъ старикомъ; а вамъ какое дѣло? Молчите-ка лучше и не клевещите на добрыхъ людей. Барышня живетъ какъ царица, въ добрѣ и довольствѣ! А что она одна въ заперти, такъ что-же? большой бѣды нѣтъ въ этомъ; ей самой хочется сидѣть подъ замкомъ. А притомъ и не намъ съ вами судить объ этомъ. У господъ есть свои причины, свои тайны, которыхъ вы никогда не узнаете.

Наконецъ въ одинъ вечеръ госпожа Гранде́, изнуренная горемъ болѣе чѣмъ болѣзнію, послѣ тщетной попытки поколебать

сердце своего мужа, рѣшилась прибѣгнуть къ совѣтамъ господъ Крюшо.

— Какъ это можно! посадить подъ замокъ совершеннолѣтнюю дѣвушку! вскричалъ президентъ, и еще безъ всякой причины? да это самовластіе, насиліе и она можетъ протестовать...

— Ну, ну, полно племянникъ, брось свое казенное краснорѣчіе. А вы, сударыня, будьте покойны; завтра-же окончится заточеніе вашей дочери.

Услышавъ слова стараго нотаріуса, Евгенія вышла изъ своей комнаты.

— Господа, сказала она съ благородною гордостію: прошу васъ не вмѣшиваться въ это дѣло. Мой отецъ — господинъ въ своемъ домѣ, и до-тѣхъ-поръ, пока я нахожусь подъ этой кровлей, я не могу ни въ чомъ противиться волѣ отца моего. Никто въ свѣтѣ не имѣетъ права осуждать его поступковъ со мною; одинъ Богъ властенъ судить ихъ. Вашею дружбой къ намъ умоляю васъ молчать обо всемъ этомъ. — Осуждать отца моего значитъ обижать насъ всѣхъ. Благодарю васъ, господа, за дружеское участіе, принимаемое вами въ моемъ горѣ; но вы еще болѣе меня обяжете, когда постараетесь опровергнуть обидные слухи, которые носятся по всему городу, и о которыхъ я узнала случайно.

— Она правду говоритъ, сказала добрая старушка.

— Сударыня, почтительно отвѣчалъ ей старый нотаріусъ, пораженный благородною красотою лица ея, красотою, еще ярче просіявшею среди уединенія, грусти и мечтаній любви: сударыня, лучшій способъ заставить свѣтъ замолчать — есть ваша свобода.

— Да, милое дитя мое, позволь господину Крюшо́ устроить наши дѣла; ты слышала, онъ отвѣчаетъ за успѣхъ. Онъ знаетъ твоего отца, знаетъ, какъ нужно взяться за это дѣло. — Если хочешь осчастливить послѣднія минуты моей жизни, то не противься ихъ желанію помирить тебя съ отцомъ твоимъ.

Утромъ, на другой день, Гранде́, вѣрный своимъ привычкамъ, вышелъ походить по саду. Для прогулки онъ всегда выбиралъ ту минуту, когда Евгенія убирала свою голову и разчесывала волосы. Старый чудакъ прятался за орѣшникъ и оттуда смотрѣлъ на свою дочь; ему хотѣлось обнять свое дитя, онъ колебался, но обыкновенно упрямство побѣждало. — Часто онъ садился на маленькую скамеечку, на ту самую, гдѣ Шарль и Евгенія нѣкогда поклялись другъ-другу въ вѣчной любви.

Евгенія замѣчала все и въ свою очередь поглядывала на своего отца. Если онъ вставалъ и начиналъ прохаживаться, она садилась у окна и смотрѣла на старыя стѣны, красиво увитыя плющомъ и молодыми растеніями. Въ этотъ день, въ прекрасное іюньское утро, Крюшо̀ явился, противъ обыкновенія, весьма-рано и пошолъ прямо въ садъ. Старикъ сидѣлъ на скамеечкѣ и смотрѣлъ на свою Евгенію.

— А Крюшо̀! что̀ новаго? закричалъ Гранде́, увидавъ нотаріуса.

— Да вотъ нужно поговорить съ вами о дѣлахъ.

— Ахъ! вы, вѣрно, достали золота и пришли размѣнять на серебро.

— Нѣтъ не то; дѣло-то не въ серебрѣ, а въ вашей дочери. Всѣ только и говорятъ, что объ ней, да объ ней.

— А что̀ за дѣло всѣмъ? *И трубочистъ господинъ въ своемъ домѣ.*

— Правда, правда; что̀ хочетъ, то̀ и дѣлаетъ; хоть пожалуй повѣсится, или, что̀ еще хуже, побросаетъ деньги въ воду.

— Деньги въ воду... Что́ это съ вами, Крюшо́?

— Другъ мой, ваша жена очень, очень-больна; вамъ нужно-бы посовѣтываться съ докторомъ Бержереномъ. Право, она при смерти, и если, чего Боже сохрани! умретъ, такъ вы, вѣрно, не будете совершенно покойны, не взявши никакихъ предосторожностей во-время болѣзни ея.

— Та, та, та, та! Да вы сами настоящій докторъ. — Да знаете-ли, что впусти разъ къ себѣ этихъ лекаришекъ, такъ ихъ и палкой не выгонишь; будутъ таскаться по пяти по десяти разъ на день.

— Хорошо, хорошо, Гранде́, дѣлайте тамъ, какъ хотите; я долженъ былъ предувѣдомить васъ; мы съ вами старые друзья, и въ цѣломъ Сомюрѣ не сыщете человѣка вамъ болѣе преданнаго. Будь что̀ будетъ; вы, слава Богу, человѣкъ опытный; знаете, какъ вести себя. Впрочемъ цѣль моего прихода другая. — Дѣло немного поважнѣе — для васъ... можетъ-быть. Видно, что вы и не думаете, въ какихъ отношеніяхъ вы будете къ вашей дочери по смерти госпожи Гранде́. — Вамъ нужно будетъ дѣлиться съ Евгеніей, потому-что вы въ имѣніи половинщикъ съ супругою вашей. Ваша дочь, если захочетъ, можетъ потребовать раздѣла, можетъ продать Фруафондъ. Вѣдь она наслѣдница послѣ своей матери, а не вы, старый другъ мой.

Слова Крюшó какъ громомъ поразили Грандé; старикъ былъ знатокъ въ коммерціи, но не въ законахъ. — Никогда и мысль о раздѣлѣ не приходила въ его голову.

— Вотъ почему я-бы вамъ совѣтывалъ получше обращаться съ своею дочерью.

— Да знаете-ли вы, Крюшó, чтó она надѣлала?

— А чтó? сказалъ нотаріусъ, обрадовавшись, что наконецъ-то узнаетъ всю тайну.

— Она отдала свое золото.

— Ну, чтò-же? вѣдь это была ея собственность.

— Вотъ они всѣ таковы, закричалъ Грандé, трагически опустивъ свои руки: всѣ поютъ одно и тоже.

— Такъ неужели-же вы изъ-за такихъ пустяковъ захотите повредить себѣ по смерти госпожи Грандé?

— А, такъ для васъ пустячки 6000 франковъ? Гмъ! пустячки!

— Ахъ, другъ мой Грандé; да знаете-ли, чтò будетъ стòить одна перепись имѣнія и издержки по раздѣлу, если потребуетъ его Евгенія?

— А чтò будетъ стòить?

— Да 20,000, 30,000 франковъ, можетъ быть и 50,000, даже 60,000. Вѣдь вамъ нужно-же будетъ представить въ палату всю опись имѣнія вашего, и платить за казенныя издержки, расходы, хлопоты? тогда, какъ въ полюбовной сдѣлкѣ...

— Клянусь серпомъ моего отца! закричалъ поблѣднѣвшій старикъ, и бросился въ изнеможеніи на скамью. Мы увидимъ, Крюшò. Подождите.

Послѣ минутнаго молчанія, послѣ минутной агоніи, Грандé началъ снова, взглянувъ на нотаріуса.

— Тяжела, горька наша жизнь Крюшò; много, много въ ней тяжкихъ горестей. — Крюшó! сказалъ старикъ торжественнымъ голосомъ: вы, вѣрно, меня не обманываете? Поклянитесь мнѣ по чистой совѣсти, что все, чтò вы сейчасъ распѣвали, написано въ законахъ; да, я хочу видѣть самъ книгу, хочу посмотрѣть въ сводѣ законовъ! дайте мнѣ сводъ законовъ!

— Да неужели-же я не знаю моей должности, моего ремесла, Грандè?

— Такъ это правда? Это правда? Меня обокрадутъ, убьютъ, зарѣжутъ, съѣдятъ, высосутъ кровь мою, жизнь мою!.. и все это дочь, все это родная дочь! Она наслѣдница послѣ матери; да для чего-же эти наслѣдники, для чего дочери? Жена — дѣло другое! Я люблю жену, я обожаю жену мою! — Она хорошаго

здоровья, она крѣпкаго сложенія, она урожденная де Ла-Бертельеръ!

— Да ей не прожить и мѣсяца.

Гранде́ ударилъ себя въ лобъ, прошолъ нѣсколько шаговъ, потомъ опять воротился, и бросилъ ужасающій взглядъ на Крюшо́.

— Что́ дѣлать? спросилъ онъ.

— Видите-ли: Евгенія, если захочетъ, можетъ просто и прямо отказаться́я въ вашу пользу, отъ наслѣдства по матери; вѣдь вы-же не захотите потомъ лишить ее наслѣдства, неправда-ли? Но чтобы заставить ее согласиться на это, не нужно поступать съ нею жестоко; вѣдь что̀ я вамъ теперь говорю противъ моего-же интереса, старый другъ мой. Вѣдь мнѣ-же выгода; я буду совершать купчія, дѣлать записки, писать обязательства...

— Хорошо, хорошо, полно объ этомъ Крюшо̀; вы разрываете мое сердце на части. Что̀, достали-ли вы золота?

— Нѣтъ, но у меня есть нѣсколько старыхъ луидоровъ, — такъ, съ десятокъ; я, пожалуй, помѣняюсь съ вами. — Ахъ другъ мой! помиритесь-ка съ вашей дочерью; въ городѣ чуть каменьями въ васъ не бросаютъ.

— Глупцы.

— Фонды теперь по 97, 75. Будьте хоть разъ въ жизни довольны.

— 97, 75! неужели? Крюшо̀?

— Да, да!

— 97, 75! ну, ну! повторялъ старикъ, провожая своего друга до воротъ.

Сильно взволнованный неожиданною новостію, старикъ не могъ быть спокойнымъ. Онъ побѣжалъ къ женѣ.

— Ну, старушка, я ѣду въ Фруафондъ. Прощай! Чтобы тебѣ было не скучно, позови Евгенію. Будьте-же безъ меня умницы, не шалите. Сегодня годовщина нашей сватьбы, милый другъ мой; вотъ возьми-ка себѣ 10 экю, на престолъ къ празднику Спасителя. Вѣдь ужъ какъ тебѣ хотѣлось самой убрать престолъ къ этому дню, старушка; ну, веселитесь-же безъ меня, забавляйтесь, пойте, играйте; ну, прощайте-же, милыя! да здравствуетъ веселье!

Онъ высыпалъ 10 шестифранковыхъ монетъ на постель жены своей, взялъ ее за голову, поцѣловалъ.

— Что̀, бѣдняжечка, тебѣ лучше, неправда-ли?

— Какъ можете вы призывать Бога милосердаго въ домъ свой, тогда, какъ сердце ваше закрыто для любви и милосердія, сказала больная съ сильнымъ чувствомъ и упрекомъ.

— Та, та, та, та! запѣлъ Гранде́, но уже на новый ладъ: мы посмотримъ старушка, мы и объ этомъ подумаемъ.

— Господь милосердый! Евгенія, Евгенія, закричала бѣдная мать, и краска выступила на блѣдномъ лицѣ ея; бѣги, бѣги сюда; твой отецъ прощаетъ тебя, Евгенія!

Но чудакъ убѣжалъ; онъ не шолъ, а летѣлъ по полямъ своимъ, стараясь собрать, успокоить разбитыя мысли.

Гранде́ начиналъ 72-й годъ своей жизни; но только въ продолженіе двухъ послѣднихъ годовъ, его скупость, его ужасающая страсть, достигла въ немъ крайняго развитія, обратилась въ неподвижную идею. Слѣдуя наблюденіямъ надъ характеромъ скупцовъ, честолюбцовъ и словомъ, всѣхъ тѣхъ, чье сердце было опустошаемо сильною страстію, можно сказать утвердительно, что всѣ способности, всѣ чувства его сосредоточились на одномъ — на золотѣ.

Блескъ золота, обладаніе золотомъ, вотъ что̀ стало предметомъ всѣхъ его желаній, всѣхъ помышленій. Деспотизмъ и упрямство возрастали въ его душѣ вмѣстѣ съ пагубною страстію, и лишиться половины имѣнья своего, отдать кому-нибудь золото, казалось ему дѣломъ неестественнымъ, противнымъ всѣмъ законамъ природы. Какъ? ему, Гранде́, давать отчоты въ коммерческихъ дѣлахъ своихъ, дѣлать разсчоты, протоколы, списки всего богатства, движимаго и недвижимаго!

— Нѣтъ! лучше горло перерѣзать себѣ, закричалъ онъ въ глубокомъ отчаяніи, окидывая взоромъ своимъ поля и пустоши.

Наконецъ онъ рѣшился и явился въ Сомюрѣ къ обѣду.

Онъ рѣшилъ: уступить, смириться передъ дочерью, польстить ей, поласкаться къ ней, поподличать, но умереть на своихъ милліонахъ, со скипетромъ неограниченной власти своей. Въ ту минуту, когда онъ на цыпочкахъ взбирался въ комнату жены своей, Евгенія принесла медальйонъ на постель своей матери. Обѣ, радуясь своей свободѣ, разсматривали портретъ Шарля, были довольны, счастливы.

— Это онъ! какъ двѣ капли воды! его волосы, лобъ, губы, говорила Евгенія.

Старикъ отворилъ дверь, госпожа Гранде́ видѣла взглядъ, брошенный имъ на золото.

— Господи, сжалься надъ нами! закричала она въ смертельномъ испугѣ.

Старикъ бросился на медальйонъ, какъ тигръ, и выхватилъ его изъ рукъ Евгеніи.

— Что̀, что̀ это такое? говорилъ онъ, унося къ окну свою добычу. Золото! чистое золото! много, много золота! Здѣсь три или четыре фунта! А–а–а–а!

— Такъ ты, стало–быть, промѣнялась съ Шарлемъ, дочка? хорошо, хорошо! очень–хорошо, прекрасно; да зачѣмъ–же ты прежде мнѣ не сказала объ этомъ? Да это славное дѣло, да это прекрасная сдѣлка, безподобная сдѣлка, другъ мой, милушечка дочечка! да! я узнаю въ этомъ дочь мою! Это достойно моей дочери! Я узнаю тебя, дитя мое, мое сок–ро–вище!...

Евгенія дрожала какъ листъ.

— Неправда–ли, вѣдь это Шарль далъ тебѣ, душечка?

— Да, батюшка, да, это не мое; это моего брата; это залогъ, священный залогъ.

— Та, та, та, та! онъ взялъ–же твои денежки! Нужно и тебѣ съ нимъ квитаться!

— Батюшка!!

Гранде́ вынималъ изъ кармана свой ножикъ, чтобы выломать портреты, и положилъ медальйонъ на стулъ. Евгенія кинулась къ нему, хотѣла схватить медальйонъ, но отецъ смотрѣлъ на всё разомъ; на ножъ, на дочь, на золото, видѣлъ всѣ движенія Евгеніи, схватилъ ящичекъ и сильно оттолкнулъ бѣдную дѣвушку; Евгенія упала на постель своей матери.

— Гранде́, Грандѐ, закричала больная, силясь привстать съ кровати.

Гранде́ вынулъ ножъ и началъ было ломать медальйонъ.

— Батюшка! закричала Евгенія, бросившись передъ нимъ на колѣна и простирая къ нему руки: именемъ всѣхъ святыхъ, именемъ Пресвятой–Дѣвы, и именемъ Христа, за насъ пострадавшаго, вашимъ вѣчнымъ спасеніемъ, жизнію моею, заклинаю васъ не трогать медальйона! Это вещь не ваша и не моя! она принадлежитъ Шарлю, бѣдному Шарлю, онъ вручилъ мнѣ ее на сохраненіе; я должна ее отдать ему!!

— А зачѣмъ–же смотрѣть на вещь, когда она священный залогъ? Смотрѣть хуже, чѣмъ трогать.

— Батюшка! не ломайте медальйона! Батюшка! вы обезчестите меня; слышите–ли, батюшка?

— Ради Бога, Гранде! закричала мать.

— Батюшка, батюшка! повторяла въ отчаяніи Евгенія.

Нанета вбѣжала внѣ себя отъ испуга въ комнату.

Вдругъ Евгенія бросилась на ножъ, лежавшій на столѣ и схватила его.

— Что̀, что̀? сказалъ Гранде́, улыбаясь недовѣрчиво.

— Вы убиваете меня, закричала госпожа Гранде́.

— Батюшка! если вы только дотронетесь до медальйона, я заколюсь въ глазахъ вашихъ. Вы убили уже мать мою; убейте-же и дочь! Теперь ломайте, ломайте!

Ножикъ Гранде́ лежалъ на медальйонѣ; старикъ взглянулъ нерѣшительно на дочь свою:

— Неужели ты готова на это, Евгенія? сказалъ онъ.

— Да, сударь! она готова, увѣряю васъ, сказала несчастная мать.

— Непремѣнно, непремѣнно, закричала Нанета: хоть разъ въ жизни уступите, сударь.

Гранде́ смотрѣлъ то на дочь, то на свою добычу; борьба продолжалась; госпожа Гранде́ упала въ обморокъ.

— Ахъ, Боже мой! Боже мой! посмотрите-ка, сударь; барыня, добрая барыня умираетъ! закричала Нанета.

Гранде́ вскочилъ, какъ сумасшедшій, и бросилъ медальйонъ на постель умирающей.

— Возьми, возьми, на̀, вотъ возьми его, Евгенія; не будемъ ссориться за пустяки, за дрянь! А ты, Нанета, бѣги къ господину Бержерену. Ну, ну, мамаша, полно, говорилъ старикъ, дрожа отъ страха: мы пошутили... вздоръ; вотъ мы и помирились; вѣдь мы помирились, дочка! Теперь конченъ постъ, — кушай себѣ все, что́ угодно. А! она очнулась, мама̀, мамаша-мам-мамаша! ну-же ну душечка, посмотри, вотъ я обнимаю Евгенію, мою дочку, мою милую дочечку; плутовочка любитъ красавчика Шарля; пусть любитъ, пусть любитъ; пусть выйдетъ за него за мужъ, я позволяю; я радъ, я доволенъ! Медальйонъ она сбережетъ; она сбережетъ свое сокровище! Ну не умирай-же, живи, живи, мамаша. Къ празднику Спасителя у тебя будетъ такой жертвенникъ, что въ цѣломъ Сомюрѣ не найдешь подобнаго.

— Боже мой! Боже мой! Какъ можете вы такъ жестоко шутить съ женою и дочерью?

— Не буду, не буду, мамаша, подожди, вотъ ты увидишь, сейчасъ увидишь.

Онъ побѣжалъ въ свою комнату и въ-мигъ воротился съ двумя пригоршнями червонцевъ. Онъ бросилъ ихъ на постель.

— Здѣсь сто луидоровъ, сто луидоровъ, мамаша, сто луидоровъ, Евгенія! Здоровѣй, веселись, мамаша, купайтесь въ-довольствѣ, конченъ постъ! Вотъ сто луидоровъ, Евгенія! вѣдь ты ужъ ихъ-то не отдашь никому, плутовочка? Никому, плутовочка, дочечка!

Госпожа Гранде́ и Евгенія въ изумленіи глядѣли другъ на друга.

— Возьмите ихъ назадъ, батюшка: намъ не нужно вашего золота; возвратите намъ одну любовь вашу, вашу нѣжность, батюшка!

— Ну вотъ и прекрасно, ну вотъ и чудесно, и именно такъ! закричалъ старикъ, съ жадностію подбирая червонцы. — Зачѣмъ деньги между родными; дружба! святая дружба соединитъ теперь насъ; мы заживемъ теперь, какъ счастливцы; будемъ обѣдать вмѣстѣ, играть въ лото каждый вечеръ по два су фишку! шалить, играть, чудесить, проказничать! А! жонушка?

— Рада-бы, милый мой, отвѣчала больная: но не встать мнѣ уже болѣе.

— Бѣдняжечка! сказалъ старикъ: о, еслибы ты зна̀ла, ка̀къ я люблю тебя, и тебя тоже, дочечка, голубушка, красавица, дочечка.

Онъ цѣловалъ Евгенію; онъ сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— А! какъ сладко обнять свою дочь, послѣ примиренія! дочечка, милочка! Посмотри-ка мамаша, мы теперь за-одно, мы за-одно, Евгенія; мы съ тобой, какъ рыба съ водой, — ангельчикъ Евгенія. Поди, возьми, убери свое сокровище, свой медальйонъ; и не дотронусь до него, и не спрошу о немъ болѣе; буду молчать, буду дѣлать, что́ тебѣ угодно.

Г. Бержеренъ, искуснѣйшій врачъ Сомюрскій, явился немедленно по призыву. — Посмотрѣвъ на больную, онъ отвелъ старика въ сторону, и напрямики объявилъ ему, что жена его не встанетъ болѣе съ постели; умретъ непремѣнно! Но что спокойствіе, діэта и хорошій уходъ, могутъ еще продлить ея жизнь до конца осени.

— А дорого будетъ сто́ить? прервалъ старикъ: много-ли нужно лекарства?

— Мало лекарствъ, отвѣчалъ докторъ съ усмѣшкою, которой не въ-силахъ былъ скрыть: но много попеченій, ухода.

— Ну вотъ, вы честнѣйшій, безкорыстнѣйшій докторъ, любезнѣйшій Бержеренъ, увѣряю васъ. — Вы благороднѣйшій человѣкъ! я ввѣряюсь вамъ совершенно; приходите къ намъ, по-

сѣщайте больную, когда вы разсудите. Сохраните, спасите нашу бѣдняжку; я люблю мою старушку, докторъ, очень люблю; я только такъ твердъ снаружи, не очень-чувствителенъ; но внутри, докторъ!.. ахъ, внутри, мое сердце пополамъ рвется, кровью обливается. — Печаль неотступно со мною, съ-тѣхъ-самыхъ-поръ, какъ застрѣлился мой бѣдный братъ. Вотъ уже сколько я пересыпалъ-то за него денегъ, ужасъ! волосы дыбомъ! Прощайте, сударь, прощайте; ахъ! еслибы вы спасли мою старушку! Право, ничего не пожалѣю, ей-Богу! Хоть-бы это стоило мнѣ 500, 1000, даже 2000 франковъ.

Но не-смотря на теплыя молитвы, усердно возсылаемыя господиномъ Гранде́ о здоровьѣ жены своей; не-смотря на старанія, на неусыпныя, безпрестанныя попеченія, госпожа Гранде́ стояла уже надъ отверзтой могилой. — Она гасла, слабѣла каждый день. — Ея существованіе походило на трепетаніе осенняго, жолтаго листка, хрупкаго, изсохшаго, едва держащагося на деревѣ. И какъ солнце, пробиваясь лучами сквозь рѣдкіе осенніе листы, осыпаетъ ихъ златомъ и пурпуромъ, такъ и лучи небеснаго блаженства и духовнаго спокойствія озаряли лицо умирающей страдалицы. Такая смерть была достойна увѣнчать праведную жизнь ея. Это была смерть христіанская, кончина славная и торжественная!

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1820 года, ея ангельская кротость, ея примѣрное терпѣніе приводили въ удивленіе приходившихъ къ болѣзненному одру ея. Она умирала безъ стоновъ, безъ жалобъ. Тихо, какъ кроткій агнецъ, душа ея воспарила къ небу, и только плакала по скорбной подругѣ земнаго бытія своего. Мать жалѣла только дочь свою; она предчувствовала ея муки, несчастія. Она боялась оставить эту овечку, одну посреди хищной стаи волковъ. — Люди ждали ея золота, дрожали надъ ея золотомъ, и кому было защитить ее?

— Дитя мое, сказала она, умирая: ты узнаешь когда-нибудь, что счастіе не здѣсь, а на небѣ!

По смерти матери новыя, нѣжныя связи приковали сердце Евгеніи къ родительскому дому. Эти цѣпи были вмѣстѣ и грустныя и сладкія, это были воспоминанія. Здѣсь жила, страдала мать ея, и здѣсь тихо скончалась праведница. — Евгенія не могла безъ слезъ смотрѣть на опустѣлую залу, на опустѣлыя кресла старушки. — Странными показались ей нѣжность и заботливость отца ея. — Старикъ неотступно ухаживалъ за нею, водилъ ее къ столу, смотрѣлъ на нее ласковымъ, нѣжнымъ

взглядомъ; онъ не отковывалъ отъ нея глазъ своихъ, какъ будто-бы его Евгенія была изъ чистаго золота. — Такъ-мало походилъ старикъ самъ на себя, онъ такъ дрожалъ передъ своею дочерью, что Нанета и вся секта Крюшо́тистовъ, замѣтившіе перемѣну и слабость старика, боялись за его разсудокъ, и странности его приписывали его маститой старости. Но въ тотъ день, когда въ домѣ надѣли трауръ, послѣ обѣда, на который былъ приглашонъ нотаріусъ Крюшо̀, единственный человѣкъ, понимавшій Гранде́, поведеніе старика стало открытымъ, и всё объяснилось.

— Милое дитя! сказалъ онъ Евгеніи, послѣ обѣда, когда со стола сняли скатерть и заперли двери: вотъ, ты теперь наслѣдница своей матери; у насъ съ тобой есть маленькія дѣла, требующія окончанія немедленнаго. Такъ-ли, Крюшо́?

Голосъ старика дрожалъ отъ внутренняго волненія.

— Да, отвѣчалъ нотаріусъ: совершенная правда.

— Но неужели нельзя отложить дѣла до завтра, батюшка; развѣ ужъ такъ важны они, что и въ этотъ день нельзя обойтись безъ нихъ?

— Да, да, дочка; да, мое сокровище, необходимы. Вѣдь ты не захочешь огорчить старика отца твоего, дочь моя?

— О, милый батюшка!

— Такъ мы сейчасъ примемся за нихъ, милый другъ мой.

— Но что̀ мнѣ нужно дѣлать? Скажите скорѣе, батюшка.

— Но, душечка, это не мое дѣло. Другъ Крюшо́ объяснитъ тебѣ всё.

— Сударыня, началъ нотаріусъ: батюшкѣ вашему не хотѣлось-бы ни дѣлиться, ни продавать своихъ владѣній, ни тратить напрасно огромныхъ суммъ на расходы при раздѣлѣ имѣнія. Батюшка вашъ не желалъ-бы дѣлать никакихъ отчотовъ и не выдѣливать имѣнія, которымъ вы владѣете теперь съ нимъ вмѣстѣ и нераздѣльно.

— Крюшо̀! закричалъ старикъ: но увѣрены-ли вы, что все это правда, что все это законно?...

— Позвольте, позвольте, Гранде́....

— Да, да, мой другъ, мой старый, вѣрный другъ, ни ты, ни моя дочь, примѣрная, добрая дочь, не захотите въ конецъ разорить меня. Не правда-ли, ангелъ мой?

— Но, сударь, сказала Евгенія, обращаясь къ Крюшо̀; скажите мнѣ, что́ нужно дѣлать для этого?

— Вотъ, сказалъ нотаріусъ: нужно подписать этотъ актъ, которымъ вы отрекаетесь совершенно отъ требованія на выдѣлъ вамъ наслѣдства послѣ вашей матушки, предоставивъ все, безъ раздѣла, вашему батюшкѣ въ полное управленіе.

— Право, я не понимаю васъ совершенно, сказала Евгенія: покажите мнѣ мѣсто, гдѣ подписаться, и дайте перо.

Старикъ Гранде́ дрожалъ всѣми членами. Крупный потъ катился по лицу его; онъ терпѣлъ адскія муки, и, въ тяжкой агоніи смотрѣлъ попеременно на дочь и на актъ, на актъ и опять на дочь свою.

— Ангельчикъ мой, сказалъ онъ: этотъ актъ дорого обойдется намъ. Еслибы ты, душечка, прямо захотѣла подписать совершенное отреченіе отъ наслѣдства послѣ нашей бѣдной покойницы, и показать этимъ всю довѣренность, всю любовь къ отцу своему, такъ это было-бы гораздо-лучше. Тогда, милый другъ, каждый мѣсяцъ я-бы выдавалъ тебѣ по 100 франковъ. Послушай, Евгенія! сто франковъ въ мѣсяцъ! подумай-ка, дочечка. — Ты тогда будешь въ-состояніи заказывать столько обѣденъ, сколько душѣ угодно, молиться вдоволь за всѣхъ, за кого ты тамъ молишься. Га! сто франковъ, вѣрныхъ сто франковъ — *ливрами*.

— Я согласна, батюшка, на все, что̀ вамъ угодно.

— Сударыня, я долженъ вамъ замѣтить, что вы сами себя разоряете....

— Такъ что́-же, что́-же такое?

— Молчи, молчи, Крюшо̀; молчи, старый другъ; кончено, сказалъ онъ торжественно, ударяя рукой по рукѣ своей дочери; вѣдь ты не отопрешься, дочка, ты не отдумаешь потомъ, сдержишь-ли свое слово, свое честное слово; вѣдь ты честная дѣвушка, Евгенія.

— О, милый батюшка!

Старикъ схватилъ свою дочь, судорожно сжалъ въ своихъ объятіяхъ, цѣловалъ, какъ безумный, чуть-чуть не задушилъ ее поцѣлуями.

— Дитя мое! кровь моя! ты спасла жизнь отцу своему; ты отдаешь ему то̀, что̀ онъ далъ тебѣ; мы сквитались, ты ничего не должна мнѣ болѣе; вотъ какъ дѣлаются дѣла, Крюшо̀! Вѣдь вся жизнь человѣческая сдѣлка и спекуляція, старый другъ мой. Благословляю тебя, добродѣтельная, примѣрная дочь моя; ты любишь своего папашу. Теперь дѣлай все, что̀ тебѣ угодно будетъ. Такъ до завтра, Крюшо́, сказалъ онъ, взглянувъ на ос-

толбенѣвшаго отъ изумленія и испуга нотаріуса, до завтра, другъ мой; приготовь намъ форменный актъ, а завтра мы его подпишемъ.

На другое утро, въ полдень, было подписано отреченіе Евгеніи отъ наслѣдства послѣ матери.

Однако Гранде́ не сдержалъ своего слова; въ концѣ перваго года, старикъ не выдалъ дочери ни копѣйки изъ ста франковъ, обѣщанныхъ за каждый мѣсяцъ. Но когда Евгенія въ шутку напомнила ему объ этомъ, онъ покраснѣлъ, какъ ребенокъ. Тотчасъ побѣжалъ онъ на верхъ и воротился, держа въ рукахъ около трети золотыхъ вещицъ, купленныхъ у Шарля.

— Вотъ, бѣдненькая, вотъ тебѣ, сказалъ онъ съ насмѣшкою; хочешь ты это вмѣсто своихъ 1200 франковъ?

— Батюшка! какъ, вы отдаете мнѣ это? вы будете такъ добры?

Старикъ высыпалъ всё въ передникъ Евгеніи.

— Столько-же ты получишь и на будущій годъ, и, наконецъ, у тебя будутъ всѣ его игрушки, прибавилъ онъ, потирая съ радости руки, и довольный тѣмъ, что удалась спекуляція съ сердцемъ родной своей дочери.

Впрочемъ, старикъ, хотя все еще здоровый и бодрый, почувствовалъ наконецъ необходимость, посвятить дочь свою во всѣ тайны домашняго управленія. Цѣлыхъ два года училъ онъ ее наукѣ хозяйственной, по собственной своей методѣ. — Евгенія стала сама принимать деньги, приносимыя фермерами, и мало-по-малу выучила всѣ названія отцовскихъ фермъ и полей.

Наконецъ, къ концу третьяго года послѣ смерти госпожи Гранде́, старикъ такъ-хорошо умѣлъ внушить Евгеніи свои правила домашняго хозяйства, такъ ловко умѣлъ вселить въ нее скупость, что скупость обратилась наконецъ у нея въ привычку. Старикъ посвятилъ ее самъ въ званіе управительницы и хозяйки дома, и торжественно вручилъ ей ключи свои.

Прошло пять лѣтъ, пять лѣтъ жизни тихой, спокойной. Всё въ домѣ было заведено въ порядкѣ хронометрическомъ; всё было однообразно и равномѣрно, какъ маятникъ. Глубокая скорбь бѣдной, любящей Евгеніи не укрылась отъ людей; но хотя могли догадываться и на свободѣ заключать, о чомъ было угодно, но никогда, ни словомъ, ни дѣломъ, Евгенія не подала повода къ вѣрному выводу изъ путаницы толковъ, слуховъ и догадокъ. Домашними по-прежнему были трое Крюшо́ и нѣсколько ихъ послѣдователей, незамѣтно введенные въ разные сроки въ гос-

тиную г-на Гранде́. Евгенія принуждена была выучиться игрѣ въ вистъ и играла почти каждый вечеръ.

Въ 1825 году отецъ ея, чувствуя себя день отъ дня слабѣе и немощнѣе, принужденъ былъ наконецъ открыть Евгеніи настоящую цѣну и величину всего своего недвижимаго имѣнія, и на всякой случай указалъ на Крюшо̀, совѣтуя обратиться въ затруднительномъ случаѣ къ нему, къ своему старому и вѣрному другу, честность котораго была имъ не-разъ испытана. — Въ концѣ этого года, когда старику минуло 77 лѣтъ, онъ внезапно былъ разбитъ параличомъ. Бержеренъ приговорилъ его къ смерти.

Евгенія чувствовала, что скоро останется совершенно одинокою на свѣтѣ, и тѣмъ-сильнѣе привязалась къ дряхлому и больному старику. — Съ самою нѣжною заботливостію ухаживала она за нимъ. Способности старика начали тупѣть, умъ ослабѣвать, но скупость была сильнѣе прежняго. Смерть старика мало различествовала съ жизнію.

Съ-ранняго-утра онъ приказывалъ подвозить себя къ дверямъ своего кабинета, гдѣ хранилось его золото; здѣсь онъ просиживалъ цѣлые часы и безпокойно посматривалъ то на входящихъ въ комнату, то на дверь кабинета. Малѣйшій шумъ въ домѣ тревожилъ старика до-тѣхъ-поръ, пока ему не объясняли причину шума; къ-величайшему удивленію своего друга Крюшо̀, старикъ могъ слышать на дворѣ ворчаніе своей собаки. Въ тѣ дни и часы, когда онъ, бывало, принималъ своихъ фермеровъ и разсчитывался съ ними, онъ какимъ-то чудомъ оживлялся; мысли его яснѣли, и онъ выходилъ изъ состоянія нравственной безчувственности. — Тогда его подвозили къ дверямъ кабинета; онъ отдавалъ дочери ключъ, та при немъ отворяла кабинетъ, входила въ комнату и укладывала, по указанію отца, мѣшки съ деньгами. Потомъ она запирала дверь и отдавала старику ключъ. Старикъ поспѣшно пряталъ ключъ въ карманъ своего жилета и поминутно ощупывалъ, тутъ-ли онъ. Нотаріусъ Крюшо̀ понималъ, что если Шарль Гранде́ не явится, то Евгенія, по смерти отца, непремѣнно выйдетъ за Президента, и потому, въ качествѣ друга, онъ удвоилъ вниманіе и попеченіе больному старику. Каждый день самъ являлся къ нему за приказаніями, ѣздилъ въ Фруафондъ, на пашни, на луга, на виноградники; продавалъ продукты и обращалъ получаемыя деньги въ золото. — Это золото полагалось въ мѣшки и присоединялось къ другимъ мѣшкамъ таинственнаго кабинета. — Старикъ

чувствовалъ холодъ, его укрывали одѣялами, и онъ поминутно говорилъ съ судорожнымъ безпокойствомъ: «Укройте, укройте меня! Насъ обокрадутъ, обокрадутъ.» Когда-же онъ могъ открывать глаза свои, то устремлялъ мутный взоръ на дверь своего кабинета; ощупывалъ въ карманѣ свой ключъ, и поминутно шепталъ своей дочери: «Цѣло-ли золото, цѣло-ли золото?»

Потомъ онъ приказывалъ приносить себѣ золота. Тогда Евгенія разсыпала передъ нимъ на столѣ луидоры. Старикъ смотрѣлъ на нихъ по цѣлымъ часамъ, словно дитя, едва начинающее видѣть, и, какъ у дитяти, тягостная улыбка слетала съ устъ его.

— Это грѣетъ меня, мнѣ тепло, мнѣ тепло, шепталъ онъ въ какомъ-то безсмысленномъ самозабвеніи.

Когда священникъ пришолъ къ нему съ святыми дарами, то почти-совсѣмъ угасшіе взоры его оживились при видѣ серебрянаго креста и паникадила. Онъ пристально посмотрѣлъ на все и шишка на носу его зашевелилась въ послѣдній разъ. Наконецъ, когда священникъ поднесъ крестъ къ устамъ его, старикъ сдѣлалъ тяжолое усиліе, чтобы вырвать его изъ рукъ священника. Это усиліе стоило ему жизни. Онъ вспомнилъ о Евгеніи въ послѣднія минуты свои, но не могъ уже видѣть ее. Евгенія стояла на колѣнахъ и омывала слезами похолодѣвшую руку его.

— Батюшка! благословите меня, сказала она.

— Старайся, заботься обо всемъ, береги золото! береги золото! я потребую у тебя отчота на томъ свѣтѣ.

Это были послѣднія слова его. И вотъ Евгенія осталась одна въ опустѣломъ домѣ, одна съ Нанетой, единственнымъ существомъ, которое могло понимать ея горе и заботу, которое любило ее, и которому она могла повѣрить тайну свою. Нанета сдѣлалась другомъ Евгеніи.

Когда схоронили Гранде́, Крюшо́ донесъ Евгеніи, что у ней было: во-первыхъ 400,000 ливровъ ежегоднаго доходу съ земель и недвижимыхъ владѣній въ сомюрскомъ округѣ; потомъ, 250,000 франковъ доходу, считая по три на сто, съ капитала, пріобрѣтеннаго за 61 ф. со ста, и который могъ быть оцѣненъ въ эту эпоху въ 77 фр. Потомъ три милліона золотомъ, и сто-тысячь франковъ серебромъ, не считая доходовъ за непроданные продукты настоящаго года. Круглая оцѣнка ея имѣнія была слишкомъ въ 20 милліоновъ.

— Гдѣ-же Шарль? думала Евгенія.

Въ этотъ день, послѣ разсчотовъ съ г. Крюшо̀, Евгенія и Нанета сѣли у камина въ старой залѣ, гдѣ все до послѣдней вещицы вызывало тяжкія воспоминанія, начиная съ креселъ, въ которыхъ садилась покойница мать ея, до стакана, изъ котораго пилъ Шарль, во-время своего у нихъ пребыванія.

— Вотъ мы однѣ, Нанета!...

— Да, барышня, и еслибы я знала, гдѣ теперь вашъ братецъ, такъ пѣшкомъ-бы пошла за нимъ хоть на край свѣта.

— Между нами море, Нанета.

И въ то время, когда бѣдная сирота плакала одна съ вѣрной Нанетой, въ старомъ и мрачномъ домѣ отца своего, въ цѣломъ Сомюрѣ, въ Нантѣ и въ Орлеанѣ, только и было разговоровъ что о двадцати милліонахъ дѣвицы Гранде́.

Первымъ дѣломъ Евгеніи, принявшей неограниченное управленіе имѣніемъ, было укрѣпить за Нанетой 1200 франковъ годоваго дохода. Нанета, имѣвшая и безъ того 600 франковъ дохода, стала теперь богатой невѣстой. Черезъ мѣсяцъ, Антонъ Корнулье провозгласилъ ее своей супругой, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ возведенъ въ званіе главнаго смотрителя всего Фруафонда. Хотя мадамъ Корнулье было уже 63 года, но на-видъ ей нельзя было дать и сорока. На ея лицѣ не было морщинки старости, и, благодаря уединенной, затворнической жизни, работѣ и желѣзному здоровью, видъ ея былъ свѣжій и веселый. И, можетъ-быть, никогда она не была такъ хороша, какъ въ день своей сватьбы. Плотная, здоровая, веселая Нанета возбудила зависть къ судьбѣ Корнулье.

— Да какой у ней цвѣтъ лица, говорилъ одинъ.

— Да у нихъ, чего добраго, и дѣти пойдутъ, говорилъ другой.

— Она богата, и плутъ Корнулье знаетъ, гдѣ раки зимуютъ, говорилъ третій.

Выходя изъ дома въ церковь, Нанета получала отъ всѣхъ искреннія, радостныя поздравленія; такъ ее любили и уважали во всемъ околоткѣ. — Свадебный подарокъ госпожи ея состоялъ изъ двухъ дюжинъ серебряныхъ приборовъ. — Корнулье, внѣ себя отъ изумленія, со слезами на глазахъ, увѣрялъ, что отдастъ жизнь за госпожу свою. — Итакъ госпожа Корнулье́ стала повѣренною Евгеніи и вышла за-мужъ; и вотъ на рукахъ ея все хозяйство; она выдаетъ по утрамъ провизію; она покупаетъ, запираетъ, отпираетъ шкафы, однимъ словомъ, владычествуетъ въ домѣ, какъ нѣкогда самъ покойникъ Гранде́. — Она-же и управляетъ всѣмъ домомъ. У нея подъ командой кухарка

и горничная, которая въ тоже время и прачка на цѣлый домъ. — Уже нечего говорить, что служанки, выбранныя Нанетою, просто двѣ жемчужины. — Итакъ въ домѣ было четверо слугъ, безпредѣльно привязанныхъ къ госпожѣ своей. — Корнулье́ нетрудно было ладить съ фермерами и работниками, потому-что старикъ Гранде́ оставилъ во всемъ такой порядокъ и дисциплину, что и по смерти его, все осталось, какъ было, по-прежнему.

Глава VI.

И такъ все на свѣтѣ!

Въ тридцать лѣтъ Евгенія не испытала еще ни одной радости. — Скучные, вялые годы ея юности протекли въ сообществѣ матери, бѣдной, никѣмъ непонятой страдалицы. — Съ радостію покидая земную жизнь, покойница жалѣла только дочь свою, предугадывая ей годы мученій и горестей. Смерть матери оставила неизгладимыя воспоминанія въ сердцѣ Евгеніи. — Любовь ея, первая, единственная любовь, отравила сердце ея и наполнила его безпредѣльною грустію. — Ея милый явился передъ нею на нѣсколько дней; два поцѣлуя, данныя украдкой, скрѣпили обѣты любви; потомъ онъ уѣхалъ далеко, на край свѣта... Наконецъ эта любовь, проклятая отцомъ Евгеніи, стоившая ей незабвенной матери, томила, тяготила сердце ея одною болью и горечью, а въ будущемъ едва блистала отдаленною, шаткою надеждою. — Евгенія устремилась къ любви всѣми силами своего сердца, и это сердце утомилось безъ взаимности. — Въ нравственной жизни, также какъ и въ физической, существуетъ тотъ-же процессъ вдыханія и выдыханія; душа требуетъ сочувствія другой души, этой пищи, этого воздуха, необходимаго въ нравственной жизни; она вдыхаетъ въ себя, какъ ароматъ, любовь подруги своей, и возвращаетъ эту любовь въ прогрессіи страсти. Сердце не могло-бы жить безъ этого прекраснаго нравственнаго феномена; оно-бы завяло и изсохло въ страданіи и одиночествѣ.

Евгенія страдала; для нея мало значили ея сокровища, ея несмѣтное богатство. — Она жила въ будущемъ идеею, вѣрою, любовію — своей религіей. Любовь, какъ увѣряло сердце ея, существовала и въ вѣчности. — И семь лѣтъ, семь лѣтъ любви

заняли всю ея жизнь, всѣ надежды, всѣ стремленія. — Не двадцать милліоновъ, оставленные отцомъ ея, были ея сокровищами, но медальйонъ Шарля, но два портрета, висѣвшіе надъ ея постелью, но брилліанты и золотыя вещи его, выкупленные у отца, и теперь горделиво блиставшія въ великолѣпномъ ящикѣ; наконецъ, наперстокъ покойницы матери, подаренный Шарлемъ. И каждый день садилась Евгенія за работу, за нескончаемую работу свою, только для того, чтобы подержать на пальцахъ этотъ наперстокъ....

Такъ-какъ истинное благочестіе Евгеніи было всѣмъ извѣстно, то и не было вѣроятно, чтобы она захотѣла во-время траура помышлять о замужествѣ, и потому Крюшó, предводимые своимъ аббатикомъ, удовольствовались только тѣмъ, что мало по-малу сомкнули тѣсный кругъ около богатой наслѣдницы.

Каждый вечеръ зала Евгеніи наполнялась ревностнѣйшими Крюшотистами, которые всѣ истощались въ поклонахъ, искательствахъ и лести. У ней былъ докторъ изъ этой партіи, кассиръ, капелланъ, наперсница, первый министръ, и, главное, секретарь, секретарь, важнѣйшая особа ея штата. — Лесть есть удѣлъ интересановъ, низкихъ или маленькихъ душъ, которыя обыкновенно весьма-охотно уменьшаются до какой угодно величины, если это только бываетъ нужно.

Лица, окружавшія Евгенію Грандé, возвеличили ее, называя госпожею де-Фруафондъ, хваля ее въ глаза и превознося всегда и вездѣ. Сначала Евгенія краснѣла, обданная вдругъ нежданнымъ потокомъ лести; но такъ-какъ говорится, что какова бы нибыла лесть, груба-ли, тонка-ли она, но *въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ*, то и Евгенія мало-по-малу привыкла къ похваламъ, какъ къ должной дани. И еслибы теперь ей сказали, что она дурна собою, то, вѣрно, она не приняла-бы этого такъ хладнокровно, какъ прежде, восемь лѣтъ назадъ. Кончилось тѣмъ, что сердце Евгеніи не возмущалось болѣе противъ грубой лести всѣхъ ее окружавшихъ, и что она принимала должную дань своимъ милліонамъ.

Героемъ и главнымъ лицомъ въ толпѣ искателей былъ Президентъ де-Бонфонъ. Партія превознесла его до небесъ, вывела изъ ничтожества, создала его. — Замѣчали при всемъ этомъ, что Президентъ весьма небѣденъ; что одно помѣстье Бонфонъ приноситъ ему 10,000 дохода, прибавляли также, что всѣ помѣстья Крюшó находятся посреди земель Евгеніи.

— Знаете-ли сударыня, говорилъ кто-то Евгеніи: у Крюшо́ троихъ вмѣстѣ сорокъ тысячь ливровъ доходу?

— Да, правда; но они таки бережливы и умѣютъ жить, отвѣчала отчаянная крюшо̀тистка, дѣвица де-Грибокуръ.

— Кто-то, Парижанинъ, предлагалъ Нотаріусу купить его контору; давали 200,000 франковъ. Онъ продаетъ, ежели его выберутъ мирнымъ судьею.

— Нѣтъ, кажется, онъ займетъ мѣсто президента въ судѣ первой инстанціи, мѣсто своего племянника, а племянникъ будетъ совѣтникомъ, потомъ и старшимъ-президентомъ; это очевидно, онъ на прекрасной дорогѣ.

Это было мнѣніемъ госпожи Дорсонваль, тоже, какъ видно, отчаянной крюшотистки.

— Да, прекрасный человѣкъ Президентъ, заключалъ кто-то.

— Не находите-ли и вы, сударыня?

Президентъ тоже дѣйствовалъ, самъ, въ свою очередь. Несмотря на то, что ему уже было подъ-сорокъ, не смотря на свою неловкую судейскую фигуру, Президентъ щеголялъ, одѣвался, какъ дэнди, носилъ трость, и не нюхалъ табаку при Евгеніи. Въ гостиной онъ былъ какъ домашній, какъ другъ дома, и обращаясь къ Евгеніи, всегда говорилъ «наша милая Евгенія.»

Впрочемъ все было тоже, что́ и прежде, тоже что́ было и при жизни стариковъ Гранде́; развѣ только въ томъ была перемѣна, что лото замѣнилось вистомъ, и что стая льстецовъ и искателей была еще жаднѣе и многочисленнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Еслибы Шарль явился теперь изъ Индіи, то встрѣтилъ-бы прежнихъ актеровъ, старой, пошлой, прежней комедіи; потому-что и госпожа де-Грассенъ не измѣнила своей роли, и по-прежнему тягалась съ Крюшотистами. Но какъ и прежде, посреди этихъ жалкихъ лицъ, взоръ Шарля отыскалъ-бы свою Евгенію, свѣтлую, чистую, незапятнанную прикосновеніемъ жалкаго отребья, ее окружавшаго.

Впрочемъ Президентъ де-Бонфонъ сдѣлалъ кой-какіе успѣхи. Знаменитый букетъ цвѣтовъ, нѣкогда поднесенный имъ Евгеніи, сдѣлался періодическимъ. Его получали благосклонно, ставили въ кружку съ водою, и потомъ выбрасывали на задній дворъ.

Въ началѣ весны госпожа де-Грассенъ взволновала Крюшотистовъ, заговоривъ о Маркизѣ де-Фруафондъ. — Нужно знать,

что Маркизъ разорился въ-конецъ и былъ не-прочь отъ союза съ Евгеніею. Госпожа де-Грассенъ заговорила о дворѣ, о почестяхъ, о титлахъ, и принявъ презрительную улыбку Евгеніи за полусогласіе, прозвонила вездѣ, что успѣхъ Президента еще сомнителенъ.

Хоть Маркизу и 50 лѣтъ, говорила она, но на-видъ онъ не старѣе Президента. Онъ бѣденъ, вдовъ, имѣетъ дѣтей, это правда, но онъ будетъ пэ́ромъ Франціи, а въ наше время не всѣ выходятъ за пэровъ Франціи. Вѣдь и покойникъ Гранде́ еще думалъ объ этомъ; я это знаю навѣрное; онъ объ этомъ самъ поговаривалъ; старикъ былъ хитеръ...

— Ахъ, Нанета, ни одного письма, ни одного извѣстія въ семь лѣтъ! въ семь лѣтъ! въ отчаяніи восклицала Евгенія.

Вотъ что́ было въ Сомюрѣ. Но поговоримъ о Шарлѣ. Во-первыхъ, онъ прекрасно продалъ свой маленькій товаръ въ Индіи; онъ получилъ 6,000 долларовъ. Потомъ мало-по-малу онъ облегчилъ свою совѣсть — отъ *кой-какихъ предразсудковъ* и разсчолъ, что если нужно обогатиться, такъ ужъ всего выгоднѣе торговать неграми. Торговля началась; Шарль былъ смѣлъ, предпріимчивъ, дѣятеленъ. Одна мысль, одна идея его преслѣдовала — явиться въ Парижъ съ милліонами и блистательнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

Мнѣнія его перемѣнились во многомъ, онъ заразился скептицизмомъ. Вѣра въ права и справедливость исчезла изъ его сердца, потому-что въ жизни, которую велъ онъ, поминутно встрѣчалось противное. Сердце его сначала поостыло, потомъ похолодѣло, потомъ окаменѣло совершенно. Въ ремеслѣ своемъ Шарль сталъ жестокъ и настойчивъ. Онъ торговалъ Китайцами, Неграми, птичными гнѣздами, дѣтьми, женщинами; онъ не останавливался ни на чомъ. У пиратовъ онъ покупалъ за безцѣнокъ ихъ добычу, а продавалъ дорого.

Если чистый, небесный образъ Евгеніи и носился передъ нимъ въ первые дни странствованія, если успѣхъ и надежду свою онъ и приписывалъ вліянію молитвъ ея, то и это воспоминаніе начало мало-по-малу блѣднѣть и исчезать изъ его сердца. Позднѣе негритянки, мулатки, бѣлыя и чорныя женщины, всѣхъ націй, всѣхъ цвѣтовъ, интриги и приключенія, совершенно изгнали изъ его памяти и Сомюръ, и старый домъ, и скамейку подъ орѣшникомъ, и поцѣлуй, похищенный у Евгеніи. Онъ припоминалъ только маленькій садъ и прогулку со старикомъ Гранде́, минуту, въ которую началось его поприще.

Старикъ Гранде́ былъ, по его мнѣнію, старая собака; Шарль помнилъ, какъ старикъ надулъ его, покупая вещи. Евгенія занимала мѣсто не въ сердцѣ Шарля, а въ счотной книгѣ, *какъ кредиторша шести тысячь франковъ.*

Вотъ отъ-чего происходило молчаніе Шарля. Для безопасности и во-избѣжаніе грядущихъ непріятностей, Шарль перемѣнилъ свою фамилію. Онъ назвался *Щипарромъ.* Онъ работалъ неутомимо; являлся то въ Индіи, то въ Лиссабонѣ, то въ Соединенныхъ Штатахъ, и спѣшилъ всѣми силами раздѣлаться съ этою жизнію, опасною, трудною и почти всегда неправедною. — Онъ наживалъ свои милліоны какъ попало, только чтобы нажить. Успѣлъ совершенно, и вотъ въ 1826 году онъ возвращается въ Бордо, на прекрасномъ бригѣ *Марія Каролина*, принадлежавшемъ одному богатому, торговому дому. Шарль везъ съ собою три бочонка съ золотымъ пескомъ, цѣною на 1,600,000 франковъ. Онъ надѣялся еще взять по 8 на-сто барыша, отдавъ свое золото на монетный дворъ въ Парижѣ.

Вмѣстѣ съ нимъ находился на бригѣ каммергеръ двора Е. В. Карла X, нѣкто господинъ д'Обріонъ, добрый старикъ, когда-то сдѣлавшій глупость, женившись на вѣтреницѣ и кокеткѣ. — Всё его состояніе было во французскихъ колоніяхъ. — Для поправки обстоятельствъ домашнихъ, онъ ѣздилъ за море, продалъ имѣніе и также, какъ и Шарль, возвращался въ Парижъ. У д'Обріона была дочь, дурная собою и безъ приданаго. — Дѣвица д'Обріонъ была сухая, тонкая, длинная, съ неправильнымъ ртомъ и съ длиннымъ носомъ, краснѣвшимъ послѣ обѣда — феноменъ изъ человѣческой природы, отвратительный на блѣдномъ лицѣ этой дѣвушки. Но маркиза д'Обріонъ, ея мать, съумѣла хорошо воспитать ее; она хорошо одѣвалась, кокетничала, умѣла кстати выставить хорошенькую ножку, когда носъ начиналъ краснѣть, а чтобы носъ не краснѣлъ, мать морила дочь свою голодомъ. Госпожа д'Обріонъ, находившаяся тоже на бригѣ вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, познакомилась съ Шарлемъ и начала осаждать его. Шарль не уклонялся ни мало; оба они имѣли свои выгоды въ общемъ союзѣ. Явившись въ Бордо, а потомъ и въ Парижѣ, Шарль и д'Обріоны поселились въ одномъ отелѣ, отелѣ д'Обріоновъ, который былъ выкупленъ Шарлемъ изъ заклада. Согласились и предложили условія. Маркиза потребовала осьмидесяти тысячь ливровъ доходу, за что обѣщала выхлопотать у добраго короля Карла X титулъ маркиза д'Обріонъ своему будущему зятю, потому-что Шарль долженъ

былъ въ заключеніе жениться на безобразной дѣвицѣ д'Обріонъ. — Прекрасно имѣть 100,000 доходу, имѣть имя, титулъ, фамилію, являться при дворѣ и быть камергеромъ, а тамъ посланникомъ и чѣмъ угодно. — Карлъ X любитъ Маркиза; они товарищи съ дѣтства.

Эти слова пали какъ сѣмя на добрую землю. — И вотъ Шарль мечталъ уже о Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи, куда всякій тѣснился въ то время, и гдѣ онъ долженъ былъ явиться д'Обріономъ, какъ нѣкогда Шабо явились Роганами. Ослѣпленный успѣхомъ Реставраціи, которую онъ оставилъ невѣрною и шаткою, воспламененный честолюбивою эгоисткою, Маркизою, онъ рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы достигнуть высшихъ степеней при дворѣ и насытить свое честолюбіе.

Онъ видѣлся съ Анетой; какъ женщина, знающая свѣтъ, она совѣтывала Шарлю не оставлять принятаго намѣренія, и обѣщала свое содѣйствіе. — Анета была въ восторгѣ: Шарль похорошѣлъ, сдѣлался привлекательнѣе прежняго и женится на уродѣ — что̀-же было лучше для Анеты?

Де-Грассенъ, узнавъ о пріѣздѣ Шарля, о его богатствѣ, и о его будущей женитьбѣ, явился къ нему, чтобы поговорить о 200,000 франкахъ, за которыя можно было скупить всѣ векселя покойнаго отца его. — Онъ засталъ Шарля въ совѣщаніи съ ювелиромъ, которому было заказано работы на сто-тысячь франковъ, для свадебной корзинки дѣвицы д'Обріонъ.

Шарль не узналъ де-Грассена и принялъ его довольно-невѣжливо, съ дѣрзкою самоувѣренностію человѣка, добившагося въ люди, и въ-добавокъ, счастливаго дуэлиста.

Де-Грассенъ являлся уже въ третій разъ: въ первые два раза ему отказывали. — Шарль хладнокровно его выслушалъ и еще хладнокровнѣе отвѣчалъ:

— Дѣла и долги моего отца не мои; весьма благодаренъ вамъ за все ваше стараніе о нихъ, сударь; но позвольте вамъ объяснить: ежели я и добылъ кровавымъ по̀томъ нѣсколько сотъ тысячь франковъ, такъ вовсе не для того, чтобы кормить ими собакъ, кредиторовъ моего батюшки.

— Ну, а если вашего батюшку объявятъ завтра банкрутомъ?

— Во-первыхъ, милостивый государь, завтра, можетъ быть, я буду маркизомъ д'Обріонъ, слѣдовательно, банкрутство батюшки, г-на негоціанта Гранде́, до меня не касается; а во-вторыхъ, позвольте вамъ сказать, сударь, что впрочемъ вы очень-хорошо

сами знаете, что у кого есть сто тысячь франковъ доходу, у того отецъ никогда не былъ банкрутомъ.

И Шарль, впрочемъ весьма-учтиво, указалъ господину де-Грассену двери.

Въ одинъ прекрасный день, въ началѣ августа этого года, Евгенія сидѣла въ своемъ маленькомъ саду, на той скамейкѣ и подъ тѣмъ орѣшникомъ, гдѣ впервые размѣнялась она обѣтами любви съ Шарлемъ. — Она мечтала о былomъ, она припоминала всѣ мелочи, всѣ обстоятельства былой любви. — Солнце обливало своимъ свѣтомъ листья, деревья и старую ветхую стѣну, склонявшуюся уже въ развалины. — Вдругъ постучались въ калитку, явился почталіонъ и вручилъ мадамъ Корнулье письмо. — Нанета побѣжала въ садъ; она держала письмо въ рукахъ и издали еще кричала Евгеніи:

— Письмо, сударыня, письмо! — Это то самое, барышня, котораго вы такъ долго дожидались.

Евгенія почувствовала сильный ударъ въ своемъ сердцѣ.

— *Парижъ....* Это онъ, онъ возвратился!

Евгенія поблѣднѣла, она не распечатывала письма, она боялась его, судьбы, будущаго; она не могла читать. Возлѣ нея стояла Нанета, и радость свѣтилась на лицѣ ея.

— Читайте-же, сударыня!

— Ахъ, Нанета, зачѣмъ-же онъ пишетъ изъ Парижа, когда отправился изъ Сомюра?

— Читайте, узнаете!

Евгенія разпечатала письмо дрожащею рукою. Изъ конверта выпалъ вексель на имя *г-жи де-Грассень и Корре въ Сомюрѣ*. Нанета подняла его.

— *«Любезная сестрица...»* Какъ! я уже не Евгенія! Сердце сжалось у бѣдной дѣвушки.

— *Вы* — Да онъ мнѣ говорилъ *ты!*

Она сложила руки, не смотрѣла на письмо, слезы брызнули изъ глазъ ея.

— Ужъ не умеръ-ли онъ? закричала Нанета.

— Да онъ не писалъ-бы тогда. — Наконецъ она прочла:

«Любезная сестрица!

Вы, вѣрно, порадуетесь моему счастію; я возвратился богачомъ, помня напутствіе и наставленія покойнаго дядюшки, о

кончинѣ котораго увѣдомилъ меня г. де-Грассе́нъ. Что̀-же дѣлать? Смерть неотразима. Я думаю, что вы уже утѣшились, сестрица; время — чудовище, и я это самъ испытываю. Да, сестрица, къ-несчастію моему время юношескихъ порывовъ уже прошло для меня; на дѣлѣ изучилъ я искусство жизни, и изъ дитяти сдѣлался человѣкомъ. Вы свободны, я тоже: ни что̀ не мѣшаетъ осуществить намъ наши дѣтскіе замыслы, но я довольно-благороденъ, чтобы скрывать отъ васъ что-нибудь; я принадлежу еще моимъ клятвамъ; помню вашъ маленькій садикъ, деревянную скамейку...»

Евгенія встала со скамьи какъ-бы испугавшись чего-то и сѣла на ступеньку лѣсенки, ведущей изъ сада на дворъ.

«...деревянную скамейку, гдѣ размѣнялись мы нашими клятвами, корридоръ, вашу темную залу и мой чердачокъ, и ту ночь, когда вы такъ нѣжно обязали меня. Эти воспоминанія питали, поддерживали жизнь мою, и я часто думалъ о васъ; не знаю, думали-ли вы обо мнѣ? Смотрѣли-ли вы въ урочный часъ на облака, какъ мы нѣкогда условились съ вами? Да, не правда-ли? Да, я не долженъ измѣнять дружбѣ, обманывая васъ, сестрица. Вотъ въ чомъ дѣло:

Мнѣ предстоитъ выгодная партія, совершенно оправдывающая всѣ мои надежды. Любовь въ замужествѣ — это несбыточная мечта. Опытность заставила меня подклониться подъ иго общественныхъ мнѣній, и слушаться ея совѣтовъ. Во-первыхъ, любезная сестрица, неравенство годовъ нашихъ въ вашу не выгоду; я уже и говорить не буду, что ни привычки, ни образъ жизни, ни воспитаніе ваше, несогласны съ порядкомъ и правилами парижской жизни. Мнѣ, на-примѣръ, непремѣнно нужно держать открытый домъ, принимать общество, а я припоминаю, что вы любите тишину и уединеніе. Я буду съ вами еще откровеннѣе — вы имѣете право судить меня. У меня 60,000 ливровъ доходу; состояніе мое позволяетъ мнѣ жениться на дочери маркиза д'Обріонъ. Ей восьмнадцать лѣтъ: въ приданое она приноситъ мнѣ титулъ, имя, почести. Признаюсь вамъ сестрица, что я терпѣть не могу мою невѣсту; но у меня и у дѣтей моихъ будетъ званіе, мѣсто въ обществѣ, что̀ довольно-выгодно, потому-что день-ото-дня, болѣе и болѣе утверждается престолъ и возвращаются къ прежнему порядку вещей. Черезъ двадцать лѣтъ мой сынъ, маркизъ д'Обріонъ, имѣя маіоратъ въ тридцать тысячь ливровъ доходу, можетъ занять какую угодно должность

въ государствѣ. Мы принадлежимъ нашимъ дѣтямъ, сестрица. Вы видите, я съ вами откровененъ. Вѣроятно, вы позабыли наши шалости послѣ семилѣтней разлуки — время дѣло великое, — но я не забылъ ничего, ни вашей благосклонности, ни своего слова. Но говоря вамъ о своей женитьбѣ чисто по-разсчоту, не значитъ-ли, что я совершенно предаю себя вашей волѣ и что если вы пожелаете, чтобъ я отказался отъ всѣхъ надеждъ моихъ, то я съ радостію буду довольствоваться одною чистою, истинною любовью, которую, нѣкогда вы сами предложили мнѣ.»

— Тапъ, та, та! Тапъ, та, ти, та, та, та, тапъ, топъ, тупъ, — (пѣсенка, которую пѣлъ господинъ Шарль Гранде́, подписываясь)

«Любящій братъ вашъ
Шарль».

— Ахъ, чортъ возьми; да и тутъ еще нужны извиненія. Онъ взялъ вексель, приложилъ его къ письму и приписалъ:

«P. S. Прилагаю къ письму моему вексель на домъ г-жи де-Грассенъ. Его заплатятъ вамъ золотомъ, всего 8,100 франковъ, то-есть, капиталъ и проценты суммы, данной нѣкогда вами бѣдному Шарлю. Я жду изъ Бордо моей поклажи; тамъ есть кое-какія вещицы, которыя вы, вѣрно, не откажете принять отъ меня въ знакъ памяти. Вы-же пришлите мнѣ *по почтѣ* медальйонъ, который я ввѣрилъ вамъ при прощаніи. Адрессъ мой: Отель д'Обріонъ, въ улицѣ Илери-Бертенъ.»

— *По почтѣ*! сказала Евгенія, а я тысячу разъ жизнію пожертвовала-бы за его медальйонъ.

Полное, ужасное сокрушеніе. Корабль надеждъ разбился, и не оставалось ни веревки, ни утлой доски для спасенія. Все погибло.

Иная женщина, когда измѣняютъ ей, убиваетъ соперницу, въ объятіяхъ измѣнника, и сама погибаетъ самоубійствомъ или на эшафотѣ. Другая терпитъ, страдаетъ и молчитъ: это истинная любовь, это любовь оскорбленнаго ангела, любовь величественная, гордая, любовь питающаяся слезами своими, безъ жалобъ и безъ роптаній. Такъ любила и Евгенія, и она начала страдать молча. Она вспомнила слова умирающей матери, и возвела свой взоръ къ небу; воспоминая пророчество своей матери, Евгенія

въ одно мгновеніе измѣрила свою будущность, всю земную жизнь свою; но что̀ оставалось ей на землѣ?! Оставалось желать смерти, неба, и молиться.

— Страдать и умереть. Матушка сказала правду.

Она пошла тихими шагами въ домъ, но не черезъ корридоръ, какъ всегда она дѣлывала; въ залѣ ей приготовленъ былъ завтракъ. Фарфоровая чаша, стаканы, сахарница, все это ея памятники о Шарлѣ... больно отъ воспоминаній! Куда дѣваться отъ нихъ!

Это утро чревато происшествіями. Нанета доложила о приходѣ духовника Евгеніи.

Старый священникъ былъ родственникъ Крюшо̀, и, слѣдовательно, крюшотистъ. Аббатъ Крюшо́ уговорилъ его поговорить съ Евгеніей о необходимости вступить въ бракъ, указывая на требованія религіи. Евгенія думала, что старикъ пришолъ за 500-ми франковъ на бѣдныхъ, которые, по желанію Евгеніи, въ разные сроки, были выдаваемы на бѣдныхъ. Нанетѣ приказано было сходить за деньгами; но священникъ, улыбнувшись, сказалъ ей:

— Сударыня! я пришолъ поговорить съ вами о бѣдной дѣвушкѣ, о которой жалѣетъ весь городъ, и которая, заботясь о всѣхъ несчастныхъ, но не заботясь о самой себѣ, не исполняетъ всѣхъ христіанскихъ обязанностей.

— Батюшка! я не въ состояніи думать о ближнемъ въ эту минуту; я сама очень-несчастна, и жажду отъ васъ утѣшеній религіи, слышать слова Божіи, и насладиться пищей Христовой.

— Такъ, сударыня; но говоря о той бѣдной дѣвицѣ, мы въ тоже время будемъ говорить и объ васъ. Слушайте: чтобы спасти себя, нужно вамъ или отрѣчься отъ міра или жить по законамъ его.

— Ахъ! батюшка! Да будетъ благословенъ приходъ вашъ въ домъ мой, и поученія ваши; да, я оставлю міръ и буду жить для Всевышняго.

— Но много о чомъ нужно подумать, прежде чѣмъ примете одно изъ двухъ рѣшеній; вамъ нельзя умереть для общества, вы не должны, не имѣете права. Развѣ не поставила васъ судьба быть матерью несчастныхъ, кормить, одѣвать ихъ, согрѣвать ихъ зимою, давать имъ работу лѣтомъ. Ваше огромное богатство, — вашъ долгъ, — вы должны отдать его братьямъ Христовымъ. Пойти въ монахини — значитъ показать себя себялюбивою. Остаться-же старой дѣвушкой тоже невозможно. Вамъ не

управить огромнымъ богатствомъ своимъ; у васъ расхитятъ его на-расхватъ. Повѣрьте мнѣ, дочь моя, супругъ для васъ необходимъ. Онъ необходимъ для счастія вашего въ этой жизни, что́ будетъ способствовать вамъ обрѣсти его и въ будущей.

Въ эту минуту доложили о госпожѣ де-Грассенъ. Мщеніе и надежда привели ее къ Евгеніи.

— Сударыня, начала она... но здѣсь вашъ духовникъ и я молчу; я хотѣла говорить о дѣлахъ житейскихъ, но...

— Сударыня! я уступаю вамъ, сказалъ старый священникъ.

— О, батюшка! приходите скорѣе, какъ можно скорѣе; мнѣ нужно, я требую вашей помощи.

— Да, бѣдная Евгенія, вы нуждаетесь въ ней.

Евгенія и священникъ съ изумленіемъ взглянули на госпожу де-Грассенъ.

— Но я уже слышала Евгенія о вашемъ братцѣ Шарлѣ, о женитьбѣ его на дѣвицѣ д'Обріонъ... Согласитесь, Евгенія, что женщина все узнаетъ, если захочетъ.

Евгенія покраснѣла и не могла выговорить ни слова. Въ эту минуту она рѣшилась надѣвать всегда личину равнодушія въ сильныхъ порывахъ чувствъ или переворотовъ судьбы, однимъ словомъ, рѣшилась подражать отцу.

— Но я не понимаю васъ, сударыня: говорите передъ моимъ почтеннымъ наставникомъ; вы знаете, у меня нѣтъ для него ничего скрытнаго.

— Сударыня, вотъ что́ пишетъ мнѣ г. де-Грассенъ. Читайте.

Евгенія прочла слѣдующее письмо:

«Любезный другъ!

Увѣдомляю тебя, что Шарль Гранде́ воротился изъ Индіи; уже съ мѣсяцъ, какъ онъ въ Парижѣ...»

— Мѣсяцъ въ Парижѣ! вскричала Евгенія.

«Два раза отказывали мнѣ, прежде, чѣмъ я могъ добраться до этого будущаго д'Обріона. Хотя въ Парижѣ всѣ толкуютъ о его женитьбѣ...»

— Но онъ писалъ мнѣ въ то время...

Она не докончила; она не вскрикнула, какъ Парижанка: *шалунъ*! Но глубокое презрѣніе изобразилось на лицѣ ея.

«Но этому браку не бывать. Маркизъ не отдастъ своей дочери за сына банкрута. — Я разсказалъ ему всѣ хитрости, про-

дѣлки и попеченія, посредствомъ которыхъ я и покойникъ Гранде́ удерживали кредиторовъ въ повиновеніи до-сихъ-поръ. — Но мальчишка отвѣчалъ мнѣ, неусыпно старавшемуся пять лѣтъ о его-же выгодахъ, что «дѣла и долги моего отца не мои». — Ему предлагали векселя за сумму, въ сравненіи съ долгомъ, маловажную. Но теперь я настою на своемъ; онъ законно долженъ два милліона — расплатись или отецъ его банкрутъ! — Я повѣрилъ слову этого стараго крокодила Гранде́, и я завѣрилъ имъ всѣхъ кредиторовъ, но если г. д'Обріонъ не хочетъ позаботиться о своей чести, то моя страдаетъ въ такомъ случаѣ. Я объяснюсь съ кредиторами. Впрочемъ я не буду дѣйствовать до-тѣхъ поръ, пока ты не разскажешь всё госпожѣ Гранде́; я имѣю къ ней слишкомъ-много уваженія, и къ тому-же, во-времена болѣе счастливыя, мы мечтали о союзѣ...»

Евгенія отдала письмо, не окончивъ.

— Благодарю васъ, сказала она госпожѣ де-Грассенъ: *мы посмотримъ*...

— Я какъ будто слышу вашего батюшку, когда вы говорите такъ, любезная Евгенія.

— Вы должны отсчитать намъ 8,100 франковъ золотомъ, сударыня, сказала Нанета.

— Да, госпожа Корнулье, угодно вамъ будетъ придти за ними?

Священникъ удалился.

Евгенія пошла въ кабинетъ своего отца и не выходила оттуда цѣлый день, не слушая Нанеты, упрашивавшей ее сойти внизъ обѣдать. — Она явилась вечеромъ, тогда, какъ стали сбираться ея гости. — Никогда темненькая зала въ домѣ Гранде́ не была такъ полна, какъ теперь. Новость о пріѣздѣ Шарля и объ его глупомъ отказѣ распространилась по всему городу. — Но любопытство гостей не было удовлетворено. На лицѣ Евгеніи не замѣтно было ни малѣйшаго слѣда слезъ и горести. — Кто подходилъ къ ней съ постнымъ лицомъ, желая поддѣлаться подъ настоящую минуту, того встрѣчала Евгенія весело, съ улыбкою. — Чувство не свѣтилось сквозь ледяную кору приличій и холодной вѣжливости. — Въ 9 часовъ обыкновенно кончались партіи. — Въ 9 часовъ всѣ встали изъ-за ломберныхъ столовъ, спорили, шумѣли, расплачивались, и когда вся толпа стала откланиваться, тогда-то кончилась долгая драма неожи-

данною катастрофою, которая зашумѣла здѣсь, въ Сомюрѣ, и кругомъ въ четырехъ префектурахъ.

— Господинъ де–Бонфонъ, останьтесь, сказала Евгенія Президенту, который брался за трость свою.

Не было никого во всемъ обществѣ, кто–бы хладнокровно принялъ такую новость; Президентъ поблѣднѣлъ и принужденъ былъ опуститься на стулъ въ сильномъ волненіи.

— Двадцать–одинъ милліонъ Президенту, сказала дѣвица де–Грибокуръ.

— Ясно! г. де–Бонфонъ женится на дѣвицѣ Гранде́, замѣтила госпожа д'Орсонваль.

— Сударыня, сказалъ кроткій аббатикъ: это самый лучшій выходъ въ нашей нынѣшней партіи.

— И большой шлемъ ктому–же! замѣтилъ старый нотаріусъ.

И всякій прибавилъ что–нибудь острое и поучительное, всякій отдалъ должную дань 20–ти милліонамъ госпожи дѣвицы Гранде́.

Наконецъ пятый актъ драмы кончился. Сказать Президенту: «останьтесь» въ глазахъ цѣлаго Сомюра, не значило–ли обнаружить свое рѣшительное намѣреніе? Въ маленькихъ провинціяльныхъ городкахъ приличія соблюдаются такъ строго, что подобный поступокъ Евгеніи не могъ быть и растолкованъ въ другую сторону.

— Господинъ Президентъ, сказала дрожащимъ голосомъ Евгенія, когда оба остались одни: я знаю, что̀ вамъ во мнѣ нравится.... Вотъ вамъ рука моя. — О! сказала она, видя, что Президентъ становится на колѣна: я еще не все сказала; я не должна обмануть васъ. — Господинъ де–Бонфонъ, мое сердце принадлежать вамъ не можетъ; оно подаритъ вамъ только одну дружбу, одну безкорыстную дружбу. — Еще: мое богатство и рука моя ваши, но вы мнѣ должны оказать сначала большую услугу.

— Я готовъ, приказывайте, сударыня.

— Вотъ два милліона и нѣсколько сотъ тысячь франковъ, сказала она, вынимая билеты изъ–за пазухи. — Поѣзжайте въ Парижъ, не завтра, не въ эту ночь, но сію минуту. — Отыщите господина де–Грассена, узнайте отъ него число и имена кредиторовъ моего покойнаго дяди, соберите ихъ и заплатите весь долгъ съ процентами, по пяти на сто, считая со дня совершенія займа, и получите квитанціи. — Вы знаете эти дѣла и я могу на васъ положиться; вы благородный человѣкъ, и я повѣрю слову вашему, принимая ваше имя. — Мы можемъ имѣть другъ

къ другу довѣренность; мы такъ-давно знаемъ другъ друга, что теперь почти родные.

Президентъ, дрожа отъ радости, упалъ къ ногамъ Евгеніи.

— Я буду вашимъ рабомъ, закричалъ онъ.

— Когда вы получите квитанціи, сударь, сказала она, наградивъ его довольно-холоднымъ взглядомъ, то отнесите ихъ въ Отель д'Обріонъ, господину Шарлю Гранде́, и вручите ему это письмо. — Когда вы исполните всё, я сдержу свое слово.

Президентъ понялъ очень-хорошо, что оскорбленная любовь могла внушить Евгеніи желаніе выдти за него за-мужъ. Онъ не шолъ, а летѣлъ; онъ трепеталъ, чтобы какъ-нибудь не отдумали, чтобы какъ-нибудь любовники не помирились.

Когда Президентъ вышелъ, Евгенія упала на стулъ и зарыдала. Всё совершилось.

Президентъ сѣлъ въ дилижансъ и прибылъ въ Парижъ на другой день вечеромъ. На другое утро онъ явился къ де-Грассену. Банкиръ созвалъ кредиторовъ къ нотаріусу, которому ввѣрены были всѣ бумаги по этому дѣлу.

Всѣ явились, и тогда Президентъ де-Бонфонъ, отъ имени фамиліи Гранде́, заплатилъ капиталъ и проценты. Кредиторы остолбенѣли отъ изумленія.

Когда Президентъ получилъ квитанцію, и выдалъ господину де-Грассену пятьдесятъ тысячъ франковъ въ награду за труды, отъ имени Евгеніи, то отправился въ отель д'Обріонъ. Онъ нашолъ Шарля въ самомъ затруднительномъ положеніи. Старый Маркизъ объявилъ ему на-чисто, что дочь его никогда не будетъ за сыномъ банкрута, и что нужно заплатить всѣмъ кредиторамъ Вильгельма Гранде́.

Президентъ вручилъ ему сначала письмо Евгеніи, слѣдующаго содержанія:

«Любезный братецъ!

Г-нъ Президентъ де-Бонфонъ вручитъ вамъ квитанціи въ уплатѣ всѣхъ долговъ моего дядюшки. Я слышала, что хотѣли объявить банкрутство, и подумала что сыну банкрута какъ-то неловко жениться на дѣвицѣ д'Обріонъ. Да, братецъ, вы правы были, говоря, что я не люблю свѣта и свѣтской жизни; вы правы были тоже, когда говорили, что не ожидаете никакихъ выгодъ отъ союза со мною. Итакъ будьте счастливы подъ гнётомъ цѣпей, добровольно вами на себя налагаемыхъ. Чтобы совер-

шенно упрочить ваше счастіе, я возвращаю вамъ честь вашего дома. Прощайте; будьте увѣрены, что вы всегда найдете друга въ вашей *Евгеніи Гранде́*».

Президентъ улыбнулся, когда Шарль вскрикнулъ отъ удивленія, получая квитанціи.

— Итакъ намъ остается только объявить о нашихъ женитьбахъ, сказалъ Президентъ.

— А, вы женитесь на Евгеніи? О! я весьма-радъ: это добрая дѣвушка. Но — почти вскрикнулъ Шарль: она, стало-быть, богата?

— У ней было, отвѣчалъ насмѣшливо Президентъ: три дня назадъ двадцать-одинъ милліонъ; теперь у ней девятнадцать.

Шарль остолбенѣлъ, потерялся, оглупѣлъ отъ удивленія....

— Де.... де.... девят-над-цать мил-ліоновъ!

— Да, сударь, девятнадцать милліоновъ; соединивъ имѣнія наши, мы будемъ получать вмѣстѣ восемь-сотъ тысячь ливровъ доходу.

— Послушайте, любезнѣйшій братецъ, сказалъ Шарль, немного оправившись: мы еще можемъ побороться съ вами.

— Попробуйте, сказалъ Президентъ. Да, я и позабылъ-было, прибавилъ онъ: вотъ вамъ медальйонъ.

— Такъ что̀-же, другъ мой, сказала маркиза д'Обріонъ, вошедши въ комнату Шарля: вы, вѣрно, вниманія не обратите на бѣдняжку маркиза, которому что̀-то понапѣла сегодня герцогиня Маржансай. Я даю вамъ слово, что вы будете д'Обріономъ.

— Буду, сударыня, отвѣчалъ Шарль. Три милліона долгу были заплачены еще вчера.

— Чистыми деньгами, закричала маркиза.

— Даже съ процентами.

— Какая глупость! Кто это такой? сказала она на ухо своему зятю, замѣтивъ Крюшо̀.

— Мой стряпчій, отвѣчалъ Шарль.

Она небрежно поклонилась Президенту и вышла.

— Мы начинаемъ уже, сказалъ Президентъ, взявшись за шляпу. Прощайте, братецъ.

— Онъ чуть-ли не насмѣхается надо мной, это сомюрское чучело. Хорошій ударъ шпаги, право, былъ-бы для него не лишнимъ урокомъ.

Президентъ отправился. Три дня потомъ, г. де-Бонфонъ объявилъ о своей женитьбѣ на дѣвицѣ Евгеніи Гранде́, а шесть

мѣсяцовъ спустя, онъ сдѣлался совѣтникомъ Королевскаго суда въ Анжерѣ.

Уѣзжая изъ Сомюра, Евгенія приказала вылить изъ вещей Шарля и изъ 8,000 франковъ золотомъ, полученныхъ отъ него, золотую чашу, которую она подарила въ церковь бывшаго своего прихода.

Иногда она пріезжала изъ Анжера въ Сомюръ.

Мужъ ея, оказавшій въ одномъ политическомъ обстоятельствѣ много рвенія и самоотверженія, былъ сдѣланъ Президентомъ въ Палатѣ, и, наконецъ, спустя три года, Первымъ-Президентомъ. Теперь онъ мѣтилъ на стулъ въ Палатѣ.... А тамъ пэрство.... а тамъ....

Заключеніе.

Г. Первый-Президентъ де-Бонфонъ (наконецъ-то онъ избавился отъ ненавистнаго прозванія Крюшò) не умѣлъ осуществить ни одной изъ своихъ блистательныхъ надеждъ. Восемь дней спустя послѣ своего выбора депутатомъ Сомюра, онъ вдругъ скоропостижно умеръ.

Безъ-сомнѣнія, Богъ, всегда справедливый и никогда напрасно некарающій, хотѣлъ наказать его за коварные и низкіе разсчоты его на золото Евгеніи. Въ свадебномъ контрактѣ, его-же сочиненія, находилась статья, по которой каждый изъ супруговъ, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, дѣлался прямымъ, неоспоримымъ и неограниченнымъ наслѣдникомъ другаго, если, разумѣется, не будетъ законныхъ дѣтей.

Евгенія, наученная несчастіемъ вѣрному взгляду и тонкому сужденію, понимала совершенно своего мужа. Она ясно видѣла, что тотъ ждалъ ея смерти, чтобы поскорѣе обладать одному страшнымъ богатствомъ Евгеніи, увеличеннымъ двумя милліонами дяди его, аббата, который наконецъ въ свою очередь предсталъ передъ Богомъ. — Евгенія жалѣла Президента. — Провидѣніе отмстило ее за низкое поведеніе Президента, слишкомъ-свято державшаго свое слово, данное бѣдной дѣвушкѣ, взявшей его въ припадкѣ отчаянія. Президенту не хотѣлось имѣть наслѣдника. Ему хотѣлось почестей и милліоновъ.

Богъ пролилъ золото и блага земныя передъ бѣднымъ ангеломъ, котораго Онъ послалъ на землю заслужить свою долю небесную.

Евгенія жила мыслію, молитвами, помогала бѣднымъ, утѣшала несчастныхъ....

Госпожа де-Бонфонъ овдовѣла въ 37 лѣтъ отъ-роду. Имѣніе ея считалось въ 25-ть милліоновъ; она еще была хороша, но хороша, какъ женщина около сорока лѣтъ. Черты лица ея нѣжныя, тихія; вокругъ нея лучезарный вѣнецъ благородства, мученичества; она уберегла свою душу отъ тлетворнаго дыханія свѣта; но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ въ ней замѣтны сухость и привычки старой дѣвы. — Не-смотря на свой милліонъ доходу, она живетъ также, какъ жила бѣдняжка Евгенія Гранде́; топить начинаютъ у ней въ тѣ дни, какъ топили при отцѣ ея. — Одѣта она также, какъ и мать ея. — Ее-бы могли прозвать скупою, если-бы не было извѣстно всѣмъ, на что̀ употреблялись ея доходы. — Она основала нѣсколько школъ, богадельню, публичную библіотеку. — Церкви Сомюра приходятъ въ цвѣтущее состояніе. Всѣ почитаютъ, уважаютъ Евгенію. И это благородное сердце не награждено было ни любовью, ни дружбою, ни всѣмъ, чего жаждало, просило оно.

— Только ты одна меня любишь, говорила Нанетѣ Евгенія.

Тайно рука этой женщины простерта для врачеванія ранъ жизненныхъ. — Она стремится къ небу, напутствуемая хоромъ благословеній несчастныхъ и слезами благодарности. Великая душа ея уничтожаетъ и покрываетъ недостатки ея образованія и прежнія привычки. Вотъ повѣсть, вотъ картина жизни бѣднаго созданія, женщины, которая *«не отъ міра сего»*, которая создана была быть нѣжнѣйшею супругою и не знала мужа, которая была-бы образцомъ матерей, и не насладилась счастіемъ быть матерью.

Въ судьбѣ человѣческой, жизнь Евгеніи Грандѐ можетъ считаться образцомъ страдальческаго самоотверженія, кротко противуставшаго людямъ и поглощеннаго ихъ бурною, нечистою массой. — Она вышла.... какъ изъ руки вдохновеннаго художника древней Греціи выходитъ божественная статуя; но, во-время переѣзда въ чужую землю, мраморъ упадаетъ въ море и навѣки скрывается отъ людскихъ восторговъ, похвалъ и удивленія.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

БІОГРАФІЯ, ПИСЬМА

и

ЗАМѢТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

съ портретомъ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

и

ПРИЛОЖЕНІЯМИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. № 11—2
1883

Титульный лист первого посмертного
Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского

Варианты прижизненных редакций

БѢДНЫЕ ЛЮДИ

Стр. 17. «*Кн. В. Ѳ. Одоевскій*» *(1865, 1860, 1847)* / «*Князь В. Ѳ. Одоевскій*» *(1846)*

Стр. 17. «къ горшку съ бальзаминомъ» *(1865, 1860, 1847)* / «къ горшечку съ бальзаминчикомъ» *(1846)*

Стр. 18. «и на сердцѣ моемъ было точно такое ощущеніе» *(1865)* / «и на сердцѣ моемъ было точно такое же ощущеніе» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 18. «на счетъ занавѣски вашей» *(1865, 1860, 1847)* / «на счетъ занавѣсочки вашей» *(1846)*

Стр. 18. «Сижу ли за работой, ложусь ли спать, просыпаюсь ли ужь знаю» *(1865)* / «Сижу ли за работой, ложусь ли спать, просыпаюсь ли и ужь знаю» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 18. «Опустите занавѣску» *(1865, 1860, 1847)* / «Опу́стите занавѣсочку» *(1846)*

Стр. 18. «Всталъ я сегодня такимъ яснымъ соколомъ» *(1865, 1860, 1847)* / «Всталъ я сегодня такимъ соколикомъ» *(1846)*

Стр. 19. «желаніе въ стишкахъ и пишетъ» *(1865, 1860, 1847)* / «желаніе въ стишкахъ; дескать» *(1846)*

Стр. 19. «какъ пташка весенняя, порхнули изъ комнаты» *(1865, 1860, 1847)* / «какъ пташка весенняя, порхнули изъ комнатки» *(1846)*

Стр. 19. «Вы мнѣ, Варинька, напишите, какъ вы съ нею тамъ живете теперь» *(1865, 1860)* / «Вы мнѣ, Варинька, напишите какъ вы тамъ съ нею живете теперь» *(1847, 1846)*

Стр. 19. «А ужь какъ я безпокоился объ нашихъ письмахъ! какъ они» *(1865, 1860)* / «А ужь какъ я безпокоился объ нашихъ письмахъ! Какъ они» *(1847, 1846)*

Стр. 19. «Прежде вѣдь я жилъ» *(1865, 1860)* / «Прежде я вѣдь жилъ» *(1847, 1846)*

Стр. 19. «Вообразите, примѣрно, длинный корридоръ, совершенно темный и нечистый» *(1865, 1860, 1847)* / «Вотъ этакъ, примѣрно, длинный корридоръ, такой темный, и по правдѣ немного нечистый» *(1846)*

Стр. 19. «По правую его руку будетъ глухая стѣна» *(1865, 1860, 1847)* / «По правую его руку глухая стѣна» *(1846)*

Стр. 20. «т. е. какъ они тамъ сами по себѣ, со всею подробностію» *(1865, 1860, 1847)* / «т. е. какъ они тамъ сами-то по себѣ, по подробнѣе ихъ опишу» *(1846)*

Стр. 20. «Хозяйка наша, — очень маленькая и нечистая старушонка» *(1865, 1860, 1847)* / «И хозяйка-то наша, ужь такая она право, — она, знаете ли, такая маленькая, нечистая старушонка» *(1846)*

Стр. 20. «Я живу въ кухнѣ, или гораздо правильнѣе будетъ сказать вотъ какъ» *(1865, 1860, 1847)* / «Я живу въ кухнѣ, т. е. что́ я? обмолвился! не въ кухнѣ, совсѣмъ не въ кухнѣ, а знаете вотъ какъ» *(1846)*

Стр. 20. «очень хорошая), комнатка небольшая, уголокъ такой скромный... т. е. или еще лучше сказать, кухня большая въ три окна» *(1865, 1860, 1847)* / «очень хорошая), ну такъ вотъ, какъ я вамъ сказалъ, есть одна небольшая комнатка, уголокъ такой скромный.... вотъ видите ли, кухня большая въ три окна» *(1846)*

Стр. 20. «все просторное, удобное, и окно есть, и все, — однимъ словомъ, все удобное» *(1865, 1860)* / «все просторное, удобное, и окно есть, и все, — однимъ словомъ, совершенно удобное» *(1847, 1846)*

Стр. 20. «чтобы тутъ что нибудь такое иное и таинственный смыслъ какой былъ» *(1865)* / «чтобы тутъ что-нибудь такое иное и таинственный смыслъ какой былъ» *(1860, 1847)* / «чтобы тутъ что-нибудь такое; чтобы тутъ тайный смыслъ какой былъ» *(1846)*

Стр. 20. «я себѣ ото всѣхъ особнякомъ» *(1865, 1860, 1847)* / «я себѣ ото всѣхъ особнячкомъ» *(1846)*

Стр. 20. «комодъ, стульевъ парочку» *(1865, 1860, 1847)* / «комодецъ, стульчиковъ парочку» *(1846)*

Стр. 20. «вѣдь это я все для удобства, и вы не думайте» *(1865, 1860, 1847)* / «вѣдь это я все для удобства, а вы не думайте» *(1846)*

Стр. 20. «Ваше окошко напротивъ, черезъ дворъ; и дворъ-то узенькій» *(1865)* / «Ваше окошко напротивъ, черезъ дворъ; и дворъ-то узенькой» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 20. «35 руб. ассигн. стоитъ» *(1865)* / «35 руб. ассигн. сто́итъ» *(1860, 1847)* / «35 руб. ассигнац. сто́итъ» *(1846)*

Стр. 21. «Я вамъ тамъ тамъ купилъ парочку горшковъ съ бальзаминчикомъ» *(1865, 1860, 1847)* / «Я вамъ тамъ купилъ бальзаминчиковъ парочку» *(1846)*

Стр. 21. «не думайте чего-нибудь и не сомнѣвайтесь, маточка, обо мнѣ» *(1865, 1860)* / «не думайте чего нибудь и несомнѣвайтесь, маточка, обо мнѣ» *(1847)* / «не думайте чего нибудь, маточка, обо мнѣ-то» *(1846)*

Стр. 21. «Нѣтъ, это удобство заставило, и одно удобство соблазнило меня» *(1865, 1860)* / «Нѣтъ, это удобство заставило и одно удобство соблазнило меня» *(1847)* / «Нѣтъ, это удобство заставило, одно удобство соблазнило меня» *(1846)*

Стр. 21. «у меня денежка водится» *(1865, 1860, 1847)* / «у меня денежка-то водится» *(1846)*

Стр. 21. «Нѣтъ, маточка, я про себя не промахъ, и характера совершенно такого, какъ прилично твердой и безмятежной души человѣку. Прощайте» *(1865, 1860, 1847)* / «Нѣтъ, маточка, я про себя-то не промахъ. Ну, такъ вы на счетъ меня и успокойтесь, родная моя, и не полагайте чего-нибудь предосудительнаго. Прощайте» *(1846)*

Стр. 21. «Прощайте, мой ангельчикъ!» *(1865)* / «Прощайте же, прощайте, мой ангельчикъ!» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 21. «Я вамъ при семъ посылаю, Варинька, фунтикъ конфектъ» *(1865)* / «Я вамъ при семъ посылаю, Варинька, фунтикъ конфетъ» *(1860, 1847)* / «Я вамъ при семъ посылаю, Варинька, фунтикъ конфетокъ» *(1846)*

Стр. 21. «какъ напр. объ этой герани» *(1865, 1860, 1847)* / «какъ на пр. объ этой геранькѣ» *(1846)*

Стр. 22. «Что за прелесть на ней цвѣты!» *(1865, 1860, 1847)* / «Что за прелесть на ней цвѣточки!» *(1846)*

Стр. 22. «на полу же поставлю скамейку, а на скамейку еще цвѣтовъ» *(1865, 1860, 1847)* / «на полу же поставлю скамеечку, а на скамеечку еще цвѣтовъ» *(1846)*

Стр. 22. «Про занавѣску и не думала» *(1865, 1860, 1847)* / «Про занавѣску же и не думала» *(1846)*

Стр. 23. «Сегодня ужь я нарочно уголъ загну» *(1865, 1860, 1847)* / «Сегодня ужь я нарочно уголокъ загну» *(1846)*

Стр. 23. «Да ровно ничего не слѣдуетъ, а выходитъ такая дрянь» *(1865, 1860, 1847)* / «Да ровно ничего не слѣдуетъ, а такая дрянь выходитъ» *(1846)*

Стр. 23. «я вамъ написалъ такъ фигурно» *(1865, 1860, 1847)* / «я вамъ-то написалъ такъ фигурно» *(1846)*

Стр. 24. «Впрочемъ, если на правду пошло, то на старой квартирѣ моей» *(1865, 1860, 1847)* / «Впрочемъ, если на правду пошло, то на старой квартиркѣ моей» *(1846)*

Стр. 25. «противъ этого ничего не говорю, да все старой жаль» *(1865, 1860, 1847)* / «противъ этого ничего не говорю, да все старой-то жаль» *(1846)*

Стр. 25. «стѣны были... ну, да что говорить! — стѣны были какъ и всѣ стѣны, не въ нихъ и дѣло» *(1865, 1860, 1847)* / «стѣны были.... ну, да что говорить-то! — стѣны какъ стѣны, не въ стѣнахъ и дѣло» *(1846)*

Стр. 25. «Странное дѣло — тяжело, а воспоминанія какъ будто пріятныя» *(1865, 1860, 1847)* / «И странное дѣло — все пріятныя такія воспоминанія» *(1846)*

Стр. 25. «Внучка у ней Маша была — ребенкомъ еще помню ее» *(1865, 1860, 1847)* / «Внучка у ней Маша была — ребеночкомъ еще помню ее» *(1846)*

Стр. 25. «да и мнѣ вспоминать не такъ-то легко, — особливо теперь» *(1865, 1860)* / «да и мнѣ вспоминать не такъ-то легко. Особливо теперь» *(1847, 1846)*

Стр. 26. «чтобъ попусту зубы скалить!» *(1865, 1860, 1847)* / «чтобъ попусту зубы-то скалить!» *(1846)*

Стр. 26. «такъ тотъ... и самъ туда же» *(1865, 1860, 1847)* / «такъ тотъ, того... и самъ туда же» *(1846)*

Стр. 27. «чтобъ вы кутались, чтобъ не выходили въ дурную погоду» *(1865, 1860, 1847)* / «чтобъ вы кутались, чтобъ вы не выходили въ дурную погоду» *(1846)*

Стр. 28. «кто въ службѣ или такъ» *(1865, 1860)* / «кто на службѣ или такъ» *(1847, 1846)*

Стр. 28. «Самовары у насъ хозяйскіе» *(1865, 1860, 1847)* / «Самовары-то у насъ хозяйскіе» *(1846)*

Стр. 28. «а кто попадетъ не въ очередь со своимъ чайникомъ» *(1865)* / «а кто попадетъ не въ очередь своимъ чайникомъ» *(1860)* / «а кто попадетъ не въ очередь съ своимъ чайникомъ» *(1847, 1846)*

Стр. 28. «Вотъ я было попалъ въ первый разъ, да... впрочемъ, что же писать!» *(1865)* / «Вотъ я было-попалъ въ первый разъ, да.... впрочемъ, что-же писать!» *(1860, 1847)* / «Вотъ я было-попалъ въ первый разъ, да... ну да ужь что!» *(1846)*

Стр. 29. «Тереза да Фальдони, хозяйскій слуга» *(1865)* / «Тереза да Фальдони, хозяйской слуга» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 29. «Живутъ они въ одной комнаткѣ, огородясь въ ней перегородкою» *(1865, 1860, 1847)* / «Живутъ они въ одной комнаткѣ, огородясь въ ней перегородочкою» *(1846)*

Стр. 29. «Фамилья его Горшковъ; такой сѣденькій, маленькій» *(1865)* / «Фамилья его Горшковъ; такой сѣденькой, маленькой» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 29. «Жалкій, хилый такой» *(1865)* / «Жалкой, хилой такой» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 29. «Старшій, мальчикъ, весь въ отца, тоже такой чахлый» *(1865)* / «Старшій, мальчикъ, весь въ отца, тоже такой чахлой» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 29. «Всегда у нихъ въ комнатѣ тихо» *(1865, 1860, 1847)* / «Всегда у нихъ въ комнаткѣ тихо» *(1846)*

Стр. 30. После слов: «это худой знакъ» *следует:* «Стало быть, въ семьѣ что-нибудь да не прочно» *(1846)*

Стр. 30. «случилось мимо ихъ дверей пройдти» *(1865, 1860)* / «случилось мимо ихъ дверей пройти» *(1847, 1846)*

Стр. 30. «Ну, прощайте, дружочекъ безцѣнный мой» *(1865)* / «Ну, прощайте, дружочикъ безцѣнный мой» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 30. «у васъ теплаго салопа нѣтъ» *(1865, 1860, 1847)* / «у васъ тепленькаго салопчика-то нѣтъ» *(1846)*

Стр. 30. «а то вѣдь какъ я учился? даже и не на мѣдныя деньги» *(1865, 1860, 1847)* / «а то вѣдь какъ я учился? я и на мѣдныя деньги не учился» *(1846)*

Стр. 30. «М. г. Макаръ Алексѣевичъ!» *(1865, 1860)* / «М. Г. Макаръ Алексѣевичъ!» *(1847, 1846)*

Стр. 31. «Посылаю вамъ винограду немного» *(1865, 1860, 1847)* / «Посылаю вамъ виноградцу немного» *(1846)*

Стр. 31. «Вамъ розанчиковъ намедни захотѣлось, маточка; такъ вотъ я вамъ ихъ теперь посылаю» *(1865, 1860, 1847)* / «Вамъ розанчиковъ намедни захотѣлось, маточка; вотъ я горшечекъ купилъ, и теперь посылаю» *(1846)*

Стр. 31. «Есть ли у васъ аппетитъ, душечка? — вотъ что главное» *(1865, 1860)* / «Есть ли у васъ аппетитъ, душечка, — вотъ что главное» *(1847)* / «Есть ли у васъ аппетитъ, душечка, есть ли у васъ аппетитъ — вотъ что главное» *(1846)*

Стр. 31. «Впрочемъ, слава Богу, что все прошло и кончилось, и что несчастія наши тоже совершенно оканчиваются» *(1865, 1860)* / «Впрочемъ, слава Богу, что все прошло, и кончилось, и что несчастія наши тоже совершенно оканчиваются» *(1847)* / «Впрочемъ, слава Богу, что все прошло, что все это кончилось, что несчастія-то наши окончились всѣ совершенно» *(1846)*

Стр. 31. «Воздадимъ благодареніе Небу! А что» *(1865, 1860)* / «Воздадимъ благодареніе небу; а что» *(1847, 1846)*

Стр. 31. «Я просилъ ее для себя» *(1865, 1860, 1847)* / «Я попросилъ ее для себя» *(1846)*

Стр. 31. «вамъ вѣрно все стихотворство надобно» *(1865, 1860, 1847)* / «вамъ все стиховъ надобно» *(1846)*

Стр. 32. «Кто это говоритъ вамъ, что я похудѣлъ?» *(1865, 1860)* / «Кто это говорилъ вамъ, что я похудѣлъ?» *(1847, 1846)*

Стр. 32. «здоровехонекъ и растолстѣлъ такъ, что самому становится совѣстно, сытъ и доволенъ по горло» *(1865, 1860)* / «здоровехонекъ, и растолстѣлъ такъ, что самому становится совѣстно, сытъ и доволенъ по горлышко» *(1847, 1846)*

Стр. 32. «Что-то они подумаютъ и что они скажутъ» *(1865, 1860, 1847)* / «Что-то они подумаютъ? что-то они скажутъ» *(1846)*

Стр. 33. «Все это писано въ разные сроки» *(1865, 1860, 1847)* / «Все это я писала въ разные сроки» *(1846)*

Стр. 33. «Мнѣ ужасно скучно теперь и меня часто мучитъ безсонница» *(1865, 1860, 1847)* / «Мнѣ ужасно скучно теперь; меня часто мучитъ безсонница» *(1846)*

Стр. 33. После слов: «въ глуши» *следует:* «и такъ счастливо началось!» *(1846)*

Стр. 33. После слов: «а мнѣ и ничего» *следует:* «И зачѣмъ, бывало, бѣжишь далеко отъ селенья, гуляешь гдѣ-нибудь одна-одинешенька, такъ что самыя строжайшія приказанія матушки не уходить одной и безъ позволенія и ограничивать прогулку однимъ садомъ не останавливали меня?... Я и сама не знала; я съ дѣтства любила быть въ уединеніи, а между-тѣмъ была страшная трусиха. Я помню, у насъ въ концѣ сада была роща, густая, зеленая, тѣнистая, раскидистая, обросшая тучною опушкой. Эта роща была любимымъ гуляньемъ моимъ, а заходить въ ней далеко я боялась. Тамъ щебетали такія веселенькія пташки, деревья такъ привѣтно шумѣли, такъ важно качали раскидистыми

верхушками, кустики, обѣгавшіе опушку, были такіе хорошенькіе, такіе веселенькіе, что, бывало, невольно позабудешь запрещеніе, перебѣжишь лужайку какъ вѣтеръ, задыхаясь отъ быстраго бѣга, боязливо оглядываясь кругомъ, и въ мигъ очутишься въ рощѣ, среди обширнаго, необъятнаго глазомъ моря зелени, среди пышныхъ, густыхъ, тучныхъ, широко-разросшихся кустовъ. Между кустами чернѣютъ кое-гдѣ дикіе порубленные пни, тянутся высокія, неподвижныя сосны, раскидывается березка съ трепещущими говорливыми листочками, стоитъ вѣковой вязъ съ сочными, тучными, далеко-раскидывающимися вѣтвями, — трава такъ гармонически шелеститъ подъ ногой, такъ весело-весело звѣнятъ хоры вольныхъ, радостныхъ птичекъ — что и самой, невѣдомо отъ-чего, станетъ такъ хорошо, такъ радостно, — но не рѣзво-радостно, а какъ-то тихо, молчаливо, задумчиво.... Осторожно пробираешься въ чащу; — и какъ-будто кто зоветъ туда, какъ-будто кто туда манитъ, туда, гдѣ деревья чаще, гуще, синѣе, чернѣе, гдѣ кустарникъ мельчаетъ; и мрачнѣе становится лѣсъ, чернѣе и гуще пестрятъ гладкіе пни деревъ, гдѣ начинаются овраги, крутые, темные, заросшіе лѣсомъ, глубокіе, такъ что верхушки деревъ наравнѣ съ краями приходятся; — и чѣмъ дальше идешь, тѣмъ тише, темнѣе, беззвучнѣе становится. Сдѣлается и жутко и страшно, кругомъ тишина мертвая; сердце дрожитъ отъ какого-то темнаго чувства, а идешь, все идешь дальше, осторожно, боязливо, тихо; и только и слышишь какъ хруститъ подъ ногами валежникъ, или шелестятъ засохшія листья, или тихій, отрывистый стукъ скачковъ бѣлки съ вѣтки на вѣтку.... Рѣзко напечатлѣлся въ памяти моей этотъ лѣсъ, эти прогулки потихоньку, и эти ощущенія — странная смѣсь удовольствія, дѣтскаго любопытства и страха....» *(1846)*

Стр. 33. «И мнѣ кажется, я бы такъ была счастлива» *(1865, 1860, 1847)* / «Мнѣ кажется, я бы такъ была счастлива» *(1846)*

Стр. 34. «что надобно, что дѣла этого требовали» *(1865, 1860)* / «что надобно, что дѣла того требовали» *(1847, 1846)*

Стр. 34. «Мы здѣсь поселились на Петербургской сторонѣ» *(1865)* / «Мы здѣсь поселились на Петербургской-Сторонѣ» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 34. «громоздились огромныя скирды хлѣба» *(1865/* «громоздились огромные скирды хлѣба» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 34. «стаи птицъ; все было такъ ясно и весело: а здѣсь, при въѣздѣ» *(1865, 1860, 1847)* / «стаи птицъ; крестьянинъ весело запѣвалъ свою безконечную пѣсню, а здѣсь, при въѣздѣ» *(1846)*

Стр. 35. «Какъ къ завтра урока не выучишь» *(1865)* / «Къ завтраку урока не выучишь» *(1860)* / «Къ завтраму урока не выучишь» *(1847, 1846)*

Стр. 35. «Матушка, бывало, и плакать боялась, слова сказать боялась, чтобы не разсердить» *(1865, 1860, 1847)* / «Матушка, бывало, и плакать боялась, слова сказать боялась, чтобъ не разсердить» *(1846)*

Стр. 36. «Чего не причиталось!... И французскій» *(1865, 1860)* / «Чего неговорилось, чего не причиталось!... И французскій» *(1847)* / «Чего не говорилось, чего не причиталось!... И французскій» *(1846)*

Стр. 36. «Нашъ домикъ на Петербургской сторонѣ» *(1865)* / «Нашъ домикъ на Петербургской-Сторонѣ» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 37. «и заказала панихиду по голубчикѣ» *(1865, 1860)* / «и заказала паннихиду по голубчикѣ» *(1847, 1846)*

Стр. 37. «мы перебирались съ Петербургской стороны на Васильевскій островъ» *(1865)* / «мы перебирались съ Петербургской-Стороны на Васильевскій-Островъ» *(1860, 1847)* / «мы перебирались съ Петербургской-Стороны на Васильевскій-Островъ» *(1846)*

Стр. 37. «Потомъ, въ одной комнатѣ жили мы, и, наконецъ, въ послѣдней комнатѣ, рядомъ съ нами, помѣщался одинъ бѣдный студентъ Покровскій» *(1865, 1860, 1847)* / «Въ остальныхъ же двухъ комнатахъ жили мы, а въ другой, рядомъ съ нашей, одинъ бѣдный студентъ Покровскій» *(1846)*

Стр. 38. «почему матушка не рѣшалась жить у Анны Ѳедоровны» *(1865, 1846)* / «почему матушка не рѣшилась жить у Анны Ѳедоровны» *(1860, 1847)*

Стр. 38. «До-сихъ-поръ для меня тайна, зачѣмъ именно» *(1865, 1860)* / «До-сихъ-поръ для меня тайною, зачѣмъ именно» *(1847, 1846)*

Стр. 38. «какъ увидала, что мы совершенно безпомощны и что намъ идти некуда» *(1865, 1860)* / «какъ увидала, что мы совершенно безпомощны, и что намъ идти нѐкуда» *(1847)* / «когда увидала, что мы совершенно безполезны, и что намъ идти нѐкуда» *(1846)*

Стр. 39. «Въ нашей комнатѣ мы были отдѣлены» *(1865, 1860)* / «Въ нашей комнаткѣ мы были отдѣлены» *(1847, 1846)*

Стр. 40. «старичокъ, запачканный, дурно-одѣтый, маленькій, сѣденькій» *(1865)* / «старичокъ, запачканный, дурно-одѣтый, маленькой, сѣденькой» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 41. «Потомъ я узнала подробно всю исторію этого бѣднаго старика» *(1865, 1860, 1847)* / «Покровскій разсказалъ мнѣ подробно всю исторію этого бѣднаго старика» *(1846)*

Стр. 41. «Она умерла еще въ молодыхъ лѣтахъ, года четыре спустя послѣ замужества» *(1865, 1860)* / «Она умерла еще въ молодыхъ лѣтахъ, года четыре спустя послѣ своего замужества» *(1847, 1846)*

Стр. 42. «отъ поминутнаго болтанія» *(1865, 1860)* / «отъ поминутнаго болтанья» *(1847, 1846)*

Стр. 43. «улыбался, краснѣлъ, и не зналъ» *(1865, 1860, 1847)* / «улыбался, краснѣлъ какъ ракъ, и не зналъ» *(1846)*

Стр. 44. «Приносилъ мнѣ и Сашѣ пряничныхъ пѣтушковъ, яблоковъ» *(1865, 1860, 1847)* / «Приносилъ мнѣ и Сашѣ пряничныхъ пѣтушковъ, яблочковъ» *(1846)*

Стр. 44. «Комната Покровскаго была» *(1865, 1860, 1847)* / «Комнатка Покровскаго была» *(1846)*

Стр. 47. «успокойтесь, лягьте, засните» *(1865, 1846)* / «успокойтесь, ляжьте, засните» *(1860)* / «успокойтесь, лягте, засните» *(1847)*

Стр. 47. «Я прилегла въ кресла, рѣшившись заснуть только на полчаса» *(1865, 1860, 1847)* / «Я прилегла въ кресла, твердо рѣшившись заснуть только на полчаса» *(1846)*

Стр. 47. «врядъ ли я тогда въ нее заглянула, хоть» *(1865)* / «врядъ ли я тогда въ нее заглянула, хотя» *(1860, 1847)* / «врядъ ли я и тогда въ нее заглянула, хотя» *(1846)*

Стр. 48. «Впрочемъ, я съ тайною радостію» *(1865, 1860, 1847)* / «Впрочемъ, я съ тайною радостью» *(1846)*

Стр. 48. «Мнѣ стало вдругъ ужасно больно, грустно. Мнѣ показалось» *(1865, 1860)* / «Мнѣ стало вдругъ ужасно больно, грустно, страшно. Мнѣ показалось» *(1847, 1846)*

Стр. 48. «Я заплакала вдругъ, какъ дитя, зарыдала, сама себя удержать не могла» *(1865, 1860, 1847)* / «Я заплакала вдругъ, какъ дитя, зарыдала, я сама себя удержать не могла» *(1846)*

Стр. 48. «онъ все это видѣлъ, и съ каждымъ днемъ» *(1865, 1860, 1847)* / «онъ все это видѣлъ, все это замѣчалъ, и съ каждымъ днемъ» *(1846)*

Стр. 49. «Часто Покровскій давалъ мнѣ книги» *(1865, 1860)* / «Часто Покровскій давалъ мнѣ книгъ» *(1847, 1846)*

Стр. 49. «тѣмъ сладостнѣе потрясали всю душу. Разомъ вдругъ» *(1865)* / «тѣмъ сладостнѣе потрясали всю душу. Разомъ, вдругъ» *(1860, 1847)* / «тѣмъ сладостнѣе потрясали всю душу мою. Разомъ, вдругъ» *(1846)*

Стр. 50. «Я знала, что у букинистовъ въ Гостинномъ дворѣ можно купить» *(1865)* / «Я знала, что у букинистовъ въ гостиномъ-дворѣ можно купить» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 50. «Я положила непремѣнно отправиться въ Гостинный дворъ» *(1865)* / «Я положила непремѣнно отправиться въ гостинный-дворъ» *(1860)* / «Я положила непремѣнно отправиться въ гостиный-дворъ» *(1847, 1846)*

Стр. 51. «Но самое неожиданное обстоятельство помогло мнѣ въ моемъ горѣ» *(1865, 1860, 1847)* / «Но самое неожиданное обстоятельство помогло мнѣ совсѣмъ неожиданно» *(1846)*

Стр. 51. «Нѣтъ, нѣтъ, это дорого, говорилъ онъ» *(1865, 1860)* / «Нѣтъ, нѣтъ, это дорого, очень-дорого, говорилъ онъ» *(1847, 1846)*

Стр. 52. «Сначала съ улыбкой, потирая руки» *(1865, 1860)* / «Сначала съ улыбочкой, потирая руки» *(1847, 1846)*

Стр. 52. «Вѝдите: вы, какъ» *(1865, 1860)* / «Видители: вы, какъ» *(1847)* / «Видите ли: вы, какъ» *(1846)*

Стр. 53. «выпью, иногда лишнее. Петрушѣ это очень непріятно» *(1865, 1860, 1847)* / «выпью, иногда и лишнее выпью. Петрушѣ это очень непріятно» *(1846)*

Стр. 53. «Мнѣ стало ужасно жаль старика» *(1865, 1860)* / «Мнѣ стало ужасно какъ жаль старика» *(1847, 1846)*

Стр. 53. «Да слушайте, Захаръ Петровичъ, сказала я» *(1865, 1860)* / «Да послушайте, Захаръ Петровичъ», сказала я» *(1847, 1846)*

Стр. 53. «вы будете рады, то и я буду рада, потому что въ тайнѣ-то» *(1865)* / «вы будете рады, то и я буду рада, потому-что въ тайнѣ-то» *(1860)* / «вы будете рады, то и я буду рада. Потому-что въ тайнѣ-то» *(1847, 1846)*

Стр. 55. «Онъ поминутно входилъ въ комнату» *(1865, 1860, 1847)* / «Онъ поминутно ходилъ въ комнату» *(1846)*

Стр. 56. «онъ съ ума сойдетъ съ горя» *(1865, 1860, 1847)* / «онъ съ ума сойдетъ отъ горя» *(1846)*

Стр. 57. «мнѣ все казалось, что я умереть должна и что умру непремѣнно» *(1865, 1860)* / «мнѣ все казалось, что я умереть должна, и что умру непремѣнно» *(1847)* / «мнѣ все казалось, что я умереть должна, что я умру непремѣнно» *(1846)*

Стр. 58. «Но зачѣмъ я вамъ все это пишу? Все это» *(1865)* / «Но зачѣмъ я вамъ все это пишу? все это» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 58. «я человѣкъ добрый, незлобивый, ко вреду ближняго неспособный» *(1865, 1860)* / «я человѣкъ добрый, не злобивый, ко вреду ближняго своего неспособный» *(1847, 1846)*

Стр. 58. «и самъ это знаю; но какъ прочтешь такое» *(1865, 1860)* / «и самъ это знаю. Но какъ прочтешь такое» *(1847, 1846)*

Стр. 59. «А отъ-того, что я смирненькій, а отъ-того, что я тихонькій, а отъ-того, что добренькій!» *(1865)* / «А отъ-того, что я смирненькой, а отъ-того, что я тихонькой, а отъ-того, что добренькой!» *(1860)* / «А отъ-того, что я смирненькой, а отъ-того, что я тихонькой, а отъ-того, что я добренькой!» *(1847, 1846)*

Стр. 59. «Не пришелся имъ по нраву» *(1865, 1860, 1847)* / «Не пришелся я имъ по нраву» *(1846)*

Стр. 59. «потому-что я смирный человѣкъ, потому-что я маленькій человѣкъ» *(1865)* / «потому-что я смирный человѣкъ, потому-что я маленькой человѣкъ» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 60. «М. Г. Макаръ Алексѣевичъ!» *(1865, 1847, 1846)* / «М. г. Макаръ Алексѣевичъ!» *(1860)*

Стр. 60. «вицъ-мундиръ форменный, совершенно новёхонькій» *(1865)* / «вицъ-мундиръ форменный, совершенно новёхонькой» *(1860)* / «виц-мундиръ форменный, совершенно новёхонькой» *(1847, 1846)*

Стр. 62. «ужь вы меня оставьте, маточка; не троньте меня» *(1865, 1860, 1847)* / «ужь вы меня оставьте, маточка, въ покоѣ-то меня оставьте; не троньте меня» *(1846)*

Стр. 62. «пребываю другомъ вашимъ искреннимъ» *(1865, 1860)* / «пребываю Другомъ вашимъ искреннимъ» *(1847, 1846)*

Стр. 62. «М. г. Варвара Алексѣевна!» *(1865, 1860)* / «М. Г. Варвара Алексѣевна!» *(1847, 1846)*

Стр. 62. «Сегодня, въ пятомъ часу утра, умеръ у Горшкова маленькій» *(1865)* / «Сегодня, въ пятомъ часу утра, умеръ у Горшкова маленькой» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 62. «все семейство живетъ въ одной комнатѣ» *(1865, 1860, 1847)* / «все семейство живетъ въ одной комнаткѣ» *(1846)*

Стр. 63. «гробикъ стоитъ — простенькій, но довольно хорошенькій гробикъ» *(1865, 1860)* / «гробикъ стоитъ — простенькой, но довольно хорошенькой гробикъ» *(1847, 1846)*

Стр. 63. «стоитъ прислонившись къ гробу» *(1865, 1860, 1847)* / «стоитъ прислонившись къ гробику» *(1846)*

Стр. 63. «Правда, прочелъ нѣсколько, вижу, что блажь» *(1865, 1860, 1847)* / «Правда, прочелъ нѣсколько страничекъ, вижу, что блажь» *(1846)*

Стр. 65. «Увертливый право такой!» *(1865)* / «Увертливой право такой!» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 65. «выпишу изъ *Итальянскихъ страстей* мѣстечко» *(1865, 1860)* / «выпишу изъ *Италіянскихъ Страстей* мѣстечко» *(1847, 1846)*

Стр. 65. «Ничтожныя препятствія не остановятъ всеразрывающаго, адскаго огня, бороздящаго мою истомленную грудь» *(1865, 1860)* / «Ничтожныя препятствія не остановятъ всеразрывающаго, адскаго огня, бороздящаго мою истомленную, страдальческую грудь» *(1847, 1846)*

Стр. 66. «Тогда казацкая сабля взовьется надъ ними и свиснетъ!» *(1865, 1860)* / «Тогда казацкая сабля взовьется надъ ними и присвиснетъ!» *(1847, 1846)*

Стр. 68. После слов «Петля этотъ Ратазяевъ!» *слѣдует:* «Нѣтъ, вотъ я все про свое. Что бы у насъ-то въ вѣдомствѣ сказали тогда! Что бы Евстафій Ивановичъ сказали? Какъ, и ты, братецъ? сказали бы. — Точно такъ-съ, и я, Евстафій Ивановичъ. — Ну, ну, сказали бы, молодецъ, молодецъ! Продолжай и впередъ такимъ образомъ. — Спасибо тебѣ, спасибо! Однимъ словомъ, зашибъ бы я себѣ славу, Варинька» *(1846)*

Стр. 68. «я вѣдь это все такъ пишу, ангельчикъ мой, ради баловства, чтобы васъ потѣшить» *(1865, 1860)* / «я вѣдь это все такъ пишу, ангельчикъ мой, ради баловства, чтобы васъ посмѣшить» *(1847, 1846)*

Стр. 69. «люблю пообжиться въ привычномъ углѣ надолго» *(1865, 1860)* / «люблю пообжиться въ привычномъ углѣ на долго» *(1847)* / «люблю пообжиться въ привычномъ углу на долго» *(1846)*

Стр. 69. «Вы точно какъ я!» *(1865, 1860, 1847)* / «Вы тоже какъ я» *1846)*

Стр. 69. «А вѣдь я вамъ почти родная» *(1865, 1860)* / «А вѣдь я вамъ почти что родная» *(1847, 1846)*

Стр. 69. «Сидишь, думаешь–думаешь, — вспоминаешь все старое» *(1865, 1860)* / «Сидишь, думаешь–думаешь, — вспомянешь все старое» *(1847, 1846)*

Стр. 69. «въ чужомъ домѣ, въ чужомъ углѣ!..» *(1865, 1860, 1847)* / «въ чужомъ домѣ, въ чужомъ углу!...» *(1846)*

Стр. 69. «Ѳедора мнѣ достала книжку — *Повѣсти Бѣлкина*» *(1865, 1860)* / «Ѳедора мнѣ достала книжку — повѣсти Бѣлкина» *(1847, 1846)*

Стр. 70. «Это лекарство: тотчасъ легче сдѣлается» *(1865, 1860)* / «Это лекарство! — Тотчасъ легче сдѣлается» *(1847, 1846)*

Стр. 70. «Прощайте, прощайте, мой другъ! Ваша» *(1865, 1860)* / «Прощайте, прощайте, мой другъ ваша» *(1847, 1846)*

Стр. 70. «Вы посмотрите–ка на меня, маточка. Живу себѣ» *(1865, 1860, 1847)* / «Вы посмотрите–ка на меня, маточка, отъ–чего же мнѣ ничего не дѣлается. Живу себѣ» *(1846)*

Стр. 70. «Исправьтесь. Я вѣдь» *(1865, 1860)* / «Исправьтесь, ради Бога, исправьтесь. Я вѣдь» *(1847, 1846)*

Стр. 70. «Да и что это вамъ думается такое, что́ это находитъ на васъ?» *(1865, 1860)* / «Да и что это вамъ думается такое, что это находитъ на васъ?» *(1847)* / «Да и что вамъ думается такое, маточка, что это находитъ на васъ?» *(1846)*

Стр. 71. «наберитесь ума и изъ пустяковъ не блажите!» *(1865, 1860, 1847)* / «наберитесь ума и изъ пустячковъ не блажите!» *(1846)*

Стр. 71. «Я къ вамъ приду, и въ весьма скоромъ времени» *(1865, 1860)* / «Я къ вамъ прійду, непремѣнно прійду, и въ весьма скоромъ времени» *(1847, 1846)*

Стр. 71. «а за Ратазяева заступлюсь, воля ваша. Онъ мнѣ другъ» *(1865, 1860, 1847)* / «а за Ратазяева заступлюсь; воля ваша, а я заступлюсь. Онъ мнѣ другъ» *(1846)*

Стр. 71. «Не соглашаюсь я съ вами и никакъ не могу согласиться» *(1865, 1860, 1847)* / «Не соглашаюсь я съ вами; никакъ не могу согласиться» *(1846)*

Стр. 71. «Нѣтъ, вы прочтите–ка это съ чувствомъ, получше, когда вы довольны и веселы» *(1865, 1860)* / «Нѣтъ, вы прочтите–ка это съ чувствомъ, съ особеннымъ чувствомъ, получше, когда вы довольны и веселы» *(1847, 1846)*

Стр. 71. «Я не спорю (кто же противъ этого), есть и лучше Ратазяева писатели» *(1865, 1860)* / «Я не спорю (кто же противъ этого), — есть и лучше Ратазяева писатели» *(1847)* / «Я не спорю (кто же противъ этого), я вовсе не спорю, — есть и лучше Ратазяева писатели» *(1846)*

Стр. 71. «пребываю вашимъ вѣрнымъ другомъ» *(1865, 1860)* / «пребываю Вашимъ вѣрнымъ другомъ» *(1847, 1846)*

Стр. 73. «отъ васъ коммиссія подъ-часъ выходитъ какая-нибудь, я и коммиссію....» *(1865, 1860)* / «отъ васъ коммисія подъ-часъ выходитъ какая-нибудь, я и коммисію....» *(1847, 1846)*

Стр. 74. «Отсылаю вамъ вашу книжку, дружочекъ мой, Варинька, и если вы, дружочикъ мой» *(1865)* / «Отсылаю вамъ вашу книжку, дружочикъ мой, Варинька, и если вы, дружочикъ мой» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 74. «что въ жизнь мою не случалось мнѣ читать» *(1865, 1860, 1847)* / «что въ жизнь мою мнѣ не случалось читать» *(1846)*

Стр. 74. «Вѣдь ничего-то я не знаю, маточка, ровно ничего не знаю! совсѣмъ ничего не знаю!» *(1865, 1860)* / «Вѣдь ничего-то я не знаю, маточка, ровно ничего, совсѣмъ ничего не знаю!» *(1847, 1846)*

Стр. 74. «Теперь я *Станціоннаго смотрителя*» *(1865, 1860)* / «Теперь я *Станціоннаго Смотрителя*» *(1847, 1846)*

Стр. 74. «случается же такъ, что живешь, а не знаешь» *(1865, 1860)* / «случается же такъ, что живешь-живешь, а не знаешь» *(1847, 1846)*

Стр. 75. «и со мною то же самое можетъ случиться» *(1865, 1860)* / «и со мной то же самое можетъ случиться» *(1847, 1846)*

Стр. 75. «Ну гдѣ же, птенчикъ вы мой слабенькій, не оперившійся» *(1865, 1860)* / «Ну гдѣ же, птенчикъ вы мой слабенькой, неоперившійся» *(1847, 1846)*

Стр. 75. «Говорилъ я про «Станціоннаго смотрителя» Ратазяеву» *(1865, 1860)* / «Говорилъ я про «Станціоннаго Смотрителя» Ратазяеву» *(1847, 1846)*

Стр. 76. «Я теперь крою вамъ жилетку, — прелесть какая матерія, — желтенькая» *(1865)* / «Я теперь крою вамъ жилетку, — прелесть какая матерія, — жолтинькая» *(1860, 1847)* / «Я теперь крою вамъ жилеточку, — прелесть какая матерія, — жолтинькая» *(1846)*

Стр. 76. «Она говоритъ, что вы совсѣмъ не по достаткамъ жить начали» *(1865, 1860)* / «Она говоритъ, что вы совсѣмъ не по доходамъ жить начали» *(1847, 1846)*

Стр. 76. «Ну, прощайте; я спѣшу» *(1865, 1860)* / «Ну, прощайте; я такъ спѣшу» *(1847, 1846)*

Стр. 77. «Видѣть-то я одинъ только краешекъ занавѣски видѣлъ» *(1865)* / «Видѣть-то я одинъ только краюшекъ занавѣски видѣлъ» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 77. «У актрисочки точно голосокъ былъ хорошенькій; — звонкій, соловьиный, медовый!» *(1865)* / «У актрисочки точно голосокъ былъ хорошенькой; — звонкой, соловьиный, медовый!» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 77. «Пришелъ я домой, — какъ въ чаду хожу! въ карманѣ» *(1865, 1860)* / «Пришелъ я домой, — какъ въ чаду хожу! Въ карманѣ» *(1847, 1846)*

Стр. 77. «завернулъ я къ парфюмёру французу» *(1865)* / «завернулъ я къ парфюмёру Французу» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 78. После слов «что они довольны»*следует:* «Письмо мое довольно четкое и красивое, такъ, не слишкомъ крупное, но и не слишкомъ мелкое, болѣе на курсивъ сбивающееся, но при каждомъ случаѣ удовлетворительное; у насъ развѣ–развѣ только одинъ Иванъ Прокофьевичъ такъ напишетъ» *(1846)*

Стр. 78. «Всякій грѣшенъ, и даже вы грѣшны» *(1865)* / «Всякой грѣшенъ, и даже вы грѣшны» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 78. «Варинька! вотъ отъ васъ–то именно» *(1865, 1860)* / «Варинька! Вотъ отъ васъ–то именно» *(1847, 1846)*

Стр. 78. «Зачѣмъ писать про другаго, что вотъ–де онъ иной разъ нуждается, что чаю не пьетъ?» *(1865, 1860)* / «Зачѣмъ писать про другаго, что вотъ–де онъ иной разъ нуждается, что онъ чаю не пьетъ?» *(1847, 1846)*

Стр. 78. «Ну, и вотъ вамъ примѣръ, Варвара Алексѣевна, вотъ что» *(1865, 1860, 1847)* / «Ну, и вотъ вамъ примѣръ, Варвара Алексѣевна, вотъ вамъ примѣръ, вотъ что» *(1846)*

Стр. 79. «безо всякой видимой причины, ни съ того ни съ сего, испечетъ тебѣ пасквиль» *(1865)* / «безо всякой видимой причины, ни съ того ни съ сего, испечетъ тебѣ пашквиль» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 79. «Но я все–таки истинно удивляюсь» *(1865, 1860)* / «Но я все таки истинно удивляюсь» *(1847)* / «Но все таки я истинно удивляюсь» *(1846)*

Стр. 79. «всякій наровитъ только гдѣ–нибудь числиться» *(1865)* / «всякой наровитъ только гдѣ–нибудь числиться» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 79. «изъ всего тебѣ пасквиль сработаютъ» *(1865)* / «изъ всего тебѣ пашквиль сработаютъ» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 80. «счтобы шинель его отыскалась, чтобы тотъ генералъ, узнавши подробнѣе объ его добродѣтеляхъ, перепросилъ бы его въ свою канцелярію, повысилъ чиномъ и далъ бы хорошій окладъ жалованья» *(1865, 1860)* / «чтобы шинель его отъискалась, чтобы тотъ генералъ, узнавши подробнѣе объ его добродѣтеляхъ, перепросилъ бы его въ свою канцелярію, повысилъ чиномъ, и далъ бы хорошій окладъ жалованья» *(1847)* / «чтобы шинель его отъискалась, чтобы Ѳедоръ Ѳедоровичъ, то есть что я! — чтобы тотъ генералъ, узнавши подробнѣе объ его добродѣтеляхъ, перепросили бы его въ свою канцелярію, повысили бы чиномъ, и дали бы хорошій окладъ жалованья» *(1846)*

Стр. 80. «такой чиновникъ. Да вѣдь послѣ такого надо жаловаться, Варинька, формально жаловаться» *(1865, 1860, 1847)* / «такой чиновникъ. Нѣтъ, я буду жаловаться, Варинька, просто буду жаловаться» *(1846)*

Стр. 80. «у васъ въ ломбардѣ на всякій случай лежали» *(1865)* / «у васъ въ ломбардтѣ на всякой случай лежали» *(1860)* / «у васъ въ Ломбардтѣ, на всякой случай лежали» *(1847, 1846)*

Стр. 81. «Я замѣтила вашу тоску» *(1865, 1860, 1847)* / «Я замѣчала вашу тоску» *(1846)*

Стр. 82. «донося вамъ объ несчастіяхъ моихъ и всѣхъ этихъ безпорядкахъ» *(1865, 1860, 1847)* / «донося вамъ объ несчастіяхъ моихъ и о всѣхъ этихъ безпорядкахъ» *(1846)*

Стр. 83. «о всѣхъ происшествіяхъ и о приключеніи съ офицерами» *(1865, 1860, 1847)* / «о всѣхъ происшествіяхъ и приключеніи съ офицерами» *(1846)*

Стр. 83. «Эхъ, Варинька, Варинька!» *(1865, 1860, 1847)* / «Маточка Варинька! Эхъ, Варинька, Варинька!» *(1846)*

Стр. 83. «я долженъ васъ любить, такъ вы бы не то сказали» *(1865, 1860, 1847)* / «я долженъ васъ любить такъ, то вы бы не то сказали» *(1846)*

Стр. 84. «скрывался, да и дома тоже» *(1865, 1860, 1847)* / «скрывался, да и дома–то тоже» *(1846)*

Стр. 84. «Тутъ–то я и палъ, маточка. Я Емелю встрѣтилъ» *(1865, 1860, 1847)* / «Тутъ–то я и палъ, маточка, тутъ–то я и палъ. Я Емелю встрѣтилъ» *(1846)*

Стр. 84. «Онъ ужь, я и не знаю, что дѣлаетъ» *(1865, 1860)* / «Онъ ужь я и не знаю что дѣлаетъ» *(1847)* / «Онъ ужь я не знаю что дѣлаетъ» *(1846)*

Стр. 85. «Вы ужь знаете, Варинька, какъ я воротился; вотъ оно и все» *(1865, 1860, 1847)* / «Вы ужь знаете, Варинька, какъ я воротился; ну и все тутъ, вотъ оно и все» *(1846)*

Стр. 85. «Я не спорю, я, Варинька, съ вами спорить не смѣю, я глубоко упалъ» *(1865, 1860, 1847)* / «Я не спорю, я, Варинька, съ вами не спорю, я глубоко упалъ» *(1846)*

Стр. 85. «все такое, что хоть бы и не читать, такъ въ ту же пору» *(1865, 1860, 1847)* / «все такое, что хоть бы и не читать, такъ въ ту жь пору» *(1846)*

Стр. 85. «милостивая государыня моя, Варвара Алексѣевна, покорнѣйшимъ слугою вашимъ» *(1865, 1860)* / «милостивая государыня моя, Варвара Алексѣевна, Покорнѣйшимъ слугою вашимъ» *(1847, 1846)*

Стр. 85. «Я прочла ваши оба письма, да такъ и ахнула!» *(1865, 1860, 1847)* / «Я прочла ваши оба письма, Макаръ Алексѣевичъ, да такъ и ахнула!» *(1846)*

Стр. 86. «Я этому вѣрю, Варинька, и въ доброту ангельскаго сердечка вашего вѣрю, и не въ укоръ вамъ» *(1865, 1860, 1847)* / «Я этому вѣрю, Варинька, вѣрю, и въ доброту ангельскаго сердечка вашего вѣрю, а не въ укоръ вамъ» *(1846)*

Стр. 87. «Они думали, что они даромъ свои гривенники ему даютъ — анъ нѣтъ» *(1865, 1860)* / «Они думали, что они даромъ свои гривенники ему даютъ. Анъ нѣтъ» *(1847, 1846)*

Стр. 87. «И они ходятъ, пасквиланты неприличные» *(1865)* / «И они ходятъ, пашквиланты неприличные» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 87. «Да, ужь натурально робѣешь, когда сквозь одежду голые локти» *(1865, 1860, 1846)* / «Да, ужь натурально робѣешь, когда сквозь одежу голые локти» *(1846)*

Стр. 88. «все для одного пасквиля сдѣлано!» *(1865)* / «все для одного пашквиля сдѣлано!» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 89. «Да позвольте, дочечка вы моя — пишете, ангельчикъ, чтобъ мнѣ займовъ не дѣлать?» *(1865, 1860)* / «Да позвольте, дочечка вы моя — пишете, ангельчикъ, чтобы мнѣ займовъ не дѣлать?» *(1847, 1846)*

Стр. 90. «Петръ Петровичъ, а Петръ Петровичъ! — Онъ оглянулся» *(1865, 1860)* / «Петръ Петровичъ, а Петръ Петровичъ! — онъ оглянулся» *(1847, 1846)*

Стр. 90. «Я немного оторопѣлъ. Нѣтъ, говорю, Петръ Петровичъ» *(1865, 1860)* / «Я не много оторопѣлъ — нѣтъ, говорю, Петръ Петровичъ» *(1847, 1846)*

Стр. 91. «да того ли еще нѣтъ у меня! А ну какъ изъ начальства-то» *(1865, 1860)* / «да того ли еще нѣтъ у меня! а ну какъ изъ начальства-то» *(1847, 1846)*

Стр. 91. «Макаръ Алексѣевичъ, какъ только можно скорѣе займите сколько-нибудь» *(1865, 1860)* / «Макаръ Алексѣевичъ, какъ только можно скорѣе займите хоть сколько-нибудь» *(1847, 1846)*

Стр. 92. «сказалъ, что племянникъ его мальчишка и вѣтрогонъ» *(1865, 1860, 1847)* / «сказалъ, что племянникъ-то его мальчишка и вѣтрогонъ» *(1846)*

Стр. 93. «вы въ такихъ обстоятельствахъ, но на васъ одного вся надежда моя!» *(1865, 1860, 1847)* / «вы въ такихъ обстоятельствахъ, но на васъ однихъ вся надежда моя!» *(1846)*

Стр. 93. «И изведутъ, клятву кладу, что изведутъ!» *(1865, 1860, 1847)* / «И изведутъ, изведутъ, клятву кладу, что изведутъ!» *(1846)*

Стр. 93. «Вѣдь вотъ я теперь скорѣе умереть готовъ» *(1865, 1860)* / «Вѣдь вотъ я теперь скорѣе умирать готовъ» *(1847, 1846)*

Стр. 93. «потому-что вѣдь они, маточка, ищутъ хорошихъ писцовъ, я это знаю» *(1865, 1860, 1847)* / «потому-что вѣдь они, маточка, ищутъ хорошихъ писцовъ, ищутъ, я это знаю» *(1846)*

Стр. 94. «Видите ли, хозяйкѣ-то слѣдовало бы» *(1865, 1860, 1847)* / «Видите ли, маточка, хозяйкѣ-то слѣдовало бы» *(1846)*

Стр. 94. «изъ стараго фартучка вашего не только платокъ» *(1865, 1860, 1847)* / «изъ стараго фартучка вашего не только платочекъ» *(1846)*

Стр. 94. «я о платкѣ и думать больше не буду» *(1865, 1860, 1847)* / «я о платочкѣ и думать больше не буду» *(1846)*

Стр. 94. «Такъ вотъ сапоги и платокъ есть. Теперь пуговки, дружокъ мой!» *(1865, 1860, 1847)* / «Такъ вотъ сапоги и платочекъ есть. Теперь пуговки, дружокъ мой, пуговки!» *(1846)*

Стр. 94. «я безъ табаку-то жить не могу» *(1865, 1860, 1847)* / «я безъ табачку-то жить не могу» *(1846)*

Стр. 94. «говорю вамъ все это, чтобы угрызенія совѣсти не мучили» *(1865, 1860, 1847)* / «говорю вамъ все это, чтобы угрызенія совѣсти послѣ не мучили» *(1846)*

Стр. 95. «такъ бочкомъ-бочкомъ, сторонюсь отъ всѣхъ» *(1865, 1860, 1847)* / «такъ бочкомъ-бочкомъ, сторонюсь ото всѣхъ» *(1846)*

Стр. 95. «да, нѣтъ, ужь я и не ворочусь тогда, я просто сгину куда-нибудь, пропаду» *(1865, 1860)* / «да, нѣтъ, ужь я и не ворочусь тогда, а просто сгину куда-нибудь, пропаду» *(1847)* / «да, нѣтъ, нѣтъ, ужь я и не ворочусь тогда, а просто сгину куда-нибудь, пропаду» *(1846)*

Стр. 96. «Если принимать все чужое такъ къ сердцу и если такъ сильно» *(1865, 1860)* / «Если принимать все чужое такъ къ сердцу, если такъ сильно» *(1847, 1846)*

Стр. 96. «Даже радъ, что вы меня, старика, не покидаете» *(1865, 1860)* / «Даже радъ, что вы меня старика не покидаете» *(1847)* / «Даже радъ, что вы меня-то старика не покидаете» *(1846)*

Стр. 96. «Да, ангельчикъ мой, пожалуй и самъ скажу» *(1865, 1860, 1847)* / «Да я, ангельчикъ мой, пожалуй и самъ скажу» *(1846)*

Стр. 97. «человѣкъ-то я простой, маленькій» *(1865)* / «человѣкъ-то я простой, маленькой» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 97. «А того я натерпѣлся, столько тяготы душевной» *(1865, 1860, 1847)* / «А того я натерпѣлся, маточка, столько тяготы душевной» *(1846)*

Стр. 97. «Вотъ оно было какъ: — пошелъ» *(1865, 1860, 1847)* / «Вотъ оно было какъ: — Пошелъ» *(1846)*

Стр. 97. «Я, ясочка моя, въ шинель-то закутался» *(1865, 1860, 1847)* / «Я, ясочка моя, въ шинельку-то закутался» *(1846)*

Стр. 97. «иду-иду, да все думаю: — Господи! прости, дескать, мои согрѣшенія» *(1865, 1860)* / «иду-иду, да все думаю: — Господи! Прости, дескать, мои согрѣшенія» *(1847, 1846)*

Стр. 97. «все такіе занятые, озабоченные» *(1865, 1860)* / «все такіе занятые, сердитые, озабоченные» *(1847, 1846)*

Стр. 97. «У самаго Воскресенскаго моста у меня подошва отстала» *(1865)* / «У самаго Воскресенскаго Моста у меня подошва отстала» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 97. «эхъ, братецъ, подумалъ я» *(1865, 1860)* / «экъ, братецъ, подумалъ я» *(1847, 1846)*

Стр. 98. «Увидѣлъ наконецъ я издали домъ деревянный желтый, съ мезониномъ въ родѣ бельведера» *(1865)* / «Увидѣлъ наконецъ я издали домъ деревянный, жолтый, съ мезониномъ, въ родѣ бельведера»

(1860) / «Увидѣлъ наконецъ я издали домъ деревянный, жолтый съ мезониномъ, въ родѣ бельведера» *(1847)* / «Увидѣлъ наконецъ я издали домикъ деревянный, жолтенькой съ мезониномъ, въ родѣ бельведерчика» *(1846)*

Стр. 98. «а спросилъ-таки будочника — чей, дескать, это, братецъ, домъ?» *(1865, 1860)* / «а спросилъ-таки будочника — чей дескать это, братецъ, домъ?» *(1847)* / «а спросилъ-таки у будочника — чей дескать это, братецъ, домъ?» *(1846)*

Стр. 98. «нѣтъ, думаю, не дастъ, ни за что не дастъ!» *(1865, 1860)* / «нѣтъ, думаю, не дастъ, не дастъ, ни за что не дастъ!» *(1847, 1846)*

Стр. 98. «Вошелъ я. Комната ничего» *(1865, 1860)* / «Вошелъ я, комната ничего» *(1847)* / «Вошелъ я, комнатка ничего» *(1846)*

Стр. 99. «Я ужь и къ двери, да онъ то вошелъ — такъ себѣ, сѣденькій, глазки такіе вороватенькіе, въ халатѣ засаленномъ и веревкой подпоясанъ» *(1865)* / «Я ужь и къ двери, да онъ-то вошелъ — такъ себѣ, сѣденькій, глазки такіе вороватенькіе, въ халатѣ засаленномъ и веревочкой подпоясанъ» *(1860)* / «Я ужь и къ двери, да онъ-то вошелъ — такъ себѣ, сѣденькой, глазки такіе вороватенькіе, въ халатѣ засаленномъ и веревочкой подпоясанъ» *(1847, 1846)*

Стр. 99. «Ужь я ему представлялъ, представлялъ, говорю» *(1865, 1860)* / «Ужь я ему представлялъ-представлялъ, говорю» *(1847, 1846)*

Стр. 100. «кричала, кричала на меня сегодня, распекала, распекала меня» *(1865, 1860)* / «кричала-кричала на меня сегодня, распекала-распекала меня» *(1847, 1846)*

Стр. 102. «всѣ жильцы съ презрѣніемъ указываютъ: вотъ, говорятъ» *(1865, 1860, 1847)* / «всѣ жильцы съ презрѣніемъ указываютъ. — Вотъ, говорятъ» *(1846)*

Стр. 102. «Еслибъ вы знали какъ мнѣ тяжело было, когда я все это» *(1865, 1860, 1847)* / «Еслибъ вы знали какъ мнѣ тяжело было, когда все это» *(1846)*

Стр. 102. «Стыдно мнѣ, ясочка моя, Варвара Алексѣевна, совсѣмъ застыдился» *(1865, 1860, 1847)* / «Стыдно мнѣ, ясочка моя, Варвара Алексѣевна, совсѣмъ стыдно» *(1846)*

Стр. 103. «Въ заключеніе, желаю вамъ» *(1865, 1860, 1847)* / «Въ заключеніе же, желаю вамъ» *(1846)*

Стр. 103. «а пишете, чтобъ я табаку купилъ» *(1865, 1860, 1847)* / «а пишете, чтобъ я табачку купилъ» *(1846)*

Стр. 104. «такъ ужь тутъ и все пропадай, тутъ ужь и паденіе! Это такъ» *(1865, 1860)* / «такъ ужь тутъ и все пропадай; тутъ ужь и паденіе, неминуемое паденіе! Это такъ» *(1847, 1846)*

Стр. 104. «И такъ, какъ вы теперь все знаете, маточка, то я умоляю васъ» *(1865, 1860)* / «И такъ какъ вы теперь все знаете, маточка, то я и умоляю васъ» *(1847, 1846)*

Стр. 105. «Но сегодня свѣжее, яркое, блестящее утро, какихъ мало» *(1865, 1860)* / «Но сегодня свѣжее, яркое, блестящее утро, утро какихъ мало» *(1847, 1846)*

Стр. 105. «это озеро было такое широкое, свѣтлое» *(1865, 1860, 1847)* / «это озеро было такое широкое, ровное, свѣтлое» *(1846)*

Стр. 105. «воздухъ такой звонкій» *(1865, 1860)* / «воздухъ такой звонкой» *(1847, 1846)*

Стр. 105. «отъ легонькаго вѣтерка, или рыба всплеснется» *(1865, 1860, 1847)* / «отъ легонькаго вѣтерочка, или рыбка всплеснется» *(1846)*

Стр. 105. «По синей водѣ встаетъ бѣлый паръ, тонкій» *(1865)* / «По синей водѣ встаетъ бѣлый паръ, тонкой» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 108. «и лучи разбиваютъ какъ стекло тонкій ледъ» *(1865, 1860, 1847)* / «и лучи разбиваютъ въ стекло тонкій ледъ» *(1846)*

Стр. 108. «Въ печкѣ опять трещитъ огонь» *(1865, 1860, 1847)* / «Въ печкѣ опять трещитъ огонекъ» *(1846)*

Стр. 108. После слов «Всѣ такъ довольны, такъ веселы!» *следует:* «На гумнахъ запасено много-много хлѣба; на солнцѣ золотятся крытые соломой скирды большіе-большіе; отрадно смотрѣть! И всѣ спокойны, всѣ радостны; всѣхъ Господь благословилъ урожаемъ; всѣ знаютъ, что будутъ съ хлѣбомъ на зиму; мужичокъ знаетъ, что семья и дѣти его будутъ сыты; — отъ-того по вечерамъ и не умолкаютъ звонкія пѣсни дѣвушекъ и хороводныя игры, отъ-того всѣ съ благодарными слезами молятся въ домѣ Божіемъ въ праздникъ Господень!...» *(1846)*

Стр. 108. «Ахъ какое золотое было дѣтство мое!..» *(1865, 1860, 1847)* / «Ахъ какое золотое-золотое было дѣтство мое!...» *(1846)*

Стр. 109. «какой нибудь слесарскій ученикъ» *(1865)* / «какой-нибудь слѣсарской ученикъ» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 109. «солдатъ отставной въ сажень ростомъ, — вотъ какова» *(1865, 1860, 1847)* / «солдатъ отставной, въ сажень ростомъ, поджидавшій купца на перочинный ножичекъ или колечко бронзовое — вотъ какова» *(1846)*

Стр. 110. «еще во чревѣ матери прокаркнула счастье ворона судьба» *(1865)* / «еще въ чревѣ матери прокаркнула счастье ворона судьба» *(1860, 1847)* / «еще въ чревѣ матери прокаркнула счастье ворона-судьба» *(1846)*

Стр. 110. «А отъ чего же это все?» *(1865)* / «А отчего это все?» *(1860)* / «А отъ-чего это все?» *(1847, 1846)*

Стр. 110. «вотъ тотъ шарманщикъ, котораго я сегодня» *(1865, 1860)* / «вотъ тотъ ширманщикъ, котораго я сегодня» *(1847, 1846)*

Стр. 111. «я точно такъ же какъ и этотъ шарманщикъ» *(1865, 1860)* / «я точно такъ же как и этотъ ширманщикъ» *(1847, 1846)*

Стр. 111. «Я къ тому про шарманщика этого заговорилъ» *(1865, 1860)* / «Я къ тому про ширманщика этого заговорилъ» *(1847, 1846)*

Стр. 111. «Остановился я посмотрѣть на шарманщика» *(1865, 1860)* / «Остановился я посмотрѣть на ширманщика» *(1847, 1846)*

Стр. 111. «Шарманщикъ расположился передъ чьими-то окнами» *(1865, 1860)* / «Ширманщикъ расположился передъ чьими-то окнами» *(1847, 1846)*

Стр. 111. «Замѣчаю малютку, мальчика, такъ себѣ лѣтъ десяти; былъ бы хорошенькой» *(1865, 1860, 1847)* / «Замѣчаю малютку, мальчика, такъ себѣ лѣтъ двѣнадцати; былъ бы хорошенькой» *(1846)*

Стр. 111. «заглядѣлся какъ у нѣмца куклы танцуютъ» *(1865, 1860)* / «заглядѣлся какъ у Нѣмца куклы танцуютъ» *(1847, 1846)*

Стр. 111. «Прошелъ одинъ господинъ и бросилъ шарманщику» *(1865, 1860)* / «Прошелъ одинъ господинъ и бросилъ ширманщику» *(1847, 1846)*

Стр. 111. «упала въ тотъ ящикъ съ огородочкой» *(1865, 1860, 1847)* / «упала въ тотъ ящичекъ съ огородочкой» *(1846)*

Стр. 111. «представленъ французъ, танцующій съ дамами» *(1865, 1860)* / «представленъ Французъ, танцующій съ дамами» *(1847, 1846)*

Стр. 111. «Мальчикъ бѣдненькій, посинѣлый» *(1865)* / «Мальчикъ бѣдненькой, посинѣлый» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 112. «и дрожитъ напрасно на холодѣ бѣдненькій, запуганный мальчикъ» *(1865)* / «и дрожитъ напрасно на холодѣ бѣдненькой, запуганный мальчикъ» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 113. «какъ хоть бы и этотъ бѣдненькій мальчикъ» *(1865)* / «какъ хоть бы и этотъ бѣдненькой мальчикъ» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 113. «въ этомъ же домѣ, этажемъ выше или ниже» *(1865, 1860)* / «въ этомъ же домѣ, этажемъ выше иль ниже» *(1847, 1846)*

Стр. 114. «присѣлъ къ столу, нагрѣлъ себѣ чайникъ» *(1865, 1860, 1847)* / «присѣлъ къ столику, нагрѣлъ себѣ чайничекъ» *(1846)*

Стр. 114. «Онъ извинялся, долго извинялся, наконецъ однакоже взялъ стаканъ» *(1865, 1860, 1847)* / «Онъ извинялся, долго извинялся, наконецъ однакоже взялъ стаканчикъ» *(1846)*

Стр. 114. «въ свой стаканъ самый маленькій кусочекъ» *(1865, 1860)* / «въ свой стаканъ самый маленькій кусочикъ» *(1847, 1846)*

Стр. 115. «отдалъ свои двадцать копѣекъ, маточка» *(1865, 1860)* / «отдалъ свои двадцать копеекъ, маточка» *(1847)* / «отдалъ свои двадцать копеечекъ, маточка» *(1846)*

Стр. 116. «ну вотъ издержки; сынъ заболѣлъ — издержки, умеръ — издержки; жена больна; онъ нездоровъ застарѣлой болѣзнью какой-то: однимъ словомъ пострадалъ, вполнѣ пострадалъ» *(1865)* / «ну вотъ издержки; сынокъ заболѣлъ — издержки, умеръ — издержки; жена больна; онъ нездоровъ застарѣлой болѣзнью какой-то: однимъ словомъ пострадалъ, вполнѣ пострадалъ» *(1860, 1847)* / «ну вотъ издержки. Старшенькой заболѣлъ — издержки, умеръ — издержки. Жена больна; онъ нездоровъ застарѣлой болѣзнью какой-то. Однимъ словомъ, пострадалъ, вполнѣ пострадалъ» *(1846)*

Стр. 116. «Ахъ, родная моя, что я разскажу вамъ теперь!» *(1865, 1860, 1847)* / «Ахъ, родная моя, что я разскажу-то вамъ теперь!» *(1846)*

Стр. 116. «Все это заранѣе слышалось» *(1865, 1860, 1847)* / «Все это заранѣ слышалось» *(1846)*

Стр. 117. «Ну, вотъ, я принялся переписывать» *(1865, 1860)* / «Ну, вотъ, я и принялся переписывать» *(1847, 1846)*

Стр. 117. «что̀, дескать, вы, Макаръ Алексѣевичъ, сидите такимъ у-у-у?» *(1865)* / «что́, дескать, вы, Макаръ Алексѣевичъ, сидите сегодня такимъ у-у-у?» *(1860)* / «что̀, дескать, вы, Макаръ Алексѣевичъ, сидите сегодня такимъ у-у-у?» *(1847)* / «Что̀, дескать, вы, Макаръ Алексѣевичъ, сидите сегодня такимъ у-у-у!» *(1846)*

Стр. 117. «скорѣй отстаютъ. Вдругъ слышу шумъ» *(1865, 1860, 1847)* / «скорѣй отстаютъ. И такъ, я уткнулся носомъ въ бумагу, и вожу перомъ. Вдругъ слышу шумъ» *(1846)*

Стр. 118. «Такъ нѣтъ же: началъ пуговку къ оторваннымъ ниткамъ» *(1865, 1860, 1847)* / «Такъ нѣтъ же. Началъ пуговку къ оторваннымъ ниткамъ» *(1846)*

Стр. 119. «Да что онъ? отличился! Слышу» *(1865, 1860)* / «Да что онъ? отличился, въ полномъ смыслѣ слова отличился! Слышу» *(1847, 1846)*

Стр. 121. «что про него говорили дурнаго, то все это былъ вздоръ» *(1865, 1860, 1847)* / «что про него говорили дурнаго, то все это было вздоръ» *(1846)*

Стр. 121. «названіе какое неприличное: онъ мнѣ объяснилъ» *(1865, 1860, 1847)* / «названіе какое неприличное: онъ мнѣ объяснялъ» *(1846)*

Стр. 121. «Я-то неучъ съ дуру и обидѣлся» *(1865, 1860)* / «А я-то неучъ съ дуру и обидѣлся» *(1847, 1846)*

Стр. 121. «сквозь сито сѣяло. Ничего! За то воздухъ» *(1865, 1860, 1847)* / «сквозь сито сѣяло. Но ничего, это все ничего! За то воздухъ» *(1846)*

Стр. 121. После слов: «Пчелку прочелъ. Да!» *отсутствует:* «про главное я и забываю вамъ разсказать: Видите-ли что» *следует:* «Такъ вотъ что; я главное-то и позабываю. Займемся-ка теперь дѣлами, родная моя. Я, маточка, разсчиталъ сегодня какъ мнѣ будетъ лучше и удобнѣе его превосходительству долгъ отдать. А отдать-то какъ можно поскорѣе нужно; непремѣнно нужно, Варинька. Они и сами-то человѣкъ не богатый. Они мнѣ сами въ этомъ во всемъ признались. Конечно, у нихъ здѣсь и домикъ свой есть, и даже два домика есть, и деревенька-другая есть, но какъ же вы хотите, маточка, какъ же вы это такъ хотите, они вѣдь и жить-то должны не по нашему. Вѣдь они, ангельчикъ мой, лицо. Они человѣкъ не простой, не нашъ-братъ темный человѣкъ. Они, тамъ, по своему должны фигурировать. У нихъ, вонъ, звѣзда есть, дескать, знай нашихъ — вотъ что! Такъ вотъ

и отдать имъ, по сему случаю, нужно какъ можно скорѣе. Да и для меня-то самаго хорошо будетъ. Исправность мою замѣтятъ, одобреніемъ своимъ осчастливятъ. Вотъ какой я разсчетъ сдѣлалъ, Варинька, слушайте-ка: при первомъ жалованьѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, вручить имъ, голубчику, два рубля серебромъ, съ всенижайшимъ извиненіемъ, что не болѣе. Потомъ каждый мѣсяцъ отдавать по пяти руб. ассигнаціями. Такимъ-образомъ, если благословитъ Господь, и къ Святой я получу обычное награжденіе, то ужь разомъ и вручу имъ все остальное, съ всенижайшей благодарностію. Но какъ вы думаете, не будутъ ли они, мой голубчикъ, сердиться за такую медленность въ отдачѣ? Но вѣдь и обстоятельства-то мои каковы! Сами о томъ посудите, маточка! Какъ вы думаете? Вы, пожалуйста, мысли ваши на этотъ счетъ мнѣ во всей подробности опишите, и что теперь предпринять на сей конецъ посовѣтуйте» *(1846)*

Стр. 122. «Я, маточка, почелъ за обязанность тутъ же и мою лепту положить, всѣмъ во всеуслышаніе» *(1865, 1860)* / «Я, маточка, почелъ за обязанность тутъ же и мою лепту положить. Всѣмъ во всеуслышаніе» *(1847, 1846)*

Стр. 122. «А съ дурнымъ какимъ-нибудь намѣреніемъ они не могли этого сдѣлать. Это такъ» *(1865, 1860, 1847)* / «А съ дурнымъ какимъ-нибудь намѣреніемъ они не могли этого сдѣлать. Они бы этого не сдѣлали; я увѣренъ въ этомъ. Это такъ» *(1846)*

Стр. 122. После слов: «этого они никакъ не могли сдѣлать» *отсутствует:* «Не правда-ли, Варинька?» *(1846)*

Стр. 123. «всѣ грѣхи мои въ это грустное время: ропотъ, либеральныя мысли, дебошъ» *(1865, 1860)* / «всѣ грѣхи мои въ это грустное время — ропотъ, либеральныя мысли, дебошъ» *(1847)* / «всѣ грѣхи мои въ это грустное время — ропотъ, либеральности, дебошъ» *(1846)*

Стр. 123. «Прощайте же, ангельчикъ. Прощайте!» *(1865, 1860)* / «Прощайте же, ангельчикъ, прощайте!» *(1847, 1846)*

Стр. 123. «Вотъ посудите сами, мой безцѣнный другъ: господинъ Быковъ въ Петербургѣ» *(1865, 1860, 1847)* / «Вотъ посудите сами, мой безцѣнный другъ, вотъ что было такое: господинъ Быковъ въ Петербургѣ» *(1846)*

Стр. 123. «я вышла для закупокъ въ Гостинный дворъ, онъ входитъ къ намъ въ комнату» *(1865)* / «я вышла для закупокъ въ Гостиный Дворъ, онъ входитъ къ намъ въ комнату» *(1860)* / «я вышла для закупокъ въ Гостиный Дворъ, онъ входитъ къ намъ въ комнату» *(1847)* / «только что я вышла для закупокъ въ Гостиный Дворъ, онъ входитъ къ намъ въ комнатку» *(1846)*

Стр. 124. «знакомый племянника Анны Ѳедоровны, такъ вотъ не переползла ли какъ нибудь сплетня?» *(1865, 1860)* / «знакомый племянника Анны Ѳедоровны! Такъ вотъ не переползла ли какъ нибудь сплетня?» *(1847, 1846)*

Стр. 125. «и какъ говорилъ–то! даже заплакалъ» *(1865, 1860)* / «и какъ говорилъ–то! Даже заплакалъ» *(1847, 1846)*

Стр. 125. «но впрочемъ не во мнѣ тутъ и дѣло!» *(1865, 1860, 1847)* / «но впрочемъ не во мнѣ тутъ и дѣло–то!» *(1846)*

Стр. 125. «Жена его заказала обѣдъ поделикатнѣе, и по обильнѣе» *(1865, 1860)* / «Жена его заказала обѣдъ по деликатнѣе, по обильнѣе» *(1847, 1846)*

Стр. 125. «Нѣтъ, говоритъ, вѣдь я такъ, я, говоритъ, это только такъ — и ушелъ» *(1865, 1860, 1847)* / «Нѣтъ, говоритъ, вѣдь я такъ, я это только такъ — и ушелъ» *(1846)*

Стр. 126. «Подозвалъ къ себѣ дочку, положилъ ей на головку руку, и долго, долго гладилъ по головѣ ребенка» *(1865, 1860)* / «Подозвалъ къ себѣ дочку, положилъ ей на головку руку, и долго–долго гладилъ по головѣ ребенка» *(1847)* / «Подозвалъ къ себѣ дочку, положилъ ей на головку руку, и долго–долго гладилъ по головкѣ ребенка» *(1846)*

Стр. 126. «Потомъ опять оборотился къ женѣ: а что жь Петинька? Петя нашъ, говоритъ, Петинька?...» *(1865, 1860, 1847)* / «Потомъ опять оборотился къ женѣ: дескать, а что жь Петинька? Петя нашъ, Петинька?...» *(1846)*

Стр. 126. «Да, хорошо, я сейчасъ.... я немножко» *(1865, 1860, 1847)* / «Да, говоритъ, я сейчасъ... я немножко» *(1846)*

Стр. 126. «говоритъ только, что она позабыла объ мужѣ» *(1865, 1860, 1847)* / «говоритъ только, что она и позабыла объ мужѣ» *(1846)*

Стр. 127. «Что–то все объ такомъ писано, что какъ–будто и непонимаешь....» *(1865, 1860)* / «Что–то все объ такомъ написано, что какъ–будто и не понимаешь....» *(1847, 1846)*

Стр. 127. После слов: «что будутъ теперь постороннія деньги» *следует:* «Такимъ образомъ я теперь его превосходительству разомъ рублей 25 выплачу; — оно все благороднѣе какъ–то бѣлую ассигнацію вручить — а? Какъ вы думаете? Такъ вотъ я къ тому и пишу» *(1846)*

Стр. 127. «Дорогой другъ мой Макаръ Алексѣевичъ!» *(1865, 1860)* / «Дорогой другъ мой Макаръ Алексѣевичъ» *(1847)* / «Макаръ Алексѣевичъ» *(1846)*

Стр. 127. «Ѳедора куда–то ходила» *(1865, 1860, 1847)* / «Ѳедора куда–то уходила» *(1846)*

Стр. 127. «испугалась, когда его увидѣла, что» *(1865, 1860, 1847)* / «испугалась, когда его увидала, что» *(1846)*

Стр. 127. «я вамъ пишу отъ слова и до слова» *(1865, 1860)* / «я вамъ пишу отъ слова до слова» *(1847, 1846)*

Стр. 128. «то онъ сказалъ мнѣ, что все вздоръ, что все это романы» *(1865, 1860)* / «то онъ сказалъ мнѣ, что все это вздоръ, что все это романы» *(1847, 1846)*

Стр. 129. «Онъ оставилъ насильно у меня на пяльцахъ пять сотъ рублей, какъ онъ сказалъ, на конфекты» *(1865, 1860)* / «Онъ насильно оставилъ у меня на пяльцахъ пять сотъ рублей, какъ онъ сказалъ, на конфекты» *(1847)* / «Онъ насильно оставилъ у меня на пяльцахъ пять сотъ рублей, какъ онъ сказалъ, на конфетки» *(1846)*

Стр. 130–131. «помните, какъ я вамъ еще его все описывалъ. — Да нѣтъ же!» *(1865, 1860, 1847)* / «помните, какъ я вамъ еще его все описывалъ, какъ я его все описывалъ. — Да нѣтъ же!» *(1846)*

Стр. 131. «Оно правда, маточка, совершенная правда» *(1865, 1860)* / «Оно правда, маточка, правда, совершенная правда» *(1847, 1846)*

Стр. 131. «Какъ вы думаете маточка? пусть ужь лучше на купчихѣ–то женится!» *(1865, 1860, 1847)* / «Какъ вы думаете, маточка? пусть ужь онъ лучше на купчихѣ–то женится!» *(1846)*

Стр. 131. «Я, маточка, къ вамъ непремѣнно на часочикъ приду сегодня» *(1865)* / «Я, маточка, къ вамъ непремѣнно на часочикъ прійду сегодня» *(1860, 1847)* / «Я, маточка, къ вамъ непремѣнно на часочикъ забѣгу сегодня» *(1846)*

Стр. 131. «Вотъ вы теперь ждете Быкова, а какъ онъ уйдетъ, такъ тогда...» *(1865, 1847)* / «Вотъ вы теперь ждете Быкова, а какъ онъ уйдетъ, такъ тогда....» *(1860)* / «Вотъ вы теперь ждете Быкова, а какъ онъ уйдетъ, такъ я и забѣгу» *(1846)*

Стр. 132. «Ради Бога, мой другъ, не позабудьте чего–нибудь изъ того» *(1865, 1860, 1847)* / «Ради Бога, мой другъ, не позабудьте что–нибудь изъ того» *(1846)*

Стр. 133. «Коммиссіи ваши всѣ исполнилъ» *(1865, 1860)* / «Коммисіи ваши всѣ исполнилъ» *(1847, 1846)*

Стр. 133. «Милостивый Государь» *(1865)* / «Милостивый государь» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 135. «У меня еще ваша книжка осталась одна, *Бѣлкина повѣсти*» *(1865)* / «У меня еще ваша книжка осталась одна, *Бѣлкина Повѣсти*» *(1860, 1847, 1846)*

Стр. 137. «объ васъ и поплакать будетъ некому тамъ!» *(1865, 1860)* / «объ васъ и поплакать будетъ не кому тамъ!» *(1847)* / «объ васъ и поплакать–то будетъ не кому тамъ!» *(1846)*

Стр. 137. «Чего я тутъ дуракъ, глазѣлъ!» *(1865, 1860, 1847)* / «Чего я–то тутъ, дуракъ, глазѣлъ!» *(1846)*

Стр. 137. «Я, маточка, подъ колеса брошусь; я васъ не пущу уѣзжать!» *(1865)* / «Я, маточка, подъ колеса брошусь; а васъ не пущу уѣзжать!» *(1860, 1847)* / «Я, маточка, подъ колеса брошусь, а васъ не пущу уѣзжать!» *(1846)*

Стр. 137. «Къ кому же я письма буду писать» *(1865, 1860, 1847)* / «Къ кому же я письма–то буду писать» *(1846)*

Стр. 137. «вы возьмите–ка въ соображеніе, маточка, — дескать, къ кому же онъ письма будетъ писать?» *(1865, 1860, 1847)*/ «вы возьми-

те-ка въ соображеніе-то, маточка, — дескать, къ кому же онъ письма-то будетъ писать?» *(1846)*

Стр. 137. «Кого же я маточкой называть буду» *(1865, 1860, 1847)* / «Кого же я маточкой-то называть буду» *(1846)*

Стр. 138. «Она, только-что вы за заставу выѣдете, и сломается; нарочно сломается» *(1865, 1860)* / «Она только что вы за заставу выѣдете, и сломается; нарочно сломается» *(1847)* / «Она только-что вы за заставу выѣдете, и сломается; она непремѣнно сломается, нарочно сломается» *(1846)*

Стр. 138. «Я и каретниковъ этихъ всѣхъ знаю» *(1865, 1860, 1847)* / «Я и каретниковъ-то этихъ всѣхъ знаю» *(1846)*

Стр. 138. «И вы, маточка, докажите; резономъ докажите ему!» *(1865, 1860)* / «И вы, маточка, докажите, все ему докажите; резономъ докажите ему!» *(1847, 1846)*

Стр. 138. «Ему купчиха лучше, ему она гораздо лучше бы шла; ужь это я знаю почему!» *(1865, 1860)* / «Ему купчиха лучше; ему она гораздо лучше бы шла; ужь это я знаю почему!» *(1847)* / «Ему купчиха лучше; ему она гораздо лучше бы шла; ужь это я знаю!» *(1846)*

Стр. 138. «Чѣмъ онъ для васъ вдругъ милъ» *(1865, 1860, 1847)* / «Чѣмъ онъ для васъ такъ вдругъ милъ» *(1846)*

Стр. 138. «Нѣтъ, вы мнѣ еще напишите, еще мнѣ письмецо напишите» *(1865, 1860, 1847)* / «Нѣтъ, вы мнѣ еще напишите, еще мнѣ письмо напишите» *(1846)*

Стр. 138. «а пишу только бы писать, только бы вамъ написать побольше...» *(1865, 1860, 1847)* / «а пишу только бы писать, только бы вамъ написать-то побольше....» *(1846)*

ГОСПОДИНЪ ПРОХАРЧИНЪ

Стр. 325. «Когда же одинъ разъ Зиновій Прокофьевичъ» *(1865)* / «Когда же одинъ разъ Зиновій Прокофьичъ» *(1846)*

Стр. 325. «отъ необыкновенныхъ послѣдствій выходки Зиновья Прокофьевича» *(1865)* / «отъ необыкновенныхъ послѣдствій выходки Зиновья Прокофьича» *(1846)*

Стр. 325. «такъ вотъ не перейдешь, грибъ съѣшь» *(1865)* / «такъ вотъ не перейдешь, нарочно не перейдешь, грибъ съѣшь» *(1846)*

Стр. 326. «занять хотѣлъ денегъ рубль, а что теперь не займетъ, чтобъ не хвалился» *(1865)* / «занять хотѣлъ денегъ рубль, а что теперь не займетъ, нарочно не займетъ, чтобъ не хвалился» *(1846)*

Стр. 326. «и не посмотритъ на буйнаго человѣка Зиновія Прокофьевича» *(1865)* / «и не посмотритъ на буйнаго человѣка Зиновія Прокофьича» *(1846)*

Стр. 327. «что лишены они всякой свѣтскости и хорошихъ, пріятныхъ манеръ» *(1865)* / «что лишены они всякой свѣтскости и хорошихъ, пріятныхъ манеровъ» *(1846)*

Стр. 328. «дошло наконецъ своимъ путемъ въ канцелярію» *(1865)* / «дошло наконецъ своимъ путемъ въ Канцелярію» *(1846)*

Стр. 328. «и немедленно ставилъ на нужной бумагѣ или жида» *(1865)* / «и немедленно ставилъ на нужной бумагѣ или Жида» *(1846)*

Стр. 328. «пронесся по всей канцеляріи слухъ» *(1865)* / «пронесся по всей Канцеляріи слухъ» *(1846)*

Стр. 329. «ни въ канцеляріи на время его не нашлось...» *(1865)* / «ни въ Канцеляріи на время его не нашлось...» *(1846)*

Стр. 330. «что помѣстили его, по ходатайству, въ одну канцелярію» *(1865)* / «что помѣстили его, по ходатайству, въ одну Канцелярію» *(1846)*

Стр. 330. «за тѣмъ что уничтожилась сама канцелярія» *(1865)* / «за тѣмъ что уничтожилась сама Канцелярія» *(1846)*

Стр. 330. «а чтобъ не взыскали добрые люди на его горемычной долѣ и простотѣ» *(1865)* / «а чтобъ не взъискали добрые люди на его горемычной долѣ и простотѣ» *(1846)*

Стр. 333. «вклеить въ разговоръ какой-то проэктъ о золовкахъ» *(1865)* / «вклеить въ разговоръ какой-то проектъ о золовкахъ» *(1846)*

Стр. 333. «онъ получаетъ цѣлковики въ своей канцеляріи» *(1865)* / «онъ получаетъ цѣлковики въ своей Канцеляріи» *(1846)*

Стр. 333. «который помѣщался въ канцеляріи за цѣлыя три комнаты» *(1865)* / «который помѣщался въ Канцеляріи за цѣлыя три комнаты» *(1846)*

Стр. 335. «фигура того старика съ геморoидальнымъ лицомъ» *(1865)* / «фигура того старика съ геморроидальнымъ лицомъ» *(1846)*

Стр. 337. «ибо если Семенъ Ивановичъ спать не желаетъ, такъ чтобы другимъ не мѣшалъ» *(1865)* / «ибо если Семенъ Ивановичъ спать не желаетъ, такъ чтобъ другимъ не мѣшалъ» *(1846)*

Стр. 337. «молчи! празднословный ты человѣкъ, сквернословъ» *(1865)* / «молчи! празднословый ты человѣкъ, сквернословъ» *(1846)*

Стр. 339. «Семенъ Ивановичъ, услышавъ все это и увидавъ передъ собою такое лицо» *(1865)* / «Семенъ Ивановичъ, услышавъ все это и увидѣвъ передъ собою такое лицо» *(1846)*

Стр. 340. «ибо рѣчь началась вдругъ о такомъ дивномъ и странномъ предметѣ» / «ибо рѣчь начиналась вдругъ о такомъ дивномъ и странномъ предметѣ» *(1846)*

Стр. 340. «Каблукъ, пусть каблукъ, кричалъ Маркъ Ивановичъ не вслушавшись: — каблуковый я человѣкъ» *(1865)* / «Коблукъ, пусть

коблукъ, кричалъ Маркъ Ивановичъ не вслушавшись: — коблуковый я человѣкъ» *(1846)*

Стр. 341. «Да она, канцелярія... кан–це–ля–рія!!!» *(1865)* / «Да она, Канцелярія... Кан–це–ля–рія!!!» *(1846)*

Стр. 341. «да вѣдь она нужна, канцелярія–то...» *(1865)* / «да вѣдь она нужна, Канцелярія–то...» *(1846)*

Стр. 345. «а другой, именно Зимовейкинъ, закричалъ: «не трошь, неповиненъ» *(1865)* / «а другой, именно Зимовейкинъ, закричалъ: «Не трошь, неповиненъ» *(1846)*

Стр. 346. «схватилъ шапку и подъ шумокъ ускользнулъ изъ квартиры» *(1865)* / «схватилъ шапку и подъ шумокъ скользнулъ изъ квартиры» *(1846)*

Стр. 347. «хозяйскій кухонный ножъ, которымъ взрѣзанъ былъ тюфякъ» *(1865)* / «хозяйскій кухонный ножъ, которымъ былъ взрѣзанъ тюфякъ» *(1846)*

Стр. 348. «неоднократно встряхнувъ тюфячій чахолъ, нашли» *(1865)* / «неоднократно встряхнувъ тюфячій чехолъ, нашли» *(1846)*

Стр. 348. «можно было даже совсѣмъ обмануться и смекнуть прямо на милліонъ» *(1865)* / «можно было даже совсѣмъ обмануться и смекнуть прямо на мильйонъ» *(1846)*

Стр. 348. «Но милліона не было» *(1865)* / «Но мильйона не было» *(1846)*

Примечания

Примечания составлены текстологической группой, комментарии *В. С. Бирон* («Евгения Гранде»), *В. Н. Захарова* («Бедные люди», «Двойник», «Господин Прохарчин», «Зубоскал», «Роман в девяти письмах», «Вступление», «Как опасно предаваться честолюбивым снам», «Ползунков», «Евгения Гранде»), *Т. Г. Мальчуковой* («Бедные люди», «Двойник», «Ползунков», «Евгения Гранде»)

Дебют гения

Литературный дебют Достоевского незауряден. Никому не известный писатель был вознесен на такую высоту, на которую не ставили в начале творческого пути ни Пушкина, ни Гоголя, ни Лермонтова. Дебют в подробностях описан теми, кто был причастен к этому событию. Все как бы отдавали отчет в том, что в русской литературе случилось нечто доселе небывалое. Белинский, Некрасов и Панаев сделали из этого факта сенсацию. Каждый откликнулся на происшедшее в своем жанре: Белинский написал статьи, в которых он раскрыл историко-литературное значение этого события; Панаев рассчитался со своими неуемными восторгами в поздних фельетонах; Тургенев — в эпиграммах и сплетнях; пережив неумеренное увлечение «новым Гоголем», Некрасов сначала позлословил за компанию с Тургеневым и Панаевым, а затем попытался написать на этот сюжет поучительную прозаическую повесть «Как я велик!», но ничего серьезного из этого не получилось — дальше черновиков дело не пошло. Достоевский не раз вспоминал пережитое и оставил обстоятельные воспоминания. Вторя Достоевскому, их на свой лад изложил и отчасти переврал Григорович.

Разноречие в свидетельствах знаменательно, но было бы неверно искать в них истину — важно и существенно то, как помнил и вспоминал свой дебют сам Достоевский. В январе 1877 года он писал: «Тогда (это тридцать лет тому!) произошло что-то такое молодое, свежее, хорошее, — из того, что остается навсегда в сердце участвовавших. Нам тогда было по двадцати с немногим лет. Я жил в Петербурге, уже год как вышел в отставку из инженеров, сам не зная зачем, с самыми неясными и неопределенными целями. Был май месяц сорок пятого года. В начале зимы я начал вдруг "Бедных людей". мою первую повесть, до тех пор ничего еще не писавши. Кончив повесть, я не знал, как с ней быть и кому отдать» (*Д.*, XXV, 28). Достоевский передал рукопись Некрасову через посредничество своего приятеля и товарища по Инженерному училищу Григоровича — и поскорей ушел в смятенном состоянии. Вернулся домой уже в четыре часа утра, «в белую, светлую как днем петербургскую ночь»: «Стояло прекрасное теплое время, и, войдя к себе в квартиру, я спать не лег, отворил окно и сел у окна. Вдруг звонок, чрезвычайно меня удивив-

ший, и вот Григорович и Некрасов бросаются обнимать меня, в совершенном восторге, и оба чуть сами не плачут. Они накануне вечером воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать, на пробу: «"С десяти страниц видно будет." Но, прочтя десять страниц, решили прочесть еще десять, а затем, не отрываясь, просидели уже всю ночь до утра, читая вслух и чередуясь, когда один уставал. "Читает он про смерть студента, — передавал мне потом уже наедине Григорович, — и вдруг я вижу, в том месте, где отец за гробом бежит, у Некрасова голос прерывается, раз и другой, и вдруг не выдержал, стукнул ладонью по рукописи: "Ах, чтоб его!" Это про вас-то, и этак мы всю ночь". Когда они кончили (семь печатных листов!), то в один голос решили идти ко мне немедленно: "Что ж такое что спит, мы разбудим его, *это* выше сна!"» (*Д.*, XXV, 29).

И это было началом триумфа. В тот же день Некрасов передал рукопись Белинскому. «"Новый Гоголь явился!" — закричал Некрасов, входя к нему с "Бедными людьми". — "У вас Гоголи-то как грибы растут", — строго заметил ему Белинский, но рукопись взял. Когда Некрасов опять зашел к нему, вечером, то Белинский встретил его "просто в волнении": "Приведите, приведите его скорее!"» (*Д.*, XXV, 30.) Оробевшего Достоевского привели, и дебютант услышал о себе из уст Белинского такие похвалы, о которых страшно было подумать, не то что вымолвить: «Вы до самой сути дела дотронулись, самое главное разом указали. Мы, публицисты и критики, только рассуждаем, мы словами стараемся разъяснить это, а вы, художник, одною чертой, разом в образе выставляете самую суть, чтоб ощупать можно было рукой, чтоб самому нерассуждающему читателю стало вдруг все понятно! Вот тайна художественности, вот правда в искусстве! Вот служение художника истине! Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будете великим писателем!..» (*Д.*, XXV, 30–31.) Сказанное запомнилось на всю жизнь.

Достоевский был готов поверить, что все в восторге и все любят его. В упоении славы он даже признавал: «Ну, брат, никогда, я думаю, слава моя не дойдет до такой апогеи, как теперь. Всюду почтение неимоверное, любопытство насчет меня страшное». И наконец — верх самомнения: «Белинский любит меня как нельзя более. На днях воротился из Парижа поэт Тургенев (ты, верно, слыхал) и с первого раза привязался ко мне такою привязанностию, такою дружбой, что Белинский объясняет ее тем, что Тургенев влюбился в меня. Но, брат, что это за человек? Я тоже едва ль не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богач, умен, образован, 25 лет, — я не знаю, в чем природа отказала ему?» (*Д.*, XXVIII. Кн. I, 115.) Эти слова в полной мере выдают наивность и светскую неопытность дебютанта.

Его объявили гением, но вскоре после этого письма, еще до публикации «Бедных людей», начались гонения, которые К. Чуковский в

свое время метко назвал «травлей Достоевского»[1]. Первым знак нового отношения к Достоевскому подал Тургенев, который сначала приблизил, но вскоре оттолкнул простодушного новичка и стал вышучивать. Об этом красноречиво вспоминала А. Панаева: «И пошли перемывать ему косточки, раздражать его самолюбие уколами в разговорах; особенно на это был мастер Тургенев — он нарочно втягивал в спор Достоевского и доводил его до высшей степени раздражения. Тот лез на стену и защищал с азартом иногда нелепые взгляды на вещи, которые сболтнул в горячности, а Тургенев их подхватывал и потешался». Изменилось и отношение к нему Белинского, «который иногда, слыша разгорячившегося Достоевского в споре с Тургеневым, потихоньку говорил Некрасову, игравшему с ним в карты: "Что это с Достоевским! говорит какую-то бессмыслицу, да еще с таким азартом". Когда Тургенев, по уходе Достоевского, рассказывал Белинскому о резких и неправильных суждениях Достоевского о каком-нибудь русском писателе, то Белинский ему замечал: "Ну, да вы хороши, сцепились с больным человеком, подзадориваете его, точно не видите, что он в раздражении, сам не понимает, что говорит"» (*А. Я. П.*, 143).

За насмешками последовали эпиграммы: одна из них — благодарственные стихи Макара Девушкина Достоевскому — сохранилась в прозаическом пересказе Панаевой, другая — «Послание Белинского Достоевскому» — хорошо известна читателям биографических книг о русском гении[2].

Достоевский не был светским человеком: на шутки обижался, а не отшучивался, спорил всерьез. Особенно несветскими были споры о Христе и Гоголе. Атеизм Белинского поразил Достоевского своей глупостью и легкомыслием. В суждениях о Гоголе Достоевский был оригинален и парадоксален. Отдавая дань уважения и увлечения Гоголем, он в отличие от своих литературных соратников считал, что нужно идти не от Гоголя, а от Пушкина, что именно Пушкин должен стать знаменем новой русской литературы. К противоречиям во мнениях прибавились личные «недоразумения».

Разрыв был неизбежен.

Итог этой «травле» подвел через два года Белинский, заметив в письме П. В. Анненкову: «Надулись же мы, друг мой, мы с Достоевским-гением» (*Б.*, IX, 713).

И все-таки в триумфе Достоевского было нечто, что делало его дебют выдающимся явлением.

Гений не есть призвание — это судьба. И здесь следует довериться самому писателю — как он сам сознавал себя.

---

[1] Бюллетени литературы и жизни. 1917. № 9–10. С. 1–9.

[2] *Захаров В. Н.* По поводу одного мифа о Достоевском // Север. 1985. № 11. С. 113–120.

«Я происходил из семейства русского и благочестивого, — вспоминал Достоевский в 1873 году. — С тех пор как себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства. Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец. Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным. У других, может быть, не было такого рода воспоминаний, как у меня» (*Д.*, XXI, 134).

Как и у Пушкина, у Достоевского была своя Арина Родионовна, только звали ее Алена Фроловна. Обсуждая в «Дневнике писателя» за 1876 год вопрос «на каком языке говорить отцу отечества?», Достоевский замечал: «...великий Пушкин, по собственному своему признанию, тоже принужден был перевоспитать себя и обучался и языку, и духу народному, между прочим, у няни своей Арины Родионовны», — и советовал "перенимать" живой русский язык от "русских нянек, по примеру Арины Родионовны"» (*Д.*, XXIII, 81). Отзываясь о своей няне, Достоевский писал: «...характера ясного, веселого, и всегда нам рассказывала такие славные сказки». Ее образ запечатлен в семейных преданиях — о ней Достоевский с «благодарным чувством» рассказывал жене и детям. Атмосферу сказочных вечеров воссоздал в своих воспоминаниях А. М. Достоевский, который описывал, как кормилицы рассказывали сказки: «Это удовольствие продолжается часа по три, по четыре, рассказы передавались почти шепотом, чтобы не мешать родителям. Тишина такая, что слышен скрип отцовского пера. И каких только сказок мы не слышивали, и названий теперь всех не припомню; тут были и про "Жар-птицу", и про "Алешу Поповича", и про "Синюю Бороду", и многие другие. Помню только, что некоторые сказки казались для нас очень страшными. К рассказчицам этим мы относились и критически, замечая, например, что Варина кормилица хотя и больше знает сказок, но рассказывает их хуже, чем Андрюшина, или что-то в этом роде» (*А. М. Д.*, 51).

Достоевский с теплым чувством вспоминал родителей: «идея непременного и высшего стремления в *лучшие люди* (в буквальном, самом *высшем* смысле слова) была основною идеей и отца и матери наших, несмотря на все их уклонения» (*Д.*, XXIX. Кн. II, 76).

О семье Достоевских до сих пор рассказывают немало небылиц. Их источники самые разные, в том числе и слухи среди некоторых потомков Достоевских, но все это не более чем догадки и предположения вокруг неясных фактов. Не вдаваясь в дискуссию, отмечу, что даже если бы все слухи удалось подтвердить, то и тогда они не отменили бы признательных сыновних слов благодарности Михаила, Федора и Андрея своим родителям.

Во время домашних чтений дети Достоевских приобщались к мировой литературе. Была в семье «святыня», «драгоценная память» —

книга, по которой Федор и другие дети учились читать, — это «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета». Знаменательны слова Михаила, написанные в мае 1838 года: «Папинька! Как мне благодарить Вас за то воспитание, которое Вы мне дали! Как сладко, как отрадно задуматься над Шекспиром, Шиллером, Гете! чем оцениются эти мгновения!»[3] По поздним воспоминаниям А. М. Достоевского, круг семейного чтения включал и русскую литературу: стихи и прозу Державина, Карамзина, Жуковского, Пушкина. В середине тридцатых годов Достоевские выписывали журнал «Библиотека для Чтения», в котором печатались произведения современной литературы — ее будущие шедевры. Сам Федор Михайлович считал, что в детстве необходимы «впечатления *прекрасного*» (*Д.*, XXX. Кн. I, 212; ср. 16–18). Определяя программу детского чтения, Достоевский писал: «Скажу лишь вообще: берите и давайте лишь то, что производит *прекрасные впечатления и родит высокие мысли*». Заключая свои советы, писатель указывал: «Над всем, конечно, Евангелие, Новый Завет в переводе. Если же может читать и в оригинале (то есть на церковнославянском), то всего бы лучше. Евангелие и Деяния Апостольские — *sine qua non*» (*Д.*, XXX. Кн. I, 237–238)[4]. За этими советами стоит духовный опыт самого писателя, который метко назван одним из знатоков Достоевского «гениальным читателем»[5].

Братья, и в первую очередь погодки Михаил и Федор, получили прекрасное домашнее воспитание и образование. О вспыльчивом характере Михаила Андреевича Достоевского много написано, но в его семье не допускались телесные наказания детей. Из-за желания родителей уберечь их от подобных наказаний в обычных учебных заведениях Михаил, Федор и Андрей учились не в гимназии, а в частных пансионах Сушара и Чермака, — в последнем было прекрасно поставлено преподавание русской литературы. По отзыву Д. Григоровича, ему «не раз случалось встречаться с лицами, вышедшими из пансиона Чермака, где получил образование Достоевский; все отличались замечательною литературною подготовкой и начитанностью» (*Гр.*, 47).

По романам Достоевского можно изучать мировую литературу. Он сам откликался и наделял своих героев даром глубокого и проницательного критического суждения. Почти все достойное памяти человечества нашло свое место на страницах его произведений — и это главным образом плоды его юношеских читательских пристрастий. Вот характерное признание в одном из ранних писем брату: «Ты, может быть, хочешь знать, чем я занимаюсь, когда не пишу, — читаю. Я страшно читаю, и чтение странно действует на меня. Что-нибудь, давно

---

[3] Памятники культуры. Новые открытия. 1980. М., 1981. С. 78.

[4] Sine qua non (*лат.*) — непременное условие.

[5] *Бем А. Л.* Достоевский — гениальный писатель // О Достоевском. Прага, 1933. С. 7–24.

перечитанное, прочитаю вновь и как будто напрягусь новыми силами, вникаю во все, отчетливо понимаю, и сам извлекаю умение создавать» (*Д.*, XXVIII. Кн. I, 108).

Любовь родителей, знание Евангелия, чтения из русской и мировой истории и литературы, торжественные посещения святынь Кремля и России, прекрасное образование — уже этого много, но мало для юного дарования. Мощным фактором становления личности Достоевского стала дружба. И в первую очередь дружба со старшим братом Михаилом, с которым они вместе воспитывались, учились, читали и обсуждали одни и те же книги, мечтали и сочиняли: один — стихи, другой — прозу. Эта дружба, в которой братья были конгениальны, многое значила в духовном развитии Достоевского.

Есть несправедливость в том, что Михаил Михайлович Достоевский оказался в тени славы своего великого брата. Сегодня он — забытый писатель. Последнее издание его произведений — двухтомник 1914 года. От оригинального поэтического наследия М. Достоевского мало что осталось, а если и уцелело, то случайно. В лучшем случае о нем вспоминают как о переводчике Шиллера, Гете, Гюго или авторе повестей, созданных в традициях «натуральной школы», явно подражательных по отношению к прозе младшего брата. В прозе старший брат явно следовал за младшим, был в кругу его творческих идей. Между тем Ф. Достоевский не только любил старшего брата, но и высоко ценил его литературное творчество, особенно стихи. Судя по переводам, Михаил обладал незаурядным литературным дарованием, и не случайно его поэтические образы постоянно оживали в памяти брата-романиста — от «Бедных людей» до «Братьев Карамазовых». В отличие от своего старшего брата Федор не был поэтом в стихах. Когда он писал стихи, из них почти исчезала поэзия — оставались рифмованные мысли. Он был поэтом в прозе.

Их дружба как нельзя лучше дополняла и развивала творческие способности братьев. И не случайно в результате такого семейного воспитания в русской литературе появились два писателя: один — талант, другой — гений. Несомненна литературная одаренность и Андрея Михайловича Достоевского — об этом свидетельствуют его «Воспоминания».

Братья жили поэзией.

Желая обеспечить будущее своих старших сыновей, Михаил Андреевич решает отдать их на учебу в Инженерное училище, одно из лучших высших учебных заведений России, что было связано с переездом из Москвы в Петербург.

Накануне путешествия в Петербург братья предприняли традиционную в их семье поездку в Сергиев Посад, в Троицкую лавру, «для поклонения святыне перед отъездом из отчего дома». Позже брат Андрей «часто слышал от тетеньки, что оба брата во время путешествия услаждали тетеньку постоянною декламациею стихотворений, которых

они массу знали наизусть». Последствием этого поэтического и религиозного паломничества стало то, что у Федора без всяких видимых причин надолго пропал голос, изменившийся после болезни (*А. М. Д.*, 79–80).

А чем занимались братья во время утомительного переезда из Москвы в Петербург? Федор Достоевский так вспоминал это путешествие в «Дневнике писателя» за 1876 год: «Был май месяц, было жарко. Мы ехали на долгих, почти шагом, и стояли на станциях часа по два и по три. Помню, как надоело нам, под конец, это путешествие, продолжавшееся почти неделю. Мы с братом стремились тогда в новую жизнь, мечтали об чем-то ужасно, обо всем "прекрасном и высоком", — тогда это словечко было еще свежо и выговаривалось без иронии и сколько тогда было и ходило таких прекрасных словечек! Мы верили чему-то страстно, и хоть мы оба отлично знали все, что требовалось к экзамену из математики, но мечтали мы только о поэзии и о поэтах. Брат писал стихи, каждый день стихотворения по три, и даже дорогой, а я беспрерывно в уме сочинял роман из венецианской жизни. Тогда, всего два месяца перед тем, скончался Пушкин, и мы, дорогой, сговаривались с братом, приехав в Петербург, тотчас же сходить на место поединка и пробраться в бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидеть ту комнату, в которой он испустил дух» (*Д.*, XXII, 27–28).

В Петербурге братья были разлучены: в Инженерное училище поступил только Федор. Михаилу в поступлении было отказано по состоянию здоровья: он был отправлен кондуктором в Ревельскую инженерную команду.

Разлука братьев, в свою очередь, стала литературным фактом. В письмах брату Михаилу многое предвещает будущего автора гениальных романов. Прочтите эти письма юного романтика — их он без ложной скромности как-то назвал «chef-d'oeuvre *летристики*» (*Д.*, XXVIII. Кн. I, 101).

В Инженерном училище Достоевский посвящает свои досуги чтению и творчеству. Будущий романист начинал как драматург. 16 февраля 1841 года в Петербурге состоялось первое чтение Достоевским отрывков двух своих драматических сочинений — трагедий «Мария Стюарт» и «Борис Годунов». О них сохранились лишь отзывы тех, кто читал и слышал эти драмы в то время: братьев Михаила и Андрея, их общего знакомого А. Е. Ризенкампфа. В связи с этими драматическими опытами брат Михаил писал о Федоре опекуну П. А. Карепину 25 сентября 1844 года: «Я ему много пророчу в будущем. Это человек с сильным, самостоятельным талантом, с глубокой эрудицией. Прочитав почти всех классиков Европы, я, по крайней мере, могу составить себе мнение об хорошем и дурном. Я читал, с восхищением читал его драмы. Нынешней зимою они явятся на петербургской сцене. (К сожалению, не явились. — *В. З.*) Развивающийся

талант должен учиться, и потому Петербурга ему нельзя и не должно оставлять; в нем одном в России он только и может образоваться. Ему предстоит теперь трудное дело — проложить себе дорогу, завоевать имя. Он пожертвовал всем своему таланту, и талант — я знаю, я уверен — его не обманет. Дай Бог, чтоб он только не пал, чтоб он только вынес первые удары, а там... кто может знать, что будет впереди?» (*ЛН*, 365).

Судьба не сохранила первые литературные опыты Достоевского, но примечательны их сюжеты, обнаруживающие меру поэтических притязаний юного автора. Соперниками на поэтическом поприще Достоевский выбирает двух кумиров — Шиллера и Пушкина. И можно не сомневаться — он не подражал. Об этом определенно писал А. Е. Ризенкампф: «На немецком театре тогда выдавались двое: г. Кунст и г–жа Лилла Леве. Впечатление, произведенное последней актрисою на Федора Михайловича в роли Марии Стюарт, было до той степени сильно, что он решился разработать этот сюжет для русской сцены, но не в виде перевода или подражания Шиллеру, но самостоятельно и согласно с данными истории. В 1841 и 1842 годах это была одной из главных его задач, и то и дело он нам читал отрывки из своей трагедии "Мария Стюарт"» (*ЛН*, 329). Живший зиму 1841–1842 гг. у Федора брат Андрей вспоминал: «Еще в 1842 г., то есть гораздо ранее "Бедных людей", брат мой написал драму "Борис Годунов". Автограф лежал часто у него на столе, и я — грешный человек — тайком от брата нередко зачитывался с юношеским восторгом этим произведением»[6]. Позже к двум написанным в училище драмам прибавилась еще одна — «Жид Янкель», но, поняв театр, Достоевский расстался с надеждами на постановку своих драм на петербургской или другой русской сцене. Откликаясь на слова брата Михаила о том, что его спасение — драма, Достоевский писал 30 сентября 1844 года: «Да ведь постановка требует времени. Плата также. А у меня на носу отставка (впрочем, милый мой, если бы я еще не подавал отставки, то подал бы сейчас. Я не каюсь.)» (*Д.*, XXVIII. Кн. I, 100). Через полгода реакция на сходный совет брата стала еще более скептической: «Писать драмы — ну, брат. На это нужны годы трудов и спокойствия, по крайней мере для меня. Писать ныне хорошо. Драма теперь ударилась в мелодраму. Шекспир бледнеет в сумраке и сквозь туман слепандасов–драматургов кажется богом, как явление духа на Брокене или Гарце. Впрочем, летом, я, может быть, буду писать. 2, 3 года, и посмотрим, а теперь подождем!» (*Д.*, XXVIII. Кн. I, 108.)

Окончив в августе 1843 года полный курс обучения, он начал инженерную службу без желания делать военную карьеру — его влекла литература. Для творчества нужны были деньги. Жалованья не

[6] *Достоевский А.* О Ф. М. Достоевском. Письмо к издателю // Новое время. 1881. № 1778. 8 февраля.

хватало. Желая выбраться из нужды, Достоевский возлагает надежды на ремесло. Ему казалось, что можно жить переводами. В письмах брату он уже подсчитывал барыши.

В рождественские праздники 1843 года он перевел роман Бальзака «Евгения Гранде», который был опубликован летом 1844 года в журнале «Репертуар и Пантеон» (№ 6 и 7). Это, пожалуй, единственный перевод Достоевского, удостоенный публикации. Известно, что в это время он переводил романы Эжена Сю «Матильда» и Жорж Санд «Последняя Альдини», но роман Сю не нашел издателя, а с переводом Жорж Санд его ждала новая неудача: почти закончив перевод, он, к своему огорчению, обнаружил, что ее роман переведен и издан в 1837 году. Переводы не принесли Достоевскому ни денег, ни славы, ни известности в литературных кругах. Один за другим лопнули все издательские проекты Достоевского. Не в них он обрел успех. То, что дано барышнику, недоступно гению. Как будто сама судьба оберегала гений Достоевского — берегла его для призвания романиста.

В истории мирового искусства Достоевский относил себя к христианской традиции. Об этом он не раз заявлял сам в течение всей жизни. Примечательно, что в юности он включил в ряд христианских поэтов и Бальзака.

Все, кто каким-либо образом отзывался о переводе или изучал его, отмечают исключительно большое значение, которое эта работа имела в писательском и духовном становлении Достоевского. Давно определена природа этого перевода — «сотворчество»[7].

Вдохновляясь романом любимого писателя и верно передавая его дух и зачастую букву оригинала, Достоевский не только дал читателю русский перевод Бальзака, но и оживил его поэзией и духом русского языка. Он не удерживался от искушения *улучшить* оригинал. Его слово живет, играет значениями.

Его французы беседуют: «Золотое время! говоритъ сосѣдъ сосѣду въ старой сомюрской улицѣ: ни облачка!» — «Червонцами задождитъ, отвѣчаетъ сосѣдъ, разсчитывая барышъ по лучу солнечному» (*Θ. Д.*, I, 417).

Гранде упрекает дочь: «Да ты-бы должна была всѣ глазки выцѣловать своему папашѣ, за то, что онъ такъ хорошо знаетъ, да и тебѣ открываетъ всѣ штучки, продѣлки, секреты этихъ злодѣевъ, червончиковъ. А вѣдь и въ-правду, денежки тоже живутъ, да еще не хуже нашего брата; тоже возятся, катаются, ходятъ, потѣютъ, работаютъ!» (*Θ. Д.*, I, 536.)

В этом переводе узнается стиль будущего Достоевского, сквозь «чужой» текст проступают его интонации: скряга Гранде называет свою

[7] *Гроссман Л. П.* Бальзак в переводе Достоевского // *Бальзак О.* Евгения Гранде / Пер. Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935. С. LIX.

дочь Евгению *«жизненочек»*, и это добавление переводчика — так в письмах его отец обращался к своей жене, его матери; переводчик меняет саркастическое прозвище папаши Гранде «добряк» на «чудак» (за этим переименованием стоит иное отношение к герою и уже видна та «философия имени», которая позже отзовется в предисловии От автора в «Братьях Карамазовых», это слово будет отнесено к Алеше Карамазову). Но главное — Достоевский вводит новые акценты в трактовку характеров своих героев, особенно Евгении Гранде, госпожи Гранде и Нанеты. Он освящает их образы своим благоговением перед их христианскими добродетелями. В этом заключается стилистическая роль уменьшительно-ласкательных суффиксов и церковнославянской лексики, которой охотно пользовался переводчик с французского языка, писавший с сознательным русским акцентом.

Достоевский усилил христианский пафос оригинала: он снял резкие суждения Бальзака по поводу христианства. Так, «вполне христианская» и «можно сказать величественная», по словам Бальзака, смерть госпожи Гранде становится у Достоевского «христианской», «славной и торжественной»: «Ея существованіе походило на трепетаніе осенняго, желтаго листка, хрупкаго, изсохшаго, едва держащагося на деревѣ. И какъ солнце, пробиваясь лучами сквозь рѣдкіе осенніе листы, осыпаетъ ихъ златомъ и пурпуромъ, такъ и лучи небеснаго блаженства и духовнаго спокойствія озаряли лицо умирающей страдалицы. Такая смерть была достойна увѣнчать праведную жизнь ея. Это была смерть христіанская, кончина славная и торжественная!» (*Ѳ. Д.*, I, 554.)

В финале романа Евгения Гранде предстает идеальной христианкой, которая избрала путь самоотверженного служения людям и церкви. «Тип женщины» у Бальзака стал в переводе Достоевского «образцомъ страдальческаго самоотверженія, кротко противуставшаго людямъ и поглощеннаго ихъ бурною, нечистою массой» (*Ѳ. Д.*, I, 577).

Как позже Иван Карамазов, Достоевский любил сочинять в уме — и не записывал. Он был поэтом и мечтателем. Об этом удивительном состоянии он рассказывал в фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» (1861): «Прежде в юношеской фантазии моей я любил воображать себя иногда то Периклом, то Марием, то христианином из времен Нерона, то рыцарем на турнире, то Эдуардом Гляденингом из романа «Монастырь» Вальтер Скотта, и проч., и проч. И чего я не перемечтал в моем юношестве, чего не пережил всем сердцем, всей душою моей в золотых и воспаленных грезах, точно от опиума. Не было минут в моей жизни полнее, святее и чище. Я до того замечтался, что проглядел всю мою молодость, и когда судьба вдруг толкнула меня в чиновники, я... я... служил примерно, но только что кончу, бывало, служебные часы, бегу к себе на чердак, надеваю свой дырявый халат, развертываю Шиллера и мечтаю, и упиваюсь, и страдаю такими болями, которые слаще всех наслаждений в мире, и

люблю, и люблю... и в Швейцарию хочу бежать, и в Италию, и воображаю перед собой Елизавету, Луизу, Амалию. А настоящую Амалию я тоже проглядел; она жила со мной, под боком, тут же за ширмами» (*Д.*, XIX, 70). Он был романтиком, и для него мир грез был реальнее действительности. Рассказав историю своей несостоявшейся любви, автор фельетона признается, что догадался о ней лишь в момент расставания: «Помню, как я прощался с Амалией: я поцеловал ее хорошенькую ручку, первый раз в жизни; она поцеловала меня в лоб и как-то странно усмехнулась, так странно, так странно, что эта улыбка всю жизнь царапала мне потом сердце. И я опять как будто немного прозрел... О, зачем она так засмеялась, — я бы ничего не заметил! Зачем все это так мучительно напечатлелось в моих воспоминаниях! Теперь я с мучением вспоминаю про все это, несмотря на то, что женись я на Амалии, я бы, верно, был несчастлив! Куда бы делся тогда Шиллер, свобода, ячменный кофе, и сладкие слезы, и грезы, и путешествие мое на луну... Ведь я потом ездил на луну, господа» (*Д.*, XIX, 70–71).

Вскоре, правда, мечтателю «стали сниться какие-то другие сны»: «Прежде в углах, в Амальины времена, жил я чуть не полгода с чиновником, ее женихом, носившем шинель с воротником из кошки, которую можно было принять за куницу, и не хотел даже и думать об этой кунице. И вдруг, оставшись один, я об этом задумался. И стал я разглядывать и вдруг увидел какие-то странные лица. Все это были странные, чудные фигуры, вполне прозаические, вовсе не Дон Карлосы и Позы, а вполне титулярные советники. Кто-то гримасничал передо мною, спрятавшись за всю эту фантастическую толпу, и передергивал какие-то нитки, пружинки, и куколки эти двигались, а он хохотал и все хохотал! И замерещилась мне тогда другая история, в каких-то темных углах, какое-то титулярное сердце, честное и чистое, нравственное и преданное начальству, а вместе с ним какая-то девочка, оскорбленная и грустная, и глубоко разорвала мне сердце вся их история. И если б собрать всю ту толпу, которая тогда мне приснилась, то вышел бы славный маскарад...» (*Д.*, XIX, 71). Достоевский увидел то, что ему было известно из русской литературы, из Пушкина и Гоголя, но не было узнано им в жизни. Просмотрев в своей соседке Амалию, он увидел то, что не замечал в жизни раньше, — гоголевские типы и сюжеты. Живший в воображаемом поэтическом мире, мечтатель открыл для себя реальный мир, и этим прозрением стал первый роман.

В том же цитировавшемся письме от 30 сентября 1844 года Достоевский уведомил брата: «У меня есть надежда. Я кончаю роман в объеме "Eugénie Grandet". Роман довольно оригинальный. Я его уже переписываю, к 14-му я наверно уже и ответ получу на него. Отдам в "Отечественные записки". (Я моей работой доволен.) Получу, может быть, руб. 400, вот и все надежды мои. Я бы тебе более распространился о моем романе, да некогда (драму поставлю непременно. Я

этим жить буду.)» (*Д.*, XXVIII. Кн. I, 100). Жить театральными постановками Достоевский не смог, но роман, о котором он объявил, был не только причиной решения выйти в отставку, но и составил его будущую литературную славу. Речь могла идти только об одном романе — романе «Бедные люди», который не был закончен и к 14 октября, к сроку выхода в отставку.

Свою работу Достоевский таил не только от жившего в Ревеле брата, но и от соседа по квартире Д. В. Григоровича, который позже вспоминал: «Достоевский между тем просиживал целые дни и часть ночи за письменным столом. Он ни слова не говорил о том, что пишет; на мои вопросы он отвечал неохотно и лаконически; зная его замкнутость, я перестал спрашивать. Я мог только видеть множество листов, исписанных тем почерком, который отличал Достоевского: буквы сыпались у него из-под пера, точно бисер, точно нарисованные» (*Гр.*, 88).

Ни над одним другим произведением Достоевский не работал так, как над своим первым романом. В письмах 1844–1845 гг. он постоянно жалуется, что никак не мог завершить роман: первый раз кончил «его совершенно чуть ли еще не в ноябре месяце, но в декабре вздумал его весь переделать; переделал и переписал, но в феврале начал опять снова обчищать, обглаживать, вставлять и выпускать. Около половины марта я был готов и доволен» (*Д.*, XXVIII. Кн. I, 106). Но и на этой редакции правка не закончилась — через шесть недель, 4 мая 1845 года, новые жалобы брату: «Этот мой роман, от которого я никак не могу отвязаться, задал мне такой работы, что если бы знал, так не начинал бы совсем. Я вздумал его еще раз переправлять, и ей-Богу к лучшему; он чуть ли не вдвое выиграл. Но уж теперь он кончен, и эта переправка была последняя. Я слово дал до него не дотрогиваться. Участь первых произведений всегда такова, их переправляешь до бесконечности» (*Д.*, XXVIII. Кн. I, 108). В таком виде он отдал роман Григоровичу для передачи Некрасову.

Достоевский прекрасно сознавал, что он сочинил: «Моим романом я серьезно доволен. Это вещь строгая и стройная. Есть, впрочем, ужасные недостатки. Печатанье вознаградит меня» (*Д.*, XXVIII. Кн. I, 107). Работа над романом принесла ему «упоение», как записала это слово его жена А. Г. Достоевская. Память об этих счастливых минутах творчества запечатлена в романе «Униженные и оскорбленные». Иван Петрович, alter ego автора, признается: «Если я был счастлив, когда-нибудь, то это даже и не во время первых упоительных минут моего успеха, а тогда, когда еще я не читал и не показывал никому моей рукописи: в те долгие ночи, среди восторженных надежд и мечтаний и страстной любви к труду; когда я сжился с моей фантазией, с лицами, которых сам создал, как с родными, как будто с действительно существующими; любил их, радовался и печалился с ними, а подчас даже

и плакал самыми искренними слезами над незатейливым героем моим» (*Д.*, III, 186).

С романом изменился взгляд Достоевского на искусство. Он судит если не свысока, то с высоты величия своего замысла: «Старые школы исчезают. Новые мажут, а не пишут. Весь талант уходит в один широкий размах, в котором видна чудовищная недоделанная идея и сила мышц размаха, а дела крошечку» (*Д.*, XXVIII. Кн. I, 107).

Что же в таком случае предлагал дебютант своему читателю? Что можно было ждать от него после этих амбициозных слов? А далее были сказаны такие слова, что уже одно то, что они произнесены, свидетельствует о степени глубины осознания автором «Бедных людей» силы своего дарования: «Брат, в отношении литературы я *не тот*, что был тому назад два года. Тогда было ребячество, вздор. Два года изучения много принесли и много унесли» (*Д.*, XXVIII. Кн. I, 108).

Работая над романом, Достоевский произнес жуткие слова: «Если мое дело не удастся, я, может быть, повешусь» (*Д.*, XXVIII. Кн. I, 107). Чуть позже отдавая роман в чужие руки, Достоевский назначил страшную цену своему дебюту: «А не пристрою романа, так, может быть, и в Неву. Что же делать? Я уж думал обо всем. Я не переживу смерти моей idée fixe» (*Д.*, XXVIII. Кн. I, 110). Кто из писателей назначал такую цену своему дебюту? Для Достоевского это был вопрос жизни и смерти. Для него литература уже стала смыслом не только духовного, но и личного существования.

И Достоевский одолел судьбу. Два первых читателя, Григорович и Некрасов, пришли в восторг. Третий, Белинский, назвал роман «гениальным произведением».

«Бедные люди» стали литературной сенсацией 1845 года.

Достоевский вошел в русскую литературу с новым словом о человеке и мире.

О «Бедных людях» уже давно пишут так, что редкий читатель захочет перечитать первый роман Достоевского. На «Бедных людях» натерт такой «хрестоматийный глянец», что современный живой смысл романа просто теряется в общих словах об историко-литературном значении дебюта Достоевского, в «общих местах» о гуманизме автора по отношению к «маленькому человеку». Они верны, но не объясняют главного, что выразилось не в слове (а «Бедные люди» до сих пор не поняты), но в поведении и в эмоциях многих искушенных в литературе читателей. Это тем более примечательно, что сегодня роман мало кого потрясает так, как некогда он потрясал современников.

Определяя «новое слово» Достоевского, наиболее проницательные критики говорили о «тайне художественности», об открытии «тайн жизни» и характеров, о явлении новой правды в искусстве. В чем же они?

Обратившись к архаическому жанру эпистолярного романа, Достоевский ставил себя в заведомо невыгодное положение.

Вместо традиционных жанровых решений Достоевский предложил нечто совершенно новое и другое.

Автор выбрал героев, которые не в состоянии научить изящным чувствам и высоким мыслям. Это были бедные люди, страдальцы державного Петербурга. И заботы у них не романические, а житейские, бытовые — не как жить, а как выжить. Достоевский поведал читателю об их трагической судьбе. Это судьба Макара Девушкина и Вареньки Доброселовой, студента и старика Покровских, их семейств и семейства Горшковых, обитателей тех «углов», в которые заглянул начинающий писатель.

Уже одно это создавало неожиданный художественный эффект. Достоевский не только преобразил известный и архаичный жанр — он открыл читателю новую сферу романной действительности.

До Достоевского русские читатели уже знали «Физиологию Петербурга» и «Петербургские вершины», имели представление о жизни простого петербургского люда и мелких чиновников. Открытия Достоевского переворачивали привычные представления о литературе и о человеке.

Пожалуй, лучше и острее это свойство «Бедных людей» почувствовали те, кто не принял героев Достоевского. Например, Тургенев, который, по воспоминаниям А. Панаевой, попытался в эти дни сенсационного успеха Достоевского высмеять несоответствие славы и социальной мизерности героя романа: «Тургенев стал сочинять юмористические стихи на Девушкина, героя "Бедных людей", будто тот написал благодарственные стихи Достоевскому, что он оповестил всю Россию об его существовании, и в стихах повторялось часто "маточка"» (*А. Я. П.*, 144). Эта любопытная эпиграмма Тургенева до нас не дошла, но и то, что рассказала Панаева, достаточно красноречиво: Тургенев иронизировал над несоответствием литературной славы и культурной незначительности героя.

Это, действительно, один из парадоксов романа.

Можно быть умнее и образованнее Макара Девушкина, как, к примеру, Чацкий, Онегин, Печорин, Андрей Болконский или Пьер Безухов. Можно быть безупречнее его, как, например, идеальная пушкинская Татьяна Ларина. Тем не менее в характере и в личности Макара Девушкина есть нечто, что делает его значительнее многих героев не только русской, но и мировой литературы.

Варенька Доброселова, например, тоньше, образованнее, культурнее Макара Девушкина. В литературном творчестве они могли бы и состязаться: Макар Девушкин — в своих письмах, Варенька Доброселова — в своих воспоминаниях. Некоторым современникам Достоевского, любителям изящного стиля, литературный дар Вареньки казался предпочтительнее писаний Макара Девушкина. Достоевского даже уп-

рекали, ссылаясь на дневник героини, что он может писать иначе, чем Макар Девушкин, — изящнее, литературнее, художественнее. В определенной мере характер Вареньки Доброселовой сильнее Макара Девушкина: она без особых затруднений ставит героя в подчиненное, служебное положение.

И все же в образе Макара Девушкина есть то, что отсутствует в образе Вареньки Доброселовой. В сюжете романа героиня задана и дана в определенной духовной сущности: она неизменна и в дневнике, и в первых письмах, и в последних. В отличие от статичной героини Макар Девушкин меняется. Маленький, тихий, скромный, забитый и униженный чиновник преображается — и преображается духовно. Это постепенный процесс, в котором ключевую роль играет литература. На глазах читателя недалекий переписчик превращается в писателя, причем в настоящего писателя, для которого сочинение «дружеских писем» становится в конце концов смыслом духовного существования, который в слове сознает себя и мир, который неожиданно замечает, что у него «слог становится», который обретает творческое всесилие над сказанным и утаенным словом. Тургенев не зря язвил над возможным превращением Макара Девушкина в стихотворца, вложив в его уста свою эпиграмму: в романе он уже состоялся как прозаик, хотя и испугался своего имени на обложке поэтической книги, вообразив себя на минуту стихотворцем.

Роман являет откровение и открытие Слова, которое творит мир и человека.

Эволюция Макара Девушкина безусловна. Он начинает писать не только для того, чтобы высказаться, но и из любви к жанру. В его письмах появляются сугубо литературные сюжеты. Письма приобретают новые, уже чисто литературные функции — герой начинает писать, чтобы описывать. Завершение этого процесса — последнее письмо без даты, отправленное в никуда. Переписчик становится писателем. Герой перерождается. В этом эстетическом акте сюжет «Бедных людей» самобытен: происходит духовное перерождение человека в слове и словом.

Эта тема заявлена уже эпиграфом романа — словами В. Ф. Одоевского из рассказа «Живой мертвец». Зачем Достоевскому, вслед за Одоевским, понадобилось лукавое отрицание литературы, признающее ее духовную силу, способность словом изменить человека и жизнь? Между тем в игривом запрете литературы выражена эта до сих пор непрочитанная идея романа. Эпиграф откликается позже в оценках Макаром Девушкиным пушкинского «Станционного смотрителя» и гоголевской «Шинели»: в первом случае героя умиляет открытая писателем «подноготная» жизни, во втором — оскорбляет и приводит в негодование. Эпиграф отзовется эхом и в последнем письме Макара Девушкина.

Мы часто слышали и слышим: человек — вселенная, духовный мир человека подобен космосу. Духовный мир героя романа может

быть уподоблен расширяющейся вселенной. Он не ограничен ни в своем интеллектуальном развитии, ни в своей духовности, ни в своей человечности. Потенциал личности Макара Девушкина безграничен. И это преображение героя происходит вопреки его прошлому, его воспитанию, происхождению — одним словом, среде, вопреки социальной униженности и культурной обделенности. Макар Девушкин не только и не столько начинает чувствовать и мыслить, как лучшие из лучших, сколько понимает то, что дано и открывается только ему одному.

Поздние герои Достоевского затмили героя его первого романа. Между тем мало кто из героев Достоевского может сравниться с Макаром Девушкиным по интенсивности духовного развития. В какой-то мере эта модель развития представлена в подпольном парадоксалисте («Записки из подполья»), в Аркадии Долгоруком («Подросток»), в закладчике «Кроткой», но по сравнению с «Бедными людьми» в редуцированном виде. Наиболее полно этот тип сюжета воплощен во «Сне смешного человека» — в преображении «смешного человека» в бесстрашного пророка, возвестившего миру истину, — с той лишь, правда, существенной разницей, что в рассказе преображение героя дано как сновидческий процесс, а в романе — жизненный, бытийный. Многие поздние герои-идеологи превосходят Макара Девушкина по культурному уровню, но мало кто по энергии духовного возрождения.

Макар Девушкин был действительно открытием Достоевского, потрясающим привычные вкусы читателя. Вопреки тому, что Макар Девушкин может раздражать (как, например, нелитературная речевая манера героя раздражала первых читателей «Бедных людей»), вопреки тому, что он становился удобной и уязвимой мишенью остроумных насмешек в эпиграмматическом творчестве Тургенева, вопреки позднему разочарованию Белинского и Некрасова в Достоевском-«гении» в целом и в «Бедных людях» в частности, рядом с Макаром Девушкиным мало кого можно поставить в русской литературе по духовному потенциалу личности, по глубине и, можно сказать, по глобальности мировосприятия героя, по стремительности его духовного взлета. «Маленький человек» оказался «большим». Уникальна динамика развертывания духовного величия «маленького человека» (да и само понятие «маленький человек» меньше всего подходит любым героям Достоевского — у них нет «предела», «потолка»). В конце концов Макар Девушкин оказался достойным героем эпистолярного романа, который помимо прочего должен бы быть примером «воспитания чувств». Макар Девушкин был первым откровением великой идеи Достоевского — идеи «восстановления» человека, духовного воскрешения забитых и бедных людей, униженных и оскорбленных.

Более того, несмотря на явный «хрестоматийный глянец» и кажущуюся историчность содержания романа, в нашей литературе рядом с Макаром Девушкиным поставить некого. Иван Африканович из «Привычного дела» В. Белова и старухи из повестей В. Распутина были

все-таки развитием адаптированной Тургеневым, хотя и открытой в «Бедных людях» концепции человека, причем в ее руссоистской, а точнее — в просветительской трактовке. По сути дела, восприняты уроки тургеневского «Хоря и Калиныча» — уроки «Бедных людей» еще не пройдены современной прозой.

«Бедные люди» имели исключительное значение в русской литературе. Они стали художественным манифестом «натуральной школы», которая, собственно, и возникла в критических дискуссиях о романе.

Полгода Достоевский слыл автором гениального романа, который мало кто читал, но о котором многие слышали. И эта слава была авторитетнее печатного слова. Именно в это время Достоевский пережил самые сладостные минуты литературного триумфа, о чем безыскусно свидетельствуют его наивные письма брату и поздние воспоминания. И именно в таком счастливом творческом состоянии духа Достоевский стал работать над новым произведением — фантастической повестью «Двойник», которая была опубликована через три недели после выхода романа, — и сенсация превратилась в скандал.

«Двойник» был задуман как гениальное произведение. Достоевский не сомневался, что его «Двойник» «в 10 раз выше "Бедных людей"». Более того: «Наши говорят, что после "Мертвых душ" на Руси не было ничего подобного, что произведение гениальное и чего-чего не говорят они! С какими надеждами они все смотрят на меня! Действительно, Голядкин удался мне донельзя. Понравится он тебе, как не знаю что! Тебе он понравится даже лучше "Мертвых душ", я это знаю» (*Д.*, XXVIII, 138).

В ярких лучах славы писатель явно переоценил читателя. Ему казалось, что все понимают его, — и новое произведение Достоевский писал, рассчитывая на конгениальное понимание. «Двойник» — одно из самых загадочных произведений Достоевского, но его уделом стало непонимание. Белинский так защищал читателя от «неопытного» автора: «...каждый читатель совершенно вправе не понять и не догадаться, что письма Вахрамеева и г. Голядкина-младшего г. Голядкин-старший сочиняет сам к себе, в своем расстроенном воображении, — даже, что наружное сходство с ним младшего Голядкина совсем не так велико и поразительно, как показалось оно ему в его расстроенном воображении, и вообще о самом помешательстве Голядкина не всякий читатель догадается скоро» (*Б.*, VIII, 142). Белинский ошибся: переписка Голядкина-старшего с Вахрамеевым и Голядкиным-младшим, Вахрамеева с Голядкиным-старшим реальна; еще Н. К. Михайловский, прибегая к тексту повести, оспорил мнение В. Г. Белинского насчет «наружного сходства» двух Голядкиных[8]; в начале повести Голядкин еще не сума-

[8] *Михайловский Н. К.* Жестокий талант // Ф. М. Достоевский в русской критике. М., 1956. С. 334–345, 362–363.

шедший, безумие овладевает им только в конце двенадцатой главы. Доверие к суждению Белинского подрывает и фактическая ошибка: в «Двойнике» есть письма Вахрамеева, но нет писем Голядкина-младшего, о которых говорит критик. А между тем именно в этих рассуждениях Белинского лежат истоки традиционной концепции фантастического в повести Достоевского. Белинский ошибся в суждении о «Двойнике», но обозначил и раскрыл конфликт гениального автора и «обыкновенного» читателя.

Фантастика в сороковые годы воспринималась как атрибут прошедшей романтической эпохи, как неуместная архаика. Тогда же устами Белинского был вынесен критический вердикт: «Фантастическое в наше время может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе, и находиться в заведовании врачей, а не поэтов» (*Б.*, VIII, 214).

Фантастика «Двойника» условна. Сюжет основан на допущении, что в повести реально существуют два Якова Петровича Голядкина, два внешне совершенно подобных человека, два чиновника, служащих в течение трех дней в одном департаменте, а в первый день в довершение всех злосчастий сидящих в одной канцелярии за одним столом друг против друга. Появление двойника в пятой главе повести никак не объяснено — это «совершенно необъяснимое происшествие».

Этой фантастической сцене Достоевский придал своеобразную историко-литературную перспективу: в подтекст эпизода появления двойника он ввел «Фауста» Гете. В тексте фантастической пятой главы есть такая фраза: «Какая-то затерянная собачонка, вся мокрая и издрогшая, увязалась за господиномъ Голядкинымъ и тоже бѣжала около него бочкомъ, торопливо, поджавъ хвостъ и уши, по-временамъ робко и понятливо на него поглядывая» (*Ѳ. Д.*, I, 184). В этой художественной детали, вероятно, не было бы ничего примечательного, если бы не мысль господина Голядкина о «скверной собачонке», пробежавшей с героем часть его пути от Невского по Литейной до поворота в Итальянскую улицу: «Какая-то далекая, давно ужь забытая идея, — воспоминаніе о какомъ-то давно-случившемся обстоятельствѣ — пришла теперь ему въ голову, стучала словно молоточкомъ въ его головѣ, досаждала ему, не отвязывалась прочь отъ него. «Эхъ, эта скверная собачонка!» шепталъ господинъ Голядкинъ, самъ не понимая себя» (*Ѳ. Д.*, I, 184). Что мог подумать о «скверной собачонке» господин Голядкин, станет ясно, если вспомнить первое появление Мефистофеля у Фауста: Мефистофель явился Фаусту сначала в виде «черного пуделя». Достоевский помнил это. О причудливой собаке Смита в «Униженных и оскорбленных» повествователь отозвался весьма характерно: «...может быть, какой-нибудь Мефистофель в собачьем виде» (*Д.*, III, 171). Эти обстоятельства появления нечистой силы у Гете припомнились господину Голядкину при виде «затерянной собачонки», «мокрой и издрогшей», как сам господин Голядкин, бежавшей «около него боч-

ком, торопливо, поджав хвост и уши, по временам робко и понятливо на него поглядывая». Но гораздо более существенно не то, что подумал о «собачонке» герой повести, а то, что сам Достоевский сознательно повторял в «Двойнике» (и об этом намекал читателю) обстоятельства появления Мефистофеля у Гете: как черный пудель магическими кругами приближался к Фаусту и Вагнеру, так и двойник кругами ходит по мостам Фонтанки (дважды с интервалом в десять минут он попадается навстречу господину Голядкину; в третий раз они бегут уже в одну сторону: Голядкин нагнал своего «незнакомца» на повороте в Итальянскую улицу).

Пятая глава имеет красноречивый и лаконичный подзаголовок — «Совершенно необъяснимое происшествие». Как «необъяснимое происшествие» и появляется двойник, его появление — поэтическая условность. Фауст Гете, майор Ковалев Гоголя и господин Голядкин Достоевского даны в ситуации психического раздвоения накануне фантастических событий. У каждого из них появился свой двойник: у Фауста — Мефистофель, у Ковалева — нос, у Голядкина — двойник. Правда, в трактовке этого мотива у Достоевского присутствует еще и момент литературной игры: наряду с серьезным было и ироничное отношение к традиции, ее пародийное осмысление. Недаром П. М. Бицилли назвал «скверную собачонку» пятой главы «двойником двойника»[9]. Появление «скверной собачонки» становится еще и сюжетным предварением поведения младшего Голядкина в шестой главе, когда он робко и боязливо пристроился к старшему Голядкину, преданно и униженно заглядывая ему в глаза, а смущенный господин Голядкин предлагает своему двойнику пройтись с ним «переулочком».

Фантастика «Двойника» оказалась коварной для здравомыслящего читателя. Думаю, если бы в конце концов Фауст или майор Ковалев — кто-нибудь из них — сошел с ума, появились бы и объяснения «происхождения» Мефистофеля или исчезновения носа сумасшествием героя. С «Двойником» именно так и произошло: появление двойника в пятой главе связали с сумасшествием Голядкина, наступившим в двенадцатой главе.

Фантастичен в повести исходный момент появления двойника, но последствия этого «совершенно необъяснимого происшествия» отнюдь не фантастические: во всем остальном автор «верен действительности» (ср. *Д.*, XIX, 88). В конце пятой главы есть пробел, отмеченный отточиями. Он внутренне содержателен — именно здесь происходит то, что составляет «тайну» двойника: фантастический двойник пятой главы превращается в шестой главе в прозаического чиновника — титулярного советника Голядкина-младшего, тоже Якова Петровича, поступивше-

[9] *Бицилли П. М.* К вопросу о внутренней форме романов Достоевского // O Dostoevskom. Statji. Brown University Press, 1966, p. 19–20.

го следующим утром на службу в тот же департамент, в котором служил «настоящий» господин Голядкин.

Традиционная концепция фантастического возникла из желания критиков объяснить необъяснимое. Не все были прилежны в чтении. Н. А. Добролюбов, например, откровенно признался: «Не знаю, верно ли я понимаю основную идею "Двойника"; никто, сколько я знаю, в разъяснении ее не хотел забираться далее того, что "герой романа — сумасшедший". <...> всего естественнее предлагаемое мною объяснение, которое само собою сложилось у меня в голове при перелистыванье этой повести (всю ее сплошь я, признаюсь, одолеть не мог). Автор, кажется, сам не чужд был такого объяснения: так по крайней мере представляется по некоторым местам повести» (*Добр.*, VII, 258). Достоевский живо отреагировал на предположения Добролюбова, сняв во второй редакции места, давшие повод к ложному истолкованию повести. Тем не менее гипотеза Добролюбова давно подменила текст Достоевского: о «Двойнике» по-прежнему зачастую судят не по тексту, а по догадке.

Достоевский намеренно не объяснил того, что в объяснении, тем более эмпирическом, не нуждается, — фантастику. Фантастика на то и фантастика, что не укладывается в эмпирический опыт человека. Но в критике такие попытки эмпирического объяснения фантастики предпринимались всегда, хотя, в принципе, это проблема не текста (в повести подобных объяснений нет), а читателя, который не принимал фантастику без объяснения — как поэтическую условность, в противном случае отвергая ее как мистику и суеверие.

Позитивистское объяснение и было дано в свое время фантастике «Двойника». В финале повести старший Голядкин сходит с ума, поэтому самым простым и логичным показалось, что двойник — порождение болезненного воображения Голядкина, плод его больной фантазии. Но это противоречит тексту повести. Достоевский постоянно создавал ситуации, в которых он убеждал Голядкина, а затем и читателя в реальном существовании двойника, младшего Голядкина. Уж чего только ни предпринимал старший: и глаза старательно жмурил, и открывал, и ущипнул себя так, что подпрыгнул на стуле, — и каждый раз убеждался, что не спит, что все сбывается наяву и т. д., и т. п. Все эпизоды повести, в которых обыгрываются сомнения старшего Голядкина, разрешаются однозначно: младший Голядкин не призрак, не фантом, а реальность. В психопатологическом объяснении фантастики причина подменяется следствием, а следствие — последствием. Старший Голядкин болезнен, но эта болезненность объясняет сумасшествие героя в конце повести, но не появление двойника. У Достоевского дан четкий переход старшего Голядкина из «здорового» в «патологическое» состояние: сумасшедший Голядкин все принимает на веру, у него исчезает способность к критическому восприятию происходящего, он отождествляет свое сознание с действительностью — то, что он думает

о ней, то и реально. Сумасшествие Голядкина начинается с прозрения, когда герой догадывается, что сбывается его ночной кошмар, в котором тот безуспешно пытается убежать от двойника, но с каждым шагом происходит удвоение двойников, и так до бесконечности. Возникает необратимое, уже патологическое отчуждение сознания от реальности. Так, в кофейной, достав из кармана склянку с лекарством, герой догадывается, что его хотят отравить и т. д.

Фантастический сюжет дает не раздвоение, а *удвоение* господина Голядкина. В художественной реальности повести появились два совершенно похожих, но разных Голядкина. Так наглядно поставлена проблема личности. Чем один человек отличен от другого? Кто настоящий, а кто поддельный? Кто истиннее? Почему из двух совершенно подобных хороший отвергнут, а подлый принят в обществе?

У них одна фамилия, одно имя, одно отчество, один и тот же чин титулярного советника, одна и та же внешность. В двойнике, младшем Голядкине, наглядно представлено обезличивание человека, потеря им своего лица. Он никто и ничто — и возникает из ничего. Его появление в повести зачастую связывают с внутренним раздвоением Голядкина в первых четырех главах, но совершенно бездоказательно: двойственность Голядкина первых глав — двойственность без двойника; она как была, так и осталась, не исчезла и после появления двойника. Двойственность Голядкина — доминанта его психологического облика. Его двойник существует вовне, а не внутри господина Голядкина. Это субъект со своим характером, своей судьбой, своими жизненными принципами, противоположными жизненным принципам настоящего Голядкина. Один, старший, помыслил о «соблазнительном равенстве» людей (*Добр.,* VII, 252), второй, младший, строит свои отношения на «*подлом расчете*» (*Д.,* I, 432). Фантастические успехи младшего Голядкина говорят сами за себя. Он торжествует. Старший противится, протестует — и гибнет. В его противлении и проявляется «светлая идея» повести.

У героя «Двойника» примечательное имя — Яков. Оно сразу же отсылает читателя к Библии, к эпизоду первой книги «Пятикнижия Моисея» — книги «Бытие». Иаков — сакраментальное близнечное имя, имя второго по рождению близнеца, который появился на свет, держась за пяту первого близнеца Исавы. По этимологии, которая обыгрывается в тексте «Бытия», имя Иаков возникло в результате метонимического переноса и в переводе означает «пята», «подошва», что стало также нарицанием плута, пройдохи, хитреца. Не раз Иаков оправдывал свое имя, сначала купив право первородства у голодного Исавы за хлеб и чечевичное варево (похлебку), потом обманом получив благословение умирающего отца, затем хитростью, а подчас и коварством устраивая свои дела и умножая богатство — свое и двенадцати сыновей. Не имевший первородства, он обрел старшинство и отцовское благословение. За поединок с Богом, длившийся всю ночь,

в результате которого Бог не одолел Иакова, но сам Иаков охромел, Иаков получил новое имя Израиль и еще одно благословение — благословение Бога. Иаков — легендарный предок, положивший начало «двенадцати колен Израиля», в том числе и Иосифа Прекрасного. Проблематика этого эпизода книги «Бытие» интересна сама по себе, но в данном случае библейский текст представляет интерес с двух точек зрения — как один из близнечных мифов и как сюжетный архетип «Двойника».

В архаичных и современных сюжетах о близнецах выражена идея двоичности мира, вариантности человеческой судьбы, двойственности души. В поэтике «близнечных» сюжетов широко представлены поляризация героев, идей, вариантность художественных решений одной проблемы, используются традиционные сюжетные осложнения — подмены, путаница, перипетии. Особенно активно эти возможности «близнечных» сюжетов осваивались в комических жанрах преимущественно в развлекательных целях, но уже в романтическую эпоху «близнечные» сюжеты приобрели философское и нередко трагическое значение.

«Близнечная» тема символически означена не только в имени героя, но и в пространстве повести. Двойник не случайно появляется на набережной Фонтанки, в районе однотипных (во времена Достоевского совершенно подобных) «мостов-близнецов», архитектурным завершением и обобщением которых стал Аничков мост — мост братьев-близнецов Диоскуров, украшенный их скульптурными группами — композициями укротителей коней[10]. Так семантика реального пространства вводит в «петербургскую поэму» еще один близнечный миф — миф о братьях-близнецах Диоскурах.

Обычно авторы как-то объясняют появление двойников в своих произведениях. Чаще всего они предстают «игрой случая» (поразительное внешнее сходство незнакомых людей) или «игрой природы» (близкие родственники, близнецы). Достоевский сделал «близнечную» тему условной и фантастической. То, что оба Голядкина, два Петровича, названы одним именем — Яков, имеет символический смысл. Они оба Яковы в буквальном смысле: оба не имеют «первородства», оба хотят достичь успеха в жизни, но разными путями: один — «благородным образом», второй — «*подлым расчетом*». У них нет не только «первородства», но, по-видимому, и «высокородия» — у них «темное прошлое»: оба появились в Петербурге неизвестно откуда, жили неизвестно где и как. Между ними возникает «соперничество», в результате чего «младший» подменяет «старшего» в социальной жизни.

Близнецы-братья Диоскуры, мимо которых пробегали и проезжали Голядкины, — сыновья Зевса. Чьи «сыновья» Голядкины, указывает

[10] Подробнее об этом: *Федоров Г. А.* Петербург "Двойника" // Знание-сила. 1974. № 5. С. 43-46; *Захаров В. Н.* Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л., 1985. С. 89-90.

их отчество. Достоевский как-то сказал о себе и своих современниках как о «птенцах гнезда Петрова». «Детьми» Петра, Петровичами, являются многие герои Достоевского, наследники проблем, возникших по умыслу и без умысла Петра I: двух столиц, «табели о рангах» и прочее. Петровские реформы — та почва, которая питает коллизии «Двойника».

На этот исторический подтекст указывает фамилия двух Яковов Петровичей — Голядкины: пространственная оппозиция «Измайловский мост — Шестилавочная улица» закреплена в многозначительной оппозиции фамилий «Голядкин — Берендеев», связанных, как установил В. Н. Топоров, с преданиями о начале Москвы (село Кучково, будущая Москва, располагалось между двумя «жилыми урочищами» — Голядь и Берендеево)[11] А если иметь в виду, что Петербург был политическим двойником и историческим соперником Москвы, что Фонтанка делила город на Московскую и Петербургскую стороны, то и это совпадение не будет случайным.

Берендеи («черные клобуки», каракалпаки — кочевое племя тюркского происхождения) дали фамилию бывшего благодетеля господина Голядкина — статского советника Олсуфия Ивановича Берендеева, вознагражденного за усердную службу «капитальцем, домком, деревеньками и красавицей дочерью» — Кларой Олсуфьевной.

Не только фамилия, но и имя Берендеева указывают на тюркские корни этого зловредного для господина Голядкина рода. Имени Олсуфий нет в православных святцах. Нет его и в других ономастиконах. По-видимому, оно образовано Достоевским от фамилии известного дворянского рода Олсуфьевых. Очевидно, Достоевский решил, что Олсуфьевы — фамилия, образованная от имени, хотя скорее всего, от прозвища: *аль-суфи* — мудрый в переводе с арабского (указано З. К. Тарлановым). Олсуфьевы — один из вариантов написания этой фамилии (другие варианты: Алсуфьевы, Алтуфьевы, Олсуфьевы). Из них самый красноречивый вариант — Алсуфьевы — ср.: «мы имеем сведения конца XVII века о Стрелецком Сотнике Михаиле Алсуфьеве (Арх. Минист. Юст.), пропущенном и неизвестном Олсуфьевскому древу»[12].

---

[11] *Топоров В. Н.* Еще раз об "умышленности" Достоевского // Finitis duodecim lustris: Сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982. С. 128.

[12] Матерьялы к истории рода Олсуфьевых. Линия Василия Дмитриевича (1796–1858) первого Графа Олсуфьева. М., 1911. С. 4. Ср.: *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974; Б. О. Унбегаун неубедительно возводит фамилию Олсуфьев к греческому имени Евсевий. — *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии. М., 1989. С. 49; А. А. Архипов, возражая ему в комментариях к книге, столь же неубедительно называет другое имя — Еупсихий (Евпсихий). — Там же. С. 332.

Введя символические означения «внутренней темы» повести, Достоевский перевел «близнечную» тему на новый уровень художественного осмысления, историко-культурные истоки и социально-психологический смысл двойничества.

Фантастика и криптограммы обрекли повесть на долгое непонимание. Читатель явно был не готов к восприятию такой фантастики. Белинский подсказывал ему иные «идеи времени»: «В искусстве не должно быть ничего темного и непонятного...» (*Б.*, VIII, 214). Впрочем, читателю было не обязательно разгадывать криптограммы гениального автора. Достаточно было просто читать. Криптограммы, символы, аллюзии, цитаты, реминисценции — литературная игра гения. Она адресована «дилетантам», как говорили в девятнадцатом веке, — знатокам и любителям поэзии.

Все сказано самим произведением.

У Голядкина есть своя «подпольная» идея. Она выражается в странных поступках Голядкина, которые вполне могли бы показаться поступками сумасшедшего, но таковыми не являются: сватовство без любви (отношение к Кларе Олсуфьевне), амбиция без самолюбия (а именно так каждый раз выходит из затруднительных положений «амбициозный» герой), заказ на «голубую извощичью карету, с какими-то гербами», поведение в Гостином дворе, проникновение на бал по случаю дня рождения Клары Олсуфьевны и т. д. Эти «странности» объяснимы «идеей-чувством» Голядкина, из которой вытекают и попытка сватовства, и реакция героя на доставшиеся «щелчки судьбы».

В «Двойнике» отсутствует романическое содержание. Голядкин, например, несмотря на то, что претендует на руку Клары Олсуфьевны, нигде не изображается влюбленным даже тогда, когда «враги» подложным письмом провоцируют его похитить Клару Олсуфьевну: весь благонамеренный образ мыслей титулярного советника противится этому «безнравственному» поступку, он не хочет «честную и невинную дѣвицу изъ родительскаго дома увозить безъ согласія родителей» (*Θ. Д.*, I, 298). Как истый чиновник, господин Голядкин не годился в герои романа; героем авантюрного романа мог бы стать его двойник, но в повести и у него нет ни «романической» истории, ни жанровых функций героя-«пикаро», да и композиционная роль младшего Голядкина скромна: читатель не посвящается во многие обстоятельства головокружительной карьеры двойника; как и старший Голядкин, он наблюдает их со стороны, принимая их за свершившийся факт.

Идея Голядкина не названа, но ее подсказывает догадливому читателю образ действий Голядкина, но более определенно она проявляется в двух издевательских репликах младшего Голядкина, обращенных к «настоящему» господину Голядкину: «Прощайте, ваше превосходительство!» (*Θ. Д.*, I, 282, 304).

Эта глумливая реплика двойника объясняет «подпольную идею» Голядкина. Она раскрывает меру социальных притязаний героя, ко-

торый безуспешно желает отделить частное от официального, стать независимым от государства в частной жизни. Голядкин в полной мере воспринял идею абсолютной ценности человеческой личности, идею социального равенства людей, или, говоря словами Н. А. Добролюбова, помыслил «о соблазнительном равенстве друг с другом» (*Добр.*, VII, 252). Более того, он пытается утвердиться подобным образом в обществе — преступить пределы «социального своего положения».

Поначалу, в первых главах, пока не появился двойник, в сюжете повести существует некая «мнимая величина», которую не учитывает в своих замыслах господин Голядкин, но именно она обрекает на неудачу все суетные хлопоты героя, который претендовал на чин коллежского асессора, но получил его не он, а юный племянник начальника отделения Андрея Филипповича — Владимир Семенович. Голядкин не прочь был жениться на Кларе Олсуфьевне, но и в этом соперничестве удачливее все тот же Владимир Семенович. Двойник как бы воплощает в образе и подобии самого господина Голядкина то, что ясно всем, но скрыто от него, увлеченного своей идеей.

Появление двойника расширяет «пространство трагедии» этой повести Достоевского — выводит ее из узкого круга личности господина Голядкина. То, что двойник действует в реальных условиях петербургской жизни сороковых годов, а не в опосредованных болезненным сознанием Голядкина обстоятельствах, позволяло перевести художественный анализ с одного уровня (личность господина Голядкина в первых главах) на другой (Россия, Петербург, сороковые годы — «наше время»).

В этой своеобразной «исторической» перспективе трактовки коллизии «Голядкин—двойник» и возникает «превосходная», «довольно светлая» идея «Двойника». Такой идеей повести не могла стать «идея» двойничества (или «подполья») — это трагичное, по Достоевскому, и изнуряющее психику состояние. Идея «Двойника» в другом. Петровской табели о рангах, определявшей гражданское значение подданных четырнадцатью классами, Голядкин противопоставил чувство человеческого достоинства, его двойник — «*подлый расчет*». Голядкин гибнет: прозрев истину, он сходит с ума; двойник преуспевает, но будущее не за ним, а за смешным господином Голядкиным. Да, Голядкин не развит, его духовная жизнь убога, самосознание титулярного советника сформировано «тощей национальной газеткой» («Северной Пчелой»), а сам он, любая мысль его опутаны грузом бюрократических привязанностей, но это не мешает Достоевскому внести в образ господина Голядкина положительное содержание — его протест, его страдание, его идею. Отношение автора к герою двойственно, но сфера сатирического изображения героя строго ограничена: сатирически подается уступчивость, покладистость, бюрократический образ мышления и неразвитое самосознание чиновника — «логика характера» господина Голядкина. Впрочем, уступчивость героя простирается до известных пределов. По

традиционной концепции фантастического считается, что Голядкин страдает манией преследования. На самом деле все наоборот. Не двойник преследует старшего Голядкина, но тот преследует двойника.

Сатира Достоевского трагична. Трагедия Голядкина общезначима, и именно поэтому так патетически страстно берет Достоевский сторону титулярного советника в его конфликте с хозяевами жизни, именно поэтому такой высокой скорбью о погибающем человеке проникнуты многие страницы повести, о погибшем — последние главы.

Более того, Достоевский придал трагедии Голядкина пророческий смысл, рассмотрев судьбу и идею своего героя в своеобразной исторической перспективе петербургского периода России.

Отзывы Достоевского о «Двойнике» беспрецедентны. Ни об одном из своих произведений он не произносил таких слов, как о своей первой повести. «Шедевр», «произведение гениальное», «лучше "Мертвых душ"», «вещь, которая могла бы быть великим делом», «произведение чудо», «если б я написал одного Голядкина, то довольно с меня», «ему страшная роль в будущем», «будет стоить нового романа» (*Д.*, XXVIII. Кн. I, 116, 118–120, 139, 340) — эти и другие мнения, свои и «чужие» слова из писем Достоевского, достаточно полно обнаруживают честолюбивые притязания молодого автора.

В «Двойнике» — зерно многих будущих художественных и публицистических мыслей Достоевского. По грандиозности содержания «Двойник» уникален среди других произведений писателя.

У истоков замысла рассказа «Господин Прохарчин» стоит идея «Повести об уничтоженных канцеляриях», которую Достоевский обещал отдать для альманаха «Левиафан», задуманного, но неосуществленного Белинским издания. По глубине и масштабу поставленных проблем рассказ вполне мог стать повестью. Достаточно указать на то, сколь представительна литературная «генеалогия» господина Прохарчина (тут и Гарпагон из «Скупого» Мольера, Горио и Гранде из «Отца Горио» и «Евгении Гранде» Бальзака, барон из «Скупого рыцаря» Пушкина, Плюшкин из «Мертвых душ» Гоголя). Значительна социальная тема рассказа, идущая от романа «Бедные люди» и повести «Двойник»: «бедность», не обеспеченная правами, противоречия интересов «маленького человека» и государства. И сам Прохарчин не только скупой или новый Гарпагон — он еще и чиновник, который дерзнул усомниться в административных устоях государства: в его сознание закралась мысль о возможном в будущем уничтожении канцелярий, укоренилось убеждение в собственной неблагонадежности и вольнодумстве, из-за которых прежде уничтожения канцелярий можно место потерять. Своими тайными подозрениями Прохарчин бросает вызов всему миропорядку. И тут уже «в своем праве» Марк Иванович, пристрастно вопрошающий мертвеющего Прохарчина, Наполеон тот или нет. И знаменателен финал рассказа, в котором как бы оживает

умерший, желая «объясниться»: «оно вотъ умеръ теперь; а ну какъ того, т. е. оно пожалуй и не можетъ такъ быть, а ну какъ этакъ того и не умеръ — слышь ты, встану, такъ что́-то будетъ, а??» (*Ѳ. Д.*, I, 350.)

В состав этого тома также включены произведения, которые условно можно назвать «некрасовским циклом».

Все они, за исключением «Ползункова», написаны во время триумфа Достоевского и имеют случайный характер. Кроме «Романа в девяти письмах» и «Ползункова», другие произведения не подписаны или подписаны псевдонимами. Не случайно в их творческой истории лишь то, что они были предназначены для изданий Некрасова. Объявление о «Зубоскале» представляло новый юмористический альманах. По словам Достоевского, оно «наделало много шуму» (*Д.*, XXVIII. Кн. I, 115). Альманах был запрещен, но для первого номера «Зубоскала» в ноябре 1845 года Достоевский «в одну ночь» написал «Роман в девяти письмах».

Некрасов не удовлетворился запретом и вместо «Зубоскала» собрал альманах «Первое Апреля». «Вступление» к альманаху написано в соавторстве с Григоровичем. Определенно доказано участие в фарсе «Как опасно предаваться честолюбивым снам» Д. Григоровича, Ф. Достоевского, Н. Некрасова, хотя, очевидно, ими круг сочинителей не ограничивается, имея в виду «и К°». Н. Некрасову принадлежат стихотворные фрагменты фарса. Впрочем, фрагмент «Они молчали оба» И. Панаев считал своим и включил в свое «Собрание стихотворений Нового поэта» (СПб., 1855). Вероятно, и было так. Прозаические доли Григоровича и Достоевского оценены Некрасовым в соотношении два к одному: Григоровичу было определено 50, Достоевскому 25 рублей. Таким образом, из 35700 знаков прозаического текста Достоевскому может принадлежать треть (около 11900 знаков), что примерно соответствует объему приписываемых ему частей третьей, четвертой и шестой глав. Впрочем, стиль «Двойника» узнается и в других прозаических фрагментах. В свое время Белинский написал, но Некрасов по довольно-таки странным причинам вычеркнул из годового обзора русской литературы 1846 года фразу: «Мы знаем, что г. Достоевский выключил из «Двойника» одну прекрасную сцену, чувствуя сам, что он вышел у него уже чересчур длинен...» (*Б.*, VIII, 683). Можно предположить, что эта «прекрасная сцена» не пропала даром и ею воспользовались соавторы. Отголоски фарса о «честолюбивом сне» есть в набросках к переработке «Двойника» у Достоевского в записных книжках шестидесятых годов: «Директор на Невском ночью. Калоши, фантастическая сцена» (*Д.*, I, 435). Очевидно, что Достоевскому в этом фарсе явно принадлежит сам «сон», пробуждение и погоня за вором, встреча героя с начальником (если тот из «Двойника», то это явно Андрей Филиппович). Некрасов развил сюжет в стихах, а Григо-

рович разработал его в прозе, уделив особое внимание недоразумениям семейной жизни и бытовой обстановке «честолюбивого сна».

Завершает этот цикл «Ползунков», который был закончен в декабре 1847 года, подписан полным авторским именем, но не издан Некрасовым в составе «Литературного сборника» (1849), который вышел взамен запрещенного «Иллюстрированного альманаха» (1848). Что-то заставило Некрасова отказаться от «Ползункова», а Достоевского фактически отказаться от написанного по просьбе Некрасова.

Достоевский ни разу не переиздавал эти произведения в течение жизни. Но все они вместе и каждое в отдельности обнаруживают юмористический дар гения, с явным удовольствием разрабатывавшего комические характеры и ситуации.

Юмористическая тема этих произведений связана с одной символической датой — с 1 апреля. Она задана уже в «Бедных людях», которые не случайно начинаются 8 апреля. Началу романа предшествовали семь дней творения, а это значит, что романный мир «бедных людей» был сотворен 1 апреля[13]. Эта сатирическая тема бытия в мире, сотворенном в плутовской и надувательский день, развита в самых разных произведениях Достоевского. Она обосновывается во «Вступлении» к альманаху «Первое Апреля», в котором среди прочего утверждается, что этот мошеннический день установил обычай в жизни многочисленных поклонников, «которые не довольствуются однимъ днемъ, а продолжаютъ слѣдовать ему во всѣ остальные дни и мѣсяцы года» (*Ѳ. Д.*, I, 375). В «Романе в девяти письмах» плутующие шулеры удачливо обыгрывают Евгения Николаевича в карты, но теряют безмятежную веру в своих жен, которые оказываются любовницами «неудачного» игрока. В рассказе «Ползунков» шутник оставлен в дураках «порядочными людьми» именно 1 апреля. В фельетоне «Петербургские сновидения в стихах и прозе» мир предстает как дьявольская насмешка над людьми, фантастическая толпа на Невском проспекте — как «славный маскарад», в котором люди превращаются в куклы, а в карнавальном смехе кукловода уже не таится зло. Эта идея афористично выражена в словах Кириллова из «Бесов»: «Слушай большую идею: был на земле один день, и средине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: "Будешь сегодня со мною в раю". Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдывалось сказанное. Слушай: Этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без Этого человека — одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после Ему такого же, и никогда, даже до чу-

[13] См.: *Ветловская В. Е.* Роман Ф. М. Достоевского «Бедные люди». Л., 1988. С. 76; *Захаров В. Н.* Символика христианского календаря в произведениях Достоевского // Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск, 1994. С. 38–39.

да. В том и чудо, что не было и не будет такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели и *Этого,* даже чудо свое же не пожалели, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты ложь и дияволов водевиль» (*Д.,* X, 471. Заглавные буквы восстановлены мной. — *В. З.*).

Открытия Достоевского были восприняты современниками главным образом в социальном аспекте. Их глубокий духовный смысл остался не понят и не востребован. Без Бога и Христа Достоевский представал в глазах читателей и критиков в извращенном виде, и последнее столетие дало с избытком разного рода и достоинства критические мифы о нем: «жесткий талант» (Н. К. Михайловский), «злой гений» (М. Горький), фрейдистская и бахтинская концепции творчества и т. д.

«Господином Прохарчиным», собственно, и закончился литературный дебют Достоевского. После триумфа «Бедных людей», провала «Двойника» Достоевский закончил пропавшую повесть «Сбритые бакенбарды» и отказался от ее публикации, осознав новые профессиональные задачи: «Я бросил все: ибо все это есть не. что иное, как повторение старого, давно уже мною сказанного. Теперь более оригинальные, живые и светлые мысли просятся из меня на бумагу» (*Д.,* XXVIII. Кн. I, 131). Неизвестно, как сложилась бы писательская судьба Достоевского, не будь неудачи «Двойника», которая вызвала творческий кризис писателя в 1846 году С трудом доведя до конца работу над «Господином Прохарчиным», он оставил прежние замыслы и в поисках своей «оригинальной сущности» обратился к новым темам.

И гений стал литератором. Началась литературная поденщина, когда приходилось писать не только по вдохновению, но по необходимости, для того, чтобы жить, и жить — чтобы писать.

БѢДНЫЕ ЛЮДИ. РОМАНЪ

(Стр. 17)

Источники текста:

1846 — Первая публикация: Петербургскій сборникъ, изданный Н. Некрасовымъ. СПб.: Тип. Э. Праца, 1846. С. 1–166. Подпись: Ѳ. Достоевскій.
Цензурное разрешение — 12 января 1846 года.

1847 — Бѣдные люди. Романъ *Ѳеодора Достоевскаго*. СПб.: Тип. Э. Праца, 1847. 181 с.

1860 — Сочиненія Ѳеодора Достоевскаго. Изданіе Н. А. Основскаго. М.: Тип. Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, 1860. Т. I. Бѣдные люди. С. 5–152.

1865 — Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. Вновь просмотрѣнное и дополненное самимъ авторомъ. изданіе. Изданіе и собственность Ѳ. Стелловскаго. СПб.: Тип. Ѳ. Стелловскаго, 1865. Т. I. Бѣдные люди. Романъ. С. 195–245.

Отдельное издание: Бѣдные люди. Романъ *Ѳ. М. Достоевскаго*. Вновь просмотрѣнное самимъ авторомъ изданіе. Изданіе и собственность Ѳ. Стелловскаго. СПб.: Тип. Ѳ. Стелловскаго, 1865. 171 с.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту *1865* со следующими исправлениями:

Стр. 17. «и слезы текутъ, такъ что даже совѣстно передъ чужими бываетъ» *вместо:* «и слезы текутъ, что даже совѣстно передъ чужими бываетъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 21. «Я вамъ тамъ купилъ» *вместо:* «Я тамъ купилъ» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 21. «Знаете ли, что мнѣ придется» *вместо:* «Знаете ли, что придется» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 22. «у насъ теперь словно рай въ комнаткѣ» вместо: «у насъ теперь словно рай въ комнатѣ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 22. «Что это, думаю» *вместо:* «Что это, я думаю» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 22. «Что вы тамъ ни говорите» *вместо:* «Что вы тамъ не говорите» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 23. «Знать ужь день такой!» *вместо:* «Знать ужъ день такой!» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 23. «Апрѣля 8» *вместо:* «Апрѣля 8–го» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 24. «единственно чистая отеческая пріязнь» *вместо:* «единственная чистая отеческая пріязнь» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 24. «я не брюзгливъ и не требователенъ» *вместо:* «я не брезгливъ и не требователенъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр 25. «такъ жмется, жмется къ старушкѣ–бабушкѣ» *вместо:* «такъ жмется, жмется къ старушкѣ» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 25. «и вьюга злится и метелью мететъ» *вместо:* «и вьюга злится и метель мететъ» *(исправлено по 1846)*

Стр. 25. «Что же это вы пишете, родная моя?» *вместо:* «Что же это вы пишите, родная моя?» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 26. «и надо мной засмѣются, коли я другихъ начну пересмѣивать. Знаете, по русской пословицѣ» *вместо:* «и надо мной засмѣются, по русской пословицѣ» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 26. «Апрѣля 9» *вместо:* «Апрѣля 9–го» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 26. «вы ошибетесь, если будете подозрѣвать меня» *вместо:* «вы ошибаетесь, если будете подозрѣвать меня» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 28. «да я, по правдѣ, и радъ былъ тому» *вместо:* «да я, по правдѣ, радъ былъ тому» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 30. «Апрѣля 25» *вместо:* «Апрѣля 25–го» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 30. «Сегодня я двоюродную сестру» *вместо:* «Сегодня двоюродную сестру» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 30. «стыдно и неприлично жить вашей милостыней и на вашемъ содержаніи. Она бранитъ меня, укоряетъ меня въ неблагодарности... говоритъ, что я забыла ея хлѣбъ–соль» *вместо:* «стыдно и неприлично жить вашей милостыней и на вашемъ содержаніи... говоритъ, что я забыла ея хлѣбъ–соль» *(исправлено по 1860, ср. 1847, 1846)*

Стр. 31. «Мая 20» *вместо:* «Мая 20–го» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 32. «любопытствовать и разспрашивать начали» *вместо:* «любопытствовать и распрашивать начали» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 32. «ужь тамъ внѣ дома» *вместо:* «ужь такъ внѣ дома» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 34. «Батюшка закричалъ на меня, матушка плакала; говорили, что надобно, что дѣла этого требовали» *вместо:* «Батюшка закричалъ

на меня, матушка плакала; говорила, что надобно, что дѣла этого требовали» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 34. «Какъ тяжело было мнѣ привыкать» *вместо:* «Какъ тяжело мнѣ привыкать» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 34. «Послѣ каждаго ихъ посѣщенія» *вместо:* «Послѣ каждаго посѣщенія» *(исправлено по 1846)*

Стр. 35. «Начнутся толки, разговоры, росказни» *вместо:* «Начнутся толки, разговоры, разсказы» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 35. «долговъ была пропасть» *вместо:* «долговъ было пропасть» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 36. «домикъ на Петербургской» *вместо:* «домикъ ан Петербургской» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 39. «и каждый новый день былъ похожъ на предъидущій» *вместо:* «и каждый день былъ похожъ на предъидущій» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 41. «да и стоитъ въ сѣняхъ» *вместо:* «да стоитъ въ сѣняхъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 42. «Пишетъ ли, читаетъ ли, или размышленіями какими занимается?» *вместо:* «Пишетъ ли, или размышленіями какими занимается?» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 43. «Покровскій попросилъ его» *вместо:* «Покровскій просилъ его» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 44. «Меня посѣтила странная мысль» *вместо:* «Меня посѣтила страшная мысль» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 45. «раздались сами собою, и сплотились такъ» *вместо:* «раздались сами собою, и сплотнились такъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 46. «вамъ уже пятнадцать лѣтъ!» *вместо:* «вамъ уже пятьнадцать лѣтъ!» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 46. «Мысли самыя страшныя» *вместо:* «Мысли самыя страшныя» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 47. «загадывала о слѣдующемъ вечерѣ» *вместо:* «загадывала о будущемъ вечерѣ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 49. «но я все еще продолжала сидѣть» *вместо:* «но я еще продолжала сидѣть» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 52. «Мой старичокъ наложилъ книгъ» *вместо:* «Мой старичекъ наложилъ книгъ» *(ред. испр.)*

Стр. 52. «Да такъ, Варвара Алексѣевна, ужь такъ, ужь это такъ...» *вместо:* «Да такъ, Варвара Алексѣевна, ужь это такъ...» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 53. «Слѣдовательно, вотъ онъ и увидитъ» *вместо:* «Слѣдовательно, вотъ онъ увидитъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 53. «шалилъ съ Сашей, цаловалъ меня» *вместо:* «шалилъ съ Сашей, цѣловалъ меня» *(авторская орфограмма)*

Стр. 54. «у Анны Ѳедоровны» *вместо:* «у Аннѣ Ѳедоровны» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 54. «исчислилъ далѣе нѣсколько пагубныхъ примѣровъ невоздержанія» *вместо:* «исчислилъ даже нѣсколько пагубныхъ примѣровъ невоздержанія» *(исправлено по 1846)*

Стр. 54. «о способахъ жизни» *вместо:* «о способахъ жизви» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 55. «съ надеждою жить еще очень долго» *вместо:* «съ надеждою жить очень долго» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 55. «Подступала осень» *вместо:* «Подступила осень» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 55. «у самой двери въ комнату къ сыну» *вместо:* «у самой двери въ комнату сына» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 55. «тутъ ему постлали какую-то рогожку» *вместо:* «тутъ ему послали какую-то рогожку» *(исправлено по 1846)*

Стр. 56. «но начинавшійся день былъ печальный» *вместо:* «но начинающійся день былъ печальный» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 56. «всѣ три дня» *вместо:* «всѣ три дни» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 58. «Это показываетъ, что» *вместо:* «Это доказываетъ, что» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 58. «Не забывайте меня, т. е. заходите» *вместо:* «Не забывайте меня, заходите» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 58. «А вотъ прислушайте меня» *вместо:* «А вотъ прослушайте меня» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 60. «Ну что жь дѣлать!» *вместо:* «Ну чтожъ дѣлать!» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 60. «Опъ дескать переписываетъ!» «Эта, дескать, крыса-чиновникъ, переписываетъ!» Да что же тутъ безчестнаго такого?» *вместо:* «Опъ дескать переписываетъ!» Да что же тутъ безчестнаго такого?» *(исправлено по 1846)*

Стр. 60. «Іюня 20» *вместо:* «Іюня 20-го» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 61. «въ какомъ вы старомъ платьѣ ходите» *вместо:* «въ какомъ вы старомъ платье ходите» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 62. «Іюня 21» *вместо:* «Іюня 21-го» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 62. «Хочу писать, а не знаю съ чего и начать» *вместо:* «Хочу писать, а не знаю съ чего начать» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 62. «Іюня 22» *вместо:* «Іюня 22-го» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 63. «Іюня 25» *вместо:* «Іюня 25-го» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 63. «Іюня 26» *вместо:* «Іюня 26» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 64. «часовъ по пяти читаетъ» *вместо:* «часовъ до пяти читаетъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 64. «болванъ–болваномъ оказываюсь, самого себя стыдно» *вместо:* «болванъ–болваномъ оказываюсь, самаго себя стыдно» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 65. «Да онъ въ иной день и по пяти листовъ писывалъ, а по триста рублей, говоритъ, за листъ беретъ» *вместо:* «Да онъ въ иной день и по пяти писывалъ, а по триста рублей, говоритъ, за листъ беретъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 66. «не посмѣютъ обвинить меня!» вместо: «не посмѣютъ обвинять меня!» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 66. «Они будутъ гнать насъ, они осудятъ насъ» *вместо:* «Они будутъ гнать, они осудятъ насъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 67. «такъ я бы рѣшительно тогда на Невскій не смѣлъ показаться» *вместо:* «такъ я бы рѣшительно тогда на Невскій не смѣлъ бы показаться» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 70. «Онъ навѣрно дастъ своего сочиненія, если онъ что–нибудь и когда–нибудь напечаталъ» *вместо:* «Онъ навѣрно дастъ своего сочиненія, если онъ что–нибудь напечаталъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 72. Пропущена дата письма: «Іюля 1» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 72. «Теперь у васъ есть деньги неожиданныя, вы получили награжденіе; но потомъ что будетъ, потомъ?» *вместо:* «Теперь у васъ есть деньги неожиданныя, вы получили награжденіе; но потомъ?» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 73. «могу любить, но только любить, а не творить добро» *вместо:* «могу любить, но только, а не творить добро» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 75. «Заключилъ же, что Пушкинъ хорошо» *вместо:* «Заключилъ же, что Пушкинъ хорошъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 76. Пропущена дата письма: «Іюля 6» (исправлено по 1847, 1846)

Стр. 76. «крою вамъ жилетку» *вместо:* «крою вамъ желетку» *(исправлено по 1847, ср. 1846)*

Стр. 76. Пропущена подпись: «В. Д.» (исправлено по 1847, 1846)

Стр. 77. «Такъ какъ бы вы думали, маточка?» *вместо:* «Такъ какъ вы думали, маточка?» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 79. «ничего безъ острастки не сдѣлаетъ» *вместо:* «ничего безъ остраски не сдѣлаетъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 82. «Дома у насъ хозяйка только кричитъ» *вместо:* «Дома у насъ хозяйка кричитъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 83. «Такъ такъ–то оно теперь стало, такъ вотъ оно какъ!» *вместо:* «Такъ какъ–то оно теперь стало, такъ вотъ оно такъ!» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 85. «Іюля 29» *вместо:* «Іюля 29–го» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 86. «Августа 1» *вместо:* «Августа 1–го» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 86. «Рады вы, маточка» *вместо:* «Рады вы, матушка» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 86. «отъ васъ–то, дружочикъ мой» *вместо:* «отъ васъ–то, дружечикъ мой» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 86. «Я это и прежде чувствовалъ, а теперь еще болѣе почувствовалъ» *вместо:* «Я это и прежде чувствовалъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 87. «А отъ того, напримѣръ, что онъ знаетъ» *вместо:* «А отъ кого, напримѣръ, что онъ знаетъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 87. «такимъ воробьемъ общипаннымъ» *вместо:* «такимъ воробьемъ ощипаннымъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 88. «а оно выползло да и приползло въ наше вѣдомство» *вместо:* «а оно выползло въ наше вѣдомство» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 91. «Я къ тому вамъ и написалъ все это» *вместо:* «Я къ тому вамъ и писалъ все это» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 93. «хищныя птицы заклевать собрались» *вместо:* «хищныя птицы заклевать собирались» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 94. «40 рублей ассигнаціями» *вместо:* «40 рублей ассиенаціями» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 94. «а остальное назначаю для собственной траты» *вместо:* «а остальное назначено для собственной траты» *(исправлено по 1846)*

Стр. 96. «Августа 5» *вместо:* «Августа 5–го» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 97. «я перетерплю, я за нуждой перетерплю и все вынесу, мнѣ ничего» *вместо:* «я перетерплю, и все вынесу, мнѣ ничего» *(исправлено по 1846)*

Стр. 97. «А я вамъ еще и не разсказывалъ въ подробности, маточка, какъ это въ сущности все было сегодня, чего я натерпѣлся сегодня» *вместо:* «А я вамъ еще и не разсказывалъ въ подробности, маточка, какъ это въ сущности все было сегодня» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 97. «А того я натерпѣлся, столько тяготы душевной» *вместо:* «А того я нетерпѣлся, столько тяготы душевной» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 97. «во всѣхъ грѣхахъ покаялся» *вместо:* «во всѣхъ грѣхахъ покаяся» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 97. «Погрузился я въ себя самого» *вместо:* «Погрузился я въ себя самаго» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 97–98. «такъ, что самого себя стыдно стало» *вместо:* «такъ, что самаго себя стыдно стало» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 98. «вышла и дочка» *вмѣсто:* «вошла и дочка» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 99. «Освѣдомился въ чемъ и какъ» *вмѣсто:* «Освѣдомился къ чему и какъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 99. «Выслушалъ все — нѣтъ, говоритъ» вмѣсто: «Выслушавъ все — нѣтъ, говоритъ» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 99. «еслибъ въ другомъ такомъ случаѣ было бы» *вмѣсто:* «еслибъ въ другомъ случаѣ было бы» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 100. «Вамъ хотѣлъ угодить» *вмѣсто:* «Вамъ хотѣлось угодить» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 100. «Августа 11» *вмѣсто:* «Августа 11-го» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 100. «Моя репутація, амбиція — все замарано, все потеряно!» *вмѣсто:* «Моя репутація, амбиція — все потеряно!» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 101. «да и сказалъ ему дурака» *вмѣсто:* «да и сказалъ ему дуракъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 101. «Мнѣ по нашей лѣстницѣ и пройдти нельзя» *вмѣсто:* «Мнѣ по вашей лѣстницѣ и пройдти нельзя» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 101. «и такія странныя вещи говорятъ» *вмѣсто:* «и такія страшныя вещи говорятъ» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 102. «Вѣдь я для васъ для одного и живу» *вмѣсто:* «Вѣдь я для васъ одного и живу» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 102. «Впрочемъ, что же тутъ такого» *вмѣсто:* «Впрочемъ, что жъ тутъ такого» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 102. «За что жь обижать, за что жь презирать меня въ такомъ случаѣ?» *вмѣсто:* «За что жъ обижать, за что жъ презирать меня въ такомъ случаѣ?» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 103. «что я провинился передъ вами» *вмѣсто:* «что я провинился предъ вами» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 103. «Я и прежде проступка моего» *вмѣсто:* «Я и прежде поступка моего» *(исправлено по 1846)*

Стр. 102. «такъ же какъ ни сердце, ни мысли» *вмѣсто:* «такъ же какъ и ни сердце, ни мысли» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 104. «Тутъ ужь все пришлось одно къ одному» *вмѣсто:* «Тутъ ужь все пришло одно къ одному» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 104. «и природа была такая слезливая, и погода холодная, и дождь» *вмѣсто:* «и природа была такая слезливая, а погода холодная, и дождь» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 104. «Ну, а теперь, почувствовавъ, что я гонимъ судьбою» *вмѣсто:* «Ну, а теперь, почувствовалъ, что я гонимъ судьбою» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 104. «я, удрученный моими бѣдствіями, и упалъ духомъ» *вмѣсто:* «я, удрученный моими бѣдствіями, я упалъ духомъ» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 104. «ибо сердце мое разрывается, и мнѣ становится и горько и тягостно» *вмѣсто:* «ибо сердце мое разрывается и горько, тягостно» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 105. «чаще всего мое дѣдство» *вмѣсто:* «чаще всего мое дѣтство» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 105. «а здоровье мое безъ того все хуже» вмѣсто: «а здоровье мое и безъ того все хуже» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 105. «на деревахъ, что по берегу росли, листкомъ не шелохнетъ» *вмѣсто:* «на деревахъ, что по берегу росли, не шелохнетъ» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 107. «листьями путается въ камышѣ» *вмѣсто:* «листьями путается въ комышѣ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 107. «Я засматривалась, заслушивалась, — чудно хорошо было мнѣ!» *вмѣсто:* «Я засматривалась, заслушивалась, — чудно мнѣ!» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 107. «А я еще была ребенокъ, дитя!...» *вмѣсто:* «А я еще была ребенкомъ, дитя!...» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 107. «разсказываетъ про старое время, или старинныя сказки» *вмѣсто:* «разсказываетъ про старое время, или страшныя сказки» *(исправлено по 1846)*

Стр. 107. «льдомъ подернулось озеро» *вмѣсто:* «льдомъ подвернулось озеро» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 108. «Мужичокъ проѣдетъ мимо оконъ» *вмѣсто:* «Мужичекъ проѣдетъ мимо оконъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 108. «Вотъ почему я вамъ такое большое письмо написала» *вмѣсто:* «Вотъ почему я вамъ такое письмо написала» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 108. «Сентября 5» *вмѣсто:* «Сентября 5-го» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 109. «отставной солдатъ» *вмѣсто:* «оставной солдатъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 111. «но въ своемъ смыслѣ, въ благородномъ-то, дворянскомъ-то отношеніи» *вмѣсто:* «но въ своемъ смыслѣ, въ благородномъ-то, въ дворянскомъ-то отношеніи» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 111. «а у самого и руки и ноги окоченѣли» *вмѣсто:* «а у самаго и руки и ноги окоченѣли» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 112. «Посмотришь, вотъ онъ ужь» *вмѣсто:* «Посмотришъ, вотъ онъ ужь» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 112. «да такимъ отрывистымъ, грубымъ голосомъ» *вмѣсто:* «да такимъ, грубымъ голосомъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 112–113. «и хотя я самъ знаю, маточка, что этимъ сочувствіемъ не возьмешь» *вместо:* «и хотя я самъ знаю, маточка, что этимъ сочувствовать, и хотя я самъ знаю, маточка, что этимъ сочувствіемъ не возьмешь» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 113. «часто самого себя» *вместо:* «часто самаго себя» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 113. «на другой манеръ» *вместо:* «надругой манеръ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 114. «и ни изъ какой книжки ничего не выписывалъ» *вместо:* «и не изъ какой книжки ничего не выписывалъ» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 114. «въ грустномъ расположеніи духа» *вместо:* «въ грустномъ разспоженіи духа» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 114. «чайку хлебнуть» *вместо:* «чайку хлѣбнуть» *(исправлено по 1860, 1847)*

Стр. 114. «Вдругъ, смотрю, входитъ ко мнѣ Горшковъ» *вместо:* «Вдругъ смотритъ ко мнѣ Горшковъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 114. «около жильцовъ шныряетъ» *вместо:* «около жильцевъ шныряетъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 114. «долго спорилъ, отказывался, наконецъ положилъ» *вместо:* «долго спорилъ, отказываясь, наконецъ положилъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 115. «хотъ гривенничекъ какой–нибудь» *вместо:* «хоть гривенничикъ какой–нибудь» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 116 «Чуть немного распутаютъ, а купецъ еще крючокъ, да еще крючокъ» *вместо:* «Чуть немного распутаютъ, а купецъ еще крючекъ, да еще крючекъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 116. «дѣло запутано, а между–тѣмъ жить было нужно; а между–тѣмъ ни съ того, ни съ сего» *вместо:* «дѣло запутано, а между–тѣмъ ни съ того, ни съ сего» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 116. «Человѣкъ–то онъ затерянный, запуганный» *вместо:* «Человѣкъ–то онъ затерянный, запутанный» *(исправлено по 1846)*

Стр. 116. «Пишу къ вамъ внѣ себя» *вместо:* «Пишу вамъ внѣ себя» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 116. «Голова моя вертится» *вместо:* «Голова моя вертитси» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 116. «Я чувствую, что все вокругъ меня вертится» *вместо:* «Я чувствую, что все кругомъ меня вертится» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 117. «или тайными судьбами какими опредѣлено было, или просто такъ должно было сдѣлаться» *вместо:* «или тайными судьбами какими опредѣлено было, или просто такъ должно было, или просто такъ должно было сдѣлаться» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 117. «Вотъ точно такъ и сегодня» *вместо:* «Вотъ точно такъ сегодня» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 119. «считайте какъ хотите, возьмите... да и всунулъ мнѣ въ руку» *вместо:* «считайте какъ хотите, да и всунулъ мнѣ въ руку» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 119. «да и потрясъ ее, такъ–таки взялъ да и потрясъ» *вместо:* «да и потрясъ ее, такъ–таки взялъ да потрясъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 119. «и если бы дѣти у меня были, то и имъ бы повелѣлъ, чтобы» *вместо:* «и если бы дѣти у меня были, то и имъ бы повелѣть, чтобы» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 120. «И я самъ, какъ–то весь, какъ–будто ослабъ» *вместо:* «И я самъ, такъ–то весь, какъ–будто ослабъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 120. «Я написала бы вамъ болѣе» *вместо:* «Я писала бы вамъ болѣе» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 121. «А что тогда Ловеласомъ–то онъ меня назвалъ» *вместо:* «А что тогда Ловласомъ–то онъ меня назвалъ» *(исправлено по 1846)*

Стр. 121. «такъ это вовсе не брань» *вместо:* «такъ это все не брань» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 121. «и если покрасивѣе сказать, политературнѣе, такъ значитъ» *вместо:* «и если покрасивѣе сказать, по литературнѣе, такъ значитъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 121. «забываю вамъ разсказать» *вместо:* «забываю вамъ расказать» *(исправлено по 1860, 1847)*

Стр. 121. «Они не одного меня благодѣтели, и добротою сердца» *вместо:* «Они не одного меня облагодѣтельствовали, и добротою сердца» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 122. «и про хозяйку мою, и про Фальдони» *вместо:* «а про хозяйку мою, и про Фальдони» *(исправлено по 1846)*

Стр. 124. Пропущена подпись: «В. Д.» (исправлено по 1847, 1846)

Стр. 124–125. «вышло самое полное исполненіе желанія» *вместо:* «вышло самое исполненіе желанія» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 125. «не то, чтобы прямо неудовольствіе выказалъ, а только посмотрѣлъ» *вместо:* «не то, чтобы прямо неудовольствіе высказалъ, а только посмотрѣлъ» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 126. «Она разсказываетъ, что она работала съ полчаса» *вместо:* «Она разсказываетъ, что она съ полчаса» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 126. «умеръ, маточка, умеръ Горшковъ, внезапно умеръ, словно его громомъ убило. А отъ–чего умеръ Богъ его знаетъ» *вместо:* «умеръ, маточка, умеръ Горшковъ, внезапно умеръ, Богъ его знаетъ» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 127. «Пріѣзжалъ какой-то къ нему, привезъ такую толстую рукопись» *вместо:* «Пріѣзжалъ какой-то къ нему, привезъ къ нему такую толстую рукопись» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 127. «кой о чемъ разспрашивалъ» *вместо:* «кой о чемъ распрашивалъ» *(исправлено по 1860, ср. 1847, 1846)*

Стр. 128. «и объ чемъ обязанности благородства повелѣвали ему не умалчивать» *вместо:* «и объ чемъ обязанности благородства повелѣвали ему умалчивать» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 128. «что это главная причина его сватовства» *вместо:* «что эта главная причина его сватовства» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 128. «если я хоть мѣсяцъ еще такъ останусь» *вместо:* «если я хоть мѣсяцъ такъ останусь» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 128. «сказалъ, что онъ про все слышалъ» *вместо:* «сказалъ, что про все слышалъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 129. «чтобы я поразмыслила хорошенько объ его предложеніяхъ» *вместо:* «чтобы я поразмыслила объ его предложеніяхъ» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 129. «онъ принужденъ будетъ жениться въ Москвѣ на купчихѣ, потому-что, говоритъ онъ, я присягнулъ» *вместо:* «онъ принужденъ будетъ жениться въ Москвѣ на купчихѣ, потому-то, говоритъ онъ, я присягнулъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 129. «я съ тоски исчахну» *вместо:* «я съ тоски изчахну» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 130. Пропущена подпись: «В. Д.» (исправлено по 1847, 1846)

Стр. 130. «Сентября 23» *вместо:* «Сентября 23-го» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 130. «родная моя, такъ вы и соглашаетесь. Какъ же вы это такъ соглашаетесь, Варвара Алексѣевна? Конечно, во всемъ воля Божія» *вместо:* «родная моя, такъ вы и соглашаетесь. Конечно, во всемъ воля Божія» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 130. «какъ онъ отъ васъ выходилъ» *вместо:* «какакъ онъ отъ васъ выходилъ» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 130. «да и я-то теперь какъ-то самъ не свой» *вместо:* «да я-то теперь какъ-то самъ не свой» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 130. «все это взвѣшиваю, всѣ причины-то эти» *вместо:* «все это взвѣшиваю, причины-то эти» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 131. «Какъ же это вы, маточка, что вы!» *вместо:* «Какъ же вы, маточка, что вы!» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 131. «Вѣдь вамъ будетъ нужно покупки большія дѣлать, да экипажъ заводить» *вместо:* «Вѣдь вамъ нужно покупки большія дѣлать, да и экипажъ заводить» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 131. «Сентября 27» *вместо:* «Сентября 27-го» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 132. «усики и шипы кордонпе» *вместо:* «усики и шипы кордонне» *(исправлено по 1847)*

Стр. 132. «Мнѣ такъ совѣстно, что я все васъ мучаю» *вместо:* «Мнѣ такъ совѣстно, что все васъ мучаю» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 132. «Ахъ, что это будетъ, что это будетъ, другъ мой» *вместо:* «Ахъ, что это будетъ, другъ мой» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 133. «Только помню, что очень много говорила» *вместо:* «Только помню, очень много говорила» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 133. «Вы пишете, что въ будущее заглянуть боитесь» *вместо:* «Вы пишите, что въ будущее заглянуть боитесь» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 134. «Сентября 29» *вместо:* «Сентября 29–го» *(исправлено по 1860, 1847)*

Стр. 134. «счеты изъ магазина въ Гороховой я провѣрилъ» *вместо:* «счеты изъ магазина я въ Гороховой провѣрилъ» *(исправлено по 1847, 1846)*

Стр. 136. «На кого вы здѣсь останетесь» *вместо:* «На кого вы здѣсь останесь» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 136. «Вы пишете, что вы больны» *вместо:* «Вы пишите, что вы больны» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 136. «Господинъ Быковъ зоветъ меня. Прощайте! Васъ вѣчно любящая» *вместо:* «Господинъ Быковъ зоветъ меня. Васъ вѣчно любящая» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Стр. 137. «Тамъ степь, родная моя, тамъ степь, чистая, голая степь» *вместо:* «Тамъ степь, родная моя, тамъ степь, голая степь» *(исправлено по 1860, 1847, 1846)*

Комментарии

Стр. 17. Охъ, ужь эти мнѣ сказочники! — Достоевский цитирует отрывок из рассказа В. Ф. Одоевского «Живой мертвец», дважды изменив «запретить» на «запретил».

Стр. 20. Чиновникъ одинъ есть (онъ гдѣ–то по литературной части)... — По литературной части можно было служить лишь в Цензурном Комитете.

Стр. 20. ...человѣкъ начитанный: и о Гомерѣ, и о Брамбеусѣ, и о разныхъ у нихъ тамъ сочинителяхъ говоритъ, обо всемъ говоритъ; — умный человѣкъ! — Гомер — легендарный греческий поэт, создатель первых известных нам памятников древнегреческой словесности VIII в. до н. э. — поэм «Илиада» и «Одиссея», которые стали основой будущей античной литературы и в первую очередь формирующим образцом авторского эллинистического и римского эпоса («Аргонавтика»

Аполлония Родосского, «Энеида» Вергилия, «Фиваида» Стация и др.). Через латинское посредничество, а с XVI в. и непосредственно поэмы Гомера оказали большое влияние на развитие европейской литературы в целом. Достоевский чрезвычайно высоко оценивал значение Гомера в истории не только литературы, но и человечества, сближая его с Христом: «Гомер (баснословный человек, может быть как Христос, воплощенный Богом и к нам посланный) может быть параллельно только Христу, а не Гете. <...> Ведь в «Илиаде» Гомер дал всему миру организацию и духовной и земной жизни, совершенно в такой же силе, как Христос новому» (*Д.*, XXVIII. Кн. I. С. 69). Подробнее об этом см.: Мальчукова Т. Г. Достоевский и Гомер (к постановке проблемы)// Новые аспекты в изучении Достоевского. Петрозаводск, 1994. С. 3–36. Под псевдонимом Барон Брамбеус печатался популярный писатель О. И. Сенковский (1800–1858), редактор журнала «Библиотека для чтения» (1834–1849). Такое сочетание имен в наивных речах Макара Девушкина имеет явно пародийный характер. Вместе с тем упоминание Достоевским имени Гомера в контексте современной литературы содержит указание на его несколько неожиданную популярность в русской журналистике 1840-х годов. Происходит это в связи с развитием русской прозы, в первую очередь поэтической прозы Гоголя с учетом гомеровской поэтики, и стремлением осмыслить оригинальный русский эпос в сопоставлении с гомеровским, о чем спорили, К. Аксаков и В. Белинский. Их полемика по поводу «Мертвых душ» положила начало насмешкам над сравнением Гомера и Гоголя, которые были подхвачены журналистами «Сына Отечества», «Северной Пчелы» и «Библиотеки для Чтения», в результате чего имя Гомера в 1842–1846 гг. не сходило с журнальных страниц (Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л., 1964. С. 345–353).

Стр. 20. ...35 руб. ассигн. сто́итъ. — Ассигнации — бумажные деньги, введенные в 1769 году и замененные в 1843 году кредитными билетами. Бумажный рубль был значительно дешевле серебряного: в это время один рубль ассигнацией стоил примерно 27 копеек серебром.

Стр. 28. ...про сестрицу, что за тульскимъ засѣдателемъ... — Напоминание о тульском заседателе отсылает к пушкинским стихам из «Путешествия Онегина»: «Зачем, как тульский заседатель, Я не лежу в параличе?» (*П.*, V, 173.)

Стр. 29. Въ домѣ и людей-то всего двое: Тереза да Фальдони, хозяйскій слуга. — Достоевский дал слугам имена героев популярного французского романа Н.-Ж. Леонара «Тереза и Фальдони, или Письма двух любовников, живущих в Лионе» (1783; русские издания в переводе М. Т. Каченовского — 1804 и 1816). В 1843 году был опубликован рассказ М. Воскресенского «Замоскворецкие Тереза и Фальдони» (Литературная газета. 1843. № 7–8).

Стр. 30. ...благорастворенiе воздуховъ... — Слова из великой ектеньи (молитвенного прошения) в литургии Ионна Златоуста. Здесь:

это выражение является ироническим фразеологизмом: божественная гармония переосмыслена как смешение стихий петербургской природы.

Стр. 32. ...тамъ внѣ дома, гдѣ-нибудь рандеву дадимъ. — Рандеву (франц. rendez-vous) — свидание.

Стр. 35. ...сижу-себѣ за разговорами или вокабулами... — «Разговоры» — диалоги на французском языке (ответы и вопросы); «вокабулы» — русские переводы французских слов. Здесь: сижу за уроками — заучиванием вопросов и ответов, заучиванием французских слов.

Стр. 35. ...о грамматикѣ Ломонда... — Имеется в виду одно из изданий под названием «Полная французская грамматика, содержащая в себе произведение, сочинение и правописание слов, сочиненная Ломондом, исправленная и дополненная Летелье» (М., 1831).

Стр. 36. ...грамматика Ломонда скверная грамматика, а Запольскаго гораздо лучше... — Названа «Новая учебная книга для французского языка, содержащая в себе букварь, этимологию, синтаксис и христоматию», издал В. Запольский (М., 1817 и 1824).

Стр. 50. ...ему хотѣлось имѣть полное собраніе сочиненій Пушкина, въ послѣднемъ изданіи... — Речь идет о первом посмертном Полном собрании сочинений Пушкина в одиннадцати томах (СПб., 1838 – 1841).

Стр. 59. Кабалу стряпалъ что ли какую-нибудь? — Строил козни (интриги). Ср. нем. die Kabale — коварство, козни.

Стр. 67. ...положимъ, что вдругъ, ни съ того-ни съ сего, вышла бы въ свѣтъ книжка, подъ титуломъ — *Стихотворенія Макара Дѣвушкина!* — Этот мотив обыграл позже И. Тургенев в своем шутливом, недошедшем послании Макара Девушкина Достоевскому, о котором вспоминала А. Панаева (Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1972. С. 144–145).

Стр. 67. Какая-нибудь тамъ контесса-дюшесса узнала бы... — Контесса (франц. contesse) — графиня; дюшесса (франц. duchesse) — герцогиня.

Стр. 68. ...такъ (шалуны они, маточка!) пустили въ ходъ такой романеи... — Романея — романические (любовные) фантазии; образовано от слова *роман* по аналогии со словом *эпопея.*

Стр. 68. Ходитъ здѣсь по рукамъ Поль-де-Кока одно сочиненіе... — Поль де Кок (Paul de Kock; 1793–1871) — популярный французский беллетрист, автор развлекательных романов на семейные темы; у части русских читателей и критиков имел сомнительную репутацию как автор «грязных», «фривольных» сочинений.

Стр. 74. ...*Картину человѣка,* умное сочиненіе, читалъ...— Имеется в виду философское сочинение А. И. Галича, лицейского профессора А. Пушкина, позже профессора Санкт-Петербургского университета, в 1821 году отстраненного от преподавания. Полное название — «Картина человека, опыт наставительного чтения о предметах самопознания

для всех образованных сословий, начертанный А. Галичем» (СПб., 1834).

Стр. 74. ...Мальчика, наигрывающаго разныя штучки на колокольчикахъ читалъ... — По русскому переводу («Мальчик, наигрывающий разные штуки колокольчиками». Т. I–IV. М., 1810 и 1820) назван роман французского писателя Ф. Г. Дюкре-Дюмениля (F. G. Ducray-Duminil; 1761–1819) «Маленький звонарь», в котором бродячий музыкант после долгих страданий и злоключений обретает родных и оказывается графом.

Стр. 74. ...да *Ивиковы журавли...* — Баллада Ф. Шиллера в переводе В. Жуковского (1813).

Стр. 75. Нѣтъ, это натурально! вы прочтите-ка; это натурально! это живетъ! — Эти слова Макара Девушкина не остались незамеченными. На них обратил внимание Ф Булгарин в своей рецензии на роман Достоевского и обругал новую литературную школу «натуральной» (Ф. Булгарин. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1846. 25 января. № 22).

Стр. 91. ...14-го класса какой-то. — Низший чин в табели о рангах, введенной Петром I.

Стр. 100. ...что я самъ предатель, что я конкетами разными занимаюсь... — Конкет (франц. conquète) — завоевание, захват, покорение, победа.

Стр. 100. ...вы дескать Ловеласъ... — Ловелас — герой популярного в России романа С. Ричардсона (1689–1761) «Кларисса» (1747–1748; русский перевод: 1791–1792). Здесь: нарицательное имя волокиты, ловкого и искусного соблазнителя.

Стр. 102. И мудрецы греческіе безъ сапогъ хаживали... — Имеются в виду Сократ и Диоген. Античные источники многое рассказывают и об их бедности и о сознательном стремлении к простой, лишенной всяких удобств жизни. О том, что Сократ ходил босой и летом и зимой, говорит Аристофан в комедии «Облака» (363–364) и Платон в диалогах «Федр» (229а) и «Пир» (220в). Имеется и подробный рассказ о жизни философа Диогена с упоминанием того, что «босыми ногами ходил он по снегу» (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Перевод М. Л. Гаспарова. М., 1979. С. 244). Упоминание «греческих мудрецов» в письме Девушкина показывает, что анекдоты о философах были известны и в мелкой чиновничьей среде, среде малообразованной, но читающей. Об этом же свидетельствуют слова Зимовейкина в рассказе «Господин Прохарчин», слова невнятные, но тем не менее указывающие на популярную греческую нравственную философию с ее идеалом простой и добродетельной жизни: «Язычникъ ты, языческая ты душа, мудрецъ ты! умолялъ Зимовейкинъ: — Сеня, необидчивый ты человѣкъ, миловидный, любезный! ты простъ, ты добродѣтельный... слышалъ? Это отъ добродѣтели твоей происходитъ...» (см. с. 341 наст. изд.).

Стр. 119. ...поспѣшно вынимаютъ книжникъ и изъ него сторублевую... — Книжник — здесь: бумажник.

Стр. 121. Пчелку прочелъ. — Пчелка — обиходное название официозной газеты «Северная Пчела» (1825–1864; СПб.), которую с 1825 по 1859 гг. издавали Ф. Булгарин и Н. Греч.

Стр. 132. Скажите мадамъ Шифонъ... — Шифон (франц. chiffon) — тряпка, лоскут, барахло. Аналогично образована другая французская фамилия в «Двойнике»: мадам Фальбала.

Стр. 132. ...чтобы блонды она непремѣнно перемѣнила... — Блонды (франц. blonde) — шелковое кружево.

Стр. 132. ...скажите еще, что я раздумала на счетъ канзу... — Канзу (франц. canezou) — легкая кофточка без рукавов.

Стр. 132. ...что его нужно вышивать крошью. — Крошь (франц. crochet) — вязальный крючок.

Стр. 132. Да еще: буквы для вензелей на платкахъ вышивать тамбуромъ... — Тамбур (франц. tambour à broder) — круглые пяльцы.

Стр. 132. ...листики на пелеринѣ шить возвышенно, усики и шипы кордонне... — Кордонне (франц. cordonnet) — шнурок, тесьма.

Стр. 132. ...обшить воротникъ кружевомъ или широкой фальбалой. — Фальбала (франц. falbala) — оборка.

ДВОЙНИКЪ.
ПРИКЛЮЧЕНІЯ ГОСПОДИНА ГОЛЯДКИНА

(Стр. 139)

Источники текста:

1846 — Первая публикация: Отечественныя Записки, учено–литературный журналъ, издаваемый А. Краевскимъ. СПб.: Тип. Ив. Глазунова и Комп. Годъ восьмой. Т. XLIV. Февраль. 1846. С. 274–428.
Подпись: Ѳ. Достоевскій.
Цензурное разрешение — 24 января 1846 года. Вместе с тем, судя по письму Достоевского от 1 января 1846 года, работа над "Двойником" продолжалась и позднее: «до самого последнего момента, то есть до 28–го числа, кончал моего подлеца Голядкина» (*Д.*, XXVIII. Кн. I. С. 117).

1866 — Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. Новое, дополненное изданіе. Изданіе и собственность Ѳ. Стелловскаго. СПб.: Тип. Ѳ. Стелловскаго, 1866. С. 64–128.

Отдельное издание: Двойникъ. Петербургская поэма *Ѳ. М. Достоевскаго.* Новое, передѣланное изданіе. Изданіе и собственность Ѳ. Стелловскаго. СПб.: Тип. Ѳ. Стелловскаго, 1866. 219 с.

Автограф неизвестен.

«Двойник» существует в двух самостоятельных редакциях.

В данном томе повесть печатается по тексту *1846* со следующими исправлениями:

Стр. 150. «не мастеръ красно́ говорить» *вместо:* «не мастеръ кра́сно говорить» *(ред. испр.)*

Стр. 150. «Не интригантъ, — а этимъ тоже горжусь» *вместо:* «Не интригантъ, — а этимъ тоже торжусь» *(исправлено по 1866)*

Стр. 162. «рѣшительно отстраняя рукой» *вместо:* «рѣшительо отстраняя рукой» *(исправлено по 1866)*

Стр. 167. «для изображенія всѣхъ этихъ прекрасныхъ и назидательныхъ» *вместо:* «дла изображенія всѣхъ этихъ прекрасныхъ и назидательныхъ» *(исправлено по 1866)*

Стр. 172. «но ужь такъ, заодно» *вместо:* «но ужъ такъ, заодно» *(ред. испр.)*

Стр. 179. «убѣжать отъ себя самого» *вместо:* «убѣжать отъ себа самого» *(исправлено по 1866)*

Стр. 194. «Вѣдь вотъ, для примѣра» *вместо:* «Вѣдь вотъ, для прнмѣра» *(исправлено по 1866)*

Стр. 198. «Тутъ господинъ Голядкинъ мысленно пожелалъ» *вместо:* «Тутъ господинъ Голядкннъ мысленно пожелалъ» *(исправлено по 1866)*

Стр. 202. «тётушкѣ его, Пелагеѣ Семеновнѣ» *вместо:* «тётушкѣ его, Палагеѣ Семеновнѣ» *(исправлено по 1866)*

Стр. 204. «еще одинъ червячокъ» *вместо:* «еще одинъ червячекъ» *(ред. испр.)*

Стр. 212. «радѣю о порученныхъ мнѣ» *вместо:* «радѣю о порученныхь мнѣ» *(исправлено по 1866)*

Стр. 218. «въ себя отъ послѣдней аттаки» вместо: «въ себи отъ послѣдней аттаки» *(исправлено по 1866)*

Стр. 220. «въ ветошку господина Голядкина» *вместо:* «въ ветошку господина Голядкияа» *(исправлено по 1866)*

Стр. 226. «создалъ двухъ совершенно-подобныхъ» *вместо:* «создалъ двухъ совершенпо-подобныхъ» *(исправлено по 1866)*

Стр. 227. «зная цѣну, вынулъ 10 коп.» *вместо:* «зная цѣну, выпулъ 10 коп.» *(исправлено по 1866)*

Стр. 235. «петля этакая, продувной малой» *вместо:* «петля этакая, продув ной малой» *(исправлено по 1866)*

Стр. 236. «все это потрясло до основанія» *вместо:* «все это цотрясло до основанія» *(исправлено по 1866)*

Стр. 238. «съ любопытствомъ неописаннымъ» *вместо:* «съ любопытствомъ неописанннымъ» *(исправлено по 1866)*

Стр. 239. «слова ихъ — фальшь» *вместо:* «слова ихъ — фальшъ» *(исправлено по 1866)*

Стр. 248. «продолжалъ онъ шепотомъ, весь въ страшномъ волненіи» *вместо:* «продолжалъ онъ пошептомъ, весь въ стращномъ волненіи» *(исправлено по 1866)*

Стр. 255. «если такъ судить, съ одной стороны» *вместо:* «если такъ судить, съодной стороны» *(ред. испр.)*

Стр. 255. «Впрочемъ, зачѣмъ я» *вместо:* «Внрочемъ, зачѣмъ я» *(ред. испр.)*

Стр. 257. «раскраснѣвшаяся, вѣроятно отъ скорой ходьбы» *вместо:* «разскраснѣвшаяся, вѣ́роятно отъ скорой ходьбы» *(ред. испр.)*

Стр. 258. «Кажется, что еще, покамѣстъ... того-съ... ничего нѣтъ покамѣсть-съ» *вместо:* «Кажется, что еще, покамѣсть... того-съ... ничего нѣтъ покамѣсть-съ» *(исправлено по 1866)*

Стр. 259. «Покамѣстъ еще нѣтъ-съ» *вместо:* «Покамѣсть еще нѣтъ-съ» *(исправлено по 1866)*

Стр. 260. «ухватились за Каролину Ивановну» *вместо:* «ухватились за Королину Ивановну» *(исправлено по 1866)*

Стр. 261. «смотритъ, мошенникъ, чистымъ разбойникомъ» *вместо:* «смотритъ, мошенникъ, чистымъ розбойникомъ» *(исправлено по 1866)*

Стр. 262. «Ни отъ кого извѣстій покамѣстъ нѣтъ» *вместо:* «Ни отъ кого извѣстій покамѣсть нѣтъ» *(исправлено по 1866)*

Стр. 265. «ГЛАВА XI» *вместо:* «ГЛАВА XII» *(ред. испр.)*

Стр. 267. «изъ руки господина Голядкина-старшаго» *вместо:* «изъ руки господина-Голядкина старшаго» *(ред. испр.)*

Стр. 267. «вьюня межъ чиновниками» *вместо:* «вьюня межь чиновниками» *(исправлено по 1866)*

Стр. 274. «ГЛАВА XII» *вместо:* «ГЛАВА XIII» *(ред. испр.)*

Стр. 279. «Я говорю откровенно, Яковъ Петровичъ, все можетъ быть» *вместо:* «Я говорю откровенно, Яковъ Петровъ, все можетъ быть» *(исправлено по 1866)*

Стр. 280. «господинъ Голядкинъ-младшій» *вместо:* «господинъ Голядкинъ-млдашій» *(исправлено по 1866)*

Стр. 283. «онъ вѣроломно называлъ шуточкой» *вместо:* «онъ вѣроломмо называлъ шуточкой» *(ред. испр.)*

Стр. 284. «карабкаясь на экипажъ, отстаиваемый» *вместо:* «карабкаясь на экипажъ, отстаивамый» *(исправлено по 1866)*

Стр. 290. «но, къ неописанному» *вместо:* «по, къ неописанному» *(исправлено по 1866)*

Стр. 292. «ГЛАВА XIII» *вместо:* «ГЛАВА XIV» *(ред. испр.)*

Стр. 297. «ай-да хваленая наша» *вместо:* «ай-да хваленая каша» *(исправлено по 1866)*

Стр. 305. «ГЛАВА XIV» *вместо:* «ГЛАВА XV» *(ред. испр.)*

Стр. 309. «да и того... дескать» *вместо:* «да и тото... дескать» *(исправлено по 1866)*

Стр. 311. «Я на тебя полагаюсь» *вместо:* «Я на тебя полагюсь» *(исправлено по 1866)*

Стр. 312. «претендовать уже болѣе нѐкому» *вместо:* «претендовать уже болѣе нѐ кому» *(ред. испр.)*

Стр. 313. «Мнѣ бы лучше домой» *вместо:* «Ммѣ бы лучше домой» *(исправлено по 1866)*

Стр. 315. «тоже сто́ило общаго, слезящагося участія» *вместо:* «тоже сто́яло общаго, слезящагося участія» *(исправлено по 1866)*.

Стр. 318. «знакомецъ вашъ, Крестьянъ Ивановичъ Рутеншпицъ» *вместо:* «знакомецъ вашъ, Крестьянъ Ивановичъ Рутепшпицъ» *(исправлено по 1866)*

Комментарии

Стр. 141. ...пачка зелененькихъ, сѣренькихъ, синенькихъ, красненькихъ и разныхъ пестренькихъ бумажекъ... — Бытовые названия ассигнаций: зелененькая — три рубля, серепькая — пятьдесят, синенькая — пять, красненькая — десять рублей.

Стр. 143. Голубая извощичья карета, съ какими-то гербами, съ громомъ подкатилась... — Цвет кареты и гербы становятся знаками «самозванства» Голядкина: они свидетельствуют о том, чего лишен герой повести — богатства и знатного происхождения.

Стр. 147. ...случалось ему абордировать кого-нибудь.. — Абордировать (франц. abordеr) — атаковать.

Стр. 153. ...умѣютъ этакъ иногда поднести коку съ сокомъ. — Кока, коко — яйцо, лакомство, гостинец. Кока с соком — богатство, достаток (*Даль,* II, 134). Здесь: угощение, сюрприз.

Стр. 155. ...и племянникъ его, наше не́щечко... — Нещечко — любимое существо, сокровище.

Стр. 158. — ...мирно пристроился къ одной тощей національной газеткѣ. — Намек на «Северную Пчелу». См. прим. на с. 653 данного издания.

Стр. 161. ...могу сан-фасонъ... — Сан-фасон (франц. sans façon) — запросто, без церемоний.

Стр. 165. ...обѣдомъ, который походилъ болѣе на какой-то пиръ вальтасаровскій, чѣмъ на обѣдъ... — Здесь: роскошный и беззаботный пир накануне падения. См. прим. на с. 681 данного издания.

Стр. 165. ...съ шампанскимъ-клико, съ устрицами и плодами Елисѣева и Милютиныхъ-Лавокъ... — Елисеев и Милютин — известные русские купеческие фамилии владельцев крупных гастрономических магазинов.

Стр. 166. О, если бы я былъ поэтъ! — разумѣется, по-крайней-мѣрѣ такой, какъ Гомеръ или Пушкинъ... — Ссылка на описание именинного обеда и бала у Лариных в романе «Евгений Онегин» (*П.,* V, 99–102). Пушкин ссылается здесь на Гомера как поэта пиров: «И, кстати, я замечу в скобках, // Что речь веду в моих строфах // Я столь же часто о пирах, // О разных кушаньях и пробках, // Как

ты, божественный Омир, // Ты, тридцати веков кумир» (*П.*, V, 100). Подобное упоминание Гомера было у Пушкина и в четвертой песне его поэмы «Руслан и Людмила»: «Я не Омер: в стихах высоких // Он может воспевать один // Обеды греческих дружин // И звон, и пену чаш глубоких» (*П.*, IV, 50) Шутливое представление Пушкиным Гомера как поэта пиров, по мнению А. Н. Егунова, восходит к Богдановичу, который упомянул в «Душеньке», что гомеровские герои, "забывая месть, любили часто пить и есть", и имеет общий с ним источник обвинения Гомера в споре о древних и новых. "На самом деле, — пишет исследователь, — Гомер не так часто описывает еду: на 16 тысяч (в круглых цифрах) стихов «Илиады» этому посвящено едва ли 50 строк, в «Одиссее» несколько больше" (Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л., 1964. С. 88).

Стр. 166. ...этихъ гостей, погруженныхъ въ благоговѣйное молчаніе и ожиданіе, болѣе похожее на демосѳеновское краснорѣчіе, чѣмъ на молчаніе. — Ссылка на красноречие Демосфена (384–322 до н. э.), знаменитого греческого оратора и политического деятеля, заменяет у Достоевского более обычную для европейской литературы ссылку на Цицерона (106–43 до н. э.), знаменитого римского оратора и политического деятеля, и характерна для наступившей в XVIII веке переориентации европейской культуры с латинских образцов на греческие. Между тем сравнение молчания с красноречием имеет своим источником речь Цицерона против Катилины, где о сенаторах сказано *cum tacent, clamant* (Первая речь против Катилины, VIII, 20).

Стр. 166. ...устремившихъ на него полныя ожиданія очи. — Пародийная реминисценция из «Мертвых душ» Гоголя, где этот образ возникает в авторском обращении к Руси: «Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?..» (*Г.*, V, 201).

Стр. 169. ...цитовалъ онъ, въ собственное оправданіе свое, одну фразу блаженной памяти французскаго министра Виллеля... — Виллель Жозеф, граф (1773–1854) — французский политик, роялист, глава кабинета министров Людовика XVIII и Карла X (1821–1827).

Стр. 170. ...припомнилъ и о бывшемъ турецкомъ визирѣ Марцимирисѣ, равно–какъ и о прекрасной маркграфинѣ Луизѣ, исторію которыхъ читалъ онъ тоже когда–то въ книжкѣ. — Имеется в виду «Повесть о приключении аглинского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фредерике Луизе с присовокуплением к оной истории бывшего турецкого визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезии» М. Комарова (1782; восьмое издание — в 1840 году).

Стр. 184. Какая–то далекая, давно ужь забытая идея, — воспоминаніе о какомъ–то давно–случившемся обстоятельствѣ — пришла теперь ему въ голову, стучала словно молоточкомъ въ его головѣ,

досаждала ему, не отвязывалась прочь отъ него. «Эхъ, эта скверная собачонка!» шепталъ господинъ Голядкинъ, самъ не понимая себя. — Реминисценция из «Фауста» Гете: впервые Мефистофель появился перед Фаустом в виде черного пуделя. Здесь в который раз возникает пародийная ситуация: «скверная собачонка» становится «двойником двойника».

Стр. 186. Нѣчто о сіамскихъ близнецахъ. — Знаменитые сиамские близнецы Ханг и Энг (1811–1874) демонстрировались в разных странах Европы и Америки.

Стр. 197. — Парафраза из басни И. А. Крылова «Ларчик» (1808): «А Ларчик просто открывался».

Стр. 197. ...пусть его служитъ, — согласенъ и аппробую! — Аппробовать (франц. approber) — одобрять.

Стр. 198. ...изъ исторіи извѣстно, что знаменитый Суворовъ пѣлъ пѣтухомъ... — Одно из многих анекдотических преданий о великом полководце, помещенное в кн.: Анекдоты князя Италлийского, графа Суворова-Рымникского, изданные Е. Фуксом. СПб., 1827. С. 75, 78.

Стр. 202. ...о развратѣ души одного изъ повытчиковъ... — Повытчик — судейский чиновник, столоначальник.

Стр. 204. ...разсказалъ гостю <...> о картинѣ Брюлова... — Картина К. Брюллова «Последний день Помпеи» была выставлена в Академии Художеств в 1834 году и с тех пор пользуется постоянным вниманием русского общества.

Стр. 219. ...попадешь подъ сюркупъ своевременно... — Сюркуп (франц. surcouper) — карточный термин: перекрывание старшим козырем младшего.

Стр. 251. ...и — под-ли-сить... т. е. нѣтъ, зачѣмъ подлисать... это подло, подлисить! — Подлисить — на чиновничьем жаргоне: хитрить.

Стр. 251. ...гравированный портретъ шута Балакирева... — Балакирев — популярный персонаж народных преданий, слуга Петра I, шут при Анне Иоанновне. См. собранные К. А. Полевым «Полные избранные анекдоты о придворном шуте Балакиреве, любимце Петра I» (ч. I–IV. М., 1836).

Стр. 267. Это нашъ русскій Фоблазъ... — Фоблаз — герой французского романа Ж. Б. Луве де Кувре «Любовные похождения кавалера де Фобласа» (1787–1790; русский перевод — 1792–1796 и 1805) — стал нарицательным именем ловкого соблазнителя.

Стр. 275. ...стараясь сохранить эквилибръ... — Эквилибр (франц. équilibre) — равновесие.

Стр. 277. ...за бир-супъ, да мильх-супъ наше сердце имъ посвящаемъ... — Бир (нем. das Bier) — пиво, мильх (нем. der Milch) — молоко.

Стр. 281. ...съ самой наглой, язвительной и вакхической улыбкой... — Вакх — имя греческого бога вина Диониса. Вакхические ор-

гии, вакханалии — разнузданные празднества культа Диониса — Бахуса в Греции и в Риме. Здесь «вакхическое» означает разнузданность демонического происхождения и покровительства. На языке христианской культуры это «нечто сатанинское».

Стр. 283. Тутъ же припомнилъ онъ сказку, въ которой говорилось о колбасѣ, приросшей къ носу одной неблагоразумной въ желаніяхъ своихъ жены одного старика. — Один из «бродячих сюжетов», обработанный Ш. Перро (1628–1703) в сказке «Потешные желания». Достоевский мог обратить внимание на русский перевод этой сказки в сборнике «Шесть сказок для детей. Перевод с французского» (1845).

Стр. 285. ...успѣлъ какъ-то неловко задѣть и опрокинуть двухъ бабъ, съ ихъ какимъ-то походнымъ товаромъ... — Здесь у Достоевского в сокращенном и «удвоенном» варианте отражен начальный эпизод из повести Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок» (1814).

Стр. 289. ...громко потребовалъ «Полицейскія Вѣдомости». — Имеется в виду газета «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции» (1839–1917).

Стр. 292. ...будемъ жить въ хижинѣ на берегу Хвалынскаго-Моря. — Хвалынское море — старинное название Каспийского моря.

Стр. 294. ...карпетокъ три пары... — Карпетка (польск. skarpetka) — короткий чулок, носок.

Стр. 297. ...они ее въ пансіонъ, къ мадамъ Француженкѣ, къ эмигранткѣ Фальбалà тамъ какой-нибудь... — Реминисценция из поэмы Пушкина «Граф Нулин»: «...затем, // Что не в отеческом законе // Она воспитана была, // А в благородном пансионе // У эмигрантки Фальбала» (*П.*, IV, 171). Комизм ситуации усиливается стилистическим несоответствием фамилии и социальной роли «эмигрантки» (франц. falbala — оборка).

ГОСПОДИНЪ ПРОХАРЧИНЪ. РАЗСКАЗЪ

(Стр. 321)

Источники текста:

1846 — Первая публикация: Отечественныя Записки, учено-литературный журналъ, издаваемый А. Краевскимъ. СПб.: Тип. Ив. Глазунова и Комп. Годъ восьмой. Т. XLVIII. Октябрь. 1846. С. 151–178.
Подпись: Ѳ. Достоевскій.
Цензурное разрешение — 30 сентября 1846 года.

1865 — Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. Вновь просмотрѣнное и дополненное самимъ авторомъ изданіе. Изданіе и собственность Ѳ. Стелловскаго. СПб.: Тип. Ѳ. Стелловскаго, 1865. С. 39–51.

Отдельное издание: Господинъ Прохарчинъ. Разсказъ *Ѳ. М. Достоевскаго.* Вновь просмотрѣнное самимъ авторомъ изданіе. Изданіе и собственность Ѳ. Стелловскаго. СПб.: Тип. Ѳ. Стелловскаго, 1865. С. 45.

Автограф неизвестен.

Печатается по тексту *1865* со следующими исправлениями по *1846:*

Стр. 323. «Маркъ Ивановичъ, будучи умнымъ человѣкомъ» *вместо:* «Маркъ Ивановичъ, будучи умнымъ человѣковъ» (*исправлено по 1846*)

Стр. 324. «У Семена Ивановича былъ одинъ сундучокъ. Сундукъ этотъ стоялъ» *вместо:* «У Семена Ивановича былъ одинъ сундучокъ. Этотъ стоялъ» (*исправлено по 1846*)

Стр. 325. «какой-то особенной нѣмецкой работы» *вместо:* «какой-то особенный нѣмецкой работы» (*исправлено по 1846*)

Стр. 325. «сыпались слова безо всякаго смысла» *вместо:* «сыпались слова безъ всякаго смысла» (*исправлено по 1846*)

Стр. 326. «а еслибъ умерла золовка-нахлѣбница» *вместо:* «а еслибъ умерла бы золовка-нахлѣбница» (*исправлено по 1846*)

Стр. 326. «И такъ долго и пространно» *вместо:* «Итакъ долго и пространно» (*исправлено по 1846*)

Стр. 326. «повторялъ одно и то же для сильнѣйшаго» *вместо:* «повторялъ одно и тоже для сильнѣйшаго» (*исправлено по 1846*)

Стр. 326. «И такъ-какъ господинъ Прохарчинъ» *вместо:* «Итакъ какъ господинъ Прохарчинъ» (*исправлено по 1846*)

Стр. 331. «танецъ оказался ужь слишкомъ характернымъ» *вместо:* «танецъ оказался ужь слишкомъ характернымь» (*исправлено по 1846*)

Стр. 333. «фраза: «неоднократно замѣчено» *вместо:* «фраза, «неоднократно замѣчено» (*исправлено по 1846*)

Стр. 334. «и махнувъ рукой въ нисходящей линіи» *вместо:* «и махнувъ рукой въ низходящей линіи» (*исправлено по 1846*)

Стр. 334. «Господинъ Прохарчинъ бѣжалъ, бѣжалъ, задыхался» *вместо:* «Прохарчинъ бѣжалъ, бѣжалъ, задыхался» (*исправлено по 1846*)

Стр. 334. «запрудивъ межъ двумя мостами» *вместо:* «запрудивъ межь двумя мостами» (*ред. испр.*)

Стр. 336. «подбирая подъ себя на бѣгу свои пятки» *вместо:* «подбирая подъ себя на бѣду свои пятки» (*исправлено по 1846*)

Стр. 336. «что нужно выздоравливать» *вместо:* «что, нужно выздоравливать» (*исправлено по 1846*)

Стр. 337. «промычалъ что-то сквозь зубы» *вместо:* «промычавъ что-то сквозь зубы» (*исправлено по 1846*)

Стр. 337. «межъ благородныхъ людей» *вместо:* «межь благородныхъ людей» (*ред. испр.*)

Стр. 338. «будучи умнымъ человѣкомъ, говорилъ иногда» *вместо:* «будучи умнымъ человѣкомъ, говоритъ иногда» (*исправлено по 1846*)

Стр. 339. «не снимая шинели, поспѣшно» *вместо:* «не снимая шинели, и поспѣшно» (*исправлено по 1846*)

Стр. 339. «что ты, Сенька? вставай!» *вместо:* «что ты, Сенька, вставай!» (*исправлено по 1846*)

Стр. 340. «а причина тому та» *вместо:* «и причина тому та» (*исправлено по 1846*)

Стр. 340. «пьяница какой-нибудь карманъ не сберегъ» *вместо:* «пьяница какой-нибудь кармана не сберегъ» (*исправлено по 1846*)

Стр. 342. «поклонъ земной правлю» *вместо:* «поклонъ земпой правлю» (*исправлено по 1846*)

Стр. 347. «пооднночкѣ выкатились два полтинника» *вместо:* «поодиначкѣ выкатились два полтинника» (*ред. испр.*)

Стр. 348. «Съ кого слѣдовало взяли подписку» *вместо:* «Съ кого слѣдовало взялъ подписку» (*исправлено по 1846*)

Стр. 349. «въ лучшемъ, хотя, впрочемъ» *вместо:* «въ лучъ шемъ, хотя, впрочемъ» (*исправлено по 1846*)

Стр. 349. «своемъ одѣяніи, запрятавъ окостенѣлый подбородокъ за галстухъ» *вместо:* «своемза одѣяніи, запрятавъ окостенѣлый подбородокъ галстухъ» (*исправлено по 1846*)

Стр. 350. «какъ того, т. е. оно пожалуй» *вместо:* «какъ этакъ того, т. е. опо пожалуй» (*исправлено по 1846*)

Комментарии

Стр. 322. ...проигрывали другъ другу свои жалованья въ банчишку, въ преферансъ и на биксѣ... — Банк, преферанс — азартные карточные игры; бикса — маленький наклонный («китайский») бильярд.

Стр. 327. ...что нѣкоторые чиновники, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ, должны для того, чтобъ немедленно сдѣлаться образованными, какой-то экзаменъ по всѣмъ предметамъ держать... — Согласно явно забытому к тому времени указу 1809 года, внесенному М. Н. Сперанским, чиновники для получения гражданских должностей были обязаны сдавать экзамены.

Стр. 336. Подобно тому укладываетъ въ свой походный ящикъ оборванный, небритый и суровый артистъ-шарманщикъ своего пульчинеля, набуянившаго, переколотившаго всѣхъ, продавшаго душу чорту и, наконецъ, оканчивающаго существованіе свое до новаго представленія въ одномъ сундукѣ вмѣстѣ съ тѣмъ же чортомъ, съ арапами, съ

Петрушкой, съ мамзель Катериной и счастливымъ любовникомъ ея, капитаномъ-исправникомъ. — Перечислены персонажи кукольных представлений, описанных в очерке «Петербургские шарманщики» (1844) Д. Григоровичем, который прочитал рукопись своего сочинения Достоевскому.

Стр. 340. ...носъ отъѣдятъ, самъ съ хлѣбомъ съѣшь, не замѣтишь... — Намек на повесть Н. В. Гоголя «Нос» (1836): нос исчез с лица майора Ковалева и вначале был обнаружен запеченным в хлебе у цирюльника Ивана Яковлевича.

Стр. 342. Наполеонъ вы что ли какой? что́ вы? кто вы? Наполеонъ вы, а? Наполеонъ, или нѣтъ?! Говорите же, сударь, Наполеонъ или нѣтъ?.. — Первое выражение наполеоновской темы у Достоевского. «Скопидомная» идея и сомнения в государственных устоях (в «Канцелярии») ставят Прохарчина в один ряд с дерзкими героями мировой истории.

Стр. 348. ...одинъ наполеондоръ... — Наполеондор — французская золотая монета в 20 франков.

Стр. 348. ...изрубленные елизаветинскіе, нѣмецкіе крестовики... — Серебряные рубли и талеры с изображением креста.

Стр. 348. ...старые пятіалтыннички... — Алтын — старинная монета достоинством в три копейки.

Стр. 348. Нашли одну красную бумажку... — Ассигнация достоинством в десять рублей.

Стр. 350. ...ну какъ этакъ того и не умеръ — слышь ты, встану, такъ что́-то будетъ, а? — Характерный вопрос русской литературы сороковых годов XIX века, поставленный поэмой Гоголя «Мертвые души» (1842): воскреснет ли Прохарчин и что из этого будет?

ЗУБОСКАЛЪ

(Стр. 353)

Источник текста:

Отечественныя Записки, учено-литературный журналъ, издаваемый А. Краевскимъ. СПб.: Тип. Ив. Глазунова и Комп. Годъ седьмой. 1845. Т. XLIV. Ноябрь. Отд. VI. С. 43–48.

Подпись: Зубоскалъ.

Цензурное разрешение — 31 октября 1845 года.

Автограф неизвестен.

Впервые вошел в издание: Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевскаго. Съ многочисленными приложеніями. Пг.: Просвѣщеніе, 1918. Т. XXII (Дополнительный): Забытыя и неизвѣстныя страницы. Собралъ и комментировалъ Л. П. Гроссманъ С. 161–172.

Публикация в «Отечественных Записках» сопровождалась редакционным предисловием: «Нѣкоторые изъ нашихъ литераторовъ предприняли составить изъ трудовъ своихъ юмористическій альманахъ и просили насъ напечатать объ ихъ книгѣ, начало которой должно появиться въ ноябрѣ нынѣшняго года, слѣдующее объявленіе».

Печатается по тексту первой публикации.

Комментарии

Стр. 353. ...назовутъ «Зубоскалъ» анахронизмомъ, миѳомъ, пуфомъ... — Пуф, вариант: пуфф — надувательство, нелепая выдумка (*Даль*, III, 544).

Стр. 353–354. ...въ театрѣ смѣются, когда «Филатку» даютъ... — На сцене Александринского театра в это время шли два водевиля с Филаткой: «Филатка и Мирошка — соперники, или четыре жениха и невеста» П. Г. Григорьева II и «Филатка с детьми» П. И. Григорьева I. Достоевский описал представление водевиля «Филатка и Мирошка» в «Записках из Мертвого Дома» (*Д.*, IV, 118, 124–125).

Стр. 355. ...даже забрался–было и на Васильевскій–Островъ въ 4–ю линію... — На четвертой линии Васильевского Острова находилась Академия Художеств.

Стр. 356. ...*глыбами грязи*, какъ говоритъ Державинъ, *позлащенной* и непозлащенной... — Достоевский отнес к Петербургу образ из оды Г. Державина «Вельможа» (1794): «Кумир, поставленный в позор // Несмысленную чернь прельщает; // Но коль художника в нем взор // Прямых красот не ощущает: // Сей образ ложныя молвы, // И вы, без благости душевной, // Не все ль, вельможи, таковы?»

Стр. 356. ...самое лучшее блюдо въ чрезмѣрномъ количествѣ можетъ произвести индижестію... — Индижестия (франц. indigestion) — несварение желудка.

Стр. 357. ...Иванъ Петровичъ, на–примѣръ, прочитавъ нашу книжку, вовсе не найдетъ совершенно ничего предосудительнаго на свой счетъ, а за то найдетъ, можетъ–быть, кое–что щекотливое, впрочемъ невинное, совершенно–невинное, о пріятелѣ и сослуживцѣ своемъ, Петрѣ Ивановичѣ, и обратно, Петръ Ивановичъ, читая ту же самую книжку, ровно ничего не найдетъ о себѣ, за то найдетъ кое–что объ Иванѣ Петровичѣ. — Названы комические персонажи «Романа в девяти письмах», который был написан Достоевским в ноябре 1845 года вскоре после объявления о «Зубоскале».

Стр. 359. ...въ нашъ вѣкъ, какъ уже всякому извѣстно, *положительный, меркантильный, желѣзный, денежный?..* — К традиционному эпитету *железный* автор добавляет свои, сатирические.

Стр. 359. ...въ книжныхъ магазинахъ М. Ольхина, А. Иванова, П. Ратькова и Комп., А. Сорокина... – Названы фамилии известных петербургских издателей и книготорговцев.

РОМАНЪ ВЪ ДЕВЯТИ ПИСЬМАХЪ

(Стр. 360)

Источник текста:

Современникъ, литературный журналъ, издаваемый съ 1847 г. И. Панаевымъ и Н. Некрасовымъ, подъ редакціею А. Никитенко. СПб.: Тип. Э. Праца, 1847. Т. I. С. 45–54.

Подпись: Ѳ. Достоевскій.

Цензурное разрешение — 30 декабря 1846 года.

Автограф неизвестен.

Впервые включен в издание: Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. СПб., 1882. Т. 2. С. 295–308.

Печатается по тексту первой публикации со следующими исправлениями:

Стр. 369. «въ безбожномъ похищеніи письма» *вместо:* «о безбожномъ похищеніи письма»

Стр. 369. «цѣлыхъ двухъ недѣль» *вместо:* «цѣлыхъ двухъ недѣлъ»

Комментарии

Стр. 360. ...отъ пачули съ резедою у него голова разболѣлась. — Пачули, вариант: патчули (франц. patchouly с китайск.) — трава с сильным запахом и приготовленные из нее духи.

Стр. 361. ...ассюрируете его дружеской и для меня, разумѣется, священнѣйшей рекомендаціей вашей... — Ассюрировать (франц. assurer) — обеспечивать.

Стр. 361. Падамъ до ногъ, какъ говоритъ пріятель нашъ Симоневичъ. — Полонизм: padam do nóg — имею честь кланяться.

Стр. 363. ...претекстую постороннее нужное дѣло... — Претекстовать (франц. pretexter) — выставлять в качестве предлога.

Стр. 369. ...клали въ карманъ свой по нѣскольку десятковъ, а иногда и до сотни рублей серебромъ, держа палки и банки Евгенію Николаичу. — Обыгрывали в карты, срывая поставленные на кон деньги.

ВСТУПЛЕНІЕ

(Стр. 373)

Источник текста:

Первое Апрѣля. Комическій иллюстрированный альманахъ, составленный изъ разсказовъ въ стихахъ и прозѣ, достопримѣчательныхъ

писемъ, куплетовъ, пародій и пуфовъ. СПб.: Тип. К. Крайя, 1846. С. 3–10.

Без подписи.

Цензурное разрешение — 5 марта 1846 года.

Автограф неизвестен.

Впервые включено в издание: Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений. Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. XIII. С. 477–479.

Соавторство Достоевского доказано Б. В. Томашевским. (Там же. С. 605.) Достоевскому принадлежат введение и заключение. Возможно редактирование им части, написанной Д. В. Григоровичем, которая начинается словами: «Взгляните напримѣръ на Семена Ивановича...», а заканчивается: «...кричитъ уже ему: "Первое Апрѣля!"»

Печатается по тексту первой публикации со следующими исправлениями:

Стр. 375. «безпокойство Ивана Кузьмича» *вместо:* «безiокойство Ивана Кузьмича»

Стр. 376. «посвятить нѣсколько страницъ однимъ пуфамъ» *вместо:* «посвятить нѣсколько страницъ однимъ пуфомъ»

Комментарии

Стр. 376. ...рѣшились даже посвятить нѣсколько страницъ однимъ пуфамъ... — См. прим. на стр. 663.

Стр. 376. ...что вѣдь «единъ Богъ безъ грѣха.» — Русская народная поговорка (*Даль,* I, 103).

КАКЪ ОПАСНО ПРЕДАВАТЬСЯ ЧЕСТОЛЮБИВЫМЪ СНАМЪ.

Фарсъ совершенно–неправдоподобный, въ стихахъ, съ примѣсью прозы. Соч. гг. Пружинина, Зубоскалова, Бѣлопяткина и К°

(Стр. 377)

Источник текста:

Первое Апрѣля. Комическій иллюстрированный альманахъ, составленный изъ разсказовъ въ стихахъ и прозѣ, достопримѣчательныхъ писемъ, куплетовъ, пародій и пуфовъ. СПб.: Тип. К. Крайя, 1846. С. 81–128.

Цензурное разрешение — 5 марта 1846 года.

Подписано псевдонимами: «Соч. гг. Пружинина, Зубоскалова, Бѣлопяткина и К°».

Автограф неизвестен.

Впервые включен в издание: Ф. М. Достоевский. Полное собрание художественных произведений. Под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. М.; Л.: Госиздат, 1926. Т. XIII. С. 479–496.

Печатается по тексту первой публикации со следующими исправлениями:

Стр. 379. «шныряли взадъ и впередъ» *вместо:* «шнырали взадъ и впередъ»

Стр. 381. «на цыпочкахъ пробираются» *вместо:* «нацыпочкахъ пробираются»

Стр. 381. «я рѣшился доставить» *вместо:* «я рѣшилась доставить»

Стр. 381. «пролить слезы благодарности» *вместо:* «пролить слезы благородности»

Стр. 382. «вершковыми гвоздями» *вместо:* «вершковыми гвоздямя»

Стр. 382–383. «уже не колеблясь долѣе» *вместо:* «уже не колыблясь долѣе»

Стр. 383. «пути отъ кровати» *вместо:* «пути онъ кровати»

Стр. 383. «съ позолоченной цѣпочкой» *вместо:* «съ позолоченной цѣпоцкой»

Стр. 383. «со временемъ должна увѣнчаться» *вместо:* «современемъ должна увѣнчаться»

Стр. 383. «въ штрафахъ и подъ судомъ» *вместо:* «въ шрафахъ и подъ судомъ»

Стр. 384. «безпрестанно шепталъ ихъ» *вместо:* «безпрестанно шептали ихъ»

Стр. 384. «тошно жить на свѣтѣ» *вместо:* «тошно жить аа свѣтѣ»

Стр. 384. «порядочнымъ людямъ во снѣ» *вместо:* «порядочнымъ людямъ воснѣ»

Стр. 385. «со всѣхъ ногъ кинулся вонъ» *вместо:* «совсѣхъ ногъ кинулся вонъ»

Стр. 387. «Завидѣвъ бѣжавшую на встрѣчу» *вместо:* «Завидѣвъ бѣжавшую встрѣчу»

Стр. 388. «И вѣкъ любить тебя» *вместо:* «И вѣкъ любить тебѣ»

Стр. 389. «совершенное отчаяніе» *вместо:* «совершенное отчаянія»

Стр. 389. «До какого сраму дожила я» *вместо:* «Да какого сраму дожила я»

Стр. 391. «хлебнувъ два, три стакана» *вместо:* «хлѣбнувъ два, три стакана»

Стр. 392. «просто подать въ отставку» *вместо:* «просто подать въ оставку»

Стр. 393. «человѣкъ, съѣвшій муху» *вместо:* «человѣкъ, съѣвшій муку»

Стр. 394. «VII» *вместо:* «VI»

Стр. 395. «и еще двумъ–тремъ чиновникамъ» *вместо:* «и еще двумъ тремъ чиновникамъ»

Стр. 395. «вотъ уже наступилъ и четвертый» *вместо:* «вотъ уже паступилъ и четвертый»

Стр. 395. «Степанъ Ѳедорычъ поднялъ голову» *вместо:* «Степанъ Федорычъ поднялъ голову»

Стр. 396. «и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ» *вместо:* «и помѣрѣ того, какъ онъ говорилъ»

Стр. 397. «VIII» *вместо:* «VII»

Комментарии

Стр. 380. ..отъ невыносимыхъ страданій, отъ смерти политики... — Здесь: вежливый и учтивый образ действий.

Стр. 385. ...проигралъ въ одну пулю по копѣйкѣ восемь рублей серебромъ... — Пуля (франц. poule) — карточный термин: партия игры в преферанс.

Стр. 388. Клянусь звѣздою полуночной... — Здесь и далее идет пародийная парафраза монолога Демона из одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова.

Стр. 388. Клянуся пряжкой безпорочной... — Имеется в виду наградной знак «За беспорочную службу».

Стр. 388. Клянусь ремизомъ безконечнымъ... — Ремизъ (франц. remise) — карточный термин, определяющий недобор установленного числа взяток и штраф за этот недобор.

Стр. 388. Клянусь, любовію порочной // Давно, давно я не пылалъ, // И на свиданье въ часъ полночной // Въ дезабилье не выбѣгалъ... — Дезабилье (франц. déshabillé) — домашнее платье.

Стр. 392. ...тиснуть въ «Полицейской Газетѣ», что вотъ такъ и такъ дескать, чиновникъ съ одобрительнымъ аттестатомъ... — В «Ведомостях Санкт–Петербургской городской полиции» наряду с официальными сообщениями печатались частные объявления.

Стр. 395. ...и на счетъ аріи, кажется, изъ «Соннамбулы»... — Соннамбула, сомнамбула (франц. somnambule) — лунатический сон, лунатик. «Сомнамбула» — опера итальянского композитора В. Беллини (1801–1835); входила в репертуар Итальянской оперы в Петербурге.

Стр. 396. ...дошло до описанія страннаго танца, въ которомъ упражнялся Петръ Ивановичъ, и сопровождавшихъ его мотивовъ изъ «Лучіи»... — «Лючия ди Ламмермур» (1835) — опера итальянского композитора Г. Доницетти (1797–1848); входила в репертуар Итальянской оперы в Петербурге.

ПОЛЗУНКОВЪ

(Стр. 399)

Источник текста:

Первая и единственная прижизненная публикация: Иллюстрированный Альманахъ, изданный И. Панаевымъ и Н. Некрасовымъ. СПб.: Тип. Э. Праца, 1848. С. 50–64.

Подпись: Ѳ. Достоевскій.

Цензурное разрешение — 26 февраля 1848 года. Вторично рассмотрен и запрещен Цензурным Комитетом в сентябре 1848 года.

Автограф неизвестен.

Впервые вошел в издание: Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. Біографія, письма и замѣтки изъ записной книжки. СПб., 1883. Т. 1. С. 1–15 (Приложенія).

Печатается по тексту первой публикации со следующими исправлениями:

Стр. 402. «Слушаюсь, проговорилъ не много смутившійся» *вместо:* «Слушаюсъ, проговорилъ не много смутившійся»

Стр 402–403. «Смотрю, входитъ Ѳедосѣй Николаичъ.» *вместо:* «Смотрю, входитъ Ѳедосѣй Николаичъ?»

Стр. 404. «Бога, говоритъ, вы» *вместо:* «Бога, говорить, вы»

Стр. 411. «пятьдесятъ цѣлковыхъ извелъ» *вместо:* «пятдесятъ цѣлковыхъ извелъ»

Комментарии

Стр. 399. Отъ вѣчной подвижности, поворотливости онъ рѣшительно походилъ на жируэтку. — Жируэтка (франц. girouette) — флюгер.

Стр. 403. ...какъ вамъ попадется служить въ губерніи, не погрѣете рукъ.... на родномъ очагѣ... — Фраза содержит отсылку к латинской пословице *pro aris atque focis certare* (сражаться за алтари и очаги), образующей исходный контрастный план с ироническим и сатирическим переосмыслением образа далее в тексте.

Стр. 403. Зане, сказалъ одинъ литераторъ: И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ! — Слова из монолога Чацкого в комедии А. Грибоедова «Горе от ума», которые цитируются по первой публикации стихотворения Г. Державина «Арфа» в альманахе «Аониды» (1798–1799). В свою очередь, эта цитата является образом из гомеровской «Одиссеи»: в отдалении от отчизны герой тоскует, «желая увидеть поднимающийся дым своей земли» (I, 59). Гомеровский образ воспринят Державиным и Грибоедовым через ряд посредствующих звеньев. Источником у Державина был стих Овидия, быть может, вос-

принятый им не прямо из текста римского автора, а из его цитаты в эпиграфе журнала «Российский музеум» (1792–1794): «Et fumus patriae est dulcis». Источником же этого образа у Овидия («Письма с Понта», I, 3, 33) была «Одиссея»: «Вне сомнений, Улисс был разумен, но даже Улисса // Стало с чужбины тянуть к дыму родных очагов. // Всех нас родная земля непонятною сладостью манит // И никогда не дает связь нашу с нею забыть». (Перевод А. Парина. Цит. по кн.: Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1978. С. 92.) По-видимому, гомеровские истоки этого образа были ясны для Достоевского, поэтому он и появляется здесь рядом с другой гомеровской цитатой.

Стр. 403. Гомерическій, неумолкаемый смѣхъ всѣмъ залпомъ своимъ накрылъ слова Ползункова. — Источником этого образа является строка из «Илиады» (I, 599): «Смех несказанный воздвигши, блаженные жители неба». (Перевод Н. Гнедича.) «Неумолкаемый» у Достоевского лучше передает смысл гомеровской гиперболы «негасимый смех у блаженных богов», чем выражение «гомерический хохот» или апофатический эпитет «несказанный» к слову «смех» у Гнедича и позднее у Жуковского (при переложении этого стиха, повторяющегося в «Одиссее», VIII, 326), как и разъясняющие переводы Фосса: «unermessliches Lachen» в «Илиаде» (I, 599) и «ein langes Gelächter» в «Одиссее» (VIII, 326).

Стр. 405. ...вижу ваше раскаяніе.... вы знаете завтра.... — Маріи Египетскія-съ.... — Ну, не плачь, говоритъ Ѳедосѣй Николаичъ: — полно: согрѣшилъ и покаялся! пойдемъ! — Память св. Марии Египетской отмечается 1 апреля по Юлианскому календарю.

Стр. 407. ...да гусара, который на саблю опирался, пропѣла на обиженный тонъ... — Популярный романс М. Ю. Виельегорского написан на слова шутливого стихотворения Л. Н. Батюшкова «Разлука» («Гусар, на саблю опираясь...», 1812–1813).

Стр. 408. ...они тебя по ланитѣ, а ты имъ на радостяхъ всю спину подставишь. — Парафраза Евангелия от Матфея: «Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мтф., V, 39).

ЕВГЕНІЯ ГРАНДЕ́. РОМАНЪ Г-НА ОНОРЕ́ ДЕ-БАЛЬЗАКА

(Стр. 415)

Источники текста:

Etudes de moeurs au XIX siecle, tome V; Scenes de la vie Province par M. de Balzac; premier volume. Eugenie Grandet. Paris. Madame Charles-Bechet, editeur, 1834.

Перевод выполнен по этому изданию.

Первая и единственная прижизненная публикация Достоевского: Репертуаръ и Пантеонъ. 1844. № 6. Отд. I. С. 386–457; № 7. Отд. I. С. 44–125 (цензурное разрешение — 30 июня).

Переводчик не указан.

Автограф перевода неизвестен.

Впервые вошел в издание: Полное собраніе сочиненій Ѳ. М. Достоевскаго. Съ многочисленными приложеніями. Пг.: Просвѣщеніе, 1918. Т. 23 (Дополнительный): Забытыя и неизвѣстныя страницы. Собралъ и комментировалъ Л. П. Гроссманъ. С. 367–525. В последующие собрания сочинений перевод не включался.

Печатается по тексту 1844 года со следующими исправлениями:

Стр. 417. «Войдете: дѣвушка, опрятно одѣтая» *вместо:* «Войдите: дѣвушка, опрятно одѣтая»

Стр. 417. «Здѣсь, какъ и въ Турени» *вместо:* «Здѣсь, какъ и въ Турении»

Стр. 420. «умѣлъ съ необыкновенною точностію опредѣлить» *вместо:* «умѣлъ съ необыкновеннаою точностію опредѣлить»

Стр. 421. «его холодныхъ, острыхъ когтей» *вместо:* «его холодныхь, острыхъ когтей»

Стр. 422. «на столѣ у него стала появляться дичь» *вместо:* «на столѣ у него стала появлятся дичь»

Стр. 427. «дверь <...> была твердо скрѣплена» *вместо:* «дверь <...> было твердо скрѣплена»

Стр. 427. «Немногіе изъ обитателей маленькихъ городковъ Турени» *вместо:* «Немногіе изъ обитателей маленькихъ городковъ Туррени»

Стр. 428. «мраморный пьедесталъ съ мѣднымъ стержнемъ» *вместо:* «мраморный пьедесталѣ съ мѣднымъ стержнемъ»

Стр. 428. «и оканчивалась тридцатаго марта» *вместо:* «и оканчивалась тридцатаго ноября»

Стр. 432. «встрѣтится вмѣстѣ съ повѣствованіемъ происшествій» *вместо:* «встрѣтится вмѣстѣ съ повѣтствованіемъ происшествій»

Стр. 438. «по простенькой работѣ своей» *вместо:* «по простенькій работѣ своей»

Стр. 439. «показывая на Адольфа и Евгенію» *вместо:* «показывая на Адольфа и Евгенія»

Стр. 440. «съ огромнымъ интересомъ и замыслами» *вместо:* «съ огромномъ интересомъ и замыслами»

Стр. 442. «Сорокъ–семь! закричалъ аббатъ» *вместо:* «Сорокъ–восемь! закричалъ аббатъ»

Стр. 446. «Кончили, кончили, отвѣчала госпожа» *вместо:* «Кончили, кончили, отвѣчала Госпожа»

Стр. 447. «Да папенька и не замѣтитъ» *вместо:* «Да папенька и не замѣтитъ»

Стр. 448. «не опасаясь быть подслушанной» *вместо:* «не опасаясь быть подслушаяной»

Стр. 449. «на балѣ у господина Маршала Удинò» *вместо:* «на балѣ у господина маршала Удинò»

Стр. 449. «спросилъ онъ госпожу де–Грассе́нъ» *вместо:* «спросилъ онъ онъ госпожу де–Грассе́нъ»

Стр. 452. «Евгенія и госпожа Грандѐ вошли» *вместо:* «Егенія и госпожа Грандѐ вошли»

Стр. 454. «тогда–бы его пріѣздъ былъ извѣстенъ» *вместо:* «тогда–бы его приѣздъ былъ извѣстенъ»

Стр. 455. «Со двора корридоръ защищенъ былъ» *вместо:* «Со двора карридоръ защищенъ былъ»

Стр. 456. «окно, выходившее на дворъ и задѣланное» *вместо:* «окно, выходившее на дворъ и и задѣланное»

Стр. 456. «висѣли вѣсы, на которыхъ» *вместо:* «висѣли вѣски, на которыхъ»

Стр. 457. «Развязать вашъ чемоданъ сударь?» *вместо:* «Развязать вашъ чемодонъ сударь?»

Стр. 460. «вѣтви <...> бѣжали далѣе» *вместо:* «вѣтви <...> бѣжалм далѣе»

Стр. 461. «что̀ носило воспоминаніе» *вместо:* «что̀ посило воспоминаніе»

Стр. 461. «подошла къ зеркалу, взглянулась въ него» *вместо:* «подошла къ зеркалу, взглянулись въ него»

Стр. 461. «зародышъ глубокихъ, страшныхъ мученій» *вместо:* «зародышь глубокихъ, страшныхъ мученій»

Стр. 461. «Но если она и походила на Венеру Милосскую» *вместо:* «Но если она и походила на Венеру Милонскую»

Стр. 462. «облитыя райскимъ свѣтомъ» *вместо:* «облитыя райскомъ свѣтомъ»

Стр. 463. «лучи солнца играли радостнѣе» *вместо:* «лучи солнца играли радостпѣе»

Стр. 464. «вѣдь здѣсь шесть фунтовъ» *вместо:* «вѣдь здѣсть шесть фунтовъ»

Стр. 466. «отвѣчалъ чудакъ, разгадавъ встрѣчу» *вместо:* «отвѣчалъ чудакъ, разгадав встрѣчу»

Стр. 467. «на триста или на четыреста франковъ» *вместо:* «на три или на четыреста франковъ»

Стр. 467. «самую ѣдкую иронію» *вместо:* «самую ѣдку иронію»

Стр. 467. «въ какомъ—то обожаніи» *вместо:* «въ какомъ—то божаніи»

Стр. 467. «на величественный видъ пышнаго теченія Луары» *вместо:* «на величественный видъ пышнаго теченія Лоары»

Стр. 467. «къ вамъ пріѣхалъ изъ Парижа зятюшка?» *вместо:* «къ вамъ приѣхалъ изъ Парижа зятюшка?»

Стр. 467. «я лучше брошу дочь въ Луару» *вместо:* «я лучше брошу дочь въ Лоару»

Стр. 468. «Ну что̀ тамъ, что̀ тамъ? говорилъ Гранде́» *вместо:* «Ну что̀ тамъ, что̀ тамъ? говоритъ Гранде́»

Стр. 469. «Прощайте, Грандѐ, сказалъ Крюшо̀» *вместо:* «Прощайте, Грандѐ, сказалъ Крюшо̀»

Стр. 472. «но какъ-то сердце сжалось у Евгеніи» *вместо:* «но какъ-то сердце сжалось у Егеніи»

Стр. 473. «Пречистая Дѣва! вскрикнула Нанета» *вместо:* «Пречистая дѣва! вскрикнула Нанета»

Стр. 473. «Ну, вотъ вамъ и яйца» *вместо:* «Ну, вотъ вамъ и яица»

Стр. 474. «Шарль не могъ не замѣтить» *вместо:* «Карлъ не могъ не замѣтить»

Стр. 479. «отерши на-скоро глаза» *вместо:* «отерши па-скоро глаза»

Стр. 479. «и когда красавчикъ поплачется здѣсь вдоволь» *вместо:* «и когда красавчикъ паплачется здѣсь вдоволь»

Стр. 482. «мы-бы вдвоемъ работали» *вместо:* «мы-бы вдоемъ работали»

Стр. 483. «эта неподдѣльная грусть» *вместо:* «это неподдѣльная грусть»

Стр. 483. «всѣ мелочи его туалета, ножички, бритвы» *вместо:* «всѣ мелочи его туалета, ножинки, бритвы»

Стр. 483. «среди ихъ безмятежнаго одиночества» *вместо:* «среди ихъ безмятежиаго одиночества»

Стр. 484. «понизилъ бы цѣны на пятьдесятъ процентовъ» *вместо:* «понизилъ бы цѣны на пятьдесять процентовъ»

Стр. 484. «при видѣ знаменитаго «Mani, Tekel, Pharés» вместо: «при видѣ знаменитаго «Mani, Fakel, Pharés»

Стр. 484. «все пошло вверхъ-дномъ» *вместо:* «все пошло вверхъ-одномъ»

Стр. 484. «дали ему 1,500,000 франковъ» *вместо:* «дали емъ 1,500,000 франковъ»

Стр. 488. «она мигомъ одѣлась и побѣжала на-верхъ» *вместо:* «она мигомъ одѣлаюсь и побѣжала на-верхъ»

Стр. 489. «не худо будетъ замѣтить, что въ Турени, въ Анжу» *вместо:* «не худо будетъ замѣтитъ, что въ Туррени, въ Анжу»

Стр. 490. «Сыщете человѣка безъ желаній?» *вместо:* «Сыщите человѣка безъ желаній?»

Стр. 494. «сталъ въ углу комнаты спокойный и гордый» *вместо:* «сталъ въ углу комнаты спокоиный и гордый»

Стр. 494. «ему встрѣчались нѣжные, ласковые взгляды» *вместо:* «ему встрѣчалсь нѣжные, ласковые взгляды»

Стр. 497. «или черезъ его уполномоченнаго» *вмѣсто:* «или чрезъ его уполномоченнаго»

Стр. 497. «мой б–б–ратъ на–назывался» *вмѣсто:* «мой б б–ратъ на назывался»

Стр. 497. «И э–это бу–будетъ поле–езно моему пле–пле–племяннику» *вмѣсто:* «И э–это бу–будетъ поле–езно моему пле пле–племяннику»

Стр. 498. «что́ я ту–тутъ по...нимаю!» *вмѣсто:* «что́ я ту тутъ по...нимаю!»

Стр. 498. «преза–занимате–тельныя дѣла въ Фру... фру...фруафондѣ» *вмѣсто:* «преза–занимате–тельныя дѣла въ Фру... фру...фруанфондѣ»

Стр. 498. «Не–нену–ужно разоряться» *вмѣсто:* «Не–нену ужно разоряться»

Стр. 499. «я в–васъ не–не понимаю» *вмѣсто:* «я в–васъ не не понимаю»

Стр. 501. «И и пре–превосходно и до–орого» *вмѣсто:* «И и пре–превосходно и до орого»

Стр. 502. «Гранде́ схватилъ де–Грассе́на за пуговицу» *вмѣсто:* «Гранде́ схватилъ де Грассе́на за пуговицу»

Стр. 502. «Мнѣ нужно купить нѣсколько тысячь франковъ» *вмѣсто:* «Мнѣ нужно купить нѣсколько тысячъ франковъ»

Стр. 502. «сказалъ громко де–Грассе́нъ» *вмѣсто:* «сказалъ громко де Грассе́нъ»

Стр. 505. «она быстро вошла въ комнату» *вмѣсто:* «она быстро вошла къ комнату»

Стр. 505. «Г–ну Жану Роберту, сѣдельщику» *вмѣсто:* «Г–ну Жану–Роберту, сѣдельщику»

Стр. 507. «чистая любовь не въ–силахъ будетъ» *вмѣсто:* «чистая любовь не въ силахъ будетъ»

Стр. 507. «Нѣтъ; у меня нѣтъ ни одного луидора» *вмѣсто:* «Нѣтъ; уменя нѣтъ ни одного луидора»

Стр. 508. «въ климатѣ индѣйскомъ, особенно Европеецъ работящій» *вмѣсто:* «въ климатѣ индѣйскомъ, особено Европеецъ работящій»

Стр. 510. «Какъ–же не увлечься и Евгеніи?» *вмѣсто:* «Какъ же не увлечься и Евгеніи?»

Стр. 510. «Любезный Альфонсъ!» *вмѣсто:* «Любезный Адольфъ!»

Стр. 511. «20 португальскихъ червонцевъ, вычеканенныхъ еще при» *вмѣсто:* «20 португальскихъ червонцевъ, вычеканныхъ еще при»

Стр. 512. «Собраніе <...> драгоцѣнное для нумизматиковъ» *вмѣсто:* «Собраніе <...> драгоцѣное для нумизматиковъ»

Стр. 512. «какъ дитя, захлопала въ ладоши отъ радости» *вмѣсто:* «какъ дитя, захлопола въ ладоши отъ радости»

Стр. 517. «я вашъ искренній другъ» *вмѣсто:* «я вашъ искренней другъ»

Стр. 518. После слов «и все по-своему, на свой ладъ» *лишнее слово* «Примѣръ» *(исправлено согласно франц. оригиналу)*

Стр. 519. «Вмѣстѣ съ золотомъ, которое она отдала Шарлю» *вместо:* «Вмѣстѣ съ золотомъ, которое она отдала Карлу»

Стр. 519. «они увлекались чувствомъ, увлекались болѣе и болѣе» *вместо:* «они увлекалась чувствомъ, увлекалась болѣе и болѣе»

Стр. 519. «въ отдаленную, въ шумную, въ бурную жизнь» *вместо:* «въ отдаленную, въ шумиую, въ бурную жизнь»

Стр. 522. «Крюшо́ далъ въ-займы; у меня нѣтъ ни шелега» *вместо:* «Крюшо́ далъ въ-займы; уменя нѣтъ ни шелега»

Стр. 522. «какъ человѣкъ, обреченный судьбою» *вместо:* «какъ человѣкъ, обреченый судьбою»

Стр. 523. «шолъ къ его блѣдному лицу» *вместо:* «шолъ къего блѣдному лицу»

Стр. 523. «госпожа Гранде́ и Евгенія надѣли трауръ и слушали» *вместо:* «госпожа Гранде́ и Евгенія надѣли троуръ и слушали»

Стр. 523. «Вѣдь я-же съ тобой не болтаю» вместо: «Вѣть я-же съ тобой не болтаю»

Стр. 523. «я возвращусь не скоро, сестрица» *вместо:* «я возвращусь не скоро, сестрица»

Стр. 523. «обнялъ ее и прижалъ къ своему сердцу» *вместо:* «обнялъ ее и прижалъ въ своему сердцу»

Стр. 525. «чемоданы Шарля» *вместо:* «чемодоны Шарля»

Стр. 526. «надежда, поданная всѣмъ кредиторамъ черезъ де-Грассе́на» *вместо:* «надежда, поданная всѣмъ кредиторомъ черезъ де-Грассе́на»

Стр. 527. «Тысячи возраженій посыпались со всѣхъ сторонъ» *вместо:* «Тысячи возраженій посыпалось со всѣхъ сторонъ»

Стр. 527. «Славно, чудесно! говорилъ Гранде́» *вместо:* «Словно, чудесно! говорилъ Гранде́»

Стр. 529. «Женѣ его удалось выхлопотать раздѣлъ по имѣнію» *вместо:* «Женѣ его удалась выхлопотать раздѣлъ по имѣнію»

Стр. 530. «Всё въ домѣ осталось по-прежнему» *вместо:* «Всё въ въ домѣ осталось по-прежнему»

Стр. 531. «всѣ, кто назывались друзьями стараго Гранде́, собирались въ ихъ темной залѣ» *вместо:* «всѣ, кто назывались друзьями стараго Гранде́, собиралась въ ихъ темной залѣ»

Стр. 531. «была въ-силахъ <...> облегчить страданія Евгеніи» *вместо:* «была въ-силахъ <...> облегчить страданія Евгенія»

Стр. 531. «Черезъ три дня наступало 1-е января 1820» *вместо:* «Черезъ три дня наступало 1-я января 1820»

Стр. 532. «На другой день, 1-го января 1820» *вместо:* «На другой день, 1-го няваря 1820»

Стр. 532. «развести немножко огня въ моей комнатѣ» *вместо:* «развести немножко огня въмоей комнатѣ»

Стр. 540. «пока не согласится отвѣчать на мои вопросы» *вместо:* «пока не согласиться отвѣчать на мои вопросы»

Стр. 544. «Но въ глубинѣ ея сердца таился зародышъ тяжкаго горя» *вместо:* «Но въ глубинѣ ея сердца таился зародышь тяжкаго горя»

Стр. 546. «Никто въ свѣтѣ не имѣетъ права осуждать его поступковъ со мною» *вместо:* «Никто въ свѣтѣ не имѣетъ права охуждать его поступковъ со мною»

Стр. 551. «я узнаю въ этомъ дочь мою!» *вместо:* «я узнаю въ этомъдочь мою!»

Стр. 553. «Посмотри-ка мамаша, мы теперь за-одно» *вместо:* «Посмотри ка мамаша, мы теперь за-одно»

Стр. 553. «искуснѣйшій врачъ Сомюрскій» *вместо:* «искуснѣйшій врачь Сомюрскій»

Стр. 554. «Но не-смотря на теплыя молитвы, усердно возсылаемыя господиномъ Грандé» *вместо:* «Но не-смотря на теплыя молитвы, усердно вызсылаемыя господиномъ Грандé»

Стр. 554. «жолтаго листка, хрупкаго, изсохшаго» *вместо:* «жолтаго листка, хруплаго, изсохшаго»

Стр. 556. «сто франковъ въ мѣсяцъ! подумай-ка, дочечка» *вместо:* «сто франковъ въ мѣсяцъ! подумай ка, дочечка»

Стр. 558. «что если Шарль Грандѐ не явится» *вместо:* «что если Шарль Грандё не явится»

Стр. 558. «и присоединялось къ другимъ мѣшкамъ» *вместо:* «и присоединялось кѣдругимъ мѣшкамъ»

Стр. 560. «начиная съ креселъ, въ которыхъ садилась» *вместо:* «начиная съ креслелъ, въ которыхъ садилась»

Стр. 562. «Кончилось тѣмъ, что сердце Евгеніи» *вместо:* «Кончилась тѣмъ, что сердце Евгеніи»

Стр. 563. «вмѣстѣ сорокъ тысячь ливровъ доходу» *вместо:* «вмѣстѣ сорокъ тысячь ливоровъ доходу»

Стр. 563. «Знаменитый букетъ цвѣтовъ» *вместо:* «Знаменитный букетъ цвѣтовъ»

Стр. 564. «но онъ будетъ пэ́ромъ Франціи» *вместо:* «но онъ будетъ пѐромъ Франціи»

Стр. 564. «Одна мысль, одна идея его преслѣдовала» *вместо:* «Одна мысль, она идея его преслѣдовала»

Стр. 564. «и скамейку подъ орѣшникомъ, и поцѣлуй» *вместо:* «и скамейку подъ орѣшникамъ, и поцѣлуй»

Стр. 564. «Онъ припоминалъ только маленькій садъ» *вместо:* «Онъ припонималъ только маленькій садъ»

Стр. 565. «Вотъ отъ-чего происходило молчаніе Шарля» *вместо:* «Вотъ отъчего происходило молчаніе Шарля»

Стр. 565. «Шарль везъ съ собою три бочонка» *вместо:* «Шарль везъ собою три бочонка»

Стр. 565. «Всё его состояніе было во французскихъ колоніяхъ» *вместо:* «Всё его состояніе было во французкихъ колоніяхъ»

Стр. 565. «У д'Обріона была дочь» *вместо:* «У д'Обріана была дочь»

Стр. 566. «Шарль не узналъ де-Грассена и принялъ его довольно-невѣжливо» *вместо:* «Шарль не узналъ де-Грассена и принялъ его довольно-невѣжлиио»

Стр. 566. «добылъ кровавымъ по̀томъ нѣсколько сотъ тысячь франковъ» *вместо:* «добылъ кровавымъ по̀томъ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ»

Стр. 568. «имѣя маіоратъ въ тридцать тысячь ливровъ доходу» *вместо:* «имѣя маіоратъ въ тридцать тысячъ ливровъ доходу»

Стр. 571. «Но глубокое презрѣніе изобразилось на лицѣ ея» *вместо:* «Но глубокое презрѣніе изобразилась на лицѣ ея»

Стр. 573. «Вы знаете эти дѣла и я могу на васъ положиться» *вместо:* «Вы знаете эти дѣла и я могу на васъ положитьси»

Стр. 575. «Шарль остолбенѣлъ, потерялся» *вместо:* «Шарль остолбнѣлъ, потерялся»

Стр. 576. «который наконецъ въ свою очередь предсталъ передъ Богомъ» *вместо:* «который наконецъ въ свою очередь предсталъ передъ Бога»

Некоторые географические названия и фамилии даны в переводе в разных вариантах. Они приведены в соответствие с французским оригиналом или с авторской манерой написания французских фамилий (де-Грандѐ, Ла-Бертельеръ и т. п.). По французскому оригиналу восстановлена отсутствующая в ряде случаев красная строка, необходимая для понимания текста.

Комментарии

Перевод был выполнен в декабре-январе 1843-1844 гг. Об этом Достоевский писал брату во второй половине января 1844 года: «Нужно тебе знать, что на праздниках я перевел "Евгению Grandet" Бальзака (Чудо! Чудо!) Перевод бесподобный!» (*Д.*, XXVIII. Кн. I. С. 86).

О публикации перевода Д. Григорович вспоминал: «Когда книга журнала попала к нам в руки, Достоевский глубоко огорчился, и было отчего: "Евгения Гранде" явилась едва ли не на треть в сокращенном виде против подлинника» (Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961. С. 87). Это очевидное преувеличение. На самом деле объем редакционных сокращений был существенно меньше (около пятнадцати страниц): в переводе нет предисловия и большой части заключения, сокращены описания спекуляций Гранде, его деловых расчетов, отсутствуют отдельные фразы — например, разного рода непочтительные замечания Гранде и Шарля о религии, ирония по поводу набожности госпожи Гранде...

В публикации перевода отсутствовало «Предисловие» к первому изданию романа, снятое Бальзаком в последующих изданиях:

«В провинциальной глуши встречаются иногда облики, достойные серьезного изучения, характеры чрезвычайно оригинальные, жизни на поверхности спокойные, но втайне снедаемые бурными страстями; однако резкие неровности характеров и самая страстная восторженность в конце концов исчезают среди невозмутимой монотонности провинциальных нравов. Еще ни один поэт не отважился описывать явления этой жизни, все более смягчающейся и сходящей на-нет. Почему же ее не описывать? Если есть поэзия в парижской атмосфере, где крутятся вихри самума, который уносит богатства и разбивает сердца, то нет ли поэзии и в медленном действии сирокко, присущего провинциальной атмосфере, который смягчает напряженность самой горделивой смелости, ослабляет фибры души и притупляет страсти? Если все что угодно происходит в Париже, то в провинции всё оказывается преходящим: там нет ничего выпуклого, ничего рельефного, но там и драмы протекают в молчании, там тайны прячутся, там в одном слове заключена вся развязка; там подсчет и подглядывание придают огромную ценность самым незначительным поступкам. В провинции вся жизнь на виду.

Если литераторы-живописцы пренебрегают восхитительными сценами провинциальной жизни, то это вызвано не пренебрежением к ней, не недостатком наблюдательности, а может быть, беспомощностью. Действительно, чтобы проникнуться интересами почти бессловесными, сосредоточенными не столько на действии, сколько на мысли; чтобы изобразить фигуры, на первый взгляд мало красочные, но для своих деталей и оттенков требующие искусной кисти; чтобы передать сероватые тени этих картин; чтобы проникнуть в эту, повидимому, бессодержательную натуру, которая под единообразной внешностью таит для внимательного взора богатство и полноту, — для этого не требуется ли длительная подготовка, неслыханная тщательность и не нужна ли для подобных портретов тонкость старинной миниатюры?

Надменная парижская литература, которая дорожит каждым часом, употребляя его, в ущерб искусству, на ненависть и наслаждение, требует уже готовой драмы; отыскивать ее некогда в такую эпоху, когда людям дано больше событий, чем времени; создавать ее, если какой-нибудь писатель на это и отважится, значит совершать поступок, который вызовет настоящий бунт в республике, где уже давным-давно критика, руководимая евнухами, запретила изобретать новую форму, новый жанр и какое бы то ни было действие.

Эти замечания были необходимы и для того, чтобы сделать понятными скромные намерения автора, желающего быть здесь

лишь смиреннейшим копировальщиком, и для того, чтобы неопровержимо установить его право на многократные длинноты, требуемые всеми теми мелочами, в кругу которых принужден двигаться автор. Наконец, в то время, когда произведения–однодневки выпускаются под прекрасным подзаголовком *сказка,* который должен принадлежать лишь долговечным творениям искусства, ему наверно простят, что он нисходит к самой мелочной истории, к истории заурядной и без прикрас, попросту рассказывает о том, что изо дня в день можно наблюдать в провинции.

Впоследствии автор принесет свою песчинку для кучи, воздвигаемой стратегами нашей эпохи; сейчас бедный художник поглощен лишь одной из тех паутинок, которые ветерок носит по воздуху, которыми забавляются дети, молодые девушки, поэты; ученые о них и не думают, но, как гласит легенда, божественная пряха роняет их со своей прялки. Остерегайтесь! Эта сельская легенда не лишена морали! Поэтому–то автор и избирает ее эпиграфом. Он вам покажет, как в прекрасную пору жизни какие–то мечтания, светлые надежды, серебряные нити спускаются с небес, чтобы вновь туда вернуться, не коснувшись земли.

[Сентябрь, 1833]».

Принадлежность перевода не обозначена. Перевод помещен в «Историко–литературном комментарии» Б. Грифцова и может с равным основанием принадлежать и автору комментария, и переводчику романа Ю. Верховскому. — Бальзак, О. де. Собрание сочинений. М.; Л., 1933. Т. 4. С. 169–170.

Стр. 416. ...бѣдной, трудолюбивой гризетки. — У Бальзака: «бедной работницы». Гризетка (франц. grisette, от gris – серый) — молодая девушка, живущая трудами своих рук. Слово гризетка введено в русский язык Влад. Строевым: «Гризетки составляют особенный класс. Так называют швей, учениц в магазинах, золотошвеек, вообще всех молодых девушек, которые живут ручной работой... Гризетка непременно молода, мила, вертлява...» (В. Строев. Париж в 1838–1839 г. Путевые записки и заметки. Ч. 1 и 2. СПб., 1841–1842. С. 139).

Стр. 416. ...проклятіе лигёра Генриху IV–му. — Лигёрами в истории Франции называли членов католического союза, основанного в 1576 году герцогом Гизом с целью защиты католицизма от кальвинистов. На самом деле они ставили задачу низвержения Генриха III и возведения на французский престол вождей лиги Гизов. Генрих IV решил покончить с лигой, публично отрекшись от кальвинизма в 1593 году.

Стр. 418. ...оборванному санкюлоту... — У Бальзака: «суровому республиканцу». Санкюлот (фр. sans–culottes — букв.: «без коротких

штанов», в русской рецепции: «бесштанник»). Так по прозвищу городской бедноты, не носившей коротких штанов из дорогой ткани, называли революционеров времен Великой Французской революции.

Стр. 419. ...человѣка съ надеждами... — Неточный перевод: «un homme a particule» — человек с дворянской фамилией.

Стр. 419. ...были весьма-выгодно кадастрированы... — Кадастрированы (от франц. capitation — обложение поголовной данью) — оценены и включены в государственную опись имуществ.

Стр. 420. ...было 140 арпановъ земли... — Арпан (франц. arpent) — старинная земельная мера во Франции от одной трети до полугектара, в зависимости от местности.

Стр. 420. ....это условный знакъ, *фран-масонство* страсти. — Фран-масонство — от franc-macons — вольные каменщики. Тайное общество, распространявшее с XVIII в. свои ложи в европейских странах, России и Америке. Отличалось строгой дисциплиной, сложной обрядностью и знаковой системой.

Стр. 421. ...силенъ, какъ тигръ, какъ боа. — Боа — собакоголовый удав, длиной до 5 метров, распространен в Гвиане и Бразилии.

Стр. 421. ...по окончаніи партіи въ бостонъ... — Бостон — коммерческая карточная игра.

Стр. 422. ...о Ротшильдѣ или о Лафитѣ... — Ротшильд и Лафит — фамилии двух известнейших банкиров Франции.

Стр. 422. ...и за просфоры... — У Бальзака: «освященный хлеб». Один из многих примеров русского акцента переводчика. Просфора — название освященного хлеба в православном богослужении, а Гранде и его семья — католики.

Стр. 423. ...жена его, сущая илотка, была... — Илот, илотка (от греч. ειλως, ειλωτινς) — «стесненный», «захваченный», «плененный». Илоты — государственные рабы в Спарте. Прикрепленные к участку земли, они были обязаны отдавать спартлату половину урожая. Потомки порабощенного дорийскими завоевателями ахейского населения, илоты были лично бесправны, унижаемы насмешками и запуганы периодическими массовыми избиениями — криптиями.

Стр. 424. Взглядъ мягкій, ласковый, жадный, взглядъ василиска. — Василиск — дракон, сказочное чудовище с головой петуха, туловищем жабы, хвостом змеи и короной на голове, убивающее одним своим взглядом; вид гребенчатых американских ящериц.

Стр. 424. Бонфонъ было названіе его помѣстья (Bonae Fontis)... — От лат. bonus fons — прекрасный источник.

Стр. 425. ...какъ нѣкогда фамилія *Пази* во Флоренціи... — Пази (Пацци) прославились заговором против Медичи, которые потерпели поражение 26 апреля 1478 года.

Стр. 425. ...ихъ аббатикъ, Талейранъ въ миньятюрѣ... — Талейран, Шарль Морис (1754–1838) — французский дипломат, известный крайней политической беспринципностью.

Стр. 425. ...выйдетъ за своего кузена, сына купца Вильгельма Гранде́... — Здесь Бальзак еще не называет имени парижского Гранде, но далее в тексте его имя — Гильом. Достоевский переименовал его в Вильгельма.

Стр. 428. ...съ рисунками, изображавшими сцены изъ басенъ Лафонтена... — Жан де Лафонтен (1621–1695) — знаменитый французский поэт XVII в. Автор эротических «Сказок», анакреонтической лирики, духовной христианской поэзии, пасторальных поэм, драматических произведений, романа «Любовь Психеи и Купидона» и, главное, классических «Басен», аллегорически изображавших человеческие характеры и социальные отношения в сценах из жизни животных. Изображенные на старинных обоях и поблекшие от времени, они как будто оживают в зооморфных сравнениях, которыми Бальзак характеризует героев своего романа и в первую очередь господина Гранде.

Стр. 428. ...въ костюмѣ Аркадской пастушки. — У Бальзака: «в костюме пастушки». — Аркадия — труднодоступная гористая область в центре Пелопоннеса; идиллическая страна пастухов и пастушек в «эклогах» Вергилия; образ золотого века в пасторальной поэзии, живописи и музыке XVIII в. Характерна в этом плане надпись: «Et ego in Arcadia» — «И я [был] в Аркадии» на картине итальянского живописца Скидане и картине французского художника Пуссена и ее общее переосмысление: и я знал счастливые времена.

Стр. 429. Длинная Нанета, получившая свое прозваніе по богатырскому росту (5 фут. 8 дюймовъ)... — 5 футов 8 дюймов равны 1 м 83 см.

Стр. 429. ...имѣя у себя Геркулеса — работницу... — Геркулес — латинское имя греческого героя Геракла, прославившегося богатырской силой, могучим телосложением и многочисленными подвигами, среди которых особенно знамениты двенадцать его подвигов на службе у Эврисфея.

Стр. 434. ...за бутылкою касси... — Касси (франц. cassis) — черносмородиновая наливка.

Стр. 435. И трубочистъ въ своемъ домѣ господинъ... — У Бальзака: «И угольщик мэр в своем доме».

Стр. 440. ...изображалъ въ собственномъ лицѣ своемъ мамона, божество... — Мамона, Мамон (из древнееврейского через греческое mammonas) — бог богатства, золота и само богатство. В тексте Бальзака нет конкретного имени божества: «Не был ли он воплощением единственного современного божества, в которое верят, олицетворением могущества денег?»

Стр. 445. ..достало-бы зачернить совершенно цѣлый листъ *Монитёра*... — «Монитёр» — французская правительственная газета во времена Наполеона и Реставрации.

Стр. 449. ...чтобы скопировать лорда Байрона, на картинѣ Шантра. — Френсис Шантр (Шентри) (1782–1841) — знаменитый английский скульптор, ученик Рамзея, противник академической школы.

Стр. 453. ...это достойно *Фоблаза*... — Имя героя романа Луве де Кувре «Любовные приключения кавалера де Фобласа» (1787) стало нарицательным именем соблазнителя.

Стр. 453. ...я хотѣла сказать *Опасныя связи.* — Название эротико-психологического романа (1782) Пьера Шодерло де Лакло.

Стр. 457. ...вынь-ка изъ чемодана мой шлафрокъ. — Шлафрок (немец. der Schlafrock) — домашний халат.

Стр. 458. ...но о дѣлахъ важныхъ надобно думать по-утру, сказалъ непомню какой-то мудрецъ греческій. — У Бальзака: «...говорил не знаю какой-то греческий тупица». В греческой гномологии нет подобного выражения. Достоевский дает явную парафразу русской пословицы: утро вечера мудренее.

Стр. 460. ...куртины, обведенныя плющовою изгородью. — Куртина (фр. courtine) — отдельный участок сада, леса.

Стр. 461. ...походила на Венеру Милосскую... — Статуя богини Афродиты с острова Мелоса (одного из Кикладских островов) — величайшее произведение искусства. Датируется примерно 120 г. до н. э., хранится в Лувре.

Стр. 461. ...лобъ Фидіасова Юпитера... — Фидий (490–415 гг. до н. э.) — знаменитый афинский скульптор, работавший по бронзе, кости с золотом и мрамору. Знаменитейшее произведение Фидия, одно из семи чудес света — статуя Зевса в Олимпии — не сохранилось и известно по репликам позднеантичного искусства, отражениям на античных монетах и описанию Павсания («Описание Эллады», V, 11).

Стр. 470. ...жизнь и дружба извѣстныхъ венгерскихъ сестрицъ-близнецовъ... — Сестры-венгерки, сросшиеся ягодицами и частью ног, родились в 1701 году, описаны Бюффоном в «Естественной истории». Когда им было 7 лет, их возили по всей Европе. Показывали их и в России, где они и остались и жили в одном из петербургских монастырей до самой смерти в 1723 году.

Стр. 475. ...какъ готовятъ кофе à la Chaptal... — Граф Жан-Антуан Шапталь (1756–1832) — известный крупный ученый-медик, химик и агроном, член Академии. Способ заварки кофе «à la Chaptal» основывался на принципе нагревания с помощью специального прибора. Кофе при этом не кипел, а лишь «заваривался».

Стр. 480. Она не имѣла никакого понятія о свѣтѣ, о его вѣрованіяхъ и софизмахъ... — Софизм (греч. σοφισμα) — умная мысль, хитрость, ухищрение, обман, умышленно ложно построенное умозаключение, формально кажущееся правильным.

Стр. 484. Удивленіе, гнѣвъ, столбнякъ царя Бальтазара, при видѣ знаменитаго «Mani, Tekel, Pharés»... — Бальтасар (греч. Βαλτανσαρ) —

последний вавилонский царь. По преданию, во время осады Вавилона персидским царем Киром Вальтасар, веря в непобедимость своих богов, пировал во дворце со своими приближенными. В разгар ночного пиршества таинственной рукой были начертаны на стене слова «Мене, текел, фарес», которые, по истолкованию пророка Даниила, предвещали гибель Вавилона. Предсказание вскоре сбылось, через несколько дней Вавилон был завоеван, а Вавилонское царство разделено между персами и мидянами.

Стр. 487. ...мысль о будущности, за предѣлами нашего *requiem*... — Начальное слово католической заупокойной молитвы «Requiem aeternam dona eis, Domine, et lux perpetua luceat eis» (лат.): «Вечный покой даруй им, Господи, и вечный свет пусть светит им».

Стр. 487. Достичь *per fas et nefas* земнаго рая роскоши, тщеславныхъ наслажденій... — Per fas et nefas (лат.) — букв. «с помощью дозволенного и недозволенного богами», правдами и неправдами.

Стр. 490. ...онъ *постигъ агнца, ведомаго на закланіе*, эмблему умирающаго съ-голода. — Цитаты из книги пророка Исайи (Ис. 53 : 7) — описания раба Яхве, в котором видели прообраз молчаливого страдания и жертвы Иисуса Христа (Мк., 14 : 61). См. Ис. 53 : 7: «...яко овча на заколение ведеся и яко агнец перед стригущим его безгласен...»

Стр. 494. ...съ тою цѣлью, которая сто́ила хвоста собакѣ Альцибіадовой... — т. е. дать пищу для разговоров. Алкивиад (450–404 гг. до н. э.) — афинский политический деятель, воспитанник Перикла и ученик Сократа. Источником упомянутых у Бальзака сведений является Плутарх, который в биографии Алкивиада рассказывает следующее: «У Алкивиада была собака, удивительно красивая, которая обошлась ему в семьдесят мин, и он приказал обрубить ей хвост, служивший животному главным украшением. Друзья были недовольны его поступком и рассказывали Алкивиаду, что все жалеют собаку и бранят хозяина, но тот лишь улыбнулся в ответ и сказал: «Что ж, все складывается так, как я хочу. А я хочу, чтобы афиняне болтали именно об этом, — иначе как бы они не сказали обо мне чего-нибудь похуже» («Алкивиад», IX. Перевод С. И. Маркиша).

Стр. 499. Такъ опредѣляетъ Іеремія Бентамъ, говоря о ростовщикахъ. — Иеремия Бентам (1748–1832) — английский буржуазный правовед и моралист, проповедник нравственного утилитаризма. Объясняя своему опекуну П. А. Карепину появление больших долгов, Достоевский лукаво писал 19-го сентября 1844 года: «...не я их делал, и я не виноват, что в Петербурге процветает более чем где-нибудь коммерция, покровительствуемая Бентамом» (*Д.*, XXVIII. Кн. I. С. 98).

Стр. 508. ...какъ нѣкогда въ дѣтствѣ святые звуки, *«Venite adoremus»*, орга́на соборной ихъ церкви. — Venite adoremus (лат.) — придите, поклонимся — слова католической литургии.

Стр. 514. ...два портрета, кисти знаменитой де-Мирбель. — Г-жа де Мирбель, урожденная Лизинская (1796–1849) — известная французская портретистка, блестяще дебютировавшая в 1819 году в миниатюре портретом короля.

Стр. 520. ...вѣрилъ имъ прежде баснословно, по однимъ романамъ Августа Лафонтена. — Лафонтен Август (1759–1831) — немецкий писатель, автор семейных романов.

Стр. 520. ...стала для него идеаломъ Гётевой Маргариты, но еще непорочной, не-преступной Маргариты. — Маргарита — героиня драмы Гете «Фауст».

Стр. 521. ...поминая *недугующихъ и путешествующихъ*. — Слово «недугующихъ» добавлено Достоевским из православной молитвы.

Стр. 523. ...надѣли трауръ и слушали всѣ вмѣстѣ въ соборѣ Requiem... — Requiem (лат.) — здесь: заупокойная молитва.

Стр. 527. ...кредиторъ есть какое-то *perpetuum mobile*. — Perpetuum mobile (лат.) — вечное движение. У Бальзака: «кредитор есть разновидность маньяка».

Стр. 529. ...Театра Герцогини Орлеанской. — У Бальзака: «Театра de Madame», то есть Театра герцогини Беррийской.

Стр. 531. Такъ прошли два мѣсяца... — Ошибка Бальзака. Действие этого эпизода романа началось 17 ноября, в день рождения Евгении. Позже Бальзак сообщает, что «через три дня наступало 1-е января 1820 года», то есть речь идет о 28-м декабря 1819 года, а это значит, что прошел всего один месяц и одиннадцать дней.

Стр. 531. ...страшнѣе всѣхъ кровавыхъ эпизодовъ изъ драматической исторіи знаменитой фамиліи Атридовъ. — Судьба Атридов — убийство Агамемнона Эгисфом и Клитемнестрой, убийство Эгисфа и Клитемнестры сыном Агамемнона Орестом, безумие Ореста, посланное Эринниями, мстящими за убийство матери — изображена в трилогии великого афинского трагедиографа Эсхила (525–456 г. до н. э.) «Орестея».

Стр. 537. Клянусь *серпомъ моего отца!* — Серп по-французски «la faucille». У Бальзака — «la serpette». Достоевский перевел его «на слух»: «серпет» — «серп». На самом деле — это садовый нож.

Стр. 562. ...но *въ сердцѣ льстецъ всегда отыщетъ уголокъ*... — Реминисценцию из басни Лафонтена Достоевский переводит цитатой из басни Крылова «Ворона и лисица».

Стр. 569. ...пѣсенка, которую пѣлъ господинъ Шарль Гранде́... — У Бальзака: он напевал арию «Non piu andrai» — арию князя Альмавивы из «Свадьбы Фигаро».

Стр. 572. Священникъ удалился. — У Бальзака перед этим уходом Евгения задает вопрос: «Грех ли это — оставаться в состоянии девства, будучи замужем?» В переводе этой фразы нет, но она однозначно объясняет, почему Евгения могла бы быть «образцомъ матерей», но

«не насладилась счастіемъ быть матерью». Возможно, что это сокращение принадлежит не редакции «Репертуара и Пантеона», а Достоевскому и это его отказ от определенности мотивировки Бальзака.

Стр. 577. После слов «которая создана была быть нѣжнѣйшею супругою и не знала мужа, которая была-бы образцомъ матерей, и не насладилась счастіемъ быть матерью» во французском оригинале следовал еще один абзац: «Несколько дней как заговорили о новом для нее замужестве. Сомюрцы заняты ею и маркизом де Фруафон, родня которого начинает обступать богатую вдову, как некогда делали это Крюшо. Говорят, что Нанета и Корнуайе держат руку маркиза, но в этом нет и тени правды. Ни Нанета, ни Корнуайе не достаточно умны, чтобы понять испорченность света» (Бальзак, О. де. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. М., 1983. С. 719. Ср.: Бальзак, О. де. Собрание сочинений. М., 1933. Т. 4. С. 159–160).

Стр. 577. Далее после пропущенного абзаца следовало окончание, снятое Бальзаком во всех остальных прижизненных изданиях:

> «Любопытство, разумеется, разочаровано такой развязкой. Быть может, так всегда бывает с правдивыми развязками. Трагедии, драмы, говоря языком нашего времени, в действительности редки. Припомните предисловие. Эта история является лишь несовершенным переводом нескольких страниц из великой книги мира, забытых копировальщиками. Здесь ничего не придумано. Это произведение является скромной миниатюрой, для которой требовалось больше терпения, чем искусства. Во всяком провинциальном городе имеется свой Гранде: только Гранде из Майены или Лиля не так богат, как бывший сомюрский мэр. Возможно, что автор преувеличил какую-нибудь черту, написал плохие эскизы земных ангелов, положил слишком много или слишком мало красок на веленевую бумагу. Быть может, чрезмерно густа позолота вокруг головы его Марии; быть может, он распределил свет, не считаясь с правилами искусства; наконец, может быть, он слишком зачернил и без того черные черты своего старика, — образа вполне материального. Но не откажите в снисхождении прилежному монаху, обитающему в келье, смиренному поклоннику Rosa mundi, Марии, прекрасного образа женственности, супруги отшельника, второй Евы христиан.
>
> Если, не считаясь с критиками, он попрежнему приписывает женщине столько совершенств, значит он, еще молодой, считает женщину совершеннейшим созданием. Из рук, формировавших мир, она вышла после всех и должна поэтому чище, чем кто другой, выражать божественную мысль. Таким образом, она не взята подобно мужчине из изначального гранита, ставшего мягкой глиной в перстах Божьих; нет, извлеченная из ребра мужчины, будучи веществом податливым и мягким, она есть творение переходное от мужчины к ангелу. Итак, вы видите, что она

силына, как мужчина, и чувством своим нежно-разумна, подобно ангелу. Не для того ли соединены в ней две природы, чтобы всегда обременяла ее сердце ноша рода человеческого? Ребенок для нее не воплощает ли всего человечества?

Среди женщин Евгения Гранде останется, может быть, образом самоотвержения, брошенного в мирские бури, которые ее поглотили, подобно благородной статуе, похищенной в Греции и во время перевозки упавшей в море, где она и останется навеки невидимой.» (Бальзак, О. де Собрание сочинений. Т. 4. С. 170–171. Принадлежность перевода этого фрагмента, как и «Предисловия» не обозначена). Последний абзац остался в переводе Достоевского. Ср. с. 577.

Стр. 577. ...какъ изъ руки вдохновеннаго художника древней Греціи выходитъ божественная статуя... — В заключение романа, как и при первом описании Евгении, вновь появляется ее сравнение с античной статуей, как с высшим идеалом красоты, достойным всеобщего удивления и восторга, но обреченным в современном мире. Античная красота оттеняет и углубляет образ Евгении Гранде, которая под пером юного переводчика превратилась в идеальную христианку, а ее жизнь — в подвиг самоотверженной любви к людям и к Богу.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Д. — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990.

Ѳ. М. Д. — Достоевскій Ѳ. М. Полное собраніе сочиненій: Канонические тексты. Т. I. Петрозаводск, 1995.

А. Г. Д. — Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971.

А. М. Д. — Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992.

А. Я. П. — Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1972.

Б. — Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1976–1982.

Г. — Гоголь Н. В. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1994.

Гр. — Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1961.

Даль — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I –IV. М., 1955.

Добр. — Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1961–1964.

ЛН — Литературное наследство. Т. 86: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973.

Н. — Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений: В 15 т. Л., 1981–

П. — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1977–1979.

Ред. испр. — редакционное исправление.

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Примечания
В. Захаров. Подлинный Достоевский	5	
БѢДНЫЕ ЛЮДИ. *Романъ*	17	638
ДВОЙНИКЪ. Приключенія господина Голядкина	139	653
ГОСПОДИНЪ ПРОХАРЧИНЪ. *Разсказъ*	321	659
ЗУБОСКАЛЪ	353	662
РОМАНЪ ВЪ ДЕВЯТИ ПИСЬМАХЪ	360	664
Изъ альманаха «ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ» *<Д. Григоровичъ. Ѳ. Достоевскій>* ВСТУПЛЕНІЕ	373	664
<Д. Григоровичъ. Ѳ. Достоевскій. Н. Некрасовъ> КАКЪ ОПАСНО ПРЕДАВАТЬСЯ ЧЕСТОЛЮБИВЫМЪ СНАМЪ	377	665
ПОЛЗУНКОВЪ	399	668
ЕВГЕНІЯ ГРАНДЕ́. *Романъ г-на О. де-Бальзака*	415	669
Варианты прижизненных редакций	579	
Бѣдные люди	581	
Господинъ Прохарчинъ	604	
Примечания	607	
В. Захаров. Дебют гения	609	
Список условных сокращений	686	

Федор Михайлович Достоевский

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Канонические тексты

Том I

Редактор тома *В. Н. Захаров*

Редакторы
О. И. Гурина, А. А. Кемппи, И. И. Куроптева, О. Б. Решетникова
Компьютерная верстка
О. И. Гурина, И. И. Куроптева
Корректоры
Г. В. Борисова, Т. А. Каракан, Н. В. Мыхина, Г. Е. Пяллинен
Реставрация титульных листов *А. А. Самойленко*

В оформлении обложки использована литография Ф. Валлотона (по фотографии Н. Досса 1876 г.)

ЛР 040110. 11.10.91. Подписано в печать 14.07.95. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 43. Уч.–изд. л. 40,2.
Изд. № 124. Тираж 5000 экз. Заказ № 2150. «С».

Отпечатано с оригинал–макета, подготовленного в издательстве
Петрозаводского университета
Издательство Петрозаводского университета
185640, Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Арендное предприятие Республиканская ордена «Знак Почета»
типография им. П. Ф. Анохина
185630, Петрозаводск, ул. «Правды»